

Эвелина Куженко

*Ты услышишь
мой голос*

Annotation

«Ты услышишь мой голос» — это роман о молодых, талантливых людях, о том, как сложно бывает восхождение на вершину славы, и чего иногда эта слава стоит. Но, в первую очередь, этот роман — о любви.

Эвелина Пиженко

ТЫ УСЛЫШИШЬ МОЙ ГОЛОС

Ты услышишь мой голос в полуденном шорохе листьев,
Ты увидишь мой след на краю уходящего дня.
И в полночной тиши позабытое имя, как выстрел,
Прозвучит и напомним — такую родную — меня,

Приведёт на заброшенных нами дорог перекрёсток,
Где бесспорные истины на удивленье просты...
Где сентябрь, запоздало согрев опустевшие гнёзда,
Золотистые платья берёз будет рвать в лоскуты...

Где рассвет, второпях застыдив обнажённую рощу,
Пожалеет потом, посулив ей наряд по весне...
Где простуженно ветер вздохнёт, будто старый извозчик...
...Ты иди по любой... Все отныне дороги — ко мне.

Эвелина Пиженко

ПРОЛОГ

— Ребята! Одиннадцатый «А»! — стоя в длинном коридоре учебного заведения, женщина лет тридцати пяти, судя по всему, педагог, старалась привлечь к себе внимание группы школьников, — Не разбредаемся, говорим как можно тише, ведём себя культурно!

— Светлана Игоревна, — невысокий парнишка лет шестнадцати ехидно прищурился, — так мы ещё и не поступили в этот университет, нам культура не знакома!

— Семёнов, не паясничай, — Светлана Игоревна строго посмотрела на своего подопечного, потом махнула рукой, — впрочем, тебе и диплом университета культуры вряд ли поможет.

— А я сюда и не собираюсь поступать, — парень весело обвёл взглядом своих товарищей, — и вообще, зря вы нас сюда привезли.

— Это почему зря? — двинувшись вперёд по коридору, Светлана Игоревна на ходу оглянулась на своих учеников, — У нас по плану поездки — посещение четырёх ВУЗов. Сегодня — университет культуры и педагогический, завтра — торгово-экономический и технический университеты. Вы — выпускной класс, решайте, куда поступать через полгода.

— Лучше бы сразу в торгово-экономический поехали, — загалдели остальные парни, — или в юридический, что мы тут не видели?

— Так, тишина! — женщина повысила голос, — если Семёнов с Трушкиным не собираются поступать в университет культуры, это не значит, что остальным здесь неинтересно.

— Да кому надо?! — мальчишки дружно состроили презрительные гримасы, — Что за профессия — работник культуры?

— Здесь много профессий можно получить, начиная от библиотекаря и заканчивая юристом, — мужчина в джинсах и модном джемпере, улыбаясь, шёл навстречу группе экскурсантов, — Добрый день!

— Добрый день, — Светлана Игоревна, смутившись, поправила причёску, — мы не опоздали?

— Нет, всё нормально, — мужчина обвёл всех взглядом, — спасибо, что приехали за столько километров, чтобы посмотреть на наш ВУЗ. Идёмте, — сделав широкий жест рукой, он открыл дверь аудитории, — будем знакомиться!

Пройдя в помещение, молодые люди молча оглядывались по сторонам.

— Наташ, — добродушного вида парень, с широкими чертами лица и светлыми, волнистыми волосами, чуть приотстав от одноклассников, шепнул на ухо белокурой хорошенькой девушке, — давай, сбежим?

— Куда? — она удивлённо обернулась на него.

— Назад, в гостиницу, — парень слегка покраснел, — ну... или просто погуляем...

— Серёж, — слегка покраснев ему в ответ, девушка опустила глаза, — мы, кажется, уже не раз обсуждали...

— Ну, и что... — уже менее уверенно прошептал Сергей, — ты же знаешь, что я тебя...

— Так. Идём, — она решительно взяла его за руку и, выскользнув назад за дверь, подвела к большому окну в коридоре.

— Наташа... — было начал он, но девушка его перебила.

— Серёж, мы с тобой уже обсуждали. Я тебя тоже люблю. Но только как друга. Если тебе мало таких отношений, то...

— Я думал, что эта поездка...

— Что — поездка? — она улыбнулась ему, — Что может изменить поездка?

— Парни уже смеяться начинают, — он смущённо смотрел на неё, — Наташа...

— А ты что, с ними обсуждаешь нашу дружбу? — она удивлённо приподняла брови.

— Нет, — он грустно покачал головой, — но видно же...

— Серёжа... — девушка вздохнула, — Ну, зачем ты всё усложняешь? Мы столько лет с тобой дружим, всё было хорошо... Что с тобой случилось в последнее время?

— Это не со мной... — он грустно смотрел на неё сверху вниз, — Это с тобой...

— Со мной?! — она округлила глаза, — Что могло со мной случиться?!

— Ты... Ты стала другой.

— Какой?!

— Красивой...

— Серёжа, — она нетерпеливо перебила его, — я какой была, такой и осталась. И вообще... Идём назад, в аудиторию. В конце концов, я именно сюда собираюсь поступать летом, и мне здесь всё интересно.

— А я тебя не пущу, — парень пристально посмотрел на неё. — Я тебя никуда не отпущу.

— Серёжка, прекрати, — Наташа сердито нахмурилась и снова потянула его за руку, — идём...

* * *

— Ну, что, кому-нибудь захотелось поступить в наш университет? — экскурсия по учебному заведению закончилась, и сопровождавший школьников мужчина остановился в просторном вестибюле.

— А вот — Наташа — давно уже мечтает, — девчонки дружно обернулись на одноклассницу, смущённо стоявшую позади всех, — она у нас вообще — звезда!

— Вот как? — мужчина посмотрел на белокурую девушку, — Замечательно!

— Она у нас и певица, и на гитаре играет, — галдели девчонки, — знаменитость нашего города!

— Ну, тогда ждём в сентябре! — улыбнулся мужчина и, попрощавшись, покинул школьников.

— Да ладно вам, — Наташа махнула рукой, — девчонки, перестаньте...

— Наташка, не скромничай, — не унимались подруги, — ты ещё наш город прославишь...

— Кстати, — одна из девушек, веснушчатая, с каштановыми, волнистыми волосами, подошла поближе и приглушила голос, — здесь такие мальчики классные... Наташка, ты хоть здесь не теряйся, а то так и останешься старой девой.

— И придётся потом замуж за первого встречного выходить, — прыснули остальные девчонки, — Или за Серёгу...

— Ну, уж замуж я только по любви выйду, — Наташа смущённо улыбнулась, — и не за

первого встречного.

— Ну, если так и будешь продолжать, — веснушчатая многозначительно приподняла брови, — то придётся за первого... Вот так встанешь в коридоре: кто первым войдёт — за того и замуж...

— А что, давайте посмотрим, за кого Наташку отдадим, — подружки веселились не на шутку, — кто первым войдёт...

Воспользовавшись тем, что мальчишки о чём-то увлечённо разговаривали со Светланой Игоревной, девчонки притихли, с интересом поглядывая на входные двери...

— Да ну вас, — смеясь, Наташа отвернулась от дверей, — я даже смотреть не буду.

— Саш, ну, вот новый год отработаем, а там видно будет, — один из двух парней, вошедших в вестибюль, с похожим на синтезатор зачехлённым инструментом в руках, разговаривал по мобильному телефону, — мы с Витей сейчас в универе, а потом в музыкальный магазин поедem.

— Димыч, скажи ему, что пусть на новый ударник не рассчитывает, — второй шутливо толкнул друга локтем, — сначала мне басуху новую купим, потом Нику «фендера», а уж потом до его тарелок очередь дойдёт...

— Ой, какие мальчишки ту-у-ут... — девчонки, дружно проводили взглядом исчезнувших на лестнице парней, — Наташка, ты зря отвернулась... Тот, что первым вошёл — супер...

— Ну, вот приеду поступать — тогда и посмотрю, — Наташа озорно рассмеялась.

— Никуда ты не поедешь, — Сергей, услышав болтовню девчонок, тихо подошёл к ней, — Я автобус остановлю...

— А я на поезде, — Наташа лукаво посмотрела на товарища.

— Я и поезд остановлю...

— А я на самолёте...

— И самолёт — тоже...

— Серёжа, поздно... — подслушав их разговор, одна из одноклассниц заговорщически подошла к нему сзади, — Наташка за первого встречного замуж выйдет... А он только что прошёл навёрх...

— Она никуда не поедет, — Сергей упрямо смотрел на Наташу, — Так и передайте этому первому встречному...

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

— Смольникова Наталья Валерьевна? — маленькая, шустрая рыжая девица из студентов-старшекурсников, подрабатывающих летом в приёмной комиссии, протянула Наташе бланк анкеты, — Заполните в коридоре, потом зайдёте...

— А я уже заполняла.

— То была анкета абитуриента, а сейчас — анкета студента... вы же зачислены? — девица порылась в грудё бумаг на столе, потом, найдя нужную, утвердительно кивнула сама себе, — Ну да, зачислены... Значит, заполняем. В общежитие уже устроились?

— Спасибо, у меня есть жильё, — взяв анкету, Наташа вышла из канцелярии.

Университетский коридор гудел. Толпа молодых людей внимательно изучала вывешенные на стене списки принятых счастливиц: кто-то огорчённо отходил, так и не найдя своей фамилии, а кто-то издавал вопль радости, прочитав о зачислении. Отовсюду слышались разговоры по мобильным телефонам — восторженно-счастливые и удручённо-грустные...

— Да что за сумасшедший дом, поступают в университет культуры, а ведут себя, как дикари, — строгая дама почтенных лет пробиралась сквозь толпу, — И кого мы принимаем?..

С трудом найдя свободное пространство на одном из подоконников, Наташа заполнила анкету, непривычно для себя выводя в графе «специализация» название будущей профессии: «режиссёр театрализованных представлений».

Приняв бланк, девица в канцелярии состроила умное лицо:

— Музыкальная школа?... приветствуется, приветствуется... По классу?.. Вы графу пропустили...

— Гитара и фортепиано, — улыбнувшись, уточнила Наташа.

— Очень хорошо. Я отмечаю... Поздравляю с зачислением, ждём первого сентября, — потряхнув рыжими кудрями, важно посмотрела девица.

— Я обязательно буду, — чуть не рассмеялась Наташа и, попрощавшись, вышла из канцелярии.

* * *

Добравшись до крохотной квартирki на окраине города, в котором ей теперь предстояло жить, девушка переоделась, налила воды в пластмассовое ведро и внимательно осмотрелась. Квартира, принадлежавшая умершей в прошлом году бабушке, требовала серьёзного ремонта, но новоиспечённой студентке это было пока не под силу, поэтому всё, что она могла — это привести жилище в порядок с помощью генеральной уборки. Раньше, когда Наташа сдавала вступительные экзамены, ей было не до этого, и теперь она с энтузиазмом принялась за работу. Отодвинув диван, мокрой тряпкой собрала пыль, затем вымыла начисто пол. Заплетённая в «колосок» коса то и дело сваливалась на плечо, путалась под руками, и девушка, сняв резиновые перчатки, уложила её узлом на затылке. Задвинув диван на место, вымыла всю комнату, расстелила небольшой коврик... Вытирая пыль,

задержалась возле полки книжного шкафа: с фотографии на неё смотрела молодая красивая женщина с такими же, как у неё, белокурыми волосами и глазами цвета крепкого чая; смотрела так, как могла смотреть только она — мама...

Окончательно убравшись в квартире, Наташа набрала номер отца.

— Привет, пап. Всё хорошо, в сентябре на учёбу... Деньги? Пока хватит. Да, кое с кем уже познакомилась. А ты как? А Светлана Петровна? Ну и хорошо... Я, наверное, не приеду останусь здесь до занятий. Да нет, не заскучаю. Ну, всё, пока, позвоню завтра.

Положив телефон, подошла к раскрытому окну. Зажжённые фонари рассеивали сумерки, сползающие на город; где-то вдалеке ещё виднелся отблеск закатившегося за горизонт солнца, и бледные звёзды начинали появляться в темнеющем небе одна за другой.

Большой областной центр, куда приехала учиться Наташа, был родиной её матери, трагически погибшей около пяти лет назад. Здесь жила до недавнего времени и бабушка... Небольшой провинциальный городок, где остался отец, и где она сама родилась почти восемнадцать лет назад, по сравнению с этим огромным городом казался маленькой деревушкой. Наташе вдруг захотелось туда — в их уютный, большой дом на окраине, утопающий в рябине и сирени... Мама очень любила рябину... Наташе показалось, что она видит перед собой и свой родной дом, и рябиновые кисти, заглядывающие в окно, из которого мама вот-вот позовёт её, маленькую девочку, домой...

Через год после смерти матери отец встретил свою первую школьную любовь, и вспыхнувшие вновь чувства заглушили тоску по погибшей жене. Бросив мужа-алкоголика, Светлана Петровна вошла в Наташин дом новой хозяйкой... И дом стал чужим. Нет, падчерицу мачеха не обижала, они даже ни разу не поссорились за эти годы. Но всё теперь было по-другому. Даже занавески на окнах висели другие. Даже грядки на огороде были посажены иначе, не по-маминому, а ярко освещённые окна почему-то уже не так манили к себе по вечерам, когда девочка затемно возвращалась из музыкальной школы.

На каникулы Наташа уезжала к бабушке, в эту маленькую квартирку. Мама, добрая и ласковая, всегда незримо присутствовала между ними: бабушка напоминала Наташе мать, а сама Наташа напоминала бабушке погибшую дочь... «Женщин в нашем роду трудно спутать с другими... Карие глаза и светлые волосы, такая уж редкая порода...» — говорила бабушка, заплетая осиротевшей внучке белокурые косы... Но через несколько лет она и сама ушла из жизни. Квартира в большом городе теперь принадлежала Наташе, и, окончив школу, девушка приехала сюда учиться. Отец предлагал квартиру продать, а дочери продолжить учёбу дома, но она твёрдо решила уехать. То ли Наташа так и не приняла в душе другую женщину рядом с отцом, то ли Светлана Петровна, собственная дочь которой не пошла с матерью в новую семью, не смогла прикипеть к девочке... Но, так или иначе, расставание принесло облегчение обоим. Отец смирился, и девушка уехала.

«Спасибо тебе, бабулечка, за этот дом...» — думала она вечером, лёжа в постели.

Не спалось. Свет из прихожей мягким пучком падал на трёхстворчатый плательный шкаф с высокими антресолями. Наташа встала, открыла дверцу и достала зачехлённую гитару, которую привезла с собой.

Красивая, круглолицая девочка, Наташка сочетала в себе качества, на первый взгляд не совсем совместимые. Абсолютная самостоятельность уживалась в ней с поистине детской безответной доверчивостью, а искренняя доброжелательность — с замкнутостью... Это относилось и к внешности: у неё были длинные белые волосы и большие карие глаза... глаза цвета крепкого чая.

Она отличалась не только удивительным сочетанием цвета глаз и волос. Природа одарила её сильным и, в то же время, нежным голосом и абсолютным музыкальным слухом. Петь Наташа начала сразу же, как только научилась говорить, а играть на гитаре под маминым руководством, как только маленькие пальчики смогли смыкаться на грифе. Окончив с отличием музыкальную школу, выступала в местном доме культуры — пела и играла на гитаре. Зрители среднего возраста, те, кто ещё помнил исполнителей 70-80-х годов прошлого века, часто сравнивали её голос с голосом Агнеты Фельтског, солисткой легендарной шведской группы «ABBA». Преподаватели музыкальной школы прочили Наташе вокальную карьеру, следующим этапом которой было музыкальное училище. Но эта мечта не сбылась — в тот год погибла мама, и девочка ушла в себя, тяжело переживая утрату... Спустя какое-то время, поддавшись на уговоры руководителя художественной самодеятельности, она снова взяла в руки — теперь уже электрогитару — и запела в составе девчоночьей поп-группы. Иногда, в небольших перерывах, девочка пела под «акустику», удивляя бывалых гитаристов довольно неплохой техникой; как-то в компании одноклассников на спор сыграла слэпом, после чего окончательно завоевала уважение у мальчишек, среди которых у неё друзей было всегда больше, чем среди девчонок...

На отделение режиссуры театрализованных представлений Наташа поступала по принципу: «главное — чтобы всегда можно было найти работу, а музыка никуда не денется». Она не собиралась бросать пение и гитару, но не считала профессию певицы приемлемой для себя — в силу природной скромности. Но, скромная в жизни, на сцене Наташка преображалась, удивляя самых строгих меломанов способностью петь, что называется, «душой»... Откуда в ней, юной девушке, бралась эта выразительность, артистизм, она и сама не знала... Она просто пела, проживая в песнях маленькую жизнь своих героев. Но стоило ей сойти со сцены и положить гитару, как она снова превращалась в робкую девочку. Дипломы и почётные грамоты различных смотров и конкурсов, раньше висевшие над её письменным столом, теперь бережно хранились в заветной папке. «Гитаристочка моя», — ласково звала её бабушка...

Сняв чехол и усевшись на край разобранного дивана, девушка тихонько перебирала струны. Вспомнился выпускной... Одноклассник Сергей Шустов — робкий, влюблённый в неё давно и безнадежно... Наташа улыбнулась. Трогательный парень, такой будет любить всю жизнь. Но, несмотря на его чувства, она относилась к Серёге как к хорошему другу: ни одного поцелуя, ни одного трепетного объятия за все годы дружбы. Удивительно, но в семнадцать лет Наташа ещё ни разу не влюблялась, самое большее, на что мог рассчитывать Сергей — это на её светлую улыбку и искреннюю дружбу. Он часто встречал её с репетиций: они шли, не торопясь, по городским улицам — улыбчивый, добродушный парень с широкими чертами лица и белокурая девочка с гитарой за плечом... Иногда вместо электрогитары Наташа брала акустическую, и тогда, усевшись на лавочке, она пела Серёжке новые песни. Он восхищённо слушал, не сводя с неё влюблённых глаз. Прохожие улыбались и часто шутили по этому поводу: мода, мол, поменялась, теперь девушки парням песни поют... Их платонические отношения давно никого не удивляли, никто не подшучивал над романтическим влюблённым парнем, а завсегдатаи городского парка привыкли к этой симпатичной паре. Провалив экзамены в ВУЗ в том же областном городе, Серёжка вернулся домой. Он очень переживал Наташин отъезд, часто звонил, даже порывался снова приехать, но, напуганная его всё возрастающими пылкими чувствами, она сказала твёрдое «нет».

На вечер посвящения первокурсников кафедры искусств в студенты Дима Морозов приехал без большой охоты. Если бы не выступление в составе рок-группы «Ночной патруль», он вообще бы не посещал такие мероприятия. Но группа считалась университетским детищем, и участие было обязательным, хотя их творчество давно уже вышло за рамки простой студенческой самодеятельности, и коллектив по популярности в городе не уступал заезжим столичным «звёздам».

— Кристина, я не успел за тобой заехать, извини... — Разговаривая по телефону, Дима отошёл к краю сцены, — Мы насчёт выступлений договаривались с ребятами. Спроси у отца, если не веришь... Ну, это потом. Ты сейчас можешь сама подъехать в универ? Мы здесь отыграем и вместе поедem в «Кристалл»... да, там позже выступаем... Подъедешь? Машина в ремонте — возьми такси... А... где ты и где такси?... Ну, ладно, сморозил... я же Морозов... ну, приезжай... я уже скучаю... — последние слова он произнёс как можно тише.

— Чё, Димон, встрял сегодня? — барабанщик Сашка Говоров подмигнул Диме, — выполощет она тебе мозги за такси... Всё, всё, молчу! — Сашка шутливо поднял обе руки.

— Саш, мы договаривались: не обсуждать. — Дима строго посмотрел на друга.

Высокий, с красивыми, правильными чертами лица, Дима выделялся среди остальных музыкантов природной аристократичностью. Синие, выразительные глаза, аккуратный, с едва заметной горбинкой нос, застывшие в лёгкой полуулыбке чуть сжатые губы и густые, до плеч, тёмно-русые волосы заставляли учащённо биться не одно девичье сердце. Но, в отличие от ребят, он не спал с поклонницами и почти не употреблял алкоголь, чем вызывал ещё больший интерес у девчонок. Зная его отходчивый характер, парни часто подшучивали над его отношениями с Кристиной Лапиной, дочерью известного в городе бизнесмена Леонида Лапина. Семьи Лапиных и Морозовых были знакомы давно, с тех пор, когда Леонид ещё не был хозяином нескольких ночных клубов и развлекательных центров. И поэтому отношения между Дмитрием и Кристиной, возникшие около двух лет назад, были приняты родителями как что-то само собой разумеющееся.

Дело шло к свадьбе, обе стороны были довольны, и обстоятельства могли бы сложиться для молодых людей удачно: Дима писал музыку, а Кристина сочиняла к ним тексты, и «Ночной патруль» имел в репертуаре несколько песен этого влюблённого творческого тандема. Правда, капризная и избалованная девушка не была от этого в восторге — она негативно относилась к его участию в «Ночном патруле», считая, что Диме нужна сольная карьера певца и композитора, благо Лапин имел средства на его раскрутку. Несмотря на издержки этой профессии, ей нравилась уготованная роль жены новой эстрадной звезды и одновременно автора текстов его песен, но вкладывать деньги в пока неофициального зятя Лапин не торопился, только «прикармливал», как сам иногда говаривал в частных беседах с партнёрами по бизнесу: устраивал Димке с ребятами неплохие предпраздничные «чёсы» в своих ночных клубах, на которых они зарабатывали деньги и приобретали новых поклонников, иногда спонсировал поездки на конкурсы в рамках городской благотворительности. Университет тоже загружал работой своих знаменитых на весь город музыкантов, правда, работа эта не оплачивалась совсем, но зато группа имела репетиционную базу, студию звукозаписи и возможность сдавать зачёты «автоматом», когда вечером зачётные книжки собирались, а утром раздавались — с проставленными оценками.

На частые отлучки и разъезды преподаватели закрывали глаза: престиж вуза был превыше всего.

— Димон, смотри... да не туда... Вон туда смотри... Классная девочка?.. — Шустрый Сашка Говоров, успевающий и устанавливать барабаны на сцене, и рассматривать девчонок, глазами показывал на стайку первокурсниц.

— Где, Саня? — «басист» Витька Мазур настраивал аппарат. Услышав слова Говорова, выглянул из-за Димкиного плеча.

— Да вон, в голубом платье, видишь? Ну беленькая такая, с косой... с гитарой...

— А, ну да, ничё девочка... Димон, тебе как? Пошалил бы? — Витька толкнул Диму в бок локтем, за что тут же, в ответ, получил локтем от Димы.

— Ну, и зря... А я бы пошалил.

— Слышь, ты, шалун, ты пульт настроил? — Димка слегка треснул Витьку микрофоном по голове, — не работает...

* * *

Стоя в компании одноклассников, Наташа с интересом оглядывалась. Огромный зал центра досуга был украшен разноцветными воздушными шарами и плакатами. Студенты и студентки первых курсов кафедры искусств нарядными кучками весело собирались по периметру зала, наблюдая, как на угловой сцене четверо парней возятся с инструментами.

— Это «Ночной патруль», наша знаменитая универовская рок-группа, — невысокая, полноватая Оксана, с которой Наташа успела подружиться за несколько учебных дней, кивнула в сторону музыкантов, — Я сюда только из-за них-то учиться и пошла...

— Как это — из-за них? — удивилась Наташа.

— Ну, чтобы чаще видеть, на концертах бывать... Там парни все такие классные... Особенно вон тот, видишь? Высокий который... Это Дима Морозов, их солист... У него такой голос... Сейчас сама услышишь... В него пол города девчонок влюблены.

— А он? — Наташа лукаво улыбнулась.

— Что — он? — захлопала голубыми глазами Оксанка.

— Ну, он в кого-нибудь влюблён?

— Да есть у него девка... — Оксана неодобрительно хмыкнула, — если честно, не знаю, что он в ней нашёл... Да вон она... Видишь — в зал вошла? — подружка скосила глаза в сторону высокой, красивой черноволосой девушки в светло-голубых джинсах и белой модной блузке, которая уверенно прошла к сцене и теперь о чём-то разговаривала с наклонившимся к ней Димой, — Папаша у неё местный олигарх. Вот и все её достоинства...

— Классика жанра, — засмеялась Наташа и потянула подругу за руку, — пойдём, наши уже строятся.

— Кристин, тебе не кажется, что это разговор ни о чём? — цепляя микрофон к стойке, Дима Морозов на краю сцены вполголоса разговаривал с Кристиной Лапиной, — Что значит — надоело?

— А то и значит, — поджав пухлые губы, девушка сердито смотрела на него, — меня уже достали твои вечные выступления. Все праздники ты — на сцене, ни потанцевать, ни потусоваться.

— Ну, мы же музыканты, поэтому все праздники для нас — рабочие. Пора бы привыкнуть, — он попытался превратить ссору в шутку, — тем более, мы поём наши с тобой песни. Я вообще не понимаю тебя. Ты — автор слов, ты работаешь с музыкальным коллективом...

— Вот именно — с коллективом, — она сердито стрельнула глазами по остальным ребятам, — а я хочу работать только с тобой, как с певцом и композитором. С тобой одним, ты понимаешь?!

— Не понимаю. Я не могу бросить ребят. «Ночной патруль» — это моя жизнь...

— Я не собираюсь привыкать к такой жизни, — несмотря на то, что концерт должен был вот-вот начаться, девушка не собиралась заканчивать разговор, — тебе что, безразлично моё мнение?

— Кристина, — он присел на корточки и заговорил ещё тише, — твоё мнение мне не безразлично, но от него не может зависеть судьба группы. От него не может зависеть, состоится концерт или нет. К тому же, мы этими выступлениями зарабатываем себе на новые инструменты и даже на жизнь, если повезёт, — он секунду помолчал, потом добавил с улыбкой, — и на цветы любимым девушкам...

— Я поняла бы, если бы ты заработал на бриллиантовое кольцо, — едко парировала Кристина, — а ради цветов и твоих «патрулей» терпеть ваш дурацкий график я больше не намерена.

— Ну, что ж... — он поднялся во весь рост, — Тогда цветы отменяются.

— Как ты достал меня, Морозов, — с нескрываемой обидой произнесла девушка, — хорошо, сегодня я ещё потерплю. Но учти... терпение моё заканчивается. И не нужно говорить о том, что я снова испортила тебе настроение перед концертом. Ты мне его портишь гораздо чаще.

* * *

Первокурсники режиссёрского факультета цепочкой выстроились на сцене. Стоящие позади музыканты почти в упор лицезрели девичьи, оголённые ради такого случая, плечи. Наташа спиной почувствовала на себе чей-то нахальный взгляд и, не выдержав, обернулась. Сидящий за барабанами темноволосый, круглолицый смешливый парень не сводил тёмно-серых глаз с её точёной фигурки. «Зря сегодня заплелась, за распущенными волосами была бы как за ширмой», — подумала девушка.

После шутливо-поздравительной речи декана факультета всем новоиспечённым студентам вручили картонные медали, обёрнутые в золотистую фольгу и «удостоверения» с надписью «Первочайник». А потом Наташа взяла гитару... «Песенку первокурсника» они учили всей группой недолго, всего несколько дней, поэтому девушка очень волновалась.

— Офигеть, — тихонько произнёс Сашка, когда стоявшая прямо перед ним стройная девчонка в голубом платье, сделав несколько вступительных аккордов, запела. Нежный, чистый, хорошо поставленный голос, усиленный микрофоном, задорно летел через огромный зал. Припев студенты подхватили хором и после того, как песня затихла, ушли со сцены под аплодисменты, — О-фи-геть...

Ловко спрыгнув со ступеньки, Наташа отошла к стене. Лицо горело, мелкая волнительная дрожь никак не проходила, и девушка стояла, сцепив пальцы рук за спиной.

— А сейчас для вас поёт «Ночной патруль»! Виктор Мазур — бас-гитара... Никита Белов — соло-гитара... Александр Говоров — ударные... Дмитрий Морозов — клавишные и вокал!.. — последние слова диджея утонули в дружных овациях. Девчонки, визжа, устремились к сцене, на которой четверо парней уже готовились дать первые аккорды.

* * *

Дима Морозов понравился Наташке сразу, как только она его увидела... Он был похож на того самого прекрасного принца, о котором мечтает каждая девчонка в восемнадцать лет, а мелодичная рок-баллада, которую он исполнял, этот образ только усиливала. Длинные тёмно-русые волосы рассыпались по лицу, и Дима, перебирая руками клавиши, то и дело откидывал назад движением головы непослушные пряди. Наташе захотелось подойти поближе, но, заметив неподалёку от себя Кристину Лапину, она осталась стоять на месте, изредка бросая взгляд на девушку, которая, по словам Оксанки, была невестой Морозова. Скрестив на груди руки и глядя куда-то вниз, Кристина всем своим видом показывала, что её присутствие на этом «сборище» — чистой воды недоразумение, что вся эта студенческая тусовка её совершенно не интересует, и единственное, чего бы ей хотелось — поскорее покинуть и этот шумный зал, и этих, не её круга, молодых людей.

Спев пару вещей, «Ночной патруль» раскланялся, и их место на сцене заняли другие музыканты из студенческой самодеятельности. Спрыгнув со сцены, Дима взял Кристину за руку и вместе с остальными «патрулями» вышел из зала. Проводив грустным взглядом музыкантов, Наташа подошла к Оксанке, и они вместе затерялись в толпе танцующих сокурсников.

Вернувшись домой за полночь, поужинав и забравшись под одеяло, девушка закрыла глаза, но сон не шёл... В памяти то и дело всплывал красивый высокий парень за синтезатором... Дима Морозов...

— Ты — Наташа? А я — Елена Николаевна, но можно просто Елена, — миловидная черноглазая женщина лет сорока, с коротким «ёжиком» на голове, стремительно подойдя к Наташе в университетском коридоре, тронула девушку за локоть, — Я руководитель центра творческой молодёжи. Тебя хотят прослушать, можешь подойти к трём часам в нашу студию?

— Прослушать? Зачем? — Наташа удивлённо подняла брови.

— Это же ты пела в субботу на вечере? Ну, под гитару?..

— Ну да, я...

— Ну вот, тебя хочет видеть, а, вернее, слышать Бушман Эдуард Викторович, это музыкальный руководитель эстрадной студии центра. Придешь, он всё тебе расскажет. Не забудь — в три! — женщина так же стремительно удалилась.

В три часа Наташа осторожно открыла дверь в помещение студии. Сухощавый, небольшого роста, юркий мужчина с кудрявыми волосами широким жестом пригласил девушку войти.

— Здравствуйте, мне сказали, чтобы я пришла...

— Так-так-так... — мужчина как бы силился что-то вспомнить, — Вы — с режиссёрского... да?..

— Ну, да...

— Простите, что сразу не сообразил, загружен, знаете, по самое не хочу. Вы пели на вечере. Так?

— Так.

— Пройдёмте к инструменту. Мне понравилось ваше пение. Занимались вокалом?

— Да... В музыкальной школе занималась вокалом, пела в школьном коллективе, в доме культуры играла и пела, сольно выступала...

— Очень хорошо... очень хорошо... — мужчина, выстреливая словами как из пулемёта, открыл крышку рояля, — Я понимаю, что ваши данные проверялись не раз, тем более и профессия обязывает. Но давайте будем соблюдать протокол. Да? — и опустил руки на клавиши...

...Когда неожиданный «экзамен» был окончен, мужчина резко захлопнул крышку и обернулся к Наташе:

— Простите за не деликатный вопрос... А почему вы не пошли на вокальное отделение?

— Ну... не знаю... — Наташа замаялась, — Хотела получить настоящую профессию...

— А певица, по-вашему, не настоящая профессия? — удивлённо приподняв густые брови, спросил Эдуард Викторович.

— Ну, для меня певица звучит слишком громко...

— Это вы зря... зря... — Бушман укоризненно покачал кудрявой головой, — Я беру вас в свой эстрадный коллектив. Это очень серьёзно. Понимаете, насколько?

Наташа утвердительно кивнула, хотя не понимала ровным счётом ничего.

— В университете сплошь — таланты. На каждом факультете свои, доморощенные «звёзды», половина студентов — будущие музыканты-профессионалы. Но у меня уже сейчас всё на профессиональном уровне: гастроли, конкурсы... Поэтому выбираем лучших из лучших. Это понятно? — мужчина частил без остановок, — Многие к этому идут весь

учебный срок, но так и не доходят, остаются на уровне факультетских коллективов. А вам предлагаю сразу. Улавливаете? Жаль, конечно, что вы не с эстрадного...

— А что нужно делать? — робко спросила Наташа.

— Петь, конечно. «Киви» — неужели не слышали? Вполне раскрученный коллектив, я бы сказал — даже больше, чем раскрученный... Женский квартет. Но одна участница окончила университет, место вакантно. Девочки там, конечно, постарше... Но ничего... Ничего... Согласны?

— Согласна, — только и смогла сказать ошеломлённая Наташа.

— Ну и замечательно. Меня зовут Эдуард Викторович, я музыкальный руководитель группы. Значит, в субботу — первая репетиция, в восемнадцать ноль-ноль, прошу не опаздывать, — выпалил на одном дыхании Бушман. Когда, попрощавшись, девушка уже взялась за ручку двери, неожиданно окликнул:

— Простите... А как вас зовут?..

* * *

— Да-ты-ш-то-о-о-о-о... — глаза Оксанки округлились и увеличились до размеров пятирублёвой монеты, — Ты не перепутала?... Точно — в «Киви»?

— Ну да, точно, — Наташа не ожидала такой бурной реакции подруги на рассказанную новость.

— Ну, обалде-е-е-ть...

— А что, это правда так круто, что ли?

— Да не то слово!.. Сам Бушман предложил?

— Да, а он — кто?

— Вообще-то он с кафедры эстрадного искусства, доцент, кажется... А, может, и профессор. Композитор.

— Странно, в универе столько профессиональных факультетов по вокалу и инструментам... На каждом — свои коллективы, каждый — артист... Почему у «Киви» такой престиж?

— Ну, ты даёшь... Профессионалов много, а раскрученных — единицы. Их же почти весь город знает. Это же почти шоу-бизнес, как ты не понимаешь... Одним после учёбы — музыку преподавать, а кому-то уже дорожка на большую сцену проторена. Но даже не это главное, — Оксанка понизила голос, — главное, что эти самые «Киви» постоянно с «патрулями» вместе... По сборным солянкам, по гастролям... Очень часто пересекаются. Вот это повезло так повезло-о-о-о-о...

— Слушай, Оксан, а ты откуда все эти тонкости знаешь, учимся только третью неделю...

— Ну, я же тебе говорила... Я всё про них знаю. Я ради них и учиться пошла... — круглолицая, с любопытным взглядом светло-голубых глаз, Оксанка слегка шепелявила, от чего выглядела немного комично.

— Слушай... Ну, вот они окончат универ... А тебе ещё учиться и учиться...

— Ой, я пока об этом не думаю... Морозову ещё полтора года, остальным так же... Время есть, — смех у Оксанки был похож на звук сыплющегося гороха: такой же частый и глуховатый.

— Слушай, а пойдём ко мне ночевать? Расскажешь про них...

— А можно?

— Конечно, я же одна...

— Тогда сейчас позвоню родителям, предупрежу, — радостно воскликнула Оксанка, доставая мобильный телефон.

* * *

Вечером, поужинав, девчонки удобно расположились на широком диване.

— Слушай, а Дима Морозов, он с какого факультета? — Наташа положила подбородок на подогнутые колени, приготовившись слушать всезнающую подружку.

— Самое смешное... Морозов учится на факультете менеджмента. Говоров и Мазур — на экономическом, Белов вообще библиотечное дело изучает... Короче, чем дальше от искусства, тем больше творческого полёта, — засмеялась Оксанка.

— А девушка эта, Кристина, она — кто? — Наташа нарочито-равнодушно рассматривала свежий маникюр.

— А, никто... Дочка богатого папика. У этого папика в городе куча ночных клубов, вот он и приглашает «патрулей». Народ на них валом валит, а папик бабло зарабатывает... Да я вообще не понимаю, где Дима её подцепил?.. Обыкновенная хабалка... А он... — Оксанка мечтательно уставила в потолок светлые глаза, — Он такой классный... Я готова полы в аудиториях мыть, лишь бы видеть его каждый день...

Закусив губу, Наташа задумчиво посмотрела на подругу... «И я тоже... кажется...» — пронеслось у неё в голове.

В середине ноября парни заметили, что Дима чем-то очень расстроен. Опоздания на репетиции стали обычным делом, он перестал шутить, на все расспросы отвечал однозначно: «Всё нормально». На всех мероприятиях он теперь появлялся один, без Кристины. Ребята понимающе молчали, хотя в глубине души были рады их разрыву, девушка была им не по душе: как соавтор, она часто диктовала свои условия Диме, который, в силу характера, в большинстве случаев шёл у неё на поводу. Кристина всем своим видом старалась показать, что между нею, дочерью богатого бизнесмена, и ими, простыми музыкантами, лежит непреодолимая пропасть, исключение составляет только Дима, и его пребывание в группе — лишь временное обстоятельство.

В конце концов, поползли слухи о некоем молодом восточном красавце, зарубежном партнёре отца, с которым Кристину несколько раз видели на светских вечеринках и клубах Лапина.

* * *

— Ну, и как ты теперь будешь объясняться с Димой? — Леонид Борисович Лапин, сцепив пальцы обеих рук, исподлобья смотрел на дочь. Стоя перед огромным, в пол стены зеркалом, Кристина поправляла серёжки с крупными бриллиантами, подаренными отцом на день рождения.

— А я вообще не буду объясняться. Я ему не жена, поэтому могу делать всё, что захочу.

— Тогда не пойму, зачем ты с ним встречалась почти два года?

— Он меня любит, что же я могу поделать. — Девушка повернулась боком и, всё так же любуясь собой, разгладила на бёдрах дорогое стильное платье.

— Он тебя любит... А ты?.. Сегодня — один, завтра — другой... Ты определись, кого ты хочешь... Я не настолько богат, чтобы прикармливать всех твоих поклонников, — тон Лапина был довольно грубым, но, судя по всему, дочь мало обращала на это внимания.

— Ой, папа, ну так уж и прикармливать!

— А что, нет? Сколько денег я вложил в его группу? Микрофоны покупал? Покупал... Поездку на конкурс финансировал? Финансировал... Выступления устраивал? Устраивал... Контракт подписали до конца года, а теперь хоть разрывай, — известный своим изощрённым умом и ничего не делающий просто так, Леонид Борисович явно лукавил. Все вышеперечисленные им расходы на «Ночной Патруль» были ничем иным, как рекламным ходом во время предвыборной кампании, когда он самостоятельно баллотировался в депутаты городской Думы. Но выборы прошли для него неудачно, и вот теперь нашёлся повод сорвать злость за потраченные впустую деньги.

— Ой, папа, не начинай, не столько уж ты им и покупал. И потом, никто не заставляет тебя разрывать контракт. Пусть и дальше поют по твоим кабакам, — Кристина насмешливо улыбнулась.

— А мне оно надо?.. Я не продюсер! Я мог бы заключить контракт с кем-нибудь и попроще, и подешевле — с какой-нибудь женской группой, не очень помешанной на нравственности — публика была бы только за! Но я приглашал исключительно твоего Диму,

даже не учитывая вкусов своих посетителей! А ведь я ничего не делаю в этой жизни просто так! Я будущему зятю помогал, а не артисту, мне это их искусство до... до... — несмотря на злость, Лапин не решился выругаться при дочери, — Раскрутить можно и пугало на огороде, было бы желание. Смысл должен быть, понимаешь?.. Смысл!.. Посей на копейку — пожни на рубль! Я ему заработать давал, а теперь — будет он мне благодарен после твоих выкрутасов?.. На черта тебе сдался этот Махмуд??? — со злостью выдвинув вперёд нижнюю челюсть, Лапин сжал и без того тонкие губы.

— Мухаммед, папа, ты прекрасно знаешь его имя. И «прикармливать», как ты говоришь, его не надо. Может, мы с ним вообще уедем к нему, в Египет.

— Дура. Такая же дура, как и твоя мать! У него там пятнадцать жён, будешь шестнадцатой!

— Папа, в конце концов, это твой гость. Не надо было его к нам приглашать.

— А, может, не надо было его в постель к себе тащить? — Леонид со всей силы стукнул кулаком по столу.

— Папа, прекрати! Я давно уже взрослая, и сама решаю, как и с кем мне жить. Кстати, где сегодня поёт Морозов?

— Не знаю! Забыл! — со злостью крикнул отец.

Кристина решительно вышла в огромный холл родительского дома. Одевшись, хлопнула дверь. На улице достала телефон, набрала номер.

— Алло, Мухаммед? Я уже вышла... Да, решила пораньше, воздухом подышу... Жду тебя, солнце...

Ноябрьский снег падал огромными, мягкими хлопьями. За воротами скрипнули тормоза, и Кристина поспешила к поджидавшей её машине.

* * *

Ночной клуб «Кристалл», принадлежащий Лапину, был ещё практически пуст — несколько ранних посетителей и персонал.

— Здравствуйте, Кристина Леонидовна! Вам — как всегда? — администратор угодливо расшаркался.

— Да, Петя, как обычно...

Пройдя к стойке бара, Петя собственноручно приготовил любимый Кристинин «космополитен».

— Вы сегодня так рано, Кристина Леонидовна...

— Ну, вот так получилось, Петя, — девушка повернулась на стуле к Мухаммеду и, обворожительно улыбаясь, посмотрела ему в глаза. Что-то тихо сказав, мужчина положил руку ей на колено. В помещение вошла группа молодых людей.

— Вот и музыканты приехали, — произнёс Петя и тут же прикусил язык: «Ночной патруль» в полном составе прошеествовал к эстраде.

— Вот чёрт, — Кристина изменилась в лице, — Ну, надо же было так вляпаться...

Стараясь не смотреть в зал, девушка продолжала общаться со своим спутником. Мухаммед недвусмысленно сжал её колено, и Кристина нехотя поёжилась. Увлечение молодым бизнесменом, знакомым отца, приехавшим по коммерческим делам в Россию, изменило её планы по отношению к Диме, но публичный скандал в эти планы не входил.

«Что же делать?» — лихорадочно билась в голове мысль. Трусливо сбежать на глазах у персонала, пока их не заметил Морозов? Ну, уж нет...

Не выдержав, она повернула голову — к бару, не торопясь, шёл Дима... Пристально посмотрев бывшей невесте в глаза, бросил небрежный взгляд на Мухаммеда и обратился к бармену:

— Виски. Сто.

Терпеливо дождавшись, пока прозрачная жидкость медленно просочится в широкий стакан, Дима взял его со стойки, и, подержав несколько секунд в руках, выпил. Вытащив купюру, молча расплатился и, развернувшись, вернулся к ребятам... Персонал и немногочисленные посетители, наблюдавшие эту сцену, внутренне приготовились к скандалу, но ничего не произошло. Побледневшая Кристина вскоре увела своего спутника...

Отыграв положенное, около часу ночи музыканты сложили инструменты и уехали. Чего стоило Димке его внешнее спокойствие и способность отработать в этот вечер программу, он и сам бы не сказал... Вернувшись из клуба в студию, четверо парней не разошлись по обыкновению, а, разливая по пластиковым стаканчикам водку, молча пили, пока литровая бутылка не опустела. Глядя куда-то вперёд, Дима первым нарушил молчание:

— Есть идея новой композиции...

— О, Димыч, так с этого и надо было начинать! — слегка опьяневший Мазур развёл руки в стороны, — Чё, может, в ночник ещё сбежать?

— Я — пас... — совершенно трезвый Дима задумчиво смотрел на чёрно-белые клавиши студийного «корга», — Саш, не помнишь, мы куда-нибудь забивали текст «Он, как и я»... Ну, тот, что Кристина на прошлой неделе написала...

— Там, в «документах» где-то должен быть... — Саша удивлённо посмотрел на друга, — А тебе он зачем?

— Я же говорю, есть идея... — Дима решительно присел к синтезатору, включил и, перебирая кнопки, стал подбирать инструмент и гармонию...

— Димыч... Может, лучше за водкой сбежать? — с сомнением в голосе хохотнул Витька.

— Да всё правильно... — немногословный Никита поднялся с места, — Пойдём, покурим на улице, мужики... Димон всё правильно делает. Не мешайте.

— Ну, давай свою идею, — Сашка присел у компьютера и, поведив мышкой, воскликнул, — вот он, текст... Распечатать или пусть на мониторе висит?

— Распечатай, Саш... — Дима, окончательно настроив «корг», пробежался по клавишам, — Вот, смотри, что получается...

Три с половиной месяца учёбы, сопряжённые с частыми репетициями, дались Наташе нелегко. Время, буквально расписанное по минутам, почему-то сжималось, его не хватало катастрофически. Дополнительные занятия по вокалу и хореографии, обязательные для всех участниц группы, забирали последние свободные часы. Отношения с сокурсниками сложились довольно ровные, она ещё больше подружилась с Оксаной, которая рассказывала ей все последние университетские новости. Но в новом музыкальном коллективе девушка чувствовала себя не очень уютно, в отличие от прежней самодеятельности, где всё было намного проще. Основатель группы и автор песен, Эдуард Бушман, придумал четыре сценических образа: гитаристка, клавишница и две сильные вокалистки — «а-ля 80-е». Решив пойти проторенным путём, он, «не мудрствуя лукаво», поставил на сцене двух блондинок и двух брюнеток, поющих мелодичную поп-музыку, и не ошибся. «Киви» быстро завоевали свою, пусть и не очень большую, но всё же армию поклонников, пользуясь особенным успехом у молодых людей и мужчин среднего возраста. Пели девочки вживую, вокалистки ещё и танцевали, приводя в восторг самых капризных меломанов. Официально денег это не приносило, но зато девчонки бесплатно ездили на конкурсы — «от университета», набирая новые странички для своего портфолио. Бушман трясся над своими подопечными и контролировал каждый их шаг, что очень не нравилось девчонкам, но, несмотря на это, они всё равно умудрялись находить «халтуру», тайком от руководителя выступая на закрытых вечеринках под минусовки, которые предусмотрительно записывали у себя же в студии. Поговаривали, что иногда они зарабатывали отнюдь не музыкой, но Наташа не придавала значения слухам, тем более, что сама она «ничего такого» пока не замечала... Зачастую «кивинки» выступали на «разогреве» у «Ночного патруля», и Наташке до сих пор не верилось, что именно её пригласили в такую популярную группу.

* * *

— Привет, девчонки! — Сашка Говоров ловко запрыгнул в микроавтобус. Следом ввалились Никита с Витькой.

— Привет, мальчишки! — весело загалдели уже сидевшие в салоне «газели» девушки. Группы «Киви» и «Ночной патруль» в преддверии Нового Года отправлялись за двести километров, в один из городов области, по приглашению местной администрации. Наташа радовалась, как ребёнок, ведь это был город, в котором прошли её детство и юность, там остались отец и друзья... Занятый предпраздничными хлопотами Бушман поехать не смог, и молодёжь почувствовала свободу. Хитрые девчонки, «брюнетки» Настя и Даша — сёстры-близнецы, и Лена, вторая «блондинка» и солистка, расселись по одиночке, в надежде, что к ним подсядут парни из «Ночного патруля».

Наташа тоже сидела одна. Все уже собрались, а Димы всё ещё не было, и она начала волноваться. Она так ждала эту поездку — первое серьёзное выступление в составе группы. Все эти месяцы девушка думала о Диме Морозове, радовалась и краснела при случайных встречах на репетициях и университетских вечерах, в которых они несколько раз вместе участвовали. Но парень её не замечал — девчонка и девчонка... Впервые в жизни Наташа

серьёзно влюбилась, но Морозов казался ей таким недостижимым, что она даже не мечтала о каких — либо отношениях, а просто тихо сходила по нему с ума.

«Неужели его не будет?»

Стараясь не показывать виду, девушка сидела, отвернувшись к окну. Рядом кто-то плюхнулся на сиденье. Повернув голову, она встретилась взглядом с улыбающимся Говоровым.

— О! Знакомые всё лица... Привет! — Сашка, как всегда, был в прекрасном расположении духа.

— Привет, — с грустью в голосе ответила Наташа.

— Саня, сумку кому оставил? Забирай, у меня руки заняты! — раздался с улицы знакомый голос.

— Вот блин, — Сашка нехотя встал с кресла и выбрался на улицу. В тот же момент в салон поднялся Дима, в одной руке неся зачехлённую гитару, а в другой — чемоданчик с микрофонами.

— Можно? — Наташа молча кивнула. Кровь прилила к лицу — Дима Морозов сидел рядом! Вернувшийся в автобус Саша недовольно покосился, но молча сел на другое место. Ехать предстояло около трёх часов.

* * *

Микроавтобус, жужжа и подрагивая, шпарил по трассе. Витка с Никитой подшучивали над девчонками и друг над другом. Сашка Говоров, устроившись на последнем сиденье, спал, сдвинув на лицо кепку и закинув ноги на сваленные в одну большую общую кучу сумки и коробки с аппаратурой и костюмами. Дима тоже сидел, закрыв глаза, и казался спящим. Его густые, длинные волосы рассыпались по высокой спинке кресла. Наташа украдкой бросала на него взгляды. Желание пригладить его рассыпавшиеся волосы становилось всё сильнее, и, борясь с ним, девушка тоже закрыла глаза.

Проснулась она неожиданно, когда автобус сильно потрянуло на неровной дороге. Её голова лежала на Димкином плече. Он уже не спал, и девушке стало неловко.

— Ой, извини... — виновато произнесла Наташа.

— Да ладно, спи на здоровье, — улыбнулся парень.

— Надо было меня растолкать, — улыбнулась она ему в ответ.

— Жалко стало... — он внимательно посмотрел на неё, — Тебя Наташа зовут, кажется?

— Да...

— Меня — Дима.

— Я знаю.

— Вместо Вики поёшь? — ей показалось, что он спрашивает из вежливости.

— Ага, пою. А в школе ещё и на гитаре играла.

— Авторская песня, что ли?

— Почему? Нет, ну, я всё играю, в принципе, на акустике. А в группе на электро...

— Здорово... Обычно девчонок за клавиши сажают.

— А у нас был коллектив — одни девчонки. Как и в «Киви». Мы сначала в музыкальной школе репетировали, а потом в городском доме культуры.

— Круто!..

— Не-а, совсем не круто. В музыкалке выступали часто, там и инструмент лучше, и на конкурсы ездили, даже на гастроли... а когда в дом культуры перебрались, нас не очень-то выпускали на сцену, боялись, наверное, — засмеялась Наташа, — А инструменты — так вообще на списанном старье играли... Я из дома гитару приносила, — Наташка от волнения болтала так, как будто они с Димой были давно знакомы.

— Ну, это обычное дело. Девчонки-школьницы... Дирекция считает — и так сойдёт... А хударуку — плюс за организацию работы.

— Ну, да, так и было, — весело ответила Наташа.

— Приехали, кажется...

— Это мой родной город, — девушка вглядывалась в пейзаж за окном.

— Серьёзно? А твои в курсе, что ты едешь?

— Да, папа придёт на концерт.

— А мама? — пошутил Димка.

— Мама не придёт...

Дима хотел было ещё что-то спросить, но в это время микроавтобус подъехал к нелепому серо-зелёному зданию городского дома культуры, украшенному новогодними афишами. Наряженная, сверкающая гирляндами ёлка красовалась недалеко от центрального входа, в окружении снежных фигур Снегурочки и Деда Мороза.

Мобильник в Наташином кармане заиграл модным рингтоном.

— Да, пап, уже приехали. Сейчас выгружаться будем. Я тебя жду! Ну, конечно, и Светлану Петровну тоже. Ну, всё, давай... Не забудь, что я просила!

* * *

Гримёрку молодым артистам выделили одну на всех, и Наташа смущённо сидела, не зная, как переодеться. Парни и не думали выходить из помещения, а попросить было неловко. Несмотря на то, что гастрольная жизнь была ей знакома, такая ситуация возникла впервые... Остальные девчонки, судя по всему, привычные к походным условиям, не стесняясь, переодевались, лишь для виду «спрятавшись» за открытой дверцей шкафа и заученно призывая парней отвернуться. Парни для виду отворачивались, но тут же снова оглядывались, отпуская обычные в таких случаях шуточки...

Переодевшись, Настя, Даша и Лена пошли в туалет курить, и Наташа осталась одна с ребятами из «патруля». Немного поколебавшись, она схватила концертный костюм и бросилась вслед за девчонками, но дверь в туалетную комнату оказалась закрытой изнутри.

— Девчонки, откройте, я с вами... переоденусь...

За дверью послышалось хихиканье. Девчонки не открывали. Постояв ещё несколько минут, Наташа постучала снова, но установившаяся за дверью тишина не оставляла сомнений: открывать ей никто не собирается. До начала концерта оставалось совсем немного времени, и девушка кинулась вдоль по знакомому с детства длинному коридору, в надежде найти свободное помещение, но, как назло, все двери были закрыты... Расстроенная, Наташка отправилась назад в гримёрку...

— Ты чего ещё не переделась? — Витька сделал страшные глаза, — твои уже на сцену потопали!..

— Ой!.. А где?.. — Наташа растерянно стояла посреди комнаты.

— Где-где, здесь, конечно. Переодевайся и бегом на сцену! — белёсый, с нежным девичьим румянцем на лице, Мазур сейчас казался строгим начальником.

Спрятавшись за узенькую дверцу шкафа, девушка отчаянно сняла свитер и дрожащими руками начала натягивать концертное платье. Руки не попадали в рукава, а горло почему-то оказалось слишком узким. Догадавшись, что забыла расстегнуть молнию, снова торопливо скинула платье, но молния не расстёгивалась — её стыки оказались кем-то крепко пришитыми...

— Ножницы!.. Дайте ножницы!.. — Наташка выскочила из укрытия и кинулась к своей сумочке. Высыпав содержимое на стол, выхватила маникюрные ножницы и попыталась разрезать нитки, намертво скрепившие молнию на платье... Руки не слушались, остриё соскальзывало... Уверенная в том, что из-за неё срывается концерт, Наташа в отчаянии всплеснула руками... и только сейчас заметила, что в гримёрке установилась какая-то странная тишина... Медленно подняла голову: четверо парней, сидя вдоль стены со сложенными на груди руками и ехидно улыбаясь, внимательно следили за её усилиями... И только теперь до Наташки дошло, что она стоит посреди комнаты в джинсах и бюстгальтере, у них на виду, растерянная и перепуганная... и эти четыре ехидные рожи вот-вот разразятся смехом...

Первым не выдержал Морозов. Встав с места, он подошёл и, как ей показалось, нарочно загородив собой от остальных, взял из её рук платье. Пока он разрезал нитки и расстёгивал молнию, Наташа перекинула на грудь свои длинные волосы и стояла, скрестив руки. Оглянувшись, Дима многозначительно кивнул парням — нехотя, всё ещё улыбаясь, они покинули гримёрку.

— Спасибо, — пересохшими от смущения губами, едва слышно сказала девушка, не смея поднять глаз на своего «спасителя».

— Не за что, — подавая платье, Дима невольно окинул её взглядом с ног до головы, — одевайся. — С этими словами он вышел из помещения.

Оставшись одна, Наташа быстро переоделась, поправила макияж и выскочила в коридор. «Патрули» и остальные «кивинки» встретили девушку дружным хохотом. Наташке было и смешно, и обидно, хотелось заплакать и засмеяться одновременно.

— Да ладно, не обижайся, привыкай лучше. У музыкантов всё общее — и гримёрка, и еда, и постель... ну, и музыка, конечно... — Сашка улыбался во все тридцать два зуба.

— Девочки, готовы? Уже начинаем! — худрук дома культуры вырос как из-под земли, — На сцену!

* * *

Посмотреть на Наташу и знаменитую областную группу пришли и родные, и одноклассники: все те, кто остались после школы в городе. Пришёл на концерт и Сергей. Сидя в зрительном зале, молодой человек с грустью смотрел на подругу детства. Он и раньше приходил на её выступления, когда Наташа ещё училась в родном городе. А вот теперь она — заезжая «гастролёрка», хоть не прошло и полгода с тех пор, как она поступила в университет. Серёжка был и рад её неожиданно быстрому «взлёту», и не рад, понимая, что, возможно, это поставит последнюю точку в их чересчур неоднозначных отношениях. Если

он для неё был просто другом, товарищем по детству и юности, таким влюблённым хвостиком, то она для него значила слишком много, чтобы просто взять и принять их расставание как что-то естественное. Робкий по природе, Серёжка забывал о своих комплексах рядом с этой девочкой. За все годы их дружбы она ни разу не посмеялась над ним и не воспользовалась его чувствами, о которых прекрасно знала... Не отталкивая юношу, она просто на них не отвечала, и оба они были по-своему счастливы... Но Сергей нуждался в Наташе больше, чем она в нём, и, когда она уехала, он почувствовал себя осиротевшим... Весть о том, что Наташка приедет в родной город в составе концертной бригады, Сергея сначала обрадовала. Но потом радость сменилась грустью, ведь встреча намечалась короткой, и роль «одного из толпы друзей» показалась ему ничтожно маленькой... Он даже хотел остаться дома в этот вечер, но в последний момент всё же собрался и пришёл на концерт.

* * *

Две длинноволосые блондинки, в одной из которых Сергей узнал Наташу, стояли по центру сцены возле микрофонных стоек; ещё две девушки, удивительно похожие друг на друга: круглолицые, темноволосые, с симпатичными ямочками на щеках, находились по обе стороны от солисток. Одна была с гитарой, вторая стояла за синтезатором. Взгляд Сергея был прикован к Наташе, непривычно было видеть её на сцене без гитары, он даже испытал чувство ревности к её новому имиджу... но когда Наташа и Лена запели, мурашки побежали по коже... настолько отличалось её пение от того, что он слышал раньше. По всему было видно, что с ними занимался настоящий профессионал. Несложные на первый взгляд композиции были разложены на шикарное дуэтное исполнение на фоне бэк-вокала в исполнении сестёр-близняшек... Когда девушки танцевали во время проигрышей, Серёжка не мог оторвать взгляда от Наташи, настолько она была хороша и, в отличие от другой, более старшей вокалистки, выглядела просто озорной девчонкой.

Отработав небольшую «разогревающую» программу, «кивинки» упорхнули за кулисы. Серёга выбрался из переполненного зала и свернул в длинный коридор. За приоткрытой дверью гримёрки слышались звонкие девичьи голоса. Постучав в дверь, заглянул в комнату, выискивая взглядом Наташу. Увидев Сергея, девушка радостно бросилась навстречу.

— Серёжка, привет!

— Привет, Наташ, — лицо парня расплылось в улыбке.

— А я всё думала, придёшь или нет... Пыталась в зале знакомых разглядеть, так ничего за рампой не видно.

— Как я могу не прийти, сама ведь знаешь... — он протянул ей букет белых гвоздик.

— Ой, спаси-и-и-бо-о-о-о... — девушка бережно приняла цветы, поднесла к лицу. Девчонки за спиной притихли.

— Там ребята наши, и твои в зале, пойдёшь к ним?

— Серёж, ну конечно пойду, — Наташа засмеялась, — Подожди меня, я переоденусь и выйду. Пока «Патруль» выступает, время есть.

— А потом?..

— Потом — назад... мы же только на концерт приехали...

— Это в честь юбилея мэра всё, концерт за концертом...

— Ну, так это же хорошо, а то бы не встретились, — чмокнув Серёжку в щёку, Наташа легонько вытолкнула его в коридор, — сейчас... только переоденусь... ладно?

* * *

Уставшие после выступления, но довольные, молодые артисты попрощались со зрителями. Деньги были перечислены университету, и поэтому, чтобы не провожать ребят с пустыми руками, учитывая их юный возраст, дирекция накрыла им безалкогольный стол.

— А можно, мы всё это с собой возьмём? — лукаво поинтересовался Сашка, — а то нам ещё ехать долго... Ничё, пожуём на ходу!

Собрав угощения в коробку, парни пошли загружать аппаратуру. Освобождённый от этой обязанности Никита Белов, «по заданию партии», двинулся на поиски ближайшего гастронома с ликёро-водочным отделом.

Закинув свою сумку и пакеты с гостинцами в салон, Наташа стояла, окружённая толпой родных и друзей. Местные девчонки во все глаза смотрели на ребят из «Ночного патруля», и Лена, Настя и Даша, собравшись полукругом у автобуса, в накинутах курточках, с распущенными волосами и в сценическом макияже, негромко перебрасывались на этот счёт насмешливыми репликами... Ошеломлённая свалившейся на неё встречей, Наташка не успевала отвечать на вопросы отца и друзей... Наконец, вернулся Никита, и все артисты заняли места в автобусе.

— Наташка!.. Наташка!.. — Серёга вскочил на подножку, — Забыла?.. Твой отец передал...

— Ой, забыла!.. — снова спрыгнув на землю, она приняла из рук Сергея гитару в фирменном чехле и благодарно поцеловала в щёку, — спасибо, Серёжка!

— Наташ... — невольно обняв, он задержал её в своих объятиях, — Ты приезжай ещё...

— Хорошо! — она рассмеялась и, высвободившись из его рук, поднялась в салон, — Приеду!

— Насовсем... — парень смотрел на неё растерянно, — приезжай, Наташа...

— Пока, Серёж! Папа, пока! — помахав рукой в закрывающуюся дверь, девушка осторожно протиснулась по узкому проходу и села на свободное сиденье в конце салона. Микроавтобус медленно тронулся с места.

— Можно, я сюда свою гитару положу? — обратившись к Сашке, Наташа кивнула на сложенные в кучу инструменты.

— Давай, клади. А что за струмент? — Сашка взял её гитару, — ух ты... Фирма... Твоя что ли?

Наташа кивнула.

— Что за фирма, Саня? — Витька Мазур разливал по пластмассовым стаканчикам добытое Никитой вино, — Девочки, все, кто хочет злоупотребить, поднимаем руки...

— А можно — ноги? — хором прыснули Настя с Дашей.

— Ну, в принципе... — многозначительно окинув взглядом девичьи ножки, Мазур одобрительно кивнул, — Можно!

— «Фрамус», — уважительно сказал Сашка, аккуратно укладывая гитару. Ничё струмент, зачётный... И не дешёвый.

— Это подарок, — ответила Наташа.

— И я б от такого подарка не отказался, — подал голос Никита.

— А у меня ещё пирожки есть, — порывшись в сумке, Наташа достала пакеты с пирожками, испечёнными Светланой Петровной.

— А я-то думаю, откуда печёным пахнет, вроде на столе не было — Сашка протянул руку за пирожком.

— Ешь на здоровье... — улыбнулась Наташка.

— Короче, налетаем! — крикнул Сашка, соорудив импровизированный «стол» между сиденьями.

* * *

Ужин в салоне мчавшегося по трассе микроавтобуса был в разгаре. От выпитого вина все покраснелись, и начался весёлый студенческий балаган. Сняв куртку, Наташа поудобнее устроилась на заднем ряду и, окончательно освоившись, весело болтала с Сашкой, который явно оказывал ей знаки внимания, на которые она отвечала шутками. О розыгрыше в гримёрке Наташа старалась не вспоминать, решив, что своим смущением только воодушевит «шутников» на новые «приколы». Она только изредка смотрела на Диму, боясь признаться себе самой, что в тот момент, когда он был так близко, её сердце сладко замирало в груди...

Откуда-то из-под завалов клади Мазур извлёк акустическую гитару и ударил по струнам — разгорячённая спиртным молодёжь подхватила весёлую песню. Дима сидел молча, держа в руках пластиковый стаканчик. Он едва пригубил, и теперь просто грел вино в руках, бросая в зеркало водителя взгляды на развеселившуюся девчонку с белокурой, наскоро заплетённой косой и большими карими глазами... Девушка весело болтала с парнями, но в её поведении не было ни тени кокетства. «Интересная девочка», — подумал Дима, вспоминая, как она, полураздетая, пыталась разрезать нитки на платье...

— А можно, я сыграю? — Наташа посмотрела на Витьку шутливо-умоляюще. Парень молча отдал ей гитару. Девушка осторожно приняла инструмент и, взяв несколько пробных аккордов, заиграла перебором. Ребята в автобусе притихли... Нежно-печальная баллада лилась из-под тонких пальцев, с удивительной лёгкостью блуждающих по струнам... Дима, облокотившись о спинку, развернулся и, положив подбородок на локоть, как замороженный, смотрел на девушку. Несмотря на весёлое настроение, было в ней что-то особенное, какая-то едва заметная печаль таилась в больших красивых глазах и обаятельной полуулыбке. Ему показалось, что исчезло всё вокруг: и ребята, и девчонки, и гул автобуса... есть только она — белокурая девушка с гитарой и глазами цвета крепкого чая...

Зима подходила к концу. Тающий днём снег к ночи застывал грязными комьями, превращая дорогу в одну сплошную полосу препятствий. Но ночные заморозки снова сменялись дневным пригревом — солнце светило по-весеннему, постепенно растапливая зимние залежи. По утрам, по дороге на занятия, Наташа вдыхала слегка морозный воздух, радуясь тому, что вот-вот окончательно придёт весна. «Там и до лета не далеко... а летом я не буду видеть Диму...» — эта мысль приходила всё чаще и чаще, омрачая весеннее настроение. Они виделись ещё несколько раз после того, как вместе ездили выступать в её родной город. Приветливо кивая ему при встрече, Наташа пыталась поймать ответный взгляд, но кроме простого дружелюбия, она не могла разглядеть в нём больше ничего. Не в пример Диме, Говоров явно был к ней не равнодушен, пытаясь любыми способами обратить на себя её внимание. Отшучиваясь, Наташа думала только о Диме, незаметно вздыхая и грустя. «Ничего... впереди ещё несколько совместных выступлений», — успокаивала себя девушка, вглядываясь в толпу спешащих в университет студентов: а вдруг — он?..

Накануне восьмого марта у девчонок не было свободной минутки. Выступления на корпоративах и университетских вечерах, участия в концертах в городских домах культуры в последнюю, предпраздничную неделю шли одно за другим. Утром седьмого числа Наташе позвонил Бушман и сообщил, что Даша, гитаристка, внезапно заболела.

— Возьмёшь гитару, отыграешь хотя бы сегодня, — произнёс Эдуард Викторович так просто, будто предлагал заменить батарейку в телефоне.

— Я же ни разу не репетировала, — попыталась возразить Наташа.

— Вы кто? — Артисты, значит, форс-мажор для вас обычное дело, привыкнуть пора, — проговорил в трубку Бушман и отключился.

Выступать предстояло на базе отдыха крупного предприятия, шефствовавшего над университетом. Около шести вечера служебный автобус въехал в университетский двор, и тройка девчонок с зачехлёнными инструментами весело загрузилась в салон. К ним присоединились девушки из коллектива эстрадного танца.

— Второй рейс делаю, — молодой водитель был явно не против поболтать с симпатичными студентками, — Одних уже увёз, там аппаратуры пол автобуса нагрузили. Как их там... «Ночной патруль», кажется...

Сердце у Наташи запрыгало резиновым мячиком. Сегодня она увидит его...

* * *

Дима с удивлением уставился на сцену актового зала базы отдыха: девушка, которую он запомнил по новогодней поездке, и с которой в последнее время всё чаще встречался за кулисами концертных площадок, вышла с гитарой. Клавишница Настя задала ритм, и задорная мелодия наполнила зал. Наташка играла и пела, даже пританцовывала: никто бы не подумал, что она даже ни разу не репетировала.

— Молодец, девчонка, — уважительно произнёс Саша Говоров, — шпарит как по маслу. И смотрится классно... Такую девочку в коллектив — даже за толпу постоять, и то зачётно будет...

— Нужно подумать, — ответил Дима, которому эта идея понравилась сразу.

Концерт удался на славу: и девчонки из «Киви», и парни из «Ночного патруля» были в ударе; подтанцовка выкладывалась полностью, и Наташа пожалела, что выступление было не на большой сцене. Стоя у стены во время выступления «патрулей», она не сводила глаз с Димы, и, будто чувствуя это, он отыскивал её глазами... Ей показалось, что в этот вечер он пел только для неё.

* * *

После концерта к артистам подошёл пожилой мужчина.

— Ребята, тут такое дело... Сломался автобус. Ищем замену, но, сами понимаете, вечер предпраздничный, все водители уже за столом. Остаются два варианта — либо развезти вас на дежурных легковушках, пока есть пара трезвых человек, но тогда аппаратура останется... Либо оставить вас ночевать здесь, на базе отдыха, а утром вас увезёт другой автобус.

Девчонки без особого восторга встретили предложение остаться на ночь за городом, только Ленка, переглянувшись с Никитой, довольно кивнула.

— Давайте так: вы отвезёте четырёх девочек на одной машине, а мы останемся, тем более, что завтра аппаратуру загружать всё равно кому-то придётся, — решил выручить девчонок Дима. Но, не считая Лены, их было пятеро, и он, тронув за руку Наташу, шутливо произнёс:

— А тебе придётся остаться...

Наташка только согласно захлопала длинными ресницами... Щёки покрылись румянцем, сердце заколотилось, бросило в жар....

Отправив Настю и танцовщиц, всё тот же мужчина снова обратился к Диме:

— Ребята, а, может, поиграете нам ещё, так сказать, в нерабочей обстановке, раз уж задержались?.. Народ только разгулялся, сами понимаете... Не бесплатно, конечно, за это не беспокойтесь... А? Выручите?.. Праздник всё-таки!

— А чё, подработать никогда не помешает, — утвердительно кивнули парни.

* * *

Было уже далеко за полночь, а веселье не утихало. Накрытые в актовом зале столы были сдвинуты вдоль стен, все тосты за наступающий женский день сказаны, мужчины уже сняли пиджаки и закатали рукава праздничных рубашек, а женщины «съели» последние признаки помады. Устав играть «на заказ», музыканты наконец-то вышли на перекур.

— Так, где музыка?.. — изрядно выпившая молодая женщина, скорее всего, «из офисных», возмущённо подошла к микрофону, — за всё заплачено, будьте любезны...

Наташа, сидевшая с Леной за накрытым для музыкантов столиком, решительно встала и подошла к синтезатору. В прежней группе ей приходилось играть на клавишах, и вот теперь девушка уверенно настраивала не очень новый, но довольно навороченный «Korg».

Вернувшиеся с перекура ребята с изумлением застыли в дверях зала: нежная, трогательная «Andante» лилась по залу. Голос у девушки был настолько чистым, что даже накачанные алкоголем «гуляющие» притихли...

— Ни фи́га себе даёт... — Витя Мазур уважительно смотрел на Наташу, — Мультиинструменталистка, блин... вокалистка всех времён и народов...

* * *

После того, как последние корпоративщики разбрелись по своим номерам, молодые музыканты наконец-то сложили инструменты. Заняв выделенный парням четырёхместный номер, перенесли туда закуски и спиртное, которое, подмигнув, выставил администратор. Наскоро поужинав, Никита с Леной куда-то исчезли, и изрядно подвыпившие Говоров и Мазур завели свой обычный спор на музыкальные темы.

— Пойдём на улицу? — Дима протянул Наташе руку.

— Пойдём... — она охотно встала и, скромно опустив глаза, вместе с ним вышла на крыльцо пансионата.

После душного помещения ночной мартовский воздух казался особенно свежим. Матовые фонари с двух сторон освещали узкую аллею, ведущую дальше — в большой парк. Оставшись наедине с Димой, Наташа смущённо молчала, обхватив ладонями плечи, едва прикрытые тоненькой концертной туникой. Растерявшись от его близкого присутствия, она вдруг осознала, что не может вымолвить ни слова. Ей очень хотелось, чтобы он сделал первый шаг... потому что сама она даже под страхом смерти не смогла бы сейчас признаться ему в своих чувствах... Но, в то же время, Наташа поймала себя на мысли, что ей очень хочется его обнять... А если бы он сейчас обнял её... если бы... Но он тоже стоял молча, не сводя с неё задумчивого взгляда... Потом достал пачку сигарет, вынул две — одну для себя, другую предложил девушке.

— Не курю, — робко улыбнувшись, она подняла на него свои большие карие глаза.

— Да я тоже, в общем-то... Так иногда, под алкоголь, — Дима убрал сигареты, — Тебе не холодно?

— Нет... — едва не стуча зубами, ответила Наташа. Она быстро продрогла, но не сознавалась в этом, ей очень хотелось подольше оставаться с ним наедине...

— А, по-моему, ты совсем замёрзла, — сказал Дима и открыл перед ней дверь, — Пойдём назад, а то заболеешь.

Покорно шагнув в вестибюль, Наташка подумала, что, если бы она нравилась Диме, то он бы её сейчас обнял и согрел... Но он просто увёл её в тепло... Значит, ей всё показалось...

Вернувшись в номер к ребятам, она ещё немного посидела и засобиралась спать — девчонкам отвели соседнюю комнату. Ей очень хотелось побыть рядом с Димой, но она так устала, что глаза закрывались сами собой; выпитый фужер сухого вина стал выветриваться, и лёгкий озноб охватил всё тело. К тому же, Наташа расстроилась: мелькнувшая надежда угасла, и то, что проявлял к ней Морозов, теперь она расценивала как простую вежливость...

— Я всё-таки пойду, — Димины уговоры оказались напрасными: грустно улыбнувшись ему на прощание, Наташа взялась за ручку двери.

Витька с Сашкой всё ещё спорили, не забывая прикладываться к фирменной бутылке, и

её «Спокойной ночи», адресованное им, осталось без ответа.

...Лены в их номере ещё не было, и она, не закрываясь на ключ, разделась и легла на кровать возле стены, за которой устроился Дима. «Завтра пожалею, что не осталась...» — с этой мыслью провалилась в глубокий сон...

Проснувшись Наташка от того, что на неё кто-то грузно навалился в темноте. Попытки высвободиться ни к чему не привели: силы были явно неравны. Чья-то рука бесцеремонно шарилась под одеялом по её телу, запах перегара бил в нос, и девушка изо всех сил боролась, пытаясь увернуться и от мерзких рук, и от мерзкой, сопящей головы на подушке... Собрав последние силы, она закричала, но мужчина тут же зажал ей рот большой, грубой ладонью. Отталкивая его одной рукой, другой Наташка отчаянно заколотила в стену... Через несколько секунд дверь в соседнем номере хлопнула. Ворвавшись в комнату, Дима нащупал на стене выключатель...

* * *

— Ну, и чего ты шум подняла? — к удивлению Наташи, Лена её не поддержала, — Чего, потерпеть не могла? Ты хоть знаешь, кто это был? Ещё бы и денег сунул! Наделала переполоху... — девушка говорила сердито, так, как будто это сама Наташка натворила каких-нибудь дел, — Морозов ему по роже надавал, теперь неизвестно, чем всё закончится. До Бушмана дойдёт — всем не поздоровится, что мы тут на ночь остались, будет потом постоянно сопровождать, а оно нам надо? Мало ли что бывает, орать-то зачем? Мы тут хоть что-то зарабатываем иногда, а теперь?.. Мужик — крутой начальник, он таких, как мы, миллион найдёт песенки попеть, сговорчивых... В общем, подставила ты всех, поняла?

Заплаканная Наташа сидела в номере у парней, куда её привёл Дима после того, как спас от насильника. Самых парней не было — наступило утро, и они загружали аппаратуру в автобус. Появившийся администратор, пытаясь «уладить всё миром», не совсем уверенно объяснил девушке, что насильник — вовсе не насильник, а перепутавший апартаменты начальник отдела по связям с общественностью, которому, собственно, музыканты и должны быть благодарны за приглашение выступить и возможность заработать, и что синяк под глазом — не самый лучший выход из сложившейся ситуации, и что, если она будет настаивать на разбирательстве, то придётся снимать побои, а это уже чревато... Наташа, которая беспокоилась за Диму, пообещала администратору шума не поднимать, ей скорее хотелось покинуть это место и забыть всё, как страшный сон...

— Если утрясётся, то всем будет счастье, — перед посадкой в автобус бросила Лена, — А на будущее — у нас ломаться не принято.

— А ты?.. Тоже не ломаешься? — пристально посмотрела на неё Наташа.

— По обстоятельствам, понятно?

— А как же Никита?..

— Ты что? — Ленка расхохоталась, — ты что, думаешь, тут всё всерьёз? Или ты думаешь, что, если Мороз на тебя вчера так смотрел, то это о чём-то говорит?... да тут таких, как ты, было-было...

— При чём тут Дима... — Наташа смущённо опустила глаза.

— При том. Тут все не слепые, про то, как ты за ним бегаешь, уже пол универа в

курсе, — язвительный тон Лены не оставлял сомнений: девушка имела какие-то свои, личные причины сорвать злость на Наташе.

— Я спать ни с кем не собираюсь, даже за большие деньги...

— Ну, ты ещё скажи, что вообще ещё ни с кем...

— Знаешь, что, Лен... Пошла ты... — Наташка, едва сдерживаясь, чтобы снова не расплакаться, шагнула к подъехавшему автобусу.

* * *

Усевшись рядом с ней на сиденье, Дима всю обратную дорогу старался развеселить девушку. Но, выслушав смешную историю из гастрольной жизни, Наташа едва улыбнулась. Настроение было подавленное, на память всё время приходили события сегодняшней ночи и Ленкина неожиданная реакция... Обида смешивалась с чувством стыда, она с ужасом вспоминала, в каком виде нашёл её Дима... «А если бы он не прибежал?.. Что было бы...»

Вместе с наплывавшими неприятными чувствами какая-то болезненная ломота охватила всё тело. Стало жарко... Наташа почувствовала дикую усталость и, пока «патрули» разгружали аппаратуру возле своей студии, покинула университетский двор, с трудом дойдя до остановки маршрутного такси. Как во сне, добралась до дома, разделась и легла.

...Она не знала, сколько времени прошло с тех пор, как наступило тяжкое забытьё. Очнувшись, с трудом поднялась и прошла на кухню. Найдя в аптечке таблетки от головной боли, выпила и вернулась в комнату. Жар сменился ознобом. Закутавшись в одеяло, свернувшись клубочком и снова провалилась в болезненную дремоту. Несколько раз звонил мобильный телефон, но не было сил подняться и ответить. Звонок в дверь отозвался в голове, словно колокол... Кто-то нетерпеливо звонил, а потом раздался громкий стук... Из последних сил пройдя в прихожую, повернула замок: на пороге стоял Дима Морозов... Последнее, что ей запомнилось — его испуганные глаза... Потом всё провалилось в темноту.

Увидев бледную девушку, едва державшуюся на ногах, Дима торопливо шагнул в маленькую прихожую. Наташка пошатнулась и стала оседать на пол — он едва успел подхватить её на руки. Положив в комнате на диван, сел рядом в растерянности. Руки и лицо её были очень горячими; парень, пройдя в кухню, смочил полотенце холодной водой и, вернувшись, положил ей на лоб. Через какое-то время Наташа открыла глаза.

— Где у тебя аптечка? — спросил Дима.

— Там... в кухне... в шкафчике...

— Тут у тебя ничего от температуры нет, — порывшись в пакете с таблетками, крикнул он, — нужно скорую вызывать.

Фельдшер скорой помощи, которую, видимо, оторвали от праздничного стола, наспех осмотрев девушку, сделала ей укол и сказала, что, если температура к утру не упадёт, нужно будет вызвать участкового врача. Проводив фельдшера, Дима вернулся в комнату: после анальгина с димедролом Наташа быстро уснула. Выйдя на кухню, набрал номер матери:

— Алло, мам, я сегодня у Сашки заночую... Нет, всё нормально, просто мы с ним аранжировку делаем на новую песню... Ещё раз с праздником тебя... Ну, всё, спокойной ночи... Пока...

Потом, подумав, набрал другой номер:

— Саня, ты как?.. Соображать ещё можешь?.. Ну, чё, чё... Праздник всё же... — Дима засмеялся, — Тут такое дело... Если вдруг матушка тебе позвонит, я у тебя. Не забудешь? Где... Где надо... Ладно, потом. Ну, всё, давай... Празднуй дальше.

Вернувшись в комнату, парень присел возле спящей девушки... Белая домашняя туника прикрывала стройные ножки намного выше колена, и Дима нехотя отвёл взгляд. Положил руку на горячий лоб... потом провёл ладонью по болезненно-пунцовой щеке... Поправил длинные рассыпавшиеся волосы... Пальцы скользнули по нежной коже шеи... плечу... предплечью... кисти... Взяв её ладошку в свою ладонь, долго смотрел на Наташку... Потом встал и, укрыв её одеялом, выключил свет.

* * *

Проснувшись на следующее утро, Наташа осторожно поднялась с постели и удивлённо застыла: в кресле, положив ноги на журнальный столик, спал Дима... Стараясь не шуметь, девушка прошла в ванную. Температура была ещё довольно высокой, но кризис, видимо, миновал, и она смогла умыться и расчесать волосы. Истратив на это все силы, накинула на себя шёлковый халатик и вернулась в комнату. Дима пошевелился, потом сладко потянулся, опустив ноги на пол.

— Ну, что, живая? — парень улыбнулся и встал с кресла.

— Почти, — слабо улыбнулась в ответ девушка, — как ты меня нашёл?

— Ну, это не проблема: позвонил Бушману, у него все координаты есть. Лучше спроси, как я до тебя достучался.

— Я почти ничего не помню...

— Ты в автобусе гитару забыла. Я привёз...

- Спасибо.
- Ты ложись... Я сейчас чайник поставлю.
- Тебе домой надо, наверное...
- Ну, вот кофе попью, и поеду...

* * *

Убедившись, что девушка чувствует себя лучше, Дима уехал домой. Весь день Наташа отвечала на звонки: звонил перепуганный её вчерашним молчанием отец, звонил Сергей, звонила Оксанка, даже Эдуард Викторович, неизвестно откуда узнавший о её болезни, поинтересовался здоровьем. Молчали только девчонки из «Киви».

Сама Наташа только и думала о том, что Дима всю ночь провёл рядом с ней, в одной комнате... Эта мысль волновала и огорчала одновременно — он так и ушёл, ничего ей не сказав... Значит, ей точно всё показалось...

Раздавшийся вечером звонок в дверь застал её врасплох: разобрав постель, она уже собиралась ложиться спать. Второпях накинула халатик и, включив в прихожей свет, повернула замок... На пороге стоял Дима с букетом хризантем.

— Привет...

— Привет... Проходи, — с плохо скрываемой радостью произнесла Наташа.

— С прошедшим праздником тебя, — он протянул ей цветы.

— Спасибо... — она поднесла букет к лицу, глубоко вдохнула, потом снова подняла на него большие карие глаза, — Проходи, раздевайся...

— Ну, как ты? — повесив куртку на вешалку, он близко подошёл к ней.

— Уже нормально. Сама не знаю, что со мной было...

— Ну, вот, видишь... — он пристально посмотрел ей в глаза.

— Спасибо тебе. В последнее время ты только меня и спасаешь...

Приблизившись вплотную, Дима взял её за плечи и, наклонившись, осторожно поцеловал. Опустив безвольно руки, Наташка закрыла глаза... Сердце забилося часто-часто, горячая волна захлестнула грудь снизу вверх, до подбородка... Когда он привлёк её к себе, подалась навстречу, не сопротивляясь охватившему сладко-щемящему чувству. Она так давно хотела оказаться в его объятиях, что не сомневалась ни на минуту, правильно ли делает... Внезапно он подхватил её на руки и, как в прошлый вечер, шагнул в комнату... Осторожно положив на постель, присел рядом — она доверчиво смотрела в его синие-пресиние глаза... Наклонившись, тихонько прикоснулся губами к её губам... Наконец, не сдержавшись, припал к ним горячо... надолго...

...Уже теряя над собой контроль, Дима вдруг поймал себя на мысли, что девушка совсем не умеет целоваться. С трудом оторвавшись от её губ, не сказал, скорее выдавил против воли:

— Если скажешь, я уйду...

— Нет... — робко обвив руками его шею, Наташа едва покачала головой и снова

закрыла глаза.

* * *

Проснулась она рано, как будто не спала вовсе. Встала с постели и, бросив взгляд на простыню, торопливо накрыла её одеялом... Снова сладко защемило в груди — прошедшая ночь промелькнула в голове... Накинула на себя лёгкий шёлковый халатик... На кухне Дима разговаривал по телефону:

— Мам, прости, что не предупредил... Да, я опять у Сашки ночевал, музыку писали... Мобильник сел, только сейчас на зарядку поставил...

Дождавшись, пока он закончит разговор с матерью, Наташа вышла на кухню и сразу очутилась в ласковых руках. Подхватив девушку, он вернулся с ней в комнату.

— Ку-уда, вставать приказа не было...

— Так прикажи... — она смущённо улыбнулась. Щёки слегка порозовели... Несмотря на проведённую в его объятиях ночь, она всё ещё очень робко дотронулась руками до его плеч.

— А кофе в постель? Я чайник поставил.

— Он уже кипит...

— У тебя такие глаза...

— Заспанные?..

— Нет... как омут... Печальный омут чайного цвета...

— Нагородил...

— Утонул...

— Чайник...

— Ещё не кипит...

— Или уже... не кипит...

Выключить чайник они всё же успели, когда воды оставалось совсем на доньшке.

В обед Дима уехал домой — по воле судьбы, он не ночевал дома уже три ночи подряд, заезжая лишь для того, чтобы принять душ, переодеться и показаться на глаза своим родителям. Оставшись одна, Наташка не знала, куда себя деть. Переполнявшие чувства мешали сосредоточиться, ощущение счастья, свалившееся как снежный ком, заволокло, облепило с ног до головы... Всё, что дремало в ней до сих пор, проснулось в одночасье. Она ни на минуту не пожалела о том, что произошло сегодня ночью, начиная с первых в её жизни мужских объятий... Она даже не думала о том, что с ней будет дальше... что с ними будет дальше, придёт ли он к ней снова или забудет навсегда. Она совершенно не думала об этом, погружённая в сладкие воспоминания... Закрыв глаза, она в мельчайших подробностях вспоминала каждое прикосновение его настойчивых, но удивительно ласковых рук и губ... «Тебе больно?» — выдохнул он, осыпая её лицо поцелуями, когда она негромко вскрикнула. — «Нет...» — едва слышно прошептала Наташа, полностью растворяясь в неведомых ей до сей поры чувствах и ощущениях.

Он звонил без конца... Она даже не могла бы передать, о чём они разговаривали: что-то

незначительное, какие-то, ни о чём не говорящие фразы... Счастливая улыбка весь день не сходила с её лица...

Когда вечером Дима снова появился у неё на пороге, уже сама бросилась к нему и, подхваченная его сильными руками, горячо ответила на поцелуй...

— Оба-на... — удивлённо вытаращился куливший на улице Говоров, когда, подъехав к студии, Дима вышел из машины, — Димыч, ты даром время не теряешь...

— В смысле? — Дима вопросительно посмотрел на друга, — Не понял...

— Это кто с тобой? — Сашка кивнул на переднее пассажирское сиденье, — Наташка, что ли, из «Киви»?

— Ну, да, Наташа, — Дима шагнул на ступеньку, ведущую в подвал, Сашка двинулся следом, — мы на минутку, я флэшку свою забыл.

— Ты чё, решил чуть-чуть развлечься? — каким-то нарочито-равнодушным тоном поинтересовался Говоров, — или просто по пути подвёз?

— Много будешь знать... Ну, дальше тебе известно, — Дима засмеялся, — Ты ещё долго тут будешь? Может, тебя подвезти?

— Вообще-то, уходить собирался, так что подвези.

— Ну, сейчас, заодно ещё зарядное заберу от ноутбука, заменить надо... — Дима полез в ящик стола, — Как дела после праздников?

— Да ничё... за неделю всё разрулилось... — Сашка стоял, засунув руки в карманы, — А ты мне восьмого звонил, чтобы я тебя перед матушкой отмазал, типа... Это ты где тогда ночевал? У Наташки, что ли?

— Саня, много вопросов, — Дима подошёл к дверям, — давай, собирайся, я в машине подожду.

Посмотрев исподлобья вслед другу, Говоров неторопливо оделся и, выключив аппаратуру и свет, вышел из студии. Заперев дверь на ключ, повернулся и, бросив взгляд на Димкин автомобиль, изменился в лице: Дима с девушкой целовались в салоне. Усевшись на заднее сиденье, Сашка со всей силы хлопнул дверью. Сидевшая впереди Димины спутница обернулась к нему. Он не ошибся — это была Наташа, белокурая девушка с красивыми карими глазами, которую он заметил ещё тогда, осенью, на университетском вечере; та, которой он оказывал знаки внимания при каждой встрече на совместных выступлениях. Правда, она не отвечала ему взаимностью, только шутила в ответ. Но она была одна, и он не торопил события. Теперь получалось, что Дима его опередил.

— Привет! — Наташа дружелюбно улыбнулась Сашке.

— Привет, — пробурчал он ей в ответ.

— Привет, — в тон им пошутил Дима, — тебе куда?

— Домой... Хотел ещё в музыкальный салон попасть, да не успею.

— А чего, давай завезу, — Дима посмотрел на него в зеркало, — ещё семи нет, успеем...

— Да ты и так уже везде успел... — тихо произнёс Саша.

— Чего ты там бубнишь себе под нос? — настроение у Димы было хорошее, — Я не понял.

— Говорю, в следующий раз, — уже громче сказал Сашка, — домой поехали.

Дверь в репетиционную студию Лена открыла изящным носочком модного сапожка. Швырнула на стол сумочку, разделась, посмотрелась в запylённое зеркало в углу. Сёстры Даша и Настя, как по команде, поворачивали головы, следя за её передвижениями. Не было сомнений — девушка была чем-то раздражена.

— Смольниковой ещё не было?

— Не было... Без десяти ещё... — посмотрела на часы Настя.

— Хоть бы она вообще не приходила... — как бы про себя, произнесла Лена.

— А что случилось-то? — эти слова девчонки произнесли одновременно.

— А ничего, — тон девушки становился нервическим, — вас устраивает, как мы работаем в последнее время? Меня — нет, и я скажу об этом Бушману.

— Может, ты сначала нам расскажешь? — проверяя микрофон, произнесла в него Настя.

— А что, сами не видите?! За последний месяц ни одного выступления, нас приглашать перестали, а почему?

— Праздники-то того... тью-тью, при чём тут Наташка, — попыталась успокоить подругу Даша.

Лена села на старый диван, перекочевавший в студию из чьей-то квартиры, закинула ногу на ногу.

— В субботу на шефской базе отдыха был грандиозный тусняк. Знаете, кто выступал? Кошкина и Мельничук с эстрадного. А нас не позвали...

— Да ладно тебе, Лен. Не позвали — в другой раз позовут... Куда они от нас, — Даша многозначительно засмеялась.

— Уже не позовут.

— Почему так думаешь?

— Да из-за этой малолетки... Сука... Я так и знала, что так будет...

— Чё случилось-то, можешь нормально рассказать? — Даша села напротив Лены.

— Чё-чё... Когда мы седьмого там остались ночевать, к ней Боровский полез, прямо в постель...

— Да ты чё... и чё?.. — Даша и Настя с любопытством смотрели на Лену.

— А ничё... Эта дура визг подняла на весь пансионат. Морозов Боровскому «финиш» поставил... В общем, скандал получился. Замяли, правда, но Боровский никогда ничего не забывает, к тому же свидетелей его позора было слишком много... — Лена ухмыльнулась, — Короче, нас туда больше не позовут.

— Да-а-а... прощай, редкий заработок... — Даша вздохнула, — С новенькими всегда проблемы...

— Маленькая ещё, — беззаботно подала голос Настя.

— Маленькая... — с сарказмом выдавила из себя Ленка, — Вы в курсе, что эта маленькая с Морозовым спит?

— Кто?! Смольникова?! С Морозовым?! — Глаза Насти округлились, — Ты откуда знаешь?

— Уже все знают. Тих-хоня, блин...

— Да уж... А тебе кто-то сказал, или сама видела? — не унималась Настя.

— И видела, и слышала... Никита сказал... Да и догадаться нетрудно — она раньше с репетиций на остановку шла... А теперь — в соседний корпус, в подвал, к «патрулям» в студию. А оттуда они уже вместе к ней домой отправляются — дальше... репетировать...

— Ой... Точно... Я ещё как-то подумала — чего это она в другую сторону теперь хо... — Даша не успела закончить фразу: дверь открылась и в студию вбежала Наташа. На ходу снимая короткую курточку с меховой опушкой, бросила взгляд на настенные часы, весело-виновато обратилась к девчонкам:

— Опоздала! Извиняюсь, больше не буду!

— Да, кстати, — Лена сделала вид, что не заметила появления Наташки, обращаясь исключительно к Даше и Насте, — Бушман отправил заявку в какой-то крутой московский продюсерский центр — там конкурс эстрадного вокала будет осенью. Нужно бабки искать. Что-то как всегда профинансируют... А что-то, как всегда — нет... Так что денежки будут нужны.

— А сколько нужно будет денег? — Наташа повесила курточку на вешалку, подошла к девчонкам.

— Представь себе, очень много, — Лена, наконец-то, «заметила» опоздавшую.

— А... если не будет такой суммы? Тогда — что?

— Ничего. Поедут те, у кого будет. Ну, что, начинаем? — Лена взяла микрофон, привычно проверила, — Раз... два... три-четыре-пять... вышел зайчик погулять...

Анна Сергеевна Морозова была из породы тех женщин, возраст которых не определяется даже вооружённым глазом — тридцать пять на все времена... Жена бывшего военного, а ныне бизнесмена средней руки Александра Морозова, сама она работала завучем в элитном лицее и в своём кругу слыла строгой воспитательницей юных папенькиных сынков и дочек. Своему единственному сыну Анна и Александр постарались дать хорошее образование. Интерес к музыке Димка начал проявлять ещё в раннем детстве, к тому же очень хорошо пел, поэтому музыкальная школа, а затем и училище по классу фортепьяно и вокала были ему обеспечены. Анна Сергеевна видела сына студентом консерватории, но, когда на последнем курсе училища Димка и его трое друзей организовали рок-группу, его собственные планы относительно музыки поменялись. Ребята сами писали тексты, делали аранжировки и очень быстро выделились среди других «рокеров».

После окончания школы, когда Диме и Сашке и Витьке исполнилось по восемнадцать лет, она не стали «косить» от армии, а сами, добровольно, пришли в военкомат. Правда, этот ответственный шаг имел под собой определённый смысл: пользуясь старыми связями, Морозов-старший «устроил» им срочную службу в родном городе, на которой они занимались своим обычным делом — музыкой, пока Никита, который был на год старше, но имел отвод от службы, временно работал с другой группой.

В университет культуры поступали всё так же вместе, правда, специальности решили выбрать не совсем творческие — в жизни всё могло пригодиться. В первый год учёбы репетировали, где придётся, но к концу курса осмелели и пришли к небезызвестному Эдуарду Викторовичу Бушману с просьбой выставить их выступление от университета на городском смотре вузовских талантов. Бушман не отказал, и, когда «Ночной патруль» взял первое место в номинации «рок-коллектив», выбил им небольшую каморку в подвальном помещении под репетиционную студию, автоматически обязав при этом быть «визитной карточкой» учебного заведения. Вычистив помещение от мусора и перетащив туда свою аппаратуру, ребята были на седьмом небе от счастья. После занятий, зачастую до самой ночи, в подвале рождались новые тексты и мелодии... А иногда, подметая ранним утром территорию, дворник мог видеть Сашку или Витьку, выходящими из студии с очередной поклонницей.

Димка с Никитой в подвал поклонниц не водили — Никита встречался с Леной, а у Димы была Кристина...

Димкины родители нехотя приняли его увлечение рок-музыкой, в надежде, что «авось надоест», но, к их удивлению, Димке «не надоело», напротив, ребята за несколько лет стали настоящими профессионалами и со временем стали зарабатывать какие-то деньги: выручали ночные клубы, выступления «на заказ» и платные танцполы. К тому же, близкие отношения с Кристиной и их совместное песенное творчество служило залогом помощи её отца — Леонида Лапина.

— Аня, дорогая, здравствуй! — школьный товарищ Александра Морозова, Леонид Лапин, удобно устроился с телефоном в огромном кожаном кресле.

— Лёня, здравствуй, дорогой, вот не поверишь, только сегодня с Сашей о тебе вспоминали! — Анна Сергеевна машинально поправила причёску перед зеркалом.

— Что ты говоришь! Не забыли, значит, не забыли...

— Ну, что ты, Лёнечка, кто же друзей забывает... — Анна неслышно усмехнулась: после разрыва Кристины и Димы семьи Морозовых и Лапиных какое-то время почти не общались — одним было неловко, другим — обидно, — Как сам, как Мила, Кристина?

— Всё нормально... И я, и Мила... Кристина вот только...

— Что такое? — Анна Сергеевна улыбнулась уголком красиво очерченных дорогой помадой губ. После измены Кристины она переживала за сына, но Дима достойно перенёс расставание с любимой девушкой, и теперь Анна Сергеевна с чувством удовлетворения поняла, что у дочери Лапина что-то не клеится в жизни.

— Аня, я хотел бы с тобой поговорить, с глазу на глаз... Ты как, не против?

— Лёня, ну, конечно, мог бы и не спрашивать... Приезжай к нам.

— Лучше, я за тобой заеду, посидим где-нибудь, по старой памяти... А? — Лапин засмеялся. Анна Сергеевна слегка смутилась... Когда-то, много лет назад, между ней и Леонидом вспыхнула взаимная и далеко не безобидная симпатия, едва не переросшая в более серьёзное чувство, но, к счастью для обеих семей, их «лав стори» быстро закончилась. И вот теперь Лапин зачем-то явно намекал на те недолгие любовные отношения, которые их когда-то связывали...

— Ну-у-у... Хорошо... Заезжай, я тебя жду...

* * *

Небольшой ресторанчик, в который Лапин привёз Анну, встретил их уютной, даже интимной обстановкой. Сделав заказ, Леонид Борисович с улыбкой пристально посмотрел на свою спутницу:

— Помнишь, Аня, как когда-то... вот в таком же ресторанчике...

— Лёнечка... Что было, то было... Ты ведь не об этом хотел поговорить? — в ответ улыбнулась Анна Сергеевна.

— Да, Аня... Не об этом... — Лапин вдруг посерьёзнел, — это всё приятные воспоминания... Дела давно минувших дней... А вот дела сегодняшние совсем другого толка.

— Я внимательно слушаю тебя, Лёнечка...

— У меня с Кристиной проблемы, Аня, и я к тебе сейчас обращаюсь как отец... Помогите.

— Лёня, ты знаешь, мы с Сашей всегда готовы помочь... Но чем?

— Аня, в том-то и дело, что ни Саша, ни Мила не должны ничего знать. Тут, чем меньше народу знает, тем лучше.

— Да что случилось-то, объясни! — с беспокойством произнесла Анна.

— Понимаешь, она, конечно, виновата перед Димкой... Связалась с этим Мухаммедом... Но я был против, Аня, клянусь чем хочешь! — Лапин прижал руку к сердцу, — Да разве они нас слушают?.. В общем, Мухаммед этот свалил благополучно в свой Египет, Кристинка сначала ему всё звонила... а потом, видимо, он ей что-то такое сказал...

Ну, короче, нервный срыв у девчонки...

— Да что-то на Кристину не похоже, — с сомнением в голосе произнесла Анна.

— Вот и я так думал, а оно вот как вышло... Таблеток наглоталась каких-то...

— Лёня, ты меня прости, конечно... но ты сейчас не про свою дочь рассказываешь.

— Про свою, Анечка... про свою... Кое-как успокоилась... А недавно она призналась Миле, что жалеет, что с Димкой порвала, что поняла, что любит его, что ошиблась... Молодёжь, ну что с них взять?.. Ветер в голове.

Слегка опустив голову, Анна Сергеевна искоса посмотрела на Леонида Борисовича:

— Лёня... а чем я-то могу помочь твоему горю?

— Анечка... ты — замечательная мать... Дима тебя уважает и даже слушает, это такая редкость в наше время. Может, ты как-нибудь поговоришь с ним... Ну, ты — женщина, и сама знаешь, какие нужно найти слова... Ну, может, не всё потеряно? Он же порядочный парень у вас... Может, и он Кристинку не забыл...

— Ну, в этом ты прав, Лёничка, Дима очень порядочный. Но, ты же сам понимаешь, это дело сугубо личное, давить на него я не могу.

— И не надо! Аня, не надо! Ты просто заведи разговор... Ну, что мы, враги своим детям? Ему сколько осталось учиться? Год? А потом — что?..

— Ну, что... ты же знаешь, как музыкантам нынче пробиваться... — Анна Сергеевна, глядя в бокал с вином, многозначительно сдвинула узкие бровки.

— А я о чём? — подхватил Лапин, — Или самому пробиваться, или иметь хорошего спонсора... А? Тем более, у них есть общие интересы, их песни весь город распевает! А можно раскрутить так, что будет петь вся страна. Ты же знаешь, Аня, я ради Кристины ничего не пожалею, — Леонид Борисович недвусмысленно достал кредитку, рассчитался за обед. Он, действительно, очень любил единственную дочь и не обманывал Анну Сергеевну. Единственное, о чём он предпочёл умолчать — то, что после неудачного романа, закончившегося абортom, Кристина пристрастилась к алкоголю. Уговоры не действовали, девушка каждый вечер проводила в обществе бутылки мартини, а то и более крепких напитков, и отец был готов на любые действия, лишь бы уберечь её от алкоголизма... За известие о том, что Кристина всё ещё любит Диму Морозова, Леонид ухватился как утопающий за соломинку.

— Знаешь, Лёня... А я, пожалуй, поговорю с Димой... — Анна Сергеевна задумчиво обводила ложечкой рисунок на скатерти, — всё, что от меня зависит, я сделаю...

— Аня... Я тебе очень благодарен... Ты не представляешь... Только пусть это будет наш с тобой секрет... Ни Миле, ни Саше не будем говорить, хорошо?

— Я поняла тебя, Лёня... Не будем...

— Наташка, прикинь, что про тебя говорят, — увидев вошедшую в аудиторию Наташу, Оксанка с ходу вытаращила свои любопытные глаза, — обалдеть можно!

— Про меня? — уже догадываясь, о чём хочет выпытать подружка, Наташа закусила губу.

— Ага, — взгляд Оксанки становился всё пытливее, — не то слово, что говорят. Весь универ гудит!

— О чём? — старательно пряча улыбку, Наташа подогнула ногу и пристально рассматривала набойку на высоком каблучке сапожка.

— Прикинь? Типа, ты с Морозовым... ну, это...

— Ну, что? — улыбка таки озарила лицо, — Что — это?

— Ну, то... — веснушки подтянулись вместе с поехавшими вверх бровями, — Наташка... Правда?!

— Правда, — смущённо пожав плечом, Наташа опустила взгляд, — если ты имеешь в виду, что мы встречаемся.

— И ты... и ты мне не сказала?! — взгляд из пытливого превратился в обиженный, — Ну, ты даёшь...

— Оксан, мы совсем недавно встречаемся, я сама ещё поверить не могу... А тебе я уже собиралась рассказать, — Наташа заглянула подружке в глаза, — правда...

— А как?! Как у вас всё это... ну, ты понимаешь...

— Не знаю, — Наташа улыбнулась, — всё спонтанно получилось. Я в автобусе гитару забыла, а Дима мне её привёз. Ну, и...

— И — что?!

— И — всё... С этого всё и началось. Нет, конечно, началось раньше... Он мне давно уже нравился. Оказалось, что я ему — тоже.

— Слушаа-а-ай... А у вас, что... всё уже было? — Оксанка не сводила с Наташи своих, величиной с чайные блюдца, глаз, — просто, девчонки говорят, что видели, как вы утром на его машине вместе на занятия приехали. Он что... ночевал у тебя?

— Да, — просто ответила Наташа.

— Слуша-а-ай... А ты не боишься?

— Чего?

— Ну, что он тебя возьмёт, и бросит...

— Боюсь... — Наташка вдруг грустно опустила глаза, — Знаешь, Оксан... Я Диму очень люблю.

— А он?.. Он тебе что-нибудь такое говорил? — затаив дыхание, подружка ждала ответа, — Ну, хоть вслух говорил, что ты ему там нравишься, и всё такое? Или это — только твои догадки?

— Говорил... — Наташа снова улыбнулась, улыбка на этот раз получилась тёплая.

— А что хоть говорил-то? — от нетерпения тон Оксанки становился похожим на тон строгой старшей сестры, — Ой, Наташка... Ты вот такая доверчивая-а-а-а... Хотя, с другой стороны, первый секс с таким парнем хоть запомнится, даже если он и несерьёзно...

— Почему — несерьёзно? — Наташа снова подняла счастливые глаза.

— Ну, так, я и спрашиваю... Он тебе хоть что-то сказал?! — нотки ревности не

укрылись от Наташкиного слуха.

— Сказал...

— Ну, так что сказал-то?!

— Сказал, что он меня любит.

— И ты ему веришь?

— Верю.

* * *

Вот уже два с половиной месяца они встречались вечерами после занятий и репетиций и ехали на окраину города, в маленькую квартирку на третьем этаже старой пятиэтажки. Это были самые счастливые вечера... Впервые за много лет после смерти матери Наташа почувствовала родное тепло и отошла душой. Она растворилась в своей любви к Диме, выросла в него. Она так любила, когда он, удобно устроившись на диване и положив голову ей на колени, что-то интересно рассказывал, а сама в это время перебирала его длинные густые волосы и смотрела на него своими большими, печальными, любящими глазами. Сам же Дима не мог бы теперь сказать, когда именно эта нежная, белокурая девочка с глазами цвета крепкого чая вдруг ворвалась в его жизнь, стала её огромной частью... В ту ночь, когда она с высокой температурой спала у себя в комнате, а он сидел рядом, щупал её горячую ладонь и смотрел на неё, такую беспомощную?.. Или это подсознательно произошло ещё тогда, когда он впервые увидел её на университетском вечере — в голубом платье, с гитарой...

Ночевать Дима оставался редко, и, засыпая в его объятиях, Наташа каждый раз ощущала необыкновенный душевный покой, который давала ей его любовь... А в том, что это именно любовь, она не усомнилась ни разу — настолько искренним и бережным было его к ней отношение... Его родители ничего не знали о ней, а ехать знакомиться, как предлагал Дима, Наташка отказывалась. Ей казалось, что мать не одобрит его выбор, и тогда появится трещина в отношениях... Поэтому она, как могла, оттягивала знакомство. Ну, что может сказать мать талантливого, перспективного, обеспеченного молодого человека, который выбрал себе девушку далеко не богатую, без связей и нужных родственников, обыкновенную студентку-первокурсницу? О том, что она сама очень талантлива, Наташа даже не задумывалась. Она так дорожила своим хрупким счастьем, что боялась всего, что могло бы это счастье хоть как-нибудь нарушить. Каким-то десятым чувством она заранее ощущала неприязнь строгой аристократичной женщины к себе... Диме о своих страхах она не говорила, придумывая тысячу причин, чтобы отложить визит к нему домой.

* * *

— Ну, всё, я побежал, — оторвавшись от её губ, Дима нехотя разжал объятия, — пока, Наташка...

— Пока... — ещё на несколько секунд прижавшись щекой к его груди, она тоже нехотя отстранилась и теперь грустно смотрела на него, стоя в своей маленькой прихожей.

— Наташ... — он задержался в дверях, — ты что, плачешь?

— Мне всегда так тяжело расставаться с тобой, — она украдкой смахнула слезинку со

щетки, — ладно, Дим, не обращай внимания... Всё хорошо.

— Знаешь... — вернувшись, он снова обнял её, — Мне тоже всегда тяжело уходить от тебя. И я бы с радостью остался с тобой навсегда. Но для этого нужно познакомиться с родителями... а ты не соглашаешься. Они меня не поймут, если я просто так возьму и уйду из дома, не объяснив ничего и не показав, к кому я уйду.

— Я... я пока не могу...

— Ну, почему?!

— Дима... Не знаю... — она грустно вздохнула, — Ладно, беги... Уже поздно.

— До завтра, — он ласково улыбнулся, — Только не плачь, хорошо?

— Хорошо...

Закрыв за ним дверь, она прошла в комнату и сразу прилегла на постель. Его подушка всё ещё была смята, и Наташка, вздохнув, обняла её и закрыла глаза. Внезапно прозвучавший телефонный звонок заставил вновь подняться — решив, что это звонит Дима, она, пряча улыбку, нажала клавишу, даже не посмотрев на номер.

— Да! — сердце радостно застучало в груди, — Если ты что-то забыл, то возвращайся прямо сейчас... Завтра я тебе ничего не отдам!

— Здравствуй, Наташа, — знакомый голос перебил её тихий, счастливый смех.

— Серёжка.... — она смутилась от неожиданности, — Здравствуй. Извини, я думала, это...

— Я боялся, что разбужу тебя...

— Я не сплю, — она зачем-то натянула на колени подол короткой домашней туники, — А ты почему так поздно звонишь? Что-то случилось?

— Нет, — его голос показался ей печальным, — Просто очень захотелось услышать тебя.

— Ну, как ты? — он смущения Наташа не знала, о чём говорить со школьным товарищем, — Ты давно не звонил.

— Нормально, — он вздохнул, — Ты мне вообще не звонишь.

— Ты прости меня, — она говорила искренне, — я, в самом деле, очень загружена. До трёх занятия, потом репетиции. Домой возвращаемся поздно... — она вдруг запнулась, поняв, что чуть не выдала свою тайну.

— Возвращаетесь? — Сергей тоже замолчал на какое-то время, — Ты с кем-то живёшь?

— Нет, я живу одна, — она снова смутилась, — я имела в виду девчонок, с которыми выступаю...

— Понятно, — Сергей ещё раз вздохнул, — Наташа, я хочу к тебе приехать.

— Зачем? — пересохшими от волнения губами спросила она.

— Я хочу тебя увидеть.

— Нет! — она почти вскрикнула, — Не нужно...

— Почему? — он спросил очень тихо, но она слышала.

— Серёжа... ты не приезжай ко мне... Я сама скоро приеду домой, и мы увидимся... Хорошо?

— Когда ты приедешь?

— Как только сдам экзамены за первый курс.

— Ты, правда, приедешь?

- Да...
- Я буду ждать...

Положив телефон, она ещё какое-то время сидела на краю дивана. Потом, скользнув взглядом по постели, снова легла, уткнувшись в Димкину подушку, и закрыла глаза.

* * *

Едва не проспав утром на занятия, Наташа долго не могла найти ключ от квартиры: его не было ни на туалетном столике, ни на полочке возле зеркала, ни в её курточке. Догадавшись, что Дима машинально положил его себе в карман, когда вчера открывал замок, она выскочила на лестничную площадку и захлопнула дверь.

Решив по дороге позвонить Диме, она с ужасом обнаружила, что вчера забыла поставить телефон на подзарядку — разрядившись, тот угрюмо смотрел на неё чёрным экраном... Время поджимало, и Наташа еле успела на первую пару. Не услышав, по обыкновению, Димкиного звонка, она грустно сидела в аудитории, подперев лицо ладошкой и переживая не столько за то, что у неё нет ключа от квартиры, а сколько за то, что так и не услышала с утра Диминого голоса...

— Ух ты-ы-ы... — уставившись куда-то поверх Наташиной головы, Оксанка вытаращила свои любопытные глаза, — Смотри, кто пришёл...

— Кто? — в поисках зарядного устройства Наташа перетряхивала свою сумочку, но, оглянувшись, вся засияла: в дверях стоял Дима. Увидев её, он тоже радостно улыбнулся, — Ой, Димка... — кинувшись к нему, она забыла обо всём на свете...

— Я всё утро не мог до тебя дозвониться, — обняв за плечи, он вывел её в коридор под пристальными взглядами её сокурсников, — уже не знал, что думать, еле пару досидел.

— Я телефон зарядить забыла... — Наташа смотрела на него с такой любовью, что ему казалось, что он видит в её глазах своё отражение.

Убедившись, что с ней всё в порядке, Дима вернулся в свой корпус. Проводив его, Наташа вдруг вспомнила, что, договариваясь о встрече вечером, она совсем забыла спросить его про ключ. Решив, что будет повод зайти за ним после занятий, она еле дождалась окончания учёбы. Боясь, что он успеет уйти из своей аудитории, она пулей пролетела несколько этажей, надземный переход и очень длинный коридор в здании, где находился его факультет. Судя по тому, что за дверью ещё слышался голос преподавателя, а в коридоре было довольно пусто, учёба ещё продолжалась, и Наташа в ожидании прогуливалась по коридору. Неожиданно двери открылись, и толпа студентов четвёртого курса факультета менеджмента буквально вывалилась из своей аудитории. Наташа не успела вернуться и теперь с отчаянием, издалека пыталась взглядом отыскать в толпе Диму. Подумав, что пропустила его, кинулась вперёд, но, заглянув в помещение, увидела в окружении нескольких сокурсниц — те оживлённо, наперебой, о чём-то ему рассказывали.

— Ладно, девчонки, побегу, — Дима поднялся с места, но одна из девушек, шутливо

навалившись ему на плечи, усадила назад.

— Слушай, Морозов, так нечестно! — девушка явно заигрывала с Димкой, — Мы за четыре года учёбы тебя почти не видели. Ты то на гастролях, то на репетициях... Мне девчонки из нашего дома завидуют, что я с тобой в одной группе учусь, а я тебя вижу раз в год!

— Да ладно тебе, Тань, — засмеялся Дима, — раз в год — это уже перебор. Да и на гастроли мы не так часто ездим. По городу только выступаем и по району.

— Не знаем, Дима, где ты пропадаешь, а видим мы тебя мало, — галдели девчонки, — одна Ленка тебя часто видит, и то потому, что выступаете вместе.

— Так в чём же дело? Поступайте в «Киви»! — ещё одна попытка встать закончилась неудачей — девушки все навалились на Диму, громко хохоча, — Девчонки!.. Мне, правда, нужно идти...

— Так, Морозов, — нехотя выпустив его из рук, теперь девчонки встали плотным кольцом, — не забывай, что ты нас обещал в кафе сводить...

— Обязательно свожу, — теперь он старался вырваться из окружения, — как только время будет.

— У тебя времени должен быть вагон, подруги у тебя сейчас нет, чем ты на досуге занимаешься-то?

— Всё-то вы знаете, — смеялся Дима, тщетно пытаясь вырваться.

— А что, уже есть? Кого-то нашёл?! — девчонки снова кучей налетели на него.

— Девчонки, всё... — вырываясь из девичьих объятий, он бросил взгляд на входную дверь: Наташа молча наблюдала их возню. Заметив, что Димка увидел её, развернулась и быстро пошла прочь. — Наташа, подожди!

Девушки, отвлечённые появлением незнакомки, невольно выпустив его на свободу, с любопытством ринулись к дверям, за которыми исчез Морозов.

Бросившись за Наташкой, он догнал её в коридоре и, не дав сказать ни слова, подхватил, как ребёнка, на руки.

— Ты унёс ключ, — она обиженно заморгала длинными ресницами, — я домой не смогу попасть.

— А зачем тебе ключ? — он хитро улыбнулся, — всё равно мы вместе к тебе поедem...

— А... — она замялась, не зная, что сказать, — а-а-а... может, я сейчас хочу домой съездить?

— Не хочешь, — ей показалось, что даже его глаза смеются, — у тебя сейчас репетиция начнётся.

— Просто я очень хотела тебя увидеть, — обвив руками его шею, она грустно улыбнулась в ответ.

— Правда? — он опустил её на пол и притронулся губами к волосам.

— Правда... Ну, и заодно узнать, у тебя ли ключ... Вдруг я его потеряла?

— Может, пора сделать второй? — он пристально посмотрел на неё, — Наташ?

— А ты хочешь?..

— Хочу. Только сначала познакомлю тебя с родителями.

— Нет!

— Да!

— Только не сегодня...

Вечером, после репетиции, Дима как обычно, усадил её в свою машину и, проехав пару кварталов, неожиданно свернул с привычного маршрута.

— Куда мы едем? — она доверчиво улыбнулась.

— Ко мне...

— Дима... Нет!.. — улыбка сошла с лица девушки, сменившись лёгким испугом, — Давай в другой раз...

— Не бойся... Когда-то ведь нужно знакомиться с родителями, правда?

— Дим, я такая растрёпанная... Давай заедем ко мне, я хоть переоденусь...

— Если мы заедем к тебе, то уже никуда не пойдём... — он многозначительно улыбнулся, — а мне очень не хочется расставаться с тобой каждый вечер. Понимаешь... — тон его стал серьёзным, — у меня замечательные родители, ты увидишь сама... Я не люблю их обманывать, хотя вот приходилось. И, чтобы не обманывать их больше, мы сейчас пойдём знакомиться...

— А ты их предупредил, что...

— Не-а... Сюрприз будет. Наташка, хватит уже бояться. Тем более, что приехали...

* * *

Услышав звонок, Анна Сергеевна поспешила в прихожую. Посмотревшись в большое зеркало, поправила на груди дорогой халат. Открыв дверь и впусив сына с незнакомой девушкой, укоризненно всплеснула руками:

— Дима, ты почему не предупредил, что у нас будут гости? Я не одета, и вообще... Мы, вроде, с тобой как-то обсуждали вопрос — ты не должен приводить домой своих поклонниц.

— Мама, это не поклонница, — Дима рассмеялся, — Это Наташа.

— Наташа? Вот как? — женщина с нескрываемым удивлением взглянула на перепуганную девушку.

— Наташ, а это — моя мама, Анна Сергеевна.

— Здравствуйте... — Наташка была готова сбежать от пронзительного взгляда Анны.

— Значит, я ошиблась? Но это только потому, что Наташа ничем не отличается от остальных юных девочек, которые визжат на ваших концертах, — Анна насмешливо посмотрела на девушку, потом перевела взгляд на сына.

— Наташа отличается абсолютно от всех юных девочек, — улыбнувшись, Дима старался разрядить обстановку, — Наташа — это моя девушка. И мы пришли знакомиться.

— Ну, что ж, — поджав губы, процедила Анна, — считайте, что познакомились.

— Мам, ну, что ты так официально, мы вообще-то есть хотим!

— Ну... да, конечно... всё найдёшь на кухне... — тон матери был слегка неприязненным и нервным, — А я... Я сегодня очень занята, поэтому не смогу составить вам компанию. А с вами, Наташа, я сразу же прощаюсь. Всего хорошего, — Анна Сергеевна пошла в комнату, но в дверях снова обернулась:

— Да, Дима, когда будете уходить, свет в прихожей не выключаешь, папа скоро должен вернуться. И сам потом не задерживайся, ты мне сегодня будешь нужен.

Проводив мать удивлённым взглядом, Дима попытался пошутить:

— Ну, вот, вечно с этим родителями проблемы. Пойдём тогда ужинать.

— Дима, я не хочу. Ты не обижайся, ладно? Я домой пойду.

— А кто тебя отпустит? — Дима попытался обнять девушку, но она увернулась, — Наташка, я голодный, пойдём...

— Я пойду домой.

Распахнув незапертую дверь, Наташа выскочила на лестничную клетку. Слёзы навернулись на глаза: всё произошло именно так, как она себе и представляла. Она даже не удивилась холодному приёму, она просто почувствовала надвигающуюся беду...

Дима догнал её на лестнице. Ему было неловко перед ней за поведение матери, он не знал, как себя вести и что говорить.

— Наташ, ты не обижайся на маму, она и в самом деле очень занята! Я виноват, что не предупредил, иначе бы она была готова...

— Димочка... не надо ничего говорить... Я знала, что так будет...

— Ну, откуда ты могла знать? Даже я не знал...

— Дима... иди домой...

— Я без тебя никуда не пойду.

— Пойдёшь. Дима, я так хочу.

— Но я-то не хочу! Тогда мы сейчас поедem к тебе... Наташа, — парень резко повернул девушку к себе, — я тебя очень люблю... Очень. И, что бы ни случилось, я буду всегда с тобой...

— Не нужно ничего говорить... Я хочу остаться одна...

— Я тебя одну не оставляю...

— Нет!.. — вырвавшись из его рук, Наташа быстро перебежала через дорогу и запрыгнула в маршрутное такси. Он тут же набрал её номер. «Абонент временно недоступен...» — она так и не зарядила свой телефон... Сел в машину, поехал следом за маршруткой, но потом, нажав на газ, обогнал и помчался на окраину города... Поднявшись на третий этаж, подошёл к двери в её квартиру... присел прямо на пол, обхватив руками колени...

Она появилась через четверть часа. Молча поднявшись ей навстречу, Дима вошёл следом в прихожую. Наташа заговорила первая:

— Дима, мне очень тяжело сейчас... Ты иди домой. Поверь, это не каприз, не обида... Я просто не могу — так... — она тяжело вздохнула, — Когда не стало мамы, я думала, мы с отцом будем самыми близкими, самыми родными... А он через год нашёл другую женщину. Я не стала его с ней делить, я просто отдала папу ей... Понимаешь, я — такая... А он практически забыл обо мне... он перестал со мной общаться, как раньше... Мне было так одиноко без мамы, а он не замечал. Но я видела, что ему хорошо... И радовалась за него... А потом и совсем уехала. Я знаю, что нельзя человека насильно держать возле себя, если кто-то этого не хочет. Я не понравилась твоей маме... Но она — твоя мама... Я не смогу бороться с ней... Я не борец, Дима... Поэтому я сейчас не могу тебе ничего сказать...

— Наташка...

— Молчи... Иди... Пожалуйста... — девушка распахнула дверь. Когда Дима вышел, повернула ключ и горько заплакала... Ей казалось, что огромная чёрная туча окутала над ней пространство, нависла над головой, предвещая скорые горести и печали...

Поднявшись в квартиру, Дима решительно вошёл в комнату матери. Лёжа на огромной кровати, та с кем-то разговаривала по телефону.

— Мам, давай поговорим.

— Прости, дорогая. Димочка пришёл, я позже перезвоню... — Отложив телефон, Анна встала, — Давай поговорим...

— Зачем ты так с Наташкой? Вы даже не познакомились...

— Дима, даже не познакомившись, я всё узнала об этой девушке. Мне не нужно читать родословную, чтобы понять, барышня это или крестьянка.

— Ну, и что ты поняла?

— Я поняла достаточно, чтобы сделать вывод, что тебе не стоит растрачиваться на лёгкие отношения. Это не твой уровень!

— Всё серьезнее, чем ты думаешь, мама, — Дима старался говорить как можно спокойнее, — что касается уровня, то тут ты тоже очень ошибаешься. Наташа — очень талантливая, у неё уникальный голос, и не её вина, что она жила в маленьком городке, где нет возможностей творческого развития.

— Ну, конечно, — Анна всплеснула руками, — теперь ты занимаешься её творческим развитием? А кто тогда займётся твоим, Дима? Ещё не хватало, чтобы ты посвятил себя чужому таланту... Даже думать не смей! У тебя свой талант требует дальнейшего продвижения...

— Мама, мы сейчас не о том говорим...

— Дима, ты умный мальчик и сам всё прекрасно понимаешь, — Анна Сергеевна смягчила тон, — дело даже не в Наташе. Может, она и хорошая, и достойная, и всё такое... Дело в тебе. В твоём будущем.

— Я своего будущего без Наташки не вижу...

— Теперь я понимаю, у какого Саши ты пропадаешь ночами. Я права?.. А, между тем, у вас странным образом сорвался сольный концерт во Дворце молодёжи... Вы не поехали на фестиваль в Екатеринбург... Эти последние полгода вы с вашим «патрулем» только и мотаетесь по городу и области по солянкам и ни одного серьёзного выступления... У тебя ни одной новой песни, насколько мне известно...

— Не вижу связи.

— Связи??? А связь прямая. Вчера я разговаривала с Леонидом Борисовичем. Он, как и я, переживает за твоё будущее.

— С какой это стати Кристинин отец переживает за моё будущее? Пусть за Кристину переживает...

— Дима, не прикидывайся. Ты прекрасно знаешь, что именно от Леонида зависела и зависит раскрутка твоей группы. Но мне плевать на группу. Он может раскрутить тебя, ты прекрасно знаешь, что ему это — раз плюнуть. Ты вот-вот получишь диплом... Может, ты собрался музыку преподавать?! Или в клубе железнодорожников на балалайке играть? — голос Анны стал металлическим, — Ты мне скажи, как ты себе представляешь дальнейшую жизнь без поддержки нужных людей?

— Я не совсем понимаю, что ты хочешь сказать.

— А тут и понимать нечего. Мы разговаривали с Леонидом. Кристина хочет с тобой

помириться. Она любит тебя... Это была ошибка с её стороны, и она сейчас очень переживает... — разнервничавшись не на шутку, Анна неожиданно для себя раскрыла карты.

— Ах, вот оно что, — Дима застыл на месте, засунув руки в карманы, — поздно она переживать начала... А вы, значит, с дядь Лёней за меня уже всё решили. Я мирюсь с Кристиной и еду в Екатеринбург?..

— Не только. Лёня готов вложить в тебя столько денег, сколько понадобится, чтобы сделать тебя звездой. Но не ради тебя самого, а ради Кристины... И в этом нет ничего обидного, — Анна прошла вглубь спальни, потом, резко повернувшись, снова всплеснула руками, — А как ты хотел построить карьеру?.. Других способов пока не придумали... Тебя ждёт известность, популярность, благополучие... Но только рядом с Кристиной. А ты приводишь какую-то Наташу.

— Мама, ты хоть понимаешь, о чём ты говоришь?! С Кристиной нас ничего не связывает, у меня нет к ней претензий, но и любви тоже нет. Видимо, и не было... Я люблю другую девушку, мама...

— Я надеюсь, ты это сказал сгоряча... — Анна в упор посмотрела на сына ледяным взглядом.

Хлопнула входная дверь. Дима решительным шагом вышел из комнаты матери и в прихожей встретился с отцом. Ничего не сказав, выскочил на улицу и сел в машину. С трудом пересилив желание рвануть с места, набрал Наташин номер, но телефон девушки был отключен. Посидев с полчаса, нехотя вернулся домой и закрылся в своей комнате.

Наташка не спала всю ночь — неудачное знакомство с Диминой матерью оставило саднящую царапину на душе. Ей казалось, что она до сих пор чувствует на себе неприязненный взгляд этой красивой, ухоженной женщины, слышит её неприветливый голос. Каким-то десятым чувством она уловила дисгармонию сущностей — своей и Анны Сергеевны, и дисгармония эта была непоправима. Она только и думала о том, как поведёт себя Дима в этой ситуации — разговор с матерью был неизбежен, и Наташа боялась, что он, как послушный сын, изменит своё отношение к ней... Впрочем, его ссоры с матерью она тоже боялась, не желая быть причиной конфликта между ними. Она промучилась до утра и, совершенно растерянная и разбитая, отправилась на консультацию в университет.

Просидев два часа с отрешёнными от предмета мыслями, как во сне, вышла из здания, но не поехала домой, а отправилась к соседнему корпусу, где учился Дима. Летняя сессия началась, студенты посещали университет по свободному графику, и она не знала, где он сейчас. Побродив немного по небольшому скверу, присела на лавочку недалеко от входа, достала мобильный телефон и только теперь вспомнила, что, расстроившись, она его снова так и не зарядила. Ей очень хотелось услышать Димкин голос... Понимая, что он ни в чём не виноват, теперь она корила себя, что повела себя так по-детски, глупо... Она вдруг осознала, что все её прежние страхи — ничто по сравнению со страхом потерять его навсегда.

Опустив взгляд, Наташка заметила невесть откуда взявшуюся божью коровку, мирно ползущую по кисти руки. Заглядевшись, перевернула руку: красное, в чёрную крапинку, насекомое, слегка щекоча, устремилось в центр ладони. Разглядывая непрощенную гостью, девушка не обратила внимания на проходившего мимо Говорова.

— Привет! — казалось, Сашку ещё никто и никогда ещё не видел без улыбки.

— Привет, — Наташка обрадовалась неожиданной встрече: Саша был самым близким другом Димы.

— Димку ждёшь?

— Ага... — Наташка кивнула, — Ты его не видел?

— Не-а... А чего не позвонишь?

— Мобильник сел.

— Давай я вызвоню... — Сашка полез в карман за телефоном.

— Нет, не надо... — Наташа замотала головой, — я подожду...

— Он, наверное, в студии, сходи туда. Ладно, Наташа, побежал я. Завтра зачёт, надо хоть книжку в руках подержать, — взяв на прощание её за руку, Саша слегка сжал девичью ладошку и, ненадолго задержав, нехотя отпустил... Посмотрев в её грустные глаза, резко развернулся и пошёл прочь.

Кивнув Сашке на прощание, Наташа посмотрела на свою ладонь. Видимо, решив передохнуть, насекомое замерло в руке... Аккуратно пересадив божью коровку на лист ярко-жёлтого цветка, девушка встала и нерешительно направилась к помещению студии «патрулей». Тяжёлая металлическая дверь была распахнута; осторожно ступая по каменным ступеням, Наташа спустилась вниз и тихонько вошла в небольшую комнату, уставленную аппаратурой и старой мебелью. Если с колонками и усилителями всё было предельно ясно,

то чёрный кожаный диван, судя по всему, играл немаловажную роль в личной жизни музыкантов и их поклонниц. За стеклянной дверью, ведущей в тон-зал, стены которого были обиты старыми дорожками, виднелась ударная установка, несколько стоящих вдоль стен гитар и синтезатор; с потолка свисал большой микрофон для звукозаписи.

Дима сидел в наушниках за компьютером, спиной к двери, вытянув ноги и скрестив руки на груди. На включенном экране светилась заставка. На звук шагов парень не обернулся, и Наташе показалось, что он задремал. Приблизившись, она робко положила ему на плечи тёплые ладони... Как будто зная, кто это, он взял её руку и тихонько потянул... Обойдя стул, она опустилась к нему на колени, обняла, прижалась щекой к голове... Непрошенные слёзы потекли ручьём.

— Дим... Я не могу без тебя...

Сняв наушники, он взял её лицо в ладони... Слегка тронул губами мягкие, тёплые губы... Скользнув рукой вниз по телу, прикоснулся к нежной коже на едва заметной ложбинке вдоль спины под лёгкой блузкой... крепко прижал к себе.

— Я тоже не могу без тебя, Наташа...

На лестнице послышались шаги — кто-то спускался в подвал. Трое парней лет восемнадцати, с причёсками под «эмо», удивлённо застыли в дверях.

— Дима, мы чё — рано?.. или уже поздно? — невысокий юноша в модных зелёных брюках и жёлтом свитшоте не скрывал изрядную долю ехидства. Парни как по команде захихикали.

— Может их того... в угол отвезти — чтобы не мешались? — подал голос долговязый парень в потёртых джинсах и полосатом джемпере, намекая на стул на колёсиках.

— Или на улицу... Пусть зажимаются на свежем воздухе... — третий хотел ещё что-то добавить, но, увидев Димкин кулак, сменил тон на нарочито-серьёзный:

— Понял... понял...

— Пойдём? — шепнул Дима.

— Пойдём, — шепнула она в ответ и, откинув назад косу, нехотя поднялась с его колен.

В дверях Дима обратился к долговязому:

— Макс, ключи потом отдашь Витьке.

— Как обычно, Дима... Давай, спасибо тебе.

— Удачи, — Димка сделал рукой жест, и, взяв Наташку за запястье, вышел с ней на улицу. Майское солнце светило совсем по-летнему, лёгкий ветер едва шевелил свежую листву на деревьях большого университетского двора.

Повернув ключ зажигания, Дима завёл свой старенький «фольксваген», доставшийся ему пару лет назад от отца, купившего себе новую машину. Откинувшись на подголовник, Наташа не сводила с него влюблённых глаз. Улыбнувшись ей в ответ, Дима тронул с места.

— А эти ребята — они кто? — спросила Наташа.

— А, эти... Тот, что длинный — Мазура брат, они там своё что-то затевают, просят иногда поиграть в студию. Вот, пускаем... Борзые, конечно... Да ладно.

— А мы с девчонками работу нашли на всё лето.

— Что за работа? Ты не говорила.

— На увеселительных мероприятиях выступать через одно агентство. Сегодня только всё решилось, мне Настя позвонила.

— Так вы и так выступаете.

— Ну, через агентство лучше: заказы каждую неделю обещают, и оплата вроде неплохая. Правда, репертуар по желанию заказчика, но ничего, если что — под минусы отработаем. Они только нас будут приглашать.

— А что за агентство? Смотрите, а то пригласят куда-нибудь...

— Я не знаю, Ленка договаривалась. Да всё нормально будет, Дим... Всё равно деньги нужны. А тут и практика заодно.

— Что ещё за практика? — Димка нахмурил брови.

— По специальности, я же будущий постановщик увеселительных мероприятий, — Наташка весело засмеялась.

— Не очень мне это нравится, честно говоря. И вообще, твоё участие в «Киви» мне тоже не очень нравится. А Бушман в курсе?

— Нет, а зачем? Мы же не от универа будем петь, от себя.

— Вот это и плохо... — тон Димы стал совсем серьёзным, — Лучше ты со мной будешь, хорошо? Мы ведь тоже летом по заказам выступаем.

— У вас мне никто не заплатит.

— Я тебе буду половину своих отдавать. Зато вместе...

— Дим, а давай, я везде успею, а? — Наташка окончательно развеселилась, — И со своими попою... И с твоими попою...

— Шустрая какая... — улыбнулся Дима, — Не забывай ещё про городские мероприятия, артистка. Послезавтра в районе выступаешь, не забыла?

— Не-а...

* * *

— Дим... Ты на меня очень обиделся? — в то же вечер, сидя у него на коленях в своей маленькой квартирке, Наташа ладошкой виновато приглаживала его тёмно-русые волосы, — Очень, да?

— Когда? — Дима с удивлением посмотрел на неё, — С чего ты взяла?

— Вчера...

— А что у нас было вчера?

— Просто я так боюсь тебя потерять... что веду себя глупо...

— Ну, это называется женская логика, — едва сдерживая улыбку, Дима откинул голову на спинку кресла, в котором сидел.

— А ты... ты так хорошо с ней знаком? — с ноткой грусти в голосе спросила Наташка.

— Я читал, — рассмеялся Дима.

— И... много?... читал?... — обняв его за шею, она смотрела в синие глаза, — Признавайся...

— А если не признаюсь? — он ласково улыбнулся, — Что тогда?

— А тогда... а тогда вот что... — она тихонько прикоснулась губами к его губам, — И вот что... — поцеловала его ещё раз, — И вот... — прильнув к нему после очередного поцелуя, спросила со вздохом, — Ты сейчас уйдёшь, да?..

Зарываясь лицом в её распущенные волосы, он крепче сжал руки за её спиной:

— Ну, куда же я теперь уйду?..

Анна Сергеевна проснулась в досадном настроении. Вопреки её просьбам, даже угрозам, Дима не вернулся вечером домой. Напрасно она звонила ему несколько раз на мобильный телефон после того, как он поставил в известность, что ночевать не придёт. Сын твёрдо дал понять, что намерен сам распоряжаться своей жизнью.

Хлопнула входная дверь. Анна машинально посмотрела на часы: половина десятого утра. Потом, немного подождав, вышла из спальни. Дверь в Димину комнату была открыта, сам он что-то искал в шкафу.

— Дима, нам нужно поговорить.

— Привет, мам... О чём?

— Обо всём.

— Ты ещё спрашиваешь — о чём? — вышедший из кухни отец был явно в плохом расположении духа.

— Привет, пап... — Димка кивнул отцу.

— Спасибо, что поздоровался, — с сарказмом ответил Александр.

— Да я вроде всегда здороваюсь, — Дима невозмутимо рылся в ящиках, — что у вас случилось-то?

— Ты считаешь, что это нормально — грубить матери?

— Я не грубил. Просто сказал, что сам решаю, с кем мне быть.

— Аня, дай, я с ним по-мужски поговорю, — Александр кивнул Анне на дверь, та понимающе вышла, но задержалась в соседней комнате, чтобы послушать разговор отца с сыном.

— Я понимаю, что ты в том, возрасте, когда природа берёт своё, — вопреки обещанию поговорить «по-мужски», Александр смягчил тон, — но и ты не забывай, что ответственность...

— Па, я всё понимаю.

— Мать ночь не спала, тебя дома не было...

— Я не в первый раз дома не ночую, что за проблемы-то?

— Раньше мы думали, что ты музыку там пишешь, а ты...

— А я у девушки, подлец этакий, — опустил реплику Дима, доставая с антресолей дорожную сумку.

— Слушай, сын... ну, я всё понимаю... — голос отца стал приглушённым, — Двадцать два года, девчонки, всё такое... Сам молодой был... Но ведь ты сейчас как находка для шпиона! Ты, может, всё несерьёзно, а у девушки на тебя планы. Потом поставят перед фактом — и всё, прощай свобода...

— Ты о чём?

— О том, сынок... о том...

— Ну, во-первых, у меня всё серьёзно... — Дима обернулся к отцу, — А, во-вторых... и во-вторых — тоже.

— А жить ты как собираешься?

— Между прочим, я давно у вас денег не прошу, сам зарабатываю.

— Сколько?! Сколько ты зарабатываешь? Ты не представляешь разницы между потребностями одного человека и целой семьи!

— Я представляю больше, чем ты думаешь. И, если честно, не совсем понимаю, к чему ваши истерики? Раньше за вами такого не наблюдалось.

— Раньше было другое дело! Кристину мы знаем с детства, Лёня — мой друг. Сейчас — другая ситуация!

— Па, успокойся...

— Что — успокойся? — снова повысил тон отец, — Сколько лет этой твоей Наташе?

— Восемнадцать... — теперь Дима невозмутимо рылся в недрах компьютерного стола.

— Вот видишь! Видишь! Что может быть в голове у восемнадцатилетней девочки?.. Голову даю на отсечение — одна из твоих поклонниц, и не более того... Пошустрее других оказалась.

— Ты, может, не в курсе, я с поклонницами не знакомлюсь. Наташа сама выступает, она вообще очень талантливая.

— Тогда ей учиться надо, а не с мужиками жить. Тем более в восемнадцать лет! В общем, так, — Александр присел и, хлопнув по столу ладонью, сердито посмотрел на сына, — никаких сюрпризов мы не потерпим. Запомни. И, если ты решил поступить по-своему, на нашу помощь не рассчитывай. И... ключи от машины — мне... Понятно?!

Дима, складывающий в сумку вещи, распрямился и пристально посмотрел отцу в глаза. Потом медленно вынул из кармана джинсов ключи от машины и бросил на стол. Закрыв сумку, немного постоял и направился к двери. В дверях обернулся:

— От тебя не ожидал...

— Мы тоже не ожидали, — крикнул Александр, кивая на сумку сына.

— Чего не ожидали?.. Мы выступать едем в район. Вот, пришёл кое-что с собой взять. Но, раз так, то... — немного подумав, Дима вернулся, снова открыл сумку, бросил туда запасные джинсы, пару футболок, сверху засунул ноутбук., - Пока... родители... Домой не приеду. Телефон мой знаете... — с этими словами решительно вышел из квартиры. На улице достал мобильник.

— Саня, привет. Слушай, с машиной у меня теперь проблемы... Сейчас такси поймаю, подъеду. Автобус во сколько подойдёт? Да всё нормально... Ладно, потом... Давай...

Такси, как по заказу, вырулило из-за поворота. Доехав до студии, Дима расплатился и вышел. Концерт в пригороде был назначен на вечер, и нужно было подготовить аппаратуру. Говоров, только что сдавший очередной зачёт, в прекрасном расположении духа курил на улице. Прищурившись, протянул Димке руку.

— Чё с машиной?

— Отец отобрал.

— Наследства лишил, значит... — Сашка понимающе гоготнул.

— Да, что-то типа того...

— Из дома-то не выгнал?

— Не... Сам ушёл.

— Чё, серьёзно? — Сашка, выбросив окурок сигареты в урну, открыл дверь в подвал.

— Да куда уж серьёзнее... Ладно, проехали. Пойдём собираться. Что там вчера молодняк нам оставил, не смотрел?

— Не-а... А ты что, дома не ночевал сегодня? Мне матушка твоя звонила...

— Нет...

— Понятно, — многозначительно кивнул Сашка.

— Ничего тебе, Саня, не понятно... — Дима взял из угла огромную коробку и стал собирать туда шнуры от аппаратуры, — Смотри, сегодня, вроде, не насвинячили. Ведь могут же!

Очередной зачёт был сдан, и Наташа, прихватив за компанию Оксану, пришла проводить Диму с ребятами на концерт. Пока влюблённые грустно прощалась, Оксанка скромно стояла поодаль, демонстративно глядя в другую сторону, лишь изредка стреляя глазами на музыкантов, ради которых она и «пошла учиться». Музыканты курили на улице и дружно ржали над Сашкиными байками, которые из него сыпались как горох, пока водитель возился под капотом «газели». Стоя от них в стороне, Наташа внимательно смотрела, как Дима, торопясь, что-то писал в блокноте. Приобняв его одной рукой, другой она старательно придерживала подол модной короткой юбочки в складку, который то и дело приподнимал озорной ветер. Волосы, стянутые резинкой на затылке, разметались по всей спине, самые непослушные пряди залетали на лицо, и девушка не успевала их отвести.

Дима ничего не сказал ей об утренней ссоре с родителями. Отдав исписанный листок, поцеловал Наташку и вместе с ребятами запрыгнул в машину. Помахав вслед отъезжающей «газели», девчонки зашли в летнее кафе, съели по мороженому, потом, побродив по городу, отправились к Наташе домой.

— Оставайся у меня сегодня ночевать, — всё ещё вспоминая знакомство с Анной Сергеевной, Наташа почему-то боялась оставаться один на один со своими грустными мыслями, и общение с подружкой было как нельзя кстати.

— Ага, сейчас родителям позвоню... — Оксана охотно достала мобильный телефон, — Ой, слуша-а-а-й... А Дима? Не придёт?..

— Не придёт, они поздно приедут, их по домам сразу развезут.

— Тогда останусь!

Сварив незатейливый ужин, девчонки с тарелками расположились на кухонном столе.

— Репетиции у тебя сейчас не каждый день? — накручивая спагетти на вилку, любопытничала Оксанка.

— Не-а... Пока сессия, раз в неделю. Только выступления не отменяли, — открывая бутылочку с кетчупом, ответила Наташа.

— Везучая ты, Наташка... Интересно так... Репетиции, концерты...

— У меня и в школе так же было, — пожала плечами девушка.

— И Морозова отхватила, — многозначительно посмотрев на подружку, продолжала Оксана, — за ним столько девок убивалось... А когда он со своей мымрой разбежался, так вообще... А он — видишь, с тобой... Кто мог подумать? Знаешь, какие на тебя все злые были!

— Кто?! — Наташа удивлённо застыла с вилкой в руке.

— Девки наши, — с набитым ртом прошепелявила Оксанка.

— Надо же... А я не замечала...

— А когда б тебе замечать, ты же вечно занята, после занятий ни с кем не общаешься.

— А сейчас... чего, всё ещё злятся? — Наташа засмеялась, озорно блеснув карими глазами.

— Наши, вроде, нет... Толку-то. А вот твои, из «Киви»...

— А что мои? Нормальные девчонки...

— Ну, короче, я слышала, что Ленка ваша на тебя сильно бочку катит. Говорят, она

давно на Мороза глаз положила, ещё на первом курсе. Они ж с одного факультета.

— Я знаю. Да ну, у них же с Никитой там что-то...

— Никита у неё — как прикрытие. Да она не только с ним, и не только по любви, — тон Оксанки стал заговорщицким, казалось, даже веснушки на милом девичьем лице стали многозначительнее.

— Знаешь, мне тоже всякое говорили, но, вот сколько я уже с ними уже пою, никогда ничего «такого» не замечала... Правда, было один раз... — Наташа осеклась, вспомнив случай на базе отдыха.

— Чего было? — заинтересованно спросила Оксана.

— Да нет... так... — Наташа примолкла. Тот вечер изредка всплывал в памяти, но она старалась гнать от себя неприятные воспоминания. Сейчас же ей вдруг ужасно захотелось ими с кем-то поделиться. Немного подумав, она всё же рассказала Оксанке о том, что произошло вечером седьмого марта после выступления, и как отнеслась к этому Лена.

— Ну вот... А ты говоришь — ничего «такого»... — Оксана нахмурила тёмные аккуратные бровки, — Эти шефы — они только для виду шефы... Они девчонок и с хореографического к себе возят, и с театрального. Не всех, конечно, есть у них своя «бригада» сексуальной помощи... Вот Лена ваша оттуда. Настька с Дашкой — не знаю, возможно, тоже... А тебя они в известность сразу не ставили, потому что новенькая — раз, и потому, что у них свои там «папики», кто же будет делиться — это два. А тут этот Боровский, скорее всего, думал, что это Ленка там спит. Хотя... кто его знает. Ну, в общем, за это всё они и приглашают «Киви» на платные тусовки, и, возможно, без твоего участия. Какая им разница — дуэтом вы споёте, или Ленка одна. Когда с ними была Вика, они вдвоём с Ленкой, втихоря от Бушмана, «зажигали» не по-детски. Но Вика уехала, Ленка хотела свою знакомую девчонку протащить в «Киви», а Бушман взял тебя, — Оксана многозначительно посмотрела на подружку, — они просто не ожидали... Понимаешь? Ленка на тебя очень злая.

— Не знаю, — Наташа пожала плечами, — я ведь сама туда не напрашивалась, за что ей на меня злиться?

— Я думаю, больше всего она злится за Морозова, — девушка ненадолго замолчала, как будто собираясь спросить о чём-то сокровенном, потом подняла на Наташу любопытные глаза, — Слушай... А как он — вообще... Дима?

— В каком смысле? — смутившись, та слегка покраснела.

— Ну-у-у... в том самом... — подружка затаила дыхание.

— Ты чай будешь или кофе? — пытаюсь уклониться от ответа, Наташа встала из-за стола и достала чашки.

— Чай, — быстро ответила Оксанка, не сводя с неё пристального взгляда, — Наташка, ну, как?..

— Оксан, я такие вещи ни с кем не обсуждаю, — Наташа нахмурилась, — Давай лучше чай пить.

— Наташка-а-а... Ну, интересно же... — закусив губу, подружка не оставляла попыток узнать подробности, — Морозов — такая знаменитость, а ты с ним... ну, в общем... Мне же интересно...

— Оксан, всё. Тема закрыта.

— А знаешь, что Ленка всем говорит про вас с Димой?

— Не знаю, — Наташа сняла кипящий чайник с плиты, — Мне как-то неинтересно.

— Она говорит, что Дима с тобой переспал, потому что ты ему проходу не давала.

— Пусть говорит, что хочет, — Наташа улыбнулась, — Дима сам ко мне пришёл...

— А ещё она говорит, что он тебя всё равно бросит, — девушка пытливо смотрела в глаза Наташе, как будто хотела увидеть реакцию на свои слова.

— Оксан, ну откуда ты всё это знаешь? — Наташа изменилась в лице, — Я вот вообще ни о ком ничего не знаю.

— Просто ты в своём мире живёшь... У тебя, по сути, подруг ни в группе, ни в универе нет. Кроме меня, конечно, — тряхнув каштановыми волосами, назидательно произнесла Оксанка, — А мне все эти дела интересны, вот и знаю... Тебе вот интересно петь, ты ноты знаешь... другие музыкальные штучки... А мне они по фигу, вот... — речь девушки перебил дверной звонок.

— Ой... Кто это ночью-то, — выбежав в прихожую, Наташа щёлкнула замком.

В квартиру один за другим буквально ввалились Говоров и Мазур, за ними появился Дима с большой дорожной сумкой, последними — Никита в обнимку с невесть откуда взявшейся Леной.

— Наш товар — ваш купец, — с порога, приплясывая, начал скоморошничать Сашка, — Ой... наоборот... Ваш купец — наш товар... Брррр... Стоп. Всё сначала...

— Саня, дай я, — Витька рукой отвёл Сашку в сторону, — Ехали мы ехали... И привели князя... ой... привезли... Тьфу ты... Саня, давай обратно ты...

Вся компания, кроме Морозова, была изрядно подвыпившая и выглядела так смешно, что Наташа расхохоталась.

— Так, сваты, стоп, — обхватив рукой Говорова за шею, Дима закрыл ему ладонью рот, потом виновато посмотрел на Наташу, — Они никак не хотели разбредаться по домам, все припёрлись...

— Короче, ваш товар — наш купец, во! — отдирая Димкину руку, Сашка не оставлял попыток соблюсти традиции, — Короче... совет да любовь, и всё такое...

— Да ладно, заходите, — всё ещё смеясь, пригласила Наташа...

— Ой, какая девушка симпатичная, — Сашка уставился на Оксанку, которая, высунув из кухни голову, с нескрываемым любопытством разглядывала шумную компанию, — Где-то я её уже...

— А сегодня, возле автобуса, — Оксанка поспешила напомнить, где Саша мог её видеть.

— Ну, что, мы зайдём или как? — явно нетрезвая Лена капризно дёрнула Никиту за рукав, — Давай зайдём, я хочу посмотреть, как живёт моя коллега...

— Да все заходите, — Наташа отступила в комнату, остальные дружно потянулись за ней. Пропустив друзей вперёд, Димка за руку утащил Наташку на кухню и сразу заключил в объятия. Оксанка деликатно просеменила в комнату.

— Я так соскучился...

— И я... Думала, ты сегодня не придёшь...

— А мне больше некуда идти... Я с родителями поругался...

— Из-за меня?

— Да нет... Всё нормально. Наташ... — он заглянул ей в глаза, — Я вернулся не домой. Я вернулся к тебе... Я не хочу больше с тобой расставаться... А ты?

— Ты ещё спрашиваешь... — Наташа счастливо засмеялась, — Поэтому тебя и сватать привели?

— Ну, а как ты думаешь... Саня не может без приколов. Теперь не знаю, как их выпроводить.

— Да ладно, пусть остаются... У меня всё равно Оксанка ночует.

* * *

Оставив Диму на кухне, Наташа заглянула в комнату. Положив ногу на ногу, Лена довольно вальяжно сидела в углу дивана, прислонившись к обнимавшему её Никите. В другом углу дивана обалдевшая от свалившегося на неё счастья Оксанка во все глаза таращилась на Сашку с Витькой, которые, устроившись на полу, по обыкновению спорили.

— Викун, чё ты мне... Ну, задвинул лажу, с кем не бывает...

— Саня, ты гонишь... Лажи не было, я всё чисто отыграл...

— Викун, ты ещё споришь? Я чё, глухой?.. Была лажа... Когда «Берега» играли, вот в этом месте... где переход... па-па-па-на-на... — Сашка попытался изобразить «то самое место», где, по его словам, Витька сфальшивил.

— Ну, началось, — недовольно выговорила Лена, но ребята не обратили на неё внимания.

— Саня, гонишь, Саня...

— А давай поспорим... Ну, давай?.. Димыча спросим...

— А давай!.. Только сначала девчонок угостим... — Витька взял со стола принесённую с собой литровую бутылку «Сангрии», которую, видимо, не осилили в автобусе.

— Бяяя... Бабское питьё... — Сашка скривился, — не могли чего получше купить? Натаха, давай посуду... Димыч, выходи...

Посмеиваясь над перебравшими парнями, Наташа поставила на стол несколько фужеров из бабушкиного серванта и коробку конфет. Потом, вспомнив о чём-то, пошла на кухню, но рванувшая за ней Оксанка схватила её в прихожей за руку:

— Наташечка, не выгоняй их, ну, пожалуйста... Ага? Ну, Наташечка... Ну пусть они у тебя сегодня побудут, а? Когда я ещё вот так с ними пообщаюсь... а? Наташечка?.. Если я кому-нибудь расскажу, что я вот так запросто с «патрулями» рядом сидела — мне же не поверят, — Оксанкин громкий шёпот был до того трогательно-заискивающий, что Наташа, не выдержав, опять расхохоталась.

— Оксан, да кто их выгоняет? Пусть у нас спят сегодня, куда их теперь девать...

— Ой, Наташка, спасибо! — Оксанка, слегка повизгивая, бросилась к подруге на шею и снова убежала в комнату.

Вернувшись на кухню, Наташа подошла к сидящему на широком подоконнике Димке... обняв, прижалась...

— Почему ты не позвонил, что придёшь? Я ужин бы приготовила... А то мы всё с Оксанкой слопали...

— Хотел сюрприз сделать, не думал, что со мной такая компания заявится, — обнимая её в ответ, Дима засмеялся.

— Где они так наклюкались, в автобусе, что ли?

— Ага... в автобусе... Только ещё по дороге туда. Начал Говоров, потом Мазур... А, в конце концов, и Никиту напоили. Весь вечер сегодня отжигали, с местными чуть не подрались, спасибо, хоть в милицию не загремели... Концерт еле отработали, Сашка чуть в барабанах не уснул.

— Да, весёлая поездка получилась... А Ленку где взяли?

— Ленка с нами ездила. Её на окраине в автобус посадили — они с Никитой, оказывается, договорились заранее.

— Понятно... — задумчиво произнесла Наташа, вспомнив слова Оксаны о неразделённой любви Лены к Димке, — Ну, что, пойдём, там Сашка тебя звал...

Алкоголь, судя по всему, уже не лез в музыкальные глотки. Витька, взяв лежащую в кресле гитару, наигрывал что-то собственного сочинения. Сашка, так и не дождавшись «Димыча», уснул прямо на полу, положив голову на его сумку. Выпив ещё вина, Лена отвела руку Никиты, встала и, глядя в зеркало серванта, поправила чёлку.

— Димочка... А почему ты к нам не идёшь? — насмешливая полуулыбка не сходила с лица девушки. Всё так же глядя на себя в зеркало, Лена начала медленно танцевать, поводя бёдрами, обхватывая, поглаживая себя руками и встряхивая копной светлых длинных волос, — Димочка! Ау! Иди к нам, — повелительным тоном ещё громче крикнула девушка как раз в тот момент, когда Дима показался в дверях. Так же медленно подошла, положила его руки себе на талию и, глядя в глаза, обняла за шею:

— Потанцуем? Мазур, сыграй нам что-нибудь красивое и медленное...

Пожав плечами, Витька невозмутимо сделал виртуозный переход и на дворовый манер заиграл «Дом восходящего солнца».

— Талант не пропьёшь, да, Витя? — всё так же насмешливо улыбаясь, Лена не сводила с Димы серых глаз. Улыбаясь девушке в ответ, Дима не заметил, как у Никиты заходили желваки на лице...

Сидевшая до этого молча, Оксанка, отчаянно закусив губу, протянула руку Никите:

— А потанцуйте со мной? Пожалуйста...

Нехотя, тот поднялся навстречу девушке.

Слегка погрустневшая, Наташа вышла на кухню, включила чайник... Возвращаться в комнату почему-то не хотелось. В поведении Лены было что-то дерзко-враждебное, она это почувствовала с первых минут, как только ребята вошли в дом. Да и Никита казался странным. За весь вечер он не проронил ни слова, только нервно дёргал уголок рта.

* * *

— Димочка, уходим! — не обращая внимания на Никиту, Лена присела на колени к

Морозову, — слышишь?

— Лена, идём, — Белов мрачно смотрел себе под ноги, — Дима остаётся.

— Остаётся?! — девушка подняла на него изумлённый взгляд, — Кто тебе сказал? Дима идёт с нами. Правда, Дима?

— Ленка, не бузи, — Витка обувался в прихожей, — Димыч остаётся. А мы уходим.

— А чего это вы за него отвечаете? — Лена нетрезво обвела всех возмущённым взглядом, потом посмотрела на Диму, — Дима, скажи им, что мы все уходим. И ты в том числе...

— Куда? — Дима весело улыбался.

— Как куда?! По домам, конечно... — девушка потянула его за руку, — Идём!

— Ну, в общем-то, я дома, — он пожал плечами.

— Ты — дома?! — она вдруг громко расхохоталась, — Ты что, у Смольниковой комнату снимаешь? Или пол дивана?

— Лена, прекрати, — Никита за руку оттаскивал её от Морозова, — обувайся, и уходим.

— А ты вообще молчи, — огрызнулась Ленка, — Я сама решаю, что мне делать. Ладно, — она вдруг сменила тон на насмешливый, — уходим. А то Наташенька сейчас расплачется. Не будем нарушать идиллию... Белов, где мои босоножки?..

Проводив гостей, Наташа закрыла дверь и вернулась в комнату. Как ни уговаривала она Оксанку остаться у них с Димой, та всё равно ушла вместе с едва протрезвевшими Говоровым и Мазуром, заверив, что с ней всё будет в порядке. Убрав со стола, Наташа присела на край дивана. Не выдержав бессонной ночи после дороги и выступления, Дима спал. Девушка осторожно положила руку ему на голову... пригладила тёмно-русые, рассыпавшиеся по подушке волосы... Потом тихонько прилегла рядом, положив ему на грудь ладошку... Почувствовав сквозь сон её тепло, Дима обхватил руками хрупкое девичье тело, прижал к себе... Наташа закрыла глаза и, спрятав лицо у него где-то под подбородком, притихла, счастливая...

Леонид Лапин нервно ходил из угла в угол своего кабинета. Привыкший всего добиваться в жизни, он впервые столкнулся с проблемой, решение которой не зависело ни от его желания, ни от его характера, ни даже от его денег. Судьба дочери оказалась тем единственным, на что он не мог повлиять. Бросившая в своё время учёбу в литературном институте, куда она с лёгкостью поступила, благодаря своим способностям, Кристина так ничем и не увлеклась. Походы по магазинам, модным салонам, ночным клубам — на этом её интересы и заканчивались, а творческие порывы «накатывали» всё реже. В период своих отношений с Димой Морозовым девушка вроде как одумалась, всё свободное время проводя в обществе своего молодого человека: она ездила с ним на концерты, бывала на репетициях, писала тексты к его песням. Несмотря на своё пренебрежительное отношение к его друзьям, она большую часть времени проводила в их обществе в различных заботах. Увлечение Димой принесло положительные плоды и на творческой ниве: Кристина участвовала в различных конкурсах поэтов-песенников и даже имела несколько дипломов. Всё это радовало родителей, пока приехавший в Россию по делам бизнеса молодой смуглокожий красавец неожиданно не вскружил ей голову. Месяц страстных отношений пролетел как один день. Вернувшись на родину, Мухаммед очень скоро перестал отвечать на звонки Кристины, а, проснувшись однажды от тошноты, подступившей к горлу, девушка поняла, что беременна... Посещение врача подтвердило догадки, и, не найдя другого выхода из сложившейся ситуации, она решилась на аборт.

Вернувшись домой из клиники, Кристина впала в депрессию, бороться с которой, как ей казалось, помогал алкоголь. В этот период она вспомнила вдруг про Диму, которого сама не так давно бросила... Перебирая в памяти их отношения, она вдруг поняла, что чувства возвращаются к ней, как спасительное лекарство... И нужно было только, чтобы Дима её простил... Не решившись позвонить, она однажды отправилась в студию «патрулей»... но застала там одного Никиту. Разговор с ним не принёс ничего утешительного: Кристина узнала, что у Димки появилась новая девушка, и у них всё очень серьёзно.

Взыгравшее самолюбие лишило остатков покоя и сна. Теперь ей казалось, что она всегда любила только Диму, и что, если бы не эта невеста откуда взявшаяся девчонка, они сейчас были бы вместе... Собственная измена померкла в её сознании, в нём теперь билась только одна мысль: она не единственная в этом мире. Эта мысль рвала на кусочки собственное эго, не давала покоя ни днём, ни ночью. Алкоголь же как-то примирял и с этой действительностью, правда, ненадолго.

Полученное недавно от Никиты известие, что Дима с Наташей живут теперь вместе, вылилось в истерический припадок. Детское «я хочу» не сработало, жизнь текла вопреки её прихотям и капризам.

* * *

Леонид Борисович постучал в комнату дочери и, не дождавшись ответа, толкнул дверь. Кристина лежала на кровати, закутавшись с головой в одеяло. Едва уловимый запах перегара

не оставлял сомнений: дочь снова пила...

Вот уже шестой месяц подряд — одно и то же. Уговоры, угрозы, наказания в виде лишения денег на карманные расходы, не действовали. Беседа со знакомым психотерапевтом не принесла ничего утешительного... «У вашей дочери изначально сильно заниженная самооценка, которую она пытается маскировать высокомерием, и наличие богатого, всемогущего родителя ей в этом помогает. Но малейшая неудача может вывести её из равновесия... Что, собственно, и произошло. Представьте, что у вас есть красивая игрушка. Но вы хотите поменять её на более красивую и выбрасываете. И вдруг новая игрушка бесследно исчезает! Вы бросаетесь поднимать старую — а её уже кто-то поднял на ваших глазах... И будет на ваших же глазах ею пользоваться... О новой вы скоро и не вспомните, ведь вы с ней почти не играли. А вот эта — старая — будет Вас манить и дразнить... Примерно такая же ситуация и у вашей дочери», — сказал врач.

«Но в мире есть ещё много других игрушек, которые можно приобрести», — заметил Лапин. — «Нет. При таком складе психики человек будет сожалеть и мечтать только о том, что он уже имел, и что, по его мнению, у него незаконно отняли. Понимаете?» — «Понимаю... И что же делать?» — «Трудно сказать... Вам нужно набраться терпения и мужества».

Глядя на Кристину, Лапин вспомнил сейчас этот разговор. Родительский гнев сменился жалостью и страхом. «Господи, это же моя единственная дочь...» — с ужасом и болью подумал Леонид Борисович. Подойдя к кровати, сел у неё в ногах.

— Кристина, ты не спишь?

— Сплю.

— Кристина... послушай... пожалей хоть мать, — он хотел сказать что-то другое, но почему-то произнёс эту стандартную фразу.

— А меня?.. Меня кто-нибудь пожалеет? — девушка резко подскочила на постели, — Отстаньте от меня!

— Дочка... послушай... Никто тебя так не пожалеет, как мы. Я скажу больше: никто не поможет тебе так, как поможем мы. Но ты должна сама захотеть. Пойми, в жизни не всегда всё гладко. Где был бы я, если бы истерил над каждой неудачей? А я шёл вперёд, вопреки всему, я перешагивал через многое... и многих... И я не жалею ни о чём. Мне никто не помогал, я был один. Но ты — не одна, у тебя есть мы, и ты всегда можешь на нас рассчитывать... Одно твоё желание... Хочешь — в любой институт, даже за границу... Хочешь — любую работу тебе обеспечу... Любой бизнес... Только возьми себя в руки... Брось пить... Ты не представляешь, что такое женский алкоголизм... Если не можешь сама — скажи, я помогу... Я найду лучших врачей... Ты только скажи! — всегда резкий, даже хамовитый в разговоре, сейчас Лапин выглядел жалким и подавленным. Отрешённо слушавшая отца Кристина медленно подняла голову:

— Папа... Я говорю... помоги мне... пожалуйста...

— Ну, конечно!.. Конечно!.. Всё, что в моих силах...

— Папа... Помоги мне вернуть Диму... папа... сделай так, чтобы он вернулся... папа... папа... ну, сделай... папа!.. папа!.. — голос девушки сорвался на истерический крик, — Ну, пожалуйста... пожалуйста... пожалуйста... — Кристина кинулась плашмя на кровать и стала стучать по ней кулаками, невнятно что-то приговаривая.

Прибежавшая на крики жена Бориса — Мила — бросилась к дочери, пытаясь её успокоить, но приступ истерии только усиливался. Наконец, устав, Кристина затихла. Отец сидел на краю кровати, закрыв лицо руками, мать тихо плакала. Убедившись, что дочь уснула, Мила жестом позвала мужа выйти.

— Лёня... Может, её в клинику положить? Это уже не шутки... Это не первый такой приступ.

— Ты с ума сошла. Ты не знаешь, как там лечат? А я знаю... Никаких клиник, никаких антидепрессантов. Это всё намного серьёзнее, чем может показаться. К тому же — шила в мешке не утаишь, потом весь город будет знать, что моя дочь — пациентка психдиспансера. А ей ещё жить.

— Лёня... Но надо же что-то делать... Я не знаю, что, но что-то надо делать, Лёня... Мы потеряем дочь...

— Да. Надо... — Лапин как будто о чём-то задумался. Потом решительно повернулся к жене:

— Надо, Мила. И я по трупам пойду... Но Крестинку я вытащу... А ради чего тогда всё это? — Борис сделал рукой широкий жест, как бы обводя свой дом.

— Что ты надумал?

— Пока не знаю... Но я придумаю... Обязательно придумаю... Ты меня знаешь.

Экзамены были позади. Уставшие за год студенты спешили расслабиться: приезжие покидали общежития и спешили домой, к родителям, «городские» пуще прежнего атаковали молодёжные кафе и танцполы. Многим предстояла летняя практика и подработка, а выпускникам — дорога во взрослую жизнь. В университете намечалось грандиозное торжество по случаю очередного выпуска: каждый факультет готовился поздравить своих счастливиц — стихами, песнями, танцами. На 15 июня был назначен гала-концерт, подготовленный университетскими талантами; и Дима, и Наташа готовились выступать вместе со своими группами.

До концерта оставался всего час, а Наташка не могла найти топик от концертного костюма. Дима терпеливо стоял, облокотившись о дверной косяк и наблюдая, как она торопливо перебирает вещи в шкафу.

— Как сквозь землю провалился... — девушка чуть не плакала.

— Ну, надень что-нибудь другое, не убьют же.

— У нас убьют...

— Слушай, времени уже нет... Давай, надевай первое, что под руку попадётся.

— Что надеть-то?! — в её голосе было столько трагизма, что позавидовал бы Шекспир.

— Вечная женская проблема: нечего надеть и некуда вешать, — смеясь, Димка едва увернулся от маленькой подушки, просвистевшей мимо головы, — будешь кидаться, уйду один.

— Ну, и иди...

— Ну, и пойду...

Топик найден не был, и Наташа надела своё любимое голубое платье, так чудесно облегающее её точёную фигурку. Дима невольно залюбовался девушкой, ловя себя на мысли, что, если бы они не торопились на концерт, то... Но время поджимало, и молодые люди поспешили на остановку.

Университетский двор был забит студентами и выпускниками. Специально сооружённая летняя эстрада, украшенная гирляндами из воздушных шаров, светилась огнями. Артисты из числа студентов собрались недалеко от сцены, ожидая начала концерта. Пробравшись сквозь толпу, Димка и Наташа разделились — каждый пошёл к своим.

— А ты почему не в костюме? — почти хором спросили Настя и Даша.

— Топик потеряла, — Наташа виновато вздохнула, — перерыла всё — так и не нашла...

— Зашибись... — Лена недовольно поджала губы, — и как это будет выглядеть?

Решив промолчать, Наташка привстала на цыпочки, поискала глазами Диму... На сцене ректор читал поздравительную речь выпускникам, и первые выступающие уже готовились к выходу. Не выдержав, Наташка протиснулась между другими артистами к ребятам из «Ночного патруля».

— О-о-о... Натаха! — Сашка по-дружески, шутливо обняв девушку, слегка приподнял её

над землёй.

— Саня, грабли не распускай, а то барабанить нечем будет... — нарочито-испуганный Витька глазами показал на Диму.

Все засмеялись, только Никита едва скривил губы. Поправляя смятое Сашкиными объятиями платье, Наташа мельком посмотрела себе за плечо. Взгляд машинально скользнул по толпе стоящих вокруг людей, и ей на мгновение показалось, что она увидела чьё-то знакомое лицо. Не придав этому значения, она прислонилась к обнявшему её Димке и стала смотреть на сцену, где девочки с хореографического показывали мастер-класс по эстраднему танцу.

— Привет, мальчики, — Лена выросла как из-под земли, держа между пальцами длинную тонкую сигарету, — зажигалка есть?

Достав из кармана зажигалку, Никита поднёс девушке огонь. Театрально затянувшись, Лена насмешливо посмотрела на Наташу:

— Хватит зажиматься, через два номера наш выход. Идём...

* * *

Уже стоя на сцене, Наташка вдруг отчётливо вспомнила промелькнувшее женское лицо... Кристина Лапина! Как она сразу её не узнала?.. Наташа ещё раз попыталась вспомнить ту, которую она случайно заметила, но заигравшая музыка заставила сосредоточиться на выступлении.

«Сон это или блажь,
Прошлой любви мираж
Вновь на моём пути,
Манит — ко мне иди...»

Пропев первый куплет ритмичной, зажигательной песенки, Наташка подумала вдруг, что она себя не слышит. Колонки, обращённые к зрителям, неясно доносили звук, и девушка не сразу поняла, что случилось. Лишь взглянув на горящий красный огонёк микрофона, догадалась, что в нём слишком быстро сел аккумулятор. Подойдя к краю сцены, возле которого у пульта крутился звукорежиссёр, она ловко бросила ему микрофон, потом вернулась в центр и стала просто танцевать под заводную музыку, вспомнив занятия по хореографии, пока Лена пела одна. Голубое платье оказалось как нельзя кстати — девушка на какое-то время стала центром внимания, изящно поворачиваясь вокруг себя и перебирая красивыми ножками в маленьких, аккуратных туфельках на высоком каблуке в такт музыке.

— Смотри, чего твоя вытворяет, — толкая Диму в бок, восхищённо крикнул сквозь грохот музыки Сашка, наблюдая, как вся студенческая толпа пляшет вместе с хорошенькой

девушкой в ярко-голубом платье. Димка и сам не сводил глаз с танцующей на сцене Наташи... Ему ужасно захотелось, чтобы этот вечер поскорее закончился, и они оказались в маленькой квартирке на третьем этаже — только вдвоём... Чтобы можно было снять с неё и это голубое платье, и всё, что под ним... и целовать... и сжимать в объятиях нежное девичье тело...

Когда песня закончилась, Наташке передали заряженный микрофон, и дальнейшее выступление прошло без приключений.

* * *

На улице уже совсем стемнело, когда на сцену под визг и вопли разгулявшихся поклонниц вышел «Ночной патруль». Вся студенческая и преподавательская братия весело отплясывала под ритмичную музыку в свете разноцветных лучей, и Наташка, вначале скромно стоявшая недалеко от сцены, в конце концов, тоже присоединилась к знакомым танцующим девчонкам. Сильно подвыпивший выпускник, с лёгкой небритостью и четырьмя серьгами в ухе, несколько раз порывался познакомиться с девушкой, но Наташка каждый раз уворачивалась от назойливого «кавалера». Наконец, решив, что пора подключить «тяжёлую артиллерию», «кавалер» грубо схватил девушку за руку и потянул из круга танцующих, но стоявший рядом Наташин однокурсник Паша Рулёв что-то сказал ему на ухо, показывая при этом на сцену.

— Не понял, повтори, — пьяно потребовал выпускник.

— Видишь, Морозов на сцене? Вот это его девчонка... Будешь приставать, они тебе все... наколотят, — используя ненормативную лексику, сквозь грохот музыки крикнул Паша. Выпускник, старательно фокусируя зрение на сцене, соображал довольно туго, но, видимо, решив не нарываться, отпустил Наташину руку и затерялся в толпе.

— Спасибо! — девушка благодарно улыбнулась Рулёву.

— Не за что, — снисходительно улыбнулся в ответ Пашка.

Честно отработав до полуночи, музыканты сошли со сцены. Отключив аппаратуру и убрав инструменты, ребята задержались возле студии.

— Ну что, по домам? — Витька Мазур с хрустом потянулся, поднимаясь на цыпочки.

— А мне сегодня неохота домой. Сейчас бы с девчонками да в кабак завалиться, — затягиваясь сигаретой, Сашка стрелял глазами по сторонам.

— Тебя ещё на кабак сегодня тянет? — впервые за весь вечер подал голос Никита.

— Угу... Кто со мной? Вить?..

— Да пошёл ты со своим кабаком, — зевая, лениво проговорил Витька.

— Так... Одного товарища потерял. Ник, ты как?

— Я к Ленке сейчас поеду, — нехотя произнёс Никита.

— Второго потерял... Ну, с вами вообще всё понятно, — махнув рукой на Диму с Наташей, Говоров, озирался вокруг.

— Иди домой, неугомонный, — рассмеялся Дима.

— Не дождётесь...

Добравшись до дома, Наташка первым делом скинула туфельки на высоком каблуке.

— Ну, наконец-то... — с облегчением произнесла девушка, одновременно щёлкнув в прихожей выключателем.

— Что — наконец-то?.. — тут же включив свет, Дима сзади обнял её за талию.

— Туфли сняла... — она снова протянула руку к выключателю.

— Остальное — я... — перехватив руку, Дима повернул девушку к себе.

— Что — ты?.. — шёпотом спросила Наташа.

— Сниму... — сжимая её в объятиях, он тоже перешёл на шёпот.

— Прямо здесь?..

— Прямо здесь...

Серебристый «BMW» Кристины медленно въехал в огромные ажурные металлические ворота, осветив фарами большой газон и фасад двухэтажного родительского коттеджа. Загнав машину в гараж, простучала каблучками по вымощенной дорожке к огромной стеклянной террасе, открыла ключом входную дверь. Включив в холле свет, подошла к большому напольному зеркалу... Разглядывая свою стройную фигуру, грустно улыбнулась уголками пухлых, накачанных губ, прищурила серые, обрамлённые пушистыми ресницами глаза, отвела чёлку от высокого лба... Слегка взбила выкрашенные в чёрный цвет, уложенные в стильную причёску волосы... Потом расстегнула верхнюю пуговицу блузки и, покрутившись, расстегнула ещё одну... Придирчиво рассмотрев собственное отражение, прошла в свою комнату и, не раздеваясь, легла на широкую кровать. Перебирая в памяти сегодняшний вечер, прикрыла глаза...

О предстоящем гала-концерте в университете культуры Кристина узнала из новостей на городском портале. Уверенная, что «Ночной патруль» обязательно будет выступать, девушка не удержалась от соблазна поехать туда и, затерявшись в весёлой студенческой толпе, посмотреть на своего бывшего парня.

Диму она увидела сразу — высокий молодой человек стоял в компании своих друзей. Кристине захотелось окликнуть его, но в этот момент белокурая, длинноволосая девушка в голубом облегающем платье, протиснувшись сквозь толпу, оказалась рядом с ним. Судя по всему, это и была та самая Наташа, о которой ей рассказал при случайной встрече Никита Белов. Когда Дима обнял девушку, Кристине показалось, что её окатили кипятком... Не в силах отвернуться, она издали смотрела, как он, наклонившись к Наташе, что-то говорит ей сквозь грохот музыки, и как Наташа, привстав на цыпочки и обняв его за шею, что-то отвечает ему, и оба они счастливо улыбаются...

Чуть позже эта девчонка появилась на сцене в составе «Киви». Кристина, не отрываясь, смотрела на соперницу, как будто хотела запомнить каждую её чёрточку, каждое движение, каждый жест...

Дождавшись появления на сцене «Ночного патруля», она немного послушала, как Дима поёт, а потом, пересилив себя, села в машину и уехала. Она понимала, что сейчас ничего не сможет изменить, и, в то же время, боялась увидеть, как эти двое вместе отправятся домой. Мысль о том, что в эту минуту Дима наедине с этой самой Наташей, лезвием полоснула по самолюбию.

* * *

Дверь в комнату приоткрылась, на пороге стояла мать.

— Кристиночка, ты уже вернулась?

— Да.

— Всё хорошо?

— Да.

— Ты ничего не хочешь?..

— Нет, — каждое слово давалось девушке с трудом, ей совершенно не хотелось сейчас ни с кем разговаривать. Понимая это, Мила пожелала дочери спокойной ночи и закрыла дверь.

Утром, за завтраком, Кристина неожиданно обратилась к отцу:

— Папа, как ты думаешь... А что, если нам открыть продюсерский центр?

— Что?.. — бутерброд застыл в руке Леонида.

— Продюсерский центр, — невозмутимо повторила Кристина.

— А ты имеешь представление о том, что это такое? — взгляд Лапина выражал искреннее удивление.

— Конечно... К тому же... к тому же, ты бы мог предложить работу Диме. Он и музыкант, и менеджмент изучает...

— Ну, и кого же вы будете продюсировать? — Леонид добавил на бутерброд ещё один кусочек сыра.

— Всех, кто сможет за себя заплатить... — Кристина многозначительно посмотрела на отца.

— Ну, а помещение, аппаратура, инструменты? Нужны вложения, где ты возьмёшь деньги? — задал вопрос Лапин, заранее догадываясь, что ответит ему дочь.

— Ты дашь...

— Ты считаешь, что я сам не найду, куда мне деньги вложить? — насмешливо поинтересовался Леонид Борисович.

— Я серьёзно.

— Я тоже, — Лапин нахмурил брови, — Кристина, я буду просто счастлив, если ты найдёшь, наконец, себе занятие... но только по силам и без риска для моих денег.

— Любой бизнес — это риск, папочка... но раскрутка талантов это ещё и перспективный бизнес... Вот смотри, — Кристина, положив перед собой руки на стол, пристально смотрела на отца, — Ты открываешь продюсерский центр, набираешь грамотный персонал... К тебе приходит талантливая молодёжь, готовая заплатить за свою раскрутку... Потом те, кто прошёл отборочные туры, будет петь наши с Димой песни. Это получилось у «Ночного патруля», это должно будет получиться у других талантливых исполнителей. Если мы сделаем мощную рекламу, нами заинтересуются сми... Возможно, найдутся и другие спонсоры. Во всяком случае, студии звуко и видеозаписи будут приносить доход. Это же элементарно...

— Овчинка выделки не стоит, — усмехнулся Лапин, но, увидев разочарованное лицо дочери, добавил:

— Но подумать, конечно, можно.

Лето было в разгаре. Город утопал в зелени, газоны пестрели карнавальным разноцветьем, смешанный аромат свежей листвы и попкорна на каждом углу достигал прохожих, а автомобили со свадебными лентами на капоте и кольцами на крыше шли сплошным потоком по пятницам и субботам по городским проспектам, и казалось, что влюблённые весь год только и ждали жарких дней, чтобы сыграть свадьбу.

Почти каждую неделю парни из «Ночного патруля» работали на чьих-нибудь свадьбах и юбилеях, выполняя все музыкальные прихоти подвыпивших гостей. Девчонок из «Киви» можно было часто увидеть на летних эстрадных площадках, да и через агентство были заказы — в основном на дни рождения. Наташа и Дима радовались пусть небольшому, но всё-таки заработку, который позволял не просить денег у родителей. Отец каждую неделю звал Наташу домой, но одна она ехать не хотела, а их с Димкой графики никак не совпадали — то у одного, то у другого намечались выступления, к тому же Дима с ребятами готовились к предстоящему рок-фестивалю в соседней области, разучивая новые песни.

Ей очень хотелось познакомить Диму со своими родными; в отличие от него, Наташа была, действительно, уверена, что отец одобрит её выбор. Несмотря на это, она, всё-таки, пока не говорила Валерию о том, что они с Димкой живут вместе и, звоня домой, просто передавала от него приветы, в очередной раз обещая вскоре приехать.

— Прикинь, мы сегодня тюремный блатняк исполняли, — вернувшись с очередного торжества, Дима разулся в прихожей, прошёл на кухню и с ходу открыл сковороду с котлетами.

— А ты знаешь тюремный блатняк? — Наташка захлопала длинными ресницами.

— Ну, не весь... — Дима усмехнулся, — Но кое-что... Музыканту чего только не приходится исполнять. Сегодня — блатняк, завтра — роковые композиции на фестивале.

— Я буду за вас держать кулаки... Нет! Я буду держать гитару! — Наташка воодушевлённо кивнула на шестиструнный инструмент, который она незадолго до Диминого прихода выпустила из рук.

— Ну, тогда точно — успех обеспечен, — улыбнулся Дима, — нам бы ещё пару профессиональных видеоклипов... Ну, хотя бы один.

— Это очень дорого, да, Дим?

— Не то слово, что дорого. Можно, конечно, и на телефон снять, — он усмехнулся, — но такой клип будет ещё хуже, чем его полное отсутствие.

— Странно, да, Дим? Вы — довольно известная группа, на ваших концертах девчонки с ума сходят...

— Ну, это же в пределах нашего города, — он не дал ей договорить, — здесь много не заработаешь. Нужна популярность гораздо большего масштаба, а для этого и нужны большие деньги.

— Как же заработать столько денег? — Наташа нахмурила тёмные, аккуратные бровки.

— Вот, чтобы их можно было зарабатывать, и нужны такие «визитки», как видеоролики и профессиональные диски... А, чтобы записать эти ролики и диски, опять нужны деньги... Замкнутый круг, Наташка...

— Как же другие-то пробиваются? — она задумчиво закусилла нижнюю губу, — Дим... ведь столько исполнителей известных, а талантливых по-настоящему — единицы!

— Так и есть, — он ласково посмотрел на неё, — ты сама всё прекрасно знаешь, даже на своём примере. Ты намного талантливее тех, кого без конца крутят по музканалам. Но за твою раскрутку некому заплатить... вернее, желающие бы нашлись, но...

— Я знаю, можешь не продолжать, — садясь к нему на колени, рассмеялась Наташа, — мне не нужна слава такой ценой, мне она вообще не нужна...

— А что тебе нужно? — целуя в шею, он крепко сомкнул руки за её спиной.

— Мне нужно, чтобы ты всегда был рядом, — она произнесла эти слова тихо, с оттенком лёгкой грусти, — я очень тебя люблю, Дима...

— И я тебя очень люблю... и вот поэтому... поэтому пока мы едем на рок-фестиваль на деньги, заработанные исполнением блатного репертуара.

— Здорово, — рассмеявшись, Наташа встала с его колен и начала накрывать на стол, — а мы разучиваем репертуар «Комбинации»... Ну, была такая женская группа, у меня отец на них когда-то ходил, так до сих пор под впечатлением, говорит, уже лет двадцать.

— Ну, дяденьки любят песни своей молодости, особенно в женском исполнении, — не дожидаясь, пока она поставит тарелки, Димка достал из сковороды ещё одну котлету.

— А тётеньки что любят? — улыбаясь, Наташа протянула ему кусок хлеба, — А, вообще-то, ещё и макароны есть. Вас там чего, не покормили?

— Не, стол накрыли, ребята остались... А я — домой, — взяв из её рук тарелку с гарниром, он поближе придвинул стул, на котором сидел.

— Когда ты говоришь «домой», мне так хорошо становится... — она присела напротив, подперев лицо ладошками и не сводя с него влюблённых карих глаз.

— Ну да, домой. К тебе...

— Послезавтра уедешь... — грустно вздохнув, Наташа сильнее сжала щёки — красиво очерченные губы превратились в круглую пухлую розочку, — На целых три дня...

— Я сам не хочу от тебя уезжать, но нам нужно попасть на этот рок-фестиваль, обязательно... Слушай, поехали с нами? Завтра как раз билеты покупаем.

— Не могу, послезавтра мы выступаем на юбилее.

— А если ты не пойдёшь? Ну что, без тебя не споют?

— Я не могу девчонок подвести, Дим... Нас же, как группу, заказали, да и заплатят, говорят, неплохо... Мы и песни практически разучили, — в голосе Наташки послышались грустные нотки.

— Это про два кусочка колбаски-то?

— Ага, — улыбнулась девушка, — спецзаказ.

— Наташ... — тон Димы стал серьёзным, — А где и для кого вы будете это петь?

— Где-то в загородном особняке.

— Так... ты туда не поедешь, — положив вилку, он резко выпрямился и поднял на неё глаза...

— Почему? — искренне удивилась Наташа.

— Потому, что мне это не нравится.

— Ну, почему?!

— Потому, что это частная территория — раз, потому, что такой репертуар обычно мужики в возрасте заказывают — это два, и потому, что меня просто не будет в городе — это три.

— Дима...

— Ты поедешь со мной на фестиваль. Денег на билеты нам хватит, а там как-нибудь устроимся.

— Димка... Как бы я хотела — с тобой... Но у нас все три дня выступления.

— Остальные где?

— В субботу на корпоративе, а в воскресенье — в парке отдыха.

— Хорошо, — он нехотя согласился, — но обещаю тебе, что в пятницу ты ни в какой загородный дом не поедешь!

— Ну... Хорошо... Только что я девчонкам... — Наташа не успела договорить, как Дима её перебил:

— А ничего! Им бы я тоже не советовал.

— Ну, ладно, Дим... ладно... Не поеду...

Они уже спали, когда кто-то позвонил в дверь.

— Я открою, — надев шорты, сонный Дима прошлёпал в прихожую и повернул дверной замок, — здравствуйте. Вам кого?

— Здравствуйте... — широколицый, добродушного вида юноша растерянно стоял на лестничной площадке.

— Ты к кому? — разглядев ночного гостя, Дима повторил вопрос.

— Извините... — увидев его, юноша помрачнел лицом, — Кажется, я ошибся.

— Ничего, — кивнув ему, Дима закрыл дверь.

— Кто там приходил? — обняв, Наташка тесно прижалась к нему под тонкой простынёй.

— Да парень какой-то, квартирой ошибся, — целуя её в макушку, Дима закрыл глаза, — спи...

* * *

На следующее утро Наташу разбудил мобильный телефон.

— Привет, — тон Лены был как всегда, чуть насмешливым, — Не разбудила?

— Привет, — Наташа удивилась раннему звонку, но не подала вида, — Не разбудила...

— У нас новости. Настя с Дашей улетают сегодня вечером.

— Куда? — стараясь говорить как можно тише, Наташа покосилась на спящего рядом Диму.

— Что-то у родственников случилось. Поставили перед фактом... Так что выходные отработаем вдвоём, смотри, не заболей там и никуда не уезжай...

— Подожди... — Наташа осторожно встала с постели и, тихо ступая, вышла на кухню, — Я как раз хотела сегодня тебе позвонить... В общем, я завтра тоже не смогу...

— Ты что, Смольникова... Всё уже оплачено, вариантов нет... Завтра — как штык, к восемнадцати часам на остановку, машина подъедет.

— Лен, может, отменим?.. У меня не... — Наташа не успела договорить, как в трубке

послышалась гневная тирада:

— Ты что, с дуба рухнула? Деньги не нужны? Осенью конкурс, забыла?.. К тому же агентство подставишь!

— Ну да... Агентство... — Наташка заглянула в комнату: Дима всё ещё спал, положив руку на соседнюю подушку, — Хорошо... к шести я буду готова...

— Ты что там шепчешь-то? Любимый спит, что ли? — язвительно спросила Лена.

— Да... Дима спит... — нехотя ответила Наташа.

— Ну-ну... Спите-спите... Короче, до завтра...

— До завтра... — растерянно повторила Наташа, но в трубке уже послышались короткие гудки.

Внезапно нагрянувший ночью дождь к утру исчез так же неожиданно, оставив после себя мокрые скамейки и лужи на асфальте, через которые Наташке приходилось перепрыгивать, чтобы не замочить симпатичные маленькие тканевые кроссовки под светло-голубыми джинсами. «Ночной патруль», в полном составе вынырнув из подземного перехода железнодорожного вокзала, направлялся к предполагаемому месту посадки в свой вагон. Остановившись и сложив в одну большую кучу сумки и инструменты, Дима, Саша, Витя и Никита с нескрываемым интересом наблюдали, как приотставшая Наташка пытается перебраться через лужу, растёкшуюся по всей ширине перрона так, что обойти её было невозможно. Сами они через неё попросту перешагнули, но девушке это было явно не по росту, и теперь, подбоченившись, Димка шутливо командовал:

— Левее... теперь правее... теперь пятьдесят шагов назад, и — с разбегу...

— Ди-и-и-и-м... Ну перенеси меня... я сейчас запачкаюсь, — совсем по-детски протянула девушка, не отводя взгляда от коварной лужи.

— А не надо было меня подушкой бить с утра!

— Дима, если бы я знала, что ты такой... я бы тебя не только подушкой... — Наташка изо всех сил сдерживала улыбку.

— Надо было его гитарой огреть, — поддакнул Сашка и, в одну секунду оказавшись возле девушки, подхватил её одной рукой, перенёс через лужу и поставил возле Димы, — На, забирай...

— Саш, давай я лучше тебя буду провожать, ага? — Наташка, лукаво улыбаясь, демонстративно положила голову Сашке на плечо.

— О! Давай! Давай уже целоваться на прощание.

— Я сейчас сам кого-то поцелую, — Дима, сердито взглянув на Говорова и показав ему кулак, забрал Наташку и обхватил её сзади руками. Парни дружно засмеялись. Стоявшие неподалёку девчонки лет семнадцати-восемнадцати с нескрываемым любопытством разглядывали компанию молодых музыкантов, перешёптываясь и стреляя глазками. Люди на перроне как по команде повернули налево головы: показавшийся вдалеке пассажирский поезд медленно, как гусеница, подползал к платформе.

— Ну, вот... — голос у Наташки дрогнул, — Поезд подают...

Загрузив вещи, Дима с Никитой снова вышли из вагона: Дима пошёл прощаться с Наташей, а Никита, закулив, внимательно вглядывался в даль перрона.

— Саня, глаза не сломай... — Витька толкнул носком туфли Сашкину ногу. Устроившись у окна в купе, тот смотрел на целующихся на улице Диму и Наташу.

— Чё тебе надобно, старче...

— Я смотрю, сильно тебя Наташка зацепила, — Витька говорил вполголоса.

— А что, заметно? — слегка смутившись, Говоров отвёл глаза от окна.

— Ну, так... заметно, вообще-то...

— Сколько там до отхода? — нахмурившись, Сашка перевёл разговор в другое русло.

— Пять минут...

— Ну, нормально... сейчас поедем.

Лязгнув на прощание сцепками, поезд медленно тронулся от платформы. Взмахнув рукой, Наташа пошла рядом с набирающим скорость вагоном. Стоявший в тамбуре Димка что-то крикнул, показывая ей под ноги, но девушка не расслышала. Слёзы вдруг навернулись на глаза, и, боясь моргнуть, она через влажную пелену грустно провожала удаляющийся вагон.

— Зря ты, Саня, Наташку через лужу переносил, — выглядывая в окно, Витька усмехнулся.

— Почему?

— Потому... Назад-то вброд пошла...

Вернувшись с вокзала домой, Наташа ощутила жуткое одиночество. Три дня без Димки представлялись вечностью, казалось, что с его отъездом огромный город опустел, и жизнь стала бессмысленной. Попытка дозвониться не принесла успеха: «Абонент вне зоны действия сети»... Девушка ходила по квартире из угла в угол, думая о том, что всего несколько часов назад он ещё был здесь, спал на этой подушке, сидел в этом кресле, брился у зеркала в ванной... и о чём-то с ней разговаривал. Она так и не смогла найти себе занятия, и, вместо того, чтобы готовиться к выступлению, села плакать и рассматривать в ноутбуке Димкины фотографии. Услышав долгожданный звонок, судорожно схватила телефон... но, взглянув на высветившийся номер, печально вздохнула.

— Да, Серёж. Привет.

— Здравствуй, — ей показалось, что голос у её школьного товарища не такой, как обычно.

— Как ты?

— Нормально, — она не ошиблась: Сергей, действительно, говорил сдержанным, не свойственным для него тоном.

— Мне показалось, что у тебя что-то случилось... Голос какой-то не такой...

— Наташа... — он не дал ей договорить, — Я здесь, в городе, и у меня для тебя пакет от твоего отца.

— Да?! — она обрадованно улыбнулась, — А он мне ничего не говорил.

— Он очень ждёт тебя, — Наташе показалось, что Сергей говорит с укоризной, — и надеялся, что ты приедешь на эти выходные, поэтому просил передать подарок, если ты и сейчас не соберёшься. Но, дело в том, что я сегодня уже уезжаю...

— А ты давно в городе?

— Уже третий день.

— Серёжка... ну, почему ты сразу не пришёл?! — она зачем-то подошла к окну и выглянула во двор, — Три дня в городе, и не зашёл... Ты же знаешь адрес?

— Знаю... — ответил он очень тихо, — дядь Валера мне сказал.

— Ну, приезжай сейчас, — она посмотрела на часы, — пока я дома.

— Не могу. Ты сама можешь подъехать к автовокзалу?

— Да, могу, — она снова выглянула в окно.

— Тогда подъезжай... Мой автобус через час.

Быстро собравшись, Наташка выскочила из квартиры, добежала до стоянки такси и вскоре оказалась на автовокзале. Сергея она нашла в зале ожидания и, обрадованная встречей, с ходу обняла и чмокнула его в щёку.

— Привет, — он как-то странно посмотрел на неё, ей показалось, что отчуждённо.

— Привет! — она, напротив, радостно улыбалась, — Серёжка, я так рада тебя видеть!

— Странно, — Сергей усмехнулся, — в последнее время мне казалось, что ты боишься встречи со мной.

— С чего ты взял? — она смутилась, вспомнив их редкие телефонные разговоры.

— Мне так казалось.

— А ты повзрослел...

— Ты тоже. Очень повзрослела, — ей снова показалось, что он вкладывает в свои слова какой-то особый смысл.

— А... зачем ты приезжал?

— По работе.

— Ты какой-то странный... — она вглядывалась в его глаза, но он опустил их вниз.

— Обыкновенный. Ты всё ещё поёшь?

— Да, конечно. Вот и сегодня вечером выступаю... — последние слова Наташа произнесла не совсем уверенно, вспомнив Димин запрет.

— Понятно.

— И, всё-таки, почему ты сразу не зашёл?

— Я... заходил... — он что-то рисовал на асфальте носком туфли.

— Когда?! — глаза у Наташки округлились, но потом, как будто что-то вспомнив, она ахнула, — Так это ты позавчера ночью приходил?!

— Вообще-то это был ещё вечер, десять часов.

— А мы спали, вот мне и показалось, что... — взглянув на Сергея, Наташка осеклась, но потом, справившись со смущением, заговорила тихо, но твёрдо, — Дима тебя не знает, иначе бы он тебя не отпустил вот так, ночью. Тебе просто нужно было ему всё сказать или позвать меня.

— Позвать тебя? — он усмехнулся, — Я специально ждал целый день, чтобы застать тебя дома... потому, что Валерий Фёдорович говорил, что ты очень поздно возвращаешься... Он, вообще, переживает за тебя, что ты недоедаешь и недосыпаешь... — Сергей снова усмехнулся, — Я и пришёл попозже.

— И — что? — Наташа внутренне собралась, по тону Сергея поняв, что он собирается ей сказать.

— Ничего. Я не знал, что его зовут Дима, и что он у тебя... спит.

— Дима у меня не спит, — глядя ему прямо в глаза, Наташа говорила очень серьёзно, — мы с Димой живём вместе.

— Это же музыкант, из той группы... «Ночной патруль», кажется? — теперь в голосе Сергея сквозила горечь, — Я его узнал.

— Да, Дима поёт и играет в «патруле».

— Он что, сделал тебе предложение?

— Я его люблю.

— А он?

— И он.

— И ты веришь?

— Верю.

— Почему же он не пришёл с тобой сюда? Или встреча с твоими друзьями унижает его достоинство?

— Они сегодня уехали на рок-фестиваль, — Наташа почувствовала, как внутри закипает волна протеста и обиды — её школьный товарищ говорил с ней таким тоном, которого она не заслуживала.

— Понятно, — Шустов кивнул сам себе, как бы соглашаясь со своими, ему одному известными мыслями, — ну, что ж, тогда желаю вам счастья.

— Серёжа, я не совсем тебя понимаю. Ты разговариваешь со мной таким тоном, как будто у нас с тобой были какие-то обязательства, и я их нарушила, — она едва сдерживала слёзы от обиды, — а, ведь, я никогда и ничего тебе не обещала. Ты, действительно, был мне другом, пока сам не изменил ко мне своё отношение.

— Разве я виноват, что я... что я тебя...что я тебя люблю? — выговорив, наконец, трудные для него слова, он глубоко вздохнул.

— Серёж... — она как будто собиралась с мыслями, — Серёжка... но, я ведь тоже не виновата в том, что я люблю другого парня.

— Ты... ты... — в порыве нахлынувших эмоций он не мог выговорить то, что вертелось у него в голове, — ты влюбилась, как одна из толпы фанаток... Наташа... Я немного пообщался с местными парнями... Так вот, эти «патрули»... За ними пол города девчонок умирает, они их меняют, как перчатки... Получается, и ты — так, как и остальные?! Влюбилась в известного, красивого... так ведь проще, правда? А я всегда думал, что ты не такая, как все.

— Я не понимаю, чего ты от меня хочешь, — слёзы снова навернулись на глаза, и Наташа опустила голову, — Серёжка... ты меня позвал, чтобы обидеть? Да, может, я и похожа на остальных, но из толпы этих остальных Дима выбрал именно меня. Понимаешь? — она снова подняла на него свои большие глаза, — Он меня любит.

— Я желаю тебе, чтобы ты не ошиблась, — он с болью посмотрел на неё, — всё, мне пора, автобус... Пока.

— Пока... — смахнув слезинку со щеки, она грустно смотрела ему вслед, — пока, Серёжа.

О том, что она так и не забрала у него переданный отцом пакет, Наташа вспомнила только тогда, когда поднималась на свой этаж...

* * *

Около шести вечера к автобусной остановке подъехал чёрный «лексус», в салоне которого уже сидела Лена. Водитель, мужчина лет сорока с коротким «ёжиком» на голове, поджав нервные губы, скользнул равнодушным взглядом по новой пассажирке и нажал на педаль газа.

— Значит, так. Работаем вдвоём, минусовки я взяла. Колонки и микрофоны у них есть, — Лена придиричиво посмотрела на Наташу, — заплелась зря, придётся расплестись, юбиляр даже это оговорил.

Устроившись на заднем сиденье, Наташа молча кивнула. Настроение было совсем удручённое: данное Диме обещание не ездить сегодня на выступление она не выполнила и даже не сказала ему об этом, и теперь чувство вины не давало покоя, да и встреча с другом детства никак не добавляла позитива.

— Почему ты не пришла провожать Никиту?.. — мысли о Диме напомнили Наташе сегодняшние проводы.

— Это в семь-то утра? — хохотнула Лена, удивлённо приподняв красивые брови.

— Он ждал тебя...

— А я и не обещала, что приду.

— Понятно... — Наташа отвернулась к окну. Автомобиль мчался по загородному шоссе, и казалось, что вечернее солнце катится вместе с ним, прячась за стволами редких деревьев вдоль дороги. Примерно через полчаса «лексус» въехал в один из дачных посёлков и, немного покружив по улицам, остановился у ворот трёхэтажного особняка. Молчавший всю дорогу водитель достал мобильный телефон, нажал на кнопку вызова:

— Лёша, открывай, я... Да, певичек привёз.

Через мгновение огромные металлические ворота разъехались в разные стороны, и автомобиль медленно вполз во двор.

Выйдя из машины, Наташа огляделась по сторонам. Вымощенная плиткой дорожка в обрамлении невысоких шарообразных фонарей вела к дому, из которого выбежала молодая девушка в костюме горничной.

— Проходите, пожалуйста, вас уже ждут! — девушка широким жестом показала на входную дверь. Поднявшись за ней на второй этаж, девчонки оказались в одной из многочисленных комнат, судя по всему, гостевой.

— Располагайтесь, вот зеркало, утюг, если понадобится. Вас позовут, — сказав это с лёгким украинским акцентом, горничная выпорхнула из комнаты.

— Ничего себе, почести... — Наташа подошла к зеркалу, расплела косу, достала из сумочки расчёску. К тоскливому настроению почему-то добавилось чувство необъяснимой тревоги.

— Богатый чел, что ты хочешь, — усмехнулась Лена, — видишь, какой юбилей устраивает, с живым пением.

— Лен... А почему тамады от агентства нет?

— Ну, я откуда знаю... Может, у них свой тамада. Тебе какая разница, отпоём, и свободны...

* * *

Наташа ещё расчёсывала волосы перед зеркалом, когда коренастый, среднего роста, моложавый мужчина в стильной фиолетовой рубашке и дорогих фирменных джинсах вошёл в комнату.

— Добрый вечер.

— Здравствуйте, — одновременно ответили девушки.

— Меня зовут Игорь Николаевич, я хозяин дома, ну, и, собственно, юбиляр... Значит, так, девочки, гости уже немножко выпили, скоро захотят потанцевать, — хозяин, игриво улыбнулся Наташе, — у вас музыка на диске или на флэшке?

— На флэшке, — Лена достала из сумочки флэшку и протянула мужчине.

— Ну, тогда прошу... — Игорь Николаевич ещё раз окинул Наташку с ног до головы заинтересованным взглядом, — проверим динамики и микрофоны и начнём музыкальную часть.

* * *

Близилась полночь а, веселье не утихало. Крепко подвыпившие гости и не думали расходиться. Молодой человек, судя по внешнему сходству, сын юбиляра, охотно наливал всем спиртное, не забывая и о себе.

— Артём, по-моему, тебе уже хватит, — отец вырвал из рук сына бутылку и бокал.

— Да ладно, папик, у тебя сегодня праздник, — развязно ответил парень, — а где твои певички? Мне понравилось, как они... поют...

— Они наверху.

— Позови их, пусть ещё споют.

— Артём, они и так почти три часа отпели, что одно и то же по пятому кругу слушать?

— Пусть другое споют, в чём проблемы? Боишься, из клетки выпорхнут? — сын дерзко смотрел на отца.

— Другой музыки нет. Всё, Артём, тема закрыта.

* * *

Девушки уже целый час сидели в гостевой. После трёхчасового выступления Наташа очень устала; чуть ли не трижды спетый репертуар отозвался подленьким пощипыванием в горле, ей всё время хотелось пить. Но ещё больше хотелось поскорее попасть домой... включить мобильный телефон и позвонить Диме, который уже должен был добраться до места. Она уже представляла, как объяснит ему, что не могла поступить иначе... Порывшись в сумочке, она вдруг обнаружила, что телефон куда-то исчез. «Дома оставила, что ли...» — подумала девушка.

Время было уже далеко за полночь, а их так и не отвезли в город. Игорь Николаевич сказал, что машина скоро будет, нужно лишь немного подождать, и поэтому девушка обрадованно встала, когда он снова заглянул в гостевую.

— Девочки, небольшая накладка... Водитель будет чуть позже. Я приношу свои извинения и прошу ещё немного подождать, — мужчина, чуть прищурившись, улыбнулся.

Наташа разочарованно села на кровать. Лена молча достала сигарету, закурила... Как будто вспомнив что-то, хозяин обратился к Наташе:

— У меня к тебе есть небольшая просьба. Я слышал, что ты гитаристка, может, споёшь под гитару?

— Извините, но я очень устала, — она покачала головой, — давайте, в другой раз?

— Я заплачу, — в голосе хозяина послышались более твёрдые нотки.

— Соглашайся, заработаешь побольше, — Лена красиво затянулась и так же красиво выпустила струйку дыма, — всё равно пока делать нечего.

— А гитара-то есть? — устало спросила Наташа.

— Есть. Пойдём.

— Господа... Очередной сюрприз... — юбиляр поставил стул в центре большого обеденного зала и жестом пригласил Наташу сесть. Под взглядами сидящих за длинным столом людей девушка почувствовала себя неуютно, улёгшееся было чувство тревоги снова вернулось, и, из последних сил взяв себя в руки, она тронула струны принесённой хозяином гитары.

— Гитара расстроенная... подождите минуточку... — извлекая пробные звуки, она привычно подкрутила колки. Пройдясь большим пальцем правой руки по всем струнам, накрыла их ладонью. Затем, собравшись, левой ладонью обняла гриф... «Зелёные рукава» потекли из-под пальцев, наполняя комнату чудесной мелодией, казалось, что звуки заполняют каждый уголок, долетая до стен и возвращаясь, и снова улета... Сыграв вступление, Наташа запела на английском — это была её коронная композиция ещё со школьных лет... Гости за столом притихли. Девушка пела, стараясь не замечать ни пьяных взглядов мужчин, ни оценивающего выражения на лице хозяина, ни сальной ухмылки его сына...

* * *

Отыграв ещё с полчаса, Наташа решительно поставила в угол гитару и, выйдя из зала, поднялась на второй этаж. Усталость навалилась окончательно, нервное напряжение давало о себе знать, и, мечтая только об одном — куда-нибудь прилечь, девушка открыла дверь в гостевую. К её удивлению, комната была пуста. Выглянув в коридор в поисках Лены, Наташа столкнулась с Артёмом. Сын хозяина, бесцеремонно втолкнув девушку обратно в комнату, закрыл за собой дверь.

— Ну, что, как оно?.. — пьяно спросил молодой человек.

— В каком смысле? — Наташа отступила назад.

— В том самом... — Артём развязно улыбнулся, и, наступая на неё, продолжил, — А ты мне понравилась...

— А ты мне — нет.

— Так тебя никто и не спрашивает...

— Иди лучше спать...

— А ты?.. Пойдёшь со мной?.. — ослабившись, парень схватил её за руку.

— Пусти, больно, — девушка попыталась вырваться.

— Ну, это пока не больно... — Артём всё наступал, и Наташа оказалась зажатой между ним и стеной, — Папочка мой ещё к тебе не приходил?

— Никто ко мне не приходил... И ты отстань от меня, пожалуйста...

— А он придё-ё-ёт... — Артём попытался обнять девушку, — Он ко всем приходит раньше меня... А сегодня я его опередил...

— Пусти...

— Представляешь... — парень перешёл на громкий шёпот, — у других старшие братья всё отбирают... А у меня — родной папочка... Но сегодня он ошибся... Первым буду я...

— Иди спать... Ну, пожалуйста... умоляюще произнесла Наташа.

— Я же сказал... Только с тобой... — парень оторвал её от стены и грубо толкнул на постель.

Упав, она успела быстро вскочить и бросилась к двери, но Артём схватил её сзади за ворот платья и рванул на себя. Повернув за плечи, облапил, не давая вырваться из липких объятий... Чувствуя, что не справляется, Наташа закрыла ему ладонью рот и из последних сил оттолкнула от себя.

— Ах, ты, сук-кааа... — удар пришёлся по лицу, свалив её на кровать. Но подняться в

этот раз она не успела...

— Что ты делаешь,пусти!.. — девушка закрыла лицо руками, но удары посыпались один за другим — по голове, плечам, груди... Наташа закричала, но в парня как будто вселился бес: казалось, сам он уже не может остановиться...

На крики в комнату вбежала Лена:

— Ты, придурок... Мы так не договаривались!.. — девушка оттащила ничего не соображавшего Артёма от Наташи, — Ты что натворил?

Дверь открылась ещё раз: на пороге стоял Игорь Николаевич.

— Что здесь происходит? — несмотря на долгое застолье, хозяин дома был довольно трезв, — Что... что?!

С трудом поднявшись, Наташка села, прислонившись к стене. Всё тело ужасно болело, на разорванное по вороту платье из ссадины на лбу упали несколько капель крови... Слёзы текли по щекам от боли и обиды, она их даже не вытирала...

— Пойдём... — вытолкнув Артёма из комнаты, отец хмуро вышел следом.

— Ну как ты? — Лена, сморщившись, осмотрела Наташку.

— Нормально, — прошептала та, глядя в одну точку и еле двигая разбитыми губами.

В приоткрытую дверь просунулась голова горничной, затем показалась она сама. Выглянув ещё раз в коридор, девушка подошла к Наташе и, сочувственно положив пухлую ручку ей на голову, тихо спросила:

— Артём?..

Та едва заметно кивнула.

— Есть у него такое дело... Отцу всё некогда за бизнесом, вот и выросло, шо выросло... — Сейчас, подожди... — горничная вышла из гостевой и через пару минут вернулась с трикотажной кофточкой в руках, — Это моя, надень пока...

— Спасибо... — Наташка попыталась надеть кофту поверх изорванного платья, но резкая боль в правом предплечье заставила её опустить руку.

— Давай, я... — горничная осторожно продела руку девушки в рукав, затем надела второй...

— Что ты здесь делаешь? — на пороге стоял хозяин дома. Опустив голову, горничная испуганно прошмыгнула в дверь.

Окинув Наташу холодным взглядом, мужчина обратился к Лене:

— Машина будет через пару минут, вас отвезут.

— И года не прошло, — Лена насмешливо посмотрела на Игоря Николаевича.

— Уж кому бы говорить... Я почему-то уверен, что о том, что произошло, вы забудете сразу же за воротами дома, а чтобы было легче забыть... Вот... — мужчина бросил на стол несколько тысячных купюр, потом ещё раз скользнул холодным взглядом по избитой девушке и молча вышел. Несмотря на боль, Наташка поймала себя на мысли, что так смотрят на испорченный товар.

На улице было уже совсем светло, когда всё тот же чёрный «лексус» подъехал к пятиэтажке на окраине города и плавно притормозил.

— Сама дойдёшь? — Лена вышла из машины вслед за Наташей. Та только кивнула, утвердительно прикрыв глаза.

— Ну, давай... Сильно не переживай...перемелется... И забудь. Вот, забери, — Лена протянула Наташке деньги, которые принёс юбиляр.

— Не надо, — еле слышно ответила та.

Собравшись было идти, она вдруг снова повернулась к Лене и, глядя в глаза, спросила еле слышно:

— Ты сказала Артёму, что вы так не договаривались... А к а к вы договаривались?

Не дождавшись ответа, девушка, слегка пошатываясь, медленно пошла к своему подъезду. Пожав плечами, Лена села в машину на заднее сиденье, бросила деньги в сумочку. Водитель, нервно сжав губы, нажал на педаль газа, потом, подняв глаза к зеркалу, встретился взглядом с Леной:

— За что же так девчонку-то?..

Свет редких фонарей вдоль перрона маленького полустанка медленно пульсировал в окне, освещая полутёмное купе скорого поезда. Лёжа на верхней полке, Дима снова и снова набирал Наташин номер, заранее зная, что она не ответит... Он и сам бы не сказал, зачем он это делает, разве что на всякий случай. «Абонент временно недоступен...» — за последние двое суток он слышал это уже, кажется, в сотни тысяч раз. Когда вечером в пятницу девушка вдруг не ответила на его звонок, Димка подумал, что она просто не успела подойти к телефону и сейчас перезвонит... Но она не перезвонила. На последующие звонки робот беспристрастно отвечал, что телефон абонента отключен и предлагал позвонить позже. В субботу, отчаявшись, он попросил Никиту созвониться с Леной — может, та что-то знала о Наташе, но Никита, сославшись на ссору, звонить отказался...

— Димон, что-то случилось? — Сашка сразу заметил подавленное настроение друга.

— Не могу до Наташки дозвониться уже сутки, — немного помолчав, ответил Дима.

— Что, трубу не берёт?

— Телефон отключен...

— Может, зарядное сломалось?

— Вряд ли... Другое бы купила.

— Да не расстраивайся... Увидишь, вечером позвонит сама, — Говоров, как мог, успокаивал Димку, хотя ситуация его тоже встревожила.

Не выдержав, на следующий день Сашка сам обратился к Никите:

— Ник, будь челом, позвони Ленке... Просто спроси про Наташку, и всё. Димыч не в себе, а нам ещё гала-концерт отработать надо.

— Ты-то что так переживаешь? — Никита покосился на Сашку, но, как бы оправдываясь, произнёс, — Ленка может ещё трубку не взять...

— Ну, не возьмёт — другое дело, а вдруг возьмёт?

Никита нехотя достал мобильник, вышел в коридор и, вернувшись через несколько минут, сообщил:

— Ленка говорит, что она телефон потеряла, поэтому и не отвечает.

Выступление на фестивале оказалось удачным для «Ночного патруля». Новая рок-композиция «Он, как и я» произвела настоящий фурор и у членов жюри, и у зрителей. Группу включили в программу гала-концерта, а местный телеканал снял сюжет о «Ночном патруле». После выступления к Диме подошёл руководитель известной московской рок-группы «Апрель» Сергей Соколов и сказал, что хочет записать кавер-версию «Он, как и я» в исполнении своего коллектива. О таком признании никто не мечтал, но даже этот неожиданный успех не порадовал Диму. Все мысли были о Наташе и о том, что поскорее бы закончился фестиваль... И вот теперь, лёжа в купе, он с нетерпением считал оставшиеся до встречи часы...

площадью и запахом чебуреков из круглосуточного кафетерия. Сашка с Витькой, всю ночь отмечавшие успех, вяло загрузили сумки и инструменты в багажник такси и уехали в студию; Никита и Дима отправились по домам.

Подойдя к дому, Димка обрадованно заметил открытое окно на третьем этаже. Не доставая ключей, нажал на кнопку звонка... Незнакомый мужчина средних лет, открывший дверь, удивлённо смотрел на раннего гостя.

— А Наташа... где? — от неожиданности Дима забыл поздороваться.

— Спит... — мужчина замешкался, потом, приглядевшись, спросил, — а ты, наверное, Дима?

— Да... Что с Наташей?

— Проходи, — мужчина отступил в прихожую, — я Наташин отец, Валерий Фёдорович....

— Очень приятно... — машинально произнёс парень и, пытаясь заглянуть в комнату, тревожно повторил вопрос, — Что-то случилось?

Едва кивнув, мужчина жестом показал на комнату и понуро ушёл в кухню.

Наташка спала, отвернувшись к стене. Присев на край постели, Дима тихо погладил девушку по голове, попытался обнять. Со стоном схватившись за больное плечо, она медленно повернулась... Внутри у Димки всё оборвалось. Ссадина на лбу, припухшие губы и полный боли взгляд — так теперь выглядела весёлая девочка, провожавшая его всего три дня назад. Дима осторожно отвёл Наташкину руку, отодвинул тонкую лямочку ночной сорочки — огромный синяк растёкся по всему плечу, предплечью, ключице. Девушка вздрогнула от боли.

— Откуда?.. — тихо спросил он, но она только молча прикрыла глаза и отрицательно покачала головой.

— Откуда? — повторил вопрос Дима, — Наташа, не молчи...

Ничего не ответив, она снова отвернулась к стене.

— Она не говорит, — Валерий заглянул в комнату и жестом позвал Диму в кухню.

— Я два дня не мог дозвониться... — вопросительно глядя на Смольникова, Дима присел за стол.

— Да, и я тоже... В пятницу не мог дозвониться, потом в субботу... — Валерий закурил, подвинул к себе пепельницу, — Потом решил, что пора навестить, сел в машину и приехал. А она — избитая, всю трясёт... Телефона нет, позвонить никому не может...

— Её нужно в больницу.

— Были. Я сразу вызвал скорую. Они приехали, и давай допрашивать — откуда травмы. А она не говорит. Они хотели уехать, но я упросил дать хотя бы направление на рентген. Врач сказал, что переломов нет, только сильные ушибы. Грозил прислать следователя... А она всё равно молчит.

— Это я виноват, — отрешённо произнёс Дима, — почему я не увёз её с собой?..

— Виноват я... — Валерий потушил в пепельнице остатки сигареты, — она всегда была очень самостоятельной. Её даже маленькую можно было одну оставлять. Я привык. Мало уделял внимания, легко отпустил... Но она у нас не только самостоятельная, она ещё очень доверчивая... и скрытная, ни за что не расскажет, что у неё не так. Вот и с тобой... — он пристально посмотрел на Диму, — ничего толком не говорила, сказала только, что с мальчиком познакомилась... — на слове «мальчик» мужчина усмехнулся, — А какой уж тут

мальчик? Мужчина... Я ведь даже не знал, что она... что вы вместе живёте... Она только вчера и призналась, всё рассказывала, какой ты хороший.

— Валерий Фёдорович, — Дима смотрел Смольникову прямо в глаза, — вы не думайте ничего плохого, я Наташу очень люблю, и у нас всё серьёзно.

— Не знаю, как насчёт «серьёзно», а вот то, что всё у вас сейчас очень просто, тут я согласен, — Валерий горько вздохнул, — захотели — переспали... захотели — разбежались...

— Мы не собираемся разбегаться, — Дима положил локти на стол, — у нас, действительно, серьёзные отношения.

— Ну, во всяком случае, я рад, что услышал это от тебя, — Валерий хлопнул его по плечу, потом включил плиту, достал из холодильника несколько яиц, разбил на горячую сковороду, — сейчас что-нибудь приготовлю, позавтракаете... И надо её всё-таки разговорить... Может, тебе скажет, кто с ней такое сотворил?

Вернувшись в комнату. Дима снова присел возле Наташи.

— Наташ... Расскажи, что случилось, не скрывай, что бы ни было... Я должен знать, кто тебя обидел.

— Дима... Ничего такого не было, я клянусь... просто не хочу вспоминать...

— Ты только представь, что твой отец пережил, когда тебя увидел... Он волновался, ехал сюда. И я тоже... Я всё передумал, пока Никита Ленке не позвонил.

— Ленке?... — Наташа горько усмехнулась, — И что же она сказала?

— Что ты потеряла телефон... Так ведь?

— Наверное... Дим... — она села и, обняв его одной рукой, заплакала, — Прости меня, пожалуйста... Я тебя обманула...

Сквозь слёзы Наташка рассказала всё, что произошло в пятницу.

— Ты помнишь адрес? — Дима стал серьёзным, — вообще-то, это уголовщина.

— Не помню... Я и названия дачного посёлка не знаю, не обратила внимания...

— Может, Ленка знает?

— Она не скажет...

— Почему?

— Неважно...

— Ты опять?

— В агентстве знают. Ну, конечно! Агентство...

— Как агентство называется? Где находится?..

— Называется «Торжество»... Где находится? Я не знаю... Лена с ними всегда договаривалась.

— Кругом эта Лена.

— Просто она занималась концертами на каникулах.

— Просто я её немного знаю... — Димка перебил девушку на полуслове, но потом, кивнув в сторону кухни, смягчил тон, — Пойдём, позавтракаешь, там твой папа что-то приготовил.

Вечером Валерий Фёдорович уехал домой. Оставшись одни, они долго сидели молча. Улёгшиеся волнения обернулись для обоих усталостью и какой-то щемящей пустотой, разбавляемой чувствами вины и досады. Очень скоро Димка уснул, и Наташа, стараясь не шуметь, ушла с ноутбуком на кухню. Забив в поисковик название рок-фестиваля, с которого приехал «Ночной патруль», нашла официальный сайт с уже выложенными фотографиями и видео. Чувство вины перед Димкой только усилилось — сегодня она даже не спросила его, как прошли выступления... Побродив немного по интернету, выключила компьютер, вернулась в комнату и тихонько прилегла... Дима спал, и ей очень хотелось обнять его, прижаться всем телом, уткнувшись лицом в тёплую ямку между плечом и подбородком... Но она тихо лежала рядом, боясь разбудить... и, в то же время, ужасно желая, чтобы он вдруг проснулся...

На следующий день, по дороге в студию, Дима позвонил матери. Обида давно улеглась, и он скучал по родителям. Несмотря на это, ехать домой одному не хотелось, а вместе с Наташкой они его так и не позвали.

— Привет, мам... У меня всё нормально. Вчера с фестиваля приехали. Удачно... Сами не ожидали... Представляешь, на нашу песню хотят написать кавер-версию... И самое главное — кто хочет! Сам Соколов из «Апреля»! Не мы — их, а они — нашу! Да, это не просто успех... Спасибо, ма... Не знаю... Сегодня целый день буду в студии, у нас там халтурка есть, нужно аранжировку на заказ написать, Сашка уже ждёт. Может, завтра... Ну, и я по вам скучаю... Ну, конечно... Ладно, мам. Я уже приехал... Всё, пока, я потом позвоню... Отцу привет.

С Сашкой они встретились на улице, у дверей в студию. Спустившись в помещение, Дима сразу включил компьютер.

— Ну, чё, с Наташкой всё нормально? — как бы невзначай, спросил Говоров.

— Нормально... — Диме не хотелось никому говорить о том, что случилось с любимой девушкой, даже лучшему другу.

— Ну, я же говорил...

— Ну, что там у нас, барабаны те же оставляем? Или ещё поищем, как хотели? — Димка перевёл разговор на музыку.

— Давай, поищем... А чего она с тобой не приехала? — имея в виду Наташу, спросил Говоров.

— А вы по какому поводу интересуетесь?

— Да просто... Она же обычно с тобой приезжает.

— Ну, а сегодня необычный день, — Дима открыл страничку в интернете, — вот, смотри... Сайт, о котором Витька говорил... Вот, партии барабанов... Смотрим?

— Давай... Вы чё, поругались? — Сашка не оставлял попыток узнать, что случилось.

— Нет...

— Ну, нет так нет...

Выйдя через пару часов на улицу покурить, Сашка обнаружил, что забыл в студии

зажигалку. С минуту пощурившись на летнее солнце, снова спустился в подвал. Дима с кем-то разговаривал по телефону:

— Ну, как ты? Ладно, не переживай больше... Всё заживёт. Рука сильно болит? Значит, будем сегодня лечить... Как-как... Увидишь... — Дима заговорил тише, — я тоже... Часа через три приеду... От Говорова тебе привет, — Димка обернулся на Сашку, возникшего на пороге, — ладно, и ему тоже передам, только целовать не буду... Вот поправишься, сама, если я разрешу... — Дима улыбнулся, — Ну, всё, Наташ, пока... Это у Сани перекур был... Давай, до встречи...

— Что случилось-то, Дим?

— Сам не знаю... — Дима откинулся на стуле, и, скрестив руки на груди, нехотя рассказал всё Сашке.

— Так чего мы здесь? Надо этих уродов искать.

— Если бы я знал, где и кого искать... Всем Ленка занималась...

— Я думаю, она всё это и заварила, — Говоров кивнул сам себе.

— Я только одного не пойму, — Дима пожал плечами, — зачем ей это было нужно, так Наташку подставлять?

— Чего тут непонятного, — хмыкнул Сашка, — Ленка по тебе который год страдает, этого только слепой не видит. Кристину она достать не могла, а вот Наташка — лёгкая добыча.

— Я вообще удивился, что Наташка в их коллективе оказалась, когда её там в первый раз увидел, даже подумал, что они нарочно такую девочку взяли, на них не похожую.

— Так то Бушман взял...

— Да, оказалось — Бушман, — Дима улыбнулся, — и, действительно, Наташка в их коллектив не очень вписалась.

— В курсе, — Говоров снова кивнул, — как-то Никита проговорился, что Ленка не хочет с ней петь, якобы, у Наташки что-то там не получается.

— Да всё у неё получается, — Дима махнул рукой, — Наташка по своим вокальным способностям выше Ленки на ступеньку. Ей вообще только нужно петь.

— Возможно, Димыч... Кстати, когда Никита говорил, что они с Ленкой в ссоре, он врал. Я сам слышал, как он буквально за час до этого с ней по телефону базарил. И всё у них было зашибись.

— Разберёмся, — Дима щёлкнул мышкой, — ну, что, дальше работаем?

* * *

Уже поднимаясь по лестнице на третий этаж, он вдруг понял, как сильно соскучился по Наташке... И фестиваль, и вчерашние новости, и приезд её отца, и собственная усталость отодвинули на задний план их отношения и чувства, вспыхнувшие теперь в нём с новой силой. Войдя быстрым шагом в комнату, подхватил поднявшуюся ему навстречу девушку и, стараясь не причинять боли, осторожно обнял... мягко дотронулся губами до ссадины на лбу... до щёк... шеи... губ...

— Я так соскучился... — зарылся лицом в распущенные белокурые волосы... Рукой нащупал поясok на талии, потянул за кончик... Шёлковый халатик легко соскользнул с

девичьих плеч. Дальше целовал уже не сдерживаясь, невольно всё крепче сжимая в объятиях хрупкое, податливое тело...

На следующий день Дима приехал в студию раньше обычного. Чтобы заработать денег, они с Сашкой в свободное от репетиций время занимались тем, что делали на заказ аранжировки, записывали «минусы», но чаще всего Дима писал там свою музыку. Он давно уже хотел написать песню для Наташи, и вот уже несколько дней подряд думал над текстом.

Спустившись в подвал, он включил компьютер, достал мобильник, и, найдя её новый номер, нажал на «вызов»:

— Ну, как ты? Я тоже нормально, только зашёл, ребят пока нет. Я здесь долго буду сегодня, сведение — процесс не быстрый, а ты пока сиди, с новым телефоном разбирайся, — Дима улыбнулся и, услышав чьи-то шаги, быстро добавил, — Кто-то идёт. Всё, целую... Наташка, слышишь? Це-лу-ю... Пока.

— Привет, Димыч, — войдя в студию, Никита сразу плюхнулся на диван, неторопливо потянулся, — шёл мимо, решил завернуть. Ты чего такой?

— Привет, — при виде Белова Дима посерьёзнел, — какой — такой?

— Не в настроении. Случилось что?

— Случилось... — Дима ненадолго замолчал, как будто подбирая нужные слова, — Ник, скажи, только честно... Ты знал, куда девчонки должны были поехать в прошлую пятницу? Только честно, — положив локти на расставленные колени и сцепив пальцы, он пристально смотрел Белову в глаза, но тот не торопился с ответом. Приняв точно такую же позу и глядя в глаза Морозову, помолчал с минуту, потом неторопливо произнёс:

— Ну, а если знал, это что-то меняет?

— Кто эти уроды? Знаешь?

— Ну, допустим.

— Кто? — так же, не отводя взгляда, Дима сжал губы.

— Фамилию не скажу. А так — крутой дядя... Ты и думать забудь, тем более, вроде, как обошлось? — в голосе Никиты послышались нотки сарказма.

— Ленка его знает? Только не ври...

— Ну, а если и знает, что это меняет, Дима?

— Как же так, Никита? Мы же вместе не один год! Ты знал, что Наташку подставляют...

— Ты хотел сказать — подкладывают? — насмешливо заметил Белов.

— И ты мне ничего не сказал?

— А если бы и сказал, ты что, как волшебник, в голубом вертолёте бы полетел?

— Это уже мои проблемы. Полетел бы. Но, как же так...

Глядя на Белова, Димка не узнавал в нём того Никиту, с которым его связывала многолетняя дружба — сейчас он казался ему чужим человеком, имеющим какие-то свои собственные цели в данной ситуации. Не отводя дерзкого взгляда, тот поднялся с дивана, засунул руки в карманы брюк, помолчал, потом отчеканил:

— Хочешь меня крайним сделать? А Наташа твоя что — не знала, куда её повезут? Или,

скажешь, ты не догадывался, чем такие вечеринки заканчиваются? Ты же тоже знал, куда она собиралась? Или она тебе не сказала? О-о-о-о... Дима... — цинично ухмыльнувшись, Белов фамильярно хлопнул Морозова по плечу, — Неужели не сказала?.. А почему — не подумал? — выдержав многозначительную паузу, Никита произнёс с издёвкой, — Да потому, что заранее знала, что её там трахнут! И денег заплатят, и ты не узнаешь! А тут — какое горе — синячок поставили... Да, Дима?.. Уже не скроешь, пришлось расска... — договорить он не успел: Димкин кулак отпечатался на его скуле. Отлетев назад к дивану, Белов, не удержав равновесия, упал. Неторопливо поднявшись, ладонью потрогал разбитое место... Враждебно посмотрел на Морозова, но отвечать не стал и, сжав губы, направился к выходу.

— Ничё, Дима... — обернувшись в дверях, бросил едкий взгляд исподлобья, — Ты думал, что одна Ленка такая... А Ленка хоть честная... Какая есть, не скрывает ничего и невинность из себя не строит... А твои открытия все ещё впереди — и что при тебе... и кто до тебя был...

— Дурак ты, Белов... — тон Димы стал на удивление спокойным.

— Дурак ты, Морозов! И следи за Говоровым... Уж больно у них с твоей Наташей отношения нежные.

— Что ты сказал?! Повтори! — Неожиданно выросший в дверях Сашка вплотную приблизился к Белову.

— Что слышал...

— Саш, оставь его... — Дима снова сидел, сцепив пальцы и уставившись в пол, — Пусть идёт себе с миром.

Нехотя пропустив Никиту, Говоров подошёл к Морозову и, присев напротив, поднял на него пыливый взгляд.

— У Белова что, крышняк сорвало?

— Да всё норм... — Дима, нахмурившись, смотрел себе под ноги.

— Я всё слышал... Димыч, ты за Наташку даже в голову не бери. Бред какой-то... Это он с Ленкой всех сравнивает, бросить её не может, справиться тоже. А Наташка — её же видно, она тебя любит... Если кто и был раньше — так то раньше.

— Не было у неё никого.

— Чё, серьёзно? — постукивая носком туфли по полу, Говоров опустил взгляд.

— Серьёзно, — Дима шумно выдохнул, — Слушай, дай сигарету... успокоиться надо. Что-то день начался неудачно.

* * *

— И что теперь? — выслушав Сашку, Мазур закурил, потом поддел носком небольшой камень возле двери в студию, куда он приехал после обеда, и отбросил в сторону, — Как теперь с Никитой?

— Хороший вопрос, Викун... — засунув руки в карманы брюк, Говоров задумчиво посмотрел куда-то вверх.

— Может, утрясётся?

— А вот это сложный вопрос...

— Как всегда: всё из-за баб... — Витька сплюнул, — И где теперь гитариста брать? Да ну... Ерунда какая-то. Как без Никиты?

— Он сам так решил.

— Да ладно, психанул — успокоится.

— Дима ему скулу разбил...

— Вы чё тут, совсем свихнулись? — вытаращив свои голубые глаза, Витька возмущённо приподнял плечи, потом нервно затаился, — Бабы — бабами, работа — работой.

— Так Димыч тут при чём? Никита подло поступил, не Мороз...

— Да ну нафик... Вроде только наладилось: фестик удачно прошёл, диск собрались записывать... Сольник через месяц... И чё теперь?

— Разберёмся...

— Разберётесь... Смотри, а то следующим будешь!

— Не понял...

— Да всё ты понял, Саня... Думаешь, Мороз не догадывается, что у тебя его Наташка на уме? Бляя... Из-за одной девчонки столько проблем!

— Это не твои проблемы, Вик.

— А где он, кстати?

— Домой уехал.

— Он же вроде минус собирался сводить?

— Да что-то не до минуса стало.

— Вот и говорю: одни проблемы...

* * *

Вернувшись домой, Дима застал Наташу в прихожей у зеркала — одной рукой она отчаянно пыталась расчесать распущенные волосы, но расчёска то и дело цеплялась за едва заметные узелки на концах разметавшихся по плечам и спине прядей.

— Не получается? — встав позади, он с улыбкой смотрел на её отражение.

— Одной рукой неудобно, а вторую поднять больно. Вчера так же расчёсывалась, но только ещё больше запутала. Сейчас вообще не раздеру...

— Помочь? Ща-а-ас... Я только ножницы найду. У нас садовых нет? — Дима прошёл в кухню и, открыв ящик стола, начал в нём рыться.

— Зачем? — округлив глаза, Наташа следила за его передвижениями.

— Ну, как зачем? А чего мучиться?.. — пряча улыбку, он появился с ножницами в руках и, щёлкая ими в воздухе, медленно приблизился к застывшей девушке, — Отрезать, и делов-то...

— Режь... — покорно улыбнувшись, Наташа закрыла глаза.

— Что, не стра-а-а-шно? — собрав в ладонь её волосы, Димка шутливо поднёс к ним ножницы.

— Не-а...

— Нет, ну, так неинтересно... ты должна дрожать... кричать...

— А я на всё согласна...

Всё так же стоя перед зеркалом, он сзади обнял её, прижался щекой к голове.

- На-всё-на-всё?..
- На-всё-на-всё... Дим, что-то случилось?
- Всё нормально.
- Ты грустный...
- Показалось. Давай, я тебя расчешу?
- Давай...

Поглядывая на неё в зеркало, он осторожно провёл расчёской по длинным мягким волосам. Наташа тихо ойкнула, когда в самом низу редкие зубья увязли в кончиках светлой пряди.

- Не так... — она улыбнулась его отражению.
- А как?
- Сначала нужно волосы снизу захватить, и расчесать кончики...
- Серьёзно? Целая наука.
- А ты как думал... — в её глазах блеснул лукавый огонёк.
- Как вы их носите?!
- Ну, вот... Как-то так и носим... Ой!
- Вроде, всё, — Дима через зеркало оглядел девушку: в обрамлении длинных белокурых волос Наташка была похожа на русалку, — а теперь что с ними делать?
- А теперь — заплести. Сначала раздели на три части, только аккуратно... Теперь плети! — шутливо командовала Наташа.
- Как плести-то?
- А так и плети, — она едва сдерживалась, чтобы не засмеяться, — заводи одну прядь между другими... потом следующую... Потуже!.. Только не морским узлом...
- Может, всё-таки ножницы?
- Я подумаю, а пока — плети! — улыбаясь, Наташа наблюдала, как Димка, старательно, с серьёзным выражением лица пытался справиться с её длинными волосами.
- Ну, и работка! Легче «Полёт шмеля» на микрофонной стойке сыграть... Ну, вот, что-то получилось, — он осторожно положил заплетённую косу ей на плечо.
- Спасибо... — Наташа повернулась, обняла его одной рукой и, приподнявшись на цыпочки, нежно поцеловала.
- И всё?.. — обняв её в ответ, он наклонился и слегка тронул губами тёплые, податливые губы. Сердце забилось часто-часто, перехватило дыхание... прильнул её к губам уже крепко, не по-детски... рука скользнула по телу вниз... потом вверх, сминая шёлковый короткий халатик, — Вообще-то, у меня были корыстные намерения...
- Коварный... — закрыв глаза и ласково улыбаясь, выдохнула Наташа.
- Я такой... — прошептал он, на руках унося её в комнату.

* * *

Когда они проснулись, летнее солнце уже совсем склонилось к закату. Устроившись у Димы где-то подмышкой, Наташа тихонько перебирала своими пальчиками пальцы его руки.

— Вставать совсем не хочется...

— Мне сейчас сон приснился, — он взял её кисть в свою ладонь, слегка сжал, — как будто я слышу твой голос, а тебя не вижу. Вроде, ты — рядом... А — нигде нет... Я зову — ты откликаешься... А самой — нет. Только голос...

— А потом? — она запрокинула к нему голову.

— Потом проснулся... Ты — рядом... — улыбнувшись ей, Дима шумно вздохнул и ещё сильнее сжал маленькую ладошку.

— Ты жалеешь, что я рядом? — Наташка попыталась пошутить.

— Конечно... — он привстал и, пряча улыбку, посмотрел в её доверчивые карие глаза, — Опять расчёсывай тебя, заплетай...

— А я волосы отрежу, чтобы не жалел...

— А зачем ты мне без волос? — он шутливо нахмурился, — Без волос тем более буду жалеть...

— Как же быть? — ласково улыбнулась Наташа.

— Придётся заплетать... — наклонившись, он потёрся кончиком носа об её чуть вздёрнутый нос.

— Придётся... — она обвила руками его шею.

— Знаешь, как я испугался...

— Чего испугался?

— Что тебя потерял...

...Ночью, тщетно пытаясь заснуть, Дима в подробностях перебирал в памяти прошедший день. Его не покидало странное чувство... Ощущение недосказанности не давало покоя... Но что и где он не досказал?..

Внезапно притронувшись ладонью ко лбу, он ещё с минуту лежал, глядя на спящую рядом Наташу... Наконец, осторожно встал и, тихо пройдя на кухню, открыл свой ноутбук.

На одном дыхании набив текст, спрятал файл в папку и вернулся в комнату.

— Дим... — она сонно потянулась к нему и, обняв, прильнула всем телом, — Ты где был?

— Рядом, — он прижался губами к волосам на её макушке, — я всегда рядом... И я очень тебя люблю...

Выключив зажигание, Анна отогнула солнцезащитный козырёк над лобовым стеклом и придирчиво посмотрелась во встроенное с обратной стороны зеркало. Поправила блеском пухлые, накачанные рестилайном губы, чуть взбила мелированную чёлку... Хлопнув дверцей автомобиля, щёлкнула кнопкой электронного замка — новенький красный «пежо» моргнул на прощание хозяйке фарами. Выйдя с территории стоянки, прошла к припаркованному недалеко, в чужом дворе, дорогому «мерседесу» и села в затемнённый салон.

— Здравствуй, Анечка, — Леонид Лапин поднёс к губам руку женщины.

— Здравствуй, Лёня, здравствуй... Кто бы мог подумать, что мы снова будем встречаться вот так, украдкой... — Анна смущённо опустила красивые глаза.

— Что поделать, Аня, что поделать... Зато как романтично!

— Было бы романтично, Лёничка, если бы... Сам знаешь... Но по телефону всего не расскажешь, а Саше я не говорила о нашем с тобой прошлом разговоре, поэтому и пришлось назначить тебе свидание, — Анна едва улыбнулась уголками губ.

— А я рад... очень рад... Лишний повод увидеть тебя... — Лапин снова поднёс руку Анны к губам, — Я весь внимание!

— Да хвастать нечем, Лёня. Дима ещё в конце мая поссорился с Сашей и ушёл к этой своей... Впрочем, ты, может, не в курсе? Он, оказывается, начал встречаться с одной девицей, — она растерянно развела руками, — тут ничего сверхъестественного нет, ты должен понимать, что Кристина его бросила, а не наоборот.

— Аня, я всё понимаю, было бы странно, если бы такой видный парень долго оставался бы один, — Лапин нахмурился и, достав сигарету, чиркнул зажигалкой.

— Ну, вот, он с ней встречался, даже привёл как-то домой, но я дала понять, что не одобряю. Он обиделся. Потом Саша попытался с ним поговорить, но... Он взял и ушёл, совершенно для нас неожиданно. Вот... второй месяц мы его не видим. Я сначала хотела разыскать, поехать туда, но Саша отговорил. Мы решили — пусть сам всё поймёт. Рано или поздно эти отношения заканчиваются, а совсем становиться врагами с Димой нам не хочется, тем более, что он всё-таки звонит.

— Анечка, я согласен... Мы не враги своим детям. Вот Кристинка, например. Ну наделала глупостей... но она же наша дочь! Больно видеть, конечно, как она страдает... — Леонид состроил скорбное лицо, — Но я Миле сказал — я ничего не пожалею, чтобы она была счастлива! Ты знаешь, Аня, она сейчас ушла с головой в творчество.

— Да что ты говоришь, замечательно! — Анна внимательно посмотрела на Леонида, — Лёня... Вот как раз по поводу Кристины... Ты, надеюсь, не забыл, что двадцать пятого июля Сашин день рождения?

— Ну, такое не забывают! Сколько в этот день в своё время вина было выпито! — Лапин широко улыбнулся, — А сколько приключений найдено?.. Вспоминать — не перевспоминать!

— Вот и вспомните! Саша, конечно, и сам пригласит, но сейчас тебя приглашаю я — чтобы ты не забыл и не назначил на этот день важных дел. Я приглашаю тебя с Милой и... с Кристиной... — Анна многозначительно посмотрела на своего собеседника, — Единственное, что мы пока не решили — это где будем праздновать, на даче или в ресторане.

— Аня, ну, какой вопрос? Все будем! И Кристинку я уговорю. Думаю даже, что уговаривать не придётся. А насчёт дачи... Надо подумать.

Слегка покрасневшая от близкого общения со своим бывшим любовником, Анна ненадолго замолчала, как бы собираясь с мыслями. Лапин же, напротив, чувствовал себя более раскрепощённым, бросая на женщину довольно заинтересованные взгляды.

— Дима не сможет не прийти к отцу, и их встреча с Кристиной будет как нельзя кстати! Слушай, Лёня... — Анна вдруг схватила Лапина за руку, — а что, если... Что, если мы вечером отпразднуем в ресторане, а потом все поедem к нам на дачу — с ночёвкой? Это будет как раз суббота, выходной... Всё-таки у Сашки почти юбилей — 45 лет! Вечером — ресторан, утром — шашлыки...

— Ну, это будет самый лучший вариант, — воодушевлённо подхватил её мысль Леонид, — заодно и пообщаемся, а то всё дела, дела... Спиртное я беру на себя, мясо для шашлыков вам тоже привезут, и не спорь! Расходы предстоят большие, а результат мне не менее важен, чем тебе. Сама знаешь — ресторан, то да сё... увидятся... потанцуют... А наутро, на даче — это же так располагает... Только вот... — Лапин снова нахмурился.

— Что — вот? — Анна удивлённо приподняла брови.

— Только вот, если Дима придёт не один?

— Знаешь, я о том же подумала. Ведь не запретишь... и не выгонишь...

— А знаешь, Анечка, я думаю, ничего страшного в этом не будет, — встрепенулся Лапин, — главное, что они встретятся! А Дима у вас умный парень, сравнит. Тем более, сравнивать есть с чем.

— Ну, да... надеюсь... — задумчиво произнесла Анна, — во всяком случае, мы хоть что-то предпримем. Сравнить ему, конечно, будет с чем... А там уже — что Бог даст.

* * *

Вернувшись домой, Лапин заглянул в комнату дочери, но Кристины там не было.

— Мила, где Кристина? — стремительно проходя по коридору второго этажа своего загородного коттеджа, он довольно грубо окликнул жену.

— Сказала, что поедет на пляж. Подруга позвонила, вот они и решили позагорать, — Мила вышла навстречу мужу из их спальни, — Лёня, мы так и не придумали, куда поедem отдыхать.

— Подожди. Это успеется. У Сашки Морозова день рождения двадцать пятого июля, не забыла? Сорок пять лет! Надо хороший подарок подобрать.

— Ну, подберём... Только нас пока не пригласили, — Мила усмехнулась.

— Пригласят, не сомневайся! Пусть только попробует не пригласить, старый перец... — сняв костюм и усевшись в кресло, Лапин неожиданно развеселился, — Ещё две недели впереди.

— Ты чего такой воодушевлённый сегодня? Какие-нибудь новости? — супруга с надеждой заглянула ему в глаза.

— Пока нет, но я чувствую, что скоро будут! — Леонид откинулся в кресле, положив ногу на ногу, — Как Кристинка сегодня?

— Да вроде ничего, знаешь, я зашла утром к ней, а она сидит с ноутбуком и пишет... Лёня, может, в этом её спасение?

— Спасение... Хорошо бы...

— Она очень страдает.

— А кто виноват? Сама же и виновата... — Лапин нахмурился, хорошее настроение улетучилось так же внезапно, как и возникло.

— И почему так? Другие, глядишь, попереживали и как-то дальше живут... — Мила грустно скрестила руки на груди, — Она уже свихнулась на своём Диме, у неё в компьютере только его фото, представляешь? А он, говорят, чуть ли не женился! Как её отворожить, я уже не знаю... Такая красивая девочка... Любому голову вскружит, а заиклилась на одном Димке.

— Да. Казалось бы — пустяк... В её-то возрасте так всё воспринимать... — Леонид задумался, потом, как будто что-то вспомнив, посмотрел на жену, — Да, к нашим баранам. Подарок-то Сашке когда поедем покупать?

* * *

Городской пляж пестрел разноцветьем панамок и купальников, огромные зонты, как грибы, вросшие в горячий песок, едва защищали от послеобеденного солнца, а зеленовато-голубая рябь реки — единственный источник прохлады, манила к себе неумолимо, обещая облегчение от июльской жары.

Перевернувшись на живот, Кристина подложила согнутые в локтях руки под голову и закрыла глаза. Подруга по лицу, с которой она приехала позагорать, ушла купаться, и девушка осталась в одиночестве.

— Скучаете? — мужчина лет тридцати присел прямо на песок в нескольких шагах от неё.

— А вы что, всех веселите?

— Ну, не всех... Просто такая симпатичная девушка, и одна...

— Я не одна, — Кристина лениво повернула голову в другую сторону.

— Всё ясно... Извините... — мужчина нехотя встал.

— Да ничего... — нехотя произнесла Кристина. Разговаривать, а уж, тем более, знакомиться ей ни с кем не хотелось. Даже эта вылазка на речной пляж далась ей через силу: вот уже несколько месяцев девушка не выходила из депрессии. Воспоминания о том времени, когда они с Димой Морозовым были вместе, не отпускали... Ночью, закрывая глаза, Кристина погружалась в прошлое... Дима — такой близкий, был рядом: она слышала его голос, чувствовала его прикосновения... Но стоило ей открыть глаза, как всё исчезало, и наплывали чувства одиночества и непреодолимого страха, страха — что ничего и никогда не повторится. В одну из таких ночей в голову пришли строки...

Я хотела забыться
И жить не любя,
Я наивно пыталась

Уйти от себя.
Только память опять
Возвращает назад —
В наш последний с тобой
Золотой листопад...

Строки складывались сами собой, как будто посланные свыше...

... Я бегу от себя
Наяву и во сне,
Но вечерней звездой
Ты приходишь ко мне...
И письмом запоздалым
Из выцветших строк
Мне летит на ладонь
Прошлогодний листок.

Стихи она писала давно. Заветная тетрадка хранила много девичьих тайн, собранных в четверостишия ещё в школьные годы. Несколько текстов, написанных позже для «Ночного патруля», были положены Димой на музыку. Ещё несколько хранились где-то в его студийном компьютере... Она даже забыла о них... В последнее время стихи возникали неожиданно, принося с собой какое-то странное облегчение: ей казалось, что боль изливается, застывая в буквах, словах, строках... Алкоголь и стихи теперь были её спасением от наваждения, имя которому было — Дима Морозов...

— Зря не пошла, Кристин, водичка — класс! — подруга Диана, вернувшись, улеглась рядом.

— Пока не хочется, может, позже...

— Ну, как ты вообще, хоть Расскажи... — Диана, с которой Кристина не виделась уже больше года, была когда-то лучшей лицейской подругой, но после окончания лицея, пять лет назад, их пути разошлись. Девушки изредка виделись, иногда перезванивались, но общение постепенно сходило на нет, и вот теперь, обрадованная новой встречей, Диана с любопытством пыталась разговаривать подругу.

— Я? Да нормально, живу, радуюсь...

— А как на личном фронте?

— Пока затишье. А, надоели все... Надо отдохнуть от мужиков, — нарочито равнодушно произнесла Кристина.

— Представляю, сколько их у твоих ног! — Диана восхищённо посмотрела на подругу, — Выглядишь — отпад!

— Ну, это я ещё не выгляжу... Запустила что-то себя, надо будет заняться с понедельника.

— Не, ну, ты реально классно выглядишь... Слушай, а где твой... как его... Дима,

кажется? Ну, музыкант, помнишь, в прошлом году мы в клубе встретились? Ты с ним была, он там играл, что ли?

— Да... — Кристина замялась, не зная, что сказать Диане, — Так, разбежались пока.

— Как это — пока?

— Ну, пока... Я ему осенью от ворот поворот дала. Теперь вот думаю... Может, зря.

— А он? Звонит?

— Да нет... Мы не очень хорошо расстались. Да, неважно... Захочу — и никуда не денется.

— Ой, даже не сомневаюсь! От тебя и раньше у парней крышу сносило, а сейчас и подавно.

— Что делаешь сегодня вечером?

— Да ничего... Я тоже сейчас в свободном полёте — с Андреем разбежались.

— А чего?

— Да застукала его с одной сучкой.

— И где они берутся, эти сучки? — Кристина достала из сумочки бутылку минеральной воды, отпила, — Поехали сегодня в клуб? Оторвёмся...

* * *

Ночной клуб, куда приехали вечером Кристина и Диана, тоже принадлежал Леониду Лапину, поэтому девушки прошли беспрепятственно. Музыка гремела, и, взглянув на эстраду, Кристина с удивлением узнала в одном из музыкантов Никиту Белова. Остальные ребята были ей не знакомы. Дождавшись перерыва, она подошла к Никите.

— Привет!

— О, привет, — казалось, Никита обрадовался встрече.

— А ты что, теперь с другим составом выступаешь?

— Да, ребята попросили гитариста заболевшего подменить, вот, согласился, тем более, что из «Патруля» ушёл.

— А чего так? — равнодушный тон давался Кристине нелегко.

— Разошлись в интересах с Морозовым, — Никита усмехнулся, — собственно, мы с ним всегда в интересах расходились.

— А что за интересы? Секрет?..

— Да нет, не секрет... Просто он не видит очевидных вещей.

— Ну, да... А где он сам сейчас, не в курсе?

— Если честно, и знать не хочу.

— Он сейчас что, без соло-гитариста остался? — Кристина усмехнулась, — Ну, и как выкручиваться будет?

— Его проблемы. Пусть хоть Наташу свою ставит, — Никита усмехнулся в ответ, — ладно, девочки, перерыв окончен, счастливо отдохнуть.

— Пока-пока... — Кристина повернулась к Диане, — Ну, что, ещё по «космополитену»?

— Давай... Слушай, а про какую Наташу мальчик говорил? Я так поняла, что твой бывший себе кого-то нашёл?

— Да... Малолетку какую-то... Да я даже в голову не беру, — слегка опьянев, Кристина

жестикულიровала рукой, — пусть поразвлекается! Я ему тоже хороших рогов наставила.

— Да и правильно, Кристинка, все они козлы...

— А я всё равно его верну, вот увидишь! — выпив залпом очередную порцию коктейля, Кристина опьянела ещё больше, — Я по трупам пойду, поняла?..

— Я с тобой! — Диану тоже серьёзно развезло, девушка выпила уже три коктейля, и теперь была готова на любые подвиги ради подруги.

— Прикинь, ей лет восемнадцать! — сквозь грохот музыки Кристине приходилось кричать на ухо Диане, — Что такое она, и что такое — я! Я просто пока сама не хочу! А захочу — и Дима как миленький прибежит!

— Ещё как прибежит, даже не сомневайся, — в ответ прокричала Диана, затянувшись длинной, тонкой сигаретой.

— И твой к тебе прибежит! — Кристина махнула рукой: нечаянно задетый стакан со звоном разлетелся на множество блестящих осколков по выложенному плиткой полу.

— Кто?! — Диана вытаращила глаза.

— Ну этот... Андрей.

— А, Андрей... угу... прибежит... все прибегут... — язык у Дианы заплетался уже изрядно, казалось, что девушка потеряла нить разговора, — Слушай, а слабо тебе на шесте станцевать?

— Мне?!. — Кристина, как могла в своём состоянии, выказала удивление, — Мне здесь ничего не слабо... Захочу — и станцую! Давай ещё вискаря возьмём?

— Давай! А мне тоже не слабо... — взяв со стойки поданный барменом стакан с виски, Диана сделала несколько глотков и, показывая на сцену, где извивались несколько танцовщиц, крикнула сквозь грохот музыки, — Чё, пойдём, покажем этим козам, как настоящие девушки с шестом обращаются?

* * *

— Ты же сказала, что она поехала на пляж! — Лапин грозно смотрел на жену, — Ты хоть чуть-чуть думаешь о дочери, или тебе твоя клиника дороже?!

— Лёня, успокойся, — Мила, бледная, как снег, растерянно мяла ворот домашнего халата, — Кристинка была на пляже, правда... Вместе с Дианой. Видимо, потом решили поехать в клуб, но ей уже не пять лет, я не могу контролировать каждый её шаг, водить за ручку!

— А надо контролировать! — Леонид Борисович сжал тонкие губы, — Кто из нас мать, в конце концов?!

— Да, я — мать, — Мила заговорила тихо, но твёрдо, — а ты — отец. Давай не перекидывать друг на друга наши обязанности.

— Да толку теперь их перекидывать, — Лапин приоткрыл дверь в спальню дочери, посмотрел на спящую Кристину, — разговоров теперь не избежать. Хорошо, что я недалеко был, сразу приехал в клуб, как только мне позвонил администратор. Они только-только начали... гм... показывать стриптиз... Тьфу! — он плюнул со злостью, — Я вообще в шоке.

— Господи, позор какой, — Мила с горечью качала головой, — А народу много было?

— Полный зал, — процедил Леонид, — Не удивлюсь, если узнаю, что их снимали на камеру.

— Ужас... — заплакав, жена ушла в гостиную и села на широкий диван, — Лёня... ну, давай, я поговорю со знакомым наркологом?

— Нет, — Лапин упрямо, по-бычьи, смотрел на свои домашние тапки, — никаких наркологов. Ей нужен душевный комфорт, а нарколог его обеспечить не сможет. Она снова вернётся туда, откуда мы её будем вытаскивать.

— Так что же делать?! — Мила всплеснула ухоженными руками, — Лёнь, ну, что делать-то?!

— Она хотела помириться с Димкой.

— Ну, какой Димка?! — супруга махнула рукой, — Димка давно о ней не думает. Он с девочкой живёт, мне Аня сказала.

— Девочки... мальчики... — Леонид зло выдвинул вперёд нижнюю челюсть, — Ты не думай, что там какая-то девочка! Ты думай, что твоя родная дочь погибает! Ты не видела, а я видел, что она сегодня в клубе устроила!

— Лёня... — начала было Мила, но он перебил её на полуслове:

— Ты не видела! Да, если бы я не подросел вовремя, её бы точно в гостевую комнату утащили!

— Какую — гостевую? — Мила побледнела ещё больше.

— Такую! — бросив на жену взгляд, Леонид понял, что проговорился и решил идти до конца в своих откровениях, — Ты что, не в курсе, что в каждом клубе есть гостевые комнаты? Они называются по-разному... У меня — гостевые... У других — траходром...

— Господи, о чём ты говоришь?! — жена не сводила с него перепуганных глаз.

— О том самом! — делая ударения на каждом слове, вытаращился на неё супруг, — И не делай вид, что ты не в курсе!

— Я не в курсе...

— Ну, значит, теперь будешь в курсе! — он стукнул кулаком по подлокотнику, — Твоя дочь сегодня, пьяная, пыталась танцевать на шесте, при этом откровенно раздеваясь! И вокруг неё уже стояла толпа похотливых мужиков! Её уже практически стаскивали со сцены, когда я там появился, теперь ты поняла?! И им всё равно — кто она, хоть жена премьер-министра, поняла?! А мои работнички — они все мне завидуют и ненавидят меня, поэтому гостевая была бы открыта... сказали бы потом, что не узнали мою дочь, и всё! И это — в лучшем случае... А в худшем... худшем её могли бы просто утащить на улицу, бросить в машину, и... Такое каждую ночь случается в таких заведениях, это тебе к сведению!

— Господи, Лёня... — Мила стояла, прижав ладони к щекам, — Ты такие ужасы рассказываешь...

— Ужасы?! — он смотрел на неё, сжав челюсть, — Эти ужасы могли бы произойти с твоей дочерью! И могут произойти, если она не прекратит употреблять алкоголь. И всё, что я сейчас рассказал — это не за горами, если всё так и будет продолжаться! Понятно?! Твою дочь будут таскать по кустам, а Дима в это время будет мирно спать со своей девочкой?! Ты хочешь, чтобы всё было именно так?!

— Лёнечка, успокойся, — Мила робко дотронулась до его руки, — Пожалуйста... Я тебя поняла... Я с тобой согласна... Не кричи, ты разбудишь Кристину... Делай, как считаешь нужным, я с тобой...

— Курица безмозглая! — ещё раз окинув жену бешеным взглядом, Лапин стремительно вышел из комнаты, — Тьфу!

— Что-то случилось, Викун? — Сашка с ходу уселся на пластмассовый стульчик летнего кафе, — Чего вызвонил?

— Разговор есть.

— Девушка, нам две «Балтики», — сделав заказ, Сашка уставился на Мазура, — Чё за тема?

— Да тема одна. Надо что-то решать с Никитой. Либо мы кого-то срочно ищем, либо мы зовём его назад.

— А его кто-то выгонял? Он сам так решил... Как ты себе представляешь, чтобы Димон его назад позвал?

— Я позову, — серьёзный тон Мазура не оставлял сомнений — он был за возвращение Белова в коллектив.

— Ситуэйшен. После того, что он Диме наговорил... Нет, ну я согласен, что надо что-то делать.

— Тут ещё такой нюанс, Саня... — Витька пятернёй зачесал белёсые волосы на затылок, — В общем, Никита тогда Диме наврал. Ничего он не знал, а сказал так, чтобы Ленку не выставлять, будто она одна всё затеяла.

— А ты откуда знаешь?

— Сам сказал. Я не знаю, как бы он поступил, если бы знал... Но, факт есть факт — он не знал... Ему Ленка потом только всё рассказала. А когда мы на фесте были, она его просто попросила, чтобы он сказал, будто они в ссоре, чтобы время протянуть, и не объясняться за Наташку. Ну, короче, Никита сам тогда встрял из-за Ленки, просто не стал ничего объяснять.

— Подожди, Вить, не вкуриваю... Он мог бы как-то всё мирно разрулить, а он, по сути, на Диму наехал!

— А это уже с самого Димона спрос, — Витька говорил совершенно серьёзно, без тени улыбки.

— В смысле? — Сашка непонимающе приподнял брови.

— В смысле. Ты чё, не замечаешь, как Ленка к Диме клинья бьёт? А Никита замечает. А теперь поставь себя на его место.

— Димон-то при чём?

— А тут никто ни при чём. Просто Паша любит Машу, Маша любит Сашу, Саша любит... Наташу... А в результате мы без гитариста.

— Сашу только не впутывай.

— Саня... Мне ваши лавики по... Только нельзя, чтобы из-за одной девчонки вся работа — нафик.

— Так чего будем делать? — отстукивая носком кроссовка ритм, Сашка глазами следил за молодой официанткой в коротенькой юбочке и фирменной футболке с большим вырезом на шикарной груди.

— Морозу надо всё разжевать, а потом с Беловым говорить... Никита сейчас у Гаврюса в коллективе играет.

— Это который типа «джет»?

— Ну да... А чё остаётся делать? В августе — сольник... Когда и с кем репетировать?

— Ну, давай, вызванивай... Не знаю...

— Развели себе баб...

— Кто бы говорил, — Сашка покосился на Витьку, — у самого-то целый батальон.

— А чё тебе мой батальон? Мои — смирные... Тихо меня любят по очереди, в конфликт не вступают. А у вас по одной, а проблем — на мировую революцию...

— У меня сейчас и одной нет.

— А Ирка?

— Ну, Ирка... — Сашка замялся, — Это я — у неё... А у меня — никого.

— Меньше на чужих заглядывайся... Звони давай.

* * *

Наташа придирчиво осмотрела себя в зеркале. Ссадина на лбу зажила, плечо ещё слегка побаливало, но синяк практически сошёл с совершенно незагоревшей кожи. Лето было в самом разгаре — середина июля, а они с Димой ни разу ещё не побывали на пляже. Наташка уговаривала его поехать позагорать с друзьями, но он наотрез отказывался ехать без неё. «Заживёшь во всех местах, тогда вместе поедem», — шутливо отвечал он девушке. Лена так и не позвонила, как будто и не было той ночи, она даже не поинтересовалась, как Наташа себя чувствует после всего, что тогда произошло. Ни о каких совместных планах и участии в «Киви» речи быть не могло. «Забудь, что ты там когда-то пела», — сказал ей Дима, и Наташа, действительно, старалась забыть. Единственное, что её огорчало — это предстоящее объяснение с Эдуардом Викторовичем, который сейчас находился в отпуске и не знал о происходящих в его коллективе событиях. Считая себя виноватой в том, что случилось, Наташа уговаривала Диму никого не искать и ничего не выяснять, и он, поддавшись на её уговоры, отменил свой визит к Ленке, которая могла бы что-то прояснить. Могла бы... но вряд ли бы захотела.

После звонка Говорова Дима уехал на встречу с ребятами, и Наташа решила подобрать на гитаре мелодию, которую он для неё написал. Но не успела она тронуть струны, как раздался звонок в дверь. Решив, что это вернулся Дима, кинулась в прихожую... Высокий, видный, с военной выправкой мужчина средних лет внимательным взглядом окинул её с ног до головы.

— Здравствуйте.

— Здравсьте, — Наташка смущённо попыталась одной рукой как можно ниже натянуть подол коротенькой туники.

— Наташа — это вы?

— Да, я...

— А я — отец Димы, Александр Морозов. Вот, решил посмотреть, как вы тут живёте... Пустите?

— Да... конечно... Проходите, пожалуйста... — Наташка ошеломлённо смотрела на гостя, — Вы проходите, я сейчас...

Юркнув в ванную, почти тут же вышла, на ходу завязывая домашний шёлковый халатик. Александр всё ещё стоял в прихожей.

— Вы проходите... только Димы сейчас нет... Но он скоро придёт, — дрожащим от

волнения голосом произнесла Наташа.

Александр кивнул и прошёл за ней в комнату. Увидев гитару, спросил:

— Кто играет?

— Я... И Дима тоже...

Морозов присел в кресло, ещё раз внимательно оглядел девушку:

— Ну, давайте ещё раз познакомимся? Зовут меня Александр Иванович.

— А я — Наталья Валерьевна... — от волнения Наташка вдруг осмелела.

— Ну, вот и познакомились, — Александр улыбнулся: девушка была с явным чувством юмора.

— Вы кушать хотите? — просто, по-свойски спросила она.

— Нет, спасибо, я ужинал.

— Ещё раз поужинаете.

— Что вы, Наташенька, спасибо... А вот от кофе бы не отказался.

— А пойдёмте на кухню? Там уютнее пить кофе.

— А, пойдёмте! — хлопнув ладонями по коленям, Александр поднялся и прошёл за Наташей.

— А как вы узнали, где мы живём?

— Адрес мне дал Дима, мы ведь всё-таки родители.

— Понятно... — Наташка ставила посуду на застеленный ажурной виниловой скатертью стол, и Александр невольно ею залюбовался: вся такая ладная, по-детски естественная, с открытым, и в то же время, каким-то удивительно печальным взглядом. Присев напротив Морозова, Наташа смущённо опустила глаза.

— Так вот, значит, к кому наш сын сбежал из дома, — добродушно пошутил гость.

— Почему сбежал? — улыбнувшись, Наташа налила кипятка в чашку.

— Ну... Вот именно это я и пытаюсь сейчас понять.

Размешивая ложечкой сахар в кофейной чашке, Александр с интересом огляделся: старенький кухонный гарнитур, кремовые занавески, небольшой обеденный стол, плита, холодильник... Несмотря на незатейливость обстановки, в доме было, действительно, уютно.

— А вот и Димкина музыка, — кивнув на синтезатор, стоящий вдоль окна, Морозов-старший снова посмотрел на Наташу, — соседям не мешает?

— Нет, что вы, он в наушниках занимается. Он и для меня уже несколько песен написал.

— Вот как? А ты поёшь? — Александр перешёл на ты как-то по-отцовски, искренне, и Наташа совсем успокоилась.

— Да, я пою. Вернее, пела в составе одной группы. А сейчас Дима хочет, чтобы я с ним выступала.

— Понятно, — положив руки на стол, Морозов-старший внимательно посмотрел на девушку, — ну, а кроме пения, ты чем-то занимаешься?

— Учусь на режиссёрском, уже на второй курс перешла.

— Ну, если уже на второй... — мужчина улыбнулся, но, заметив смущение девушки, примирительно добавил, — Лиха беда начало... Ничего...

Несмотря на то, что он видел её впервые и так недолго, Наташа всё больше и больше

правились Александру — в её разговоре было столько искренности и неподдельной простоты, что, казалось, он знает её уже очень давно... А ещё она с такой любовью произносила имя его сына, что не оставалось никаких сомнений: Димка для неё — свет в окошке.

Щёлкнул дверной замок. Подхватившись, Наташка выбежала в прихожую.

— Попалась... — донеслось до Александра.

— Иди сразу на кухню.

— А что таким заговорщицким тоном?

— Увидишь...

— Привет, па... — Дима радостно застыл в дверях.

— Привет-привет... — Александр подошёл к сыну, крепко пожал руку, хлопнул по плечу, — Если гора не идёт... ну, дальше сам знаешь.

— Я тебе очень рад, папа... А это — моя Наташа.

— А мы познакомились и даже выпили по чашечке кофе. И я рад тебя видеть, сын! — не сдержавшись, Александр обнял Диму, — Ну, рассказывайте, как живёте...

Был уже поздний вечер, когда Александр собрался уходить.

— Я ведь, собственно, вот что... — обращаясь к Диме, он то и дело переводил взгляд с него на Наташу, — Не сомневаюсь, что ты появишься на моём дне рождения. Но ты не знаешь, где будем отмечать. В общем, так. Ресторан «Дворянское гнездо», двадцать пятого в девятнадцать, естественно, с Наташей. Ну, а если ещё раньше появишься дома, то... Мама ждёт.

— Спасибо, па... Конечно, мы придём. Маме скажи, что у меня всё нормально.

— Да, и вот что... — Александр порылся в кармане брюк, вытащил ключи от автомобиля, — Был не прав. Вот, забирай машину, я как знал — на ней приехал... Только сейчас тебе придётся отвезти меня домой.

— Спасибо... — Димка пожал руку отцу, потом обратился к Наташе, — Наташка, поехали, папу отвезём...

— Дим, ты лучше один... Хорошо? — Понимая, что отцу и сыну есть, что сказать друг другу, ответила Наташа, — И... к маме обязательно зайди...

* * *

Возвращаясь от родителей, Дима радостно вспоминал встречу с матерью. Не смирившись с его выбором, она, тем не менее, больше не затрагивала эту тему, напротив, пригласив их с Наташей на отцовский юбилей. Слова же отца, сказанные тихо на прощанье, так и звучали у Димы в ушах: «Ну, иди к своей Наташе... В общем... как мужик, я тебя понял».

— У тебя очень хороший папа, — встретила его в прихожей Наташка, — Знаешь, что мне сейчас пришло в голову?

— Что? — обняв её сзади, Дима смотрел на их отражение в большом зеркале.

— Нужно сделать твоему отцу музыкальное поздравление! Слова я найду, а музыку ты сам напишешь... И споёшь.

— Слушай. Я и сам об этом подумал, когда ехал домой! И слова искать не нужно, у меня уже есть подходящий текст.

— Ну, тогда надо уже сейчас начинать, осталось десять дней.

— Завтра и начну. Можно и не одно поздравление... Можно отрепетировать несколько его любимых песен, и вместе споём... Да? — Дима повернул Наташу к себе, — Я вообще хочу, чтобы ты со мной выступала.

— У вас свой репертуар... Что я буду петь? Или играть?..

— Бэк-вокал на концертах... На тусовках — сольные номера... Две песни практически готовы... Всё равно в «Киви» ты не вернёшься.

— Мне лишь бы с тобой... — Наташа обняла его, уткнулась лицом в грудь... — А ребята... Не будут против?

— Не будут. В августе у нас сольник на дне города, и ты на нём будешь выступать в составе «Ночного патруля». Витька завтра уезжает недели на две, но Сашка на месте — будем пока втроём репетировать, и у отца втроём выступим. А в начале августа как раз и соберёмся. Да... Возможно, Никита вернётся в группу, так решили, — Дима посерьёзnel было видно, что ему сложно говорить на эту тему, и, почувствовав это, Наташа переменила разговор:

— Ну, и хорошо. А к моим съездим? Папа каждый день звонит, спрашивает, когда...

— Ну, давай сразу после юбилея?

— Давай!

— Жизнь-то налаживается... Да, Наташка?

* * *

— Ну, что ты молчишь? — слегка улыбаясь уголками губ, Александр ласково посмотрел на жену, — Ань?

— Я? — она изобразила искреннее удивление, — Почему молчу? Мы с тобой только что разговаривали...

— Аня... ты поняла, что я имею в виду, — подперев лицо ладонью, Морозов-старший сидел за кухонным столом.

— Саша, прекрати говорить загадками, — она деланно нахмурилась, — и, вообще, идём спать.

— Ты так и не ответила, — он не сводил с неё довольного взгляда.

— Господи... Ты, как говорит современная молодёжь, меня уже достал! — Анна всплеснула красивыми руками, — Ну, о чём я молчу?!

— Ты меня не спрашиваешь о Наташе, о доме, в котором теперь живёт наш сын... Ань, я не поверю, что тебе это неинтересно.

— Саша, мне это неинтересно. Я уверена, что в очень плохом доме Дима бы сам не остался, — она чуть смягчила тон, — а что касается этой Наташи... я уже имела счастье её видеть. Я ответила на твои вопросы?

— Знаешь... — он слегка задумался, — ты зря так восприняла его выбор.

— А у тебя что, появилось другое мнение? — она слегка прищурилась, — Ты так резко

изменил своё отношение к ситуации?

— В общем, да, — Александр уверенно кивнул, — и, честно говоря, думал, что тебе будет интересно знать, почему.

— Ну, хорошо, почему? — она нетерпеливо смотрела на супруга, — Только скорее, мне рано вставать.

— Знаешь, Ань, оказывается, у Димы неплохой вкус, эта девочка и мне понравилась... Нет-нет, не в том смысле! — увидев выражение глаз жены, Александр рассмеялся, — Знаешь, она совершенно не похожа на провинциальную девицу, о которой говорила ты.

— Вот как? — Анна насмешливо посмотрела на мужа.

— Да, совершенно, — он кивнул в подтверждение своим словам, — девочка оставляет впечатление и воспитанной, и умной, и порядочной. Просто очень юной, но это, скорее, от того, что она по-детски расположена к людям. А, самое главное, она очень любит Диму.

— Это ты разглядел за те двадцать минут общения? — Анна Сергеевна усмехнулась.

— Да, представь, — он всё ещё улыбался, — я увидел всё это сразу, как только вошёл в их квартиру.

— В её квартиру, — Анна поправила мужа.

— Тем более, — он весело развёл руками, — и квартира... Ещё один плюс!

Решение, принятое после разговора с Говоровым и Мазуром, далось Диме нелегко. Личная обида медленно, со скрежетом, вылезла вверх на чаше весов, уступив интересам общего дела, и вопрос о возвращении Никиты в группу был закрыт. Оставалось только позвать его назад, и Витька, встретившись с Беловым, сообщил Диме, что тот согласился пока выступить на сольном концерте «Ночного патруля». «Дальше видно будет...» — Диму покоробили эти слова, но он решил промолчать.

Несмотря на неполный состав, халтуру в виде приглашений «поиграть на свадьбе» упускать было тоже нельзя — хоть какие, но деньги, и Наташа в поте лица репетировала с Димкой и Сашкой «расходный» в таких случаях репертуар в качестве гитаристки и вокалистки, удивляя способностью схватывать всё на лету. Сашка предлагал в шутку назвать их временное трио «Дребезги»; Наташка смеялась, а Дима, как всегда, обречённо улыбался...

* * *

Двадцать пятого июля, ровно в шесть вечера, ребята подъехали к «Дворянскому гнезду». До праздника оставался час, и нужно было пройти репертуар на чужой аппаратуре до приезда гостей и Диминых родителей. Гирлянды из воздушных шаров украшали обеденный зал, официанты накрывали сдвинутые в один ряд столы, плакаты с шутливыми пожеланиями имениннику красовались на стенах — ресторан в этот вечер для обычных посетителей был закрыт.

— Наташ, не забудь, как договаривались — ты просто ритм отбиваешь в песне отцу, и — всё, без переборов. Это его любимый дворовый стиль, пусть так...

— Я помню... — слегка подтянув ремень, Наташа сделала пробный аккорд. Длинные белые волосы, слегка приподнятые на затылке и распущенные по плечам и спине, в сочетании с любимым голубым платьем, ставшем концертным, делали её похожей на девочку-принцессу, а гитара в руках добавляла особый шарм романтическому образу. Дима, одетый в светлый стильный костюм, представлял полную противоположность Сашке, который в своих джинсах и чёрной футболке очень походил на дворового пацана.

— Это что, всё, что осталось от «Ночного патруля?» — парень лет двадцати пяти, обаятельно улыбаясь, протянул руку Саше, потом Диме.

— Это — трио «Дребезги». Здорово, Жень, — Сашка радостно поприветствовал молодого человека, потом обратился к Диме, — Димыч, познакомься: это Жека Журавлёв, помнишь, я рассказывал, вот такой басист, клавишник... И вообще — классный музыкант.

— А, помню... Привет! Дима, — Димка протянул руку.

— Жень.

— А это — Димыч... Тоже — вот такой клавишник... вокалист... композитор и прочее... — Сашка, шутливо махнул рукой, представляя Диму, потом снова обратился к Журавлёву, — А ты чё тут?

— Я-то тут работаю... А вы чё тут? — в тон ему ответил тот.

— А-а-а... Вот, значит, кому мы сегодня конкуренцию составим, — Сашка заулыбался, — а где остальная кавер-команда?

— А мы вдвоём сейчас — я и Петрович. Аранжировки забиты... Что не забито — и так сыграю, руки всё помнят... а зарплата — больше! — Женька засмеялся.

— Да, ты в этом смысле уникам... ходячий караоке... Миллион песен знает, — обращаясь уже к Диме, нахваливал своего друга Говоров.

— Ну, так... кто на что учился... А вас что, по знакомству пригласили? — включив пульт и взяв несколько пробных аккордов на навороченной «ямахе», спросил Журавлёв.

— Юбилей у Димкиного бати, вот, специально для него небольшой концерт подготовили, — кивнул в сторону Димы Сашка.

— Понятно... А чего с девушкой не знакомишь? — Женя посмотрел на Наташу.

— Э, брат, тебя с девушками знакомить опасно, сердцеда... Хотя... пусть у Димыча голова болит! — Говоров махнул рукой, — Знакомься — Наташка...

Наташа, которая всё это время стояла в стороне, приветливо кивнула новому знакомому, машинально отметив про себя и его необыкновенное обаяние, и светлую улыбку, и незаурядную внешность: длинные, до плеч, волнистые каштановые волосы, обрамляющие лицо, светло-карие глаза, слегка вздёрнутый, «уточкой», нос и чувственные, красиво очерченные, чуть сжатые губы, которые не оставляли сомнений в том, что прекрасная половина человечества не обделяет его своим вниманием, и что внимание это взаимно...

С той же обаятельной улыбкой Журавлёв кивнул в ответ Наташе, и девушка подумала, что взгляд у него отнюдь не «масляный», каким он должен быть, по её представлениям, у любителей женщин, а, напротив, довольно серьёзный. Поговорив с Сашкой, Женя вытащил из угла сцены электронный ударник, передал его Говорову и вышел из зала.

— Нормальный пацан — Жека... — отбив ладонями на пробу ритм, сообщил Саша, — Чё на басухе вытворяет! Да не только на басухе...

— А ты откуда его знаешь?

— О, лучше не спрашивай... Не для твоих интеллигентных ушей будет сей рассказ... — Сашка многозначительно посмотрел на Диму.

— Понятно... Водка — толпами... Девчонки — литрами...

— Ну, где-то так... Чё, Димон, пробуем? А то уже половина седьмого, скоро твои подъедут...

* * *

Войдя в зал, Анна Сергеевна первым делом придиричиво осмотрела накрытые столы, потом обернулась к спешащему навстречу ей и Александру сыну:

— Димочка, здравствуй, родной!

— Привет, родители! — Димка обнялся с отцом и матерью, обернулся к стоявшей в стороне Наташе, — Наташ, иди сюда...

Сделав вид, что что-то вспомнила, Анна поспешно вышла в соседний зал...

— Наташенька, рад, очень рад тебя видеть! — Александр же, напротив, приветливо обнял девушку, потом, увидев Говорова, крикнул, — Сашка, а ты чего там стоишь, как неродной, иди, тёзка, поздороваемся!

Гости прибывали, и Морозов-старший не успевал отвечать на поздравления бывших одноклассников, однокурсников и сослуживцев. Увидев среди приглашённых Леонида Лапина с женой, Дима не удивился — всё-таки друзья семьи, но когда в зал вошла Кристина, неприятный холодок пробежал по спине. Переглянувшись с Говоровым, Димка покосился на Наташу — девушка стояла рядом и от волнения крепко сжимала его пальцы. При виде бывшей Димкиной невесты почему-то опустила длинные ресницы и незаметно вздохнула...

После того, как гостей рассадили, оказалось, что свободное место возле юбиляра — одно, и ребята уселись в дальнем конце стола, поближе к эстраде, чему Наташа была несказанно рада — ей совершенно не хотелось сидеть рядом с Анной Сергеевной. После первого тоста, дав гостям немного погреметь вилками и ножами, тамада снова взял слово:

— А сейчас — неожиданный сюрприз... Прошу внимания! Все присутствующие знают, что у нашего дорогого именинника есть очень талантливый и знаменитый в нашем городе сын. Но сын этот не только талантливый, он ещё и очень любящий, и заботливый! И сейчас вы сами всё увидите и услышите. Дима Морозов со своими друзьями поздравляет отца! Прошу!

Гости с нескрываемым любопытством наблюдали, как троица молодых людей занимала места на эстраде. Наташа в своём голубом платье, как всегда, оказалась в центре внимания: все мужские взгляды были прикованы к ней, но она держалась на удивление спокойно и естественно — как обычно, когда она выходила на сцену. Скромная, где-то даже робкая в жизни, на сцене Наташа смелела и становилась совсем другой — то весёлой, то задорной, то грустной, в зависимости от того, что ей приходилось исполнять. Стараясь не думать, что на неё смотрят и Анна Сергеевна, и Кристина, и ещё пятьдесят жующих и выпивающих гостей, она знала, что нужно хорошо отыграть песню для человека, который принял её всем сердцем — для Диминого отца, а, значит, и для самого Димы.

Эту песню Дима написал на одном дыхании, в любимом отцовском дворовом стиле, облагородив простенькую мелодию неплохой аранжировкой, и теперь искреннее исполнение дуэтом с Наташей окончательно растрогало родительское сердце. Спев ещё несколько любимых Морозовым-старшим песен, молодёжь ушла со сцены под громкие аплодисменты уже изрядно подвыпивших гостей.

Пока ребята пели, Леонид Лапин пристально наблюдал за Наташей — как она держится, как смотрит на неё Дима, как она сама бросает на него взгляды... Он смотрел и понимал, что не всё так просто, как представлялось вначале. Со стороны Дима с Наташей выглядели, как герои сказки со счастливым концом, эдакие прекрасные принц и принцесса, к тому же, их дуэт казался профессиональным: нежный Наташин голос удивительно красиво звучал на фоне Диминого голоса... Украдкой взглянув на Кристину, Лапин нахмурился, но потом взял себя в руки и, лениво хлопнув пару раз молодым артистам, взял в руки бокал...

На медленный танец Дима Наташку вытащил из-за стола за руку — та что-то весело обсуждала с Говоровым, полная впечатлений от недавнего выступления, но, оказавшись в Димкиных объятиях, сразу обвила руками его шею и, притихнув, подняла счастливые глаза... Не обращая ни на кого внимания, он наклонился и тихонько тронул губами её губы...

— Ну-ка, уступи отцу! — Морозов-старший шутливо отодвинул сына и потянул к себе Наташину руку, — Ты ещё успеешь, а сейчас я хочу с Наташей потанцевать.

Посмотрев на Диму, девушка развела руками — мол, что поделаешь... Передав её отцу, тот вернулся за стол, присел рядом с Сашкой, но не успел сказать другу ни слова, как кто-то тронул его за локоть.

— Дима, можно тебя на минутку, есть разговор... — Леонид Лапин жестом пригласил его отойти, — Когда и где ещё увидимся, а поговорить надо.

Приветливо кивнув, парень последовал за Леонидом.

— А где Дима? — музыка затихла, и Наташа в сопровождении Александра Морозова подошла к столу.

— Сейчас придёт... его там позвали... — не решившись сказать, что это был Лапин, ответил Сашка, — Тебе чего налить — водки или шампусика?

— Лучше шампанского... немножко... — в надежде увидеть Диму, девушка оглянулась по сторонам. Налив ей шампанского, Говоров плеснул водки в стопки — себе и Морозову-старшему:

— Дядь Саш, от всей души! Всего наилучшего!

— С днём рождения, Александр Иванович, — Наташа подняла бокал, чокнулась с именинником и, прежде, чем выпить, снова обернулась — Дима вместе с Леонидом Лапиным входили в зал: Лапин направился к своему месту, а Дима — к своему, но не успел он сделать нескольких шагов, как его окликнула Анна. Махнув Наташе рукой, он развернулся и пошёл к матери.

— Спасибо, молодёжь, за поздравления, за песни, — выпив в компании молодых людей, Александр поднялся из-за стола, — Слов нет, правда... Спасибо, ребята! Как бальзам на душу. Ну, не буду вам мешать, ешьте, пейте, танцуйте... Наташа, а тебе хочу сказать, что рад за Димку. За вас обоих рад. Кстати, а где он?

— Он сейчас придёт, дядь Саш, не переживайте... — Сашка усердно закусывал, — Пока я за него.

— Ты мне смотри, девушку не отбей! — Александр шутливо потрепал Сашкину шевелюру, — А то я по-отечески разберусь...

— У Димы отобьёшь... — как-то грустно произнёс Говоров, но тут же расплылся в улыбке, — Всё норм, дядь Саш...

Хлопнув Сашку по плечу и кивнув Наташе, Александр отошёл. Заиграла музыка разгорячённые спиртным гости ринулись в центр зала, и Наташка, оглянувшись в очередной раз, увидела Диму танцующим в кругу своих родителей, четы Лапиных и Кристины... Был заметно, что он из вежливости составил им компанию — без конца оглядывался туда, где

сидела Наташа... Танец закончился, тут же начался другой... взяв за руки, развеселившаяся Анна не отпускала сына, вынуждая оставаться в кругу родных...

— Пойдём, потанцуем? — протянув руку, Сашка увлёк её к самой эстраде, где они оказались вдвоём, в отдалении от выделяющейся в центре зала невероятные танцевальные па разгулявшейся толпы. Вспомнив уроки хореографии и танцевальные разминки, Наташка показывала мастер-класс под зажигательную песню... Сашка, гибкий и артистичный от природы, с юности закалённый на танцполах, не уступал, и музыканты с интересом наблюдали за ловкими, отточенными телодвижениями этой парочки. Новый знакомый, Женья, с обаятельной полуулыбкой не сводил глаз со стройной блондинки, которая недавно стояла с гитарой на сцене и красиво пела... а теперь вот ещё и танцевала вполне профессионально.

Дима уже собирался покинуть компанию родителей и их близких друзей, но Анна в очередной раз задержала его:

— Сынок, подожди... Сейчас папа принесёт фотокамеру, мы все сфотографируемся, и ты пойдёшь, хорошо?

— Ну, хорошо, — вынужденно улыбнулся Дима и повернул голову, пытаясь за спинами гостей разглядеть Наташу.

— Привет! — , он не сразу сообразил, кому принадлежит знакомый голос, — Кого ищешь, не меня, случайно?

— Привет... — обернувшись, он увидел смеющуюся Кристину, — Нет, не тебя.

— Ладно, ладно, я пошутила, — так же весело произнесла девушка, — не заморачивайся.

— Я не заморачиваюсь, — Дима снова отвернулся в поисках Наташи.

— Ой, какой ты серьёзный! — Кристина потормошила его за плечо, — Такой весёлый юбилей, а ты серьёзный... Кстати, очень понравилось ваше выступление, правда.

— Спасибо, — он довольно сухо кивнул, при этом заметив взгляд Леонида Лапина, с которым только что серьёзно побеседовал.

— Спасибо — много, — Кристина улыбнулась, достаточно будет...

— Чего? — Дима наконец-то посмотрел ей в лицо, — Чего будет достаточно?

— У меня к тебе одна пустяковая просьба...

— Слушаю...

— Ну, что у нас тут по меню? — Вернувшись за стол, Говоров охотно налил себе водки, а Наташе шампанского, — вздрогнем, штоль? Раз Димыча всё ещё нет...

— Всё ещё нету... — как можно равнодушнее повторила Наташа, борясь с искушением оглянуться. Все официальные поздравления были сказаны, подарки вручены, наигравшиеся в «ручеек» гости не один раз дружно поработали челюстями, закусывая очередную порцию алкоголя, а стул, на котором должен был сидеть Дима, так и пустовал...

— А сейчас — самый любимый... самый романтичный... Белый тане-е-е-ец! — эти слова, выкрикнутые ресторанным вокалистом Петровичем в микрофон, утонули в аплодисментах.

Заиграла музыка, и подвыпившие дамы ринулись приглашать самых стеснительных кавалеров. Не выдержав, Наташка повернула голову... Ей показалось, что ледяная волна

обрушилась на неё с невероятной высоты... В центре зала, под её любимый шлягер, Дима... её Дима... танцевал с Кристиной...

— Ты чего? — заметив, как девушка изменилась в лице, Сашка тронул её за руку, — Натаха, тебе что, плохо?

Слёзы моментально навернулись на глаза, как-то по-детски задрожали губы... Стараясь не показать виду, она отвернулась в сторону. Переведя взгляд на танцующих, Сашка сразу всё понял:

— Ну, и чего ты ревёшь? Думаешь, он сам её пригласил? Это же белый танец! Она подошла — он согласился из вежливости... Сейчас придёт, вот увидишь.

Наташка опустила ресницы, и слёзы, ничем больше не сдерживаемые, градом покатались по щекам...

— Ну, ты чего... Натаха... — схватив салфетку, Говоров старательно вытирал ей мокрые щёки, — Всё, идём танцевать. А потом и Димыч придёт, сдам тебя ему...

Танцуя с Сашкой «на автомате», Наташа несколько раз искоса бросала взгляды в сторону Димки, и каждый раз предательская ледяная волна накрывала её с головой. В одно мгновение перед глазами пронеслись самые страшные для неё картины: разлюбил... изменил... бросил... Ревность была скорее сродни детской обиде и отчаянию, она не таила под собой ни гнева, ни желания «разобраться», а только наивный страх потерять самое для неё дорогое.

Наконец, песня стихла, музыканты ушли на небольшой перерыв, и Наташа присела за стол. Очень хотелось снова посмотреть, где там Дима, но вместо этого она налила себе полный фужер шампанского, которое в избытке стояло на столе, и залпом выпила.

— Ай, молодец, — Сашка опрокинул рюмку водки, подцепил с тарелки что-то из мясного, — закусывай, давай...

— Не хочу.

— Смотри, а то опьянеешь.

— Ну, и что...

— А что я Димону скажу?

— А оно ему надо? — с сомнением в голосе произнесла Наташа, — ему, по-моему, всё равно.

— Наташка, перестань... Между прочим, он из-за тебя от родителей ушёл. А для него родители — это всё. Батя машину отобрал — а он всё равно к тебе ушёл. И с Никитой разругался, и по морде ему дал... Он за тебя знаешь, как на фесте переживал, мы думали, выступление сорвётся. Так что не усложняй. Потанцевал и потанцевал — к тебе же придёт...

— Он уже не придёт... — Наташка слегка опьянела, слеза тоненькой струйкой снова потекла по щеке, задрожал подбородок...

— А куда он денется? — Сашку тоже слегка развезло, но очередная рюмка водки опять провалилась в молодой организм.

— Он меня бросил... — сидя неподвижно и глядя в одну точку, Наташка кусала дрожащие губы.

— Кто?!

— Дима...

— Димка тебя никогда не бросит. Хочешь, поспорим?

— Не хочу... — она решительно взяла бутылку, снова налила полный фужер и выпила до дна, — А пойдём танцевать?

— Пойдём!

Вернувшийся с перерыва Журавлёв заиграл новую песню. В середине танца Наташка почувствовала, что пол уходит из-под ног — волнения и выпитое без закуски шампанское сделали своё дело.

— Мне что-то плохо... Я лучше сяду...

Усадив девушку за стол, Сашка протянул ей стакан минералки, но она только молча покачала головой. Грохот музыки и голоса гостей слились в одно, захотелось спать и плакать одновременно...

* * *

— О, вот и Димыч... — язык у Сашки заплетался уже изрядно, когда Дима наконец-то оторвался от своих родственников и вернулся за стол, — Димон... Ты только не бей нас, ладно?

— А что, натворили чего-нибудь? — пошутил Дима, — Наташ, он тебя не обижал тут?

— Не... мы смирно себя вели... — Сашка старательно кивнул сам себе головой, — Только это... мы пьяные...

— Кто — мы? Ну, ты — понятно... А кто ещё? — Димка рассмеялся, но, посмотрев на неподвижно сидящую Наташу, шутливо сдвинул брови, — Наташка тоже, что ли, пьяная? А почему меня не дождалась, я тоже хочу...

— А я тебя больше никогда... никогда-никогда... ждать не буду... — Наташка старательно выговаривала слова, но язык предательски запнулся, — Пусть тебя другие... ждут...

— Тааак... Ты чего, правда, наклюкалась?!

— А тебе-то что... — Наташка говорила тихо, опустив голову, как бы про себя, и слёзы то и дело капали из глаз на подол голубого платья.

— И что мне теперь с тобой делать?

— Ни-че-го... Я уйду домой... — она попыталась встать, но Дима усадил её обратно.

— Сейчас... Сидите тут... Саня, смотри, чтобы она никуда не ушла! Я пойду, такси вызову.

Усадив обоих в такси, Дима сел на переднее сиденье, назвал Сашкин адрес. Доставив Говорова до подъезда, автомобиль рванул на окраину города, к их пятиэтажке.

— Ты сколько сегодня выпила? — добравшись до дома, Дима удивлённо смотрела на слегка протрезвевшую Наташку.

— А тебе-то что... — глядя в пол, она заученно повторяла одну и ту же фразу.

— Почему ты так со мной разговариваешь?

— Просто так...

— Между прочим, у моего отца день рождения, а мы с тобой ушли.

— Ты мог бы и не уходить.

— Я тебя что, одну должен был отпустить??

— Ну, ты же меня оставил одну? — она горько усмехнулась, — хорошо, что Сашка рядом был... А то сидела бы одна, как дура, весь вечер...

— Наташ, я сам переживал... Ты не обижайся, ведь мы с родителями столько не виделись! То друзья отца подошли, то мама потанцевать захотела, то Лапин на разговор вызвал... И никому не откажешь...

— А то Кристина... да? — голос у Наташки дрогнул, она, наконец-то, подняла на него глаза.

— Я так и думал. Наташка... — Дима попытался улыбнуться, — Белый танец... Кругом — друзья отца... Я только что с Лапиным разговаривал, он мне хорошее предложение сделал... Ну, не смог я отказать ей у всех на виду! Пойми, это ничего не значит, мне никто, кроме тебя не нужен, правда, — Дима попытался обнять девушку, но она оттолкнула его руки.

— А я и понимаю... Я всё понимаю... Поэтому можешь спокойно туда возвращаться. Меня там не будет, танцуй с кем хочешь, говори с кем хочешь, мне всё равно.

— Ну что за детский сад, Наташа...

— Иди к своей Кристине... Там не детский сад, там всё по-взрослому! А я тебе... я тебе не нужна-а-а-а... — на последнем слове заревела в голос... прошла в комнату и, упав плашмя на постель, зарылась лицом в подушку...

— Не заставляй меня оправдываться в том, в чём я не виноват... — пройдя за ней, он присел рядом, — Наташ, успокойся... Если не успокоишься, я сейчас уйду.

— Уходи...

— Я серьёзно.

— И я серьёзно. Уходи.

— Наташка... в последний раз... успокоишься?

— Иди... Кристину свою успокаивай...

— Я ушёл.

— Ну и иди! — вскочила, пробежала через комнату в прихожую, открыла настежь дверь, — Уходи! Совсем. Уходи, слышишь?

Когда за ним закрылась дверь, молча сползла по стене на пол и, закрыв лицо ладонями, снова заревела: по-детски, горько-горько, то ли от обиды на Димку... то ли на себя саму...

* * *

Раздавшийся утром звонок застал её в ванной. Прохладный душ освежил и чуть унял головную боль. Накинула халатик и, в надежде, что это пришёл Дима, повернула замок... Несмотря на ударную дозу выпитого вчера алкоголя, стоящий на пороге Сашка выглядел довольно свежим.

— Привет... Димон дома?

— Привет... Нет.

— А где?

— Не знаю... — Наташа горько вздохнула и жестом пригласила Говорова войти.

— Поругались, что ли? — Сашка осторожно закрыл за собой дверь.

— Дима меня бросил... — обречённо ответила девушка.

— Да ладно сочинять. Бросит он тебя, как же.

— Бросил...

— С чего бы?

— Я его прогнала...

— Так прогнала или бросил?

— Бросил... и прогнала... Он больше никогда не придёт... — Наташка опять приготовилась плакать.

— Что вы как дети?! Бросил... Прогнала... — Сашка сам налил себе большую кружку кофе и, присев за стол, громко отхлебнул, — Куда ушёл-то?

— Не знаю... Позвони? — она с надеждой посмотрела на него.

— Да я мобильник дома забыл. А как мы вчера... всё нормально?

— Нормально... Спели, потанцевали... напились...

— Угу... С Димычем поругались... Всё как у людей. А здорово ты, всё-таки, танцуешь! — неожиданно сменив тему, Сашка в упор посмотрел на девушку, которая стояла, опершись о кухонный стол и скрестив на груди руки. Наташка нравилась ему с самого первого дня, как только он её увидел на университетском вечере, и сейчас воспоминания о том, как они вчера танцевали, как она обнимала его за плечи и её волнующая близость вдруг заставили сердце забиться учащённо, громко... Так громко, что, казалось, его удары были слышны снаружи.

— Саш... Я такая дура... Я столько наговорила Димке вчера... — опустив глаза, Наташа кусала губы.

— Это я дурак... — встав из-за стола, он подошёл к ней почти вплотную.

— Ты не дурак... Ты хороший... Чего ты на меня так смотришь? — взглянув на него, она удивлённо приподняла брови, — Ты чего, Саш?

— У тебя волосы растрепались, — он отвёл назад белокурую прядь, упавшую ей на лоб, потом, неожиданно прижав затылок, впился губами в губы, другой рукой крепко обхватив тонкую талию...

— Ты что, дурак?! — кое-как оттолкнув Говорова, Наташка машинально вытерла губы тыльной стороной ладони, — С ума сошёл?!

— А я сразу сказал, что дурак... ты же не поверила... — прерывисто дыша, выдавил Сашка, — Выгони меня?.. Пока чего хуже не натворил...

Пройдя быстрым шагом в прихожую, она молча распахнула дверь...

— Прости, Наташ... — он обернулся уже на пороге, — Ничего не было... Ладно?

— Иди, Саша... Ничего не было. — устало произнесла она. Закрыв дверь за Говоровым, прошла в комнату и села в растерянности...

Проснувшись на даче у родителей, Дима нехотя вспоминал вчерашний вечер. Обида на Наташу сменилась сожалением, что всё получилось так нелепо — ссора на ровном месте. В то же время, чувство уверенности в том, что он не сделал ничего плохого, мешало сделать первый шаг и позвонить ей... И то, что Наташка много выпила, и то, что она потом ему наговорила, не задевали его так сильно, как то, что она с каким-то детским упорством раз за разом совершала необдуманные поступки, как будто не доверяя его чувствам к ней. К тому же, невесть откуда взявшийся червячок ревности подтачивал изнутри собственное эго, наводя на мысли о том, что Наташка провела весь вечер в компании с Говоровым, пусть вынужденно, но — провела... Они даже умудрились вместе выпить. Вернувшись в ресторан, Дима слышал, как бывший сослуживец отца восхищённо вспоминал о девушке, которая и «поёт, и играет, и танцует», при этом называя её почему-то «подружкой барабанщика». Когда родители в конце вечера сказали, что они едут ночевать на дачу, ему ничего не оставалось делать, как поехать с ними.

Через десять минут после того, как такси доставило Морозовых, возле ворот их дачного участка притормозила другая машина, из которой вышли Лапин с супругой и дочерью. Пока Анна устраивала гостей на ночлег на втором этаже кирпичного коттеджа, Димка поднялся в свою мансарду, где он обычно ночевал, когда семья приезжала сюда на отдых. Здесь же ещё год назад он проводил время с Кристиной... «Интересно, она-то зачем приехала?» — подумал он, пытаясь отвлечься от невесёлых мыслей, но переключиться не получалось, перед глазами всё время возникала Наташа, её тёплая, какая-то до боли родная улыбка, взгляд с оттенком печали... Он не умел долго сердиться. Он вообще не умел сердиться, а уж на неё — тем более...

Ему вдруг ужасно захотелось, чтобы Наташка сейчас оказалась рядом. Закрыв глаза, он вспоминал каждую чётточку, каждую родинку, каждый изгиб её тела, такого волнующего и манящего... На мгновение ему показалось, что он слышит её шёпот, чувствует дыхание... Несмотря на всю её неопытность, его всё сильнее и сильнее влекло к этой девушке-девочке, так доверчиво шагнувшей в его объятия в ту мартовскую ночь... девушке, до сих пор ещё не утратившей детской непосредственности, и, пусть не достигшей пока взрослой женской мудрости, но рядом с которой он ощущал удивительное спокойствие и душевный уют.

* * *

— Саша, поставь немедленно на место! — заметив, как супруг достаёт из холодильника бутылку водки, Анна недовольно поморщилась, — Успеешь! Иди, помоги Лёне мангал разжечь, а то, называется, в гости пригласили...

— Анечка, я буквально одну стопочку... Ну, хорошо... хорошо... — Александр поднял обе руки вверх, — Сейчас, только сигареты свои найду.

Дождавшись, когда жена выйдет из кухни, он быстро открыл холодильник, достал всё ту же бутылку, наполнил небольшую стопку, залпом выпил, сполоснул стопку под краном и,

убрав бутылку назад, поспешил во двор. Леонид уже хозяйничал возле мангала, а Мила и Анна нанизывали сочные розовые куски мяса на шампуры.

— Ну вот, припахали, значит, друзей, — замечательное солнечное утро и выпитые сто грамм подняли Александру настроение.

— Да-да... Я всё записываю, потом не рассчитаешься... — Леонид распрямился и широко улыбнувшись, шагнул к другу, — Утро-то какое, а? Саня? Прямо как по заказу!

— Ой, не говори, Лёнь, — подала голос Мила, — я переживала, как бы дождя не было, а смотри, какая погода.

— Ну, а где молодёжь? Почему не помогает? — подбоченившись, Морозов-старший огляделся вокруг.

— Спят ещё, — ответила Анна, — а, нет... Кристина вышла.

— А Наташа так и не попала к нам... Димка, вроде, сказал — она заболела? — не унимался Александр, но Анна тут же его перебила:

— Саша, помолчи лучше...

Отдав нанизанные шампуры Леониду, Анна накрыла клеёнчатой скатертью стол в большой резной беседке, поставила приправы, блюда с выложенными на них целыми огурцами, помидорами и зелёным луком.

— Всем доброе утро, — Кристина, в коротких шортиках и белом хлопчатобумажном топике, подошла к отцу, заглянула в мангал, — А почему ещё не пахнет на всю округу?

— А ты как хотела — и спать, и чтобы уже всё готово было? — пошутил Лапин.

— Доброе утро, Кристиночка, — Анна приветливо улыбнулась девушке, — мясо уже на углях, скоро и запах будет.

— Вам помочь, Анна Сергеевна?

— Ну, если только хлеба принести... Там, в доме на кухне, открой шкаф, увидишь.

— А, хорошо, сейчас, — Кристина охотно направилась к дому. Войдя на кухню, открыла шкаф, достала приготовленный хлеб и уже собралась выходить, как в дверях неожиданно столкнулась с Димой.

— Привет... — от неожиданности Кристина покраснела.

— Привет, — Димка прошёл мимо неё, достал из холодильника бутылку минеральной воды. Выскользнув на улицу, девушка торопливо направилась в беседку.

— Вот хлеб. Больше ничего не нужно?

— Да пока нет, Кристиночка, отдыхай... Там Диму не видно?

— Видно...

— Проснулся, значит. Позови его, пусть идёт на свежий воздух.

— Ну-у-у... Сам придёт... — Кристина слегка смутилась.

— Позови-позови... — многозначительно произнесла Анна, — а то я его знаю. Сейчас начнёт друзьям названивать или в интернет залезет.

— Ну, хорошо... Я скажу, что вы зовёте.

Вернувшись в дом, Кристина заглянула в кухню, но Димы там уже не было. Постояв в раздумье пару минут, нерешительно поднялась по скрипучим ступеням на второй этаж, оттуда по узенькой лестнице — в мансарду. На последней ступеньке остановилась... Через приоткрытую дверь было слышно, как Дима с кем-то разговаривает по телефону.

— Наташа, вот завтра отработаем концерт, а потом уже будем отношения выяснять. А какая тебе разница — где я сейчас? Ты ночью всё ясно сказала. Ну, всё, пока.

Кристина слушала, затаив дыхание... Через несколько секунд снова послышался Димин голос:

— Саня, привет. Как ты сегодня? Нормалёк? Ну, вчера такой красавец был! Я? На даче у родителей. Ко мне заезжал? Когда? Ну, и что там у меня? А Наташка чего делает? Плачет? Она мне только что звонила. Я — бросил? — он засмеялся, — Это теперь так называется? Сама прогнала — значит, бросил... Ну, ладно, пусть ещё фигнёй пострадает. Ты не забыл, что завтра в «Диско» работаем? Ну, давай, до завтра... — было слышно, как Дима положил телефон на стол, — «Дребезги»... И правда, что-то всё вдребезги...

Дождавшись пока он закончит разговор, Кристина тихо вошла в мансарду. Полулёжа на кровати, Димка удивлённо уставился на девушку.

— Там тебя Анна Сергеевна зовёт...

— Сейчас приду.

— Ничего не изменилось... — Кристина оглядела небольшую комнатку, убранство которой состояло из неширокой кровати, встроенного шкафа, компьютерного стола и двух стульев. Утреннее солнце, просачиваясь сквозь светло-коричневый тюль, мягко заливало небольшое пространство, от чего помещение казалось тёплым и уютным.

— Как сказать, — кусая губы, Дима искоса посмотрел на бывшую невесту.

— А как сказать? — Кристина явно была готова продолжить разговор.

— А нужно что-то говорить? Вроде бы всё сказано.

— Да нет... Так... Вспомнилось просто... Ну, как ты?

— Я — нормально, — Дима сел, опершись локтями о колени, — теперь, видимо, я должен спросить — а как ты?

— Да я, в общем-то, тоже. Вот... Решила шоу-бизнесом заняться. Папу раскручиваю на проект.

— Ну, и как, удачно?

— Почти. Будем молодые таланты продвигать. Вот, посмотрела вчера на ваше трио. Девушка у вас очень... талантливая... Можно её будет раскрутить, — Кристина нарочно сделала вид, что не знает об отношениях Димы и Наташи, — зачем ей с такими вокальными данными на подпевках у кого-то работать?

— Ну, вот как раз девушку не нужно трогать, — ироничный тон Кристины не остался незамеченным Димкой, — девушка выступает только со мной.

— Ну, значит, раскрутить вместе с тобой...

— И закинуть подальше? — он усмехнулся, — Кристин, ты к чему-то клонишь?

— Дима... — она вдруг заговорила серьёзным тоном, — Раз уж вот так встретились... Ты... прости меня, что так всё вышло. Больше я не прошу ни о чём. Просто — прости...

— Да я, в общем-то, и не в обиде. Может, оно и к лучшему, что так вышло.

— Может, и к лучшему... Хотя бы для тебя.

— А для тебя разве — нет?

— Нет... — опустив глаза, она покачала головой, — Но это неважно. Я ведь виновата, верно?.. Значит, я не в счёт.

— К чему такой трагизм? — Дима встал, прошёл к двери, — Я на тебя не обижаюсь, Кристина... Правда.

* * *

— А ты уже похвалился родителям вчерашним нашим разговором? — держа в руках шампур с ароматным, горячим шашлыком, Лапин кивнул Диме. Вся компания сидела за накрытым в беседке столом.

— Пока нет, — Дима слегка смутился, — мы, вроде, окончательно не договорились...

— А что за разговор? — Морозов-старший, опрокинув очередную стопку, поднёс шампур к лицу, шумно вдохнул шашлычный аромат.

— Да вот... Предлагаю Диме снять качественный клип на песню, чтобы можно было «Ночной патруль» дальше продвигать.

— Ой, Лёня... Это ведь огромных денег стоит! Мы хоть люди не бедные, но даже нам такое не по карману, — притворно посетовала Анна.

— Подожди, Аня, я ещё не всё сказал... Мало того, что снять, но снять на лучшей студии — в Москве или в Питере. Парень — талант, каких мало, а талантам надо помогать. А мы уж с ним как-нибудь рассчитаемся... Отпоёт, в крайнем случае, — Лапин, засмеявшись, хлопнул Димку по плечу, — ну, как, Дим, согласен? И ребятам твоим, думаю, идея понравится.

— Лёнька, я, конечно, не сомневался, что ты — настоящий друг, но теперь убеждаюсь в этом лишний раз! — Александр приложил руку к сердцу.

— Единственное, о чём я попрошу Диму... ну, конечно, если он согласится, это чтобы в клипе снялась и Кристина. Ну, вот такой мой родительский каприз, — Лапин по-отечески приобнял Морозова-младшего и весело оглядел всех присутствующих.

— Дядь Лёнь, давайте, обсудим это дня через два... Я, в любом случае, должен с ребятами поговорить, дело серьёзное. Хотя... — Дима махнул рукой, — сразу скажу — они согласятся на любые условия.

— Ну, вот и чудненько — Лапин потёр руки, — ну, что, давайте, за удачный проект?

* * *

Сомнения не покидали Диму. Он не отказался от предлагаемой помощи, ведь молодым артистам такое дорогое «удовольствие», как съёмка видеоклипа, было не под силу, а качественный ролик — залог успеха в раскрутке любого коллектива. С одной стороны — эту помощь предлагал друг отца... Но, с другой стороны, зная Лапина, соглашаться было опасно, неизвестно, как потом вывернется эта его недешёвая идея. Участие Кристины в съёмках клипа Диму не порадовало, но он успокоил себя тем, что это будет неким залогом — не только для пиара «Ночного патруля» будут потрачены деньги Леонида Борисовича. Но... как теперь сказать об этом Наташке?..

После обеда Дима от нечего делать бродил по даче. Кристина, после неудачного утреннего разговора с ним, не отходила от Анны Сергеевны; почувствовав в ней поддержку,

она немного воспарила духом и теперь искала повод снова завязать с Димой какую-нибудь нейтральную беседу, но, погружённый в свои мысли, он к беседе расположен не был. «Что там Наташка делает? Сидит, наверное, и ревёт, глупая...» — ему вдруг стало её жалко. Он — здесь, у родителей, за накрытым столом... А она — одна, в маленькой квартирке, грустная и виноватая...

Машина осталась в городе, такси сюда вызвонить проблематично, а автомобиль Лапина, на котором они собирались уехать, должен был прибыть только под вечер. С другой стороны, присутствие Кристины на их даче делало ситуацию довольно двусмысленной... «Дурацкое положение», — думал Димка, стоя на берегу небольшого дачного пруда. Немного погодя, достал телефон и нажал на кнопку вызова.

— Наташа... привет ещё раз. Что делаешь? Да у родителей я, на даче, где мне ещё быть?

— Ты с кем разговариваешь, с Наташей? — изрядно подвыпивший Морозов-старший бесцеремонно выхватил телефон из рук сына, — Алло, Наташенька, здравствуй! Димка сказал, что ты вчера заболела, поэтому рано уехала. Как ты себя чувствуешь? Ну, и слава Богу! Жаль, что ты сегодня не с нами, очень... Очень жаль! Но ты за Диму не беспокойся, всё нормально, мы тут по-семейному: Дима, Аня, я, Лёня с Милой, Кристина... Тебя очень не хватает... В следующий раз ждём — обязательно! Хорошо?.. Ну, всё, передаю телефон Димке.

— Па... Что ты сделал?! — Дима укоризненно смотрел на отца, — Она трубку бросила... Ну, зачем ты про Кристину сказал?! Мы вчера только из-за неё поругались. И как я теперь должен ей всё объяснить?!

— Ты мужик или не мужик? — совсем пьяный Александр хлопнул сына по спине, — Объяснишь... она умная, поймёт.

— Угу, поймёт... Уже трубу не берёт... Так, всё. Я — в город, — оставив отца, Дима бросился к дому. Переодевшись, сказал что-то на ходу матери, кивнул Лапиным и выбежал за ворота.

* * *

Поймать попутную машину удалось не сразу; Дима прошёл по шоссе около трёх километров, пока его не подобрал новенький «Форд-фокус». Сидевшая за рулём красивая женщина лет тридцати с интересом посмотрела на молодого человека.

— А я вас, кажется, знаю... Вы — музыкант, поёте в «Ночном патруле». Я не ошиблась?

— Не ошиблись, — улыбнулся Дима.

— Ну, надо же... Моя младшая сестра вас просто обожает. А вы можете дать мне для неё автограф? Она очень обрадуется.

Расписавшись в протянутом женщиной блокноте, Дима нетерпеливо смотрел на дорогу. Имя Кристины, так необдуманно сказанное отцом, сводило на нет намечавшееся примирение с Наташкой, и он не знал, как теперь с ней разговаривать. «Повторяется вчерашняя ерунда...»

Остановившись возле пятиэтажки, женщина вышла из машины вслед за Димой, с явным намерением продолжить разговор.

— А я думала, что местные звёзды живут в элитных квартирах, — пошутила она, — кстати, мы ведь даже не познакомились. Инна...

— Очень приятно, Дмитрий.

— Дмитрий... А как вы смотрите на вечернюю прогулку по городу?

— Знаете, Инна, сегодня я никак не смотрю... — Дима слегка улыбнулся, — огромное вам спасибо, что подвезли. Что я вам должен?

— Вы мне должны... номер телефона, — стрельнув на него голубыми глазами, игриво ответила Инна.

— Н-ну... — слегка замялся Дима, — что с вами делать... Вы меня, действительно, очень выручили. Давайте ручку.

Он дописывал цифры, когда дверь отворилась. Наташа — удивительно светлая, похожая на лёгкое облачко, в каком-то невероятно-воздушном коротком сарафанчике, с перекинутой через плечо белокурой косой, буквально выпорхнула из подъезда. Торопливо отдав Инне блокнот с номером своего телефона, Димка поспешил навстречу девушке.

— Девушка, а девушка, а куда вы идёте?.. А Вас не Наташа зовут? — не давая ей опомниться и увернуться, подхватил на руки и, покружив на радость старушкам, сидящим у соседнего подъезда, поставил прямо на скамейку, обхватив руками стройные ножки. Молча глядя на него сверху вниз, Наташка кусала нижнюю губу... Неожиданно свалившаяся на неё радость отбросила куда-то далеко все обиды и недомолвки... Ведь он вернулся... К ней вернулся... И столько любви в его синих глазах...

Обвив руками его шею, она даже не обратила внимания на молодую, красивую женщину, внимательно наблюдавшую за этой сценой. Печально улыбнувшись, женщина села в автомобиль и, включив зажигание, нажала на газ...

— Так куда мы всё-таки собрались? — поставив Наташу на землю и сомкнув руки у неё на талии, Дима ласково посмотрел на девушку сверху вниз. В этот момент ему показалось, что нет свете никого роднее и ближе, чем она, и что нет большего счастья, чем вот так — прижав к себе, чувствовать её тепло. Так хотелось зацеловать — всю, такую родную, любимую, с ног до головы, и смотреть, смотреть в эти большие, красивые, доверчивые глаза цвета крепкого чая...

— На телефоне деньги закончились, хотела положить... — как будто не веря, что он здесь, Наташка во все глаза смотрела на Диму... После вчерашней ссоры она даже не надеялась, что он сегодня придёт, а его долгожданный телефонный звонок был омрачён упоминанием Александра о Кристине, — Пойдёшь со мной?

— Зачем идти? Сейчас машину заведу, поедем.

* * *

Свернув с загородного шоссе на едва заметную просёлочную дорогу, старенький «фольксваген» остановился на обочине; мотор, немного поурчав, затих и фары, едва осветив ветви деревьев, потухли. На улице уже почти стемнело, тёплый июльский вечер был готов уступить место звёздной июльской ночи... Удивительная тишина окутывала всё вокруг: и лес, и дорогу, и автомобиль, в салоне которого, перебравшись на заднее сиденье, Димка с Наташей целовались, как влюблённые беглецы. Несмотря на темноту, Наташа закрывала глаза, и сладко-щемящая волна перекатывалась в груди, а откровенные прикосновения Димкиных губ и рук заставляли сердце учащённо биться — его собственному в такт... Они совершенно бесцельно катались за городом уже несколько часов, время от времени останавливаясь в укромных уголках... возвращаться домой не хотелось, им обоим казалось, что они встретились после долгой разлуки. О вчерашнем вечере никто не вспоминал, боясь спугнуть неожиданно нахлынувшее ощущение счастья...

— Дим... — опустив в темноте глаза, Наташа замялась, как бы подбирая нужные слова, — а вот... чем опытные женщины отличаются от... ну, неопытных?

— Ну, чем... опытом, наверное... — Дима улыбнулся.

— Я серьёзно.

— Ну, и я серьёзно. Наташка... Правда, не знаю. Я знаю только, чем любимые женщины отличаются от всех остальных, независимо от опыта. А почему ты спросила?

— Просто... — Наташа едва заметно вздохнула, кровь прилила к щекам, — Знаешь, чего я боюсь больше всего на свете?

— Чего?

— Что ты меня бросишь...

— А что, уже пора?

— Да ну тебя...

— Ты ещё такой ребёнок...

— Это, наверное, плохо?

— Да ужас просто...

— Как всегда... — с лёгким оттенком грусти произнесла Наташа, — Шутишь...

— А, хочешь, поедem сейчас ночевать в одно очень романтическое место?

— Это куда?..

— На нашу дачу, тут как раз недалеко — километров пять. У меня там своя комната под самой крышей.

— Нет, что ты... там же твои родители... И их друзья, — Наташа посерьёзнула, вспомнив Анну Сергеевну, Лапиных и Кристину, — Нет, Дим...

— Они уехали, скорее всего.

— Давай, лучше домой.

— А зря... — снова перебравшись на водительское место, Дима включил зажигание, посмотрел на доску приборов, — Так... кажется, приехали... Вот дурак...

— Что случилось? — тревожно спросила Наташа.

— Бензин выездили. Надо было заправиться сначала, а я ушами прохлопал.

— А что же делать?

— Попробуем хоть до дачи дотянуть...

Проехав около двух километров, машина окончательно заглохла, так и не дотянув до дачного посёлка.

— Ну, вот... всё-таки придётся идти.

— А как же машина? — спросила Наташа.

— Ну, как-то так... Здесь связи нет, нам в посёлок идти в любом случае придётся. Дойдёшь?

— Дойду... — обречённо ответила девушка.

— Второй раз за сутки иду пешком по этому шоссе, — взяв Наташу за руку, Дима уверенно шагал по ночной дороге, — только сейчас вообще машин нет — глухое направление.

— Дим, а точно твоих нет на даче?

— Даже если бы и были, мы ведь домой идём.

— Это ты идёшь домой. А я боюсь...

— Так... Пришли, кажется, вот указатель... Сильно устала?

— Не-а...

— Потерпи, уже недалеко.

— А у тебя ключи-то есть?

— Есть... А, если бы и не было, я знаю, как пробраться, — Дима засмеялся, — ты по стенкам лазать умеешь?

— Нет...

— Ну, вот тебе первое отличие неопытной женщины от опытной. Опытные — они, знаешь, как по стенам лазают!

— Ди-и-и-м... Ну тебя, — она рассмеялась из последних сил.

— Ну, вот, пришли... Та-а-ак... А тут, оказывается, кто-то есть, — Дима повернул ключ, и вмонтированная в большие металлические ворота дверь открылась: на участке, недалеко от входа, под луной блестел чёрный «мерседес» Лапина, — Ну, что поделаешь, мы тоже спать хотим. Идём...

— Идём... — Наташе было уже всё равно, она так устала, что ей хотелось только одного — лечь и уснуть.

* * *

Пройти незамеченными к лестнице, ведущей наверх, им не удалось: в небольшой гостиной на первом этаже горел свет, там явно кто-то был. Заглянув в двери, Дима слегка растерялся: Анна и Леонид вдвоём сидели за небольшим накрытым столом... Лапин, в расстёгнутой рубашке, довольно откровенно развалившись в кресле, видимо, что-то рассказывал женщине, но, увидев неожиданных гостей, замолчал. Анна испуганно поправила разъехавшиеся на груди полы домашнего халата.

— Дима?! Ты откуда?..

— Мы, мам... Я не один. А где отец?

— Папа?.. — Анна слегка замялась, — Папа наверху... спит... А мы с Леонидом беседуем. А ты с кем?

— Я с Наташей, у нас машина заглохла по дороге, мы пешком пришли.

— Да-да... Тогда ужинайте и отдыхайте, — явно смутившись, Анна даже не выказала недовольства, напротив, вышла в прихожую и гостеприимным жестом пригласила Наташу войти, — мы сегодня решили не возвращаться в город, только Мила с Кристиной уехали.

— А машина далеко заглохла? — участливо спросил Лапин.

— Километра три отсюда, — довольно сдержанно ответил Дима.

— Так в чём вопрос — поехали, притащим.

— Да ничего, отец проснётся, придумаем что-нибудь.

— Ну, вот ещё, до утра ждать. Там и руля не останется! Так, Димка, считай, что я тебе отец на сей момент... Только ты — за руль, я выпил маленько... — Лапин решительно поднялся и, застёгивая рубашку, вышел в прихожую, — Едем!

— Ну, хорошо, я только Наташу устрою.

— Дима, ты иди с Лёней, не беспокойся, я покажу Наташе твою комнату, — Анна чуть ли не заискивающе посмотрела на сына.

— Я сам. Идём, Наташ, — взяв девушку за руку, Дима шагнул на скрипучую лестницу.

Когда молодые люди ушли, Анна и Леонид переглянулись.

— Пикантно получилось, — Леонид усмехнулся, — я даже не слышал, как они вошли.

— У Димы есть ключи. Да, как-то нехорошо... По-моему, он всё неправильно понял.

— Не переживай, Аня, мы, ведь, чисто по-дружески. А Димке я всё объясню.

— Лучше не надо, в конце концов, ничего не произошло. А то получается, мы ещё и перед этой Наташей начнём оправдываться... Видишь, что из нашей с тобой затеи вышло, — женщина покачала головой.

— Всё нормально вышло. Ты как думала — он сразу её бросит и придёт к Кристинке? Так не бывает, Анечка... Но первый шаг сегодня сделан.

— Ты думаешь? — Анна с сомнением посмотрела на Лапина, — Ну, будем надеяться... А Кристина как-то изменилась, ещё похорошела.

— Ты тоже заметила? А я думал, это у меня по-отцовски... Значит, так и есть. Кристина — взрослая девушка, они же с Димкой ровесники?.. Ну, да, — Лапин кивнул сам себе, — она

его даже старше немного, так что... А что эта Наташа — ну, красивая девочка, вот, пожалуй, всё. Восемнадцать лет — в голове ещё ничего нет, — Лапин говорил приглушённым голосом. На лестнице слышались шаги, и он замолчал.

* * *

Проводив Диму с Леонидом и прибрав со стола, Анна присела в мягкое кресло. Ночной разговор с Лапиным, так неожиданно прерванный появлением сына, успокоил её и даже воодушевил. Резкая перемена отношения Морозова-старшего к тому, что Дима ушёл к Наташе, была для неё неожиданной, Анна не могла понять, как муж, который всегда был ведомым в семейных делах и прислушивался к её мнению, в этот раз проявил самостоятельность. Бывший военный, Александр, несмотря на офицерский чин, имел покладистый характер и всегда и во всём поддерживал жену, и, когда Дима ушёл из дома, как мог, успокаивал её, говоря, что «надоест — вернётся». Но, со временем, он всё чаще заводил разговор о том, что «надо бы провести молодых, нехорошо...», на что Анна отвечала резким отказом. Наконец, не выдержав, Морозов-старший решил самостоятельно нанести визит, который закончился окончательным примирением с сыном и одобрением его выбора...

Александр по-отечески влюбился в Димкину избранницу, чем окончательно настроил Анну против Наташки... На вчерашнем банкете она старалась не смотреть на девушку, а когда Дима и Наташа пели для именинника, лишь снисходительно улыбалась. Идея Лапина помирить Диму с Кристиной нравилась ей с каждым днём всё больше, и не только Димкины творческие интересы играли свою роль в этом деле... После той встречи в ресторанчике Анна ловила себя на мысли, что слишком часто вспоминает это их деловое свидание, и Леонид — довольно импозантный мужчина, в которого она когда-то была влюблена, всё чаще возникал перед её глазами, когда она ложилась спать... Она даже не могла бы точно сформулировать — зачем ей нужно, чтобы Кристина и Дима снова были вместе — для удачной карьеры сына или для того, чтобы часто и на законных основаниях видеться с Лапиным. Так или иначе, Анна была настроена во что бы то ни стало добиться своего.

После того, как Леонид, вызвав сразу две своих машины, на одной из них отправил супругу, дочь и второго водителя в город, он и Александр перебрались «догуливать» в дом, и Анна, немного отдохнув, присоединилась к мужчинам. Вскоре супруг, перебрав спиртного, ушёл спать, и она, оставшись с Лапиным наедине, посетовала, что всё получается не так, как ей хотелось бы... Но Леонид неожиданно ответил, что всё идёт по плану, именно так, как нужно для удачного исхода дела, намекнув на скорый творческий взлёт её сына.

Вспоминая сегодняшний вечер, Анна немного посидела в тишине, потом осторожно поднялась наверх... Заглянув в одну из двух спален на втором этаже, где отдыхал супруг, шагнула на узенькую лестницу, ведущую в мансарду. Тихонько приоткрыла дверь в залитую лунным светом маленькую комнатку... Наташа, заботливо укрытая тонкой простынёй, крепко спала на Диминой кровати. Рядом, на спинке стула висел воздушный сарафанчик, на столе стояла тарелка с кусочками холодного шашлыка и несколькими ломтиками хлеба — перед тем, как уехать с Лапиным, Дима принёс ей поесть, но уставшая Наташа уснула раньше. Анна придирчиво смотрела на девушку, пытаясь понять, чем она так зацепила её

такого воспитанного, послушного сына, что он почти два месяца не показывался дома... Наконец, тяжело вздохнув, так же тихо вышла и вернулась на первый этаж.

* * *

— Ну, как тебе машинка? — сидя на пассажирском сиденье своего «мерседеса», Лапин с интересом посмотрел на Диму.

— Без комментариев... — Дима осторожно вёл дорогую машину, всё ещё сомневаясь, правильно ли сделал, что согласился буксировать свой «фолькс» шикарным авто Леонида.

— То-то и оно, что без комментариев! — хвастливо подтвердил Лапин, — Как небо от земли, скажи?

— Ну, да...

— Ну, ничего, всё твоё у тебя впереди... Вот раскрутим тебя, купишь ещё лучше...

— Да я как-то об этом не думаю... — Дима пожал плечами.

— А зря! Зря не думаешь! Надо думать. Вот сейчас снимем клип, и будем дальше продвигать твой «патруль»... Кстати, Кристина поступила на заочные продюсерские курсы. Так что, ты — среди своих...

— Спасибо, Дядь Лёнь... Даже не знаю, что и сказать на это.

— Да ничего не говори, я сказал — будешь на вершине, значит, будешь. А то, что с Кристиной так у вас... Ты сам понимаешь, что в жизни бывает всё, и что эта самая жизнь мудрее нас всех... Если сводит, то не зря, если разводит — тоже не просто так. Моя дочь тебя обидела, а судьба наградила, — Леонид Борисович бросил на своего собеседника едва уловимый, насмешливый взгляд, — вот какую себе новую подружку завёл... Хороша, ничего не скажешь... А с Кристиной ты тоже правильно себя ведёшь. Можно всегда оставаться добрыми друзьями, согласен?

— Ну... в принципе, согласен... Всё, приехали.

Подцепив свою машину на трос, Димка снова сел за руль «мерседеса» и включил зажигание. Увидев в зеркале, как Лапин, занявший водительское место в его «фольксвагене», махнул рукой из окна, аккуратно нажал на газ.

* * *

— Ну, что, принцесса на горошине, выпалась? — улыбаясь, Дима присел на кровать, поправил Наташины волосы, упавшие ей на лицо.

— Я не то, что горошину, я бы кирпич не почувствовала, — улыбнулась в ответ девушка, — ничего не помню... провалилась куда-то, и всё...

— Я видел, — он ласково улыбнулся, — пока поешь тебе принёс, ты уже спишь.

— А ты? Спал сегодня?

— Не-а... Пока машину притянули, пока за бензином съездили... Пойдём завтракать, потом можно и домой ехать.

— Не хочу. А ты иди.

— Пойдём-пойдём... Там отец все глаза проглядел, когда ты проснёшься, — приподняв

за плечи, он усадил её на кровати, — Мать, по-моему, ревнует.

— А сколько времени?

— Почти двенадцать. Говоров уже раз пять звонил, соскучился, наверное, по тебе...

— По мне?.. — услышав Сашкину фамилию, Наташа невольно смутилась: на память пришло вчерашнее утро, когда он, не справившись с собой, вдруг полез к ней целоваться.

— Ну, во всяком случае, не по мне, — рассмеялся Дима, подавая ей сарафанчик — Он всегда за тебя переживает.

— Ну, ладно, идём завтракать, — одеваясь, Наташа постаралась перевести разговор в другое русло, — и поедem... А то уже на выступление собираться пора.

Вернувшись домой, Дима долго не мог завести разговор о предложении Лапина, но Наташа, невольно для себя, сама подняла тему.

— Дим, — крутясь возле зеркала в новом концертном платье, она, как всегда, придирчиво осматривала свою точёную фигурку, — знаешь, я недавно прослушала рабочую кавер-версию «Он, как и я», ту, что тебе прислал Соколов.

— Ну, и как? — сидя напротив, он не сводил с неё глаз, — Нормально?

— Не-а! — она обернулась к нему, — Мне не понравилось. Твоя аранжировка намного лучше, и исполнение — тоже.

— Ну, это же только набросок, — он пожал плечами, — не окончательный вариант.

— Ну, и что, — Наташа присела рядом с ним, — сразу слышна разница. Понимаешь, у тебя намного «вкуснее» получилось.

— Ну, это тоже естественно, у нас разные стили, — обняв её, он зарылся лицом в распушенные белокурые волосы.

— Дим, — она уже была готова разомлеть в его ласковых руках, но, пересилив себя, слегка отстранилась, посмотрела в его в синие-пресиние глаза, — ты такой талантливый, ты ведь намного талантливее тех, кто без конца крутится и по тв, и на радио, но тебя знают лишь здесь... Тебе обязательно нужно выходить на большую сцену, с «Патрулём» ли, сольно ли, неважно! Дима, это ведь несправедливо, что ты, такой одарённый, поёшь по корпоративам и вечеринкам за мизерный гонорар.

— Ну, по столичным меркам мой гонорар даже не мизерный, — рассмеялся он, прижимая её к себе, — Наташка... Чтобы раскрутиться, нужны огромные деньги. Нужен пиар, ведь, если твоё имя будут насильно вдувать в уши слушателей каждый день по десятку раз, то это уже половина успеха. Нужно оплаченное время на музканалах и профессиональные видеоклипы. У тебя могут быть миллионы просмотров на ютубе, но, если это любительская съёмка, тебя серьёзные люди не узнают.

— Серьёзные — это те, кто держит эфиры?

— Не только. Это и те, кто занимается гастрольными предложениями.

— Дим... Вам, действительно, нужны профессиональные ролики, я уже не говорю о диске.

— Понимаешь, с диском, вроде, проще, но в нашей студии очень высокое качество не обеспечишь. Нужна высокопрофессиональная аппаратура.

— А как же быть?

— Наташа, — он снова пристально посмотрел ей в глаза, — я как раз хотел с тобой поговорить.

— О чём? — она доверчиво улыбнулась.

— Дело в том, что нам с ребятами предложили снять качественное видео, при чём, настолько качественное, чтобы можно было показать по центральным каналам.

— Серьёзно?!

— Да. И это ещё не всё. Возможно, поступят и другие предложения, если всё получится так, как задумано.

— А какие?

— Ну, например, работа в новой студии.

— Дима... — она радостно смотрела на него, — Это же здорово! Только... А на каких условиях?

— Условия, вроде бы, не драконовские. Инвестор будет высчитывать свои вложения из наших гонораров, всё, как обычно. Правда, есть один момент, который мне не нравится...

— Какой?

— В этом клипе со мной должна будет сняться одна девушка. Это требование инвестора.

— Ну, и что? — Наташа пожала плечами, — Пусть снимается. Да, кстати... А кто он — инвестор?

— Леонид Борисович Лапин, — Дима пытливо смотрел ей в глаза, — это он предложил помощь в раскрутке «Ночного патруля».

— Лапин?.. — растерянно переспросила Наташа.

— Да, Наташ, Лапин. И это очень неприятный для меня момент. Если честно, я до сих пор не дал ему ответа.

— Дима... — она грустно опустила глаза, — Но ведь найти другого инвестора очень сложно, правда?..

— Не то слово, — он вздохнул, — Невозможно.

— Тогда... тогда нельзя отказываться... да?

— Не знаю...

* * *

Вечером, после выступления, она долго не могла уснуть. Дима на кухне сидел за синтезатором, и Наташа вышла к нему.

— Послушай, что у меня получилось, — он протянул ей свои наушники, — как тебе мелодия?

— Дим... — взяв наушники, Наташа не спешила их надевать, — Знаешь, я всё думаю над предложением Лапина. Вдруг, у тебя другого шанса не будет?

— Я пока не знаю, — он посерьёзней, — если бы кто-то другой, я бы не раздумывал. Тем более, клип... Там ведь должна будет сниматься... — он не успел договорить, Наташа его опередила.

— ...Кристина, — она незаметно вздохнула, — я сразу это поняла... ну, и что... Это же просто видеоклип...

— Да, просто видеоклип. Но я не хочу, чтобы ты подумала что-то плохое.

— Я не подумаю, — грустно улыбнувшись, Наташа сзади обняла его, прижалась щекой к

щеке, — А когда вы будете этот клип снимать?

— Почему — мы? — он удивлённо посмотрел на неё, — ты с нами поедешь, если что.

— Правда?

— Ну, конечно.

— А мне из Дворца молодёжи звонили...

— И — что?

— Предлагают петь в составе поп-группы...

— Нет, — твёрдо ответил Дима, — ты будешь выступать только со мной.

— Я им так и сказала...

Телефонный звонок нарушил безмятежность июльской ночи. Увидев высветившийся номер Светланы Петровны, Наташа сразу поняла, что что-то случилось. Встревоженный голос мачехи подтвердил опасения:

— Наташа, срочно приезжай! Отец в тяжёлом состоянии...

Наскоро собравшись, они выехали в город, где жил Валерий Фёдорович. Все три часа дороги Наташка молчала, мысленно коря себя за то, что так и не выбралась за всё лето домой, занятая своими делами... Дима, как мог, успокаивал, понимая её состояние...

В палату интенсивной терапии кардиологического отделения районной больницы, где лежал отец, их не пустили. Разговор с лечащим врачом не принёс ничего утешительного: «Обширный инфаркт. Состояние тяжёлое...»

В родной дом Наташа вошла с чувством вины. Ей казалось, что она — предательница, так легко оставившая гнездо, когда-то свитое матерью, так поспешно уступившая его новой отцовской избраннице... Её бывшая комната оказалась занята новой хозяйкой: родная дочь Светланы Петровны, Алина, всё-таки переехала к матери от пьющего отца... Отсутствие же Валерия делало дом совсем чужим...

Ночь оказалась для Наташи бессонной: Дима должен был уехать на следующее утро, и к страху за отца добавился страх разлуки. Расставание с любимым даже на один день казалось ей невыносимым, а в этой ситуации срок её пребывания в родном городе был неизвестен. Она за всю ночь не уснула ни на минутку и, лёжа в Димкиных объятиях, изредка тихо-тихо вздыхала, боясь повернуться, чтобы не потревожить его сон.

Остаться Дима не мог — «Ночной патруль» после вынужденного перерыва снова собирался вместе, и на завтрашний вечер была назначена репетиция. До сольного концерта, оставалось немного времени, около 10 дней, за которые нужно было разучить новую песню, а заодно повторить старый репертуар. Его мечта видеть Наташку в составе своей группы не сбылась: болезнь Валерия нарушила все планы.

* * *

— Ты только не гони, ладно? — Наташа говорила тихо, едва сдерживая слёзы, которые были готовы политься ручьём из карих глаз.

— Ладно... — обняв её, он, по привычке, потёрся кончиком носа об её нос, потом поцеловал, — А ты не плачь, хорошо? Всё нормально будет, вот увидишь... Отец поправится. А я за тобой приеду.

— У тебя и концерт, и день рождения... Если папе не будет лучше, я не смогу приехать.

— Ну и что, главное, чтобы он поправился. Мы с тобой потом отметим, да?

— Дим... — Наташа уткнулась лицом ему в грудь, — Я не могу представить, что вот сейчас ты уедешь... Мне кажется, я сразу умру.

— А как мне тогда жить, если ты умрёшь? Ну, не плачь... Наташа... — Дима сильнее прижал к себе девушку, — Ну, всё, пора... Не плачь, ладно?

Кивнув головой, она вытерла мокрые глаза. Сев за руль, он помахал ей рукой и тронулся с места. Когда машина скрылась из виду, она с тяжёлым сердцем взялась рукой за калитку.

— Здравствуй, Наташа...

Обернувшись на знакомый голос, она невольно смутилась: её школьный товарищ Серёжка Шустов, свернув с тротуара на узкую тропинку, ведущую к её дому, приближался быстрым шагом.

— Здравствуй, Серёж...

— Тётъ Света сказала, что ты приехала.

— Заходи, — распахнув калитку, Наташа посмотрела на Серёгу заплаканными глазами.

— Да нет... я с работы, только хотел тебя увидеть. Ты надолго?

— Пока не знаю, как папа будет себя чувствовать.

— Если нужна будет помощь — скажи.

— Спасибо, Серёжка... Ну, как ты? — Наташа грустно улыбнулась.

— Нормально. Поступил на заочное в институт, сегодня вот узнал. Работаю... А ты... как у тебя?

— И я нормально.

— Ты меня прости, ладно? — он виновато смотрел в её карие глаза.

— За что? — она грустно улыбнулась, заранее зная, что он ответит.

— За тот день... Я много тебе тогда наговорил обидного.

— Ладно, не переживай, — она вздохнула, — я совсем не обиделась.

— Ты так и не приехала тогда домой.

— Летом работала, выступали с девчонками. Потом... — Наташа запнулась, вспомнив последнее своё выступление, — Потом заболела. Папа сам приезжал ко мне.

— А этот парень... Дима... Он тоже приехал?

— Он меня привёз. У них скоро концерт, поэтому он только что уехал назад, — говоря об этом, Наташа снова чуть не расплакалась.

— Можно, я как-нибудь зайду?

— Ну, конечно, — она кивнула ему по-дружески, — мог бы и не спрашивать.

* * *

— Папа, представляешь, что я сейчас нашла в интернете? — Кристина буквально вбежала в комнату отца, — Оказывается, Морозов написал песню на мои стихи — «Он, как и я», а мне не сказал. И «патрули» с этой песней ездили на фестиваль.

— Да?.. И что? — Лапин поднял глаза на дочь.

— А то, что эта песня наделала шороху на фестивале, и о них в соседней области сняли целый сюжет. Я случайно на него наткнулась в интернете.

— Ну... и?.. — было похоже, что Лапин не понимает, к чему клонит дочь, — ну, спели... А тебе какая польза, кроме морального удовлетворения?

— Да удовлетворение — ерунда, по сравнению с тем, что это такой косяк с его стороны!

— Да?.. Ну-ну, давай, рассказывай...

— Папа... Ты ещё не понял?! — Кристина искренне удивилась, — Он написал песню на мои слова и даже её исполнил публично без моего на то официального согласия! То есть, фактически нарушил мои авторские права!

— А, ведь, верно... Ну, и?..

— Ну, и... я вполне законно могу предъявить к нему претензии. Единственное, что мне нужно поскорее сделать — это официально оформить авторское право на этот текст... Да и на остальные — у них ещё пара песен есть на мои слова...

— Дааа... Ты права... — Лапин просветлел лицом, — Это нужно сделать как можно быстрее! Юриста своего я сегодня напрому — какую сумму можно выставить по иску в качестве компенсации за нарушение авторских прав. Но это на всякий случай, ты одно пойми — мы с ним сейчас на одной волне, ссора в мои планы не входит.

— В мои — тоже, — кивнула девушка, но и это ещё не всё.

— Да?.. Что ещё?

— В этом сюжете было сказано, что какая-то известная московская группа хочет написать кавер на эту песню.

— Кавер... кавер... Чёрт, знакомое слово, вертится на языке... — Лапин поморщился.

— Папа, кавер — это когда на чужую песню пишут свою аранжировку и исполняют. Чаще всего, на известные шлягеры. А тут вышло наоборот — захотели написать кавер на песню Морозова, значит, песня хитовая получилась, понимаешь? И опять же — без моего на то согласия. То есть, я согласна, конечно... Но ведь меня не спросили!

— Ну, вот теперь понимаю. Слушай, Кристинка... Это же крючок! — Леонид довольным усмехнулся, — За него можно хорошо подёргать...

— Нет... — Кристина поморщилась, — не нужно дёргать, пусть всё будет, как есть. Но...

— Вот именно — «но»... Хорошо, когда в запасе есть хоть один козырь. А когда их несколько — ещё лучше.

* * *

— О, Димон, с приездом! — Сашка радостно протянул руку Диме, — Что случилось-то чего сорвались?

— У Наташкиного отца инфаркт. Я один приехал, она там осталась.

— Ясно-понятно. А тут вчера Лапа нарисовался, — вытаращив тёмные глаза, Саша усмехнулся, — решил снова за нас взяться, что ли? Про гастроли говорил, про клип...

— Да это он с отцовского дня рождения что-то так круто изменился. Сам не пойму...

— Так бы всё оно ничего, да больно хитрый лис, — Говоров с недоверием покачал головой, — и этот лис просто так ничего не делает.

— Он продюсерский центр осенью открывает, слышал? Думаю, мы у него как практический материал, тем более, после успеха на фестивале. Кристина будет возглавлять, — в голосе Димы слышались ироничные нотки.

— Да ты чё?..

— Вот тебе и чё. Он и мне предлагает там работу. Помимо центра ещё ивент-агентство хочет открыть. Короче, решил весь местный шоу-бизнес под себя подмять, — Димка

устроился за синтезатором, пробежался по клавишам.

— Понятно. Что-то мне не очень это всё...

— Мне тоже. Но самим не подняться, самая большая планка — местная популярность. А дальше? Даже если всё удачно с фестивалем вышло, кроме репортажа и пары статей в газетах — ничего. Прочитали и забыли, а, чтобы не забывали, нужно мелькать постоянно, заказывать статьи, крутиться на музканалах. А на это нужны бабки... Без бабла ничего не получается, Саня. Талант никому не нужен, только деньги... Весной дипломы получим — нас из этой студии попросят, куда потом? У меня столько планов, а как их реализуешь, если за тобой никто не стоит? Когда мы с Кристиной разбежались, сам видел, как всё поменялось. Одно-два выступления в лапинских клубах в месяц, и всё. Остальное — на общественных...

— Да, Димыч, ситуёвина... Ну, а как ты будешь с Кристиной вместе работать?

— Это для меня не проблема, всё давно в прошлом. А творчество — это работа, мало ли что между нами когда-то было? Если честно, Саш, у меня сейчас такое чувство, что у нас с ней вообще никогда и ничего не было. Мне иногда кажется, что у меня вообще никогда и никого не было, кроме Наташки.

— Ну, по тебе это видно, — Сашка усмехнулся, — только, как она воспримет твоё сотрудничество с Кристиной, не думал?

— А она уже восприняла. Наташка вообще умница, Саня, хотя, конечно, может напиться шампанского только из-за того, что я потанцевал с Кристиной, — вспомнив их ссору на дне рождения отца, Дима рассмеялся.

— Да уж, — Говоров с сомнением покачал головой, — Кристина в твоей жизни играет какую-то роковую роль.

— Да всё нормально, Саш, никакой роковой роли. И не роковой — тоже.

— Тебе виднее, — Сашка нахмурился, — только, Дима, просто потанцевать и сняться в видеоклипе, который потом будут смотреть без конца, это разные вещи.

— Ты не поверишь, Саш, но Наташка сама меня поддержала.

— Ну, в этом я бы и не сомневался, — усмехнулся Говоров, — только ты сам должен понимать, как ей потом будет...

— Саш, я думал об этом. Участие Кристины абсолютно ничего не значит, ни для меня, ни для неё самой. Между нами давно ничего нет и быть не может.

— А сейчас у неё кто-то есть, не в курсе?

— Понятия не имею, и честно говоря, иметь не хочу.

— Надеюсь, Дима... — Сашка тоже посерьёзnel, — Как говорит мой батя, ты себя не на помойке нашёл, чтобы после такого...

— Ладно, Саш, замаяли.

— Один положительный момент, — Сашка неожиданно улыбнулся, — ты несколько хитовых вещей написал, когда она тебя бросила. Сейчас вот, с Наташкой, у тебя застой.

— Ты на что намекаешь? — засмеявшись снова, Димка смял лист бумаги и в шутку кинул им в Говорова.

— Да ни на что... Просто ты сейчас успокоился, любовь-морковь. Она тебя переживать не заставляет, а для творчества надо немножко сходить с ума.

— Да уж... Не заставляет... — с сомнением в голосе произнёс Дима, — Ещё как заставляет. Хотя, конечно, ты прав, с Наташкой спокойно на душе. Она всегда рядом, ни о чём не просит, принимает тебя таким, какой есть, даже обижаться всерьёз не умеет, —

рассказывая о Наташе, Димка почувствовал, как внутри прокатилась тёплая волна, — понимаешь, Саш, с ней не нужно быть в постоянном напряжении — а то ли ты сказал, так ли поступил.

— Ну, вот и я о том же... Ты с ней не горишь, — Саша пытливо посмотрел на Диму, как бы ожидая от него подтверждения своим словам.

— Знаешь, Саня, гореть или не гореть — это кому что нравится. Меня напрягают отношения, когда боишься поздороваться со знакомой девчонкой, потому, что после этого тебя обязательно ждёт сцена ревности. У меня уже так было, с Мариной... И постоянные вынужденные подтверждения любви в виде подарков тоже напрягают, и упрёки в том, что я слишком много времени провожу в студии...

— Это ты уже про Кристину рассказываешь, — Говоров заржал, — кровушки она тебе попила! Впрочем, Маринка тоже.

— А Наташка... она на них совсем не похожа. Она не будет просто так дёргать и заставлять извиняться по каждому пустяку. Как ласковый ребёнок, она просто любит тебя, и всё. И ты даришь ей цветы только потому, что тебе самому хочется это сделать. Понимаю, что такие не в твоём вкусе, — скорее утверждая это, произнёс Дима, — но зато с ней можно не сомневаться — не предаст. Как и лучший друг, да, Саш?

Говоров молчал. Он прекрасно понял Димкин намёк... Он и сам до сих пор удивлялся терпению Морозова, который не мог не замечать его истинного отношения к Наташе.

— Да, Димон... Наташка тебя не предаст. А остальное уже неважно, — наконец, собравшись с духом, выдал Сашка, — ты, главное, сам головой думай. Это я о Лاپине. Ты ему зачем-то нужен, а вот зачем? Кстати, что там за новая композиция у тебя? Показывай.

— Вот, смотри... — Дима был рад тому, что Сашка сам перевёл разговор на другую тему. Задав ритм, легко тронул клавиши синтезатора:

Не задавала вопросов,
Слёзы — дуло к виску,
Я заплетал твои косы —
Волосок к волоску...

А теперь на пределе
Бьётся бешено пульс
В одинокой постели
Я проснуться боюсь...
Я проснуться боюсь...

— Нормально тебя торкнуло, Димыч! — Сашка одобрительно кивнул, — Сейчас Витька с Никитой подгребут, сделаем.

— Это — тема, вот ещё припев, — Дима продолжил, -

Буду грешен пред тобой —
Меня прости,

Захочу уйти к другой —
Не отпусти,
Снова косы по плечам
Рас-пу-сти...
Лишь чужому не позволяй
Их заплести...
Ты другому не позволяй
Их заплести...

— Ну, чё, всё классно: текст, мелодия. Аранжировку сделаем за пару дней, по-моему, хит получится не хуже, чем «Он, как и я», — пытаюсь разрядить обстановку, Сашка с интересом посмотрел на Диму, — Кстати... откуда такой текст? Ты чё, правда, Наташке косы заплетаешь?

— Будешь много знать...

— Значит, заплетаешь. Да ты стилист! — съехидничал Сашка, — Так... Дима... Если хочешь в меня чем-нибудь швырнуть, вон маракас валяется... Гитару только не лома-а-а-а-й!..

* * *

Состояние отца, наконец, стабилизировалось, его вот-вот должны были перевести в общую палату, и Наташа немного успокоилась. Сдав, по обыкновению, «дежурство» Светлане Петровне, девушка шла по вечернему городу, когда в кармане зазвонил мобильный телефон. Взглянув на высветившиеся цифры, Наташа с удивлением узнала номер Говорова.

— Наташ, привет! — вопреки обыкновению, Сашка говорил смущённым тоном.

— Привет, Саш.

— Я чего звоню. Мы Димку поздравлять будем на сольнике, ты приедешь? Как отец, кстати?

— Уже лучше, но я пока не знаю, как дальше будет.

— Ещё три дня в запасе, может, всё же соберёшься? Как-никак, у Димона день рождения, тем более, его родки в Египет улетели, чего он один будет? — Сашка немного помолчал, потом, вздохнув, произнёс, — Он скучает без тебя.

— Я и сама думаю, как бы вырваться, — Наташа тоже грустно вздохнула, — наверное, я всё-таки приеду, хотя бы на один день.

— Приезжай, Наташ... — Сашка вздохнул в ответ, — И прости меня за тот случай... Ладно?

— Всё нормально, не было никакого случая... Я постараюсь приехать.

— Только ты Димке не говори, что приедешь, мы ему сюрприз готовим. Ты мне заранее позвони, я всё тебе расскажу. Если с деньгами напряг, я вышлю на билеты, только скажи.

— Спасибо, Саш, у меня есть деньги. Я пенсию за маму получила, и Дима оставил. Я позвоню.

Придя домой, Наташа поужинала и открыла ноутбук. Написав несколько сообщений «В

контакте» и на «Одноклассниках» — Оксанке и другим знакомым девчонкам, зашла на Димину страничку, увеличила фотографию... Лицо вполоборота... ласковая улыбка... длинные, стильно зачёсанные волосы... синий, любимый до боли взгляд... Создать свой профиль его уговорил Мазур — для пиара группы и общения с поклонницами, и Наташа в душе переживала по этому поводу, представляя себе, сколько девчонок любят на него, а, возможно, и пишут любовные послания...

«Привет... Чего молчишь?» — видимо, заметив, что она в сети, Дима прислал сообщение.

«Привет... На тебя смотрю...»

«А я — на тебя...»

«Как ты?»

«Нормально... Соскучился...»

«Я тоже...»

«Приезжай... Я ОЧЕНЬ СОСКУЧИЛСЯ...»

Наташа грустно улыбалась. Они по несколько раз в день разговаривали по телефону, по вечерам писали друг другу в соцсетях, иногда общались по скайпу — когда рядом никого не было... Но Алина проявляла слишком большой интерес к личным делам сводной сестры и постоянно крутилась где-то поблизости, поэтому Наташа предпочитала «молчаливое» общение.

Светлана Петровна тоже не оставалась равнодушной к Наташкиным сердечным делам и в отсутствие отца пыталась внести свою лепту в воспитание падчерицы.

— Вот, хоть убей меня, я не понимаю этих ваших современных отношений, — почти каждый вечер заводила мачеха разговор, — Как так можно — замуж не зовёт, а ты с ним живёшь!

Не зная, что ей ответить, Наташа молчала, но Светлана Петровна не унималась:

— А если ребёнок? Тогда как, где его ловить будешь? Он ведь тебе не муж! Да и вообще... Алинка на следующий год тоже учиться поедет, а жильё искать — дорого. Общежития не везде есть, а где есть — там такой бардак творится, что порядочной девочке там делать нечего. Вот, вся надежда была на твою квартиру, что вы там вместе с ней будете жить. А теперь — как? Бедной девчонке и приткнуться некуда будет из-за твоих любовных дел.

— Ну, какая разница, женаты мы или нет с Димой, — оправдывалась Наташа, — у нас всё серьёзно.

— Было бы серьёзно, замуж бы позвал, — рубила сплеча мачеха, — тогда хоть не обидно было бы. А, раз не зовёт, то и никакого серьёза у него нету.

Не зная, что ответить, Наташа замолкала. Сама она пока не задумывалась о свадьбе, и так счастливая рядом с Димой. Сейчас же, вдалеке от него, эти слова Светланы Петровны били, как пощёчины. Иногда воображение рисовало страшные для неё картины: вот

Кристина приходит к нему поздно вечером... А вот поклонницы пишут ему на «Одноклассниках», а он им отвечает... Одумавшись, она старательно отметала все нехорошие мысли, но они предательски возвращались время от времени.

* * *

— Саша, я еду! Диме ничего не сказала... — утром 10 августа, купив билет на междугородний автобус, Наташа позвонила Говорову.

— Здорово! Значит, так, Натаха, концерт на центральной площади, ну, ты знаешь. Придёшь — встань недалеко от сцены, чтобы я тебя увидел, но так, чтобы Димка не заметил. Если не получится, всё равно будь неподалёку, ладно? Там сама всё увидишь... Для тебя, кстати, тоже будет сюрприз.

* * *

Когда Наташа попала на центральную площадь, концерт «Ночного патруля» уже начался. Она приехала несколько часов назад — Димы дома уже не было, он отправился в студию собирать и готовить к концерту аппаратуру намного раньше, чем она вернулась. Приняв душ и немного отдохнув, девушка в раздумье открыла шкаф: что бы надеть? Ей хотелось быть понаряднее при встрече с Димой, и, немного подумав, она решила остановиться на белых бриджах, белой футболке и белых тканевых кроссовках. Слегка подкрасив ресницы и губы, распустила длинные волосы, посмотрелась в зеркало... и, довольная собой, отправилась на остановку. В связи с праздником, городской транспорт ходил плохо, и Наташка опоздала на целых полчаса. Площадь была полна народу: кто танцевал, кто просто смотрел концерт. Пробравшись поближе к сцене, девушка встала чуть в стороне — слишком плотной была толпа зрителей.

Сумерки уже начинали сгущаться над городом, и Наташа в своём белом костюме выделялась из общей массы ярким пятнышком в свете прожекторов... «Ночной патруль» в полном составе буквально «зажигал» на сцене в лучах светомузыки: Витка Мазур бегал с гитарой по площадке, принимая немыслимые позы, даже Никита, любезно согласившийся отработать этот концерт, не стоял, по обыкновению, на месте, выдавая «соляки»... Сидящего за ударной установкой Сашку практически не было видно, только взлетали барабанные палочки, и Наташка подумала, что в любом случае, он бы её не увидел. Сама же она не сводила глаз с Димы... Сегодня он казался ей особенно красивым, она так соскучилась по нему, что с трудом сдерживала себя, чтобы не побежать на сцену и не кинуться ему на шею...

Первые аккорды песни «Он, как и я» были встречены рёвом толпы — выложенный в ютубе ролик с фестиваля пользовался популярностью у местных меломанов. На огромном мониторе, расположенном над сценой, замелькали кадры видеосопровождения, смонтированного ребятами специально для концерта.

Что такое со мной?

Я, наверно, больной,
У меня за стеной
Ходит кто-то...
Нет ни ночи, ни дня,
Нет ни тьмы, ни огня,
Он похож на меня,
Он похож на меня
В профиль, в фас, со спины
И даже вполоборота.

Он, как и я — смел,
Он, как и я — крут,
Как и я, он не смог избежать твоих пут!
Он, как и я, крут,
Он, как и я, смел,
Он так же тобою был взят на прицел.
Плох он или хорош,
Он в одном со мной не схож —
Он тебя разлюбить не сумел!

Наташа знала, что текст написан Кристиной ещё тогда, когда они с Димой были вместе, и поэтому каждый раз, когда она слышала эту песню, какая-то щемящая тоска змеёй заползала в сердце... Диме она ничего не говорила, понимая, что из репертуара песню не убрать, она просто страдала молча... Но она не знала, что Димка нарочно изменил последнюю строчку припева, которая у Кристины звучала так:

Он тебя *полюбить* не сумел.

Последние аккорды заглушили визг и крики поклонниц и поклонников группы... Девчонки размахивали руками, бросали на сцену записки и цветы, толпа хором повторяла полюбившиеся строчки.

— Дорогие друзья, сегодня, в честь нашего замечательного, любимого города, группа «Ночной патруль» представляет премьеру новой песни, — Наташа слушала Димкин голос — такой родной, такой любимый, что слёзы навернулись на глаза, — мы дарим эту песню всем, кто пришёл сегодня на наш концерт, тем, кто сейчас не так далеко от нашей площадки и слышит нас, а так же тем, кто сейчас далеко и нас не слышит, но мысленно — с нами! Итак... Премьера новой песни-и-и-и!.. «Я заплетал твои косы»! — выкрикнув это, Дима поправил микрофонную стойку, кивнул ребятам... Никита заиграл вступление — гитарный перебор заставил толпу притихнуть... Первые строки Дима пропел под одну гитару.

Ошеломлённая, Наташка слушала, кусая губы...

«Не задавала вопросы,
Слёзы — дуло к виску...»

Вот о каком сюрпризе говорил Сашка...

«Я заплетал твои косы —
волосок к волоску...»

Она поняла всё с первых слов... Новая мелодичная баллада была написана Димой специально для неё... Сердце учащённо забилось и было готово выскочить из груди, но, когда Наташа подняла глаза на монитор, она поняла, что это был ещё не сюрприз! Не отрываясь, она смотрела, как фотоколлажи на огромном экране сменяли один другой под красивую мелодию, и кровь прилиwała к лицу... Видеоролик был полностью смонтирован из её фотографий! Весёлая... грустная... с распущенными волосами... с косой... просто — глаза крупным планом... В каждом кадре была — О Н А! Ошеломлённая и музыкой, и текстом, и роликом, и Димкиным красивым голосом, Наташка как будто выросла в то место, где стояла — она не могла даже пошевелиться... Толпа тоже слушала, как заворожённая, и только одна белокурая девушка с глазами цвета крепкого чая знала, что эта песня — о ней...

Последние аккорды прозвучали в тишине... Но уже через несколько секунд вся площадь восторженно закричала, захлопала, засвистела, выражая своё восхищение и одобрение! Едва сдерживая слёзы, Наташа невольно подошла поближе к сцене.

— Дорогие друзья! Сегодня в нашем коллективе событие — нашему вокалисту и автору всех песен Диме Морозову исполнилось двадцать три года! — эти слова Мазура утонули в криках и аплодисментах, — Давайте все вместе поздравим Диму дружным «Ура»! Девчонки, три-четыре!

— Ура-а-а-а... — юные тинейджерки, не жалея связок, запрыгали на месте, размахивая руками. Наташа, которую чуть не свалили с ног, была вынуждена снова отойти в сторону.

— По этому случаю, мы с ребятами решили сделать Диме подарок. Но такой подарок, какого ему ещё никто и никогда не дарил, — Витька говорил серьёзным тоном, динамики разносили его голос далеко за пределы площади, и толпа заинтригованно притихла, — Девчонки, внимание! Возможно, потребуется ваша помощь.

Толпа девчонок от пятнадцати лет и старше, визжа, оживилась у сцены. Витька продолжал тем же серьёзным тоном, обращаясь к имениннику:

— Дима... Тебе какие девушки больше нравятся — блондинки или брюнетки?

— Главное, чтобы девушка была совершеннолетней, — не растерявшись, улыбнулся Димка, — а, вообще-то, мне нравятся все девчонки, без исключения.

— Ну, а всё-таки, — не унимался Мазур, — какие больше, блондинки или брюнетки? Только подумай, возможно, от этого зависит твоя судьба.

— Ну-у-у-у... Пусть будут блондинки, — подхватил игру Дима.

— Девчонки, слышали? Диме нравятся блондинки! — слова Витьки заглушил радостный визг представительниц армии блондинок, — Теперь второй вопрос: тебе нравятся блондинки с длинными волосами?

— Да, — не раздумывая, с улыбкой ответил Дима.

— Ну, кто бы сомневался! — прокомментировал его ответ Мазур, — Дима, а ты девушек с какими глазами предпочитаешь? Наверное, с голубыми? Нет?.. Я вот вижу голубоглазеньких... Смотри, Дим, какие девчонки!

— Есть такая песня, она написана давно, но её крутят до сих пор, называется «Девочка моя синеглазая», — чтобы его было лучше слышно сквозь не утихающие восклицания поклонниц, Дима близко придвинулся к микрофону, — но мне, почему-то, всегда хотелось спеть «Девочка моя кареглазая».

— Я понял тебя! — для пущей убедительности, Витька извлёк несколько звуков из своей «ямахи», — И последний вопрос: какое женское имя ты предпочитаешь в это время суток?

— Я в любое время суток предпочитаю имя Наташа... — Димка заинтересованно оглянулся, — Я ответил на все вопросы... Где мой подарок?

Витька тоже блуждал глазами по толпе. Наташа, которая всё это время стояла далеко от сцены, попыталась пробраться поближе, но компания тинейджерок-фанаток на её пути, занявших круговую оборону любимой группы, не предвещала ничего хорошего. Кажется, догадавшись, Витька с микрофоном в руках вышел прямо на площадь, оглядываясь и повторяя:

— Девушка Наташа, блондинка с длинными волосами и карими глазами... пожалуйста, отзовись...

Кое-как протиснувшись сквозь толпу, Наташка схватила Мазура за руку:

— Ну вы даёте... совсем с ума сошли, живые подарки дарить...

— Наташка... ну, слава те... Мы боялись, что ты не приехала... Клип видела? А песню слышала?.. — ведя её за руку по направлению к сцене, Витька частил вопросами, — Это, между прочим, всё Говоров придумал, ему по башке настучи.

— Я на сцену не пойду! — Наташка упиралась, но Мазур не отпускал её руку, — Я лучше здесь подожду вас! — сквозь рёв толпы, обрадованной таким поворотом событий, она пыталась докричаться, но Витька исправно исполнял роль буксира.

— Какой капризный у тебя подарок... — затащив её на сцену, Мазур обратился к Диме, — Всё сходится? Блондинка... Волосы длинные... Глаза карие... Зовут — как?

— Клава, — сердито ответила в микрофон Наташка.

— Всё сходится, — Витька улыбался во все тридцать два зуба, — Дима, от всей души поздравляем с днём рождения и очень надеемся, что это именно тот подарок, который ты

хотел получить!

Покрутив под весёлый смех огромной толпы Мазуру и Говорову у виска, Наташка не выдержала и бросилась-таки Димке на шею...

Подхватив её, счастливо улыбающийся Дима снова наклонился к микрофону:

— Вообще-то, я просил у них новый синтезатор...

— Ну, и кому в голову пришла эта дурацкая идея с живыми подарками?! — Наташа обвела возмущённым взглядом «патрулей».

— Ему — хором ответили Говоров и Мазур, показывая друг на друга. Вся шумная компания, включая их, Диму с Наташей, невесть откуда взявшегося Женьку Журавлёва и двух не знакомых Наташе девчонок, после концерта дружно ввалилась в квартиру Диминых родителей. Сами родители уже неделю как отдыхали на Египетском курорте, и Димка, который до самого вечера не знал о Наташкином приезде, решил отметить свой двадцать третий день рождения в родном доме. Не пошёл с ними только Никита, который, отыграв программу, сдержанно поздравил именинника и уехал.

Разложив в гостиной стол, Дима носил из холодильника заранее приготовленные закуски и спиртное, в кухне Наташа резала овощи на салат.

— А чего ты ругаешься, Наташка, здорово получилось, главное, публике понравилось, — Витка взял из миски огурец, слегка присыпал солью и с хрустом откусил половину.

— Интересно... а если бы я не приехала, кого бы вы Диме подарили? — Наташа подбоченилась, — Чего молчишь?

— Ну, ты же приехала.

— А я знаю, чего Наташка возмущается, — Сашка, хитро улыбаясь, появился в дверях, — Прикинь, Викун, если бы Димыч сказал, что ему брюнетки нравятся?

— Я вам сейчас дам, брюнетки! — Наташка в шутку погрозила разделочной доской. Хрустя огурцом, Витка наклонился к ней и заговорщицким тоном произнёс:

— Если ты нам дашь, Димон тебя не поймёт.

— Ну, дураки же... — Наташа покраснела и, стукнув кулачком по спине, оттолкнула хихикающего Мазура, — Неси салат.

— Ну, что, идём за стол, вроде всё... — Дима заглянул в кухню и, пропустив мимо себя Сашку с Виткой, шагнул ей навстречу, — Наташка моя... — обнял и, целуя её, прижал к себе крепко-крепко, — Я так соскучился...

* * *

Застолье затянулось далеко за полночь. После поздравлений и тостов за Димку разговор перешёл на новую, волнующую всех тему — предложение Лапина по раскрутке «Ночного патруля» за пределами области. Наташа слушала ребят, и предчувствие чего-то нехорошего змеёй заползало в душу. Девчонки, которых привели с собой Говоров и Мазур, вели себя довольно непринуждённо, не стесняясь, и Наташа невольно задумалась — а сколько таких «случайных» подружек было бы сегодня здесь, если бы она не смогла приехать? От всех этих мыслей ей становилось грустно.

— А где твоя Ира? — уловив момент, когда Сашкина сегодняшняя девчонка вышла из гостиной, Наташа подняла на Говорова глаза, — Вы что, поссорились?

— Почему поссорились? — тот удивлённо пожал плечами, — Она же в круглосуточной аптеке работает, сегодня её смена.

— Понятно, — Наташка грустно усмехнулась, — а третью куда дели?

— Кого?! — Говоров вытаращил глаза, — Кого дели?!

— Подружку. Дима же не знал, что я приеду, — они говорили вполголоса, так, что, увлечённый беседой с Журавлёвым, Димка не слышал их разговора.

— Ты чё, Натаха, — Сашка укоризненно посмотрел на девушку, — третьей и не было. Дима не по этим делам, можешь даже не заморачиваться. Он верный...

Улыбнувшись через силу, она обняла Димку и положила ему голову на плечо. Ей очень хотелось остаться с ним наедине, но он так «разгулялся», что и не собирался уходить спать. Вопреки обыкновению, изрядно перебрав спиртного и о чём-то поспорив с Женькой, он вскоре встал из-за стола и притащил из прихожей свой синтезатор. Включил его и, настроив, заиграл одну из своих баллад. Увлечённый игрой, он даже не обратил внимания, как Женька пригласил Наташу на танец.

— Почему ты такая грустная? — обаятельно улыбаясь, Журавлёв пристально посмотрел на девушку.

— Не знаю... — вздохнув, Наташа пожалала плечами, — Устала, наверное.

— Скажи мне свой номер телефона?

— Зачем? — Наташа подняла на него удивлённый взгляд.

— Я тебе позвоню, а ты забьёшь мой номер.

— Зачем такие сложности? — Наташа засмеялась, — Не проще тебе свой номер сразу сказать?

— Мне-то проще, но ты не запомнишь. А записывать сейчас — у других вопросы возникнут.

— А ты запомнишь? — она недоверчиво улыбнулась.

— Я запомню. У меня память феноменальная.

— А что я Диме скажу — откуда у меня твой телефон?

— А ты ему всё говоришь? — прищурившись, Женька посмотрел ей в глаза.

— Да...

— У вас что, всё так серьёзно?

— Да. А что?

— Интересно просто... ладно, шучу я. Говори номер. Скажешь Диме, что для связи насчёт концертов.

— Ну, хорошо... — назвав номер мобильного, Наташа немного помолчала, — А, всё-таки, зачем мне твой телефон?

— Голос твой понравился. Если будет желание поработать со мной, позвони.

— Поработать? В ресторане?! — она удивлённо приподняла брови, — Ты шутишь?

— Не шучу. В общем, увидишь пропущенный звонок — это мой, забей себе. Предложение будет в силе.

— Спасибо, Жень, боюсь, Дима не разрешит, — заметив его усмешку, она поспешно добавила, — но... я всё равно забью.

— Не за что. В жизни всё бывает, — теперь он смотрел на неё серьёзно, — Спасибо тебе.

— За что?

— За танец...

Уже под утро, сказав Димке, что она идёт спать, Наташа ушла в его комнату и, не раздеваясь, прилегла на кровать. Вопреки обещанию скоро прийти, он всё ещё оставался за столом с друзьями, и, подождав немного, девушка встала и решительно повернула ручку — дверь закрылась изнутри на замок. Снова прилегла и закрыла глаза... Она впервые была в его комнате. Здесь он жил... спал... писал музыку... может, даже приводил сюда девчонок. Уж Кристина точно была тут. А что, если они спали вот на этой самой кровати? Наташка вдруг почувствовала какое-то щемящее одиночество. Дима забыл о ней. День рождения... Друзья, удачный концерт... Всё это можно было понять. Но она так по нему соскучилась... Так мечтала о встрече... А вот сейчас сидит одна в его комнате, а он и не думает к ней идти.

— Наташ, открой! — дёргая ручку с другой стороны, Дима прислонился к косяку, — Наташ-ка! От-крой!

— Чё, закрылась? — Сашка ухмыльнулся, — Правильно сделала. Натаха, не открывай ему!

— Ната-а-аш... Я к тебе хочу! — Дима тихонько постучал в дверь, — Я сильно-сильно к тебе хочу...

— А я бы открыла! — сидя с Сашкой в обнимку, игриво произнесла одна из девиц, — Дима, а, давай, я закроюсь, а ты постучишь?

— Наташка... ну открой... Я соскучился... — не обращая ни на кого внимания, Димка всё ещё стоял под дверью в свою комнату, — А, хочешь, я тебе песню спою?

— Во, точно! Сейчас... — Витька взял гитару, с которой пришёл Женька, сделал пробный аккорд, — Поехали!

— Не задавала вопросов... слёзы — дуло к виску... — присев на корточки и спиной опершись о дверь, довольно выпивший, Дима пел не совсем уверенно.

— Кто так поёт?! — Сашка возмущённо поднялся с места, — Под окном надо петь!

— В принципе, серенады именно под окнами и поют, — улыбаясь, подал голос Журавлёв, — Пойдём на улицу?

— А, пойдём! — Дима решительно поднялся, и вся компания, включая девчонок, высыпала из квартиры.

Всё так же лёжа на кровати, Наташа прислушалась к наступившей тишине. Потом тихонько встала и, открыв дверь, выглянула наружу: в квартире никого не было.

— На-таш-ка!.. На-таш-ка!.. — нестройный хор нетрезвых голосов нарушил ночную тишину улицы. Пробежав назад, в Димину комнату, девушка выглянула в окно с четвёртого этажа.

— Не задавала вопро-о-о-сов... Слёзы — дуло к виску-у-у-у... — под аккомпанемент Женькиной гитары даже не запел, заорал Димка, — Я заплетал твои ко-о-о-сы — волосок к волоску-у-у...

— Буду грешен пред тобой — меня прости-и-и... Захочу уйти к другой — не отпусти-и-и... — вразнобой подхватили припев Сашка с Витькой, — Снова косы по плеча-а-а-а-м распу-сти-и-и-и...

Спев куплет и припев, компания притихла, но ненадолго.

— На-таш-ка!.. От-крой, по-жа-луй-ста!.. — в ночной тишине Димкин голос снова разнёсся далеко за пределами двора многоэтажки, — Наташа! Я тебя люблю!

— На-таш-ка!.. На-таш-ка!.. На-таш-ка!.. — проскандировали остальные, включая и девчонок, одна из которых старательно снимала происходящее на телефон. Боясь, что они разбудят всю округу, Наташа торопливо раскрыла пластиковую раму:

— Идите домой, дураки...

* * *

Проснулся Дима около полудня. Рука привычно скользнула по тонкой простыне — Наташки рядом не было.

— Наташ, — позвал он и, не получив ответа, осторожно встал с постели. Непривычный к таким дозам алкоголя организм отозвался на пробуждение головной болью и внутренним дискомфортом.

Гостиная была пуста, от вчерашнего застолья не осталось и следа — кто-то тщательно убрал всё со стола и привёл комнату в порядок.

— Наташка, ты где? — Димка заглядывал в комнаты, но девушки нигде не было. Не было и вчерашних гостей — все разошлись по домам.

Прошлёпав в ванную, отчаянно включил холодный душ...

Он уже нажимал на вызов Наташкиного номера, когда просигналил домофон.

— Дим, открой, это я.

Судорожно нажав на кнопку, выскочил на лестничную клетку... В считанные секунды преодолел несколько пролётов... Где-то между первым и вторым этажами подхватил Наташку на руки.

— Дима, отпусти... мы сейчас с тобой грохнемся!

— Где ты была?!

— Дим... отпусти... Упадём!

— Где ты была?!

— Димка... Я сама дойду...

— Я уже нормальный... Где ты была?

— В магазине, ходила тебе за молоком.

— Я испугался, что ты уехала...

Уже в квартире, наливая ему молока, Наташа с грустью ответила:

— Может, и надо было уехать...

— Почему? — обняв девушку за талию, Дима усадил её к себе на колени, — Почему уехать?

— А, может, и вообще приезжать не надо было, — Наташа вздохнула, — Оказывается, вокруг тебя столько девчонок... Куда мне... Знаешь, я ведь подарок тебе привезла, только он дома остался... Я не знала, что сюда поедет после концерта.

— Наташка моя... — закрыв глаза, Дима с блаженной улыбкой ещё сильнее прижал её к себе, — Какие девчонки... какие подарки... Я так рад, что ты приехала!

— Ага... Приехала, чтобы меня тебе подарили, как живую игрушку, у всех на глазах. А

потом ты напился... А потом...

— Что — потом?

— А потом мне предложили петь в ресторане.

— Чего?!

— А того. Пить надо меньше.

— Кто предложил? — он подозрительно прищурился.

— Журавлёв.

— Женька?.. Интересно... И что ты ему сказала?

— Я сказала, что ты меня непустишь.

— Правильно сказала.

— Пей молоко, — Наташа ласково пригладила его волосы, потом, не удержавшись, обняла... прижала голову к своей груди.

— А молоко обязательно пить?

— У меня папа всегда, когда переберёт, молоком лечится.

— Я другим лекарством полечусь, — он поднял на неё лукавый взгляд.

— Каким?

— Тобой...

— Нет, ну это ни в какие рамки! Они что, вообще с ума посходили?! Устроили шоу на весь город, — возмущению Кристины не было предела. Она уже несколько раз просмотрела ролики с концерта «Ночного патруля», выложенные предприимчивыми почитателями группы в «ютубе». И видеоролик «Я заплетал твои косы» с Наташиными фото, и устроенное в конце вечера представление с «подарком» для Морозова, вызвали у девушки приступ гнева и ревности. Сама она на концерте не была: помня о Димином дне рождения, Кристина решила, что на следующий день она найдёт способ поздравить его, а заодно и поговорить насчёт текстов песен, но теперь, увидев, что происходило на городской площади, она не знала, как себя повести. С одной стороны, никаких претензий Морозову она предъявить не могла: они давно расстались. С другой стороны, в глубине души она уже снова видела себя рядом с Димой, и ревность сжигала сердце, не давала покоя и мешала хладнокровно относиться к ситуации.

Когда Кристина случайно наткнулась на видео, снятое Сашкиной случайной подружкой на телефон, где Дима на всю округу горланил песню и признавался Наташке в любви, нервы её не выдержали... Комментарии пользователей тоже не прибавили настроения... Некая Alisanetvoya писала:

«Прикиньте, это я вчера была на ДР у Димы Морозова!»

«Ничё себе... Как попала?..»

«Глазки состроила Говорову...)))»

«Фигассе... А чё за Наташа такая?»

«А, это, типа, подруга у Мороза...»

«А, это, типа, та, что «подарок»?»

«Ну да, и, типа, та, что на ролик снималась...»

«Классная... Я бы тоже такой подарок бы хотел получить...»

«Набери в поиске «Киви» — она в этой группе поёт...»

«Уже не поёт, и, вообще, это не подруга, это его жена...»

«Они все холостые...»

«Это легенды такие... Они все женатые, и дети есть...»

«Не... они все холостые...»

Просмотрев в очередной раз ролик, Кристина нервно захлопнула ноутбук. Был уже поздний вечер, и девушка, так и не найдя повода повидаться с Димой, сидела дома. Родителей не было, и она, достав из бара бутылку «Centuri», налила ароматную жидкость в широкий стакан: сделав несколько небольших глотков, допила остальное залпом. Немного погодя, снова открыла ноутбук и, выйдя в сеть, открыла Димину страничку. Очень хотелось что-нибудь ему написать... Но что он ответит? Вряд ли что-то приятное для неё. Нет, пока не время. Да и переписка — не в её манере. Другое дело — разговор.

Кристина вглядывалась в фотографию парня, которого она, как ей казалось, любила сейчас ещё больше, чем до их расставания. Она вспоминала его голос... Слова, которые он ей говорил... Его руки... Ласковые руки... Ласковые губы... Воспоминания о его

прикосновениях заставляли девушку волноваться не на шутку: никто из мужчин в её жизни не относился к ней так бережно, как Дима. И вот теперь всё это принадлежало другой — восемнадцатилетней девчонке, которая и оценить-то пока не могла то счастье, которое ей случайно досталось.

Кристина нашла Наташин профиль и открыла страничку. Круглолицая, кареглазая... волосы, скорее всего, крашенные...взгляд детский... Ну, и где тут изюминка? Ничего особенного, от чего можно сойти с ума.

А Дима сошёл...

Это ведь несправедливо! Ну, что она может ему дать? В ней нет ничего от взрослой, опытной женщины, ничего такого, что есть в ней — Кристине. Включив «невидимку», девушка просматривала фотографии, выложенные Наташей. Вот она — одна, вот — с какой-то девчонкой, видимо, подружкой, вот — с «патрулями», в их студии... А вот — с Димой... «Странно, а у Димы нет фото с ней», — эта мысль несколько успокоила Кристину. «Может, не так всё и серьёзно с его стороны? Но как же тогда его вчерашние признания на всю улицу?»

Выпитый виски ударил в голову, и Кристина, не задумываясь, налила ещё...

— Ты опять пила, Кристина?! — Стоя в дверях комнаты дочери, Лапин устало наклонил голову, — Зачем? Ведь ты почти целый месяц держалась... Мы же разговаривали, у нас столько планов!

— А ничего не получится, — язык у Кристины заметно заплетался, — Ни-че-го!

— Почему?! — Лапин едва сдерживал себя, чтобы не сорваться на крик.

— А потому что... Всё бес-по-лез-но!

— Господи... Кристина... — заглянувшая в двери Мила, увидев дочь, побледнела, слёзы навернулись на глаза, — Что ты наделала?!

— Мама, всё нормально, успокойся... Я только сегодня, немного...

— Лёня, у неё опять будет приступ, — Мила в отчаянии всплеснула руками, — да что же это такое?!

— Ну что... что случилось? — Лапин, отодвинув жену, прошёл к столу, кивнул на включенный ноутбук, — Ну, что ты там увидела такого?

— А вот, полюбуйся, — Кристина открыла страничку с роликом с концерта «Ночного патруля», — посмотри, что эти дебилы устроили на концерте. А вот ещё — после концерта, во дворе у Морозовых. Надо тёте Ане всё показать, как этот придурок весь дом на уши поставил!

— Ну, то что дома — не так страшно... Пьяные все... А вот то, что они на сцене устроили, это, конечно, ни в какие ворота. Ладно, я завтра обмозгую, как это всё обыграть. А сейчас — где бутылка? Давай немедленно сюда. И ложись спать. Между прочим, я сегодня разговаривал с Генкой Ростовским — это племянник моего артдиректора, у него в Москве своя студия, клип на вашу песню там будете записывать. Ехать через неделю. Так что, завтра надо быть в форме, Морозов к нам домой придёт, мелочи обговорим. Поняла?

— Поняла... — Кристина покорно отдала отцу недопитую бутылку, — На, забирай... Я и сама больше не хочу.

— Всё-таки мне это не нравится, — оставшись с мужем наедине, Мила завела старый

разговор, — ну, что это за идея, помирить их с Димкой? Белыми нитками шито.

— Мы, кажется, с тобой уже всё обсудили, — Лапин сердито посмотрел на жену, — или ты предлагаешь спокойно наблюдать, как погибает дочь?!

— А дальше?. Что может быть дальше, ты не подумал? Как ты его заставишь с ней помириться?!

— А ты помнишь, как в «Бесприданнице» Кнуров говорил? «Для меня невозможного — мало!» Так вот, для меня невозможного вообще нет, если дело касается моей дочери. У каждого человека есть свои болевые точки. Нажимай на них — и добьёшься своего. Не поможет кнут — у меня есть пряник.

— Нехорошо это всё... Бог накажет.

— Не накажет. Я не вор и не убийца. Я отец. А ты — мать, и поэтому давай лучше думать о Кристинке...

— Я только о ней и думаю. Вот, месяц не пила, и мне так спокойно было. А сейчас снова, как на вулкане.

— Вот и я о том же. А если что-то получится, она и думать забудет про алкоголь.

— А если получится — да не надолго? Что тогда будет?!

— Вот я и делаю так, чтобы надолго... ну, хорошо, давай всё пустим на самотёк. Пусть дочь страдает, уходит в себя, пьёт... Или хотя бы попытаемся что-то сделать?!

— Ой, Лёня... Как я хочу, чтобы ты оказался прав...

— Пойми одно, — Леонид остановился перед женой, размахисто жестикулируя руками, — я не собираюсь вести их в ЗАГС под дулом пистолета, я не собираюсь ставить ему условия или палки в колёса! Наоборот! Я хочу помочь сыну моего друга! Да! Сыну, которого любит моя дочь! Что в этом плохого?! Главное сейчас — их снова свести, хотя бы на деловой почве. Ему от этого никакого вреда, кроме пользы, а у неё будет стимул жить. Я всё-таки не отморозок, как многие мои «собратья по бизнесу». У меня своя, деревенская логика. Никаких границ, никаких запретов. Пахать надо, тогда и дурь из башки выветрится. Вот пусть и падут вместе с Димой. А там — кто знает...

* * *

На следующее утро, проводив Наташу на междугородний автобус, Дима поехал к Лапиным домой — Леонид настойчиво просил об этом, сославшись на свою занятость и невозможность самому приехать в студию. Ехать, а, тем более, видеться с ним и с Кристиной не хотелось, но выбора не было — так и не оговорив окончательно все условия участия в проекте с ним, как с лидером группы, хитрый Лапин в его отсутствие обрисовал радужные картины раскрутки всем остальным «патрулям», и теперь Дима просто не мог не идти с Леонидом на контакт — ребята воодушевились, все разговоры вертелись вокруг предстоящей поездки в Москву и записи настоящего, профессионального клипа. Даже Сашка, который вначале сам предупреждал Димку о щекотливости ситуации, в конце концов, увлёкся этой идеей. К тому же, Лапин очень непрозрачно намекнул на гастроли по соседней области уже в скором времени, которые он мог устроить для «Ночного патруля», пользуясь своими связями, и Дима чувствовал себя заложником ситуации — либо собственные чувства, либо успех всей группы, а, значит, всех его друзей.

— Ну, что, я обо всём договорился, — сидя в широком кожаном кресле, Лапин закурил, — Гена — классный клипмейкер, здесь, у нас, клип такого качества не сделают. На всё про всё пять дней. Студийная запись песни и видеосъёмки. Всё оплачено, кроме проезда, это ваши единственные расходы, а проживание — у того же Гены на даче, мы с ним за эту услугу сами расплатимся, у нас свои расчёты... Ну, что, потянете поездку?

— Потянем, конечно, поездом не проблема. Не такие большие деньги по сравнению со стоимостью клипа, — Дима пожал плечами.

— Ну-у-уу... «Не такие большие» — это мягко сказано. Но ничего... мы с вами заключим соглашение: вы просто потом будете отрабатывать концертами, которые, я очень надеюсь, будут вам обеспечены. Сейчас вам надо и над костюмами подумать, может, что из инструментов заменить. В октябре-ноябре — небольшие гастроли по соседней области. Рекламу мы запустим уже на днях. Да... В Москве выступите в одном клубе, правда, придётся бесплатно, но, думаю, вам сейчас это не так важно, как пиар вашей группы.

— Не вопрос, дядь Лёнь... Выступим. Спасибо вам.

— Ну, спасибо пока не за что. Кристина тоже едет, не забыл — клип с её участием должен быть.

— Не забыл...

— Ну, вот, впятером и поедете.

— Вшестером, у нас ещё девушка, на бэк-вокале.

— Девушка?.. — Лапин недовольно поморщился, — А так ли нужно её с собой брать? Гена, конечно, ничего не скажет, но дача у него не резиновая.

— Девушку обязательно... Женский голос в этой композиции просто необходим. А насчёт жилья — если не поместимся на даче, придумаем что-нибудь.

— Ну... смотри сам... — довольно сухо ответил Леонид, — Да, кстати... Кристина хотела с тобой поговорить. Сейчас позову её...

* * *

Приехав домой, Дима долго сидел, сцепив, по обыкновению, пальцы и глядя в пол. Разговор с Лапиным, а потом и с Кристиной, оставил в душе чувство затягивающейся петли. Он понимал, что просто так Лапин не стал бы вкладывать деньги в его группу, к тому же на память приходили слова матери о том, что Кристина хочет с ним помириться... Но в голове не укладывалось, что такое вообще возможно. К тому же, Кристина в разговоре ничем не намекнула на своё к нему отношение — она лишь предложила себя в качестве автора текстов песен для «Ночного патруля» в рамках проекта, в обмен на то, что отец будет инвестировать в этот проект свои деньги. Услышав об этом, Дима про себя усмехнулся, отметив, что такой ход — в лапинском стиле, но вслух был вынужден согласиться на все условия. Его талант композитора и вокалиста сглаживал все самые острые углы песенной поэзии, которыми грешила Кристина. К тому же, он чувствовал ответственность перед ребятами, которые уже настроились на успех.

Неожиданный телефонный звонок отвлек его от всех мыслей.

— Димыч, я билеты купил! — Сашка орал в трубку, как потерпевший.

- Ты чего кричишь? — Дима говорил, не в пример, спокойно.
- Да я тут с кассиршей поругался, — уже тише ответил Говоров.
- Что случилось?
- Да я не предупредил, а она решила нас четверых в одно купе посадить...
- Ну, и что? — недоумённо спросил Дима.
- А Наташку — отдельно.
- Ну, и что? — Дима пожал плечами, — Она всё равно с нами будет.
- Ну, я думал, что она вас в одно купе... А она не сообразила.
- Ну, конечно, не сообразила, — Дима засмеялся, — У нас фамилии разные, как бы она сообразила?
- Ну, да... — уныло заметил Сашка, — она так и сказала. Но я всё равно поругался.
- Да ладно тебе, — Дима махнул рукой, — всё равно Наташа со мной будет.
- Ну, не на одной же полке...
- А почему бы и нет? — пошутил Дима.
- Как это? — почему-то с недоверием переспросил Сашка.
- Ну... мы дома тоже на одной кровати спим, вообще-то.
- Ну, ладно, — тон Говорова вдруг изменился, — я тебе доложил, билеты у меня.

* * *

Валерию стало намного лучше, и Наташа вернулась домой за день до поездки в Москву. Билеты были куплены, вещи собраны. Поздно вечером, выскользнув из Димкиных объятий, она тихо, стараясь его не разбудить, вышла на кухню и открыла ноутбук.

Закладку салона свадебного платья она сделала недавно, после слов мачехи, что Дима не женится на ней, и время от времени бродила по его страничкам, разглядывая белоснежные наряды — мечту всех девчонок... Как и любой влюблённой девушке, ей, конечно же, хотелось услышать заветные слова. Но Дима молчал... А сама она никогда не заговаривала с ним на эту тему.

— И чего мы не спим? — он неожиданно появился в дверях, и Наташка торопливо попыталась закрыть страничку. Шагнув к столу, он перехватил её руку и забрал мышку, — Ну-ка... что тут такое интересное? Та-а-а-к... Ну, и какое ты выбрала?

— Никакое... — щёки покрылись лёгким румянцем, она смущённо пожала плечами.

— Вообще — никакое? — Дима увеличил фото пышного атласного платья, расшитого стразами, — А вот это? Нравится?

— Нравится... — ещё больше порозовев, она едва кивнула головой.

— А вот это?.. — шикарный кружевной наряд развернулся на весь монитор. Дима приподнял Наташку со стула и, присев, усадил её к себе на колени.

— И это... — вздохнув, сказала девушка.

— А какое больше?

— Не знаю...

— Ну, ты определяйся.

— А зачем?

— Ну, как зачем? Чтобы знать, какое покупать.

— А меня замуж никто не зовёт, — грустно вздохнув, Наташка снова попыталась закрыть страничку.

— Я зову. Выходи за меня? — голос Димы стал на удивление серьёзным.

Сдерживая улыбку, закусила губу... Счастливо взглянув ему в глаза, кивнула... обвила руками и сама растаяла в его объятиях.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

— Мазурик, если ты мне ещё раз что-нибудь к волосам привяжешь, на тебя сверху нечаянно гитара упадёт! — едва сдерживаясь, чтобы не рассмеяться, Наташа погрозила кулаком Мазуру, сидевшему внизу, — Дима, это и тебя касается.

— Ой... по-моему, уже что-то падает... — устроившийся рядом с Витькой, Дима потянул её за руку на себя, — Вот чёрт... забыл, что там бортик!

— Ага, не получилось? — победно воскликнула девушка, свесившись с верхней полки четырёхместного купе скорого поезда, в котором ребята ехали в Москву. Забравшись наверх, она тщетно пыталась уснуть: сидевшие внизу с заговорщицким видом Мазур и Морозов без конца подшучивали над ней, то завязав полотенце на её свесившейся косе, то привязав саму косу к металлическому бортику безопасности. На своём, по билету, месте Наташа даже не появилась, оставшись в купе у парней, и теперь весело отбивалась от дурачившихся внизу Витьки и Димки. Счастье переполняло через край. «Выходи за меня замуж», — эти Димины слова снова и снова звучали в голове.

Радовало и то, что с ними не было Кристины, которая должна была прилететь в Москву лишь на съёмки, через три дня.

Не в пример этой троице, Говоров пребывал в невесёлом расположении духа. Сидя напротив, он не спеша потягивал пиво и искоса наблюдал, как Дима в шутку без конца тормозит Наташку, и от этого становился всё мрачнее и мрачнее. Когда же Морозов и вовсе забрался к ней на полку и улёгся рядом, Сашка надолго ушёл из купе.

Невозмутимым оставался лишь Белов. Перед самой поездкой вернувшись в коллектив, он, как обычно, был немногословен. Лёжа на верхней полке напротив Димы с Наташей, он с едва заметной ироничной улыбкой смотрел в окно.

— Наташка, если Димон к тебе приставать начнёт, ты мне скажи, — задрал голову вверх, съехидничал Витька, которому стало скучно одному, — ну, в крайнем случае, с полки его скинь.

— Имею право, тем более, мы скоро... — подал сверху голос Дима, но договорить не успел: Наташа, смеясь, закрыла его губы ладошкой.

— Пока не говори никому... — тихо прошептала она и, обняв, уткнулась ему в плечо.

— Чего это вы скоро? — заинтересованно спросил Мазур.

— Приедем уже скоро, — девушка весело приподняла голову, — А ты что подумал?

* * *

В Москву поезд прибыл поздно вечером. Пересев на электричку вместе с встретившим их на перроне сыном Ростовского, молодые музыканты отправились на его дачу, расположенную в сорока минутах езды от столицы.

— А ничё, нормальное жильё, — оглядев небольшой деревянный домик в две комнатки

на запущенном участке, с уличными «удобствами» и уличной же, едва огороженной, душевой кабинкой, произнёс Витька, — очень даже цивилизно.

— Мы здесь почти не бываем, — ответил сын Геннадия, — отец обычно сюда пускает пожить родственников или знакомых.

— А что, кровати только три? — хмуро спросил Сашка, — Четвёртой нет? Я с Мазуром спать не буду.

— Есть раскладушка, — засмеялся парень, — там, за шкафом найдёте.

Объяснив, куда и во сколько нужно будет подъехать завтра, Ростовский-младший вернулся в Москву на последней электричке. Весело поужинав, молодёжь разбрелась спать — на улице начался дождик, и делать больше было нечего. Августовские ночи были уже довольно свежими, и, устроившись в маленькой комнатке с холодильником, плитой и железной кроватью, Дима старался согреть Наташку в холодной постели, обнимая её как ребёнка. За стеной, в комнате побольше, Витька с Никитой дружно подкалывали Сашку, которому досталась раскладушка, найденная в углу за шифоньером. Наконец, все утомонились, и в доме установилась тишина.

— Дим... А мы будильник не поставили, — вспомнив, что завтра рано вставать, Наташа с неохотой высвободилась из тёплых Димкиных рук. Установив сигнал на мобильном телефоне, снова скользнула к нему под тонкое покрывало и, прижавшись всем телом, затихла. Обдав жарким дыханием, он нашёл губами её губы... Ей показалось, что закружилась голова, и комната поплыла. Она горячо отвечала на его поцелуи и ласки, и чувство реальности исчезало в густой темноте...

— Твою мать!.. Вот бляя... только уснул... — сквозь грохот упавшей с ножек раскладушки, Сашка за стеной смачно выругался.

— Чего, Сань, Ирка приснилась? — ехидно проговорил Мазур, — ты это... поосторожней... мебели ветхие, эротические сны не выдерживают.

— Да иди ты... — было слышно, как Сашка возится с металлическими «застёжками», — Смотри, а то тебе все твои Анжелки приснятся, потом кровать не соберёшь.

— Ты там лучше крепи, ещё вся ночь впереди, — не унимался Витька, — бери с Димона пример: лежат, как пионеры, чихнуть боятся.

Уткнувшись Димке в плечо, Наташа беззвучно засмеялась...

— Придётся спать, — с сожалением шепнул он и, укладываясь поудобнее, ещё раз поцеловал девушку и закрыл глаза.

* * *

Первые три дня ушли на студийную запись и сведение песни «Не моя», слова для которой когда-то написала Кристина, Дима очень удачно положил их на музыку, и с тех пор «Ночной патруль» исполнял песню на каждом концерте. Ребята с утра до позднего вечера проводили в творческой студии Ростовского, которая включала в себя студию звукозаписи,

павильон для видеосъёмок, а так же гримёрную, а, по сути — настоящий салон красоты, где артистов причёсывали и накладывали макияж перед съёмками. Сами съёмки были назначены на последние два дня, когда должна была прилететь Кристина.

Возвращаясь поздним вечером на дачу, молодые люди делились впечатлениями, весело вспоминали разные казусы, которые происходили при записи «живых» инструментов и вокала.

В предпоследний день, при наложении бэк-вокала, звукорежиссёр вдруг остановил запись и, попросив Наташу подождать, стал кому-то названивать. Стоя в наглухо закупоренном помещении тон-зала, девушка переживала, что спела что-то не так, но появившийся за стеклом молодой мужчина с длинными волосами, стянутыми резинкой на затылке, неожиданно попросил её исполнить под минус известную песню. Когда Наташа спела, мужчина что-то сказал звукорежиссёру, тот кивнул и продолжил запись.

— Тебя как зовут? — мужчина с «хвостиком» окликнул Наташу, когда она вышла из студии.

— Наташа.

— А меня — Егор. Ты не согласилась бы записать бэк-вокал для минусовки? У нас сегодня певица не появилась, а запись нужна срочно. Ты всё равно уже освободилась, кажется?

— Ну-у-у... Хорошо, если это не долго. А то меня ребятам ждать придётся.

— Ребята сейчас на видео заняты, так что как раз вместе освободитесь, — Егор внимательно посмотрел на девушку, — а это не ты в самом клипе снимаешься?

— Нет...

— Ну, я и смотрю, не тот типаж, не по сценарию.

— А какой типаж по сценарию? — Наташа удивлённо приподняла брови.

— Женщина-вамп. При чём, абсолютная вамп, — засмеялся мужчина.

— А у меня какой типаж? — Наташа улыбнулась.

— Ну, не вамп, это точно. Скорее, девушка-ночь, печальная и загадочная. Только... белая ночь.

— Ну, хорошо, я только Диме скажу.

— Диме — это вашему вокалисту?

— Ну, да... Диме...

— А, ты его не найдёшь. Он тоже в съёмочном павильоне, сейчас начнут видео снимать.

— Значит, женщина-вамп уже здесь? — улыбка у Наташи в этот раз получилась грустной, даже обречённой.

— Возможно... Ну, что, пойдём писать?

— Пойдём.

Записав небольшую подпевку для минусовки, Наташа вышла из студии. Ребят не было видно, и она решила пройтись по павильону.

Почему-то до неё только сейчас стало доходить, что Дима будет сниматься в клипе наедине с Кристиной... Раньше она не задумывалась, а сейчас явно представила, как они

будут все эти два дня тесно общаться... От этих мыслей девушке стало тоскливо, и, не дойдя до съёмочной площадки, она развернулась назад.

— Наташа, — Егор снова шёл ей навстречу, — вы когда уезжаете из Москвы?

— Послезавтра, сразу, как только видео отснимут.

— Жаль, — он нахмурил брови, — Я хотел тебе предложить записать мою песню и снять клип.

— Мне?! — она искренне удивилась.

— Ну, да, тебе. Если бы ты осталась ещё на неделю...

— На неделю я не смогу... Да и Дима меня здесь не оставит.

— Жаль. Но, если Дима... — Егор многозначительно улыбнулся и протянул девушке визитку, — Возьми на всякий случай.

— Спасибо, — Наташа взяла визитку, — А почему вы предложили именно мне?

— Ну, во-первых, у тебя шикарный вокал. А, во-вторых, внешние данные. Романтический образ... Жаль, что не можешь. А ты сольно выступаешь?

— Сейчас — нет, а раньше выступала.

— А почему сейчас — нет? — он искренне удивился.

— Дима взял меня в «Ночной патруль», я с ними теперь буду петь.

— Если честно, странное решение, — Егор заинтересованно окинул её взглядом с ног до головы, — тебе нужна сольная карьера.

— Мне поступают предложения, — Наташа смущённо пожала плечами, — петь в Доме культуры, в ресторане...

— Нет, ты меня не поняла, — пристально глядя ей в глаза, Егор слегка прищурился, — я имею в виду настоящую карьеру, с выходом на первые позиции топ десятка лучших хитов на центральных каналах, с раскруткой, с гастролями, и всеми прочими прелестями звёздной жизни.

— Ой! — рассмеявшись в ответ, Наташка махнула рукой, — Что вы! У меня нет таких денег, чтобы...

— У тебя таких денег и не может быть, — не дав ей договорить, он насмешливо улыбнулся, — такие деньги есть у других людей, которые могли бы заплатить за твою раскрутку. Но есть ещё и люди, которые профи в раскрутке, и могут раскрутить, пользуясь лишь своими связями и личной заинтересованностью.

— Я таких людей не знаю, — понимая, что он имеет в виду, она посерьёзнела и опустила глаза, — и вряд ли могу кого-нибудь заинтересовать.

— Тут ты ошибаешься, — он подошёл к ней ближе, — считай, что один заинтересованный тобой человек уже есть.

— Так быстро? — растерянно пошутила Наташка.

— Я не первый год в шоу бизнесе, и кого только не раскручивал, — мужчина снова усмехнулся, — у одной певицы нет голоса, но есть внешность. У другой — есть голос, но внешние данные никуда не годятся. У тебя — редкое сочетание и того, и другого.

— И... что я должна сделать?

— Приехать ко мне. И — всё, — улыбаясь уголком губ, он развёл руками, — очень просто.

— Понятно, — она улыбнулась ему в ответ, — но не просто.

— Почему?

— Потому, что я выхожу замуж.

— За Диму? — не сводя с неё взгляда, Егор насмешливо наклонил голову вбок.

— Ага! — Наташка весело кивнула.

— Ну, я тебя понял. Задний план на подпевках и обручальное кольцо — наше всё, да? — их диалог принимал шутливую форму, но в интонациях Егора проскальзывали ехидные нотки.

— Да! — Наташка обаятельно рассмеялась, обнажив белые, ровные зубки под красивыми губами и глядя на него счастливыми глазами цвета крепкого чая, так, что, мужчина на некоторое время замолчал, задумчиво глядя на неё.

— В любом случае — я бы хотел с тобой ещё встретиться. Мой телефон у тебя есть, — после недолгой паузы произнёс он уже более серьёзным тоном.

— Хорошо, я буду иметь в виду, — она кивнула ему в ответ.

— Тогда — до встречи, — многозначительно произнёс он и, сделав рукой прощальный жест, удалился.

— Ну, как там, на даче, нормально устроились, не сильно мёрзнете? — Ростовский говорил на ходу, стремительно направляясь в съёмочный павильон, — Сейчас уже заканчиваем на сегодня, заберёте своих товарищей.

— Ага... — только и успела ответить ему Наташа.

* * *

— Саш, ты там Наташу не видел? — увидев Говорова, входящего в видеопавильон, Дима кивнул головой на дверь, — А то мы тут заняты, мне даже некогда посмотреть, где она.

— Там она, по студии гуляет, — Сашка хмуро посмотрел на друга.

— А, ну, тогда ладно, — тот вздохнул с облегчением, — а ты почему такой невесёлый?

— Так просто, — Говоров немного помолчал, — а тебе весело?

— Да тоже не очень, — Дима покачал головой, — хочешь посмотреть на сценарий?

— Давай, — протянул руку Сашка.

Читая сценарий видеоролика, в котором предстояло сниматься Морозову, он то и дело нервно усмехался. Наконец, дочитав до конца, молча отдал его назад.

— Что скажешь? — усмехнулся, в свою очередь, Дима.

— А что тут говорить? — Говоров искоса бросил на него взгляд, — Голливуд практически. Эротический блокбастер.

— Да уж... — Дима закусил губу.

— Я только одного не могу понять, — засунув руки в карманы брюк, Сашка встал напротив, — Дима... Как ты потом с Наташкой-то?.. Ты сейчас ставишь на кон ваши отношения.

— При чём тут отношения, Сань? — Дима пожал плечами, — Отношения не денутся никуда. Я в себе не уверен, получится ли у меня...

— Димыч, ты не о том сейчас думаешь, — Сашка смотрел исподлобья, — у тебя-то как раз получится. Ты что, с Кристиной не целовался никогда? Об остальном не спрашиваю.

— Да ладно тебе... Самому тошно.

— Тошно — значит, откажись.

— Смеёшься? — Дима удивлённо смотрел на друга, — Приехали за тридевять земель, чтобы отказаться от съёмок?! Ты сам бы — отказался?!

— Ради Наташки бы отказался... вернее, ради любимой девушки, — поправился Сашка, заметив внимательный взгляд Морозова, — ну, это я о себе... А ты сам решай.

* * *

— Ну, как там, рассказывай... — вечером, пытливо заглядывая Диме в глаза, Наташа старалась говорить как можно веселее, — Что снимали?

— Сегодня только меня с ребятами снимали. Основные съёмки — завтра.

— А вы успеете за один день?

— Если не успеем, придётся и ночью работать, вариантов нет.

— Ну, да... вариантов нет... — грустно повторила девушка, — Ладно, сейчас посуду помою, и пойдём, немного погуляем, да?

— Наташ... — Дима присел на кровать, — Иди лучше ко мне...

— А посуда? — Наташа улыбнулась, — И ребята сейчас придут с перекура.

— Они не скоро придут, — Дима загадочно улыбнулся, — и посуда подождёт.

— Куда ты их отослал? — сдерживая улыбку, она удивлённо приподняла брови.

— Не очень далеко, но минимум на час.

— Ди-и-и-м... — укоризненно сказала она и рассмеялась.

— Наташ...

— Что ты им сказал?!

— Неважно... Иди ко мне...

* * *

Последний день для «патрулей» был свободным до самого вечера — вечером им предстояло сорокаминутное выступление в клубе «Золотая Атилопа». Только Дима был занят на съёмках: с раннего утра, в режиме нон-стоп. В клуб он должен был подъехать к 20–00.

Проводив его на первую электричку, Наташа вернулась в домик. Ребята ещё спали, и она, как и в остальные дни, нагрела на плите огромную кастрюлю воды, переносила ведром в резервуар душевой кабинки и, приняв душ, пошла готовить завтрак. Вскипятила чайник, нарезала купленные с вечера в Москве колбасу, сыр, хлеб, достала масло. Несмотря на солнечное утро, на душе было тревожно.

— Натаха, привет, — сонный Сашка заглянул в маленькую комнатку, — Димон уже уехал?

— Давно. Идите завтракать.

— Угу... Только проснёмся окончательно.

— В душе вода ещё тёплая. И в кастрюле — горячая.

— О, класс... Что бы мы без тебя делали?

— Сами бы воду таскали.

— А, точно... нафик ты таскала-то, меня бы разбудила.

— Да ладно... — Наташа махнула рукой, подумав о том, что она нарочно каждое утро вставала раньше всех, чтобы успеть принять душ, пока парни спят.

После завтрака ребята решили съездить в город, но Наташа осталась на даче. Ехать куда-либо не было настроения; мысли о том, что Дима целый день проведёт в обществе Кристины, лишили девушку покоя, она не могла сосредоточиться и думать о предстоящем выступлении. Эти грустные мысли затмили даже его вчерашние слова и ласки...

... Успокаивая себя, Наташка вспомнила ночь перед отъездом, когда Дима сделал ей предложение выйти за него замуж...

— Подожди, я сейчас, — оставив девушку, он вышел в комнату. Вернувшись через пару минут с маленькой красной бархатной коробочкой, вложил её Наташе в ладонь, — Это тебе.

— Ой... — открыв коробочку, она застыла от неожиданности, — Колечко... Дима...

Не найдя больше слов, осторожно вынула маленькое золотое колечко с тремя крохотными камешками и, не решаясь примерить, подняла изумлённые глаза.

— Ну, чего ты... надевай, — Димка ласково улыбнулся, — а то я переживаю, подойдёт ли.

— Подошло... — надев кольцо на безымянный палец, Наташа разглядела его со всех сторон, потом обвила руками Димкину шею, прильнула трогательно, по-детски, — Дим... я сегодня такая счастливая... самая счастливая, наверное... спасибо тебе!

— Это тебе спасибо.

— За что?

— За то, что ты у меня есть... Я даже не помню, как я без тебя жил.

— Я так тебя люблю...

— И я тебя люблю... Очень...

Уже ночью, почти засыпая, Наташа вдруг спросила:

— Дим... Оно же дорогое. Где ты деньги взял?

— Родители оставили на подарок. Сказали — купи себе, что хочешь, я и купил. Спи...

— Ой... А как теперь быть? Они же спросят, что купил?

— Спросят — скажу. Ты же замуж за меня согласилась выйти, вот и подарок. Спи, Наташка...

* * *

Скрипнувшая входная дверь прервала воспоминания. Наташа испуганно подняла глаза: возникший на пороге Говоров молча разулся, прошёл в маленькую комнатку и, налив из чайника воды, в два глотка опустошил чашку.

— Тебе тут одной не скучно?

— Да нет... — она почему-то смутилась, — Не скучно. А ты чего вернулся?

— Витька с Никитой в музыкальный магазин поехали, гитары смотреть.

— А ты почему не поехал?

— А мне там чего смотреть, барабаны? — Сашка хмыкнул, — Я с собой ударник не вожу. Что дадут, на том и отстучим.

— Есть хочешь? — Наташа открыла холодильник, — колбаса осталась, сыр.

— Не-а. Кофе можно.

— Сейчас, — Наташа включила плиту, поставила чайник.

Внезапно засигналил телефон.

— Привет, — голос Димы показался девушке слегка смущённым, — Как ты?

— Привет... Нормально. А ты?

— Я тоже. Сейчас небольшой перерыв, на несколько минут.

— Ну, как там, интересно сниматься? — равнодушный тон давался Наташе нелегко, — Получается?

— Получается, только медленно. Ещё очень много дублей снимать.

— В клуб не опоздай.

— Не опоздаю... Ты там не скучаешь?

— Нет, что ты. Мы тут с Сашкой... вдвоём, — Наташа и сама не поняла, зачем она сказала это Диме.

— А Витька с Никитой?

— Они в Москву уехали ещё с утра.

— Ну, ладно, — после недолгой паузы произнёс Дима, — привет Сашке. Пока, Наташ, до вечера.

— До вечера...

— Димка звонил? — Говоров выключил кипящий чайник.

— Да... — Наташа грустно вздохнула.

— Переживаешь?

— В смысле?

— Ну, что Дима там с Кристиной, — он смотрел на неё исподлобья.

— Да нет, с чего бы...

— Да ладно, а то я не вижу. Надо было с ним ехать.

— А что мне там делать? Смотреть, как их снимают?

— Если честно... Тебе лучше вообще потом этот клип не смотреть, — многозначительно произнёс Говоров, не сводя с неё тёмных глаз.

— Почему? — Наташа заранее предполагала ответ, но всё же спросила.

— Я сценарий читал, но, думаю, ты и сама догадываешься.

— Я сценарий не читала.

— Ну... там будет несколько откровенных сцен. Правда, всё это как в калейдоскопе будет мелькать.

— Что ж... Это ведь работа, — упавшим голосом произнесла Наташа, — такая у нас работа.

— Ну, да, надо привыкать. То ли ещё будет.

— Саш... Зачем ты? Мне и так сегодня тяжело.

— Мне тоже тяжело.

— А тебе-то почему?

— А ты не догадываешься? — Сашка снова посмотрел ей в глаза.

— Нет... — прекрасно понимая, что он имеет в виду, ответила Наташа.

— Всё ты знаешь...

— Саш... Я ничего не знаю. И ты ничего не говори.

— Я молчал. Пока мог. Сейчас не могу, — стоя в дверях, как будто боясь, что она сейчас уйдёт, Сашка говорил отрывисто, нервно поджимая губы, — ты думаешь, мне легко видеть тебя каждый день? Тем более, сейчас, когда вы с Димой тут — за стенкой?

— Сашка...

— Подожди. Я должен сказать, потом случая не будет, — он не сводил с неё пристального взгляда, — сначала ты мне просто нравилась. Долго. Но терпимо. А потом... Потом — всё. Глаза закрою — ты. Открою — ты. У меня уже мозги кипят. А тут ещё эта поездка. Да, мы с Димой постоянно общаемся, мы даже иногда о тебе разговариваем, мне это не в напряг. Но сейчас что-то изменилось. Эти дни превратились в пытку. А тут ещё он вчера нас из дома отправил, понятно, зачем...

— У тебя тоже есть девочка, — смутившись от Сашкиных слов, Наташа покраснела румянцем, опустила глаза, — Ира. И кроме неё столько подружек, Саша, я ведь всё вижу.

— Ну, да. И девочка есть. И подружки есть. Только в голове совсем другая. Догадываешься, кто?

— Саша...

— Только не говори мне, что мы с Димой друзья, я это и так не забуду. Но это только в кино ради друга отказываются от любимой женщины. В жизни всё намного сложнее, Наташа.

— Ты прекрасно знаешь, что я Диму люблю, — всё так же, не поднимая глаз, очень тихо сказала она ему.

— Да люби себе на здоровье, — Говоров искоса посмотрел на девушку, — только что из этого получится? Ты знаешь, в какую грязь Дима сейчас ввязывается? Это только начало, а ты уже сидишь и переживаешь, а сколько всего впереди! Ты в курсе, что Кристина от нас уже никуда не денется? Лапа неспроста бабло вкладывает. Она — постоянный автор, как и Дима... Значит, дорожки их пересекутся раз и навсегда. Совместные поездки, гастроли... Фото вдвоём... Интервью... А ты? В лучшем случае — на подпевках, и в кадр не попадёшь. А однажды... — Наташе показалось, что она слышит издевательские нотки в его голосе, — однажды ты их просто застукаешь, элементарно — в постели.

— Ты решил на мне оторваться, да, Саш? — Наташка мужественно пыталась справиться с наворачнувшимися на глаза слезами.

— Дура ты, Наташка. Это самый безобидный вариант развития событий.

— А что, ещё хуже бывает?

— Бывает. Ты на себя в зеркало часто смотришь? — издевательские нотки исчезли, и теперь в его словах сквозила горечь, — Что с такой внешностью можно делать в шоу-бизнесе? Это сейчас ты за Димкиной спиной...

— А потом? — Наташа внимательно посмотрела на Говорова, — Дима должен меня бросить?

— А ты много видела верных артистов? Даже если не будет Кристины... Поклонницы — знаешь таких? Они на гастролях сами на сцену лезут, в номер приходят, и ты об этом

должна знать, сама ездила, и не раз... Он и не захочет — оно само так получится, это закон жанра. Либо ты не выдержишь, либо он себе другую куклу найдёт. А знаешь, что потом с такими вот, как ты, девочками происходит? Тебе будут раздавать визитки, говорить, какая ты талантливая, и что у тебя большое будущее... Будут предлагать помощь в раскрутке... И каждый при этом будет тащить тебя в постель. Потому что твой талант никому не нужен, кроме тебя! Хочешь его другим показать — ложись! Здесь по-другому не бывает. И ведь ты сама об этом знаешь, тебя уже сколько раз пытались... — Сашка запнулся, не в силах произнести обидное слово, — Пока обходилось... Но ведь когда-нибудь не обойдётся.

— Тебе так хочется сделать мне больно? За что, Саш?! — она уже не могла сдерживать себя, и слёзы градом катились по лицу.

— Дура ты. При чём тут я? Ты ведь даже не подумала, что Димон уже между тобой и карьерой выбрал карьеру! Он и сам в петлю Лапы залез, и тебя затащил.

— А ты сам? Ты бы по-другому со мной... да, Саш? — Наташа усмехнулась сквозь слёзы, — Я не понимаю, к чему ты этот разговор затеял.

— Я... — Говоров ненадолго замолчал, — Я... Возможно, по-другому...

— Значит, Дима не сможет... А ты — сможешь.

— Дима уже не смог...

— Знаешь что... — Наташа резко встала, подошла к стоящему в дверях Говорову, — Выпусти меня.

— А если не выпущу?

— Я сейчас Димке позвоню, — как последний аргумент, она достала из кармана телефон, но Говоров выхватил его из её рук, — Отдай телефон!

— Не отдам...

— Ты что, пьяный?

— Угу... Пьяный. Уже скоро год, как пьяный, — Сашка шагнул к ней.

— Не делай глупости... Как потом жить будешь? — она испуганно отступила назад, но он неожиданно остановился и, шумно выдохнув, опустился на кровать:

— Не бойся. Не трону. А насчёт — «как жить»... Я и так не знаю, как жить. Хоть из группы уходи. Никогда не думал, что вот так бывает...

Вернувшиеся из города Белов и Мазур с удивлением обнаружили заплаканную Наташу и молчаливого Говорова, которые, вопреки обыкновению, не разговаривали друг с другом.

— Чего у вас тут случилось-то? — улучив момент, Витька толкнул Сашку локтем, — Чего Наташка ревёт?

— По Димке соскучилась... — тот нервно закурил.

— Ну-ну... — многозначительно произнёс Мазур, — Бывает...

— Бывает...

* * *

— Добрый вечер, — артдиректор «Золотой Антилопы», торопливо поздоровавшись, провёл ребят к небольшой эстраде, расположенной в танцзале ночного клуба, — Все в сборе?

— Одного не хватает, — ответил Мазур, — Морозов должен вот-вот подъехать.

— Вообще-то, уже пора начинать, у нас время строго расписано. Ваши сорок минут взяты из выступления нашего постоянного исполнителя. Договаривался Ростовкий, но и его что-то нет.

— А он как раз с Морозовым и подъедет, — Витька достал из чехла свою четырёхструнную «ямаху», — сколько можете подождать?

— Уже нисколько. Нужно начинать. Без него это возможно?

— Давай, выручай Димона, — Витька кивнул Наташе, которая не сводила глаз с входной двери. В клубе было довольно многолюдно, отсчёт отпущенного времени пошёл.

— Добрый вечер! Группа «Ночной патруль» приветствует всех, кто пришёл на встречу с нами в этом клубе, — поправив гитару, Наташа уверенно говорила в микрофон, — И первая песня, которую мы исполним...

Не договорив, она привычно тронула струны:

Ни к чему все вопросы,
Прочь из сердца тоску...

Переглянувшись, Витька, Никита и Сашка удивлённо удивлённо перевели взгляды на Наташку, которая неожиданно запела Димину песню... Только текст был другим.

Ты заплетал мои косы —
Волосок к волоску...

И так же, под перебор:

Вплетались в светлые пряди
Твоих фраз кружева,
Но от жарких объятий
Не плыла голова.
Не плыла голова...

На последней доле куплета Сашка, взмахнув палочками, подхватил ритм... Никита и Витькой тронули струны — вступили гитары... Войдя в клуб, Дима с удивлением услышал Наташин голос: на фоне мощного инструментального сопровождения нежный и, в то же время, сильный, на надрыве, женский вокал эхом разлетался по залу, пронзая до глубины души.

Буду грешной пред тобой —
Меня прости...
А появится другой —
Не отпусти...

Снова косы по плечам
Рас-пу-сти...
Лишь не дай ты их
Чужому заплести...
Не позволяй ты их
Другому заплести...

Поспешив, Дима встал за клавиши.

Допев под аплодисменты песню, Наташа улыбнулась ему, но улыбка получилась невесёлая. Она сразу увидела, что приехал он не один — вместе с ним были Ростовский и Кристина.

Несмотря на Димкино опоздание, выступление получилось удачным, и, сложив инструменты, довольные ребята покинули эстраду.

— Что-то случилось, Наташ? — Дима одной рукой обнял девушку и поцеловал в щёку.

— Всё хорошо... А у тебя?

— И у меня нормально... А ты грустная...

— Показалось... Что, едем на дачу?

— Наташ... — Дима замялся, — Я сейчас не могу поехать с вами, у нас ещё несколько сцен осталось не отснятых.

— Да?.. А... когда ты приедешь?

— Не знаю. Может, только утром, сразу на вокзал.

— Хочешь, я останусь с тобой, можно?

— Нет, ты езжай с ребятами, нужно вещи будет собрать... Я и правда, не знаю, когда закончим. Нужно добить до конца, вариантов нет.

— Ладно... — Наташка отвернулась... глаза наполнились слезами, она боялась моргнуть, чтобы они не вылились у всех на виду.

— Наташ... Ты чего? — Дима повернул её к себе, но она опустила голову, — Ты плачешь? Что случилось?

— Показалось, Дим... Езжай...

— Дима, ну, что, едем? — Ростовский, что-то оживлённо обсуждавший с артдиректором клуба, махнул рукой, — Кристина уже в машине.

— Ну, всё, Наташ, я побежал... Точно всё хорошо?

— Точно. Беги, Дима...

* * *

Всю обратную дорогу Наташа молча смотрела в окно электрички. Она буквально ощущала физическую тяжесть, наполнившую всю её душу. Сейчас ей хотелось только одного — чтобы Дима оказался рядом... Ей до боли хотелось обнять его, прижаться к нему всем телом... Она всё сейчас отдала бы за то, чтобы он был с ней в эту минуту.

— Наташка, пиво будешь? — Мазур протянул ей банку пива.

— Не хочу, — она постаралась улыбнуться.

— А чего хочешь? — он полез в пакет, — Водки, может?

— Нет, — она покачала головой, — ничего не буду, Вить.

— Ну, тогда фанту, — вытащив полуторалитровую бутылку апельсинового напитка, тот буквально всунул её в руки девушке, — хоть чего-нибудь выпей!

— Спасибо, — она благодарно кивнула, пряча наворачнувшиеся на глаза слёзы, — фанты выпью.

— Давай, и за себя, и за Димона, чтобы ему там не скучно было.

— Ему и так не скучно, — усмехнулся Никита, — я сценарий прочитал, там...

— Да ничего там такого нет, — перебил его Говоров, бросив взгляд на Наташу, — сценарий, как сценарий, там больше написано, чем снимут.

— Ну, как сказать, — Никита многозначительно выдержал паузу, — что написано, то и снимут.

— Всё нормально, — Сашка, нахмурившись, попытался поймать взгляд Белова, чтобы сделать ему знак, но тот старательно отводил глаза, — это просто ролик.

— Да фигня, — подытожил Мазур, — подумаешь, поцелуются пару ра... — он не успел договорить — Сашка незаметно наступил ему на ногу. Переведя взгляд с Говорова на Наташу, демонстративно сжал губы.

— Возьми, Вить, — сделав вид, что ничего не слышала, она передала ему назад бутылку, — Спасибо.

Отвернувшись снова к окну, Наташа вглядывалась в темноту, глотая слёзы.

— Ты чего ревёшь? — присев рядом, Сашка старался говорить негромко, так, чтобы не услышали остальные, — Не обижайся на меня за то, что утром наболтал всякой чепухи, хорошо?

— Хорошо, — она покорно кивнула.

— Дима тебя любит, даже в голову не бери, — он говорил серьёзно, неторопливо, — а на меня не обращай внимания. Это я так, психанул.

— Ладно, — всё так же глядя в тёмное окно, шёпотом согласилась Наташка.

— Завтра увидите, — нехотя произнёс Говоров и, повернув голову к Мазуру, удивлённо приподнял брови, — э, товарищ... Ты про меня-то не забыл?

— Чё, тоже фанты? — заржал тот и с готовностью снова полез в пакет.

— Э, какой фанта?.. Какой фанта?.. Ты ещё молока предложи, да?

— А чё, надо было купить? — Витька сделал вид, что встаёт с сиденья, — Ща, сбегая...

— Слышь, ты... весёлый молочник... — Сашка носком туфли слегка пнул Витькину ногу, — Какой купить?.. Водка наливай, да?

Приехав на дачу, ребята соорудили небольшой стол в своей комнате и сели отмечать окончание удачной поездки. Посидев с ними буквально десять минут, Наташа ушла в их с Димой каморку и, раздевшись, легла. Она думала, что не уснёт, но усталость от впечатлений и переживаний победила — вскоре она забылась тяжёлым сном.

Прохладная августовская ночь опустилась на дачный посёлок. Весело поужинав, парни вышли на улицу покурить.

— Кстати, Ник, забыл тебе сказать, — Мазур кивнул Белову, — классно у тебя соляк в «Не моя» вышел в этот раз, всё же ты мастер импровизации.

— Да мне и самому понравилось, — усмехнулся Никита, — в принципе, вариаций множество, но удачных буквально одна-две получается.

— Вот будем выступать во Дворце молодёжи, ты этот же соляк задвинь?

— Как получится, — немногословный по природе, Никита, даже под алкоголем не отличался болтливостью.

— Всё получится, всё срастётся, — не в пример ему, Мазур был всегда словоохотливым, — и ваще... Всё у нас впереди! Зашибись! Скажи, Никитос?

— Не знаю, — тот пожал плечами, — посмотрим.

— Ты ведь классный гитарист, — не унимался подвыпивший Мазур, — только постоянно в тени. Белый, пора выходить на свет!

— Ты предлагаешь затмить Мороза? — усмехнулся Никита, — Я мог бы. Но не считаю нужным.

— Не, ну, зачем такие крайности... Просто я слышал твои вещи, они Диминым не уступят.

— Понимаешь, Викун, — Белов, прищурившись, смотрел в ночное небо, — два лидера в группе — это перебор. Одному рано или поздно придётся уйти.

— В этом ты прав, — кивнул Мазур, — и такова се ля ви, как говорят наши братья по любви к женщинам, французы. Кстати, о женщинах... Саня, ты просил напомнить, чтобы ты Ирке позвонил. Ты позвонил? — он обернулся, но, не увидев рядом Говорова, посмотрел в другую сторону, — Э, Саня, ты где?

— Тут вроде был, — Никита тоже вертел головой, — ушёл, что ли?

— Саня! — заглядывая из-за плеча в открытые двери, Мазур крикнул уже громче, но ответа так и не последовало, — Слушай, он же мимо нас на улицу не проходил? — осмотрев пустую комнату, Витька вернулся на крыльцо.

— Нет, не проходил, — пожал плечами Никита.

— Он чё... — догадываясь, куда мог деться Говоров, Витька тревожно нахмурил светлые брови, — Ну, придурок...

— Да ладно тебе, — усмехнулся Никита, — не маленький, сам знает, что делает.

— Так он сейчас наделает, — трезвея на глазах, Мазур резко развернулся и, стремительно войдя в дом, рванул на себя ручку двери, ведущей в маленькую комнатку...

...Сашка сидел на полу, возле кровати, на которой спала Наташа. Видимо, он вошёл так тихо, что она даже не проснулась. Слабо заплетённая коса свесилась вниз, и он держал её в руке, слегка поглаживая пальцами. Тонкое покрывало съехало с одного плеча и, съёжившись во сне от холода, девушка тихо дышала, уткнувшись в подушку. Не удержавшись, он уже протянул руку, чтобы её укрыть, но возникший на пороге Мазур помешал его действиям.

— Ты чё?! — громкий шёпот Витьки прозвучал, как гром в ночной тишине, — Обалдел?!

Схватив Говорова под мышки, он приподнял его и, оттащив от кровати, вытолкнул в дверь, для верности дав несильного пинка.

— Вы чего?! — вторя ему, испуганно вскрикнула Наташа, разбуженная их вознёй. Привстав на постели, она судорожно натягивала на себя покрывало, пытаясь закрыться от парней.

— Всё нормально, Натаха, спи, не бойся, — Витька сделал успокаивающий жест рукой, — мы нечаянно...

Вернувшись в комнату, он с грохотом придвинул к маленькой двери Сашкину раскладушку и сам улёгся на ней.

— Ложись на мою кровать, — сердито кивнув Говорову, он повернулся на бок, — ваще обалдел...

— Чё я сделал-то?! — Сашка возмущённо присел на кровать Мазура, — Я ничё не сделал!

— Ещё не хватало! — Витька разозлился не на шутку, — Не дай Бог, Мороз узнает...

— Да чё узнает-то? — укладываясь, Сашка заговорил уже тише, — Зашёл посмотреть, ревёт, или нет...

— Угу, — ехидно подал голос Витька, — чего бы ей реветь?

— То, — Сашка заговорил уже серьёзнее, — сами в электричке языки распустили... У вас что, вообще соображалка отказала?! Она ж беззащитная совсем... Думать надо, прежде чем болтать.

— Спи уже, — Мазур шумно повернулся на раскладушке, — защитник, блин.

— Вы что, местами поменялись? — вошедший с улицы Белов с удивлением смотрел на поменявших дислокацию друзей, — А дверь зачем раскладушкой подпёрли?

— Мне Саня раскладушку в карты проиграл, — гоготнул Мазур, — а место я сам выбрал. По феншую...

* * *

На вокзал Дима приехал почти к отходу поезда. Наташа, которая увидела его ещё издалека, в толпе спешащих на посадку пассажиров, сразу отметила какой-то виноватый взгляд... Но хуже виноватого взгляда было то, что с ним рядом шла Кристина...

— Что, не ожидали?.. — игриво спросила девушка, приближаясь к «патрулям», — А я сразу собиралась с вами назад ехать. Тем более, Дима рассказал, как у вас тут весело было.

— Привет-привет... — Витька кивнул Кристине, пожал руку Димке, — Ну, что, всё сняли?

— Всё, — Дима смотрел на Наташу, которая после прошедшей ночи казалась очень бледной, — Наташ... Привет...

— Привет, — стараясь улыбаться как можно веселее, ответила она.

— Ты не заболела?

— Нет, всё хорошо...

— Не сердись. Еле уложились... Мы и сегодня ещё снимали, с шести утра, я даже позвонить не мог, так всё плотно было по времени. И вчера — почти до двух ночи, спали всего часа три...

— А... где ты спал? — Наташа подняла на него печальные глаза.

— Я тебе всё расскажу. Идём в вагон, отправление уже объявили.

Мягкий перестук колёс и проносящиеся мимо пейзажи действовали как снотворное, и Дима изо всех сил боролся с желанием закрыть глаза. Положив локти на пластиковый поручень, он уже второй час подряд смотрел в окно, расположенное напротив купе, за дверью которого спала Наташа.

Напряжённость последних двух суток обернулась некоторой растерянностью, в которой он пребывал после завершения съёмок. Судя по сценарию, клип на песню «Не моя» должен был получиться фантастическим по красоте и высокопрофессиональным. Кадры, на которых участники группы играют на музыкальных инструментах то на вершине горы, то на крыше высотного здания, должны были сменяться сценами, в которых участвовали главные герои — Он и Она... Но, если и вершина горы, и крыша высотки были попросту видеомонтажом, то остальные сцены снималось, что называется, «на натуре».

То, что главного героя будет играть Дима, было само собой разумеющимся, участие же Кристины в роли главной героини было оговорено Лапиным ещё при первом разговоре на эту тему. Когда Дима соглашался на съёмки, он и представить не мог, каким будет четырёхминутный ролик... Когда же он прочитал сценарий, отказываться было поздно — работа была оплачена, и «Ночной патруль» в полном составе уже находился в Москве. С трудом пересилив желание всё бросить и, забрав Наташку, вернуться домой, Дима переступил порог съёмочного павильона...

Сначала он думал только о том, сможет ли он сняться вместе с Кристиной, но после разговора с Говоровым его посетили совершенно другие сомнения. Теперь его волновал не столько сам видеоролик, сколько Наташкина реакция на довольно откровенные сцены, в которых ему предстояло сниматься. Его отсутствие в последнюю ночь, когда после затянувшихся съёмок было решено заночевать тут же, в павильоне, чтобы с утра успеть снять оставшееся, тоже не сулило ничего хорошего, но, к его удивлению, Наташа повела себя более взросло, чем он ожидал: ни слова упрёка, только полный печали взгляд. Сославшись на головную боль, девушка ушла на своё, по билету, место и легла спать.

Немного посидев с ребятами, Дима вышел в коридор и теперь, стоя возле окна, вспоминал все подробности двух последних суток. То ли неловкость ситуации, то ли отсутствие актёрского опыта не давали полностью раскрепоститься, и режиссёр, раз за разом, заставлял повторять одни и те же сцены, ссылаясь на фальшивую игру или плохое освещение.

Вынужденный перерыв на выступление в «Золотой антилопе» тоже внёс сумятицу — Диме пришлось переодеться и частично смыть грим, к тому же, около двух с половиной часов времени просто выпали из распорядка.

Вернувшись в студию после выступления в клубе, поправив грим и причёски, Дима и Кристина снова приготовились к съёмкам. Раздетый по пояс Дима должен был изображать удручённого печалью героя, который прощается со своей любимой и дарит ей последние

ласки, по ходу действия вспоминая их историю любви — в основном, постельные сцены... Снимаясь впервые, он был искренне удивлён: он считал, что для видеоклипа, в котором толком-то и не поймёшь ничего, так как кадры мелькают и крутятся каруселью, достаточно и одного дубля — кто там будет приглядываться к выражению глаз? Но профессионал Ростовский был иного мнения: он, дубль за дублем, снимал один и тот же поворот головы, движения рук в такт музыке, объятия... Если бы Димке ещё месяц назад сказали, в каком дурацком положении он окажется, он бы не поверил. А теперь... И, тем не менее, он отметил, что Кристина оказалась очень артистичной: она старательно выполняла все указания режиссёра и на площадке вела себя так, будто между ней и Димой никогда не было никаких отношений.

— Дима... не так... Возьми её за плечи... ты чего, женщин боишься? — командовал Геннадий, — Представь... нет, не представь, почувствуй: это твоя любимая женщина, которую ты теряешь.

Пытаясь сосредоточиться, Дима думал, что всего десять месяцев назад ему хватило бы и одного дубля...

— Дима, смелее. Это — твоя любимая женщина. Она уходит. Ты должен это прочувствовать... Ну?... У тебя есть любимая женщина? Представь, что она другого любит. Последний раз целуешь... Нет-нет! Не верю! — голосом Станиславского восклицал Геннадий, — Не-ве-рю! Ну, что ты её обнимаешь, как фонарный столб?! Чувства нет, Дима, где чувство?! Ты же теряешь самое дорогое! Представь! Ну, что, представить не можешь?

— Не-а... — Димка сразу подумал о Наташе. Всё, что угодно, но не это... Он честно пытался вспомнить своё состояние, когда узнал об измене Кристины, но от той боли, от той обиды не осталось и следа. Сейчас перед ним была абсолютно чужая женщина, как будто и не было двух лет близких отношений... правда, они не жили вместе, но виделись практически каждый день, и Дима считал, что любит её... Может, и не было никакой любви? То, что он испытывал теперь к Наташе, совершенно не походило на все его прежние влюблённости. Ни Кристина, ни первая его школьная любовь по имени Марина, не вызывали у него таких чувств, как эта хрупкая белокурая девушка с глазами цвета крепкого чая... Наташка была не просто любимой женщиной... она была родной.

Закрыв глаза, он честно пытался представить себе Наташку на месте Кристины, но ничего не получалось... Запах волос, прикосновения, дыхание — всё было чужим, не её... Присутствие же посторонних в павильоне окончательно сводило на нет все его попытки.

К его счастью, постельные сцены были изменены Ростовским: устав добиваться естественности, тот решил заменить откровенные ласки просто видом спящих влюблённых.

— Интересная у нас ситуация, да? — улыбнувшись с оттенком лёгкой грусти, Кристина присела рядом с Димой. Объявив небольшой перерыв, Ростовский куда-то вышел вместе с помощником, и молодые люди остались вдвоём.

— Слушай, Кристина... Этот сценарий... Его специально заказали, или это так Гена увидел мою песню?

— Не твою, а нашу. Дима, не забывай, я ведь тоже автор. А насчёт сценария — идея

Ростовского. Можешь у него сам спросить.

— Понятно...

— Превратности судьбы, Дима... — Кристина стрельнула на него своими красивыми серыми глазами.

— Да уж...

— А знаешь... Я в последнее время часто вспоминаю, как мы с тобой ездили в Москву позапрошлым летом... Ты аппаратуру покупал. Помнишь?

— Как покупал — помню...

— И всё?

— Всё...

— А как мы в гостинице жили, помнишь?

— Кристина... К чему вспоминать то, чего давно нет?

— Не бывает лишь того, чего никогда не было. А то, что было — оно никуда не уходит...

— Не знаю... — Дима нахмурился, — Мне кажется, ни к чему вообще прошлое вспоминать. Вышло всё так, как должно было выйти.

— Ну, да... конечно... — прищурившись, Кристина нервно поджала губы, — Если бы нечего было вспоминать... Неужели ты вообще ничего не помнишь?

— Мне кажется, ты не можешь от меня ничего требовать. Это был твой выбор. Или тебе что-то нужно?

— Слушай, Морозов... — голос Кристины стал металлическим, — Единственное, что мне нужно — это, чтобы поскорее закончились эти дурацкие съёмки. А у тебя ни черта не получается. Вот и всё. Если ты что-то себе там навывдумывал... то ты ошибаешься. Давай... представляй свою Наташу... Как она тебе рога наставляет.

Ответить Дима не успел — вернувшийся Геннадий снова включил камеру.

— Ну, что, отдохнули?.. Дима, ты всё понял, что я тебе до перерыва говорил? Та-а-ак... Взял за плечи... Провёл рукой по волосам... Взгляд... Во-о-от... во-о-от... так даже лучше — немного агрессии... Вот!.. Снимаю!

К двум часам ночи все окончательно вымотались, а материал был отснят не весь. Объявив перерыв до шести утра, Ростовский предложил Диме и своему помощнику, который жил в Подмосковье, заночевать тут же, в павильоне — благо, диванов и кресел там было достаточно. Ехать на дачу было поздно, и Димка согласился. Прихватив Кристину, которая эти дни жила у него, Ростовский покинул студию... Сварив кофе, помощник режиссёра, Илья, завёл с Димой разговор о музыкальных пристрастиях современной молодёжи. Проговорив с ним до трёх часов ночи, Дима устроился на кожаном диване в гримёрной и сразу провалился в сон. Ровно в шесть утра появились Ростовский и Кристина. За два часа отсняв оставшиеся, не такие сложные, эпизоды, Геннадий отвёз молодых людей на вокзал.

— Спасибо, Гена, — Дима пожал ему руку.

— Да не за что, — Ростовский засмеялся, — Обращайтесь...

— Как не за что, двое суток в павильоне с нами жил, — улыбнулся Дима.

— Бывает, и больше живём... Работа у нас такая. В общем, всё будет готово через две недели, материал пришлю. Со своей стороны, покажу клип ребятам с музыкального канала. Ничего не обещаю, но... Ну, всё, счастливого пути. Кристина, отцу привет...

Наташины соседи по купе спали, и Дима, присев на край её нижней полки, осторожно наклонился к девушке:

— Наташ... Вставай...

Проснувшись, она повернулась к нему лицом.

— У тебя щёки горят, и лоб горячий... Заболела?

— Пройдёт.

— Пойдём ко мне. Поешь...

— Не хочу... Пойду, умоюсь...

Умывшись, она вернулась к стоящему в коридоре Диме.

— Ну, что, получше стало?

— Ага...

— Тебе болеть нельзя, — улыбнувшись, он обнял её, и Наташа, соскучившаяся за прошедшие сутки по его ласке, нежно прильнула к его груди, — ты же у меня невеста теперь.

— Ну, ещё не невеста...

— Какая разница? Приедем и сразу с утра пойдём, заявление подадим.

— А я всё слышал! — Витька с хитрым выражением выглянул из-за двери купе, — Скрыть хотели, да? И все пять дней молчали!

— Что такое? — вслед за Витькой выглянул Никита.

— Да вон, обсуждают, как свадьбу втихаря сыграть и никого не пригласить...

— Что, серьёзно? — Никита удивлённо посмотрел на Диму.

— У кого-то уши слишком длинные, — сердито произнёс тот, потом, рассмеявшись, добавил, — от вас ничего не скроешь.

— Ну, и когда? — не унимался Мазур.

— Пока не знаем... Завтра заявление подадим, и скажут.

— Чего, правда, не сказал-то? — хмурый Сашка вышел из купе, — Поздравляю...

— Да пока нечего говорить, чего пристали-то? — Дима счастливо улыбнулся, — Если повод нужен отпраздновать, то он и так есть — удачно съездили.

— Да фигня это, Димыч! Вот у тебя — повод, так повод! — искренне радовался Витька, — Наташка, хоть бы ты сказала...

— Сразу слышно — «патрули» едут! — Кристина вышла из своего купе, где она тоже спала после того, как поезд отошёл от Москвы, — По какому поводу веселье?

— А им и повода не надо, лишь бы поржать, — кивнул на остальных Говоров, — чё, по пивасику за удачное предприятие?

— У меня виски есть, — Кристина по-приятельски обвела всех взглядом и нырнула в своё купе, — сейчас...

— Что это с ней, прям на себя не похожа, — тихо проговорил Витька, — к добру или к худу?

Устроившись в углу нижней полки, Наташа, против обыкновения, молчала, и парни тоже не донимали её обычными шуточками. Новость о том, что они с Димкой решили пожениться, заставила всех посмотреть по-другому на их отношения, более серьёзно.

— За успех предприятия! — разлив принесённый Кристиной виски по пластиковым стаканчикам, заботливо взятым с собой Мазуром, Говоров выпил и, закусив бутербродом, кивнул Наташе, — А ты чего поставила? Первую — до дна!

— Не хочу.

— Давай-давай, это и твой успех. Вчера в клубе здорово получилось с песней.

— Не буду, — она покачала головой, — хочешь, выпей за меня.

— А чего это ты ему отдаёшь, а мне? — пошутил Димка, пытаясь забрать стаканчик.

— А тебе — всё остальное... — Сашка первым забрал Наташин виски и, посмотрев ей в глаза, произнёс, — За тебя, как и просила.

— По-моему, они ещё что-то скрывают, — Мазур прищурился и толкнул под столом ногой Димкину ногу, — Колитесь уже заодно.

— Ты закусывай, Вить, закусывай, — Наташа засмеялась, — Больше новостей, увы, нет...

— А что за новости-то, я что-то проспала? — Кристина обвела удивлённым взглядом всю компанию, остановилась на Димке.

— Да прикалываются они. На хи-хи пробило, — Сашка полез в свою сумку и, достав из неё бутылку дорогой водки, поставил на стол, — раз пошла такая пьянка...

— Нет, ну, вы всё-таки что-то тут обсуждали? — выпив ещё, Кристина развеселилась, — Я вам тайну открою. Хоть отец и просил пока не говорить. Короче, в октябре открываем продюсерский центр. «Ночной патруль» — первый на раскрутку... В конце октября снимем ещё один клип и в Москве дадим несколько концертов в клубах. Переговоры уже ведутся. И, самое главное... К концу года планируем снять сорокаминутный фильм о группе. Так что... сверлите дырки под ордена, господи «ночные патрули»! Морозов... — она посмотрела на Диму, — А ты будешь саунд-продюсером своей же группы, соответственно своей же будущей профессии. И ещё... — Кристина обвела ребят взглядом, — считайте, что у вас уже есть новая студия.

— Студия?! — Сашка застыл со стаканчиком в руке, — А где?

— Там же, в помещении продюсерского центра. Сейчас там ремонт, а, как только его закончат, можете переезжать из своего подвала.

— Зашибись! — Витька поставил стаканчик, который собирался осушить, на стол, — Новость за новостью... А финансировать кто будет?

— Ну, для начала, отец. А потом отработаете.

— Ясно... Ну, чё... нормальный ход.

— Ещё бы! — Кристина хмыкнула, — А теперь рассказывайте, что у вас за новости?

— Да Димон женится, — неожиданно подал голос Никита.

— Кто? — удивлённо взглянув на него, переспросила Кристина.

— Димон.

— Серьёзно? — побледнев, девушка изменилась в лице, но, справившись с собой, произнесла чуть насмешливо, — Поздравляю...

— Можно «горько» кричать, — с усмешкой добавил Никита.

— Вообще-то рано, — процедил Говоров, — насколько я понял, ещё и заявление не подано.

— Да ладно, чё там... заявление какое-то... Давай, Димон, горько! — Мазур ещё раз толкнул Диму ногой, — Кто-то должен быть первым! Глядишь, и мы подтянемся.

— А что... всё правильно... — пристально глядя на Диму, Кристина усмехнулась, — Горько...

— Народ просит, — Димка, который всё это время сидел молча, улыбнувшись, посмотрел на Наташу.

— Ну, если народ просит... — она сама обняла его и, притянув, прижалась губами к губам.

— Раз!.. два!.. три!.. — начал отсчёт Мазур, — четыре!.. пять!..

— Триста двадцать пять... — Сашка разлил водку по стаканчикам, — Всё, хорош. А то уже не водка, а сироп получается. Пить противно...

— Ну, как тебе новая студия? — довольно улыбаясь, Лапин жестом пригласил Диму сесть.

— Если честно, то слов нет...

— То-то же! Не сравнить с вашим университетским погребом.

— Ну, да... — Дима согласно кивнул.

— Вот тебе и рабочее место. И даже раньше, чем ты диплом получишь. Пиши музыку, репетируй, занимайся творчеством, а заодно новыми проектами. Проектов много, пока персонал не набрали, Кристине одной не справиться. В общем, работы непочатый край. Связи с университетом у тебя есть, значит, привлекай талантливую молодёжь. А ваша удачная раскрутка будет самым лучшим пиаром для нашего — вашего центра. Открытие в конце октября, ещё больше месяца осталось, но вы начинайте уже сейчас.

— Так и на творчество времени не останется, — с сомнением в голосе произнёс Дима, — а, если не получится?

— Всё получится. Основная нагрузка будет на Кристине, а ты просто помогай, как музыкант, отбирай таланты для новых проектов. На телевидении сейчас идёт мощная реклама — видел, наверное? Будем учреждать новые конкурсы, всё на платной основе. Хотят в «звёзды» — пусть раскошеливаются. Я прав?

— Не знаю, дядь Лёнь... Так везде. И поэтому талантов настоящих мало. Звёзды — они бывают двух типов: настоящие, действительно, талантливые, давно и всем известные... классики, в общем. И такие, которых искусственно и грамотно раскрутили, чаще всего, несовместимые с талантом, но имеющие мощную финансовую поддержку. Насколько я понимаю, мы будем иметь дело именно с такими.

— Совершенно верно, — Лапин охотно кивнул.

— Вот и обидно, что настоящие таланты останутся в тени. А у кого деньги — тот и звезда...

— Дима, а нам с тобой какая разница? — Леонид пожал плечами, — Это — бизнес, и не более. К тому же, не всё так страшно. Вот ты, например — талантливый музыкант, и ты на сцене. И уже есть какая-то популярность. А скоро будет ещё больше.

— Хотелось бы надеяться.

— О! Попомнишь мои слова — ваша четвёрка ещё ливерпульскую затмит!

— Ну, во-первых, это вряд ли, — Дима засмеялся, — а, во-вторых, не четвёрка, а пятёрка.

— Нет, Дима... Именно четвёрка, — Лапин поморщился, — я давно хотел с тобой поговорить на эту тему. Я всё понимаю, что это твоя девушка, и ты хотел бы, чтобы она всегда была рядом... Но на этом необходимость её присутствия в группе и заканчивается.

— Почему? Наташа такая же солистка, как и я... у неё сильный вокал, уникальный — она практически всё поёт. И, судя по реакции зрителей на последнем концерте...

— Дима... — Лапин не дал ему договорить, — Дело в том, что ваша растущая популярность зависит на сегодняшний день от меня. Согласен?

— Ну... Согласен...

— И поэтому диктовать условия буду тоже я. Но ты не подумай, что я пользуюсь своим положением. Ни Боже мой. Просто сейчас вы с ребятами — не просто рок-группа, а

коллектив, взявший на себя определённые обязательства. Вы должны исполнять песни определённых авторов, в вашем случае — тебя, как композитора, и Кристины, как автора текстов. У неё нет текстов для твоей Наташи. А что касается подпевок... Даже я в курсе, что в роковых композициях, как правило, на подпевках кто-то из самих музыкантов. Ну, а, самое главное, имидж... Какие могут быть девчонки в группе, где одни красивые парни, а? — разведя руками, Лапин засмеялся, — Для фанаток вы должны быть всегда свободны и доступны. Это закон шоу-бизнеса и моё условие.

— Тогда я не согласен с условием, — Дима изменился в лице, — Наташка будет выступать с нами... или мы не будем выступать без неё.

— Ох... молодость... — Лапин притворно вздохнул, — Дима... Не выступать ты уже не можешь. Мы подписали с тобой контракт. Это — во-первых. А, во-вторых, за твоей спиной — трое талантливых парней, которые уже видят себя на вершине музыкальной славы. А ты сейчас практически за них решаешь их судьбу. Ты разорвёшь контракт — что с ними будет? Они ведь уже что-то планируют... У каждого свои обстоятельства, проблемы... И все они — твои друзья, Дима. Я уже не говорю о том, что ты будешь нести материальную ответственность, ведь я уже вложил деньги в ваш пиар. Тебе это совершенно ни к чему, а ребятам — тем более. А за Наташу не беспокойся. Для неё найдётся другой проект.

— Дядь Лёнь... У нас свадьба через месяц. Все её проекты могут быть только с мной, — Дима встал и, пройдя к двери, обернулся, — Или с Наташкой, или... или никак.

— Ну-ну-ну... Успокойся... Кстати, причина-то веская, надеюсь, для женитьбы? — Лапин попытался изобразить веселье, — Я имею в виду, что не только беременность невесты толкает людей на заключение брака.

— Причина одна-единственная. И — самая веская, других пока нет.

— Ну, это я так, к слову пошутил. Мы когда-то с твоим отцом поспорили — кто из нас первым станет дедом, — Леонид расплылся в улыбке, — вот и подумалось — а не обскачет ли меня Сашка в этом деле?

— Ну, на сегодняшний день точно не обскачет. А Наташа, в любом случае, должна быть в составе группы, — с этими словами Дима вышел из кабинета Лапина.

— Ну-ну... сынок... — Леонид Борисович насмешливо посмотрел ему вслед, — Ты ещё не знаешь, как со мной ссориться.

* * *

Из высоких, тяжёлых уличных дверей корпуса факультета искусств Наташка буквально выпрыгнула на мощёное плиткой крыльцо. Настроение было приподнятое: сегодня они с Димой должны были ехать в свадебный салон покупать ей платье и фату, а Димке костюм. До свадьбы, назначенной на 21 октября, оставался месяц, и они решили готовиться к ней сами, не привлекая ни родителей, ни друзей. Решив сделать сюрприз своим родным, Наташа даже не сообщила пока отцу о том, что выходит замуж, отложив это радостное известие на последний день. Получив неплохой гонорар за сольный концерт «Ночного патруля» на сцене Дворца молодёжи, Дима решил потратить его на торжество, и Наташка, которая была на седьмом небе от счастья, уже присмотрела и платье, и кольца... Оставалось только купить.

От сомнений и переживаний после поездки в Москву не осталось и следа: Дима не отходил от её ни на шаг, каждый день встречал после лекций, на зависть Наташкиным сокурсницам; по вечерам брал с собой в новую студию, которую открыл Лапин, а дома просто не выпускал из ласковых рук.

— Дим... Ну, ты меня совсем зацеловал, — смеялась Наташа, когда он, обхватив её сзади руками и шутливо повиснув на её плечах, шаг в шаг топал за ней по кухне — от стола к плите, от плиты к холодильнику, то и дело целуя то в затылок, то в щёку, то в шею.

— Мне почему-то всегда так хочется прижать тебя к себе и никуда не отпускать, — обнимая её по ночам, говорил Дима.

— Знаешь... ты так приучил меня к своим рукам, что я без них уже не смогу жить. Если когда-нибудь... вдруг... ты захочешь, чтобы меня больше не было рядом... Ты просто не обнимай меня один день... и я сама умру от тоски и исчезну...

— Наташка моя... Я сам без тебя умру. Только давай лучше жить...

— Подожди... — горячо шептала Наташа, прикрывая ему рот ладонью, — Но если ты захочешь, чтобы я снова была с тобой... Ты... просто обними меня... И всё...

— Как же я тебя обниму?.. — ласково улыбался Дима, — Тебя же не будет рядом...

— А я найдусь... Почувствую — и найдусь... Ты услышишь мой голос. Как тогда, во сне — помнишь?.. А проснёшься — я рядом...

— Как же я тебя люблю...

— Это я тебя люблю...

* * *

Подойдя к студии «патрулей», где должен был находиться Дима, Наташа вприпрыжку спустилась по каменным ступенькам и открыла металлическую дверь.

— Дим!.. Ты здесь? — в помещении было темно, и девушка, пробравшись наощупь, нашла на стене выключатель. Включить свет она не успела — на лестнице послышались чьи-то шаги, и в проёме незакрытой двери показался силуэт Витьки Мазура.

— Димыч! Ку-ку...

— Вышел куда-то, видишь, света нет, — послышался голос Говорова, — Ща придёт, наверное.

— Да... Дела. А Наташке-то он сказал или нет? — Наташа, которая хотела уже выйти из укрытия, услышав слова Витьки, невольно замерла. Парни, не заходя в помещение, закурили возле открытой двери.

— Не знаю. Кажется, нет...

— Ну, и что ты думаешь на этот счёт?

— А что тут думать. Я сразу говорил, что у Лапы свои намерения.

— Ну... Может... Хотя, нам от его намерений какой вред? Клип сняли, на музканале его закрутили, сольник последний — полный аншлаг... Деньги выдал... Сейчас в новой студии будем репетировать.

— Да тут не в нас дело. В Димке.

— Сань, да ладно тебе. Это их дела, семейные. Они между собой разберутся. Лапа и Димону всё равно не ровно дышит, что раньше, что сейчас.

— Ну, да, поэтому и Наташку хочет из коллектива убрать.

— Ну, собственно, что убирать, Наташка с нами и выступала-то только один раз, ну, ещё песню записывала. Димка просто её возле себя хочет держать, вот и всё. А так...

— Не просто. Наташка в любой группе споётся, про внешние данные уже не говорю.

— Не знаю, Саня, чё вы с Димоном головы потеряли? На мой вкус — младшая сестра не более.

— При чём тут вкус? Если сидит в башке гвоздём...

— Не-е-е... Женщина должна быть немного ведьмочкой, немного стервочкой... Меня такие возбуждают, — Мазур двинул Сашку локтем, — А прЫнцессы... Не, не моё.

— Повезло, — мрачно произнёс Говоров.

— А она... знает? Ты ей ничего не говорил?

— Знает. Говорил.

— Ну, и что?

— А что она может сказать? «Хороший ты, Саша... Но я Диму люблю». Да я другого и не ожидал.

— Да ладно... Ты сам только недавно говорил, что хочешь из-за неё уйти. Может, и к лучшему всё сложится, для творчества.

— Ну... это я говорил... А Димке-то как сейчас быть?

— Разберётся, думаю. Не бери в башку. У тебя с Ирккой-то как?

— Да... так... Времяпровождение.

— Голову морочишь, значит? — Витька усмехнулся.

— Получается, морочу.

— Да ничего она, вроде... Взял бы — сам заморочился...

— Не получается, — Сашка глубоко затянулся сигаретой, шумно выпустил дым.

— Да, Саня... Любовный треугольник это всегда проблемно.

— Получается четырёхугольник, Викун. Ирка хорошая. И ни в чём не виновата. А душа не к ней тянется...

— Чего тогда мозги ей компосируешь?

— Так она сама... А мне с ней, в общем, нормально. Не в напряг.

— Ты на концерте тогда нарочно?..

— Что — нарочно?..

— Ну, барабанами Наташкину песню забил?

— Не знаю. Так вышло. Она же прямо передо мной стояла... Как подумал, что они с Димой... ну, и выложился не к месту...

— Ну-ну... Один в кино дрова всё колот, когда не вмоготу было без баб... Другой бластбитами романтику забивает... — Витька засмеялся, — Думаешь, Дима не понял?

— Понял, не понял... Она всё равно с ним. Где он, интересно, студия открыта, его нет...

— В корпусе, наверное, задержался. Идём туда.

— А студия?

— Да кто сюда придёт? Сейчас всё равно вернёмся...

Наташка, которая во время этого разговора стояла в комнате, ни жива, ни мертва, подождав немного, выскочила на улицу. Она не всё поняла из разговора парней, но было ясно одно: у Димы какие-то неприятности из-за неё... И, похоже, не все участники группы встали на его сторону. «Может, и к лучшему» — эти слова, брошенные Витькой, звучали у неё в голове. «И Дима мне ничего не сказал...» — думала девушка, глядя себе под ноги.

— Ты давно меня ждёшь? — Димка быстрым шагом шёл ей навстречу.

— Нет, только что подошла.

— А я в аудиторию бегал... С этим переездом то ключи где-то оставлю, то мобильник, да Витька с Сашкой ещё сейчас подходили, — парень улыбнулся, — за тобой не успел зайти. Сейчас, студию закрою, и поедem в салон.

— Дим... А давай завтра? Времени ещё много, успеем, — Наташа попыталась улыбнуться, но улыбка получилась невеселая.

— Что случилось?... ты грустная...

— Всё хорошо, просто настроения нет.

— Ну, вот в салоне бы и подняли твоё настроение.

— Нет... Давай лучше завтра.

— Ну, тогда поехали со мной в новую студию.

* * *

Продюсерский центр, открытый Леонидом Лапиным, представлял собой выкупленное им помещение, на территории которого находились студия звукозаписи, репетиционная, небольшой съёмочный павильон, кабинет пиар-менеджера, ивент-агентство, совмещённое с рабочим местом бухгалтера и небольшой зрительный зал. Из сотрудников центра пока были только Кристина Лапина и Дима Морозов, остальных специалистов было решено набирать на конкурсной основе в процессе становления. На Диму были возложены обязанности саунд-продюсера его собственной группы, Кристина формально занималась организационными вопросами, но на деле заниматься этими вопросами приходилось тому же Морозову, потому что, даже после окончания кратких продюсерских курсов, Кристина имела весьма приблизительное представление о своей новой работе. На творчество у Димки оставалось всё меньше времени, и в последние дни он практически пропадал в центре, налаживал связи с местными теле и радиоканалами и прессой, которые с удовольствием ухватились за такое событие, как открытие нового продюсерского центра. Наташа, которую он всегда брал с собой, с интересом относилась к его новым обязанностям, даже несмотря на присутствие Кристины. Видеоклип «Не моя», в результате профессионализма Геннадия Ростовского, получился действительно высокохудожественным... и даже откровенные сцены выглядели красиво и, странное дело, не вызвали у девушки ревности. К тому же, Кристина в последнее время вела себя внешне дружелюбно по отношению к ней и даже предложила зарегистрироваться в их ивент-агентстве, как певице, чтобы потом выступать «на заказ», но Дима сказал, что Наташа будет выступать только с ним.

— Ты не могла бы зайти ко мне на несколько минут? — заглянув в репетиционную, Лапин кивнул Наташе. Дима, который забыл в старой студии диски с записями, был вынужден вернуться, и девушка, взяв гитару, наигрывала одну из своих песен.

— Да, конечно... — положив инструмент, она прошла за ним в кабинет. Предложив ей присесть, Леонид удобно устроился в своём кресле.

— Ничего, что я на «ты»?

— Ничего.

— Наташа... У меня к тебе есть разговор. И... я прошу тебя понять меня правильно. Я

понимаю Диму, что он взял тебя в группу, чтобы вам быть вместе. Но. К сожалению, имидж группы, который мы создаём, а мы его именно создаём, исходя из многих нюансов, обеспечивающих популярность, требует принципиального отсутствия в составе коллектива женщин. Ты сама молодая девочка, и должна понимать, что группа из четверых видных парней смотрится намного выигрышнее, чем если бы рядом с ними была ещё и девушка... Это было всегда, это есть и это будет. Понимаешь меня?

— Да, я вас поняла. Мне нужно уйти из «Ночного патруля»? — Наташа побледнела. Вот о чём говорили Сашка с Витькой.

— Ну, чтобы уйти, нужно изначально присутствовать. А ты, насколько мне известно, толком и не присутствовала. Поэтому тебе нужно просто не приходить. И всё! — Лапин бесцветно улыбнулся, — Но ты не подумай, что я сейчас тебя гоню. Наоборот, я хочу предложить тебе другую работу.

— Какую? — расстроившись, Наташа с трудом сдержала слёзы.

— И даже не одну! — Лапин по-отечески, участливо взглянул на девушку, — На твой выбор. Регистрация в нашем ивент-агентстве — раз. Работа в другом коллективе — два. Работа за границей в ресторанах — три, — он, прищурившись, окинул её взглядом с ног до головы, — подумай над последним предложением. Это очень хорошее предложение... У меня есть свои интересы в ресторанном бизнесе в Хургаде и Анкаре. Хочешь — Египет, хочешь — Турция... А?

— Вы это серьёзно? — печально усмехнувшись, Наташа подняла глаза на Лапина.

— Вполне! А что, нормальная работа... Море, пальмы... А? — Лапин довольно усмехнулся, — Многие девочки работают, ещё никто не жаловался. Через два года возвращаются с кучей денег. А уж тебе... — он снова демонстративно осмотрел её, — Не одному шейху голову вскружишь.

— А ничего, что я замуж выхожу? — с иронией спросила Наташа.

— А ничего, что из-за тебя группа разваливается? — едко, вопросом на вопрос ответил Леонид.

— То есть?..

— А ты не в курсе? — он ехидно улыбнулся краешком губ, — Говоров собрался уходить... Из-за тебя, между прочим.

— Откуда вы знаете?

— Я всё знаю. Не знает об этом пока только Дима. А когда узнает, думаю, у него возникнут проблемы.

— Какие?

— Проблема выбора. С одной стороны — друг, с которым он много лет вместе, с другой стороны — ты, с третьей — остальные музыканты, которым, думаю, не понравится, если Говоров уйдёт, а ты останешься. К тому же... девочка... — тон Лапина вдруг изменился, он заговорил с деланным сочувствием, — Зачем тебе вся эта шоу-грязь среди четверых взрослых мужиков? А они уже взрослые мужики, пусть даже один из них и будет твоим мужем... Ты разве не знаешь, как проходят гастроли? Чем музыканты там занимаются? Согласись, что лучше этого не видеть.

— Лучше в турецком ресторане петь? Там грязи меньше? — Наташа насмешливо смотрела на Леонида.

— Меньше, поверь мне. А, хочешь, я тебе скажу, как будет, если ты останешься в группе? Рано или поздно Морозов начнёт спать с поклонницами, — Лапин махнул рукой и

утвердительно кивнул сам себе, — прости, но это закон жанра. Это происходит со всеми, и даже те, кто ездит со своими жёнами, умудряются заводить романы на стороне. И ты, прождав до утра в своём номере, будешь ходить и выуживать его из чужих постелей... Ему будут без конца звонить на мобильник, звонить в дверь, и всё это будет происходить на твоих глазах. Оно тебе надо? Ну, а если вдруг у вас появится ребёнок, ты и сама станешь истеричкой, и ребёнка сделаешь... Я мог бы сказать об этом самому Диме. Но, уверен, что он был бы против твоего ухода. Да-да, я это прекрасно понимаю, — Леонид Борисович снова кивнул, Но тогда я был бы вынужден пойти с ним на конфликт. А у него — подписанный контракт! И материальная ответственность за несоблюдение контракта. Ты меня понимаешь? — облокотившись о стол, Лапин подался вперёд, — Допустим, он и на это пойдёт... Уйдёт с гордо поднятой головой и с тобой вместе. Но, выплачивая мне неустойку и долг за вложенные в него деньги, а это — колоссальная для него сумма, рано или поздно он поймёт, что ты — причина всех его несчастий. Поверь мне, что для него в этом случае будут закрыты абсолютно все двери! И тогда ты услышишь от него много неприятного для себя... Тебе этого хочется? А ведь так и будет. Поверь моему жизненному опыту.

— Опыт у Вас, видимо, богатый...

— Зря дерзишь, — поджав тонкие губы, Лапин с нескрываемой злостью посмотрел на Наташу, — И вот ещё что... ты, конечно, можешь передать наш разговор Диме. Но запомни одно: если он придёт ко мне на разборки... а он придёт... то будет скандал, в результате которого — уверен — придётся ему отвечать материально. Я уже об этом предупредил. На нём висит огромная материальная ответственность по всем статьям нашего контракта. Поняла? И это ещё не все мои карты. Поверь — у меня козырей много... Так что, прежде чем раскрыть рот, подумай. Можешь подумать два раза, как настоящая блондинка... — насмешливо произнёс Лапин.

— До свидания... — как в тумане, Наташа вышла из кабинета.

— А вот и я! — Димка радостно спешил к ней по коридору, — Если и сейчас что-нибудь забыл... Наташ... Что случилось?! На тебе лица нет...

— Ничего... всё нормально. Здесь душно, вот, голова закружилась... — чтобы скрыть наворачнувшиеся слёзы, она нарочно прикрыла рукой глаза, — Я выйду на улицу, хорошо?

— Подожди-подожди... — он попытался взять в ладони её лицо, но она опустила голову, — Голова закружилась? Только сейчас?.. А... больше ничего такого не было?

— Дим... Если ты о «том самом»... ты ведь всё обо мне знаешь... Ничего «такого» быть не может, во всяком случае, сегодня, — Наташа слабо улыбнулась.

— Ну, да... — обняв её, Дима разочарованно вздохнул, — Забыл...

После возвращения из Москвы Кристина неожиданно успокоилась. Известие о том, что Дима женится, ввергнувшее поначалу в шок, впоследствии показалось несерьёзным — в поезде Наташа не произвела на неё впечатления счастливой невесты. Напротив, во время обратной дороги девушка казалась грустной и растерянной, как и сам Дима. К тому же, Кристина понимала, что после того, как отец занялся раскруткой «Ночного патруля», их с Димой дороги волей-неволей будут пересекаться, и никуда им друг от друга теперь не деться. Так и вышло — после того, как Дима принял предложение Лапина взять на себя часть работы в новом продюсерском центре, он практически всё свободное от занятий время проводил там, уезжая домой ближе к ночи. Правда, с ним обычно была Наташа, но, после того, как Лапин побеседовал с девушкой, она перестала приезжать совсем...

В первое время Димка вёл себя с Кристиной довольно сдержанно, но потом сдержанность уступила место вежливости... а ещё спустя какое-то время — простому дружелюбию. Работа ему нравилась, и получалась довольно неплохо: оказалось, что он — не только талантливый музыкант, но и прирождённый организатор, ответственный и очень работоспособный. Не имевшая ни опыта, ни настоящего образования, Кристина раз за разом обращалась к нему за помощью, и Дима, по сути, обучал её азам шоу-бизнеса, которые он и сам знал лишь теоретически. Так или иначе, именно обстановка становления послужила их очередному сближению — как старых друзей и коллег.

Дома, перед сном, Кристина раз за разом вспоминала московские съёмки... Она снова ощущала его прикосновения, и сердце сладко замирало... Ей даже казалось, что в какой-то момент он с особым чувством положил ей руки на плечи, обнял... А когда снимали сцену поцелуя, Кристина была рада тому, что у Димки ничего не получается, и Ростовский повторяет дубль за дублем. «В конце концов, штамп в паспорте ничего не значит... Да и Наташа эта совсем не роковая женщина», — думала Кристина, и душа её успокаивалась от этих мыслей.

* * *

— Наташ, ты хорошо подумала? Что случилось вообще, почему ты приняла такое решение? — услышав, что она передумала выступить в составе «Ночного патруля», Дима пытливо смотрел в печальные карие глаза.

— Дим... Я знаю, что подумала... Ну, не получается у меня. Да и ты специально под меня пишешь партии... А это плохо, за уши притянута. Нет, Дим, мне не стоит с вами выступать...

— Всё у тебя получается! Мне кажется, ты что-то не договариваешь. Может, тебе кто-то что-то сказал?

— Что ты! Никто и ничего... Я сама это поняла.

— Наташка... Я не согласен. Я должен быть всегда рядом с тобой. А ты — со мной...

— Дим... Я уже решила... Не обижайся, ладно? И потом... У меня учёба, как я буду с

вами ездить на гастроли? Вы ведь теперь вроде не универовские... И, если вам по старой памяти что-то простится, то мне — вряд ли.

— Странно... У меня такое чувство, что что-то происходит. Работать со мной ты не хочешь, в студию ездить перестала, каждый день находишь отговорки, чтобы не ехать в салон... Наташа, что случилось? — Дима взял девушку за плечи, снова заглянул в глаза — полные, как ему показалось, даже не печали, а боли.

— Всё хорошо... — она отвела взгляд, не в силах смотреть на него, — Это просто капризы... Наверное, невестам так положено?

— Знаешь... Я уже стал сомневаться, что ты хочешь быть невестой... Ты домой так и не сообщила о нашей свадьбе? И мне не разрешила позвонить твоему отцу, а почему? — Дима повернул к себе её лицо, пытаясь услышать ответ на свой вопрос. Но она ничего не ответила.

Тревога, вновь возникшая после разговора с Лапиным, постепенно переросла в щемящее ожидание чего-то страшного для неё, надвигающегося неумолимо и так безжалостно убивающего то ощущение счастья, в котором она находилась в последний месяц. Ей стало казаться, что между ней и Димой разверзается непреодолимая пропасть... Люди, которые теперь его окружали, оказались враждебными для неё... Ей не было места рядом с ним, и она понимала, что его новая работа, его растущая популярность не оставляет ей никаких шансов. С каждым днём у девушки крепла уверенность, что её роль в его жизни никогда не будет главной... Изнуряя себя такими мыслями, Наташка постепенно уходила в себя. Ей не с кем было поговорить, не с кем посоветоваться... А рассказать о своих страхах самому Диме она не могла: ей казалось, что у неё в голове какой-то переключатель, который блокирует все её попытки быть с ним откровенной. Разговор с Лапиным не шёл у неё из головы, и ей казалось, что она — действительно, яблоко раздора между Димой и его друзьями. Боясь потерять его, она, в то же время, совершенно не видела себя рядом с ним в его будущем, которое перед ним разворачивалось, благодаря помощи Леонида Борисовича.

Не выдержав, однажды она решилась поделиться своими мыслями с Оксанкой...

— Ой, Наташка... Я даже не зна-а-а-ю... — озаботившись проблемой подруги, девушка выглядела перепуганной, — Ну, знаешь, если совсем честно... То, конечно, любить такого, как Дима — это очень опасно.

— Почему? — заплаканная Наташа говорила тихо, еле слышно.

— Ну, потому... Одно дело, как я, например. Он мне, конечно, нравился... Ну, и сейчас тоже... Только это не то, понимаешь? Он мне нравится, но я о нём не мечтаю, поэтому и потерять не боюсь. А у тебя — настоящая любовь... Поэтому и страшно.

— Оксан... Что мне делать? — Наташа смотрела на подружку с мольбой, как будто та могла чем-то помочь.

— Не зна-а-а-а-ю... Наташка... Но, если уже совсем честно... То, конечно, если вы поженитесь, тебе будет намного больнее его терять.

— Мне и сейчас так больно... Что сил нет.

— С такими парнями всегда так, — состроив философское выражение лица, Оксанка обречённо кивнула, — тут либо терпи... либо рви сразу.

— И порвать не могу... Он ведь меня любит... — Наташа окончательно расплакалась, — Пока любит... И ждать, что разлюбит — нет сил...

— Ну, может, и не разлюбит, — Оксана пожала плечами, — Бывают же исключения.

— Вряд ли я буду исключением. Я видела, какой размах будет в этом продюсерском центре, а Дима сразу как-то влился в эту работу, понимаешь, он как будто всю жизнь этим занимался... Он теперь там целыми днями... А — я?.. Ну, что я одна — против всего этого?! Выступать с ним я уже не смогу никогда, во всяком случае, пока он там, у Лапина... А это растянется на несколько лет. Мы не будем видаться, мы отвыкнем друг от друга... Ты представляешь, сколько вокруг него будет виться женщин?

— Даже очень представляю... — утвердительно кивнула подружка, — Вот я и говорю... Может, и лучше будет если — сразу?

Сказать Диме о разговоре с Лапиным Наташа не могла: он, действительно, пошёл бы на конфликт... А что дальше? Никто из группы его не поддержит... Никита, судя по всему, всё же затаил обиду — Наташа чувствовала это, хоть и не говорила Диме. Витька? Он ясно обозначил свою позицию — никаких заморочек, только работа... Саша?.. Ему её отсутствие только на пользу... Как ни крути, а она чувствовала себя жертвой, которую было необходимо принести во имя общего дела.

Она больше не могла переступить порог продюсерского центра, где её специально унизили, заставив принять тяжёлое решение, и, зная теперь, что Дима целые вечера проводит в обществе Кристины, Наташа очень страдала... Она снова и снова вспоминала слова Сашки, которые потом слово в слово повторил Лапин: «Это закон жанра... Рано или поздно Дима начнёт тебе изменять... Исключений не бывает... А, если он сейчас всё бросит ради тебя... То однажды в этом и обвинит...»

Она и сама всё это знала... Но, пока «Ночной патруль» был просто известной в своём городе группой, Наташа не задумывалась об обратной стороне Димкиной славы. А вот теперь «звёздные перспективы» вырисовывались всё ярче и ярче. А она — не борец...

Потерять его однажды — всё равно что мгновенно умереть для неё...

А жить в ожидании потери — это медленная и мучительная смерть...

Не то, что бы она ему не верила... просто она не верила в себя... Ну, чем она может его удержать? Это он для неё — всё... А что — она? Погружённая с головой в свою любовь к Диме, Наташка напрочь забывала о том, что она сама очень талантлива и красива. Она до сих пор искренне не могла понять, за что среди сотен девчонок он выбрал именно её. Самое счастливое лето в её жизни закончилось. Предстоящая свадьба уже не радовала девушку, а Димкины обязательства перед Лапиным до конца рушили их такое недолгое счастье...

Невозможность всё это рассказать делала её жизнь поистине невыносимой. Осознавая, что ничего не может исправить, она окончательно замкнулась в себе, на беду ничего не понимающему Диме.

— Наташ... Что с тобой происходит? — в один из вечеров он снова завёл нелёгкий разговор, — Скажи...

— Всё хорошо...

— Ты считаешь, что это хорошо? Ты со мной совсем перестала разговаривать, ушла в себя... Я чувствую себя непонятно кем.

— Всё хорошо, Дим... — она печально отвела взгляд.

— Наташка... — он обнял её, прижался губами к волосам на макушке, — до свадьбы неделя, а мы ещё никого не приглашали... Ни платье не купили, ни фату... Твои не в курсе... И у меня такое чувство, что ты не собираешься...

— Дима... — она подняла на него свои большие карие глаза, — Я завтра... правда...

— Ну вот... Опять этот полный боли взгляд... — он тревожно смотрел на неё, — Наташа... Я так больше не могу. Мне тяжело так жить, не зная, в чём моя вина. Или ты сейчас же мне всё рассказываешь... Или... — Дима замолчал, не в силах произнести слова, которые вертелись у него в голове, — Или... или я сейчас уйду.

Всё так же глядя ему в глаза, она провела рукой по его волосам... Привстав на цыпочки, слегка тронула губами губы — так, как обычно делал он сам... Поцеловала крепче... Его руки сильнее сжались у неё за спиной...

...Резко высвободившись, отошла к окну и отвернулась... Слёзы градом катились по щекам, капая на подоконник...

— Это твой ответ?.. — глухо спросил Дима. Она молчала.

Достал с антресолей дорожную сумку, наспех покидал вещи...

Обернувшись в дверях, постоял с минуту... и молча вышел.

— Дима, не переживай... Может, оно и к лучшему, — Анна Сергеевна присела на кровать сына, — Ну, пойдём, я тебя покормлю.

— Не хочу, — Дима лежал на спине, подложив под голову руки. Вернувшись в родительский дом после размолвки с Наташей, он не мог даже толком объяснить им, что же произошло. Он и сам ничего не понимал, так внезапно всё изменилось в их отношениях, и теперь в подробностях вспоминал события последних трёх недель...

Он видел, что с Наташкой что-то происходит, всё чаще и чаще заставая её в слезах. После занятий девушка старалась побыстрее уйти из аудитории, чтобы Дима не заходил за ней, на его звонки отвечала дежурными фразами, а, когда он, наконец, приходил домой поздно вечером, молча кормила. Устав допытываться, в чём дело, он тоже молчал. Время от времени случайно ловил её полный любви и печали взгляд, но, заметив это, она тут же опускала глаза. Иногда она, пересилив себя, спрашивала о его новой работе в продюсерском центре, и Димка начинал с энтузиазмом рассказывать, пока не замечал, что она плачет. Уже ни о чём не спрашивая, замолкал и шёл спать — Наташка покорно шла следом. Чужая днём, она с какой-то особой нежностью отвечала на его ночные ласки... так, что у него шла кругом голова... Но наступало утро, и девушка снова уходила в себя. Иногда ему казалось, что Наташка с ним прощается... Он и сам в душе всё чаще и чаще ловил себя на мысли, что никакой свадьбы не будет.

Решение уйти созрело в считанные минуты, во время последнего разговора.

— Пойдём-пойдём, сынок, ты давно такого вкусного не ел, наверное, — Анна погладила Диму по голове.

— Ел, мам... Она очень вкусно готовит. Пока не хочу...

— Ну, поспи тогда... Я не буду мешать, — Анна тихо вышла из комнаты сына.

Несмотря на его подавленное настроение, в душе она была рада такому повороту событий. Когда почти два месяца назад Дима снова привёл Наташу к ним домой и объявил о женитьбе, Анне ничего не оставалось, как смириться, в противоположность Александру, который искренне обрадовался известию. Всё это время она пребывала в дурном настроении, в душе сохраняя надежду, что что-то не срастётся... И вот надежда сбылась, подкреплённая огромными перспективами, которые открывались перед её сыном. Работа, предложенная Лапиным Диме, оказалась как нельзя кстати. Дела в фирме Александра, пошатнувшиеся с началом кризиса, так и не наладились, и он был не в состоянии помочь сыну, обременённый огромными кредитами. Дима, который сам зарабатывал, пусть небольшие, но всё же деньги, старался не прибегать к помощи родителей. Последний год учёбы начался, ещё немного — и он защитит диплом. К профессии рок-музыканта Анна относилась с долей высокомерия, и теперь она мечтала, что Дима, в конце концов, заработает денег и займётся более серьёзной музыкой, реализуя свой талант. Близость с Кристиной давала надежду на возобновление их отношений и дальнейшую поддержку от Леонида.

Теперь всё складывалось как нельзя лучше.

Уснул Дима только под утро. Проснувшись, понял, что на лекции уже не успеет. Решив, что работа отвлечёт от грустных мыслей, сел в машину и поехал в студию.

* * *

Осенний дождь лил стеной, насквозь промывая тёмно-серый октябрьский вечер, и звуки от летящих капель барабанной дробью рассыпались по стеклу. Неподвижно сидя в углу дивана, Наташа не слышала ни этой барабанной дроби, ни стука часов на стене. Она даже не замечала, что в комнате стемнело, невидящим взглядом уставившись в одну точку. Она точно так же просидела всю прошлую ночь, после ухода Димы, ненадолго забывшись тяжёлым сном на рассвете. Идти на лекции не было сил, и девушка провела весь день дома, не отвечая ни на чьи звонки.

Не звонил только Дима...

Понимая, что сама зашла в тупик, Наташка всё же совершенно не ожидала, что он вот так просто возьмёт и уйдёт... Ещё вчера она знала, что в это время он должен вернуться домой... Она знала, что увидит его, услышит... несмотря ни на что, почувствует его объятия... А теперь ожидать больше нечего.

О н у ш ё л.

П у с т о.

Ну, почему она ему всё не рассказала?

Нужно... нужно было всё ему рассказать...

А сейчас... Поздно?

Он должен быть ещё там... Она ему всё расскажет. И они вместе вернутся домой.

Позвонить? Вдруг, он не ответит... Нет, она должна его увидеть.

Торопливо одевшись, она выбежала в мокрую темноту. Маршрутка... семь остановок... пересадка... ещё девять остановок... Пешком — два квартала...

Дождь никак не унимался, и девушка, накинув на голову капюшон, за несколько минут добежала от автобусной остановки до здания, в котором располагался продюсерский центр. Димина машина стояла на стоянке во дворе, и Наташа, прислонившись к стволу высокого дерева, замерла в ожидании...

Прошло около десяти минут, прежде чем открылись входные двери. Наташа подалась вперёд, пытаясь разглядеть за пеленой дождя того, кто вышел. Но людей было двое...

Щёлкнул электронный замок, и Кристина, торопливо подбежав к машине, уверенно распахнула пассажирскую дверь. Дима, который шёл сзади, дождавшись, пока она усядется на сиденье, заботливо захлопнул дверь, затем, обойдя «фольксваген», взялся за ручку с водительской стороны. Мотор завёлся.

Наташке было видно, как в кабине Дима о чём-то разговаривает с Кристиной. В груди что-то тупо заныло, медленно поползло вверх, комом застряло в горле...

Выскочив из укрытия, она кинулась навстречу тронувшейся машине, не думая ни о лужах, ни о дожде, ни о том, что автомобиль резко набирает скорость... Дима едва успел затормозить, когда увидел в свете фар её фигуру. Выскочив из кабины, бросился к ней, но она, оттолкнув его, подбежала к двери, за которой сидела Кристина, дёрнула за ручку...

— Возьми... Это теперь твоё... — вложив что-то ей в руку, бросилась прочь.

— Наташа, подожди!.. — догнав девушку, Дима схватил её за плечи, — Наташка... ты как тут оказалась?!

— Не бойся, больше ты меня здесь не увидишь! — стараясь вырваться из его рук, выкрикнула она.

— Пойдём в машину, я отвезу тебя домой.

— Тебе есть кого везти. Пусти меня!

— Наташка, перестань... обхватив её, Дима сильнее сжал руки.

— Перестань — что? Любить тебя?! — сквозь слёзы крикнула с каким-то детским отчаянием и обидой, — А я и не люблю!.. И не любила никогда!.. Ты слышишь?!

— Наташка... У тебя истерика... ты вся промокла... идём в машину...

— У тебя уже есть пассажир!.. Вот и вези её домой, а то она промокнет!..

— Идём...

— Идите вы с ней!..

— Наташа... — Дима резко отпустил её, — Как же ты меня измучила...

— Да... Измучила... — медленно отступая назад, Наташка устало опустила руки, голос стал и глуше, и тише, — Но я тебя отпускаю... Ты свободен, Дима... Прощай...

Развернувшись, пошла прочь, стирая с лица то ли дождь... то ли слёзы...

Вернувшись в кабину, он некоторое время сидел молча.

— Вот, возьми... Она мне отдала, — Кристина что-то протянула ему в руке.

— Что это? — Дима раскрыл ладонь... Маленькое золотое колечко с тремя камешками блеснуло в полутёмном салоне... Его подарок Наташе...

— Это что, розыгрыш? — Сашка недоверчиво посмотрел на Диму, — В каком месте смеяться?

— Я не знаю, смогу ли когда-нибудь смеяться, Саня, — глядя в пол, тот сцепил, по обыкновению, пальцы.

— Что произошло-то у вас?! — Говоров никак не мог поверить в то, что рассказал ему Димка.

— Если бы я знал... Понимаешь, её как будто подменили... Не разговаривает, ничего не объясняет... Плачет только, и всё... И так почти месяц.

— Ты не говорил ничего.

— Ну, а зачем? Я думал, что всё само собой образуется. Но не образовалось...

— Слушай, Димыч... Короче, у меня как-то девчонка была, ну, и того, залетела... А у неё параллельно ещё парень был... Так вот, она в такую же депрессию ушла, не знала, как поступить. Понимала, что я не серьёзно с ней, но и парня обманывать не хотела...

— Что ты хочешь этим сказать?! — взгляд Морозова не обещал ничего хорошего, и Сашка поспешил исправиться:

— Ну, я в том смысле, может, Наташка залетела?.. В смысле — от тебя? И боится тебе сказать, чтобы не бросил?

— Я — бросил?! — Дима возмущённо приподнял брови, — Да я только и ждал, чтобы она... И она знает об этом. Нет, Саня, не то... Тем более, что беременности у неё нет, я точно знаю.

— Ну, тогда я не знаю, — Сашка пожал плечами, — и как теперь? Ты что, не вернёшься больше? А свадьба? У вас же через неделю свадьба... мы с парнями сюрприз приготовили.

— Чтобы вернуться, нужно знать, почему она так... А она так и не сказала. Свадьба... — Дима устало потёр лицо ладонями, — Свадьбы, видимо, не будет... Так что...

— Может, тебе с ней ещё поговорить?

— Да сколько уже можно говорить, Саш? Я пытался, но она — как непробиваемая стена. Она даже в продюсерский центр вчера приехала, чтобы кольцо отдать... — Дима хотел рассказать в подробностях о прошедшем вечере, но, почувствовав душевную усталость, замолчал.

— Да... ситуация... — Говоров нервно постукивал носком туфли по полу, — Ты это, Димыч... держись...

— Держусь... — Дима хмуро кивнул, — Кстати. Как у тебя тогда с той девчонкой-то разрулилось?

— Да никак... — Сашка хмыкнул, — Сама исчезла с горизонта. И детей мне никто не предъявлял.

— Саня, а вдруг у неё твой ребёнок сейчас есть? — Дима внимательно посмотрел на друга, — Как тогда?

— Да никак, — снова пожал плечами Сашка, — Димыч, я на такие вещи не заморачиваюсь. Сказать можно всё, что угодно. Если все бабы, с которыми у меня были отношения, станут предъявлять мне детей, то я — отец-герой... Только это — просто слова. Тем более, я никого не насиловал... Сами же приходят.

— Это потому, что ты ни одну из них не любил.

Торжественное открытие продюсерского центра Леонида Лапина, который он решил назвать по имени дочери «Кри-Стар», назначенное на конец октября, проходило под пристальным вниманием всех областных СМИ. Вновь набранный персонал, состоящий из видеорежиссёра, бухгалтера, пиар-менеджера и директора ивент-агентства, во главе с самим Леонидом, Кристиной и Димой, в полном составе принимал гостей, среди которых были личные друзья Лапина, известные и не очень в городе музыканты и просто талантливая молодёжь, приглашённая Димой, как потенциальная клиентура центра. «Ночной патруль» в полном составе, исполнив несколько песен, дружно позировал для местных газет. После фотосессии с ребятами, Дима и Кристина не успевали давать интервью городским телеканалам, а сам Лапин, шутливо сославшись на то, что он лишь «серый кардинал», предпочёл интерес к своей персоне общению с партнёрами по бизнесу и просто старыми знакомыми.

— Мальчишки-и-и-и!.. Приве-е-е-т!.. — «Кивинки» Лена, Даша и Настя радостно кинулись на шею «патрулям».

— О-о-о-о!.. Деффчонки!.. — парни с распростёртыми объятиями встретили девушек, только Дима, нахмурившись, отошёл от весёлой компании. Ещё весной с ними была Наташка... А теперь вместо неё незнакомая девушка. Диме вспомнилась их новогодняя поездка, когда он впервые близко увидел Наташу... Комок подступил к горлу... Еле справившись с собой, он сдержанно поприветствовал девчонок.

— Дима, а почему ты без настроения? — как всегда, насмешливо произнесла Лена, — Ты теперь при такой должности... Должен всегда улыбаться!

— Ладно, не трогай его, — Никита шутливо обнял девушку, навалившись ей на одно плечо, — Нет у чела настроения.

— А, кстати, где твоя Натали? — отодвинув Никиту, который тут же куда-то отошёл, Лена изобразила искренний интерес, — я думала, она тут в первых рядах.

— Ты что, типа не в курсе? — говоря негромко, Сашка вплотную подошёл к девушке, — Можно подумать, тебе Никита ничего не рассказал?

— О чём, Саша? — Лена удивлённо подняла брови.

— О том. Слушай, Ленка... что ты за стерва такая?

— Ой, ну надо же... За друга оскорбился... — Ленка говорила так, чтобы окружающим было слышно, — А как у того же друга девку отбивать, нормально?

— Что ты несёшь? — Сашка начал злиться, — Дима всё знает, что ты летом устроила... И скажи спасибо, что Никита с нами. Иначе...

— Что иначе, Саша? — Ленка откровенно засмеялась, — Что иначе? Что ты мне сделаешь? Тем более, что главной потерпевшей-то и нет! Недолгая любовь получилась. А, ведь, я её предупреждала.

— Заткнулась бы ты...

— Заткнёшься ты, Сашенька, когда Дима узнает, от чего его Наташа ревела в Москве, когда вы вдвоём там с ней полдня чем-то занимались...

— Чем занимались? Ты что гонишь, подруга? Это тебе Никита всё рассказывает?

— Нет, у меня другие источники, — Ленка помахала ладонью перед носом Говорова, — адъёс, мучачос...

— Да пошла ты... — Сашка не успел закончить фразу; увидев кого-то в толпе гостей, он, взмахнув рукой, громко выкрикнул, — Ира!.. Иди сюда!

Симпатичная русоволосая, голубоглазая девушка, увидев его, радостно подбежала, обвила руками его шею. Обняв её, Сашка что-то прошептал ей на ухо... Девушка весело заулыбалась.

Посмотрев на их счастливые лица, Дима отвёл взгляд... Вот уже десять дней, как он не видел Наташку... Свадьба не состоялась. Заявление никто не забирал, они просто не пришли на регистрацию.

Когда он ушёл, ему во многом стало легче. Не стало её мучительного и непонятного молчания и непонятных ему слёз.

Но вместе с молчанием не стало и её самой.

Не было минуты, чтобы он не вспоминал её... Её печальные глаза цвета крепкого чая... Её длинные, пушистые, белокурые волосы... Её голос... Нежные плечи, которые он любил целовать... Губы, от которых было трудно оторваться... ласковые прикосновения... тёплая улыбка и такая доверчивая, искренняя любовь к нему... Наташка вспоминалась ему такой, какой была до странной перемены, произошедшей с ней месяц назад.

Что же случилось?

Ответа на этот вопрос он так и не нашёл.

За эти дни он не раз с трудом останавливал себя, чтобы не поехать туда — на окраину города... Не раз брал в руки телефон и снова клал его на место... Не видя ни в чём своей вины перед ней, он ждал, что она сама сделает первый шаг. Но она его не делала. Ехать к ней самому, чтобы снова наткнуться на каменную стену молчания? Нет смысла... Во всяком случае, сейчас.

Через три дня — недельные гастроли по соседней области. Вот вернётся, и тогда, возможно...

— О-о-о-о!.. Какие люди и без охраны! — голос Лапина перекрыл весёлый гомон гостей, — Игорёк! А я думаю, неужели не придёт?

— Добрый вечер, — коренастый моложавый мужчина средних лет подал руку Лапину, — Как не прийти, надо же сглазу напустить на твой бизнес, чтобы так сильно не пёрло!

— Вот и имей таких друзей, — Лапин был в приподнятом расположении духа, — Ну, Кристинку ты знаешь... А вот Дима — Дмитрий Александрович, теперь моя правая рука.. Вернее, Кристинина правая рука. Дима, а это — Игорь Николаевич, мы с ним когда-то, очень давно, вместе бизнес начинали, только я остался, а он в другом направлении пошёл.

— Очень приятно, — Дима пожал руку гостю.

— Взаимно. Можно просто Игорь, — пошутил тот.

— А где Артём? Почему не приехал? — Лапин обратился к Игорю.

— Как не приехал?.. Чтобы он такое мероприятие пропустил, где девчонок целая куча? — хохотнул гость, — Тут где-то ходит, под юбки, пардон, заглядывает.

— Ну, дело молодое... Когда ещё заглядывать, если не в его возрасте? — Лапин многозначительно ухмыльнулся.

— Добрый вечер, — проходя мимо мужчин, Лена задержала на Игоре насмешливый взгляд.

— Добрый... — нахмурившись, ответил Игорь Николаевич. Было видно, что он знаком с девушкой и не очень рад встрече с ней.

— Видал, какие девчонки тут у нас разгуливают, а? — веселился Лапин, — Я бы и сам заглянул... гм... да, боюсь, Кристинка не поймёт.

— Ну, да... Девочки хорошие... — многозначительно произнёс Игорь, — пожалуй, Артёмку придётся в наручниках выводить.

Мужчины захохотали. Невольно услышав их разговор, Дима, казалось, весь остальной вечер пытался что-то вспомнить.

Когда, в конце вечера, Лена снова подошла к Игорю и тихо перекинулась с ним парой фраз, все сомнения покинули Диму и он, догнав Ленку, за руку оттащил её к стене.

— Лена, кто такой этот Игорь Николаевич?

— Ди-и-и-ма... С каких пор ты стал интересоваться мужчинами? — она изобразила игривое удивление.

— У меня нет никакого желания шутить. Ты не ответила на вопрос.

— Дима, если я тебе скажу его фамилию, это ведь тебе ничего не даст?

— Ты его знаешь?

— О... Дима, ты лезешь в мою личную жизнь... — Лена кокетливо поправила его волосы, — Это нарушение прав человека.

— Слушай, Лена... — вопреки обыкновению, он начал закипать, — Я всё знаю, что случилось летом с Наташкой. И знаю, что без тебя не обошлось... И единственная причина, почему я у тебя до сих пор ничего не спросил, это моя уверенность в том, что ты ничего не скажешь. Но я знал, что рано или поздно жизнь столкнёт...

— Димочка... А яснее — можно? — Лена лениво поправила платье, — Ты всё что-то хочешь сказать... а что — так и не придумал.

— Ты знаешь этого Игоря... Николаевича? — Дима сжал её плечо, прислонил к стене...

— Да... А я когда-то ведь мечтала, чтобы ты... вот так... прижал меня...

— Слушай, Ленка... не испытывай моё терпение... Да — или нет? Знаешь его? Впрочем, мне всё равно, я и так понял что знаешь... — Дима отпустил девушку, — И это у него вы пели с Наташкой. Я и без тебя теперь разберусь... — он решительно направился прочь, но Ленка, догнав, сама схватила его за руку:

— Дима... — вопреки обыкновению, теперь она казалась испуганной, — Ты лучше не связывайся!

— Ты не ответила. Это — он?

— Ну... Он... — нехотя ответила девушка.

— Кто Наташку избил?

— Это не он, Дима... Это его сын, Артём, — Лена говорила тихо, так, чтобы окружающим не было слышно, — Дима, не связывайся... Всё уже в прошлом, только хуже будет.

— Идём, покажешь этого Артёма, он где-то здесь, — он решительно потащил девушку за руку в толпу молодых людей, которые после торжественной части танцевали в фойе.

— Вон, видишь, чёрненький такой, шустрый... Вот это он. Но... Дима, не связывайся!

Оставив её, Дима решительно подошёл к среднего роста, темноволосому парню, который, масляно улыбаясь, танцевал в кругу девчонок.

— Это ты — Артём?

— Ну, Артём... И чё? — парень дерзко посмотрел на Диму.

— Идём со мной, — Дима, практически вытолкнув его из фойе в небольшой тамбур, закрыл за собой дверь...

— Помнишь юбилей своего отца? В июне...

— Ну... И чё? — засунув руки в карманы модных брюк, тот демонстративно сплюнул в угол.

— Помнишь, две девушки пели?

— Ха... У нас столько девушек бывает... всех не упомнишь... А чё?

— Упомнишь... Одна — беленькая, волосы длинные... На гитаре играла. Вспомнил?

— Не-а... — Артём насмешливо посмотрел на Диму, — Я ж говорю, у нас каких только не бывает! Спасибо папику. И рыженькие... и чёрненькие... и беленькие... Я их не запоминаю.

— Эту ты не мог не запомнить. Ты её избил... — Дима схватил парня за грудки, встряхнул и со всего размаху врезал кулаком по челюсти... — Вспомнил?

— Ну, ты встрял... козёл... — ударившись о стену, Артём выпрямился и, пытаясь ответить, размахнулся, — Я ж тебя урою...

— Попробуй... — Дима одной рукой перехватил его кулак, другой врезал ещё раз. Не удержавшись на ногах, Артём растянулся на полу, — Что, и сейчас не вспомнил?

— Нет... — держась рукой за переносицу, парень сидел на полу, — А вот тебя я запомнил, не сомневайся...

— Придётся ещё полечить, для восстановления памяти, — схватив за грудки, Дима рывком поднял его на ноги и снова замахнулся...

— Дима!.. Перестань!.. — появившаяся в дверях Ленка попыталась схватить его за руки, прибежавшая следом Кристина кинулась ей на помощь, — Прекрати... ты не знаешь, кто это!

— Не надо меня держать, — вырываясь из девичьих рук, Дима не оставлял попыток ещё раз ударить Артёма, но, повиснув у него на шее, Лена не дала ему довести расправу до конца.

— Что здесь происходит? Артём, кто тебя? — ворвавшись в тамбур, Игорь Николаевич кинулся к сыну: у парня была разбита скула, запрокинув голову, он пытался остановить кровь из носа, — За что?!

— Это я его... — Дима дерзко посмотрел Игорю в глаза, — А за что, он сам знает.

— Зато я не знаю... Лёня, вызывай скорую и полицию! — эти слова Игорь выкрикнул, обращаясь к Леониду, который следом за ним появился в помещении.

— Вы тоже знаете, — Дима исподлобья посмотрел на мужчину, — На вашем юбилее ваш сын пытался изнасиловать девушку, а, когда она стала сопротивляться, жестоко избил.

— А у тебя есть доказательства? — насмешливо спросил Игорь.

— Я сам видел, что он с ней сделал...

— Я спрашиваю, доказательства у тебя есть? Заключение врачей... милицейский протокол... Свидетели...

— Я видел, что этот урод с ней сделал, — чеканя слова, повторил Дима и, посмотрев в

сторону Ленки, продолжил, — А свидетель... свидетель есть... Лен, ты ведь всё видела?
— Дима... — лицо девушки стало каменным, — Я не видела ничего...
— Понятно... — Дима усмехнулся, — Значит, я был прав.
— Дима... Я ничего не видела, — твёрдым тоном ответила девушка.
— Ну, что? Где твои свидетели? — Игорь Николаевич зло смотрел на Морозова, — Нету? А какого хрена тогда рот открывал?.. А вот у меня есть свидетели, как ты моего сына избил до полусмерти... Сейчас вызываем скорую и полицию. Срок ты себе обеспечил. И посмотрим, как твоя невинная девочка тебя дождётся... Я лично прослежу.

* * *

— Да, Дима... Не ожидал... — сцепив руки за спиной, Лапин нервно ходил из угла в угол кабинета, — Я всё, конечно, понимаю. Но устроить такое на открытии... практически на глазах у прессы и телевидения!

— Жалко, мало дал... — Димка нервно сжал губы.

— Твоё счастье, что это мой знакомый, и у нас с ним свои расчёты. Пришлось заглаживать твою вину материально. Игорь — мужик крутой, просто так никого не прощает.

— Крутой мужик никогда не обидит девушку, тем более, такую как Наташка.

— Дима, я понимаю твои чувства... Но... Ты хоть осознаёшь, что при желании твой поступок можно квалифицировать как угодно? От мелкого хулиганства до нанесения тяжких телесных... Главное — какой целью задаться. На сегодня я тебя отмазал. — Тон Лапина стал серьёзным, — Признаюсь, это было нелегко. Даже Кристина принимала участие... В этот раз — получилось, но ответственность тебе нести придётся... Правда, материальную. Игорь — деловой человек, он в деньгах оценил травмы своего сына.

— Если бы вы видели, что этот урод сделал с Наташей... А она даже его не выдала, даже заявление не стала писать. А тут — два мужика... За разбитый нос... — Дима презрительно посмотрел на Лапина, — Ну, и сколько я им должен?

— Ты должен не им, а мне.

— Сколько?

— Столько, — написав что-то на листке бумаги, Лапин показал её собеседнику.

— Ничего себе, — Дима усмехнулся, потом перевёл взгляд на своего собеседника, — это за пару синяков?

— Я тут ни при чём, — Леонид развёл руками, — эту сумму обозначила потерпевшая сторона.

— У меня сейчас нет такой суммы, и вряд ли в скором времени будет, — Дима сцепил пальцы рук, — сразу я не смогу с вами рассчитаться.

— Ты думаешь, я об этом не знал, когда отмазывал тебя? — в свою очередь усмехнулся Лапин, — Таких денег у тебя и быть не может. Но ты успокойся. Будешь работать, рассчитаешься. Из своих гонораров отдашь постепенно.

— Хорошо, я отработаю, — согласно кивнув, Дима встал со стула, — спасибо, Леонид Борисович.

— Вот и ладушки! — Лапин хлопнул ладонью по столу.

— Я могу идти? — Дима взялся за ручку двери.

— Конечно, — кивнул Леонид, — знаешь, несмотря ни на что, хочу тебе сказать, что

дерёшься ты, как настоящий мужик. Хвалю!

— Угу. Спасибо.

— И... если уж совсем откровенно... — Лапин притворно улыбнулся, — То... ты сделал всё правильно. Кстати, а где твоя Наташа? Почему не пришла с тобой?

— Не смогла.

— Ну-ну... — Леонид Борисович окончательно расплылся в улыбке и, достав бутылку и пару рюмок, хитро взглянул на Диму, — За успех — по коньячку?

Она ждала, что он позвонит... Но он не позвонил ни на следующий день, ни через неделю. Если бы в тот дождливый вечер он был один и они просто бы не помирились, Наташа рано или поздно сама набрала бы его номер... Но он вышел не один. «У Кристины есть своя машина — дорогая и навороченная, она не ходит пешком... Но она села к Диме, в его далеко не новый «фолькс». Видимо, в центр они приехали вместе, и, судя по всему, это не в первый раз... Значит, между ними снова что-то есть. Это «что-то» началось ещё там, в Москве...» — думала девушка, и тупая боль опять предательски подкатывала к горлу.

Она ему не нужна. Ждать больше нечего.

Но глаза снова и снова с надеждой смотрели на высвечивающиеся номера...

Он не позвонил и 21 октября — в день, когда они должны были пожениться.

Уже поздно вечером она прошла на кухню, достала аптечку. Не глядя на названия, как во сне разрывала упаковки, складывая таблетки в одну кучу... Подумалось, что нужно налить стакан воды, но не было сил встать. Сколько времени она просидела вот так, над таблетками, Наташка и сама не знала. Из ступора её вывел телефонный звонок. Скользнула взглядом по экрану, нажала клавишу...

— Наташа?

— Да.

— Привет, это Журавлёв, Женя... Помнишь меня?

— Да, помню... Привет.

— Слушай, у меня к тебе есть предложение, ты можешь сейчас говорить?

— Могу.

— Я сейчас записываю песню тут, у знакомых ребят. Мне нужен женский вокал, я вспомнил про тебя... Ты как, можешь спеть со мной?

— Не знаю, Жень... Я ничего не могу сейчас сказать, — она говорила как-то отстранённо.

— Ну, ты подумай, я тебе перезвоню. Скажи, когда?

— Давай, завтра.

— Всё, договорились. Да, я помню, что у тебя всё через Диму, — видимо, Журавлёв на этих словах улыбнулся, — я могу ему перезвонить, только номер скажи.

— Нет... не нужно. Я сама тебе отвечу.

Положив трубку, она вернулась в комнату, разделась и легла. Последний раз она пела на сольном концерте «Ночного патруля» в сентябре... Первый и единственный раз в составе Диминой группы на серьёзном концерте. Тогда же в последний раз держала в руках гитару. Как-то всё сразу растерялось... Из «Киви» она ушла, несмотря на уговоры Бушмана, на его предложение работать сольно ответила отказом — Дима сказал, что она будет выступать только с ним. Её приглашали петь и во Дворец молодёжи, и в ночной клуб... Но она никуда

не пошла. «Дима не пустит»... А вот теперь она осталась одна...

Проснувшись утром, Наташка с трудом поднялась: состояние было разбитое, тяжёлый сон совершенно не принёс отдыха. Пересилив себя, вышла на кухню. Таблетки так и лежала на столе, и девушка, собрав их в горсть, выбросила в унитаз. Приняла душ, поставила чайник... Потом взяла в руки телефон.

— Женья? Это Наташа. Я согласна...

— Ну, замечательно!

— Куда мне подъезжать?

— Давай, так... Я тебе сейчас на электронку домашнюю версию скину, ты сегодня-завтра-послезавтра прослушаешь. А на следующей неделе порепетируем.

— Хорошо... А репетировать где?

— А там же, где и писать будем. У моего знакомого, Кости, в студии. Аранжировка уже готова.

— Хорошо.

— Кидай электронку смс-кой.

Вечером она слушала присланную Женькой песню. Это был ресторанный шансон, но ей понравились и мелодия, и слова.

Рассветный воздух чист и свеж,
Упала ночь в кусты сирени,
Шумя, по улицам весенним
Уехал свадебный кортеж...
Оркестр умолк, все разошлись,
Закрыты двери ресторана.
Лишь приглушённо фортепьяно
Звучит со сцены не на «бис».

Там всё играет и играет музыкант
Один в пустом, огромном зале.
Пытаясь музыкой заполнить пустоту —
Всему наперекор.
В рассветном сумраке софиты не горят,
И, видно, клавиши устали
Звучать, под пальцами сбиваясь, как в бреду
С мажора на минор.

Играл весь вечер пианист,
И хороша была невеста,
Вдруг разбудив случайным жестом
Далёкой памяти каприз...
Похожий смех, похожий взгляд —
И эхо юности беспечной

Вдруг унесло его по встречной —
К себе, на много лет назад...

* * *

Костя оказался сорокадвухлетним, серьёзным на вид, крепким мужчиной с небольшой окладистой бородкой, русыми длинными, волнистыми волосами, стянутыми на затылке в «хвостик», серыми пронзительными глазами и серебряной серьгой в ухе. Гениальный, по словам Женьки, аранжировщик, он имел собственную студию звукозаписи на территории какого-то бывшего предприятия, чьи площади были сданы в аренду всем желающим.

— Здрасьте... — Наташа робко шагнула вслед за Журавлёвым через порог небольшого помещения.

— Здра-а-а-сьте... — приветливо поздоровался сидевший за компьютером Костя, — Проходите, не стесняйтесь.

— Ну, вот, знакомьтесь: это — Костя, хозяин студии, он знаменитый в прошлом музыкант, профессионально пишет аранжировки... Это — Наташа, она хорошо поёт... Ну, меня вы знаете, я вообще гениален... — пафосно пошутил Женька и, обращаясь к девушке, добавил, — Давай, раздевайся, будь как дома. Костю не бойся, он сегодня уже ужинал... Или — нет?

— Пока только обедал, — несмотря на серьёзный вид, с юмором у Кости было всё в порядке, — но я по пятницам девушек не ем принципиально.

Улыбнувшись, Наташа сняла курточку, повесила её на крючок.

— Сейчас чайку... Или — кофейку? — выключив кипящий чайник, Костя поставил на стол три небольших чайных чашки, достал из стола маленькую бутылку коньяка.

— Мне лучше чай, — Женька по-свойски извлёк откуда-то сахарницу и пачку чая.

— Спасибо, я ничего не буду, — Наташка опасливо покосилась на коньяк.

— Нет-нет, это обязательно, ложечку на чашку, разогреть связки, — заметив её взгляд, Костя успокоил девушку, — В чистом виде сам давно не употребляю, и этому «гению» не дам.

— Ну, тогда мне тоже чай, — Наташа кивнула с облегчением. Ей начинало здесь нравиться — атмосфера непринуждённая, хозяин дружелюбный...

К концу репетиции она даже смеялась вместе с Женькой над Костиными шутками, которые он отпускал с совершенно серьёзным видом.

— Мне кажется, тебе надо получше распеться, — Костя внимательно посмотрел на Наташку, когда они с Женькой уже собирались уходить, — Вот как будто ты давно не пела... Нет?..

— Да, целый месяц, — ответила девушка.

— Ну, я и слышу... Вокалом надо заниматься постоянно, ежедневно.

— Я знаю... Так получилось, — Наташа грустно улыбнулась.

— Вообще, у тебя красивый тембр, я бы сказал, шикарный. А с Женькой у вас очень хорошо накладываются голоса. Дуэт классный получился бы.

— Мы подумаем, — Женька в дверях сделал прощальный жест, — Ну, что, до завтра?

— До завтра, удачи!

* * *

— А я не знала, что ты поёшь, думала, просто музыкант, — выйдя из помещения, молодые люди направились к автомобильной стоянке.

— Ну, скажем так, я не певец, но вокалист. В ресторане всё равно приходится Петровичу подпевать.

— Ты одну песню хочешь записать или альбом?

— Одну, для своего портфолио. Только вот захотелось мне припев дуэтом спеть... Правда, не с Петровичем, — Женька засмеялся, — а с женским голосом записать.

— А, понятно. Мне тоже песня понравилась... И студия.

— Конечно, не так круто, как в вашем продакшене, но Костя профессионал с большой буквы, всё будет на высшем уровне, — хлопнув дверцей автомобиля, Женька завёл двигатель.

— В каком — нашем? — усевшись на переднее сиденье его «Ниссана», на котором они приехали в студию, Наташа никак не могла пристегнуть ремень безопасности — его почему-то заедало, как только она начинала его вытягивать, и Женька, перегнувшись, каким-то, ему одному известным способом, извлёк его из «кармана», пристегнул девушку и, пристегнувшись сам, выжал сцепление. Машина медленно тронулась с места.

— Ну, в вашем... Который вчера открыли. Реклама по всем каналам идёт — новый продюсерский центр... «Кри-Стар», кажется? Мне Сашка говорил, что «Ночной патруль» там будет теперь штатной группой, а твой Дима чуть не главным. Разве нет?

— Не знаю... — голос у Наташи предательски дрогнул.

— В смысле — не знаешь? — Женька удивлённо посмотрел на девушку, — Ты же с ними.

— Уже не с ними... — Наташка отвернулась к окну, украдкой смахнула слезинку.

— Ну, в любом случае, Димка тебе солидный проект обеспечит.

— А ты с Сашей Говоровым часто общаешься? — Наташка решила сменить тему.

— От случая к случаю... Мы с ним пару раз круто зависали на тусняхках... — Женька многозначительно хмыкнул, — Это как в космос слетать, потом друзья навеки.

— Понятно...

Вернувшись домой после репетиции, она ещё острее ощутила одиночество. Дом показался ей чужим и холодным — приглушённая недолгой сменой обстановки боль возобновилась с новой силой... Чтобы чем-нибудь себя занять, она решила сменить постельное бельё и открыла шкаф, потянула на себя лежащий сверху комплект. Что-то светлое выскользнуло из-под простыни... Мужская модная футболка, которую она недавно купила Диме, но так и не успела подарить, упала к ногам... Слёзы снова потекли ручьём. Прижав к лицу мягкую ткань, легла на постель... так и уснула...

На следующий день, после обеда, Журавлёв заехал за Наташей в университет, чтобы вместе ехать в студию — вечером он работал в ресторане. Последняя пара подходила к концу, и, поджидая её, он курил, выйдя из машины.

— О, Жека, здорово! — выйдя из университетских ворот, Говоров радостно протянул руку.

— Привет, Саш! — Журавлёв протянул свою в ответ.

— А ты чего, решил тоже в студенты записаться? — Сашка расплылся в улыбке.

— А почему бы и нет? — засмеялся в ответ Женька.

— Ну, чё, как оно?

— Оно — нормально... Пьём, лабаем, девок портим... — Женя повторил известную среди музыкантов поговорку, — А ваше ОНО — как?

— Да почти так же... Если не считать, что девок другие попортили... — парни засмеялись, — А если серьёзно, каким ветром ты здесь?

— Девушку жду, — многозначительно улыбаясь, ответил Женька.

— Уже и до наших добрался, значит? — чиркнув зажигалкой, Сашка прикурил, — Ладно, всё равно скоро диплом, закроем на это глаза.

— Ну, чё, «патрулей» поздравить можно? Видел позавчера в репортаже... Такие вам звёздные перспективы сулят, что мама не горюй!

— Посмотрим... Завтра на гастроли едем, на неделю. Потом почти сразу в Москву, в нескольких клубах выступать.

— Ну, хоть здороваться-то будете? — Женька шутливо двинул Сашку в бок, — Я ж даже руку мыть потом не буду!

— Посмотрим-посмотрим на ваше поведение, — Сашка хотел ещё что-то добавить, но, оглянувшись, осёкся — по дорожке прямо к ним шла Наташа.

— Привет, — девушка кивнула сразу обоим.

— Привет, — Женька улыбнулся, — Ну, что, отучилась?

— Привет... — Сашка пристально смотрел на девушку, — давно не виделись...

— Две недели, — Наташа встретила с ним глазами. Уже привычная, болезненная волна прокатилась по груди, — хорошо, что я тебя увидела, а то не знала, как отдать.

— Что отдать?

— Вот... — девушка достала из сумочки конверт, сложенный вдвое вдоль, — Передай, пожалуйста, это Диме.

— Что это? — Саша взял конверт, повертел его в руке.

— Это его деньги. Гонорар за концерт. Он их забыл...

— Забери... — Сашка протянул конверт обратно Наташе, — Не думаю, что он их возьмёт.

— Нет... Саш, пожалуйста... Передай, пока я их не потеряла. Я уже третий день из ношу с собой.

— Его сейчас здесь нет, он в «Кри-Старе»... Мы завтра уезжаем.

— Ну, передашь, когда увидишь... Удачных гастролей вам, — кивнув Говорову на прощание, Наташа обратилась к Жене, — ну, что, поехали?

— Я хоть ничего и не понял, но, Саша, удачно вам выступить, Димке привет! — Журавлёв махнул рукой и открыл перед Наташей дверь в салон.

— Это я что-то ничего не понял... — недоумённо глядя вслед отъезжающей машине, произнёс Говоров, — Вот это новости...

— Не надо тебе было их брать, — с досадой произнёс Дима вечером того же дня, когда Сашка передал ему от Наташи конверт с деньгами.

— Да я хотел вернуть, но она не взяла ни в какую. Села в машину и уехала.

— В какую машину? — Дима удивлённо посмотрел на друга.

— Даже и не знаю, как тебе сказать... — Сашка замялся, — Сам офигел...

— Так говори, чего ты...

— Она с Женькой Журавлёвым уехала.

— С кем?!

— С Журавлёвым.

— С какой стати?.. При чём тут Журавлёв?! — Дима изменился в лице.

— Это мне и самому интересно. Он её возле универа ждал, я ещё с ним минут десять перед этим разговаривал, он сказал, что девчонку ждёт... Оказалось — Наташку.

— Может, он её зачем-то искал, — задумчиво произнёс Дима, — бывает же всякое...

— Да нет... Не искал... Судя по всему, они договорились: она подошла и почти сразу села в кабину. Он ещё ей ремень пристегнул как-то так... привычно, что ли... Ну, и уехали.

— Странно... — Дима посмотрел на Сашку, — А ты можешь у него узнать, куда они поехали?

— Не вопрос, — Сашка достал мобильный телефон, нажал вызов, — сейчас... Не, не отвечает. Абонент недоступен. Он же сейчас в ресторане, на работе, видимо, отключился. А ты Наташке не звонишь?

— Нет...

— Может, всё-таки не надо было уходить от неё?

— Не знаю, Саш. Я уходить-то и не собирался. Но... немоготу стало... Как-то само собой получилось. А на следующий день вообще всё по-глупому вышло, — немного подумав, Дима решил рассказать Говорову в подробностях события того вечера, — у Кристины машина в ремонте была, её отец привёз в центр. А назад она сама попросила её подбросить... Ну, я согласился, тем более, ливень такой был... А тут — Наташка. Истерика началась...

Больше книг на сайте — Knigolub.net

— Димыч, если честно, у меня бы тоже истерика началась, — Саша пожал плечами, — Ты бы всё объяснил ей.

— Я не сделал ничего такого, за что нужно было бы оправдываться... Села бы в машину, поехали бы домой. Там бы и объяснил, — Дима тяжело вздохнул, — мне ведь кроме неё никто не нужен.

— Ну, так она этого не слышала... А Кристину — увидела, что ты хочешь, Димыч?

— Ну, что Кристина, что Кристина... — нервно произнёс Дима, — Всё в прошлом давно. Это всё равно, что другая бы на её месте была. Я вчера вот целый день с бухгалтером по городу промотался, тоже молодая женщина... Ну и что?! Это работа! Мы с Кристиной сейчас постоянно вместе, ну, судьба так распорядилась... Саш, для меня это не проблема — хорошие отношения сохранять. А Наташка... Я ведь её люблю...

— А ты ей всё это говорил?

— Ну, сама ведь не маленькая, она что, не видит, как я к ней отношусь? Я всё время её с

собой брал... Я уже замотался и с учёбой, и с работой, и с репетициями... Сейчас вообще хоть живи там, в центре. А когда Наташка рядом была, мне спокойнее было. Она сама там постоянно чем-то занималась, помогала мне. Потом — как отрезало... И началось... Почти месяц молчала, ничего не говорила. И сама измучилась... И меня измучила... Я сколько раз телефон в руки брал — позвонить ей, а потом назад клал... Думал — позвоню, и опять этот кошмар начнётся.

— Этому кошмару причина должна быть, Дима.

— Так ведь не говорит...

— Так езжай домой...

— С гастролей приедем — тогда...

— Смотри... Жека на гастроли не ездит...

* * *

Отъехав с Журавлёвым от университетского двора, Наташа достала мобильный телефон, решительно вынула сим-карту и выбросила в окно.

— Круто! — Женька удивлённо приподнял брови, — На кого так рассердилась?

— На себя... — она открыла коробочку с новенькой симкой.

— Ну, слава те... А я уж было испугался, что на меня, — парень весело посмотрел на девушку, но она, отвернувшись к окну, поспешно провела рукой по лицу, — мне-то хоть новый номер скажешь?

— Да, сейчас дозвон сделаю, — голос у Наташки стал глухим и грустным.

— Давай...

Позвонив Женьке, нашла в телефоне другой номер:

— Оксан, это я, Наташа... Это мой новый номер, забей, ладно? И... приезжай ко мне ночевать? Пожалуйста... — на этих словах голос у Наташки снова дрогнул, — Если хочешь, я за тобой вечером зайду. К тебе?.. Ну, хорошо, тогда я к тебе... Давай...

— У тебя что, проблемы? — Женька внимательно посмотрел на девушку.

— Нет... Всё нормально.

— Когда всё нормально, друг к себе спать не зовут, — парень лукаво улыбнулся, — тогда, наоборот, друг — куда подальше...

— Всё-то ты знаешь, — Наташа печально смотрела на дорогу.

— Вы что, с Димкой разбежались?

— Разбежались... — она ответила едва слышно.

— Бывает... Ну, вот, приехали. Костя уже здесь, машина на стоянке.

Второй раз в студию Кости Наташа вошла уже по-свойски, без робости.

— Ну, что, молодёжь, продолжим? — Костя сел за компьютер, — Да, кстати, Женя, мне тут идея пришла в голову. Давай сделаем ролик? Хотя бы фоторолик. Чтобы вас видели, а не только слышали. Я вот смотрю на Наташу — на неё фату надеть и несколько художественных снимков сделать — супер будет. Что скажешь?

— Ну, в принципе... Почему бы нет? — Женька кивнул головой. А снимать кто будет?

И, главное, де взять фату?

— Ну, снять я сниму, у меня камера профессиональная есть. Фату где взять? — Костя задумался, — Да не проблема, думаю. Проблема была бы с образом невесты. Но у нас такой проблемы нет, у нас есть Наташа, правда? — Костя ободряюще посмотрел на девушку, — Она что-то грустная, но, думаю, мы её развеселим.

Вечером, добравшись до Оксаны, Наташа села к компьютеру подруги.

— Так и не приходил? — сидя напротив, Оксанка сгорала от любопытства.

— Нет, — водя мышкой, Наташа печально покачала головой.

— И не звонил?!

— Нет.

— Обалде-е-е-еть... Ой, что ты делаешь?! Ну, и правильно... Правильно, Наташка! — одобрительно кивая, Оксанка наблюдала во все глаза, как Наташа один за другим удаляет свои профили в соцсетях.

* * *

После разговора с Сашкой Дима уже не мог спокойно заниматься студийными делами. В голову ничего не лезло. Вернувшись домой, к родителям, он сразу прошёл в свою комнату и, не раздеваясь, прилёг на кровать.

— Димочка, а ты что, ужинать не будешь? — Анна Сергеевна приоткрыла дверь, — Пойдём, я тебя покормлю.

— Спасибо, ма, не хочу.

— Что-то случилось?

— Нет, всё нормально.

— Ну, хорошо, отдыхай... Если захочешь — всё на плите.

Полежав какое-то время, Дима достал мобильный телефон и, найдя Наташин номер, нажал на «вызов». «Телефон абонента выключен или он находится вне зоны действия сети» — безапелляционным голосом произнёс робот. Немного подумав, набрал другой номер.

— Саня, ты Журавлёву больше не звонил? Вне зоны?.. А до которого часу он обычно работает, не знаешь? Понятно... Сейчас? Первый час ночи. Должен был включиться? Но не включился... Понял... Спасибо. Всё, до встречи на вокзале.

Положив трубку, тихо вышел из своей комнаты и, одевшись, открыл входную дверь. На улице прошёл к стоянке, щёлкнул замком...

Завёл машину, немного подождал, пока прогреется двигатель и тронулся с места.

Поднявшись на третий этаж пятиэтажки, открыл своим ключом дверь их квартиры. Включил в прихожей свет... Посмотрел на вешалку — её тёплой курточки, в которой она ходила в это время года, не было. Тихонько прошёл в комнату... в кухню... назад в комнату. В доме было пусто. С тяжёлым сердцем присел на диван. В груди защемило — столько счастливых дней и ночей прошло в этой маленькой квартирке. Вспомнил их первую с ней

ночь... Она тогда, не раздумывая, уступила его ласкам... первым для неё мужским ласкам... Но она его любила, он это знал. Неужели она может вот так же — с кем-то другим?

Не может быть.

Но дома её нет.

Уехала с Журавлёвым. О его любви к женскому полу ходят легенды. По словам Сашки, ему не могут отказать даже самые целомудренные женщины.

Уже собираясь уходить, окинул взглядом постель... провёл рукой по подушке... Заметив выглядывающий из-под неё край светлой ткани, потянул... С удивлением обнаружил, что это мужская футболка. На вид — как новая, но почему-то вся измятая... У него такой не было. Снова защемило в груди, сомнения тяжёлым грузом легли на душу...

Рано утром — поезд, его первая серьёзная гастрольная поездка. Нужно идти... Положил ключ на полочку возле зеркала в прихожей, немного постоял и решительно вышел, захлопнув за собой дверь.

Вернувшись на следующий день домой, Наташа включила в прихожей свет. Сняла куртку, сапожки... Посмотрела на себя в зеркало. Решив поправить волосы, взяла расчёску... и снова опустила глаза. Комок подкатил к горлу — на полочке лежал ключ... Димин ключ...

Он приходил...

Он вернул ключ, значит, не придёт больше никогда... Если бы она знала, она бы не поехала ночевать к Оксанке. Но она не могла больше оставаться одна в пустой квартире.

Если бы она знала...

Хотя, может, и хорошо, что её не было. Было бы ещё тяжелее видеть, как он уходит... и теперь — навсегда.

* * *

— Наташ... Это к тебе... — толкнув подругу локтем, Оксанка глазами показала на входную дверь аудитории. Первая пара закончилась, и девчонки складывали конспекты в сумки.

— Кто? — оглянувшись, Наташа осеклась: на пороге стоял Дима. Кровь отхлынула от лица... На негнувшихся ногах вышла к нему в коридор.

— Привет... — лицо его было серьёзным, даже каким-то строгим, и она испуганно посмотрела в его синие глаза.

— Привет...

— Мне нужно с тобой поговорить, — Дима отошёл к окну.

— Говори... — Наташа встала напротив. Сердце застучало гулко, часто...

— Может, не здесь?

— У меня ещё две пары, я не могу уйти.

— Мы только вчера приехали с гастролей, а сегодня опять уезжаем в Москву. Я не могу ждать.

— Тогда говори здесь, — дрогнувшим голосом произнесла Наташа. Мелькнувшая надежда, что он пришёл за ней, исчезла: слишком серьёзным был его тон.

— Что у тебя с Журавлёвым? — Дима пристально посмотрел на неё, пытаясь разглядеть ответ в её испуганных глазах.

— Ты... только за этим пришёл? — она снова опустила ресницы.

— Не только...

— А... ещё зачем? — снова с надеждой подняла глаза.

— Ты не ответила.

— От моего ответа что-нибудь зависит? — робко спросила она, но он промолчал, — Тогда догадайся сам...

— Это не ответ, — она никогда не видела его таким строгим. Сейчас Дима показался ей чужим. Он не спросил её, как она прожила эти дни...

— Ты что-то ещё хотел узнать?

— Нет, — сжав губы, он покачал головой, — я всё уже узнал. Ты, как не разговаривала со мной, так и не разговариваешь.

— Ты оставил ключ... А теперь хочешь что-то узнать?

— Ты уехала с Журавлёвым и не ночевала дома. Что у тебя с ним?

— Ты ушёл... Ты вернул ключ... Ты снова с Кристиной... да?.. Да? — она смотрела в его глаза, ожидая ответа со страхом и с надеждой одновременно, но он промолчал, — Ты не можешь больше меня ни о чём спрашивать, — обречённо прошептала она пересохшими губами.

— Видимо, да, — твёрдым тоном произнёс он и, достав из кармана конверт, протянул его ей, — ты зря отдала деньги. Я оставлял их тебе.

— Деньги?! — дыхание перехватило, ей показалось, что она вот-вот задохнётся от нахлынувшей горечи и обиды, — Ты пришёл только затем, чтобы спросить про Женьку и отдать мне деньги?! Ты... ты... Ты уходишь и оставляешь мне деньги?.. За что?! Это ты мне платишь за то, что жил со мной?! — Наташке хотелось крикнуть, что ей не нужны никакие деньги, а нужен только он!.. он!.. Но вырвалось только это дурацкое обвинение.

— Что ты несёшь... — Он устало посмотрел на неё и ещё раз протянул конверт, — Наташа... Забери.

— Какой ты добрый... как Дед Мороз... — с трудом сдерживая слёзы, прошептала она, — Ты уходишь, но заботишься обо мне. Опоздал ты, Дима. Обо мне уже есть, кому позаботиться. Ты опоздал... Забирай свои деньги, считай, что это тебе бонус... за меня. Прощай...

Какое-то время он молчал, опустив взгляд, потом, убрав конверт в карман, строго посмотрел ей в глаза.

— Прощай, — с этими словами развернулся и пошёл прочь по коридору.

Она долго стояла возле окна, не в силах сдвинуться с места... Потом медленно вернулась в аудиторию и, собрав сумку, вышла, не слыша ни вопросов Оксаны, ни оклика преподавателя.

* * *

— Наташка, ты в чём пойдёшь к Жанне на день рождения? — одеваясь в гардеробе перед зеркалом, Оксана неожиданно повернулась к подруге, — Я весь день голову ломаю, ничего не придумала...

— Я, наверное, не пойду, — Наташа виновато опустила взгляд.

— Почему?! — та удивлённо вытаращила глаза, — Нас же всех пригласили, весело будет, тем более, в кафе.

— У меня не получается, Оксан...

— Тебе что, надеть нечего?! Да у тебя одних концертных платьев штук десять.

— Надеть есть что, не в этом дело.

— А в чём? — девчонки вышли уже на улицу и, не торопясь, шли к автобусной остановке.

— Вчера счёт пришёл за коммунальные услуги с предупреждением, — Наташа грустно улыбнулась, — я в прошлом месяце не оплачивала, сейчас нужно кровь из носу оба оплатить. А денег нет. Жду пенсию за маму и стипендию, придётся отдать всё, до копейки. А на день рождения без подарка не пойдёшь.

— Так, давай, один на двоих подарим, — Оксанка взяла подружку под руку, — выберем подороже, я куплю, а потом рассчитаемся.

— Спасибо, Оксан, — Наташа с благодарностью посмотрела на девушку, — но мне и рассчитываться нечем будет. У меня даже на питание не останется.

— Ой, а как ты будешь жить? — Оксана испуганно заглянула Наташке в глаза, — Что, совсем денег не будет?

— Совсем, — так кивнула, — мы ведь жили на Димины деньги. А моими оплачивали коммуналку.

— А он что, все деньги забрал, когда уходил?

— Нет. Я сама ему всё отдала.

— Зачем?! — Оксанка не уставала удивляться, — Наташка, какая ты всё же...

— Я не могу так, — грустно ответила Наташа, — я бы всё равно не смогла их потратить.

— Ну, и как теперь?

— Не знаю...

— А отец, что, совсем тебе не помогает?

— Папа помогал, пока работал. Но он теперь на инвалидности, ему нечем помогать. Да я и не попрошу...

— Наташка, ну глупая же ты! Как это — у родителей не попросить?! Или он откажет?

— Что ты, конечно, не откажет. Он, в любом случае, пришлёт.

— Ну, и попроси...

— Понимаешь, он ведь из-за меня заболел, — Наташа вздохнула, — после того случая, летом, когда он сам приехал ко мне. Он очень перепугался, когда увидел меня... И ещё узнал, что я живу с Димой. Он не ожидал... А теперь, если я ему скажу, что мы расстались, он тоже будет переживать, а ему нельзя... Дима ему понравился...

— Так он вообще не в курсе твоих дел?

— Не в курсе... — Наташа снова вздохнула, — И я не знаю, как вообще ему всё рассказать...

— Ну, я не думаю, что это будет таким уж ударом, — Оксанка пожала плечами, — расстались, и расстались. Или ещё что?.. — она пытливо посмотрела на Наташу.

— А что ещё может быть? — опустив голову, тихо спросила та, — Разве может быть что-то хуже?

— Почему не может? Может... — подруга снова пожала плечами, — Например, ребёнок...

* * *

Наташа вышла из здания почты и с облегчением вздохнула. Перевод, присланный отцом, был небольшим, но он пришёлся очень кстати: после уплаты коммуналки у неё

совсем не оставалось денег на жизнь. Теперь можно было прожить пару недель. «А там — видно будет», подумала она, проходя между прилавками продовольственного магазина. Купив только самое необходимое, вышла на улицу и села в маршрутное такси.

Середина ноября выдалась морозной, снег лежал на городских улицах уже совершенно по-зимнему, и продрогшая Наташа быстрым шагом преодолела расстояние от остановки до подъезда своего дома. Войдя в квартиру, разделась, выгрузила продукты в холодильник и прошла в комнату. Включив свет, невольно сомкнула веки от рези в глазах... Но причиной боли был, увы, не яркий свет, а наворачнувшиеся, уже такие привычные, слёзы... Свадебный наряд, висевший на ручке антресоли, был взят напрокат для фотосессии, которая была назначена на завтра.

Завтра она наденет белое платье и фату...

Она так мечтала об этом ещё два месяца назад...

Она наденет свадебный наряд. Но никакой свадьбы не будет. Будет съёмка для фоторолика на песню, которую она поёт вместе с Журавлёвым...

Наташка устало прилегла на диван. На этом месте всегда спал Дима... Иногда, сквозь сон, ночью, она всё ещё привычно тянулась к нему... но натыкалась лишь на холодную пустоту. Иногда ей ужасно хотелось набрать его номер, услышать родной голос... но она так ни разу этого не сделала, в страхе, что он просто не будет с ней разговаривать, ведь он больше не приходил к ней... Если бы он хотел, он бы пришёл, так было всегда. Но он не приходил. Значит, он, действительно, поставил точку в их отношениях. Помня об их расставании, она не могла сделать первый шаг, к тому же, в последнее время его практически нет в городе: они с ребятами без конца уезжают выступать, об этом ей рассказывает Оксанка... Она же рассказала, что вместе с «патрулями» теперь ездит и Кристина...

На следующее утро, встав пораньше, Наташа выгладила и платье, и фату, сама сделала подходящий макияж, уложила волосы. Наряд, взятый напрокат Женькой, нужно было вернуть уже завтра утром, поэтому решено было, что Наташа переоденется дома, а Женька и Костя заедут за ней с утра.

Было уже около одиннадцати часов, когда из подъехавшего к её дому, украшенного лентами «ниссана» вышел Журавлёв. Наташка, которая выглянула в этот момент в окно, печально усмехнулась: Женька был в парадном костюме, с цветочком на левом лацкане. Махнув ему в окно рукой, она накинула на себя тёплую курточку поверх белого платья и поспешила вниз.

— Ребята, вы классно смотрите! — Костя вышел из машины и, разглядывая Наташу с Журавлёвым, весело рассмеялся. Сам он тоже был одет не по-будничному: чёрный строгий фрак, дополненный бабочкой, должен был украсить образ героя песни — музыканта, вспоминающего свою юность.

— Да, пожалуй, тебе предстоят долгие расспросы, куда делся жених, — Женька посмотрел на Наташу, потом кивнул на её соседок по подъезду, с любопытством наблюдающих за разворачивающимся действием, — и, как я понимаю, не один жених...

— Ничего, отобьюсь, — она грустно опустила глаза.

— Прости, я не подумал, — Женька по-дружески обнял девушку, — ладно, всё будет хорошо... Едем?

— Едем, — она с готовностью кивнула, — сначала куда?

— Сначала в ресторане снимем несколько кадров, пока там хозяин на месте и нет персонала, — Женька занял водительское кресло, — а то мне точно потом не отбиться будет.

* * *

Наташа невольно щурилась от направленных прямо на неё софитов, и Женька, слегка убавив накал, придирчиво смотрел, как она позирует перед фотокамерой. Хозяин ресторана, мужчина лет тридцати пяти, восточного типа, пристально смотрел на девушку в свадебном наряде, слегка постукивая пальцами по столику, за которым он сидел.

— Наташка, ты как хочешь, но веселье ты обязана изобразить, — Журавлёв с укоризной взглянул на неё, — ты же типа замуж выходишь! У тебя должно счастье светиться на лице, а ты — вот... — Женька шутливо состроил рожу, так, что Наташа невольно рассмеялась.

— Я постараюсь, — кивнув ему, она перевела взгляд на Костю, который тут же снова навёл на неё объектив.

Отсняв материал, они уже собирались ехать снимать дальше — на фоне города, как хозяин ресторана неожиданно окликнул Журавлёва:

— Ты бы хоть песню показал, а то я тут с вами своё время трачу, а для чего — непонятно.

— Слушай, Руслан, давай, вечером? — Женька приложил руку к груди, — Нам ещё за город ехать, ещё в городе снимать...

— Э, Женя, я бы понял тебя, если бы ты на брачную ночь торопился, — скользнув жгучим взглядом по Наташе, мужчина усмехнулся, — десять минут вас не устроят. Показывай песню.

— Ну, что, споём? — Журавлёв перевёл взгляд с Кости на Наташу, — А то он меня с работы уволит...

— Э, не говори так, зачем уволю? — Руслан рассмеялся, — Может, зарплату увеличу?

— От тебя дождёшься, — хмыкнув, Женька включил синтезатор, — ладно, дольше пререкаемся. Наташ, проверь микрофоны.

Исполняя песню, Наташка не могла избавиться от неприятного чувства, возникающего под взглядом хозяина ресторана. Откинувшись на стуле и положив ногу на ногу, он, не отрываясь, смотрел только на неё, казалось, он даже не слышит ни слов, ни музыки. Наконец, исполнив последний куплет и припев, она торопливо сошла с невысокой сцены и

вопросительно уставилась на Журавлёва.

— Всё-всё, уже уходим, — Женька успокаивающе кивнул ей и, выключив аппаратуру, обратился к Руслану, — ну, как? Нормально?

— Отлично! — тот довольно улыбнулся, — Я не знал, что у тебя поющая невеста.

— О, это не просто поющая невеста, это настоящая певица, к тому же, гитаристка, — Журавлёв для убедительности поднял вверх указательный палец, — талант!

— Я уже понял, — Руслан прищурился, — красивый талант!..

Наскоро попрощавшись, Наташа с облегчением покинула ресторан. Дальнейшие съёмки отвлекли её от невесёлых мыслей, но последние кадры, где они с Женькой, якобы, уезжали на свадебной машине, снова повергли её в печаль. Вернувшись домой, она быстро переоделась и спрятала свадебный наряд в шкаф. Поставив чайник, собралась в душ, но телефонный звонок вернул её в комнату.

— Это я, — Журавлёв звонил из ресторана, она поняла это по отрывкам разговоров на заднем плане, — я чего звоню... Тут тобой хозяин заинтересовался, работу предлагает.

— Мне?! — она удивлённо застыла с телефоном в руке, — Какую?!

— Певицы, конечно, — пытаюсь заглушить посторонний шум, Женька чуть ли не кричал в трубку, — работа по вечерам, вместе со мной и с Петровичем.

— А ему что, вас мало? — она попыталась пошутить.

— Не мало, но он хочет разнообразить репертуар, говорит, женский голос будет кстати. А ты ему понравилась.

— Я не знаю, Жень, — от неожиданности Наташа растерялась, — а что я буду петь?

— У тебя есть свой репертуар?

— Есть, но я не знаю, подойдёт ли он для ресторана... Я пела репертуар «АББА»...

— Подойдёт. Остальное разучишь вместе со мной. Короче, я тебе сказал, а ты думай. Зарплата не огромная, но на жизнь хватит.

— Хорошо, — после небольшой паузы, ответила Наташа, — я согласна...

* * *

Репетировать было решено у того же Кости, с которым у Журавлёва была давняя дружба, и теперь каждый день он заезжал за Наташей в университет, чтобы ехать на репетицию, а вечером она приезжала ненадолго в ресторан — петь те две-три песни, которые были у них готовы, а заодно и свой небольшой блок, состоящий, в основном, из репертуара «АББА», который она исполняла, ещё будучи школьницей. Схватывая всё на лету, Наташка очень быстро учила тексты и инструментальную часть, так, что к концу ноября их с Женькой совместный репертуар значительно расширился. Пока она пела за мизерный гонорар, но с начала следующего месяца хозяин обещал платить ей полную зарплату.

Теперь Наташа была занята целыми днями: университет, репетиция, ресторан. Она очень уставала, но хуже усталости было навязчивое внимание Руслана, который, увидев её уже не в длинном свадебном платье, а в концертном облегающем коротком наряде, при

встречах не сводил с неё откровенно заинтересованного взгляда... а ещё — запахи кухни, которые она с трудом переносила, стараясь отойти в самую глубь сцены, где, как ей казалось, пахло не так сильно...

Первое время Наташа с грустью приезжала в «Дворянское гнездо» — она всегда вспоминала, как они вместе с Димой летом пели здесь для его отца. К тому же, их внезапный творческий союз с Женькой вызвал очень негативную реакцию со стороны женского персонала ресторана: молодые официантки, которых Журавлёв не обошёл в своё время вниманием, косо поглядывали на юную белокурую вокалистку с красивыми карими глазами.

В ресторан Наташа всегда добиралась сама, а на репетиции Женька подвозил её на своём «ниссане», чем ставил в затруднительное положение: она начала чувствовать повышенный интерес к себе и с его стороны. С женой он был в разводе, любовниц менял, как перчатки и почти не знал отказов у женщин. Девушка постоянно чувствовала на себе его взгляды, особенно на репетициях, когда рядом никого не было — у Женьки был свой ключ от Костиной студии, и они иногда репетировали в его отсутствие. Правда, границ Журавлёв пока не переступал, возможно, Наташина очевидная печаль по Диме была тому причиной.

— Ну, что, завтра ещё одна репетиция, и пока притормозим, а то, я смотрю, тебе тяжело. Тем более, что основной репертуар ты уже знаешь, — Женька привычно потянулся за Наташиным ремнём безопасности, — хозяин в восторге от тебя, учти, — с намёком произнёс он и рассмеялся, — Ты вообще молодец.... как будто всю жизнь по кабакам пела.

— Ну, не по кабакам... А по корпоративам и юбилеям приходилось, — Наташа улыбнулась, — спасибо за комплимент.

— Ну, это не комплимент, это так и есть, — Женька защёлкнул Наташин ремень, — Ну, вот, пристёгнута. Теперь никуда не денешься.

На улице было довольно темно: ноябрьский вечер опустился на город, и панель приборов была единственным источником света в салоне машины. Повернувшись к Наташе, Женька наклонился в её сторону, и, положив левую руку на спинку сиденья возле её правого плеча, недвусмысленно посмотрел в глаза. Догадываясь, что будет дальше, девушка молчала... Обняв её и притянув к себе, он обхватил губами её губы, которые Наташка сжала изо всех сил.

— Ну чего ты... такая скованная... — прошептал он и, нащупав замок на её куртке, потянул вниз, расстёгивая молнию, но Наташа перехватила его руку, — Ты разве против?

— Против...

— Да ладно тебе... чё ты... — мурчал Журавлёв, пробираясь рукой под расстёгнутую полу, — Расслабься...

— Женья... — Наташка пыталась освободиться от его рук.

— Что — Женья? Я уже двадцать пять лет, как Женья, — парень распался всё больше.

— Женья... Я беременная... — полным голосом произнесла девушка.

— Все так говорят, — целуя её шею, парень рукой скользнул по девичьей груди, — Я давно уже на тебя смотрю... Нравишься ты мне... очень...

— Я серьёзно, не шучу, — Наташка с трудом уворачивалась от его рук и губ, — я —

беременная...

— Так, стоп... — Женька тоже перешёл на полный голос, — Ты причину со следствием не путаешь?.. От того, что сейчас было, не беременеют.

— Не путаю, — она посмотрела ему в глаза — близко-близко, — то, что сейчас было — не причина, и ты тут ни при чём. Причина раньше была.

— Ты серьёзно, что ли? — разжав руки, Женька отпустил девушку и вернулся в нормальное положение сам, — Или это динамо такое?

— Не динамо, — серьёзно ответила Наташа.

— А чего сразу не сказала?

— Как? Надо было сесть в машину и сразу заорать, что я беременная?

— Ну, в принципе... Ты права. Хотя... Вы, женщины, всякие хитрости придумываете.

— Всяко бывает... — притворно вздохнув, пошутила Наташа.

— Бывает, — нахмурившись, он кивнул, — но я женщин не насилую, всё только по обоюдному согласию.

— Жень... — Наташка опустила глаза, — Знаешь, я думаю, что тебе напряжно меня возить. Я буду теперь пешком добираться, мне, кстати, ходить полезно.

— Да ладно, успокойся... Мне не в напряг... — изменившимся тоном буркнул Журавлёв и выжал сцепление.

* * *

На следующий день, заехав за Наташей, Женька выглядел слегка обиженным. Дождавшись, пока она захлопнет за собой дверь, кивнул на ремень:

— Попробуй теперь... Должен хорошо выезжать.

— Ой, теперь нормально! — она без труда вытянула ремень и сама пристегнулась, — Здорово!

— Всё утро сегодня ковырялся. Сделал, наконец, а то пассажиры мучаются.

Кости в студии не было, и Журавлёв открыл дверь своим ключом. Наташка заметила, что парень чувствует себя неловко, видимо, женщины отказывали ему редко. Она тоже смущалась, вспоминая вчерашний вечер, но почему-то обиды на Женьку не было. Несмотря на репутацию ловеласа, он производил впечатление интересного и порядочного человека и имел хорошее чувство юмора.

Репетиция подходила к концу: разложив припев очередной песни на голоса, они собирались прогнать в последний раз практически готовую композицию.

— Ну, что, поехали? — Женя опустил руки на клавиши синтезатора.

— Поехали... — она не успела договорить, как кровь схлынула с лица... заложило уши... в глазах резко потемнело...

— Наташка!.. Ты чего?! — Женька кинулся к девушке. Бледная, как мел, она лежала на полу без сознания.

— Что с тобой? — перепуганный парень приподнял ей голову, — И положить-то некуда...

Через минуту, придя в себя, Наташа медленно открыла глаза.

— Ты меня так больше не пугай, — произнёс Женька, помогая ей встать, — а то Костя сильно удивится, когда найдёт нас с тобой тут обоих... без чувств.

— Постараюсь... — еле слышно проговорила она.

— Ну, что, получше? Поехали, я тебя домой отвезу.

Уже в машине Женька вдруг сказал:

— Я думал, ты вчера меня обманула.

— В смысле? — всё ещё бледная, Наташа удивлённо подняла на него глаза.

— Ну, что... беременная...

— Так... и правда обманула...

— Да? Ну, тогда ладно, — он внимательно посмотрел на неё, улыбнулся краешком губ, — когда у меня жена была беременной, так же в обморок падала.

— А... кто у тебя? Мальчик или девочка?

— Дочка. Четыре года...

— Большая...

— Я с ними не живу. В разводе.

— Слушай... а... твою жену долго по утрам тошнило?.. Не знаешь?

— Тошнило, но долго или нет — не помню, — Журавлёв пристально посмотрел на Наташу, — Ты сегодня на работу не выходи. Я как-нибудь сам и отыграю, и спою. Как же ты работать-то будешь вообще?

— Да всё нормально, Жень... Правда. Это я так спросила, на будущее...

* * *

«Срок беременности семь недель»... Эти слова пульсировали у Наташи в голове, пока она добиралась домой из женской консультации. Заключение не стало для неё новостью. Конечно, она догадывалась... И тест оказался положительным. И, всё же, пока она не услышала это от врача, до конца не верилось...

— На аборт записывать или будем становиться на учёт? — молодая доктор равнодушно посмотрела на девушку.

— Нет... аборт — нет... — Наташа замотала головой.

— Ну, тогда — на учёт.

— Учёт?.. — девушка удивлённо подняла глаза, как будто не понимая значения этого слова.

— Ну, а как иначе? Либо рожаем, либо аборт. В любом случае, уже не рассосётся.

— Ну, да... Тогда на учёт...

Первый день первого зимнего месяца пришёл в огромный город вместе с белой пургой, опоясывающей дома, деревья, рекламные щиты... Наташа смотрела в окно своей маленькой кухоньки, и горсти белых снежинок, бесшумно врезаясь в стекло, медленно сползали вниз,

оставляя за собой искрящиеся дорожки. Через десять дней — её день рождения. Ещё два месяца назад она бы радовалась такому подарку... И Дима бы радовался. Она вспоминала, как он в последнее время их совместной жизни трогательно следил за её состоянием: «У тебя голова не закружилась?»... «Тебя не тошнит?»... Прямо он ничего не говорил, но она прекрасно понимала, что он имел в виду и, улыбаясь в ответ, отрицательно качала головой... А вот теперь ей было, что ему сказать. Только его рядом больше не было.

— Весёлая сегодня будет смена! — Женька окинул взглядом обеденный зал, — Петрович, готовься «Чёрные глаза» петь.

— Нам, татарам... — Петрович откашлялся в кулак, — Споём...

— Раз пятнадцать готовься, — усмехнулся Журавлёв, — а то и шестнадцать.

— А почему? — Наташа, которая тоже пришла к самому началу, удивлённо посмотрела на мужчин.

— Публику видишь? Сегодня рынок гуляет. Какому-то Тофику сороковник стукнуло. Так что, сегодня твой блок не включаем в программу. Сегодня у нас лезгинка и «чёрные глаза».

— Ну, хорошо, — Наташа пожала плечами, — тогда, может, я и не нужна?

— Не, ну, сначала-то всё равно свой репертуар отработаем. Это чуть позже начинается, когда конкретно подопьют.

— Ерунда. Споём. Недавно пришлось всю Сердючку перепеть, — Петрович усмехнулся, — хлопцы с Киева гуляли. Работа у нас такая.

— Ты вообще лучше вперёд не выходи, — Женька, прищурившись, оглядел Наташку с ног до головы, — встань подальше, вон, за Петровичем.

— Да ладно... — Наташа засмеялась.

— Будет тебе ладно, когда со сцены уволокут. Были случаи.

...Женька оказался прав: и «Чёрные глаза», и «Калым», и лезгинка звучали без конца. Изрядно захмелевшие гости заказывали и заказывали «свои» песни, и даже невозмутимый Петрович уже начал нервничать: после очередного перерыва язык его заметно заплетался, и Журавлёву пришлось одному продолжать выступление. Наташа, которая не знала восточного репертуара, просто подпевала ему и пританцовывала, стараясь не смотреть в зал. Черноволосый мужчина, лет тридцати, весь вечер не сводил с девушки глаз, и Наташа чувствовала себя неуютно под его откровенным взглядом. Под конец, изрядно выпив, он несколько раз подходил к музыкантам и, кивая на Наташку, что-то говорил Журавлёву. Отвечая ему, Журавлёв отрицательно качал головой. Наташа не слышала его слов, и неприятное чувство не покидало девушку, перерастая в тревогу.

— Не знаю, как ты сегодня домой попадёшь, — улучив момент между песнями, бросил Женька.

— Почему? — Наташа испуганно посмотрела на него широко распахнутыми глазами...

— Да вон, товарищ больно тобой интересуется. Тебе даже выходить бы отсюда не нужно, он глаз конкретно положил, а на улице — ночь.

— А что мне теперь делать? — растерялась девушка.

— Я бы отвёз тебя на машине, но я пару стопок уже выпил... да и против этой толпы я один не попру, — нахмурился Женька.

— Жень... — Наташка выглядела совсем перепуганной, — а как я теперь?

— Не знаю... Могу как вариант предложить у меня в комнате переночевать. Я здесь, в гостинице живу, мне хозяин номер тут сдаёт за недорого, — Журавлёв улыбнулся, — только ночевать придётся вдвоём.

— Слушай... А, может, я сама на ночь номер сниму? Зачем мне тебя стеснять? Здесь очень дорогие номера, не знаешь?

— Ну-ну... Сними... Там и двери с петель снимут сразу, если увидят, что ты одна.

— Я не знаю... — расстроенным тоном сказала Наташа, — Вот влипла...

— Влипнешь, если одна будешь. Если со мной — всё обойдётся. Я ему сказал, что ты — моя девушка.

— Ну... ладно... — она обречённо вздохнула и, снова поймав горящий взгляд неожиданного поклонника, невольно отступила назад, за спину Журавлёва, — переночую у тебя.

* * *

— Давай, проходи... — Женька открыл ключом номер на втором этаже гостиницы, при которой и был ресторан, в котором они работали, — Кровать одна, но как-нибудь устроимся.

— Я на полу могу... — Наташа смущённо оглядела помещение: гостиничная узкая кровать, небольшой стол с телевизором, встроенный шкаф, пара стульев, — А ты здесь постоянно живёшь?

— Вообще-то, у меня квартира есть, но после развода никак не разменяем. Бывшую жену ни один вариант не устраивает.

— Может, она просто не хочет с тобой разводиться? — улыбнулась девушка.

— Так уже развелись. Кто её знает, что она хочет, чего не хочет... Если жизни нет, зачем мучить друг друга?

— Ну, да... Зачем мучить... — грустно повторила Наташа.

— Так... ты спи на кровати, а я сейчас схожу к дежурной, за раскладушкой, — Женька взялся за ручку двери, — только никому не открывай, поняла?

— Поняла, — кивнула девушка.

— Ты уж извини, мне сегодня уйти ночевать некуда, — застывая раскладушку, сказал Женька, — да и тебе одной не стоит оставаться. Они там ещё догуливают, кто знает, что в голову взбредёт этим горячим парням.

— Что ты... Мне и так неловко...

— Да ладно, что там неловко... Ты спи, не бойся. Я женщин не насилую, — Журавлёв помолчал, потом томным голосом добавил, — только по согласию...

Не раздеваясь, она прилегла на кровать и, завернувшись в одеяло, закрыла глаза. Чувство неловкости от того, что она лежит в чужой постели усугублялось тем обстоятельством, что постель эта была мужской. Несмотря на то, что бельё, которое постелил для неё Журавлёв, было чистым, Наташе казалось, что оно хранит запах постороннего мужчины — его сигарет, парфюма... Невольно вдыхая это запах, она вспомнила Диму: его до боли родное тело, к которому всегда можно было ласково прижаться, его родные руки, в которых ей было так уютно и тепло. Слезы невольно навернулись на глаза... Пытаясь сдержаться, она глубоко вздохнула, но вздох получился каким-то громким и судорожным. Как будто вторя ей, Женька на раскладушке тоже громко вздохнул...

Она уже задремала, когда раздался стук в дверь. Съёжившись от страха, она прислушивалась, как Женька с кем-то разговаривает в коридоре. Слов не было слышно, но ей показалось, что она узнала голос Руслана. Внезапно дверь приоткрылась, и до Наташки донёлся разговор:

— Руслан, я одно не пойму, на каком основании ты лезешь в мою личную жизнь? — Женька говорил сонным голосом, — Ты в ресторане — хозяин, а тут, извини...

— Женя, гостиница принадлежит моему брату, ты забыл? Рустам уехал, я за него.

— Вот Рустам приедет, я с ним и поговорю, слушай, я уже спать хочу, давай завтра поговорим?

— Женя, у тебя был договор с моим братом: женщин к себе не водить, ты снимаешь номер за смешную цену, поэтому должен соблюдать его условия.

— Я женщин не вожу, — Женька попытался вернуться в номер, но Руслан задержал его, — ну, чего, Руслан?

— Да? Если ты сейчас один, то покажи мне свой номер?

— Я не один.

— Значит, всё-таки с женщиной?

— Нет, — нетерпеливо ответил Журавлёв.

— А с кем?

— С невестой. Такой вариант тебя устраивает?

— Ты обманываешь, — усмехнулся Руслан, — зачем обманываешь?

— Я не обманываю. Так и передай своим. Наташа — моя невеста. Всё? Я ответил на твои вопросы?

— Ну, смотри, — Руслан отпустил дверь, которую держал, — если ты меня обманул...

— Спокойной ночи, — Женька захлопнул дверь и, снова улёгшись, добавил, — и вообще... пошёл ты...

Ни жива, ни мертва, Наташка притихла на кровати.

— Жень... спасибо тебе... — утром она с благодарностью посмотрела на Журавлёва, — я ведь, действительно, не добралась бы до дома.

— Это точно. Шансов было — один к ста. Я серьёзно говорю. Публика очень горячая, такие вот девочки, как ты — для них самое лакомство. Впрочем, не только для них.

— Спасибо...

— Спасибо тоже не торопись говорить, — он усмехнулся уголком губ, — сегодня весь ресторан будет знать, что ты у меня ночевала. Но я другого выхода не видел. По мне — пусть лучше сплетни, чем по-настоящему влипнуть.

— А мне сплетни уже не навредят... — Наташка печально посмотрела ему в глаза, — знаешь, я ночью случайно слышала, о чём ты разговаривал с Русланом.

— Ты уж не обижайся, пришлось сказать, что ты моя невеста.

— Да, я слышала. Спасибо тебе...

— И снова не торопись, — он усмехнулся, — это ещё икнётся, он мстительный, я уже сталкивался.

— Ой, а он тебя с работы не уволит? — она испуганно поднесла ладошку к губам.

— Кого, меня? — он удивлённо приподнял брови, — Да никогда. Я работу сразу найду, и он об этом прекрасно знает, а вот он с музыкантами ладить не умеет, только мы с Петровичем на его выкрутасы кое-что кладём и работаем. И он об этом тоже прекрасно знает.

— А у него что... выкрутасы бывают? — Наташа растерянно посмотрела себе под ноги.

— Угу, — Женька кивнул, — но ты не бойся. Мы тебя в обиду не дадим. Тем более, ты тут временно...

* * *

— Ну, что, за успех? — Дима поднял пластиковый стаканчик с коньяком, чокнулся с остальными, — Дай Бог, не последний!

— За успех! — Мазур, Белов и Говоров хором повторили тост и дружно выпили.

Застолье в гостиничном номере чужого города было в разгаре: «Ночной патруль» отмечал очередной концерт в гастрольной поездке по одной из соседних областей. Зрительный зал был сегодня практически полным, аплодисменты не умолкали до самого конца, и ребята были в приподнятом настроении. Даже Дима, который уезжал на гастроли в подавленном состоянии, был очень доволен.

— Нет, всё-таки, грамотный пиар — это половина успеха, — Витька, уже изрядно захмелевший, достал очередную бутылку спиртного, — запустили клип, и результат налицо — как сегодня толпа орала, когда «Не моя» пели?

— Ну, так это закон шоу-бизнеса, для этого и снималось, — Сашка охотно подставил свой стаканчик под горлышко бутылки, — Димыч не зря невинность потерял на съёмках.

Дружно загоготав, парни выпили ещё.

— Не, Димон, а по чесноку, вот что-то почувствовал, когда с Кристинкой это... ну, того... Старая любовь на ум не пришла? — Витька выяснял подробности.

— Чего — того? — Дима смутился, — Там никакого «того» не было.

— Ну, как не было, — не унимался Мазур, — поцелуйчики, голый торс, шёлковые простынки, то да сё...

— Знаешь, что, Мазурик, вот через неделю будем опять клип снимать, я тебя на роль героя возьму. Тогда сам узнаешь, какое там «то да сё», — со смехом ответил Дима, — а потом расскажешь.

— А чё я, я же с Кристиной не того... Мне всё как в первый раз будет, я же с ней не жил до этого.

— Ну, и я не жил, в смысле — вместе. Встречались только.

— Ну, я не в том смысле... ну, ты понял... Так, Саня, наливай ещё, я что-то запутался... Кто с кем жил... Кто с кем не жил...

— Нафик вы этот коньяк покупали? — Сашка сморщился, — Не могли нормальной водки купить?

— А ты привыкай к благородным напиткам, — Витьку развозило на глазах, — щас как

зазвездимся, где та водка, где мы?! Только виски! И номера «люкс»! И девочки высшего класса! Димыч, готовь новый райдер!

— Для Мазура — персональный, — Димка развеселился, — ты огласи весь список, пжалста, а я составлю.

— Хорошо, что Кристина с нами не поехала, а то был бы всем список, — Сашка взял свой стакан, посмотрел на всех присутствующих, — давайте за Димона! Если бы не он, не видать нам ни клипов, ни райдеров.

— Да ладно тебе, Саня, при чём тут я?! — Дима возмущённо посмотрел на друга, — Это наш общий успех, поэтому давайте за «Ночной патруль».

— Не, Дима, Саня прав, — подал голос Никита, — это твоя заслуга, давай за тебя! Чтоб у тебя всё наладилось.

— Спасибо, Никита, — с благодарностью посмотрев на Белова, Дима поднял стаканчик, — у меня всё хорошо.

— Да ладно, Димыч, мы все свои, в курсе... ты, главное, держись... — каким-то нарочито-участливым тоном произнёс Никита, — Два раза не повезло, повезёт в третий.

— Ты о чём? — пристально посмотрел на него Дима.

— Да ладно, проехали... Ну, чё, за Димона?

— Я тоже ничего не понял, — Сашка обвёл всех удивлённым взглядом, — в чём не повезло-то?

— А я что, не в тему? — Никита сделал вид, что сказал что-то не то, — Ну, тогда замяли.

— И я не понял... говори, что за тема, Ник... — Мазур выпил очередную порцию коньяка, — Ты про чё?

— Ну, говори, Никита, раз начал... — Дима вдруг стал серьёзным.

— Да я думал, ты в курсе...

— В курсе чего?

— Ну, в общем... Сегодня Ленка звонила. Говорит, весь универ гудит... Наташа твоя с Журавлёвым... Он, короче, каждый день за ней приезжает после занятий и куда-то увозит. Уже недели две. Но, я думал — ты знаешь.

— Да уж прямо — весь универ гудит, — Сашка сердито посмотрел на Белова, — можно подумать, универу дело есть до Наташки.

— Не знаю Саня... Как мне сказали, так и я передаю.

— Передатчик хренов, — Говоров разозлился окончательно, — Плохая привычки, Ник, бабские сплетни передавать.

— Наташка?.. Никогда... — Витька еле шевелил языком, — Димыч... Кто угодно, только не Наташка... Не верь...

— Ладно, хватит... — Дима решительно встал, — Я — спать.

* * *

— Саш, ну, чего мы сегодня именно сюда пришли? — Ира, девушка, с которой Говоров встречался уже несколько месяцев, обвела взглядом обеденный зал «Дворянского гнезда», — Я бы лучше в другое место ходила.

— Мы недолго, — Сашка внимательно смотрел на входные двери, как будто ждал кого-

то, — посидим немного и пойдём, куда твоя душа пожелает.

— Тут даже музыки нет, — кивая на пустую эстраду, девушка капризно надула губки, — Са-а-а-ш...

— Ну, подожди, — он нетерпеливо кивнул ей головой, — Сейчас будет музыка.

— Откуда ты знаешь? — она взглядом проводила молоденькую девушку, которая торопливо прошла через зал и заняла место у синтезатора на небольшой сцене.

— Знаю. У меня тут друган лабает.

— Друган? — Ира удивлённо посмотрела на Говорова, — А где он?

— Сейчас придёт. Мы с ним уже месяца полтора не виделись, и позвонить всё времени не было. Подожди... — услышав первые аккорды песни, он уставился на юную белокурую певицу, — Послушай, как поёт.

— А кто это? — девушка подозрительно посмотрела на своего спутника, — Ты что, её знаешь?

— Знаю. И ты видела.

— Я? Где?

— На нашем сольнике. Это же Наташка...

— Ой... точно... — Ира внимательно пригляделась к Наташе, — Это же Димы Морозова девушка, да?

— Да, — Сашка угрюмо кивнул, — только бывшая девушка.

— Да, ты говорил... Они что, совсем поссорились?

— Совсем, — было видно, что Говорову нелегко даётся этот разговор, — она сейчас с Женькой...

— А ты откуда знаешь? Ты же с ним давно не виделся.

— Знаю. Их видят вместе. Ты посиди недолго, ладно? Мне с Женькой надо кое-что перетереть...

— Ладно. Только недолго.

* * *

Гастроли, поездка в Москву, череда концертов в родном городе... опять поездка... В таком темпе прошёл ноябрь и больше половины декабря.

У Димы не было свободной минутки, и он был рад этому обстоятельству, потому что, как только появлялась эта самая минутка, сразу наваливалась тоска по Наташе. Новость о том, что она по вечерам поёт в «Дворянском гнезде» вместе с Женькой Журавлёвым, и что их постоянно видят вместе, окончательно уверила его в том, что она решила поставить точку в их отношениях. И только творчество отвлекало его от тяжёлых мыслей.

Новый клип решили снимать не в Москве, а в своём продюсерском центре. Вопреки желанию Димы снять клип на «Он, как и я», Кристина настояла на записи другой, новой песни. Лапин неофициально передал все бразды правления им с Димой, а сам занялся своим привычным бизнесом — ночными клубами, и теперь Кристина, как правопреемница, диктовала свои условия.

— Слушай, Морозов, если ты и дальше будешь пребывать в таком удручённом

состоянии, то у нас ничего не получится, — Кристина явно нервничала, — Давай, настраивайся на позитив, тем более, новогодние чёсы начались, а у тебя ещё и диплом. И в центре работы полно, а ты со своим плохим настроением тоску нагоняешь.

— Хорошо... — разговаривать Диме явно не хотелось. Он думал, что хуже уже ничего быть не может, но недавний разговор с Сашкой Говоровым отозвался таким ударом, от которого он не мог отойти вот уже несколько дней.

— Саня, давай, завязывай с пьянкой, — негромко, чтобы не слышали остальные, Дима обратился к Говорову наутро после очередного выступления. Была уже вторая половина декабря, предновогодние корпоративы начались, и Сашка не отказывался от «продолжения банкета» после основной программы.

— Постараюсь... — хмуро буркнул он в ответ Диме, — Сам уже устал...

— Что-то тебя понесло, как того Остапа. А ещё десять дней впереди, а потом ещё две недели после Нового Года. За диплом вообще молчу.

— Про диплом не переживаю, давно написано и уплачено.

— Ну, всё равно. Ты как с цепи сорвался. Случилось что?

— Случилось... — Сашка исподлобья посмотрел на Диму, — И не у меня.

— Что случилось-то? У кого? Рассказывай.

— У тебя...

— Что?.. — Дима встревоженно нахмурил брови, — Говори... С Наташей что-то?.. Саня?.. Да?..

— Да... — тяжело произнёс Говоров.

— Саш, ну, что? Не молчи...

— Дима... Не знаю, как сказать.

— Говори...

— Ну, в общем... Наташка с Женькой всё же серьёзно... видимо...

— Я это знаю, — глухо произнёс Дима.

— В положении твоя Наташа, Димыч... Вот такие дела.

— Откуда ты знаешь? — тот изменился в лице, — Может, между ними ничего и нет.

— Ну, да. Ничего нет. А уезжали они на ночь в шахматы играть, да? Сам же говорил, что футболку мужскую у неё под подушкой нашёл, — Сашка невесело усмехнулся.

— Не знаю, Саш, — Дима отрешённо смотрел куда-то вдаль, — я до сих пор не могу поверить.

— Я тоже со стороны не мог поверить. Но с Женькой они уже два месяца. Это точно. Мы уезжали на гастроли — я перед этим их видел, помнишь, рассказывал? Конец октября. Сейчас — почти конец декабря...

— А откуда ты знаешь, что она в положении?

— А Жека сам и сказал... В общем, я видел их недавно.

— Где?

— Там, в ресторане, одиннадцатого числа.

— Это её день рождения...

— Я в курсе. Я не сказал тогда тебе. Короче... С Женькой я так и не созвонился, то я на гастролях, то он на работе. Я с Иркой в «Дворянское гнездо» нарочно тогда завалился, у нас как раз в тот день никаких выступлений не было. Ну, в общем... Жека с Петровичем на перерыв пошли, а Наташка одна пела... Я Ирку за столиком оставил и — к ним... По дороге

официантку спросил, где Журавлёва найти, а она мне — типа, у певички лучше спроси, ей лучше знать. Я говорю, а что, у них всё серьёзно? Она — типа, если она у него в номере ночует, а он говорит, что она его невеста, то куда уж серьёзнее. Во-о-о-т... — Сашка выдержал небольшую паузу, — Ну, я и пошёл дальше. Нашёл их с Петровичем. То да сё... Женька — мол, мы сегодня бухие, мол, за Наташку пьём втихаря, а она за нас работает... Ну, поржали так. Я говорю — должно быть наоборот, пусть она пьёт, а они типа работают. Ещё посмеялись. А Женька и говорит — ей, мол, за двоих наливать надо теперь... Я спрашиваю — в смысле, за двоих? Он и говорит — в том самом смысле: и есть, и пить. Но, говорит, пить ей вредно, пусть лучше ест за двоих. А я, говорит, пить лучше буду за «нас — троих». Так и сказал. Я ещё переспросил — беременная, что ли? Говорит — да... А сам — довольный такой...

— А дальше? — Дима спросил еле слышно, неподвижно глядя в одну точку.

— А дальше... Дальше мы ушли, Ирке там скучно стало. Жека с Петровичем уже готовые были, чего с ним разговаривать? К Наташке я не стал подходить, и она нас не заметила. А ты ей так и не звонил?

— Звонил... У неё телефон всё время отключен.

— Скорее всего, симку поменяла.

— Теперь уже какая разница... Вот теперь уже — всё... Всё, Саня. Я одного только не могу понять... — на некоторое время Дима замолчал, — Я одного не могу понять, как же так? Как она могла? Ну, пусть бы хоть два... три месяца прошло... Но не сразу же... Как же так, Сашка?!

— Не знаю, Дима. Для меня это тоже шок... А то, что с Журавлёвым — это вообще двойной шок... Вот и бухаю. Что ты на меня так смотришь? Сам всё знаешь.

Вновь и вновь вспоминая этот разговор, Дима всё больше уходил в себя. Даже внезапная измена Кристины год назад не ударила его так сильно, как потеря Наташи... Не хотелось ни есть, ни спать, выступать тоже не было сил. Каждый день он переступал через себя — будь то работа в продюсерском центре, будь то выход на сцену.

Да, он сам ушёл. Но он уходил не навсегда. В глубине души он это знал... Они были вместе всего полгода, но никогда и никого он не любил так сильно, как эту белокурую девочку с печальным взглядом цвета крепкого чая.

Он ушёл сам...

Но даже после того, как Сашка увидел Наташу вместе с Женькой, он до конца не верил, что потеряет её... Даже когда он не застал её дома и нашёл мужскую футболку у неё под подушкой и убедился в её измене, он где-то, в самой глубине души оставлял крохотную надежду, сам не понимая на что, но — надежду... А теперь никакой надежды нет. Её больше нет в его жизни... И самой жизни больше нет... Есть просто тягучие, монотонные дни и ночи.

— Дима... Ну, что случилось? — ему показалось, что Кристина с особым участием задала вопрос, — Что с тобой? Ну, расскажи.

— Ничего... — отрицательно покачал головой, — Ни-че-го...

— Ты что, из-за неё? Да? — она пытливо заглянула ему в глаза, — Я слышала...

— Да... — не выдержав, он медленно кивнул, глядя себе под ноги.

— Дима... Я понимаю, что не мне тебя утешать... Но, всё-таки... Мы с тобой знакомы

почти с детства. Всё будет хорошо... — на последних словах Кристина запнулась, — И... ты не один...

— Слушай... — слова давались ему с трудом, — У тебя есть какие-нибудь тексты новые? Если есть, дай мне... Я над музыкой поработаю.

— Есть, — Кристина сразу ухватилась за идею, — А, хочешь, напиши сначала музыку, а я текст подгоню?

— Хорошо... Тогда я пойду писать... Позвони моим... Скажи, что я тут заночую, хорошо? Ни с кем не хочу говорить.

* * *

Он писал всю ночь... Щемящая, пронзительная мелодия гроздьями нот ложилась на нотный стан, вбирая в себя всю боль, всю горечь и печаль его души — так, что под утро ему показалось, что стало немного легче...

— Дима... — дверь приоткрылась, и Кристина тихо вошла в студию.

— Послушай, что получилось... — не удивившись тому, что она оказалась здесь в этот час, он тронул клавиши. Опустив глаза, девушка молча слушала, и ревность закипала в сердце... настолько трогательно звучала эта музыка.

— Как называется эта мелодия? — Кристина присела рядом, — Это ведь не песня получилась.

— Да... ты права, это не песня... Это инструментальная музыка. «Реквием по любви»...

— Дима... Мне кажется, слово «реквием» не стоит тут употреблять. Ты же понимаешь, что всё ещё будет...

— Не знаю. Когда я писал, мне казалось, что это именно реквием.

— Неужели ты так её любишь?.. Это, действительно, шедевр.

— Люблю... Любил...

— Ты знаешь, когда я поняла, что потеряла тебя навсегда... то у меня такие же чувства возникали. И сейчас возникают... — голос у девушки дрогнул, — Эта мелодия... она и моя тоже...

— Кристина, не надо...

— Что — не надо?

— Ничего не надо... Всё прошло... У всех прошло.

— Послушай, Морозов!.. Не прошло!.. Представляешь? — с надрывом воскликнула Кристина, — Да, я ошиблась... Но я столько страдала, что искупила свою вину перед тобой... А теперь ты должен прочувствовать всё, что прочувствовала я за эти полгода!

— Кристина... Зачем?

— Что — Кристина? — девушка смотрела на него глазами, полными слёз, — Кристина до сих пор любит тебя, это — чтобы ты знал!.. И Кристине больно... Может, ещё больнее, чем тебе сейчас!

— А... ты почему здесь? Ты что, всю ночь тут была? — он как будто только сейчас понял, что она никуда не уходила.

— Да! Была!.. Сидела за стеной. Потому что люблю тебя... А ты как каменный..

Сочиняешь музыку, и не видишь ничего! Твоей Наташи больше нет с тобой, нет, понимаешь?! Её — нет! Она с другим сейчас... А я — здесь... Я — есть! А ты не видишь!.. — сквозь слёзы выкрикивала девушка, — Ну, что мне сделать, чтобы до тебя дошло?! В окно выпрыгнуть?! Я даже на это готова... А ты...

Вскочив со стула, Кристина кинулась к дверям, но Дима успел схватить её за руку...

— Постой... — задержав её, встал, подошёл близко...

— Какой же ты дурак, Морозов... — глядя в глаза, Кристина положила руки ему на плечи. Обняв её за талию, он как будто о чём-то раздумывал с минуту. Потом, сильнее сомкнув руки, припал к её губам...

— А что ты сказал Анне Сергеевне? — Кристина, с бокалом шампанского в руках, присела рядом с Димой на большой, мягкий диван в своей гостиной, — Она ведь должна была спросить, где ты будешь встречать Новый Год?

— Сказал, как есть, что буду у тебя.

— И?..

— Что — и?

— Что она ответила? — девушка явно хотела услышать определённый ответ на свой вопрос.

— Она передала тебе привет, — одной рукой обняв её за плечи, другой он тоже взял шампанское, — и просила поздравить с Новым Годом.

— И всё? — Кристина игриво улыбнулась, — И больше ничего не сказала?

— А что ты хотела бы услышать?

— Ну-у-у... Она рада, что мы... что мы снова вместе?

— Наверное, — Дима поставил бокал, — слушай, ты не помнишь, на какое число мы назначили прослушивание той девочки... Катя... Катя... Свиридова, кажется?

— На девятое, — Кристина подозрительно прищурилась, — а что?

— Да я забыл просто, мне нужно все дни расписать, чтобы всё успеть до гастролей.

— А почему ты вспомнил именно про эту Катю?

— Потому, что она последняя в списке, чтобы днём не ошибиться.

— Смотри, Морозов, — девушка недовольно поджала пухлые губы, — если что, я не прощу.

— Ты о чём? — он удивлённо посмотрел на неё, — Что не простишь?

— Ни одной девочки больше не прощу, — она говорила шутливым тоном, но в её голосе сквозили едва уловимые нотки ревности, — не забывай.

— Не говори глупости, — он рассмеялся, крепче прижимая её за плечи, — какие у меня девочки? И вообще... Через час Новый Год, а у нас такие разговоры.

— Это я на всякий случай, — Кристина, так и не отпив из бокала, тоже поставила его на стол, — и ты прав... Нужно успеть накрыть на стол... И...

— И — что? — он многозначительно посмотрел в её серые глаза, — Что мы ещё должны успеть?

— А ты не догадываешься? — Кристина обняла его и потянулась к губам, но в последний момент отстранилась, — Подожди... Давай, зажжём свечи?

— Давай, — Дима оглянулся вокруг, — а где они?

— Там, на кухне, — она сказала это шёпотом, прижимаясь к нему, — а спички где-то в шкафу. Принесёшь?

— Принесу, — он поцеловал её и, поднявшись, прошёл на кухню.

Едва сдерживая счастливую улыбку, Кристина откинулась на спинку дивана. Её мечта наконец-то сбылась! Они с Димой снова вместе. Правда, он кажется ей не таким, каким был раньше, в его отношении к ней едва улавливается какое-то непонятное сомнение... Но это — временно, она понимает, что его разрыв с этой Наташей наложил отпечаток. Придавать этому значения не стоит, ведь он — рядом с ней, Кристиной... А Наташа потеряна для него

безвозвратно. У них всё теперь сложится! Сегодня они вместе встречают Новый Год — что может быть лучше?

Думая так, Кристина услышала сигнал мобильного телефона, лежащего на столике — кто-то звонил Диме. Она посмотрела на высветившийся номер: это был номер не из его базы данных. Уверенная в том, что кто-то хочет поздравить его с Новым Годом, она, с довольной улыбкой на лице, нажала на кнопку:

— Да! Добрый вечер и с Новым Годом! Алло!.. Говорите!.. Дима сейчас подойдёт! Алло!..

— Кто-то звонил? — Дима, с подсвечником в руках, вошёл в гостиную, — Я так и не нашёл у тебя спички.

— Да, звонили, но ничего не сказали, — Кристина весело смотрела на него, — наверное, какая-нибудь поклонница?

— Ну, не знаю, — он улыбнулся в ответ, — надо было допросить с пристрастием.

— Там не ответили.

— Ну, тогда и допрашивать некого.

— Почему — некого? — положив ему руки на плечи, Кристина пристально посмотрела в глаза Диме, — Вот тебя сейчас и допросим... Да поставь ты этот подсвечник...

Уже под утро, как будто о чём-то вспомнив, она встала с постели. Дима спал и, прихватив его телефон, Кристина вышла из спальни. Нашла входящий звонок и сделала ответный вызов...

— Да... — женский голос был робким и показался ей знакомым.

— Вот что, девушка, — Кристина говорила напористо, чеканя слова, — я думаю, что вы ошиблись номером, когда звонили этому абоненту. Но, на всякий случай, предупреждаю... Этот абонент для вас всегда будет занят. Не ошибайтесь больше.

Нажав на «отбой», стёрла этот номер из входящих и исходящих звонков и, довольно улыбаясь, вернулась в спальню...

* * *

— Натали, что случилось?! — Петрович, уже изрядно подвыпивший, участливо смотрел на Наташу, которая, придя с небольшого перерыва, устраивалась за синтезатором.

— Всё хорошо, — едва слышно ответила она ему, низко опустив голову, но предательские слёзы упрямо капали на чёрно-белые клавиши.

— Ну что-о-о-о такое? — приобняв её за плечи, он говорил с ней, как с маленьким ребёнком, — Тебя кто-о обидел?

— Нет, всё хорошо, — она повторяла, как заученную фразу, — всё хорошо... Вы идите, Женька ждёт. Я пока одна поработаю.

— Ну, смотри, — он с участием сжал её ладонку, — если что, мы тут, за стеной...

— Угу, — кивнула она и, вытерев слёзы, поправила микрофон. Новогодняя ночь была в разгаре: посетители веселились не на шутку, ёлка в углу обеденного зала сверкала огнями, развешанные по стенам гирлянды переливались всеми цветами радуги, бенгальские свечи, несмотря на запрет администрации, вспыхивали то тут, то там, отражаясь в зеркальной стене.

Стараясь не смотреть на веселящуюся толпу, Наташа заученно нажимала на клавиши.

Она уже пару раз подряд исполнила вступление, но никак не могла начать петь... Слёзы снова и снова подкатывали к глазам, застывали в горле... Ну, зачем она позвонила ему?! Она, ведь, не собиралась... Зачем? Всё и так было ясно... Но, уйдя на небольшой перерыв, вдруг, совершенно неожиданно для себя, набрала Димин номер... Возможно, подсознательно она надеялась, что в новогоднюю ночь произойдёт чудо... но чуда не произошло. Вместо Димы ответила женщина. Она её узнала, это была Кристина... Они вместе встречают Новый Год. Она должна была это предполагать, должна была! Ну, зачем, зачем она ему позвонила?

— Наташка, всё нормально? — Женька, весёлый и счастливый, дожёвывая закуску, отодвинул её из-за синтезатора, — Давай, я лабаю, ты поёшь.

— Давай.

— Всё хорошо?

— Всё хорошо...

Когда под утро она увидела Димкин высветившийся номер, сердце чуть не выпрыгнуло из груди... Но раздавшийся следом голос Кристины убил последние остатки надежды...

* * *

Новогодняя ночь завладела всем городом... Миллионы огоньков заглядывали в праздничные окна, и казалось, что весь мир залит карнавальным светом.

Говоров и Мазур стояли на балконе однокомнатной квартиры, которую снимал Витька, и молча курили, облокотившись о перила. Время от времени сдувая крупные снежинки с рукава рубашки, Сашка задумчиво вглядывался в разноцветную даль. Встречать Новый Год к Мазуру он пришёл вместе с Ирой, с которой в последнее время у него наметились довольно серьёзные отношения. Она и очередная Витькина подруга в комнате весело смеялись, глядя на экран телевизора, пока парни вдыхали морозный воздух вперемешку с сигаретным дымом.

— Ты Димону звонил? — Витька, наконец, нарушил молчание.

— Пока нет, — Сашка затушил сигарету и выпустил последнюю струйку дыма.

— А чего? Я тоже не звонил пока...

— Не знаю, — Говоров поморщился, — он же у Кристины, не хочется почему-то звонить.

— Да... — Мазур покачал головой, — Дима наступает на те же грабли.

— Ну, да... — кивнул Сашка, — Хотя, его дело, конечно, не маленький ведь...

— Мне иногда кажется, что он вообще женщин боится, — усмехнулся Витька, — ходит по кругу, вместо того, чтобы что-то новенькое найти. Мне бы его внешность, уж я бы не растерялся.

— Димыч — однолюб, нам его не понять, — Сашка хмыкнул, — по-моему, он с Кристиной просто свою тоску по Наташке пытается убить.

— Что-то у них ненормально всё вышло, — Витька снова покачал головой, — такая любовь была, и вдруг — бац!

— А никто понять не может. И Дима в том числе.

— Ну, и что с ней теперь?

— А ты что, не в курсе?

— Да слышал краем уха, что она вдруг к Журавлёву ушла.

— Уйти не ушла, а в постель легла, — Сашка как-то зло сжал губы, — при чём, в считанные дни.

— А ты у Женьки ничего не спрашивал?

— Я сначала всё хотел с ним поговорить, да и Дима просил. Но не срослось. А потом Дима сам убедился, что она с ним переспала... сказал, чтобы я не звонил ему больше. Я и не звонил. А потом мне самому нужно было увидеться с Женькой, тогда он и сказал, что она беременная.

— Так, может, и не от Журавля? Может, от Димы?

— Не, от Женьки, стопудово от него. Если бы от Димы, Дима бы знал. Он ребёнке хотел...

— А с ней ты не встречался?

— Не-а... Я в ресторане даже подходить не стал, и она меня не заметила. Чего душу бередить? Она и до этого Диму любила, а сейчас — вообще непонятно, кого...

— Ну, а с Иркой у тебя, смотрю, всё серьёзно? — Мазур толкнул Сашку локтем, — Заявление ещё не подавали?

— Заявление не подавали, — Говоров почему-то смутился и, слегка перегнувшись через перила, внимательно разглядывал двор, — а вот квартиру решили снять. Уже нашли по объявлению, третьего числа идём смотреть.

— Ну, так за это надо выпить, а, Саня? — Витька со всей силы хлопнул друга по плечу, — Чё, идём? И девчонки там чего-то притихли...

— Блин, Мазурик, вот с тобой, не захочешь, а нажрёшься, — Сашка заржал и, уже взявшись за ручку двери, обернулся к Витьке, — мне Ирка сказала, что домой меня не понесёт...

— Да куда она денется, — в ответ ему заржал Мазур, — допинает, в крайнем случае!

* * *

Новогодние праздники закончились, и город постепенно приходил в себя после шумных гуляний под ёлками, катаний с ледяных горок всех, кто был в состоянии на них взобраться, а так же громких и ярких салютов, разноцветными брызгами украшающими ночное январское небо. Все праздничные вечера Наташа работала — ресторан был открыт для посетителей без выходных и до самого утра. Она очень пришлась по душе посетителям, многие из них

приходили именно «на неё» — слух о девушке с удивительным голосом, поющей в «Дворянском гнезде», разлетелся среди ресторанных завсегдатаев, и её собственный песенный блок всегда приветствовался как меломанами, так и просто любителями вкусно поесть... К тому же, смотрелась Наташка шикарно: стройная, с распущенными волосами, иногда уложенными в причёску, красивая девушка привлекала к себе внимание мужской аудитории, что устраивало хозяина ресторана. Будучи очень загруженной учёбой, она никогда не пропускала работу, в отличие от своих коллег, и работала за те деньги, которые ей платили — как бы в отместку за то, что Женька выдавал её за свою невесту, Руслан платил ей намного меньше, чем Журавлёву и Петровичу. Жалея девушку, те нередко добавляли её суммы из своих гонораров, но Наташа об этом даже не догадывалась: деньги ей всегда передавал Журавлёв, а с Русланом она старалась встречаться и разговаривать как можно реже.

Женька и Петрович — средних лет невысокий, худощавый мужчина с красивым тенором, частенько прикладывались к спиртному в праздничные вечера — то по очереди, а то вместе, и она зачастую пела одна под синтезатор, под минусовки или под гитару, в зависимости от стадии веселья посетителей, «прикрывая» своих «товарищей». Товарищи были благодарны — особенно Петрович, чьё пристрастие к алкоголю очень мешало его работе. Немного проспавшись в подсобке, он выходил, поднимая вверх правую руку, как ресторанная «звезда», которую долго ждали зрители. Он дарил Наташке шоколадки и звал её Натали...

Женька, который выпивал не так много и отсутствовал не так долго, обычно наклонялся к девушке и, мурлыкая: «Всё нормально?» целовал в лоб, чем вызывал жгучую ревность у женского персонала и улыбку у самой Наташи, которая вскоре привыкла ко всему. Она, на удивление, подружилась и с Журавлёвым, и с Костей, к которому они время от времени ездили репетировать новые песни. Мужчина почему-то с особенной теплотой относился к Наташе с самого первого дня, девушка немного удивлялась, но однажды Журавлёв всё объяснил.

— У Кости была дочь. Её тоже звали Наташа, и ей сейчас было бы восемнадцать лет.

— С ней что-то случилось?

— Да, она умерла от рака... Давно. Вот он к тебе и прикипел.

Сам Женька тоже становился другим, когда они приезжали к Косте... Наташе казалось, что за видимой бравадой и неумной любовью к женскому полу кроется какая-то неизбывная печаль... Здесь он становился серьёзнее и только слегка улыбался уголками губ. Иногда Костя и Женя затевали свои разговоры с воспоминаниями, и Наташа, положив на локти подбородок, с интересом слушала мужчин, улыбаясь их шуткам. Почему-то у Кости ей было особенно тепло и спокойно...

— Дима, я что-то тут не пойму, что ты... — произнеся эти слова, Наташа осеклась. Она играла по нотам, написанным Женькой, и засомневалась в одном знаке.

— Дима? — Костя удивлённо посмотрел на девушку, — А кто у нас тут Дима?

— Ой, я оговорилась... — смутилась Наташа, — Не Дима... Женя...

— Что ты тут не поймёшь? — Женька взял в руки нотный лист, — Слушай, кстати... Я

только на днях увидел на ютубе ролик... Помнишь, как мы тебе под окном орали?

— Помню... — вопреки его желанию развеселить, слёзы навернулись у неё на глаза.

— О как! — Костя улыбнулся, — Он тебе серенады пел?

— Да если бы я один... Весь знаменитый «Ночной патруль»! — Женька засмеялся, — После концерта на дне города. У Димки Морозова день рождения был, вот он и пел серенады. А мы только подпевали.

— «Ночной патруль»? Я как-то их слышал... И Морозова видел и слышал. Талантливый парень. Но... вот чего-то в его музыке не хватает... жёсткости, что ли?

— Кстати... Вот та песня, что мы Наташке под окном пели, классная, между прочим. Я бы спел. Её на ютубе нет?

— Есть... — Наташа грустно посмотрела на Женьку, — Я её даже в Москве в клубе сама пела, там есть вариант текста для женского исполнения.

— В московском клубе? — Костя удивлённо посмотрел на девушку, — Ты выступала в Москве?

— Да, с «Ночным патрулём»... Мы ездили снимать видеоклип на песню и, заодно, выступили в «Золотой антилопе».

— Ты пела в «Ночном патруле»??

— Совсем немного. Раньше я пела в «Киви», но потом Дима... — Наташа осеклась, но справившись с собой, продолжила, — Потом Дима сказал, что я буду выступать только с ним. Вот тогда мы и поехали в Москву. А потом я ещё на сольнике с ними спела, и всё...

— А почему больше не выступаешь?

— Они теперь под Лапиным. Он вложил деньги в их раскрутку и пригласил Диму работать в его продюсерском центре. В общем, Лапин сказал, что я лишняя...

— И Дима согласился? — Костя пристально посмотрел на девушку.

— Нет. Он не согласился. Я ушла сама.

— А что за песня, послушать где-то можно? Или сама спой?

— А у вас интернет есть?

— Ну, конечно... — Костя включил компьютер, — Сейчас...

— Вот он, ролик... — Наташа пошевелила мышкой, — «Я заплетал твои косы».

Она впервые за эти месяцы снова смотрела любительскую съёмку с концерта «Ночного патруля», слушала песню, которую Дима посвятил ей... Вот он сам... Она так давно его не видела. Комок подступил к горлу... Не в силах больше смотреть, не одеваясь, вышла на улицу.

— Песня мне, в общем и целом, понравилась, — сказал Костя, когда Наташа вернулась в помещение, — но я бы сделал всё по-другому. Попробуем?

— Костя... Я знаю что аранжировки стоят дорого... Пока я не могу заказывать себе песни...

— Ну, я не за деньги... Без денег. Ты этого стоишь... Единственное, что придётся сделать, это спросить разрешения у Морозова — это же его песня?

— Да, его... Но спрашивать не надо. Это он для меня написал... — Наташа подняла на Костю свои большие печальные глаза, — И он её больше не поёт...

Кристина сидела в аппаратной и, не отрываясь, наблюдала, как Дима собирает шнуры от аппаратуры и аккуратно складывает их в коробку.

— Может, ты всё-таки обратишь на меня внимание? — поигрывая ключами от машины, девушка недовольно сдвинула красивые брови.

— А, сейчас, Кристин, — он с готовностью кивнул головой, продолжая скручивать шнур, — Сашка должен был подойти, а он где-то в пробке стоит, только что отзвонился. Вот, приходится торопиться. Ещё домой нужно, переодеться, душ принять.

— А почему не ко мне? — она слегка улыбнулась, — Поедем ко мне, у меня тоже есть ванна.

— А одежда? — улыбнулся в ответ ей Дима, — Всё дома.

— Потому, что ты в прошлый раз не захотел у меня остаться. Остался бы, я всё в порядок бы привела и в шкаф повесила.

— Да ладно, не хочется тебя нагружать лишней работой.

— Морозов, не хитри, — девушка прищурила красивые серые глаза, — это не отговорка.

— Да ладно тебе, — Дима рассмеялся, — поедем вместе, подождёшь меня, с мамой пообщаешься.

— А после концерта поедем ко мне?

— После концерта будет банкет.

— Ты что, останешься?

— Останемся вместе. Там будут люди, с которыми мне нужно пообщаться.

— Нет. Никаких банкетов, — она капризно поджала губы, — слышишь, Дима? Никаких банкетов!

— Кристин, мы недолго побудем, хорошо?

— Нет.

— Ну, что с тобой? — он подошёл к ней и обнял за талию, — Что случилось?

— А ты забыл, какой сегодня день?

— А какой сегодня день?

— Ну, ты даёшь, Морозов, — отстранившись от него, девушка сердито отошла к окну, — по случаю чего концерт, тоже забыл?

— А! — он хлопнул себя по лбу, — Точно, день святого Валентина!

— И, что, по этому случаю не будет никаких действий?

— В смысле? — он вопросительно уставился на неё.

— Что, даже и цветов не подаришь?

— Подарю, — он снова обнял её, — только это должен был быть сюрприз...

— Что?! — она расхохоталась, — Цветы — сюрприз?! Ты что, Дима?! Вот кольцо с бриллиантом в пять карат — это сюрприз... А цветы — это как билет в автобусе, ежедневно и обязательно!

— Ух ты, — поцеловав её, он снова вернулся к инструментам, — даже обязательно?

— А ты как думал? — Кристина кокетливо потрянула пышными чёрными волосами, — Ты имеешь дело не с провинциальной дешёвой матрёшкой, а с дорогой женщиной, не забывай...

— К чему ты сейчас это сказала? — он помрачнел и резким движением закрыл коробку.

— Да ни к чему, просто к слову пришлось, — девушка демонстративно рассматривала дорогое кольцо на среднем пальце правой руки, — кстати, тебе не кажется, что здесь чего-то не хватает?

— Не знаю, — взглянув, он пожал плечами, — красивая женская рука с красивым кольцом... По-моему, всё прекрасно!

— Ты уверен?

— Н-ну да, — он ещё раз посмотрел на её кисть, — может, я ошибаюсь, тогда подскажи?

— Странно, что тебе самому не приходит это в голову, — она сказала это как бы про себя, с нотками недовольства, — на руке не хватает кольца, подаренного тобой. Мы с тобой столько лет знакомы, а ты не подарил мне ни одного кольца.

— Ну-у-у... — Дима снова замялся, — наверное, всё впереди?

— Впереди? — она перевела на него колючий взгляд, — Когда оно придёт, это «впереди»?

— Придёт, — он неуверенно улыбнулся, — мне кажется, это тоже должен быть сюрприз.

— Сколько ты встречался со Смольниковой? — наклонив голову вбок, она прищурила глаза, — полгода?

— Кристина, давай, лучше не будем говорить на эту тему, — глядя в пол, Дима сдвинул брови, — ни к чему, правда?

— А, давай, поговорим? — подбоченившись, она встала прямо перед ним, — Или храбрости не хватает?

— При чём тут храбрость?

— Да при том. Если ты меня спросишь о других мужчинах, я не побоюсь тебе сказать, потому, что я никогда не обманываю... Я откровенна с тобой... — Кристина говорила резко, перемена настроения произошла прямо на глазах.

— Ну, хорошо, — видимо, привычный к таким сценам, он устало вздохнул, — хоть эта тема вот именно сейчас совершенно не к месту... Но, если ты хочешь откровенности... С Наташей мы не просто встречались. Мы жили вместе, как муж и жена. Но это для тебя не секрет, это ни для кого не секрет.

— Хорошо. Но ты ей сделал предложение.

— Ну, и что?

— Ты дурак или прикидываешься?

— Кристина, я тебя не понимаю.

— Не понимаешь?! — глядя на него широко распахнутыми от возмущения глазами, она почти перешла на крик, — Не по-ни-ма-ешь?!

— Нет.

— Вот и я не понимаю, почему ей ты делал предложение, а мне до сих пор — нет.

— Кристина, — Дима окончательно помрачнел, было видно, что ему тяжело даётся этот разговор, но из последних сил он сохранял спокойствие, — мне всё-таки кажется, что предложение делается добровольно, а не в результате чьей-то истерики.

— Возможно, — в сердцах выкрикнула она, — но я не могу понять — почему?!

— Хотя бы потому, что она никогда не называла меня дураком. И вообще, не повышала голоса.

— Что?! — лицо девушки исказило бешенство. Она не ожидала такого ответа и теперь, тяжело дыша, стояла перед Димой, невольно сжав кисти в кулаки.

— Вы чего тут орёте? — Сашка быстрым шагом вошёл в помещение, — На улице слышно.

— Да всё нормально, Саня, — Дима говорил отрывисто, нервно, — шнуры собираю.

— Так это шнуры, оказывается, орут? — Сашка хмыкнул, — Орущие шнуры... Это что-то новенькое...

— В общем, так, Морозов, — Кристина говорила зловеще-тихо, взявшись за ручку двери, — если через полчаса после окончания концерта ты не будешь у моих дверей, пеняй на себя! Я не твоя Наташа, со мной так, как со всеми, нельзя!

— А ты что, не поедешь со мной?! — сдержанно спросил Дима.

— Нет! — отрезала она и, хлопнув дверью, скрылась в коридоре.

— Да-а-а... — Сашка задумчиво нахмурился, — и, правда, не Наташка...

— Саш, прекрати... — сжав губы, Дима укладывал свой синтезатор в чехол, — И так тошно...

— А я чё?... Я — ничё... — Сашка услужливо потянул за «молнию», — Вот, замочек тебе застёгиваю...

* * *

— Саша, Дима, привет! — Журавлёв издалека махнул рукой вошедшим в одно из помещений Дома Творчества Говорову и Морозову. Длинный стол, накрытый в честь празднования дня влюблённых, пестрел спиртным и закусками. Праздничный концерт, в котором участвовал и «Ночной патруль», только что закончился, и все артисты собрались на банкет. Женька, который пришёл чуть раньше, сидел рядом с очередной дамой сердца из подтанцовки на другом краю стола, и Сашка в ответ тоже махнул ему рукой. Дима, при виде Журавлёва изменившийся в лице, никак не ответил на его приветствие и вместе с Говоровым уселся подальше. Поприветствовав знакомых музыкантов, взял в руки протянутый ему стаканчик, но в тот же момент услышал сигнал телефона. Взглянув на входящий номер, нехотя нажал на клавишу:

— Да. Я на банкете. Я говорил, что мне нужно встретиться с ребятами. Кристина, ты сама не поехала со мной. Ну, хорошо, я никогда больше к тебе не подойду, — он устало нажал на «отбой», но через полминуты телефон просигналил снова, — Да... Да, я всё ещё здесь. Нет, отсюда я поеду сразу домой. Хорошо, завтра поговорим. Спокойной ночи...

— Да, Димыч, завтра тебе туго придётся, — Сашка покачал головой, — Может, стоило бы поехать к Кристине? Девушка явно не удовлетворена... всё, всё... молчу! — Говоров громко заржал, — Ну, я серьёзно...

— Саня, пошёл ты, — Дима, не в пример ему, выглядел удручённым и усталым, — я отсюда домой поеду. Сейчас вот с ребятами из «Хеллоуина» поговорю и уеду. Вон они, как раз, — кивнув на группу молодых людей, вошедших в помещение, он встал из-за стола, — пойду, поговорю.

— А, ну, давай, — Сашка согласно кивнул и, обведя взглядом присутствующих, немного

поколебавшись, неторопливо подошёл к Журавлёву, хмуро присел рядом.

— Привет, как жизнь?

— Нормально... — Женька довольно улыбался.

— Тебя каким ветром занесло? — Сашка налил себе в стопку водки, залпом выпил, сморщившись, поднёс к носу бутерброд, которыми изобиловал стол, шумно вдохнул.

— Так я играл сегодня, — выпив вместе с ним, Журавлёв пожал плечами, — не видел, что ли? Я у Гордейчука басиста заменял.

— Не, не видел. Мы только к своему выходу подъехали, вы, видимо, раньше отработали.

— Ну, да, — Женька усмехнулся, — вы же теперь гвозди программы, на закусон лабаετε.

— Да ладно, — Сашка усердно жевал бутерброд.

— Ну, что, как она — слава?

— Слава? А хрен её знает, как она, ещё не понял.

— Да ладно, всё на мази. Давай, за влюблённых, — Журавлёв поднял очередную стопку, — поехали!

— Ты, смотрю, в очередной раз влюблённый? — кивнул на девушку, которая в этот момент разговаривала со своей знакомой, Говоров.

— Ну, нам, как творческим людям, положено, — Женька приобнял свою спутницу; оглянувшись, она очаровательно улыбнулась ему и снова повернулась к соседке по столу, — для вдохновения... Или у тебя не так?

— Смотри, а то вдохновения на алименты не хватит, — Сашка хмуро достал пачку сигарет.

— Всё делаем аккуратно, Саня, никто не жаловался, — Журавлёв обаятельно улыбнулся, — спокуха...

— Что-то с Наташкой не аккуратно получилось... — не выдержал Говоров, — Что, всё уже, разбежались?

— С кем?! — Женька удивлённо вытаращил глаза.

— С Наташкой.

— С какой Наташкой? — собиравшийся тоже закурить Журавлёв чуть не выронил сигарету из рук, — У меня никакой Наташки нет, Саня, ты что-то путаешь.

— Как это — нет? — усмехнулся Говоров, — А Смольникова?

— А Смольникова тут при чём? Мы и не сбегались, — Женька, наконец, тоже закурил и, облокотившись о стол, наклонился к Говорову, — Саня, я только недавно развёлся, я что, на голову больной, снова в ту же петлю? Я предпочитаю однодневные, ни к чему не обязывающие отношения.

— Ну, ты же сам сказал тогда, в ресторане, что она в положении...

— Саня... Я просто сказал, что она беременная, и то по пьяни проболтался. Но, разве я сказал, что от меня? — Женька вытаращил изумлённые глаза, Я не святой дух, чтобы от меня бабы на расстоянии залетали.

— Как понять — на расстоянии? — удивился уже Говоров.

— На расстоянии, — повторил Журавлёв, — бесконтактно, то есть.

— Да ладно, Жека... Это Диме можно было бы заливать, — Сашка недоверчиво покосился на Женьку, — я лицо постороннее, можешь расслабиться.

— Я, что, похож на идиота, который будет хвастать, что ему отказали? — тот снова

искренне удивился.

— В смысле?

— В смысле, сказали: «Иди ты, Женя, лесом...»

— Так что, вы с Наташкой не...

— Саша, вот с Наташкой у нас никогда ничего не было. Я даже не знаю, от кого она в положении, не имею привычки в душу лезть, мы просто работаем вместе, и всё. Она понравилась Руслану, как певица, я предложил ей работу. Она согласилась. Так что на меня чужих детей не вешай, а лучше спроси у неё сам, если до сих пор ещё не догадался, кто отец, — скосив глаза в ту сторону, где сидел Морозов, Женька засмеялся, — а, вообще, давай лучше за влюблённых, а то у меня девушка уже заскучала.

— А я даже слышал, что она у тебя ночует...

— Кто — Наташка? — в очередной раз вытаращился Женька, — С чего ты взял-то?

— Ну... сказали мне там у вас, в ресторане. И ещё сказали, что ты всем говоришь, что она — твоя невеста.

— А, ну, это другое дело... Один раз пришлось приютить. А как бы ты на моём месте поступил? Если полный ресторан горячих парней, и у меня спрашивают, за сколько можно эту девочку купить. До маршрутки ей нереально было дойти без приключений, а я ещё работал, и за руль — никак, поддатый был.

— И что? — Сашка всё ещё недоверчиво смотрел на Журавлёва.

— И ничего. Провели ночь как брат и сестра, она на кровати, я на раскладушке. Ночью пришёл Руслан, думаю он сам на неё запал, вот тогда и пришлось сказать, что Наташка — моя невеста.

— Так уж врозь и спали? Не похоже на тебя, — Сашка в сомнении качал головой.

— Саня... — Женька удивлённо смотрел на Говорова, — ты забыл, наверное, что я женщин не насирую. А беременных — тем более. Так что, совесть моя чиста. И давай, наконец, выпьем...

— Выходит, и тогда, в октябре, когда мы с тобой возле универа встретились, она не с тобой ночевала? Дима тогда её найти не мог.

— В октябре? — подняв глаза, Женька сосредоточенно что-то вспоминал, — А, всё, вспомнил. Это когда мы ехали мою песню репетировать? Так она тогда к подружке собиралась. Я слышал, как они по телефону договаривались. Наташка тогда симку в окно выкинула, а новую поставила. Но я привычки не имею расспрашивать, Саш. Говорю, только то, что сам видел.

— Понятно... — Сашка казался потрясённым. Выпив ещё стопку, он, попрощался с Журавлёвым и вернулся на своё место.

— Что тебе там Журавлёв так долго рассказывал? — поговорив со знакомыми музыкантами, Дима уже собирался домой, но, увидев Говорова, задержался...

— Да ничего... — наливая себе ещё водки, Сашка сосредоточенно смотрел, как бесцветная жидкость, пульсируя, наполняет пластиковый стаканчик, — Потрепались, как обычно, бухнули и разошлись.

— А что за подруга с ним?

— Да так... просто знакомая.

— За Наташку... ничего не говорил?

— Не-а... Ничего...

— Ой, Наташка, вот это лучше! В нём совсем ничего не заметно, — Оксанка разглядывала в примерочной выбранное Наташей платье с высокой талией. Повернувшись боком, та придирчиво присматривалась к своей фигуре — пышный подол удачно скрывал слегка округлившийся животик. Ещё немного, и скрывать его уже не удастся... Захочет ли хозяин ресторана, чтобы посетителям пела беременная певица?

— Ладно, — девушка подала платье продавщице, — я беру. Заверните, пожалуйста.

— Ну, что Мила, кто из нас был прав? — закинув ногу на ногу в своём кресле, Леонид Лапин победно посмотрел на жену, — Для меня невозможного нет, если дело касается моей дочери.

— Ой, Лёня... Я даже думать боюсь, чтобы не сглазить, — та с теплом смотрела на мужа, — Кристина так изменилась, что не верится... Я давно не видела её такой счастливой, как сейчас.

— Вот ради этого и стоило всё затевать, — Лапин закурил, — Вот мне говорили: чего ты ухватился за этого музыкантишку? Отправь дочь за границу, и дело с концом. А что там — за границей?! Она здесь к алкоголю пристрастилась, а там, без присмотра, к чему привыкла бы? Нет, заграница в данном случае нам не поможет.

— Я согласна с тобой полностью. Я бы места себе не находила, если бы она была далеко.

— А насчёт Димы я так скажу. Деньги всегда можно заработать, была бы голова умная на плечах. А у него она есть. Вон как ухватился за работу! Денег вообще сейчас не получает — то, что остаётся от гонораров, отдаёт за то, что я его от Игоря отмазал, — Леонид довольно ухмыльнулся, — мне эта драка даже на руку, как по заказу, он сам в руки попался, и рассчитывать ему ещё до-о-о-лго! — Лапин хитро улыбнулся, — А благодарен будет по гроб жизни. Ну, и сам по себе парень хороший, порядочный. Я тут рассуждаю нетрадиционно. А Кристинка его любит, это самое главное. Вот поженятся, я на неё официально всё отпишу, так отпишу, чтобы ему было выгодно с ней не ссориться. Пусть занимаются шоу-бизнесом, там, глядишь, он от своего рока отойдёт.

— Да... Кристина его любит. Правда, что-то никак окончательно не сойдутся... Может, просто заняты сейчас так сильно? Лишь бы сладилось, иначе я боюсь за неё...

— Сладится. Не сладится — у меня ещё пара козырей в запасе есть.

* * *

Новый Год, защита диплома, репетиции, гастроли, новые проекты — за делами зима пролетела незаметно, и первый день первого весеннего месяца обозначился на календаре. Несмотря на огромную загруженность, Дима находил время для сочинения музыки. Вернее, он её даже не сочинял, мелодии сами появлялись в голове, ему оставалось их только оживить. Он написал несколько инструментальных композиций и теперь включал их в концертную программу.

Возобновление отношений с Кристиной облегчения не принесло. Заполнить пустоту, образовавшуюся после разрыва с Наташей, не получалось — слишком большую часть занимала эта белокурая, хрупкая девушка в его жизни... Прошное никак не отпускало, оно возвращалось в воспоминаниях и снах. Наташка снилась ему всё чаще и чаще... Во сне она что-то говорила ему, но он не слышал её голоса. Она снова что-то говорила и протягивала к нему руки... Ему нужно было только сделать шаг. Но, вместо этого, он разворачивался, уходил прочь и... просыпался.

— Морозов, я что-то не поняла... Почему ты отказался заниматься проектом этих двух мальчиков? — размахивая диском, Кристина гневно вошла в студию, где Дима писал аранжировку к новой песне, — Опять скажешь, что вокал слабый?

— Кристина, я не буду заниматься «голубыми» проектами. Пусть у них хоть золотые голоса.

— Ты что, вообще дурак? Какая тебе разница, если они сами платят за свою раскрутку? Тем более, это выигрышный проект, и ты сам об этом знаешь! Это бизнес — в первую очередь.

— Кристина, мне плевать, что он выигрышный, я принципиально «голубизной» не занимаюсь! Есть у них деньги — пусть сами и раскручивают себя. В первую очередь, я — нормальный мужик.

— Знаешь что, — Кристина прищурилась, — У меня такое впечатление, что ты вообще не мужик.

— Ты пришла со мной поругаться? — Дима пристально посмотрел на девушку, — В любом случае, подбирай слова.

— Ладно, прости... — нехотя выдавила из себя Кристина, — Просто... просто я устала... я не понимаю, мы вместе... или нет...

— Что ты имеешь в виду? — парень вздохнул в ожидании привычных упрёков.

— Ты и сам прекрасно всё понимаешь. Ты постоянно чем-то занят, я чуть не силой затаскиваю тебя к себе... Вот скажи, зачем мне своя квартира, если мы так и не живём вместе?

— Мы с тобой и так постоянно вместе.

— Морозов... Не прикидывайся дураком! Это работа. Я о другом говорю.

— Кристина... — Дима опустил голову, — Я не знаю, что тебе сказать. Правда, не знаю...

— А я знаю... — она посмотрела на него с обидой, — Ты никак не можешь забыть свою Наташу... а я для тебя просто как таблетка: выпил — и не болит, да, Дима?

— Кристина, хватит. Я всё давно забыл.

— Забыл?! Да ты живёшь где-то там, в прошлом... Ты меня даже не замечает! Зачем же ты тогда... в декабре... Зачем?! Ну, вот скажи мне?!

— Не знаю... — тяжело выговорил Дима, — Кристина... я сам ничего не знаю. Успокойся, пожалуйста... Я ведь всё равно рядом с тобой, никого не ищу... потерпи немного... Хорошо?..

— Ты совсем дурак, Морозов?! Почему я должна терпеть? Что я должна терпеть?! Твои страдания?! А кто будет терпеть мои? Дима... — Кристина внезапно изменила тон, заговорив тихо, — Дима, пойми, жизнь идёт дальше... Прошное осталось в прошлом... А настоящее — вот оно! Я с тобой, и я тебя люблю.

— А помнишь, в Москве... Ты мне сказала, что не может быть только того, чего не было... А то, что было — никуда не уходит.

— Я тебя поняла, — после недолгого молчания металлическим тоном произнесла Кристина, — в общем, так, Морозов. Не забывай, что ты с отцом ещё не рассчитался полностью. И здесь ты — фактически никто. Просто музыкант.

— Кристина... — Дима усмехнулся, — Это не самый лучший способ наладить отношения.

— Да?! Тогда подскажи мне самый лучший! И, вот ещё что... Я не говорила, но сейчас

скажу. У тебя нет авторских прав на текст песни «Он, как и я». А ты её распевал на фестивале! Ты отдал её на кавер! Ты знаешь, в какую сумму тебе выльется судебное разбирательство?

— Кристина... Ты хоть сама понимаешь, что сейчас делаешь? — Дима с недоумением смотрел на девушку, — Ты считаешь это нормальным?

— А что мне делать? — в отчаянии крикнула она ему в лицо, — Что мне делать?! Как мне тебя разбудить?! Проснись, Дима!.. Проснись!..

— Кристина... ты иди сейчас домой. Мне лучше побыть одному.

— Хорошо. Я сейчас уйду. А ты... ты подумай. И не опоздай с решением.

* * *

Он с удивлением смотрел на звонящий телефон — номер был незнакомым.

— Добрый вечер, это Дмитрий? — женский голос был довольно приятным.

— Да... Добрый вечер!

— Это Инна. Может, помните, я вас летом подвозила на машине до города. А вы мне дали свой телефон. Помните?

— Да... Вспомнил... Здравствуйте, Инна.

— Дима, мне очень неловко... Но у моей сестры скоро день рождения, как раз восьмого марта. Она ваша горячая поклонница, кажется, я уже говорила об этом. Вы не могли бы подписать для неё ваш диск? Диск у меня уже есть, а подписи вашей нет.

— Диск?! — Дима искренне удивился, — Вы не путаете? У меня нет пока записанного диска.

— Нет-нет... Это, конечно, самодельный диск. Песни, скачанные из интернета. Но, думаю, вы меня за это не осудите? — в голосе женщины слышалось кокетство.

— Понятно... С одной стороны, приятно, — Дима усмехнулся, — хотя... если честно, то приятно со всех сторон.

— Ну, тогда тем более. Подпишите?

— Ну, в принципе... почему бы и нет? Давайте, встретимся, я подпишу. Скажите, когда...

— А, давайте, прямо сейчас?

— Ну... Давайте... Куда подъехать?

Тогда, прошлым летом, он не успел её разглядеть — так торопился домой, к Наташке... А сейчас он как будто впервые увидел красивую, голубоглазую женщину лет тридцати, со светлыми волосами. Не такими светлыми, как у Наташи... Он снова поймал себя на мысли, что невольно сравнивает с ней всех женщин...

— Спасибо, что согласились, — Инна обаятельно улыбнулась, — я, конечно, так бесцеремонно...

— Всё нормально, ничего не бесцеремонно, — Дима улыбнулся в ответ, — я, как раз, собирался ехать по делам, и мне было по пути.

— Ну, тогда — вот... — Инна протянула ему диск, — Записывал мой знакомый, он же оформлял обложку. Как вам — нравится?

— В общем, да... — Дима с интересом разглядывал фото «Ночного патруля», взятое, видимо, со страниц интернета. Что-то тупо заныло в груди... На этой фотографии с ними была Наташа, их сфотографировали как раз перед сольным концертом, который они давали в сентябре прошлого года. Единственное фото с ней в составе группы... Справившись с собой, он достал ручку.

— Как зовут вашу сестру?

— Её зовут Снежана.

— Интересное имя. Зимнее...

— Она тоже блондинка, как и я, — женщина кокетливо улыбнулась.

— И такая же красивая? — подыграл ей Дима.

— Ну... это решать мужчинам... — Инна явно была не против продолжить словесную игру, — Правда, у неё есть явное преимущество: она — младшая сестра.

— У красивых женщин возраста не бывает, тем более, у молодых красивых женщин, — Дима улыбнулся, отдал подписанный диск, — ну, вот, пожалуйста... Дарите.

— Спасибо, даже не знаю, как вас отблагодарить... — Инна игриво смотрела на него своими красивыми голубыми глазами. Глядя на неё, он вдруг почувствовал странное притяжение к этой женщине. Что-то едва уловимое в её образе показалось ему до боли знакомым.

— Вы уже отблагодарили, — Дима кивнул на диск, — хоть это и пиратское изделие, но оно — признак популярности. А что ещё артисту надо?

— Если вам будет грустно, то позвоните, я буду рада, — женщина стрельнула красивыми глазами.

— Хорошо. Я позвоню.

Попрощавшись с Инной, он вернулся в машину, завёл двигатель. Начало марта... Первый месяц весны. Жизнь продолжается...

Вернувшись домой, прошёл в свою комнату, присел у компьютера... Открыл папку с Наташиными фотографиями... Он когда-то специально создал эту папку, собрав в неё все её фото.

Открывая их одну за другой, он внимательно вглядывался в Наташкино лицо. Глаза... Удивительно доверчивые, удивительно печальные... Почти год назад она доверилась ему... И так же легко потом доверилась другому... Он всё равно не мог поверить до конца, что это возможно... Может, нужно было разыскать её тогда? Остаться дома, не ездить ни на какие гастроли... Он сам не оставил ей надежды, когда не стал догонять в тот дождливый вечер. Она ушла, а он уехал с Кристиной. И потом... Он молчал, она, конечно, ждала, что он позвонит... и молчала сама. И в день назначенной свадьбы он не позвонил... Он сам толкнул её в чужие объятия. Но она... Неужели всё так просто? Сколько раз он хотел поехать к ней — туда, в маленькую квартирку на третьем этаже... Но, представив, что там, где прошло столько их счастливых дней, теперь бывает другой, напрочь оставлял эти мысли.

Он вспомнил, как ещё в декабре, не выдержав, подъехал к «Дворянскому гнезду». Ждать пришлось недолго, они вышли вместе — Наташа и Журавлёв. Сели в его машину и уехали... Он не стал догонять и следить... Она сделала свой выбор. У неё будет не его ребёнок.

Всё. Хватит. Больше нет сил истязать себя этими мыслями. Ничего не вернуть.

Закрыл папку.

Навёл курсор... на секунду в голову пришла мысль, что это не курсор, а прицел... щёлкнул правой мышкой... сделав над собой невероятное усилие, нажал на «удалить».

Внезапно вспомнил сегодняшнюю встречу: догадка обожгла, как огонь... Инна чем-то неуловимым напоминала ему Наташку. Только глаза у неё были не карие, а голубые.

Немного погодя, взял телефон, нашёл номер, нажал «вызов»...

— Инна? Это Дима. Помните, вы предлагали прогулку по вечернему городу? Предложение в силе?

— Ну, что? — при виде Наташи, выходящей из кабинета УЗИ, Оксанка вскочила со стула, — Что сказали?

— Сказали, всё нормально, патологий нет.

— А не сказали — кто? Девочка или мальчик?

— Ещё в прошлый раз сказали.

— Да?! А ты не говорила... И — кто? — заглядывая в глаза подруге, любопытничала Оксанка.

— Мальчик... — Наташа тепло улыбнулась, — А я и хотела мальчика.

— А мне кажется, девочка лучше, — философски произнесла подружка, — девочки ближе, мама так всегда говорит. И наряжать их интереснее...

— Ну, не получилась девочка... — Наташа засмеялась и, сунув Оксанке в руки пакет с пелёнкой и тапочками, торопливо открыла соседнюю дверь в туалетную комнату, — Подожди меня, я сейчас...

Выйдя из женской консультации, девчонки не спеша прогуливались по улицам. Весна заявила о своих правах, и мартовский воздух был полон пьянящей свежести.

— Слушай, Наташ, а, может, тебе всё же сказать Морозову? — Оксанка озабоченно посмотрела на подругу.

— Знаешь, Оксан... Мне иногда ужасно хочется, чтобы он узнал. Только... только это будет лишняя боль. Он ведь сейчас опять с Кристиной, это я точно знаю. И ко мне он всё равно не вернётся.

— А вдруг вернётся? — Оксанка вытаращила свои голубые глаза, — Дети иногда очень помогают!

— Не вернётся. Он давно бы вернулся, если б захотел.

— А я бы сказала...

— Ты же видишь, он ни разу не пришёл с тех пор... мы не виделись почти пять месяцев.

— Да, как-то странно...

— Ничего странного. Просто ему стало со мной тяжело. И... наверное, так лучше... Я действительно, его измучила. Я и сама запуталась, и его запутала... А сейчас он счастлив. Наверное, счастлив...

— А вдруг — нет? — Оксанка закусила губу, — Вот откуда ты узнала, что он снова с Кристиной?

— Я же их тогда, осенью, вместе увидела. Я рассказывала тебе.

— Ну, и что?! — голубые глаза подружки стали похожи на два блюдца, — Мало ли, почему они тогда оказались вместе?! Может, у неё машина сломалась?!

— Я тебе не говорила, — Наташа закусила губу, — я звонила Диме в новогоднюю ночь.

— Да?! — даже не спросила, а выкрикнула Оксанка, — И что?! Наташка, что?!

— Трубку взяла Кристина... А под утро она мне перезвонила и сказала, что этот абонент теперь для меня всегда будет занят.

— Думаешь, она тебя узнала?!

— Не знаю...

— Слушай, Наташ, это ещё ни о чём не говорит. Они могли просто быть в одной компании. Нет, тебе ещё осенью нужно было с ним мириться, когда он к тебе приходил. А ты молчала.... Что ему оставалось делать?

— Понимаешь, — Наташа говорила тихо, не в пример Оксане, — он после этого мне не позвонил и не пришёл. Раньше, когда мы ссорились, он очень быстро остывал, и мы мирились буквально сразу же. А тут... Он пришёл лишь затем, чтобы вернуть ключ.

— Но он же приходил к тебе ещё раз, помнишь?

— Помню... — Наташа шла, опустив голову, погружённая в невесёлые воспоминания, — Я тогда подумала, что он пришёл мириться. А он хотел отдать деньги и ещё спросил, что у меня с Журавлёвым, хотя, скорее всего, Сашка ему всё рассказал. Они ведь с Женькой — приятели, иногда общаются. Я думаю, Женька Сашке сказал, что мы с ним лишь записываем песню.

— А ты у Журавлёва об этом спрашивала? — Оксанка щурилась на весеннее солнце.

— Нет, — снова покачала головой Наташа, — я свои проблемы с чужими парнями не обсуждаю.

— Ну, и зря! — Оксана кивнула сама себе, — И проблемы ты не обсуждаешь, и с Морозовым встретиться не хочешь...

— Я бы очень хотела его увидеть, — почти прошептала Наташа, — но, говорят, он везде появляется с Кристиной.

— Ну, и что?! А я прямо при ней сказала бы о ребёнке!

— Что ты?! — Наташа испуганно взглянула на подружку, — Ни за что на свете!

— А я бы сказала...

— Дима ни в чём не виноват, — Наташа отрицательно покачала головой, — ведь он со мной, как с маленьким ребёнком, возился... А я... — тяжело вздохнув, она украдкой смахнула слезу со щеки, — А я... Я сама во всём виновата.

— А я всё равно бы сказала, — уже в который раз упрямо повторила Оксана.

— Всё равно я летом уеду. Я бы и сейчас уехала, но нужно доучиться. В ресторане, видимо, последний месяц работаю, на каблуках два часа не выстаиваю, и живот видно... Спасибо Женьке, я хоть за зиму кое-что заработала. Надо второй курс окончить.

— Ты молодец, Наташка, — Оксана посмотрела ободряюще, — такая нагрузка: и учёба, и работа, ещё и беременность. Тебе не страшно ночью домой добираться?

— Конечно, страшно... Иногда меня Женька подвозит, но я стараюсь его не напрягать. Я и так у него в долгу, он хоть и узнал, что я беременная, но не отказался работать со мной. И песню мою они с Костей записать хотят, и вообще... Он хороший парень. Даже очень, — Наташа засмеялась, — Хоть и бабник... Знаешь, посетители разные бывают, часто пристают, особенно раньше приставали, когда живота не было видно... Бывают такие, что напьются, и готовы за руку от микрофона утащить... А Женька столько раз меня выручал!

— И что, даже не приставал ни разу? — Оксанка с нескрываемым любопытством посмотрела на Наташу, — Ну, к тебе, в смысле...

— Ну, так, чуть-чуть... в самом начале... — Наташа засмеялась, — Но у него свой кодекс чести — если ему женщина отказала, он больше к ней не клеится, ведёт себя прилично. Я ведь даже ночевала у него один раз, когда один посетитель предлагал ему за меня кучу денег. Я бы тогда домой вряд ли бы попала, может, и в живых бы уже не было. А Женька меня к себе увёл, пока тот возле входа поджидал, и хозяину ресторана не отдал, хоть тот и приходил ночью.

— Да ты что?! — голубые глаза снова превратились в блюдца, — И — что?!

— Ничего, — Наташа пожала плечами, — Я на кровати спала, а Женя на раскладушке.

— Обалдее-е-е-ть... — Оксанка надолго замолчала и, лишь подойдя к автобусной остановке, заговорила снова, — Жалко, что ты на заочное переведёшься...

— А что поделать, придётся, — грустно улыбнулась Наташа.

— А ты отцу-то так до сих пор и не сказала? Ну, что в положении?

— Не-а... Ещё нет. Когда после Нового года ездила домой, ещё не видно было... я и смолчала... А теперь и совсем не знаю, как сказать — у него сердце больное. Вот что я наделала.

— Наташка... А ты имя уже придумала?

— Да... Давно... — на этот раз улыбка получилась тёплой.

— Какое?

— Валера... В честь папы.

* * *

— Ну, что, молодёжь, аранжировка готова, — Костя посмотрел на Наташу и Женьку, которые приехали к нему в студию, — можно вокал писать. Тут два варианта — либо одна Наташа поёт, либо вы дуэтом. Насколько я понял, там текст есть и от мужского, и от женского лица. Что делаем?

— Я думаю, Наташке нужно сольно спеть, — Женька вопросительно посмотрел на девушку, — тут дуэт ни к чему совершенно.

— Да, сольно, — подтвердила Наташа.

— Ну, тогда чайку с коньячком, связки разогреть, — Костя включил электрический чайник, достал чашки и коньяк.

— Мне без коньяка, — Наташа сделала предупредительный жест рукой.

— Ложечку можно, — Костя улыбнулся, — кто будет-то, мальчик или девочка?

— Мальчик, — Наташа смутилась: за всё время, как они с Женей приезжали к Косте, тот деликатно ни разу не спросил о её беременности.

— Ну, тем более, мужику положено, — Костя заулыбался, — шучу, конечно.

— Наташке нельзя, — подал голос Журавлёв, — она буйная делается.

— Кто — буйная?! — Наташа засмеялась, шутливо стукнув кулачком Женьку в плечо, — Да я за вас, алкоголиков, все праздники горло драла, даже пять капель не выпила, пока вы в подсобке храпели!

— Во, видишь? Трезвая, а уже дерётся, — Женька перехватил Наташкину руку, другой обнял её за плечи, — будешь буйнить, замуж не возьму.

— Да я сама за тебя не пойду! — Наташа ещё пуще расхохоталась, — У тебя только в ресторане восемь невест! А по городу?

— А я, может, тебе верный буду, — рассмеялся в ответ Женя.

— Хорошо с вами, ребята... — Костя весело улыбался, — Просто, без заморочек.

— А мне с вами легко... — подперев лицо ладошкой, Наташа смотрела на Костю, — Я у вас, как будто дома.

— Не, Наташка реально молодец. Сколько работаю там, первый раз вот так — что ни попроси, всё сделает. Сколько мы с Петровичем ей ящиков коньяка должны... мама дорогая!

И ни разу не выговорила. Серьёзно, Наташ, ты молодец, — Журавлёв кивнул девушке, потом обратил взгляд на Костю, — Петрович бухой спит — она со мной поёт. Я бухой — она Петровичу играет. Потом ещё и свой персональный репертуар исполняет, и всё без проблем.

— Да ладно... — смутилась Наташка, — Захвалил...

— Оставайся с нами, Наташка... — Женька снова обнял её за плечи, слегка прижал, — Мы ребёнка усыновим всем «Дворянским гнездом». Голодным не будет! Музыканта из него вырастим... А, Наташка?

— Хорошо... — грустно улыбнулась девушка, — Я подумаю.

— Давай, думай. Будет сын оркестра. Всё равно меня в отцы записали, — Женька весело рассмеялся.

— Тебя?! — Наташа посмотрела на него удивлённо-недоверчиво, — Интересно, кто?

— Да Сашка Говоров. Еле отбрыкался... Ну, это давно, ещё в феврале.

— Странно... — она смущённо опустила глаза, потом, справившись с собой, подняла их на Костю, — Ну, что, пишемся?

Уже сидя в машине, перед тем, как уехать, Наташа спросила Журавлёва:

— Жень, а с чего Сашка взял, что ты... ну, отец ребёнка?

— Слушай, я даже не знаю, — пожал плечами тот, — но он был так уверен...

— И что ты ему сказал?

— А что я ему мог ещё сказать? Как ты думаешь? — весело ответил парень, — Правду, и только правду.

Весна окончательно пришла в огромный город. Апрель по-хозяйски преобразил посеревшие после зимы улицы: деревья, пригретые солнечными лучами, оживали на глазах, птицы пели наперебой, а люди накануне Первомайских праздников переоделись в яркие весенние одежды. Облокотившись о перила небольшого моста через узкую речку в центре города, Дима смотрел вниз — на весёлую рябь, покрывающую журчащий поток. Лёгкий тёплый ветер трогал его длинные волосы, закидывая небольшие пряди на лоб, и стоящая рядом с ним спутница пригладила рукой его причёску... Парень невольно повёл головой, как бы отстраняясь от её жеста...

— Дима... Почему ты никогда не рассказываешь о себе? — Инна сделала вид, что не заметила этого движения, — Мне кажется, тебе нужно выговориться.

— Зачем? — Дима посмотрел на женщину.

— Ну, хотя бы затем, что я психолог, — она улыбнулась и ещё раз провела рукой по его волосам.

— Ты считаешь, мне нужна помощь психолога? — он усмехнулся и добавил, — Так всё запущено?

— Каждому человеку рано или поздно бывает нужна помощь. Все эти два месяца, что мы встречаемся, мне постоянно кажется, что тебя что-то гнетёт. Даже когда ты улыбаешься.

— Не заморачивайся, Инна...

— Это не я заморачиваюсь. Это ты — замороченный.

— Скорее — запутавшийся... — Дима повернулся к женщине и, взяв её за плечи, посмотрел в голубые глаза, — Но пусть тебя это не тревожит. С собой я разберусь сам.

— У тебя такой печальный взгляд... Когда я впервые увидела тебя, ты был другим.

— Тебе показалось... Прости, — он достал из кармана звонящий телефон, нажал кнопку, — Да... Нет, я сейчас в дороге... Буду где-то через час. Кристина, не начинай... Я приеду, и мы поговорим, хорошо?.. Всё, до встречи...

— Это из-за неё?

— Что — из-за неё?

— Твои проблемы.

— И да, и нет... — нехотя ответил Дима.

— Ты говорил, что не женат. Это твоя девушка?

— Я даже не знаю, как сказать... Наверное... нет. Вернее — да, но бывшая девушка. В общем... Я же говорил, что я запутавшийся. Даже объяснить не могу... Мы когда-то встречались. Потом... потом перестали встречаться. А в конце прошлого года как-то снова всё произошло... Так спонтанно... И теперь...

— И теперь ты не можешь в себе разобраться, так?

— Да... — слова давались Диме тяжело, — Но, повторюсь, это только моя проблема. Не заморачивайся.

— Дима... ты можешь не бояться мне всё рассказать. Я отдаю себе отчёт в том, что наши с тобой отношения вряд ли когда-нибудь перерастут во что-то серьёзное. Во всяком случае, с твоей стороны.

— Ну, зачем ты так... — он снова обнял её, — я не давал тебе повода...

— Дима... Я старше... И прекрасно всё понимаю, — Инна печально улыбнулась, — и, мне кажется, что дело не в той, которая сейчас тебе звонила. В цепочке не хватает звена...

— Мне совсем не нравится нагружать тебя своими личными делами. Как-то странно всё выглядит...

— Просто я профессионал, Дима. Поэтому... — она замолчала, не договорив.

— Поэтому мы сейчас с тобой куда-нибудь поедem, — он улыбнулся и, наклонившись к ней, поцеловал.

— Тебя ждут, — игриво ответила женщина, — ты обещал подъехать через час...

— Час — понятие растяжимое... До бесконечности.

Сев за руль и пристегнувшись, Инна завела двигатель, отогнула козырёк и посмотрелась во встроенное с обратной стороны зеркало. Включила радио и, перебирая радиостанции, остановилась на городской «Музыкальной дорожке».

— Здесь иногда твои песни крутят. «Он как и я» и... «Не моя», кажется.

— Да, именно эти. Хорошо, что есть свой такой радиоканал. Местные музыканты нет-нет да выставляют своё творчество.

— Да, я за это и люблю эту радиостанцию. Всё такое живое, не избитое... Вот... что-то новенькое... — услышав незнакомую мелодию, Инна сделала звук громче, — Вроде такой песни не слышала...

— погоди... — Дима напряжённо вслушивался в гитарное вступление, — Сделай ещё громче... пожалуйста...

— Пожалуйста, — женщина охотно прибавила звук, — Что-то знакомое?

— Да... Как?! Кто записал?! — слушая, Дима изменился в лице. Из динамиков лился женский нежный голос... Этот голос, этот тембр он бы не спутал ни с одним другим на свете!

Ни к чему все вопросы,
Прочь из сердца тоску...
Ты заплетал мои косы —
Волосок к волоску...

Наташа пела так, как могла петь только она... Её исполнение всегда было таким выразительным, так трогало душу, как будто эта девушка сама проживала то, о чём пела.

Буду грешной пред тобой —
Меня прости...
А появится другой —
Не отпусти...
Снова косы по плечам
Рас-пу-сти...
Лишь не дай ты их
Другому заплести...

— Боже, какой голос! И песня... — Инна повернулась к Диме, — Дима... Что с тобой? Что-то случилось? На тебе лица нет...

— Случилось... но уже давно, — он устало закрыл глаза.

— Тебе песня знакома? — Инна пытливо посмотрела на него, — Или певица?

— Это моя песня... И слова, и музыка. Правда, слова здесь от женского лица... и певица... тоже знакома.

— Видимо, это и есть то самое недостающее звено?

— Это даже не звено... Это мои цепи...

— Это к ней ты спешил тогда... прошлым летом? Девушка с белой косой...

— Да...

— Она же была на фото твоей группы....

— Да...

— Понятно...

— Я ушёл от неё осенью...

— Почему ушёл?

— Так вышло...

— И где она сейчас?

— А она... Она с другим...

* * *

— Знаешь, Дима... — подала голос Инна, выслушав его нелёгкую историю, — Мне кажется, у тебя сложился комплекс вины перед твоей Наташей. При чём, вины не простой. Она у тебя многослойная. Вот она теряет с тобой невинность... Вот ты не берёшь её в поездку, и она вляпывается в нехорошую историю... и ещё много всяких мелких эпизодиков... А теперь ещё твой уход от неё, который она же и спровоцировала... И её же измена тебе, закончившаяся беременностью. Дима... Ты берёшь на себя её же собственную вину. И только поэтому она тебя не отпускает.

— Не знаю... — Дима сидел в салоне автомобиля, откинув голову на подголовник, — Не знаю... Я пытался забыть... Я писал музыку, и мне становилось легче... Я попытался снова возобновить отношения с Кристиной — не получилось... Я встретил тебя... и... мне показалось, что я стал забывать... А сейчас услышал её голос... и всё... в одну секунду всё вернулось...

— Дима... — Инна грустно улыбнулась уголками губ, — Это всё та же песня...

— Что мне делать? Подскажи...

— Я тебе скажу, но уже не как психолог: клин клином вышибают! — женщина лукаво улыбнулась, — Ну, что, едем?

— Инна... ты меня прости... Я сегодня никуда не смогу... Мне в центр надо... Прости, хорошо? Я позвоню... — с этими словами Дима вышел из машины.

Открыв огромный зеркальный шкаф, Кристина торопливо перебрала одежду на вешалках и, выбрав короткое, обтягивающее серебристое платье на узких бретелях, небрежно бросила его на широкую кровать. Затем сняла с себя брюки и блузку, надела платье и вышла в соседнюю комнату.

— Ну, как тебе? — повернувшись вокруг себя, девушка кокетливо застыла перед Димой, который, полулёжа на широком диване, смотрел в огромный плазменный телевизор, висевший на противоположной стене.

— Тебе идёт... — едва посмотрев на неё, он снова уставился на экран.

— Морозов! Ты даже не глянул! — Кристина весело повернулась ещё раз, — ну, посмотри...

— Правда, тебе очень идёт, Кристина...

— Ну, ладно, поверю на слово, — девушка пробежала к дивану и плюхнулась рядом с Димой, — ты и сейчас не обратишь на меня внимания?

— Уже обратил... — парень повернул голову, — Ты, как всегда, очень красивая.

— И всё?! — она удивлённо приподняла брови, — А где подтверждение?

— Ну... Я могу письменно заверить.

— Дима, — капризным тоном произнесла Кристина, — Не притворяйся, что ничего не понимаешь.

— Кристин... У меня сегодня голова как чугунная, и, правда, ничего не понимаю, — попытался пошутить Дима.

— Ну, ты ваще-е-е... — она не переставала шутить, — Перед ним красивая женщина... с собственной шикарной квартирой... не бедная... И готовая на всё...

— Действительно... ваще... — Дима слегка улыбнулся и посмотрел на неё, — Наверное, сегодня не мой день.

— Да?... Зато — мой, — с этими словами она села ему на колени и, обняв, поцеловала в губы. Он сидел неподвижно, и девушка поцеловала его ещё раз, крепко прижавшись телом. Но парень снова не отреагировал на её поцелуй, едва улыбаясь уголком губ.

— Я что-то не поняла? — отстранившись, Кристина внимательно посмотрела на Диму, — Что-то не так?

— Всё так, Кристина. И ты бесподобна.

— Тогда... в чём же дело? — она снова попыталась его обнять, — Бесподобная женщина начинает сердиться!

— Просто... Мне нужно идти, — аккуратно пересадив её на диван, Дима поднялся, — у меня сегодня ещё дел по горло.

— Морозов... — изменившимся голосом произнесла Кристина, — Я не поняла, зачем ты тогда приходил?

— Я просто проводил тебя домой.

— Просто проводил... — усмехнулась она, — Морозов... Это начинает входить у тебя в привычку.

— Привычка свыше нам дана... — Дима засунул руки в карманы модных брюк, — Как там дальше, помнишь? Замена счастию она... Ещё классик сказал.

— Дима, — нервным тоном произнесла Кристина, — Мне надоели твои затянувшиеся критические дни. Тебе не кажется, что это ненормально?

— Ненормально — что?

— Наши отношения. Я до сих пор не знаю, они есть или их нет?

— Кристина... — Дима пристально посмотрел на неё, — Мы вместе работаем, общаемся, разговариваем... даже ссоримся. Значит, отношения есть.

— Ты издеваешься, Морозов?! Да?! — возмущённо выкрикнула она, — Ты что, думаешь, я всё буду терпеть?!

— Знаешь, я долго думал... В одну воду дважды не вступить, — Дима стал серьёзным, — я ничего не могу с собой поделать.

— Тогда у меня к тебе есть два вопроса.

— Спрашивай.

— Кто такая Инна? — Кристина пытливо смотрела ему в глаза.

— Ты рылась в моем телефоне? — Дима удивлённо приподнял брови, — Впрочем, я тебе и так отвечу. Инна — это моя знакомая, психолог.

— Ах, вот как... А я-то думаю, почему у нас с тобой всё так... А это, значит, помощь психолога! — ехидно засмеялась девушка, — Замечательно!

— Я ответил. Теперь второй вопрос.

— Второй? Ну, вот тебе второй: почему по «Музыкальной дорожке» крутят твою песню, на которую ты не продавал свои авторские права?

— Если ты про «Я заплетал твои косы», то я их так просто отдал.

— Ты должен их продать. Или подать в суд на исполнительницу.

— Кристина, ты сама знаешь, что это бред.

— Бред потому, что это твоя Наташа?

— Если тебе станет от этого легче, то... да.

— Ты должен разобраться... Я требую!

— Ты никакого отношения к этой песне не имеешь. Музыка моя, а слова... Слова тоже мои.

— Да ты у нас поэт? — Кристина истерически расхохоталась, — Ну, надо же, какой талантище!.

— Я уйду, а ты постарайся успокоиться.

— Катись! — крикнула девушка, когда Дима вышел в прихожую; когда он уже закрывал за собой дверь, добавила вдогонку, — Морозов! А ты ещё и бабник!..

* * *

Наташа закрыла за собой входную дверь и, разувшись, прошла на кухню. Переложила купленные в соседнем магазине продукты из пакета в холодильник и, включив чайник, проследовала в свою уютную комнату. Свёрток, оставшийся в пакете, был явно не с продуктами. Подойдя с ним к шкафу, Наташка развернула хрустящий целлофан: крохотные детские ползунки перекачались из упаковки на отдельную полочку, отведённую детским вещам. Укладывая их в одну стопку с другими, купленными раньше, она печально вздохнула.

Если бы не работа, вряд ли она смогла бы купить всё необходимое для малыша. А теперь у него есть всё, что может понадобиться в первые месяцы жизни. Она так и сказала вчера отцу, и это было единственное, чем она могла облегчить удар, который нанесла известием о своей беременности...

Выслушав по телефону дочь, Валерий долго молчал. Наташа тоже молчала, в страхе ожидая родительского приговора... Отец и мачеха приезжали в областной город в самом начале марта, по лечебным делам Валерия. Большую часть дня пробыв в клинике, заехали к Наташе буквально на пару часов. Не смея признаться, она постаралась одеться так, чтобы её уже округлившегося живота не было видно. Это ей удалось, но скрыть того, что она больше не живёт с Димой, Наташка не смогла... «Ну, что ж, — сказал тогда Валерий, — значит, не судьба». Ограничившись фразой: «Ну, я же говорила», Светлана Петровна лишь укоризненно покачала головой, но тут же повеселела, вспомнив, видимо, что теперь Алине будет, где жить, когда она приедет сюда учиться. Ожидавшая упрёков Наташа облегчённо вздохнула.

С тех пор прошло уже два месяца, и теперь скрывать беременность не было ни смысла, ни моральных сил, и, собравшись с духом, вчера она взяла в руки телефон...

- И какой у тебя срок? — оправившись от услышанного, сдержанно спросил отец.
- Семь месяцев, — чуть ли не шёпотом произнесла Наташа.
- А он знает?
- Кто?
- Дима.
- Нет...
- Почему? — Валерий говорил с ней так строго, как не говорил до этого никогда.
- Так вышло...
- Ну, это же его ребёнок?
- Да...
- Тогда почему он не знает?!
- Я так хочу.

Разговор был долгим и тяжёлым, ей стоило огромного труда убедить отца не ехать к ней и не разыскивать Диму... После этого разговора она не спала всю ночь, переживая за здоровье Валерия и виня себя в его болезни... Утром отец перезвонил сам. «Ты, главное, не волнуйся... — голос и тон его были совсем другими, в них сквозила родительская забота и любовь, — Мы тебя любим, помни об этом...»

Она проплакала всё утро, но это были уже слёзы облегчения.

Вспоминая вчерашний разговор с отцом, Наташа снова ощутила тревогу за его здоровье. Занятия закончились сегодня довольно поздно, и она сама немного устала. Переодевшись в домашний костюм, налила себе чашку чая и, включив ноутбук, устроилась с ним на диване. Побродив по учебным сайтам, перешла на соцсети, прочитала присланные сообщения. Почему-то вспомнилось, как она удаляла свои старые профили тогда, осенью... Сделав это под натиском чувств, Наташа всю зиму практически не заглядывала в интернет, занятая работой и учёбой, ну, разве что по учёбе. Теперь же, когда она ушла из ресторана,

свободного времени стало больше, и она снова открыла свои профили, указав на них лишь своё имя. Иногда ей хотелось зайти на Димину страничку, но каждый раз она останавливала себя, в страхе снова ощутить боль, немного притупившуюся в её душе в последнее время, чего нельзя было сказать о воспоминаниях... Она не забывала о нём ни на секунду, ей иногда казалось, что его образ навеки врос в её сознание... Кое-какие вещи, которые он тогда не забрал с собой, постоянно были у неё перед глазами... Она не убрала ни зубную щётку, ни запасной блок с лезвиями... А синтезатор, так и оставшийся стоять на кухне, был для неё Димкиным воплощением... В самом начале их разлуки Наташка всё же надеялась, что Дима вернётся хотя бы за своим инструментом. Но он так и не вернулся. Потихоньку она привыкла к мысли, что никогда больше его не увидит... В последнее время она даже начала играть на его «ямахе». Ей казалось, что малыш тоже внимательно слушает звуки музыки, и Наташа потихоньку пела ему Димины песни...

Звонок в дверь застал её за перепиской с Алиной, и Наташа, не закрывая ноутбук, торопливо вышла в прихожую...

- Здравствуй, — от неожиданности она вздрогнула: в дверях стоял Сергей.
- Здравствуй, — справившись с собой, Наташа шире раскрыла дверь, — заходи.
- Я снова без звонка, — он шагнул через порог, — извини?
- Да ладно, — она улыбнулась, — какая разница? Проходи...

Скользнув взглядом её животу, Сергей медленно прошёл в квартиру.

— Ужинать будешь? — на ходу спросила Наташа, — Сейчас чайник поставлю, у меня картошка есть с котлетами...

— Вот, это тебе, — он вошёл следом за ней на кухню и, поставив на стол пакет, стал доставать из него продукты, — колбаса, творог, молоко...

— Зачем?! — она с удивлением наблюдала за его действиями, — Серёж, зачем?

— Ну, что же я, с пустыми руками должен был прийти? — парень почему-то смутился.

— Ну-у-у... Вообще-то приходят с коньяком и конфетами, — Наташа рассмеялась, — а ты — с молоком! Да ладно, я пошутила, спасибо тебе, конечно.

— Не за что, — он снова посмотрел на её живот, — я подумал, что тебе сейчас это будет полезнее.

— Откуда ты узнал? — опустив глаза, она судорожно сглотнула. Открыла холодильник, достала оттуда сковороду с ужином, поставила на плиту.

— Тётъ Света вчера сказала.

— Быстро...

— Да нет, ты не подумай ничего... Я к твоим вечером заходил, у Алины компьютер стал зависать, она попросила посмотреть, в чём дело... Дядь Валера, как раз, с тобой по телефону разговаривал, я случайно всё услышал. Потом, когда уже уходил, у Светланы Петровны тихонько спросил, она и рассказала.

— Понятно. И ты только поэтому приехал? — Наташа грустно усмехнулась.

— Да.

— Серёж, — она вздохнула, — скажи, только честно, зачем ты приехал?

— Наташа... — он на некоторое время замолчал, глядя куда-то в пол, потом снова

поднял на неё глаза, — Выходи за меня замуж.

— Ты, что? — она удивлённо приподняла брови, — Серёжа, ты что? Серьёзно?

— Серьёзно.

— Ты решил меня спасти? — растерянно улыбаясь, она снова опустила взгляд.

— Я тебя люблю.

— А я?

— Что — ты?

— Я — люблю? Об остальном не говорю...

— Остальное для меня неважно.

— То, что для тебя неважно, для меня очень важно. Это — ребёнок.

— Ну, и что. Пусть будет ребёнок.

— Но это — не твой ребёнок, тебя это не смущает? — почему-то слёзы навернулись на глаза, она опустила голову, чтобы он не увидел, как она плачет.

— Не смущает. В первую очередь, это — твой ребёнок, значит, он будет и моим.

— Он никогда не будет твоим. Потому, что это ребёнок человека, которого я любила... и люблю до сих пор.

— Он тебя бросил...

— Он меня не бросил.

— Тогда где он? Почему его с тобой нет? — Сергей говорил с обидой, стараясь заглянуть ей в глаза, но она старательно их отводила.

— Он со мной, — почти прошептала Наташа, — и даже больше... Он во мне. Понимаешь, во мне. И так будет всегда.

— Это глупо, Наташка...

— Пусть глупо. Но по-другому не будет.

— Наташа... — он подошёл к ней, взял за руку, — Ты сразу не отказывай. Ты подумай. Хорошо?

— Я не буду думать, Серёжа, — Наташка высвободила руку и, выключив плиту, достала тарелки, — давай, садись, поешь. Потом я тебе здесь, на раскладушке постелю.

— Спасибо, я не голодный, — он взял из её рук тарелки, положил назад, — и ночевать я у тебя не собирался.

— Не собирался? — удивилась Наташа, — Но уже поздно, куда ты пойдёшь?

— Наташа, — теперь он усмехнулся с грустью, — ты подумала, что я приехал с твёрдым намерением остаться у тебя прямо сегодня? Может, я и смешной, но... я приехал потому, что просто захотел тебя увидеть. А переночевать мне есть, где, я уже договорился со знакомым парнем.

— Прости меня, Серёжка, — она виновато посмотрела на него, — и спасибо тебе за всё...

Проводив Сергея, Наташа в растерянности вернулась в комнату. На диване лежал забытый им пакет. Заглянув в него, она, уже в который раз за вечер, вздохнула... Внутри лежало что-то ярко-голубого цвета... Достала мягкое, трикотажное изделие: детский тёплый костюмчик развернулся в руках и несколько тысячных купюр упали на пол...

Конец мая выдался жарким — во всех отношениях. Уличные термометры зашкаливало, в бутиках срочно расходился летний ассортимент, а городские пляжи буквально кишели купающимися. Госэкзамены вперемешку с гастролями буквально выматывали «патрулей», и иногда, проснувшись утром, они с трудом вспоминали, что у них сегодня по графику...

— Давайте в темпе... Я вам не такси — развозить по городу, — сердито выговаривала Кристина высыпающим из её серебристого BMW Диме, Саше, Вите и Никите возл университетского двора, куда они приехали по учебным делам. За то, что «Ночной патруль» примет участие в традиционных выпускных вечерах, всем четверым полагалось экзаменационное послабление, и, в целях экономии репетиционного времени, Кристина согласилась исполнить роль извозчика.

— Мы мигом, Кристина, — Никита кивнул девушке и быстрым шагом отправился вслед за своими товарищами, которые, пройдя университетский двор, разошлись по своим корпусам.

Сходив на свой факультет и не найдя нужного ему преподавателя, Дима отправился в соседний корпус, где располагалась кафедра искусств. Побегав по этажам, спустился в полутёмный, прохладный вестибюль... Внезапно зазвонил телефон.

— Димыч, ты где? — торопливо проговорил Сашка, — Ты там ещё долго? Тут Кристина нервничает, говорит — пешком пойдёшь, — ехидно добавил Говоров.

— Сейчас, уже выхожу, — Дима отключился и, на ходу пряча телефон в карман, быстрым шагом направился к выходу. Резко оттолкнул от себя тяжёлую, высокую дверь и, оказавшись в небольшом тамбуре, почувствовал, что сбил с ног входящего человека. В последний момент увидел, что это девушка и, бросившись вперёд, подхватил её второпях, чтобы она не упала...

— Простите...

Он не успел разжать рук... В какую-то долю секунды почувствовал что-то до боли знакомое... Он не сразу понял, что это... Длинная, до пояса коса... Изгиб спины... Только вместо тонкой талии — округлённый, твёрдый живот.

— Наташа... — от неожиданности Дима застыл на месте.

Вошедшая после солнечного света в тамбур, она не могла разглядеть того, кто налетел на неё в темноте и теперь держал в руках... Руки... Она никогда и ни с кем бы не спутала эти прикосновения... Нет, конечно... Показалось... Но голос! Это был е г о голос!..

— Дима... — это было всё, что она смогла прошептать. Ноги подкосились, как тогда, осенью, когда он пришёл к ней в аудиторию.

— Иди сюда... — осторожно помогая ей пройти, он вернулся в вестибюль, усадил на скамейку, стоящую вдоль стены, — Ты — как?

— Всё в порядке... — держась за живот, дрогнувшим голосом ответила она.

Присев рядом с ней, он положил локти на колени и какое-то время молчал. Наташа

тоже сидела молча, кусая губы и глядя куда-то в пол. Сердце билось часто-часто... Казалось, она ждала от него каких-то слов... Но он только смотрел на свои сцепленные пальцы. Наконец, не выдержав, тихо спросил:

— Как ты живёшь?

— Хорошо, Дим... Всё хорошо у меня... — так же тихо ответила Наташа.

— Я рад... за тебя... — ей на мгновение показалось, что он хочет о чём-то спросить...

Но он ни о чём не спросил.

— А ты... как?..

— У меня тоже всё хорошо. Послезавтра вот опять на гастроли. А завтра экзамен... — просто ответил он, как будто между ними не было никакой ссоры.

— Я очень рада за тебя... Правда... — как-то по-особому, грустно и ласково сказала Наташа и посмотрела на него своими большими печальными глазами.

У Димы снова зазвонил мобильник.

— Саня, сейчас иду... — положив телефон в карман, он нехотя встал... Она тоже поднялась. Они стояли друг напротив друга: высокий, красивый, модно одетый парень и растерянная белокурая девушка в светлом комбинезончике для беременных.

— Тебе пора...

— Да, ребята ждут...

Она не отрываясь глядела в его синие глаза... Глядела так, будто хотела запомнить их навсегда.

— Ну, я побежал... Пока...

— Пока...

* * *

— Он мне ничего не сказал... И ни о чём не спросил... — глядя в одну точку, еле слышно произнесла Наташа. Приехав в тот же день к Оксанке домой, она с трудом рассказала ей о встрече с Димой.

— И ты ему тоже ничего не сказала?! — возмущению Оксанки не было предела, — Наташка, ты что?!

— А что говорить? Он и сам всё увидел... Он не может не знать... — та грустно посмотрела на подругу.

— А, может, он тоже думает, что у тебя ребёнок от Журавлёва?

— От Журавлёва?! — искренне удивилась Наташа.

— Ой, Наташка... Я тебе просто не говорила... Весь универ думает, что у тебя ребёнок от Журавлёва...

— Почему все так думают?

— Ну, как... ты же с ним постоянно вместе была... Он и привозил тебя, и увозил... И е

ресторане вы всё время вдвоём. Все так и решили, когда у тебя стало уже заметно.

— А я даже не подумала... Но Дима всё равно знает правду. Сашка должен был ему сказать.

— Как — знает? — округлила глаза Оксана.

— Очень просто... Сашка Говоров ещё зимой разговаривал с Женькой. Он тогда тоже подумал, что у меня ребёнок от него, но Женька ему сказал, что это неправда. А Сашка не мог Диме этого не рассказать, они же друзья. Он, конечно, всё ему рассказал. Дима знает, что это его сын... И он промолчал, а я... а я не могу сама навязываться.

* * *

На следующий день, уладив дела с очередным экзаменом, ребята разъехались по домам, готовиться к предстоящей поездке.

Было далеко за полночь, а Сашке не спалось... Он вспоминал рассказ Димки о встрече с Наташей...

— Димон, ты чего такой? — Витька Мазур сразу заметил, что Дима вышел из корпуса в странном, взволнованном состоянии...

— Всё нормально... — покосившись на Кристину, которая вела машину, ответил тот.

— Да тебя как будто чем-то по башке огрели, — Витька гоготнул.

— Дима, что случилось? — выйдя из машины, Сашка обратился к другу.

— Саня... Я сейчас Наташку видел...

— Да ты чё... — Сашка смутился, но Дима этого не заметил, — Ну, и что она?

— Да ничего... Правда, беременная. Ты не в курсе, они живут с Журавлёвым?

— Не в курсе... Пели вместе, это точно... Ещё весной... Сейчас — не знаю, я с ним давно не общался.

— Ты спроси у него, хорошо?.. Если вдруг увидитесь.

— Зачем?

— Не знаю...

Вернувшись домой, Говоров впал в мрачное настроение, в котором пребывал весь остаток дня.

Вечером, встретив с работы Ирину, с которой они вот уже несколько месяцев снимали квартиру, вместе с ней вернулся домой. Занятый своими мыслями, он не сразу обратил внимание на её какое-то необычное настроение. Девушка весь вечер как будто что-то хотела ему сказать, но не решалась. Наконец, улучив момент, когда они легли спать, она, привстав на локте, как-то по особому заглянула ему в глаза.

— Саш...

— Чего? — он сосредоточенно смотрел в потолок, но, услышав её, перевёл взгляд.

— Саш... а у нас будет ребёнок.

— Что?! — он как будто не понял смысла её слов.

— Я беременная, Саш.

— Ты серьёзно? — осознав, наконец, какую новость принесла ему девушка, он тоже привстал.

— Серьёзно. Уже два с половиной месяца.

— Сколько?! — он вытаращил глаза.

— Два с половиной...

— А почему так много? В смысле, почему ты так поздно узнала?

— Ну... я давно узнала, — она старательно прятала улыбку, — просто тебе не говорила.

— Ну, почему?! — он возмущённо сел в постели, взъерошил волосы, — Погоди... дай, осознаю...

— Потому, что боялась, что ты не захочешь...

— А сейчас, что, перестала бояться? — он обиженно посмотрел на неё, — Чего уж, могла бы вообще не говорить!

— Саш... — Ира обняла его, прижалась, — А сейчас уже не боюсь. Сейчас всё поздно...

— Что — поздно?

— Аборт поздно.

— Ирка, ты дура, что ли?

— Ага, — она счастливо засмеялась, — дура... Потому, что тебя только дура любить может...

— Дурочка ты моя, — плюхнувшись на постель, он привлёк её к себе, целуя, — Ирка... я тоже тебя люблю...

Ночью, дождавшись, пока Ира уснёт, Сашка встал с постели и вышел на балкон...

Новость, которую ему сообщила Ира, потрясла и обрадовала.

Она его любила, любила искренне, и парень, незаметно для себя, привязался к девушке. Она теперь всегда ездила с ним на концерты, приходила на репетиции, помогала и во всём поддерживала. Внезапная нежность к этой девушке, которую он никогда ни к кому не испытывал, вдруг заполнила всё его существо. Тот факт, что в её теле зреет новая жизнь, и что эта жизнь — его родная плоть и кровь, делал Иру в его глазах ещё более близкой и дорогой... Он уже видел себя в роли отца, и, захлёстываемый новыми ощущениями, уже схватил в руки телефон, чтобы поделиться радостью с Морозовым... Уже собираясь нажать на клавишу, он вдруг отчётливо представил себе Наташку...

Его чувства к ней не потухли, но ушли куда-то в глубину души... спрятались, как на дне колодца...

Представив её, беременную, одинокую, он вспомнил разговор с Журавлёвым, о котором тогда так и не рассказал Димке. Из этого разговора следовало, что Наташкин ребёнок — Димин ребёнок. Смолчав тогда, в феврале, Сашка старался не вспоминать ни об этом разговоре, ни о самой Наташе. Он боялся признаться в этом сам себе, но с тех пор, как она и Димка поссорились, он почувствовал облегчение... Он больше не силах был видеть их вместе, ревность буквально сжигала его изнутри, а искренняя многолетняя дружба с Морозовым делала невозможной откровенность при общении с ним... Когда они расстались, всё вдруг встало на свои места. От души переживая за друга, он, в то же время, ничего не делал, чтобы помочь Диме узнать правду об отношениях Наташи с Журавлёвым и, позвонив

тому несколько раз безрезультатно, больше звонить не стал. Узнав же всю правду, не справился с собой и... смолчал, успокаивая себя мыслью, что он мог в тот вечер вообще не встретиться с Журавлёвым и ни о чём его не спросить...

И вот теперь, в тяжких раздумьях, он хмуро курил на балконе, не в силах справиться со своей совестью...

— Тебе что, не спится? — подойдя сзади, Ира обняла, прижалась к нему.

— Да, что-то не спится.

— Может... ты не рад?... — она пытливо заглянула ему в глаза, — Саша...

— Рад... Ириш... Честное слово, рад.

— Тогда почему ты такой мрачный? Я же чувствую...

— Ирка... Я последняя сволочь.

— Почему?!

— Если я тебе сейчас расскажу... Ты, возможно, от меня уйдёшь.

— Саш... — она серьёзно посмотрела на него, — Что случилось? Ты расскажи, я постараюсь тебя понять.

— Я сам себя понять не могу... — Сашка ненадолго замолчал, собираясь с духом, потом глубоко вздохнул, — В общем... Дима думает, что у Наташки ребёнок от Женьки.

— А разве это не так?

— Нет. Это Димкин ребёнок.

— А ты откуда знаешь?

— Мне Женька сказал. Ещё в феврале. Он сказал, что у них с Наташкой никогда ничего не было. Она уже беременная была, когда начала с ним работать. Просто с Димой у них непонятки тогда получились... Она ему не сказала, а он не спросил. И выходит, что если не от Женьки... то, кроме Димы, кандидатов в отцы быть не может. Наташка его больше жизни любила. А Женька... я его знаю, он врать не будет.

— А в чём твоя вина?

— Я ведь Димону ничего не сказал. Он ещё спросил, о чём мы с Журавлёвым разговаривали... А я смолчал.

— Почему?!

— Долгая история, Ир... Когда-нибудь я тебе всё расскажу.

— Саш... Ты хоть понимаешь? Наташка ведь осталась одна... Ты представляешь, что такое — ждать ребёнка в одиночестве?! Если бы ты ему всё рассказал, они давно были бы вместе... Он же её любит, и вы все об этом знаете.

— Что теперь делать, Ирка?

— Надо ему всё рассказать, прямо сейчас.

— Утром...

— Нет, Саша. Сейчас. И не по телефону.

— Так что, к нему ехать, что ли?

— Поехали, я с тобой... Только ты сначала ему позвони.

Дима уже лежал в постели дома. Он снова и снова перебирал в памяти вчерашнюю встречу с Наташей. Ему казалось, что он до сих пор чувствует её в своих руках... Вспомнил её прощальный взгляд... Она как будто что-то хотела ему сказать. Но он ушёл... Точно так же он уходил от неё во сне.

Почему у них всё так вышло? О чём она молчала тогда, прошлой осенью? Она молчала, а у него не хватило терпения её разговорить. Он ушёл... Она бросилась искать утешения у другого... А любовь никуда не делась, чем бы он её не старался заглушить. Она не вылилась с музыкой... Она не растворилась в чужих объятиях.

Сашкин звонок оторвал Диму от этих тяжёлых мыслей...

— Димыч... Не спишь? — глухим голосом спросил Сашка.

— Нет. Что случилось?

— Одевайся... Выходи на улицу, я сейчас к тебе подъеду. Разговор есть.

— Саня... Что случилось?!

— Ты одевайся... Я всё расскажу. А ты потом всё сам решишь.

* * *

Был четвёртый час утра, когда он подошёл к её двери. Сердце выскакивало из груди. Сашкино позднее признание колоколом гудело в голове...

«Дима, ты мне в морду потом дашь... А сейчас выслушай...»

Как будто не решаясь позвонить, прислонился к косяку и стоял так несколько минут. Потом поднял руку и нажал на кнопку звонка...

Ему показалось, что прошла целая вечность, пока он не услышал за дверью её шаги.

— Кто там? — испуганно спросила Наташа.

— Наташ... Это я.

Щёлкнул дверной замок.

...Побледнев, она отступила в глубь прихожей... Сиреневая шёлковая ночная сорочка, собранная под грудью, мягко облегла аккуратный круглый живот, длинные белокурые волосы, слабо заплетённые в косу, расплелись наполовину и пушистой змейкой лежали на плече... большие карие глаза смотрели так, что внутри у него всё перевернулось.

— Наташка... — не с силах больше ничего сказать, он шагнул к ней... Обхватил руками, прижался щекой к голове... Потом присел на корточки... осторожно притронулся к тугой плоти её живота... прислонился лицом...

— Дима... Это мальчик... Он твой... — сквозь слёзы прошептала Наташа, глядя его

волосы.

Наконец, поднявшись, он снова обнял её. Осторожно прижав к себе, стал целовать лицо, шею, плечи...

— Наташка моя... — оторвавшись от её губ, тихо спросил, — Почему ты дрожишь? Тебе холодно?

— Нет... — она обвила его руками, и, глядя в синие глаза, спросила с какой-то детской мольбой, — Ты больше не уйдёшь?

— Не уйду... — подняв её на руки, Дима шагнул в комнату. Осторожно положил на постель... Наташка не сводила с него широко распахнутых глаз. Присел рядом, осторожно положил руку на живот, потом натянул тонкое одеяло, — Давай, я тебя укурую...

— Ты не уйдёшь? — перехватив его руку, она прижалась к ней щекой.

— Никогда... — он прилёг рядом, обнял нежно, ласково... слегка притронулся губами к её губам... — Наташка моя... как я соскучился... — наконец, не выдержав, стал целовать губы, шею, плечи, грудь... целовал горячо, всё крепче прижимая к себе... как никогда раньше...

За окном уже вовсю бушевало утро, а они так и не уснули; прижавшись друг к другу, насколько это позволяла Наташкина округлившаяся фигурка, они лежали в тишине, как будто боясь спугнуть вновь нахлынувшее ощущение счастья.

— Наташ, ты спи, — глядя на её подрагивающие ресницы, прошептал Дима, — тебе надо много спать.

— Знаешь, я боюсь уснуть, — открыв глаза, прошептала она в ответ.

— Почему?

— Я боюсь, что проснусь, а тебя не будет.

— Не бойся. Я буду здесь, с тобой.

— Ой... — внезапно взявшись рукой за живот, Наташа замерла.

— Что? — Дима встревоженно привстал, — Болит?

— Нет... — она ласково улыбнулась.

— А что?

— Хочешь пощупать, как он толкается? — всё так же улыбаясь, она положила его руку себе на живот, — Чувствуешь?

— Чувствую... — затаив дыхание, он ладонью ощутил, как под кожей упругого Наташкиного животика что-то шевелится — сначала толчки были слабыми, но потом, видимо, повернувшись, ребёнок довольно чувствительно ударил ножкой изнутри, — Ничего себе!

— Вообще-то он спокойный, но сейчас, наверное, тебя услышал.

— А он слышит? — ещё раз погладив её по животу, Дима удивлённо приподнял брови.

— Конечно. Он даже знает, как его зовут.

— А ты его уже назвала?

— Да... Я не знала, что ты вернёшься, и назвала сама. Я с ним разговариваю, и он уже привык к имени.

— Как же ты его назвала?

— Валерик... — она заглянула ему в глаза, — Я ведь не знала, что ты вернёшься...

— Валерка... Валерий Дмитриевич... Мне нравится, хорошее имя.

— Нравится?.. Правда? — обрадованно спросила Наташа.

— Правда... — Дима тихонько прикоснулся губами к её губам, — А точно мальчик?

— Говорят, точно... — Наташа обвила руками его шею, — А что, если окажется девочка?

— Тогда у меня будут две девочки... — улыбнулся Дима.

— Дим... — Наташа вдруг посерьёзнела, — Ты, правда, вернулся?

— Правда. Наташка... я понимаю, что нам с тобой придётся многое рассказать друг другу... Но, давай сегодня не будем ни о чём говорить. Просто побудем вместе...

— А... потом? Как ты будешь потом? У тебя ведь... — Наташа не могла произнести имя Кристины, но он понял всё, что она хотела спросить.

— У меня никого нет, я один... Вернее, с родителями.

— Правда? — она с нескрываемой радостью и надеждой посмотрела в его глаза, — Ты, правда, один?

— Один. Был один... Теперь с тобой.

— Дима... Я тебе всё расскажу... только... только не бросай меня больше, ладно? — дрогнувшим голосом сказала Наташа, и слёзы блеснули в глазах.

— Я тебя никогда не брошу... Ты только сама от меня больше не убегай, — Дима прижался щекой к её голове, — хорошо?

— Хорошо... — прижавшись, она гладила рукой его плечо, — Я никак не могу поверить, что это ты...

— Я сам до сих пор не верю.

— Ты говорил о гастролях... Когда тебе нужно ехать?

— Уже сегодня вечером.

— Надолго?

— На три дня.

— Мы будем тебя ждать...

— Наташ, — Дима неожиданно привстал на локте, — я ведь самого главного не спросил: когда у нас Валерка-то родится?

— Скоро... Чуть больше месяца осталось.

— Значит, в июле? — Дима ненадолго замолчал, потом заглянул ей в глаза, — Ты прости меня, ладно? — он крепче прижал её к себе, — Это я во всём виноват.

— Нет, Дима. Это я виновата, — прильнув к нему всем телом, Наташка закрыла глаза.

— Мы оба виноваты. Но я — мужчина... и я старше. Значит, виноват больше.

— Дим...

— Что?

— Если бы ты только знал...

— Что, Наташ?

— Как я тебя люблю...

— Я тоже думал, что я тебя люблю...

— Думал? — она подняла на него свои большие глаза, — Только думал?

— Да, только думал, — ответил Дима, — но я не знал, что я тебя т а к люблю...

* * *

Он всё-таки уснул...

Тихонько присев на край постели, Наташа долго смотрела на него. Ей очень хотелось снова и снова гладить его волосы, плечи, руки... Но, боясь разбудить, она просто смотрела на него, как на сокровище. Сейчас ей было всё равно, как и с кем он прожил эти месяцы. Он — с ней, он — здесь, рядом. Он — самое дорогое и светлое, что было до сих пор в её жизни. Чью потерю она приняла скорбно и обречённо, и чьё возвращение никак не могла осознать... Ей казалось, что это сон. Она боялась, что это сон...

Сама она так и не уснула.

* * *

— Наташ! — она возилась на кухне, когда он проснулся, и сразу не услышала, что он её зовёт, — Наташка! — уже громче произнёс Дима.

Услышав его, наконец, девушка быстро прошла в комнату и, улыбнувшись, присела на постель.

— Наташка... Куда ты убежала? — обняв за плечи, Дима потянул её к себе, — Иди ко мне...

С трудом наклонившись, она положила голову ему на грудь.

— Я забыл... Тебе тяжело. Сейчас, — Дима сел и снова обнял её, — Куда ты убежала?

— Я борщ сварила, — снова улыбнулась Наташа, — чувствуешь, как пахнет?

— Теперь чувствую, — улыбнулся он в ответ.

— Пойдём, ты ведь голодный.

— А ты?

— Я тоже. И Валерик...

— Я только в душ быстро схожу.

— Тогда я пошла наливать! — Наташа поцеловала его и собралась идти, но он задержал её руку и, обняв, прислонился лицом к животу.

— Валерка... Слышишь папу?

— Он всё слышит. Он даже слушает твои песни.

— Песни? — Дима удивлённо поднял на неё глаза, — По радио?

— Нет, я ему пою сама. Ты же не забрал синтезатор. Сначала я не могла даже дотронуться до клавиш. А потом, когда он первый раз пошевелился, я ему сыграла твою мелодию. А, чуть позже, стала петь твои песни и рассказывать о тебе.

— Что же ты ему рассказывала? — Дима посмотрел ей в глаза.

— Что ты очень хороший, — Наташа стала серьёзной, — а я... я глупая...

— Валерка, не слушай... — он снова прислонился к её животу лицом, — Мама у нас не глупая! Она умная, талантливая... и очень красивая...

— Да уж... красивая... — Наташа засмеялась, — особенно сейчас.

— Особенно сейчас, — утвердительно произнёс Дима.

— На слоника похожая... — пошутила она.

— Не-а... — лукаво заулыбался Дима.

— На бегемотика...

— Не-а...

— На коровку? — весело спросила Наташа.

— Не-а...

— А на кого?

— На пингвинчика... — ласково рассмеялся Дима, глядя ей в глаза, — На беленького, хорошенького пингвинчика.

* * *

— Слушай... А тебе нельзя поехать со мной? — притормозив на светофоре, Дима посмотрел на Наташу, сидящую на пассажирском сиденье, — Мне было бы спокойнее.

— У меня послезавтра экзамен. К тому же, я тебе была бы обузой, срок уже большой.

— Плохо... — серьёзно сказал Дима, — Срок большой, а ты одна.

— Всё будет нормально, — улыбнулась Наташа, — Три дня, а там ты приедешь. Ты же приедешь?.. — она робко посмотрела на него.

— Конечно, приеду. Только переживать буду, — Дима завернул на стоянку возле огромного дорогого супермаркета, — ну, вот, сейчас пойдём, купим продуктов.

— Дим... Вот зря ты! Тебе собираться уже скоро, к родителям ехать... Не успеешь. А продукты у меня есть.

— Мы сейчас по-быстрому, — взяв её за руку, он уверенно открыл огромную стеклянную дверь. Здесь фрукты всегда хорошие, соки... Я тебе на неделю вперёд куплю. Вернусь — ещё купим.

— Ты часто здесь бываешь? — Наташа огляделась вокруг.

— Ну... бываю иногда... — Дима вёл её за руку вдоль стеллажей с выложенными на них аппетитными упаковками, — А собраться я успею, не переживай.

— Хорошо, — Наташа уловила его смущение. Раньше Дима никогда не ходил по магазинам один, только с ней, и то лишь иногда. Видимо, и сюда он приезжал с кем-то ещё, и приезжал часто. Скорее всего, это была Кристина...

— Смотри, Наташ, соки — тебе какой лучше? Или разных наберём? — Дима показал на полку с витаминными соками, — Выбирай.

— Тогда яблочный и томатный, — она взяла с полки две коробочки и положила в тележку, — всё, взяли.

— Чего — взяли? — Дима удивлённо посмотрел на девушку, — Две штуки? Давай, ещё набирай, чтобы каждый день пила, — с этими словами он сам взял с полки ещё несколько коробок сока, — приеду — проверю.

— Дим, а детский-то зачем? — Наташа показала глазами на маленькие коробочки, которые Дима уже приготовился уложить в тележку, — Это для детского питания.

— Это Валерке, будешь пить за него.

— Ди-и-и-м... — Наташка расхохоталась, — Я же лопну!

— Не лопнешь. Пингвинчики не лопаются, — с серьёзным выражением лица сказал Дима, — сейчас пойдём за фруктами.

Наташа с грустным удивлением наблюдала, как Дима уверенно отбирает продукты, общается с продавцами отделов... У неё создалось впечатление, что его здесь хорошо знают. Несколько раз она замечала на себе откровенно любопытные взгляды женского персонала.

— Ой, Дмитрий Александрович, здравствуйте! — ухоженная, хорошо одетая моложавая женщина с фирменным бейджиком на груди, видимо, менеджер супермаркета, радостно поприветствовала Диму, — Давно вас не было, наверное, ездили на гастроли?

— Здравствуйте, — Дима приветливо поздоровался, — да, у меня и гастроли, и экзамены, и работа. Всё навалилось.

— Понятно... — женщина окинула взглядом Наташу с ног до головы, — Как там мой сын, есть успехи?

— А... Денис? Сейчас заканчиваем запись его песни, а как запишем, будем снимать видеоклип. Вообще-то им Кристина занимается, вы ей перезвоните, если что... Ну, или у

него самого спросите, — Дима улыбнулся, — я сегодня снова уезжаю, мы торопимся, так что вы меня простите...

— Конечно-конечно! — ещё раз скользнув взглядом по Наташе, женщина многозначительно заулыбалась, — Спасибо вам большое! Кристине Леонидовне привет передавайте...

— Хорошо, — уже на ходу оглянулся Дима, — когда увижу, обязательно передам, — снова взяв Наташу за руку, он вместе с ней направился к кассе.

— Ты здесь такая известная личность... — выходя на улицу, улыбнулась она.

— Это менеджер компании, привела к нам недавно своего сына. Он, типа, поёт... Я бы не взялся, но Кристина... — осекшись, Дима взглянул на Наташу, — В общем, это бизнес. К настоящим талантам отношения не имеет.

— Дим, время... Тебе ехать пора, собираться, — Наташа сменила тему, — опоздаешь.

— Успеем, — Дима открыл багажник машины, — сейчас вот всё загрузим...

Он повернул ключ зажигания и, включив радио, настроил на «Музыкальную дорожку».

— Кстати, насчёт известности... Ты теперь тоже известная вокалистка, — Дима сделал звук громче — Наташин голос уже привычно лился из динамиков, — теперь весь город знает «Ты заплетал мои косы»... Как она попала на радио?

— Это Костя... Константин Романов. Он записал и на радио договорился.

— Ого... Ты с Романовым знакома? — удивился Дима, — это же знаменитый рокер в прошлом...

— Да, я знаю. Он сейчас не выступает, у него своя студия, он аранжировки пишет.

— Наташка... столько всего у нас произошло... Нам недели не хватит всё рассказать.

— Мне хватит, Дим... — Наташа грустно улыбнулась, — У меня мало чего происходило.

— Знаешь, мне сейчас подумалось... Всё самое главное у меня произошло сегодня ночью. Остальное — такая мелочь....

* * *

— Ну, что... — Дима взял в руки её лицо, взгляделся в карие глаза, — Нужно ехать... Ещё родителям всё рассказать.

— Дим... Ты сегодня не рассказывай... Ладно?

— Почему? — он искренне удивился, — Я же всё равно буду говорить, почему я дома не ночевал. Мама звонила несколько раз, я сказал, что вечером всё объясню.

— Дим... Я не знаю... но чувствую, что пока не нужно. Давай, ты приедешь — тогда...

— Наташ... А давай, я тебя к ним сейчас отвезу? И ты у них будешь жить.

— Нет, Дима... Со мной всё будет в порядке. Я здесь тебя буду ждать... Ты же приедешь?

* * *

Он уже спускался по лестнице, когда зазвонил телефон.

— Морозов... Ну, ты где? — Тон Кристины не предвещал ничего хорошего, — Ты почему до сих пор готовые материалы не забрал?.. ты вообще — где?! Тебя сегодня не было в центре, ты что там себе думаешь?

— Кристина, во-первых, здравствуй... А, во-вторых, я уже еду. Сейчас всё заберу. А, в третьих, у меня должен быть выходной когда-нибудь, или нет?

— Всё, Морозов, я жду ещё три минуты, и всё! — сказав это, Кристина отключилась.

— Ну, вот... рассказал родителям, называется, — Дима торопливо сел в машину, — хоть бы вещи теперь успеть собрать...

Оставшись одна, Наташа никак не могла прийти в себя. Все чувства смешались в один огромный ком: и радость, и счастье, и тревога, и растерянность, и неизвестность... Они почти ничего не рассказали друг другу... Они почти ничего не спросили друг у друга... Все эти несколько часов, проведённых вместе, они просто были рядом, веря и не веря в то, что они снова вдвоём. Всего несколько часов вместе... Дима уехал... Что будет, когда он вернётся? Она даже не знает, почему он вернулся...

Он изменился... Совсем немного, но изменился, видимо, его новые обязанности наложили отпечаток — он стал серьезнее, ещё самостоятельнее и... чуть старше. Он стильно одет. Его узнают.

Но он пришёл... Он к ней — пришёл... И он её любит — она почувствовала это.

Думая так, Наташа прилегла на диван, подложив под голову подушку, на которой спал Дима. Три дня... Целая вечность. Но что такое три дня по сравнению с теми месяцами, когда они были в разлуке? Она будет его ждать...

А вдруг всё это — просто сон?

Она подумала, что теперь ей будет страшно уснуть.

Но ещё страшнее — проснувшись, узнать, что ничего этого не было... Дима не приходил.

Закрыв глаза, она сразу куда-то провалилась — бессонная ночь и нахлынувшие эмоции сделали своё дело. Она даже не сразу очнулась, когда просигналил телефон.

— Ты почему так долго не брала трубку? — Димкин голос был встревоженным, — Всё нормально?

— Я спала... — она улыбнулась, — Хотела просто полежать и уснула.

— Я испугался...

— Всё хорошо.

— Ты одна...

— Ну, я как-то жила одна до сих пор... — снова улыбнулась Наташа, — не волнуйся, со мной всё будет хорошо.

— А я так и не сказал ничего родителям. Просто не успел.

— Ну и ладно... Успеешь.

— Наташка...

— Что?

— Скажи мне что-нибудь...

— Что-нибудь... — она рассмеялась, — хватит?

— Я хочу слышать твой голос...

— А я — твой... Ты где сейчас?

— Мы только недавно сели в поезд, едем...

— Вы вчетвером?

- Да, вчетвером. Привет от тебя передавать? — он тоже улыбнулся.
- А... ребята знают?
- Пока только Сашка. Но привет передам — узнают.
- Передавай, конечно.
- Сейчас связь закончится...
- Тогда... до связи?
- Наташа... Ты береги себя и Валерку... я вас очень люблю.
- И мы тебя...

* * *

Он подумал, что так должны чувствовать себя родители, потерявшие, а потом вновь обретшие детей.

Наташка была для него не только любимой женщиной, она была сродни ребёнку и всегда нуждалась в защите, в силу своей поистине детской доверчивости. Дима вспоминал, как он приучал её сначала спрашивать — кто пришёл, а потом уже поворачивать замок, потому, что она мчалась на каждый звонок и с ходу распахивала двери... Она почти не умела говорить «нет», часто во вред себе. Она никогда ни за что не боролась — она просто уступала, и всё... Она почти никогда не делилась своими проблемами, пытаясь решить их своими силами... и не всегда успешно. Наряду с этим, она была очень самостоятельной и никогда ни на кого не надеялась, но Димке было спокойно лишь тогда, когда Наташа была рядом с ним. Идя куда-нибудь вместе с ней, он обязательно брал её за руку — как ребёнка, а дома любил сажать на колени. Когда они расстались, он почувствовал поистине огромную утрату...

Он понимал, что им предстоит ещё многое... Он должен будет рассказать, как он прожил эти месяцы... и выслушать её исповедь. Несмотря на то, что передал ему Сашка, где-то глубоко-глубоко внутри сидела тревога в ожидании её признаний... Но, даже несмотря на это, он почувствовал, что смысл жизни возвращается, и душевный паззл, рассыпавшийся в своё время на множество фрагментов, наконец-то собран.

* * *

Поезд резко затормозил, и Дима, спавший на верхней полке купе мягкого вагона, проснулся. Ребят не было, и он, спрыгнув вниз, выглянул в коридор. Напротив двери, облокотившись о поручень окна, Говоров вглядывался в проносящиеся мимо ночные пейзажи. Увидев Диму, постоял ещё немного, потом не спеша вернулся в купе и уселся на соседнюю полку. Положив локти на колени, Дима смотрел себе под ноги. Какое-то время они молча сидели друг напротив друга, наконец, Сашка не выдержал:

- Слышь, Димыч... ну, ты мне хоть что-нибудь скажи.
- Что я тебе скажу, Саш? — Дима сидел, сцепив пальцы рук.
- Ну, в морду хоть дай.

— Пойдём, лучше, покурим... — Дима пристально посмотрел на Говорова, — Правда, я без сигарет.

— У меня есть, — Сашка поднялся с места. Взяв со стола пачку «Кента» и зажигалку, пошёл следом за Димой по коридору. Дверь в последнее купе была открыта; несмотря на позднее время, там царило веселье — Белов и Мазур, в компании девчонок из «Киви», которые тоже ехали выступать вместе с «патрулями», налегали на пиво.

— Ой... кто к нам пришёл... — Лена, как всегда, насмешливо улыбнулась заглянувшему в купе Димке, — А вы что, мимо, что ли?

— Мимо, мимо... — хмуро ответил за него Сашка, — гуляйте без нас.

— Нет, так неинтересно... — Даша и Настя, как всегда, высказались хором и тут же прыснули, — Мальчики, идите к нам!

— Нам как раз ещё двоих мужчин не хватает, — Илона, которая теперь пела вместо Наташи, кокетливо тряхнула золотистой копной волос, — не задерживайтесь, мы вас ждём!

— Мы потом... — улыбнувшись, Дима взялся за ручку двери, ведущей в малый тамбур, но, услышав мелодию, достал из кармана телефон. Тревожно посмотрев на высветившегося абонента, задержался, торопливо нажал кнопку:

— Наташ, что случилось? Ты почему не спишь? — выслушав Наташку, открыл дверь, на ходу с облегчением продолжил, — Ты себя нормально чувствуешь? У меня всё хорошо, едем... Ты давай спать ложись, слышишь? Алё... Блин, связь пропала... — выйдя с этими словами в тамбур, убрал телефон.

— Ну, как она? — настороженно спросил Говоров.

— Нормально. Тоже не спит.

— Ты ей всё рассказал?

— Ничего не рассказывал. Сигарету-то дай...

— Хочешь, я сам всё расскажу, — подав сигарету и чиркнув зажигалкой, сказал Сашка.

— Знаешь, Саня... — Дима неглубоко затыкнулся, — Даже если бы ты мне ничего не сказал... Я бы всё равно... пусть не вчера... через три дня... через неделю... я бы всё равно к ней пошёл. Даже если бы... если бы Валерка был не моим.

— Валерка? — Говоров удивлённо посмотрел на Диму, — Какой Валерка?

— Сын... У меня будет сын, Саня. Наташа его уже назвала.

— Понятно...

Они снова на какое-то время замолчали. Вздрагивая и стуча на стыках, состав медленно приближался к небольшой станции. Уличный фонарь ненадолго осветил небольшое помещение тамбура, и Сашка внимательно посмотрел на Диму.

— Расскажешь потом, как оно... отцом быть?

— Расскажу... — улыбнувшись, Дима пожал плечами, — Может, и сам скоро узнаешь.

— Узнаю... Но нескоро. В декабре, если всё нормально.

— Серьёзно? — Дима посмотрел на Говорова, — Поздравляю.

— Пока не с чем... Я ведь поэтому... Когда мне Ирка сказала, я весь вечер промучился, — он не успел договорить: тяжёлая металлическая дверь открылась, и шумная компания, состоявшая из Никиты, Витьки и девушек, ввалилась в тамбур.

— Ну, если Димон взялся за сигарету, значит, что-то происходит, — положив одну руку Димке на плечо, другой Витька по очереди подносил зажигалку девчонкам, — давай, колись... чё натворил? Надеюсь, хорошее?

— Надо же когда-то и хорошее натворить, — улыбаясь, Дима выпустил тонкую струйку дыма, — во всяком случае, я тоже надеюсь.

— Ты чё, с Наташкой помирился? — громко спросил не совсем трезвый Мазур, — Ты прости, Димыч... но все уже слышали. Или это что-то новенькое, а?

— Она вам всем привет передавала, кстати, — не ответив на его вопрос прямо, сказал Дима.

— Чё, серьёзно?.. — не унимался Витька, — С Наташкой помирились?

— Да ты альтруист, Дима... — Лена насмешливо скривила красивые губы, — Прямс герой романа. Спасает заблудших... Я тебя прямо ещё больше зауважала.

— Я не только альтруист. Я ещё и оптимист, — Дима серьёзно посмотрел на девушку, — на этом тему моей личной жизни считаю закрытой.

* * *

— Морозов, мне это надоело! — тон Кристины в телефоне не предвещал ничего хорошего, и Дима приготовился выслушивать уже ставшие привычными претензии, — Ты уехал, а песня Дениса Вострикова не готова? Ведь запись уже была, оставалось свести...

— Кристина, у тебя вошло в привычку не здороваться? — Дима старался говорить как можно спокойнее, — Во-первых, сведением занимаюсь не я. Во-вторых, я тебе сразу говорил, что вокал очень слабый, нужно заниматься. Преподаватель по вокалу у нас сейчас есть, в чём проблема? Я не могу давать добро на такую фальшь. Куда потом с этой записью? Там даже компьютерная обработка не поможет. Пусть ставит голос, потом будем что-то делать. Он хочет снять клип для домашнего просмотра или для своего проекта?

— Дима... Ты мне это уже говорил. Но звонила его мать, она возмущается, почему так долго.

— Ты ей объяснила?

— Нет... В конце концов, это ты занимаешься музыкальной частью.

— Кристина... — Дима устало вздохнул, — Я чем только не занимаюсь. И записью, и написанием музыки, и со СМИ сотрудничаю... А ещё у меня своя группа, которой я тоже занимаюсь. А числюсь простым музыкантом.

— Морозов... Ты сам на это добровольно согласился. И у тебя выхода нет, ты это понимаешь. Кстати... мать Дениса сказала, что видела позавчера тебя у них в супермаркете...

— Я тоже её видел. И что? — Дима напрягся, уже догадываясь, к чему клонит Кристина.

— Это что, новый проект?

— В смысле?

— Песни беременных? Ты знаешь, а это будет бомба! — Кристина истерически расхохоталась, — Ну, ты молодец... Оригинальная идея. Это будет дуэт? Или трио? А, может, целый хор девушек «в положении»?

— Кристина, я приеду, и мы обо всём поговорим, хорошо?

— Ты не ответил.
— А ты ничего и не спрашивала.
— Не прикидывайся. Ты всё понял. Что это за подруга с тобой была? Судя по описанию, это твоя Наташа? Да, Дима?
— Да, это была Наташа. Что ещё?
— И что всё это значит, Дима?
— Для тебя — абсолютно ничего. Кстати, мне пора собираться. Через час концерт.
— Если ты думаешь, что можешь вот так, запросто... — не договорив, девушка замолчала.
— Что — запросто? Я свободный человек, Кристина. Всё, до связи. Мне пора.
— Ты ошибаешься... Ты не свободный, Дима!
— Я никому не давал никаких обязательств.
— Ты их давал! Ты их давал своими действиями! Впрочем... приедешь — мы ещё поговорим.

* * *

Со смешанными чувствами Дима возвращался домой. К ощущению счастья добавилась тревога и некоторая неопределённость. Предстояли нелёгкие объяснения с Кристиной, с родителями... Но, если с родителями было всё более-менее понятно — куда они денутся, то с Кристиной ничего хорошего ждать не приходилось. Зная её, Дима предполагал затяжную войну. Но что всё это значит по сравнению с тем, что они с Наташкой снова вместе, и у них скоро родится сын!

Поезд медленно подполз к перрону. Готовясь к выходу из вагона, пассажиры выстроились в тамбуре и коридоре, загородив проход ручной кладью. Наконец, состав остановился, и люди, медленно продвигаясь по узкому проходу, постепенно покидали вагон. Первым шагнув на асфальт платформы, Дима встал в стороне, поджидая ребят. Начало июня пришло в город с тёплыми дождями, и вечерний воздух был пропитан ароматной влагой и свежестью, вызывающими лёгкое головокружение.

— Дима!.. — услышав до боли родной голос, он обернулся: Наташка, радостно улыбаясь, торопливо шла к нему вдоль перрона в своём летнем комбинезончике для беременных.

— Наташа... — бросив сумки, Дима кинулся к ней навстречу, — Ну, зачем ты по такой жаре, ещё и бегаешь?

— Я так хотела тебя поскорее увидеть... — прижавшись к его груди, она закрыла глаза, — Я так соскучилась...

— Я тоже соскучился... — обняв её, он прислонился губами к белокурым волосам, — Сейчас такси возьмём, и — домой...

— Оба-на!.. — выпрыгнув из вагона, Мазур изумлённо застыл с гитарой в руках, — Наташка!.. Значит, правда, помирились? Так это ж надо отметить!

— Привет, Вить... — Наташа счастливо улыбалась в Димкиных объятиях, — Потом как-

нибудь отметим... Ладно?

— О-о-о... Да я смотрю, тут много ещё чего отмечать придётся... — он кивнул на её живот, — Ведь так и знал, что вы что-то скрывали... Так и знал!

— Привет, Наташ, — в этот раз Сашка был немногословен, — рад тебя видеть.

— Привет, Саш. И я рада, — поздоровавшись с Говоровым, она подняла на Диму счастливые глаза, — А как я тебе рада...

— Ой, Наташа, здравствуй! — хором, радостно воскликнули Настя с Дашей.

— Привет, девчонки... — она не успевала здороваться.

— Вот это встреча! Ну, привет... — Лена внимательно осмотрела Наташкину фигуру, — А ты поправилась... Ну, всем пока, до новых встреч...

— Пока... — тихо произнесла Наташа вслед ей и Никите, который лишь кивнул издалека.

— Саня, а тебя что, не встречают? — Витька весело посмотрел на Говорова.

— Ирка сегодня работает, — ответил Саша, потом, бросив взгляд на толпу, повернулся к Морозову, — Дима... Там Кристина идёт.

— Ну, где вы там?! Я уже двадцать минут вас на стоянке жду... Белов в курсе, я ему звонила, — Кристина бодро вынырнула из-за спин спешащих пассажиров, но, увидев рядом с Димой Наташку, изменилась в лице, — он что, не передал, что ли?

— Ничего не передал, — Сашка ответил за всех, — забыл, наверное.

— Морозов, ты мне сегодня нужен, — Кристина гневно посмотрела на Диму, — я не могу с проектом разобраться.

— Кристина, завтра, — взяв в одну руку сумку, в другую — Наташкину ладошку, бросил тот на ходу, — всё завтра. Всем пока!

— Морозов! — сердито окликнула его Кристина, — Я что, зря машину гоняла? Мне больше делать нечего?

— Чё зря-то? Нас с Викуном подкинешь... — Сашка подхватил вещи, — Где, говоришь, твоя «бэха» стоит?

Ещё было довольно светло, июньский вечер едва опустился на огромный город; оранжевое закатное солнце уже сползло за горизонт и, лаская последними лучами стены домов, прощалось со всеми до завтрашнего рассвета. Сидя на заднем сиденье такси и положив голову Диме на плечо, Наташа смотрела в окно, на гуляющие по вечерним улицам пары и улыбалась. Ещё совсем недавно она с грустью провожала взглядом влюблённых, вспоминая дни, когда они с Димой были вдвоём... Она уже не плакала, как раньше, она научилась не плакать о нём... Она многому научилась за эти месяцы одиночества без него. Днём спасала учёба, репетиции в Костиной студии, по вечерам — работа в ресторане. Но, когда ей всё же пришлось уйти, вечера стали самым страшным временем суток... В это время она часто вспоминала те недолгие недели и месяцы, когда Дима был рядом, думая о том, как легко она могла тогда расплакаться, обидеться по пустякам, открыть дверь и сказать ему: «Уходи», зная в душе наверняка, что он всё равно придёт... Сейчас бы она так никогда не поступила. Она никогда бы не упрекнула его ни в чём, не ревела бы, как маленькая девочка... и не молчала бы, когда он просил её обо всём рассказать.

Тогда она очень боялась его потерять. И поэтому потеряла. Она только сейчас поняла, как хрупко бывает счастье, как легко его утратить раз и навсегда.

Но теперь она снова может смотреть без грусти на счастливых людей — Дима снова рядом... и это — самое главное в её жизни. Есть ещё Валерик... но он с ней пока — одно целое, и поэтому у них одно счастье на двоих.

— Вот здесь поверните, пожалуйста, я вам неверный адрес дал, — обратился к водителю такси Дима, — Я прошу прощения, но нам нужно сначала в другое место заехать.

— Дим... Куда? — Наташа удивленно посмотрела на него, но потом, догадавшись, добавила, — К твоим, да?

— Да, поедem сразу к ним, — он назвал новый адрес водителю, — они же не в курсе, и меня ждут. Отец хотел приехать на вокзал, но я сказал, что не нужно. Да ты не бойся, — он ободряюще улыбнулся, — мы недолго побудем, а потом на машине уедем. У тебя ведь и вещей моих нет... нужно кое-что взять.

— Есть... — Наташа улыбнулась, — футболка.

— Какая футболка?

— Новая... Я тогда, ещё осенью тебе купила, а подарить не успела, — улыбка стала грустной, — ты знаешь... я её под подушку клала, она, правда, от этого измялась...

— Светлая такая... да?

— Да... а ты откуда знаешь?

— Я потом тебе всё расскажу... хорошо? — он крепче прижал её к себе, — Я тогда подумал... ладно... всё потом...

— Сынок, это ты? — услышав, как Дима открывает своим ключом дверь, Анна Сергеевна поспешила в прихожую, — А мы уже волнуемся, ты ведь когда ещё позвонил, что поезд прибывает... — на последнем слове она осеклась: Дима был не один. Бросив на пол дорожную сумку, он, держа за плечи, вывел вперёд Наташу — девушку, разрыву с которой она так радовалась прошлой осенью.

— Мама... — Дима посмотрел матери в глаза, — Мы с Наташей снова вместе. А у вас скоро будет внук.

— Боже мой... — побледнев, Анна прислонила пальцы к виску, — Дима... Что за шутки...

— Это не шутки, — он серьёзно смотрел на мать, — у меня будет сын.

— Саша!.. Иди скорее сюда! — трагическим голосом воскликнула женщина, — Саша!

— Что случилось? — Александр торопливо вышел из комнаты, — О! Димка... А я телевизор смотрю и не слышу... Наташа?! — он удивлённо уставился на девушку, — Вот так сюрприз!..

— Это ещё не сюрприз... — Анна поджала губы, — Дима утверждает, что у нас скоро будет внук.

— Серьёзно?! — Александр выглядел изумлённым, — Вы, может, объясните, что происходит?

— Александр Иванович... — от волнения Наташка вдруг набралась смелости, — У нас с Димой будет ребёнок... Уже скоро, мальчик.

— Ну, что у тебя, Наташа, будет, я вижу, — Анна строго кивнула на её живот, — Но Дима-то тут при чём?

— А кто ещё?.. — глядя на неё, растерянно прошептала девушка. От обидных слов слёзы навернулись на глаза.

— Тебе это лучше знать.

— Мама, прекрати... — Дима крепко держал Наташку за плечи, как будто боялся, что она сейчас убежит, — Я понимаю, что для вас эта новость внезапная. Но, всё-таки, думай, что говоришь. Иначе мы сейчас просто уйдём.

— Подожди, Аня... Зачем так обижать? — Александр укоризненно посмотрел на жену, — Если Дима сказал — значит, так оно и есть. И вообще — почему мы тут всё это обсуждаем, на пороге? А ну, пойдём в гостиную.

— Пойдём, — Дима слегка подтолкнул Наташку, — Не бойся, проходи, это теперь и твой дом.

* * *

— В общем, так, родители, — стоя в дверях своей комнаты, Дима посмотрел на мать и отца, — сегодня все устали, поэтому подробности потом. Самое главное мы вам сказали. Сейчас я соберусь, и мы уйдём, а вы пока привыкайте к этой мысли... — Дима улыбнулся, — Да, мы вас ещё объедем.

Оставшись вдвоём в гостиной, Анна и Александр переглянулись — во взгляде Анны было нескрываемое раздражение; Александр же, напротив, выглядел весьма довольным.

— Дим, а давай не будем никого объедать? — присев на кровать, Наташа подняла на него глаза, — У меня всё приготовлено дома.

— Нет, давай всё же объедем, — засмеялся Дима, — когда мы ещё доберёмся, а я уже сейчас есть хочу, да и ты тоже.

— Я не хочу...

— Хочешь-хочешь... И Валерка тоже. Ты, наверное, устала? Ты полежи пока, а я кое-что соберу... — с этими словами он заботливо уложил её на свою кровать, сам присел рядом, — А потом пойдём ужинать.

— Дим... — она обняла его за плечи, — У тебя столько хлопот из-за меня, а ты ведь сам устал после поездки.

— Ну, что ты такое говоришь... — наклонившись, он поцеловал её в губы, — А хочешь, я тебе сюда поесть принесу?

— Нет... неудобно будет... я лучше с тобой пойду...

— Тогда сейчас... я быстро соберусь.

Уложив, наконец, вещи и закрыв сумку на молнию, Дима обернулся, чтобы позвать Наташу ужинать, но вместо этого только улыбнулся: уставшая и от жары, и от поездки на вокзал, она спала, трогательно обняв руками его подушку. Присев на край постели, он погладил девушку по голове, но она уснула так крепко, что даже не почувствовала его прикосновений. Укрыв её тонким покрывалом, он отправился в ванную, решив принять душ.

— Дима... Ужинать будешь?... будете? — поправившись, сухо спросила Анна, когда сын показался на порогу кухни, — Или так поедешь, голодным?

— Мам... мы сегодня здесь заночуем. Наташа уснула, я не хочу её будить.

— Как пожелаете... Пойдём, тогда тебя покормлю.

Когда, поужинав, Дима уже собирался уйти к себе, Анна остановила его в дверях:

— Дима... Я всё-таки хотела бы с тобой поговорить.

— Ну, давай, мам, а то я уже спать хочу... Мне завтра с утра на работу срочно надо.

— Дима. Я не буду у тебя выпытывать, почему вы так внезапно помирились. Ты мне скажи только одно. Зачем ты это делаешь? Из благородства? Из угрызений совести? Из каких побуждений?

— При чём тут побуждения? — Дима удивлённо смотрел на мать, — Я люблю Наташку, вот и все побуждения. Да, мы поссорились осенью. Потом я узнал, что у неё будет ребёнок. Мой ребёнок. Мы встретились и помирились...

— Дима... А как же Кристина? — слегка наклонив голову, Анна строго посмотрела ему в глаза, — Что ты скажешь ей?

— Я уже сказал. Вернее, она сама всё узнала. Мама... у нас с Кристиной ничего не получилось, между нами уже давно нет никаких отношений. Зачем мучиться?

— У вас всё бы получилось, если бы ты выкинул из головы... — Анна кивнула головой в сторону Диминой комнаты, где спала Наташа.

— Наташку я любил и люблю до сих пор. Просто мы по-глупому поссорились, я не знал, что она беременна... Она и сама тогда ещё не знала.

— Дима... А какой у неё срок? — Анна чуть прищурила красивые глаза.

— Восемь месяцев, — он пожал плечами, — А что?

— Для восьми месяцев у неё слишком маленький живот. Это я тебе, как женщина, говорю.

— Что ты имеешь в виду? — Дима нахмурился.

— А то... Вы когда поссорились?

— Мама... ну, я тебя понял... перестань.

— Что значит — перестань? Ты не ответил... Впрочем, я сама помню. Ты вернулся домой в середине октября. Это семь с половиной месяцев назад. А ты знаешь, что для женщины скорректировать месяц-другой при подсчёте срока — пара пустяков? А потом просто сказать, что «переходила»...

— Мама, если ты не перестанешь, я сейчас уйду, — во время монолога матери Дима сидел мрачнее тучи, — я даже слушать тебя не буду. Это мой ребёнок. И давай больше не будем к этому возвращаться.

— Дима, потом будет поздно!.. Поверь моему опыту — такой маленький живот бывает только на шестом месяце, на девятом женщина — как крейсер.

— Так, всё... Я пошёл спать, — с этими словами Дима положил в тарелку большой кусок курицы, пару ломтиков хлеба и, выходя из кухни, обернулся в дверях:

— Спокойной ночи.

— Спокойной ночи, — поджав губы и не глядя на сына, ответила Анна.

— Наташ... — прошептал Дима, тронув девушку за плечо, — Встань, поешь.

Она только сонно покачала головой и повернулась на другой бок. Расстегнув молнию, он осторожно стянул в неё комбинезон — оставшись в одном нижнем белье, Наташка даже не проснулась. Выключив свет, лёг рядом, натянул тонкое одеяло... погладил её по животу... тихонько повернул к себе... рукой скользнул по нежной коже спины, прижал крепко... в темноте губами нашёл губы — поцеловал сначала слегка, как бы украдкой... потом чуть крепче... наконец, не удержавшись, припал к ним горячо, рукой блуждая по соблазнительному, несмотря ни на что, женскому телу — так, как велела взявшая верх над всем остальным мужская природа...

— Дим... — отвечая сквозь сон на его поцелуи, пробормотала Наташка, — Тут так вкусно пахнет курицей... Это мне снится, да?..

Скользнув рукой под подушку, Дима вытащил сигнализировавший телефон, выключил будильник и, положив телефон на пол, снова закрыл глаза. Наташа тоже проснулась и, потянувшись к нему, обняла, уткнулась лицом в грудь...

— Выспалась? — убрав с её лба светлую прядку, ласково спросил Дима.

— Мне так хорошо сегодня спалось... — не сказала, а промурлыкала она, — А вот как уснула, не помню...

— Ничего не помнишь? — улыбаясь, тихо спросил он.

— Помню... как ты меня ночью курицей кормил, — запрокинув голову, она весело посмотрела на него.

— И всё?.. — целуя, многозначительно прошептал он ей на ухо, — Больше ничего не помнишь?

— Не-а... — она бросила лукавый взгляд.

— Совсем-совсем ничего?.. — он крепко прижал её к себе, — Пока не вспомнишь, не отпущу...

— Не отпускай... — блаженно улыбаясь, она закрыла глаза.

— Наташка... — так же тихо, но уже более серьёзно спросил Дима, — А... на каком сроке положено... ну... в общем... отношения прекращать?

— Ну... в общем-то, уже положено.

— Почему ты мне не сказала?.. — он посмотрел на неё как-то виновато, — Я не знал...

— Всё хорошо... — ласково прошептала Наташа и поцеловала его с какой-то особой женской нежностью; ему показалось, что она никогда ещё его так не целовала, — Знаешь... я так мечтала когда-нибудь снова с тобой проснуться... Хотя бы один раз...

— Теперь всегда будем просыпаться вместе.

— Ты больше никуда не едешь?

— Придётся. Сразу после выпускного едем выступать, а потом ещё в конце месяца.

— Ну, вот... — грустно сказала она, — Так и рожу без тебя.

— Ну, ты уж меня дождись... — улыбнулся Дима, — Я же должен буду под окном роддома поорать.

— А ты-то чего орать будешь? — засмеялась Наташа.

— Ну, как... Буду спрашивать, на кого похож. Вроде бы, так положено, — засмеялся он в ответ, — Я ещё ребят с собой возьму, вместе будем орать, как тогда, помнишь?

— Вот их-то там как раз и не хватало! — она прыснула, но вдруг, что-то вспомнив, приподнялась на локте, — Дим... а сколько времени? Вставать пора! У меня сегодня последняя консультация, а ещё домой надо попасть, переодеться.

— Точно! А потом мне в центр, и, наверное, на целый день, — он ещё раз поцеловал её и решительно откинул одеяло, — Ну, что, встаём на раз-два?..

незаметно прошмыгнуть в Диминову комнату, не встречаясь с Анной Сергеевной, но та внезапно возникла на её пути.

— Доброе утро... — попыталась улыбнуться Наташка, но строгий вид Диминой матери не располагал к улыбкам.

— Доброе утро, — довольно сухо ответила женщина, — Наташа, позови, пожалуйста Диму, и... и идите завтракать.

— Спасибо, я не хочу, я... — начала Наташка, но Анна строго перебила её:

— Завтракать нужно обязательно, особенно в твоём положении. А Диме — тем более, у него сейчас огромная нагрузка. И работа, и репетиции, и выступления... Ты, пожалуйста, не очень нагружай его своими проблемами, и старайся меньше ему звонить в течение дня.

— Я его не нагружаю... — растерянно произнесла Наташа, — Да и проблем у меня нет.

— Беременные женщины всегда капризны. Поэтому, я ещё раз прошу: не дёргай его по пустякам, у него очень ответственный период. Слава Богу, что хоть все экзамены позади.

— Хорошо, я не буду, — покорно согласилась Наташа и отправилась звать Диму на завтрак.

После завтрака, выслушав ещё несколько пунктов наставлений от Анны Сергеевны и прихватив Димины вещи, они отправились на окраину города, в маленькую квартирку на третьем этаже старой пятиэтажки. По-быстрому переодевшись в широкий летний сарафанчик, Наташка обула удобные лёгкие туфельки на низком каблучке и, прихватив сумочку, застыла в дверях.

— Всё, я готова.

— Ты так шустро бегаешь, — засмеялся Дима, — мне казалось, что беременные должны ходить вразвалочку.

— Ну... я могу и вразвалочку, — улыбнулась в ответ Наташка, — только тебе долго ждать придётся.

Отъехав от университета, куда он завёз Наташу, Дима на ходу достал мобильный телефон.

— Саня, привет. Сегодня в пять репетиция, позвони Белову и Мазуру, предупреди, хорошо? Будет новая песня для выпускного, надо успеть за десять дней всё сделать. Ну, всё, в пять в студии...

К его удивлению, Кристины в продюсерском центре ещё не было, хотя она сама велела ему прийти пораньше. Поздоровавшись с бухгалтером — единственным сотрудником, явившемся на работу к этому часу, он прошёл в студию. Включил компьютер и, пока он запускался, отправил Наташе сообщение по телефону: «Как ты?» Ответ пришёл через минуту: «Всё хорошо. Сiju на консультации». Улыбнувшись, написал: «Освободишься — позвони», потом включил аппаратуру и тронул клавиши синтезатора.

Университет окончен... Осталось получить диплом. Через десять дней — традиционный гала-концерт и их прощальное выступление. Прощальное — только как студентов, но с университетом он не прощается, теперь он — руководитель совместного проекта «Звёзды зажигаются»... Это — его идея, его проект по отбору талантливой

студенческой молодёжи и вывода её на большую сцену — проект, который будет очень кстати для их продюсерского центра, поскольку финансировать будущих «звёзд» берётся крупное предприятие, шефствующее над учебным заведением. Работы предстоит много, и работы интересной, его песни будут петь талантливые исполнители, а что ещё нужно для молодого, одарённого музыканта? А ещё — Наташа... И их сын, который вот-вот родится — Валерка... И, конечно, они — самое главное и дорогое, что есть в его жизни.

С этими мыслями наигрывая новую мелодию, он не заметил, как прошло довольно много времени. Кристина так и не появилась, но звонить ей и уточнять, когда она придёт, не было желания.

— Дима, — бухгалтер центра Светлана, молодая миловидная женщина, заглянула в дверь студии, — пока тебя не было, приходили три девочки, хотели тебя увидеть, по поводу проекта. Я им сказала прийти после обеда. Правильно?

— Да, всё правильно, спасибо большое, — Дима приветливо улыбнулся, — я сегодня весь день здесь буду.

— Ты сегодня какой-то не такой, — женщина дружелюбно улыбнулась, — не как обычно...

— А какой? — удивлённо спросил Дима.

— Ну-у-у-у... Прямо счастливый какой-то... Кстати, как съездили-то, всё удачно?

— Да, всё удачно, и сборы, и выступления... — мелодия мобильного телефона не дала ему договорить, — Да, Наташ. Всё?.. Я сейчас за тобой заеду... Да, вот сюда и приедем, тут у нас кафе рядом неплохое... Жди меня, я скоро.

Положив телефон, он снова обратился к Светлане, которая с нескрываемым интересом слушала его разговор:

— Я сейчас уйду, если Кристина без меня появится, скажи ей, что я буду позже. Я её с утра ждал, теперь пусть она подождёт.

— А я тоже на обед уйду, — Светлана многозначительно посмотрела на Диму, — Нет...Всё-таки ты сегодня какой-то не такой!

* * *

Наташа сидела в своей аудитории и, подперев лицо ладошкой, не сводила счастливых глаз с окна. Она совершенно не слышала, о чём говорит преподаватель, всё, что произошло в её жизни в последние четыре дня, не шло из головы. Время от времени она тайком читала смс-ку, присланную Димой, ей казалось, что она слышит его голос, такой любимый и родной. Сидя рядом с ней, Оксана то и дело бросала удивлённые взгляды на подругу. Произошедшую с Наташей перемену она заметила ещё позавчера, на экзамене, но, торопясь на свидание со своим молодым человеком, выяснить ничего так и не успела. После того, как у неё появился парень, Оксанка реже приезжала к Наташе, ограничиваясь лишь рассказами о нём на переменах между парами. Наташка искренне радовалась за подругу, но грусть то и дело проскальзывала в её взгляде. Когда она почти месяц назад рассказала Оксанке о визите

Сергея, та сначала осторожно, а потом всё настойчивее советовала не отказывать ему сразу, а подумать... «Ведь он тебя любит... Наташка, по-настоящему любит! И с ним тебе не нужно будет бояться, что его кто-то у тебя отнимет», — говорила подружка. В ответ на эти слова Наташа только печально улыбалась...

Увидев сегодня её в университетском коридоре, Оксанка чуть было не зажмурилась — ей показалось, что от Наташки исходит какой-то удивительный свет, а, взглянув в её глаза, она недоумённо закусила губу... С огромным трудом вытерпев до конца консультации, она не удержалась, и толкнула Наташу локтем:

— Наташка, слышишь?

— Что? — та повернула к ней счастливое лицо.

— Ты какая-то не такая... Что-то произошло?

— Да... — шепнула в ответ Наташа и, услышав сигнал, достала мобильный телефон.

— Смс-ка? — Оксанка невольно скосила глаза на экран.

— Ага, — радостно прошептала Наташа.

— От кого? — спросила подруга и, не дождавшись ответа, сама сделала предположение, — От него?

— От него, — в Наташкином шёпоте было столько нежности, что Оксанка снова в недоумении закусила губу.

— Значит, ты решила?

— Что — решила? — она наконец-то подняла счастливые глаза.

— Замуж...

— Наверное...

— Смольникова и Воронцова, вы так уверены в своих познаниях? — заметив, что девчонки совершенно отвлеклись от предмета, преподаватель постучал по столу костяшками пальцев, — Если это так, я никого не держу, но на экзамене спрошу по полной!

— Ну, и правильно! — не обращая внимания на замечание, Оксанка кивнула Наташе, — у ребёнка будет отец, пусть и неродной.

— Почему неродной? — опустив глаза, Наташа улыбалась своим мыслям, — Родной.

— Ну, понятно, что он будет считать его родным. Я имела в виду, что по крови неродной, — делая вид, что записывает за преподавателем, прошептала Оксана.

— И по крови тоже, — рисуя на листочке какой-то невероятный цветок, Наташа ещё ниже опустила голову, — самый родной.

— Как это? — подруга вытаращила изумлённые глаза, — Ты о ком говоришь? О Сергее же?!

— Нет...

— А о ком тогда?!

— О Диме.

— Как... — забыв о предосторожностях, Оксанка медленно выпрямилась, — Ты его всё-таки нашла?!

— Нет. Он сам пришёл.

— Да ты что?! — окончательно забывшись, девушка воскликнула во весь голос, — Морозов?!

— Да, — окинув взглядом аудиторию, Наташа заметила, как большинство одноклассников повернули головы в их сторону.

— Когда?!

— Четыре дня назад...

— И ты мне не сказала?!

— Я не успела. Он пришёл ночью, а днём уехал на гастроли. Вернулся вчера вечером.

— Так он что, и ночевал у тебя?

— Нет, я ночевала у него, — тихо рассмеялась Наташа.

— Ой, я так и подумала, что ты меня разыгрываешь, — разочарованно протянула Оксанка, — но ты всё равно какая-то странная...

Пряча улыбку, Наташа молча встала со стула. Консультация закончилась и, выйдя в коридор, она достала мобильный телефон. Поговорив с Димой под любопытным взглядом подружки, она весело взяла её под руку.

— Серёжка, да? — не унималась Оксанка. Уже выйдя на улицу, она никак не хотела покидать Наташу, которая с загадочным видом всматривалась в подъезжающие к стоянке автомобили.

— Ну, ты ведь всё равно не веришь... — увидев, как знакомый «фольксваген» подруливает к университетскому двору, та радостно обняла девушку и, взмахнув ей на прощание рукой, быстрым шагом направилась к воротам.

— Обалде-е-е-ть... — только и смогла произнести Оксанка, наблюдая, как, выйдя из машины, Дима Морозов спешит навстречу Наташе.

* * *

Кристина медленно, сложив на груди руки, ходила из угла в угол своей шикарной спальни. Новая квартира, купленная отцом, уже давно её не радовала, ведь она надеялась, что здесь они будут жить вместе с Димой. Надежды так и не оправдались: после недолгих, вновь вспыхнувших в конце прошлого года отношений, она поняла, что чувства вернулись только к ней. Его случайный порыв быстро угас; провожая её по вечерам, он редко оставался у неё на ночь, ограничиваясь простым недолгим присутствием. Посмотрев телевизор и перебросившись с ней ничего не значащими фразами, он прощался и, дежурно поцеловав её в щёку, уходил. Правда, в центре они постоянно были вместе, но там Дима был занят только музыкой и проектами, всё их общение было лишь на деловой почве... А где-то в начале весны он окончательно отдалился от неё.

Всего три месяца счастья — если это можно было назвать счастьем... Улучив минутку, она как-то порылась в его телефоне — среди прочих, ей известных абонентов обнаружила некую Инну... На всякий случай, переписав себе её номер, Кристина затаилась, решив до поры до времени подождать. Но однажды, не выдержав, спросила у Димы напрямую. Он сказал, что это психолог... Но Кристина, с её женским чутьём, догадывалась, что это не просто деловая связь, а что-то другое... Она даже пыталась выследить, куда ездит Дима, но ей это не удалось: по вечерам он ехал домой, а в выходные вообще исчезал из её поля зрения. Несмотря на все её подозрения, он не очень был похож на вновь влюблённого, всё так же

сочиняя печальные мелодии и пропадая в своей студии до поздней ночи. И Кристина немного успокоилась...

Новость, полученная от менеджера дорогого супермаркета, грянула как гром среди ясного неба: Дима приезжал за продуктами, но не один... С ним была беременная длинноволосая девушка, по описанию очень похожая на его бывшую невесту. И, судя по тому, как он вёл себя с ней, это была не случайная встреча. Сцена же на вокзале расставила всё по своим местам. Он помирился со своей Наташей, она его встречала с гастролей, и они вместе уехали домой.

Устав ходить туда-сюда, девушка прилегла на кровать... Блуждающий по комнате взгляд остановился на дверце шкафа, за которой у неё всегда была бутылка мартини или виски... Да, полтора года назад она крепко подсела на алкоголь — слишком много было пережито унижений и боли из-за связи с Мухаммедом и потери Димы — так ей казалось в тот момент. Но когда, благодаря отцу, Дима снова замелькал рядом с ней, она невольно переключилась на некую игру. Нет, свои чувства к нему она игрой не считала, она его действительно любила, но подсознательно возник азарт — получить то, о чём она снова мечтает, несмотря на соперницу, вопреки всему... Это её даже увлекло. Пару раз сорвавшись, она вдруг поняла, что таким способом она не вернёт его никогда, что для этого нужны не только её обаяние и красота, а нужен трезвый и ясный ум. Не зря она была дочерью Лапина...

Теперь она практически не употребляла алкоголь — с прошлой осени, когда они вместе с «патрулями» возвращались из Москвы... Эйфория от съёмок с Димой была тогда жестоко прервана известием о его женитьбе на Наташе... Но в тот раз она, даже изрядно выпив в компании музыкантов, смогла взять себя в руки, и это была победа.

Так что же — сейчас снова проиграть?

— Чёрта с два, — со злостью вслух проговорила девушка, глядя на заветную дверцу, — не дождётесь! И ты, Дима, не дождёшься. Ещё поглядим, что у тебя и в этот раз получится... — с этими словами она резко встала и, глядя на себя в огромное зеркало плательного шкафа-купе, поправила причёску. Она красива, молода, обеспечена... У неё свой бизнес... на который день и ночь пашет Морозов.

Вот пусть и пашет под её пристальным вниманием. Ему всё равно никуда не деться. А уж крови попить она ему сумеет.

С этими мыслями она взяла телефон и, найдя номер Дианы, нажала на кнопку вызова.

— Приветик... Это я. Чем занимаешься? Да вот, поболтать захотелось, составишь компанию? Да нет, — Кристина усмехнулась, — просто меня один человек ждёт. А мне нужно время потянуть. Пусть подольше подождёт. Встретимся — всё расскажу. Ну, всё, выезжаю...

Забрав Наташу из университета, Дима повёз её в небольшое, но очень уютное кафе, расположенное по соседству со студией. Устроившись за столиком в углу и сделав заказ, он, одной рукой достав что-то из нагрудного кармана, другую протянул девушке:

— Дай мне руку...

— На... — она доверчиво подала свою ладошку. Он молча, осторожно надел ей на безымянный палец колечко — то самое... Золотое, с тремя небольшими камешками, оно весело сверкнуло на её руке.

Ничего не говоря, он смотрел на неё, слегка улыбаясь и держа её ладонь в своих руках. Наташа тоже молчала, подперев лицо другой ладошкой и глядя в его синие-пресиние глаза.

— Я хотел ещё вчера... Но ты уснула...

Как будто вспомнив что-то, Наташа грустно улыбнулась и опустила голову.

— Наташ... — Дима слегка сжал её пальцы, — Ты прости... я без шампанского и свечей... Но ты ведь не вернёшь его, правда?

Она подняла на него свои большие карие глаза и, всё так же улыбаясь, отрицательно покачала головой.

— Пожалуйста, ваш заказ, — молоденькая, веснушчатая официантка, стрельнув глазками, поставила на стол тарелки с едой, — приятного аппетита.

— Спасибо, — Дима кивнул девушке и перевёл взгляд на Наташу, — давай, лопай...

— Димка... — она весело рассмеялась, — Какой ты не романтичный! Вместо свечей и шампанского — рассольник... да ещё и «лопай»...

— Да? А мне сказали, что я сегодня счастливый...

— Кто это тебе сказал? — игриво улыбнулась Наташа.

— Мало ли кто... — хитро ответил Дима, — Если останешься со мной после обеда в студии, скажу.

— С тобой? — её улыбка снова стала грустной, — Думаю, мне там не будут рады.

— Это неважно. Я не хочу с тобой расставаться, даже на несколько часов... Останься со мной? Если устанешь, я отвезу тебя домой. А сейчас — лопай...

Пообедав, они не торопились выходить из-за стола — пока Дима расплачивался, Наташа, допивая сок, задумчиво смотрела куда-то вниз.

— Дима... — какое-то время она ещё помолчала, но потом, решившись, продолжила, — Знаешь, почему я ушла из группы осенью? И почему перестала ходить с тобой сюда...

— Почему? — он серьёзно посмотрел на девушку, — Я ведь до сих пор ничего не знаю.

— Меня просто выгнали.

— Кто?

— Лапин... Он сказал, что я лишняя и предложил работу в турецком или египетском ресторане.

— Почему ты мне ничего не сказала?

— Он сказал, что, если ты узнаешь, то пойдёшь с ним на конфликт, и тогда он сделает так, что ты будешь ему должен очень много денег.

— И ты поэтому молчала?

— Да... Я тогда вообще запуталась. Меня все пугали, что ты меня обязательно бросишь... станешь известным и бросишь... И я... я просто заиклилась на этом. А после разговора с Лапиным я вообще уже не могла быть рядом с тобой. Мне было очень больно... и обидно... и я не могла тебе ни о чём сказать... мне казалось, что я — препятствие на твоём пути. Я ужасно боялась тебя потерять... я не могла ни быть с тобой, ни расстаться... Я сама измучилась... И тебя измучила... — говоря об этом, Наташа не поднимала глаз; чувствуя свою вину, она боялась посмотреть на Диму, — Это я во всём виновата. Ты меня простишь? — она с мольбой подняла на него глаза, — Простишь?..

— За что?! — он казался потрясённым, — Наташка... И ты всё это носила в себе?! Ты об этом молчала тогда?.. Ну, почему ты мне тогда ничего не сказала?..

— Когда ты ушёл, я поняла, что теряю тебя... и испугалась ещё больше. Я решила всё рассказать... приехала сюда, тем вечером... помнишь? Я ехала, чтобы всё тебе рассказать и вместе вернуться домой... — она замолчала, но он понял всё без слов.

— Знаешь что... — он снова взял её за руку, — Ты сейчас пойдёшь со мной, домой одну я тебя не отпущу. В студии есть и диван, и кресло, и ноутбук с интернетом... Туда никто не войдёт, я всех предупрежу, а, если мне придётся уйти, я тебя просто закрою. А ты ляжешь и будешь спать. Хорошо? А вечером, дома, мы обо всём поговорим... Я тебе тоже всё расскажу... Но сейчас ты останешься со мной.

— Хорошо... — кивнула головой Наташа. Внезапно она уставилась на двери, которые находились у Димы за спиной. Заметив это, он оглянулся и тоже удивлённо застыл — Кристина с незнакомой девушкой направлялись прямо к их столику.

— Как замечательно... — в словах Кристины сквозили ехидство и сарказм, — Что можно спрашивать с персонала, если так называемые руководители отсутствуют на работе?

— У меня обед, — невозмутимо ответил Дима, — у персонала, кстати, тоже.

— Я тебя ждала с самого утра.

— Наверное, не там ждала. Я с утра был в студии, если буду нужен — я там, — с этими словами Дима, взяв Наташку за руку, вышел из кафе.

— И что это было? — усаживаясь за соседний столик, Диана удивлённо проводила взглядом молодых людей.

— А то и было, о чём поболтать хотелось, — поджав губы, ответила Кристина подруге, — Морозов, собственной персоной...

— Послушай новую песню... — откинув рукой волосы со лба, Дима тронул клавиши синтезатора, — Это специально к окончанию университета, что-то вроде гимна.

Устроившись сбоку на стуле, Наташа слушала и не сводила глаз с его рук. Она всегда любила смотреть на его руки, когда он играл — его пальцы с особой лёгкостью, едва касаясь, даже не бегали, они летали по клавишам... «У тебя такие красивые руки, особенно когда ты играешь», — часто говорила она ему. «А у тебя такие красивые ножки... — целуя, лукаво шептал он в ответ ей на ушко, — Особенно, когда ты танцуешь». Наташа улыбалась и прижималась головой к его плечу. Сколько раз потом она вспоминала эти счастливые минуты...

— Ну, что скажешь? — закончив играть, Дима вопросительно посмотрел на девушку.

— Мне очень понравилось, — серьёзно ответила Наташа, — Аранжировку ещё не делали?

— Нет, сегодня на репетиции ребятам покажу.

— Знаешь... мне кажется, тут здорово будет звучать труба, — Наташа уверенно поменяла инструмент в настройках синтезатора, — Давай, ты играй гармонию, а я попробую партию трубы наложить, как я её слышу.

— Да... С дудками классно будет... — закончив музыкальный эксперимент, кивнул Дима, — Жалко, у нас никто вживую на дудках не играет... Если только тебе попробовать.

— Ага... — обняв его сзади, она рассыпалась звонким смехом, — представляешь, пингвин с трубой...

— Не пингвин, а пингвинчик, — весело уточнил Дима, запрокинув к ней голову, — ещё бы бубен... — договорить он не успел: дверь отворилась, и в помещение вошла Кристина.

— Дима, ты мне нужен... — смерив взглядом обоих, она, не торопясь, покинула студию.

— Я пойду, а ты ложись на диван и спи, и никого не бойся.

— Да ну, Дим... Неудобно, — улыбнулась Наташа, — Я лучше поиграю, хорошо?

— Ну, поиграй... — улыбнувшись в ответ, Дима вышел. Оставшись одна, она присела к синтезатору, но играть не спешила. Задумчиво уставившись на чёрно-белые клавиши, Наташа выглядела немного растерянной... Все эти дни она гнала от себя эти мысли, она старалась не думать, и в первое время, действительно, не думала о том, что во время их с Димой разлуки он снова был с Кристиной... Она знала об этом, такие слухи быстро находят своих адресатов... Осенью, увидев их вместе, она могла лишь предполагать, оставляя себе пусть слабую, но надежду... Телефонный звонок почти убил надежду, а позже она узнала наверняка: да, всё правда... Он — с ней... Их видели вдвоём, и они выглядели счастливыми. Тогда, зимой, она очень тяжело пережила эту новость, несмотря на то, что была к ней готова. И, если бы не Женька со своим рестораном...

Классическая ситуация. Две женщины и один мужчина... Дима не умеет притворяться, она это знает наверняка, и он её любит — она это чувствует... Но та, с которой его связывали близкие отношения, постоянно рядом... Она бок о бок с ним, и никуда от этого не деться, это его работа.

Как странно распорядилась судьба. Она послала Наташе такую огромную, чистую, искреннюю взаимную любовь... И, по какой-то непонятной прихоти, без конца испытывает её на прочность...

«Дима, ты мне нужен», — четыре слова, и он вынужден идти... Они там — вдвоём. Она здесь — одна...

Но это происходит и будет происходить каждый день, просто она этого не увидит.

Как странно... Это нужно либо принимать, либо не принимать — но тогда уж лучше совсем расстаться. О расставании страшно даже подумать... Значит, нужно принять, и жить, и верить...

Но ведь их с Кристиной связывали отношения... Он так же обнимал её... целовал... он спал с ней и просыпался... Говорил ласковые слова... И всё было так же, как и с ней — с Наташей?! А, может, даже лучше: нежнее, ласковее, страстнее... И теперь он запросто общается с ней, что-то обсуждает, о чём-то спрашивает, шутит... смотрит в глаза...

Разве это можно принять?!

М. о ж н о.

Н у ж н о п р и н я т ь.

И — з а б ы т ь.

Ведь он вернулся — к н е й, к Наташе...

И он её л ю б и т.

О н а ч у в с т в у е т э т о.

И он для неё — в е с ь м и р.

Думая так, Наташка присела на мягкий диван. Накатила усталость... Захотелось спать... Она в последнее время постоянно хотела спать. Видимо, так положено. Она немного посидела с закрытыми глазами... А, что, если всё-таки прилечь? Тут и небольшая подушка есть. Она только несколько минут полежит... А потом придёт Дима. Она совсем чуть-чуть...

* * *

— А ты нахал, Морозов... — скрестив руки на груди, насмешливо произнесла Кристина. Сидя напротив неё на мягком диване, Дима внимательно разглядывал узорный пол кабинета. Услышав её слова, поднял глаза.

— Ты имеешь в виду мой проект «Звёзды зажигаются»? — он сделал вид, что ничего не понял, — В чём моё нахальство?

— Ты прекрасно понял, что я имею в виду. Притащить её сюда — это не просто нахальство... Это верх наглости с твоей стороны.

— Кристина, — без тени иронии, серьёзно проговорил Дима, — наверное, надо всё же объясниться, и, возможно, ты в чём-то права, — он, по обыкновению, сцепил пальцы рук, — И, наверное, я перед тобой виноват, что тогда, в декабре, дал тебе надежду... Мне и самому тогда показалось, что... Но это просто показалось. Я пытался... Я честно пытался справиться с собой, возобновить наши отношения. Я не считаю нас чужими людьми, мы слишком давно знакомы... Я согласен быть другом, коллегой... кем угодно... Но ты должна понять, что, если нет любви, то близких отношений быть не может. А, раз нет отношений, то и обид тоже не должно быть. Тем более, что у нас с Наташкой будет ребёнок.

— Морозов!.. — истерически рассмеявшись, Кристина приподняла брови, — Ты дал мне надежду!.. Ты согласен быть мне другом!.. Ха-ха-ха!.. Боже... Какая прелесть...

— Ну, может, я не так сказал... Кристина, ты поняла, что я имел в виду.

— Да, я поняла... Естественно... — её тон стал железным, — Кто ты для меня — это могу решать только я. Но уж другом... — она саркастически ухмыльнулась, — Уж друзьями нам с тобой не быть, хотя бы потому, что я с идиотами не дружу.

— Ты всё же подбирай выражения, — он строго взглянул на девушку, но она не дала ему досказать:

— Ты — идиот! Ты специально приволок её сюда, чтобы меня позлить? Чтобы лишний раз тыкнуть мне в нос, что ты станешь отцом? А ты хоть уверен, что ты — настоящий отец?! — от ярости Кристина перешла на крик, — Ты, тупой, безмозглый кретин, ты хоть знаешь, с кем она провела эти месяцы?! Ты хоть знаешь, какой у неё срок?! Ты сам мне говорил, что она с каким-то там гитаристом связалась, или не говорил?! Что молчишь?! — выплёскивая гнев, девушка подошла ближе, — Я бы ещё поняла, если бы она не была в положении... Но подбирать чужое... прости меня... После этого я сама себя презираю за то, что я с тобой... — она не договорила и, отвернувшись к окну, замерла, презрительно сжав губы.

— А больше ты себя ни за что не презираешь? — негромко, но твёрдо произнёс Дима, — Тебе не кажется, что ты вообще не имеешь права говорить так после того, что сама сделала полтора года назад? Не я с тобой расстался тогда, это был твой выбор. Выходит, я тебя тоже потом подобрал? — он строго посмотрел на девушку, — Лишь с той разницей, что ты не залетела от этого...

— Да просто у меня ума побольше, чем у этой матрёшки, вот и всё, — выкрикнула Кристина, — думала головой и ситуацию оценивала трезво, через себя переступила... поэтому и не вешаюсь теперь на всех, с кем спала, лишь бы папочку для ребёночка найти.

— Понятно, — усмехнулся Дима, глядя на неё исподлобья, — И ты ещё о ком-то говоришь...

— Ничего тебе не понятно, — догадавшись, что невольно выдала свою тайну, она попыталась представить свои слова в другом цвете, — Ты хоть подумал, почему она так долго тебе не говорила, что беременна от тебя? Подумал?! А всё просто!.. Пока она была с тем лабухом — всё было нормально... Как только он её бросил, она и кинулась к тебе!

— Она не кидалась, — сквозь зубы произнёс Дима, — Она вообще ни к кому не кидалась...

— Ой, ну, надо же... Какая благородная девица! Да ты и правда придурок... Ни одна нормальная женщина не будет молчать, если залетит! Ни-од-на! — эти слова Кристина произнесла по слогам, — Потому, что нормальная! А, если она молчала — то это не твой ребёнок, Морозов!.. Это же элементарно!.. — истерическим тоном продолжала кричать Кристина, — Э-ле-мен-тар-но! Один отказался — тут другой подвернулся... Ну, и?.. Иди сюда, Дима... ты и будешь папочкой!

— Ты всё сказала? — глухо спросил Дима.

— Всё?! — Кристина снова медленно начала закипать, — Да если бы я сказала тебе всё, что мне известно, ты бы повесился! — сказать ей было нечего, но от нахлынувших эмоций она решила пойти ва-банк, — Я не представляю, каким надо быть придурком, чтобы добровольно надевать рога... Полгорода гудело, что какая-то провинциальная матрёшка тебя — слышишь, Дима, ТЕБЯ — за которым куча баб убивалась и убивается, от которого каждая вторая была бы счастлива родить, променяла на какого-то ресторанного лабуха... который её же и вышвырнул потом... — от накатившей на неё злобы Кристина чеканила слова, которые отлетали и секли свинцовым градом, — А ты — добрая душа, опять подобрал, да ещё и с ребёнком... Кто тебя после этого уважать будет?!

— Я терплю твои слова лишь потому, что понимаю твоё состояние, — глядя ей в глаза, Морозов был мрачнее тучи.

— Ты?! Ты понимаешь моё состояние?! — прокричала ему в лицо девушка, — Может, ты меня жалеешь?! А ты пожалей себя, потому, что это не о меня, это о тебя вытерли ноги!.. И это всю твою оставшуюся жизнь за твоей спиной будут повторять, какой ты придурок... придурок, понимаешь?! — с этими словами, не справившись с собой в новом приступе дикой ярости, она подскочила к нему и, схватив за плечи, несколько раз сильно трянула, потом, распаляясь всё больше, изо всех сил раз ударила его сжатыми кулаками в грудь, — Придурок... — почувствовав, что выдохлась, Кристина закрыла лицо руками и, отойдя к окну, разрыдалась. Наконец, обессилив окончательно, притихла и закрыла глаза.

Стоявший во время истерики как вкопанный, Дима не проронил ни слова, видимо, давая ей выплеснуть накопившуюся обиду и ревность.

— Ты успокоилась? — строго, но без злости спросил он.

— Я успокоюсь... — тихо и как-то зловеще произнесла Кристина, — Но запомни, Морозов... Я прощать не умею.

— Зря ты на юридический не пошла. Хороший бы прокурор получился, — с этими словами, мрачнее тучи, Дима вышел из кабинета.

— Морозов! — выбежав вслед за ним, резко окликнула его Кристина, — Вернись. Я ещё не договорила. Это по поводу нового проекта.

Нехотя вернувшись в кабинет, Дима молча встал у дверей, засунув руки в карманы брюк. Сжав губы, он с огромным трудом заставлял себя быть спокойным.

— Ты тут в начале разговора сказал — «Мой проект»... — отвернувшись к окну,

Кристина говорила всё так же зловеще, — А тебе не кажется, что ты что-то перепутал?

— В смысле? — нехотя выдавил Дима.

— В том смысле, что пока ты работаешь здесь — лично твоих проектов быть не может. Все проекты документально принадлежат мне... Ты забыл? Всё, что выходит из-под крыши продюсерского центра, этому центру и принадлежит, а, поскольку я — хозяйка, то и принадлежит это всё — мне. Выходи за стены — пожалуйста... Арендуй помещение, создавай своё, набирай персонал, закупай аппаратуру, инструменты, регистрируйся... Вот тогда и называй своими все проекты. Что, слабо?

— Знаешь... У меня сегодня с твоей помощью столько открытий, — он устало покачал головой.

— Ну, и замечательно, едко ответила она, — Ты прямо как штопор.

— Всё? — он взялся за ручку двери.

— Нет, не всё, — торопливо отчеканила Кристина, — посторонних в студию больше не приводить!

Ничего не ответив, он стремительно вышел из кабинета.

— Дима!.. — громким шёпотом окликнула его Светлана, высунувшись из соседней двери, — Зайди ко мне.

— Что случилось? — войдя в крошечную бухгалтерию, он посмотрел на женщину — вид у неё был весьма перепуганный.

— У меня — ничего, а у вас что случилось? — глядя на его огромными глазами, заговорщически спросила она, — Чего она так на тебя орала?..

— Свет, подслушивать нехорошо... — невесело пошутил Дима.

— Да какой там подслушивать... Тут чуть стенка не рухнула от воплей! — Светлана кивнула головой на стену, за которой находился кабинет Кристины, — Что произошло?!

— Да ничего страшного, Свет, все живы, жертв и разрушений нет... — улыбнулся он.

— Да? — недоверчиво посмотрела на него женщина, — Ну, тогда ладно...

— Всё нормально, — Дима приготовился выйти, но она снова окликнула его:

— Дима... Там эти девочки, про которых я говорила, ждут тебя на улице... И это... — она слегка замялась, — Там у тебя в студии... в общем... какая-то девушка...

— А, ну, это Наташа...

— Так это... Она на диване спит...

— М-м-м-мм... — Дима хлопнул себя ладонью по лбу, — Я же забыл её закрыть!

— Дима... — женщина снова перешла на шёпот, — А кто это?!

— Это моя жена.

— Жена?.. — снова недоверчиво посмотрела на него Светлана, — Законная?..

— Любимая, Свет... — засмеялся Дима и вышел.

— Тогда всё понятно... — она многозначительно поджала губы, — Обалдеть, что делается...

* * *

Когда Дима вошёл в помещение студии, Наташа уже не спала, а сидела на диване с ноутбуком на коленях.

— Ну, как ты? — как можно веселее спросил он.

— Дим... она подняла на него виноватый взгляд, — Тут девочки заглядывали... тебя искали.

— Да, я их уже видел, они по поводу проекта приходили. Оставили диск, завтра просмотрю.

— Дим... они, кажется, сильно удивились, когда увидели, что я сплю на диване...

— Да ладно... — он улыбнулся, — Подумаешь...

— Дим... Когда они выходили, одна сказала: «Я же говорила, что здесь тоже всё через постель...»

Они некоторое время молча смотрели друг на друга, потом рассмеялись одновременно.

* * *

— Ну, и как ты теперь будешь с ней сотрудничать? — выслушав рассказ Димы о сегодняшнем конфликте с Кристиной, Говоров присвистнул, — Тебе войну объявили, если я что-то понимаю в войнах.

— Ну, да... войну... — задумчиво ответил Дима. Они разговаривали, стоя на крыльце продюсерского центра — приехавший задолго до репетиции, Сашка курил, а Дима просто стоял, прислонившись к стене и скрестив на груди руки, — Знаешь, Саш, даже не представляю, как дальше... Она говорит такие вещи, за которые мужику давно бы дал в морду. Как с ней себя вести, не имею понятия. По сути, мне нужно уйти, а как это сделать, если я там — по уши завязан? Она начала диктовать условия, при чём, условия глупые, вредные для общего дела... Про её манеру общаться вообще молчу. Ладно — я... Я могу списать все оскорбления на её эмоциональное состояние, хотя, если честно, после всего услышанного о себе, я вообще не хочу ничего делать. Но она говорит про Наташку всякую дрянь, зная заведомо, что я не смогу ей достойно ответить или уйти, громко хлопнув дверью.

— Ну... не знаю, Дима. Я бы просто послал её далеко и надолго, открытым текстом. И работал бы дальше.

— Я так не могу.

— А она может. Ладно, пойдём... Скоро остальные подгребут.

— Ты только в студии про это не говори, ладно? Там Наташка...

— Здесь? — удивился Говоров, — В студии?

— Да, она со мной целый день.

— Ну, тогда понятно, чего Кристина взбесилась... — усмехнулся Сашка, — Любишь ты, Димыч, такие ситуации создавать.

Когда весь «Ночной патруль» был в сборе, Дима проиграл новую песню, написанную им в подарок университету — этаким гимн выпускников. Кристина, как автор текста, тоже присутствовала при этом — она ещё не слышала мелодии, на которую Дима положил её слова. Внешне она выглядела спокойной, но, зная её, Дима мог догадываться, какие страсти всё ещё кипят в её душе.

Наташа, которая держалась из последних сил от усталости, скромно сидела в уголке, но, когда ребята стали обсуждать аранжировку и Дима попросил её ещё раз сыграть партию

трубы, с готовностью подошла к синтезатору.

— А чё, классно проигрыш звучит, — одобрил Мазур, — А в последнем можно вообще соляк задвинуть.

— Вопрос, как это воплотить? Димыч два инструмента не может одновременно воспроизвести... — Сашка пожал плечами.

— А забить в базу? — Никита кивнул на студийный «Korg».

— База полная, — развёл руками Дима, — а что-то удалять, чтобы оставить гимн, смысла нет, мы его сейчас исполним, и всё. Потом — лишь по случаю.

— И как быть? — Кристина тоже решила принять участие в обсуждении, Если, как вы говорите, дудки классно звучат, как быть?

— Элементарно, Ватсон, — Мазур вытаращил на неё свои светлые глаза, — Ставим второй синтез, и делов...

— А за синтез — кого? — Сашка пожал плечами, — Я бы слабал, но левой пяткой из-за ударника не дотянусь.

— Наташку и поставим... — как что-то само собой разумеющееся, произнёс Витька и, обращаясь к девушке, бесцеремонно спросил, — Те когда рожать? До пятнадцатого время есть?

— Меня?! — она засмеялась, — Ты представляешь эту картинку?

— А чего такого? Платье какое-нибудь наденешь... Зато классно будет.

— Так, стоп... — Кристина хлопнула ладонью по столу, — Вас четверо? Четверо... И всё, вариантов нет.

— Ну, и что, — вытаращился на неё Сашка, — А как подтанцовка, а как бэк-вокал, а как прилечённые музыканты, если нужен лишний инструмент?

— Я — за... — Витька пожал плечами и, обращаясь к Диме, спросил, — А ты чё молчишь?.. Твоё слово веское в данной ситуации. Пусть Натаха тоже выступит.

— Наташ, ты — как? — взглянув на неё, Дима отметил про себя, что она выглядит очень уставшей, и в который раз за сегодняшний вечер пожалел, что не отвёз её домой.

— Ну, если я никого не распугаю своим видом... — радостно ответила она. Выступить вместе с Димой... даже сейчас... Что может быть лучше?

— В ресторане пела, никого ведь не испугала, — Никита вставил реплику, — Там и коллектив был меньше... Журавлёв один... ну, и вокалист ещё... — Женькину фамилию Никита произнёс с особым ударением, как бы намекая на что-то, с удовольствием заметив, как Дима изменился в лице.

— Так... Я не поняла вообще... Моё мнение что, уже никого не интересует?! — гневно спросила Кристина, — Я повторяю, «патрулей» — четверо, было, есть и будет. Никаких дополнительных синтезов, никаких подпевок...

— В общем так. Группа решила: эту песню исполняем впятером, — Дима произнёс это негромко, но с такой твёрдостью, что Кристина поневоле замолчала, — ну, что, приступим?

* * *

Добравшись, наконец, домой, Наташка сразу протопала на кухню и, достав из холодильника сковороду с приготовленным ещё вчера ужином, поставила её на плиту. Пока Дима принимал душ, нарезала хлеб и овощи...

Выйдя из ванной, он удивлённо заглянул в дверной проём — ужин был на столе, но Наташи в кухне не было. Он прошёл в комнату и, взглянув на диван, только улыбнулся: видимо, не имея сил даже раздеться, она спала на краю в своём цветном сарафанчике, положив под голову ладони. Он осторожно взял её на руки и шагнул из комнаты.

— Мы ещё куда-то идём? — обняв его за шею, сквозь сон пробормотала Наташа.

— Да тут недалеко, — ответил Дима, — В душ... А потом — ужинать.

Только спустя неделю после их с Димой встречи Наташа решилась рассказать отцу эту новость. Она сама никак не могла поверить своему счастью, и поэтому пока боялась им делиться. Но, когда после последнего экзамена Валерий, переживая за неё, всё настойчивее начал звать её домой, она с плохо скрываемой радостью сообщила, что она больше не одна... рядом с ней — Дима.

Ей показалось, что отец совсем не обрадовался известию, его голос звучал довольно сдержанно, и Наташа немного растерялась. Позже, видимо, успокоившись, он снова ей перезвонил и даже передал Димке привет, пообещав в скором времени нанести им свой родительский визит.

Сергей, который после того, как приезжал к ней в мае, звонил почти каждый день, узнав о том, что Димка вернулся, несколько дней молчал, и Наташа, догадываясь о причине этого молчания, чувствовала какую-то необъяснимую вину перед этим добрым и тихим юношей, любившем её так искренне и беззаветно. Не выдержав, она сама набрала его номер...

— Здравствуй, Серёжа.

— Здравствуй, — вопреки её страхам и переживаниям, он ответил ей дружелюбно.

— Как ты? — она даже не знала, о чём говорить, и поэтому задала дежурный вопрос.

— Нормально. Работаю, недавно сессия закончилась.

— Ты не звонил несколько дней, я начала переживать...

— Наташ, — он слегка замялся, но быстро справился с собой, — я всё знаю, мне Алинка рассказала.

— О чём? — она закусил губу, сама не зная, зачем задала ему этот вопрос.

— О том, что он к тебе вернулся.

— Да, Дима вернулся, — тихо произнесла Наташа, — он не знал, что у меня будет его ребёнок. Иначе бы он вернулся раньше...

— Ты так говоришь, будто оправдываешься, — в его голосе сквозила какая-то светлая грусть, и Наташка, сама не зная почему, вдруг глубоко вздохнула.

— Знаешь, наверное, я перед тобой виновата...

— В чём?

— Не знаю... но я так чувствую...

— Ты ни в чём не виновата. Ты, ведь, мне никогда и ничего не обещала.

— Серёжка... Ты обязательно к нам заходи, когда будешь здесь, в городе, ладно?

— Не знаю, может, и зайду.

— Дима знает о тебе.

— Что он знает?

— Он знает, что ты — мой друг и очень хороший человек...

— Главное, чтобы он оказался именно тем человеком, который нужен тебе...

— Я так благодарна тебе за всё...

— Будь счастлива, Наташа...

Анна Сергеевна никогда не была заядлой курильщицей, так, иногда, по случаю могла выкурить в компании подруг дорогую лёгкую сигарету, чтобы «выглядеть», и не более того. Но сейчас она снова потянулась к пачке «Vogue» — уже в который раз за эти два дня. Чиркнув зажигалкой, сделала неглубокую затяжку... Единственный сын, никогда не доставлявший хлопот, преподнёс такой сюрприз, которого она именно теперь и не ожидала.

Потушив недокуренную сигарету в изящной металлической пепельнице, она подняла глаза на свою собеседницу — Милу Лапину, которая, удобно расположившись на уютном диванчике небольшого и такого же уютного кафе, куда её пригласила Морозова, задумчиво смотрела куда-то вперёд, в одну точку. Она только что выслушала нерадостный рассказ Анны.

— Вот такие дела... — Анна нарушила недолгое молчание, — Всё произошло в считанные дни. Уехал выступать один, а вернулся с Наташей. «Мама-папа, у вас будет внук»... Я в такой растерянности, что не знаю, что мне нужно делать, как с ним разговаривать, а, главное, как вести себя с ней. Ведь Дима всё равно её будет приводить к нам домой.

— Знаешь, Аня, я ведь чего-то подобного ждала. И Лёньке говорила не раз, что эта идея помирить Кристину с Димой шита белыми нитками. Но у него свои понятия на этот счёт, он упрямый как... — Мила не решилась произнести вслух слово, обидное для мужа, в присутствии Анны, — Это — их семейная лапинская привычка распоряжаться чужими судьбами. Что теперь будет с Кристиной?.. Она и так с весны опять поникшая, а в последнюю неделю с ней что-то происходило, я, хоть и вижу теперь её не каждый день, но по голосу поняла, что что-то у неё не так.

— Мил... у меня к тебе вопрос, как к врачу... — Анна зачем-то передвинула пепельницу на столе, — Можно ли до рождения ребёнка сделать генетическую экспертизу?

— Да, Аня, можно. Но это опасно, делается в крайних случаях. Лучше подождать, пока он родится, — голос Милы казался усталым, и сама женщина выглядела уставшей и озабоченной, — а что, в чём-то есть сомнения?

— Есть. И серьёзные. Во-первых, маленький живот. На вид — не больше шести месяцев... Я понимаю, что всё индивидуально, но что ты можешь сказать с медицинской точки зрения?

— Ну, я врач-то детский, — усмехнулась Мила, — но это, действительно, индивидуально. От многих факторов зависит, в первую очередь от того, как питается мать, от её образа жизни, от психологического состояния даже... Это не показатель, Аня.

— Понимаешь... всё произошло внезапно. Дима ничего не говорил об этом, а я знаю его — он бы всё равно сказал о ребёнке, даже если бы не хотел с ней поддерживать отношения. Значит, он не знал. И, судя по сроку, они расстались в самом начале беременности — ну, это как вариант того, что ребёнок Димин. И она ему не сказала?! — округлив красивые синие глаза, Анна уставилась на Лапину, — Мил, ну, разве так бывает?! Да она бы бегала за ним, покою не давала, а она молчала столько времени... Это же нереальная ситуация!

— Ну, почему... — Анне показалось, что Мила говорит нехотя, — В жизни всё бывает. Я ведь Лёньке тоже не сразу сказала, что Кристиной беременна. Решила — если женится, то без принуждения, а только по любви. А нет — то...

— Ну, он тебя любит, — как можно более равнодушно произнесла Анна, — и, уж он,

наверняка, был уверен, что Кристина — его дочь.

— А, вот и нет... — Мила невесело усмехнулась, — Знаешь, сколько он мне крови выпил, пока она не родилась? И потом — пока не стало видно, как она на него похожа? Это сейчас есть возможность делать экспертизы, а тогда ни возможностей, ни денег у меня на это не было. Он же тогда простым культторгом в пансионате работал. Бег в мешках и прочее. Сам-то из деревни... В город вырвался, думал, в цивилизацию попал, вот и подался в сферу развлечений, а там же не платят. Это потом уже, когда администратором в ресторан устроился, что-то стал зарабатывать, да в середине девяностых со своим знакомым, Игорем Фишером, организовали ресторанный бизнес... Как мы поднимались — это отдельная песня. Сколько я ночей не спала, слёз пролила, одному Богу известно. И наезды были, и с пистолетом под подушкой спали, и поджигали нас... А Кристинка — маленькая, за неё страшно было. Я сколько раз его тогда просила — Лёня, уйди... брось... Да где там... Он с этим Фишером был — не разлей вода. А потом как-то всё постепенно наладилось, да и Фишер от него отделился, не знаю, чем он сейчас занимается, но не думаю, что чем-то хорошим. А Лёнька после второго ресторана решил ночной клуб открыть. На игровых автоматах поднялся. Впрочем, что я тебе рассказываю... всё у тебя на глазах было.

— Ну, не совсем на глазах, — ответила Анна, — мы ведь тогда по гарнизонам с Сашей мотались, только в девяносто восьмом, когда он из армии уволился, назад вернулись. Про Фишера, во всяком случае, не знаю.

— Странно... — Лапина загадочно улыбнулась, — А мне казалось, что ты Игоря должна хорошо знать.

— Ты что-то путаешь... — Анна смущённо спрятала глаза, — Ни я, ни Саша с ним не знакомы.

— Ну, Саша точно не знаком, — Мила пристально посмотрела в глаза собеседнице, — Аня... Я когда-то мечтала рассказать тебе... что я всё знаю. Видимо, сегодня тот самый случай.

— О чём? — Анна снова потянулась за сигаретой.

— Я всё знаю о ваших с Лёнькой отношениях.

— Отношениях?.. — удивлённый тон давался Анне нелегко, — Что ты имеешь в виду?

— Ань... Я всё знаю. И раньше знала. Как и у кого вы встречались... сколько это длилось... Почему я тогда молчала? — Мила задумалась, потом, поправив светло-русую чёлку, продолжила, — Я молчала потому, что Лёня бы точно тогда от меня ушёл. Он не терпит никаких претензий к себе... Не любит быть виноватым. Если бы я стала ему что-то говорить, то потеряла бы его навсегда. А я его очень любила... Я даже не стала бороться. И, думаю, только поэтому он и остался со мной.

— Мила... — порывшись пунцовым румянцем, Анна не смела поднять глаз.

— Аня, ничего не нужно сейчас говорить. Я сказала это лишь для того, чтобы ты поняла — не за всё в жизни нужно бороться, не всё нужно пытаться изменить... Всё будет так, как предопределено.

— Мила... — Морозова снова попыталась что-то сказать, но собеседница не дала ей этого сделать.

— Подожди, не нужно оправданий, я ведь тебе говорю это без зла и обиды. Что греха таить, иногда я жалею, что он тогда не ушёл от меня. Это ведь тебе доставались лишь ласковые слова и галантное обхождение, как от своего, так и от моего мужа. Твой Саша так ничего и не узнал, и пусть твоя душа будет спокойна: от меня он никогда и ничего не

узнает... — Мила говорила на удивление спокойно, как будто давно готовила свою речь, — И он, и Леонид осыпали тебя комплиментами, дарили подарки — один явно, другой — украдкой... А мне доставались лишь грубость и вечные упрёки... Ты ведь не знала, что дома Леонид совершенно не такой, как на людях. С годами своей грубостью он убил во мне самое дорогое, чем я жила, что грело меня всю жизнь. Он убил во мне любовь. И, лишь поэтому, я сейчас могу тебе всё спокойно рассказать...

— Господи... — покачав головой, Анна прикрыла рукой глаза, — прости меня...

— Прости, Кристинка звонит, — сделав Анне жест, Мила поднесла к уху мобильный телефон, — Да, Кристиночка... Я — в кафе, с тётёй Аней... Ну, если не трудно, заезжай за мной, а то тётё Ане далеко меня придётся подвозить. Кафе «Старый замок»... Ты знаешь. Жду... — положив телефон, она, не давая раскрыть Анне рта, снова обратилась к ней, — По поводу твоей проблемы. Я думаю, тебе сейчас ничего не нужно делать. Пусть всё будет, как будет... — женщина устало вздохнула, — И радуйся, внук родится.

* * *

Тёплый, погожий июньский вечер, ознаменованный грандиозным праздником в честь очередного выпуска студентов университета культуры, был пронизан всеми оттенками чувств и эмоций — среди них была и радость от того, что учёба, наконец-то, позади, и лёгкая, светлая грусть, навеянная расставанием с друзьями, сокурсниками, преподавателями и всей той взбалмошной, неужённой и такой насыщенной студенческой жизнью, память о которой остаётся навсегда.

Витька, Никита, Сашка и Дима со счастливыми лицами стояли недалеко от летней эстрады, дожидаясь своего выхода на сцену. Прильнув к Диме, Наташа весело отвечала на шуточки Мазура. Изящное, с высокой талией и пышным, на кринолине, широким подолом тёмно-фиолетовое платье удачно скрывало её живот, а уложенные лёгкими локонами длинные белокурые волосы очень шли к её большим глазам цвета крепкого чая...

— Наташа, надо было всё-таки тебе трубу дать... — Мазур с серьёзным видом посмотрел на девушку, — Синтез — это не то...

— Мазурик, ты с трубой будешь смотреться намного интереснее, а я лучше на басухе за тебя отработаю, — так же серьёзно ответила Наташа, — На басухе я смогу, там всего-то четыре струны...

— Не... — Витька отчаянно замотал белёсыми длинными кудрями, — ты на басухе сейчас не сможешь, ты арбуз проглотила!

Весело засмеявшись, Наташка в шутку стукнула кулачком Витьку по плечу. Саша, в этот раз не участвовавший в шуточной перепалке, только слегка улыбнулся краешком губ. Он тоже был не один — рядом стояла его Ира, с любопытством наблюдавшая за происходящим.

— О, я вижу, вся команда уже в сборе, и с группой поддержки... — Лена, в довольно откровенном концертном наряде, максимально открывающем пышный бюст, насмешливо обвела всех взглядом, — Пожалуй, только меня не хватает... и какого-нибудь папарацци.

— Подожди с папараццами... Дайте, я хоть себе какую-нибудь первокурсницу поймаю... — Мазур потешно огляделся по сторонам, — А то все парочками, один я, как дурак, с гитарой.

— Тут первокурсниц нет, все на второй курс перешли, — рассмеялась Наташка.

— Ну, можно аспирантку симпатичную...

— Раньше надо было ловить, — Сашка наконец-то вставил реплику, — Всех разобрали, Викун.

— Чё, серьёзно? — Мазур вытаращил светлые глаза, — Обалдеть...

— Гитару целуй, — подал голос Никита.

— Надо было на виолончелиста учиться, — Сашка всё же не выдержал и включился в шуточный разговор, — виолончель очень женщину напоминает, хороша и для дома, и для гастролей.

— Добрый вечер! — сквозь дружный смех «патрулей» бойко прокричала симпатичная, высокая девушка с короткой стрижкой и профессиональной видеокамерой в руках, — Собственный корреспондент телеканала «Культурный город» Юлия Семченко. Хотела бы взять у вас интервью, пока вы все в сборе, а потом ещё видео отснимем, когда вы будете на сцене.

— О, вот и папарацци... — гоготнул Витька, — помяни чёрта, сразу нарисуетя...

— И не говорите, — улыбнулась Юлия и, обернувшись, обратилась к Диме, — Ну, что, начнём? Дмитрий Морозов — это же вы?

Привычно отвечая на ставшие уже привычными вопросы, ребята не могли не заметить повышенного интереса бойкой корреспондентши к Диме. Завязав беседу, она обаятельно улыбалась ему и недвусмысленно смотрела в глаза. Спросив о чём-нибудь кого-то из «патрулей», она снова и снова обращалась к Морозову. Наташа, скромно отойдя в сторону, слегка улыбаясь, наблюдала эту сцену, время от времени грустно опуская глаза.

— А спроси меня о чём-нибудь? — Мазур, оттерев Диму, неожиданно вырос перед Юлией, — Я среди них один свободный мужчина, холостой и без детей.

— Да? — она удивлённо посмотрела на него, — Прям-таки один-единственный?

— Ну... почти, — Витька хитро заулыбался, — А сними сюжет про меня одного, Юль? А то всё про Морозова да про Морозова, ему и так хорошо.

— Ну-у-у-у... Хорошо... — растерянно произнесла девушка, — Но не в этот раз, конечно. Будет подходящий случай — снимем сюжет о каждом в отдельности.

— А ещё лучше — фильм, а то зимой обещали, но не сняли.

— Фильм? Это не наш канал обещал, я бы знала.

— Ну, и что, что не ваш. А снимет ваш, — обаятельно улыбаясь, Мазур подошёл к ней почти вплотную, — ну, что, задавим конкурентов?

* * *

Стоя на сцене, Наташа не могла сдержать радостной улыбки. Всё, что ей было нужно в жизни, происходило в эти минуты. Она — рядом с Димой. Вместо одной песни, она сегодня

отработает весь блок «Ночного патруля» — так решили ребята. Похоже, что все они рады за них с Димой, ну, разве что Никита молчит... но он всегда молчит... А она отработает! Она знает практически все его партии, написанные раньше, а это — большая часть их репертуара. Все эти десять дней она приезжала с ним на репетиции, а отсутствие Кристины, которая внезапно улетела на известный заграничный курорт, стало настоящим подарком и ей, и Диме.

Всего три недели назад она даже представить не могла, как круто изменится её жизнь. Она уже не мечтала, что снова выйдет на сцену. И сегодня ей совсем не тяжело... Дима переживал за неё, и предлагал играть сидя, но сидя неудобно петь. Она запросто отстоит всё выступление — каких-то тридцать минут...

Ведь ей совсем не тяжело...

... Уже звучали последние аккорды последней песни, когда тупая, ноющая боль появилась внизу живота. С трудом отстояв аплодисменты, она потихоньку спустилась со сцены, стараясь не привлекать к себе внимания, и подошла к стоящей сбоку эстрады Ирине и, не в силах стоять, опустилась прямо на землю. Увлечённый овациями, Дима не заметил, что Наташка ушла, и заиграл последнюю песню на бис...

— Что с тобой? — заметив, как Наташа, согнувшись, кусает губы, Ира присела перед ней на корточки, — Тебе плохо?!

— По-моему, у меня схватки... — держась рукой за живот, та скорчилась от боли.

— Господи, — Ирина всплеснула руками, — нужно срочно скорую вызывать!

Вызвав сквозь грохот музыки скорую помощь, девушка снова присела возле Наташи.

— Ты держись, сейчас приедут...

— Спасибо, — еле слышно простонала та в ответ.

— У тебя уже срок? — Ирина испуганно гладила её по плечу...

— Нет, ещё три недели...

— Вот не надо тебе было выступать!

— Наверное...

— Слушай, нужно идти к воротам, здесь тебя скорая разыскивать не будет. Дойдёшь? — поднявшись во весь рост, Ирина оглянулась, оценивая расстояние до ворот и по-боевому подбоченясь, — Или, давай, я Диму со сцены стащу, пусть несёт, а то он так и будет там петь на бис, пока ты не родишь!

— Ой... не надо... — Наташка отчаянно замотала головой.

— Чего это не надо?.. Как удовольствие получать — они тут как тут... А как рожать — так в кусты...

— Ой!.. Дима не в куста-а-а-х... Он на сце-е-е-не...

— Какая разница? Подожди, я сейчас... — оставив её, Ира решительно подошла к краю сцены и отчаянно махнула Димке рукой. Он и сам уже заметил отсутствие Наташи и сейчас, сделав парням жест, оборвал песню на последней строчке.

— Что случилось? Где Наташка? — под удивлёнными взглядами развеселившейся толпы он спрыгнул со сцены и тревожно посмотрел на Ирину.

— Там, — девушка на ходу показала рукой в угол за сценой, — по-моему, у неё схватки начались.

— Что?! — кинувшись за ней, он в секунду оказался возле Наташи, сидевшей на земле в окружении подросевших знакомых девчонок, и опустился возле неё на колени, — Наташенька, что?! Схватки?!

— Дим... — она посмотрела на него виновато, — Всё прошло...

— Как — прошло?! Когда?..

— Только что... Я тебя увидела, и... прошло...

— Дима, я скорую вызвала, — Ирина тронула его за плечо, — ты её не слушай. Давай, неси к выходу.

— Ди-и-и-м... Прошло... Ну, правда, прошло... — по-детски тянула Наташа, когда он, подхватив её на руки, пробирался сквозь толпу к выходу со двора, — Ну, Ди-и-и-м...

* * *

— Ну, и откуда ты мне её, такую красавицу, привёз? — спустившись в приёмный покой дежурный врач родильного отделения, куда скорая помощь привезла Наташу, вопросительно посмотрел на Диму, — Ни карты, ни полиса... разодета как артистка... Что мне с ней прикажешь делать?

— Мы с концерта, — оправдываясь, ответил Дима, — Схватки раньше времени начались...

— И какого... вы делали на концерте? — высокого роста, крупного телосложения, со здоровенными, волосатыми ручищами, дежурный врач был не только шутником, но и отъявленным матерщинником, — Ей сейчас тапки, халат и постельный режим на её сроке, а не по концертам в таком виде шастать.

— Так мы не шастали... — Дима виновато пожал плечами, — Мы выступали... мы артисты...

— Совсем хорошо. А, простите, артисты какого жанра? — насмешливо, басом спросил шутник в белом халате.

— Музыканты... Играем рок, поём... — пожимая плечами, объяснялся Дима.

— Хорошо, хоть не танцоры. Ну, ладно, идём в смотровую, будем решать, что с тобой делать, — вполне серьёзным тоном отрезал врач, — то ли рожать отправим... то ли песни петь для рожениц.

— А у меня уже всё прошло... — прячась за Диму, жалобным тоном проговорила Наташа, — Отпустите меня домой... пожалуйста...

— Забирай домой. Пока — забирай... — весельчак-доктор вышел вслед за Наташей из смотрового кабинета, — Ложные схватки. Бывает на этом сроке. А в больницу пока рано.

— Спасибо, — Дима всё ещё выглядел испуганным, — большое вам спасибо.

— А мне-то за что? — хмыкнул врач, — Ты вообще-то кто ей? Брат, сват, сосед?..

— Я — отец... — растерянно ответил Дима.

— Чей? — изумлённо глядел на него мужчина, — Вот её, что ли?

— Ребёнка...

— А, ну, слава Богу... А то я подумал, что это ты так хорошо сохранился... Значит, так, — он по очереди посмотрел на обоих, — есть, спать, гулять. Никаких концертов, никаких лишних телодвижений. К себе его не подпускай, — с этими словами он посмотрел на перепуганную Наташу, — будет приставать — ты его тапком, — Дима хотел что-то сказать, но мужчина его перебил, — знаю, знаю, сам такой же был. Такие схватки могут сейчас ежедневно повторяться. Страшного ничего нет, но лучше будет, если кто-то будет постоянно находиться рядом. Всё поняли? Ну, тогда привет, — с этими словами он повернулся и вышел из приёмного покоя.

* * *

— Ну, что, сокровище ты моё?.. Что мне теперь с тобой делать? — добравшись домой и уже лёжа в постели, Дима ласково посмотрел на Наташу, — Послезавтра мы уезжаем на три дня, потом ещё — через неделю. И как я тебя теперь одну оставляю?..

— Не знаю... — уютно устроившись в его объятиях, она улыбнулась, — Сдай меня куда-нибудь... в зоопарк, например.

— Тогда уж лучше в детский сад...

— Да-а-а-аа... Превращать выступления в маски-шоу входит у вас в привычку... — Кристина ехидно ухмыльнулась; она вчера прилетела с краткого отдыха и, встретившись с утра с Беловым, от него узнала последние новости, — То подарки живые раздаёте... То под окнами орёте... А теперь вообще клоунаду устроили. Вы что, совсем мозги потеряли?

— А я при чём?.. — Никита, который раньше всех пришёл в студию, пожал плечами, — Морозов песню оборвал, не я...

— Морозов ещё своё получит. А почему вы взяли в состав Смольникову? Она не участница группы, никакого отношения к выпускному не имеет.

— Кристина, ты это не мне высказывай, а Морозу. Это его и Мазура затея была, а Говоров их поддержал... Я, если помнишь, молчал.

— Сколько я уже могу ему высказывать... — девушка нервно села на диван, — Ты тоже не посторонний. Должен своё слово говорить...

— А что я могу против большинства, — пожал плечами Белов, — Они там с этой Смольниковой все с ума посходили. Даже Мазур теперь за неё.

— Нет... ну это ни в какие рамки... Представляю, что теперь эта Семченко покажет в новостях! «Клавишница «Ночного патруля» родила прямо на сцене, сорвав при этом концерт»? Кстати, — она исподлобья посмотрела на Никиту, — кого она хоть родила?

— Понятия не имею, — Белов усмехнулся, — он её на скорой увёз, я больше ничего не знаю. Хотя... вроде, сын должен быть.

— Значит, Дима у нас теперь папочка... — Кристина ехидно прищурила глаза, — Родила Наташа в ночь... непонятно от кого...

— Не знаю, — Никита привычными движениями включал аппаратуру, — вроде, Димин ребёнок. Что-то там Говоров знал, но не сказал в своё время. Я краем уха слышал, как они с Морозовым разговаривали.

— Да мне плевать! — Кристина внезапно сорвалась на крик, — Плевать, понимаешь? Пусть хоть от кого папы римского!

— Да я просто так тебе сказал... — извиняющимся тоном проговорил Белов, — Чего ты нервничаешь...

— Больно надо... — Кристина вскочила и нервно заходила по студии, — Ну, где они... В роддом все поехали, что ли?

— А что, Говоров запросто поедет, — Никита взял гитару и, усевшись на одну из колонок, взял аккорд, — у самого скоро киндер-сюрприз появится, а он всё с Наташки глаз не сводит.

— Да что вы в ней все нашли, ты можешь мне объяснить? — Кристина встала напротив, упершись в Белова возмущённым взглядом, — Ну, вот, как парень, скажи... Что в ней такого необыкновенного?

— Да ничего... — он пожал плечами, — Особенного — ничего. Так, красивая девочка... — внезапно взглянув на Кристину, осёкся, — Но без изюминки. Если против тебя — то никаких шансов.

— Шансов, шансов... вот тебе и шансов... — Кристина говорила как бы про себя, — Только почему-то...

— Да я сам не знаю, Кристин, чего Морозов дурью мается. Он ведь полностью от твоего

отца зависит. Хоть бы подумал, что будет... — от Кристины не укрылись ироничные нотки в голосе Никиты, но она решила не обращать на это внимания.

— Ну, что ж, возможности у него были. Пусть теперь свою матрёшку благодарит.

— Да он вообще чокнулся... — парень не унимался, в какой-то момент Кристине показалось, что он её просто дразнит, — С рук её не спускает, что раньше, что сейчас, только что с ложки не кормит.

— Ладно, всё!.. Хватит!.. — она резко оборвала речь Белова, — Пусть он хоть что теперь с ней делает... — договорить она не успела: дверь в студию открылась и Говоров с Мазуром дружно переступили через порог.

— Чё, корпоративное собрание? — Сашка хмуро посмотрел на Белова и Кристину, — Извините, опоздали...

— А где Дима? — Белов сделал вид, что не заметил Сашкиного плохого настроения.

— В роддоме, наверное? — предположил Витька и, включив стоящий на небольшом угловом столике чайник, повернулся к Говорову, — Кстати, он тебе-то хоть позвонил? Или от радости дар речи потерял?

— Пока никакой радости. Наташка дома, борщ Димону варит, он сам через полчаса подъедет, у него там что-то с машиной... — Сашка сел за синтезатор, потыкал пальцами по клавишам, — Ложная тревога была.

— Ну, я от вас тащусь... — Кристина истерически расхохоталась, — Очередное представление разыграли! А я чуть было за подарком не побежала Морозову... Тоже повелась. Ну, что, господа «патрули», за сорванный концерт придётся отвечать материально. А за сорванный без причины — вдвойне.

— А почему это он сорванный? — Сашка уставился на девушку, — Мы всё отыграли, как положено, последняя песня была на бис. И её отыграли, до последней строчки, концовку только оборвали, и всё.

— Концерт был сорван... — тоном, не терпящим возражений, произнесла Кристина, — Кто будет со мной спорить — тому тройной начёт, денежки за концерт у меня.

— А ты не очень тут руками размахиваешь? — Говоров, засунув руки в карманы брюк, встал напротив неё, и, взглянув в её серые глаза, невольно отшатнулся: чуть прищуренные, они были не просто колючими, как обычно... они были полны какой-то непонятной и плохо прикрытой ненависти, и ему стоило огромного труда выдержать этот взгляд, — Между прочим, Дима за концерты денег вообще не получает. Всё твоему отцу отдаёт, даже ту часть, что ему положена, живёт на гонорары за музыку... Никита с Викуном по машинке уже себе купили, а Дима как ездил на своём старье, так и ездит. А, ведь, на нём всё держится: он и песни пишет, и аранжировки, и за концерты договаривается... Ты сама-то без него что делать будешь? Он тут и так день и ночь проводит, а у него сейчас семья... Как и у меня, между прочим.

— Ну надо же... Как трогательно... Семья... — лицо Кристины исказила ухмылка, — Семейные вы наши...

* * *

Выключив зажигание и выжав ручник, Дима снял стильные солнцезащитные очки, посмотрел на грустно сидящую рядом Наташу.

— Наташка... Ну, что случилось? Как будто я тебя в тюрьму привёз... — он улыбнулся и, наклонившись к ней, поцеловал, — Ну, как я тебя одну теперь оставлю? Три дня у моих поживёшь, а потом я приеду...

— Хорошо, Дим... — она незаметно вздохнула, — Просто я не хочу, чтобы ты уезжал.

— Думаешь, я хочу? Особенно теперь... — он открыл дверь, — Только нужно ехать. Ну, что, выходим?

Поднявшись на лифте на четвёртый этаж, они подошли к дверям квартиры Диминых родителей. Открыв замок своим ключом, Дима вошёл в прихожую, поставил сумку с Наташиными вещами на пол.

— Ну, где ты там, заходи... — оглянувшись, буквально втащил её за руку в дом и закрыл дверь.

— Дима, это ты? — Анна Сергеевна выглянула из гостиной, — Ты с кем?

— Привет, ма... С кем я ещё могу быть? С Наташей...

— Здравсьте... — поздоровалась Наташка из-за Диминого плеча.

— Здравствуйте... — довольно сухо ответила Анна Сергеевна.

— Мам, я сегодня вечером уезжаю, Наташка у вас поживёт, — Дима сказал об этом, как о чём-то само собой разумеющемся.

— Ты хотя бы позвонил.

— Да я буквально час назад её уговорил, — Дима улыбнулся, — не хотела вас стеснять.

Ничего не ответив, Анна Сергеевна молча вернулась в гостиную.

— Ну, вот, зато я не буду переживать, — слегка подталкивая впереди себя девушку, Дима вместе с ней вошёл в свою комнату.

— А когда ты приедешь? — Анна Сергеевна возникла в дверях, — Ты надолго нам оставляешь Наташу?

— На три дня... — он непонимающе посмотрел на мать, — А что?..

— Ну-у-уу... Мы с папой едем по путёвке через неделю... — как бы оправдываясь, произнесла Анна.

— Мам, а вы не отмените свою поездку? Я ещё в самом конце месяца уеду на несколько дней.

— Нет. Поездку мы не отменим, — строгим тоном ответила Анна, — папе нужно срочно отдохнуть, да и мне тоже.

— Понятно, — он обернулся к Наташе, которая растерянно сидела на кровати, — ну, всё, Наташ, давай, располагайся, я поехал в центр, мне нужно готовый материал забрать по дуэту.

— А что за дуэт, Димочка?.. — Анна Сергеевна смягчила тон, — Интересное что-то?

— Да... Девочка и мальчик. Ульяна и Максим. Очень талантливые ребята, здесь мы их уже запустили, сейчас в другом городе покажу кое-кому.

— Дима, ты так загружаешь себя... — Анна всплеснула руками, — У тебя вообще не остаётся времени на отдых.

— Вообще-то ими Кристина должна заниматься, — усмехнулся Дима, — но она предпочитает, чтобы вся работа была на моей совести.

— Ну, наверное, она считает, что у тебя это получается лучше, — предположила Анна Сергеевна и вышла из комнаты.

— Дим... — поднявшись, Наташа подошла к нему и прижалась к груди, — Приезжай скорей...

— Как я не хочу сейчас от тебя уезжать... — обхватив её руками, он прислонился губами к волосам на макушке, — Ты береги себя и Валерку... Хорошо?

— Хорошо... — привстав на цыпочки, она потянулась к нему, обвила руками и нежно прильнула к губам...

— Только без меня рожать не вздумай, ладно? — поцеловав её в ответ, он ласково улыбнулся, — Дождись...

Вечером того же дня, проводив Диму, Наташа сидела в его комнате за компьютером и читала новости городского портала. Неожиданное завершение выступления «Ночного патруля» на гала-концерте в университете культуры, показанное в сюжете Юлии Семченко, печатным текстом разлетелось по городским «культурным» новостным ресурсам. «...Прямо во время концерта у бэк-вокалистки Натальи Смольниковой начались преждевременные роды, и лидер группы Дмитрий Морозов, прервав выступление, как настоящий мужчина, донёс девушку до машины «скорой помощи». Наталья известна поклонникам музыки как бывшая участница квартета «Киви», а, так же, как исполнительница полюбившейся слушателям городской радиостанции «Музыкальная дорожка» песни «Ты заплетал мои косы», которую написал тот же Дмитрий Морозов». На фото, сопровождавшем текст, крупным планом был запечатлён Дима, с Наташкой на руках пробирающийся через толпу...

«Какой неожиданный пиар», — подумала Наташа и невольно улыбнулась: видимо, чары Мазура подействовали таки на корреспондента Юлию.

* * *

Несмотря ни на что, Анна Сергеевна очень ответственно относилась ко всему, что происходило в её семье. За ужином она внимательно проследила, всё ли Наташка съела, что, по её мнению, должно было быть полезно для будущей матери. стакан молока будущая мать допивала под её пристальным взглядом из последних сил, боясь возразить и показать, что молоко ей уже не лезет. Наташины попытки убрать за собой со стола были категорично пресечены, а предложение помыть посуду встречено резким отказом. Девушка почувствовала себя незваной гостьей, которой оказано вынужденное внимание, и не более того. Поблагодарив Анну, она собиралась уйти в Димину комнату, но Анна окликнула её в дверях.

— Наташа, а твой отец в курсе, что ты беременна? — строго, как на уроке, спросила Морозова.

— Да... Уже в курсе... — обернулась Наташа.

— Уже?.. То есть, он узнал недавно? — тоном следователя продолжала допрос Анна.

— Совсем недавно, — вздохнула Наташа, — когда я ездила домой после Нового Года, ещё ничего не было видно... А в марте они со Светланой Петровной приезжали ко мне, но

тоже не заметили... Я сказала только месяц назад.

— Ты так редко видишься с отцом?

— Да... Всю зиму я работала, мне просто некогда было. А потом... потом просто боялась...

— Ты работала? — удивилась Анна, — А где?

— В ресторане, — Наташа пожала плечами, — в «Дворянском гнезде», где праздновался юбилей Александра Ивановича.

— В ресторане?! Очень интересно... — Анна насмешливо улыбнулась, — И что ты там делала?

— Пела... — просто ответила девушка.

— Но как же... Ты ведь ждала ребёнка... А там — музыка, грохот... пьяные люди... — Анна брезгливо поджала губы, — Это же вредно для ребёнка.

— Папа не может мне больше помогать. Он на инвалидности. А мне нужно было учиться.

— И долго ты там... работала?

— С конца ноября и до середины апреля. У меня маленький живот, иначе бы пришлось уйти ещё раньше.

— А что говорил врач? — Анна строго посмотрела на девушку, — Он тебя не предупреждал, что эта работа вредная? Ведь ты ещё и училась?

— И училась, и репетировала, — та заговорила смелее, — И работала, почти каждый день, на высоких каблуках...

— Это очень легкомысленно с твоей стороны, на месте врача я бы запретила тебе вести такой образ жизни, — назидательным тоном проговорила Анна Сергеевна.

— Я не говорила врачу, — Наташа подняла на неё глаза, — но зато я купила всё, что нужно, для ребёнка. Сама... За свои деньги. Правда, кроме коляски...

— Наташа, а... Можно личный вопрос?

— Можно.

— Почему так получилось, что Дима только спустя почти восемь месяцев узнал о том, что у тебя будет его ребёнок?

— Ну, вот так получилось... — Наташка опустила глаза, — Поссорились, вот и получилось. Я тогда ещё и сама не знала.

— Но почему ты ему потом не сказала?

— Ну... он же... Он же был не один...

— Ты хочешь сказать, что ты благородная девушка... Понятно... — Анна едва улыбнулась уголками губ, — Всё-таки это очень странно.

— Аня... — Александр заглянул в кухню и кивнул жене, — Пойдём, ты мне нужна, — взглянув на Наташу, он доброжелательно ей улыбнулся, — устала? Ты отдыхай, Наташенька, чувствуй себя, как дома.

— Спасибо, — улыбнулась она в ответ, — я не устала, всё хорошо...

Закрыв за собой дверь в супружескую спальню, Александр с укоризной посмотрел на жену:

— Аня... Ну, зачем ты так с ней?.. Я — мужик, и то замечаю, как девочке сложно в

такой обстановке.

— Ну, какая обстановка, Саш? — Анна отвела глаза, — Я её не обидела, ужином накормила, делать ничего не заставила... Задала пару вполне уместных вопросов, и всё.

— Ну, зачем?.. Ты что, Димке не веришь? Он даже для своих лет очень взрослый, и просто так не будет говорить. Они жили, что такого необычного в том, что у них родится ребёнок?

— Саша... — Анна понизила голос, — Понимаешь... Ну, не могу я принять её душой... Просто — не могу. Это против моей воли. Тебе она нравится — ради Бога... А с меня не спрашивай.

— Зря ты, Анюта... — Александр с сожалением посмотрел на жену, — Девочка очень хорошая...

— Саша! — Анна резко повернулась к мужу, — Ну, вот скажи... Чем она так хороша? Нет, ты мне просто разжуй... иначе это будут пустые слова.

— А разве надо разжёвывать? — он по-доброму улыбнулся, — Да человека просто чувствуешь — каков он... Да только за то, что она Димку так любит, ты могла бы её принять душой... Аня... Ведь это и есть самая настоящая любовь...

— Ну, да... — Анна насмешливо посмотрела на мужа, — А у других, значит, не настоящая...

— Ты посмотри, она же не сама живёт, она — вся в нём... Я — мужик, и то вижу. А ты ведь женщина, Аня... Ты ведь не была такой... Я помню.

— Ну, значит, стала, — сказала, как отрезала Анна и, откинув одеяло, разделась и легла в постель.

* * *

Дни без Димы казались пустыми и монотонными. Разговоры по телефону скрашивали её тоску по нему, но из-за плотного графика и загруженности он не всегда мог разговаривать с ней, и поэтому чаще звонил сам. «Скорее бы... Скорее бы он приехал...» — подгоняла Наташка время в ожидании Димкиного, обещанного в назначенное время, звонка.

— Наташка, привет! Узнала?..

— Же-е-е-нька-а-а!.. Конечно, узнала!.. — радостно воскликнула Наташа, узнав в телефоне голос Женьки Журавлёва, — Ну, как ты?

— Я нормально, как обычно... Видел сюжет про «Ночной патруль» и про тебя... Можно поздравить?

— С чем, Жень? — Наташа весело засмеялась в трубку, — Пока не с чем поздравлять, не получилось в прошлый раз.

— Серьёзно?.. А сказали, родила прям на сцене, — Женька засмеялся в ответ, — Мы с Петровичем уже и обмыли...

— Ну, у вас не заржавеет! Кстати, как Петрович? — Наташа присела на кровать и начала растирать отёкшие ноги.

— Нормально он... Обрадуется ещё больше — повод выпить впереди! — Женька веселился вовсю, — Я так понял, что и с Димкой у вас всё хорошо?

— Да... Всё хорошо... — с теплотой в голосе ответила девушка, — Он сейчас уехал на

гастроли.

— Тысячу лет не видел ни его, ни Сашку. Да их теперь и дома не застанешь... Звёзды мировой величины!

— Ну, да, это точно, — смеялась Наташа, — постоянно в отъезде.

— Костя о тебе спрашивает постоянно. Да только мне всё позвонить некогда... Скучает по тебе.

— Я тоже скучаю... — Наташа подняла глаза и осеклась: стоящая в дверях Анна Сергеевна внимательно слушала её разговор с Журавлёвым, — Ну, спасибо, Жень, что позвонил... Рада была слышать, всем от меня привет! Пока!..

— Наташа... — металлическим голосом произнесла Морозова, — Если вдруг позвонит Дима, скажи ему, что мы вернёмся из отпуска восьмого июля... Не забудь... — она смерила девушку неприязненно-пронзительным взглядом и вышла из комнаты. У Наташки всё похолодело внутри... Не слыша слов Женьки, Димина мать могла превратно истолковать их дружескую болтовню. Но это было бы пол беды... Она могла передать Диме свою версию услышанного... С этими невесёлыми мыслями Наташа прилегла на кровать. Летняя жара, на которую пришлось последние недели беременности, забирала у неё все силы. Грустно вздохнув, девушка закрыла глаза и почти сразу провалилась в сон...

«Вот вы и вышли на финишную прямую», — пошутила врач, выписывая направление в стационар, когда до предполагаемой даты появления на свет Валерика оставалось десять дней.

— Здравствуйте... — робко произнесла Наташа, со страхом и волнением переступив порог палаты родового отделения. Положив вещи на свободную кровать, она подошла к окну. На улице стояли жаркие дни, но окно было почему-то закрыто.

— Как зовут? — соседка по палате, симпатичная, худенькая женщина лет сорока, с красивыми серыми глазами и волнистыми волосами пепельного цвета, дружелюбно посмотрела на Наташу.

— Наташа... А вас? — оглянувшись, ответила девушка.

— Я — Вера, а вот это — Тая... — женщина кивнула на вторую соседку, красивую, черноглазую и черноволосую женщину лет тридцати. Лёжа на кровати с недовольным видом, она едва кивнула девушке.

— Очень приятно, — сказала Наташа и, достав телефон, нажала на «вызов», — Дим... Окна выходят на забор, за которым дорога... Третий этаж, палата шестнадцать, на окне прямо написано... А, всё... я тебя вижу... — она радостно помахала рукой в окно Диме, который, запрокинув голову, шёл по больничному двору.

— Ты окно-то приоткрой, нас не сдует, — Вера встала рядом с Наташей и сама открыла боковую фрамугу, — вот, теперь и поговорить сможете.

— Вас не сдует, а на меня весь сквозняк... — Тая недовольно нахмурила брови, — С утра не наговорились, что ли?

— Да ладно тебе, видишь, молодые какие, — Вера улыбнулась, — Любовь...

— Знаем мы эту любовь... Сейчас в окно ей ручкой помашет и пойдёт гулеванить.

— Ну, что ты такое говоришь, — Вера укоризненно посмотрела на соседку, — Все, что ли, такие? Смотри, какой красивый у тебя муж... — эти слова женщина сказала, обращаясь уже к Наташе, высунувшейся из открытого окна, — Даже с третьего этажа видно.

— Вот-вот... Красивые, они все — кобели, — Тая перевернулась на другой бок, — их только отпусти, и всё, потеряла.

Глядя на Диму, Наташа не слышала этих слов. Она просто молча смотрела на него, грустно подперев лицо ладошкой. Он только три дня назад приехал с гастролей, и через несколько дней уедет снова... Они только-только вновь обрели друг друга, но им всё время приходится расставаться.

— Ладно, Дим... иди... — почти шёпотом проговорила она ему и, улыбнувшись, махнула рукой, — Иди...

— Ну, красавец он у тебя... — Вера доброжелательно улыбнулась Наташе, когда та, наконец, отошла от окна, — На артиста похож.

— Он и есть артист, — улыбнулась в ответ Наташа, — Дима музыкант.

— О-о-о... Ещё и артист... — снова подала голос Тая, — Ну, тогда дело труба.

— Да ладно тебе девочку пугать, — засмеялась Вера, — не все такие, вот у меня мой, например, вообще не гулёна, можно хоть на год одного оставлять, не запьёт и не загуляет.

— Это ты так думаешь, — Тая лениво повернула голову к собеседнице, — есть такие, что всю жизнь гуляют, а жёны и не догадываются.

— Ну, это спор бесполезный, — Вера махнула рукой, — тут, как говорится, у каждого свой опыт.

— Вот он, наш опыт, — женщина показала рукой на огромный живот, — который сын ошибок трудных. Только нам за всё муки принимать, а этим кобелям выпить да погулять лишний повод.

Слушая их диалог, Наташа только грустно улыбалась.

— Ты на Таю не обращай внимания, — Вера ободряюще посмотрела на девушку, когда ворчливая соседка вышла из палаты, — это у неё предродовое волнение, первого ребёнка рожает, вот и лезет в голову всякая чепуха.

— Ладно, — Наташа приветливо улыбнулась ей в ответ, — не буду. А у вас уже есть дети?

— А, как же, — засмеялась Вера, — трое!..

— Правда?! — девушка подняла на неё изумлённые глаза, — И... и не страшно?..

— Что — не страшно?

— Ну... рожать...

— Каждый раз страшно, — Вера ласково посмотрела на Наташу, — но ты не бойся, всё будет хорошо.

— А я не боюсь. Я просто домой хочу.

— Ну, ещё бы, к любимому да не хотеть, — Вера открыла тумбочку и, достав оттуда большое красное яблоко, протянула его девушке, — угощайся!

— Спасибо, у меня есть, — Наташа кивнула на свои пакеты, — мне там всего наложили, только мне пока ничего не хочется.

— Бери-бери, и до своего очередь дойдёт. Кушай на здоровье...

— Спасибо... — Наташка взяла яблоко и, раскрыв пакет, стала доставать оттуда фрукты и соки, уложенные Димой под диктовку Анны Сергеевны, — Тогда, вот... Вы тоже угощайтесь.

— Спасибо, — женщина, улыбаясь, смотрела на девушку, — Тебе сколько лет?

— Девятнадцать...

— А моей старшей дочке — двадцать. Вот так и меня скоро бабушкой сделают...

* * *

Свой четвёртый день пребывания в больнице Наташа встретила с тревогой и грустью... Завтра утром Дима снова должен уехать на гастроли. Целых три дня он не будет приходит к ней, целых три дня она не будет его видеть... Он, конечно, будет звонить, они будут разговаривать по скайпу — он привёз ей новый ноутбук. Но она не сможет его обнять, не сможет прижаться к нему... Наблюдая за другими беременными женщинами, Наташка

искренне удивлялась тому, как капризно вели себя некоторые из них со своими мужьями во время посещений. Сама же она не могла наглядеться на Диму; ей всё время хотелось гладить его волосы, обнимать, прикасаться к его рукам... и смотреть, смотреть в его синие-пресиние глаза, ничего не требуя, ни о чём не спрашивая и ничего не ожидая...

Ближе к вечеру, от нечего делать, она лежала на кровати и болтала вполголоса с Оксанкой по телефону. Сегодня Дима должен был приехать к ней позже обычного — сразу после того, как он проводит родителей, улетающих на десятидневный отдых. Попрощавшись с подружкой, Наташа посмотрела на часы — около шести вечера. Скоро приедет Дима...

Звонок мобильного нарушил больничную тишину.

— Наташка, привет! Это я...

— Привет, Жень! — она радостно заулыбалась, — Ну, как ты?

— Всё нормально... Ты это... Сашка вчера сказал, ты уже в роддоме? В первом?

— Ну, да... — она немного смутилась, — А что?

— Да я тут уже, внизу... Мы решили, что потом будет сложно с тобой увидеться. В общем, я уполномоченный от «Дворянского гнезда», тут тебе подарков передали целую кучу.

— Ой, Женька... Какие мне подарки? — девушка весело засмеялась, — Я сама сейчас как подарок!

— Ну, назад не повезу, — он засмеялся в ответ, — как мне тебя увидеть?

— Я сейчас к тебе спущусь, будь в вестибюле, — Наташа встала с кровати, аккуратно поправила одеяло, — только ты не испугайся, я немного изменилась.

— Нас ничем не испугать. Давай, спускайся, жду...

Осторожно сойдя по лестнице, Наташа вышла в прохладный, полутёмный вестибюль. Высокая, длинноволосая фигура Журавлёва маячила на фоне окна, и девушка сразу направилась к нему.

— Женька, привет!

— Привет-привет, — улыбаясь своей обаятельной улыбкой, он шагнул ей навстречу и, приобняв, поцеловал в щёчку, — не думал, что мне придётся в ближайшее время посетить такое учреждение.

— Да уж, — засмеялась Наташа, — смотри, чтобы не ударило по имиджу.

— Переживём... — Женька кивнул на несколько полиэтиленовых пакетов, лежащих на подоконнике, — Принимай подарки, ту и от Петровича, и от Кости, и от девчонок...

— Даже от девчонок?! — Наташа весело рассмеялась, — Ну, значит, мне можно когда-нибудь будет зайти в «Дворянское гнездо», за тебя уже не побьют...

— Не побьют, они твоё фото с Димой видели, — пошутил Женька, — решили, что теперь ты для них не опасна.

— Я сейчас вообще ни для кого не опасна, — рассмеялась она.

— Я им так и передам, — кивнул Журавлёв...

— Не забудь привет передать и спасибо.

— Передам... Ну, как ты, всё нормально?

— Нормально, Жень.

— Вижу, что счастливая, — он внимательно посмотрел на девушку, — рад за тебя.

— Спасибо, Жень. А ты как?

— Как всегда, отлично. Кстати, Костя предлагает записать его песню, — он немного помолчал, — дуэтом — нам с тобой.

— Я сейчас не в голосе, — Наташа шутливо развела руками, — если только когда-нибудь. Передавай ему от меня большой привет и огромное спасибо за всё.

— Передам... А насчёт песни — это не срочно, время ещё есть, так что думай.

— Хорошо, Жень. Я очень рада была тебя увидеть, — Наташа, улыбаясь, смотрела ему в глаза, — ты даже не представляешь, как...

— И я тоже. Кстати, ты совсем не изменилась... — он немного помолчал, потом, спохватившись, добавил, — Ну, всё, Наташка, мне пора бежать.

— Ну, беги, — весело ответила Наташа. Она хотела добавить что-то ещё, но, взглянув на входную дверь, растерянно замолчала...

* * *

Проводив родителей на самолёт, Дима заехал в супермаркет, купил свежих фруктов и отправился в родильный дом. Растущая популярность пока не приносила больших доходов «патрулям», большая часть гонораров возвращалась Лапину, но ребята уже купили себе по новому автомобилю. Только Дима так и ездил на старом отцовском «фольксе». В отличие от остальных, он отдавал Леониду Борисовичу абсолютно все заработанные на концертах деньги, возмещая ему сумму, которую Лапин, якобы, уплатил Игорю Фишеру за то, что Дима «разобрался» с его сыном за Наташку. Небольших процентов, которые он получал в центре за свои проекты, хватало только на скромную жизнь, и Дима, как и раньше, дома писал на заказ музыку и аранжировки. На помощь родителей он не рассчитывал — дела у отца так и шли ни шатко, ни валко — лишнего себе они не позволяли, разве только небольшой отдых на заграничном курорте раз в год.

Притормозив на стоянке у родильного дома, Дима набрал Наташин номер. Гудки шли, но трубку она почему-то не брала. Встревожившись, он поднялся по каменному крыльцу и вошёл в вестибюль. С улицы было плохо видно, но он заметил пару молодых людей в стороне, у окна, и, с намерением попросить девушку вызвать Наташку из палаты, обернулся к ним. В этот момент девушка что-то сказала, и Дима с удивлением узнал Наташин голос... Он внимательно пригляделся — это, действительно, была она. Увидев его, застыла на месте: и радость, и испуг одновременно отразились на её лице... Заметив это, её собеседник обернулся — это был Журавлёв, парень, к которому даже после Наташиного рассказа Дима не мог относиться однозначно. Ему показалось, что холодная волна окатила его с ног до головы. Хотелось развернуться и уйти, но, против воли, он шагнул в их сторону...

— Дим! — улыбаясь, Наташка кинулась к нему, — Ты почему не позвонил?

— Я звонил. Ты трубку не брала... — довольно сухо ответил он.

— Ой, точно! — проверив карманы халата, она засмеялась, — Я телефон в палате забыла!

— Привет, Дима, — Женька доброжелательно протянул ему руку, — ты ничего не подумай, я от всего коллектива.

— Привет, — довольно сдержанно ответил на рукопожатие Морозов, — я ничего не думаю.

— Ну, ладно, не буду вам мешать, — Женька сделал рукой прощальный жест Наташе, затем хлопнул Морозова по плечу, — Пока, Наташка... Дима, до встречи!

— Пока, Жень... Спасибо! — крикнула девушка ему вслед и, подняв на Димку глаза, потянулась к нему, обвила руками шею, — Дим... Я так соскучилась...

— Я только на минутку, — как-то отчуждённо проговорил парень, — мне собираться надо. Вот, возьми... — не глядя на неё, он поставил пакет на стул.

— Дим... — нехотя убрав руки, она пыталась встретиться с ним взглядом, но он старательно отводил глаза, — Дим, ты что?.. Ты что-то плохое подумал?..

— Что я могу подумать, Наташ? Всё нормально.

— Дим... Да Женька мне подарки привёз от всего ресторана... И от Кости... — упавшим голосом оправдывалась Наташа.

— Я всё понял, Наташ. Не оправдывайся, всё хорошо.

— Дим... ну, я же вижу... — она расстроено посмотрела на него, и слёзы блеснули в глазах, — Дим... Я же с ним полгода отработала... Он, действительно, хороший человек. Он мне даже свои деньги отдавал... Я только, когда ушла, узнала, что мне хозяин платил всего семьсот рублей за смену... А Женька мне передавал по тысяче, а то и по полторы. Потому что им платили больше, а он знал, что мне нужны будут деньги и вот так помогал... Мне об этом Петрович проговорился...

— Я всё понимаю, Наташ, — Дима говорил всё тем же сухим тоном, — Но мне пора, мы утром уезжаем.

— Дим... Ты заberi, пожалуйста, то, что мне из ресторана передали. Там всё для ребёнка, кажется. Пусть дома лежит...

— Хорошо. Ну, всё, я побежал... — едва поцеловав её в щёку и прихватив Женькины пакеты, Дима быстрым шагом вышел на улицу.

— Дима!.. — с мольбой в голосе окликнула его Наташа, но он даже не оглянулся, — Дима, подожди...

Выйдя из роддома, он стремительно пересёк больничный двор и направился к автостоянке. Открыв багажник, закинул туда пакеты и уселся в салон. Какое-то время сидел, не двигаясь, положив руки на руль и сцепив пальцы. Ещё до больницы Наташа рассказала ему обо всём — и как Журавлёв предложил ей записать песню, и как он пригласил её работать с ним в ресторане... И о том, как он помогал ей добираться с работы домой, как защищал от назойливых посетителей... И о знакомстве с Константином Романовым она тоже рассказала. Дима верил её словам, но ничего не мог с собой поделать — каждый раз, когда он слышал имя Женьки Журавлёва, внутри что-то неприятно холодело. Он нарочно не произносил про себя это слово, не признаваясь даже самому себе, что всё, что он испытывал в эти минуты, было обыкновенной мужской ревностью...

Сейчас он сидел в машине, и множество чувств смешалось в его душе... Где-то, в глубине подсознания, зрела мысль, что нужно поставить какую-то точку на этой непростой ситуации, ведь и сам Женька будет время от времени появляться на пути, и осколки слухов о связи Журавлёва с Наташей нет-нет, да будут долетать до его ушей...

С этими мыслями он завёл машину и, медленно тронувшись, отъехал от больничного двора. Он даже не думал о том, куда ему ехать — автомобиль как будто сам выбирал маршрут, ему оставалось лишь слегка помогать ему, поворачивая руль... На «автомате» он подъехал к «Дворянскому гнезду» и, припарковавшись, вошёл в ресторан. Спросил официантку, как найти Женьку, на что та ответила, что Журавлёв сегодня не работает, и посоветовала зайти к нему в номер.

* * *

Открыв на стук дверь, Женька удивлённо застыл: на пороге стоял Дима.

— Проходи... — отступив в комнату, он широким жестом пригласил войти неожиданного гостя, — Здраваться не будем, поскольку только что виделись.

— Не будем, — Дима выглядел очень серьёзным.

— Я так понимаю, ты не просто так пришёл, — Журавлёв бросил взгляд на пакеты в его руках.

— Ты правильно понял, — строгим тоном ответил Морозов.

— Присаживайся, — Женька кивнул на стул, — сейчас, только секунду подожди, я звонок сделаю... — он набрал номер и, пряча улыбку, промурчал, — Привет... Ну, как ты? И я в порядке. Знаешь, сегодня я, скорее всего, не смогу прийти... Ну, или очень поздно. Ты там не скучай, ладно?.. Ну, всё, до встречи...

Положив телефон, Женька открыл тумбочку и достал оттуда бутылку коньяка, две рюмки и плитку шоколада.

— Будешь? — спросил он Диму, который всё это время сидел, молча следя за его действиями.

— Я за рулём.

— Ладно, подождём... — отставив коньяк, Журавлёв вопросительно посмотрел на гостя. Но тот не торопился что-либо говорить. Опустив вниз глаза, Дима, не мигая, смотрел в одну точку и молчал. Спустя несколько минут, Женька снова заговорил, — В общем-то, я знаю, почему ты пришёл... Точно так же я знаю, почему ты сейчас молчишь.

Услышав эти слова, Дима поднял глаза. Немного помолчав, Журавлёв продолжил:

— Ты молчишь, Дима, потому, что сказать тебе нечего... А я молчу потому, что ты ничего не говоришь. И мы вместе молчим об одном и том же.

— Может быть... — подал голос Дима.

— Будешь? — Женька снова взялся за коньяк, — Молчание — знак согласия.

Разлив напиток по рюмкам, он одним глотком осушил свою. Немного подумав, Морозов взял вторую рюмку и тоже выпил.

— Закусывай, — Женька открыл плитку шоколада и подвинул её Диме, но тот отрицательно покачал головой, — Понял... ещё по одной.

Выпив ещё по одной, парни одновременно потянулись за шоколадом.

— Знаешь, Дима, — жуя шоколад, проговорил Женька, — если ты решил вернуть то, что я привёз Наташке, то ты не мне возвращай... Ты сходи к Петровичу, к официанткам нашим, потом к Косте съезди... пусть они сами свои подарки заберут. Я не знаю, кто и что от всей души ей передал, мне просто поручили отвезти. Ну, а если что-то останется — значит, мой презент... Ты его отдай кому-нибудь, хорошо? — он снова потянулся за бутылкой, — Ещё по одной.

Молча Дима выпил ещё рюмку. Ему, действительно, было нечего сказать...

— Ты закусывай... — Женька снова придвинул шоколад, — Другой закуски нет... Такая ситуация, Дима, что женщин вокруг много, а закуски — нет.

— Женщин много... но ты почему-то позвал именно её... — Дима нарушил молчание.

— А её не только я позвал...

— В смысле?

— В смысле — у Кости уже интересовались, что за девушка поёт на радио по его протекции и где её найти. Вокал очень хороший. Вот и вся причина.

— Интересовались, и — что?

— И ничего. Не те люди интересовались, кому бы Костя доверил работать с Наташкой. Думаю, ты меня понял.

— Вас без конца видели вместе... — Дима говорил отрывистыми фразами, всё так же глядя куда-то вниз.

— Ну, и что... — Женька пожал плечами, — У неё машины нет, по-моему, логично, что мы ездили репетировать на моей. Или ты хотел бы, чтобы она пешком туда ходила?

— И ты хочешь сказать, что ты ни разу... — Дима не договорил; потом, недолго помолчав, вновь осушил наполненную рюмку.

— Ни разу — что? — занюхивая коньяк шоколадом, переспросил Журавлёв.

— То... — взглянув на него исподлобья, многозначительно произнёс Дима.

— А, ну, в смысле — не полез к ней ни разу? — Женька невозмутимо протянул ему открытую пачку сигарет.

Оба были уже под хмельком, и Дима, взяв предложенную сигарету, вопросительно уставился на собеседника. Закурив, тот сам ответил на свой вопрос:

— Дима... Я нормальный парень. Нормальной ориентации. И с гормонами у меня всё в порядке... Так... стоп музыка... — увидев, как у Морозова изменилось выражение лица, Журавлёв понял, что сказал лишнее и теперь попытался исправить положение, — Успокойся, Дима. Шутка. Наташка твоя хорошая девочка. Серьёзно говорю. Она тебя любит.

— Ты не ответил... — изрядно опьяневший Дима повторил вопрос.

— Знаешь, что... — Женька извлёк откуда-то вторую бутылку коньяка, — Я задам тебе встречный вопрос. А где был ты, когда твоя любимая девушка в оборок падала, потому что была в положении?.. От тебя, между прочим. Пошли дальше... — открыв коньяк, он в очередной раз наполнил рюмки, — Где был ты, когда она была вынуждена в своём положении петь в ресторане?.. Где на неё каждый вечер пьяные мужики пилились? —

выпив, он подвинул Диме полную рюмку, — Следующий вопрос... Почему не ты, а я предложил ей записать песню? Ты сейчас занимаешься чужими проектами? А у тебя свой такой проект был, Наташа Смольникова. С её голосом она давно бы уже в Москве была, если бы кто-то занялся её раскруткой. Только ты не хуже меня знаешь, что, кроме тебя, её голос никому бескорыстно не нужен. Ты меня понял... Нет, раскрутили бы, конечно... но не из чистых побуждений. Так вот теперь ты мне ответь мне, Дима... Почему не ты? Ты вот хороший парень... Девушку свою любишь, вроде... А самого главного в ней не замечаешь. Это я тебе как музыкант музыканту говорю.

Дима молча слушал то, что говорил ему Женька. Несмотря на то, что обоих уже достаточно развезло, тон разговора был абсолютно серьёзным.

— Может, ты и прав... — затушив остатки сигареты в пепельнице, Дима опрокинул ещё одну рюмку коньяка, — Ты прав.

— И последний вопрос... — Женька пристально посмотрел на Морозова, — Почему ты к ней не приходил столько времени? Если, как говоришь, ты её любил?..

— Я думал, что она с тобой...

— Почему ты ко мне не пришёл, не спросил? Пришёл бы и спросил открытым текстом — сплю я с твоей девочкой или не сплю... Вот Сашка спросил — я ему сказал: не сплю. Разве он тебе не передал наш разговор?

— Нет. Не передал, — Дима нахмурился, — Поэтому я и думал...

— Да мало ли что ты думал... Она вот тоже думала... Дураки вы, короче, оба. А Саня — чудак на букву «м»... — совсем пьяным голосом подвёл итог Женька.

Когда, допив коньяк, они вышли на улицу, была глубокая ночь.

— Женя... вот, возьми... — порывшись в кармане, Дима достал купюру и попытался всучить её Журавлёву.

— Что это? — удивлённо вытаращился тот.

— За коньяк.

— Ты чё... Дима... обидеть меня хочешь?.. — не совсем твёрдо стоя на ногах, Женька упёрся руками в бока.

— Я за чужой счёт не пью, — не менее нетрезвый Дима старался говорить без запинки, но это ему удавалось с трудом.

— А мы с тобой что, в ресторане бухали? — искренне возмутился Женька, — Ты ко мне в гости пришёл, мы выпили. Какие деньги?!

— Тем более... Я с пустыми руками пришёл, так что, возьми... — Дима не оставлял попыток рассчитаться за коньяк.

— Дима... Я щас тебе в морду дам. Ты мне ответишь... Так лучше будет? Из-за баб не подрались... давай из-за бабок подерёмся, да?.. Ты чё?!

— Тогда я поехал домой... — Дима достал ключи от машины, — Спасибо тебе, Жека...

— Куда ты бухой поедешь?.. — схватив его за руку, Женька потащил Диму в сторону гостиницы, — Сейчас на гайцев нарвёшься... Пошли ко мне...

— К тебе не могу... Мы утром уезжаем, а мои вещи у Говорова.

— Ну, так чё... поехали к Говорову! Щас такси поймаем... — Женька развёл руками и

решиительно направился на стоянку такси.

* * *

Прозвучавший в два часа ночи звонок разбудил только Иру — Сашка спал без задних ног. Посмотрев в глазок и с огромным удивлением увидев на лестничной площадке Морозова с Журавлёвым, она открыла дверь. Впустив ночных гостей, прошла в комнату и тронула Сашку за плечо.

— Саш... Вставай... Там к тебе пришли...

— Кто?! — спросонья тот удивлённо поднял голову.

— Дима и... и Женька...

— Кто?! — переспросил Сашка, — ты ничего не путаешь?

— Не путаю. Журавлёв и Морозов. Пьяные.

— Точно... — выйдя в прихожую, Сашка ошарашенно смотрел на неожиданных гостей, — Димыч... Жека... Бухие... Ну, слава Богу, а то я подумал, что это у Ирки глюки...

Вернувшись в палату, Наташа тут же легла на свою кровать и, несмотря на то, что в помещении было довольно жарко, укрылась одеялом с головой. Слезы, которые она изо всех сил сдерживала, пока поднималась по лестнице, хлынули горячим потоком...

— Ты на ужин-то не ходила? — спросила её Вера, — Сходи, пока ещё девчонки на раздаче, а то голодная останешься.

Ничего не ответив, Наташа замерла под одеялом, едва справляясь с собой, чтобы не разрыдаться. Она была так счастлива, и вот — опять какое-то дурацкое стечение обстоятельств... Дима ушёл, даже ничего не сказав ей на прощанье, и завтра он уедет. А, ведь, она ни в чём перед ним не виновата.

— Наташа... — Вера присела рядом и тронула девушку за плечо, — Что с тобой? Что-то случилось?

Женщина спросила с таким искренним участием, по-матерински, что Наташка, не выдержав, разревелась в голос.

— Ну, что ты... что ты... — стянув с неё одеяло, Вера гладила девушку по голове и по вздрагивающим плечам, — Ну, что такого страшного случилось?

Женщина говорила с ней так ласково, как может говорить только мать, и Наташа сквозь слёзы, сначала сбивчиво, потом всё тише и понятнее, рассказала ей свою непростую историю. Держа в руках её ладошку, Вера внимательно слушала, иногда что-то переспрашивая, но не перебивая доверительную исповедь.

— Ты зря сейчас плачешь. Послушай меня, хорошо? — она ласково пригладила Наташкины белокурые волосы, — Насколько я поняла, Дима тебя очень сильно любит. И ты даже не сомневайся ни в чём, поверь мне... Я даже через твой рассказ почувствовала, какой он хороший. Не бойся никогда, что он тебя бросит... Ведь чего боишься, то и случается. Посмотри вокруг — сколько известных, знаменитых людей, а ведь у каждого из них есть своя — единственная, любимая на всю жизнь... Так и ты для своего Димы — единственная и любимая. Именно — ты! Ты меня понимаешь? — женщина наклонила голову и посмотрела Наташе в глаза, — Понимаешь, о чём я говорю?..

— Да... понимаю... — прошептала девушка.

— И, главное, быть уверенной в этом... Ты его любишь, и он тебя любит. И больше — ничего. Всё, что было, нужно забыть. Всё, что есть, нужно принять. А иначе — зачем быть вместе? Понимаешь?

— Понимаю...

— И никогда не советуйся с подругами, — Вера улыбнулась, — пусть ваша женская дружба не знает таких испытаний, как зависть и ревность...

— Да нет... Оксанка хорошая... — начала было Наташа, но Вера её перебила.

— Я и не спорю, что хорошая. Но... твой Дима ей нравился... И, когда ты рассказала ей о своих страхах, она тебе посоветовала с ним сразу порвать отношения... Правильно?

— В общем, да...

— Ну, вот видишь, — Вера усмехнулась, — а должна была тебя успокоить, вот как я сейчас... И друг у твоего Димы — тоже не выдержал испытания любовью. Но от этого он не перестанет быть другом. В жизни всё не просто, Наташенька... Единственное, что в ней просто — это любить. Если вы друг друга любите, то и слушайте только друг друга. И всё обсуждайте только друг с другом. Потому, что, к сожалению, настоящим чувствам многие завидуют, и хорошего совета не дадут... Ты меня понимаешь?

— Понимаю... — Наташка с благодарностью посмотрела на женщину, — А что мне сейчас делать?... Дима ушёл.

— Он просто тебя ревнует, — рассмеялась Вера, — ничего не делай... Он придёт, обязательно.

— Он утром уедет...

— Ничего страшного. Приедет... Успокоится и придёт.

— Придёт, — Тая, молчавшая всё это время, насмешливо подала голос, — так и будет уходить-приходить. Она его сразу приняла, когда он вернулся? Приняла. А ему только этого и нужно. Теперь можно уходить, зная, что есть дура, которая всегда назад пустит. Мужиков нужно постоянно держать на взводе, и, если им мозг не выносить, они так и будут тобой пользоваться.

— А если выносить, тогда вообще сбежит и не вернётся, — улыбнулась Вера, — Не слушай её, Наташенька, делай так, как сердце велит.

— Спасибо вам за всё... — Наташа с благодарностью посмотрела на женщину и, встав с кровати, подошла к умывальнику. Внезапно заныла спина, но она подумала, что это от того, что она долго плакала, лёжа в неудобной позе. Сполоснув холодной водой опухшее от слёз лицо, сделала шаг к кровати, чтобы взять полотенце, — Ой... что это?! — наклонив голову, посмотрела на свои ноги и на пол под собой...

— Что там? — Вера собиралась выйти из палаты, но, увидев лужицу на полу, всплеснула руками, — Да у тебя воды отошли!.. А, ну, ложись, я за сестрой побежала...

— И что теперь?! — перепуганная Наташа огромными глазами посмотрела на Тая, — Что теперь будет?!

— Что-что... — недовольно ответила та, — Рожать пойдёшь, вот что...

* * *

Ира нехотя открыла глаза и, посмотрев на часы, протянула руку к спящему рядом Сашке.

— Саш... вставай... шесть часов... — слегка потормошив его за плечо, обняла и, прижавшись, снова закрыла глаза.

— Ирка... — сонным голосом спросил Сашка, — Мне приснилось, что Дима с Жекой к нам пьяные приходили?

— Угу... Приснилось. Вставай. Там, в комнате, твой сон на нашем новом диване

лежит...

— Чё, серьёзно? — Сашка приподнял голову, — А я думал, приснилось...

— Давай вставать, — Ира ещё раз посмотрела на часы, — Уже собираться пора, через полтора часа автобус.

Выйдя из спальни, Говоров не мог сдержать смеха — на недавно купленном, разложенном угловом диване дружно спали Дима и Женька.

— Ирка, дай мобильник, я их сейчас сфоткаю.

— Не вздумай, — показав ему кулак, Ира засмеялась сама, — у тебя ума хватит другим показать, а зачем? Лучше буди Диму. Ему ещё себя в порядок нужно привести.

— А Журавлёва что, не будить? — Сашка посмотрел на неё подозрительно, — Его тут оставим?

— А что? — Ира лукаво улыбнулась, — Боишься?..

— Этого — боюсь... — честно признался Говоров, — Девчонок уламывает на раз.

— Прямо — всех?

— Ну... не всех... Одна из десяти остаётся.

— Ладно, буди обоих, вдруг, я девятая...

Дима был ещё в душе, а Женька с Сашкой пили кофе, когда просигналил мобильный телефон.

— Сообщение пришло... — Ира нажала клавишу, прочитала текст и подняла изумлённые глаза, — Не поняла...

— Чё там такое? — спросил Сашка, доставая сигареты, — Тебе наследство оставили?

— Ага... Наследство... — Ира расплылась в радостной улыбке, — Только не мне...

— Ну, ладно тебе кота тянуть за... — Сашка нетерпеливо протянул руку, — Дай, я сам посмотрю.

— Смотри, — она отдала ему телефон.

— Ничего себе... — прочитав, он вытаращился на неё, — Это что, Дима теперь настоящий батя?!

— А что там? — заинтересовался уже Журавлёв, — От кого смс-ка?

— От Наташки... Она, видимо, рассылку сделала. Сын у Димыча родился. Обалдеть...

Переглянувшись между собой, все трое дружно уставились на мобильник, который Дима оставил на кухонном столе, прежде чем уйти в ванную — внезапно завибрировав, телефон издал характерный сигнал.

— Слушайте, — прочитав поступившее Морозову сообщение, Ирина с заговорщическим видом посмотрела на парней, — ему тоже такая же смс-ка пришла, видимо, Наташа и его в рассылку включила... Сейчас выйдет из ванной, вы ему ничего не говорите, пусть сам прочтёт.

— Дима реально счастливый, — Женька почесал макушку, — Не зря мы вчера с ним так накушались, видать, сердце чуюло...

— Да, кстати... Как вы скорефанились-то? — вспомнив ночной визит, Сашка

удивлённо вытаращился на Журавлёва, — Я думал, мне приснилось.

— Да теперь уже неважно, как... — договорить Журавлёв не успел — на пороге кухни показался Дима.

— Ну, чё... как оно, похмелье? — ехидно спросил Говоров.

— Не подкалывай... — Дима хмуро взял чашку с кофе, — Сколько у нас ещё времени до автобуса?

— Ещё сорок минут, — Ира, улыбаясь, посмотрела на него, — Дим... По-моему, у тебя телефон просигналил.

— А, опять какие-нибудь дурацкие акции, — махнул он рукой и обратился к Женьке, — Слушай... А машина моя где?

— О, я смотрю, вы вчера славно погуляли, — заржал Говоров, — ну, теперь будешь знать, каково мне бывает.

— За машину не переживай, она на стоянке у гостиницы, прямо под моими окнами, — ответил Женька, — если хочешь, отгоню, куда надо.

— Пусть там и стоит, — снова махнул рукой Дима, — приеду, сам отгоню.

— Так ты не хочешь посмотреть, что там тебе за сообщение пришло? — Ира снова посмотрела на него.

— Потом... Надо Наташке позвонить, — взяв со стола телефон, виноватым тоном сказал он, — что-то я вчера не так себя повёл, она всю ночь не спала, наверное...

— Конечно, не спала, — теряя терпение, проговорила Ира, — сына тебе рожала, а ты даже сообщение прочитать не хочешь... Ой! — проговорившись, она закрыла губы ладошкой.

— Как — рожала?.. — Дима уставился на девушку.

— Как все. Вес два восемьсот, рост пятьдесят один сантиметр, — радостно улыбаясь, отчиталась она, — посмотри сообщение, если не веришь.

Открыв, наконец, в меню папку с сообщениями, он несколько раз перечитал Наташино утреннее послание. Медленно подняв голову, обвёл всех изумлённо-радостным взглядом:

— Ребята... У меня сын родился! В три часа ночи... Два восемьсот... Пятьдесят один сантиметр...

— Да ты чё!.. — Сашка шумно отхлебнул кофе, — Обалдеть...

* * *

Последний из трёх гастрольных дней подходил к концу. Сборная бригада артистов, среди которых был и «Ночной патруль», в рамках молодёжного проекта посетила несколько городов, давая по два выступления в день и переезжая из города в город. Автобус направлялся к последнему пункту назначения — предстоял заключительный концерт, и уставшие артисты дремали на своих местах. Устроившись у окна, Дима то и дело смотрел на телефон, пытаясь поймать то появляющуюся, то пропадающую связь. Наташа сказала, что их с Валериком уже через два дня должны будут выписать домой, и он считал часы, оставшиеся до того момента, когда он сможет увидеть их обоих. После их с Женькой «разговора» под две бутылки коньяка и ночного визита к Сашке, который с помощью Иры уложил их у себя

спать, он не сразу осознал ту новость, которую сообщила ему Наташа... Даже проговорив вслух, он снова и снова перечитывал её смс, пока до него не дошло, что нужно ей позвонить... «Подожди, вдруг она спит?» — сказала ему тогда Ира, но, не выдержав, он в семь утра набрал Наташкин номер...

...Она не призналась, но ему показалось, что она плачет... Она не хотела его будить и поэтому, как и всем, послала смс. Валерик — рядом с ней. Он спит... У него белые волосики, аккуратный, чуть вздёрнутый носик, а глазки она ещё не видела... И голоса почти не слышала. Зато он чихнул, когда родился. Он хорошенький... С ним всё нормально, только вес небольшой... Но это не страшно, всё в пределах нормы.

И в тот же день, и вчера, и сегодня — звоня Наташе, Дима надеялся услышать голос малыша. Но Валерка оказался настолько спокойным, что даже сама Наташа до сих пор не слышала его плача — мальчишка только кряхтел, когда хотел есть, в остальное время молча посапывал в своей кровати, в отличие от соседки — девочки, с чьей мамой Наташа оказалась в одной палате.

Все эти дни Дима принимал поздравления и отвечал на дружеские шутки друзей. Первая гастрольная ночь получилась для всей концертной бригады бессонной — устроившись в гостинице на ночлег и собравшись в одном номере, артисты до утра обмывали Валерку, так, что выступление на следующий день оказалось под угрозой, а самым работоспособным оказался сам молодой отец.

Устроившись в кресле поудобнее, Дима задремал под ровный гул автобуса. Внезапно в кармане завибрировал телефон. Решив спросонья, что это Наташа, он, не глядя на высветившийся номер, поднёс мобильник к уху:

— Да, Наташ...

— Добрый вечер, Дима...

— Добрый вечер... — узнав голос Инны, он невольно напрягся.

— Не ожидал меня услышать? — улыбаясь на том конце, спросила женщина.

— Если честно... То не ожидал.

— Ты давно не звонил, не приезжал... Вот, решила позвонить сама.

— Ты знаешь, я сейчас в дороге.

— Понятно... Когда ты говоришь «я в дороге», это означает, что ты не один...

— Ну, я, действительно, не один. Тут целый автобус народу.

— Ты едешь общественным транспортом? — пошутила Инна, — Я могу подвезти.

Скажи, куда подъехать.

— Я, действительно, в дороге, мы на гастролях.

— А когда ты приедешь?

— Знаешь... — Дима замялся, — За эти два месяца у меня произошло несколько очень важных для меня событий...

— Например? — с едва заметной иронией спросила Инна.

— Например? Например, у меня родился сын, — Дима говорил как можно тише.

— Что?! Я не расслышала, повтори, — весело рассмеялась в трубку женщина.

— Я тебе перезвоню, когда приеду... — уже громче сказал он и поспешно отключился.

Сидящий рядом Говоров казался спящим во время разговора, но, как только Дима убрал телефон, сразу открыл глаза.

— С кем это ты? — Сашка подозрительно посмотрел на друга.

— Да так... Неважно... — нехотя ответил Дима.

— Ты это... ерундой не занимайся.

— Успокойся, никакой ерунды.

— А то я не слышал. Что за тёлка?

— Это психолог.

— Ты чё, к психологам обращаешься? — Сашка толкнул его локтем в бок.

— Было как-то... А, может, и не было.

— Ну-ну...

— Угу...

— Знаешь что, Димыч... Выкидывай ты всех этих психологов из головы. Твой психолог сейчас там, в роддоме, лежит и орёт...

— Не-а, не орёт, — Дима улыбнулся с особой теплотой, — Наташка говорит, ещё и голоса не слышала.

— В тебя, наверное, такой же невозмутимый... — Саша усмехнулся, — Интересно, какой у меня получился?

— Ну, если в тебя, то затыкай уши...

— Чего это?

— Ну, как... Ударник же...

* * *

Наташа сидела на стуле, затаив дыхание — соседка по палате, её ровесница, старательно переплетала её длинные волосы, укладывая в красивую причёску. Сегодня шестой день — врач дал добро на выписку. Всех выписывают на четвёртый день, но их немного задержали, из-за небольшого веса малыша. Она боялась, что проведёт здесь много времени, но сегодня они с Валериком, наконец-то, вернутся домой. Скоро за ними приедет Дима... Такого ощущения счастья она ещё никогда не испытывала! Оно просто переполняет её, ему не хватает места, оно переливается через край...

Валерик спит...

Сегодня он узнает, что на свете, кроме маминых, есть ещё и папины руки. Он так похож на Диму... Только волосы белые... Зато глаза... Они ещё неопределённого цвета, но она уже видит — они будут синие-пресиние... Такие же, как у папы...

Сегодня она наконец-то встретится с Димой... Она так скучает по нему... Хорошо, что их выписывают, она так рада, что уедет домой... Правда, сегодня она себя чувствует не совсем хорошо, но это от того, что она давно не была на улице. Она приедет домой, и всё пройдёт... Главное, что они наконец-то будут вместе — Дима, Валерик и она, Наташа.

— Смольникова, готова? — дежурная акушерка заглянула в палату, — Вот выписка, можешь одеваться, там уже за тобой приехали. А ребёнка внизу оденут и вынесут.

Попрощавшись с соседкой по палате, Наташа с волнением спустилась по лестнице на первый этаж. Ещё полтора месяца назад она и не мечтала, что всё будет именно так — их заберёт Дима... Она до сих пор до конца не верит, что это случилось.

— Ну, что, красавец твой готов, идём... — медсестра с Валериком на руках, одетым в голубой летний конверт, приветливо улыбнулась, — Вас уже ждут...

Наташа почти на ходу оглядела себя в зеркале: летнее стильное платье, купленное Димой по совету Иры, так хорошо сидит на её стройной, слегка округлившейся фигурке. Только сегодня она почему-то очень бледная... Это от недостатка свежего воздуха. Всё, на выход... Наконец-то!

— Принимайте, папочка... — медсестра протянула Диме голубой свёрток, — Поздравляю с сыном!

Бережно приняв в руки Валерку, Дима осторожно приподнял лёгкую вуаль и со счастливой улыбкой на лице долго вглядывался в крошечное, сморщенное личико.

— Нам-то покажи... — ворчливым тоном потребовал Сашка и, взглянув, обернулся к Ире, — Ирка, смотри... На кого похож?..

— Дима — вылитый... — Ира заглянула в конверт, — Однозначно.

— Да, Димыч, сразу видно — твоё произведение...

— Только блондин, — весело уточнила Наташа, стоя рядом с целой охапкой цветов в руках.

* * *

Недолго посидев за накрытым столом, Саша с Ирой уехали домой.

— Стол у нас сегодня какой-то безалкогольный получился, — улыбнулась Наташа, убирая тарелки в мойку.

— Сашка за рулём, мне тоже вечером нужно будет съездить в студию, а вам с Иркой нельзя, — Дима подошёл к ней, взял из её рук тарелки и поставил назад на стол, — Иди ко мне... Я так давно тебя не видел...

— Дима... — оказавшись в его объятиях, только и успела прошептать она... Всё крепче сжимая руки, он целовал её лицо... шею... плечи... Соскучившаяся по его ласке она, закрыв глаза, буквально таяла в любимых руках...

— Почему ты такая горячая?.. — оторвавшись от её губ, он прислонился щекой ко лбу, — Ты как огонь!

— Не знаю, наверное, потому, что ты со мной... — она крепче прижалась к его груди, — Дим... мне до сих пор кажется, что всё это — сон...

— Это не сон, Наташа... Хотя бы потому, что там, в комнате, спит наш сын.

— Я пойду, посмотрю, как он, — привстав на цыпочки, она нежно прикоснулась губами к его губам.

— Пойдём вместе... — он нехотя разжал руки и снова прислонился щекой к её лбу, — И, всё-таки, почему ты такая горячая?..

Валерка мирно спал в детской кроватке, которую пока пришлось поставить на середину комнаты.

— Я не думал, что дети рождаются такими крошечными... — Дима с улыбкой на лице вглядывался в ребёнка.

— Дима, нужно его укрыть потеплее, мне кажется, у нас очень холодно... — Наташа подняла голову от кроватки, — Я даже замёрзла.

— Да у нас жарко... — он встревоженно посмотрел на неё, — Мне кажется, ты заболела.

— Да, меня что-то знобит... — она устало присела на диван, — Сейчас пройдёт.

— Что — пройдёт? — он взял её за плечи, — Ты дрожишь... У тебя что-нибудь болит?

— Живот... Но совсем немного...

— Сорок и четыре... Я вызываю скорую, — он испуганно посмотрел на термометр.

Врач скорой помощи, осмотрев Наташу, которая уже не могла встать, очень серьёзно взглянул на Диму:

— Из больницы сегодня выписали?

— Да, сегодня...

— Сейчас назад увезём.

— Куда?..

— Откуда пришла. А там — скорее всего, в реанимацию.

— Что с ней?! — Дима побледнел.

— Похоже на бактериальный шок. Так, срочно носилки...

— Не надо, я донесу...

— Рома, включай сирену, — садясь в кабину, на ходу крикнул врач водителю скорой помощи, когда двери за Наташей закрылись, — И гони... нужно успеть...

Проводив машину, Дима с тяжёлым сердцем вернулся домой. Взял в руки телефон...

— Саня, дай Ирку... Ир, ты не знаешь, что такое бактериальный шок? Что?!

Поговорив с Ирой, он прошёл в комнату и обречённо опустился на пол возле детской кроватки... Раскидав ручонки, Валерка тихо сопел среди заботливо развешанных ярких погремушек...

«Шестьдесят процентов — летальный исход...» — колоколом гудело в голове.

Не отрываясь, он смотрел на сына сквозь тонкие боковые прутья кровати... Видимо, проснувшись, ребёнок пошевелился и тихонько закричал. Взяв крохотный кулачок в свою ладонь, Дима растерянно произнёс:

— Валерка... Что же мы с тобой теперь будем делать?..

Звонок от Димы поступил в тот момент, когда Сашка с Ирой только вошли в квартиру. Сумки с купленными по дороге продуктами так и остались на кухонном столе — услышав о том, что случилось, они, не сговариваясь, выскочили на лестничную площадку. Уже сидя в машине, Ира внимательно наблюдала, как побледневший Сашка трясущимися руками вставляет ключ в замок зажигания, подтверждая её кое-какие догадки, но возникшая ситуация не располагала к откровенному разговору.

...Дверь была открыта, и они без звонка вошли в маленькую квартирку. Дима, отрешённо сидевший на полу возле Валеркиной кровати, молча поднял на них глаза. Сам Валерка, сморщив личико, как будто собираясь заплакать, шевелил ручками и тихонько кряхтел.

— Дима, — Ира тронула его за плечо, — Куда увезли Наташу?

— Назад, в роддом, — глухо ответил он, — я только что звонил.

— И что?

— Пока ничего не известно. Говорят — звоните, узнавайте.

— Дима... — девушка присела рядом с ним, — Ты держись. Это только предположительный диагноз, может, он не подтвердится.

— Ты её не видела... Я в скорую нёс — она уже была без сознания. Всё произошло за какой-то час...

— Ты не думай о плохом. Думай только о хорошем.

— Представляешь, я даже не могу к ней поехать, — он тяжело вздохнул, — а что будет с Валеркой? Я не знаю, что мне делать...

— Знаешь что... — Ира положила руку ему на плечо, — Нужно кого-то пригласить — может, родственников, у которых есть дети?

— У меня здесь только родители, но они сейчас в отъезде, приедут через четыре дня. Наташины — далеко... Я даже не знаю, как сообщить её отцу: он сегодня утром звонил, радовался, что их выписывают.

— Дима, давай для начала переоденем Валерика, — Ира наклонилась к кровати, — где у вас подгузники?

— Там, на столе... — он поднялся с пола и, подойдя к столу, взял в руки приготовленную упаковку подгузников для новорождённых, — Только как? Я не умею...

— Давай, клади его сюда, — Ира расстелила на диване чистую пелёнку, — молодец ты, всё приготовил заранее.

— Это Наташа. Она мне говорила, что нужно, а я собирал, — Дима неуверенно подложил ладонь под детскую головку, — как же его взять?

— А вот так и бери... — Ира внимательно наблюдала за его действиями, — Ты, главное, головку держи...

Осторожно приподняв малыша обеими руками, он аккуратно переложил крохотное тельце из кровати на диван. Размахивая ручками, Валерик открыл глаза и, причмокивая, смешно задвигал губами.

— Чего это он, — Сашка, до сих пор молча стоявший поодаль, наконец, подал голос.

— Это он кушать хочет, — Ира озабоченно посмотрела на Диму, — нужно срочно что-то делать.

— Откуда ты всё это знаешь? — с некоторым подозрением спросил Говоров...

— От верблюда, — она сердито стрельнула на него глазами, — у меня два младших брата-близнеца, забыл? Когда они появились на свет, мне двенадцать лет было, и я матери помогала с ними нянчиться, — эти слова предназначались уже Диме.

— Жалко, что твоя матушка далеко живёт, — уже более спокойно сказал Сашка, — можно было бы попросить помочь Димону, хоть в первые дни. Моя тоже посменно работает, не вырваться.

— А в доме у вас нет молодой матери? — Ира развернула тонкую пелёнку, в которую малыш был завёрнут до подмышек.

— Тут в основном бабушки живут, — Дима внимательно следил за её движениями, — дай, я сам попробую...

— А назад — в роддом — не возьмут? — Сашка вопросительно перевёл взгляд с Иры на Диму, — Пока Наташка сама там находится?

— Вряд ли... — с сомнением в голосе ответила девушка, — Хотя, можно позвонить и спросить — может, его в детскую больницу пока заберут?

— Кого?! Валерку?! — Дима с недоумением посмотрел на них обоих, — Я не отдам!

— Дим... Его кормить надо восемь раз в день, ему шесть дней от роду... Его уже сейчас кормить пора. Что ты с ним будешь делать? — Ира помогала Диме надевать на ребёнка чистый подгузник, — А купать? А ухаживать за ним?

— Я не знаю, Ир... Только как я теперь его отдам? Я их так ждал... Тем более, я не знаю, что с Наташей, — аккуратно переложив Валерика назад в кроватку, сказал он — я сейчас... только ещё раз позвоню.

Звонок в больницу не внёс никакой ясности: «Состояние тяжёлое, диагноз пока не ясен... Делают всё возможное... Проводится интенсивная терапия... Звоните, узнавайте...»

Будто почувствовав что-то, малыш всё-таки расплакался.

— Дима, его кормить пора, — Ира сочувственно смотрела на Валерика, — я не могу ничем помочь, это слишком ответственно.

— Что же делать? — Дима беспомощно переводил взгляд с неё на Сашку, — А у тебя нет подруг с маленькими детьми?

— Нет, — Ира покачала головой, — Дима, я повторяю, это слишком ответственно. Можно, конечно, купить детское питание, но я не рискнула бы ни советовать, ни кормить без рекомендации врача. А где его сейчас взять? У тебя нет знакомого детского врача или хотя бы фельдшера?

— Детский врач? — он нахмурился, как будто вспомнив что-то, — У Кристины мать — детский врач.

— А что, Дима, выбора нет, — Сашка серьёзно посмотрел на друга, — Звони. А мы с Наташке поедem, — он взглянул на Иру, — поехали в больницу. Зайдёшь, поговоришь с врачом.

— Ну, и зачем тебе понадобилась моя мама, Морозов? — съехидничала Кристина, когда Дима позвонил ей с просьбой дать номер мобильного телефона Милы, — Мог бы просто к ним на домашний позвонить.

— Домашний у твоих родителей не отвечает. Кристина, я тебя очень прошу, скажи мне номер Людмилы Николаевны, это очень важно.

— Она, наверное, ещё на работе. Позвони им попозже, — тоном, не терпящим возражений, ответила девушка.

— Я не могу попозже. Это срочно.

— Нет, Морозов. Если тебе так уж нужна моя мать, то бери, и поезжай к ней в клинику. Кстати... это у тебя там телевизор работает или ребёнок плачет?

— Это ребёнок, — Дима немного помолчал, потом, решившись, произнёс, — это мой Валерка... Мне срочно нужна консультация детского врача, а кроме твоей мамы знакомых врачей больше нет.

— Ты, всё-таки, нахал, Дима... — от возмущения Кристина на какое-то время потеряла дар речи, — А больше тебе ничего не нужно?! Пусть твоя Наташа записывается на приём, платит денежки и приходит, как все, а по телефону моя мама ни в коем случае не будет консультировать!

— Понимаешь... — Дима замялся, ему тяжело было об этом говорить, но другого выхода не было, — Понимаешь, Наташу увезли на скорой. Я остался один с Валеркой... Я не знаю, чем и как его кормить, а родители вернутся только через четыре дня.

— Ну, хорошо... — немного помолчав, Кристина недовольным тоном, нехотя продиктовала номер мобильного телефона Милы, — Звони...

Ребёнок плакал негромко, но так жалобно, что Дима, прежде чем позвонить Миле, осторожно взял его на руки и, пытаясь успокоить, тихонько поцеловал в маленький лобик. Было очень необычно держать в руках тёплое, хрупкое тельце малыша, такого крошечного и беззащитного, и Дима невольно поймал себя на мысли, что ему совсем не хочется класть Валерика назад, в кроватку... Держа его одной рукой, другой он торопливо набрал номер, продиктованный Кристиной.

— Дима... уставшим голосом сказала Мила после того, как он обрисовал ей свою ситуацию, — Дело в том, что мало знать, чем и как кормить ребёнка. Первые две недели организм новорождённого практически полностью лишён иммунитета, и это очень серьёзно. Мать, даже если и не знает всех этих тонкостей, действует интуитивно, на то она и мать. Сомневаюсь, что у тебя так получится. Завтра к вам обязательно должен прийти патронажный врач, вот с ним посоветуйся, может, действительно, лучше пока отправить малыша в детскую больницу.

— Спасибо, Людмила Николаевна, — сдержанно ответил Дима, — но я сына никуда не отдам. Спасибо за рекомендации по детскому питанию и... извините за беспокойство.

— Дима! — услышав в трубке плач новорождённого, Мила не выдержала, — Ты сейчас у родителей?

— Нет.

— Тогда скажи мне ваш адрес... и... будь с малышом. Я привезу ему готовую смесь, заодно посмотрю.

...Примерно через час, накормленный и осмотренный Милой, Валерка сладко спал в своей кровати.

— Как готовить смесь, ты видел. Всё для искусственного вскармливания я тебе привезла. Кормить... — Мила слегка замялась, — Сейчас мы официально рекомендуем кормить ребёнка «по требованию», то есть, когда он захочет. Но, если очень откровенно, то я придерживаюсь мнения, что традиционное кормление «по часам» намного лучше.

— Мне главное, продержаться, пока Наташа не вернётся домой, — он с надежной посмотрел на собеседницу, — она поправится и снова будет кормить Валерика грудью.

— Дима... — Мила грустно улыбнулась, — Вряд ли ваш Валерик уже попробует материнского молока...

— Почему?!

— Потому, что мать больна и не кормит, а в это время молоко пропадает... Но, я думаю, в этой ситуации главное другое — чтобы и мать, и ребёнок были живы и здоровы. Поэтому примите всё так, как есть. Ну, вот, — она приветливо улыбнулась, — Всё, что могла, я тебе рассказала. Всё, что нужно для ребёнка, у тебя под рукой. Если будут вопросы — телефон ты мой теперь знаешь, звони.

— Спасибо Вам, Людмила Николаевна, — Дима с благодарностью взглянул на женщину, — я уже не знал, что мне делать.

— Не за что, Дима, — она тяжело вздохнула, — с завтрашнего дня к тебе будет приходить врач или патронажная сестра, это уже хорошо. Глядя на тебя, я думаю, что ты справишься. Но и о том, что я тебе сейчас рассказала, тоже не забывай, всё это очень важно. Ребёнок у вас родился с маленьким весом, поэтому нужно особо тщательно выполнять все рекомендации.

— А почему он такой маленький? — Дима наклонился над кроватью и ласково прикоснулся к детской головке, — У других, кого не послушаю, дети рождались больше трёх килограммов, а наш Валерка всего два восемьсот.

— Кто знает, Дима... Может, мать плохо питалась или курила.

— Наташа не курит. А питалась... Думаю, не совсем уж плохо, она ведь работала.

— Ну, тогда, возможно, это результат её психоэмоционального состояния. Вы ведь расстались в самом начале беременности, насколько я знаю?

— Да...

— Ну, вот... Возможно, она тяжело переживала ваше расставание... — эти слова Мила произнесла с какой-то особой печалью, как бы говоря о чём-то о своём, — Всё это отразилось на ребёнке. Кстати, что с ней?

— Я до сих пор не знаю, — тревожно ответил Дима, — увезли с высокой температурой и болями, практически без сознания, и пока ничего конкретного не говорят. Предположительно — бактериальный шок. Там сейчас Сашка Говоров с Ирккой. Звонили, сказали, что она в операционной, и с врачом пока не поговорить... Но им уже пора ехать домой, а я теперь не могу никуда уйти. Во всяком случае, пока родители не вернутся.

— Послеродовое осложнение, — кивнула женщина, — но ты не падай духом.

Возможно, это что-то другое, а не бактериальный шок. Хотя, в любом случае, риск для здоровья очень большой. Многие после таких осложнений больше не могут иметь детей.

— Мне лишь бы она была жива... — глядя в одну точку, тихо произнёс Дима, — Остальное неважно.

* * *

— Ну, и как ты это всё объяснишь? — тон и поза, в которой сидел Леонид Борисович, не предвещали ничего хорошего, и Мила, подготовившись к скандалу, привычно вздохнула. Сидящая рядом с отцом Кристина всем своим видом показывала недовольство сложившейся ситуацией.

— Что я должна тебе объяснить, Лёня? — Мила прошла мимо мужа через большую гостиную и, исчезнув за дверью своей спальни, очень скоро вышла оттуда в домашней, далеко не дешёвой, одежде.

— Прекрати мельтешить! — прикрикнул Лапин на жену, — Взяла моду бегать, когда я с ней разговариваю.

Демонстративно встав напротив него, Мила всем своим видом выразила «покорность и послушание».

— Слушай... — Лапин побелел от злости, — Хватит кривляться! Если ума никогда не было, он уже и не появится. Ты вот мне скажи... Где ты сейчас была? Я хочу, чтобы это сказала ты, а не другие.

— Я была у новорождённого ребёнка.

— Что ты делала там, если ты уже давно не едешь по вызовам? — Лапин гневно сдвинул брови, — Твоё рабочее место — в клинике, а по домам ходить — дело участкового врача!

— Ну, если ты знаешь подробности, зачем ты вообще меня спрашиваешь? — Мила невесело улыбнулась, — Ведь ты уже в курсе, у кого я была, не так ли?

— Мама! — Кристина вмешалась в родительскую перебранку, — Я тоже не понимаю, зачем ты поехала к Морозову? Ты могла просто его проконсультировать по телефону. Я только для этого и дала твой номер.

— Кристина, — твёрдым тоном ответила женщина, — в первую очередь, я — врач. Ко мне обратились за помощью. Между прочим, обратился сын моих друзей. И твоих — тоже, — последние слова были адресованы Леониду.

— К тебе обратился человек, из-за которого твоя дочь вот уже несколько месяцев страдает, — Лапин прищурил глаза, — и в данной ситуации, в первую очередь, ты — мать!

— Я думаю, этот спор бесполезен, — резко развернувшись, женщина вышла из гостиной. Пройдя через большой холл на крыльцо коттеджа, она спустилась по ступенькам и с наслаждением ступила на ровный зелёный ковёр, устилающий приусадебный участок. Наступающий вечер слегка освежил воздух, и Мила с удовольствием опустилась в резное кресло-качалку на пушистой лужайке перед домом.

— Мама!.. — выбежав за ней следом, Кристина обняла мать сзади и виновато

прижалась к щеке, — Прости меня, я не смогла не сказать отцу, куда ты поехала.

— Ну, сказала и сказала, — Мила старалась сохранить равнодушный тон, — я не делала из этого секрета.

— Просто мне стало обидно... — девушка сердито поморщилась, — Ты меня понимаешь?

— Более чем, Кристиночка, — Мила поцеловала дочь в щёку, — понимаю... Но поступить по-другому я не могла. Там, действительно, очень непростая ситуация.

— Он и вправду один с ребёнком? — сбавив тон, спросила Кристина, — Ну, и как... он?..

— Правда... — Мила вздохнула, — Мать увезли на скорой, и Дима остался один на один с новорождённым. Что хочешь — то и делай.

— А как ребёнок? — как можно более равнодушно спросила Кристина.

— Ребёнок неплохой, правда, вес маленький.

— А... на кого он похож?

— Сейчас трудно ещё определить, — пожала плечами Мила, — Но, по-моему, на Диму...

— Понятно... — девушка немного помолчала, потом спросила снова, — А что же случилось с этой... мамашей?

— Видимо, осложнение. Меня там не было, поэтому говорю со слов. Может, что-то осталось после родов, а врач не уследил, — посмотрев на Кристину, она развела руками.

— Это её Бог наказал, — подвела итог девушка, — и его тоже...

* * *

Наташа с трудом открыла глаза. Хотелось пить и спать. Из стеклянного флакона, закреплённого на высоком штативе, по пластиковой прозрачной трубочке еле сочился раствор какого-то лекарства, попадая через большую, прибинтованную к предплечью, иглу прямо в вену — на локтевом сгибе её левой руки. Она медленно огляделась: в небольшой, оборудованной медицинской аппаратурой палате, кроме неё, никого не было. На стоящем рядом с кроватью белом металлическом стуле лежал кем-то заботливо оставленный её мобильный телефон. Кое-как дотянувшись свободной рукой, она поднесла его к глазам и, приложив серьёзное усилие, нашла нужный номер. Нажала на «вызов»... Ей показалось, что прошло очень много времени, пока она не услышала на том конце такой родной, такой любимый голос...

— Наташа!.. — Дима чуть ли не закричал в трубку, — Наташка!.. Это ты?! Ну, не молчи... Наташенька... Ну, скажи, что это ты...

— Дим... — почти прошептала она, — Дима... Это я... Где Валерик?

— Наташка... — ей показалось, что он плачет.

— Дима... Где Валерик?..

— Он здесь, со мной... С ним всё в порядке... Как ты?!

— Дима... — слова давались ей с трудом, — Скажи мне что-нибудь...

— Наташенька... Родная моя... девочка моя любимая... — комок подступил у него к горлу... он ненадолго замолчал, но тут же справился с нахлынувшими эмоциями, — Ты

только не отключайся... ладно?.. Ты только не отключайся!..

* * *

— Очнулась? — девушка в салатном медицинском костюме, со шприцем в руке, наклонилась над Наташей, — Молодец!..

— Что со мной? — Наташа подняла на неё глаза, — Какой сегодня день?

— Да не бойся, ты недолго тут лежишь, только вторые сутки! — девушка провела несколько раз проспиртованной ваткой по Наташкиному плечу и ловко воткнула иглу, — Но народу из-за тебя переполошилось — мама не горюй. Даже пресса была и телевидение... ты теперь знаменитость!

— Какая пресса? — Наташа с трудом разговаривала, ей очень хотелось пить, — Зачем?

— Ну, как, зачем, — девушка озабоченно нахмурила бровки, — тема для статьи: «Молодая мать чуть не погибла по халатности врачей в день выписки». И т. д.

— А чья статья, Семченко? — спросила Наташа.

— Да, кажется... А ты откуда знаешь?

— Да вот... Знаю... — она слабо улыбнулась и добавила как бы про себя, — Мазурик старается.

— Теперь у нас комиссия за комиссией начнутся, только успевай встречать.

— Я не хотела...

— Да ладно тебе! Хоть порядок наведут. Слушай... — девушка внимательно посмотрела на Наташу, — А правда, что это ты песню поёшь по радио? «Ты заплетал мои косы».

— Правда... А откуда ты знаешь?

— А все уже знают. Я же говорю — знаменитость!

Был уже поздний вечер, когда, подъехав к своему дому, Говоров заглушил машину. Посещение роддома оставило в его душе неизгладимое впечатление, лишний раз напомнив о предстоящей ему в скором времени роли отца. В то же самое время, тревога за Наташу вдруг всколыхнула уснувшие, было, чувства. Пока Ира наводила справки в приёмном покое, а потом в отделении, он выкурил не одну сигарету. Когда она, всё-таки дождавшись врача и узнав от него все подробности, спустилась вниз, то застала Сашку нервно ходящим по больничному крыльцу. От неё не укрылись ни его бледность, ни испуганный взгляд, и, рассказав ему вкратце о беседе с врачом, она до самого дома больше не проронила ни звука.

— Ну, а теперь рассказывай, — дома, раздевшись, она сразу же прошла в комнату и уселась на диван.

— О чём? — стараясь не встречаться с ней взглядом, Сашка сел рядом и включил телевизор.

— А ты не догадываешься? — взяв из его рук пульт, Ира нажала на кнопку: загоревшийся, было, экран снова потух.

— Ирка, давай не будем говорить загадками, — он снова забрал пульт, но включить телевизор не решился.

— Знаешь, Саш, я сама не люблю загадок, — девушка говорила решительно, но в её голосе слышалась обида, — поэтому и спрашиваю тебя напрямую. У тебя с ней что-то было?

— С кем? — Сашка уставился в пол.

— С Наташей. Только не ври мне. Я видела... На тебе до сих пор лица нет.

— А где оно? — он попытался пошутить, но, увидев её серьёзный взгляд, тут же нахмурился, — Ира, послушай меня. У нас с Наташкой никогда и ничего не было. Это тебе любой подтвердит, и Дима в том числе.

— Тогда почему ты так испугался, когда он позвонил?

— Потому, что... — он замялся, не зная, что сказать, но через какое-то время справился с собой, — Потому, что мы с Димоном ещё со школы вместе, а Наташка для него слишком много значит.

— А для тебя? — Ира смотрела исподлобья, слегка прищурившись, — Для тебя она что значит?

— Слушай, давай не будем устраивать КВН?

— Саша, — она положила свою ладонь ему на плечо, — я не собираюсь тебя допрашивать... Но ты сам для меня слишком много значишь, настолько много, что я готова родить твоего ребёнка... И, поэтому, я хочу раз и навсегда решить эту проблему.

— Ир, эту проблему надумала ты, — положив локти на колени, он уставился вниз, — на самом деле никакой проблемы нет.

— Хорошо, — она согласно кивнула, — тогда расскажи мне, почему ты не сразу сказал Димке о разговоре с Журавлёвым? Помнишь, ты обещал рассказать?

— Помню, — вздохнул Сашка, — вот зачем тебе именно сейчас всё это нужно? Живём нормально... я тебя люблю... ну, что ещё, Ир?

— Мне кажется... — она вдруг опустила голову, но Сашка заметил, как задрожал её подбородок и слезинка капнула на колено, — Мне кажется, что ты её любишь...

— Я тебя люблю, — он обнял её и, прижав к себе, начал целовать.

— Саш... — сквозь его поцелуи прошептала Ира, — Я не хочу, чтобы между нами кто-то стоял.

— Ирка... между нами никого нет, и не будет. Я тебе обещаю...

— Правда? — она вытерла глаза, — Правда, никого?

— Ну, честно...

— Знаешь, я, ведь, и вправду подумала, что у вас что-то было.

— Если не веришь мне, спроси у Димона. Он тебе про Наташку может сказать, был у неё кто-нибудь кроме него, или нет.

— Я дура... Да, Саш?.. — улыбнувшись сквозь слёзы, девушка обвила руками его шею, — Да?

— Не дура... а дурочка...

— Ну, конечно, дурочка... — она вдруг отстранилась от него и заговорила деланно-весело, — Действительно, дурочка! Ведь, если бы ты её любил, ты бы не оставил её одну, когда они с Димой поссорились... Правда? Ты, ведь, всё равно бы её не оставил, правда, Саш?..

— Наверное... — нехотя выдавил он.

— Ты и, правда, её не любишь... — Ира нервно рассмеялась, — А я, дурочка, понавыдумывала что-то... Да, Саш?

— Ирка... — он снова прижал её к себе, — Я тебя очень люблю. Слышишь?

— Слышу... Одну меня?.. Да, Саш?

— Да... Одну тебя...

* * *

После Наташиного звонка Дима долго сидел, положив локти на колени и подперев голову сцепленными в замок кистями рук. «Скупая мужская слеза» — теперь и он знает, что это такое. Но главное не это... Главное — она жива, она пришла в себя, а всё остальное не имеет никакого значения. Она — вся его жизнь, ещё такая короткая, но уже наполненная таким огромным смыслом. Ему показалось, что тяжёлая каменная глыба свалилась с его плеч... Наташа позвонила — это Ира нарочно попросила сестру отделения интенсивной терапии положить телефон на видное место. Он услышал её голос, ещё такой слабый... но, всё-таки, он его слышал. Через два дня вернутся родители, и он с Валериком переедет к ним, пока Наташа в больнице... И, самое главное, он, наконец, сможет её увидеть.

Страшный диагноз не подтвердился; правда, то, что с ней случилось по вине лечащего врача, тоже очень опасно... Но самое тяжёлое позади. Витька, чей роман с корреспондентом Юлией Семченко развивается не по дням, а по часам, использовал всё своё обаяние, и сюжет о врачебной ошибке в городском родильном доме номер один, спровоцировавшей тяжёлое осложнение у «молодой матери», вызвал не только негодование у зрителей. В результате Наташе обеспечили самый лучший уход и лечение, об этом сообщила Ира, которая дважды ездила к ней в больницу. Теперь Наташа поправится... Они с Валеркой будут терпеливо ждать того момента, когда она вернётся к ним домой.

Покормив и уложив Валерика, Дима прошёл на кухню и сел за свой старый синтезатор.

Когда он в прошлом октябре так неожиданно ушёл от Наташки, его старенькая «ямаха» так и осталась здесь. Дима вспомнил эту зиму... Как так вышло, что, учась в одном университете, пусть и в разных корпусах, они ни разу не встретились за это время? Да, он часто уезжал, у него был последний курс. Но, всё-таки... Их с Наташкой пути как будто кто-то нарочно разводил. Наверное, так было нужно? Только кому?

Кристина... Инна... Пытаясь восполнить невозполнимое, он искал способ заглушить свою боль, но, просыпаясь в шикарной спальне Кристины, он ловил себя на мысли, что таким счастливым, как в маленькой квартирке на третьем этаже старой пятиэтажки, он уже не будет просыпаться никогда.

Наташка...

Он ушёл от неё именно в тот момент, когда в ней только-только зародилась новая жизнь. Он старался забыть её именно в то время, когда она носила его ребёнка. Что ему стоило встретиться с ней? Какие-то дурацкие обстоятельства мешали и мешали сделать шаг ей навстречу, а, тем временем, Валерка — его плоть и кровь, уже толкался у неё в животе. Да, она тоже молчала... Но — он?! Почему он не спросил у неё самой, когда Сашка принёс известие о её беременности... Ведь он так ждал этого, когда они жили вместе — он цеплялся за малейший признак, в надежде, что э т о, наконец, произошло. Но, когда э т о произошло, он с ходу поверил, что это ребёнок Журавлёва. Он ведь знал, что Наташка не могла... Но почему-то принял эту новость безоговорочно. Когда Говоров признался ему в том, о чём молчал все эти месяцы, Дима не испытал ни обиды, ни желания отомстить... Ведь он с а м ничего не сделал, чтобы узнать правду.

Думая так, Дима не мог избавиться от чувства вины перед Валеркой, ведь они с Наташей — взрослые люди, и сами совершали свои поступки... но это были поступки, от которых зависела судьба вот этого крохотного, беззащитного человечка.

Включив синтезатор и сделав звук как можно тише, он привычно пробежался пальцами по чёрно-белым клавишам. Последовательно взял несколько аккордов... немного подумал... привычным жестом откинул волосы со лба.

...Нежная, убаюкивающая мелодия плыла по маленькой уютной кухне, заполняя всё пространство от стены до стены, от пола до потолка, невольно просачиваясь сквозь дверной проём в такую же уютную, небольшую комнату. И там, в вечерней тишине, рождённые под Димиными пальцами, умиротворяющие звуки колыбельной песни плавно обволакивали детскую кроватку, в которой мирно спал крошечный Валерка, ничего не подозревающий о событиях, происходящих в жизни его родителей...

* * *

Шёл уже четвёртый день, как Дима один управлялся с Валериком. За эти дни он научился готовить смесь и кормить малыша, переодевать его, гладить пелёнки и распашонки, соблюдать все правила гигиены. Он уже без страха брал ребёнка на руки, разговаривая с ним, как со взрослым. В ответ Валерик только кряхтел, смешно причмокивал

губами и размахивал ручками. Приходившая к ним каждый день патронажная сестра удивлялась и нахваливала такого «ответственного молодого отца», который не побоялся остаться один на один с новорождённым младенцем. Все эти дни приезжали Сашка с Ирой, даже Витька с Юлией навестили папу с сыном.

— Димыч, ты это... классно смотришься... — тихо заржал на кухне Мазур, наблюдая, как Димка, наполнив бутылочку молочной смесью, надевает на неё соску.

— Курс молодого отца, — Юля одобрительно кивнула, — тема для продолжения сюжета о первом роддоме.

— Да не надо никаких сюжетов, — улыбнулся Дима, — главное, чтобы всё благополучно закончилось.

— Понимаешь, Дима, — сидя за кухонным столом, Юля закинула ногу на ногу, — если бы я три дня назад не подняла эту тему, сейчас твоя Наташа всё ещё лежала бы под капельницами, одна, без ухода, и это в лучшем случае. Но только стоило мне позвонить главврачу, как тут же нашлись и хорошие лекарства, и типа «виновные будут наказаны», и постоянная дежурная сестра... И так будет ровно столько, сколько нужно для восстановления её здоровья.

— Спасибо, Юль, но как-то неловко... Все мы ошибаемся, и врачи тоже, — Дима вышел в комнату и, взяв Валерку на руки, поднёс к нему бутылочку со смесью. С жадностью поймав губами соску, малыш сладко зачмокал.

— Дима, ты не понимаешь момента, — Юля вышла вслед за ним и, наблюдая за процессом кормления, прислонилась к косяку, — Этот случай — он показателен. Ведь сколько женщин выписывают с различными осложнениями, только потому, что кто-то не дал взятку, кто-то мало заплатил...

— Мы вообще ничего не платили, — Дима пожал плечами, — А что, надо было?

— Ну... вообще-то, ты мог бы и отдельную палату для неё выкупить, и роды оплатить с обезбоживанием... — чуть насмешливо сказала девушка, — Если честно, то многие удивляются, почему твоя жена рожала в обыкновенном, бюджетном режиме...

— Мы не знали, — виноватым тоном ответил Дима, — Я не в курсе, а Наташа мне ничего не говорила... Да и не успели — она чуть раньше родила, я на гастроли как раз уезжал...

— Ну, вот тебе и результат налицо, — развела руками Юля, — Не заплатили за хорошее лечение, её и лечили соответственно.

— А разве это правильно? — недоверчиво спросил Дима, осторожно перекладывая уснувшего за трапезой Валерика в кроватку, — Разве у нас не бесплатное медицинское обслуживание?

— Ну-у-уу... Формально — да... — Юлия сосредоточенно нахмурила брови, но потом вдруг неожиданно рассмеялась, — Слушай, Дима... А вы с твоей Наташей — два сапога пара. Она мне сегодня то же самое сказала.

— А вы что, у Наташки были? — он удивлённо посмотрел на девушку, — Я ещё ей не звонил вечером...

— Были, но просто тебе сказать не успели, — оправдывающимся тоном ответил Витька, — Да мы были буквально две минуты. Я внизу ждал, а Юлька отделение штурмом брала.

— Представляешь, Дим, они меня... — Юля возмущённо потыкала себя пальцем в

грудь, — Меня!.. Не хотели пускать...

— А потом — пустили? — улыбнулся Дима.

— Да попробовали бы не пустить... Плохо ты меня знаешь!

— Это точно... — Витька с гордостью посмотрел на девушку, — Она куда угодно пройдёт. Профессионал!

— Ну, и как она?.. — Дима с надеждой взглянул на Семченко, — К ней вообще можно попасть?

— Ну, как тебе сказать? Не фонтан, конечно, выглядит. Но это всё временное явление. А попасть — да попасть можно всегда куда угодно: берёшь шоколад, можешь — шампанское. Вызываешь медсестру...

— А ты что, с шампанским ходила? — Дима с готовностью полез в карман, — Давай, я тебе деньги отдам.

— Дима... — девушка укоризненно посмотрела на него, — Ты меня-то не обижай, я же профессионал! Камера на ремне и микрофон в руках открывают любые двери.

— Учись, Димыч, — Витька обнял Юлю за плечи, — это вообще — находка для «Ночного патруля»!

— Вот и цени... — она смерила его многозначительным взглядом, — И не только...

— Такие люди нам нужны... — Мазур весело посмотрел на девушку, потом перевёл взгляд на Морозова, — Скажи, Димыч?

* * *

Услышав дверной звонок, Дима поспешил к двери. Он так и не поставил глазок и, в надежде, что это Сашка привёз из аэропорта его родителей, торопливо повернул замок.

— Здравствуй, Дима! — Валерий Фёдорович и Светлана Петровна переступили порога дома.

— Здравствуйте! — обрадованно ответил Димка, — А почему вы не позвонили?

— Так у меня нет твоего телефона, — усмехнулся Валерий, — А Наташе звонил, она трубку не брала, спала, видимо.

— Вы проходите, пожалуйста, — Дима посторонился, пропуская гостей, — только у меня ничего пока нет... Но зато я сейчас смогу сходить в магазин, а вы с Валеркой посидите.

— Ты мне его сначала покажи, — Валерий заметно волновался, — где мой внук?

— Вот... — Дима жестом показал на кровать, — Ваш внук...

Смольниковы-старшие ещё умильно агукали, склонившись над малышом, когда в дверь снова позвонили.

— Димочка, здравствуй, родной! — Анна Сергеевна в дверях обняла сына, — Ну, как ты?! Мы не могли вылететь раньше, ну никак...

— Аня, поздороваться успеем, — Александр нетерпеливо заглянул в комнату, — Пусть внука нам покажет!

— Дима, пока вы тут знакомитесь, я поеду Ирку на работу отвезу, — Сашка нарисовался в дверном проёме, — ну, и гостей у тебя в эти дни... Обалдеть...

— Сначала все идите мыть руки, — проводив Сашку, командовал Дима бабушкам и дедушкам, которые так и норовили притронуться к спящему Валерке, — и на руки его без меня не берите.

— Смотри-ка, командует! — пошутил Александр, — Отцом себя почувствовал?

— Саша, смотри... — голос у Анны Сергеевны неожиданно дрогнул, — Он на меня похож! Нет, на самом деле, — она убедительно посмотрела на Валерию и Светлану, — Похож, как две капли воды! Я такая же была в детстве, я помню!

— А мне кажется, он похож на дедушку Валеру, — Светлана внимательно разглядывала ребёнка, — а волосы, как у Наташи, беленькие.

— Глаза точно твои, — ребёнок сонно открыл глазки, и, заметив это, Александр посмотрел на жену, — а нос мой.

— Да нет... Нос у него Валерин... — Светлана рассматривала нос мужа, — Ну, или Наташин, такой же вздёрнутый.

— Так... я что-то не понял... — Александр обиженно обвёл всех взглядом, — А моего, что, вообще ничего нету?

— Саша, насчёт твоего не знаю, а вот на меня он, действительно, похож, — Анна Сергеевна заулыбалась, глядя на внука, — я, как его увидела, сразу поняла — мой портрет!

— Так, дедушки и бабушки, пока руки не помоете, внука я вам больше не покажу, — уже привычным движением Дима ловко вынул Валерика из кровати, — а, вообще, было бы лучше, если бы вы все приняли душ. И потише орали. Всё-таки ребёнок спит.

* * *

Все ещё сидели за накрытым в маленькой кухоньке столом, когда Дима, не выпивший ни капли спиртного, вышел в комнату и склонился над сыном.

— Валерка... — прошептал он, — Я поехал к нашей маме. Что ей передать от тебя?

— Спит? — Валерий облокотился о спинку кровати, — Дима... Ты у Наташи ещё не был?

— Нет. Я не мог, Валерий Фёдорович. Я к ней сейчас поеду, что передать?

— Дима... — мужчина как будто не слышал вопроса, — Ты уж меня прости...

— За что?! — удивлённо посмотрел на него Дима.

— Ну, во-первых, за то, что не сразу приехали. У Светы не получалось отпроситься с работы, а у меня как раз обследования на те дни были назначены. Ну, а, во-вторых... Когда я сюда ехал, то хотел с тобой поговорить по-мужски. Я хотел, чтобы ты Наташу оставил... А теперь вот посмотрел, и не могу сказать тебе тех слов.

— Оставил?! — Дима изумлённо смотрел на Валерию, — Почему?!

— Она столько слёз с тобой пролила...

— Я её ни разу не обидел, — Димка распрямился во весь рост.

— Да ты-то не обидел... Она сама себя с тобой довела, — Смольников-старший качнул головой, — понимаешь, ты известный, модный... как сейчас говорят — продвинутый... На тебя девчонки пялятся, поклонницы. А Наташа — хоть и талантливая девочка, но очень скромная, сейчас таких мало. Она в тебя влюбилась, а вот на себя не надеялась, всё боялась тебя потерять.

— Таких и правда — мало... — Дима внимательно посмотрел на Валерия, — Валерий Фёдорович, я Наташу очень люблю. А теперь у нас сын...

— Ты не подумай, она мне не жаловалась, — продолжал мужчина, — Мне Алинка всё рассказала. Это дочь Светланы. Она с Наташиной подружкой познакомилась недавно в интернете, и вот та ей всё и рассказала.

— Понятно... — Дима улыбнулся, — Оксанка, видимо...

— Да, кажется... — Валерий немного помолчал, потом, вздохнув, продолжил, — Ведь она нам даже не сказала, что беременна. И о том, что ты от неё ушёл — тоже не сказала. Когда мы приезжали к ней в марте, только тогда и узнали, что она снова живёт одна.

— Это долгая история...

— Дима... Истории — они все долгие, да жизнь — одна. Когда я совсем недавно от Алины узнал, как Наташа прожила эту зиму, первое, что мне захотелось сделать — это поехать и забрать её домой... А, когда она сказала, что вы помирились... Я ещё больше захотел забрать её... Дима... — она посмотрел ему в глаза, — Дима... Наташа — необычная девочка. Она слишком глубоко пережила потерю матери в детстве, и это наложило отпечаток. Я не могу ничего от тебя требовать, но... но, если она когда-нибудь снова потеряет тебя, я не знаю, как она это переживёт.

— Валерий Фёдорович... — Дима внимательно посмотрел на Наташиного отца, — Вы не переживайте. У нас всё хорошо. А сейчас мне нужно ехать. Валерку оставляю на вас.

* * *

— Только недолго! — почти шёпотом предупредила дежурная акушерка палаты интенсивной терапии, пропуская его в помещение. Бутылка хорошего вина и коробка конфет возымели своё действие; к тому же, девушка оказалась молоденькой — она бывала на концертах «Ночного патруля» и узнала Диму.

— Спасибо, — он обаятельно улыбнулся, — я недолго.

Тихо ступая, он подошёл к кровати, на которой спала Наташа. Капельницы уже не было, и она свободно откинула перебинтованную в локте руку... Осунувшееся, бледное лицо казалось измученным, и Дима долго не решался её разбудить. Тихонько присев рядом, осторожно взял её ладошку и, наклонившись, прижал к губам.

Она медленно повернула голову и открыла глаза...

— Дима... А с кем Валерик? — ещё не совсем проснувшись, спросила Наташа.

— Не переживай. С ним два дедушки и две бабушки, — Дима ласково пригладил её разметавшиеся волосы, — Наташка... Как я по тебе соскучился...

— И я... — с трудом подняв руку, она погладила его по щеке, — Дима... я так тебя люблю... Расскажи мне про Валерика...

Рассказывая ей про Валерку, Дима не отрываясь смотрел на неё своими синими-пресиними глазами... В ответ она не сводила с него любящего взгляда.

— Тебя можно поцеловать? — он слегка улыбнулся, — Здесь не запрещается?

— Можно... — слабо улыбнулась она в ответ.

... Когда он нехотя закрыл за собой дверь палаты, к нему тут же подбежала молоденькая дежурная:

— А можно у вас попросить автограф?

— Конечно, — улыбнулся Дима, — На чём расписаться?

— А, давайте, прямо на бейджике? — Сняв с медицинского костюма жёлтую карточку с именем и названием отделения, девушка радостно подала его Диме, — Вот здесь... И покрупнее, пожалуйста! — она немного подумала, пока Дима расписывался чёрным маркером, и, не выдержав, добавила, — Чтоб вся гинекология от зависти сдохла!

— Я надеюсь, ты окончательно приступил к своим обязанностям? — едва сдерживая недовольство, спросила Кристина, увидев Диму в помещении студии, — Или ещё возьмёшь декретный отпуск?

— Окончательно, — ответил он, открывая компьютер, — родители прилетели.

— По твоей вине мы затянули съёмки видеоклипа Макса и Ульяны.

— Ладно, ничего страшного, — несмотря на её тон, он говорил спокойно, слегка улыбаясь уголками губ, — я им всё объясню.

— Дима, ты думаешь, их вдохновит твоё объяснение? Ребята почти неделю ничего не делали, а материал им нужен уже через несколько дней.

— Ну, снимали бы без меня. Аудиозапись у них есть, а я не клипмейкер.

— Они без тебя сами не хотели сниматься. Кстати... — Кристина смягчила тон, — Как твой малыш?

— Спасибо, нормально.

— Я тебя не успела поздравить... — она слегка замялась, но, помолчав немного, продолжила с лёгкой долей иронии, — Так что прими мои запоздалые поздравления.

— Спасибо! — улыбаясь, он посмотрел ей в глаза, — Даже не ожидал.

Встретив его счастливый взгляд, девушка изменилась в лице. Резко развернувшись, стремительно направилась к выходу и, уже взявшись за ручку двери, задержалась и, не оборачиваясь, глухо произнесла:

— Если бы ты только знал...

— Что знал? — Дима удивлённо поднял голову от компьютера.

— Ничего... — она как будто что-то хотела сказать, но в последний момент передумала, — Ни-че-го...

Проводив её взглядом, он ещё некоторое время сидел, бесцельно глядя на монитор и улыбаясь своим мыслям. Неожиданно дверь снова открылась, и на пороге возник Говоров.

— Привет! — оглянувшись назад, Сашка вошёл и плотно прикрыл за собой дверь, — Ну, что, как твои?

— Нормально, — Дима вдруг рассмеялся, — слушай, я до последнего сомневался, что мать с отцом сразу с самолёта к нам приедут. Мать вообще была настроена не очень.

— А это ты Ирке спасибо скажи, — хмыкнул Сашка, — она с ходу твоей матушке в лоб: внук, типа, на вас похож, как две капли воды! Та сначала, вроде, как мимо ушей... А потом смотрю — аж расцвела! Говорит, Саша, едем сразу к Диме...

— Ну, спасибо Ирке... Хотя, ты не передавай, я ей сам скажу... с презентом, — пошутил Дима.

— Нет уж! — в голосе Говорова появились категоричные нотки, — Ты сейчас со своими повышенным гормонально-эмоциональным фоном подальше от чужих женщин держись. Во всяком случае, от моей.

— Да ладно тебе, — Дима всё ещё счастливо улыбался, — не заберу.

— Кто тебя знает?

— Прикинь, сегодня даже Кристина поздравила, — Дима поднял глаза на друга, — я немного в шоке.

— Да ты не обольщайся, — Сашка недоверчиво ухмыльнулся, — ты же её знаешь прекрасно. Всё равно укусит, рано или поздно.

— Может быть, — Дима пожал плечами.

— А как Наташка? — Говоров посерьёзшел, — Звонил сегодня?

— И звонил, и был у неё вчера ночью.

— Ну, и как?

— Сегодня в общую палату переводят, курс лечения две недели.

— Ну, значит, нормально всё. Да, кстати... Что там со днём города? Выступаем где?

— Ну, да, как обычно — сольник, только на другой площадке.

— Ясно. А нового ничего не написал, как отец-герой, — Сашка захихикал, — колыбельную, например?

— Угадал... — Дима включил синтезатор, — Смотри, что получилось...

— А слова есть? — спросил Говоров, когда стих последний аккорд, — Мелодия классная, самая настоящая колыбельная.

— Вот слов пока нет, — с сожалением сказал Дима, — нужен хороший автор.

— А... Кристина? — осторожно напомнил Сашка, — Она не напишет?

— Я не хочу её просить, — Дима нахмурился, — да и Наташка, думаю, не будет в восторге, если текст колыбельной напишет Кристина.

— Ну, да... проблема... — задумчиво заметил Говоров, — И её как-то нужно решать.

— Решим...

— А кто петь будет? Ты?

— Вот это ещё одна проблема. Песня под Наташкин голос... Но, когда её выпишут, и, главное, как репетировать? А Валерка?

— Надо подумать... — Сашка забарабанил пальцами по столу, возле которого сидел, — Кстати... Ты не боишься, что Кристина будет против?

— Скорее всего — да... — Дима выключил синтезатор, — И это — третья проблема.

— Да пошли ты их с Лапой подальше! Им-то какая разница? Ты творчеством занимаешься, а не они. В конце концов, это не его и не Кристинин проект, они не имеют на «Ночной патруль» никаких прав. То, что он вложил в раскрутку, мы отработываем, это в контракте оговорено. А больше — ничего.

— Понимаешь, Саня, формально всё так и есть. «Ночной патруль» — изначально не проект Лапина, но дело в том, что в контракте есть пункт, и там сказано, что формирование коллектива и количество участников в обязательном порядке согласовывается с инвестором. А инвестор у нас, как ты помнишь, Леонид Борисович, передавший все свои полномочия своей дочери Кристине Леонидовне. И, если на Наташкино участие в выпускном она под общим давлением закрыла глаза, улетев в жаркие страны, то сейчас я очень сомневаюсь в том, что она снова даст молчаливое «добро». И, вообще... Наш контракт составлен очень хитро. Я только недавно понял окончательно, во что влип.

— А во что ты влип? — серьёзным тоном спросил Сашка.

— Дело в том... дело в том, что, согласно контракта, все участники группы имеют

возможность выйти из проекта до его окончания, если им будет найдена достойная замена, и эта замена будет работать, исходя из первоначальных условий. То есть, ты уходишь из группы, но вместо тебя приходит другой ударник, и он работает за те же проценты, что и ты — Лапин возмещает вложенное из его части гонораров.

— Ну, и?..

— Ну, и... — Дима немного помолчал, — Так может поступить каждый участник группы. Кроме меня. Я, как руководитель проекта, обязан отработать до конца, без права на замену — до последнего возвращённого Лапину рубля.

А это минимум три-четыре года.

— Ну, в принципе, я это знал...

— И я знал... А вот п о н я л только сейчас...

* * *

Кристина, поморщившись, прошла мимо студии, в которой шла репетиция «Ночного патруля». Пошёл уже второй месяц с тех пор, как она поняла, что Морозов потерян для неё безвозвратно. Совместная работа даже после прекращения их отношений всё же давала какую-то надежду, но появление в его жизни ребёнка ставило в них последнюю точку. Иногда ей хотелось разорвать с ним контракт, чтобы никогда больше не видеть и не истязать своё самолюбие... Но, подумав, она отказывалась от этой мысли, не в силах расстаться с ним навсегда.

Войдя в свой кабинет, прошла к окну и попыталась открыть жалюзи. Она несколько раз потянула за шнурок, но створки так и не раскрылись. Встав на стул, Кристина потянулась к краю карниза, где, как ей показалось, и образовался узелок, не дающий протянуть шнур. Она шарила рукой за металлическим каркасом, когда дверь отворилась.

— Здравствуйте! — услышав голос вошедшего, девушка резко повернулась на стуле. Нога скользнула по сиденью и оказалась на самом краю — стул неожиданно покачнулся, и она почувствовала, что падает вниз...

— Ой!.. — вскрикнув, она уже приготовилась оказаться на полу, но чьи-то руки вовремя подхватили её — Кристина почувствовала себя в мужских объятиях...

— Вы не ушиблись? — светловолосый, симпатичный юноша разжал кисти.

— Господи, Макс, как ты вовремя... — немного смутившись, Кристина поправила лёгкую блузку.

— Главное, что успел, — он обаятельно улыбнулся.

— Ну, да, — она окончательно пришла в себя, — спасибо.

— Да не за что, — он пожал плечами, — я испугался, что вы упадёте.

— Да перестань ты мне «выкать»! — она деланно-сердито посмотрела на него, — Сколько можно говорить, у нас принято обращаться на «ты».

— Ну, хорошо, — он немного растерялся, — я испугался, что ты... упадёшь.

— Ну, вот, благодаря тебе не упала, — она жестом предложила ему присесть, — ты что-то хотел?

— Да, я хотел только узнать, будет ли у нас свободный день на следующей неделе. Мне нужно съездить домой.

— На следующей неделе? — Кристина задумчиво посмотрела на календарь, — Слушай, я вот прямо сейчас тебе сказать не могу. Вашим графиком занимается Морозов, а у него сейчас репетиция... Давай, ты позвонишь мне завтра? — она подняла глаза на юношу, но, пристально посмотрев на него несколько секунд, вдруг изменила решение, — Хотя, нет... Ты мне не звони. Ты лучше приди, и мы всё с тобой обсудим. Хорошо?

— Хорошо, — он с готовностью кивнул, — а во сколько мне подойти?

— Давай, попозже, часам к восемнадцати... — он уже взялся за ручку двери, когда она снова окликнула его, — Да, Макс... и без Ульяны... Один приходи.

Она ещё некоторое время смотрела на дверь, за которой скрылся юноша. Потом, как будто что-то вспомнив, резко встала и вышла в коридор. Ей показалось, что Макс снова идёт ей навстречу: такие же светлые волосы, такая же походка... Но, приглядевшись, она увидела, что незнакомец чуть выше ростом и шире в плечах.

— Здравствуйте! — поздоровался парень.

— Здравствуйте, — она, чуть прищурившись, кивнула на ходу.

— Скажите, а Дмитрий Морозов... он — здесь?

— Морозов? Да, но у него сейчас репетиция. А что ты хотел?

— Я хотел бы с ним встретиться, — парень уклонился от прямого ответа.

— Если ты по поводу проекта, то можешь написать ему на электронку и послать свою запись. Он потом назначит тебе время на прослушивание, — Кристина не сводила взгляда с юноши.

— Нет... — тот слегка замялся, — Он мне нужен по личному делу.

— По личному?! — Кристина казалась изумлённой, — Странно... У Морозова все личные дела почему-то решаются в моём центре.

— Просто он мне очень нужен... А времени ждать нет.

— Ну, подождать, всё же, придётся, пока репетиция не закончится.

— Хорошо, я подожду. Где у него репетиция?

...Исполнив последнюю композицию, «патрули» не спешили расходиться: из студии то и дело доносился громкий смех. Неожиданно дверь отворилась, и светловолосый парень заглянул в помещение. Скользнув взглядом по ребятам, остановился на Морозове.

— Я хотел бы поговорить...

— Со мной? — Дима повернул голову, — Заходи...

— Нет, я бы хотел с глазу на глаз.

— Ты по поводу проекта?

— Нет...

— Подожди... — вглядевшись в юношу, Дима как будто что-то вспомнил и, встав из-за синтезатора, вышел в коридор, — Ты — Сергей?!

— Ну, да, — тот немного растерялся, — Сергей.

— Это же ты приходил к нам год назад... Только не признался, что ты — Наташин знакомый.

— Н-ну, да... — Сергей кивнул, — Ничего, что я сюда?... Скоро автобус, я бы не успел к вам домой.

— А ты нас дома бы и не нашёл, — проводив взглядом Говорова, Мазура и Белова, покинувших студию, Дима кивнул на дверь, — Заходи.

— Почему не нашёл бы?

— Потому, — нахмурился Дима, — Наташа в больнице. А мы с Валеркой сейчас живём у моих родителей. Ты присаживайся.

— Я знаю, что она в больнице... Как она? — глядя себе под ноги, спросил Сергей.

— Немного лучше. А было совсем плохо.

— Я тут кое-что... — не договорив, Шустов открыл небольшую дорожную сумку, достал оттуда свёрток, — Вот, это — ей.

— Что это? — Дима взял свёрток в руки, слегка приоткрыл — густой травяной запах ударил в нос.

— Это трава. У меня мама — известная в нашем городе травница... Когда она узнала, что с Наташей, она велела ей передать... Да ты не бойся, — заметив недоверчивый взгляд Морозова, парень усмехнулся, — если мама сказала, значит, это поможет. К ней из области приезжают, она не одного человека уже на ноги поставила.

— Поможет — от чего? — строгим тоном уточнил Дима.

— Ну... я не знаю... — Сергей смутился, — Я, конечно, не разбираюсь в женских болезнях... Но, мама велела передать, что отвар из этой травы ей сейчас просто необходимо пить.

— А... откуда твоя мама знает, что с Наташкой?

— Дело в том, что мы с детства жили рядом, на одной улице, и учились вместе. И наши родители между собой очень хорошо знакомы... Вот... когда Наташа... когда она заболела, Светлана Петровна всё рассказала моей матери.

— Понятно, — Дима сдержанно кивнул, — Спасибо. Правда, я ничего не знаю с траволечении...

— Я тоже ничего не знаю о музыке, но я её слушаю, — от Димы не укрылись ироничные нотки в голосе собеседника, он бросил на него внимательный взгляд и нахмурился.

— Слушай, Сергей... Наташка мне сказала, что ты привозил ей деньги...

— Ну, и что?! — Шустов не дал ему договорить.

— Нет, ничего, — Дима покачал головой, — спасибо тебе огромное. Но, дело в том, что всё изменилось... Она теперь не одна, и я...

— Ты что, хочешь мне их вернуть? — глядя исподлобья, Сергей усмехнулся.

— Ну, да, — кивнул Морозов, — только без обид.

— Тогда — без обид. Хорошо?

— Хорошо...

— Пошёл ты, Дима...

— Слушай, Серёга, — Димка встал со стула и, засунув руки в карманы брюк, пристально посмотрел на гостя, — может, я и не прав...

— Ты не прав, — снова не дав ему договорить, тихо, но твёрдо произнёс Сергей, — и не только в этом.

— А в чём ещё? — удивился Морозов.

— Во многом.

— Ну, тогда рассказывай, — присев на колонку, Дима положил локти на колени и сцепил пальцы рук, — ты, ведь, и за этим тоже пришёл? Чтобы рассказать мне, в чём я не

прав?

— Да.

— Ну, так я тебя слушаю.

— Ты её бросил.

— Это я обсуждать не буду.

— Где гарантия, что ты снова её не бросишь?

— И это обсуждать не буду.

— Ну, вот видишь...

— Я вижу одно, Серёга. Ты — хороший парень, об этом и Наташа рассказывала, и я сам теперь вижу. Поэтому ссориться с тобой мне совершенно не хочется.

— А мне — хочется... — угрюмо произнёс Сергей, — Это я тебе честно говорю.

— Да я верю, — снова усмехнулся Дима, — Только — смысл?

— Просто, без смысла.

— Слушай, я даже не знаю, что тебе возразить, — Дима неожиданно рассмеялся, — но, тем не менее...

— Ничего смешного, — Сергей исподлобья посмотрел на него.

— По-моему, наш разговор заходит в тупик, — Дима внезапно посерьёзnel, — знаешь, мне нужно ехать домой, а потом к Наташе.

— Где она лежит?

— В первом роддоме. Но ты не сможешь её увидеть.

— Почему? — теперь Сергей говорил, опустив глаза вниз.

— Она сама ещё не выходит, а к ней тебя не пропустят.

— А тебя? Пускают?..

— Нелегально. Только потому, что я муж.

— Муж... — Шустов невесело усмехнулся, — Вы не женаты.

— Это так важно?

— Ты оставляешь себе пути для отхода?

— Послушай, Сергей, — при всём видимом спокойствии Морозов начал закипать, — я бы ещё понял твою манеру разговаривать, если бы ты был Наташкиным отцом или братом...

— А я ей больше, чем брат! — с вызовом ответил парень.

— Ну, если это так... то ты сам-то где был до недавнего времени? Я не помню, чтобы вы перезванивались, я не помню, чтобы ты приезжал к ней...

— Она сама так хотела, — Серёгина голова опустилась ещё ниже.

— А ко мне тогда какие претензии?

— До знакомства с тобой она была другой.

— Какой?

— Весёлой. Она выступала, пела, играла... А сейчас...

— А сейчас она не может выступать, она болеет, у неё ребёнок. Вернее, у нас ребёнок.

— Она всё забросила... Гитару, пение...

— С чего ты взял?

— Она очень талантливая... Но, почему-то, ты не взял её к себе...

— Слушай, Серёга, — Дима устало вздохнул, — мы говорим с тобой на разных языках. А мне, действительно, пора домой. Мать целый день с Валеркой, а у неё работа. Хорошо, что сейчас каникулы, и она как-то выкручивается. Если хочешь, поедem к нам, пообедаем, а потом с Валеркой погуляем.

— Ты ещё предложи в песочнице поиграть, — усмехнулся Шустов.

— Ну, а что делать? У меня ребёнок, Сергей.

— Да нет, я так... Смешно просто стало. Ты, вроде, такой... популярный... будешь катать коляску?

— Я её и так катаю, — пожал плечами Дима, — ты что, думал, если музыкант, то кроме пьяного угара и загулов ждать больше нечего?

— Не знаю... Во всяком случае, по сценарию ты должен был предложить выпить на брудершафт.

— Нет, — в свою очередь усмехнулся Дима, — этот сценарий у меня уже был на днях...

— Ладно, Дима... — Сергей встал со стула, — может я и лишнего наговорил... Ты, главное, траву Наташке передай. Не выкидывай, если что... Мать сказала, она ей пригодится.

— Спасибо, — Дима сдержанно кивнул, — я, конечно, не выкину, но...

— От неё дети рождаются, — уже не в первый раз за время разговора перебил Сергей.

— Ну... вообще-то мы как-то без травы справлялись...

— Там внутри — название и рецепт, как заваривать, — Шустов сделал вид, что не расслышал реплики, — а я пошёл...

— Подожди, — Дима остановил юношу жестом, — ты что, приезжал только затем, чтобы траву отдать?

— Почему? Я по работе приезжал.

— Ну, тогда поехали ко мне. Посмотришь на нашего Валерку...

— Как-нибудь потом. У меня автобус...

Проводив Сергея, Дима вернулся в студию и, открыв пакет с травой, достал оттуда листок бумаги. Внимательно прочитав написанное, аккуратно положил листок назад и перевязал пакет резинкой. Закрыв студию, вышел на улицу... Пройдя торопливым шагом к автостоянке, сел в машину, аккуратно положил пакет в бардачок и, вздохнув с каким-то облегчением, повернул ключ в замке зажигания...

* * *

Вторая неделя пребывания в больнице подходила к концу. Ещё несколько дней, и, возможно, её выпишут домой. Наташа уже мысленно представляла, как она возьмёт на руки Валерика... В палате, между процедурами, она без конца рассматривала фотографии малыша в ноутбуке, которые ей присылал Дима по электронной почте. Ей ужасно хотелось прижать к себе этот крохотный тёплый комочек, своего ребёнка, которого она видела только в первые шесть дней его жизни... Она без конца расспрашивала Диму о Валерике, что по телефону, что во время посещений, и Димка не раз ловил себя на мысли, что в глубине души немного ревнует её к сыну — ему казалось, что Наташа теперь его любит меньше, чем до рождения Валерика. Как будто чувствуя это, она спохватывалась и, взяв его за руку, уводила в самый укромный угол полутёмного вестибюля... Там, привстав на цыпочки, обвивала руками его шею и тянулась к губам. Дима наклонялся, целовал её и, шепча ласковые слова, всё сильнее и сильнее смыкал руки за её спиной. «Ведите себя приличнее, не забывайте, в каком отделении вы находитесь! — проходя мимо, бросала сестра-хозяйка и строго поджимала тонкие губы, — Ужас, что за молодёжь! Ещё чуть-чуть, и лягут, ведь, ей-богу,

лягут!» Молоденькие акушерки изо всех сил скашивали глаза на высокого, видного молодого человека, а те из них, кто узнавал в нём лидера известной рок-группы, млели при случайной встрече.

Двухместная палата, в которую, благодаря Юлии Семченко, перевели Наташу из палаты интенсивной терапии, окнами выходила на фасадную часть родильного дома, и, поджидая Диму, она частенько наблюдала, как встречаются молодых мам их счастливые родственники.

— К тебе-то сегодня придут? — соседка по палате, Марина, женщина лет двадцати пяти, полулёжа на кровати, подпиливала наращенные ногти на длинных, ухоженных пальцах.

— Да, Дима должен ненадолго заехать, — ответила Наташа, привычно выглядывая в окно, — у него сегодня выступление в ночном клубе, и времени мало.

— Слушай... Но ведь все музыканты — алкаши. И не только. Говорят, рок без наркотиков вообще не пишется, — Марина говорила слегка надменно — к этому располагала высокая должность супруга, — ты не боишься?

— Не знаю... — Наташа растерянно пожала плечами, — Дима вообще-то не пьёт, а о наркотиках и речи нет...

— Ну, это пока... Всё впереди.

— Не знаю... Ребята, конечно, часто выпивают, Сашка с Витькой... А Дима с Никитой — редко...

— Ну, дай Бог... дай Бог... — чуть насмешливо произнесла Марина, — А как насчёт женщин? Поклонницы не одолевают?

— Меня — нет, — засмеялась Наташка, — да меня, если честно, и поклонники не одолевают.

— Ну, тебя... тебя — понятно... — женщина смерила её пронзительным взглядом, — Диму твоего...

— Во всяком случае, в подъезде не дежурят, — всё так же весело ответила девушка и, достав сигнальный телефон, приложила его к уху, — да, Дим... Ой!.. А как это я тебя проглядела? А с кем ты? С родителями? Нет?.. Ну, хорошо, спускаюсь...

Отключив телефон, она подбежала к небольшому настенному зеркалу и придирчиво осмотрела себя в нём. Бледность почти прошла, и лицо не было таким измождённым, как в первые дни.

— Что, пришёл? — зевая, поинтересовалась Марина.

— Ага... — Наташка счастливо улыбнулась, — Такой загадочный... Говорит, не один...

— Ну, хорошо, что сам признаётся, что не один, — ещё раз зевнула Марина, — о других приходится всё от людей узнавать.

— Да ладно тебе... — рассмеялась Наташа и выбежала из палаты.

Народу в вестибюле было немного, и она сразу увидела Диму: вопреки обыкновению, он сидел на кушетке, стоящей вдоль стены, держа в руках какой-то объёмный предмет. В первый момент она не разглядела, что это... но, подходя ближе, невольно замедлила шаг... Сердце заколотилось... не видя ничего вокруг, она не сводила глаз с тёмно-синей сумки-переноски на его коленях... Подойдя чуть ли не на цыпочках, медленно присела на

корточки... Валерик, в кружевном голубом чепчике и таких же распашонке и пелёнке, крепко спал внутри сумки, как в шкатулке, на шелковом покрывальце... Поднявшись, наклонилась... взяла малыша на руки... осторожно прижала к себе тёплое, родное тельце... и, целуя крошечное личико, заплакала счастливыми слезами.

— Мальчик мой хороший... Валерик... оторвав взгляд от ребёнка, она с благодарностью посмотрела на Диму, — Дим... спасибо! Как хорошо, что ты его привёз!

Прошло уже около получаса, а она всё так же держала Валерика на руках и не могла наглядеться, нежно целуя крохотные пальчики и ласково поглаживая его по животу.

— А меня? Меня сегодня поцелуешь? — Дима ласково обнял их обоих, — Я тоже хочу...

— Дима... — закрыв глаза, она прижалась к его груди, — Я так хочу к тебе...Хочу домой... К вам домой... Я так соскучилась...

— И я тоже... — договорить он не успел: двери, ведущие в отделение, распахнулись, и старшая акушерка, буквально ворвавшаяся в вестибюль в сопровождении охранника, разразилась гневным криком.

— Это что такое?! — возмущению женщины не было предела, — Кто вам разрешил прийти сюда с ребёнком?

— Извините, я не знал, что нельзя, — деликатно ответил Дима, — я сейчас уже ухожу.

— Никуда вы не уйдёте! — пятидесятилетняя дама ещё больше повысила тон, — Вы пришли в роддом с грудным ребёнком, — она внимательно посмотрела на Валерку, — точнее, с новорождённым — откуда мы знаем, с какой целью? Сейчас вызову полицию — пусть разбираются!

— Вы что, с ума сошли? — рассмеялся Дима, какая полиция? Это мой родной сын, а вот — моя жена, его мама.

— А вдруг вы хотели ребёнка подменить? — не унималась старшая акушерка, — Или уже — подменили?... Или... или вообще — украли!

— Да что вы такое говорите, — Наташа, с Валериком на руках, обвела взглядом её и охранника, который до сих пор молча наблюдал за происходящим, — это наш ребёнок... Я в гинекологии лежу, а он дома, с папой. Его просто оставить было не с кем, вот он и взял его с собой.

— Ничего не знаю! — женщина достала мобильный телефон, — Я вызываю полицию!

— Послушайте... — Дима улыбался, нелепая ситуация его только сместила, — Ну, давайте, я вам шампанского принесу и конфет, а вы нас отпустите... Хорошо?

— Ты, сопля-а-а-к... — похоже, женщина только и ждала этих слов, так она ухватилась за них, — Ты меня взяткой купить хочешь?!

— Что здесь происходит? — высокий, худой мужчина в медицинском костюме, с бейджиком «Зав. отделением», видимо, вызванный кем-то, вырос как из-под земли, — Почему вы находитесь на территории роддома с посторонним ребёнком?

— Это наш ребёнок, — устало повторил Дима, — мы с ним пришли провести нашу маму. Это преступление?

— Покажите документы, — Зав. отделением строго посмотрел на Диму, — и документ

на ребёнка.

— Ну, мой — вот... — Дима достал из кармана паспорт, — Как знал, что надо взять... А на ребёнка пока нет документов.

— Есть выписка из роддома, я его здесь и рожала, — Наташа обратилась к доктору, — но она дома.

— По паспорту никакого ребёнка у вас нет... — зав. отделением пролистал документ, — И жены — тоже... Как вы докажете, что он — ваш?

— А я и не собираюсь доказывать! Мы просто ещё не успели его зарегистрировать... и пожениться — тоже... — Дима пожал плечами, — В конце концов, это наше личное дело.

— Это уже не ваше личное дело. Тамара Вольфовна права: неизвестно, с какой целью вы принесли с собой грудного младенца в роддом.

— Это не роддом, а дурдом какой-то! — Дима покачал головой, — Всё больше убеждаюсь. Сначала чуть мать не угробили, теперь к ребёнку привязались.

— Да, кстати... Почему ваш ребёнок дома, а вы — всё ещё у нас? — строго спросил мужчина Наташу.

— Потому что меня в день выписки привезли назад с осложнением... А мой сын, между прочим, остался без грудного молока, — Наташа крепче прижала к себе Валерика, — ему уже почти три недели, а я его толком и не видела.

— А-а-а! Так это и есть знаменитая Смольникова? — догадался доктор, — Замечательно! Вы всё ярче и ярче входите в историю нашего роддома.

— Сергей Иванович, так что с ними делать? — старшая акушерка заглянула в глаза заведующему, — Полицию-то вызывать?

— Не надо... Пусть идут, а то снова от СМИ не отобьёмся... — махнув рукой недовольным тоном ответил тот и, обращаясь к Наташе, добавил, — Скорей бы тебя уже выписали!

* * *

— Слушай, Димыч, по-моему, пора Юльке делать серию передач о ваших с Наташкой похождениях, — разминая пальцы, Мазур улыбался во все тридцать два зуба, — или книгу написать... Будет хит сезона!

— Да ладно, — Дима, рассказав ребятам о своих сегодняшних приключениях, махнул рукой, — всё это ерунда.

— Кстати, тебя тут какая-то дама спрашивала, — Витька кивнул головой в сторону танцпола ночного клуба, где намечалось выступление «Ночного патруля», — такая... ничего такая... блондинка... лет тридцать на вид.

— Не знаю... — Дима пожал плечами, — Я ни с кем о встрече не договаривался.

— А вон она... — скосив глаза, почти прошептал Мазур, — Сюда идёт...

Ещё не обернувшись, Дима догадался, о ком говорил Витька.

— Добрый вечер... — как всегда, приятным голосом проговорила Инна, — Не помешала?

— Здрасьте... — Мазур ещё раз оценивающе окинул её взглядом, — Лично мне — нет.

— Добрый вечер, — вежливо ответил Дима.

— Может, представишь меня своим друзьям? — на лице женщины, по обыкновению, блуждала лёгкая загадочная полуулыбка и она говорила так, будто они пришли сюда вместе, — Дима?..

— Знакомьтесь: это Инна, психолог. А это — Виктор и Никита, — на последнем слове Дима жестом показал на Белова, который всё это время молча настраивал гитару.

— Сколько продлится ваше выступление? — Инна подняла на него свои красивые голубые глаза.

— Часа полтора, а, может, и больше... — ответил Дима, — У нас сегодня регламента нет.

— В любом случае, я с удовольствием послушаю и потанцую, — снова улыбнулась она, — Дима... можно тебя на минутку?

— Можно... — отойдя в сторону, Дима присел у стойки бара и вопросительно уставился на женщину.

— Дима... — устраиваясь рядом, произнесла Инна, — Ты ничего не хочешь мне сказать?

— Я?! — он удивлённо посмотрел на неё, — В общем-то, нет...

— Странно... А мне казалось, что хочешь. Во всяком случае, должен.

— Если ты знаешь, о чём я должен говорить, то... подскажи?

— Я звонила тебе недавно... Но ты прервал разговор.

— Тогда просто оборвалась связь.

— Оборвалась связь... — она усмехнулась, — Как символично... А наша связь, что с ней? Она тоже оборвалась?

— Инна... — он немного помолчал, глядя куда-то вниз, — Я не люблю слово «связь»... Но, если уж... Наша связь не предполагала никаких обязательств. Тем более, в нашу последнюю встречу ты всё должна была понять сама. Я так и решил, что ты всё поняла, ведь мы больше не общались с тех пор, и ты тоже молчала.

— Ты мог хотя бы поставить точку... — опустив взгляд, грустно ответила она, — Мне казалось, ты очень хорошо знаешь, чего хочет женщина...

— Слушай... Возможно, нам и стоило бы поговорить... Тогда, сразу. Но не случилось. Время прошло, нужно ли сейчас всё ворошить?

— Может, всё-таки, поговорим? — не предложила, а скорее спросила Инна с едва уловимой надеждой в голосе, — Я могу подождать тебя, а потом вместе куда-нибудь поедem...

— Инна... — с трудом подбирая слова, он опустил глаза, — Единственное, о чём мне хотелось бы сейчас поговорить, это мой Валерка... Но, думаю, тебе это не будет интересно.

— Валерка? — она приподняла красиво очерченные брови, — А кто у нас Валерка?

— Это мой сын. Я, кажется, тебе сказал тогда, по телефону.

— Вот как... Я подумала, что ослышалась... — она показалась немного растерянной, — Ты ведь говорил, что не женат...

— Всё изменилось.

— Кристина? — произнося это имя, женщина недоверчиво улыбнулась уголком губ.

— Нет.

— Неужели..?

— Да...

— Понятно... — она неожиданно подняла на него глаза и чуть насмешливо

спросила, — Но мы же с тобой всё равно останемся друзьями, не правда ли?..

— А зачем? — он встретился с ней взглядом, — Смысл?

— Смысл?.. Смысл, Димочка, в том, что... что ты мне нужен... Так уж получилось.

— Инна... — он улыбнулся, — Ты решила на мне испытать свои методы психологического воздействия?

— Нет, Дима... — она облокотилась о барную стойку, — Просто я... я серьёзно в тебя влюбилась... представь себе, такое бывает.

— Я даже не знаю, что тебе сказать. Наверное, тогда мы, действительно, были нужны друг другу... А сейчас... — она не дала ему договорить:

— А сейчас один из нас стал не нужен другому... И этот другой — ты... Всё верно?

Женщина говорила не торопясь, чуть растягивая слова, с лёгкой, насмешливой полуулыбкой. Несмотря на это, он расслышал печальные нотки в её голосе. Немного подумав, ответил вполне серьёзно:

— Знаешь, мне бы не хотелось делать выводы. Это ни к чему.

— Делать выводы — это как подводить черту... ты подсознательно не хочешь подводить черту... Поэтому не торопись, Дима... Это я тебе как психолог говорю.

— Тогда скажи мне, как психолог... С какой из трёх, его любящих, женщин должен остаться мужчина?

— Я поняла твой вопрос, Дима, — Инна с готовностью кивнула, ему показалось, что она была готова к этому вопросу, — и, на первый взгляд, подразумевается ответ: с той, которую любит он. Так?

— Ну, вот... Ты ответила сама.

— Нет, Дима... как психолог, я вот что тебе скажу: мужчина зачастую сам не знает, кого он любит, ибо по природе своей полигамен. И поэтому... — она не успела закончить фразу: кто-то из музыкантов пробежался по клавишам синтезатора, вызывая Диму на сцену.

— Инна, мне пора. Ты прости, но время работать, — дружелюбно улыбаясь, он встал из-за стойки, — рад был тебя увидеть. Пока, Инна.

— Ну, что ж, пока... — печально ответила она и, обернувшись к бармену, небрежно бросила, — «Пина Колада», плиз...

Ночной проспект казался пустым: машины уже не шли сплошным потоком, как в дневные и вечерние часы, и Дима спокойно, без лишних торможений, вёл свой «фольксваген», время от времени обгоняя впереди идущие автомобили. Тёплый ветер, врываясь в открытое окно, слегка трепал его длинные тёмно-русые волосы, пробираясь за расстёгнутый ворот стильной футболки. Казалось, что он о чём-то сосредоточенно думает. Сидящий рядом Сашка молча курил, то и дело бросая на него удивлённый взгляд. Светофор на перекрёстке загорелся красным; Дима притормозил и, отбивая пальцами какой-то ритм на руле, неожиданно спросил:

— Саня, скажи... Когда прекращаешь отношения с женщиной, что, обязательно нужно официально попроситься?

— Не понял тебя, Дима... Давай подробнее?

— Ну, скажем... Ты встречаешься с женщиной в течение двух месяцев: только по выходным, без обязательств, без вопросов, без любви... скажем так, физиология, замешанная на симпатии. Потом возникают обстоятельства, и ты резко обрываешь все контакты. И вдруг, бац — она появляется на горизонте и говорит: ты не поставил точку, хотя и ты с ней не виделся уже больше двух месяцев, и она сама больше не искала с тобой встреч. Вроде, и так должно быть понятно?

— Дима... — Говоров удивлённо вытаращил глаза, — это когда ты успел?!

— Неважно, Саш. Ты мне просто скажи — что, теперь нужно назначить встречу, чтобы всё официально разложить по полочкам?

— Я вообще не пойму, почему ты заморачиваешься? Сам говоришь — встречи были без обязательств: привет-пока, трах-тарарах... — хмыкнув, Сашка пожал плечами, — Тут вариант может быть только один: тебя хотят вернуть. И — всё...

— Ну, в принципе... Она так и сказала.

— Ну, а в чём ты тогда не уверен? — Сашка подозрительно покосился на друга, — Если не хочешь — тебя никто не заставит вернуться. А захочешь... — он нахмурился, достал новую сигарету, чиркнул зажигалкой, — А захочешь, что ж... Только, Дима, ты же не любитель. Не в смысле — профессионал, а, в смысле — не особый поклонник женского пола. Тебе лучше не начинать. Тем более, Наташка... С ней-то как?

— Саня, ты что? — Дима засмеялся, — Думаешь, я по женщинам решил пойти и именно сейчас?

— Ну, в общем-то, именно сейчас и ходят, — заржал Говоров, — когда своя в больнице. Только, Дима, — он вдруг снова стал серьёзным, — тебе всё равно не стоит, у тебя натура не та.

— Так ты думаешь, можно не заморачиваться? — Дима вернулся к своему вопросу, — Просто меня застали врасплох, я уже думать забыл, а вот...

— Не, ну, ты, в принципе, можешь заказать ресторан... — Говоров мечтательно закатил глаза, — Чтобы всё чики-пуки: свечи там... шампусик... скрипач между столиками шныряет... И в такой романтической обстановке положить конец вашим отношениям, с клятвой на крови никогда больше не встречаться! — Сашка говорил вполне серьёзным тоном, и Дима, внимательно слушавший его монолог, под конец весело рассмеялся:

— Да... красиво нарисовано...

— Дима... — Сашка снова совершенно другим тоном, — Если это то, на что намекал сегодня Мазур, когда я в клуб пришёл, то я бы на твоём месте вообще забыл... Поскольку это обыкновенный бабский развод. «Ах, Дима... как?.. как это мы с тобой так случайно встретились?! Это — судьба, Дима... Она даёт нам новый шанс», — Говоров говорил это, имитируя женский голос и смешно хлопая ресницами, — и вот уже Дима растаял...

— Да ладно тебе, Саня...

— А что — ладно? — Сашка усмехнулся, — Она что, по-твоему, зря пришла сегодня именно в этот клуб? Да она всё про тебя знает: и про Наташку, и про Валерку, гадам буду. Просто нужно напомнить о себе... заявить. Чтобы ты сильно счастьем не упивался.

— Саш, если честно, у меня такое чувство вины осталось... вроде, как и вправду сбежал.

— А, ну, давай... Заказывай ресторан... — насмешливо сказал Сашка, — А ещё пусть Наташка вам споёт, пока ты будешь той объяснять, почему ты больше не приходишь. Ну, и последняя ночь, естественно! — он развёл руками, — А как же? Прощаться — так прощаться.

— Саня... дурак ты... — Дима весело посмотрел на друга, — Ты думаешь, я всерьёз?

— А кто тебя знает? — Сашка пожал плечами, — Наташки всё равно под боком нет.

— Я сейчас к ней поеду, — серьёзно сказал Дима.

— Куда?! — Сашка удивлённо застыл, — В больницу?

— В больницу. Домой заберу.

— Ночью — домой?!

— Ну и что? Заберу, и всё... — решительным тоном повторил Дима, — Чего я, как дурак, один...

— Слышь, Димыч... — Сашка снова хмыкнул, — Ты лучше свой нерастраченный гормональный фонд в другое русло направь: напиши симфонию за одну ночь, глядишь, к утру полегчает. Всё равно вам спать ещё нельзя.

— Ты-то откуда знаешь? — пряча улыбку, Дима плавно притормозил у Сашкиного дома.

— Знаю... — сменив тон на ворчливый, ответил тот, — Мне Ирка всё уже обрисовала, как и когда что будет... Вплоть до графиков.

— Ну, тогда навёрстывай заранее! — хлопнув Говорова по плечу, засмеялся Дима, — Удачи тебе!

* * *

Наташа спросонья схватила сигналящий телефон и испуганно посмотрела на входящий номер:

— Дима!.. Что случилось?!

— Наташка... Я здесь, возле твоего корпуса...

— С Валерой что-нибудь?! Не молчи, Дима!.. — встревоженно прошептала она.

— Наташка... Всё нормально...

— Дим!.. Ты что, пьяный?!

— Я не пил. Я по тебе соскучился...

— Точно, пьяный...

— Нет... Выйди ко мне на улицу!

— Как я выйду?! — громким шёпотом спросила она, — Ты с ума сошёл!

— Наташка... выйди... Или я сам сейчас к тебе на четвёртый этаж залезу...

— Да как я выйду? — она встала с кровати и, тихо ступая, подошла к окну, — В коридоре дежурная, внизу охранник... и все двери на ночь уже закрыты...

— Наташ... Ну выйди как-нибудь... — он стоял внизу, запрокинув голову, — Я больше не могу без тебя... ну, что ты молчишь?.. — после недолгой паузы спросил он, — Наташа...

— Ди-и-и-и-м... — она неожиданно всхлипнула, — Я к тебе хочу-у-у-у...

— Ну, так выходи...

— Не могу-у-у-у...

— Дима... — услышав, как сын открывает дверь, Анна Сергеевна вышла в прихожую, — Почему ты так поздно? И телефон не отвечает... Я уже начала волноваться.

— Зарядка закончилась, — Дима разулся и сразу прошёл в родительскую спальню, где в своей кроватке сладко спал Валерик.

— Осторожно, не разбуди, — громким шёпотом сказала Анна Сергеевна, — он сегодня какой-то беспокойный, весь вечер плакал, еле уснул.

— Хорошо... — в ответ прошептал Дима и, осторожно погладив сына по голове, вышел в гостиную.

— Не нужно тебе было сегодня его возить к Наташе, — в голосе Анны послышались нотки укоризны, — он ещё слишком маленький. Да и опасно — вдруг бы сумка упала с сиденья?

— Я осторожно ехал, — ответил Дима, — Зато Наташка его увидела.

— Она его и так увидит дня через два. Это несерьёзный поступок, сынок.

— Ну, ладно, больше не буду, — он улыбнулся, — буду совершать только серьёзные поступки.

— Да, кстати... Дима, мы с папой считаем, что вам с Наташей и ребёнком пока рано жить отдельно. Ты очень занят, а она после больницы и ещё не умеет с ним обращаться. Так что, будет лучше, если вы какое-то время поживёте у нас, — Анна немного помолчала, потом добавила, — мы уже так привыкли к Валерику...

* * *

Анна Сергеевна поставила в холодильник бутылочку с остатками молочной смеси и посмотрела на уснувшего на её руках внука. Сегодня выписывают Наташу, и Дима уехал за ней в больницу. Подумав об этом, Анна Сергеевна не могла удержаться вздоха: она так и не приняла в душе Димину избранницу, и только маленький Валерик мирил её с мыслью, что эта девушка вошла в их семью — вошла против её, Анны, воли...

Валерик... за две недели, которые Анна Сергеевна провела с новорождённым внуком, она привязалась к ребёнку настолько, что иногда ловила себя на мысли, что в глубине души не хочет, чтобы Наташа поскорее поправилась, ведь тогда они с Димой уедут к ней... но и это не было самым страшным... Самым страшным было то, что они заберут с собой

Валерика... Александр ничего ей не говорил, но она видела, что он чувствует то же самое, с той лишь разницей, что и Наташа была ему по душе.

Анна Сергеевна с умилением смотрела на внука. Несмотря на то, что ребёнок был ещё совсем маленьким, он был удивительно похож на Диму, а, значит, и на неё — ведь Дима был копией своей красивой матери... Конечно, с его рождением разрушились её некоторые планы относительно сына... Но что значат все планы по сравнению с этим крохотным мальчиком... даже если она и не любит его мать!

Щёлкнул замок, и из прихожей послышался радостный Димкин голос:

— Мам, мы приехали!..

Ещё раз вздохнув, Анна с ребёнком на руках показалась в дверном проёме.

— Здравствуйте! — радостно улыбаясь, Наташа кинулась им навстречу.

— Здравствуй, Наташа, — эти слова Диминой мать постаралась произнести как можно приветливее, — с выздоровлением!

Девушка потянулась к ребёнку, и, заметив это, Анна сделала упреждающий жест:

— Наташа, вы с улицы! Нужно сначала помыть руки.

— Сейчас! — оглядываясь на Валерика, та стремительно прошла в ванную, — Дим, ты тоже иди, руки помой! — крикнула оттуда и открыла кран.

Смыв с ладоней остатки мыльной пены, повернувшись, чтобы взять полотенце... За шумом воды она не слышала, как он вошёл следом. Димка стоял позади и смотрел на неё с таким волнением, что ей показалось, что она слышит учащённый стук его сердца... В считанные доли секунды оказавшись в его руках, она даже не успела ничего сказать — не справившись с собой, он так сильно сжал её в объятиях, что у Наташки перехватило дыхание, и она с трудом сделала вдох... Держа её, похудевшую после больницы, на весу, он буквально впился губами в её губы...

Внезапно в кармане зазвонил телефон, и Дима, нехотя поставив Наташку на пол, разжал руки.

— Да... Нет, сегодня я не появлюсь, я же предупреждал... А почему сегодня? — всё ещё тяжело дыша, с досадой ответил он на звонок, — Ну, хорошо... скоро приеду. Пусть пока распоются... Всё, до встречи.

— Тебе нужно ехать? — растерянно спросила Наташа.

— Да... — он с недоумением пожал плечами, — Прослушивание назначено на завтра, но пришли почему-то сегодня...

— А нельзя им сказать, чтобы завтра и пришли?

— Можно, но это не из нашего города... Им придётся лишний раз ехать.

— Ну, да... Тогда тебе нужно идти... — она грустно улыбнулась, — Только поскорей возвращайся, ладно?

— Ладно... — прошептал он и, прижавшись щекой к её голове, снова сомкнул руки у неё за спиной, — Наташка моя... как мне было плохо без тебя...

...Выскочив из ванной, она сразу кинулась в гостиную, куда Анна унесла ребёнка. Дима, который перед тем, как уйти, тоже заглянул в дверь, чтобы попрощаться с матерью, ещё несколько минут с улыбкой наблюдал, как Наташа воркует с малышом; потом, спохватившись, торопливо вышел из дома.

Когда, наконец, схлынули первые эмоции, а накормленный и уснувший Валерик благополучно перекочевал в свою кроватку, Наташа тихо вышла на кухню.

— Валерик уснул? — Анна, выключив чайник, присела у стола, — Покажи бутылочку.

— Вот... — Девушка протянула ей пустую бутылочку с соской из-под молочной смеси, которую она держала в руке, — Всё скушал.

— Очень хорошо... — женщина довольно кивнула, — Наташа, присядь, пожалуйста. Я хотела бы с тобой поговорить.

— Хорошо, — Наташа присела у стола, напротив Анны Сергеевны.

— Я не буду скрывать, что я не в восторге от вашего с Димой союза, — Анна потянулась за лежащей на обеденном столе пачкой «Vogue» и, достав сигарету, закурила, — и ты не прими это, как обиду. Я ничего не имею против тебя лично, просто я прочила Диме несколько иную судьбу. Поэтому у меня к тебе большая просьба, — помолчав какое-то время, Анна изящно стряхнула пепел, держа сигарету тонкими, ухоженными пальцами, — Я прошу не мешать ему делать музыкальную карьеру, как бы это ни было трудно.

— Что вы имеете в виду? — подала, наконец, голос Наташа.

— Я имею в виду возможные длительные поездки, бытовые проблемы и всё прочее. Дима — талант, каких мало, и это не только моё мнение, как матери, это мнение людей, непосредственно имеющих отношение к его творчеству.

— Я это знаю. Дима очень талантливый, и я согласна помогать ему во всём... — начала девушка, но Анна её перебила.

— В данной ситуации, Наташа, от тебя не требуется помощь. Главное, чтобы ты ему не мешала, — затушив остатки сигареты в пепельнице, она подняла свои красивые синие глаза, — ты меня понимаешь?

— Да, понимаю, — погрустнела Наташка, — хорошо, я не буду ему мешать.

— Ну, вот и ладно, ты умная девочка.

— Анна Сергеевна... — Наташа слегка замялась, но потом, собравшись, произнесла с благодарностью, — Спасибо вам за то, что вы были с Валериком всё это время.

— Не за что. Это мой внук, — назидательно сказала Анна и, поднявшись, вышла из кухни.

* * *

Был уже десятый час вечера, а Дима всё ещё находился в продюсерском центре. Две девушки, приехавшие на прослушивание из другого города, на его вопрос, почему они приехали именно сегодня, а не завтра, как было назначено, пожимая плечами, пояснили, что «им позвонила Кристина Леонидовна и изменила дату». Прослушав девчонок вместе со звукорежиссёром, Дима долго спорил с Кристиной по поводу вариантов работы с ними.

— Понимаешь, Кристина, девочки неплохие, но ничего выдающегося, — уже в который раз отстаивал свою позицию Дима, — таких и у нас полно. Поэтому я им просто предложил записать у нас диск, снять клип, если есть, кому заплатить, и всё.

— В том-то и дело, что за них есть, кому платить, — Кристина говорила категоричным, не терпящим возражения тоном, — и, поэтому, зачем упускать шанс заработать? Мы им и диск запишем, и клип снимем, и раскруткой займёмся, раз кто-то решил раскошелиться.

— Да не раскрутим мы их, — Дима раздражённо махнул рукой, — они только бабки ввалят, а результата будет ноль.

— А тебе-то какая разница? Они хотят в звёзды — ради Бога! В контракте будет указано, что мы для этого сделаем, но без гарантии. Они уже будут счастливы тем, что их по местному музканалу недельку покрутят, — пренебрежительным тоном заметила Кристина.

— Музканал их не возьмёт, — Дима устало покачал головой, — они там тоже не всех подряд берут.

— Ну, твою Наташу же крутят, вот уже который месяц, — с долей иронии заметила Кристина, — как-то же взяли.

— Ты не сравнивай. У Наташки голос уникальный. Кстати, её и крутят совершенно бесплатно.

— Серьёзно? — Кристина чуть насмешливо улыбнулась, — Странно... Кто же так подсуетился?

— Не я, к сожалению. Но мы сейчас не об этом, — Дима вернулся к разговору, — я считаю, что не нужно брать на себя такие проекты, заведомо проигрышные, только из-за денег.

— Дима, но это же бизнес.

— Я на своей точке зрения настаиваю! — Дима посмотрел на часы, — И, давай уже по домам?

— Ну, хорошо... я, пожалуй, с тобой соглашусь, — неожиданно примирительно сказала Кристина, — ты знаешь... Я совсем забыла, я ведь сегодня без машины. Ты меня подкинешь домой?

— Подкину... — пожав плечами, Дима поднялся со стула, — Поехали?

— Подожди меня немного, ладно? — девушка направилась к двери, — У меня там компьютер включен и кондиционер; пойду, выключу...

Оставшись один, Дима достал телефон. Он уже нашёл Наташин номер и приготовился нажать на «вызов», но, подумав, что может разбудить Валерика, снова убрал мобильник. Мыслями он был уже дома, у себя в комнате, где его ждали Наташа с сыном... Она целый месяц провела в больнице... Короткие встречи в вестибюле и на больничном дворе — вот и всё, что оставалось им в последнее время. Он так ждал того дня, когда она, наконец, будет дома...

И вот этот день настал, даже ночь, а он всё ещё был не с ней.

Кристина всё не возвращалась, и Дима, в очередной раз бросив взгляд на часы, решительно вышел из студии.

— Ну, что едем? — открыв дверь её кабинета, нетерпеливо спросил он, — Мне домой нужно...

— Сейчас, сейчас... — голос её был весёлым, она что-то разглядывала в компьютере, — Иди сюда, посмотри, что я нашла...

— Что там? — он взглянул на монитор, — Ну, и?..

— Тебе не нравится? — улыбаясь, она оглянулась, — Смотри, какие прикольные собачки... Нужно на рабочий стол установить.

— Кристина... — догадавшись, что она просто тянет время, он взял в руки мышку и закрыл компьютер, — Поехали. Я, правда, тороплюсь.

— Ну, какой-то ты сегодня слишком серьёзный, — всё ещё веселилась девушка, — ну, хорошо, хорошо... Ты же у нас молодой отец... Я и забыла.

Подъезжая к элитном дому, в котором теперь жила Кристина, Дима ещё раз посмотрел на часы: половина двенадцатого ночи. Наташа, наверное, уже спит... Нажав на тормоз, обернулся:

— Пожалуйста. Доставка на дом.

— Слушай, Морозов... — она вдруг расхохоталась, — Снова пикантная ситуация! Представь себе: сейчас из подъезда выходит твоя Наташа...

— Кристина... — Дима начинал терять терпение, — Я представил. И — что?

— Ну, всё-всё... — она примирительно подняла руки, — Всё... Я пошутила... да, кстати... — уже взявшись за ручку, она снова обернулась к нему, — Я хотела у тебя спросить, как тебе этот наш дуэт? Ульяна и Максим?

— Хорошие ребята, талантливые, — пожал плечами Дима, — вот ими стоит заниматься.

— Ты думаешь?.. — было похоже, что Кристина и не собирается выходить из машины, — А мне вот что-то девочка эта не очень... — она поморщилась, — Слишком провинция проявляется, даже сквозь грим. А вот мальчик... — она мечтательно улыбнулась, — Мальчик заслуживает внимания.

— Во всяком случае, не моего, — нетерпеливо ответил Дима, — Кристин, я действительно тороплюсь... ты извини...

— Ну, всё-всё... выхожу... Пока! — снова рассмеялась девушка и, неожиданно потянувшись, поцеловала его в щёку, — Ой!.. У тебя помада моя осталась... — быстрым движением провела ладонью по его щеке и, как бы случайно — по вороту рубашки, — Ой, Дим... прости... я такая сегодня неловкая!

...Войдя, наконец, в квартиру, он первым делом направился в ванную — тихо, на цыпочках, чтобы никому не было слышно, и, на всякий случай, внимательно посмотрел на себя в зеркало. Потом разделся и встал под душ.

...Наташа не спала, когда он открыл дверь своей комнаты.

— А где Валерка? — включив ночник, спросил Дима, — Ты его не забрала от родителей?

— Они не отдали, — улыбнулась Наташа, — Твоя мама сказала, что нам сегодня будет не до него...

— Ладно, завтра заберём... — выключив ночник, он подошёл к постели, — Ты что, не

спала?

— Нет... Я ждала тебя...

— Я пришёл... — скользнув к ней под тонкую простыню, прошептал Дима.

— Ты кушать хочешь?.. — мгновенно растаяв в его руках, успела спросить Наташа...

— Уже нет... — только и успел ответить он ей...

На следующий день, приехав в студию только к обеду, Дима первым делом набрал номер Говорова:

— Саня, выручай! Нужно Наташку с Валеркой свозить в ЗАГС. Нет, просто его не с кем оставить, у отца днюха, и они с матушкой уехали по магазинам. Да, нужно срочно подать документы на регистрацию ребёнка, через четыре дня ему уже месяц. А я проспал... вернее, мы проспали. Чего ты ржёшь?.. Я еле в студию успел, у меня сейчас запись начнётся.

Положив телефон, он включил компьютер, затем, пройдя в тон-зал, поправил микрофон. Вернулся в аппаратную, открыл программу...

— Здрасьте! — Симпатичный, голубоглазый парень лет девятнадцати, с льняными волосами, заглянул в дверь, — Я пришёл!

— Привет, Макс, — Дима протянул парню руку, — Ты что, один? А Ульяна где?

— А она завтра будет записываться. Мне Кристина сказала, чтобы я один сегодня пришёл, — пожал плечами Макс, — Говорит, ей нужно со мной отдельно поговорить.

— Понятно... — задумчиво произнёс Дима, — Ну, что, начнём?

Запись была практически окончена, когда у Димы зазвонил телефон.

— Да, Наташ... — он сделал Максу жест в стеклянное окно, — Всё нормально?

— Дима, всё нормально, но, оказывается, Валерика запишут на мою фамилию.

— Почему на твою? — удивлённо спросил Дима, — А на мою?

— Мы с тобой не расписаны. В этом случае, по закону ребёнку даётся фамилия матери, — расстроенным голосом ответила Наташа, — но ты потом можешь признать отцовство.

— Подожди, Наташ... — Дима выглядел растерянным, — Что за ерунда? Потом... признать... А сейчас что-то можно сделать?

— Не знаю... Если только пожениться раньше, чем Валеру зарегистрируем?

— Наташка... Стой там, я сейчас подъеду!

Торопливо отключив аппаратуру, он открыл дверь в тон-зал:

— Слушай, Макс... У меня срочное дело нарисовалось, и оно не терпит отлагательств. Ты один тут посиди, подожди Кристину, хорошо? А я уехал...

— Хорошо, — ответил Максим, — А что ей сказать, если она спросит? Куда ты уехал?

— Скажи, уехал жениться! — уже в дверях крикнул Дима, — Когда вернусь — не знаю...

— Девушка, мы в прошлом году у вас подавали заявление на регистрацию брака, — обращаясь к секретарю отдела записи актов гражданского состояния, Дима выглядел очень серьёзным, — Так вот... Мы пришли....

— И что? — Молодая миловидная женщина подняла на него серые, с поволокой, глаза, — Прошлый год закончился, придётся подавать новое заявление, если вы всё-таки надумали.

— Девушка... А как бы нам так сделать, чтобы без очереди?

— Без очереди регистрируем только в особых случаях, — заученно сказала она, — У вас особый случай?

— Очень особый... — Дима кивнул на Валерика, которого Наташа держала на руках, — Настолько особый, что нам бы в ближайшие дни расписаться...

— Заполняйте бланк заявления... — женщина улыбнулась краешком губ, — Сейчас посмотрю, что можно сделать. Знаете что... — перелистнув страницу регистрационного журнала, она подняла глаза, — Если хотите, то сегодня есть «окно». Регистрация через два часа, вас устроит?

— Устроит! — они кивнули одновременно. Как бы выражая своё одобрение, Валерик во сне смешно зашевелил пустышкой.

— Ну, тогда ждём вас сегодня, двадцать пятого июля, в шестнадцать ноль-ноль.

— Саня, вези сюда Ирку! — крикнул Дима ещё с крыльца ЗАГСа ожидающему их в машине Говорову, — Только в темпе!

— Зачем? — вытаращился тот.

— Нам свидетели нужны!..

— Зачем?! — ещё больше вытаращился Сашка.

— Мы сейчас жениться будем, через два часа!

— Зачем?.. — скорее уже по привычке, в третий раз спросил Говоров.

— Так... вроде бы, уже пора... — поднимая с земли выпавшую изо рта Валерика пустышку, улыбнулся Дима.

— Понял... — на какое-то мгновение Сашкино лицо стало каменным, но, тут же справившись с собой, он кивнул, — Щас... она как раз сегодня выходная.

— Дима, а кольца? — проводив взглядом отъезжающего Говорова, Наташа положила Валерика в переносную сумку, — Или обойдёмся пока без колец?

— Точно!.. Кольца... — Дима пошарил по карманам, — Так... карта с собой, идём...

— Куда?!

— Здесь рядом свадебный салон. Только... — взяв сумку за ручки, он посмотрел на спящего под тонкой вуалью малыша, — Как быть с Валеркой? Он же скоро захочет есть.

— А я как знала, взяла с собой бутылочку со смесью, — улыбнулась Наташа, — и запасные подгузники.

...Продавцы свадебного салона с интересом наблюдали за молодой парой, выбирающей кольца. Поставив сумку с младенцем на сдвинутые стулья, они буквально за несколько минут, особо не заморачиваясь, выбрали себе по обручальному кольцу. Когда Наташа отошла к Валерику, Дима, подозвав к себе девушку-консультанта, показал на витрину, в которой были выставлены золотые серги:

— Девушка, какие бы вы себе выбрали серёжки, — тихо спросил он.

— Вы знаете, это дело вкуса. Вы лучше сами у неё спросите, — кивнув в сторону Наташи, осторожно посоветовала девушка.

— Да она скромничать будет, — засмеялся Дима и, пробежавшись глазами по витрине, показал на небольшие, аккуратные золотые серьги с крохотными бриллиантовыми вкраплениями, — тогда... тогда вот эти.

— Очень хороший выбор, — заметила девушка, — больше ничего не нужно? Может, что-то из аксессуаров на платье... Брошечку... Платье уже купили?

— Платье?.. — задумчиво переспросил Дима, — Платья у нас пока нет...

— Вы можете пройти в отдел и выбрать его у нас, — девушка очаровательно улыбнулась, — а, так же, фату и костюм.

— Пожалуй, пройдем... — расплатившись за серьги и кольца, Дима подошёл к Наташе, — Наташка, пошли...

— Куда? — удивлённо спросила она.

— Платье покупать. Только в темпе...

— Вот, посмотрите, последнее поступление... — продавщица отдела свадебного платья сделала широкий жест, — На любой, самый изысканный вкус: белое, голубое, розовое...

— Нам голубое... — увидев, как Наташа застыла перед шикарным голубым, пышным, на кольцах, ажурным платьем, сказал Дима, — Вот это...

— Дим, ну, как?.. — выйдя из примерочной, она вопросительно посмотрела на него, — Может, всё-таки, обойдёмся?.. Дорого же...

— Наташка... — увидев её в этом наряде, Дима застыл на месте: кружевное, с открытыми плечами, голубое платье, изящно подчёркивало тонкую талию, пышно спадая вниз широкими оборками... — Ты такая красивая...

— Туфельки не нужны? — задала очередной вопрос девушка-консультант, — Есть под это платье — тоже голубые, и, кстати, совершенно недорогие...

— Нужны! — не сводя с Наташки влюблённых глаз, кивнул Дима, — Несите туфельки...

— Нижнее бельё, чулочки... — не унималась девушка, — Вы говорите, что нужно, мы всё принесём.

— Не нужно! — Наташа махнула рукой, — Дим, у тебя денег не хватит, а ещё тебе костюм покупать.

— Девочки, несите чулочки, мы всё возьмём, — пряча улыбку, он в очередной раз кивнул работницам салона, — только быстрее...

— Причёску будете делать? Есть специальные свадебные заколочки, флёрдоранжик...

— Вот на причёску у нас уже времени нет... — Дима испуганно посмотрел на часы, — Наташ, остался час!

— Дим!.. А тебе костюм?! Если ты без костюма, тогда и мне платье не нужно!

— Сейчас... — Дима махнул рукой и скрылся в соседнем отделе.

Проводив его взглядом, Наташа подошла к сумке, в которой, проснувшись, закричал Валерик, и взяла его на руки.

— Мальчик мой хороший... Валерочка... — ласково ворковала она над ним, — Потерпи немножечко... Мы с папой сейчас быстренько поженимся, и поедem домой!

— Обалдеть!.. — Юлия, неизвестно откуда выросшая в дверях салона, развела руками, — Это не просто материал для сюжета... Про вас с Димой и вправду пора комиксы выпускать!

— А я что говорил? — входя за ней следом, Мазур, по обыкновению, гоготнул, — Говорил, ещё чего-нибудь отмочат! Кстати, а где Димон?

— Здесь я... — Дима, в белых брюках и белой рубашке, с пакетом, в котором была уложена его «холостяцкая» одежда, вышел вслед за продавщицей из мужского отдела, — А вы откуда?

— А нам Саня позвонил, говорит, идите скорей, а то свадьбу пропустите. Возле ЗАГСА вас не было, Юлька сразу догадалась, что в салон пошли.

— Наташа, тебе нужно что-то с волосами сделать! — Юля придирчиво посмотрела на Наташкину причёску, — Хотя бы переплестись...

— Дима, держи... — сунув ему в руки Валерика, Наташа забежала в примерочную и распустила косу, — Дайте расчёску!..

— Девочки, расчёску!.. — Юлия умоляюще посмотрела на продавщиц, — Я за это вас сфотографирую и выложу фото на нашем портале, с подписью — «Ими гордится страна»! Вот спасибо... — взяв протянутую ей массажную расчёску, командовала Наташке, — Так, давай, поворачивайся, расчёсывать тебя буду...

— Юль, да не так... — нетерпеливо сказал Дима, наблюдая, как Юля пытается заплести Наташкины волосы, — Она не так заплетается... Дай, я сам... Наташ, держи Валерку...

...Поглядеть на картинку, как жених заплетает косу невесте, держащей на руках грудного младенца, сбежались не только работники свадебного салона, но и его посетители...

— Можно небольшой штрих?.. — мужчина лет тридцати пяти, стильно одетый, с модной, «взлохмаченной» причёской, обратился к Диме, — Я парикмахер, стилист... хочу немного помочь. У вас есть шпильки?

— Девочки, шпильки! — крикнула Юля продавцам, — быстрее, у нас время...

— Вот... так... и вот так... — мужчина несколькими ловкими движениями уложил Наташины заплетённые волосы на затылке, заколов шпильками, чуть распустил, вытащил несколько свободных прядей... — Лак есть?

— Есть!.. — кто-то протянул бутылочку с лаком...

Снова передав Валерика Диме, Наташка зажмурила глаза.

— Ну, вот... — отойдя на некоторое расстояние, мастер любовался на свой парикмахерский экспромт, — Если честно... То такую красивую невесту, да ещё с младенцем, вижу впервые... Просто Мадонна! Но небольшой макияж всё-таки не помещает!

— Обалдеть... — сказала Юля в унисон с Витькой, когда одетая, причёсанная, с лёгким натуральным макияжем, Наташа повернулась к ним лицом, — Скажи кому, что всё сделано за каких-нибудь полчаса, ведь не поверят!..

— Ну, что, побежали?.. — расплатившись с помощью всё той же карты, Дима обвёл взглядом всю компанию, — Да, кстати, а где Сашка?..

— Где надо... — загадочно ответил Мазур, — Увидишь...

...В этот день они удивили не только работников свадебного салона. Проходя мимо двора ЗАГСА, многие доставали мобильники, чтобы сфотографировать, как новоиспечённый жених в белом костюме, сидя на скамейке, кормит из бутылочки грудного малыша, а очаровательная, белокурая невеста в голубом свадебном наряде стоит неподалёку, с разведёнными руками, а две девушки поправляют кружева на её платье...

— Вы с ума сошли! — Анна Сергеевна торопливо шла от автомобильной стоянки, — Это сколько уже ребёнок находится на улице?!

— Анна Сергеевна, вы не беспокойтесь, мы его и переодели, и накормили, и он сегодня очень спокойный, только спит... — оправдывающимся тоном ответила Наташа, — И не так уж мы и долго... Около трёх часов гуляем.

— Да уж, хорошо гуляете! — возмущённо заметила Анна, — Почему вы нам сразу не сказали, что будете сегодня расписываться? Я бы никуда не поехала, осталась с Валерой.

— Мам, мы сами не знали, — Дима заулыбался, — Всё спонтанно произошло... А Валерка — он молодец, всё время спал... Он же не с кем-то, с родителями всё-таки.

— В общем, давайте нам ребёнка, а сами женитесь... и, вообще, делайте, что хотите... — махнув рукой, сердито произнесла Анна, — Какие из вас родители?!

— Ладно, Аня, не ворчи... Смотри, какой они мне подарок приготовили на день рождения! — Александр, широко улыбаясь, кивнул на Диму с Наташей, — И внука, и свадьбу...

— Свадьбу... — недовольным тоном сказала Анна Сергеевна, — Разве свадьба такая бывает?.. Это же память на всю жизнь! Хоть бы столик в ресторане заказали, с друзьями посидели... а мы бы уж с Валериком...

— А ресторан заказан... — заговорщическим тоном сказал Витька, — только это пока секрет...

— Ну, где вы там?! — громко крикнула Юлия, выглянув из массивных дверей, — Вас уже ждут!.. Время!..

— Бежим!.. — взяв Наташку за руку, Дима вместе с ней стремительно поднялся по мраморным ступенькам на невысокое крыльцо. Сашка, вновь появившийся, как чёрт из табакерки, и Ира, в лентах свидетелей, кинулись следом...

... «Согласны ли вы»... «Объявляю вас мужем и женой» ... «Обменяйтесь кольцами»... «Скрепите ваш союз первым супружеским поцелуем»...

Ещё утром она даже не предполагала, чем закончится сегодняшний день. Сначала, два месяца назад — неожиданность встречи... потом — больница.

Они так и не поговорили о свадьбе.

Но судьба сама отдала то, что было предназначено...

То, о чём Наташа так мечтала прошлым летом, и о чём перестала мечтать прошлой осенью, случилось. Она будет носить Димину фамилию, а Валерик — и фамилию, и отчество... Странно, но она совершенно не испытывала волнения, возможно, это было результатом спонтанности происходящего. После долгих месяцев, прожитых один на один со своей бедой, она, наконец, почувствовала заботу и любовь, а наступившее материнство принесло ощущение полного счастья и уверенности, что это счастье дано свыше, и никакие силы не смогут у неё это счастье отнять.

— Так, молодожёны, возьмите на руки сына... — Юля, снимавшая всю церемонию, весело рассмеялась, — Лучше, если его возьмёт невеста. Такого «свадебного букета» ещё ни у кого не было!

— Точно! Наташка пусть возьмёт Валерку, а Димон — Наташку! — скомандовал Витька, когда вся свадебная процессия вышла из торжественного зала, — Дядь Саш, а вы тётъ Аню можете тоже на руки взять...

— Ну, шутники... — Анна Сергеевна, оставшаяся на церемонию вместе с Александром Ивановичем, улыбнулась, — Нет уж! Пусть молодых на руках носят. Ну, идите, я вас поздравлю... — обращаясь уже к Диме с Наташей, она всё-таки не удержалась и, целуя их, расплакалась, — Будьте счастливы...

— А что у нас машинки даже не наряжены?! — Витька обвёл всех возмущённым взглядом, — Давайте, хоть банок консервных нацепляем!

— Витя, время! — Юля показала ему пальцами на запястье, — Цигель, ай-лю-лю! Давайте, общее фото на фоне ЗАГСа, и поедем!

— Куда вы собрались? — поставив новоиспечённую жену на землю, Дима вопросительно уставился на друзей, — Сашка опять куда-то делся, теперь вы ещё уезжаете... Нужно же как-то отметить! Поедем к нам домой.

— Дима... — Юля хитро посмотрела на него, — Мы едем все... Анна Сергеевна сказала, что сегодня они будут с Валериком, а вас отпускают на весь вечер.

— Да, Дима... — Анна посмотрела на сына, — Я понимаю, что это событие, поэтому вы езжайте, отпразднуйте с ребятами... А вечером вернётесь, и мы посидим в семейном кругу, заодно и папин день рождения отметим.

— Спасибо, мам, — он с благодарностью поцеловал мать, — только как-то неловко... Может, лучше к нам?

— Дима, вы будете шуметь, а у нас Валерик. Так что, езжайте, только не до утра.

* * *

Уже по дороге Наташа догадалась, куда направляется их скромный свадебный кортеж.

— Натали!.. — Петрович, с распростёртыми объятиями, быстрым шагом направлялся к ней через зал «Дворянского гнезда», — Ты просто чудо!..

— Дима, это и есть тот самый знаменитый Петрович, — радостно представила Наташа певца, — Петрович, а это Дима — мой муж... — она не совсем уверенно произнесла это слово, так непривычно было называть им Диму, — Уже почти час, как муж...

— Очень приятно, — тряся Димкину руку, Петрович повернулся к Наташе, — а я помню... В прошлом году пытался мой хлеб здесь отобрать!

Она не ожидала, но поздравления сыпались, как из волшебной корзинки... Официантки, повара, даже оказавшийся в этот момент на рабочем месте Руслан — все подходили, чтобы поздравить их с Димой. Настоящим сюрпризом стал накрытый на всю их небольшую компанию стол.

— Дим... Ты сегодня столько денег потратил... Ты, наверное, на что-то их откладывал да? — взяв его за руку, тихо спросила Наташа.

— Наташка... — обняв её за плечи, он весело улыбнулся, — Всё нормально. Это наши с тобой свадебные деньги, те самые... Когда ты их отдала, я положил всё на карту. Я не мог их потратить, как будто знал... Но это ещё не всё... — он достал из кармана маленькую коробочку, — Это тебе, за Валеру.

— Что это?! — подняв на него огромные от изумления глаза, шёпотом спросила Наташа, — Дим... Что там?!

— Открой...

— Это что... бриллианты, да, Дим?.. — открыв заветную коробочку, она застыла, — Настоящие?!

— Настоящие, правда, очень маленькие, — извиняющимся тоном ответил Дима, — но надеюсь, что, когда ты родишь мне дочку, я смогу купить тебе подороже.

— Дочку?.. — ему показалось, что она произнесла это слово с ноткой печали, — Спасибо тебе... Не нужно дороже. Я о таких даже не мечтала...

— Это тебе спасибо за сына...

— Так... я что-то пропустила? — Юлия навела камеру, — Подарок жениха невесте! Почему меня не позвали?! Это нужно запечатлеть! Так... коробочку закрыва-ем... назад забира-ем... руки протя-ги-ва-ем... Далее — по сценарию!

— Ну, что, давайте все за стол! — Ира махнула рукой, — Дима, Наташа, Юлия... Никита!.. — имя Белова, стремительно входящего в зал ресторана, она произнесла радостно-удивлённо, — Наконец-то, а то ребята переживали, придёшь ты или нет...

— Поздравляю... — пожав руку Диме, Никита протянул Наташке букет белых роз, — Поздно узнал, поэтому с опозданием.

— Да мы сами не знали, что так получится, — рассмеялся Дима, — Спасибо, что приехал!

Поздравив молодожёнов, Белов присоединился к остальным «патрулям», которые, негромко пошептавшись с Женькой, с лукавым выражением лица появившимся в последний момент, дружно поднялись на эстраду.

— Дорогие друзья, гости нашего ресторана... — вставший за клавиши Женька мурчал в микрофон, — Сегодня в нашем зале празднуется замечательное событие: бракосочетание двух молодых, красивых, любящих друг друга людей... Это Дима и Наташа Морозовы! Поздравим их и пожелаем им счастья на долгие годы! А мы вместе с группой «Ночной патруль» дарим им эту песню... — как будто вспомнив о чём-то, Женька добавил, — Дима, не суди строго, я постараюсь спеть в твоей манере эту, ставшую легендарной, песню...

Уже с первого аккорда Дима догадался, что будут петь его друзья. «Я заплетал твои косы»... Песня, которую он написал для Наташки... Песня, которую он пел для неё, и которую она пела потом сама... Песня, которую он услышал т о г д а на «Музыкальной дорожке»... Он услышал не просто песню. Наташа выполнила своё шутливое обещание:

«Ты услышишь мой голос!»

...Он его слышал...

...На этот раз удивились посетители ресторана: очаровательная невеста в голубом кружевном платье уверенно поднялась на эстраду и, сказав что-то Журавлёву, взяла микрофон...

«Рассветный воздух чист и свеж,
Упала ночь в кусты сирени,
Шумя, по улицам весенним
Уехал свадебный кортеж...»

— пел Женька...

«Там всё играет и играет музыкант
Один в пустом, огромном зале...»

— пела дуэтом с ним Наташа. Не сводя с неё глаз, Дима думал о том, что вот так она пела в этом зале всю прошлую зиму... Когда прозвучал последний аккорд, он встал из-за стола, подошёл к сцене и снял Наташку на пол.

— Горько! — на весь ресторан, в микрофон, сказал Журавлёв, — Горь-ко!

— Ра-а-аз!.. Два-а-а!.. Три-и-и!.. Четы-ы-ыре-е-е!.. — с подачи Мазура, начали счёт «патрули», — Двадцать оди-и-ин!.. Двадцать два-а-а-а!.. Двадцать три-и-и-и!.. — неслось уже со всех сторон обеденного зала...

— Сколько приходилось снимать, но тако-о-о-го... — удивлённо подняв брови, сказала Юля, когда в зале утих хохот, вызванный Наташкиной прощальной речью, которую она

начала словами:

— Вообще-то, я шла регистрировать сына!

* * *

— Наташа, а твой папа знает, что ты вышла замуж? — Анна Сергеевна строго посмотрела на невестку. Вернувшись из ресторана, Дима с Наташей присоединились к Морозовым-старшим, отмечающим на семейной кухне день рождения Александра Ивановича.

— Уже знает, — улыбнулась Наташа, — я ещё днём ему позвонила.

— Ну, и правильно, — назидательно добавила Анна, — Завтра с утра мы с ним созвонимся. Да, кстати, Валерика сегодня не забирайте. Пусть ещё одну ночь с нами переночует.

— Ага... — Дима, хитро улыбаясь, возник на пороге, — Не будем...

— Как ты его так тихо перетащил, мы на кухне ничего не слышали... — Склонившись над кроваткой, которую Дима всё-таки перебазировал в их комнату, Наташа счастливо улыбалась, — Сейчас они войдут к себе и обнаружат...

— Но мы ведь теперь законные родители... — он обнял её и слегка притронулся губами к губам. Как будто почувствовав что-то, Валерик пошевелил ручками и тихонько закричал.

— Дим... Он просыпается... Давай сначала его покормим, — выскользнув из Димкиных рук, Наташа вынула из подогревателя приготовленную заранее бутылочку с молочной смесью, — а заодно переоденем.

— Давай... — он взял из её рук бутылочку и капнул несколько капель себе в рот, — Так, подожди, попробую... Слушай... — он хитро скосил глаза на Наташу, — Валерка её есть не будет!

— Почему?!

— Потому что... горько!

...Проснувшийся Валерик ещё с минуту следил глазами за своими целующимися родителями, смешно шевеля пустышкой, пока не понял, что одним криком сегодня не обойтись...

— Слушай, Димыч, это начинает входить в привычку — день города и твоя днюха, — пробираясь сквозь огромную толпу к центральному входу Дворца молодёжи, на широком крыльце которого горела разноцветными огнями специально сколоченная для сегодняшнего мероприятия сцена, Витька Мазур обернулся к идущему следом за ним Диме, — ты нарочно десятого августа родился, или это в честь тебя день города назначили?

— Конечно, в честь меня, — засмеялся тот и, посмотрев по сторонам, громко позвал, — Наташа!.. Наташа!..

— Дима, я здесь!.. — вынырнув откуда-то сбоку, девушка схватилась за его руку, — Там ребята с моего факультета, я с ними только поздоровалась.

— Ты лучше от меня не отходи, сейчас ближе к сцене девчонки налетят, как обычно, я тебя из виду потеряю, — он крепко сжал её ладошку, — видишь, сколько народу, а ещё не начало!

— Дима, я не потеряюсь, — улыбнулась Наташа, — Главное, чтобы тебя девчонки не утащили...

— Да нужен он теперь девчонкам, — Витька изобразил глубокое сомнение, — алиментщик... То ли дело я, бездетный, холостой...

— Я вот Юльке скажу, будет тебе и «бездетный», и «холостой», — шутливо пригрозил Дима и, подняв свободную руку, помахал окружившим их юным тинейджеркам, которые, стоя возле ступеней, ведущих на возвышение, дружно зашумели в знак приветствия.

Пройдя в дальний угол сцены, частично скрытый от зрителей рядом огромных колонок, молодые люди присоединились к остальным, ожидавшим их музыкантам.

— Ну, что, коленки не дрожат? — Дима улыбнулся хрупкой синеглазой девушке с длинными каштановыми волосами, робко стоящей рядом со светловолосым парнем, — Смотрите, сколько народу будет присутствовать при вашем дебюте.

— Дрожат... — призналась Ульяна и, обращаясь к своему спутнику, взяла его за руку, — Макс, а у тебя?

— Да нет, вообще-то, — пожал тот плечами, — Не дрожат.

— Всё будет нормально, — Дима хлопнул парня по плечу, — вот увидите.

— Будете потом всем рассказывать, как на разогреве у «Ночного патруля» работали, — Сашка Говоров откупорил банку с пивом, сделал несколько глотков, — когда по всем центральным каналам замелькаете.

— Ой, какие там каналы... — девушка смущённо махнула рукой, — Хоть бы сегодня хорошо выступить!

— Ну, на ютубе точно замелькаете, — Наташа, стоявшая рядом с Димой, ободряюще кивнула, — а это покруче всех центральных каналов.

— Точно, на ютубе — там миллионы просмотров, — Сашка ещё раз отхлебнул из банки, — вон, Натаху спросите, как она год назад прославилась.

— Это я-то прославилась? — Наташа весело рассмеялась, — Это я под окнами благим матом орала? Или кое-кто другой?

— Ну, орала-то не ты... А вот подарком кто был? — Говоров вытаращился на неё, —

Пушкин Александр Сергеевич?

— Ой, а я что-то слышала про какой-то подарок... — Ульяна заинтересованно посмотрела на Наташу, — Это как было?

— Да это они с Мазуриком меня год назад Диме прямо на сцене подарили... — Наташа, смеясь, кивнула на Сашку, — На день рождения.

— Зато, сразу какая популярность, — он пожал плечами, — плюс ещё ролик.

— Да, ролик... — Наташа подняла на Диму любящий взгляд, — За ролик спасибо...

— Всё, начинают! — увидев, как к микрофону подходит директор Дворца молодёжи, Никита обернулся на весёлую компанию, — Готовьтесь...

Наблюдая за тем, как выступают Ульяна и Макс, Наташа ловила себя на мысли, что сама ужасно волнуется. Ей сегодня тоже предстояло небольшое выступление на этой же площадке, и она с огромным трудом боролась с предательским ознобом. Зная, что Кристина будет категорически против её выступления в составе «Ночного патруля», Димка пошёл на хитрость: он договорился с художественным руководителем Дворца молодёжи, и Наташино выступление, представленное этим «очагом культуры», шло отдельным блоком под минусовку в двадцатиминутном перерыве. Две недели — небольшой срок, но ей хватило этих четырнадцати дней, чтобы заняться вокалом и вспомнить четыре песни из старого репертуара, а, так же, разучить новую. «Колыбельная», которую Дима написал, когда она была в больнице, нежная и удивительно красивая, пришлась ей по душе настолько, что она буквально со второго раза исполняла её без ошибок. Репетировать приходилось дома, в их с Димой комнате, в не долгие часы, когда он был свободен от работы в студии, и теперь она очень переживала, как будет звучать её голос со сцены, усиленный аппаратурой. Единственная полноценная репетиция на сцене Дворца молодёжи — вот и всё, что удалось сделать Диме... О занятиях в его студии продюсерского центра и речи быть не могло: Кристина бы этого не допустила.

Думая об этом, Наташа не забывала аплодировать молодому дуэту, чьё выступление уже подходило к концу — звучали строки последней песни...

— Молодцы, ребята! — Дима на ходу хлопнул Макса по плечу, слегка пожал руку Ульяне, — С удачным дебютом! — с этими словами он, в сопровождении остальных «патрулей» под крики и аплодисменты толпы вышел на сцену.

— Здорово выступили, просто здорово! — Наташа поздравила парня и девушку, — Поздравляю!

— Спасибо! — покрасневшая Ульяна радостно поблагодарила её, — Я так боялась, у меня прямо ноги подкашивались.

— Спасибо, — довольно сдержанно ответил Макс и, внимательно посмотрев на Наташу, спросил с некоторой долей высокомерия, — а ты тоже выступаешь? Я тебя в продюсерском центре что-то не видел.

— Макс, ты что, это же Наташа, — засмеялась Ульяна, — она не из нашего центра, но её все теперь знают.

— Да ладно, — улыбнулась в ответ Наташа, — вы меня вполне можете не знать, а вот я о вас всё знаю... Мне Дима рассказывает обо всех проектах.

— Понятно... — парень отошёл в самый угол и, достав телефон, набрал номер, —

Кристина?.. Это я, Макс... Ну, мы выступили... Да, всё отлично... Я думал, что ты тоже здесь будешь... — эти слова он не прокричал, а сказал чуть тише, несмотря на грохот музыки, — Ты видела?.. А где ты сейчас? К нам не придёшь?.. Мы ещё заключительную песню будем петь.

Наташа во все глаза смотрела на сцену, где Дима пел вместе с ребятами, но, несмотря на это, обернувшись, она заметила, как изменилась в лице Ульяна, услышав разговор Макса с Кристиной по телефону. Наташе показалось, что в глазах девушки блеснули слёзы...

* * *

— Наташка, ты микрофон с правой стойки лучше не бери, — стремительно уходя со сцены на перерыв, сказал Дима на ходу, — он глухой, видимо, батарея садится. Возьми мой, что у синтеза...

— Хорошо... — испуганно прошептала в ответ Наташа, — Что-то я так боюсь...

— Всё будет нормально, — он улыбнулся ей и, приобняв, поцеловал в губы, — Иди, не бойся...

...Спев первую песню, она немного растерялась... Зрители вели себя не просто сдержанно... Молчание толпы не прибавило уверенности, и Наташа довольно робко спела вторую песню.

...Уже к концу первого куплета «Колыбельной» она вдруг заметила, что на площади установилась странная тишина. Её нежный, проникновенный голос разливался по вечерним близлежащим улицам, и казалось, что даже шум городского транспорта растворяется в волшебных звуках...

...Ещё не стихли овации «Колыбельной», а толпа уже бурно встречала новые аккорды. «Ты заплетал мои косы»... Они, наконец-то, увидели, кто исполняет по радио такую любимую всему городу песню. Стройная, красивая девушка с длинными, белокурыми волосами, в тёмно-фиолетовом концертном платье, с удивительно красивым голосом, освещённая разноцветными лучами прожекторов, стояла на летней сцене Дворца Молодёжи, приковывая к себе взгляды восхищённой толпы...

— Дима, как ты это объяснишь?! — кивнув на поющую Наташу, гневно начала Кристина, поднявшись на сцену, — Почему Смольникова участвует в вашем концерте?

— Ну, во-первых, она уже не Смольникова, — пожал плечами Дима, — а, во-вторых, к нашему концерту Наташка отношения не имеет. Это блок, предоставленный Дворцом молодёжи специально, чтобы заполнить наш перерыв.

— Да-а-аа.... Называется — выкрутился! — Кристина возмущённо ухмыльнулась уголком губ, — Ты нравишься мне всё больше и больше, Морозов. Кстати... — она покрутила головой, — А где Макс?

— Я здесь, — молодой человек тронул сзади её за локоть, — Я тут в углу стою... скромненько так...

— Ну, судя по аплодисментам, ты зря скромничаешь, — игриво ответила Кристина, — Я была на стоянке и слышала овации.

— А я со страху их даже не слышала... — Ульяна попыталась вклиниться в разговор, но Кристина лишь скользнула по ней равнодушным взглядом.

— Для дебюта просто высший класс выступили, — с улыбкой сказала она, снова обращаясь к Макс, — очень хорошее начало. Кстати, Мазур, а где у нас сегодня Семченко?

— У вас — не знаю, — хмуро ответил Витька, — А у нас — вот-вот подойдёт. Если ты помнишь, она снимает «Ночной патруль» лишь из собственных побуждений и личных симпатий.

— А ты, что, со СМИ не договорилась? — Дима удивлённо посмотрел на Кристину, — Что-то никого не видать...

— А ты, что, не договаривался? — в свою очередь удивилась Кристина, — Я тоже не вижу ни одного папарацци...

— Ну, здравствуйте... Со СМИ у нас теперь работаешь ты.

— Я понадеялась на тебя, Морозов, — недовольно поджав губы, Кристина повернулась к Макс, — Вот так и работаем!

— Наташка, ты умница! — выбегая на сцену, на ходу улыбнулся Дима. Наташе ужасно хотелось броситься ему от радости на шею, но, сдерживая себя, она лишь улыбнулась в ответ и мимоходом сжала его руку.

— Здравствуй, Наташа, — насмешливо сказала Кристина, когда девушка нехотя присоединилась к их небольшой компании, — отлично выглядишь.

— Привет... Спасибо, — настороженно посмотрела на неё Наташа, — ты тоже выглядишь... отлично...

— С кем же ваш малыш? Он не слишком маленький, чтобы оставлять его?

— Он с Димиными родителями, — пожалала плечами Наташа, — Что поделаешь, если он в артистической семье родился...

— У тебя есть ребёнок? — Ульяна удивлённо посмотрела на девушку.

— Есть, — Наташа улыбнулась, — ему полтора месяца, но мы с Димой решили, что я не буду отказываться от выступлений, тем более, что Валеру есть, с кем оставлять.

— Подожди... Если ты и Дима... то на ком же тогда он убежал жениться три недели назад?.. — недоумённо спросил Макс, — Ой... я, наверное, что-то не то сказал... — испугавшись, что выдал какую-то тайну, он растерянно замолчал.

— На мне, — рассмеялась Наташа, — всё правильно. Сначала родился Валерик, а потом мы поженились.

— Ну, да... — с сарказмом вставила Кристина, — Кто-то женится по любви, кто-то по расчёту... а кто-то — по залёту.

Ничего не ответив, Наташа весело пожалала плечами. Она была на седьмом небе... Они с Димой — на одной сцене, пусть их выступления в этот раз проходят не вместе, но он — рядом с ней. Дома они так мало видятся... У него очень много работы в студии, вечером — репетиции, выступления... Они с ребятами часто уезжают на гастроли... Она — дома, с Валериком... Всё, что им остаётся — час-полтора до сна, когда он вечером возвращается домой. Поэтому, каждая минутка, проведённая с ним вместе, поистине была бесценна для неё.

— Ну, всё, сейчас ребята допоят, и выходим исполнять Гимн города, — Наташа

посмотрела на Ульяну и Макса, — слова знаете?

— Ну... так... — не совсем уверенно ответил парень, — А ты, что, знаешь?

— Конечно, знаю, — улыбнувшись, кивнула Наташа, — мы с Димой дома его репетировали.

— Наташа, ты на себя не много полномочий берёшь? — насмешливо произнесла Кристина, — Тут кроме тебя есть, кому командовать, тем более, что авторы гимна — я и Морозов.

— Я это помню, — обернувшись к ней, ответила Наташа, — и, как раз, буду сейчас объявлять...

— Ты — объявлять?! — Кристина хотела что-то ещё добавить, но в этот момент стих последний аккорд, и Наташа уверенно вышла на сцену.

— Дорогие друзья... мы, коллектив артистов, а это — группа «Ночной патруль», дуэт «Ульяна и Макс» и я, Наташа Морозова, ещё раз поздравляем всех с днём нашего города! И в честь этого замечательного праздника мы исполним Гимн, который написали молодые, талантливые авторы: композитор Дмитрий Морозов и поэт-песенник Кристина Лапина. Мы очень надеемся, что этот гимн останется в ваших сердцах и будет звучать на каждом торжестве! — окончив речь, Наташа отошла в глубь сцены. Кристина, которая тоже вышла, когда Наташка объявила их с Димой авторство, кокетливо улыбаясь, помахала рукой толпе зрителей.

— А чего это они с Кристиной так странно разговаривают? — воспользовавшись минутной паузой, Ульяна кивнула Максу на Наташу, — Как будто в ссоре...

— Не знаю, — слегка надменно ответил парень, — по-моему, просто эта Наташа ревнует своего Диму к Кристе.

— Как ты её назвал? — девушка внимательно посмотрела на него, — Криста?..

— Ну-у-у... — смутившись, он замялся, — Кристине.

— А что, есть повод ревновать? — Ульяна торопилась получить ответ, пока «патрули» не дали первые аккорды.

— К кому, к Кристине?! — Макс насмешливо посмотрел на девушку, — Больно Кристине надо...

— А мне кажется, что... это не Наташа их ревнует...

— А кто? — Макс сделал удивлённые глаза, — Что ты хочешь... — договорить он не успел, в этот момент грянула торжественная музыка, и Дима запел первые строки. Вскоре вступила Наташа, и их красивое дуэто поплыло через площадь, проспект, эхом отражаясь от стен близлежащих домов, долетая до соседних улиц и переулков и тихим шёпотом оседая в густых кронах деревьев старого парка... Припев пели уже все — и ребята из «Ночного патруля», и Ульяна, и Макс, и Наташа, и даже Кристина. Под конец, им подпевала вся огромная площадь, и яркий, на полнеба, салют завершил и эту песню, и концерт, и поистине праздничный вечер.

— Слушайте, ну вот несправедливо же... — Юля, вооружённая, как обычно, профессиональной видеокамерой, заскочила на сцену, — Я когда-нибудь с вами в кадр попаду или нет?!

— Юлька! — Наташа кинулась к ней на шею, — Как я рада тебя видеть!

— Наташа, я тоже тебя безумно рада видеть, — обнимая её в ответ, Юля старательно оставалась серьёзной, — но я хочу тебе сделать одно замечание.

— Какое? — испуганно переспросила Наташа, — Я что-то не так сделала?

— Да. Нельзя быть такой вызывающе красивой. Кроме тебя и другие особи женского полу имеются... — сказав это строгим тоном, Юлия не выдержала и рассмеялась, — Да шучу я, шучу... Наташ, ты и вправду так похорошела за эти три недели, что я тебя не видела, что мне стыдно рядом стоять.

— Да ладно тебе... — смущённо ответила та, — Глупости не говори...

— Правда-правда, — уже на ухо шепнула ей Семченко, — вон, как Дима на тебя смотрит, как кот на сметану... — на этих словах девушки дружно рассмеялись, и Наташка, оглянувшись на Димку, озорно блеснула карими глазами.

— У него ведь день рождения сегодня, а я даже ещё не успела поздравить, жена называется, — всё ещё смеясь, Наташа дёрнула Юлю за рукав.

— Успеешь... поздравить... — многозначительно улыбнулась та в ответ, — А вот мы сейчас будем поздравлять.

— А вот и нет... — Наташа заговорщически посмотрела на подругу, — Не сегодня, а завтра...

— Ребята, все идите сюда! — Дима махнул рукой артистам, всё ещё остающимся на сцене, — Завтра, прямо к обеду, ждём всех у нас на даче... — он ещё раз обвёл присутствующих взглядом, — Всех! Макс, Ульяна, и вас тоже ждём, вы договоритесь с Сашей — он за вами заедет... Кристина, — он посмотрел на девушку, — ну, ты знаешь, где дача, а можешь и ты их захватить. А сегодня мы — домой... — он обнял Наташу за плечи, — У нас там Валерка.

— Ну, что, заезжать за тобой? Или с Говоровым поедешь? — обращаясь к Максиму, который, оставив Ульяну в кругу музыкантов, курил у края сцены, Кристина насмешливо посмотрела на Морозовых, — Или не поедешь вообще?

— А я — как ты... — многозначительно ответил ей парень, улыбаясь уголками губ.

— Ну, а почему бы и нет... — так же многозначительно сказала Кристина, глядя ему в глаза, — Почему бы и нет?..

Следующий день выдался сухим и жарким. Полуденное солнце, замерев на какое-то время, медленно отклонилось от точки зенита, растопырив свои невидимые, но довольно осязаемые лучи, и знойный августовский воздух застыл в абсолютном безветрии, наполненный запахом сохнущей на корню травы и дыма, идущего от разгорающихся в мангале угольков.

Сидя под крышей просторной веранды на даче Диминых родителей, Наташа еле успевала нанизывать куски сочного розового мяса на шампуры, которые ей сзади с двух сторон, наперебой, беззвучно смеясь, подавали Дима и Сашка.

— Наташ, тресни ты им обоим по лбу, — Ира, с уже довольно округлившимся животиком, подняла голову от коляски, в которой спал Валерик, — пусть сами всё делают. Сами говорили, что шашлык женских рук не любит.

— Да ладно, пусть поиздеваются, я им потом отомщу, — рассмеялась Наташа, — особенно вот этому, — она кивнула головой на Диму.

— А чего потом? Я и сейчас согласен... — Дима многозначительно кивнул головой на дом, — Пошли?..

— Доходились уже... Отцы-герои... — Ира кивнула на коляску, потом, внимательно посмотрев на ребёнка, повернулась к Наташе, — Кажется, Валерик просыпается.

— Всё, дальше — сами... — отдавая Диме назад шампур, Наташа хитро улыбнулась, — У меня ребёнок проснулся.

— У меня тоже ребёнок проснулся, — молниеносным движением, как эстафетную палочку, вложив металлический стержень в руки Говорову, тот опередил жену возле самой коляски, — Давай, я его покормлю, а ты дальше мясо нанизывай.

— У кого из нас декретный отпуск?! — смеясь, она ловко вынула малыша, — У кого декрет, тот и кормит, у кого нет декрета, тот шашлык нанизывает.

— А никто не в декрете, так что отдавай Валерку...

— Ирка... иди мясо нанизывать... — Сашка обречённо подвинул к себе тазик с заготовленным шашлыком, — У нас с тобой пока никто не проснулся.

— Надо же... Кто бы подумал?.. — проводив взглядом скрывшихся в доме Диму с Наташей, девушка присела рядом, взяла в руки шампур.

— Чего — подумал? — Сашка насадил на остриё розовый кусок, — Кто — подумал?

— Я про Диму... За ним полгорода девчонок на край света бы пошли... Гуляй налево-направо... А он, оказывается, вот такой... — Ира вздохнула, — Кто бы подумал?..

— Какой — такой? — нахмурившись, Говоров сосредоточенно продвигал по шампуру луковое колечко.

— Ну, такой... Семейный, что ли... Я ещё в прошлом году, когда их впервые на вашем концерте увидела, удивилась, что он с одной Наташки глаз не сводит... Впрочем, и она тоже. Как же так у них вышло, что они тогда расстались? — Ира говорила задумчиво, с ноткой печали, и Сашка нахмурился ещё больше.

— Ну, вот так и вышло... В жизни всё так и выходит, по-глупому, — он тоже вздохнул, — а Дима... Дима всегда такой и был. У него батя такой же, он характером на

батю похож. Матушка-то у него жёсткая... А они с батей вот такие...

— А у него что, раньше девчонок не было? — с любопытством в голосе спросила Ира, — До Кристины, я имею в виду...

— Почему? Была... — Сашка пожал плечами, — Была у него девочка, ещё со школы, Марина... Первая любовь, и всё такое... Вот тут, на этой даче всё и случилось.

— Случилось?! — Ира подняла на него глаза, — Что?

— Короче... У Димона родаки были в отъезде, и мы все к нему сюда, на дачу, завалились. Маринка с нами была, ну, и ещё там девчонки... А Кристину привёз её отец, они с Морозовыми давно знакомы, и, вроде как, они друзья, и всё такое... Ну, и... Накушались мы спиртного тогда не по-детски.

— И что?.. — Ира, затаив дыхание, слушала продолжение истории.

— И проснулся Дима в постели с Кристинкой... — тоном сказочника проговорил Сашка.

— Да ты что?! А Марина?! — почти шёпотом спросила девушка, — Она-то как допустила?

— А Марина... Марина тогда тоже с нами накушалась... — Сашка хмыкнул, — Ушла спать раньше всех, вот и недоглядела. Утром пошла Диму искать, забрела в мансарду, а там...

— А дальше что?.. — Ира застыла с шампуром в руке, — Расскажи, Саш...

— Ну, чё-чё... Маринка ушла пешком, Дима кинулся догонять, но бесполезно...

— Слушай... А, может, у них с Кристиной тогда ничего и не было, раз накушались?

— Может, и не было... Это только Кристина знает. А Димон не помнит ничего.

— А потом?.. Потом — как?

— А потом... — Сашка неторопливо нанизал последний кусок мяса, — Потом как-то очень быстро Дима с Кристиной стали встречаться. Думаю, он просто по инерции, из чувства долга... а вот она... Она давно на него тогда уже глаз положила, вот и добилась своего.

— А потом что?.. Саш, ну, расскажи, пока никого нету...

— А что потом... Суп с котом. Они два года кантовались, Дима вроде как и влюбился... Или ему так показалось. Кристинин папан нам стал площадки подгонять, мы в его клубах много выступали. Всем хвастался, что песни его доча с Димоном пишут... Хотя, были тексты намного лучше, да Дима и сам ничё сочиняет... Но тут он слабохарактерность проявил.

— А вы — что? — Ира возмущённо посмотрела на Сашу, — Вы что, ничего ему не говорили?

— А мы что? Мы без Димона вообще бы в заднице сидели. Никита что-то там пытался... Но бесполезно. Дима и сейчас на Лапины басни повёлся, с раскруткой. Не, ну, нам-то хорошо... А вот ему — засада.

— А почему?

— Ну, Лапа думал, что у них с Кристиной всё опять налаживается, после того, как Дима от Наташки ушёл.

— Слушай, Саш... — несмотря на то, что рядом никого не было, Ира говорила вполголоса, — А почему тогда Кристина Диму бросила, если давно была в него влюблена?

— Не знаю... — нахмутив брови, Сашка старательно шевелил угольки в мангале, — Я так думаю, ей захотелось чего-то большего, скучно стало. Дима — он же весь в творчестве, а

Кристине это творчество, если честно, больше для понтов нужно. Ну, а тут подвернулся восточный красавец... глаза горят, — Сашка собранными в колечки пальцами изобразил «горящие глаза», — чёрные кудри, смуглый... По-русски говорит. Ну, и повелась... Дима узнал, да она и не сильно пряталась. Ну, и...

— А потом?.. — Ира с нескрываемым интересом не сводила с него больших глаз.

— А потом... Потом он месяца три попереживал и... с Наташкой... — последние слова Сашка произнёс как бы нехотя, выдавливая их из себя, — Ну, тут он уже конкретно втюхался. Жить к ней переехал очень быстро, хотя с Кристиной они два года встречались, но жили врозь.

— А Кристина — что?

— А Кристина... У Кристины что-то с тем не сложилось... И, я так думаю, она потом сильно пожалела, что Диму бросила. Да и папан её тоже странно себя повёл... Зачем-то Дима ему тоже нужен.

— Да, конечно, нужен, — пожала плечами Ира, — ещё бы, такого мужа для дочки не захотеть... И на руках бы носил, и за ребёнком бы ухаживал. И талантливый, и красивый из себя, и без вредных привычек, творчеством занимается день и ночь.

— Ну, может, и так. Только теперь Дима у Лапы в лапах... — Сашка усмехнулся, — И не вырваться ему из них в ближайшие годы, если только наследство не получит и не рассчитается за раз.

— Что, так сильно в лапах? — Ира недоверчиво покосилась на Говорова, — Он же зарабатывает много денег.

— Ну, как много... На жизнь хватает, но не более. Он же Лапе всё и отдаёт.

— Да... Ну, зато у него теперь семья, любовь...

— Ну, да, любовь... — Сашка снова нахмурился, — Он сильно Наташку любит. Он так ни Маринку, ни Кристинку не любил.

— А ты?.. — Ира пристально посмотрела ему в глаза.

— Что — я?.. — ей показалось, что он испугался её вопроса.

— Ты... меня любишь?..

— Конечно, люблю... — с облегчением ответил он ей, — Очень люблю, Ирка...

Они ещё целовались, сидя на веранде, когда за воротами просигналила машина.

— Кто-то из наших приехал, — Сашка нехотя разжал руки, — где там этот влюблённый отец?

— Пошли, сами откроем, — Ира засмеялась, — по-моему, они там уже не только Валерика кормят...

* * *

Запевший модную мелодию будильник на мобильном телефоне возвестил о начале нового дня, и Ульяна нехотя оторвала голову от подушки. Откинув лёгкое одеяло, девушка села на постели и снова закрыла глаза. Бессонная ночь не прошла даром — просыпаться совершенно не хотелось, но предстоящий пикник, на который их с Максом пригласил Дима Морозов по случаю своего дня рождения, был назначен на обед, и время уже поджимало.

Чтобы окончательно прийти в себя, девушка приняла прохладный душ и выпила чашку горячего кофе.

Вернувшись поздно вечером домой, она долго не могла уснуть... Радость от удачного дебюта на концерте в честь дня города омрачалась странным поведением Макса, её партнёра по вокальному проекту «Ульяна и Макс», созданного в новом продюсерском центре. Вспоминая об этом, Уля окинула взглядом комнату, в которой жила, и вздохнула...

Однокомнатная квартира, которую они снимали втроём с её одногруппницами по университету, окнами выходила на широкую аллею, и Ульяна иногда любила смотреть, как по ней гуляют люди: пенсионеры, молодые мамы с колясками, влюблённые пары... В последнее время она часто вспоминала, как и они с Максом вот так же гуляли по этой аллее, когда только приехали учиться...

Макс... Они дружили ещё со школьных лет, когда познакомились на смотре-конкурсе юношеских талантов. Два года дружбы переросли в первую любовь... Поступать в университет культуры поехали тоже вместе. Первый год учёбы на отделении вокала был для неё самым счастливым... Они занимались в одной аудитории, после занятий вместе шли на репетицию, вместе выступали на университетских вечерах — их дуэт полюбился многим... Обладая поистине серебряным голосом, Ульяна даже не задумывалась о сольной карьере — на сцене она видела себя только рядом с Максом, которого любила всё больше и больше... Казалось, что всё у них складывается как нельзя лучше. Симпатичный голубоглазый парень с волнистыми волосами цвета льна и утончёнными чертами лица и хрупкая, тоненькая синеглазая девушка с копной каштановых длинных волос, юные и трогательные, казалось, были созданы друг для друга.

Казалось... До тех пор, пока они не решили прийти на кастинг в новый продюсерский центр, о котором узнали из рекламы.

Их заметили сразу... После прослушивания к ним подошёл высокий, красивый парень — Дима Морозов, и сказал, что они понравились и ему, и Кристине — владелице продюсерского центра, и что их берут в проект на конкурсной основе. Они будут петь песни, написанные Димой и Кристиной, их раскруткой серьёзно займутся в ближайшее время, они будут сниматься в клипах и ездить на гастроли... Уля и верила, и не верила такой удаче. Но, самое главное — это то, что Макс будет рядом, ведь они так любят друг друга! Правда, он несколько амбициозен... Но, ведь настоящий артист и должен быть таким! Жаль, что ей самой не хватает этой самой амбициозности... Но, рядом с Максом она всему научится! Ведь он любит!

Любит... Думая так, со временем она всё неувереннее произносила про себя это слово.

...Она не могла вспомнить того момента, когда Макс, вдруг, изменился... Он уже не так разговаривал с ней при встречах, а на репетициях мог довольно грубо сделать ей замечание. Но, самым страшным для неё было то, что он всё больше и больше времени проводил без неё... Теперь даже на звукозапись он приезжал один, мотивируя это тем, что ему так удобнее: он не дёргается, что его кто-то ждёт. Слушая его, Уля грустно улыбалась... Она была готова ждать его сколько угодно и где угодно. Записывая на следующий день свою партию, она теперь только от Димы узнавала, как вчера проходила запись у Макса... Вне репетиций встречались они теперь всё реже, и в эти недолгие часы их встреч она всё чаще и чаще слышала имя Кристины из его уст: «Мы с Кристиной... Кристина сказала... Спрошу у

Кристины...»

— Макс... Но ведь она старше тебя лет на шесть! — не выдержав, однажды сказала ему Ульяна.

— Что ты имеешь в виду? — довольно холодно ответил он ей, — У нас просто деловые отношения, а её расположение ко мне полезно и для тебя.

Вспоминая это, девушка печально обвела взглядом комнату... Сейчас она жила здесь одна — подружки разъехались на лето по домам. Она с Максом остались в городе из-за участия в проекте. В глубине души Ульяна надеялась, что хотя бы эти пару месяцев они будут жить вместе, но ночь, которую Макс провёл вместе с ней здесь, в этой квартире, так и осталась единственной...

Телефонный звонок отвлёк её от невесёлых воспоминаний.

— Ну, ты где? — нетерпеливым тоном спросил Макс, — Ты едешь или не едешь? Мы с Кристиной тебя уже минут десять ждём во дворе.

— Да-да, Максик, сейчас... — девушка растерянно посмотрела на часы — одиннадцать часов, а они договаривались на половину двенадцатого, — Сейчас, я уже бегу...

Торопливо переодевшись, она выскочила на лестничную площадку. Автомобиль Кристины стоял недалеко от подъезда, и уже через несколько секунд Ульяна взялась за ручку двери.

— Ты что там, уснула? — недовольно спросил Макс, — Если не хотела ехать, нужно было так и сказать.

— Нет, что ты... — извиняющимся тоном ответила девушка, — Просто мы договаривались на половину двенадцатого... Вы раньше приехали.

— Ну, что я говорила?.. — игриво спросила Кристина Макса, — На полдвенадцатого! Проиграл, проиграл...

— Вот чёрт... — парень хлопнул себя по лбу, — Ну, точно же... Ты, как всегда, права!

— А я всегда тебе говорила, что меня нужно слушаться... — вкрадчиво, с улыбкой, ответила ему Кристина, — Вот ещё полчаса могли с тобой посидеть в кафе.

Сидя на заднем сиденье, Уля слушала их разговор, и слёзы невольно наворачивались на глаза. Они разговаривали так, будто её и не было рядом, даже не таясь, как бы нарочно выставляя напоказ свои отношения... Как будто почувствовав что-то, Макс на мгновение обернулся. Отвернувшись к окну, Ульяна изо всех сил сдерживала себя, чтобы не расплакаться окончательно, и парень, видимо, вспомнив о чём-то, молча откинулся на подголовник и закрыл глаза.

* * *

День уже подходил к концу, и после выпитого, съеденного и спетого, слегка притихшая

и частично трезвая компания расположилась на лужайке перед домом. Без конца поглядывая на стоящую неподалёку, в тени навеса, коляску, Наташа, лукаво улыбаясь, заплетала косички на длинных Димкиных волосах. Положив голову ей на колени, он спал на траве, в отличие от Сашки с Витькой, которые, по обыкновению, о чём-то спорили. Уставшую за день Иру Наташка уложила отдыхать в доме, а Юля, взяв в руки гитару, брошенную Витькой, пыталась извлечь мало-мальски похожие на музыку звуки. Не выдержав мучений инструмента, Никита с трудом расположил её пальцы на грифе.

— Вот, смотри, как нужно... Во-о-от... А теперь вот этот — сюда, а этот — сюда... Ну, и правой-то по струнам хоть проведи... — улыбался парень, — Тебя что, Викун ещё не научил? Хотя бы на басухе научил, там всего-то четыре струны.

— Чего научил?.. Кого научил?.. — Мазур, услышав своё имя, поднял брови, — Э-э-э... Студент... Ты мою девушку не трожь!

— Да никто твою девушку не трогает! — шутливо отрезала Юля, — Мне Никита мастер-класс игры на гитаре показывает.

— Смотрите мне... — сдвинув брови, пригрозил Витька, — А то я кое-кому мастер-класс по боксу покажу...

— Ой!.. — Юля насмешливо посмотрела на него, — Я уже боюсь!

— То-то же... — примирительно сказал Витька и, не выдержав, заржал.

— Да, Анна Сергеевна... — сделав остальным жест, чтобы не шумели, Наташа взяла сигнализировавший телефон, — У нас всё хорошо... Валерик сейчас спит... Нет, он не плакал сегодня, ему очень нравится на даче, — девушка улыбнулась, — Дима?.. Дима тоже спит... Нет-нет, он не пьяный, — говоря это, Наташа показала спящему Димке кулак, — он просто спит... Правда, у нас всё хорошо, не беспокойтесь.

Поговорив со свекровью, Наташа слегка потормошила Диму за плечо, но он не проснулся.

— Говорила тебе — не смешивай коньяк и водку, поросёночком станешь, — ласково глядя на него, пошутила она, — проснёшься — будет плохо.

— Да ладно, день рождения всё-таки, — положив руки под голову, Никита улёгся на зелёный ковёр лужайки, — Димон и так трезвенник, так что ему простительно.

— Уля, — Наташа окликнула девушку, в одиночестве прогуливающуюся по двору, — посмотри, пожалуйста, там Валерик не проснулся? А то у меня тут ещё один младенец... — Она с любовью посмотрела на спящего Диму, — Хотя разорвись...

— Кажется, спит, — негромко сказала девушка, заглянув под вуаль, накрывающую коляску, — глазки закрыты.

— А где твой Макс? — кивнув, спросила Наташа.

— Не знаю... — девушка растерянно пожала плечами, — Он давно уже куда-то исчез.

— Наверное, за домом, — предположила Наташа, — там есть небольшой пруд, может, он там?

— Может... — Уля снова пожала плечами, — И Кристины давно нет...

— Точно, на пруд любуются, — Наташа успокаивающе махнула рукой, — или по вашему проекту что-то обсуждают. Дима говорил, что появились новые идеи, вот они их и

обсуждают, скорее всего.

— Думаешь? — с надеждой спросила девушка.

— А что ещё может быть? — Наташа удивлённо посмотрела на неё, — Конечно!

— Тогда я схожу, посмотрю ваш пруд, можно?

— Ну, конечно, можно! Я бы с тобой пошла, но у меня — дети, — Наташа засмеялась и кивнула сначала на коляску, потом на Диму, — а ты с Никитой сходи или с Юлей.

— Вот, точно! — Юля поднялась с травы, — Пруд-то ваш я ещё не видела!.. Уля, Ник, пошли! — взяв Ульяну под руку, девушка решительно направилась за дом.

— Не, ну, Димон реально хорошо устроился, — Сашка оглянулся по сторонам, — а где моя Ирка? Я так же хочу, как Дима...

— Она в доме, спит, — ответила Наташа, — ей сейчас тяжело целый день на улице проводить. Пусть отдохнёт...

— Да вон она, — Витька кивнул на входную дверь, — Уже выпалась.

— Ирка, иди сюда! — увидев, как девушка выходит из дома, крикнул Сашка, — Я, как Димыч, хочу!

Махнув на него рукой, Ирина прямым ходом направилась к Наташе и, наклонившись, что-то прошептала ей на ухо.

— Ты что? Серьёзно? — Наташа удивлённо приподняла брови, — Может, тебе приснилось?

— Да нет... — Ира говорила негромко, чтобы не услышали остальные, — Я, когда засыпала, слышала, как кто-то прошёл наверх. Подумала, что это ты или Дима. А сейчас проснулась от того, что кто-то спускался вниз и довольно громко топал — видимо, там, наверху, хорошо «добавил». Это они же и были...

— А из дома никто не выходил... — Наташа посмотрела на вход, — Тебе точно не приснилось?..

— Не приснилось. Все эти три часа, что я спала внизу, Макс и Кристина провели наверху... — Ира многозначительно посмотрела на Наташу, — И, видимо, провели их неплохо, судя по репликам Макса, но я их повторять не буду.

— А где они сейчас? — Наташа перешла на шёпот, — Их Ульяна ищет...

— Они в кухне... Целуются. Даже не заметили, как я мимо прошла, — Ира усмехнулась, — Макс пьяный совсем.

— Боже, какая идиллия, — выйдя из дома, Кристина насмешливо посмотрела на Димку с Наташей, — а где остальные?

— А где Макс? — не ответив на её вопрос, спросила Наташа, — Он мне нужен.

— Тебе? — брови у Кристины поползли вверх, — Зачем? А, впрочем... Он — в доме.

Аккуратно положив Димкину голову на землю, Наташа спешно встала и направилась к дому. Макс, совершенно пьяный, сидел на диване в комнате на первом этаже.

— На-таш-ка... — пытаюсь заигрывать, произнёс он по слогам, — Ты тоже ко мне? Все сегодня ко мне...

— К тебе, к тебе, — ответила Наташа, — Давай-ка, ложись спать.

— Я один не сплю... — заплетающимся языком еле проговорил парень, — Мне девочку, пожалуйста...

— Сейчас Уля придёт, — Наташа попыталась уложить его на подушку, — а ты спи, давай.

— Улька?.. — он скривился, — Ну, ладно... чёрт с ней... Пусть будет Улька. А что ты меня руками трогаешь? Тоже со мной хочешь?.. — попытавшись схватить Наташу за руку, промямлил Макс, — Все меня сегодня хотят...

— Угу... — уложив его, наконец, в горизонтальное положение, она выпрямилась, — Все тебя хотят, особенно я.

Выйдя из дома, Наташа замедлила шаг: Кристина, приподняв над коляской прозрачную вуаль, внимательно разглядывала Валерика.

— И вправду, на Морозова похож... — она подняла взгляд на Наташу, — Особенно глаза, синие-пресиние...

— Ой, проснулся, значит, — быстро подойдя к коляске, Наташа взяла ребёнка на руки и, целуя его личико, заулыбалась, — Мальчик мой хороший... Валерочка... Сейчас кушать пойдём...

— Так, стоп кадр! — Юля в сопровождении Никиты и Ульяны вынырнула из-за угла дома, — Дайте посмотреть на вашего наследника престола, а то я его только спящим и видела... Ой, какие мы хорошенькие... какие мы на папочку похожие... — сюсюкала Юля, снимая Валерика на фотокамеру.

— Наташа, — отозвав её в сторону, негромко спросила Ульяна, — а Макса так и не было? За домом мы его не нашли.

— Уля, с ним всё в порядке, — Наташа постаралась весело улыбнуться, — он, оказывается, в доме спит. Можешь пойти посмотреть.

— Правда? — обрадованно переспросила девушка, но, тут же снова растерянно посмотрев на Наташу, прошептала, — А Кристина... где она была, не знаешь?

— Не знаю, она откуда-то с улицы пришла, — успокоила её Наташа, — наверное, гулять ходила, она же не очень любит нашу компанию.

— Да? — с облегчением вздохнула Ульяна, — Ну, и хорошо, что не любит.

— Я тоже так думаю... — заговорщицки прошептала в ответ Наташа и бросила взгляд на проснувшегося, наконец, Диму, — Хорошо, что не любит.

— Ну, что, прочёл? — войдя в аппаратную, Кристина кивнула на монитор с развёрнутым вордовским текстовым файлом, который Дима внимательно читал, слегка передвигая мышкой бегунок, — Что скажешь?

— Ну, что скажу... — свернув окно, он повернулся к девушке, — нужен шоу-балет, это — раз... Декорации, это — два... — он на секунду замолчал, — Вообще-то, здорово, но я ещё сегодня повнимательнее прочту, может, что-то добавлю. Это — три.

— Ну, хорошо... Одна голова — хорошо, а две — лучше, — облокотившись о стол, Кристина подпёрла лицо ладонью, — а шоу-балет нам и так нужен, я, кстати, уже дала объявление о наборе.

— Тогда всё в порядке, — он слегка улыбнулся, — думаю, клубы твоего отца очень выиграют от таких шоу-программ. Но не только... Я знаю, кому ещё это всё можно будет предложить... Вернее, знаю, что с этим вообще делать.

— Ну, тогда делись... — она игриво посмотрела ему в глаза, — Что с этим делать?

— Как что? Гастрольное шоу и делать, — Дима пожал плечами, — сейчас конец августа, до декабря три месяца. Если мы в течение двух недель наберём труппу, то два с половиной месяца на подготовку нам хватит. Весь декабрь — наш... — с этими словами он встал из-за стола, — Несколько гастрольных поездок между выступлениями в клубах не помешают. Новогоднее шоу — это вообще беспроблемный вариант, и не только в декабре. Половину января ещё захватим, так что...

— С труппой как поступим? — Кристина села на его стул, снова развернула окно на мониторе, — Вокалистов наберём из проекта «Звёзды зажигаются»?

— Ну, конечно, — Дима удивлённо посмотрел на девушку, — А для чего весь этот проект тогда нужен? Вот мы их и покажем. По-моему, это даже не обсуждается.

— Ну, да... Кристина задумчиво посмотрела в окно, — Ульяну и Макса будем включать?

— А почему бы и не включить, это ведь всё лишний пиар. Репертуар у них готов, и подтанцовка в том числе. Кстати, я тебе говорил, что сегодня был разговор с артдиректором Дворца молодёжи?

— Нет... — Кристина заинтересованно посмотрела на Диму, — А о чём разговор?

— Об Ульяне и Максе. В начале октября — первый сольник у них, во Дворце. Билеты начнут продавать уже через неделю, афишу заказали.

— Ты молодец, Морозов, — Кристина кокетливо улыбнулась, — а как с гастролями?

— Пусть пока с нами поедут, на разогреве поработают.

— Ну, пусть... Тогда и я с вами поезжу, как руководитель их проекта.

— Ну, поезди...

— Надеюсь, в этот раз ты свою Наташу не вклинишь в программу? — заметив усмешку, с которой Дима произнёс последнюю фразу, Кристина сменила игривый тон на недовольный.

— Кристина... — Дима присел напротив и пристально посмотрел в её серые, колючие глаза, — Давай сейчас раз и навсегда решим одну проблему. Хорошо?

— Ну, попробуй... — едва улыбаясь уголком губ, она отвела взгляд, — Реши...

— Наташа — моя жена. И поэтому я буду делать всё, что посчитаю нужным — всё, что

касается её и меня, не спрашивая ни у кого разрешения. — Дима говорил это твёрдым, не терпящим возражений тоном, — Единственное, что я могу тебе пообещать, это то, что всё, что я буду делать ради неё, никаким образом не отразится на моей работе здесь, хотя бы потому, что она сама вряд ли захочет после всего, что было, иметь к этому месту какое-либо отношение.

— Скажите, пожалуйста... — Кристина усмехнулась, — Она ещё может и не захотеть?

— И ещё... — подавшись вперёд, Дима сцепил пальцы рук, — Я не буду терпеть ни одного обидного слова в её адрес. Поэтому прошу всех, кому она или я не по душе, лучше не трогать эту тему.

— Дима... — пряча усмешку, она снова посмотрела ему в глаза, — А вот интересно... А что ты сделаешь, если кто-то всё-таки скажет эти самые обидные слова?

— Я просто уйду. И мне плевать на контракты и последствия, — с этими словами он поднялся и, засунув руки в карманы брюк, строго посмотрел на свою собеседницу. Дима чеканил слова так твёрдо, что не оставалось сомнений — он не шутит и выполнит своё обещание. Кристина поймала себя на мысли, что таким она его ещё ни разу не видела.

— Ладно, ладно, Морозов, успокойся, — примирительно, с едва уловимой ноткой иронии ответила она ему, — я пошутила. Да, насчёт сценария... Если ты считаешь, что он стоящий, то нужно его зарегистрировать на предмет авторского права.

— Ну, в чём проблема, регистрируй... — он пожал плечами, — А сценарий, в общем и целом, нормальный. Мне понравился.

* * *

Осторожно, чтобы не шуметь, Дима защёлкнул за собой замок и сразу прошёл через всю большую родительскую квартиру в свою комнату — дверь в неё была распахнута, но ни Наташи, ни Валерика там не было. Догадавшись, где они могут быть, протопал в ванную... Слегка наклонившись над детской ванночкой, стоявшей на специальной подставке, Наташа, купала малыша.

— Почему ты меня не подождала? — он обхватил её сзади руками и прижался щекой к голове, — Вместе бы искупали.

— Ты и так устаёшь, — запрокинув голову, она ласково посмотрела на него, — сейчас, мы уже заканчиваем...

— А родители где? — он взял в ладонь крошечную детскую ручку, — Спят, что ли?

— Нет, они уехали в гости, — вынув Валерика из воды, Наташа положила его на одну руку, другой накинула на него пушистое, мягкое полотенце и ловким движением обернула прямо на весу. Уснувший при купании, ребёнок даже не пошевелился.

— У тебя так ловко всё получается, — Дима восхищённо посмотрел на неё и протянул руки, — давай, я его унесу.

Мягкий свет ночника едва рассеивал полутьму комнаты, и Наташа чуть приоткрыла дверь, выходящую в небольшой, освещённый коридор.

— Я — всё... — Димка, обернутый полотенцем, с мокрыми после душа волосами,

возник на пороге.

— Я тоже — всё... — Наташа распрямилась у детской кровати, — Накормила и уложила. Пойдём, теперь тебя кормить буду.

— А, давай, ты меня сначала уложишь... — приблизившись вплотную, он обнял её, потом внезапно подхватил на руки и шагнул к постели.

— А ужинать? — обвив руками его шею, прошептала Наташа.

— Потом... я соскучился...

— Завтра воскресенье... — чуть позже, подперев ладошками лицо, Наташа сидела напротив него за обеденным столом просторной кухни, — У тебя выходной?

— Вообще-то, да, но придётся с утра съездить в студию, — с сожалением ответил Дима, — нам с Сашкой нужно партию барабанов вживую записать для минусовки. Но это недолго.

— У тебя столько работы... И я ничем не могу помочь, — она виновато опустила взгляд.

— Ты мне и так помогаешь, — Дима ненадолго замолчал, потом взял в руку её ладошку, — знаешь, когда я думаю, что дома ты и Валерка... ждёте меня... У меня всё в душе переворачивается. Всё остальное кажется таким неважным.

— Мы тебя очень ждём, Дим... — Наташа грустно вздохнула, — Жаль, что мы так мало видимся, но я всё понимаю...

— Наташ, это временно. Просто сейчас самый пик: у нас и конкурсный отбор, и запись минусовок, и диск Ульяны и Макса, и выступления... короче, всё в кучу, как всегда. Прикинь, я сегодня не мог вспомнить, какое число! — Дима засмеялся, — И даже забыл спросить...

— Сегодня — двадцать восьмое, — улыбнулась Наташа, — а завтра — двадцать девятое... Валерику два месяца.

— Точно! — Дима хлопнул себя по лбу, — У Валерки же дняха!..

— Ну, да, дняха... Я поэтому и спросила про выходной, думала, мы с тобой и с ним погуляем где-нибудь...

— Погуляем, конечно, — кивнул Дима, — я из студии приеду, и погуляем... Потом с родителями посидим, отметим. Кстати... — он слегка замялся, — Я знаю, что ты не скажешь, но, всё же... Как тебе с ними? Я понимаю, что мама очень строгая, и может что-нибудь сказать такое...

— Дима... — перебила его Наташа, — У нас всё хорошо, правда. Ты даже не думай ни о чём. Я так благодарна твоей маме... Она нам очень помогает, несмотря на то, что сейчас работает. А то, что строгая... Ну, что поделаешь... Зато Александр Иванович очень добрый, — она засмеялась, — мы не ссоримся. Меня никто не обижает.

— Понимаешь, я думаю, нам пока лучше жить здесь, с ними. Это центр, мне до студии близко добираться, и погулять есть где, и ты, всё-таки, не одна.

— Я всё понимаю, Дим... — она грустно улыбнулась, — Не переживай.

— Да, кстати, о помощи... — как будто вспомнив о чём-то, сказал он, — Мне, как раз, нужна твоя помощь. Я тебе сейчас покажу сценарий, а ты скажешь, как профессионал, чего в нём не хватает.

— Ну, уж и профессионал, — засмеялась Наташа, — режиссёр-недоучка.

— Доучишься!

Устроившись повыше на подушках, Наташа открыла ноутбук и вставила в разъём принесённую Димой флэшку со сценарием новогоднего шоу. Когда текст был прочитан дважды, захотела что-то сказать, но, повернув голову, только улыбнулась: уткнувшись ей в плечо, Дима крепко спал. Осторожно, чтобы его не разбудить, встала и, устроившись за компьютерным столом, ещё раз перечитала весь сценарий, попутно набивая поправки к тексту...

— Наташка, ты умница! — утром, перечитав дополненный Наташиными замечаниями текст, Дима радостно посмотрел на неё, — Всё так просто, но я вчера даже не додумался!

— Да там ничего особенного, всё по законам жанра, — засмеялась она, — и лишь в пределах тех знаний, которые я успела получить за два года.

— А, ведь, нам нужен сейчас режиссёр-постановщик... — задумчиво сказал Дима, — У меня, кроме этого шоу, ещё есть идеи.

— Дим... — она подняла на него глаза, — А кто писал сценарий?

— Ну, вообще-то... Кристина писала... — нехотя, как бы извиняясь, произнёс Дима, — она у нас текстами занимается...

— Понятно, — как можно веселее улыбнулась Наташа, — я просто так спросила, ты не подумай ничего... В любом случае, это нужно для твоего проекта, а, значит, в первую очередь, для тебя.

— Наташка... — он присел возле неё на корточки, заглянул в её карие глаза, — Ты, действительно, умница... Ты всё правильно понимаешь. Я знаю, что тебе тяжело... жизнь всё так перепутала... Но мне пока никуда не вырваться, и я очень тебе благодарен за то, что ты со мной... всё понимаешь и терпишь... и... и веришь...

— Просто... — она провела ладошкой по его волосам, — просто я очень тебя люблю...

— И я тебя очень люблю... ты даже не представляешь, как...

* * *

Парковка была забита автомобилями, и Дима с огромным трудом нашёл свободное место для своего «фолькса». Заглушив двигатель, он вышел из машины, достал из багажника сложенную детскую коляску.

— Это здесь мы были три месяца назад? — уложив Валерика в уютное «гнездышко», Наташа огляделась вокруг. Дорогой супермаркет — часть огромного торгово-развлекательного центра, куда Дима привозил её в конце мая, по случаю выходного дня был полон покупателей, да и открытые летние кафе, детские площадки, фонтаны, кинотеатр, расположенные на гигантской площади, привлекали горожан в последние летние деньки ещё больше, чем весной.

— Да, здесь, — ответил Дима, взявшись за ручку коляски, — Тут и погулять есть где, и перекусить, и купить всё, что нужно.

Погуляв по небольшому, уютному парку, они завернули в летнее открытое кафе и расположились за крайним столиком — там, где можно было поставить рядом коляску с

Валериком, не мешая другим посетителям.

— Знаешь, Дим... — Наташа зачерпывала небольшой ложечкой сладкий сироп со дна широкой креманки и поливала им разноцветные шарики мороженого, — Я так скучаю по нашей маленькой квартире... по твоей старой студии... по нашим поездкам по районам... Так всё было просто.

— Наташка... — он рассмеялся, — Ты так говоришь, что со стороны подумают, что у нас сейчас царские хоромы, свой театр и личный самолёт... И такая гламурная ностальгия по студенческому прошлому. А на самом деле живём у родителей... студия чужая... неотработанные контракты... и машина старенькая.

— Я не об этом... — она тоже улыбнулась, — Но и это неважно. Мне всё равно, где жить и на чём ездить, лишь бы с тобой.

— Вот увидишь, у нас будет и своя квартира, и своя студия... — он сжал в руке её ладонь, — А ещё... а ещё ты мне дочку родишь.

— Дим... давай, сначала Валерика вырастим, — почему-то печально улыбнулась Наташа.

— Давай... — улыбнулся он ей в ответ, — Но мечтать об этом можно уже сейчас.

— Мечтать можно, — опустил ресницы, она тяжело вздохнула, но потом, справившись с собой, заговорила весёлым тоном, — представляешь, меня вчера узнали на улице!

— Кто? — Дима удивлённо поднял брови, — Поклонники?

— Представь себе! Мальчишки, лет по пятнадцать-шестнадцать. Подошли и спрашивают: «А это ты — Наташа?»

— И что дальше было? — Дима шутливо сдвинул брови, — Свидание назначали? Признавайся...

— Не-е-е-т!.. — она рассмеялась, — Они знают, что сказали?

— Что?

— Они сказали: «Это ты девочка Димы Морозова? Передай Димону, что он реально клёвый мелодист»!

— И всё?!

— И всё...

— Ди-ма! Ди-ма! — неожиданно раздалось у Наташи за спиной. Обернувшись, она увидела трёх девчонок — работниц кафе, которые хором дважды проскандировали имя Димы. Стоя в ряд и широко улыбаясь, девчонки смотрели на него во все глаза.

— Привет, девчонки, — он улыбнулся в ответ и, кивнув на коляску, добавил, — только не кричите так громко, а то у нас ребёнок спит.

— А можно с тобой сфотографироваться? — понизив голос, произнесла одна из девушек, — Пожалуйста...

— Ну, давайте... — он встал из-за стола, — А на что будем фоткаться?

— А вот, на мобильники, — вторая девушка положила на стол заранее приготовленные телефоны и обратилась к Наташе, — Можно вас попросить снять нас с Димой?

— Можно, — улыбаясь, Наташа тоже встала из-за стола. Сфотографировав по очереди на каждый телефон Димку в окружении трёх поклонниц, она снова села на своё место.

— Ой... спаси-и-и-бо-о-оо... — разглядывая фото, от восторга завизжали девчонки, — Ну, теперь все от зависти помрут!

— Вот видишь! И ни одна из них не попросила передать мне, что я — «реально клёвая»... — серьёзным тоном сказала Наташка, но потом, не выдержав, снова рассмеялась.

Погоуляв ещё немного, они отправились в супермаркет — нужно было купить продуктов к «праздничному» столу в честь Валеркиного «дня рождения».

— Надо же... Какая встреча! — Кристина, в изящном летнем платье, лёгких летних стилетто, удивлённо сдвинула солнцезащитные очки на макушку, — Ну, где бы ещё встретились, как не в кондитерском отделе?

— Ну, да... — Дима, стоящий с коляской посреди огромного зала, тоже качнул головой, — Привет...

— Привет, отец-герой... — как всегда, насмешливо ответила Кристина, — А что это ты в одиночестве?

— Дим, я — всё... — Наташа, с коробками своих любимых шоколадных конфет, вынырнула из-за высокой центральной витрины. Увидев Кристину, на мгновение застыла.

— Привет... — поздоровалась с ней Кристина, — Осторожнее с конфетами... от них поправляются.

— Привет... — Наташа уложила коробки в большую корзину на колёсиках, — Я в курсе...

— А вот и я... — выйдя быстрым шагом из-за широких стеллажей, Макс подошёл к Кристине и приобнял её за талию, — Знаешь, вино я так и не выбрал, пойдём вместе... я полностью доверяю твоему вкусу.

— Ну, пойдём... — улыбаясь, кокетливо ответила она ему, — Только... почему ты не здороваешься с дядей?

— С каким? — парень растерянно оглянулся по сторонам. Увидев Наташу с Димой, смущённо кивнул, — Здравсьте...

— Привет... — Дима довольно сдержанно поздоровался с Максом, — На вино сильно не налегай, не забывай, что завтра — запись.

— Да нет... я не налегаю... — оправдываясь, парень густо покраснел, — Я вообще не пью...

— Дядя Дима шутит... — Кристина с нескрываемым интересом наблюдала за реакцией Морозова на их неожиданную встречу. Было видно, что ситуация ей нравится, и, покосившись на Наташу, она решила подлить масла в огонь, — Кстати... дядя Дима, напомни, пожалуйста, как называлось то вино, которое ты обычно покупал? Ты ещё говорил, что его полезно пить перед любовным свиданием...

— Ты что-то спутала, Кристина... — Дима казался совершенно спокойным, — Я такого никогда не говорил.

— Да?.. Странно... Ну, значит, кто-то другой говорил... — пожала плечами Кристина, — Хотя... Нет! Ты! Я это очень хорошо помню.

— Дим... Пойдём?.. — Наташа тихонько взяла его за руку и слегка потянула, — Валерик скоро проснётся... И родители ждут...

— Пойдём, — он с благодарностью посмотрел на неё и улыбнулся, — пойдём, Наташа...

Сентябрьский дождь лил стеной, и дворники, методично скользя по лобовому стеклу, с трудом справлялись с прозрачным потоком небесной воды. Притормозив у пешеходного перехода, Кристина нетерпеливо пристукнула носком модной туфельки по педали газа.

— Ну, давай... давай... курица... В темпе... — эти слова были адресованы молодой девушке, переходящей дорогу не так быстро, как хотелось бы Кристине, — Тебя что, ходить не научили?

Наконец, переход оказался свободным, и серебристый BMW рванул с места. Проехав несколько кварталов, автомобиль плавно подъехал к автостоянке напротив небольшого кафе. Выскочив из машины, девушка торопливо пробежала по мокрой, вымощенной плиткой дорожке и взялась за ручку массивной резной двери. Сдав плащ в гардероб, проследовала в уютный обеденный зал и, улыбаясь, расцеловалась с сидящей за угловым столиком молодой особой.

— Приве-е-е-т!.. — радостно-протяжно воскликнула Диана, обнимая подругу, — Всё-таки попала под дождь?

— Привет, дорогая! — Кристина потрянула чуть влажными волосами, — Мало того, что попала, я ещё и зонт не взяла.

— Ну, давай, рассказывай, как у тебя, что? — нетерпеливо, с любопытством спросила Диана, когда все слова приветствий были сказаны, и пенящийся, горячий капучино наполнил ароматом близлежащее пространство, — В прошлый раз тебя отец не вовремя вызвонил, не дал поболтать, а по телефону не так интересно.

— Ну, так... Вся в работе, — с шутливым пафосом ответила Кристина, — поднимаю шоу-бизнес районного и областного масштаба.

— Ну, ты вообще-е-е-е... — Диана восхищённо посмотрела на подругу, — А когда на всероссийский масштаб перейдёшь? Или не замахиваешься?

— А, нам всероссийского не надо. Знаешь, сколько богатеньких буратино только в нашем городе, за которых их папы Карло готовы заплатить? — Кристина засмеялась, — Только бы чадо прославилось, благо на ютубе никакого кастинга не надо.

— Так вы чем в вашем «Кри-Старе» конкретно занимаетесь? — сделав глоток, Диана поставила чашку с кофе на стол, — Я в прошлый раз так и не спросила.

— Да всем подряд, — Кристина махнула рукой, — Музыку пишем, клипы снимаем, песни записываем студийно, Праздничные программы готовим, базу данных артистов держим — если кому на торжество понадобится, то к нам обращаются, мы выступление организовываем... Это всё — за деньги клиентов. Но есть и собственные проекты, которые сами от себя раскручиваем, вот, сейчас, например, проект «Ульяна и Макс», уже довольно популярный дуэт.

— Ой, слуша-а-а-ай... А я их видела! Они на дне города выступали... — Диана удивлённо посмотрела на подругу, — Так это ваш проект?

— Я тебе больше скажу... — лукаво улыбнулась Кристина, — Это мой проект... Правда, музыку пишет Морозов, репетирует с ними Морозов, он же и звукозаписью занимается.

— Мне понравилось, голоса классные, особенно девочка красиво поёт!

— Девочка... — Кристина поморщилась, — Скажу тебе откровенно... я бы с большим удовольствием раскручивала одного мальчика.

— Ну, так в чём дело?.. — в тон ей, хитро спросила Диана, — Раскрути...

— Так уже... — Кристина многозначительно улыбнулась, — Раскручиваю... Вернее, он сам раскручивается, мне и делать почти ничего не пришлось, парень честлюбив и амбициозен, к тому же влюбчив.

— А ты шикарна... — подыграла ей Диана, — И интересна, как женщина.

— Ну, где-то так...

— Слушай... А как у тебя с Морозовым? Так всё и закончилось?

— Так и закончилось, — улыбаясь уголком губ, ответила Кристина, — Ты и сама видела в прошлый раз... Он у нас теперь семейный, молодой отец, — эти слова девушка произнесла насмешливо, глядя куда-то вниз, на скатерть, потом снова подняла глаза, — Но ты же понимаешь, что со мной так — нельзя?

— Понимаю, я очень тебя понимаю, — кивнула Диана, — я даже не представляю, как ты сейчас с ним работаешь, видишься... Я бы так не смогла.

— Ну, тут каждый поступает, как может... — Кристина вдруг стала серьёзной, — Если бы он меня резко бросил, изменил там, или что-то в этом роде, возможно, и я бы не смогла. Но у нас отношения давно уже шли на минус... Да их, собственно, и не было. Так, вспышка страсти в декабре, которая очень быстро потухла... с его стороны. Потом был просто дежурный секс... но тоже недолго... Я подозреваю, что у него кто-то появлялся... и даже знаю, как её зовут.

— И как? — с нескрываемым любопытством спросила Диана.

— Инна... — многозначительно ответила Кристина, — Он сказал, что она — психолог.

— А как ты узнала?

— Да элементарно: нашла в его телефоне... Он тогда уже совсем от меня отдалился, но иногда, всё же, провожал домой. Вот, воспользовалась случаем.

— Ну, может, и правда, только психолог? — Диана пожала плечами, — Ты же её не видела? Вдруг, она старая и страшная?

— Я тогда на всякий случай переписала себе её номер... и однажды позвонила. Так вот, голос был молодой и довольно приятный... Хотя, не голос девушки — скорее, молодой женщины.

— Кристин, а тебе не хотелось её увидеть? — от любопытства глаза у Дианы округлились, — Я бы умерла, если бы не посмотрела на неё...

— Вот ещё, — Кристина презрительно скривила губы, — хватит с меня того, что я его Наташу теперь вижу без конца.

— Слушай, а с ней-то ты как?.. Она же, наверное, к нему приходит, вы сталкиваетесь... Как ты вообще это всё выдерживаешь?! — Диана сочувственно покачала головой, — Я такую ситуацию на себя даже примерить не могу!

— Ха!.. — Кристина усмехнулась, — А как тебе тот факт, что я была у них в гостях?

— В гостях?! Ну, ты даёшь...

— Да... На даче, на его дне рождения.

— И он тебя ещё имел наглость пригласить?! — возмущению Дианы не было предела, — Да это... это... вообще...

— Нет, ну, это вообще-то нормальные современные деловые отношения, — Кристина

смягчила тон, — я сама в этом ничего особенного не вижу, тем более, повторяю, он меня не бросил ради неё... Всё произошло по другому сценарию.

— Да, кстати... А она-то откуда взялась?

— Это та самая малолетка, помнишь, я рассказывала? Они там что-то поругались и разошлись, и она оказалась беременной, в общем, долгая и запутанная история. Он узнал, ну, и... Это же Морозов. Благородный рыцарь... — Кристина ехидно усмехнулась, — Короче, пожалел сиротку. Да ты сама её видела, в прошлый раз, в кафе, да и на концерте — она там что-то пела в перерыве.

— К сожалению, я рано ушла, видела только твой дуэт... А мальчик-то хорошенький!

— Ничего... — Кристина довольно улыбнулась... Вот мы с ним и зажигали у Морозова на даче! Раз уж пригласили — не отказываться же?

— Кристина, ты просто супер! Я тобой просто восхищена! Но, я всё равно не могу понять... Наташа эта... она-то?.. Она, что, так спокойно восприняла, что Морозов тебя пригласил на свой день рождения?! Она же знает о вашем прошлом! — рассуждая, Диана отчаянно жестикулировала руками, — Она либо со стальными нервами, либо дура отмороженная.

— Ой, Господи, Диан... — Кристина презрительно сморщилась и махнула рукой, — Там такая провинция, я даже говорить не хочу... Мне иногда кажется, что, уведи я Морозова снова за руку, она нам ещё и вслед платочком заплаканным помашет, а потом сядет ждать его у окна... — на этих словах девушка рассмеялась, — Знаешь, ни рыба, ни мясо, только и заглядывает ему в глаза... Одно преимущество, что сына ему родила, вот и всё.

— Да... Ситуация у тебя, Кристинка... Но я тобой восхищаюсь!

— Да ничего страшного... — Кристина снова насмешливо улыбнулась, — Прикинь... Мы с Морозовым сейчас чуть ли не двадцать часов в сутки бок о бок... Представляю, что в её блондинистую голову лезет! А я ещё и нарочно иногда задерживаю... Ну, вот такая я стерва, — она довольно засмеялась, — к тому же... — она перешла на заговорщицкий полусёпот, — к тому же, я ему в тот день отомстила... Чисто по-женски.

— Да ты что?! Как?!

— Так... в той самой мансарде... на той самой кровати... в день его рождения... — довольно улыбаясь, Кристина перевела взгляд на подругу, — И с молоденьким мальчиком, который от меня без ума...

— Ну, ты молоде-е-е-ц... — Диана подобострастно покачала головой, — Это самая лучшая женская месть! Слушай, а он-то об этом знает?.. Морозов?..

— А мне всё равно, знает или нет... Главное, что я это знаю.

— Ну, и чёрт с ним, раз так, — Диана кивнула сама себе, — Молоденький мальчик залечит все твои раны, а Морозов пусть курит в сторонке.

— Ну, уж нет... — в голосе Кристины появились зловещие нотки, — Спокойно курить я ему тоже не позволю.

— Почему?.. Ты же говоришь, это просто обстоятельства.

— Ну, и что. В любом случае, со мной так — нельзя.

* * *

Дима сидел в небольшом зрительном зале продюсерского центра и с недоумением

смотрел на сцену. До первого сольного концерта дуэта Ульяны и Макса оставалось совсем немного времени, и он считал, что их программа готова на все сто процентов, но сегодняшняя репетиция почему-то была настолько неудачной, что он засомневался в правильности выбранной для выступления даты. Если подтанцовка и бэк-вокал отработали на отлично, то с самими солистами сегодня происходило что-то непонятное. Все два часа Макс выдавал сплошную фальшь, а Ульяна пела настолько неуверенно, что Дима решил репетицию на сегодня прекратить.

— Макс, что случилось? — дождавшись, пока танцоры и подпевка уйдут со сцены, Дима подошёл к ребятам, — Я тебя сегодня не узнаю.

— Да я, вроде бы, как обычно... — Макс пожал плечами, — Может, микрофон не так настроен?

— Микрофон может исказить тембр, но не тональность, — развёл руками Дима, — Ты сегодня хорошо выспался?

— Хорошо, а что? — с вызовом ответил юноша, — Что ты имеешь в виду?

— Я имею в виду, что на качество вокала влияет много факторов, и усталость в том числе.

— Я спал хорошо, — ещё раз повторил Макс с некоторым недовольством, — Я могу идти?

— Иди, — Дима пожал плечами, — Но завтра постарайся быть собраннее и распойся получше.

— Хорошо, я постараюсь... — уже на ходу ответил парень, — Пока!

— Ульяна, подожди, — Дима хотел задержать девушку, но та только махнула рукой и выбежала вслед за Максом, — Зайди потом, я тут подожду! — крикнул Дима ей вслед.

Выскочив в коридор, девушка увидела только спину удаляющегося парня. Догнав его уже у входных дверей, схватила за руку.

— Макс, подожди...

— Что? — оглянувшись, он остановился, — Ты что-то хотела сказать?

— Да... я хотела... Ты сейчас куда?

— Мне нужно срочно в одно место.

— А, можно, я с тобой?.. — умоляюще спросила девушка.

— Уля... — он замялся, — Давай так... Ты сейчас поедешь домой, а я тебе потом позвоню. Хорошо?

— Максик... Может, ты придёшь сегодня?

— Вот сегодня я никак не смогу... правда, — он с сожалением посмотрел на неё, — Но я позвоню, обязательно.

— А, давай, мы завтра куда-нибудь сходим?.. — она робко посмотрела ему в глаза, — Мы так давно с тобой никуда не ходили...

— Мы и так видимся каждый день, — он пожал плечами, — Зачем куда-то ещё ходить?

— Макс... — она заговорила очень тихо, — Мне кажется, нам нужно поговорить...

— Может, и нужно, но не здесь и не сейчас, — нетерпеливо ответил он, — Уля, я и вправду тороплюсь.

— А где и когда? — с надеждой спросила девушка, — Ты хотя бы скажи... Я буду

ждать...

— Я пока не знаю. Давай, я на днях определяюсь со временем, и скажу, — он взялся за ручку двери, — Ну, всё, пока...

— Ты сейчас едешь к ней?! — не выдержав, с отчаянием выкрикнула Ульяна, когда он уже выходил за дверь, — Макс!..

Медленно обернувшись, он скользнул по ней холодным взглядом:

— Да. Если ты хочешь узнать правду именно сейчас, то — да. Но обсуждать это здесь с тобой я не буду... — с этими словами он решительно переступил порог.

Когда, не дождавшись Ульяну, Дима вышел в коридор, девушки нигде не было видно. Решив, что она ушла домой, он направился к себе в студию. Уже взявшись за ручку двери, услышал странные звуки, доносящиеся из аппаратной — ему показалось, что там кто-то плачет. Он не ошибся: уронив голову на сложенные руки, Ульяна сидела на диване... Девушка рыдала так, что не могла вымолвить ни слова, и Диме стоило больших трудов добиться от неё мало-мальски понятного объяснения.

— Уля, что случилось? — положив руку на её вздрагивающее плечо, спросил он, но она только всхлипывала. Взяв дрожащей рукой предложенный им стакан воды, долго не могла выпить ни глотка, пока, наконец, немного не успокоилась.

— Что случилось? — повторил Дима свой вопрос.

— Максим... — еле слышно, шёпотом произнесла девушка.

— Что с ним? — как можно, участливее, спросил он.

— Он... влюбился... — слёзы снова покатились градом, и Ульяна закрыла глаза руками.

— В кого?! — Дима сделал вид, что удивился.

— В Кри-сти-ну... — сквозь плач, по слогам, выговорила девушка, — Уже давно...

— С чего ты взяла, Уля? — Дима попытался улыбнуться, — Не может быть...

— Он сам сказал... — вытирая опухшее от слёз лицо, еле слышно произнесла она, — Он давно уже с ней... я догадывалась... а сегодня он сам сказал...

— Подожди... не плачь... Я поговорю с ним. Хорошо? — Дима нахмурился. Он и сам уже давно заметил необычные отношения Кристины и Макса, а сцена в супермаркете только подтвердила его догадки.

— Хорошо... — согласно кивнув, заплаканная девушка поднялась с дивана, — Спасибо тебе, Дима... Я пойду...

— Не переживай, всё наладится, — как можно увереннее сказал он ей на прощание, — вот увидишь!

* * *

— Слушай, меня этот Морозов уже достал своей ревностью, — вечером того же дня, полужёжа на широкой кровати в шикарной спальне Кристины, капризно жаловался Макс, — то пою не так, то дыхание держу неправильно.

— Ну, что поделаешь, малыш... — лёжа рядом, Кристина пятернёй разлохматила его льняные волосы, — Наличие соперников говорит только об одном...

— Нет, я его, конечно, понимаю... — с долей высокомерия произнёс парень, — Но, кто ему виноват? Правда? — он заглянул в её смеющиеся глаза, — Ведь правда?..

— Ну, конечно, правда... — улыбаясь, томно ответила девушка, — Таких женщин нужно беречь, как зеницу ока... Или я не права?..

— Ты права... как всегда... — целуя её, горячо прошептал он, — Пусть теперь локти кусает...

* * *

— Морозов... А ты, случайно, не ревнуешь? — игриво спросила Кристина на следующий день, когда Дима спросил её напрямую об отношениях с Максом, — С ума сойти...

— Не говори глупости, — Дима казался озабоченным, — Ты хоть понимаешь, что ты делаешь? Они участвуют в одном проекте... Девчонка вчера петь от переживаний не могла, а у них вот-вот сольный концерт. А он — он почему такую фальшь выдавал? Либо спиртного перебрал, либо не спал всю ночь...

— Ну, а если второе? — спросила Кристина, томно заглядывая ему в глаза, — Да... мы не спали всю ночь...

— Слушай, в конце концов, это твои ребята... ты что, хочешь, чтобы вся работа пошла насмарку?

— Мо-ро-зов... Ты рев-ну-ешь... — улыбаясь, по слогам произнесла Кристина, — Значит, я была права...

— Кристина... — пытаюсь сохранять спокойствие, Дима шумно выдохнул, — При чём тут ревность? Они выступают вместе, это дуэт, и любые тёрки между ними — только минус их творчеству, а у них уже не просто тёрки... Там настоящая трагедия, судя по девочке.

— Так в чём же дело?! — ухмыльнулась Кристина, — Возьми девочку на себя, ты же у нас специалист по девочкам... Утешь, тебе не привыкать.

— Ты хоть понимаешь, что ты несёшь? — Дима устало опустил руки, — Ты вообще — адекватна?

— Ой, Морозов... — Кристина расхохоталась, — А ты такой смешной, когда ревнуешь...

— Кроме творческой, тут ещё и этическая сторона присутствует... — Дима укоризненно посмотрел ей в глаза, — У них же любовь была... Зачем ты?.. Ведь тебе не нужен этот пацан, ты просто хочешь что-то кому-то доказать... Зачем, Кристина?!

— Морозов... — её взгляд вдруг стал злобным, — А вот это тебя не касается! Думаешь, ты своё счастье нашёл, теперь можешь других учить? А ты уверен, что это — твоё счастье?.. Смотри, как бы не ошибиться...

— Обратись к психологу, — он взялся за ручку двери, — я серьёзно.

— Только после тебя, Морозов... — она насмешливо улыбнулась, — Тебе психолог нужнее, тем более, он у тебя есть... личный...

Проснувшись посреди ночи и не обнаружив рядом Диму, Наташа встревоженно приподнялась на постели, но, бросив взгляд на детскую кроватку, тут же удивлённо захлопала длинными ресницами... Сидя рядом на полу, в свете ночника, Димка сквозь редкие, тонкие прутья кроватки кивал и, улыбаясь, что-то шептал неспящему Валерику... Будто понимая, Валерик улыбался ему в ответ — ещё неосознанно, беззубо, но так трогательно... Широко распахнув свои синие-пресиние глазёнки, одной ручкой он держался за Димкин палец, а другой, сжатой в крохотный кулачок, смешно размахивал. Малыш сучил ножками и время от времени произносил короткое «а».

— Дим... Ты что там делаешь? — громким шёпотом спросила Наташа.

— Я?.. — счастливо улыбаясь, он обернулся к ней, — Я беседую... со своим личным психологом...

— А я знала... — сказала Наташа вечером следующего дня, аккуратно развешивая на тонких перекладинах сушилки влажные ползунки и распашонки, — Они ещё тогда, на твоём дне рождения, недурно провели несколько часов в мансарде, но кроме Иры никто не заметил, как они входили в дом. Поэтому мы с ней решили никому пока ничего не говорить.

— Эх вы, партизанки... — с лёгкой долей укоризны сказал Дима, — Мне-то могли сказать...

— Мы подумали, а вдруг это у них несерьёзно? — Наташа виновато посмотрела на мужа, — Ну, было и было... Макс проспится и сам пожалеет...

— Ну, вот, не пожалел... — И, я так думаю, у него-то всё как раз серьёзно, — облокотившись о косяк ванной комнаты, Дима задумчиво смотрел себе под ноги. Рассказ о том, что произошло между Максом и Ульяной, Наташу не удивил, и теперь он сосредоточенно вспоминал все события последних дней.

— Дим... — Наташа подошла к нему вплотную и положила руки на плечи, — Я сначала хотела рассказать... а потом подумала...

— Что подумала?

— А, ладно... неважно, — она почему-то смутилась и уже хотела отойти прочь, но Дима плотно сомкнул руки у неё на талии.

— Так что ты подумала? — улыбнувшись, переспросил он.

— Ничего... — засмеялась Наташа, — Ладно, пошли спать.

— Наташка... Ты что, подумала, что меня это как-то заденет? — он пытливо заглянул ей в глаза, — Ты что, серьёзно так подумала?

— Я сначала подумала, а потом... уже не подумала... — пряча улыбку, она попыталась выскользнуть из его рук, но Дима держал крепко.

— Если ты так подумала... — наклонившись, полушёпотом сказал он ей на ушко, — Если ты так подумала, то считай, что я очень рассердился...

— Да?.. — она лукаво стрельнула на него карими глазами, — И ты меня теперь не простишь?..

— Ни за что не прощу... — целуя её, всё так же, полушёпотом ответил Дима, — Если только...

— Что — только?.. — тихо смеясь, Наташка обхватила руками его шею, и, подпрыгнув, повисла на нём с подогнутыми в коленях ногами, — Если только ты меня сейчас не донесёшь?..

— Ну, это вообще... наглость... — распрямившись и прижав её к себе ещё крепче, он с шутливым возмущением шагнул со своей ношей из ванной, — Придётся сейчас с тобой разбираться конкретно...

— Вы почему ещё не спите?! — Анна Сергеевна, в дорогом пеньюаре, выросла как из-под земли в небольшом коридоре, ведущем в их с Александром спальню — с одной стороны, и в Димкину комнату — с другой, — Первый час ночи...

— Уже идём, — держа Наташку одной рукой, другой Дима повернул ручку двери, — Спокойной ночи, мам...

— Спокойной ночи, Анна Сергеевна, — сделав серьёзное лицо, кивнула свекрови

Наташа.

Валерка не спал и, смешно шевеля пустышкой, смотрел во все глаза на дурачившихся родителей из своей кровати. Выскользнув из Димкиных объятий, Наташа взяла сына на руки.

— Тебе не кажется, что он становится похожим на меня? — пряча улыбку, она бросила на Диму лукавый взгляд.

— Совсем не кажется, — он внимательно посмотрел на малыша, — Валерка похож на меня, разве что блондин...

— А мне кажется, что на меня... Разве что глазки синие...

— Так, это что ещё за разговорчики... — забирая Валерика, Дима шутливо нахмурился, — Сказано — на меня, значит, на меня. И, вообще... Я говорил про дочку? Вот дочка будет похожа на тебя, а Валерка — мой...

— Дим... ты так часто говоришь про дочку, — Наташа вдруг погрустнела, — А нам бы Валерика ещё вырастить...

— Вырастим, — уверенно ответил он, — Таких, как Валерка, можно десяток вырастить, спокойных... Вот, смотри, уже уснул.

— Десяток?! — засмеялась она.

— Ну, не десяток... Но одну-то девочку сможем себе ещё позволить... — укладывая Валерика назад в кровать, Дима обернулся к Наташе.

— Дим... Ты, правда, хочешь ещё детей?

— Я хочу наших с тобой детей, Наташка... — подойдя близко, он взял её лицо в ладони, — Очень хочу...

— Дим... — чуть позже, по обыкновению, уютно устроившись у него подмышкой, спросила Наташа, — А как же теперь Ульяна?.. Сможет ли она дальше выступать с Максом?

— Не знаю... — говоря так. Дима выглядел очень серьёзным, — Я сам об этом всё время думаю. Даже если отбросить все эмоции... У них заявлен концерт, билеты уже продаются — раз... Они должны участвовать в новогоднем шоу — два... Они на следующей неделе должны вместе с нами ехать выступать в соседнюю область — три... А теперь всё под угрозой срыва, потому что конфликтная ситуация налицо.

— Дим, я понимаю, что это вряд ли поможет, но... Может, с ней поговорить? Как-то поддержать... Знаешь... — Наташа провела ладошкой по его груди, — Это так тяжело, когда теряешь любимого человека...

— Знаю... — серьёзно ответил Дима, — Очень хорошо знаю...

* * *

К концу сентября осень окончательно вступила в свои права, скупно балуя горожан редкими солнечными и сухими деньками. В один из таких дней Димин «фолькс» остановился возле университетского двора. Хлопнув дверцей и махнув Димке на прощание рукой, Наташа простучала каблучками по асфальтовой дорожке, ведущей к центральному входу. Посетив деканат, ненадолго зашла в канцелярию, откуда, созвонившись с Оксанкой,

по длинному надземному переходу попала в свой корпус. Перерыв между парами только начался, и девушка, переступив порог своей аудитории, сразу оказалась в окружении бывших одногруппниц и одногруппников. После обычных в таких случаях радостных приветствий, объятий и расспросов, достав новенький айфон — подарок Димы — она охотно показывала всем фотографии Валерика. Девчонки восхищённо цокали языками и умильно сюсюкали, а парни с нескрываемым интересом поглядывали на самую похорошевшую Наташку, которую в последний раз видели беременной, на экзаменах, в самом начале лета. Несколько же свадебных фото, сделанных Юлей на Наташкин айфон, привлекли внимание абсолютно всех любопытствующих.

— Ой, какая ты тут хорошенькая-а-а-а!.. — протяжно, в один голос воскликнули девушки, на самом деле разглядывая Диму, который в своём белом костюме казался им на фото ещё более неотразимым.

— Слушай, Наташ, — Пашка Рулёв, скользнув взглядом по фото, поднял глаза не девушку, — я тут объявление видел — у вас в «Кри-Старе» конкурс на вакансию режиссёра-постановщика объявлен... Ещё никого не взяли?

— Я даже не знаю, Паш... — Наташа с сожалением пожала плечами, — Наверное, пока никого, иначе бы мне Дима сказал.

— А какие требования, не в курсе?

— Не в курсе... Я ведь к центру отношения не имею, всё, что знаю — со слов Димы.

— Слушай... А почему он тебя на это место не возьмёт? — удивлённо приподнял брови Рулёв, — Это же твоя специальность. Пусть ты ещё без диплома, но он-то мог бы тебя устроить?

— Не мог бы, — улыбнулась Наташа, — Там всё очень сложно... Я к продюсерскому центру никакого отношения не имею. Я сейчас, вроде, как при Дворце молодёжи, вокалисткой числюсь. Но, так как у меня грудной ребёнок, то я имею свободный график. Репетиции только по надобности — если намечается какой-нибудь концерт. А насчёт вакансии... Ты приходи к Диме, он всё тебе разъяснит. Только приходи на следующей неделе, завтра они уезжают на гастроли на несколько дней.

Перерыв закончился, и Наташа, попрощавшись с ребятами, вышла из аудитории. Оксанка, любопытство которой перевесило учебную дисциплину, выбежала следом за ней и, догнав у самых дверей, взяла подругу под руку.

— Ой, Наташка-а-а... Я так за тебя рада! Ты даже не представляешь! Теперь хоть наши девки успокоятся... Знаешь, сколько было разговоров, когда вы с Димой помирились! Какие только версии не выдвигались, — девушка хмыкнула, — и что он чужого ребёнка признал, и что свадьба у вас была ненастоящая.

— Как это — ненастоящая?! — Наташа удивлённо посмотрела на подружку, — Спонтанная просто... А так — всё по-настоящему. Я сегодня зачем приезжала, как думаешь?

— Зачем? — Оксанка округлила глаза, — По заочке что-то, наверное?

— Нет... — засмеялась Наташа, — Я приезжала фамилию менять. Я ещё как Смольникова числилась, а с сегодняшнего дня — как Морозова.

— Здорово! — Оксанка вытаращилась ещё больше, — И правильно сделала, что фотки всем показала! Теперь все увидели, что Валерка — Димин. А то мне никто не верил, думали,

я тебя просто нарочно защищаю, и ребёнок у тебя от Журавлёва.

— Жаль, что тебя на свадьбе не было... Если бы ты тогда была в городе, я бы обязательно тебя позвала, но ты была на юге, и мы праздновали только с «патрулями».

— Кстати, как у них у всех? Я ведь теперь про них ничего не знаю, — с сожалением сказала Оксанка, — Да я и про тебя-то почти ничего не знаю... А ты так изменилась, Наташка, так классно одета... Ой, а серёжки какие-е-е-е! Ну, ваще — отпад!

— Это мне Дима на свадьбе подарил, — Наташа повернула голову, чтобы Оксанке было удобнее рассмотреть её новые серьги, — За Валерика...

— Кстати... А с кем он сейчас?

— Он с Диминой матерью, она сегодня рано пришла с работы.

— Слушай, Наташка... — Оксанка посмотрела озабоченно, — А как ты вообще с ней... Она же сильно против тебя была.

— Знаешь... — Наташа задумчиво посмотрела себе под ноги, — Она и сейчас, мне кажется, против... но... Она так любит Валеру, что готова и меня терпеть... — на этих словах она грустно улыбнулась, — Она сама предложила пока пожить у них, и Дима считает, что так лучше. Мы ведь всё-таки артисты, я тоже иногда выступаю, а Валеру есть с кем оставлять. К тому же, у них очень большая квартира, и мы в своей комнате практически одни. Родители к нам почти не заходят, видимся на кухне и в гостиной. Анна Сергеевна готовит сама... И ещё она нам очень помогает. Александр Иванович приезжает всегда поздно, и Анна Сергеевна сидит с Валериком, если мне нужно куда-то отлучиться. Правда, отлучаюсь я очень редко. А Дима... Он тоже очень поздно приезжает. Мы почти и не видимся, только ночью... Ну, ещё по выходным или вот как сегодня — он готовится к завтрашней поездке, и заодно меня сюда подкинул...

— Слушай... Ну, а как там у Говорова дела, у Мазура с Беловым?

— Сашка скоро станет папой, — улыбнулась Наташа, — у него жена гражданская, Ира... Мазурик тоже сейчас весь в романтических чувствах, он с Юлей Семченко — это корреспондент с «культурного» канала... А вот Никита... — Наташа нахмурилась, — Никита сейчас один. Лена вышла замуж...

— Да ты что?! — Оксанка застыла от изумления, — За кого?!

— Точно не знаю, вроде, за своего «папика».

— Ой... — Оксана перешла на громкий шёпот, — А как же Белов-то... Он же так её любил...

— Да, он сильно переживает. Хотя, все ребята считают, что это к лучшему.

— Ясное дело, что к лучшему, — Оксана усмехнулась, — он такой парень классный... А она ему изменяла без зазрения совести.

— Да, — вздохнула Наташа, — он вообще с ней покоя не знал. Ребята говорили, что раньше, ещё до встречи с ней, он был совсем другим. Ой... — она достала из кармана телефон, — Дима звонит... Да, Дим... Хорошо... жду...

— Что, соскучился? — Оксанка хихикнула, — Едет?

— Да, едет. Надеюсь, что соскучился...

Попрощавшись на крыльце корпуса с Оксанкой, Наташа накинула капюшон и неторопливо направилась к резным воротам, примыкающим к такому же резному забору, огораживающему университетский двор по периметру. Дима должен был подъехать за ней через четверть часа, и девушка прогуливалась по асфальтовой дорожке, пролегающей вдоль

забора, поглядывая через широкие металлические прутья на подъезжающие на парковку автомобили.

— Наташа!.. — раздался за спиной знакомый голос, — Здравствуй!

— Уля! — радостно ответила девушка, — Привет!

— А я смотрю — ты или не ты...

— А это — я... — засмеялась Наташа, — Я очень рада тебя видеть... ну, как ты?

— Ничего... — печально ответила Ульяна, — Нормально...

— Судя по тебе, не очень нормально, — встревоженно заметила Наташа, — Рассказывай, что у тебя случилось?

— Ничего... — ещё печальнее повторила Уля, — Вот, завтра едем на гастроли...

— Я знаю, Дима тоже собирается.

— Наташ... — опустив глаза, Ульяна помолчала некоторое время, потом, как бы решившись, продолжила, — Можно, я тебя спрошу кое о чём личном?

— Конечно, можно, — ответила Наташа.

— Скажи... — собираясь с мыслями, девушка снова на некоторое время замолчала, — Скажи... Как сейчас у вас с Димой? Вы ведь расставались... Ты прости меня, но все об этом говорят...

— Уля... — Наташа внимательно посмотрела на неё, — ты ведь не о нас с Димой хочешь спросить... Правда? У тебя другой вопрос на уме?

— Откуда ты знаешь? — Уля испуганно посмотрела на неё, — Да... у меня другой вопрос...

— Спрашивай, не бойся, — ободряюще сказала Наташа, — Я даже знаю, о чём ты спросишь... Вернее, о ком...

— Да... — чуть слышно проговорила Ульяна, — Я хотела спросить о Кристине. Понимаешь... Макс влюбился в неё, а она его поощряет. Но, я знаю, что у неё это несерьёзно... — девушка с отчаянием взглянула на Наташу, — Она просто играет... А он... — слёзы блеснули на глазах, и Ульяна отвернулась.

— Знаешь, Уль... — Наташа говорила как можно участливее, — Я, хоть и не вижу всего этого, но почему-то уверена, что у Кристины это — просто каприз. Поэтому наберись терпения... Она его бросит, вот увидишь.

— Да... Но когда?.. — Ульяна грустно вздохнула, — Мне и Дима твой так же сказал... Я ведь хотела уйти из проекта, а Дима меня уговорил.

— Он тебе всё правильно сказал, — Наташа посмотрела собеседнице в глаза, — Кристина Макса бросит, рано или поздно... И он всё поймёт.

— Я только ради этого и осталась... — почти шёпотом сказала Уля, — Знаешь, мне так тяжело... Но, я знаю, что, если я уйду и не буду его видеть, мне будет гораздо тяжелее.

— Ты его сильно любишь?

— Больше жизни... — прошептала девушка.

— Вот и я... люблю своего Димку больше жизни... — вздохнула теперь уже Наташа, — Знаешь, мне иногда кажется, что я с ним — одно целое... Его жизнь — моя жизнь, нет разницы. Заболи что-нибудь у него — заболит у меня... И мне всё равно, известный он или нет, мне вообще всё равно — кто он... Он — часть меня... я не знаю, как это сказать, я просто чувствую...

— Наташа... — Уля робко подняла глаза, — А как ты сейчас... Говорят, у Димы тоже

был роман с Кристиной?

— Даже дважды... — Наташа ещё раз тяжело вздохнула, — Он встречался с ней ещё до меня. Но она ему изменила... Нашла другого. Потом Дима начал встречаться со мной... А когда мы расстались год назад, у них снова что-то было... — Наташа замялась, было видно, что эти слова даются ей с трудом, — И, представь, как мне сейчас... зная, что они вместе работают, видятся каждый день... Дима не может уйти, он связан контрактом по рукам и ногам.

— Ну, теперь ты можешь быть спокойна... — невесело усмехнулась Уля, — Она сейчас занята Максом...

— Ты плохо знаешь Кристину... — так же невесело ответила Наташа, — Я так думаю, что весь этот спектакль с Максом имеет лишь одну цель: вызвать у Димки ревность, отомстить за то, что он помирился со мной. Так что... — Наташа улыбнулась, — Так что неизвестно, для кого из нас она более опасна.

— А все говорят, что Дима тебя очень любит...

— Я думаю, что и Максим тебя тоже любит, — серьёзно сказала Наташа, — просто он сейчас, как сказочный принц — в состоянии тяжёлого сна. Но, вот увидишь: он обязательно проснётся! Ты только будь рядом... Ведь, когда это произойдёт, ему будет нужна твоя поддержка.

— Наташа... — в глазах Ульяны блеснула надежда, — Ты так всё хорошо сказала... Может, действительно, всё так и будет?

— Так должно быть. Ну, вот, Дима приехал, — привстав на цыпочки, Наташа посмотрела через ограду на подъехавший автомобиль, — Тебя подвезти? Поехали с нами.

— Нет, спасибо... — Уля сильнее закуталась в тёплый шарф, — Мне ещё в университет нужно. Наташ, спасибо тебе...

— Да что ты, Уля... — смутилась Наташа, — Мне не за что говорить спасибо.

— Есть! Вот поговорили, и мне легче стало.

— Вот увидишь, всё у вас наладится. А я... я побежала... — поцеловав Улю, Наташа торопливо направилась к воротам. Решив ещё раз махнуть рукой, обернулась... неловко поставленная нога поскользнулась на опавшей листве...

Слегка прихрамывая, дошла до машины и взялась за ручку двери.

— Ну, что, поехали? — натянув на разбитое, саднящее колено подол пальто, она как можно веселее посмотрела на Диму, — Дим... ты чего?

— Сейчас... — он потёр своё колено, — Что-то, ни с того ни с сего, нога заболела...

— Ой... — она испуганно посмотрела на него, — Это я виновата...

— Почему? — удивился он.

— А вот... — откинув подол, она кивнула на своё колено, — Видишь? Я упала, а болит у тебя...

— Вижу... — он осторожно погладил свежую ссадину, красовавшуюся через окончательно испорченные колготки, — Больно?..

— Очень больно... — хитро улыбнулась Наташа, — просто ужас, как больно...

— А вот так?.. — его ладонь скользнула по всей ноге, снизу вверх....

— А подуть?.. — она бросила лукавый взгляд.

— Дома подую... — справляясь с охватившим его волнением, Дима повернул ключ в

замке зажигания.

— И поцеловать... — пряча улыбку, Наташа закусила губу, — А то не поможет...

Ровный, монотонный гул большого, комфортабельного автобуса действовал успокаивающе, и большинство пассажиров дремали, откинувшись на подголовники. Бригада артистов, состоящая из «Ночного патруля», Ульяны, Макса и группы подтанцовки направлялась в одну из соседних областей, где ребятам предстояло несколько выступлений в разных городах. Свободных мест в салоне было предостаточно, и все расселись по одиночке.

Устроившись на последнем ряду, Никита сквозь солнцезащитные очки внимательно наблюдал за разворачивающимися в автобусе действиями. Прибежавшая перед самым отправлением Кристина тоже уселась одна на сиденье напротив двери, и Макс, не решаясь открыто подсесть к ней, без конца выглядывал из-за спинки своего кресла. Кристина как будто этого не замечала. Выйдя на первой стоянке вместе со всеми на улицу, она весело болтала с «патрулями», а перед отправкой, как бы продолжая начатый разговор, устроилась рядом с Морозовым, на соседнем кресле. Примерно через час, потеряв терпение, Макс демонстративно перебрался на сиденье рядом с Ульяной и, что-то громко ей рассказывая, широко жестикулировал руками — так, чтобы Кристина видела его движения из-за высокой спинки кресла.

Поговорив с Димой, Кристина неожиданно поднялась и, пройдя недалеко в глубь салона, пересела на другое свободное кресло неподалёку от Никиты — там, где рядом не было никого... Заметив это, Макс занервничал. Встать и уйти от Ульяны повода не было, и присоединиться к Кристине было неловко. Наконец, после очередной остановки, он решительно направился в её сторону...

— Ты местом не ошибся? — донеслось до Никиты, — По-моему, ты сидел не здесь.

— Кристин, ты что? — извиняющимся тоном спросил юноша, — Ты сама сидела с Морозовым...

— Ну, и что? У нас деловые отношения. А тебе, я вижу, гораздо интереснее с другими.

— Кристина...

— Что — Кристина? Давай, топай...

— Ну, ладно тебе... — парень выглядел растерянным, — У нас с Ульякой тоже только деловые отношения... Она и так меня к тебе ревнует. Нужно было как-то...

— Что — как-то?

— Ну, как-то наладить контакт... Мы всё-таки выступаем вместе.

— Ах, конта-а-а-кт... — с сарказмом сказала девушка, — Ну, что же, флаг тебе в руки! Может, вас в один номер поселить?

— Не нужно нас в один номер, — торопливо запинаясь, оправдывался Макс, — ты прекрасно знаешь, с кем бы я хотел жить в одном номере.

— Знаю. Теперь знаю...

— Кристина...

— Не нужно ничего говорить! И, вообще, я хочу побыть одна, у меня что-то голова разболелась.

— Кристина... ну, прости...

— Макс, за что?.. — Кристина притворно удивилась, — Всё правильно! Я сделала для тебя всё возможное и невозможное, ты почти звезда... Зачем теперь тебе я? Есть и помоложе... Правда?

— Кристина, ну, что ты говоришь?! — Макс чуть не плакал, — При чём тут?.. Ты знаешь, что ты для меня значишь, я для тебя готов на всё...

— Не нужно оправдываться, Макс... — стояла на своём девушка, — Так и должно быть, это классики жанра. Уля — молоденькая, красивая, я всё прекрасно понимаю... А я — лишь инструмент для твоей карьеры.

— Криста...

— Не называй меня так больше.

— Кристина... Я вообще не понимаю, что произошло! Я буквально полчаса поговорил с Улькой... Мы говорили только о программе, спроси у неё, если не веришь.

— Вот ещё! — возмущению Кристины не было предела, — Чтобы я спрашивала, о чём вы разговаривали?! Ты за кого меня принимаешь?

— Кристина... Ну, прости... Я не подумал... Ну, прости...

— Макс, ты не понял?.. Оставь меня.

Едва улыбаясь уголками губ, Никита проводил взглядом расстроенного Макса, который, покинув Кристину, уселся на другой ряд кресел, но неподалёку от неё. Случайно подсмотренная сцена Белова немного рассмешила. Никита был единственным из всего коллектива «Ночного патруля», кто симпатизировал Кристине в последнее время, но симпатия эта держалась, скорее, на противоречии его собственных чувств...

Лена... Светловолосая, сероглазая, чувственная... Дерзкая, насмешливая... Увидев её однажды, несколько лет назад, он влюбился с первого взгляда. Лена была участницей квартета «Киви», и они часто встречались на совместных выступлениях. Никита уделял девушке внимание, но первое время она не отвечала ему взаимностью, сама безнадёжно влюблённая в Диму Морозова. Но однажды, когда он совершенно не ожидал этого, она ответила на его чувства... Окрылённый, он жил своей любовью... жил до тех пор, пока не понял: он — лишь ступенька для неё, ступенька, ведущая к Диме. Не в силах расстаться с ней, он все эти годы жил с комплексом «ступеньки», в душе ревнуя Ленку к Морозову, несмотря на то, что Дима не обращал на девушку внимания. Производящий впечатление однолюба, Димка никогда не растрачивался на посторонние связи, и, встречаясь одной девушкой, совершенно не смотрел на других. Когда Кристина Диму бросила, Белов проникся к нему искренним сочувствием... Но, когда у Димы появилась Наташка, стало понятно — что и Марина, самая первая его девчонка, и Кристина, это девушки, с которыми у Димки была лишь юношеская влюблённость, замешанная, скорее, на физическом влечении... Наташа же была именно его любовью, настоящей первой любовью, и любовь эта была взаимной... Тайная, внутренняя неприязнь, рождённая и ревностью к Ленке, и завистью к Димкиному счастью, незаметно заполнила душу Белова. К тому же, будучи от природы очень талантливым музыкантом, в силу особенностей характера он постоянно оставался в тени — Дима был признанным лидером группы, и нереализованные творческие амбиции Никиты подливали масла в огонь его тайной неприязни к Морозову. Поэтому, когда у Димы с Кристиной назрел личный конфликт, Белов принял сторону Кристины — не в пример Сашке и Витьке.

Он знал, что Лена не испытывает к нему искренних чувств... но, всё же, он не ожидал

такого удара.

«Никита... Думаю, что ты меня поймёшь... — Ленка, как всегда, насмешливо посмотрела ему в глаза, — Я выхожу замуж. Прости меня, ладно?»

Он знал, что у неё есть богатый покровитель. Но, он не думал, что всё зайдёт так далеко...

Проведя не одну бессонную ночь, однажды он приехал в студию раньше других. Войдя в аппаратную, от нечего делать, включил компьютер... Изображение на рабочем столе привлекло его внимание: фото молодой женщины с длинными белыми волосами, сделанное в профиль... Лица её почти не было видно, но младенец, которого она держала на руках, подтверждал догадку — это были Наташа с сыном... Димкиным сыном... Вспоминая, каким удручённым казался Димка после измены Кристины, Никита думал, каким счастливым он выглядит теперь.

Неожиданно открылась дверь. «Здравствуйте... А где Дима?» Он обернулся. Тоненькая, хрупкая девушка с длинными каштановыми волосами стояла в дверях. Ульяна, а это была именно она, искала Диму — она пришла на запись вокала. «Дима скоро подойдёт», — он невольно задержал на девушке взгляд. Совсем юная, лет семнадцать-восемнадцать, не больше. Большие синие глаза, прямой нос, по-детски пухлые губы... Серебряный голосок...

Возвращаясь домой после поездок, Никита всё чаще ловил себя на том, что он без конца думает от этой удивительно нежной юной девушке с редким именем... Она и её партнёр по музыкальному проекту — такой же молодой парень, Макс, теперь выступали на разогреве у «Ночного патруля», и Белов боялся признаться самому себе, что с нетерпением ждёт каждой новой поездки, чтобы видеть Улю... Связь Макса с Кристиной, которую они уже не скрывали, стала для девушки настоящей трагедией. Никита в глубине души был рад тому, что Уля теперь свободна, но, несмотря ни на что, печаль девушки его трогала — он её искренне жалел и не знал, как облегчить её боль.

— Дима... Разговор есть... — подчинившись внезапному желанию поговорить с Морозовым, Никита отозвал его в сторону на очередной стоянке. Был уже поздний вечер, и луна, проглядывающая сквозь тёмно-фиолетовые облака сентябрьского неба, едва освещала землю в безветренных сумерках.

— Чего, Ник? — Дима подошёл к Белову.

— Ты, это... — с трудом подбирая слова, произнёс тот, — Ты прости меня за тот случай... ну, что прошлым летом... я тогда о Наташке плохо отозвался.

— Ладно, всё в прошлом... — Дима сжал губы, — Забыли.

— Я давно хотел, но всё как-то не решался.

— Всё, Никита, решили проблему... — Дима хлопнул Белова по плечу.

— Идём ко мне, на заднее сиденье. Хочу ещё кое о чём тебя спросить.

* * *

— Девчонки, там «патрули» нас к себе зовут, успех отмечать, — Света, бэк-вокалистка, заглянула в дверь гостиничного номера, — кто идёт?

— А кто там ещё, кроме них? — Анжела, танцовщица, подняла голову от косметички, — Только «патрули» или ещё наши мальчики?

— Там все: и ваши, из подтанцовки, и «патрули», и Макс...

— Макс тоже там? — переспросила Уля, устроившаяся с нетбуком на кровати.

— Да, там, и он, и Кристина.

— Я, наверное, пойду... — при имени Кристины Уля изменилась в лице, голос её дрогнул, но девушка решительно кивнула Светлане, — Сейчас, только сообщение допишу.

— А с кем ты тут переписываешься? — любопытная девушка переступила порог номера и, заглянув в монитор, улыбнулась, — С поклонником, наверное?

— Нет... — Уля грустно улыбнулась в ответ, — С Наташей Морозовой. Она просила написать, как пройдёт первый концерт и выложить фото... А вот фото у меня-то и нет.

— Морозова?.. — Ангела тут же оказалась у кровати Ульяны, — Это которая жена у Морозова?

— Да, Наташа...

— А, ну-ка, дай посмотрю... открой аву?.. М-м-мм... Ну, так... ничего... — снисходительно, с нотками ревности в голосе произнесла девушка, когда Ульяна развернула Наташино фото на её профиле в «одноклассниках», — А ты с ней, что, знакома?

— Да, знакома, — ответила Уля, — Мы на дне города вместе выступали, и у Димы на дне рождения я была. Вас ещё с нами не было.

— А они все женаты? — Светлана подняла любопытный взгляд, — Я имею в виду «патрулей».

— Я точно не знаю... — Уля пожала плечами, — Я как-то не интересовалась нарочно... Но, по-моему, женат только Дима. Саша живёт с девушкой, у них скоро ребёнок родится, но они не женаты, а Витя... он, кажется, живёт один, но подруга у него есть, я её тоже видела. У них Никита только один... кажется...

— Жаль... — Света задумчиво посмотрела на Наташину фотографию, — Морозов мне больше всех у них нравится... Хотя, Никита тоже очень даже... даже очень... — девушка засмеялась, — Если он не занят, можно глазки состроить...

— Нужны ему твои глазки, — Ангела усмехнулась, — ты, если что, сразу в постель прыгай.

— Если прыгать, то лучше к Диме, — Светлана шутливо закрыла ладонью Наташкино изображение, — если он не верный муж.

— Ой, верный... все они верные, — Ангела махнула рукой, — а никто не откажется от гастрольного романа. Так что, Светик, действуй! Жена — не стена, подвинем...

— Ой, девчонки... не надо... — Уля испуганно посмотрела на девушек, — Я же с Наташей дружу... что я скажу ей потом?

— Улька!.. — расхохоталась Ангела, — Какой наивняк... Ты думаешь, она не знает, чем он на гастролях занимается?

— Я не знаю... — Уля выглядела растерянной, — А что, разве все музыканты на гастролях своим жёнам изменяют?

— Почти все, — со знанием дела ответила Ангела, — исключения составляют престарелые импотенты.

— Так, ну вы идёте или нет? — ещё одна девушка из подпевки, Алёна, заглянула в открытую дверь, — Там не знают, на сколько человек спиртное разливать.

— Идём-идём, — Света махнула ей рукой, — сейчас... Если хочешь, иди, посмотри на Морозовскую жену.

— Наташку, что ли? — Алёна удивлённо подняла брови, — Я её и так каждый день

вижу.

— Где? — хором спросили Светлана и Анжела.

— Мы в одном доме с Димкиными родителями живём, только в разных подъездах. Он меня в этот проект и пригласил на бэк-вокал...

— Да ты что?!

— Мы с ним даже в одну музыкалку ходили.

— Ну, и как он?.. А чего ты его сама упустила? — Анжела сыпала вопросами, — Проглядела?..

— Да он не в моём вкусе... — сморщилась Алёна, — Мне больше жгучие мачо нравятся. А Димка... Не... Он весь в музыке... в идеях... А я люблю, чтобы мужчина думал только обо мне и сидел в зрительном зале, сгорая от страсти, — девушка с деланным пафосом подняла глаза в потолок, — Кстати... он даже жену к родителям приволок — живут с ними вместе, потому что ему так удобнее в плане творчества, хотя у них есть своя квартира... Ну, не дурак?

* * *

Время было далеко за полночь, а вся концертная бригада в составе четверых «патрулей», Кристины, Макса, Ульяна, а так же двух бэк-вокалисток и шестерых участников подтанцовки — трёх девушек и троих юношей, находилась в состоянии веселья.

— Наташка... ну, не ругайся... я же тебя люблю... — изрядно выпивший Дима, улыбаясь, говорил по телефону, — Мы сегодня так классно выступили... Я? В номере. В своём... И уже сплю. Не веришь, спроси у Сани, — протянув Говорову телефон, он откинулся на свою подушку и закрыл глаза.

— Натаха! — Говоров, запинаясь, прокричал в трубку сквозь визг и хохот девчонок, — Какие девчонки?! Да мы вдвоём в номере... Да Дима уже спи-и-и-т! Спроси у него сама! — он обернулся на Морозова, чтобы отдать ему телефон, но это ему не удалось: обняв подушку, Дима, действительно, спал.

— А ты говоришь — жена не стена... — Света посмотрела на Анжелу, — Тут и без жены шансов ноль... Права Алёнка...

— Макс... тебе уже хватит, — Ульяна робко тронула юношу за руку, — иди тоже спать...

— Я абсолютно трезвый, — убирая её руку, ответил Макс, с трудом выговаривая слова, — ты сама иди спать. И, вообще... не твоё дело.

— Максик... Ну, ты уже совсем пьяный!

— Ну и что? — парень приподнял голову и посмотрел на девушку мутным взглядом, — Тебе-то что? Кристина скажет — и пойдём спать... А с тобой я больше спать не буду. Найди себе кого-нибудь, если так уж хочется...

— Макс!.. — Ульяна отпрянула от него, — Что ты такое говоришь?!

— А что ты хотела услышать?.. — он ухмыльнулся одной стороной губ, — Я тебе уже всё сказал, ты мне не нужна... Найди себе мужчину, если так уж надо.

— Ты... ты... — не в силах произнести ни слова, она кинулась к дверям.

— Да вали!.. — пьяно крикнул он ей вслед, — Криста... ты где?..

— Зря ты так, Макс... — довольно улыбаясь, Кристина деланно пожурела юношу, — Перебор...

— А, ничё... переживёт... — махнул рукой парень и хотел сказать что-то ещё, но подскочивший к нему Никита не дал открыть рта. Схватив Макса за грудки, Белов изо всех сил тряхнул парня.

— Ты, пацан... Ты зачем девочку обидел? — сквозь зубы спросил Никита, — Нормальные мужики так не делают, запомни!

Тряхнув Макса ещё раз, Белов выскочил в коридор. Ульяны не было видно, и он, стремительно преодолев лестницу, оказался в большом, уютном вестибюле гостиницы. Не обнаружив её и здесь, торопливо толкнул входную дверь. Улю он нашёл на уличной скамейке, недалеко от входа... Она сидела и плакала.

— Уля, — Никита присел перед ней на корточки, — Не обращай внимания... Макс — подонок и не стоит ни одной твоей слезинки.

— Нет... — всхлипывая, она вытирала слёзы, — Он не подонок, Никита... Он, правда, не подонок... Он просто не понимает ничего...

— Ну, да... Совсем маленький, — с сомнением в голосе ответил Белов.

— Правда...

— Уля... — он взял её ладошку в свою ладонь и поднёс к губам, — Уля... не плачь... Пойдём, я провожу тебя до номера.

* * *

— Слушай, Саня, а чё вчера было-то? — хмурый Дима, откинувшись на спинку сиденья автобуса, посмотрел на сидящего рядом Говорова, — Я, вроде, выпил немного, а вырубился на раз...

— Угу... — ехидно ответил Сашка, — до того, как вырубиться, ты ещё Наташке успел позвонить...

— Ты что, серьёзно? — Дима нахмурился ещё больше, — И что я ей сказал?..

— Ну, что сказал... — Сашка задумался, — Не, ну, ты, вообще-то молодец... Настоящий мужик, ничего не скрывал!

— В смысле?! — вытаращился на него Дима, — Чего я не скрывал?!

— Ничего не скрывал! Так и сказал: сижу с тремя тёлками. Две по бокам, третья — на коленях. Но ты, Наташа, не волнуйся, кефир я на ночь выпил, на горшок сходил, зубы почистил... А презервативы не покупал, они у меня ещё с прошлого раза остались...

— Саня, ты что?! — глаза у Димки стали похожи на чайные блюдца, — Какие презервативы... Дурак, что ли?!

— Интересное кино... Он говорил, а я — дурак, — Сашка выглядел невозмутимым, — приедешь — сам у неё спроси, если успеешь.

— Да иди ты... — Дима снова откинулся на спинку и закрыл глаза, — И так плохо...

— Ничё... сейчас приедем, на сцене оклемаешься, а вечером ещё обмоем выступление...

— Нет уж... сегодня я — пас.

— А чё пас-то? — Сашка удивлённо захлопал глазами, — Тем более, презервативы ещё с прошлого раза остались... Или ты их вчера все использовал? Да?!

— Наташ... — показывая Сашке кулак, Дима поднёс телефон к уху, — Привет... У меня всё нормально. Вчера?.. Да устали просто, немного посидели с ребятами. Ты где сейчас?.. С Валеркой гуляешь? Если увидишь Ирку, передай ей, что у Сани всё в порядке. Зубы на ночь чистит, на горшок просится, девочки только с презервативами... — отбиваясь от Говорова, пытающегося выхватить у него из рук телефон, Дима захихикал, но, взглянув на друга, громко рассмеялся и сам поднёс мобильник к его глазам, — Да всё, Саня, всё... ты чего такой бледный, я пошутил... да тут и связи не-е-е-т!

Уля, не двигаясь, сидела в гримёрке очередного дома культуры. Она даже не смотрела на своё отражение в зеркале, поглощённая своими невесёлыми мыслями. Полураздетые девчонки из подтанцовки и бэк-вокалистки сновали туда-сюда, готовясь к выходу на сцену, но она не обращала на них внимания. Вчерашний вечер, закончившийся для неё огромной обидой, нанесённой Максом, не выходил из головы, и она не представляла, как теперь выйдет с ним на одну сцену... Немного утешал тот факт, что почти все артисты в момент их ссоры были изрядно подвыпившими, и не все поняли, что произошло. Лишь Кристина, которая совсем не пила, и Никита Белов, тоже практически трезвый, расслышали слова, брошенные ей в лицо человеком, которого она так любила... Макс тоже был пьяным, но она понимала, что его поступок нельзя оправдать ничем.

Сначала ей хотелось убежать куда глаза глядят, но, выскочив на улицу, она испугалась заблудиться в чужом городе и села на первую попавшуюся ей на пути скамейку... Она с благодарностью подумала о Никите Белове... Он был единственным, кто бросился за ней, чтобы успокоить. Уля не сомневалась, что и Морозов поступил бы так же, но он, выпив лишнего, уже спал, а Говоров с Мазуром о чём-то громко спорили, не обращая ни на кого внимания. Развеселившиеся девчонки отчаянно флиртовали с ребятами из подтанцовки, и, возможно, тоже ничего не слышали, но, проснувшись сегодня утром, Уля не могла поднять глаз от стыда. Ей казалось, что все только и делают, что говорят о том, как обошёлся с ней Макс... Сам же Макс вчера вечером не проявил никакого желания загладить свою вину, и лишь сегодня утром, перед посадкой в автобус, нехотя подошёл к ней и попросил прощения... Его слова звучали скорее дежурно, и Уля слушала их, печально опустив глаза...

— Успокойся, Макс... — тихо произнесла девушка в ответ на его сбивчивые извинения, — Я не обиделась. Можешь жить спокойно...

— Уля... Ну, правда... извини... Я ничего не помню.

— Не помнишь, значит, ничего и не было, — так же, не поднимая глаз, она развернулась и вошла в салон автобуса. Устроившись на правом ряду у окна, она невольно слушала диалог Говорова и Морозова, сидящих рядом — через проход. Спрятавшись за большими чёрными очками, Дима то и дело прикладывался к большой пластиковой бутылке с минеральной водой, а Говоров ехидно подшучивал над его похмельным состоянием...

— Ну, как ты? — присев на соседнее кресло, Никита внимательно посмотрел на девушку, — Всё нормально?

— Всё нормально, — ответила она, едва улыбнувшись, — спасибо...

— Не за что... — внезапно смутившись, Белов замолчал. Повернув голову, Уля как бы случайно бросила на него взгляд: удлинённое лицо, высокие скулы... прямой нос, чуть выдвинутая вперёд нижняя челюсть, пухлые губы... Светло-русые волосы до плеч... родинка над верхней губой... Она видела его уже много раз, но сегодня парень показался ей особенно симпатичным.

С тяжёлым сердцем стоя за кулисами, Уля бросила взгляд на противоположную сторону сцены — туда, где стоял Макс. Заиграла музыка, и они, опустив головы, медленно шагнули вперёд, навстречу друг другу. Включилась дым-машина, сцена наполнилась белыми клубами, заморгала светомузыка...

Музыкально-хореографическая композиция «Мы вместе», которой они обычно начинали свою программу, уже подходила к концу. По сценарию, Уля и Макс должны были сойтись в глубине сцены, и, обнявшись, присесть на колени и скрыться в белом густом дыму. Раньше Уля с трепетом ждала этого момента: сначала, как романтический штрих в их с Максом отношениях... позже — как надежду на их возобновление... Но сегодня она с огромным трудом преодолевала желание, бросив всё, просто удалиться за кулисы. Когда зазвучали последние аккорды, и они медленно опустились вниз, она тут же сбросила с себя руки юноши.

— Убери руки... — она прошептала это почти беззвучно, одними губами, чтобы не было слышно в микрофон, и Макс, удивлённо посмотрев на неё, опустил кисти.

Когда их программа закончилась, Уля прошла в гримёрную и, не переодеваясь, какое-то время сидела молча, глядя в одну точку. Остальные девчонки подходили к ней, спрашивали, в чём дело, но она только отрицательно качала головой. Наконец, как будто решившись на что-то, она поднялась и вышла. Пройдя длинным коридором, снова оказалась неподалёку от сцены. Стоя возле кулис, Кристина и Макс наблюдали за выступлением «Ночного патруля», и Уля решительно направилась к ним.

— Кристина, я хочу с тобой поговорить, — как можно громче произнесла девушка.

— Поговорить?! — Кристина казалась очень удивлённой, — Ну, что ж, говори...

— Давай, отойдём, тут музыка очень гремит.

— Ну, что ж, давай...

Оставив Макса возле кулис, девушки прошли в глубь коридора и остановились у дверей в гримёрную.

— Я хочу уйти из проекта. Как мне это сделать? — глядя Кристине в глаза, сказала Уля.

— Что?! — округлив глаза, Кристина смотрела на девушку так, будто та сморозила какую-то глупость, — Уйти из проекта?!

— Да, — твёрдо ответила Уля, — я хочу уйти из проекта.

— Ты сегодня хорошо спала? — насмешливо спросила Кристина.

— Да, хорошо.

— Это невозможно, — сухо ответила Кристина, — я тебя даже не спрашиваю о причинах такой просьбы. Я только отвечаю: это не-воз-мож-но!

— Тогда я уйду сама...

— Ты не уйдёшь, — металлическим голосом сказала Кристина, — в вас вложены деньги, заявлены концерты. Впрочем... — она сменила тон и обаятельно улыбнулась, — Если ты заплатишь неустойку за разрыв контракта, то... ради Бога! Иди на все четыре стороны.

— У меня нет таких денег... — голос у Ули дрогнул, — Но я, правда... я больше не

могу...

— Если нет денег, значит, будешь петь, — отчеканила Кристина, — и больше таких разговоров я слышать не хочу.

Повернувшись, она стремительно прошла назад, к сцене. Посмотрев ей вслед, Уля молча вернулась в гримёрку, переоделась и, ничего никому не говоря, снова вышла за дверь.

* * *

— Ну, что, доигрались? — негромко, так, чтобы не слышали остальные, сказал Дима Кристине, когда та нехотя передала ему свой разговор с Ульяной. Концерт закончился, все артисты собрались в автобусе, чтобы ехать в гостиницу, а девушки нигде не было.

— Ой, Дима... — Кристина поморщилась, — Только вот не надо... Я вот почему-то никуда не убегая и из проектов не выхожу, хотя мне тоже нелегко.

— Ты себя не сравнивай, хорошо? — Дима стоял напротив неё, заложив руки в карман брюк, — Ты свободна и финансово, и юридически, делаешь, что хочешь... Выбрала себе этого пацана, а девчонка у тебя как заложница.

— Ой, Морозов... Как ты любишь всё усложнять...

— Ничего себе — усложнять... Ты отбираешь у неё парня, при этом она обязана с ним выступать на одной сцене и улыбаться?

— У неё контракт. Она хотела быть звездой? Хотела. А шоу-бизнес живёт по своим, волчьим законам, и здесь всегда приходится чем-то жертвовать, — жестикулируя руками, Кристина нервно заходила по комнате, — Можно подумать, другим легче...

— Вы ей звонить на мобильник пробовали? — Дима достал свой телефон, порылся в номерах, — У меня её номера нет...

— Да, Макс сразу позвонил, но она не снимает трубку.

— Дайте мне её номер, я попробую позвонить... — Никита озабоченно подошёл к Диме, — Я думаю, она этому уроду просто отвечать не хочет.

— У меня его нет... А где Макс? — Дима оглянулся в поисках юноши, — Куда-то ушел... Хорошо, поступим по-другому, — он достал телефон и нажал на «вызов», — Наташа, привет. Я тебе чуть позже перезвоню, а ты сейчас набери Ульяну. Если ответит, спроси осторожно, где она сейчас, хорошо?.. Я тебе потом всё объясню... Давай, жду... Сейчас, Наташка ей перезвонит, — эти слова предназначались уже Никите, который встревоженно следил за разговором.

— Спасибо, — Никита с благодарностью посмотрел на Морозова, — только бы Наташка дозвонилась...

— Дозвонится, — успокоил его Дима, — вот уже... Да, Наташ... Что сказала?.. Ничего себе... Ладно, сейчас разберёмся. Да не переживай, тут один благородный рыцарь отправляется на поиски... запиши его телефон и скинь ему номер Ульяны... — с этими словами Дима посмотрел на Никиту, — У вас всё хорошо?.. Улыбается?.. Поцелуй его, скажи, что от папы...

— Ну, что там? — нетерпеливо спросил Никита, когда Дима отключился от

разговора, — Что Наташка сказала?

— Короче... Ник, сейчас тебе от Наташки смс-кой придёт номер телефона Ульяны. Ты ей перезвони. Она сама не знает, где она сейчас, заблудилась в городе. Вся надежда на тебя... — многозначительно улыбнувшись, Дима хлопнул Белова по плечу, — Удачи!

— Спасибо, Дим... — Никита благодарно кивнул, — О, уже... пришло... смс...

* * *

Уля сидела на скамейке автобусной остановки и дрожала всем телом. Она не рассчитывала на путешествие по городу и была одета довольно легко для осенней погоды. Выскочив после неудачного разговора с Кристиной на улицу, девушка бесцельно пошла по освещённой дороге, и ей казалось, что она идёт по прямой... Когда же, опомнившись, она решила вернуться, то, пройдя довольно большое расстояние, поняла, что идёт совершенно по другому маршруту и совершенно не понимает, куда нужно свернуть, чтобы снова попасть к концертному залу, где они выступали. Расспросы прохожих ни к чему не привели — то ли это были не местные жители, то ли концертные залы в этом городе были на каждом перекрёстке, но никто не дал вразумительного совета. Поймать такси она не могла — деньги остались в гостинице. Когда внезапно зазвонил телефон, она с надеждой взглянула на входящий номер, но, увидев, что это звонит Макс, просто положила телефон назад в карман. Ещё совсем недавно она была бы счастлива снять трубку... Но сегодня разговаривать с ним совершенно не хотелось, даже несмотря на всю щекотливость ситуации. Когда же позвонила Наташа, то ответила ей охотно.

Третий звонок был от незнакомого абонента. Внутренний голос подсказал ей имя звонившего, и, сняв трубку, она поняла, что голос её не обманул...

— Уля?.. Это я, Никита... ты можешь подробно рассказать, что вокруг тебя?.. Никуда не уходи... Я скоро...

Она и так уже никуда не шла... Идти было некуда, город был чужим, а наступающая ночь не предвещала приятного времяпрепровождения на улице. Она искренне обрадовалась звонку Никиты... Присев на скамейку прозрачной автобусной остановки, она доверчиво ждала, когда он её найдёт...

...Она уже совсем посинела от холода, когда хлопнула дверца подъехавшего к остановке такси.

— Уля!.. — Никита быстрым шагом направлялся к ней, — Ну, наконец-то...

Вскочив, она бросилась к нему... Радость от того, что она, наконец-то, видит знакомое лицо в чужом городе, дополнялась каким-то непонятным чувством...

Усадив девушку в такси, Никита уселся рядом, на заднее сиденье, и назвал водителю гостиницу, в которой бригада артистов должна была провести ночь. Видимо, Уля дрожала так сильно, что парень расстегнул куртку и, притянув к себе девушку, укрыл её одной полрой

— замёрзшая до состояния сосульки, она даже не сопротивлялась.

— Согрелась? — заглянув ей в лицо, спросил Никита.

— Да... — смущённо ответила Ульяна, опутив длинные ресницы.

— Куда ты шла?

— Не знаю... — она растерянно пожала плечами, — Просто шла...

— Он тебя снова обидел? — тихо спросил Белов.

— Нет... — Уля отрицательно покачала головой, — Не обидел... Просто я хотела уйти из проекта, а Кристина не отпускает.

— Ты контракт подписывала?

— Да...

— Тогда понятно...

Поздно вечером, ложась спать у себя в номере, она вдруг отчётливо поняла, что это было за чувство... Радость от того, что её нашли, которую она испытала, увидев Никиту, была дополнена радостью от того, что это — именно О Н...

* * *

— Ну, где ты там? — открыв дверь своего одноместного номера, Кристина впустила Макса, — Полчаса уже тебя жду.

— Я ждал, пока Никита приедет...

— Никита? — Кристина удивлённо приподняла вверх брови, — Зачем тебе понадобился Никита?

— Он поехал Ульку искать, — нехотя пояснил Макс, — я и ждал, пока он приедет.

— Ну, и?.. — Кристина нервно прошла в комнату, — Приехал?..

— Приехал, — ответил Макс, — и Ульку привёз.

— О-о-о-о... дружок, а ты не ревнуешь?.. — девушка нахмурилась, — Если так, то...

— Кристина, не говори глупости, — Макс выглядел озабоченным, — при чём тут ревность? Она же из-за меня хочет уйти...

— Ну, и что? Какая разница — из-за кого? Она не уйдёт, это вопрос решённый.

— Если честно... — Макс замялся, — Если честно, мне очень неловко перед ней...

— Слушай... — она пристально посмотрела в его глаза, — Я хочу сделать тебе одно предупреждение. Если ты ещё не понял, что со мной нельзя так, как с большинством, то я в первый и последний раз тебе сейчас скажу: если ты хочешь сделать музыкальную карьеру, ты должен себе зарубить на носу: все эмоции — прочь. Всё чувства — прочь. Есть только цель, и... и... я... Но не как инструмент для достижения этой цели. А как женщина, рядом с которой ты сможешь добиться многого... Не с помощью... А — рядом. Почувствуй разницу. Если ты считаешь, что сможешь обойтись без меня — я тебя отпущу сразу и без сожалений, на все четыре стороны, с возмещением понесённых на тебя затрат. Но если ты хочешь быть со мной... ты должен видеть и слышать только меня... быть моей тенью... преданной тенью... если это не любовь, во всяком случае.

— Кристина... — он подошёл к ней вплотную, сомкнул руки у неё на талии, — Ты ведь и сама знаешь... Я люблю тебя. И я хочу быть рядом, даже если я ничего и не добьюсь.

— Да?.. — она кокетливо посмотрела ему в глаза, — Ну, тогда... докажи...

— Я готов... — развязывая поясок на её халате, прошептал Макс, — Я готов доказывать, хоть до утра...

* * *

— Кристина, мне кажется, ситуация набрала критическую массу. Ещё чуть-чуть, и произойдёт трагедия... — Дима сидел в кабинете Кристины напротив неё, сцепив, по обыкновению, пальцы, — Хорошо, что всё так закончилось на гастролях. Но ведь проблема не решена?

— Что ты хочешь от меня, Дима? — девушка насмешливо посмотрела на него, — Сердцу не прикажешь...

— Сердце тут ни при чём, во всяком случае, твоё...

— Да?! Ты у нас провидец? Видишь чужие сердца насквозь?

— Я знаю тебя...

— Что ты говоришь?! Ты знаешь меня... Я даже не знаю, радоваться мне или...

— Кристин... — он постарался смягчить тон, — Ну, если ты не можешь отпустить Макса от себя... Отпусти тогда Ульяну. Отпусти, а? Давай, сделаем ей сольный проект... Мы даже используем их сегодняшний конфликт. Представь — «Не успев начаться, закончилась карьера талантливого дуэта... Причина — любовь солиста к своему продюсеру...» И тебе — пиар, и им — пиар. Ещё больше успеха будет.

— Нет, Дима. Я уже сказала своё мнение на этого счёт.

— Кристина... — Дима заговорил ещё тише, — Давай отпустим девочку? Она ведь не выдержит, будет срыв.

— Ха, Морозов... — Кристина насмешливо посмотрела на него, — А ты не в курсе, что эта твоя девочка всю флиртует с Беловым?

— Да ничего она не флиртует, — Дима поморщился, — Он оказывает ей знаки внимания... но она-то любит Макса. Давай её отпустим?

— Нет, Морозов. Тема закрыта.

— Да тебе-то самой зачем это надо?.. — Дима с отчаянием посмотрела ей в глаза, — Ну, отбила парнишку... Девчонка-то тебе зачем?

— А вот тут, Морозов, ты просто дурак... — Кристина перешла на громкий шёпот, — Ты даже не представляешь, какое это наслаждение — знать, что кто-то сходит с ума, и ты — этому причина! А, уж видеть это...

— Тебе и вправду нужен психолог... — Дима с сожалением покачал головой, — Это ненормально.

— Ненормально? — она говорила всё так же, шёпотом, — А как же тогда ты? Ты сам разве не поступил так же со мной?.. Это не ты приводил сюда свою Наташу? Это не ты женился на ней, и теперь каждое утро попадаешься мне на глаза с довольной рожей? Мне дальше продолжать? Так почему нельзя — мне?..

— Это разные вещи, — Дима старался выглядеть спокойным, — и ты прекрасно об этом знаешь.

— Морозов... Кристина перешла на полный голос, — Иди отсюда! Я буду поступать только так, как посчитаю нужным. И прошу меня по этому поводу больше не тревожить.

— Привет... — открыв дверь в аппаратную, Уля столкнулась с Максом.

— Привет... — ответил он, — Как дела?

— Нормально... А ты что, на запись?

— Да...

— А разве сегодня не мой день?

— Твой... — он кивнул головой, — Но я решил сегодня вместе с тобой писаться. Там, в одном месте, мне не совсем нравится расклад голосов.

— Ну, хорошо... — она пожала плечами, — Сейчас и Никита придёт.

— А при чём тут Никита? — он недовольно отвёл глаза.

— Никита будет записывать гитарное соло.

— А почему именно в это время, когда у тебя запись вокала?

— Не знаю... Так Дима время поставил.

— Странно как-то...

— Ничего странного. Диме так удобнее.

— Привет... — дверь открылась, и на пороге возник Белов, — А где Дима?

— Привет, Никита... — радостно ответила девушка, — Дима?.. Дима у Кристины.

— Ладно... Пожалуй, я сегодня пойду... — Макс озабоченно взялся за ручку двери, — Хотя, нет... Пойду, поздороваюсь с Кристиной.

Анна Сергеевна ещё раз посмотрелась в зеркальную створку плательного шкафа и, прихватив изящную сумочку, вышла из своей спальни.

— Наташа, вы готовы? — заглянув в комнату сына и невестки, она невольно задержалась: надевая на Валерика тёплый комбинезон, Наташа в шутку слегка тормозила малыша, приговаривая ласковые слова. Видимо, Валерке это очень нравилось, и он громко смеялся в ответ своей юной маме.

— Да, почти готовы, — застёгивая молнию, ответила свекрови Наташа.

— Ну, тогда одеваемся и выходим. Мила нас уже ждёт.

Усадив Наташу с ребёнком на заднее сиденье своего красного «Пежо», Анна заняла водительское место и повернула ключ в замке зажигания. Валерику исполнилось уже четыре месяца, и во время последнего планового визита к детскому участковому врачу — совсем молодой девушке, только что окончившей медицинский институт, та поставила ему условный диагноз: врождённый порок сердца. Проплакав всю обратную дорогу, рядом с нахмурившимся от такой нерадостной новости Димой, Наташа сразу рассказала всё Анне Сергеевне.

«Мила, у нас беда...»

...После их последнего откровенного разговора, когда Мила сказала, что всё знает о давних отношениях Анны и Леонида, прошло уже много времени, и Анна, чувствуя свою вину перед Лапиной, с тех пор избегала с ней встреч. Но теперь, когда дело коснулось здоровья внука, она, отбросив все сомнения, отчаянно набрала знакомый номер... номер Милы Лапиной — своей подруги, заведующей амбулаторным отделением педиатрической клиники. Выслушав Анну, Мила, несмотря ни на что, с готовностью откликнулась и договорилась с заведующим отделением детской кардиологии о полном обследовании Валерика в назначенный день.

— Присаживайся, Аня, — Мила кивнула на мягкое кресло в своём кабинете, — пока они пройдут все процедуры, мы поболтать успеем, кофейку не одну чашку выпить.

— Да, кофейку я бы выпила... — Анна нервно поёжилась, — Не знаю, как Наташа, а я не спала всю ночь. Может, мне всё же нужно было пойти с ними?

— Не нужно, — Мила встала, включила чайник, достала из шкафа две небольших кофейных чашки, — я не говорила... у нас новый заведующий отделением детской кардиологии, очень талантливый врач. Я с ним в хороших отношениях. Как раз сейчас он занимается твоим внуком, — говоря эти слова, Мила опустила глаза и слегка покраснела, — он сделает всё возможное и невозможное, чтобы установить истинный диагноз и, если будет нужно, назначить правильное лечение.

— Господи, Мила... ты даже не представляешь, что это такое — внуки, — не заметив её волнения, Анна приложила руку к груди, — я помню себя молодой. Дима болел — я переживала, конечно, но как-то всё казалось проще... А сейчас... Мне кажется, что теперь

они очень просто ко всему относятся.

— Это возраст, Аня... — Мила грустно улыбнулась, — Так и должно быть.

— Ты знаешь, Диме был годик, а мы с Сашей бегали на танцы. Спать уложим, а сами — в офицерский клуб. И ничего... А вот теперь, Валерика, я бы ни за что не оставила одного!

— Ваш Дима его тоже боялся оставить одного. Помню, как он позвонил мне в тот день, — Мила налила в чашки кипятка, достала из тумбочки коробочку с печеньем, — он боялся даже выйти в магазин за детским питанием, хотя новорождённый ребёнок уж точно не выпал бы из кровати.

— Да... Когда он мне рассказал, что остался один с ребёнком, я чуть с ума не сошла. Мы за границей с Сашей, билетов на ранний рейс нет... Нам ещё четыре дня там нужно быть, а он тут один. Да и с Наташей неизвестно что...

— Дима ваш молодец. Мало кто вот так бы остался один на один с ребёнком, отправил бы в детскую, и дело с концом. А он позвонил мне — чуть не плачет... «Людмила Николаевна, как мне сына кормить?» — женщина невольно рассмеялась, — Я сначала сомневалась, что он справится, а потом посмотрела — он, как хорошая мамочка, всё расспросил, записал... И за жену очень переживал. Мне тогда показалось, что он её очень любит.

— Любит, — Анна Сергеевна вздохнула, — а я смотрю на неё и думаю... Как жаль, что это не Кристина.

— Полно, Аня... — Мила нахмурилась, — Наверное, так было на роду написано. Не получилось у них ни в первый, ни во второй раз. Что теперь об этом... Пусть будут счастливы каждый со своим... или своей...

— Мила... — Анна слегка побледнела, было видно, что то, что она хотела теперь сказать, давалось ей нелегко, — Я не знаю, правильно ли я сейчас сделаю... И надо ли... Но, всё же... Я хочу попросить у тебя прощения.

— Я давно всех простила... — Мила, опустив глаза, помешивала кофе, — И, если совсем откровенно, то... теперь я вообще по-другому смотрю на ту ситуацию.

— Почему?

— Пока не могу тебе ничего сказать... Может, придёт время, и ты узнаешь — почему.

Они уже выпили не по одной чашке кофе, когда дверь распахнулась: Наташа, совершенно счастливая, с Валериком на руках, буквально влетела в кабинет. Вошедший следом за ней высокий, кареглазый, темноволосый мужчина в медицинском костюме салатного цвета аккуратно закрыл за собой дверь и, оглядев всех присутствующих, задержал взгляд на Миле.

— Людмила... Николаевна... — мужчина слегка смутился, — Мы взяли кровь на анализы, некоторые будут готовы только через несколько дней, но я уже сейчас хочу всех успокоить... — он ещё раз обвёл взглядом присутствующих, — Ваш малыш абсолютно здоров, видимо, врач в детской поликлинике просто перестраховалась.

— Ну, вот, видите, — Мила улыбнулась, — кстати, познакомьтесь: Олег Михайлович Светлый, заведующий отделением детской кардиологии. Замечательный человек и не менее замечательный врач.

— С такой фамилией другим быть просто невозможно, — Анна Сергеевна кивнула, — спасибо Вам, Олег Михайлович, огромное. Вы просто сняли камень с моей души.

— Спасибо вам, — Наташа тоже с благодарностью посмотрела на доктора.

— Не за что, — улыбнулся тот, — если что, обращайтесь, можете через Людмилу Николаевну, — с этими словами мужчина с какой-то особой теплотой посмотрел на Лапину.

— Олег Михайлович, позвольте, я вам тоже представлю, — Мила кивнула головой в сторону Анны, — Анна Сергеевна, моя очень хорошая, давняя знакомая. Она — завуч гуманитарного лица, кстати, элитного лица... — улыбнувшись, она многозначительно посмотрела на коллегу.

— Вот так и обзаводимся нужными людьми, — засмеялся Олег Михайлович, — прямо на рабочем месте.

— А вот рабочее время у нас уже закончилось, поэтому можно и по чашечке кофе с коньячком, — Мила достала ещё две чашки, — Раз уж мы все тут нужные люди.

— Кроме нас с Валериком, — засмеялась Наташа, — Правда, я спеть могу под гитару, если что.

— Спеть?! — Светлый удивлённо посмотрел на девушку, потом, как будто что-то вспомнив, радостно улыбнулся, — Да-да... Точно! А я-то думаю, где я вас видел... Это же вы поёте в ресторане? «Дворянское гнездо», кажется?..

— Ну, да... — растерянно ответила Наташа, — Но не пою, а пела, прошлой зимой.

— Совершенно верно. Зимой, а, точнее, под прошлый Новый Год. Мы с приятелем ходили в ресторан, и он мне нахваливал певицу, а потом я и сам услышал! У вас очень красивый голос.

— Ну, вот, видите, Олег Михайлович, — Анна громко вздохнула, — я учу чужих детей, чтобы они заняли достойное место в жизни... А сын с невесткой поют по кабакам... — говоря так, Анна невольно задержала взгляд на собеседнике: серьёзные, внимательные глаза, тонкие, правильные черты лица, короткая стрижка... седина на висках, доброжелательность... Она подумала, что за благородной внешностью доктора должна скрываться такая же благородная душа. Наблюдательная от природы, она сразу заметила особые взгляды, которые бросал доктор Светлый на Милу. Взгляды эти были полны не просто мужского внимания, это были взгляды любящего человека.

— Нет-нет, зря вы так... — Светлый отрицательно замотал головой, — Я тогда получил настоящее удовольствие от пения...Наташи, кажется?.. — он повернул голову к девушке, Наташа кивнула в ответ, — Ну, вот, я не ошибся, Наташи. К тому же, вспомните «Сильву»... Классика!

— И правда, «Сильва» — это на все времена! — рассмеялась Мила, — Ребята, за это можно и коньячку без кофе... — она не успела договорить, как дверь резко распахнулась.

— Почему я до тебя не могу дозвониться?! — Лапин практически ворвался в кабинет жены, — Ты что, телефон отключила?

— Лёня, ты откуда? — Мила заметно смутилась, но тут же, справившись с собой, кивнула ему на свободный стул, — Присаживайся, выпей с нами кофе. Кстати... — она повернула голову к Светлому, — Олег Михайлович, познакомьтесь... Это мой муж, Леонид Борисович. Лёня, а это — Олег Михайлович, наш новый зав. кардиологическим отделением.

— Очень приятно, — с заметным вызовом ответил Лапин на приветствие Светлого, — я смотрю, у вас тут и без меня тёплая компания! — он перевёл взгляд на смущённую Анну, потом скользнул глазами по Наташе, — Видимо, я не вовремя...

— Лёня, ну как ты можешь быть не вовремя? — Мила постаралась разрядить

обстановку, — Понимаешь, Аниному и Сашиному внуку поставили серьёзный диагноз. Нужно было помочь, и Олег Михайлович рассеял все тревоги.

— Я очень рад, — буркнул Лапин, — Вы уже закончили? Ты мне нужна. Вернее, не мне, а Кристине...

— Ну, раз нужна... — посмотрев на присутствующих, извиняющимся тоном произнесла Мила, — Тогда придётся ехать.

— Да, нам тоже пора, — Анна поднялась с кресла, — ещё раз огромное вам спасибо, Олег Михайлович! Мила, — она повернулась к Лапиной, — можно тебя на пару слов?

Выйдя из кабинета вместе с Анной и Наташей, Мила глубоко вздохнула и невольно поправила чёлку. От Анны не ускользнуло ни охватившее её смущение, ни волнение от того, что она оставила Светлого и Лапина наедине.

— Мила, хоть ты и сказала, что всё бесплатно, но, всё же... Нам сегодня уделили столько внимания... Сколько я должна за визит и обследование Валеры? — понимая состояние подруги, Анна говорила торопливо, — Я ведь всё понимаю...

— Аня, ну, что ты... мы же договаривались. Всё чисто по-дружески, только анализы платные — но и то, только потому, что Олег... — она слегка запнулась на слове, — Михайлович... сам их не делает, в любом случае всё через лабораторию. А «эхо», ЭКГ и прочее — это уже его собственный лимит.

— Тем более, если его лимит... — начала было Анна, но Мила перебила её на полуслове:

— Аня... Его лимит и на меня распространяется, считай, что это моя личная помощь, — женщина улыбнулась, — всё... больше ничего не говорю. Счастливо вам добраться до дома! — она посмотрела на Наташу, которая держала уже одетого в тёплый комбинезон Валерку, — А мальчишка у вас с Димой просто чудо. Ну, всё, пока, я побежала! — с этими словами женщина скрылась в дверях своего кабинета.

— Что-то случилось, Лёня? — попрощавшись с Олегом Михайловичем, который, сославшись на позднее время, покинул их с Лапиным, Мила осторожно взглянула на мужа.

— Случилось?.. Это ты меня об этом спрашиваешь?! — глядя на неё исподлобья, сквозь зубы проговорил Леонид, — Или это я должен тебя спросить, что случилось?

— Лёня, я тебя не понимаю... — Мила устало вздохнула, — Мы едем домой или к Кристине?

— Домой... — выдавил Лапин, — Ты так и не ответила. Что происходит?

— А что происходит?

— Что?! Тебе перечислить?.. Ну, изволь... Ты стала задерживаться допоздна, при чём, совершенно, на мой взгляд, необоснованно. Ты перестала со мной общаться. Ты стала одеваться по-другому... ты вообще... — он гневно посмотрела на жену, — Ты вообще стала другой!

— Зато ты не меняешься, Лёня... — застёгивая модное пальто, грустно улыбнулась Мила, — Сколько лет мы вместе, а ты — всё тот же.

— Потому, что мне некогда растрачиваться на всякую чушь! Я пашу с утра до ночи!

— Я тоже не сижу дома, если ты помнишь, — она открыла дверь и, пропустив Лапина, вышла следом.

— Вот именно... дома тебя теперь практически нет! И, я уверен, что, не приди я сейчас, ты бы и не подумала идти домой. Что, скажешь — не так?

— Я скажу тебе больше, Лёня... — она повернулась к нему лицом, — Я бы с радостью вообще не возвращалась в наш с тобой дом.

— Так что же ты?! — он с возмущением посмотрел ей в глаза, — В чём же дело?!

— Вот и я думаю... — не опуская взгляда, задумчиво ответила Мила, — В чём же дело?..

* * *

Выйдя из клиники, Наташа с облегчением вдохнула слегка морозный ноябрьский воздух. После пережитых тревог и сомнений ей вдруг захотелось пробежаться вприпрыжку, но идущая рядом Анна Сергеевна и маленький Валерик на руках были серьёзным препятствием на пути исполнения этого озорного желания.

— Мне кажется, нужно заехать к Диме... — Анна пристегнула ремень безопасности, бросила взгляд в салонное зеркало, — Он будет рад.

— Давайте, заедем!.. — Наташа ухватила за эту мысль и, посмотрев на Валерика, расцеловала его в пухлые щёчки, — Сделаем нашему папе сюрприз.

...Репетиция новогоднего шоу с участием победителей первого конкурсного проекта «Звёзды зажигаются» окончилась, и молодые артисты, высыпав на крыльцо продюсерского центра, весело делились впечатлениями с Димой, который тоже вышел на улицу. Буквально через полчаса должна была начаться репетиция «Ночного патруля», и он, в ожидании ребят, поглядывал на подъезжающие к стоянке автомобили.

— Дима, а что, если вместо Ули роль Снегурочки сыграет Славик? — Алёна, заливаясь смехом, кивнула на долговязого, рыжего юношу, — А роль Дела Мороза — Кир? — взгляд упал на невысокого, худенького паренька.

— Ну, если бы вы выступали в «Кривом зеркале» или «Аншлаге», мы так бы и сделали, — засмеявшись в ответ, Дима обернулся и, скользнув взглядом по молодой женщине, выходящей из припарковавшегося автомобиля, снова взглянул на свою собеседницу, но потом, как будто что-то вспомнив, обернулся снова, — Марина?!

— Привет... — подняв голову, та от неожиданности замерла на месте.

— Привет... — Дима подошёл поближе, — Не ожидал тебя здесь увидеть.

— Да и я, в общем-то... — Марина говорила настороженно, было видно, что она слегка взволнована встречей.

— Ну, меня здесь можно видеть каждый день, — ответил Дима, — Здесь наша студия.

— А вы что, ещё не распались? — усмехнулась девушка, — Так всё и выступаете?

— Ну, да... — он пожал плечами, — Выступаем. Ты радио не слушаешь? Там сейчас много наших песен крутят.

— Нет, не слушаю... во всяком случае, в а ш е радио, и, вообще... если ты помнишь, музыкой я не интересуюсь, — насмешливо сказала Марина, — Значит, у вас всё хорошо?

— Ну, да... ничего... — Дима выглядел немного растерянным от её тона, — А как ты?

— Я? — она снова насмешливо улыбнулась, — Я — лучше всех. Окончила юридический, теперь вот практикую в качестве адвоката.

— Поздравляю, — серьёзно ответил Дима, — мы тоже универ окончили с ребятами.

— Ну, а как там... Кристина? — поправляя сумочку на плече, с иронией спросила Марина, — Надеюсь, у вас всё хорошо?

— Кристина — просто замечательно! — раздалось у неё из-за спины, и, обернувшись, девушка увидела саму Кристину — во время их с Димой разговора, та незаметно подошла сзади, — Кристина всегда лучше всех! Привет, Мариночка...

— Здравствуй... — окинув бывшую соперницу взглядом с ног до головы, Марина усмехнулась краешком губ, — Прости, не могу сказать, что рада тебя видеть.

— Ой, Маринка... ты всегда была слишком гордой... — деланно засмеялась Кристина, — А я вот рада тебе.

— Ну, ещё бы... — хмыкнула Марина, — Я и не сомневалась.

— Как ты? Замужем? Дети есть? — Кристина состроила участливое лицо, — Ты очень повзрослела...

— Уже не замужем... Детей нет... — посмотрев почему-то на Диму, девушка вдруг смущённо опустила глаза, — Что ещё тебя интересует?

— Да, в общем-то, информации больше, чем достаточно... — Кристина ехидно улыбнулась, — А вот Дима у нас уже — папа.

— Поздравляю вас, — Марина ещё раз бросила взгляд на Диму, — Сын или дочка?

— Сын, — ответила Кристина хвастливым тоном, — вылитый Морозов.

— Ну, что ж... — голос у Марины стал заметно глуше, — Надеюсь, он будет таким же талантливым... и... более разборчивым.

— О, матушка моя приехала... я сейчас... — удивлённо кивнув на подъехавший красный «Пежо» Анны, Дима, всё это время молча слушавший насмешливый диалог своих бывших невест, с облегчением шагнул навстречу матери, — Привет, ма...

— Димочка, возьми у Наташи Валерика, — выйдя из салона, Анна Сергеевна открыла заднюю дверцу автомобиля, — А то ей неудобно выбирать...

— Валерка-а-а-а... — приняв у Наташи сына, он высоко поднял его на руках, потом, расцеловав в свою очередь его румяное личико, приобнял Наташу, — Ну, что?.. Я жду звонка, а вы сами приехали... Что врачи сказали?

— Дима, всё хорошо! — Наташка посмотрела на него сияющими от счастья глазами, — Валерик абсолютно здоров...

— Серьёзно?! — расплылся в улыбке Дима, — Это окончательное заключение?

— Да, наверное, — кивнула Наташа, — Правда, ещё не все анализы готовы, но врач сказал, что с сердцем всё в порядке...

— Ура, Валерка!.. — воскликнул Дима, ещё раз подняв высоко на руках улыбающегося малыша.

— Дима, почему ты раздетый, ты сейчас простудишься! — Анна Сергеевна всплеснула руками, — Ещё не хватало, чтобы ты заболел...

— Да я вышел на минутку, а тут — Марина... — произнося имя девушки, он осёкся и посмотрел на Наташку, — Вот... поболтали...

— Марина? Какая Марина? — Анна Сергеевна обернулась назад, — Господи... Мариночка... А я стою и не вижу! И Кристина... — растерянно произнесла она, увидев

обеих девушек, — Здравствуйте, девочки...

— Здравствуйте, Анна Сергеевна, — Кристина постаралась сказать эти слова как можно приветливее, — очень рада вас видеть!

— Здравсьте... — совсем не радостно ответила на приветствие Марина, — И я рада вас видеть. Но, к сожалению, мне уже пора, меня ждут. Поэтому, всем — пока... — сказав это, она внимательно посмотрела на Наташу, которая всё это время молча стояла, растерянно распахнув свои большие карие глаза. Одной ладошкой она крепко сжимала Димкины пальцы, другой тербила перекинутую через плечо белую косу... Сам же Дима выглядел несколько смущённым возникшей ситуацией и прижимал к себе другой рукой Валерку, как последний аргумент правоты своего выбора...

Больше книг на сайте — Knigolub.net

— Пока, Марин, — кивнул он Марине на прощание.

— Знаешь... — уже собираясь уйти, девушка вдруг подняла на него глаза, — Я рада за тебя... — потом перевела взгляд на Наташку, с неё — на Кристину и добавила, обращаясь к последней, — Я рада, что это — не ты.

* * *

— Дим... — поздно вечером, лёжа в постели и, как обычно, уютно устроившись у него подмышкой, Наташа тихонько перебирала его пальцы, — А Марина... Она — кто?..

— Наташ... — он немного помолчал, потом, слегка сжав её ладошку, решился на ответ, — Марина — это прошлое... очень далёкое... слишком далёкое, чтобы ты о нём переживала.

— Я почему-то так и подумала... — она вздохнула и спросила как-то по-детски, наивно, — А я?..

— Ты? — он ласково улыбнулся и, приподнявшись, посмотрел ей в глаза, — Наташка... ты такой ещё ребёнок...

— Ну, Дим...

— Наташка... мы с тобой уже муж и жена, у нас Валерка...

— Ну скажи-и-ии... — она запрокинула голову, — я хочу услышать...

— Ты — настоящее... и будущее... — серьёзно сказал Дима.

— Правда? — она лукаво улыбнулась и обвила рукой его шею, — не обманываешь?

— Не-а... — он тихонько прикоснулся губами к её губам, — не обманываю...

— Ну, тогда... — она притянула его к себе и горячо поцеловала, — тогда... тогда — держись...

Никита сидел в небольшом зрительном зале продюсерского центра и не сводил глаз со сцены: Уля, в костюме Снегурочки, вместе с шоу-балетом исполняла одну из своих композиций. Генеральная репетиция новогоднего шоу шла уже второй час, и он терпеливо смотрел и слушал программу, которую выучил практически наизусть. Вот уже целый месяц он встречал девушку после каждой репетиции, чтобы отвезти домой, а потом быстро возвращался в студию, где к этому времени обычно собирался «Ночной патруль». Уля нравилась ему всё больше и больше, и Белов оказывал ей всяческие знаки внимания. Несмотря на то, что он тоже вызывал у неё симпатию, девушка держала строгую дистанцию. Макс никак не выходил у неё из головы, а ежедневные встречи с ним и совместные поездки и выступления только бередили душевную рану, не позволяя забыть его окончательно.

— Ну, что, всё отлично! — с последним аккордом Дима поднялся со зрительского кресла и несколько раз хлопнул в ладоши, — Ребята, если завтрашняя премьера пройдёт так же, то считайте, что успех нам обеспечен!

— Дима, я звонила отцу, он сказал, что все декорации будут установлены сразу же, как мы их привезём, нужно только указать время, чтобы подошли монтировщики сцены, — Кристина поднялась с соседнего кресла, — на который час их заказывать?

— Ну, выступление у нас на двадцать один час... Скажи ему, что часам к пятнадцати.

— Ну, хорошо.

— Да, кстати... — Дима усмехнулся, — У меня к тебе личная просьба.

— Вот как? — Кристина заинтересованно заулыбалась, — У тебя ко мне есть личные просьбы? Очень интересно...

— Не просьбы, а просьба. Пожалуйста, проинструктируй своего Макса, чтобы он вёл себя с Улей так, как будто они не были раньше знакомы.

— В смысле? — Кристина удивлённо приподняла брови, — Что ты имеешь в виду?

— Я имею в виду его реплики по поводу каких-то нюансов, известных лишь им двоим. Я не хочу сейчас в подробностях вспоминать его слова, ты просто ему скажи, я думаю, он поймёт. Я бы сказал сам, но там слишком интимная тема, лучше, если это сделаешь ты.

— Ну... хорошо... — нехотя пообещала Кристина, — Попробую.

— Дело в том, что он старается всё это говорить только в присутствии Никиты, и, я просто боюсь, что когда-нибудь у того сдадут нервы.

— Да? — Кристина задумчиво усмехнулась, — И что же сделает Никита?

— Да в морду даст ему, и всё... — пожал плечами Дима.

— Кстати... — решив перевести разговор в другое русло, девушка слегка замялась, — Помнишь, месяц назад ты встретил здесь Марину?

— Ну, помню... — Дима нахмурился в ожидании какой-нибудь колкости, — И что?..

— Да ничего... — теперь пожала плечами Кристина, — Оказывается, она теперь живёт в этом микрорайоне, как раз неподалёку от нас. Развелась с мужем, разменяла квартиру...

— Ну, и что, — взойдя на сцену, Дима внимательно разглядывал крепления декораций, — живёт и живёт... Ты-то откуда это знаешь?

— Я всё знаю... — следуя за ним, она загадочно улыбнулась, — Просто я переживаю за твою семейную жизнь. Ведь, если твоя Наташа узнает, кто такая Марина, и что ты каждый

день будешь встречать её на улице...

— Наташка знает. Это во-первых.

— А во-вторых? — Кристина кокетливо улыбнулась.

— А, во-вторых, перестань её цеплять. Я предупреждал. И не забудь поговорить с Максом... — с этими словами Дима развернулся и вышел из зала.

— А вот с этим гадёнышем я, действительно, поговорю... — Кристина произнесла эти слова негромко, как бы про себя, — И очень серьёзно поговорю...

* * *

— Спасибо тебе, Никита... — Уля взялась за ручку дверцы его автомобиля, — Мне так неудобно... Ты меня почти каждый день подвозишь домой, а я не могу тебя ничем отблагодарить.

— Почему?.. — глядя куда-то вперёд себя, глухо сказал парень, — Можешь...

— Как?.. — смутившись, девушка опустила длинные ресницы. Она не могла не видеть истинного отношения Никиты к себе, и сразу поняла, что он имел в виду. Ничего не говоря в ответ, он повернулся к ней... Вечерняя темнота скрывала всё, что находилось снаружи автомобиля, но неярко свет в салоне позволял ему видеть, как Уля слегка покраснела. Опустив голову, девушка сидела молча, как будто ожидая ответа на свой вопрос. Наклонившись к ней, он ладонями повернул к себе её лицо и попытался заглянуть в глаза. Но девушка так и не подняла взгляда. Притянув её к себе, он осторожно коснулся губами её губ... потом, прижав крепче, стал целовать... всё откровеннее и откровеннее... Съехав по шуршащей ткани вниз, рука скользнула под короткую полу тёмно-синего пуховичка, легла на колено... потом — выше.....

— Не надо... — увернувшись от губ Никиты, Уля убрала его ладонь со своей ноги, — Я не могу... прости...

— Это ты меня прости... — опустив голову, тихо ответил он, — Просто мне показалось, что...

— Знаешь, ты мне нравишься... — она сказала это торопливо, как бы извиняясь за себя, — но... я пока не готова...

— Ты всё ещё его любишь?..

— Я не знаю... — чуть слышно произнесла девушка, опустив глаза.

— Значит, любишь... — он кивнул сам себе, — Но я не понимаю... Как можно любить такого урода?

— Я пойду, Никита... — Уля снова взялась за ручку двери, — Не обижайся на меня, ладно?

— Я не обижаюсь... — он взял в руку её ладошку, — Тебе, действительно, нужно идти отдыхать... Завтра премьера.

— Да, завтра премьера... — она едва заметно вздохнула, потом, подняв на него глаза, спросила, — Ты придёшь?

— Ты хочешь, чтобы я пришёл?

— Конечно, — девушка улыбнулась, — Конечно, хочу...

— Я приду... — он поднёс к губам её ладонь, — Обязательно приду...

Войдя в квартиру, Уля не спеша разделась, посмотрелась в большое зеркало в прихожей. Никита ей, действительно, нравился... Она всё чаще ловила себя на мысли, что в его присутствии чувствует себя намного уверенней. Ложась спать и закрывая глаза, она старалась представить себе Белова, но сознание упрямо рисовало образ Макса... не этого Макса, которого она теперь видела каждый день — высокомерного, эгоистичного... А того — другого, которого она знала раньше, трогательного, светловолосого юношу с утончёнными чертами лица... такого родного, близкого, любимого... Слёзы невольно наворачивались на глаза, и девушка зарывалась лицом в подушку, чтобы никто не услышал, как она плачет.

...Соседки по комнате ещё не вернулись домой, и Уля, переодевшись, прошла на кухню. Она наливала в чайник воду, когда просигналил мобильный телефон.

— Да?.. — скользнув взглядом по входящему номеру, она невольно закрыла кран и отставила полупустой чайник, — Слушаю...

— Ты где? — без предисловий и приветствий спросил Макс.

— Дома... — недоумённо ответила девушка, — А что?

— Я... это... — вдруг смягчив тон, он слегка замялся, — я вот почему звоню... Ты не знаешь, завтра нас подвезут или самим нужно будет добираться до ночного клуба?

— Никто ничего не говорил... — она пожала плечами, — Каждый добирается сам.

— А, ну, понятно... — торопливо сказал Макс, — Спасибо за информацию, а то я не знал, ждать автобуса или самому ехать.

— А Кристина? Разве она тебя не подвезёт? — слегка насмешливо спросила Ульяна, — Я думаю, что как раз у тебя проблем с доставкой быть не может.

— Ну, при чём тут Кристина...

— Видимо, её нет поблизости? — Уля рассмеялась, — Раз ты так говоришь...

— А ты... Ты как будешь добираться? — он как будто не расслышал её слов, — На такси?.. Или тебя Белов подвезёт?

— Да, меня подвезёт Никита, — твёрдым тоном ответила девушка, — ты только это хотел услышать или что-то ещё?

— О ваших отношениях уже гудит весь продюсерский центр...

— Макс... — она усмехнулась, — Во-первых, у нас нет никаких отношений. А, во-вторых... во-вторых, даже если бы и были... Я свободна, разве не так?

— Ты очень наивна. И легко веришь всяким... — Макс замялся, — Всяким... кому не надо верить.

— Пусть тебя это не тревожит, — Уля снова взяла в руки чайник, — я уже взрослая. Спокойной ночи, Макс.

— Спокойной ночи, — растерянно произнёс юноша, — До завтра...

* * *

— Долго ещё? — сидя посреди комнаты на крутящемся стуле, Дима обречённо смотрел на своё отражение в зеркальной створке платяного шкафа.

— Потерпите, маэстро... — ловко орудуя феном, Наташа слегка подсушивала и укладывала его влажные после душа волосы, — На премьере вы должны покорить всех не только своим талантом композитора и режиссёра, но и внешними данными.

— Надеюсь, лаком причёску покрывать не будешь? — он поднял на неё глаза, — А то я уже себя чувствую каким-то гламурным мальчиком.

— Дима! — она возмущённо притопнула ножкой, — Артисты твоего уровня все причёсываются в салонах... каждый день, заметь!

— Ты хочешь, чтобы я каждый день посещал салон? — он многозначительно приподнял брови, — В принципе, можно... там обычно мастера — молодые женщины.

— Нет... — обойдя вокруг него, она ехидно улыбнулась, — Там обычно стилисты — молодые мужчины... Но они не в твоём вкусе... — как будто вспомнив что-то, Наташа рассмеялась, — Главное, чтобы ты не был в их вкусе.

— Мне как-то женщины больше по душе... — следя за ней глазами, улыбнулся Дима, — Особенно...

— Что — особенно? — лукаво спросила она, выйдя у него из-за спины и поправляя передние пряди, — Так... руки...

— Что — руки?..

— Дима!..

— Что — Дима?.. — усаживая её к себе на колени, многозначительно прошептал он, — Докрутилась?..

— А вы ещё не собрались? — заглянув к ним в комнату, Анна Сергеевна всплеснула руками, — До начала остался час, вы что себе думаете?

— Мы собрались! — повернув головы, одновременно воскликнули Димка с Наташкой. Сидя у него на коленях, она старательно стирала следы своей помады с его губ.

— Всё, я Валерика забираю, — заглядывая в кроватку, Анна улыбнулась малышу, — ах, ты, мой зайчик... Пойдём, там дедушка уже тебя ждёт!

— Мне всегда так не хочется его оставлять... — встав с Диминых колен, Наташа с сожалением взяла Валерку на руки и, расцеловав, отдала свекрови.

— Сегодня это необходимо, — Анна Сергеевна строго посмотрела на невестку, — жена музыканта обязана бывать на всех его премьерах, чтобы разделить с ним и успех, и поражение.

— Ма... зачем так официально? — Дима в свою очередь взял у неё из рук сына и поднял высоко вверх, — Валерка... мы пошли, а ты смотри тут за бабушкой и дедушкой!

— Ну, всё-всё... Езжайте уже, — протянув к ребёнку руки, с волнением в голосе произнесла Анна, — удачи тебе, сынок... Мы тобой гордимся, помни это... в любом случае.

— Вообще-то тебе положен фрак, — когда дверь за Анной Сергеевной закрылась, Наташа ещё раз придирчиво осмотрела Диму, — и галстук-бабочка... А ты идёшь в моднейших брюках и джемпере.

— Ну, ты тоже не в бальном платье... — окинув взглядом её стройную фигурку в коротком облегающем наряде, ответил Дима, — Так что... Кстати, а подлиннее у тебя ничего не нашлось?

— А что? — пряча улыбку, кокетливо спросила Наташа, — Тебе не нравится?

— Мне — нравится. Но может понравиться и другим...

— А вот для этого... — озорно стрельнув глазами, она перешла заговорщический тон, — Вот для этого ты не глазами на поклонниц, а глазами на жену.

— Вот вернёмся, я с тобой разберусь... — улыбаясь, Дима снова обнял её и наклонился к лицу, но голос Анны Сергеевны помешал его намерениям:

— Дима! Вы уже ушли?

— Да! — ответив хором, они на цыпочках пробрались в прихожую, — Ушли!..

* * *

Ночной клуб «Зебра» Леонида Лапина был полон посетителей. Премьера новогоднего шоу, музыку для которого написал Дима, должна была состояться с минуты на минуту, и все артисты в полном составе находились на сцене большого танцзала, за смонтированными декорациями.

— Ну, что, волнуемся? — Дима обвёл взглядом ребят, — Это нормально.

— Не то слово... — Уля поёжилась, — Вроде бы и не в первый раз на сцене, а что-то знобит...

— Ты сегодня очень красивая, — тихо произнёс Макс, так, чтобы не слышали остальные.

— Мне это уже сегодня говорили, — она едва улыбнулась, — не растрчивай своё красноречие.

— Догадываюсь, кто... — он иронично улыбнулся, — Впрочем...

— Впрочем, ты мне нужен... — тон Кристины, появившейся у него из-за спины, не предвещал ничего хорошего, — Но я подожду конца выступления.

— Кристина... — начал было Макс, но заигравшая музыка перебила его речь.

— Всё, начинаем! — махнув ребятам рукой, Дима спустился в зал, слегка подталкивая Кристину перед собой.

— Гад-дёнш... — оглядываясь на сцену, процедила девушка, — Ну, погоди... будет тебе и «красивая», и всё остальное...

* * *

— А, может, дать тебе фору?.. — держа в одной руке кий, Лапин победно направил указательный палец другой руки прямо на соперника, — Хотя... зная тебя, придётся подготовиться к поражениям на других поприщах... — он засмеялся и, положив кий на зелёное сукно, взял со столика два широких стакана с налитым виски. Протянув один стакан коренастому, моложавому мужчине — своему партнёру по бильярду, присел с другим в мягкое широкое кресло. Вир-бильярдная, в которой они сыграли уже несколько партий за сегодняшний вечер, находилась в полуподвальном помещении ночного клуба «Зебра», и музыка, гремевшая наверху, едва долетала до их слуха.

— Я бы, пожалуй, не отказался от чашки кофе, — выпив содержимое, мужчина

поставил стакан назад на столик и по-свойски потянулся, — что-то в сон клонит.

— Не проблема, сейчас принесут, — Лапин потянулся за телефоном, но собеседник сделал упреждающий жест:

— Нет-нет, не сюда... Почему бы нам не подняться наверх?

— Игорёк, никак тебя потянуло в массы? — ухмыльнулся Леонид.

— Ну, а почему бы и нет? — развёл руками Фишер, а это был именно он, — Пойдём, хоть на девочек посмотрим... Кстати, Любаша сегодня работает?

— Нет, сегодня на шесте у меня никто не работает, у нас сегодня другое шоу.

— Жаль, — Игорь покачал головой, — а что за шоу?

— Новогоднее. Музыкально-хореографическое... Кстати, сценарий и тексты песен писала моя дочь.

— Что ты говоришь! — Фишер сделал удивлённое лицо, — Тем более, нужно пойти посмотреть... Как она, кстати? Как супруга?

— Кристинка нормально... Вот не верил я, а её затея-то с продюсерским центром не пустой оказалась, раскручиваются, и довольно успешно. А супруга... — при этих словах он нахмурился, — Супруга что-то стала доставлять проблемы... Но это неважно. Если ты хочешь, то идём наверх.

— Кстати... — как будто что-то вспомнив, Игорь застыл на месте, — Как Анна?

— Анна? — Лапин недоумённо поднял брови, — Анна... даже не знаю. Мы как-то в последнее время мало общались... У Кристины с её сыном ничего не получилось, и наше общение сошло на нет. Правда, они работают вместе и видятся каждый день, это я про молодёжь. Ну, а мы с Морозовыми соблюдаем дистанцию.

— Если у тебя есть к нему претензии, давай, перетряхнём тот случай, — Игорь с готовностью посмотрел собеседнику в глаза, — проблем-то...

— Да не надо... — отмахнулся Лапин, — Кристина сейчас вся в работе, вроде бы, успокоилась. Ничего, жизнь сама всё расставит по местам.

— Ну, смотри, — пожал плечами Фишер, — если что, я к твоим услугам.

Поднявшись в танцзал, мужчины присели у барной стойки. Глядя на молодёжь, танцующую под зажигательные мелодии, написанные Димой для представления, Игорь откровенно разглядывал представительниц прекрасного пола. Выпитый в бильярдной виски слегка ударил в голову, а мелькающие лучи прожекторов и громкая музыка только усиливали действие алкоголя.

— Ну, кого ты там приглядел? — насмешливо, сквозь грохот музыки спросил Лапин, заметив, как Игорь то и дело посматривает в одну и ту же сторону, — Любашки нет, решил замену найти?

— Да у тебя тут есть, кого пригладеть, — рассмеялся Фишер, — , я бы на твоём месте...

— Что — на моём месте? — Леонид старательно следил за взглядом товарища, пытаясь угадать, кто привлёк его внимание, — Она? — он многозначительно кивнул головой на девушку с точёной фигуркой и распущенными, длинными белыми волосами, уложенными лёгкими локонами, рассыпавшимися по спине. Девушка танцевала к ним спиной, но изящные движения её тела не оставляли сомнений в хореографической подготовке и природной гибкости.

— Угу... — кивнув, одобрительно хмыкнул Фишер на вопрос Лапина, — Стоп... по-

моему, я уже где-то её видел... — старательно пытаюсь вспомнить что-то, произнёс он, когда девушка повернулась к ним лицом.

— Ну, так, ясное дело... — нахмурившись, ответил Леонид, — Видел...

— Где? — Игорь повернул к нему голову, — Напомни...

— А что напоминать? Это же из-за неё весь сыр-бор разгорелся, когда Морозов твоего Артёма избил. Та самая Наташа...

— Совершенно верно... — задумчиво произнёс мужчина, не отрываясь глядя на девушку, — Надо же... какая встреча...

— Наташ, ты про меня не забыла? — с некоторой долей обиды спросил Дима, когда обнаружил её среди танцующей молодёжи, — Я тебя по всему клубу ищу, а ты тут пляшешь.

— Ди-и-и-м... — она шутливо-умоляюще смотрела ему в глаза, — Не ругайся... Я так давно не танцевала! А тут наши ребята, из универа...

— Ну, ты хоть бы предупредила.

— Ну, всё, прости... — хитро улыбаясь, она обвила руками его шею, — Всё... больше не буду...

— Ладно... — обняв её в ответ, он улыбнулся, — Идём к сцене.

— Дим, я пить хочу, — она посмотрела на барную стойку, — возьми мне чего-нибудь попить.

— Нам два фрэша, пожалуйста, — присев на высокий барный стул, спиной к расположившимся рядом Лапину и Фишеру, Дима обратился к бармену.

— Спасибо! — устроившись на соседнем стуле, Наташа протянула руку за стаканом с соком. Сделав пару глотков, невольно бросила взгляд на мужчин, сидевших за спиной у Димы.

— Что с тобой? — встревоженно спросил он, заметив, как она изменилась в лице, но, обернувшись, тут же нахмурился.

— Здравствуй, Дима... — узнавший и его, и Наташу, но сидевший всё это время молча, Лапин нехотя кивнул вполоборота, — С премьерой тебя.

— Спасибо... — настороженно ответил тот, — Но не только меня, а всю труппу.

— Тебя — как композитора, — чуть насмешливо произнёс Леонид Борисович, — остальных поздравлю чуть позже.

— Тогда увидимся в конце программы... — кивнув, Дима взял Наташку за руку и направился к сцене, — До встречи.

— До встречи, — буркнул в ответ ему Лапин.

— До встречи... — задумчиво повторил Игорь Николаевич, глядя вслед Наташе, — До-встре-чи...

На негнущихся ногах Наташа отошла от барной стойки — Дима увёл её к самой сцене, на которой вовсю разворачивалось эстрадное представление. Сердце бешено колотилось, тело охватил озноб... Если встречу с Лапиным, в чей клуб они сегодня приехали, она могла предполагать и была к ней морально готова, то увидеть Игоря Николаевича — человека, на юбилее которого ей пришлось выступать полтора года назад, и с которым были связаны неприятные воспоминания, она совершенно не ожидала. Дима не рассказал ей о том, как в прошлом октябре, на открытии продюсерского центра, он «разобрался» за неё с сыном Игоря — Артёмом, и чем для него закончился этот инцидент...

— Дим... Ты только от меня не отходи, хорошо?.. — вцепившись в его руку обеими ладошками, она тесно прижалась к нему дрожащим телом.

— Наташ, ты чего? — он удивлённо посмотрел на неё, — Почему ты дрожишь? Так весело зажигала десять минут назад... — он попытался пошутить, но взглянув ей в лицо, сменил весёлый тон на серьёзный, — Не бойся, я ведь рядом.

— Знаешь, кто это был с Лапиным? — подняв на него испуганные глаза, спросила она.

— Знаю...

— Откуда?

— Знаю, Наташ... я потом тебе всё расскажу. А сейчас — забудь, ничего не бойся, ладно? — прижав её к себе за плечи, ответил Дима.

— Ладно... — почти шёпотом ответила Наташа, глядя на танцующих Снегурок. Встреча с Фишером потрясла её настолько, что она совершенно не воспринимала происходящее на сцене: мелькающая светомузыка, яркие декорации, танцующие и поющие артисты, музыкальное сопровождение слились в её сознании в один большой, бессмысленный ком, и только Димкина рука казалась ей спасением от нахлынувшего страха...

* * *

...Снегурки в абсолютно прозрачных, но с настоящей меховой оторочкой, «шубках», под которыми виднелись лишь узкие полоски ткани на груди и на бёдрах, в свете мерцающих лучей исполняли поистине акробатические трюки, и Леонид, краем глаза наблюдавший за реакцией публики, довольно улыбался: мужская аудитория не сводила глаз с трёх практически раздетых девушек, ритмичнодвигающихся по сцене.

— А ничего... ничего девочки... Я бы сказал — даже очень ничего! — многозначительно улыбаясь, прокричал Игорь на ухо Лапину сквозь шум, — Пожалуй, выбор есть...

— Ну, для этого и задумывалось, как вариант для ночных клубов, — так же громко ответил ему Лапин, — правда, у них табу на все контакты со зрителями, таковы условия.

— А почему? — разочарованно спросил Фишер, — Смысл?

— Загадочности больше, — ухмыльнулся Лапин, — И цена выше...

— А, ну, так цена всё же есть? — Игорь приподнял брови, — Это другой разговор.

— Да... Но тут куча нюансов, — поморщился Леонид, — правда, об этом — не здесь.

— Понял... — многозначительно сказал Фишер, — Тогда пошли, ещё партийку разобьём...

— Я смотрю, девочка тебе всё же только одна понравилась, — ухмыльнулся Леонид Борисович, закрывая за собой дверь бильярдной, — заметил, заметил, куда ты всё оглядывался.

— Да... девочка мне понравилась, — со смешком ответил Фишер, — ещё в прошлом году, на моём сорокалетии понравилась.

— Ну, вот тогда и нужно было действовать, — Лапин открыл бар, достал бутылку виски, — чего же ты?

— Артём всю малину испортил, — развёл руками Игорь, — вырастил сыночка. Деньги мои ворует, алкоголь мой пьёт, девчонок моих... гм... ну, ты понял... Если не в постель затащит, так по-другому напакостит, как в данном случае.

— Да уж, — рассмеялся Леонид, — девчонок особенно жалко...

— А что, эта Наташа часто бывает в твоём клубе? — Фишер взял протянутый стакан с виски, — Я просто никогда раньше её тут не видел.

— А ты сам-то часто здесь бываешь? — хмыкнул Лапин, — Тебя, как того Деда Мороза, если только раз в год можно увидеть.

— Лёнчик... ты же знаешь, род моей деятельности не предполагает особую публичность.

— Знаю, знаю... — закуривая сигарету, ответил Леонид, — тут мы с тобой как на разных полюсах. Я — на виду... ты — в тени...

— Да, ты так и не ответил... — сделав глоток, Игорь тоже затянулся сигаретой, — Часто она здесь бывает?

— Эх тебя пробрало... — усмехнувшись, Лапин покачал головой, — Не знаю, но предполагаю, что не бывает вообще.

— Жаль... — Фишер выпустил струю дыма, — Но где-то она всё-таки бывает? Я не имею в виду учебные заведения и концертные площадки.

— Понятия не имею, Игорёк, — насмешливо проговорил Леонид, — Да и поздно ты спохватился...

— Почему?

— Эта девушка замужем, за тем самым Димой... Ты же видел их только что вдвоём.

— Ну и что, — Игорь многозначительно улыбнулся, — это для меня не препятствие... ты мои схемы знаешь.

— Ну, ты профессионал... — так же многозначительно ответил Лапин, — Только тут есть нюансик...

— Какой?.. — прищурившись, Игорь откинулся в кресле и глубоко затянулся.

— Грудной ребёнок, насколько мне известно.

— Вот как!.. А девочка-то совсем созрела... — ухмыльнувшись, Фишер закинул ногу на ногу, — Как время-то летит...

— Я бы сказал — перезрела... — наливая ещё виски, ослабилась Леонид, — Так что...

— Ну, тут ты не прав, — подняв брови, Игорь улыбнулся собеседнику, — рожающие девочки имею свои преимущества.

— Ну, ты профи в этих вопросах, поэтому спорить с тобой не буду, — примирительно

подняв ладони, Лапин отрицательно замотал головой, — но у меня к тебе одна ма-а-а-ленькая просьба...

— Слушаю... — Игорь кивнул головой и внимательно уставился на Леонида.

— Ты отставь, пожалуйста, идею насчёт этой девочки... — поморщился тот, — Это моя личная просьба.

— Интересно-интересно... — Фишер подался вперёд, — А не секрет — почему?

— Э-э-э-э... стоп-машина! — Лапин снова поднял ладонь, — Это не личный мой интерес, даже не заморачивайся. Тут другое. Понимаешь, как бы ни было, а Сашка Морозов — он мой друг ещё со школы... Дима — его сын... Анна — жена и Димкина мать... Даже учитывая то, что у Кристинки с Димой не сладилось по вине этой самой Наташи, я не такой уж отморозок. Кое-что человеческое и мне не чуждо, — эти слова Леонид произнёс почему-то зловеще, так, что его собеседник удивлённо усмехнулся.

— Ну, я тебя понял, Лёнчик... — Игорь кивнул головой, — хотя... задал ты мне задачку. Ты же знаешь: я, если что задумал, из головы не выкидываю.

— Ну, сделай исключение... — угрюмо ответил Лапин, было видно, что эти слова даются ему с трудом.

— Тогда давай так. Я пока свои мыслишки положу под сукно, но, если что... какие-то обстоятельства — ты уж прости... — Фишер весело развёл руками, — Ну, или если ты вдруг изменишь свой подход...

— Добро! — громко рассмеявшись, Леонид пожал протянутую Игорем руку, — По рукам!

* * *

— Представляешь, Юль, он сказал «нет»! И — всё... — Наташа вытерла слезинку тыльной стороной ладони, — Так обидно...

— Ну, ладно тебе... — Юля засмеялась, — Нашла из-за чего плакать после всего, что тебе пришлось пережить.

— Да я понимаю... Но я так хочу на сцену... А он — «нет», и всё... — ещё одна слезинка скатилась по румяной на морозе щеке. Наташа, в новой шубке с накинутым на голову капюшоном, изящных сапожках на высоком каблуке, медленно шла по улице вместе с Юлией Семченко. Девушки встретились в университетском дворе, куда Наташа приехала по учебным делам, а Юля — по корреспондентским.

— А чем он это мотивирует? — спросила Юля, продолжая начатый разговор, — Может, у него на тебя другие планы?

— В том-то и дело, что я в его планы не вхожу, — Наташа грустно вздохнула, — но Дима тут ни при чём, конечно... Он сам практически подневольный с этим контрактом.

— Ой, Наташ, слушай, это как при крепостном праве, — Юля покачала головой, — осталось найти богатых покровителей, которые бы выкупили гения из неволи.

— Покровители тоже просто так не будут никого выкупать... Дима сделал ошибку, когда ушёл под Лапина, — серьёзно ответила Наташа, — но он не ради себя... Им по-другому было не пробиться. И, если бы они были заурядными музыкантами, то его можно было бы упрекнуть в тщеславии, но они, действительно — талантливые, при чём, все. Поэтому он и пошёл на этот шаг: ради себя и ребят.

— Да, я знаю, Витя рассказывал, — Юля тоже посерьёзна, — Теперь что уже... терпи.

— Юль... я терплю... и буду терпеть, сколько нужно... Но... понимаешь, раньше всё было по-другому. Мы учились, мы были всё время вместе, да и он не столько времени пропадал в старой студии, я ходила с ним на их репетиции. А сейчас мы вообще не видимся.

— Ну, так уж и не видитесь... — Юля лукаво улыбнулась, — Ночевать-то домой приезжает, наверное?

— Ну, вот только что ночевать, а я целый день жду. Поэтому, когда мне вчера позвонили из клуба и предложили выступить у них сольно с программой, я так обрадовалась... Тем более, что выступление было назначено на конец декабря, у меня было время и вокалом заняться, и гитарой, и собой.

— А что за клуб и как они на тебя вышли? — Юля с интересом посмотрела на собеседницу, — Может, Диме именно этот клуб не понравился?

— Я не знаю, как они на меня вышли... — Наташа пожала плечами, — Я ничего не успела выяснить, я только сказала, что перезвоню... Клуб — ночной и, вроде, какой-то элитный... загородный... Они обещали очень хорошо заплатить.

— И что — Дима?

— А Дима... — закусив губу, Наташа снова вздохнула, — А Дима, как услышал, сразу: «Нет»! Вот он всегда так... И раньше, когда мы просто жили вместе... Меня много куда приглашали, а он — не пускал. Но тогда он хоть хотел, чтобы я с ним выступала, а сейчас этот вопрос закрыт.

— Наташ, может, стоит к нему прислушаться? Может, он что-то знает про этот клуб?

— Да я и так прислушиваюсь! — с отчаянием воскликнула Наташа, — Я его слушаюсь... после одного случая... Но, я так хотела бы где-нибудь выступить!

— Может, он из-за Валерика? — предположила Юля, — Его ведь нужно с кем-то оставлять, даже если ты будешь репетировать дома, всё равно — спортзал, хореография... да и вокалом удобнее заниматься не в квартире.

— Дело в том, что Анна Сергеевна меня поддержала, представляешь? — Наташа смотрела на Юлю округлившимися глазами, — Я сама удивилась, но она была за!

— Да... ситуация... — девушка развела руками, — тогда вариант остаётся один.

— Какой?

— Дима просто ревнует... — рассмеялась девушка, — И боится тебя отпустить из дома. И... я его прекрасно понимаю.

— Что ты понимаешь? — Наташа удивлённо посмотрела на Юлю.

— Ты и раньше была хорошенькая, а сейчас... Это я даже как женщина тебе говорю — ты очень изменилась, Наташа, и в лучшую сторону, благодаря рождению Валерика. Это видят мужчины... но Дима это знает лучше всех остальных. Кстати, он сам-то где сейчас?

— Дома, — тихо ответила Наташа, — с Валерой сидит... мы поссорились...

— Ой, не представляю вас поссорившихся! — Юля посмотрела на неё с недоверием, — Даже нарисовать себе такую картинку не могу.

— Ну, мы не ругались, конечно... Просто я ушла одна... уехала на маршрутке.

— Да... ссора бурная... — снова рассмеялась Юля, — Ничего, к вечеру помиритесь.

— Понимаешь... — Наташа снова закусил губу, — Они завтра уезжают на гастроли...

— Да уж, знаю... — усмехнулась Юля, — Мазурик сегодня весь шкаф наизнанку вывернул — носки свои собирал по цвету...

— Переехала бы ты к нему насовсем, — улыбнулась Наташа, — глядишь, и носки бы парами лежали...

— Посмотрим... — задумчиво сказала Юля, — Как говорится, замуж — не напасть... Ну, и, что у нас с гастролями? — она вернулась к теме.

— С гастролями всё нормально, только у меня одиннадцатого декабря день рождения. Двадцать лет — круглая дата... А Димы не будет... — подбородок дрогнул, слезинка запуталась в длинных ресницах, — Вот...

— Так ты на него обиделась, что он тебя выступать не пустил, или что его не будет в день твоего рождения? — пряча улыбку, Юля остановилась и заглянула Наташе в глаза, — Честно?..

— Не знаю... — та со вздохом отвела взгляд, — Я так скучаю по нему...

— Вот-вот... скучаешь, а сама убежала одна. Поехали, я тебя домой отвезу...

— Поехали, — ещё раз вздохнув, кивнула головой Наташа, — Спасибо тебе, Юль...

...Войдя в квартиру, она тихо разделась в прихожей и так же тихо прошла в их с Димой комнату. Она уже приготовилась к расспросам — почему уехала одна, но, взглянув на кровать, только улыбнулась... Дима лежал на спине, одной рукой обнимая Валерку. Тот, распластавшись у папы животиком по груди, смешно сжимал кулачки и шевелил пустышкой. Оба спали, и было так тепло и спокойно смотреть на них, таких родных и любимых, что Наташа, не удержавшись, сама прилегла рядом и закрыла глаза...

* * *

— Поздравляю! Саня не тот пульт загрузил, — Никита, укладывая свою гитару в общую кучу аппаратуры на задней площадке комфортабельного автобуса, внимательно разглядывал коробку от микшерного пульта.

— Точняк — не тот? — Витька высунулся из-за спинки кресла, — Может, просто коробка от старой консоли?

— Нет... новый пульт в старую коробку не влез бы. Перепутал Саня...

— Чё я перепутал? — Говоров встал со своего места, — Чё за наезд?..

— Наезд по теме, брат... — Мазур, подбоченившись, смотрел на Сашку из угла салона, — Пульт-то старый...

— Твою мать... — взглянув на коробку, Сашка почесал затылок, — Точно... И чё теперь?.. Далеко мы отъехали?

— Далеко... Возвращаться проблемно, — Витька прицокнул языком, — хотя, если Дима скажет...

— А что Дима? — подал голос сам Дима, — Дима не грузил... и Дима не старший...

— А кто старший? — Сашка плюхнулся на кресло рядом с Морозовым, — Ты чё, сам себя разжаловал?

— Угу... — отвлечённо глядя в окно, кивнул Дима, — Разжаловал... бы...

— Чё случилось-то? — Сашка обеспокоенно посмотрел на друга, — Дома что-то?

— Да нормально...

— С Наташкой поругался?

— Нет... устал что-то. Хочется просто дома побыть, чтобы никуда не ехать, не бежать, с

Валеркой повозиться... Я же его почти не вижу, Саш, а он каждый день сейчас меняется: утром ухожу — он один... вечером прихожу — он уже другой... Я не знаю, что Наташка чувствует, как мать, но, Саня, ты представить не можешь... Когда берёшь ребёнка — своего ребёнка — на руки, это такое... такое чувство... словами не передать...

— Дней через десять, надеюсь, и я узнаю, — Сашка улыбнулся, — Ирку вчера в больницу положили.

— А чего не сказал?

— А никто и не спрашивал... — пожал плечами Говоров, — Я всю ночь уснуть не мог... всё думал... думал... только под утро вырубился. Вот, спросонья и пульт перепутал.

— Ладно, как-нибудь отработаем, — успокоил его Дима, — А о чём думал-то?

— Да о жизни... Так вот живёшь-живёшь, ни о чём не думаешь... А потом — бац! и папаша...

— Да ты философ, — засмеялся Дима, — Это на тебя будущее отцовство так подействовало?

— Не знаю, Димыч... — Сашка расплылся в счастливой улыбке, — Может быть... Кстати, — он толкнул Диму локтем, — А ты-то чего опоздал? Тоже не спал?

— Тоже... — Дима посерьёзnel, — вообще не спал.

— Наташка не давала? — ехидно спросил Говоров, — Или ты ей?

— Да нет, она как раз спала...

— Что-то случилось?

— Не знаю... Странная вещь, Саня. Позавчера ей кто-то позвонил и предложил выступить в загородном VIP-клубе, в конце декабря.

— И что? — Сашка удивлённо повернул голову, — Что тут такого?

— Понимаешь... непонятно, кто это, и откуда про неё узнали. Но это не главное... Главное — у меня почему-то очень плохое предчувствие... И, что ещё удивительнее, ей предложили за выступление такую сумму, что нам за три концерта не заработать.

— Ни фиги себе... И что?

— И ничего... Она уже собралась бежать репетировать... — Дима усмехнулся, — Но я не пустил. Наташка обиделась, не разговаривала целый день... Потом успокоилась. А мне до сих пор почему-то не по себе...

— Мне кажется, ты зря заморачиваешься, Димыч... — Сашка пожал плечами, — Мало ли богатых с причудами? А про Наташку пол города знает, во-первых по ресторану, во-вторых, по песне с радио... Да и на концертных площадках она много выступала.

— Не знаю, Саш, но мне это очень не нравится. Позвонили на мобильник. Откуда узнали номер?

— Так, может, это развод? — Сашка пожал плечами, — Шутка?..

— Не шутка. Сказали, если она согласится, половину суммы сразу переведут на счёт. Но она, конечно, не из-за денег загорелась... Ей просто на сцену хочется, она же одна целыми днями, с Валеркой, а я в студии. А тут ещё день рождения через четыре дня — круглая дата, а мы ещё в поездке будем... Вот что делать?

— Надо подумать...

— Димыч... — Витька заглянул в номер гостиницы, в котором ночевал Дима, — Сашка сказал, что у тебя проблема с Наташкиной днюхой? Так вот... Юлька говорит, что у неё есть идея...

Проводив Диму на очередные гастроли, Наташа вернулась в комнату. Было раннее утро, но спать не хотелось, и она, взяв к себе Валерика, просто лежала на кровати, целуя его пухленькие щёчки, слегка тормоша и ласково с ним воркуя. Валерик агукал ей в ответ и улыбался, демонстрируя первый наклюнувшийся зубик. Обида на Димку прошла ещё вчера, и Наташа с нежностью думала о нём, ловя себя на мысли, что, даже если он совсем бы запретил ей петь, она не стала бы любить его меньше... Валерик, насмеявшись вместе с ней, уснул, и она сама, как ей показалось, ненадолго сомкнула ресницы.

...Нащупав рукой сигналивший мобильник, она, всё ещё сонная, поднесла его к уху.

— Да, Дим... — ласково произнесла Наташа в трубку.

— Здравствуйте, Наташа, — раздался в трубке мужской голос, — Это Илья, артдиректор «Лунного света». Я звонил вам позавчера, насчёт вашего выступления. Мы договорились, что вы подумаете...

— Да, я помню, здравствуйте, Илья, — быстро встав с постели, ответила Наташа, — Знаете, к моему огромному сожалению, я не могу выступить у вас.

— А... что за проблемы? Может, я могу помочь их как-то решить? — осторожно поинтересовался собеседник, — Дело в том, что люди, которые хотели бы вас послушать, очень в этом заинтересованы... Вы могли понять это по сумме гонорара.

— Да, я всё поняла, — она говорила торопливо, как бы извиняясь, — Но... у меня чисто семейные обстоятельства, маленький ребёнок.

— Хорошо, я понял, — так же вежливо сказал Илья, — Я всё передам, ещё раз извините за беспокойство.

— Да не за что, это вы меня извините... — растерянно сказала Наташа и положила трубку.

Она не совсем понимала, почему Дима не разрешил ей принять предложение выступить с сольной программой в элитном ночном клубе, ведь это было бы так кстати... В последнее время она очень беспокоилась за своего отца. Болезнь Валерия прогрессировала, и учатившиеся сердечные приступы снова привели его на больничную койку. Вердикт врачей был неумолим: нужна срочная операция. Очередь на бесплатное лечение была слишком велика, и гарантий на то, что отец доживёт до него, никто не давал. Оставалось одно: делать операцию без очереди, платно. Узнав об этом, Наташа упала духом: она знала, что у отца нет таких денег... В отчаянии, она рассказала обо всём Диме. «Впереди новогодние чёсы, будем собирать нужную сумму» — ответил он ей, и она немного успокоилась. Теперь же, когда за выступление в «Лунном свете» ей пообещали баснословный гонорар, она была готова ухватиться за предложение, ведь ещё неизвестно, сколько заработал бы Дима до конца декабря, до той даты, когда нужно было оплатить операцию... Но, узнав об этом предложении, он сказал твёрдое «нет».

последнего в гастрольном туре города. Всю дорогу Уля грустно смотрела в окно... Эти несколько дней она провела почти ни с кем не общаясь, даже с девочками из подтанцовки, с которыми почему-то сдружилась ближе всех. Каждый день бригада артистов давала по 2 выступления — одно в концертном зале, другое в ночном клубе, и, если «патрули» и ребята из новогоднего шоу были заняты каждый в своей программе, то Уля и Макс работали в обеих, и девушка к концу поездки очень устала, хоть и не признавалась в этом даже самой себе. Она чувствовала, как душевные силы покидают её: Макс, после недавнего случая, не отходил от Кристины ни на шаг, старательно избегая малейшего с ней, Улей, общения... Никита тоже, вопреки обыкновению, держал с ней дистанцию. Она вспоминала, как за неделю до поездки он провожал её домой.

У самого подъезда он вдруг взял её за руку... «Уля, я не буду говорить, что ты для меня значишь. Ты знаешь всё сама. Но я больше так не могу... Того общения, что есть у нас с тобой, мне недостаточно. Ты можешь мне сейчас что-то сказать по этому поводу?» — он пытливо заглянул ей в глаза, но она, уже в который раз, опустила взгляд.

«Никита... Я всё понимаю. Ты мне тоже не безразличен, но... Пока я не могу переступить через себя. Я не обижусь, если ты решишь больше со мной не общаться». Она произнесла это, отвернувшись в сторону, едва слышно, как будто боялась, что он, действительно, больше к ней не подойдёт. Помолчав какое-то время, он положил руки ей на плечи и повернул к себе.

«Тогда вот что... давай, сделаем так. Я две недели не буду надоедать тебе своим присутствием... А ты постарайся что-нибудь решить, хорошо? Как решишь — мой телефон у тебя есть. Если я не дождусь твоего звонка, значит... — он снова ненадолго замолчал, потом, как будто окончательно решившись, продолжил, — Я не спрашиваю тебя, согласна ли ты, это бессмысленно. Поэтому... поэтому, пока...» — слегка сжав ладонями её хрупкие плечи, он опустил руки и, развернувшись, ушёл прочь. Постояв немного возле подъезда, Уля с тяжёлым сердцем взялась за дверную ручку.

Все дни до поездки и во время неё Никита выполнял своё обещание. Он вёл себя так, как будто они были едва знакомы — при встрече он только здоровался, а, если нужно было что-то спросить, он делал это так, будто обращался к совершенно постороннему человеку, а не к ней, Уле... Сначала она спокойно восприняла выбранную им манеру поведения, но потом, по прошествии нескольких дней, стала ловить себя на мысли, что ей очень не хватает Никиты, не хватает его знаков внимания, его ежедневных провожаний, его искреннего участия... А ещё — не хватает его чувства к ней... Чем больше проходило времени, тем сильнее она тосковала... Когда же она вдруг заметила, как в автобусе Анжела под села к нему и всю дорогу весело болтала, стало ясно — Никита ей дорог, и это серьёзно...

* * *

— Девушка, посмотрите, пожалуйста, бронь, — облокотившись о стойку, Дима обратился к администратору гостиницы, — на двадцать человек.

— Да, есть... — миловидная женщина лет тридцати пяти, поведив мышкой, посмотрела на монитор компьютера, — Знаете, только у нас накладка получилась с номерами. Вам должны были оставить трёх- и четырёхместные, а оставили двухместные.

— Да, проблемка... — Дима забарабанил пальцами по стойке, — Ну, что поделать...

Сейчас будем считаться, кому с кем жить.

Когда все «пары» кое-как были распределены и ребята отправились в свои номера, Дима снова подошёл к стойке администратора.

— Девушка, — он обаятельно улыбнулся, — У меня к вам ещё одна, личная, просьба.

— Слушаю, — «девушка» кокетливо поправила причёску.

— Я бы хотел снять ещё один номер, уже за свой счёт.

— Понимаю... — многозначительно кивнула женщина, — одноместный, двухместный?..

— Двухместный, и, желательно, люкс... Ну, что-то типа как для молодожёнов.

— О!.. — она игриво покачала головой, — Даже так...

— Да, — Дима перешёл на заговорщицкий тон, — Только мне ещё будет нужна ваша помощь...

— Желание клиента для нас — закон, — она слегка прищурила красивые зелёные глаза, — Я внимательно вас слушаю...

* * *

Сидя на заднем сиденье такси, Наташа с интересом рассматривала вечерние, разукрашенные разноцветными огнями улицы незнакомого ей города, в который она прилетела около получаса назад. Свой двадцатый день рождения она неожиданно провела в спешных сборах и недолгом полёте, и единственным обстоятельством, омрачающим её праздничное настроение, было расставание с Валериком.

— Наташа, можешь поступить с ними так, как душа велит, — вручая ей довольно солидную сумму денег в качестве подарка, Александр Иванович расцеловал невестку, — Купи себе, что захочешь, или потрать на своё усмотрение.

С благодарностью принимая такой «серьёзный» подарок, она только изумлённо хлопала длинными ресницами — утро было, действительно, полным приятных неожиданностей... Не считая ранних звонков от Димы, отца, Светланы Петровны, Алины, Оксанки, Сергея и других знакомых и родственников, поздравительные смс-ки и сообщения в «одноклассниках» сыпались одно за другим. Но больше всех в это утро порадовала Анна Сергеевна. Поздравляя Наташу вместе с Морозовым-старшим, свекровь неожиданно предложила:

— Наташа, если хочешь, слетай сегодня к Диме, мне почему-то кажется, что встреча с ним будет для тебя самым лучшим подарком. Этих денег хватит на билет, ещё и останется, а назад приедете вместе, автобусом. Впрочем... — она вдруг на короткое время превратилась в строгую классную даму, — Впрочем, ты можешь потратить их с большей пользой, но... — снова смягчив тон, Анна Сергеевна кивнула головой, — В любом случае, мы тебя поймём.

— К Диме! Конечно, к Диме! — не удержавшись, Наташка повисла на шее у свекрови. Она и сама не ожидала от себя такой бурной благодарности, не говоря уже об Анне

Сергеевне, которая, расчувствовавшись, даже чмокнула нелюбимую невестку куда-то в висок, — А Валерик?.. — когда схлынули все эмоции, вдруг опомнилась Наташа, — Как он?.. Вы ведь работаете...

— На сегодня у меня отгул, а завтра и послезавтра выходные, тем более, что вы с Димой вернётесь рано утром в воскресенье. Вот и будет у тебя праздничное романтическое путешествие, — ответила Анна.

Ещё раз поблагодарив Димкиных родителей, Наташа побежала в свою комнату — спешно собираться. Сидя в подушках, Валерик внимательно наблюдал за своей мамой, и Наташе в какой-то момент показалось, что малыш загрустил... Борясь с желанием отказаться от поездки, она взяла Валерика на руки:

— Мальчик мой хороший... Валерочка... — целуя его крохотные пальчики, она виновато смотрела на сына, — Можно, я поеду к папе?.. Я так по нему скучаю...

Будто что-то понимая, малыш притих, не сводя с неё своих синих-пресиних глазёнок... Потом, вдруг выплюнув пустышку, заулыбался... засучил ножками, заагукал, выражая своё согласие и одобрение — так показалось Наташе, и она, обцеловав его всего — с беленькой пушистой макушки до розовых маленьких пяточек, стала наскоро собираться.

— Только вы Диме ничего не говорите, если он вам позвонит... — с этими словами она попрощалась с его родителями и Валериком, перекочевавшим в спальню бабушки и дедушки, и вышла из дома. Судя по сведениям, полученным из интернет-справочника, до самолёта оставалось около двух с половиной часов, и Наташа, поймав такси, отправилась в аэропорт, на всякий случай, пораньше...

— Вы можете улететь прямо сейчас, сегодня есть дополнительный рейс по этому маршруту, — кассир авиакассы аэропорта подняла на неё глаза, — Регистрация уже заканчивается, но вы ещё успеете... Ну, как, летим?..

— Летим конечно! — обрадованная Наташа кивнула головой и протянула паспорт.

* * *

Завернув за угол четырёхэтажного здания, такси остановилось у центрального входа гостиницы.

— Ну, вот он, ваш «Постоялый двор», — таксист, мужчина средних лет с круглой, блестящей лысиной, протянул девушке сдачу, — Приехали.

Пробежав по снежной, хрустящей дорожке, Наташа поднялась на невысокое каменное крыльцо и взялась за ручку массивной, стилизованной «под старину», двери.

— Здравствуйте, — обратилась она к заметно молодящейся даме, сидящей за стойкой администратора, — скажите, пожалуйста, в вашей гостинице проживает Дмитрий Морозов?

Их тут должно быть человек двадцать, они артисты.

— Девушка, — дама недовольно поджала узкие, накрашенные яркой помадой, губы, — если вы интересуетесь с целью провести здесь ночь в погоне за артистами, то мы таких сведений о наших жильцах не даём.

— Нет, — засмеялась Наташа, — я не буду ни за кем гоняться, честное слово! Я сама сниму у вас номер, мне только нужно точно знать, здесь они остановились, или нет... — с этими словами она достала из сумочки коробочку «Рафаэлло», которую купила себе ещё перед вылетом, но так и не открыла, — Это вам...

— Девушка, — дама строго посмотрела на Наташу, — я взяток не беру.

— Ну, что вы, какая это взятка, — засмеялась та, — чаю попьёте за мой день рождения. Мне сегодня исполнилось двадцать лет.

— Ну, если за день рождения... — протянув за коробочкой руку, дама смягчила строгий тон, — Это другое дело, поздравляю!

— Спасибо! — улыбнулась Наташа, — Вы мне только скажите, я в ту гостиницу приехала, или нет.

— Как, говорите, фамилия? — дама открыла регистрационную книгу, — Артиста вашего...

— Морозов. Дмитрий Александрович.

— Так... — дама внимательно, сквозь очки, просматривала список жильцов, — Ага... Есть такой.

— Ой, спасибо! — радостно воскликнула Наташка, — А в каком он номере живёт, не скажете?

— Ой... вообще-то мы таких сведений... — дама покачала головой, — Ну, да ладно... стрелять в него, надеюсь, не будете?

— Не буду, — пряча улыбку, Наташа положила локти на стойку, — честно...

— Что, поклонница, наверное? — укоризненно посмотрела на неё дама, — Эх, девчонки... Что же вы так себя-то не уважаете? Ездите за ними, по гостиницам вылавливаете, а он тебя и не запомнит, небось... Та-а-ак... Морозов, Белов... двести восьмой... Подожди-ка... — она внимательно уставилась на страницу, — Не-е-е-т...

— Что — нет? — Наташа встревоженно посмотрела на женщину, — Всё правильно, Белов тоже с ними.

— Белов-то с ними... — задумчиво, вглядываясь в запись, произнесла дама, — Белов-то в двести восьмом так и есть... А вот Морозов... Морозов сегодня на ночь снял отдельный номер.

— В смысле?.. — растерянно спросила Наташа, — Зачем ему снимать отдельный номер, у них гостиница оплачена согласно райдера...

— Ну, это уже не наше дело, — дама пожала плечами, — мужчины — они такие... Вырвутся на свободу, и ищи-свищи. А уж артисты...

— Подождите, а номер... одноместный?

— Нет... на двоих... Люксовый... — женщина ещё раз посмотрела в регистрационную книгу, — Так что, девушка, кто-то тебя опередил. Езжай спокойно домой.

— Спасибо... — изменившимся голосом проговорила Наташа, — А там у вас не написано — кто с ним будет в этом номере?

— Знаешь, милая, — захлопнув книгу, дама строго посмотрела на неё поверх очков, — я и так тебе слишком много рассказала... Меня за такое уволить могут. Так что, догадайся

сама, для кого снимают такие номера.

— Ещё раз спасибо... — побледнев от такой новости, Наташа отошла от стойки. Мысли перемешались в голове, и она в растерянности присела в мягкое кресло. Машинально достала мобильный телефон, но, покрутив его в руках, лишь взглянула на время — около восьми вечера... «Патрули» должны быть ещё на концерте. Не зная, что делать — то ли ехать на вокзал, то ли остаться здесь, она вышла на улицу. Ей очень хотелось посмотреть на Диму... В голове не укладывалось — в её день рождения он снимает в гостинице отдельный номер... и, судя по выражению лица администраторши, номер на двоих с женщиной... Остаться, чтобы посмотреть ему в глаза? Посмотреть — на кого он променял её в такой день? Неужели это не в первый раз?..

Закусив губу, Наташа изо всех сил боролась с предательскими слезами, навернувшимися на глаза... Может, просто сесть в поезд и уехать домой? Забрать Валеру и вернуться к себе — в маленькую квартирку на третьем этаже старой пятиэтажки... Мысли с бешеной скоростью проносились в голове, и она не заметила, как отошла от гостиницы на довольно приличное расстояние. Почувствовав, что замёрзла, в растерянности остановилась посреди улицы. Спешащие по своим делам прохожие то и дело толкали её, огромные стеклянные витрины магазинов почему-то казались ей неприветливыми, а проносящиеся мимо по чужому проспекту автомобили вызывали сиротливое чувство...

Желание увидеть Димку перевесило, и она, немного постояв, повернула назад, к гостинице... Не думая о том, что она ему скажет, о чём спросит, Наташа шла по вечернему городу, дыша через перчатки на замёрзшие пальцы и вытирая с лица слёзы...

— Девушка... — едва справляясь с собой, она подошла к уже знакомой стойке администратора, — У вас при гостинице есть кафе или ресторан?

— Да, конечно. Выйдете на улицу и завернёте за угол — с торца вход в ресторан, — за стойкой находилась уже другая женщина, не та, с которой час назад разговаривала Наташа.

— Спасибо...

— Не за что, — женщина скользнула по ней зелёным взглядом.

Окончательно замёрзшая, она решила согреться и вошла в небольшой вестибюль гостиничного ресторана. Уже подходя к гардеробной, бросила взгляд через раскрытые двери в обеденный зал... Комок подступил к горлу — за одним из столиков сидели Витька с Сашкой и ещё две девушки, лиц которых ей не было видно, но, судя по довольным физиономиям парней, беседа была весёлой. Не раздеваясь, она стремительно направилась в их сторону.

— О! Натаха! — Сашка сделал изумлённое лицо, — А ты почему так рано?!

— Что — рано?.. — тяжело дыша от охватившего её возмущения, она перевела взгляд с Говорова на Мазура, — Рано — в смысле не вовремя, да?!

— Рано — это рано... — Витька заржал, — Просто Дима не рассчитывал...

— Дима не рассчитывал?! — возмущённо перепросила Наташа, — Ничего, у него всё ещё получится... — подбородок снова предательски задрожал, — Так что передавайте ему привет... — она наконец-то посмотрела на сидящих с ребятами девушек, — Развлекайтесь и дальше... — подняв взгляд, вдруг осеклась: в дверях стоял растерянный Димка с огромным букетом белых роз...

— Саня, у тебя есть пятьсот рублей наличными? Тут банкомат не рабо... — начал было он, но, заметив Наташу, оборвал речь на полуслове, — Наташка?!

Она на мгновение замерла... В груди что-то заныло... Обернувшись на Говорова и Мазура, сделала к ним шаг...

— Это тебе от Ирки! — новая модная сумочка взлетела вверх на длинном ремешке и смачно плёпнулась о Сашкину спину...

— А это тебе от Юльки!.. — взметнув белёсые кудри, второй раз сумка впечаталась в Витькин затылок...

Почти бегом выскочила из зала, мимо растерявшегося Димы.

— Любит она тебя, Димыч... — Витька потрогал голову, — Мне треснула, Сане треснула, а тебя даже пальцем не тронула.

— Натаха, а за что?! — вдогонку крикнул Сашка, но она уже не слышала...

— А что такое?.. — Дима удивлённо обводил глазами друзей, — Откуда она?.. Я же ничего ещё...

— Что-что... беги, догоняй, пока она всех не перебила, — Сашка кивнул головой на двери, — бери огонь на себя.

* * *

Выскочив из ресторана, Наташа кинулась к крыльцу гостиницы. Не рассчитав высоту, поставила ногу на ступеньку: скользнув по обледеневшему краю узкой подошвой сапожка, нога поехала назад... Ударившись коленом о ребро крыльца, съехала и приземлилась всем телом на снежную дорожку. От обиды и боли хотелось зареветь в голос, но она только мужественно закусила губу...

— Наташа! — держа одной рукой розы, Дима выбежал следом за ней, — Ты куда?!

— Уйди от меня!.. — кое-как поднявшись, Наташка снова упрямо поставила ногу на ступеньку.

— Да что случилось?! — он в недоумении попытался обнять её свободной рукой, но, отталкивая его, она снова поскользнулась на крыльце...

— Убери руки... — держась за ушибленный в этот раз локоть, она снова с трудом поднялась на ноги... Осторожно взобравшись на скользкое крыльцо, в дверях с горечью и обидой обернулась к ничего не понимающему Морозову, — Спасибо тебе за день рождения! Розы только не поморозь...

...Дежурная администратор гостиницы разговаривала по телефону; взглянув на входные двери, удивлённо приподняла брови: девушка, недавно спрашивающая про ресторан, вся в снегу, хромая, прошла к стойке. Парень, снявший номер на двоих, с растерянным выражением лица вошёл следом...

— Скажите, у вас есть одноместные номера? — едва сдерживая слёзы, спросила девушка.

— Есть... — удивлённо глядя на неё зелёными глазами, ответила женщина, — давайте паспорт.

— Пожалуйста... — порывшись в сумочке, Наташа протянула документ.

— Так... Морозова Наталья Валерьевна... — дежурная снова подняла взгляд, — Так вы у нас уже прописаны.

— Как — прописана?! — непонимающе захлопала длинными ресницами Наташа, — В смысле?!

— Ну, вот же, ваш муж снял номер на двоих... Двести второй, ещё днём. И велел просто отдать вам ключ... — кивнув на Диму, ответила женщина, — Только он сказал, что вы будете к двадцати двум часам, а сейчас только двадцать один тридцать... Понимаете, — она обратилась уже к Диме, — я уходила, а сменщицу не предупредила, думала, что всё равно успею к приезду вашей жены. Вы уж простите...

— Да ничего страшного... — Дима, всё ещё недоумённо поглядывая на Наташку, переминался с ноги на ногу, — Я тоже думал, что успею...

— Ну, так я отдаю ключ? — спросила администратор.

— Попробуйте... — вздохнув, ответил Дима.

— Давайте... — почему-то шёпотом сказала Наташа и протянула ладошку. Прохромав в угол вестибюля, где на одном из диванов лежала её дорожная сумка, виновато посмотрела на мужа...

— Дим...

— Наташка... — шагнув к ней, он осторожно положил цветы на диван.

— Димочка... — не удержавшись, кинулась к нему, обвила шею руками, — Прости меня, ладно?.. Ладно?.. — целуя его лицо, шептала горячо, лихорадочно... — Ты простишь?

— Наташка... — целуя в ответ, он взял в ладони её заплаканное лицо, — Как же я тебя люблю... С днём рождения!..

— Катя, узнай, постояльцы из двести второго на месте? — вошедший быстрым шагом мужчина с большой металлической корзиной обратился к администратору, — Царский ужин в номер заказали...

— А вот они... — усмехнулась женщина, кивнув на Диму с Наташей, — Appetit нагуливают...

— Ой, девчонки, что сейчас было! — Соня, танцовщица шоу-балета, вбежала в номер, в котором жила вместе с Улей, — Но это надо было видеть...

— Что было-то? — Анжела, расчёсывая перед зеркалом свои шикарные волосы, посмотрела на девушку, — И, главное, где?

Девчонки, участницы новогоднего представления, собрались в одном номере после поездки на концерт «патрулей». Их выступление было назначено на следующий вечер, и молодые артистки коротали время, как могли.

— В ресторане, — Соня обвела присутствующих смеющимся взглядом, — Говорила же, не уходите так рано, давайте, просто посидим после ужина. Там народу совсем мало.

— Так то, что по райдеру, мы проели, а свои деньги тратить жалко, — повернулась к ней Анжела, — а просто так сидеть — скучно.

— Сегодня было бы весело! — Соня загадочно усмехнулась.

— Ну, и что же там такого весёлого было?

— Короче... — девушка оседлала свободный стул задом наперёд и положила локти на его спинку, — Сидим мы такие с Олькой, Говоровым и Мазуром... Никого не трогаем. Вдруг залетает Морозовская жена...

— Кто?! — Анжела недоверчиво посмотрела на подругу, — Морозовская жена?

— Ну, да, — Соня кивнула головой, — Морозовская...

— А откуда она взялась-то? — округлив и так огромные чёрные глаза, удивилась Анжела.

— Ты слушай дальше... — Соня махнула рукой, — Короче, залетает. Подбегает к нашему столику... Ага, говорит, развлекаетесь?! И — бац Говорову сумкой по башке... потом — бац Мазуру... И убежала!

— А Димы что, не было? — Уля, молча слушавшая всё это время, подала голос.

— Дима пришёл как раз, когда она «патрулей» сумкой била, но так и стоял в дверях, — девушка звонко расхохоталась, — наверное, боялся подойти. А она — мимо него, и на улицу!

— А за что это она их? — Анжела удивлённо приподняла тёмные, красиво очерченные брови.

— Понятия не имею, — Соня весело покачала головой, — но, видать, заслужили. А! — она как будто что-то вспомнила, — Она ещё какие-то женские имена произнесла... Что-то типа «Это тебе от Ирки... это тебе от...» — не помню... Но было та-а-а-к прикольно!

— Ой, у неё же сегодня день рождения, — вспомнила Ульяна, — она мне сама говорила, что придётся одной быть в этот день, без Димы... Значит, решила к нему приехать, — при этих словах девушка почему-то погрузнела.

— Заодно и проверить его моральный облик... — засмеялась Соня.

— Ага, проверяла облик Морозова, а досталось Мазуру и Говорову, — в тон ей ответила Анжела, — кстати, интересно, где они сейчас?..

— А нас сегодня «патрули», что, не звали к себе? — Соня посмотрелась в небольшое зеркальце, — Будем в своих номерах сидеть?

Уля хотела что-то ответить ей, но дверь внезапно распахнулась, и показавшаяся на пороге Алёна отвлекла всеобщее внимание.

— Девчонки, там Морозов та-а-а-кой торт огромный приволок! Сказал, что на всех. Идём?

— А куда? — хором спросили Анжела и Соня.

— В наш номер, Светка уже его режет...

Собравшись в номере Алёны и Светланы, девушки с восторгом разглядывали огромный двухъярусный торт, занявший добрую половину стола.

— Я так понимаю, это на всю бригаду... — слизывая с пальцев крем, Света обвела взглядом девчонок, — Нужно остальных звать.

— Я за «патрулями»! — Анжела с готовностью кинулась к двери, но, вдруг, обернувшись, посмотрела на Улю, — Макса с Кристиной звать?

— Как хочешь... — девушка пожала плечами, — Только вряд ли Кристина пойдёт... А... почему ты меня об этом спрашиваешь?

— Да... так просто... неважно... — махнув рукой, Анжела выпорхнула из помещения.

Не прошло и пятнадцати минут, как большинство молодых артистов собрались в вышеупомянутом номере. Не было только Кристины с Максом, Димы и Никиты.

— А чё, водочки сегодня не будет? — подбоченившись, Мазур разглядывал разрезанный на небольшие кусочки шедевр кондитерского искусства, за неимением такого количества блюд аккуратно разложенный на бумажных салфетках, — Димон водочку зажал?

— Нет, он вот ещё что принёс... — Света с хитрым выражением лица достала из шкафа четыре бутылки шампанского, — Сказал, что девчонкам нормально, а если Мазур с Говоровым будут водку требовать, то он им потом проставится, чтобы тут не буянили...

— Какой облом на этом фронте... — Сашка полез в чёрный полиэтиленовый пакет, который принёс с собой, — Как знал, что надо взять! — литровая бутылка дорогого крепкоалкогольного напитка водрузилась на стол.

— Вот это другой разговор, — потирая руки, Мазур присел на кровать, к которой был придвинут стол, — девчонки, где у вас мелкая посуда?.. И это... чё, водку тортом будем закусывать?

— Ну, Дима так и предполагал... — кивнув сама себе, Алёна достала из тумбочки пластиковые стаканчики, несколько вакуумных упаковок с мясными деликатесами и баночки с готовыми салатами, — Он сказал, если вдруг обойдётся без пьянки, съешьте, девочки, просто так.

— А сам-то он где? — Влад, из группы подтанцовки, протянул стаканчик Говорову, — Мне водки, если можно...

— Можно, если осторожно... — наклоня бутылку, Сашка сосредоточенно сдвинул брови, — Дима не жадный... Водка тоже его... я пошутил...

— Так а сам-то он где? — Влад зачем-то поднёс наполненный стаканчик к носу, — Спиртягой, вроде, не воняет...

— Ты чё, брат, думаешь, Дима тебя палёнкой будет поить? — Мазур усмехнулся и, взяв

свой стакан, коротко выдохнул и выпил содержимое, — Ух ты... мягкая...

— Ты чё... а тост?! — Сашка возмущённо посмотрел на друга, — Без тоста даже бомжи не пьют, ты чё, Мазурик?

— Точно!.. — снова протягивая стаканчик, Витька подмигнул хихикающим девчонкам, — Давай... под тост... Шампусик-то себе налили?

— Так, а сам Дима-то где? — Влад с полным стаканом в руках снова задал свой вопрос, — И, главное, за что пьём? Снова за успех?

— Угу... — Витька кивнул, — За успех... всей его жизни...

— Да за Наташин день рождения, да? — улыбаясь, Уля взглянула на парней, — Да?

— Вот, хоть один человек знает, за что Димон проставился... — Сашка жестом показал на девушку, — Да. За Натаху. А сам он... Надеюсь, пока ещё жив... Ну, что, вздрогнули?

— А, так это она к нему приехала в честь своего дня рождения! — догадалась Соня, — Тогда понятно... А что же сама не явилась к народу? Они там что, втроём с Беловым в двести восьмом празднуют?

— Зачем с Беловым? — закусывая бутербродом, Витька пожал плечами, — Белый сегодня в гордом одиночестве — Дима на ночь себе с Наташкой двухместный люкс снял.

— Обалдеть... — многозначительно подняла брови Ангела, — ночь в шикарном номере... ванна с лепестками роз... шампанское во льду... дорожка из ароматизированных свечей...

— Ага. А утром она его так же сумочкой — бац по башке! — засмеялась Соня, — Вот тебе, Дима!.. Я хотела белые лепестки... А ты чего подсунул — красные?!

Вся компания дружно засмеялась, только Уля укоризненно покачала головой:

— Девчонки, ну как вы так? Дима вон, какой стол накрыл, а вы над ними смеётесь... Некрасиво же.

— Ой, Улька... — Ангела стрельнула своими чёрными глазами, — Какая ты серьёзная! Мы же просто шутим! Кстати, — она кивнула на полный стаканчик, — ты почему не выпила? Тем более, за свою подругу...

— Сейчас... — вздохнув, Уля сделала несколько глотков.

— Не-е-е-т... Давай до дна... А то ей счастья не будет!..

Допив шампанское, Уля взяла кусочек торта, но есть почему-то совсем не хотелось. Отсутствие Макса и Кристины её сегодня даже радовало, ей всё ещё было тяжело видеть их вместе. Она и сама не понимала, где берёт душевные силы, чтобы справляться с этой поистине садистской болью... Иногда ей казалось, что Макс понимает её состояние — она ловила на себе его взгляд... виноватый взгляд... Но в присутствии Кристины он теперь старался не смотреть на неё вообще, лишь на сцене, действуя согласно сценария.

...Она вдруг поймала себя на мысли, что отсутствие Никиты огорчает её гораздо больше, чем отсутствие одного Макса. Отойдя к окну и глядя на ночной, полный огней, город, Уля вспомнила слова Никиты...

«Если ты что-то решишь, то я буду ждать твоего звонка...»

«Почему он не пришёл сюда... Он сейчас один в номере... Дима — с Наташей...

Никита — один...» — так думала Уля. Тёплое, какое-то щемящее чувство вдруг нахлынуло... окатило с ног до головы... Ей вдруг ужасно захотелось его увидеть. А ещё... ещё захотелось почувствовать его руки... Желание было таким сильным, что она невольно глубоко вздохнула...

...Незаметно покинув шумную компанию, она прошла в свой номер и там достала из сумочки мобильный телефон.

«Я хочу тебя видеть».

Набрав торопливо текст, отчаянно нажала на «Отправить сообщение»... Ответная смс пришла через несколько секунд.

«208»...

Три цифры... Он отправил ей лишь три цифры... В голове зашумело. Пытаясь справиться с охватившим её волнением, она несколько раз глубоко вздохнула и шагнула в коридор...

...Дверь в двести восьмой номер была не заперта — потянув её на себя, Уля робко вошла внутрь...

Никита сидел в кресле, как будто готовясь к старту... Ей на мгновение показалось, что он не поверил, что она придёт — таким радостно-изумлённым был его взгляд.

— Никита... мне так захотелось тебя увидеть... — услышав эти слова, он вскочил с кресла и кинулся к ней.

— Если бы ты знала, как я ждал... — взяв в ладони её лицо, он вглядывался в синие глаза, — Уля...

— Мне так захотелось тебя увидеть... — снова повторила она и робко положила руки ему на плечи, — Сильно-сильно захотелось...

— Останься сегодня со мной, — осыпая её лицо поцелуями, выдохнул Никита, — Останешься?..

— А Дима?.. — закрыв глаза, прошептала Уля.

— Он не придёт... К нему Наташка приехала... ты останешься? — не дожидаясь ответа, он подхватил её как пушинку на руки, — Останешься... — глядя ей в глаза, сказал это утвердительно, как что-то само собой разумеющееся.

* * *

— Наташка... не спи... — зарываясь лицом в её распущенные и рассыпавшиеся по подушке волосы, прошептал Дима Наташе на ушко, — А то оба уснём... а я тебя ещё не поздравлял...

— А что, ещё что-то будет? — улыбаясь, сонно промурлыкала она, крепче прижимаясь к нему всем телом.

— Ну, конечно... У меня ещё поздравительная программа, а ты спишь...

— А я не виновата, что у тебя все программы всегда с одного и того же пункта начинаются, — она тихо рассмеялась и приподняла голову, — с самого первого дня...

— Ну... я же нормальный мужчина... — улыбнулся он ей в ответ.

— Ты — соблазнитель... — счастливо рассмеялась Наташа и, уткнувшись ему в грудь, снова закрыла глаза.

— Да?! — повернувшись, он приподнялся на локте и ласково посмотрел на неё сверху вниз, — Это ещё надо разобраться, кто тут настоящий соблазнитель...

— Ну, давай... разбирайся... — обняв за шею, она притянула его к себе и поцеловала, — Димка... я так тебя люблю... ты меня прости, что я сегодня так себя повела... я ведь не знала... Я сама хотела тебе сделать сюрприз, никому не сказала, что к тебе полечу...

— Это я виноват, — поцеловав её в ответ, Дима сел на постели, — я всё рассчитал — и когда ты примерно приедешь, и что захочешь снять номер, и администраторше тебя обрисовал с ног до головы — на случай, если ты просто спросишь про меня... Но я одного не учёл, что ты можешь прилететь раньше. Мама мне назвала номер твоего рейса, я и ориентировался по нему.

— Да я сама... — Наташа тоже приподнялась и, закутавшись в простыню, встала с огромной, под шикарным салатовым балдахином, кровати, — Улетела раньше, а никому не сказала... Только позвонила твоей маме, чтобы узнать про Валерика, она спросила — где я, я и ответила: в аэропорту, только не сказала, в каком. Подожди... — она удивлённо посмотрела на Диму, — Значит, мама тебе всё же проговорила?

— Нет... — он хитро улыбнулся, — Мама не проговорила... Это мама мою просьбу выполнила.

— Как это?! — Наташа изумлённо застыла перед ним, — Какую просьбу?

— Вообще-то, всё Юлька придумала, — доставая из встроенного шкафа подарочную коробку, сказал Дима, — а я воплощал. В общем, мама тебя ко мне по моей просьбе направила.

— Да? А если бы я не захотела? — лукаво улыбнулась Наташа, — Вот не полетела бы к тебе, и всё!

— Ну... не полетела бы, и не полетела бы... — он грустно пожал плечами, — Но я почему-то даже не подумал об этом...

— Ты правильно не подумал... — она обхватила его руками, прижалась к груди...

— Вот видишь... — развязав узелок, он снял с неё простыню, — Я не ошибся.

— Что ты делаешь?.. — она почему-то смутилась и машинально протянула руку, но он откинул ткань на кровать.

— Закрой глаза...

...Покорно закрыв глаза, она сначала слышала звук раскрываемой коробки... Потом почувствовала его ласковые, бережные руки — он что-то надел на неё через голову и лёгкая, прохладная ткань, струясь, упала на тело... Взяв за талию, Дима осторожно провёл её чуть назад, усадил на край кровати...

— Дай ножку... — его руки скользнули вверх, и что-то тоненькое, гладкое, слегка обтянуло стройную ногу почти до конца бедра, — Теперь другую... — надевая второй чулок, руки замерли возле ушибленного колена... — Болит?.. — она почувствовала его губы на саднящей коже...

— Нет... — улыбаясь с закрытыми глазами, прошептала Наташа, — Уже не болит...

— Иди сюда... — так же, держа за талию, он помог ей подняться и сделать несколько шагов, — Глаза пока не открывай... — она почувствовала, как он поправил её распушенные волосы, потом, слегка их отодвинув в сторону, что-то надел на шею — прохладное, металлическое, оно приятно легло на кожу... Ещё раз поправил волосы, — Смотри... Нравится?

Широко открыв глаза, Наташка смотрела на своё отражение в большом, до пола, зеркале... Тёмно-синий полупрозрачный шифоновый пеньюар с кружевным лифом на узких бретелях и высокой талией ниспадал тремя широкими, пышными оборками, отороченными белой узкой лентой — сзади до колена, а спереди — до середины бедра, открывая красивые, стройные ножки в тонких, такого же цвета, чулочках...

— Дима... — подняв на него через зеркало свои огромные карие глаза, Наташка от охватившего её волнения заговорила громким шёпотом, — Дима... Это же... это же не китайский... это же...

— Конечно, нет... — улыбнулся он, — Тебе нравится?

— Дим... это же очень дорогой комплект... — она обернулась к нему и, заглядывая в глаза, положила руки ему на плечи, — Дим... спасибо... Мне нравится, я даже не знаю, как сказать... Я никогда о таком даже и не мечтала! Это же настоящая фирма, да, Дим?..

— Ну, да, — он ласково прижал её к себе, — Наташка... там, в коробке, есть ещё кое-что из белья... — он многозначительно улыбнулся, — Но мне так больше нравится. Правда, я теперь в этих шортах рядом с тобой не смотрюсь...

— Жаль, что я дома не смогу его носить, пока мы не живём отдельно...

— А сможешь... Смотри... — всё так же, улыбаясь, он достал из коробки ещё один предмет одежды, — Надевай...

— Димка... — тёмно-синий, приталенный, с расклешённой юбкой халатик из более плотной ткани, отороченный белым атласом, шикарно смотрелся на Наташиной точёной фигурке... Не в силах больше ничего сказать от восхищения, она, тихонько повизгивая, повисла у него на шее...

— Нравится?.. — бережно прижимая её к себе, спросил Дима, — Наташ?

— Очень... Спасибо тебе...

Глядя на Наташку, Дима не уставал удивляться не проходящей со временем детскости, с которой она выражала любые эмоции — будь то радость, будь то печаль или обида... И любила она так же, как любят дети — преданно, искренне, всё в конце концов прощая и веря на слово...

— Ой, Дима... А этот подарок? — они сидели уже за столом, выпив по бокалу шампанского, когда Наташа, поправляя волосы, случайно задела цепочку... Увлёкшись нарядом, она совершенно забыла о золотом медальоне в виде сердечка, который надел ей Дима, — Он открывается?

— Да, он открывается... И этот подарок — он не только мой... Это от меня и родителей... Мама придумала, а мне понравилось...

— А что это, Дим?

— Семейный медальон... Ты — первая, кто его будет носить...

— А кто будет носить потом?..

— Потом — кому ты его завещаешь, но при жизни будешь носить только ты... А потом пусть его носят женщины, которые примут нашу фамилию... Как оберег для морозовского рода. Может, это несколько напыщенно звучит, но... Почему бы и нет? Это будет хранитель семейного очага... любви...

— А мне нравится идея, — Наташа согласно кивнула, — А что там внутри?..

— А ты открой... — он улыбнулся и, расстегнув замок, снял с неё цепочку с медальоном, — Смотри...

Взяв подарок в руки, она осторожно нажала на кнопочку — золотая вещица раскрылась.

«Единственной любимой»...

Всего два слова... Но она физически ощутила, как в душе всё перевернулось... Слёзы текли по щекам, но, вытирая их, она счастливо улыбалась...

— Ну, чего ты? — он откинул белокурую прядку, погладил по голове, — Ну, что ты плачешь, Наташка?..

— Знаешь, Дим... — она провела ладонью по мокрому лицу, — Если бы было можно снова пережить то, что я пережила, когда мы с тобой расстались... то я бы согласилась на эти долгие страшные месяцы за один-единственный сегодняшний счастливый вечер...

— Не нужно этих месяцев, — Дима вздохнул, — Их уже никогда не будет... Наташа, я очень тебя люблю. И... с днём рождения!

— Спасибо, — тесно прижавшись к нему, она тоже вздохнула, — ты знаешь, я даже не могу сказать, как я тебя люблю... мне иногда кажется, что я тебя просто чувствую... каждую твою клеточку, как будто ты — это я... ты — мой... весь — мой... Мне кажется, не станет тебя, и я умру в ту же секунду... Я не знаю, почему, но я уверена, что я просто знала, что встречу тебя... Знаешь, я ведь никогда никого не любила. Девчонки с шестого класса с мальчишками дружили, у всех кто-то был — если не по правде, то на уме... А мне... мне даже никто не нравился из ребят, честно! Только музыка была в голове, пение, выступления... Помню, ездили на конкурсы, это как те же гастроли. Всем — романтика, девчонки с парнями по углам зажимаются... А мне никто не нужен! Серёжка, мой друг, он — просто друг был... Когда мы подросли, он влюбился в меня, по-настоящему и с годами я это чувствовала всё больше, а ответить не могла... Нас даже как-то называли — Снегурочка и Лель, прямо как в сказке... но он был мне только как брат. В общем, когда я уехала, я просто оборвала нашу дружбу, и, если честно, до сих пор чувствую перед ним вину. Он приезжал ко мне, помнишь, я тебе рассказывала?

— Помню, — Дима наконец-то подал голос, — он и ко мне приходил, когда ты в больнице лежала. Я тебе тоже рассказывал.

— Да, он хороший, но...

— Наташка... — улыбаясь, он перебил её на полуслове, — Неужели вы даже никогда не целовались?

— Нет... — она как-то виновато улыбнулась и пожала плечами, — Ни разу. Я просто

так не могу, а его я не любила... А вот тебя... Когда я в первый раз увидела тебя, тогда, на вечере, меня как будто током ударило... Дим... — она заглянула ему в глаза, — Я ведь с первой секундочки в тебя влюбилась, но ты на меня даже не смотрел... Я приходила домой, ложилась спать, а в голове — ты... Я всю зиму тогда с ума сходила... Поэтому, когда ты пришёл... помнишь?.. Я не потому сразу с тобой в постель пошла, что легко к этому отношусь, наоборот... Но я несколько месяцев думала только о тебе... Ты мне уже был родным в тот момент, понимаешь?.. Я в мыслях столько раз с тобой говорила... я тебя даже целовала, обнимала... поэтому, когда ты пришёл, я ничего не смогла с собой поделать.

— Я всё знаю, Наташа. Я тогда всё сразу понял... Ты даже целоваться не умела, — улыбнулся Дима, — Таких девчонок сейчас нет, ты — одна, наверное... И я так счастлив, что ты — именно моя... И ты для меня тоже — первая, несмотря ни на что... Я так чувствую. Моя первая девочка... Единственная и любимая...

* * *

Было уже позднее утро, когда раздался громкий стук в дверь их номера. Кое-как одевшись, совершенно сонный Дима открыл дверь.

— Ну, ты даёшь, Морозов, — возмущённая Кристина бесцеремонно шагнула мимо него за порог и дальше — в глубь апартаментов, — меняешь номера как перчатки, меня не предупредив... Ищи тебя теперь по всей гостинице. А, вот даже как... — видимо, заметив Наташу, бросила она с долей ехидства, — ну, простите, что без предупреждения...

— А что такое? — Дима непонимающе зажмурился и потряс головой, чтобы окончательно проснуться.

— Да ничего, прекрасная маркиза... — Сашка пролетел следом за Кристиной и, как и она, скользнув взглядом по огромной кровати, кивнул перепуганной спросонья Наташе, — Привет... Всё хорошо, Димыч, всё, хорошо... Если не считать того, что у нас ЧП.

Закрыв за Кристиной и Говоровым дверь, Дима вернулся следом за ними в свой номер. Широкая арка, соединяющая гостиную «люкса» со спальней, позволяла видеть и окно, закрытое салатовыми портьерами, и зеркальный плательный шкаф, и шикарную кровать под таким же салатовым балдахином, на которой едва проснувшаяся Наташа, в подаренном им пеньюаре, свесив ноги, пыталась дотянуться до обитой салатовым гобеленом банкетки, на которой лежал новый синий халатик. Протянутой руки не хватало, и она, отчаянно выскользнув из-под спасительного одеяла, ступила на мягкую ковровую дорожку. Схватив халат, торопливо скрылась в углу спальни...

— Саня, я здесь... — взяв пятернёй Сашкину голову, Дима развернул её в другую сторону — усевшись в мягкое кресло прямо напротив арки, тот, не отводя глаз, наблюдал за Наташиными попытками одеться, — Не туда смотришь.

— Да-а-а... Шикарно устроился... — обводя ревниво-насмешливым взглядом обстановку гостиной, Кристина не удержалась от реплики, — Морозов, даже олигархи ведут себя скромнее.

— Ну, так то олигархи, скромность — их любимое украшение... — несмотря на шутку, Дима выглядел встревоженным, — Что случилось?

— Слава Богу, ничего очень страшного. Но могло случиться, — Сашка усилием воли отвернул голову от вошедшей в гостиную Наташи и посмотрел на Диму.

— Дима. Сегодняшнее представление под угрозой срыва, — Кристина произнесла эти слова отвлечённым тоном, — и это самое страшное, что произошло.

— А подробнее? — окончательно проснувшись, спросил тот.

— Подробнее. Пожалуйста. По твоей прихоти Белов остался в своём номере один, — Кристина поджала губы.

— И что?

— И то. Скучно ему стало, понимаешь? Ты-то не скучал, судя по всему, а вот Никите стало одиноко... Настолько одиноко, что он привёл к себе девушку...

— Саш, что произошло? — не дослушав Кристину, Дима перевёл серьёзный взгляд на Говорова.

— Ульяна, — так же серьёзно ответил Саша, — чуть не выпала из окна.

— Что за ерунда? — Дима нахмурился и непонимающе уставился на друга, — Как это — из окна?

— Очень просто — с подоконника...

— Ладно, шутки в сторону, — Кристина тоже перешла на серьёзный тон, — короче, Ульяна, судя по всему, ночевала в номере Белова. А утром, видимо, оценила свой поступок с другой стороны и...

— И — что? — Наташа, молчавшая всё это время, испуганно понесла ладонь к губам, — Она жива?!

— Жива, — Сашка кивнул головой, — она только хотела спрыгнуть, открыла окно, практически влезла на подоконник... Но Никита успел её оттуда стащить.

— Ну, она, конечно, не разбилась бы, второй этаж это не смертельно, — Кристина развела руками, — Но неприятностей было бы больше.

— А где она сейчас? — тревожно спросила Наташа.

— В номере у Никиты, — ответил Сашка, — в двести восьмом.

— Всё равно не понимаю... — Дима пожал плечами, — Что-то ведь должно было произойти такое, от чего ей захотелось так поступить? Ну, не от того же, что она провела ночь с Никитой...

— От того, Димыч... — Сашка утвердительно кивнул головой, — Насколько я понял ситуацию, именно от того...

— Ой, да ладно вам, — Кристина поморщилась, — если бы все женщины так переживали после случайных связей, то нас бы давно уже на свете не было.

— Все люди разные, — Сашка посмотрел на неё исподлобья, — что одному как стакан воды выпить, другому — нравственные мучения.

— Мне кажется, не всё так просто, — Наташа снова подала голос, — она что, из номера не выходила? Проснулась, и — в окно?

— Нет, не в окно, — Кристина подняла на неё ехидный взгляд, — Наверное, в ванную сначала...

— А откуда это стало известно, раз ничего, в конце концов, не случилось? — Дима вопросительно посмотрел на Сашку.

— Танцоры наши вчера накушались, — Сашка многозначительно хмыкнул, — и пошли гулять под утро... Вот, когда возвращались, как раз и видели, как она в окне уже стояла, потом слышали, как Никита что-то кричал. В общем, вся труппа уже в курсе. Спасибо, что дежурная не видела, а то полиция бы тут уже была.

— Интересно... с чего и где они вчера накушались? — Кристина подняла глаза на Диму, — И странно, что ты ничего не слышал, твои окна ведь тоже на эту сторону выходят?

— Мы спали, — нахмурившись, Дима о чём-то сосредоточенно думал.

— Да, Морозов... Уж ты, как руководитель поездки, должен быть в курсе всех событий, даже несмотря на свою личную жизнь, — Кристина осуждающе покрутила головой, — а ты ещё и телефон отключил вдобавок...

— Так, ну, что делать-то будем? — Сашка вернулся к теме разговора, — Улька в шоке, Ник в шоке... Она выступать не в состоянии, так Никита сказал.

— Дима... — Наташа дотронулась до его руки, — Я схожу к ней, можно?

— И правда, сходи, Наташа, — Сашка ответил за Диму, — Может, с тобой хоть поговорит... А то нас Ник даже в номер не пустил сейчас.

— Ну, сходи, — кивнул Дима, — двести восьмой...

— Я побежала... — Наташа тут же поднялась и направилась к выходу, потом, как бы опомнившись, обернулась, — Ой, я же не одета...

— В принципе, нормально, — Кристина окинула взглядом новый синий халатик, — стильно, в пределах гостиницы вполне можно ходить.

— Ну, тогда ладно, — кивнув, Наташа выбежала из номера.

— Так, хорошо... — проводив её взглядом, Дима сцепил, по обыкновению, пальцы, — Даже если Наташка что-то и выяснит, давайте всё же по порядку. Уля осталась у Никиты, а дальше что?

— Ну, Морозов... ты задаёшь нескромные вопросы... — усмехнулась Кристина, — Ты сам-то как думаешь?

— Я ничего не думаю, — терпеливо ответил Дима, — Но что-то ведь произошло?

— Да что могло произойти? — Кристина нервно пожала плечами, — Переспали, да и всё. Наутро — ах, какая я такая-растакая... Девушка немного из двадцатого века, при чём, из его нравственной середины... Типа опомнилась...

— Да ничего она не опомнилась, — Сашка полез в карман за звонящим телефоном, — Да! Ира, ну, что?.. Да ты чё... подожди... — махнув рукой Диме и Кристине, с этими словами он вышел из номера.

— Кристина... — Дима подался немного вперёд, — Вот сейчас, пока мы с тобой одни, расскажи, что на самом деле произошло?.. Мне кажется, ты знаешь больше, чем говоришь.

— Ой, Морозов... «мы с тобой»... Как это звучит в твоём исполнении... — Кристина попыталась съязвить, но вдруг лицо её совершенно изменилось: сдвинув брови, девушка показалась чем-то сильно озабоченной, в глазах блеснули слёзы...

— Кристина... — тихо произнёс Дима, — Рассказывай...

— Ой, Дима... — закрыв лицо руками, она покачала головой, — Я не знаю, что теперь делать...

— Расскажи мне всё, чтобы я знал, как быть...

— Понимаешь, я не хотела... Вернее, хотела только подразнить...

— Кого?

— Макса...

— Ты видела, что Уля ушла к Никите и сказала об этом Максусу? — понимающе спросил Дима.

— Какой ты догадливый, Морозов... Да, именно так. Я сама не знаю, зачем я ему это ляпнула... Он всю ночь не спал — я слышала... Я ему сказала, что, раз он так за неё переживает, то пусть идёт на все четыре стороны.

— А он?

— А он оделся и ушёл... — Кристина нервно вздохнула, — И, я так понимаю, что он был где-то в холле, неподалёку от двести восьмого.

— А дальше? — Дима неожиданно усмехнулся, — Я превращаюсь в твою подружку. Сейчас начну переспрашивать: «А ты?.. А он?.. Да ты чё?!»

— Не смешно, — Кристина опустила голову, — Дальше. Дальше... Я вышла, мы с ним недолго поговорили... Он вернулся в номер, а утром, когда я ещё спала, встал и пошёл в двести восьмой... Я не знаю, что он там делал, но после его визита Ульяна открыла окно и хотела выброситься...

— Кристина, — Дима пристально посмотрел на девушку, — что ты сказала ночью Максусу?

— Я не помню...

— Вспомни.

— Я не помню, Дима, — она упрямо покачала головой.

— Хочешь, я сам скажу?.. Ты сказала ему, что Уля такая же, как остальные, ничем не лучше? Потому, что в последнее время он стал её ревновать к Белову, так?

— Вот за что я тебя люблю... любила... так это за ясный ум, Морозов, — она усмехнулась, — в общем, ты прав. Да, я его спровоцировала. Но, понимаешь, этот... гадёныш... Впрочем, это уже неважно. Слава Богу, обошлось... Даже если бы она не разбилась, то руки-ноги бы поломала. Такая вот принцесса...

— Да уж... — теперь усмехнулся Дима, — Но, согласишься... я предупреждал!

— Что ты предупреждал? — внезапно Кристина сорвалась на крик, — Что ты предупреждал?! Ты что, не можешь представить, что я полюбила другого человека?

— Слушай, это уже смешно. Не выражай своё мнение моим голосом, — Дима говорил тихо, но довольно твёрдо, — я не только могу это представить, но я даже буду рад этому.

— Конечно... Ты же благородный... ты за всех радуешься... ты никогда не помнишь зла... — она насмешливо бросала слова, — Ты умеешь сохранять отношения... ты вообще — один на миллион... Это ты так думаешь, Морозов. Но, на самом деле, ты — жуткий эгоист. Ты живёшь так, как только тебе удобно... Захотел — позвал... Надоела — ушёл... Скучно стало — снова пришёл... Ты даже вон, на гастролях, делаешь, что хочешь: снял номер, развлекаешься... — в словах Кристины промелькнула обида, — Живёшь в своё удовольствие.

— Ко мне жена приехала... — он пожал плечами, — К тому же, и ты не одна. Кстати, мы ушли от темы. Что было дальше? Макс тебе рассказал, о чём и с кем он разговаривал в двести восьмом?

— Рассказал... — отвернувшись, почти шёпотом ответила девушка, — Он её обозвал... И сказал, что якобы хотел к ней вернуться, но после того, как она переспала с Беловым, он и близко к ней не подойдёт, и что даже выступать с такой шлюхой не будет.

— Это он сам тебе дословно рассказал? — изумлённо спросил Дима, — Откуда ты узнала?

— Представь себе, сам... — она усмехнулась, — Я же говорю — гадёныш.

— Ну, этого и следовало ожидать, — сам себе кивнул Дима, — я не удивляюсь...

— Какой ты умный, Дима... всё знал... всего ожидал... — Кристина горько усмехнулась, — Прямо позавидовать можно. И всё у тебя хорошо... Кстати... — она подняла голову, — Этот новый пеньюар твоей Наташе совсем не идёт.

— С этим я как-нибудь сам разберусь, — искоса посмотрев на Кристину, Дима перевёл взгляд на входную дверь, — Ну, что, Саш, какие новости от Ирки?

— Нормалёк!.. — Сашка не мог сдержать счастливой улыбки, — Сказала, что пошла...

— Куда? — Дима удивлённо приподнял брови.

— Как куда? — в свою очередь удивился Говоров, — Рожать, конечно...

* * *

— Уля, ну, что ты молчишь?.. — Никита присел на край гостиничной кровати, на которой лицом к стене лежала Уля, — Ну, что теперь мне делать? Тоже — в окно?..

— Нет... — тихо прошептала она, — не надо.

— Ну, тогда не молчи. Хочешь, я закажу завтрак в номер?

— Нет.

— А кофе будешь?

— Нет.

— Уль, ну, что произошло, в конце концов? — казалось, что он теряет терпение, — Тебе было плохо со мной?

— Нет...

— Ну, что тогда?.. — он повернул её к себе, — Ты из-за этого уroda?..

— Никита... — так же шёпотом произнесла Уля, — Ты меня любишь?..

— Конечно, люблю... — целуя её лицо, ответил он, — Ну, зачем ты так сегодня? Я так

ждал тебя... Я...

Раздавшийся стук в дверь не дал ему договорить.

— Здравствуй, Никита, — Наташа приветливо улыбнулась, — можно мне поговорить с Улей?

— Вы что, все сговорились сегодня? — он сам вышел в гостиничный коридор, — Наташа... тебе-то что от неё нужно?

— Мне? — она растерялась, — Мне — ничего, я просто хотела её увидеть...

— Она никого видеть не хочет. И выступать сегодня не будет, передай это Диме... Впрочем, я сам ему скажу, — Никита попытался закрыть за собой дверь, — пока, Наташ. Не обижайся...

— Наташа! — услышав её голос, Ульяна выбежала в коридор, — Никита, пусть Наташа войдёт...

— Проходи, — Белов нехотя посторонился, — А Дима сейчас где?

— Он в нашем номере, двести втором, — она подняла на него глаза, — я недолго, ты не беспокойся...

— Ладно, не обижайся... — Никита смягчил тон, — Просто все с утра достали...

— Я не обижаюсь, Никита, я, действительно, на минутку...

— Тогда у меня к тебе просьба. Побудь с Улей, пока я не вернусь.

— Конечно, — с готовностью ответила Наташа, — побуду...

Дождавшись, пока за Никитой закроется дверь, Уля присела и закрыла лицо ладонями.

— Что случилось, Уль? — Наташа участливо посмотрела на девушку, — Рассказывай...

— Ой, что я наделала... — сквозь слёзы проговорила Ульяна, — Что я наделала...

— Что ты наделала? — переспросила Наташа, — Что ты вообще могла наделать такого, из-за чего так убиваться?

— Я сегодня здесь ночевала... с Никитой... — она ещё ниже опустила голову.

— Ну, и что?..

— Понимаешь, он мне нравится... Правда — нравится... И он меня любит.

— Я знаю, мне Дима говорил, — улыбнулась Наташа, — это же хорошо...

— Наверное... Он хороший. Но... чужой... Понимаешь? — Уля подняла заплаканные глаза, — Понимаешь? Чужой... Не такой, как Макс...

— Может, он тебя обидел? — осторожно спросила Наташа, — Грубо обошёлся?

— Нет... — Уля отрицательно замотала головой, — Не обидел... И не грубый...

— А что же тогда?

— Он — другой... Не родной, что ли... Может, потому, что старше меня, я не знаю...

— Да нет, Уль... Возраст тут ни при чём, — Наташа присела у стола, подперев ладонь подбородок, — Дима тоже меня старше на четыре с половиной года, но у нас всё хорошо... Просто ты к нему не привыкла.

— Не знаю...

— Но всё равно, разве можно из-за этого так переживать?

— Да нет... конечно, не из-за этого... — вздохнув, Уля вытерла слёзы, — Да и у нас всё

было хорошо... Он и вправду меня любит — сразу сделал предложение...

— Да ты что?! — радостно-удивлённо воскликнула Наташа, — Вот это здорово! А мне Димка замуж предложил, только когда увидел, что я свадебные платья рассматриваю, а ведь мы уже жили вместе несколько месяцев, — она весело рассмеялась, — А не увидел бы, наверное, и не предложил бы... Да и сейчас — расписались, чтобы Валерика на мою фамилию не записали...

— Что ты сравниваешь, Наташ... У вас настоящая любовь, про вас уже легенды ходят, — Уля грустно вздохнула, — сама слышала...

— Про нас анекдоты ходят, — засмеялась Наташа, — это точно...

— Может, ты и права... — Уля снова посерьёзнела, — Да я всё равно скучаю без Никиты... Он мне и вправду нужен.

— Так что же ты?!

— Утром, совсем рано, пришёл Макс... — опустив голову, тихо произнесла Уля, — И устроил скандал.

— Ничего себе... — Наташа от удивления округлила глаза, — И что он сказал?

— Сказал что я... сказал, что я — шлюха, — горько усмехнулась девушка, и слезинка вновь скатилась по щеке.

— И что, Никита его не вышвырнул? — возмущённая Наташа сдвинула брови, — Я бы на его месте за такое...

— Вышвырнул, — Уля кивнула головой, — Он ещё много чего тут наговорил... И, самое главное, сказал, что... что он хотел вернуться... А теперь, когда узнал, что я такая же, как и все — не вернётся никогда...

— Уль, и ты ему поверила?!

— Не знаю, — прошептала Уля, — я и не поверила... А в душе всё перевернулось. Он ведь и вправду теперь... Никогда... Никогда, понимаешь?.. — закрыв лицо руками, она снова заплакала, — Он теперь уже точно никогда не придёт...

— Да перестань ты!.. — Наташа села перед ней на корточки, убрала руки от лица, — Уля, что ты! Это ведь он нарочно... Если он тебя любит, он вернётся, несмотря ни на что! Только... только, мне кажется, что пусть он лучше не возвращается. Помнишь, мы осенью с тобой встретились возле универа?

— Помню...

— Я тогда тебе сказала, что Макс — как заколдованный принц, спит, но скоро проснётся.

— Да, я помню...

— Так вот, забудь эти мои слова, — Наташа поднялась во весь рост, — забудь... И решай только сама... А что было дальше? — она вспомнила разговор.

— А дальше... Никита его вышвырнул из номера, а я... А у меня всё внутри перевернулось, как его увидела... всё вспомнилось сразу...

— И что?..

— Жить не захотелось... Сама не знаю, что на меня нашло... Открыла окно, пока Никита с ним в коридоре разбирался... Понимаешь, я хотела не умереть, а совершить какой-то поступок... глупо, конечно... в тот момент меня что-то так и толкало вниз... Понимаешь?

— Понимаю, — прошептала Наташа, вспомнив, как сама рвала упаковки с таблетками, — бывает такое — что умирать не хочешь, а жить нет сил... Это нужно

перетерпеть.

— Я знаю, — вздохнула Уля, — Но у меня нет больше сил... нет сил видеть его, выступать с ним вместе, зная, что он не любит меня больше, что он спит с ней...

— Так как же быть?.. Ты не думала?

— Думала... На сцену я больше не выйду.

* * *

Оставив девушек вдвоём, Никита решительно направился в двести второй номер. Открыв без стука дверь, прошёл в светлую гостиную.

— Очень хорошо, что вы оба здесь, — кивнув Диме и Кристине, он уселся на мягкий диван.

— А что это ты без стука? — Сашка удивлённо посмотрел на Белова, — А вдруг тут Дима чем-то интимным занят?..

— С тобой, что ли? — усмехнулся тот, — Не ожидал, не ожидал...

— Чего это со мной, — Сашка громко заржал, — У него есть, с кем заняться...

— Ну, так я в курсе, что Наташки здесь нет.

— Во-первых, здравствуй, — Дима протянул Никите руку, — а, во-вторых, где моя жена?

— Там же, где и моя, — Никита лукаво улыбнулся.

— Вот это новость! — вытаращил глаза Сашка.

— Первая новость, — Белов поднял указательный палец.

— А вторая? — Дима настороженно посмотрел ему в глаза, — Хотя, догадываюсь... Уля отказывается выступать в новогоднем шоу?

— Да, и эта новость — вторая... — рядом с указательным вверх поднялся средний палец.

— Ник, это несерьёзно... Ты же сам понимаешь, — Дима развёл руками, — ты должен поговорить с Улей. Уж кому, как не тебе знать, что такое, когда посреди гастролей уходит артист.

— Знаю, знаю... И вот тут — третья новость... — безымянный палец как по команде вырос рядом с двумя другими.

— Какая? — хором спросили Дима, Кристина и Сашка. Немного помолчав, Никита снова обвёл всех пристальным взглядом:

— Я ухожу из группы. И на этот раз — окончательно.

Пауза затягивалась, но, ошарашенные новостью, которую сообщил Никита, участники спонтанного утреннего «совещания» всё ещё сидели, не проронив ни слова. Наконец, не выдержав, Дима оторвал взгляд от сцепленных, по обыкновению, пальцев.

— Ник, приведи хотя бы один аргумент, но аргумент такой силы, чтобы мне расхотелось уговаривать тебя изменить решение.

— Я женюсь на любимой женщине, — откинувшись на спинку дивана, Никита посмотрел на Морозова.

— Это аргумент? — тот удивлённо приподнял брови.

— Да.

— Ты не очень многословен... Впрочем, как всегда.

— Ник, ты чё? — подал голос Саша, — При чём тут женщины?

— Все женщины — ни при чём. Я говорю о своей.

— Подожди... — Дима упреждающе поднял ладонь, — Я могу понять Ульяну, что она уходит из проекта... Но тебя я понять не могу... Почему, Никита?!

— Так, стоп, мальчишки... — Кристина хлопнула рукой по подлокотнику кресла, в котором сидела, — Вы о чём, вообще? Причины, аргументы — всё это не имеет никакого значения, пока существует контракт. А он существует. Никита, — она обратилась к Белову, — ты же понимаешь всю серьёзность своего положения? Ты — не один, ты — участник коллектива, в который были вложены огромные средства. И эти средства ещё не возвращены инвестору. Мой отец — не спонсор, не меценат, а инвестор, и поэтому его деньги должны вернуться к нему... Вернуться от сборов за ваши концерты, если ты не забыл, или — из ваших карманов. И поэтому ты просто обязан, несмотря ни на что, отработать или отдать их до последней копейки.

Слушая Кристину, Никита слегка улыбался уголком губ и утвердительно качал головой, показывая полное согласие с её речью. После того, как она замолчала, он поднял насмешливый взгляд на Диму:

— Вот тебе, Дима, и ответ на твой вопрос. По-моему, лучше не скажешь.

— Никита, давай, всё же, будем разговаривать как взрослые, серьёзные люди, — нахмурившись, тот встал и, заложив руки в карманы брюк, отошёл к окну, — У нас готовая программа, у нас заявленные концерты, проданные билеты... В конце концов, мы столько лет вместе... Всякое было, но ты же понимаешь, что нельзя просто так взять и всё разорвать?

— Дима, — подавшись вперёд, Белов слегка прищурил глаза, — Возможно, ты и прав... Возможно, ты и можешь вот так — думать в первую очередь о коллективе, о творчестве... Возможно, ты и можешь ставить на кон свою личную жизнь...

— При чём тут моя личная жизнь? — пожал плечами Дима, — Никита, ты не о том говоришь.

— Я говорю как раз о том, — серьёзно посмотрел на него Белов, — ты можешь существовать среди этой шоу-грязи, а я больше не могу... Ты можешь спокойно смотреть на моральных уродов, а я не могу... Ты можешь каждый день находиться бок о бок со своей

бывшей женщиной, терпеть колкости, упрёки, сцены ревности... интриги... А я не могу и не хочу даже наблюдать такое со стороны. Тебе нравится существовать и творить в мире, где все в своё время друг с другом переспали, и уже непонятно, кто кому и кем приходится: бывшие, настоящие, будущие... Тебя это вдохновляет, а меня — нет... Но, самое гадкое — что всё это из-за денег. Какой-то контракт оказывается важнее, чем настоящие чувства, чем настоящее творчество, в конце концов... Тебе нравится, что твоя жена каждый день переживает, что ты вместе со своей бывшей подругой? Она, вон, сейчас, наверное, перед Улей тебя оправдывает: «У Димы контракт»... А что такое контракт по сравнению с любимым человеком? Ну, если ты её не любишь — тогда ладно... Я в своё время нахлебался этого досыта, если ты помнишь. Не чувства, а суррогат... А теперь у меня всё по-настоящему, Дима. Мы уходим оба — и Уля, и я. Больше над ней издеваться я никому не позволю... А сам... — он тяжело вздохнул, — Сам тоже больше не могу. Отрубило, Димыч... Понимаешь?

Не отрываясь глядя в окно, Дима молча слушал Никиту, и ему казалось, что тот во многом говорит его собственными словами. Он сам постоянно думал о Наташе, о том, как ей должно быть тяжело от мысли, что он всё время рядом с Кристиной, не говоря уже о других женщинах и девушках, с которыми его связывало творчество. Тем более, Наташа и сама знала всю изнанку жизни артиста... Даже придуманный им сюрприз в честь дня её рождения не обошёлся без подводных камней этой самой жизни. Ему вдруг пришла в голову мысль, какой бы скандал на месте Наташки закатила Кристина... Даже потом, когда всё выяснилось — ему бы не один день пришлось оправдываться и заглаживать несуществующую вину... А Наташка — поплакала, разбила свою же коленку... и сама же кинулась на шею. А он ничем не может отплатить ей за её любовь и терпение.

— В чём-то ты, Никита, прав... — задумчиво проговорил Сашка, — Я бы сказал, прав во всём, кроме мнения о Димоне. Дима не ради себя влез во все эти дела. Ты бы сейчас не ездил по гастролям и не получал бы гонорары, если бы не эти самые контракты, согласишься. Контракт отработается, а популярность останется... Плюс — заработанные за это время деньги. Другое дело, что ситуация и вправду сложилась нездоровая...

— Саша, а тут здоровых ситуаций не бывает, — Никита снова присел на диван, — там, где деньги, нет места ничему настоящему.

— Да-а-ааа, Белов... — Кристина усмехнулась, — Не ожидала от тебя... Какой ты у нас высоконравственный, оказывается!

— Какой есть, — Никита немного помолчал, потом перевёл взгляд на Диму, — А насчёт гитариста не беспокойся. Замену себе я нашёл, будешь доволен.

— Кто? — Дима всё так же стоял, рассматривая заоконный пейзаж.

— Вадик Зимин... Зима. Ты его не знаешь, он в другом городе живёт, но согласен переехать ради участия в «Ночном патруле». Гитарист от Бога, ручаюсь.

— Хорошо, — глухо ответил Дима. — посмотрим...

— Ты — Морозов, он — Зимин... — Никита встал и прошёл к выходу. Уже взявшись за дверную ручку, обернулся, — Споётесь.

— Уля... — как будто вспомнив что-то, Наташа подняла на Ульяну свои большие карие глаза, — так что же ты ответила Никите на его предложение?

— Знаешь... — немного помолчав, ответила девушка, — Я согласилась, но попросила немного подождать, пока не приду в себя окончательно... И, кажется, он меня понял.

— Он тебя любит, и это главное... — кивнула Наташа, — Значит, вас можно поздравить?

— Пока рано, — Уля выглядела грустной, было заметно, что разговор об их отношениях с Беловым даётся ей с трудом, — но я не изменю своего решения.

— Я так хочу, чтобы у тебя всё было хорошо... — Наташа положила подбородок на скрещенные на столе локти, — И у Никиты... вы оба обожглись раньше, пусть теперь у вас всё получится.

— Слушай... А вот эта девушка, которая была у Никиты... Ты её знаешь? — Уля пытливо посмотрела на Наташу, — Кто она такая?

— Ой, Улька... — Наташа хитро прищурилась, — Ты интересуешься бывшей девушкой Никиты? Это хороший признак...

— Нет, я просто так... — Уля отвела глаза, — интересно всё же...

— Да, я знала Лену. Мы вместе пели в группе «Киви», но недолго. Я ушла от них.

— А какая она?... — Уля опустила глаза, — Красивая?

— Ну, в общем, да... — кивнула Наташа, — Красивая. И очень самоуверенная. С ней всегда было сложно, во всяком случае, мне.

— Почему?

— Ей Дима очень нравился, — Наташа грустно улыбнулась, — ещё с первого курса. Но у него уже была девушка... потом появилась Кристина... потом — я. А Ленка всё время была в пролёте. Вот на мне она и отрывалась, как могла.

— А как же тогда она с Никитой? — Уля удивлённо округлила синие глаза, — Если она любила не его, а Диму?

— Мне это тоже непонятно, — пожалала плечами Наташа, — но ей ничего не стоило встречаться с ним без любви... И не только с ним. Он очень страдал, я много раз видела, как она с ним обходилась. И очень хорошо, что она, в конце концов, вышла замуж. Никите ничего не оставалось, как влюбиться в тебя...

— С тобой так легко, — улыбнувшись уже веселее, Уля посмотрела на свою собеседницу, — Мы только с тобой познакомились, а мне уже тогда казалось, что я тебя знаю много лет.

— И мне тоже, — кивнула Наташа, — Знаешь, вообще-то, у меня близких друзей почти никогда и не было... В школе я как-то со всеми сразу дружила, а вместо подружки у меня был друг — Серёжка... У нас были только дружеские отношения. А когда я приехала сюда учиться, то подружилась с Оксаной... А, вообще, знаешь, Уль... ближе Димы у меня никогда никого не было. Он для меня — всё... Если он испытывает ко мне хотя бы половину того, что я испытываю к нему, то я самая счастливая на свете.

— Дима тебя очень любит. Мне и Никита говорил, и девчонки все так говорят... Знаешь, он за твой день рождения вчера такой торт принёс — огромный, двухъярусный, и шампанское.

— Да, Дима мне вчера сюрприз приготовил, — Наташа тепло улыбнулась, вспоминая прошлый вечер, — такой номер снял... со всеми договорился... представляешь — я должна была прилететь к нему, как будто по своей инициативе: он всё продумал. И мне дежурная

должна была отдать ключ от двести второго номера, когда я пришла бы в гостиницу.

— И — что? — Уля округлила глаза, — как всё было?

— А я прилетела раньше... В общем, получилась путаница — как будто он номер для кого-то другого снял, — Наташа прыснула, — я даже в ресторане Сашку и Витьку сумочкой огрела сторяча... Думала, они все заодно.

— Да, девчонки рассказывали, — Уля рассмеялась, — это теперь как анекдот. Ну, а что потом?..

— А потом я с Димкой поругалась, убежала от него, коленку на крыльце разбила... Он понять ничего не может, за что я так, — сквозь смех ответила Наташа, — а когда всё выяснилось... В общем, мы пришли в номер, а там!.. корзина цветов... на столе свечи, шампанское... ужин принесли... Подарки везде — всякие приятные мелочи, начиная от парфюма и косметики до дорогого белья... Дима мне ещё огромный букет роз подарил, белых, представляешь?!

— Представляю... — мечтательно ответила Уля, — Ты счастливая, Наташа...

— Я думаю, Димка весь гонорар за поездку на меня потратил, — Наташа повернула голову в сторону дверей, — Ой, вот и Никита вернулся!

Щёлкнув замком, Белов стремительно вошёл в номер. Увидев его, Уля слегка смутилась и машинально поправила волосы. Подойдя к ней, он улыбнулся и взял её за плечи:

— Ну, вот и всё.

— Что — всё? — она смотрела на него во все глаза.

— Я всё им сказал. Мы сейчас собираемся и уезжаем.

— Правда? — с надеждой в голосе спросила Уля, — Так можно?

— Можно. Даже если было бы нельзя, всё равно — можно.

— Никита... А как с контрактами?

— Пусть тебя это не волнует. Я сам со всем разберусь. Главное, чтобы ты не передумала.

— Я не передумаю, — опустив глаза, шёпотом ответила девушка, — я всё решила.

— Ну, всё... — обняв её, Никита прислонился губами к её темени, — Всё...

Глядя на них, Наташа поднялась из-за стола.

— Я пойду... Уля, Никита, пусть у вас всё сложится. Я рада за вас... Хотя мне и грустно.

— Спасибо, Наташ, — Никита кивнул ей, — не обижайся, если что...

— Наташа... — высвободившись из его рук, Ульяна подошла и обняла подругу, — Спасибо тебе за всё, огромное спасибо! И тебе, и Диме спасибо, вы очень хорошие... Не забывайте меня, ладно?

— Конечно, не забудем... Тем более, что Дима с Никитой всё равно вместе.

— Уже не вместе, — Никита покачал головой, — я тоже ушёл из группы.

— Да что ты, Никита! — Наташа испуганно посмотрела на Белова, — Ты серьёзно?

— Серьёзней не бывает, — он нервно сжал губы, — решение окончательное и обжалованию не подлежит.

— Ну, что ж... Тогда удачи вам обоим, — Наташа ещё раз, уже растерянно посмотрела

на Белова, потом перевела взгляд на Ульяну, — Вы только не теряйтесь, ладно?..

* * *

— Так, подождите, я не поняла... — услышав звук хлопнувшей двери, Кристина вскочила и выглянула в прихожую номера, но Никита уже вышел из него, — Белов Беловым, а что мы будем делать с сегодняшним представлением? Дима, ты должен сейчас пойти и разобраться с Ульяной... Она обязана отработать сегодняшний вечер. А потом уже поговорим об остальном.

— Я не пойду, — Дима наконец-то отвернулся от окна, — мне кажется, если кому и уговаривать её — так это тебе.

— Что?! — Кристина возмущённо вытаращила глаза, — Мне — уговаривать? Ты ничего не перепутал?

— Не перепутал. Можешь и не уговаривать. Но я точно не пойду, — твёрдым тоном ответил Дима.

— Так. Погодите... — Сашка встал с кресла, — Я думаю, Ник не шутил. Ульку он не пустит больше выступать. Поэтому, вместо того, чтобы выяснять, кому к ней идти, давайте лучше думать, как выкручиваться... Впрочем, — он пожал плечами, — Я молчу... Я к новогоднему проекту отношения не имею, как и Мазур, мы в кустах отсидимся, когда вас бить начнут недовольные зрители и устроители.

— Саша!..

— Молчу...

— Наташка, — услышав щелчок замка, Дима кинулся навстречу вернувшейся жене, — Ну, где ты так долго ходишь?

— Дима, — украдкой целуясь с ним в прихожей, она на мгновение обняла и прижалась к нему всем телом, — Я поговорила с Улей.

— И что? — войдя вместе с ней в гостиную, Дима усадил её в кресло и сам сел напротив, — Что там?

— Дим... — Наташа немного помолчала, — Уля не вернётся в проект. Они только что уехали вдвоём с Никитой.

— За-ме-ча-тель-но! — с истерическими нотками в голосе воскликнула Кристина, — Просто замечательно! И что теперь?!

— Что теперь... — Дима казался невозмутимым, — Теперь давай думать... Сколько у нас до выступления осталось?

— Сейчас полдвенадцатого. В клубе вас ждут... к двадцати?

— Да, к двадцати... Но ещё декорации крепить, значит, к восемнадцати надо уже знать, как и что.

— Ну, значит, часов шесть есть, чтобы сделать загранпаспорта и пересечь границу, — Сашка, по обыкновению, хмыкнул, — попросить политического убежища...

— Саня, время нашёл шутить... — Дима всё же нахмурился, — Отменить представление мы не можем. Придётся возвращать деньги... да и потом — что делать? Дома тоже уже всё расписано, до середины января, так что...

— А что делать, Дима, ну, что?! — Кристина сорвалась на крик, — Я не знаю...

— А если заменить Ульяну? — Сашка тоже посерьёзnel, — Такой вариант возможен? Он, кстати, у вас единственный.

— Кем заменить-то? — Дима пожал плечами, — Уля два месяца репетировала, у нас даже фонограммы нет на крайний случай... Не подумали, что так всё обернётся.

— Ну, что, никто из девчонок не знает её песен? — Сашка удивлённо развёл руками, — Должны были запомнить...

— Даже если и запомнили, все композиции написаны под Улин голос... Для остальных тесситура будет высокой, — Дима покачал головой, — просто не вытянут. Да ерунда это... Без репетиции спеть так, как она, просто невозможно...

— Тогда, Морозов, езжай в аэропорт... догоняй, — ехидно отозвалась Кристина, — или на ж/д вокзал... Делай что-нибудь, в конце концов!

— Дима... — Наташа тихонько дотронулась до его руки, — Я знаю все композиции...

— Наташка!.. — он обвёл всех взглядом, — Ну, точно, Наташка все партии знает! Она и сценарий читала, и поправки к нему делала.

— А как же тесситура? — всё ещё с ехидством спросила Кристина, — ты же сам...

— Для Наташки — норма... — Дима радостно махнул рукой, — Она же дома со мной все эти песни пропевала. Только... — он вдруг снова нахмурился и посмотрел на Наташу. — Тебе там придётся с Максом выступать...

— А хореография? — уже серьёзнее спросила Кристина, — Там же ещё и танцевать нужно.

— Вот с хореографией засада. Танцами мы дома не занимались... Но это не так страшно, как отмена концерта.

— А если экспромт? — Наташа вопросительно взглянула на Диму, — в принципе, там, где групповые танцы, можно не участвовать, а в остальных случаях я станцую.

— Хоть бы одна репетиция... — Дима вздохнул, — Да как уже...

— А что, если декорации пораньше установить и пройти программу до открытия клуба? — спросил Сашка, — Ну, подумаешь, поедут не к двадцати, а к семнадцати часам... Или даже к шестнадцати, всё равно болтаются по гостинице без дела.

— Тогда так... — Дима сцепил пальцы, — Я звоню артдиректору ночного клуба, договариваюсь о репетиции. Кристина, а ты собирай народ, чтобы они не разбежались никуда и к шестнадцати были наготове! об остальном будем думать, когда вернёмся. Нам главное — сегодняшнюю ночь отработать.

— А мне чего, задания не будет? — Сашка подбоченился, — Давай, хоть за Мазуриком буду следить, чтобы он Юльке верность блюдил... или блюл... или блёл?..

— Блеял, Саня, — Дима рассмеялся, — ты на телефоне сиди, а то проблюдишь, когда отцом станешь.

— А что такое? — Наташа с любопытством посмотрела на Говорова, — Как там Ира?

— Я так думаю, придётся нам его сегодня поздравлять, — кивнул в Сашкину сторону Дима, — ох, придётся...

* * *

Артдиректор ночного клуба пошёл навстречу, и единственная репетиция новогоднего шоу с участием Наташи Морозовой была назначена за три часа до начала представления.

Глядя на сцену, где она и Макс пели дуэтом, Дима нервно пристукивал носком туфли.

— Макс, ты лучше её не обнимай вообще, у тебя это сейчас неестественно получается, — оборвав очередную композицию, Дима стремительно подеялся на сцену, — лучше просто возьми за руку, и всё... Нам главное — вокал, остальное не так важно.

— Дим, а как тогда мне быть? — Наташа, застывшая вполборота, повернула к нему голову, — Я же по тексту вообще должна его поцеловать... там же «жаркие объятия»... А он меня только за руку держит.

— Замените на «жаркие рукопожатия», — заржал Сашка, — и воздушные поцелуи.

— Саня, — Дима возмущённо посмотрел на друга, — ты припёрся, чтобы помочь, или поржать? И вообще...

— Димыч... Помочь, конечно, заодно мораль блюдить. Всё, всё, понял!.. — он поднял обе ладони вверх, — Твою Наташку никому обнимать не позволим, даже тебе! Всё, ушёл!.. — доставая сигналивший телефон, он исчез за декорациями.

Сердито посмотрев Говорову в спину, Дима махнул рукой звукорежиссёру:

— Миша, давайте дальше минус...

— Дима... — подойдя сзади, Алёна неожиданно тронула его за локоть, — Послушай... Девчонки сильно на тебя обиделись.

— На меня?! — Дима изумлённо посмотрел на девушку, — За что?!

— За протекцию жене.

— Не понял. Объясни.

— А что тут непонятного? Ты берёшь на главную роль не участницу коллектива, а человека со стороны... Извини, что я так о твоей Наташе, но ведь так и есть... Девчонки возмущаются.

— Слушай, Алён, а девчонки знают все песни наизусть? Это, во-первых. Во вторых, у Ули и Наташи одинаковый диапазон, под такой диапазон песни и писались. Это, во-вторых. А, в третьих, Наташа все композиции пропевала, когда я их писал. Она всегда первая всё исполняет, что я пишу. Поэтому я уверен в ней...

— Ну, смотри, Дима, — Алёна загадочно улыбнулась, — я тебе просто передала настроение женской части коллектива... А ты думай...

— Что — думай? А женская часть коллектива не думает, что будет, если мы сегодня не выступим? — Дима повернулся к сцене, потом опять посмотрел на свою собеседницу, — Думаешь, я в восторге? А что делать?

Репетиция прошла успешно, и, в ожидании начала шоу, вся труппа около часа весело развлекалась в помещении ночного клуба. Только Макс пребывал в плохом настроении. После сегодняшних ночных и утренних событий он почти ни с кем не разговаривал и выглядел удручённым. Новость о том, что сегодня выступать ему придётся с Наташей, воспринял равнодушно, но, когда репетиция началась, старался выложиться полностью, подсказывая своей новой партнёрше все нюансы, чем очень её удивил. После репетиции присел у барной стойки и пробыл там до самого начала представления...

— Ну, что, артистка... — Дима взял в ладони Наташкино лицо, — Твои мечты начинают сбываться... Хотя мне это не очень нравится.

— Дим, а почему не нравится? — она слегка улыбнулась, — Только честно...

— Мне не нравится, что тебя кто-то будет обнимать, пусть даже и по сценарию.

— Нужно было другой сценарий писать, — пряча улыбку, пошутила Наташа, — Или сказал бы мне, я его ещё тогда бы исправила, осенью...

— Если бы знал, я бы сам исправил, — взглядываясь ей в глаза, сказал Дима, — ладно, сегодня потерплю... А потом будем думать, кем заменить Улю.

— Что?! Ирка... Правда?! — Сашка, с телефоном в руке возник перед ними, — Ирка.. Я тебя люблю! Слышишь? Сейчас Морозову нос утру...

— Чего, Саня? — Дима уставился на Говорова, — Новости есть? Ну, говори же!

— Саш, что, Ира родила? — радостно воскликнула Наташа, — С сыном можно поздравлять?

— Не-а!.. — Сашка замотал головой, — не с сыном...

— А с кем?.. — Дима удивлённо застыл на месте, — Ты же говорил, что сын будет...

— И медицина иногда ошибается, — Сашкиной радости не было предела, — дочка у меня, ребята... Дочка!.. Я же и хотел дочку, только Ирке не говорил, чтобы не расстраивать!

— Ну, Саня, ювелир! — Витька, услышав разговор, подскочил к другу, — Поздравляю!

— Сашка, поздравляю! — Дима пожал Сашкину руку, — Молодцы, рад за вас, ребята!..

— Да что вы... Разве так поздравляют?! — Наташа решительно отодвинула Димку с Витькой, — он же отцом стал, понимаете, от-цом!.. Сашка!.. — бросившись с этими словами ему на шею, она расцеловала Говорова в обе щёки, — Как я рада! Жалко, что не со мной в один день, но, всё равно... Как здорово!..

— Спасибо, Наташ... — смутившись, он слегка покраснел и в ответ обнял Наташку, — Спасибо тебе...

— Ну, всё, хватит мою жену обнимать, — Дима шутливо разжал Сашкины руки, — Свою заберёшь, обнимайся сколько хочешь... А мою — отдавай назад.

— Я так понимаю, праздники продолжаются... — Мазур обречённо почесал шею, — А там и Новый Год не за горами...

— Да что там праздники... — Сашка обвёл всех радостным взглядом, — Жизнь продолжается!

* * *

Положив голову Диме на плечо, Наташа дремала под ровный гул автобуса. Сам Дима не спал и, глядя в большое окно на ночное декабрьское звёздное небо, о чём-то сосредоточенно думал.

— Наташка... — тихонько позвал он и потёрся щекой о её голову, — Ты спишь?

— Сплю... — она улыбнулась и теснее прижалась к нему в темноте.

— Наташка, ты умница... Ты сегодня спасла всех...

— Да ладно, — промурлыкала она, — Никого я не спасла...

— Спасла... Всё получилось...

— Дим... — она запрокинула к нему голову, — А кто дальше будет выступать в вашем шоу?

— Не знаю... Дома подумаем.

- А сейчас ты о чём думаешь?
- Честно?
- Честно.
- Думаю, как Сашке нос утереть...
- Ну, и как?..
- Тоже дочку родить...

Леонид Борисович внимательно разглядывал своё отражение в зеркале ванной комнаты. Выше среднего роста, удошавый, довольно привлекательный мужчина, он выглядел несколько моложе своих лет. Обладая богатой мимикой и нервическим складом характера, в зависимости от обстоятельств, он мог из импозантного мужчины легко превратиться в рассерженное чудовище, не терпящее возражений и без сожалений распоряжающееся чужими судьбами. Но сейчас он выглядел довольно растерянным. Мила — женщина, с которой он прожил более четверти века, которую он считал своей тенью, вдруг стала меняться на глазах... Она уже не так, как раньше, заглядывала ему в рот, не поддакивала в беседах, а, напротив, стала всё чаще выражать своё собственное, отличное от его, мнение... Он с удивлением стал замечать, что супруга изменилась и внешне: она покупала более стильную и модную одежду, помолодела лицом и очень постройнела... Её задержки на работе — в детской клинике, где она работала заведующей амбулаторным отделением, стали привычными, а внимание к нему — довольно рассеянным. Попытки выяснить отношения разными, известными ему способами — от скандалов, до покупки подарков, привели только к тому, что Людмила Николаевна ушла из супружеской спальни в другую комнату на другом — первом — этаже. Лапин пытался проанализировать ситуацию, но, в силу своего характера, так и не нашёл в своём поведении никаких зацепок, которые могли бы спровоцировать жену на явный разрыв с ним.

Чем больше он думал о возникшей семейной проблеме, тем чаще и чаще в его сознании всплывал образ доктора Светлого, которого он неоднократно заставлял в кабинете Милы, когда стал вдруг заезжать за ней по вечерам... Сначала он гнал от себя все подозрения, не в состоянии поверить в то, что его покорная, тихая, во всём с ним соглашающаяся супруга может увлечься кем-то другим... Но, чем больше он их гнал, тем они становились убедительнее, подкрепляемые поведением Людмилы Николаевны... Он вдруг стал ловить себя на мысли, что даже бизнес теперь занимает его меньше, чем отношения с женой.

Решив побриться, Леонид протянул руку к дорогому станку, но голос дочери отвлёк его от этого намерения.

— Папа! Ты дома? — движением головы стряхивая искрящийся снег с чёрных пышных волос, Кристина вошла в огромный холл родительского коттеджа.

— Да, дома, — выглянув из ванной, крикнул Леонид Борисович, — Сейчас...

Поправив волосы, он ещё раз взглянул на себя в зеркало и, постаравшись придать лицу более весёлое выражение, вышел к дочери.

— Здравствуй, папа! — Кристина радостно обняла отца, — Я так по тебе соскучилась!

— Привет, привет... — целуя её, он довольно улыбнулся, — Даже не верится, что ты приехала сама, а не по нашей просьбе.

— Ой, папа, — Кристина усмехнулась, — прямо так и не верится...

— Ну, вот так, не верится... Как переехала в свою квартиру, мы тебя практически перестали видеть.

— Ну, квартира тут ни при чём, скорее — работа, — Кристина, плюхнувшись, утонула в мягком диване, — Я всё время в продюсерском центре, ты же знаешь.

— Ну, и хорошо, умница... Дела у вас идут, как я посмотрю, справляетесь, значит. Если честно, я даже не ожидал... ты же вообще никаким боком к этой сфере не прикасалась.

— Зато Морозов прикасался, — рассмеялась Кристина, — у него и в дипломе так написано.

— Ну, и замечательно... — присев напротив, Лапин, по обыкновению, закурил, — Знаешь, я рад, что у тебя всё к нему прошло... И, хотя твой новый... этот, как его...

— Макс, — довольно сдержанно подсказала Кристина.

— Да, Макс... И, хотя он мне не очень нравится, но я рад тому, что ты отошла от Димы... — Лапин нахмурился, — Потому что в этот раз я проиграл...

— Ты не проиграл, папа, — дочь внимательно посмотрела на отца, — война ещё не окончена.

— Что такое? — Леонид насторожился, — Что-то произошло?

— В общем — да... — Кристина нехотя кивнула, — Но ты не бери в голову, ничего серьёзного. Просто певица из моего проекта взяла и сбежала.

— Как это — сбежала? А Морозов тут при чём? — Лапин уставился на Кристину, — Или она с ним сбежала?

— Нет, — рассмеялась Кристина, — Он теперь у нас верный муж и нежный отец, никуда не сбегает... Она сбежала с Беловым, из «Патруля».

— Вот это новости... И что теперь, как быть с проектом? А с вашим шоу?

— С проектом — никак... Крест поставим на проекте. А шоу пока живёт, я сейчас тебя очень удивлю... — Кристина выдержала небольшую паузу, — Главную роль временно исполняет та самая Наташа...

— Это какая Наташа? — опустив голову, Лапин ещё больше нахмурился, — Та самая, о которой я подумал?

— Да, пап, та самая... Из-за которой у нас с Димой ничего не получилось, и на которой он в конце концов женился... Именно она сейчас спасает, — на этом слове Кристина иронично усмехнулась, — наше новогоднее шоу.

— М-да... Вот как иногда бывает, — как бы про себя проговорил Леонид Борисович, — лучшие враги становятся заклятыми друзьями...

— Да... Если не считать того, что теперь она чаще мелькает у меня перед глазами, — девушка покачала головой, — а сегодня вечером она будет выступать в твоём клубе.

— Да... — искоса поглядев на дочь, Лапин сжал узкие губы, — Видимо, ты не совсем отошла от Димки, раз тебя задевает его жена...

— А я совсем от него не отошла... — тихо произнесла Кристина, — Папа...

— Что? — так же тихо переспросил он.

— Почему мне всегда больше хотелось делиться с тобой, чем с мамой? — девушка опустила серый взгляд, — Странно, да?

— Ничего странного... Я тебя понимаю лучше чем... — он ненадолго замолчал, потом, кашлянув, выдавил из себя слово, — Чем... мать...

— Вот и мне так кажется... — едва заметно кивнула Кристина, — ты меня понимаешь лучше. Кстати, а где она?

— Мама? — теперь усмехнулся Леонид, — Мама... мама теперь не отчитывается передо мной. Уходит и приходит, когда её душе заблагорассудится.

— В смысле? — Кристина непонимающе посмотрела на отца, — Что ты хочешь этим сказать?

— Я хочу сказать, что у неё теперь своя личная жизнь. Как и своя личная комната...

— Во это да... — растерянно проговорила девушка, — да нет... Пап... Этого не может быть!

— Может, Кристинка... может... — как-то по-сиротски произнёс Лапин, — Что, не ожидала от матери?.. Вот и я не ожидал.

— А что она говорит сама?

— Ничего не говорит. Даже старые обиды не вспоминает. Просто отдалилась, и всё, — Леонид снова сжал губы, — и какой-то докторишка всё чаще и чаще мелькает в её кабинете...

— Ты думаешь, что... — Кристина не решилась произнести вслух то, на что явно намекал отец, — Нет, папа... нет... Возможно, это просто какой-то возрастной бзик... Нет...

— Не знаю, — Лапин нервно поёрзал в кресле, — Прямых улик у меня, конечно, нет, но что я ещё могу подумать? Кстати, — он поднял взгляд на дочь, — Что ты имела в виду, когда сказала, что война с Димой не окончена? Он тебя чем-то обидел?

— Разве можно обидеть сильнее после того, как он мной воспользовался год назад? — Кристина усмехнулась и, подобрав под себя ноги, ещё уютнее устроилась на диване, — Нет, он меня не обидел. Он меня растоптал. Он заставил меня совершить много глупых поступков, за которые я теперь расплачиваюсь... А сам остался в шоколаде — жена, ребёнок, творческая работа... Понимаешь, он как будто купается во всём этом, я смотрю на него и удивляюсь: он живёт в своём мире, он запросто общается со мной, не испытывая ни тени каких-либо эмоций... Как будто между нами никогда ничего не было... Я сама иногда начинаю сомневаться — а было ли что-то на самом деле?

— Тебе не нужно было тогда связываться с Мухаммедом, — Леонид покачал головой, — всё было бы у вас хорошо.

— Да он сам был в этом виноват! — Кристина возмущённо приподняла брови, — Я про Диму... Он же то на репетициях, то на концертах, мы даже не могли нормально вечер провести — посидеть где-нибудь, потанцевать... Мне приходилось всё время с ним таскаться, делать вид, что мне всё это ужасно нравится!

— Ну, сейчас же ты всё время рядом с ним, и занимаешься, в общем-то, творческой работой, — пожал плечами Лапин, — Или тоже делаешь вид?

— Не знаю... — Кристина опустила взгляд, — Если честно, всем занимается Морозов. Но он и должен всем заниматься, я, в конце концов, хозяйка.

— Тогда я не пойму, зачем тебе была нужна эта затея с продюсерским центром? — Лапин непонимающе уставился на дочь, — Если это не твоё призвание?

— Я хотела вернуть Диму, — негромко ответила Кристина, опустив глаза, — Хотела быть всё время рядом, в принципе, всё так и получилось, я даже нашла там свои интересы... А он просто врос в работу, практически жил там, да и сейчас живёт...

— Ну, и? — Леонид развёл руками, — Чего ещё нужно?

— Чего нужно... — усмехнулась девушка, — Любви нужно. А её нет. Он меня не любит и, я думаю, что и не любил никогда. Мы столько лет были знакомы, два года встречались... А он так и не предложил выйти за него замуж. Вот я и увлеклась Мухаммедом... Это не моя вина, папа. Это вина самого Димы.

— Ну, в жизни и не такие ещё вещи случаются, — Лапин утешительно посмотрел на дочь, — Ничего, Кристинка, на Диме ведь свет клином не сошёлся. Ты у меня красавица, любой на край света за тобой пойдёт, всё ещё впереди.

— Папа, ты не понимаешь... Я не могу успокоиться! Я не могу принять это, понимаешь?! Я не смирюсь никогда! — Кристина перешла на крик, — Он сейчас упивается ролью отца, а я... а у меня уже не будет детей, понимаешь? Понимаешь, папа?! Не будет!

— Это из-за аборта? — изменившимся голосом спросил Лапин.

— Да! — выкрикнула девушка и, опустив лицо на ладони, заплакала.

— Может, не нужно было...

— Конечно! Не нужно! — она снова подняла заплаканное лицо, — Ничего было не нужно! Ни встречаться с Мухаммедом, ни делать от него аборт... А что и кто меня толкнул на это?! Кто?!

— Успокойся, Кристина, — отец участливо посмотрел на дочь, — Дима тут ни при чём...

— Папа, это он виноват во всём! Он, понимаешь?! Добрый, благородный, талантливый... Это вы так думали... Это я так думала... А на самом деле — эгоист, каких мало! — вытирая слёзы, истерично выкрикивала Кристина, — Он думал только о своей музыке, больше ни о чём!.. Он и год назад, когда ему стало совсем невозможно, снова позвал меня... Я, как дура, поверила, понимаешь?! Я старалась быть рядом... Он музыку для своей матрёшки сочинял, а я его жалела... Ты представляешь, папа?! — она снова уронила лицо в ладони и разрыдалась в голос.

— Ну, перестань, перестань... — присев рядом, Леонид обнял её за вздрагивающие плечи, — Перестань, дочка... Ничего, всё пройдет...

— Ничего не пройдет, — замотала головой Кристина, — Ни-че-го...

— Пройдёт... И дети у тебя будут, — он поцеловал её в висок, — сейчас медицина знаешь, какая... за деньги невозможное сделают... А деньги у нас есть.

— Не знаю. Мне сказали — шансов один на тысячу.

— Ну, вот, один — да наш, — Лапин неожиданно нахмурился, — Ты только держи себя в руках. А, если захочешь — и Димы близко с тобой не будет. Разорву с ним все контракты, и дело с концом, пусть другую студию ищет.

— Что ты, папа, — Кристина вытерла мокрые глаза, — Если его выгнать, кто будет работать? Всё на нём держится... Тем более, сейчас у нас столько заявленных концертов, конкурсов, до конца следующего года... Теперь не только он у нас, а и мы у него в зависимости...

— Связаны одной цепью, — усмехнулся Леонид.

— Что? — она непонимающе посмотрела на отца.

— Да была такая песня. «Связаны одной цепью».

— А, поняла...

— Ничего, Кристинка... Ничего... У нас позиции всё равно крепче. У Морозова — талант, руки и голова... А у нас — деньги. А деньги испокон веку правили бал. Ничего. Говоришь, сегодня его жена будет выступать в вашем шоу?

— Да, — уже более спокойно ответила Кристина, — в твоём «Кристалле».

— А что, другой кандидатуры не нашлось?

— Он говорит, что нет. У неё голос...

— Ну, что ж, послушаем, что за голос...

Дима стоял в репетиционном зале продюсерского центра в окружении группы молодых артистов, занятых в новогоднем шоу. Женская часть, в основном, вокалистки, недовольно окружили его плотным кольцом: назначенная на сегодняшний день дополнительная репетиция не входила в их планы, и теперь девушки возмущённо поглядывали на Диму, нарушившего их покой.

— Слушай, Дима, у меня, между прочим, сегодня было четыре пары, сейчас ещё часа два-три репетиция, вечером — выступление... А отдыхать когда? Ты хочешь, чтобы я за декорации запнулась? — не в пример другим, кокетливо выговаривала Таня, хорошенькая, похожая на лисичку, девушка с пшеничной копной волос и голубыми, миндалевидными глазами.

— Ну, не страшно, декорации у нас лёгкие, углы не острые, — попытался отшутиться Дима, — Если что, не больно будет...

— Ну, конечно, не острые, — Таня лукаво улыбнулась, — у меня уже есть синяк на коленке... Показать?

— Не надо, верю на слово.

— Ну, смотри, ещё один синяк и я уйду на больничный...

— У меня жена без конца с разбитыми коленками ходит, и ничего, — Дима махнул рукой, — Давайте лучше репетировать. Раньше начнём, раньше закончим.

— Дима, Танька права, — Алёна выглядела более сердитой, чем её подруга, — Зачем лишняя репетиция, мы только с гастролей, память хорошая...

— Алёна, ты, может, не в курсе, но у нас замена — Уля больше не выступает, а Наташа практически на удачу спела в прошлый раз. Вы репетируете с новой солисткой, разве не понятно?

— Ну, вот пусть новая солистка одна и репетирует — загалдели девчонки, — а у нас после гастролей и так полно «хвостов», времени не хватает.

— Так, — Дима хлопнул в ладоши, — Девочки, больше дела, меньше слов.

— Дима, я предупреждала, — говоря вполголоса, Алёна иронично улыбнулась, — это женская часть коллектива, тут надо быть очень осторожным и деликатным...

— Спасибо, хоть мужская часть коллектива молчит, — Дима покачал головой, — кстати, где парни? Ни одного не вижу... Макс, Илья, Дима — мой тёзка... Они-то где?

— Они? — Алёна хитро посмотрела на Диму, — Ну, Макс у Кристины, кажется. А во Илья с твоим тёзкой в гримёрке сидят.

— Что они там делают? — Дима удивлённо оглянулся в сторону небольшой гримёрной, находившейся за сценой, — Макияж наводят, что ли?

— Может быть... А, может, шпильки подают одной шикарной блондинке... — Алёна не успела договорить, как Дима стремительно шагнул к узкой двери и взялся за ручку.

Наташа стояла у большого напольного зеркала и укладывала заплетённые волосы на затылке. Увидев Диму, радостно обернулась:

— Дим, что, уже начинаем? Я готова.

— Сейчас уже будем начинать... А вы что тут делаете? — подозрительно спросил он вокалистов Илью и Диму Кравеца, своего тёзку, которые вдвоём старательно что-то делали с розеткой в углу небольшой комнаты.

— Девчонки попросили розетку починить, — Илья усердно орудовал отвёрткой, закручивая шуруп на белом пластмассовом корпусе, — ты держи, давай, лучше, Диман, тебя как будто розетки чинить не учили... — эти слова были адресованы Диме Кравецу, двумя пальцами поддерживающему саму розетку.

— Так я и держу, — увидев Морозова, тот почему-то смутился и густо покраснел, — сам не умеешь, а на других бочку катишь.

— Кто не умеет? — Илья иронично бросил взгляд на друга, — Да я этих розеток перечинил, тебе и не снилось!

— Так, господа электрики, вас на сцене ждут, — Дима недовольно покосился на парней, потом перевёл взгляд на Наташу, — Наташ, а зачем ты волосы завязываешь? Тебе по роли как раз коса положена, тем более, привязывать не надо, как другим.

— Если и дальше так пойдёт, то и мне придётся привязывать, — проводив взглядом ребят, она засмеялась, — представляешь, у меня почему-то волосы зелёные.

— Как это — зелёные? — Дима потрогал её волосы, — Где — зелёные?

— А вот, — вздохнув, она вытащила шпильки: белокурая коса с абсолютно зелёным хвостиком в конце упала на спину, — понятия не имею, где я так волосы вымазала.

— Что это?! — Дима удивлённо рассматривал пушистую, зелёную прядку, — Такое впечатление, что ты окунула волосы в зелёнку.

— Вот, мне так и девчонки сказали, — кивнула Наташа, — загадка.

— Мы из дома уходили — ничего не было, — он пожал плечами, — ты где тут в центре лазила?

— Я?! — она округлила глаза, — Нигде. Я сначала у тебя в студии посидела вместе с тобой, а потом сюда пришла — мне девчонки Улины платья показывали, я некоторые померила... Нас тут много было, тесно, все толкаются, смеются... Потом мы на сцену пошли, они тебя искали... А Макс посмотрел и говорит: «У тебя волосы зелёные», — Наташа засмеялась, но Диме показалось, что смеялась она через силу, — я пошла в туалет, там под краном водой промыла, а они всё равно зелёные. И платье моё тоже в зелёных пятнах, пришлось снять и надеть вот это — Улино... Я волосы высушила и замотала в узел, чтобы не видно было, — улыбка теперь получилась искренне-грустной, — теперь придётся концы отстричь сантиметров на пятнадцать: видимо, я их не отмою...

— Странно, — Дима задумчиво посмотрел на жену, — ладно, дома подробнее всё вспомнишь, хорошо? А сейчас пойдём, нужно начинать, а то труппа недовольна. Подожди, — он придирчиво осмотрел её с ног до головы, — повернись... Ты что, в этом платье выступать собралась?

— Ну, да, — она кивнула, — это Улино платье, а костюм Снегурки я только в конце представления надеваю.

— А тебе не кажется, что оно тебе мало? — повернув её вокруг, Дима ревниво нахмурился.

— Нет, не кажется, — Наташа ещё раз осмотрела себя в зеркале, — в самый раз.

— А мне кажется, что мало, — упрямо повторил Дима.

— Я что, толще Ульки? — рассмеялась она, — Ди-и-им, ну не выдумывай, у нас с Улей один размер и одежды, и обуви, к счастью... Она просто кажется очень худенькой, но все её

сценические наряды мне как раз.

— Она и есть худенькая. А ты — нет.

— Как это? — Наташа округлила глаза, — размер одинаковый, а одна худая, вторая — толстая?

— Не толстая. Круглая. Наташка, Улины наряды тебя обтягивают, и мне это не нравится.

— Дима, сорок второй размер — что у меня обтягивать? — она обернулась вокруг себя, потом ещё раз взглянула в зеркало, — У меня даже бюста приличного нет...

— Ну, мне лучше знать, что у тебя есть, а чего нет, — обхватив сзади руками, он прижал её к себе и поцеловал в шею, — Платье выберешь другое...

— По колено? — лукаво улыбнулась Наташа.

— Можно и ниже.

— Димка! — она возмущённо повернулась к нему, — Я никогда не думала, что ты такой ревнивый! А как же сольные программы? Я что, буду в мешке выступать?

— Ну, я ещё посмотрю, что это за мешок, — улыбнулся Дима, — а то, может, ещё и не разрешу...

— Дима, — Алёна заглянула в гримёрную, — там девочки велели передать, что, если сейчас не начнём, они разойдутся по домам... Ой!.. Извините... — загадочно улыбнувшись, она исчезла за дверью.

— Ну, вот, — Наташа с серьёзным видом высвободилась из Димкиных рук, — переодеваться времени нет. Буду в обтягивающем наряде и с зелёными волосами... Идём?

— Идём, — обречённо ответил Дима и открыл перед ней дверь, — но только в этот раз...

* * *

— Наташа, Дима просил тебя выйти в зал, — заглянув в гримёрку ночного клуба «Кристалл», где участницы новогоднего шоу готовились к выступлению, Макс с трудом отыскал в снующих полураздетых девушках свою новую партнёршу, — он говорит, что декорации немного поменяли местами, и нужно уточнить, откуда мы будем появляться и куда уходить по действию...

— Иду! — снова застегнув замок на сапожке, который она уже собиралась снять, чтобы переобуться, Наташа выпорхнула вслед за Максом.

— Интересно, чем она волосы отмыла? — Анжела насмешливо кивнула на закрывшуюся за девушкой дверь, — А ей так шёл зелёный цвет!..

— Смотри, а то Дима узнает... — Алёна усмехнулась в ответ, — Тоже позеленеешь.

— А я тут при чём? — удивлённо приподняла брови Анжела, — Я ей волосы не красила, я только потом увидела, что они зелёные.

— Ну, и что он сделает, даже если и узнает, кто это сделал? — Таня обернулась от зеркала, у которого накладывала макияж, — Ну, вот что, например?

— Да вышвырнет из проекта, и всё, — Алёна подняла на неё проницательный взгляд, — так что думай наперёд.

— А я тоже ни при чём, — пожалала плечами Таня, — Мне, кстати, самой интересно, кто это так умудрился? Вроде, все на виду были, а никто не заметил, как ей волосы в зелёнку окунули, даже она сама.

— Да, уж, работа ювелирная, — Анжела рассмеялась, — у того, кто это сделал, руки тоже должны быть зелёными, хоть чуть-чуть. А у всех — чистые... И, главное — как можно было незаметно достать ёмкость, а потом незаметно спрятать при таком скоплении народа.

— Вот именно — при скоплении, — Соня поправила наряд Снегурки, — там комнатка маленькая, когда десять человек толкаются, никто друг на друга внимания не обращает. А зелёнку можно было на волосы просто брызнуть, из пульверизатора, думаю, так и было, ведь у неё с волос не капало, и не так уж и много той зелёнки на волосах было — только сверху хвостика.

— Да уж, кто-то проявил гуманность, — Анжела покачала головой, — могли бы по всей косе брызнуть... Пришлось бы Наташе волосы отрезать под самый корешок!

— Слушай, а она разве не крашенная? — с сомнением в голосе спросила Таня, — У неё глаза такие... карие... А волосы — белые, так ведь не бывает.

— Бывает, — Алёна махнула рукой, — У Наташки всё натуральное — и волосы, и глаза.

— Да, интересно... — Соня недоверчиво покосилась на Алёну, — Откуда ты знаешь, может, она красится через день, чтобы корней не видно было?

— Знаю, я с Морозом в одном доме живу, каждый день её вижу, как она с ребёнком гуляет, — Алёна кивнула девушке, — и раньше видела, когда они отдельно жили, и Дима её приводил к родителям несколько раз, когда у них ещё сына не было.

— Девочки, кто видел мои туфельки? — Соня, наклонившись, заглядывала под стулья и сумки, разбросанные по полу гримёрки, — Ой, а это чьи такие миниатюрные? Кто у нас тут Золушка?

— Это, наверное Улькины, — Анжела скользнула взглядом по паре изящных, серебристого цвета, небольшого размера туфелек на высоком каблучке, — У неё такая ножка маленькая была. Кто-то их, наверное, в общей куче сюда приволок.

— Ух, ты... — Соня сняла сапожок и попыталась надеть правую туфлю, но, вставив пальцы в носок и поелозив ступнёй, замерла на месте, — Не-а, не лезут... малы... Ой, девчонки... — внезапно побледнев, она обвела всех испуганным взглядом, — Там что-то сильно колется... Ой, мама!..

Сгрудившись вокруг неё, остальные девушки растерянно смотрели на ногу, которую Соня, вытащив из туфли, по инерции держала на весу: из-под пальцев на пол быстро капали крупные капли крови, кое-где виднелись впившиеся в нежную кожу ступни какие-то блестящие чешуйки, похожие на осколки битых ёлочных игрушек.

— Что это? — дрогнувшим голосом спросила Соня, — Девчонки, а?..

— Ой, мама!..

— Садись, скорее садись! — кто-то подвинул девушке стул, — Надо скорую вызвать!

— Да позовите кого-нибудь, — с отчаянием в голосе крикнула Соня, — ой, я сейчас кровью истеку...

— Девчонки, зовите Диму или Кристину, — Таня присела на корточки и, поддерживая Сонину ногу, внимательно разглядывала порезы, — ужас, все пальцы располосованы... Дайте что-нибудь кровь вытереть, тут уже целая лужа!..

— Девочки, за Димой кто-нибудь пошёл? — Анжела огромными глазами смотрела на красное, растекающееся пятно на полу, — Надо скорую вызывать!..

— Ой, я сейчас умру... — Соня оцепенела от страха, — Девчонки, ну, сделайте же что-нибудь!

— Что случилось?! — стремительно войдя в гримёрку, Дима обвёл всех тревожным взглядом, — Что?

— Вон, смотри... — Алёна кивнула на Сонину ногу, — Туфли хотела примерить...

— И что? — он непонимающе посмотрел на девушку, — Кровь-то откуда?

— А ты туфлю посмотри, — посоветовала Алёна, — ту, которую она надеть хотела...

— Оба-на... — Дима изумлённо смотрел, как из носка туфли, которую он перевернул, на пол высыпалась звенящая, блестящая кучка, — Это что такое?

— Это битые игрушки, Дима... — Алёна нахмурилась, — И часть их сидит в Сониной ноге... Надо срочно скорую вызывать...

— Это она ещё не всю туфлю надела, — Анжела покачала головой, — Она ей просто не налезла, только носок. А, если бы всю?.. Страшно подумать...

— А почему не налезла? — Дима удивлённо посмотрел на девушку, — Как же ты в них выступаешь?

— Это не её, — загалдели девчонки, — Она просто хотела померить...

— Так... — Дима задумчиво посмотрел на девушек, — А чьи это туфельки?

— Не знаю, — Алёна пожала плечами, — Мы думали, что Улины, только у неё такая маленькая ножка была, но это не её, у неё другие были...

— Судя по всему, новые, — Дима ещё раз осмотрел туфельку, — кто же так кому-то насолил? А, девочки? Чьи туфли-то?

— Мои... — войдя в гримёрную, Наташа растерянно посмотрела на Диму.

— Я у тебя таких не видел... Ты когда их купила?

— Вчера...

Декабрьский морозный ветер пробирал насквозь, но, стоя на крыльце ночного клуба без верхней одежды, Дима не обращал внимания на холод.

— Соня, ты держись, всё будет хорошо! Я обязательно разберусь, кто это сделал, — закрывая дверь скорой помощи, он дружески кивнул девушке, которая сидела, положив забинтованную ногу на сиденье, — мы тебя все будем ждать!

— Крупные осколки я ей сразу вытащил, а остальное — в хирургии, — врач, немолодой уже мужчина, устало покачал головой, — ох, уж, эта творческая аудитория, какими только способами не устраняют конкурентов.

— Это у вас не первый случай? — удивился Дима.

— Далеко не первый, — доктор усмехнулся, — чего только не посмотрелся за свою жизнь.

— Я впервые сталкиваюсь, — Дима развёл руками, — если честно, сразу растерялся.

— Ну, привыкайте, боюсь, это не последний случай.

— Да, а я ещё не мог понять, кто солистке волосы зелёной измазал, — Дима как будто вспомнил о чём-то, — так это были ещё цветочки...

— Волосы зелёной — намного гуманнее, — хмыкнул доктор, — солистке вашей повезло больше, чем этой девушке.

— Как сказать, — Дима открыл перед доктором дверь в кабину, — дело в том, что туфли тоже принадлежат той солистке... Кстати, моей жене.

— Ну, что ж... — мужчина иронично пожал плечами, — Ты — парень видный, руководитель, и твоя жена — солистка, которой кто-то делает пакости... Шерше ля фам, как говорится... — с этими словами он, кивнув на прощание, захлопнул кабину.

Проводив взглядом отъезжающую скорую помощь, Дима вернулся в помещение клуба. Девушки всё ещё находились в гримёрной, бурно обсуждая произошедшее.

— Дима, ну, что? — Наташа широко раскрытыми глазами посмотрела на мужа, — Отправил Соню?

— Отправил, — он обвёл взглядом всех присутствующих, — так, девчонки, разбираться будем завтра. А сейчас — работаем.

— А как мы теперь без Сони? — Оля, третья танцовщица шоу-балета, подбоченилась, — У нас же все номера для шестерых исполнителей. А теперь парней трое, а нас с Анжелкой только двое.

— А вот это уже не обсуждается, — Дима серьёзно посмотрел на девушку, — Вы артисты. Должны выкручиваться из любых ситуаций. Хореограф с нами не пришла, поэтому сами ориентируйтесь в пространстве. Наташ, — он перевёл взгляд на Наташу, — Ты не вздумай эти туфли надевать, даже несмотря на то, что я их вытряхнул.

— Нет, Дима, нет, конечно, — она успокаивающе кивнула, — У меня ведь вторая пара обуви по сценарию — сапожки Снегурки, вот я их и надену... Они под платье подойдут.

— Ну, и хорошо, — кивнул Дима, — Ну, девочки... Вдохнули, выдохнули, и — вперёд...

Исполняя песню за песней на сцене ночного клуба, Наташа не могла избавиться от чувства тревоги, навалившегося на неё ещё днём: после репетиции ей пришлось срочно посетить салон красоты, где молодой мастер невозмутимо укоротил её длинные белокурые волосы примерно на пятнадцать сантиметров, отрезав вымазанные зелёнкой концы. Укладка лёгкими локонами тоже визуально уменьшила длину волос, и Наташа, посмотрев на себя в зеркало, почему-то загрустила... Происшествие же в гримёрке и вовсе выбило её из колеи. Битое стекло подсыпали явно ей, и только случайно она избежала серьёзных травм, в отличие от ни в чём не повинной Сони, которую увезла скорая. К тому же, она очень соскучилась по Валерику, которого после приезда толком ещё не видела: ей сразу пришлось заняться и вокалом, и хореографией, для чего она два дня подряд с утра уезжала в продюсерский центр одна — с сыном оставался Дима. Но даже эти два дня плотной подготовки дали свои положительные результаты — она абсолютно уверенно двигалась по сцене, и Дима, присутствовавший в день выступления на репетиции, уже в который раз удивлялся её способности всё схватывать на лету.

Единственное, что успокаивало её в этой ситуации, это неожиданные гонорары, которые она должна была получить за участие в представлении — после своего дня рождения Наташа не раз ловила себя на мысли, что они с Димой очень легкомысленно потратили кучу денег, которые им должны были очень пригодиться в ближайшее время при оплате операции её отцу...

Наташа ловко выполняла различные танцевальные движения на сцене вместе с шоу-балетом — в отличие от танцующих Снегурок, её наряд был хоть и не прозрачным, но очень коротким, и довольно откровенно открывал красивые, стройные ножки, привлекая внимание мужской аудитории.

— А, пожалуй, с этой солисткой представление только выигрывает, — глядя на огромный монитор в VIP-зале клуба, Игорь Фишер сделал небольшой глоток виски, — не зря я сегодня сюда приехал, как сердцем чувствовал.

— Да уж, чутьё у тебя всегда было звериным, — Лапин усмехнулся и кивнул на экран, — а ещё говорят, что случайностей не бывает.

— Случайностей? — переспросил Игорь, — случайностей не бывает. Бывают закономерности.

— Ну, и в чём же тут закономерность? — Лапин, прищурившись, отхлебнул из широкого стакана, — Случайно сбежала исполнительница, случайно подвернулась другая, случайно сегодня она не надела свои туфли с битым стеклом, случайно ты приехал именно в этот клуб...

— Э, не скажи. Закономерность в том, что я всегда имею то, чего хочу. А я хотел её увидеть. Хороша девочка... хороша... — он ближе подошёл к монитору, — Высший класс.

— У тебя что, очередной заказ? — Лапин поставил стакан и, достав сигареты, чиркнул зажигалкой, — Или ты для себя присматриваешь?

— А что, когда-то нужно и о себе подумать, — Фишер многозначительно ухмыльнулся, — а то сапожник без сапог.

— Не знаю, не знаю, — с сомнением покачал головой Лапин, — не говоря уже о том, что я просил тебя забыть о ней, просто не понимаю твоего выбора.

— Почему? — Фишер внимательно вглядывался в экран, на котором шла прямая трансляция представления, — аргументы есть?

— Не знаю, — пожал плечами Лапин, — может, просто не в моём вкусе, но точно — не моё. Аристократизма нет, если хочешь — академизма, что ли.

— Ну, академизм — это дело спорное. Не королева — это точно. Но и не пастушка... Внешние данные... шарм... Одни карие глаза и белые волосы чего стоят! А голос? А фигура?

— Росту не хватает, — усмехнулся Леонид, — Не модель.

— А зачем мне модель? Рост средний. Да и не в росте дело... — он задумчиво ещё раз посмотрел на Наташу, исполняющую заключительную композицию, — Тут вообще дело не в данных...

— А в чём? — удивлённо спросил Лапин.

— Даже не знаю... — взгляд Игоря стал на удивление серьёзным, — Не знаю, Лёнчик... Но, скажу тебе откровенно, с прошлой нашей встречи я ещё спокойно не спал. Всё перед глазами девочка эта... Как она танцевала тогда, помнишь?

— Да не помню уже, — Лапин махнул рукой, — и ты забудь.

— Да нет... — Игорь медленно перевёл на него свой пронзительный взгляд, — Уже не забуду... Ни как танцевала, ни как пела полтора года назад.

— Только не в моих заведениях, Игорёк, договорились? — Леонид поморщился, — Мне скандалы не нужны. Она ведь не одна.

— Не беспокойся, — Игорь усмехнулся, — насилием заниматься не собираюсь. Ты знаешь, у меня всегда всё чётко — сами приходят, в конце концов.

— Да знаю я...

— К тому же, кроме твоих клубов, другие ещё имеются. — Фишер загадочно улыбнулся, — Так что, не переживай, твоя репутация не пострадает.

* * *

Положив подбородок на сцепленные в замок кисти, Дима задумчиво смотрел в окно. Снег валил такими огромными хлопьями, что казалось, что это и не снег вовсе, а клочки белой ваты, которые кто-то методично рвёт и бросает на землю. Сидевшая напротив него Кристина беззвучно, едва прикасаясь, трогала клавиши синтезатора. Оба молчали, хотя тема для разговора назрела довольно серьёзная.

— И, всё-таки, — Дима первым нарушил молчание, — что ты об этом думаешь? Я понимаю, что тут замешана Наташка, но...

— Слушай, Дима, — Кристина подняла на него коллючий, по обыкновению, взгляд, — ты, что, действительно, считаешь меня законченной стервой? Да какая разница, кто тут замешан, по большому счёту, это членовредительство. Самая настоящая уголовщина.

— Да, я тоже так же думаю, — шумно выдохнув, Дима забарабанил пальцами по столу, — но это всё эмоции. Кто мог такое сделать?

— Да кто угодно, — Кристина усмехнулась, — как будто ты не в артистической среде вращаешься.

— Да я в первый раз с таким сталкиваюсь, — он возмущённо пожал плечами, — сколько с ребятами выступали, у нас такого не было. Это вот как начались эти наши многочисленные проекты, так и понеслось. Ну, то, что микрофоны выключали, слабительное подсыпали — это ерунда, даже как-то каблуки у одной девушки кто-то обломал... Но чтобы вот так жестоко — в первый раз. Я про волосы молчу...

— Про какие волосы? — Кристина удивлённо уставилась на него.

— Да вчера кто-то Наташке волосы зелёной вымазал прямо перед репетицией. Пришлось даже отрезать концы.

— То-то я смотрю, у неё вчера причёска короче, чем обычно, была, и коса не такая длинная, — Кристина качнула головой, — Да, Морозов... Кто-то серьёзно рассердился на твою жену. Да и на тебя тоже.

— Ну, вот кто?!

— Во всяком случае, не я, — она насмешливо развела руками.

— Понятное дело, что не ты, — глядя куда-то перед собой, задумчиво произнёс Дима, — но, давай разбираться. Я сам не люблю всяческие расследования, но слишком тяжелы последствия, согласишься. Тем более, что человек пострадал вообще ни за что.

— А пусть меньше суют свой нос, куда их не просят, — сердито отозвалась Кристина, — чего она полезла мерить обувь, которая заведомо была ей мала?! Ну, кто просил?

— Если бы она не полезла, Наташка бы обула эти туфли, да ещё и прошла бы, пока не почувствовала, что там стекло, — Дима кивнул сам себе, — я тогда вообще не представляю, что у неё с ногой было бы... У Сони хоть только пальцы порезаны, а у Наташки бы вся ступня была располосована.

— Ну, ты даёшь, Морозов, — хмыкнула Кристина, — ты всё сворачиваешь на то, что, слава Богу — это не Наташа... Пусть кто угодно, но не она... Да, Дима?

— Кристина, не передёргивай, — он поморщился, — мне и так тошно... В том-то и дело, что я себя виноватым чувствую, что из-за моей жены кто-то пострадал.

— Ну, хорошо, — девушка хлопнула ладонью по корпусу синтезатора, — кто мог до такой степени точить зуб на твою Наташу? Ну, версию с твоими «левыми» пассиями, мы, надеюсь, рассматривать не будем?

— Какими ещё пассиями, о чём ты? — Дима приподнял брови, — Как будто ты меня не знаешь.

— Да уж, знаю... В таком случае, вариантов два: либо это твоя тайная поклонница, либо это творческая месть за то, что ты отдал главную роль жене. Либо — и то, и другое в одном флаконе.

— Так мы ещё долго будем топтаться на месте. На главную роль претенденток не было, это раз, Наташка вообще случайно подвернулась, всё же было на твоих глазах.

— Да, уж, — пристально взглянув на Диму, Кристина неожиданно нервно рассмеялась, — на моих глазах, это точно. Вышла из шикарной постели, как из пены морской... И, судя по всему, волны в эту ночь были бурными.

— Давай попробуем методом исключения, — явно игнорируя её колкости, предложил Дима, — девчонок из балета исключаем сразу?

— Ну, давай мы их просто пока задвинем на задний план, тем более, без Сони их остаётся всего две, и у них нет причины мстить твоей жене, — Кристина посерьёзнела, — с бэк-вокалистками, думаю, нужно поступить так же. Они, в любом случае, не

рассматривались бы как кандидатки на главную роль, хотя...

— Насчёт Алёны я уверен. Мы живём в одном доме.

— Да, я помню... — Кристина загадочно улыбнулась уголком губ, — Света, по-моему, слишком глупа для таких вещей.

— Тогда остаются только девчонки из «Звёзды зажигаются»... Кто там у нас? Таня, Вика, Наргиза... Всего три подозреваемых, — усмехнувшись, Дима покачал головой, — С одной стороны, круг сужается... С другой — как-то даже страшно кого-то разоблачать. Вроде — коллектив...

— Дима, это только начало. Я такого наслушалась о творческих коллективах, что не удивляюсь ничему. Кстати, мы неверным путём пошли.

— Почему?

— Потому. Давай с начала... Вот твоя Наташа приехала в клуб...

— Мы приехали в клуб, — Дима терпеливо подхватил мысль, — я пошёл в мужскую раздевалку, она — в женскую, в смысле — в гримёрку. Говорит, сняла шубку, потом достала из сумки туфли, сапожки и сценические костюмы. Стала разуваться, а тут её позвал Макс.

— Так, — Кристина исподлобья посмотрела на Диму, — зачем она понадобилась Максусу?

— Она мне понадобилась. А Макс её только позвал.

— Да, Морозов... Любовь — страшная сила. Только из дома — и она уже тебе понадобилась, — Кристина усмехнулась, — ну, ладно. Дальше?

— Там декорации перепутали, вот я и позвал Наташку, чтобы она была в курсе, — Дима нахмурил брови, — а дальше? Дальше — всё... Наташка вышла в зал, а её вещи оставались в гримёрке. Вот за эти пятнадцать минут, что её не было, кто-то насыпал в её туфлю битое стекло, а Соня её попыталась надеть.

— А все уже были в сборе?

— Да, девчонки были уже все, я для них заказывал машину, чтобы потом не собирать по городу проспавших и опоздавших.

— Понятно. А откуда они могли знать, что это Наташины туфли? Разве у них обувь у каждого личная? Мы же покупаем все костюмы.

— В том-то и дело, что обувь не их личная, но они знают, кто какую пару надевает по роли. А Наташке что-то Улины туфли не понравились, и она решила себе купить сама, за свои деньги. Я сам не знал про эти туфли, а уж девчонки — тем более, А, ведь, тот, кто это сделал, должен был знать наверняка — чьи они.

— Детектив да и только, — хмыкнула Кристина, — может, наймём частного сыщика?

— Давай лучше дальше подумаем, — Дима подался вперёд, сидя на диване, — видимо, тот, кто это сделал, видел, как Наташка туфли вытащила. И в суматохе незаметно всыпал туда битые игрушки...

— Ты просто гений дедукции, Морозов, — расхохоталась Кристина, — остаётся догадаться — кто это, и дело в шляпе!

— Знаешь, мне не смешно, — Дима серьёзно посмотрел на девушку, — где гарантия, что завтра не взорвут петарду? Или ещё что похуже...

— Всё может быть, — Кристина согласно кивнула, — и, я так понимаю, что это будет продолжаться до тех пор, пока ты не назначишь на главную роль кого-то другого.

— Да я бы с превеликим удовольствием, — Дима нервно встал и подошёл к окну, — думаешь, мне так нравится эта затея? Видеть, как пьяное жлобье на неё пялится, малолетки

всякие жесты показывают... Когда мы с ребятами выступаем — у нас и музыка другая, и аудитория другая. А такие шоу развлекательные — это для определённого круга лиц.

— Да-а-а... — в голосе Кристины послышались нотки ревности, — Значит, сценарии мы одобряем, музыку к ним пишем — чтобы другие девочки для жлобья ножками дрыгали... А как до своих доходит — что ты... мы же такие одухотворённые... такие невинные... такие высоконравственные... Да, Дима? Но от гонорара не откажемся, правда?

— Не откажемся, — он посмотрел ей в глаза, — потому что она его заработала.

— Всё, Морозов, хватит! — Кристина снова хлопнула ладонью по синтезатору, — Мы отвлеклись. А нам нужно докопаться до истины — кто это сделал. Потому, что мы должны оплатить лечение пострадавшей, а почему мы должны оплачивать чужие подлости? И, если мы сами не найдём виновного, то Сониная семья подаст в суд, и будет права! В этом случае, начнутся разбирательства в клубах моего отца, ведь конкуренты не спят.

— Да уж... — Дима задумчиво посмотрел себе под ноги, — Ситуация.

— Не нужно было отпускать Белова с Ульяной, ничего бы не было... Кстати, — она посмотрела на Диму, — что у вас с заменой Белову? Концерты «патруля» никто не отменял.

— Завтра должен парень подъехать, Вадим Зимин. Никита сказал — гитарист от Бога, я ему верю. Если так, то проблем не будет, лишь бы в коллектив влился. А пока — пауза...

— Понятно, — Кристина поджала губы, — ну, так что будем делать с подозреваемыми?

— Придётся беседовать с каждой в отдельности, — Дима пожал плечами, — и делать выводы...

— А беседовать как будем — вдвоём? — Кристина насмешливо улыбнулась, — Или ты будешь один выводить на чистую воду преступницу? Тут уже способы разные существуют...

— Можешь и ты побеседовать, — он махнул рукой, — если честно, у меня времени совершенно нет даже на творчество, не говоря уже о семье... какие тут ещё беседы?!

— Кстати, как твой сын? — смягчив тон, Кристина опустила глаза.

— Да нормально, — улыбнулся Дима, — зубы режутся, вон, меня искусал, — он показал ребро ладони, — тянет мою руку к себе и грызёт... Я ему говорю — папе же больно, а он смеётся, поросёнок...

— Да, трогательно... — Кристина ещё ниже опустила голову, — Сколько ему уже?

— Скоро полгода.

— Да, совсем забыла, — как будто очнувшись от каких-то мыслей, девушка резко выпрямилась, — отец вчера звонил, уже ночью, когда я домой приехала. Говорит, хочет тебя видеть, разговор какой-то есть.

— Ну, хорошо, — пожал плечами Дима, — пусть скажет, когда... А почему он мне не позвонил?

— Наверное, побоялся потревожить твою семейную идиллию, — иронично ответила Кристина, — вдруг вы там с Наташей обсуждаете новости музыкального мира...

— В общем, позвонишь, — Дима встал и взялся за ручку двери, — я на связи.

* * *

Поправив наушники, Наташа обернулась к стеклянной перегородке между тон-залом, в котором она находилась, и аппаратной. Кивнув сидящему за компьютером звукорежиссёру Мише, замерла в ожидании минусовки. Новая песня, которую написал для неё Дима, была

практически записана — оставалось наложить бэк-вокал, и она приехала ненадолго в студию, оставив Валерика с папой. Сам папа был в двойственных чувствах — с одной стороны, он был ужасно рад побыть с сыном, которого почти не видел из-за своего плотного графика и огромной загруженности в продюсерском центре. С другой стороны — ему ужасно не хотелось отпускать Наташку одну... С некоторых пор Дима стал ловить себя на мысли, что серьёзно ревнует свою жену — не к кому-то конкретно, а вообще, так сказать, «по жизни». И, хотя поводов Наташа не подавала, ему было спокойно лишь тогда, когда она сидела дома с Валериком, или была рядом с ним — на концертах или репетициях, которые теперь стали возможными для неё в студии продюсерского центра. Правда, Анна Сергеевна не всегда могла остаться с малышом, и поэтому чаще всего Наташа уезжала на репетиции одна, а Дима сидел в это время с Валериком, нетерпеливо поглядывая на часы в ожидании своей любимой жены. Дождавшись её, он, в свою очередь, мчался в студию, где его ждала масса творческой работы, начиная с собственных песен и репетиций «Ночного патруля» и заканчивая различными музыкальными проектами. Разговор с Леонидом Лапиным, который состоялся через день после выступления в «Кристалле», заставил его врасплох. «Дима, я хочу предложить твоей жене сольный концерт в одном из моих клубов. Перед Новым Годом — в день, когда она не будет занята в вашем шоу. Это возможно? Я понимаю, что времени на подготовку мало, но, судя по откликам публики, успех у неё будет колоссальный. И гонорар — соответственно. Ты — как?» Дима не знал, что ответить. Выступая по ночным клубам, он прекрасно знал зрительскую аудиторию, и тот факт, что на Наташку будут смотреть десятки мужских, зажжённых алкогольным похотливым огнём глаз, его отнюдь не радовал. С другой стороны — он прекрасно понимал, что такой вокальный талант, как у Наташки, просто грех прятать от слушателей, тем более, что и репертуар у неё был свой, индивидуальный, состоящий в основном из его композиций, отличных от тех, которые он писал для «Ночного патруля». Это был творческий шанс показать другую сторону и его способностей, как композитора... Поэтому, подумав целую ночь, утром он, нисколько не сомневаясь в ответе, спросил Наташу о согласии выступить... Тихое, радостно-счастливое повизгивание у него на шее окончательно растопило последние сомнения, и он решительно набрал номер Леонида Борисовича.

«Мы согласны».

Два слова — и вот они, репетиции, запись минусовок на «всякий случай», заодно и вокала — «мало ли что»...

Такой счастливой он Наташку не видел давно... Даже Анна Сергеевна, видя, что общие творческие планы вдохновляют и сына, и невестку, сближая их ещё больше, поддержала это мероприятие, несмотря на то, что нагрузки с Валериком добавилось — если она приходила с работы пораньше, то Наташа оставляла сына на свекровь.

— Я только гитару заберу, — дверь в тон-студию неожиданно открылась, и светлорусый, сероглазый парень быстро прошёл к противоположной стене, у которой стояли несколько гитар. Взяв одну из них, он, извиняясь, кивнул головой и вышел. Наташа удивлённо проводила его взглядом — парень был незнакомым, но, судя по его поведению, в студии он был не в первый раз. Окончив запись, она вышла в аппаратную.

— Миш, а что это за парень — за гитарой заходил?

— Как — что за парень? — Миша удивлённо посмотрел на неё, — Это же Вадик, новый гитарист у «патрулей», тебе что, Дима не говорил?

— Говорил, — кивнула Наташа, — только я его не видела ни разу, он же где-то с неделю назад приехал, кажется, мы ещё не пересекались.

— Ну, вот теперь считай, что пересеклись, — засмеялся Миша, — да, только что Дима звонил — просил тебе передать, чтобы ты домой сейчас не ехала, а его дождалась. Говорит, мать с работы пришла, сына с ней оставляет.

— А, ну, ладно, — Наташа согласно кивнула, — дождусь. Спасибо, Миш.

— Да не за что, — почесав небольшую бородку, тот, по обыкновению, подмигнул, — обращайтесь.

Войдя в репетиционную, Наташа застала там почти всех, кроме Димы, «патрулей», которые, судя по всему, занимались музыкальными опытами. Сашка, комично выдвинув вперёд нижнюю челюсть, выстукивал на ударнике какой-то совершенно сумасшедший ритм, а Витька пытался воспроизвести этот ритм на бас-гитаре, высунув язык и нахмутив белёсые брови. Вадик — новый участник, нервно сжав красивые губы, потряхивая волнистой, светло-русой, длинной шевелюрой, показывал высокую технику игры: летал пальцами левой руки по грифу, правой извлекая безжанровые, но очень гармоничные кавалькады звуков из удивительно послушных струн... Посмотрев какое-то время на это музыкальное безобразие, Наташа включила Димкин синтезатор и, настроив первый попавшийся инструмент, присоединилась к «дикому оркестру»...

...Услышав «чудные звуки» ещё с улицы, Дима стремительно пересёк фойе и взялся за ручку двери в репетиционную студию. Вся четвёрка была в творческом экстазе... Когда, наконец, кто-то заметил его, стоящего в дверях, все, как по команде, обернулись... Увидев «лица товарищей», Морозов покатился со смеху. Но больше всех умилила Наташа: закусив нижнюю губу, она старательно выводила что-то своё среди всеобщей какофонии... И, когда «оркестр» замолчал, она по инерции ещё какое-то время нажимала на клавиши — поистине бессмертный «Полонез Огинского» не смогли убить даже Сашкины бластбиты... Радостная улыбка блуждала по её хорошенькому личику, а озорные искры так и сыпались из карих глаз — так, что Дима обречённо подумал, что без няни для Валерика теперь не обойтись...

Поставив большой полиэтиленовый пакет на пол кабинки лифта, Дима нажал на кнопку с едва угадывающимся номером этажа — единичка совершенно стёрлась, а от пятёрки остался лишь небольшой полукруг, и только чей-то гвоздь позволял, приглядевшись, распознать число пятнадцать. Заботливо отряхнув пушистый снег с воротника Диминой куртки, Наташа скинула со своей головы капюшон и попыталась улыбнуться, но улыбка получилась невесёлой. Решив немного её растормошить, Димка несильно дёрнул её за перекинутую через плечо косу и тут же слегка дотронулся указательным пальцем до кончика носа.

— Между прочим, меня даже мальчишки в школе за волосы не дёргали, — уже более весело сказала Наташа.

— Ну, то мальчишки, им нельзя.

— А тебе, значит, можно? — она кокетливо стрельнула карими глазами.

— Мне всё можно, — Дима многозначительно улыбнулся, — Ты не согласна?

— Согласна, — она ласково пригладила его длинные тёмно-русые волосы, — ты же знаешь, я с тобой на всё согласна.

— Тогда выходим, — он поднял пакет и, пропустив Наташу вперёд, тоже вышел из остановившегося лифта, — не волнуйся, ты ни в чём не виновата.

— Я знаю, — подойдя к нужной двери, она повернулась к нему, — но, всё равно, у меня такое чувство, что всё случилось из-за меня...

— Не говори глупости, — Дима слегка подтолкнул её к порогу, — звони.

Ждать пришлось недолго — щёлкнул замок, и выглянувшая женщина лет сорока-сорока пяти удивлённо уставилась на гостей.

— Здравствуйте! — Наташа приветливо посмотрела на хозяйку, — А мы к Соне... Мы созванивались с ней...

— Ой, здравствуйте, — женщина кивнула и, распахнув шире дверь, жестом пригласила войти.

— Мама, кто там? — раздалось из глубины квартиры, — Это ко мне?

— Да, к тебе, — ответив дочери, женщина с заговорщическим видом повернулась к гостям, — раздевайтесь... вы знаете, нам в этом году так не везёт, так не везёт... — Сониная мать говорила быстро, негромко, стараясь успеть рассказать как можно больше, пока молодые люди раздеваются, — Сначала умер Сонин папа, мой муж, потом Соне пришлось уйти из ансамбля народного танца, а она там танцевала целых пять лет, представляете?! Но она поступила в ваш шоу-балет, и мы так радовались, так радовались... А осенью её бросил парень, представляете? — женщина перешла на громкий шёпот, — А всё шло к свадьбе... Она так переживала, так переживала... И только ваше шоу её спасало. А вот теперь... Проходите... — она кивнула на дверь в комнату, — Только вы ей ничего не говорите, ладно?

Войдя в небольшую, уютную гостиную, Наташа и Дима поздоровались с девушкой,

которая сидела за компьютерным столом. Одна ступня её всё ещё была перевязана, и Соня, встав со стула, направилась к гостям, опираясь на пятку раненой ноги. После обычных в таких случаях приветствий и слов сочувствия, Дима протянул принесённый пакет Сониной матери:

— Возьмите, пожалуйста, это от нас с Наташей небольшой презент. Там фрукты, сладости, ну, в общем, приятного аппетита.

Поблагодарив молодых людей, женщина удалилась на кухню — разбирать гостинцы.

— Сонечка, ты прости нас, что мы не в тот же день к тебе приехали, — Наташа приложила руку к груди, — у Валерки зубы режутся, температурит, мы с ним по очереди сидим вот уже неделю, никак не вырваться было, честное слово!

— Ну, что ты, Наташа, — улыбнулась девушка, — ко мне и девчонки приезжали, и даже Кристина в больницу приходила — когда я там три дня лежала... А вы и так звонили без конца, так что спасибо вам, а Диме — особенно, — она ненадолго задержала на нём взгляд, — он тогда и скорую вызвал, и меня поддерживал...

Присев на мягкий угловой диван, Дима сразу перешёл к волнующим его вопросам.

— Соня, ты, главное, поправляйся и ни о чём не думай. Твоё место в коллективе не займёт никто, знай, что мы тебя ждём. Я даже больше скажу: сейчас мы будем готовить сольную программу для Наташи, вернее, программа уже есть, и даже скоро первое выступление. Но балет ещё пока в стадии репетиций, так что, если ты и опоздаешь, то совсем чуть-чуть.

— Ой, спасибо, Дима, — девушка слегка покраснела и радостно заулыбалась, — я боялась, что меня исключат из программы... Так обычно бывает — никто не ждёт заболевших.

— У нас не так, — улыбнулся в ответ Дима, — мы подождём... Да, Наташ, подождём? — он обернулся к Наташе, которая сидела рядом.

— Конечно, подождём, — ободряюще улыбнувшись Соне, та перевела взгляд на мужа, — тем более, что дело идёт на поправку.

— Да, мне повезло, — девушка усмехнулась, — хирург сказал, что моё счастье, что я не надела всю туфлю и не оперлась всем весом. Иначе бы самые мелкие осколки было бы проблематично удалять. А так — впились только крупные...

— Да уж, повезло, — Наташа покачала головой, — Сонь, ты не держи на меня зла, хорошо? Я понимаю, что это готовилось для меня, поэтому чувствую себя виноватой...

— Ты тут ни при чём, — Соня опустила глаза, — ты ведь не знала, что так будет. Если бы не я, то порезалась бы ты...

— Соня, а как ты думаешь, кто мог это сделать? — Дима серьёзно посмотрел на девушку, — Ну, версии у тебя есть?

— Я не знаю, — она пожала плечами, — дело в том, что я много лет выступаю в танцевальных коллективах, и там такие вещи происходят постоянно. И, как показывает опыт, иногда виновными бывают те, на кого даже не подумаешь.

— Ну, может, у тебя есть какие-то зацепки, — Дима не сводил с девушки взгляда, — нам нужно выяснить, кто это, хотя бы для того, чтобы такого не произошло с другими.

— С другими такое вряд ли произойдёт, — Соня усмехнулась и подняла на Диму глаза, — вернее, произойти-то может с кем угодно, но не так жестоко.

— Почему? — Наташа удивлённо приподняла брови, — Что, есть разница — кому мстить?

— Есть, — кивнула девушка, — разница в том, что у тебя есть иммунитет в виде Димы. Всем понятно, что, в любом случае, он тебе будет отдавать всё самое лучшее. Значит, другим останутся лишь вторые роли и партии, причём, навсегда. Поэтому устранять тебя нужно так, чтобы ты уже не вернулась, и способы тут могут быть самые неожиданные, ведь нащёптывание, науськивание и прочие закулисные интриги в твоём случае не прокатят — Дима твой муж. Поэтому...

— Да глупости это, — Дима махнул рукой, — Наташа только временно участвует в этом шоу. И, даже если я не найду ей замену до конца сезона, в других коллективных программах она участвовать не будет. Просто потому, что мне не нравится это...

— Дима, если ты скажешь об этом в коллективе, тебе никто не поверит, — Соня замотала головой, — никто не поверит, что ты не захочешь, чтобы твоя жена участвовала в представлениях. Потому, что девочки всё понимают по-своему. Они все — новички, понимаешь? Они всё видят очень примитивно. А я тебя понимаю, потому что выступаю не первый год.

— Да уж... — Дима опустил голову, — Ситуация. Ну, так всё же, Сонь... Как думаешь — кто?..

— Я не знаю, Дима, — она почему-то отвела взгляд, — но, если честно, то сделать это мог кто угодно. Потому что присутствие твоей жены — залог неуспеха практически каждой вокалистки.

— Выходит, что нам не докопаться до истины? — Дима вопросительно посмотрел на девушку, — И выход один: Наташу убрать, а на главную роль назначить кого-то другого, чтобы её не покалечили, в конце концов?

— Если совсем честно, Дима, то — да, — Соня кивнула, — Если ты не найдёшь виновного, то всё повторится. Женская месть — самая страшная. Другую солистку, возможно, тоже будут выживать, но уже не так жёстко.

— Мы эту программу будем показывать ещё максимум две недели, — Дима развёл руками, — Я сначала хотел Наташу кем-нибудь заменить, но это сложно, она ведь весь репертуар знает и лучше остальных подходит для замены Ульяны... Поэтому решили — она и допёт до конца новогодних праздников. Что же теперь делать?

— Может, и обойдётся, — Соня неуверенно пожала плечами, — но будьте осторожнее...

* * *

Наташа торопливо шла по коридору продюсерского центра, заглядывая во все помещения в поисках Валерика. Неожиданно свалившаяся на неё «популярность» застала врасплох: ежедневные репетиции, занятия вокалом и хореографией, а так же идущие параллельно записи фонограмм требовали многочасового присутствия в студии, к чему она

была совершенно не готова. Анна Сергеевна работала, к тому же, Наташа чувствовала угрызения совести перед свекровью, которая мужественно приняла её в невестки, несмотря на внутренний протест, и так много времени посвящала внуку, несмотря на свою загруженность. Стараясь помогать по дому в меру своих сил и согласия свекрови, Наташа, по её собственному мнению, всё же не могла полностью отплатить Диминой матери за помощь, и поэтому, каждый раз оставляя с ней малыша, не могла избавиться от чувства вины... Но и Анна Сергеевна не всегда рано приходила с работы, поэтому Дима с утра оставался дома, пока Наташа репетировала и занималась в продюсерском центре. Помогало и то, что она уже знала все песни, которые должна была спеть на сольном концерте — первые репетиции проходили дома, и зачастую единственным слушателем и критиком был маленький Валерик, который, сидя в увешанном погремушками манеже, терпеливо впитывал творчество своих талантливых родителей. Но в последние перед сольным выступлением дни присутствие Димы на генеральных «прогонах» Наташиной программы было просто необходимым, и, не найдя другого выхода, они вот уже второй день брали с собой сына в «Кри-Стар». Вопреки всем ожиданиям, Валерка совершенно не боялся ни шумного артистического окружения, ни чужой обстановки и, сидя на руках у Димы, только водил своими синими-пресиними глазёнками и шевелил пустышкой. Покормив в положенное время, Наташа укладывала сына в коляску и, дождавшись, пока он уснёт, оставляла в маленькой бухгалтерии на попечение Светланы, а сама шла на сцену — репетировать дальше...

Вчерашний день прошёл спокойно, и Наташа сегодня без особого страха оставила ребёнка за знакомой дверью. Когда же, сойдя, наконец, со сцены, она вернулась за ним, коляски в бухгалтерии не было.

— Света, а где Валерик? — Наташа удивлённо обвела глазами небольшое помещение.

— А его Дима забрал, — успокоила Светлана девушку, — Минут сорок назад.

— Как забрал? Дима в зале сидит... — побледнев, Наташа выскочила в коридор. «Будьте осторожны» — эти Сонины слова набатом ударили в голову... Стремительно вернувшись в зрительный зал, где всего несколько минут назад закончилась её репетиция, она окликнула Диму, который уже стоял на сцене и что-то объяснял бэк-вокалисткам.

— Дима, где Валера?! — она смотрела на него такими широко распахнутыми от испуга глазами, что тот мгновенно побледнел.

— А он разве не с тобой?

— Как — со мной? Я только что закончила репетировать... Ты же сам сидел тут, в зале...

— Точно... — он растерянно посмотрел вокруг, — Я же его забирал у Светы...

— Дима, куда ты его дел?! — со слезами на глазах спросила Наташа, — Ты что?!

— Подожди... — он прикрыл глаза рукой, — Подожди, сейчас... Я его забрал и пошёл с ним... Куда я пошёл?..

— Дима, я тебя убью!.. — не дождавшись, пока он вспомнит, куда пошёл с сыном, Наташа выскочила из зала и побежала вдоль по коридору.

— Девчонки, Валерика тут нет? — с отчаянием в голосе спросила она, заглянув в репетиционную студию, где сидели остальные вокалистки.

— Нет... — Наргиза, очень красивая девушка восточного типа удивлённо приподняла чёрные, как смоль, брови, — Ты что, ребёнка потеряла?

— Да не я, Дима... — захлопнув эту дверь, Наташа подбежала к следующей.

— Мальчики, Димка коляску сюда не привозил? — увидев недоумённые взгляды парней из подтанцовки она, не дожидаясь ответа, махнула рукой и скрылась в проёме.

Посещение студии звукозаписи тоже не дало никаких результатов — звукорежиссёр Миша удивлённо развёл руками, и Наташа снова оказалась в коридоре... Оставалась только одна дверь, в которую она ещё не заглянула, и, закусив губу, Наташа решительно взялась за ручку...

...Валерик сидел в своей коляске и, показывая все три едва прорезавшихся зуба, радостно смотрел на Кристину, которая, улыбаясь, держала в руках разноцветную погремушку, развлекая малыша.

— Валерик... — не сдержавшись, Наташа заплакала... Недолгое, но очень сильное эмоциональное напряжение выливалось слезами радости от того, что ребёнок нашёлся, и что с ним всё в порядке... Увидев маму, он, как будто разделяя её переживания, вдруг сморщил румяное личико и протянул к ней маленькие, пухленькие ручки.

— Вспомнил!.. — почти вбежав в кабинет Кристины, Дима застыл, с изумлением глядя на ревущих в два голоса жену и сына. Прижав к себе малыша, Наташа целовала его беленькую макушку, а Валерка сквозь плач пытался жалобно произнести какие-то звуки, из которых явно слышался только один слог «ма».

— Морозов... Ну, ты даёшь... — Кристина укоризненно покачала головой, — Ты что, забыл, где ребёнка оставил?

— Да я вспомнил потом, — виновато оправдываясь, Дима боялся посмотреть на Наташку, — я сюда зашёл, с тобой поговорил, а потом меня Миша в коридор позвал... Сегодня тут столько работы, у меня голова кругом идёт. Я с Мишей поговорил, и побежал в зал, Наташку послушать... А Валерку тут... — он испуганно покосился на жену, не в силах произнести слово «забыл», — тут... оставил...

— Между прочим, ему сегодня исполнилось шесть месяцев, — вытирая слёзы, Наташа обиженно посмотрела на Диму, — а ты его забыл...

— Наташа, ты не переживай, — обращаясь к ней, Кристина чуть насмешливо посмотрела на Диму, — мы с вашим Валериком очень хорошо пообщались, он и вправду спокойный и общительный малыш. А Дима... Дима, действительно, сегодня замотался, ты его не ругай...

— Хорошо, — уже более спокойным голосом произнесла Наташа, искоса взглянув на мужа, — ругать не буду. Я его убью. Только домой приедем...

— Иди к папе... — улыбаясь, Дима протянул руки к ребёнку, — С тобой она меня точно не тронет...

— Нет уж, — Наташа сердито отвернулась вместе с Валериком от Димкиных рук, — вези коляску, если хочешь, а Валеру не дам, — уже подойдя к двери, она обернулась, — спасибо тебе, Кристина...

— Да не за что, — всё так же насмешливо ответила та, — пусть Морозов ещё поживёт,

хотя бы Новый Год отработает... А там можно и убить.

— Я подумаю, — уже веселее ответила Наташа и открыла дверь.

* * *

Оставшись одна, Кристина какое-то время смотрела на то место, где совсем недавно стояла детская коляска. Весёлая, разноцветная погремушка так и осталась в её руках, и девушка, открыв ящик компьютерного стола, аккуратно положила её туда. Димин сын, с которым она, по воле случая, провела около получаса, очень растрогал её, и Кристина с грустью вспоминала эти недолгие минуты общения с ребёнком... Диминим ребёнком...

Кристине было уже двадцать пять лет, и материнский инстинкт всё чаще и чаще просыпался в её душе, но, зная о последствиях своей ошибки, она как могла, гнала от себя все мысли о детях... Сейчас же она попыталась представить себя в роли матери. Валерик... Это мог быть и их с Димой сын, не подвернись тогда этот Мухаммед... Она никак не чувствовала себя виноватой в том, что по её вине произошёл разрыв с Морозовым. Нет, она ни в чём не виновата! Она его любила... А он делил свою любовь на неё и музыку... А, может, и не было никакой любви? Он даже не предлагал ей жить вместе. А с этой Наташей жил... Да, во всём виноват только он — Дима. Он морочил ей голову, как в первый, так и во второй раз, когда поссорился со своей Наташкой на долгих восемь месяцев... Он просто заполнял ею пустоту... А она его любила. Любила давно, ещё с юности. Их родители дружили, и они часто виделись с Димой. Но у него была девчонка, его одноклассница — Марина... Кристина вспомнила, как много раз сравнивала себя с ней. Марина была слишком гордой, знала себе цену, и Кристина была уверена, что измены Диме она не простит... Да, Маринка была слишком гордой. Поэтому и потеряла Диму... Кристина едва заметн усмехнулась... Она — не такая, но она тоже потеряла Морозова... Все его потеряли, даже «психолог Инна» не смогла удержать его своими чарами... Удалось одной Наташе. Ребёнок?.. нет, пожалуй. Он ведь не знал о ребёнке. Вернее, думал, что это не его ребёнок. Но, как только узнал, что его — помчался к ней сломя голову...

... Макс... Есть ещё Макс. Слабое, но утешение. Кристина достала телефон.

— Макс, найди ко мне... Как не в центре? Ты что, меня не дождался и уехал? Ну, хорошо... Разогревай ужин, я скоро подъеду. Что?! Ты не дома? А где?.. Ну, понятно... — нажав на «отбой», она ещё какое-то время сидела молча. Потом, швырнув телефон на стол, процедила сквозь зубы, — Гад-дёныш...

Расплатившись на кассе, Кристина торопливо переложила купленные продукты из корзины в пакет и вышла из супермаркета. Предновогодний продовольственный шоппинг в этот раз проходил в одиночестве, и девушка, без особого энтузиазма пробежавшись вдоль отделов, ограничилась покупкой нескольких готовых деликатесов и бутылкой дорогого шампанского. Вопреки обещанию, Макс так и не позвонил и не заехал за ней, несмотря на поздний час, и Кристина, бросив пакет на заднее сиденье, снова набрала его номер.

— Да! — ей показалось, что он говорит не совсем уверенно, — Слушаю.

— Ну, ты где? — сердито спросила Кристина, — Я что, должна одна бегать по магазинам?

— А зачем ты бегаешь по магазинам? — голос был, действительно, нетвёрдым, а удивление — искренним.

— Затем, что послезавтра — Новый Год! — она перешла на крик, — ты что, идиот?

— Я не идиот, — он тоже повысил тон, — Не смей меня больше так называть!

— Ты что, пьяный?! — догадалась Кристина, — Макс, я с тобой разговариваю, или с кем? Отвечай!

Раздавшиеся в трубке короткие гудки дали понять, что общаться молодой человек больше не намерен.

— Ну, погоди, гадёныш, — она снова нервно нажала на вызов, — ты почему бросаешь трубку? Макс!.. Вот козёл... — повернув ключ в замке зажигания, она резко нажала на педаль газа, и машина рванула с места.

По дороге домой её не покидала мысль, что всё, что происходит с ней в последнее время — ужасно несправедливо! Её отец открыл продюсерский центр, и благодаря этому и этот малолетний гадёныш, как она называла Макса, и Морозов, и даже его Наташа нашли своё место в жизни... Это благодаря ей, Кристине, Дима стал довольно известным, ведь, если бы не она, не было бы ни новой студии, ни новых клипов, ни гастролей... Это её продюсерский центр набирает популярность, благодаря тому, что проводит кастинги, конкурсы, сотрудничает со всеми концертными площадками и залами... Это — её! Она — хозяйка, а не Морозов, хоть он один и пашет за семерых. Весь их коллектив — все — нашли своё место под солнцем... И все они — счастливы... Все, кроме неё.

Иногда ей казалось, что она уже спокойно воспринимает Морозова, ведь жизнь не стоит на месте. Иногда она с удивлением обнаруживала, что её вполне устраивает статус его коллеги по творчеству... Она уже почти привыкла, что он потерян для неё безвозвратно... Но появление его жены, её участие в их совместной программе вновь всколыхнуло уснувшую было ревность и обиду...

Все... все что-то приобрели, во всяком случае, так казалось Кристине.

А где бы они все были, если бы не деньги её отца?! На каких подмостках выступал бы Дима?! А его Наташа — знал бы её кто-нибудь?! А этот чёртов гадёныш Макс?! В лучшем случае участвовал бы в университетских вечерах со своей Ульяной... Все, все вокруг чего-то добились... Добились, пользуясь её имуществом, аппаратурой, её текстами. Вот сейчас — все готовятся встречать Новый Год, кто в компании, кто со своими любимыми... А она никого не ждёт — к ней не придёт никто. Родители? И у них какие-то проблемы... Но они разберутся, в конце концов.

А она?.. Диана улетела встречать Новый Год за границу. Кристина подумала, что совершила большую глупость, когда отказалась лететь вместе с подругой. Путешествие сейчас не помешало бы. Она бы не смотрела с тоской на людей, снующих в поисках подарков для своих близких... Ей вдруг вспомнилось, как ровно год назад они с Димой весело ездили по магазинам... Она учила его правильно выбирать продукты. Он казался таким счастливым... Она тоже была счастлива.

Всё изменилось... Она вспомнила сегодняшнее происшествие, когда он, совершенно замотавшись, оставил сына в её кабинете, и как потом обрадовался малыш, увидев отца...

Он и сейчас счастлив... И его жена — счастлива... Завтра в клубе отца состоится концерт Наташи Морозовой. Кристина усмехнулась. Даже её родной отец не устоял перед этой матрёшкой...

Войдя в пустую квартиру, она небрежно поставила пакет на кухонный стол и, не раздеваясь, набрала номер Леонида Лапина.

— Папа, здравствуй, — Кристина говорила, даже не пытаясь скрывать своё раздражение, — У меня к тебе только один вопрос. Ты подумал обо мне, когда предложил Морозову устроить сольное выступление его жены?

— Здравствуй, Кристинка, — было слышно, что Лапин слегка растерялся от тона, которым начала разговор дочь, — а почему ты спрашиваешь только сегодня? Я предложил это выступление около двух недель назад, и ты могла бы раньше сказать мне о том, что тебе не нравится эта затея.

— А сам ты не мог догадаться? — на грани истерики выкрикнула Кристина, — Ты не мог догадаться, что мне неприятно всё, что напоминает о Морозове и его семье?

— Ну, во-первых, Морозов у тебя всё время на глазах, так что, напоминать о нём бессмысленно... — Леонид явно оправдывался, — А, во-вторых, это не моя идея. Скажем так, есть люди, заинтересованные в этом, и я не мог им отказать. К тому же, думаю, публика будет довольна.

— Интересно, что за люди могут быть заинтересованы в концерте этой матрёшки?!

— Пока я тебе ничего сказать не могу, — Леонид замялся, — но ты всё узнаешь, конечно, в своё время и, поверь, ты меня поймёшь. Скажу больше — ты будешь довольна.

— Да я уже довольна! — резкими движениями расстегнув замки на стильных ботфортах, Кристина сняла обувь, — Я так довольна, что не передать!.. Я довольна, что Морозов просто не вылезает из студии, а теперь и его жена прописалась там... Она теперь — звезда, и они так радуются успеху, что я просто на седьмом небе от счастья, ведь всё происходит у меня на глазах! Я довольна, что она теперь каждое утро приезжает в центр и сталкивается со мной нос к носу, она по-хозяйски ходит по зрительному залу, по студии, по репетиционной... Понимаешь, она как будто тут родилась, а я — довольна! А последние два

дня они ещё и ребёнка с собой брали, представляешь, как я довольна?! Наташа — поёт, Дима — по студии бегает, всё организует, вся труппа возится с малышом, все крутятся вокруг них, представляешь, как я довольна?! А завтра Наташу ожидает огромный успех... Потому что она — талант, и он — талант... И всё у них просто замечательно, а я этим всем ну так довольна, что слов нет!..

— Кристина... — Лапин, наконец, прорвался сквозь истерическую тираду дочери, — Потерпи немного. Держи себя в руках и помни, что у тебя есть я. Да, кстати, а где твой Макс? Он-то хоть тебя как-то поддерживает?

— Папа, как ты себе представляешь, чтобы Макс поддерживал мои чувства к Морозову, — немного успокоившись, усмехнулась Кристина, — это я только тебе могу истерику закатить...

— Понял, — Лапин перешёл на серьёзный тон, — ну, тогда успокойся, и, если что, приезжай к нам.

— Хорошо, папа, — Кристина практически пришла в себя и говорила негромко, прикрывая рукой глаза от усталости, — ты не бери в голову. Это у меня просто от перенапряжения нервный срыв. Всё уже прошло. А, вот и Макс вернулся... — услышав щелчок замка, она выглянула в просторную прихожую, освещённую множеством потолочных лампочек.

Попрощавшись с отцом, Кристина внимательно наблюдала, как вернувшийся Макс попытался сначала раздеться, а потом повесить куртку в шкаф. Соскальзывая с плечиков, которые, в свою очередь, упрямо выпадали из его рук, куртка то и дело устремлялась к полу, чем очень озадачивала юношу. Наклоняясь в очередной раз, чтобы поднять одежду, он, не удержавшись, потерял равновесие и упал на четвереньки. Выхватив у него вешалку, Кристина бросила её в один угол прихожей, а поднятую куртку — в другой. Макс был совершенно пьян и, презрительно посмотрев на него, она молча удалилась в свою шикарную спальню. Бросившись на огромную кровать, она лежала на спине какое-то время, потом, повернувшись, уставилась в окно...

Неожиданно её рука сама потянулась к телефону... Она не знала, зачем набирает этот номер, всё происходило, как во сне...

— Морозов, — услышав на том конце знакомое «Да», она лихорадочно придумывала веское оправдание своему спонтанному звонку, — ты ещё не спишь?

— Нет, — где-то на том конце послышалось агуканье ребёнка, — что-то случилось?

— Я последняя уехала из центра, и, мне кажется, не выключила аппаратуру.

— А, тогда не беспокойся, аппарат ещё я выключал, перед тем, как уйти домой, — Дима был явно чем-то занят, это было понятно по его шумному дыханию и тихому смеху, — всё в порядке.

— Да не в порядке, — Кристина упрямо поджала губы, — я после тебя всё включала...

— Что — аппарат включала?! — удивлённо переспросил Дима, — Зачем?!

— Ну... девушка замялась, — понимаешь, сначала везде вырубился свет... А потом снова включился... А я просто проверяла — не сгорело ли у нас что из аппаратуры... — на ходу сочиняла Кристина, — Всё проверила, всё работает... Но только сейчас вспомнила, что в вашей студии ничего не выключила...

— Та-а-а-к... — Дима насторожился, — И что теперь делать?

— Слушай, Дима... — Кристина говорила извиняющимся тоном, — Я знаю, что ты устал... Но ключи только у меня, тебя и Светланы... Светлана слишком далеко живёт, а я... Я никак не могу сейчас поехать туда, у меня машина не заводится... Ты меня прости, пожалуйста... Но не мог бы ты сейчас съездить в центр и выключить аппаратуру? Я боюсь, что ночью опять будут проблемы с электричеством, и, не дай Бог, что-то у нас погорит... Выручи, а? Тебе буквально пару кварталов ехать....

— Вот чёрт... — по тону Димы, Кристина поняла, что застала его своей просьбой врасплох. Она с ревностью прислушивалась к доносившемуся в трубке смеху Наташи, лепету Валерика... Судя по всему, сегодняшнее происшествие было забыто, и в семье Морозовых царил мир и покой. Подумав об этом, Кристина почувствовала, как какой-то сухой комок подкатывает к горлу.

— Ну, если никак, то я сама как-нибудь доберусь... Извини, что потревожила... — у неё отменно получился сиротливый тон, дополненный глубоким вздохом, — Извини, Дим...

— Ладно, не переживай, — торопливо, боясь, что она положит трубку, воскликнул он, — я сейчас съезжу... Понимаешь, — добавил со смехом, — у нас Валерка ползать учится, вот мы тут все, как на полигоне, на четырёх костях, даже дедушка с бабушкой... Только мы ползём вперёд, а Валерка — почему-то назад...

— Да, весело у вас... — через силу рассмеялась Кристина, — Дима, я буду тебе очень благодарна!

— Да ладно, — успокаивающим тоном ответил Дима, — Пустяки, сейчас съезжу...

Нажав на «отбой», Кристина ещё несколько секунд лежала, закусив губу... Потом, решительно встала и вышла из спальни. Видимо, из последних сил добравшись до гостиной, Макс спал, упав ничком на мягкий кожаный диван. Брезгливо покосившись, девушка вытащила из-под его ног свой пушистый шарф, потом, одевшись в прихожей, торопливо покинула квартиру...

* * *

Подъезжая к продюсерскому центру, Дима ещё издали вглядывался в тёмные окна студии, но никаких источников света в виде светящихся лампочек пультов или синтезатора в них не заметил — окна были большими, и обычно в них были видны любые огоньки. Открыв своими ключами дверь, он набрал на пульте сигнализации код «отбой» и вошёл в помещение. Лунный свет мягко падал в окна холла, оставляя на полу матовые отблески и, пройдя по этому ночному ковру, Дима взялся за ручку двери в студию. Абсолютная темнота в аппаратной подтвердила его догадку о том, что Кристина, по всей видимости, ошиблась. Щёлкнув выключателем, он, на всякий случай, проверил все соединения и, успокоившись, собрался уходить.

...Звук чьих-то тихих шагов в коридоре не был ни результатом усталости, ни полусонным наваждением. Шаги были реальными — они неумолимо приближались к двери студии, и Дима почувствовал, как тревога неотвратимо заполняет душу...

— Кристина?! — он изумлённо уставился на девушку, неожиданно возникшую на пороге

аппаратной.

— Не ожидал увидеть? — она чуть насмешливо улыбнулась, — Ты смотришь на меня так, будто я Панночка из «Вия»...

— Ты так неожиданно появилась... — он покачал головой, — Тут и испугаться не грех.

— Да ты не бойся, я живая... — как-то таинственно произнесла девушка и, дотянувшись рукой до выключателя, щёлкнула клавишей, — Я настолько живая, что ты даже не можешь представить...

Дима не успел даже опомниться, как она одним движением расстегнула молнию на его куртке и, подсунув под полы, положила руки ему на плечи. Видимо, раздевшись у себя, она была лишь в лёгком платье, и он тут же почувствовал её тесно прильнувшее тело...

— Подожди... — сразу пресекая его попытки убрать её руки с плеч, девушка заговорила горячим, громким шёпотом, — Дима, подожди... Пожалуйста... Не отталкивай меня, ну, пожалуйста...

— Кристина, что за представление, зачем нужно было вытаскивать меня из дома? — взяв её за запястья, он пытался убрать от себя её руки, но она, сопротивляясь, старалась прижаться к нему всё теснее...

— Дима... Дима... послушай... — она говорила торопливо, как бы стараясь успеть сказать что-то очень важное, пока он не ушёл, — Послушай... Только одну минутку... Хорошо? Разреши мне сказать... пожалуйста... Я только скажу, и всё...

— Ну, хорошо, — он устало и как-то обречённо опустил свои руки, — Говори...

— Дима... — в её голосе послышалась неподдельная тоска, — Мне очень плохо... Очень...

— Что случилось? — он терпеливо смотрел на неё в темноте, — Почему тебе плохо?

— Мне плохо... мне плохо без тебя... — с отчаянием проговорила Кристина, — Ты только дослушай... не уходи...

— Хорошо, я слушаю.

— Димочка... Я так измучилась... правда... Я больше не могу... Я люблю тебя... — неподдельные слёзы покатались по её щекам, — Я так и не смогла тебя разлюбить...

— Кристина... — его голос звучал очень серьёзно, — Я не знаю, что тебе сказать. Всё давно сказано. Ты же понимаешь, что приказать себе я не могу... Даже если бы мог — то теперь бы уже не приказал.

— Я понимаю, — она сжимала и разжимала кисти, как бы массируя его плечи, — я понимаю, у тебя семья... сын... Я всё понимаю... Я поэтому и пришла сюда...

— Не нужно мучить себя, Кристина, — он взял её за руки выше локтей, — И меня тоже не нужно мучить... Я с собой ничего не поделаю.

— Да... да!.. Вот так!.. — снова потянувшись к нему, она стала осыпать его лицо лихорадочными поцелуями, от которых он не успевал уворачиваться, — Вот так... обними меня... пожалуйста... Хотя бы один раз!.. Ну, пожалуйста!.. Я так тоскую по твоим рукам...

— Кристина... — он осторожно пытался отстранить её от себя, но она только распалялась, — Хватит, перестань...

— Я перестану... перестану, — послушно кивая, она не оставляла попыток поцеловать его в губы, — только один раз... последний... никто не узнает... иди ко мне... она не узнает... она не...

— Кристина, всё, — резко оттолкнув её от себя, Дима отступил на шаг, — прекрати этот спектакль.

— Это не спектакль, Димочка... это не спектакль... — со слезами в голосе повторила Кристина, — Ты меня знаешь, я никогда никому бы таких слов не сказала... Тебе только говорю, вот до чего ты меня довёл... Хочешь, я на колени встану? — она говорила так жалобно, что Дима и вправду не узнавал её... Надменная, насмешливая, эгоистичная, сейчас она казалась абсолютно раздавленной, готовой на всё ради малой прихоти, даже на унижения...

— Кристина, — Дима постарался смягчить тон, — ни к чему это всё. Ну, зачем лишняя боль и тебе, и мне?

— Никакой боли не будет... — она умоляюще смотрела на него, — Дима... Никакой боли... Тебе это ничего не будет стоить, ты уйдёшь и забудешь... А мне... мне это будет как лекарство... Ну, решайся... — глядя на него, она внезапно взялась за подол короткого платья и привычным движением сорвала его с себя через голову, оставшись совершенно без одежды, — Иди ко мне... ты же всё помнишь...

— Всё! — оттолкнув её от себя, он резко развернулся и вышел из студии. Уже сидя в машине, набрал её номер, — Ты сказала, что у тебя машина не заводится. Если так, то выходи, я тебя довезу...

— Пошёл к чёрту. Импотент... — её голос звучал зловеще, — Запомни, Морозов, эту ночь. Я её тебе никогда не прощу.

* * *

— Дим, почему ты так долго? — выскочив на звук хлопнувшей двери из их комнаты, Наташа обняла его за шею. Привстав на цыпочки, на мгновение прижалась щекой к его холодной, с мороза, щеке и, потянув за «собачку», расстегнула замок куртки, — Раздевайся, я тебя жду, жду...

— А Валерка спит? — улыбнувшись, он поцеловал Наташку в щёчку и, раздевшись, прошёл в квартиру.

— Спит, — радостно устремившись за ним, Наташа подпрыгнула и, обхватив руками сзади, повисла, подогнув коленки, у него на шее, — Вези!..

— Поехали, — обречённо улыбаясь, сказал Дима, — ты что на ужин ела? Тяжёлая — ужас...

— Кто — тяжёлая?! — возмущённо спросила Наташа, но ответить Дима не успел, — Дим... — улыбка сползла с её лица, — А почему от тебя духами пахнет?..

— Ну, так твоими и пахнет, наверное, — он попытался отшутиться, — ещё скажи, что у меня помада на воротнике...

— У тебя помада на воротнике, — упавшим голосом повторила Наташа, — вот... и вот...

— Где? — оттопырив воротник джемпера, Дима пытался разглядеть пятна от помады, которые померещились Наташе.

— Вот здесь, — ответила она глухо и, не глядя, дотронулась до светлой трикотажной ткани, — ты в зеркало посмотри.

— Точно... — подойдя к зеркалу, Дима бросил быстрый взгляд на своё отражение.

Неожиданность её появления, а потом — темнота в студии не позволили ему разглядеть, что Кристина густо покрасила губы, а отсутствие вины притупило бдительность... Запах духов и вовсе выпал из головы, как возможная улика...

...Глядя, как Наташа одевает Валерика, он не знал, как объяснить ей всю глупость и надуманность ситуации. Рассказать всю правду — не по-мужски... Обманывать, когда нет вины на самом деле — абсурд, да и что можно придумать в таком случае?

— Наташа, подожди... — он попытался забрать ребёнка, но она не отдала, прижав его к себе, — Наташка, я тебе сейчас всё расскажу...

— Не нужно, Дима... — она говорила тихо, без истерики, украдкой смахивая редкие слезинки. Всё было так явно, что сомнений не оставалось: Кристина позвонила, он помчался в студию... там встретился с ней и не устоял... Улики налицо, он даже не пытался от них избавиться... Напрасно она убедила себя в том, что между ними ничего нет и не может быть. Всё очень банально.

Положив одетого Валерика на кровать, Наташа открыла шкаф, чтобы одеться самой. Когда повернулась — ни Димы, ни ребёнка в комнате не было.

— Наташа... что у вас случилось?! — щурясь спросонья, Анна Сергеевна тревожно смотрела на невестку, — Дима пришёл с Валериком к нам в комнату, сказал, что ты хочешь от него уйти...

Поняв, что не сможет пойти и отобрать ребёнка у любящих бабушки с дедушкой, и что теперь придётся объясняться со свекровью, Наташка села на кровать и, закрыв лицо руками, расплакалась. Не привыкшая переваливать всё на чужие плечи, она не знала, как сказать Диминой матери правду... Но делать было нечего, и, взяв в руки джемпер, который Дима успел снять, она молча показала на след от женской помады на светлом воротнике.

— Что это? — Анна Сергеевна вопросительно посмотрела на Наташу.

— Это помада. Не моя...

— А откуда она взялась у Димы? — задала резонный вопрос Анна Сергеевна.

— Не знаю... Видимо, испачкался, когда ездил в студию, — тихо ответила Наташа, — там же окунулся в женские духи...

— Дима! — Анна с возмущением посмотрела на сына, который вошёл в комнату, — Что это?

— Это помада, — со вздохом ответил Дима.

— Ну, объясни Наташе, как она попала на твой джемпер, — Анна всплеснула руками, — это просто недоразумение, Наташа, ты что, Диму не знаешь?

— Я думала, что знаю, — глотая слёзы, Наташка кивнула на мужа, — посмотрите на его лицо... Я сразу-то и не заметила...

— Господи... да тебя что, вся ваша труппа расцеловывала?! — Анна Сергеевна оторопело смотрела на Димины щеки, — Да тут и шея вся испачкана... Дима... Ты — что?!

— Ничего, — он, нахмурившись, обернулся к Наташе, — если ты мне не веришь, можешь поступать, как захочешь... Я не знаю, как тебя убедить, правда, не знаю, поэтому

ничего говорить не буду. Версии придумывай сама. Но Валеру я не отдам.

— Как это — не отдашь? — с отчаянием в голосе спросила Наташа, — И меня бросил, и ребёнка отберёшь?.. Дима?!

— Я тебя не бросил. И не брошу, потому что люблю. И Валерку люблю. Я вас обоих люблю, понимаешь? Но, если ты мне не веришь, я тебя убеждать не стану. И держать — тоже. Ты взрослая. А Валерка маленький... и я его не отдам...

— Димочка... — Анна Сергеевна просяще посмотрела на сына, — Тогда расскажи, в чём дело, ведь так тоже нельзя...

— Я ни в чём не виноват. Тут — или верит, или нет. А рассказать — не могу...

Новогодняя ёлка в углу большой гостиной переливалась разноцветными огоньками и, глядя на неё, Наташа отчаянно боролась со слезами, то и дело набегающими на глаза. Не желая, чтобы Дима увидел, как она плачет, в конце концов, она ушла в ванную, где, присев на край ванны, какое-то время сосредоточенно наблюдала, как в барабане стиральной машины крутятся ползунки Валерика. Отработав программу стирки, машина остановилась, но Наташа по инерции всё ещё не могла оторвать взгляда от стеклянной дверцы.

— Вот ты где, — заглянув в дверь, Анна Сергеевна с облегчением вздохнула, — Наташа... Успокойся, пожалуйста. Это какое-то недоразумение, я уверена. Дима не говорит ничего, он и отцу сейчас ничего не рассказал, но я даю тебе гарантию, что это недоразумение. Он всё расскажет рано или поздно.

— Это недоразумение зовут Кристина, — так же, глядя в одну точку, глухо произнесла Наташа.

— Откуда ты знаешь? — Анна недоверчиво посмотрела на невестку, — Тебе Дима сказал?

— Нет. Но это она ему позвонила вечером.

— А зачем он ей понадобился? Мне как-то неловко было спрашивать, куда он умчался...

— Она там что-то не выключила в студии и попросила его поехать и проверить, — опустив голову, Наташа незаметно вытерла слёзы, — вот он и умчался. Ему туда-обратно было съездить максимум полчаса. А его не было полтора...

— Ну, это ещё не преступление, — Анна пожала плечами, — мало ли что бывает?

— Я понимаю, — Наташа согласно кивнула, — я всё понимаю... Но его не было полтора часа. Он вернулся весь в помаде. А духи... Это очень дорогие духи... у меня таких нет. А тут его как будто нарочно ими облили...

— Наташа, — Анна подошла ближе, — ты ведь знаешь Диму. Я не люблю это слово, но... он... ну, не бабник... К тому же... к тому же, он тебя любит. Здесь что-то другое.

— Я всё знаю, Анна Сергеевна, — печально сказала Наташа, — Дима очень хороший... И я его очень люблю. И он не бабник. Но, наверное, бывают такие моменты... Ой... — не сдержавшись, она закрыла лицо руками и расплакалась, — Мне так сейчас тяжело...

— Наташенька, — Анна неуверенно положила руку ей на голову, — Ты ошибаешься... Ведь и Кристина порядочная девушка, я её знаю... ты зря на неё подумала. Вот увидишь, Дима завтра нам всё расскажет, и мы ещё посмеёмся над этим случаем...

— Мне кажется, я уже никогда не смогу смеяться, — Наташа замотала головой, — всё было так хорошо... Ну, зачем она его позвала?

— Наташа, — свекровь заговорила тоном классной дамы, — я тебя понимаю. Но нужно понять и Диму. Ты не видела, с каким лицом он пришёл к нам сейчас. Я никогда его таким растерянным не видела. Пойди сейчас к нему, пойдешь...

— Я?! — Наташка в отчаянии посмотрела на Анну Сергеевну, — Я должна к нему пойти?..

— Ну, да... — Анна строго поджала губы, — Ты, а кто ещё?

— Он даже ничего не захотел объяснить. А если бы я вот так пришла... Что бы он обо

мне подумал?

— Ты должна поверить ему, — не ответив на её вопрос, свекровь вынесла вердикт и взялась за ручку двери, — завтра у Димы концерт, как он будет выступать, если ты с ним не помиришься?

— У меня тоже концерт, — усмехнулась Наташа, — первый сольный концерт...

— Тем более. Но ты — женщина, и должна быть мудрой.

— Хорошо, — через силу ответила Наташа, — я постараюсь. Я сейчас заберу у вас Валерика... Не переживайте, — она взглянула на Анну Сергеевну, — я никуда с ним не уйду. Во всяком случае, сегодня.

— Не нужно, — Анна сделала отрицательный жест рукой, — он уже спит с дедушкой, не буди его. Иди лучше к Диме.

Проводив Анну взглядом, Наташка устало прикрыла глаза. Несмотря на то, что обида не прошла, она всё же немного успокоилась. Да, Дима никогда не давал ей серьёзных поводов для ревности... Она даже стала привыкать к тому, что его теперь постоянно окружают молодые, красивые женщины, а о Кристине, как о потенциальной сопернице, она давно уже не думала, каждый день получая от мужа доказательства любви и верности. И вот — вдруг... В глубине души Наташа чувствовала, что Димка её не обманывает. Она поймала себя на мысли, что сейчас, в этой ситуации, её почему-то больше всего задевают слова: «Держать тебя я не буду». Это казалось ей самым обидным...

...Спонтанное желание забрать ребёнка и уйти прошло... Да и идти было некуда: поддавшись уговорам Светланы Петровны, с Диминого согласия Наташа отдала ключи от своей квартиры сводной сестре, и теперь Алина, поступившая в этом году в ВУЗ, занимала её жилплощадь. «Ты и так как сыр в масле катаешься, живёшь, как у Бога за пазухой» — вспомнив эти слова мачехи, Наташа задумалась. Несмотря ни на что, ей, действительно, хорошо жилось в Диминой семье... Никаких особых бытовых проблем, никаких финансовых забот, помощь в воспитании Валерика — всё это было благодаря близости Димкиных родителей... Довольно просторная комната была даже больше той, которую они оставили на окраине города, а кухню с Анной Наташа и не пыталась делить, если только свекровь не просила приготовить что-нибудь определённое — Наташкин борщ очень нравился Александру Ивановичу, а блинчики — самой Анне Сергеевне, хотя она в этом и не признавалась, сваливая всё на мужа... К ним с Димой родители почти никогда не заходили из деликатности, поэтому Наташа не чувствовала никаких стеснений, тем более, что дверь закрывалась на встроенный в ручку замок. Даже при том, что свекровь так и не прикипела к невестке, между ними не было ни ссор, ни даже мелких разногласий — Наташа оказалась очень послушной и терпеливой, чем иногда озадачивала Анну Сергеевну: сначала та видела в поведении невестки какой-то подвох, но со временем поняла, что никакого подвоха нет, а есть огромная любовь к её сыну — настолько огромная, что ради неё Наташа готова сохранять мир и покой в семье его родителей, даже ценой каких-то своих интересов... Вот и сейчас Наташка вдруг ощутила чувство вины перед Морозовыми-старшими за то, что они с Димой своими проблемами потревожили их покой — на дворе была глубокая ночь...

Вздохнув, она медленно вернулась в свою комнату...

...Дима не спал, он лежал на кровати, подложив под голову руки. Ей почему-то стало его жалко — он не был похож на горе-мужа, не знающего, как скрыть любовную связь. Она молча присела у него в ногах, положив на колени сцепленные в замок кисти.

— Наташ, — он первым нарушил молчание, — когда-нибудь я тебе всё расскажу. Даю слово. А сейчас просто — поверь мне. Я тебе не изменил, даже в мыслях. Ты мне веришь?

— Верю... — она сказала это еле слышно, одними губами, глядя куда-то вниз.

Присев на кровати, он взял её ладошку. Молча повернувшись, Наташка обхватила его руками и уткнулась лицом в плечо...

— Дим... — позже, лёжа в его объятиях, она ещё теснее прижалась к нему: так тесно, что Димка чувствовал прикосновения её ресниц к своей груди, — Ты и правда не стал бы меня держать? Если бы я захотела уйти...

— Конечно, стал бы... — Дима глубоко вздохнул, — Я без тебя не смогу...

— И я без тебя не смогу...

* * *

Вернувшись домой, Кристина неторопливо прошла на кухню и с какой-то странной улыбкой на лице разобрала пакет, так и оставленный ею на столе. Желание увидеть Диму, возникшее так спонтанно, окончилось её полным поражением, но она почему-то сейчас не испытывала никаких эмоций... Все эмоции растворились в приступе гнева, который охватил её после того, как Морозов покинул студию. Оставшись одна, она какое-то время пребывала в оцепенении, но после того, как он перезвонил и предложил довезти её до дома, Кристина испытала дикое желание отомстить ему за то унижение, на которое она пошла, выпрашивая у него каплю любви... Последнюю каплю — так ей казалось...

Он оттолкнул её, растоптав тем самым последнюю надежду... разбив её, как фаянсовую копилку... разорвав на лоскутки... На него не подействовали даже дорогие духи с феромонами, купленные ею недавно.

Оставшись одна, она вдруг представила, как Дима сейчас приедет домой, к жене и сыну... Он, смеясь, или с возмущением, расскажет своей Наташе о том, как она, Кристина, умоляла его о любви... Как она унижалась перед ним в отчаянии... И как он её отверг — отбросил, как ненужную вещь... Они будут смеяться над ней, а потом лягут в одну постель... А утром они приедут сюда, в студию, и будут готовиться к вечернему концерту — в «Кристалле»... Сорок минут будет петь Наташа, а потом — до утра — «Ночной патруль». Наташа будет петь песни, которые Морозов написал для неё... Возможно, он писал их именно здесь...

Кристина огляделась. Здесь всё куплено на деньги её отца — Леонида Лапина... Отец всё передал ей — своей дочери, Кристине... Все свои песни Морозов писал в этой студии!.. В её студии!.. Это всё — её, она — хозяйка... Завтра он снова придёт сюда и будет репетировать, записывать, играть... И каждой написанной им нотой он снова и снова будет растаптывать её, Кристину...

...Схватив первую попавшуюся под руки гитару, она резко взмахнула руками... Звон разбитого стекла между аппаратной и тон-залом только раззадорил её...

...Она опомнилась, когда в руке остался только гриф. Пульт, усилители, компьютерный монитор, Димкин рабочий ноутбук — всё валялось на полу вперемешку с битым стеклом... Разбитый корпус синтезатора слетел с креплений и висел сбоку, обнажив электронные внутренности, а вырванные клавиши, как выбитые зубы, разлетелись по всему помещению... Оглядев со странной улыбкой разгромленную студию, Кристина надела платье и вышла за дверь...

— Вставай, — потормошив Макса за плечо, она встала с дивана и, подвинув сервировочный столик, снова уселась рядом, — Слышишь? Вставай.

— Который час? — еле разлепив глаза, спросил парень.

— Пять утра, — Кристина открыла бутылку шампанского, — давай, выпьем.

— Не хочу, — он с трудом отвернул голову и снова закрыл глаза.

— Зато я хочу, — наполнив два бокала, она один протянула Макс.

— Не буду, — не поворачиваясь, он пошевелил ладонью, — пей сама.

— Я хочу, чтобы ты со мной выпил, — она настойчиво протягивала ему бокал, — до вечера первого числа у тебя выступлений нет, так что тебя ничего не держит.

— Да, выступлений нет, — повернувшись, он кое-как сел, — а могли бы быть...

— Ну, мало ли что могло быть, — Кристина усмехнулась, — у меня тоже много чего могло быть.

— Например... — скорее по инерции произнёс парень, протирая лицо ладонями.

— Например? — отпив из бокала, Кристина откинулась на спинку дивана, — Например, сегодня ночью я могла бы изменить тебе...

— Ну, и как?.. — равнодушно спросил Макс, — Получилось?

— А тебе не интересно знать — с кем?

— С кем? — так же равнодушно переспросил он.

— С Морозовым, — сделав ещё один небольшой глоток, Кристина поставила бокал на столик, — что, не ожидал?

— Почему? — он пожал плечами, — Я так и подумал.

— А почему ты так подумал? — она снова потянулась за шампанским, — Тебя что, это не задевает?

— Нет, — достав из кармана брюк сигареты, Макс закурил, — не задевает.

— Ну, ты и гадёныш, — улыбаясь, она залпом допила содержимое бокала, — так и думал, говоришь?

— Да.

— А ты не думал, благодаря кому ты сейчас сидишь тут и выёживаешься? — слегка опьянев, Кристина надменно смотрела на юношу, — Ты не думал, благодаря кому ты теперь «звёздный мальчик»? М-м?..

— Думал, — прищурившись, он глубоко затянулся, — благодаря тебе.

— Молодец, — наливая себе ещё шампанского, она не рассчитала, и пена, поднявшись над краем бокала, медленно стекла по его стенкам, хлопьями упала на столик.

— Благодаря тебе, — повторил Макс, — и Уля ушла благодаря тебе... И наш проект накрылся — благодаря тебе... И бухал я вчера благодаря тебе...

— Так-так-так... — она сдвинула брови, — Давай дальше...

— А что дальше, — затушив сигарету в пепельнице, он взял свой бокал, — вот,

шампанское в пять утра пью — тоже благодаря тебе...

— Ну, ты и... — она не произнесла оскорбительного слова, только сжала губы, — А ради кого я сама пожертвовала своим проектом? Не ради ли тебя?

— Ради меня? — он цинично ухмыльнулся, — Это ради меня ты столько времени дразнила Морозова? Этот ради меня ты влезла между Улькой и мной? Это ради меня ты использовала меня, как игрушку, добиваясь своих целей?

— Ну, ты и тварь неблагодарная... — Кристина поднесла к губам полный бокал, но, задержав руку, резко выплеснула содержимое в лицо Максу, — А я ещё хотела сделать тебе сольный проект... Гадёныш...

— Подавись ты своими проектами, — он со злостью швырнул свой бокал о стенку: разбившись вдребезги, он разлетелся на сотню мелких осколков, — а я на них плевал... — с этими словами он встал и, схватив свою куртку с пола в прихожей, хлопнул дверью и вышел из квартиры.

* * *

Дима растерянно стоял посреди аппаратной. Он, не проронив ни слова, смотрел на то, что осталось от его студии, в которой он работал больше года, в которой было написано столько песен, в которой он проводил большую часть своего времени... Студии, ставшей его вторым домом...

— Дима, что это?! — вошедшая следом Наташа в ужасе застыла на месте, — Это... Кто это сделал?!

— Это не я... — он отрицательно покачал головой.

— Дима... Кто здесь вчера ещё был, кроме тебя? Не скрывай, это ведь серьёзно...

— Здесь была Кристина, — глухо произнёс Дима, — я уехал, она осталась.

— А с ней всё в порядке? — Наташа испуганно огляделась вокруг, — Дима, ты позвони ей...

— Я думаю, что в порядке, — он присел на уцелевший стул, — как же быть...

— Ты о чём?

— Я твои минусовки только сегодня скачать собирался. Они все были в ноутбуке... А ноутбук... — он кивнул на то, что осталось от ноутбука, разломанного на две половинки.

— Как же быть? — она подняла на него свои большие глаза, — Дим...

— Что-нибудь придумаем, — опустив голову на сцепленные кисти, Дима на какое-то время зажмурил глаза, — вживую тебе буду играть...

— Ты всё-таки позвони ей, — тихо сказала Наташа после небольшой паузы, — мало ли что...

— Хорошо, — достав телефон, Дима нашёл номер Кристины и нажал на «вызов», — привет — он говорил сдержанно, сжимая губы, — У нас проблема, но, я думаю, ты в курсе... Как какая? Студия как после бомбёжки. Ты не знала? Странно... А мне кажется, ты последняя, кто вчера здесь был. Как не была? Ну, приезжай, — усмехнувшись, он отключился.

— Димыч, я на минутку, за флэшкой... — залетев в то, что осталось от аппаратной,

Сашка так и остался стоять с раскрытым ртом.

— Найдёшь — твоя будет, — мрачно пошутил Дима, — проходи, не бойся.

— А что, нам объявили войну? — Говоров оторопело оглядывался вокруг, — Наташка, ты хоть объясни...

— Я ничего не знаю, Саша, — она печально покачала головой, — мы только что приехали, хотели мою программу прогнать и минусы скачать на свой ноут...

— Саня, пойдём на улицу, покурим, — Дима многозначительно посмотрел на Говорова, потом повернулся к Наташе, — Наташ... Ты иди в репетиционную, включай там аппарат, будем пробовать живой аккомпанемент... Я скоро.

Выйдя на улицу, Дима какое-то время стоял, держа руки в карманах куртки и глядя на низкое зимнее солнце через чёрные очки. Сашка молча курил рядом, терпеливо ожидая объяснения тому, что он только что увидел.

— Саня, я знаю, кто это сделал. Но я не знаю, как мне быть.

— Рассказывай, — затянувшись в последний раз, Сашка выбросил остатки сигареты в урну и повернулся к Диме, — А там разберёмся.

Рассказав вкратце о событиях вчерашнего вечера, Дима вопросительно посмотрел на Говорова:

— Ну, и как ты думаешь, что я теперь должен делать?

— Димыч, я не пойму одного... А почему ты что-то должен делать? Громил студию ты?

— Не я...

— Ну, и всё. Вот кто громил, тот пусть и делает. Покупает новую аппаратуру, делает ремонт...

— Саш... — Дима замаялся, — Тебе проще так говорить... А я не могу. Я вчера Наташке ничего не мог объяснить, и не сказал бы под страхом смерти... Что бы ни было, но у нас с Кристиной были отношения... Она вчера проявила слабость. Единственный, кому я это могу рассказать, это ты, от тебя никуда не уйдёт. Больше — никому. Я не могу выдать её тайну, и, если она скажет, что её здесь не было, я не смогу сказать, что она здесь была... Значит, виноват буду я.

— Стоп, Дима... Почему — ты? Не говори, что ты тут был, и всё. Она что, не понимает, что, раз виновата, то и раскошеливаться ей?

— Не знаю, Саш. Я же не буду вызывать полицию, чтобы они «нашли виновного».

— Так и она не будет...

— Что-то у меня всё в голове спуталось...

— А вон она, кстати, — Сашка кивнул на подъехавший серебристый автомобиль Кристины, — Сейчас всё выяснится.

— Что, Морозов, очередной залёт? — со злостью бросила на ходу Кристина, стремительно открывая двери, — Сейчас посмотрим...

Наташа сидела в репетиционной за включенным синтезатором, но играть не было ни желания, ни сил. Она поняла, что вчерашний визит Димы в студию был спровоцирован

нарочно, и то, что здесь произошло, могло быть серьёзным обвинением против него... Но вот что тут произошло на самом деле? Он так и не рассказал...

— Что, доигрался Морозов? — не поздоровавшись, Кристина возникла на пороге репетиционной, — Он давно у психиатра был?

— Кто? — Наташа недоумённо посмотрела на девушку.

— Морозов, — нервно повторила та.

— А зачем ему психиатр?

— А что, это нормально — студии громить?

— А при чём тут Дима? — Наташа почувствовала запах алкоголя, — Студию разнёс кто-то другой.

— Ну, конечно, — Кристина ехидно посмотрела на Наташу, — Наверное, я.

— А что, тебя здесь не было? — в голосе Наташки послышался вызов, — Ты ему звонила вечером, он поехал по твоей просьбе.

— Да, была. Но уехала раньше, чем он...

— Дима не мог такого сделать. Он в этой студии работал.

— Не мог?! — Кристина нервно расхохоталась, — Плохо ты своего муженька знаешь. Он на многое способен...

— Например? — неожиданно войдя в помещение, Дима расслышал её последние слова, — На что — на многое?

— Ты, действительно, хочешь, чтобы я сказала? — Кристина многозначительно посмотрела на него, — Или всё же не стоит?

— Сказала — о чём? — он смотрел на неё исподлобья, слегка улыбаясь.

— Ну, как о чём... О том, как ты хотел меня изнасиловать...

— Что-о-о?! — его брови поползли вверх, — Ты что несёшь?

— Я говорю правду, — она со злостью посмотрела на него, — а когда у тебя ничего не вышло, ты разгромил студию.

— Дим, я знаю, что она обманывает, — Наташа взяла его за руку, — я тебе верю...

— Такого я от тебя не ожидал, — сжав в ответ Наташкину ладошку, он посмотрел на Кристину, — никогда бы не подумал, что ты так можешь...

— Это я не ожидала, — как можно трагичнее произнесла Кристина, — А уж Наташа твоя и вовсе в шоке.

— В шоке, — усмехнулась Наташа, — но совсем от другого.

— Сейчас вы все будете в шоке, — Сашка озабоченно заглянул в дверь, — сюда полиция идёт...

Как по команде обернувшись к дверям, все присутствующие уставились на Говорова.

— Полиция? — Наташа испуганно округлила глаза, — Зачем?!

— Вернее, не полиция, а дэпээсники, — уточнил Сашка, оглядываясь в коридор, — а вот зачем, это мы сейчас узнаем.

Дима тревожно прислушивался к звуку приближающихся шагов. Сегодняшняя проблемная ночь, определённо, повлекла за собой не менее проблемное утро.

— Добрый день, — два молодых человека в форме появились в проёме дверей, — старший инспектор дорожно-патрульной службы Грачёв, — едва прикоснувшись пальцами к шапке, привычно представился один из них, — Кому-нибудь из присутствующих принадлежит автомобиль с государственным номером «ОН 222 О»?

— Да, это моя машина, — Кристина с вызовом посмотрела на инспектора, — а в чём дело?

— Пройдёмте к машине, — ответил тот, — у нас есть к вам несколько вопросов.

— Я спрашиваю, в чём дело? — девушка нервно дёрнула плечом, — Говорите здесь, мне некогда.

— У нас есть сигнал с поста, что вы не подчинились требованию остановиться.

— А видеозапись у вас есть? — Кристина насмешливо приподняла красивые брови, — Слово к делу не пришьёшь.

— Есть, — терпеливо ответил парень, — всё есть, давайте, пройдем к машине.

— Я никуда не пойду. Мне некогда, присылайте повестку.

— Повестка будет в суд, если дойдёт до суда, а сейчас — пройдемте? — инспектор обаятельно улыбнулся, — Не думаю, что вашим знакомым будет интересно слушать, о чём мы с вами будем беседовать.

— Ну, хорошо, — нехотя ответила Кристина, направляясь к выходу, — но учтите, неприятности я вам обеспечу.

— Хорошо, — ещё раз улыбнулся молодой человек, пропуская её вперёд, — я согласен.

Выйдя вслед за Кристиной и Грачёвым, второй инспектор ДПС, который всё это время молча наблюдал за происходящим, вдруг вернулся и, глядя на Наташу, расплылся в смущённой улыбке:

— А можно у вас попросить автограф?

— У меня?! — она недоверчиво посмотрела на парня, — Вы не ошиблись?

— Не-а, — он достал небольшой блокнот и авторучку, — я вас видел, когда вы выступали на дне города. И по радио слышал...

— Ну, хорошо, — Наташа улыбнулась, — давайте, распишусь...

— Меня Рома зовут, — наблюдая, как она водит ручкой по листочку, уточнил парень.

— А меня Наташа, — весело стрельнула глазами девушка.

— А меня — Дима, — вложив руки в карманы куртки, Морозов с серьёзным видом

подошёл ближе — так, что Наташка оказалась чуть позади него, — приглашаю вас сегодня вечером в ночной клуб «Кристалл» на сольный концерт моей жены. Начало в двадцать два часа.

— Спасибо, — щёки инспектора покрылись лёгким румянцем, — я приду...

Проводив взглядом Романа, Сашка удивлённо уставился на Диму:

— Димыч, тебе сейчас чёрный грим наложить — Отелло можно играть без репетиции... Ты чё гайца напугал? Как он теперь гибедедировать будет?

— Дим, ты чего, правда? — Наташа растерянно улыбнулась, — между прочим, это первый мой автограф.

— Да ещё чуть-чуть, и он бы тебе свидание назначил, — попытался оправдаться Дима, — и, я так понимаю, ещё чуть-чуть, и ты бы согласилась...

— Да ну тебя, — Наташа рассмеялась, — не переживай, без твоего согласия я на свидания ходить не буду.

— Ладно, всё это весело, — Дима вздохнул, — что теперь делать будем? Минусов нет...

— Так давай остатки ноута в мастерскую свезём, — Сашка кивнул головой куда-то в сторону окна, — там тебе в пять минут всю инфу вытащат из-под обломков...

— Точно, Дим, как мы сразу не сообразили, — Наташа всплеснула руками, — это, кстати, недорого относительно, они даже из погоревших компов память достают...

— Верно, — Дима оживился, — Саня, поможешь?

— Не вопрос, — Говоров согласно кивнул, — давай, у меня свои ребята есть, всё сделают.

— Да и у меня есть, — махнул рукой Дима, — просто некогда. Сейчас вживую Наташке сыграю, мало ли что, нужно быть готовым ко всему. Нам ещё домой, ещё в салон её одевать-причёсывать, ещё в «Кристалл» надо — там всё окончательно проверить...

— Да, — Сашка хмыкнул, — мы там каждую неделю лабаем, и ничего... А как Натахе петь — у Димона мандраж начинается...

— Да не мандраж, Саш... дебют...

— Да ладно, Дим, — Наташа улыбнулась, — ну, какой дебют, я чуть ли не с детства на сцене...

— Наташка, ты с ним сегодня лучше не спорь, — Саша шутливо покосился на Диму, — сказал — дебют, значит, дебют.

— Ну, ладно, — она согласно вздохнула, — дебют... Ой... — как будто вспомнив что-то, она нахмурилась и прикрыла ладошкой губы, — Ребята... Что же теперь со студией делать?..

— Что делать... — Дима посмотрел куда-то вдаль, — Сегодня все силы на выступление, а завтра с утра приеду, буду смотреть — что уцелело...

— У нас по графику сегодня ночь в «Кристалле», а завтра свободны?

— Да, я специально на завтра сделал свободный день, никуда не согласился ехать, — Дима махнул рукой, — а вот первого числа «Зебра», потом со второго и по девятое — и новогоднее шоу, и наши концерты... Все дни забиты.

— Ну, ладно, завтра тебе помогу, — Сашка посмотрел на Диму, — всё равно Ирка ворчит...

— Так мык вам заедем, — Наташа тоже посмотрела на Диму, — мы ведь собирались,

да, Дим?

— Ну да, мы так и думали, завтра вечером обязательно к тебе заедем. Надо же Валерку с невестой познакомить...

— Боюсь, он сбежит от такой невесты, — Сашка засмеялся, — она орёт день и ночь, я на ударнике тише стучу...

— Ну, ничего, — Наташа улыбнулась, — мы хоть послушаем, как дети плачут... У нас Валерик молчун, мы даже ночью к нему не встаём никогда — как уложим, так и спит...

— Надо вам мою Каринку подкинуть, может, и её научите спать по ночам...

— А ты отдашь? — Наташа лукаво посмотрела на Говорова.

— Не-а... — немного подумав, тот счастливо замотал головой, — Не отдам...

* * *

Леонид Борисович неподвижно стоял посреди огромной гостиной и непонимающе смотрел на телефон в своей руке. Слова жены, которые он только что услышал, никак не доходили до его сознания, и он усиленно пытался сосредоточиться.

«Лёня, сегодня я домой не вернусь. Я вообще больше не вернусь».

Осознание пришло внезапно — током ударило в голову, поразило, убило наповал...

«Не вернусь...» Резко развернувшись, он в два счёта оказался на втором этаже.

«Не вернусь...» — ящик секретера, в котором хранились семейные документы, резко выехал из ниши... Нет... Не здесь... «Не вернусь...» — да, она же в последнее время жила внизу... Несколько прыжков вниз по лестнице — содержимое прикроватной тумбочки разлетелось по комнате... Кроме паспорта и нескольких личных документов — всё на месте: драгоценности, дорогая одежда, его последние подарки... Ну, хотя бы за ними она должна будет вернуться?! А, вдруг, это просто женский каприз?.. Розыгрыш...

«Не вернусь...»

Какой уж тут розыгрыш, если предчувствие чего-то такого уже давно витало в воздухе их общего дома.

Ушла.

Но почему?! В чём причина?! Грубость, в которой она его иногда упрекала? Так он что — один такой? И хуже бывают... Изменял? Так кто не изменяет жёнам?.. Во всяком случае, он всегда старался скрывать свои посторонние связи... Анна... Это было так давно, что и вспоминать не стоит... Правда, что-то вновь промелькнуло прошлым летом... какое-то мимолётное чувство вернулось, всколыхнуло душу... Но он не собирался бросать Милку, он даже не собирался возобновлять связь с Анной... Так, лёгкий флирт... Бизнес — на первом месте. Так ему казалось...

Он не сразу понял, что звонит телефон. Долго оглядывался в поисках источника знакомого звука...

— Папа, — голос Кристины был странным, но он не обратил на это внимания, — у меня неприятности.

— Что случилось? — он поймал себя на мысли, что это не он задал вопрос, а кто-то другой, незнакомый, а ему и дела нет до чужих проблем.

— Папа, возможно, у меня отберут права. И ты должен отменить новогоднее шоу.

— Почему?

— Что — почему?

— Почему отменить? — и это произнёс не он... кто-то просто говорил его голосом, и не более того.

— Потому, что я так хочу, — Кристина выкрикнула эти слова, не совсем твёрдо проговаривая текст, — потому, что я больше не хочу, чтобы кто-то зарабатывал деньги на твоих трудах... и моих тоже!

— Подожди, — он, наконец, присел и взялся рукой за лоб, — давай с самого начала.

— У меня отберут права.

— А права тут при чём? — нахмурившись, он сосредоточенно осмысливал услышанное.

— Я нарушила правила, и меня застукали гайцы.

— А при чём тут новогоднее шоу?

— Ни при чём.

— Ничего не понимаю... — Леонид вдруг резко встал с кресла, — Подожди... С тобой всё в порядке?

— Более чем, — ехидно ответила Кристина, — но будет ещё лучше, если ты отменишь новогоднее шоу в своих клубах.

— Кристина, это невозможно, — Лапин сжал губы в ожидании ответа. Он как будто что-то хотел услышать или понять по голосу дочери, поэтому, когда она ответила, сосредоточенно сдвинул брови.

— Папа, ты просто обязан прекратить этот балаган, — она произнесла эту фразу не совсем твёрдо, глотая некоторые буквы.

— Ты что, пьяная? — догадался, наконец, Лапин, — Кристина?!

— Я трезвая, как стёклышко, — она усмехнулась на том конце, — так как насчёт отмены?

— Никакой отмены быть не может, — он побледнел, — Люди придут именно на это шоу, десять дней будут валом валить, как ты себе представляешь отмену?!

— Папа... — она вдруг сменила тон на плаксивый, — Я не хочу, чтобы Морозов заработал теперь хоть копейку на моём сценарии... Ты должен его уничтожить, хотя бы финансово...

— В первую очередь, это мои доходы, — он резко оборвал дочь, — и он отрабатывает вложенные в него и группу деньги.

— Да плевать на деньги, — она снова перешла на крик, — тебе что дороже, деньги, или родная дочь?!

— Зачем ты пила? — он сменил тему, — Кристина, что произошло?!

— Зачем пила?! — она расхохоталась в трубку, — А зачем пьют — вообще?! Чтобы расслабиться.

— Тебе нельзя пить совершенно, и ты об этом знаешь, — Леонид тоже перешёл на крик, — ты где сейчас?

— У себя дома, в своей пустой квартире, — она снова усмехнулась, — тренируюсь

встречать Новый Год в одиночестве...

— Никуда не ходи, ложись спать, — Леонид снова присел, устало массируя веки, — слышишь меня?

— Слышу, — дерзко ответила Кристина, — спешу и падаю.

— Я должен ехать в клуб. На обратном пути заеду к тебе, поняла?

— Поняла... — он услышал звук льющейся жидкости, — Заезжай... А хочешь, я к тебе в клуб приеду?

— Не вздумай садиться за руль! — крикнул Лапин, — Слышишь?!

— Хорошо, не буду, — неожиданно послушным тоном ответила Кристина, — я не сяду за руль.

— Всё, мне пора ехать. Ложись спать.

Поговорив с дочерью, Лапин ещё какое-то время молча сидел, не в силах подняться. Наконец, собравшись с силами, встал и, одевшись, вышел из дома.

— Ну, что, Леонид Борисович, едем? — его личный водитель, кутивший рядом с автомобилем, услужливо открыл перед ним дверь.

— Да, Толя, едем.

— Сегодня в «Кристалл»?

— Да, туда, — Лапин говорил через силу, — заправиться сегодня не забыл? Или будем, как вчера, по заправкам сначала шнырять?

— Не забыл, — извиняющимся тоном ответил Анатолий, — полный бак.

— Ну, тогда вперёд... — Лапин откинулся на подголовник.

— И с песней, — добавил водитель и нажал на газ.

* * *

Ночной клуб работал уже вовсю: светящиеся гирлянды и бегущие огоньки дюралайта вперемешку со светомузыкой на фоне попсовых композиций сразу били по глазам и слуху, а подвыпившие посетители веселились не на шутку, и Наташа слегка оробела. Она уже было повернула к женской гримёрной, но Дима потянул её за руку в другую сторону.

— Куда, Дим?! — она удивлённо посмотрела на него.

— В мужскую гримёрку, — невозмутимо ответил Дима, — в женскую я тебя не пушу.

— Почему? — она попыталась остановиться, но он упрямо тащил её за собой, — Дима!

— Потому. В мужской тебе точно ничего в тужли не подсыплют.

— И в женской не подсыплют, — Наташа семенила за ним следом, — я же сегодня одна, только Алёна и Света со мной.

— Ну, и что... — Дима решительно открыл дверь мужской гримёрки, — Давай-давай... Заходи.

— Здравсьте... — Наташа растерянно замерла на пороге. Трое парней с мускулистыми фигурами, одетых в одни плавки, равнодушно поздоровались в ответ.

— Ребята, вы извините, но девушка тоже будет переодеваться здесь, — Дима обаятельно улыбнулся, — ничего?

— Ничего... — парни пожали плечами; один из них, надевая брючный костюм, каким-то замыленным взглядом скользнул по Наташке через зеркало, — А что, у девочек места нет?

— Есть, но, боюсь, девочки будут против, если я тоже там буду переодеваться, — Дима говорил, одновременно расстёгивая крючки на Наташиной шубке, — поэтому, лучше мы — к вам.

— А врозь — никак? — расчёсывая длинные, волнистые волосы, второй парень с усмешкой обернулся, — Ну, девушке — к девушкам, тебе — к нам...

— Никак, — Дима замотал головой, — ревнует меня ужасно. А я — её. Вы не переживайте, она отвернётся.

— Да не нужно, сейчас наш выход, — усмехнулся парень и, подойдя к двери, ещё раз посмотрел на Диму, — а к стриптизёрам что, не ревнуешь?

— Не, у неё на стриптизёров иммунитет, — Дима засмеялся, — она только музыкантов любит...

— Понятно, — парни покидали гримёрку один за другим, — мы полчаса выступаем, так что спокойно переодевайтесь.

— Спасибо, — Наташа виновато улыбнулась, — удачного выхода!

— Давай, в темпе переодевайся, — дверь за стриптизёрами закрылась, и Дима повернулся к Наташе, — а то сейчас наши уже собираться начнут.

— Ну, ты даёшь, — вытаскивая из сумки концертный костюм, Наташа возмущённо посмотрела на мужа, — притащил меня в мужскую раздевалку, Дим, ты что?!

— Ну и что, зато ты у меня на глазах.

— И не только у тебя, — она ехидно прищурилась, — а ты не боишься, что глаз положу на какого-нибудь мальчика-одуванчика?

— Ну, положи, — Дима тоже ехидно прищурился, — а я тогда тоже на кого-нибудь глаз положу...

— Попробуй только, — она показала ему кулак в зеркало, потом, обернувшись, вдруг жалобно сдвинула брови, — Ди-и-и-м... Я что-то боюсь...

— Не бойся — он подошёл к ней вплотную и взял в руки её лицо, — Наташка... ты умница... Я так жалею, что раньше не устроил для тебя сольник...

— Дим, а как я выгляжу? — она смотрела на него снизу вверх своими широко открытыми глазами цвета крепкого чая...

— Отлично, — он поправил её волосы, потом неожиданно спросил, — А ты ещё губы не красила?

— Нет, — улыбнулась Наташа, — А что?

— А вот что...

— Вам чё, больше целоваться негде?! — Мазур, с гитарой в руках, открыл двери гримёрной, следом за ним вошёл Вадим Зимин, — Дима, — ты в курсе, что аппаратура ещё не установлена?

— Как не установлена? — Дима разжал руки у Наташи за спиной, — Она у них по жизни установлена...

— Не-а, — Вадик покачал головой, — Сцена пустая, там стриптизёры сейчас, и всё, а музон с компа напрямую качают через колонку, мы нарочно обратили внимание...

— Тогда надо бежать, выяснять, — Дима посмотрел на Наташу, — сиди тут, с ребятами, готовься...

— Пошли, я с тобой, — Витька, скинув верхнюю одежду, устремился за Димой, — у них тут вчера какое-то мероприятие было, они со сцены всё поубирали, а нам не сказали...

— А ты откуда знаешь? — уже из-за двери послышался голос Морозова.

— А я уже у артдиректора побывал, — выскочивший за Димой Мазур захлопнул за собой дверь, оставив Наташу вдвоём с Зиминим.

— Димка меня сюда притащил, — глядя на него, Наташа смущённо развела руками, — так что не обращай на меня внимания.

— Да ладно, — усмехнулся Вадим, — мне не переодеваться.

— Ну, тем лучше, — Наташа улыбнулась и повернулась к зеркалу. Укладывая волосы и поправляя макияж, она невольно заметила, что парень внимательно наблюдает за ней: сидя в углу гримёрки и нервно сжав, по обыкновению, губы, он не сводил с неё взгляда.

— Ты уже распелась?

— Пока нет, — она не ожидала такого вопроса и удивлённо приподняла брови, — А что?

— А чего ждёшь?

— Ничего не жду, — Наташа обернулась к нему, — сейчас, себя в порядок приведу, и распоюсь.

Ещё раз оглядев себя в зеркало, она достала из чехла принесённую с собой акустическую гитару и взяла несколько аккордов.

— Песня! — шутливо-торжественно объявила Наташа и тронула струны. Эту песенку-распевку придумал для неё Дима... Наташка пела, раскрывая связки и думала о том, сколько заботы она видит от него... Она просто купается в его заботе, иногда принимающей форму анекдота, как сегодня, например... Но суть этой заботы одна — его любовь к ней... Она — такая счастливая... Она — самая счастливая женщина на свете... И имя её счастью — Дима... Её Дима...

...Она уже заканчивала петь, легко взяв высокую ноту, когда дверь в гримёрку отворилась...

— Вадик, привет, — Алёна заглянула в помещение, — а, вот ты где... — эти слова относились уже к Наташе, — А мы со Светой переживаем, что ты до сих пор не приехала.

— Нет, мы с Димой приехали давно, просто он захотел, чтобы я переодевалась здесь, — Наташа приветливо кивнула девушке, — всё в порядке.

— Ясно... — Алёна почему-то усмехнулась, — А тут тебя искали...

— Кто? — Наташа удивлённо посмотрела на неё, — Кто меня мог искать?

— Мужчина, конечно... — Алёна недвусмысленно пожала плечами.

— Какой мужчина?..

— Тебе лучше знать...

Едва кивнув встретившему его у служебного входа в ночной клуб «Кристалл» молодому человеку с серьёзным лицом, Игорь Николаевич привычно спустился за ним по мраморной лестнице в подвальный этаж. Пройдя недлинным коридором, стремительно вошёл в открытую перед ним массивную дверь и оказался в уютном, небольшом помещении, уставленном мягкой дорогой мебелью, оборудованной встроенным баром и огромным телевизором, закреплённым на стене.

— Добрый вечер, — бодро поздоровался он с сидящим в глубоком кресле Леонидом Лапиным, — с наступающим, так сказать.

— Добрый, — поднявшись для рукопожатия, Лапин хмуро кивнул гостю, — взаимно.

— Что-то ты не очень празднично настроен, — пошутил Фишер, присаживаясь напротив Леонида, — Проблемы?

— Ну, не всем же быть на подъёме, — тот мрачно усмехнулся, — ты, как я посмотрю, не один час провёл у зеркала, как хорошая барышня. Неужели так зацепило, а, Игорёк?

— А что, заметно? — на удивление, Игорь Николаевич смутился. Он, действительно, особенно тщательно готовился к сегодняшнему вечеру: посетив элитный парикмахерский салон, он впервые в жизни попросил наложить ему маску для лица, хотя для своих сорока одного года и так выглядел очень молодо. Стильная молодёжная одежда смотрелась на нём вполне уместно: мужчина был хорошего телосложения, хоть и среднего роста, и довольно спортивен.

— Не то слово, — ухмыльнулся Лапин, — один парфюм чего стоит. Игорёк, — он, прищурившись, пристально посмотрел на Фишера, — да ты не влюбился ли на старости лет?

— Ну, уж и на старости, — Игорь улыбнулся исподлобья, — я ещё моложе тебя, между прочим.

— Да я-то, что, я по молодым не сохну, — Лапин вдруг снова нахмурился, вспомнив события сегодняшнего вечера, — мы — люди семейные...

— Ну, возраст это не беда.

— Как сказать, — Лапин достал сигареты, протянул пачку собеседнику, — Когда такая разница, то беда и есть. Что ты с ней делать-то будешь? Двадцать лет, ребёнок против тебя.

— Ты что, завидуешь, а, Лёнчик? — Игорь засмеялся, — Так отговариваешь, что у меня начинают закрадываться сомнения.

— Да тебя разве отговоришь? — махнул рукой Лапин, — Ты же все жилы вытянешь, пока своего не добьёшься. Уж как мне не хотелось принимать участия во всём этом, а ведь не устоял...

— За свою репутацию будь спокоен, — Фишер сделал успокаивающий жест, — никакого криминала, ты меня знаешь. Никакого насилия, всё только по взаимному согласию...

— Знаю, — Лапин глубоко затянулся сигаретой, — поэтому и пошёл на уступки. И как это у тебя всё так гладко получается? — он покачал головой, — Ни шантажа, ни подкупа, а девицы, в конце концов, сами к тебе приходят — Игорь Николаевич, спасите, я на всё согласна...

— Это старо как мир, Лёнчик, — Игорь усмехнулся, — мой кнут бьёт исподтишка,

вроде это и не мой кнут, да и не кнут вовсе... А пряник — вот он, всегда на столе: приходи и бери... Тем более, что мои девицы не в рабство попадают, в конце концов. Если не дура — будет кататься как сыр в масле у богатого папика... Да ещё и замуж выйдет, если повезёт. Ну, а если дура... Тут ей никто не виноват, — последние слова он произнёс жёстким тоном, без улыбки на лице.

— А ты много видел баб, чтобы не дуры были? — Лапин со злостью затушил остатки сигареты в пепельнице, — В природе их нет и быть не может.

— У тебя что-то случилось?

— От меня, Игорёк, жена ушла, — в голосе Леонида послышалась неподдельная горечь, — вот что случилось.

— Да ладно, — недоверчиво покосился на него Фишер, — Мила ушла? Когда?

— Получается, сегодня. А вообще... вообще — она уже давно ушла...

— Как это?

— Да неважно... вот такие дела.

— Прими мои... — Игорь сочувственно приложил руку к груди, но договорить не успел.

— Не надо, — Леонид махнул рукой, — ни к чему. Ты лучше скажи — ты отсюда смотреть будешь или в зал пойдёшь? Скоро уже её выход.

— Если ты не против, я для начала посмотрю здесь, — кивая на телевизор, ответил Фишер, — трансляция-то возможна?

— Ну, конечно, — Лапин взял в руки пульт, — сейчас включим.

— Да, спасибо тебе, Лёнчик, за то, что устроил её выступление. В «Лунном свете» она так и не согласилась петь, хоть я и назначил огромный гонорар, и она сама сначала вроде бы была не против...

— Думаю, против был её муж, — Лапин щёлкнул кнопкой, и на экране появилось изображение зала ночного клуба, — он же сам артист, знает, что такие гонорары просто так не платят.

— Да, но у тебя-то они согласились выступать.

— У меня согласились, — Лапин кивнул, — потому, что он со своей группой постоянный исполнитель во всех моих клубах, обстановка знакомая. Да и она теперь в новогоднем шоу поёт вместо другой певицы, ты сам видел. Вроде, как свои.

— Понятно, — Игорь внимательно смотрел в телевизор, — а сцену можно показать?

— Можно, — Лапин переключил канал, — у меня всё можно. Вот тебе сцена крупным планом. Сейчас стриптиз закончится, и её концерт на сорок минут... или на полчаса — точно не помню, но успеешь насмотреться.

— Насмотреться — это не то...

— Ну, это всё, что я могу сделать. Остальное — сам как-нибудь. Но будь осторожнее — девочка замужняя, могут быть неприятности, — усмехнувшись, он обернулся к Игорю, — кто бы нас с тобой послушал... Два взрослых серьёзных мужика, а весь вечер разговоры только про девчонку, как будто важных дел нет.

— Иногда нужно и про девчонок поговорить, — усмехнулся в ответ Фишер, — тем более, для меня это серьёзно.

— Вот уж не думал, — хмыкнув, Лапин покачал головой.

— Я и сам не думал, — ответил Игорь, — а оно вон как вышло...

Охватившее было волнение прошло уже к концу первой песни, и Наташа, исполняя остальные композиции, чувствовала себя довольно уверенно. Минусовки с наложенным бэк-вокалом удалось «спасти» из изломанного ноутбука, и Дима лишь стоял за пультом позади сцены, а Алёна и Светлана охотно открывали рты под фонограмму. К середине программы Наташа уже могла спокойно смотреть в зал, различая лица зрителей, насколько это позволял пульсирующий свет. Все Димины песни отличались изысканной мелодичностью, и посетители ночного клуба охотно танцевали и под ритмичную музыку, и под «медляк», радуя и исполнительницу, и автора. Скользя взглядом по танцующим, Наташа заметила человека, который, сложа руки на груди, пристально смотрел на сцену, а, вернее, не сводил взгляда с неё самой... Он стоял чуть поодаль, но она почему-то без конца цеплялась за него взглядом... Когда, в финале её выступления, он подошёл совсем близко к сцене, Наташку как будто окатили ледяной водой... В мужчине она узнала Игоря Фишера — человека, на юбилее которого она пела полтора года назад, и где её жестоко избил его сын Артём. Собрав в кулак всю волю, она мужественно допела последние строки, стараясь не смотреть в зал, и, раскланявшись, ушла со сцены. Чего стоила ей неторопливая, стройная походка, с высоко поднятой головой и радостной улыбкой на лице, она и сама не смогла бы оценить, пересиливая жуткое желание просто убежать и спрятаться от пронзительного взгляда Игоря Николаевича. Почему-то он наводил на неё ужас, и Наташа не могла дать чёткого объяснения этому ужасу — она просто интуитивно ощущала опасность от этого человека, который, судя по всему, проявлял к ней неподдельный интерес.

— Молодец, Наташка, — Мазур показал большой палец, — не подвела старика Димона.

— Кто бы сомневался, — Саша пристально, как-то по особому посмотрел ей в глаза, — рад за тебя...

— Спасибо, — смущаясь, она поднесла к лицу огромный букет цветов, который Дима вложил ей в руки, как только она сошла со сцены.

— Если честно, то обалденно поёшь, — Вадик смотрел, как всегда, исподлобья, нервно сжимая красивые губы, — ничего не скажешь...

— Ну, всё, налетели... — Дима обнял её за плечи, — Хватит мою жену смущать, идите инструменты проверьте, через десять минут наш выход.

— Ребята... — Артдиректор клуба подбежал к музыкантам и, тронув за локоть Говорова, обвёл всех взглядом, — Леонид Борисович просит вас сегодня поиграть без регламента. Смотрите... Сейчас двадцать три часа, так? Клуб работает до шести утра. Я понимаю, что невозможно столько отработать без перерывов, но он платит по тысяче долларов за час сверх оговоренной суммы, если вы отыграете не до двух, как договаривались, а до конца... С перерывами, естественно, как обычно... ну, что ему ответить?

— Я — как ребята, — Дима пожал плечами, — что скажут...

— Если так, то можно и поработать — ответили ребята практически в один голос.

— Ну, и добро... — артдиректор довольно кивнул и так же быстро удалился.

— Я сейчас позвоню отцу, он приедет и заберёт тебя, — кивнув Наташе, Дима вытащил из кармана мобильный телефон, — ты с нами до утра не выдержишь... Вот чёрт, не

отвечает... и мама тоже... — приложив телефон к уху, он нетерпеливо нахмурился, — Наверное, они с матушкой звук выключили, чтобы Валерку не разбудить... Что же делать?

— Дим, — она, лукаво улыбаясь, обвила его шею руками, — я выдержу...

— Там Юлька где-то в зале с подружкой, — Витька кивнул головой в сторону зала, — те точно до утра зависнут, я их знаю, пусть Натаха с ними потусуеться, пока мы работаем.

— Нет, я лучше здесь, рядом буду, — вспомнив про Фишера, Наташа вдруг испугалась, — как-нибудь...

— Да иди к Юльке, — Витька достал телефон, — Юль, подойди ко мне... Чё-чё, соскучился... Да ладно тебе... Тут это, короче, Наташку заberi? Мы до утра работаем, Димону её оставить не с кем...

— Вы что, обалдели?! — Наташа покрутила пальцем у виска, — Я что, ребёнок? Вы ещё спросите, нет ли тут детской комнаты...

— А, кстати, тут нет детской комнаты? — захихикал Мазур, уворачиваясь от Наташкиного кулачка, — Ещё и дерётся... Димыч, прими меры...

— Мы тут, — Юля, весёлая и красивая, как никогда, выросла перед «патрулями», — Наташа, мы всё слышали, просто обалдеть, как ты выступила, честное слово! Там вся публика была просто в шоке!

— Да ладно, — Наташа смущённо улыбнулась, — спасибо, Юль...

— Спасибом не отделаешься, пойдём зажигать под «Ночной патруль»! — схватив её за руку, Юля помахала парням ручкой, — А вы пойте веселей, чтобы мы там зажгли так зажгли!

— Наташа, — перехватив её вторую руку, как ребёнку, приказным тоном чеканил Дима, — иди в зал, и сделай так, чтобы я тебя всё время видел.

— Ладно, Дим, я немного с девчонками потанцую и приду к тебе, — она согласно кивнула, — не переживай, я никуда не денусь, видишь, даже ни одного поклонника не было, — с этими словами, смеясь, она обернулась к Юле, — идём?

Проводив девчонок внимательным взглядом, Дима подошёл к синтезатору и, настроив гармонию, заиграл пробную композицию.

— У вас что, всегда так? — Вадик, тихо усмехнувшись, посмотрел на Говорова.

— Как — так? — не понял Сашка.

— Ну, всё вокруг Мороза и его жены крутится?

— Почему? — Говоров пожал плечами, — Вообще-то, у нас всё вокруг музыки крутится, ты что, ещё не заметил?

— Не знаю, только и слышу «Наташа, Наташа»...

— Ну, это ты сегодня слышишь. Потому что Наташка — особая персона, и у неё концерт.

— Не понимаю, чего в ней особого, — в свою очередь пожал плечами Зимин, — кроме голоса, конечно.

— Ну, вот и Белый не понимал... — Сашка усмехнулся, — А как самого торкнуло, в смысле, влюбился по-настоящему, то и остальных стал понимать...

— Остальных — это Мороза?

— Не только, — Говоров хлопнул его рукой по плечу, — молод ты, брат, хоть и талантлив... Поймёшь когда-нибудь.

— Да уж не тупее остальных, — Вадик улыбнулся уголками губ, — только, на мой взгляд, не нужно так свои личные отношения выпячивать. А то получается — кроме его Наташи других женщин нет, что ли? Вот у тебя жена есть, у Витьки девушка... ты же не жужжишь всем в уши, правда?

— Ну, так Ирка с нами и не пела, и Юлька тоже, хотя почему бы и не пожужжать? Иногда и я жужжу... А Наташа... Наташа — она своя, по сути, член коллектива... Она с нами везде и всегда была, хоть и недолго, но такой человек — просто добрый и светлый, понял? И с Димой у них всё очень крепко, — эти слова Сашка произнёс с ноткой грусти, так, что Зимин внимательно посмотрел на него, — любовь у них, понимаешь? Настоящая.

— А у других, что, не настоящая? — Вадик недоверчиво улыбнулся, — Любовь она у всех — любовь.

— У всех — разная, а у них — настоящая... Так, короче, идём, — Сашка, спохватившись, оглянулся на Диму, который уже делал им знаки, — сейчас начинаем.

* * *

Пробираясь сквозь танцующую толпу, Кристина радостно, как старым знакомым, кивала всем, кто попадался на её пути. Чуть не допитая бутылка виски, оставшаяся дома, на туалетном столике, придала ей праздничного настроения, и девушка, недолго думая, приехала в ночной клуб отца. Несмотря на поздний час, улицы были запружены автомобилями — горожане встречали последний день уходящего года в поездках по супермаркетам, начиная с полуночи, и, на счастье Кристины, её ни разу не остановили сотрудники дорожной службы.

Добравшись до стойки бара, Кристина уселась на высокий, крутящийся стул.

— Виски, сто, пожалуйста, — на удивление, вежливо выговорила она, и бармен, узнав дочь хозяина, поспешил выполнить её заказ.

— Нет, я спиртного не хочу, — Наташа в компании с Юлей и Юлиной подружкой стайкой облепили стойку неподалёку, — тем более, деньги остались у Димки.

— Да ладно, — Юля достала из миниатюрной сумочки кошелек, — нафик мне твои деньги, у меня свои есть... Что будешь пить? А ты? — обратилась она сначала к Наташе, потом к подруге.

— Я — сок, — Наташа кивнула бармену, — или коктейль безалкогольный... вы делаете?

— Ой, Наташка, — Юля была уже довольно навеселе, — быть в ночном клубе и уйти трезвой?!

— Юль, я вообще не пью, практически, — Наташа смущённо пожала плечами, — если только бокал вина иногда, так вышло...

— Ну, и ладно, будет кому обратную дорогу показывать, — Юля засмеялась, очень похоже на Мазура, — значит, так... Нам три коктейля — два алко, один безалко...

— Юль, Дима, как отыграет, деньги сразу отдаст, — Наташа взяла свой стакан и сделала небольшой глоток из трубочки.

— Да что ж ты никак не уймёшься-то?! — Юля обняла Наташку и шутливо прижалась щекой к щеке, — Ой... какие у тебя духи... Обалдеть... «Живанши»?

— Угу... — Наташа пила через трубочку, — Дима на день рождения подарил...

— Ну, кто бы сомневался, — Юля ещё раз прислонилась лицом к Наташкиным волосам, — о-бал-деть... Так бы и нюхала... Пусть теперь Мазурик попробует мне такие не купить... Что я с ним тогда сделаю!.. — она покачала головой, потом, уже задумчиво, повторила, — А что я с ним сделаю?.. Ой!.. — тон стал томно-игривым, — Что я с ним сделаю!..

Рассмеявшись вместе с Юлиной подружкой, Наташа машинально обвела взглядом зал. На какое-то мгновение ей показалось, что мужчина, который внимательно наблюдал за её выступлением, промелькнул в толпе... Но, скользнув испуганным взглядом по тому месту и не увидев его, она успокоилась.

— Слушай, — сделав очередной глоток, Юля посмотрела на Наташу, — А где твои поклонники? Я не поняла... Почему нет толпы с открытками и фотографиями, на которых ты должна расписаться?! Ты — звезда!

— Юлька, прекрати, — Наташа тихонько дёрнула её за рукав, — не нужны мне никакие поклонники...

— Ты не звезда! — вынесла вердикт Юля, — Звезда должна быть амбициозной... капризной... эгоистичной... А ты — скромная. Наташка, ты не звезда...

— Ну, вот... То звезда, то не звезда... — Наташа рассмеялась, — Ой, надо пойти, Диме ручкой помахать. Он сказал, чтобы я рядом была. Если сейчас не покажусь, точно играть бросит и побежит по залу искать.

— Да, меня Мазурик точно искать не побежит, — выпятив нижнюю губу, Юля кивнула сама себе, — вот гад. Пойти, поругаться, что ли?..

— Девочки... — раздался сбоку знакомый голос, — А я всё думаю, вы или не вы? — Кристина встала со своего стульчика и подошла к девичьей весёлой компании, — ба! Какая встреча...

— Ой, Кристина, — Юля развела руками, — какие люди, и без охраны!.. Что тебе заказать? Фрэш? Шампусик?

— Да я сама что хочешь здесь закажу, — Кристина презрительно скривила губы, — ой, Наташа... Боже мой... А что у тебя за духи?.. Юля так нахваливала... — выпитое мешало говорить ей уверенно, и девушка глотала некоторые гласные звуки, — Можно? — приблизившись, она тоже прислонилась щекой к Наташкиной щеке и втянула в себя воздух, — Не-е-е... обманул... Морозов тебя обманул... — она поморщилась и, подвинув стул, на котором сидела до этого, взобралась на него, оказавшись рядом с Семченко, — Это не «Живанши»... Бя... Скажи ему, что он козёл... фу, какая гадость... не пользуйся больше этим парфюмом, давай лучше с тобой выпьем... м-м?

— Если только сок, — сидевшая между Катей и Юлей, Наташа повернулась и показала ей свой стакан, — я алкоголь сегодня не употребляю.

— А что так? — Кристина насмешливо посмотрела на неё, — Мужа боишься?

— Нет, просто не хочу, — пожала плечами Наташа, — я не люблю алкоголь.

— Ну, и зря. А я выпью, — Кристина щёлкнула пальцами, — Володя, мне виски ещё сто...

— А мне ещё три коктейля, повторите, пожалуйста... — Юля махнула рукой бармену, — Гулять так гулять, завтра Новый Год, девчонки!

— Ура-а-а!.. — одновременно закричали подружка и Кристина, — Ур-р-р-а-а-а-а!..

— Я сейчас... — Наташа поставила свой стакан на стойку, — Пойду, Диме покажусь, а то он уже нервничает, наверное. Я быстро...

Спрыгнув с высокого стула, она резко повернулась назад и столкнулась с человеком, направляющемся к барной стойке... Всё внутри снова похолодело: Игорь Николаевич Фишер стоял вплотную и поддерживал её за локоть...

— Добрый вечер, девочки, — мужчина обжёг её пронзительным взглядом, — добрый вечер, Наташа...

Она почувствовала, как ноги становятся ватными... показалось, что зал куда-то поплыл, и в мелькающих огнях было не разобрать — где пол, где потолок... оступившись от неожиданности, Наташа едва не упала, но вовремя подставленная ей под локоть рука Игоря Николаевича помогла удержать равновесие. Даже не пытаясь справиться с охватившей тело дрожью, она вдруг застыла на месте. Пульс бился где-то в висках, дыхание стало глубоким...

— Ой, Игорь... — Кристина фамильярно сделала приветственный жест, — Боже мой вечер встреч и воспоминаний...

— Ка-а-кой интересный мужчина! — Катя, Юлина подружка, повернулась на стуле, — И, что характерно, один!

— Игорь по жизни один, — Кристина махнула рукой, — друг моего отца, если кого-то это интересует.

— Кристинка, вот уже не ожидал тебя тут увидеть, — Игорь только сейчас узнал девушку, — ты просто прелесть, впрочем, как всегда.

— Ты только отцу не говори, что меня тут видел, хорошо? — Кристина нетрезво сморщилась, — Я сегодня ин... ин... ко-гни-то...

— Желание дамы — для меня закон, — засмеялся Фишер и посмотрел вслед Наташе, которая, выйдя, наконец, из оцепенения, молча покинула компанию, — но с подругами-то меня познакомишь?

— Это — Юля Семченко, — Кристина небрежно махнула рукой в сторону Юли, — она журналист... Это, — кивнув на Катю, девушка замялась, так как сама не была с ней знакома, — Это... Юля скажет...

— Это Катя, — Юля обняла подругу, — она тоже журналист. Мы обе — журналисты.

— О, представительницы древнейшей профессии! — Игорь засмеялся, — Это судьба, придётся присесть между вами, если вы не против, — он кивнул на стул, с которого только что встала Наташа, — здесь ведь свободно?

— Пока свободно, но девушка скоро вернётся, — Катя, наконец, подала голос.

— А я думал, что она ушла совсем, — Игорь наигранно приподнял брови, — ну, вернётся, так вернётся...

— Может, и не вернётся, — Юля замотала головой, — сейчас её Дима сграбастает и больше никуда не отпустит.

— Что, такой ревнивый? — Фишер снова деланно удивился, — Дима-то?

— Угу... — Юля сделала несколько глотков, — Ревнивый. Мавр практически.

— А меня вот некому ревновать, — Катя стрельнула глазками, — даже обидно...

— А меня есть кому, а ведь не ревнует, гад! — стукнув кулаком по стойке, Юля повернула голову сначала в сторону Кристины, потом в сторону Фишера и Кати, — Слушайте, девки... Я вот что подумала. Он же мне когда-нибудь всё равно изменит? Да?..

— Кто?! — Кристина подпёрла лицо рукой, но выпитый алкоголь мешал сохранять равновесие, и подбородок то и дело соскальзывал с ладони, — Кто изменит?! Морозов?!

— Да при чём тут Морозов, — Юля махнула рукой, — я про Мазурика... Эта белобрысая сволочь всё равно мне рано или поздно начнёт изменять.

— Ну, и что? — изрядно выпившая Катя сосредоточенно пыталась изобразить

серьёзный вид, — Что ты хочешь этим сказать?

— Я хочу сказать, что, раз он такая сволочь, то я ему тоже изменю! И, возможно, прямо сейчас!

— Юля, ты топор... тророр... то-ро-пишь события... — с трудом выговорив слово по слогам, Катя, как могла, строго посмотрела на подругу, — Пока он на сцене, изменить он тебе никак не может.

— Это пока, — Юля нахмурила брови, — но я его знаю. Я этих музыкантов очень хорошо знаю. Они все бабники. Гады. Козлы.

— Юленька, может, не стоит обобщать? — Фишер обаятельно улыбнулся, — Думаю, такой женщине, как ты, изменять просто грешно...

— А ты разбираешься в женщинах, да, Игорёк? — Юля панибратски обняла Фишера за плечи, — А давай с тобой выпьем?

— Слушай, ты сильно на него не западай, — Кристина насмешливо скривила губы, — это он только кажется молодым... А так, он уже в возрасте... Да, Игорь? Ну, признайся девочкам, сколько тебе лет?..

— Кристинка... — несмотря на игривый тон, в глазах Фишера сверкнул недобрый огонёк, — Не балуйся... Папке расскажу...

— Ой, Игорь... — она с трудом встала со стула, — Не пугай... Пойдём лучше танцевать! Ты же хотел потанцевать с молодыми девушками?

— Точно, всем танцевать! — залпом допив коктейль, Юля задвигала плечами в такт музыке, — Ту-ту-ту... тыч-тыч-тыч...

Влившись в танцующую толпу, Игорь то и дело посматривал в сторону сцены, куда ушла Наташа, но девушка не возвращалась. Внезапно оборвавшаяся музыка застала развеселившуюся публику врасплох, и дружные аплодисменты выразили всеобщее желание продолжить танцы.

— Ну, что там такое, — Кристина недовольно щёлкнула пальцами поднятой вверх руки, — Эй, «патрули», играем дальше!

— А, вон Наташа идёт, — Юля помахала рукой, — Наташа, мы здесь!

— Юль, там тебя Витя зовёт, — стараясь не смотреть на Игоря Николаевича, Наташа подошла к Юле и тронула её за руку.

— А почему они играть прекратили? — Кристина капризно нахмурила брови, — Что там опять Морозов выпендривается?

— У Мазурика струна лопнула, — едва посмотрев на Кристину, Наташа снова подняла глаза на Юлю, — он подойти не может, перерыв десять минут, так что беги к нему...

— Соскучился, гад... — едва скрывая довольную улыбку, Юля повернулась к Кате, — Подожди меня, я скоро...

— Ладно, мы пока ещё по «мохито» возьмём... — Катя обернулась к Кристине, — Идём?.. Ты куришь?.. — не дождавшись ответа, обратилась к Наташе, — Ты с нами?

— Нет, я к Диме... — она уже собралась идти следом за Юлей, но Фишер задержал её, взяв за локоть. Резко отдернув руку, как от ядовитого паука, Наташа молча обернулась к нему.

— Наташа, я хотел бы с тобой поговорить, — Игорь выглядел очень вежливым, — это

возможно сейчас?

— О чём?

— Давай, хотя бы отойдём в сторону, — он жестом пригласил её отойти к стене, — А ещё лучше — идём вниз... Там у Лёни своя вип-комната...

— Что?! — она возмущённо отпрянула, — Я никуда с вами не пойду.

— Ты меня неправильно поняла! — сделав упреждающий жест, Игорь снова взял её за локоть, — Единственное, чего мне хотелось бы, это поговорить с тобой в тишине, а то тут очень шумно.

— Я не представляю, о чём нам с вами говорить, — она снова дёрнула рукой, — извините, мне нужно идти.

— Наташа, — он встал у неё на пути, — тогда мне придётся говорить здесь... Единственное, что я хочу сказать — это прости...

— Не поняла.

— Я хочу попросить у тебя прощения за тот случай... Мой сын тогда поступил как подонок, и я осуждаю его поступок...

— Хорошо, я вам верю. До свидания, — она хотела его обойти, но он, сделав шаг в сторону, снова оказался перед ней.

— Подожди, Наташа. Я вот ещё что хотел тебе сказать... — Игорь слегка замялся, — Я слушал тебя тогда, когда ты пела у меня дома... Я слушал тебя сегодня... Ты очень талантлива. Я в восторге, честно. Прими мои поздравления с удачным выступлением, а также моё искреннее восхищение.

— Спасибо, — она сухо кивнула, — Извините, меня ждут.

— Да, я понимаю, — он явно тянул время, — Конечно... Но, буквально ещё минуту...

Наташа нетерпеливо подняла ладони и шагнула вперёд. Упрямо глядя перед собой, Фишер задержал её, практически обняв рукой...

— Ой, я вас нашёл... — голос показался ей знакомым, и, обернувшись, Наташа увидела улыбающегося молодого человека, — Вы меня не узнали? Я — Роман, помните?.. Мы виделись утром, в продюсерском центре...

— Да, я узнала, — она обрадовалась не столько встрече, сколько возможности ускользнуть от Игоря Николаевича, — привет, Рома.

— Я спрашивал о вас перед концертом, там, в гримёрной...

— А, так это вы меня искали? — она с облегчением вздохнула, — А то я голову ломала, кому могла понадобиться.

— Да, я... — он смущённо пожал плечами, — Я только хотел уточнить, точно ли вы будете выступать. А теперь хочу сказать спасибо, что пригласили меня сюда...

— Это Дима вас пригласил, — улыбнулась Наташа, краем глаза наблюдая за Фишером, который и не собирался уходить, — мой муж.

— Да, спасибо ему, — торопливо поправился Роман, — мне очень понравилось, как вы поёте... Вернее, мне ещё раньше понравилось, но сегодня особенно, — слегка запутавшись, парень с весёлым отчаянием махнул рукой, — вот я и решил...

— Добрый вечер, — не дав ему договорить, Дима неожиданно вырос перед всеми троими, — Наташ, что случилось?

— Ничего, Дим, всё в порядке, — она вздохнула с ещё большим облегчением, — как хорошо, что ты пришёл.

— Добрый вечер, — Игорь медленно повернулся лицом к Морозову, — я только выразил девушке своё восхищение её талантом.

— Д-да, и я тоже... — при виде Морозова Роман вдруг густо покраснел, — Извините...

— Спасибо, — сдержанно кивнул обоим Дима и, взяв Наташку за руку, потянул за собой, — идём, только что папа звонил, он сейчас за тобой приедет.

— Ну, вот, Александру Ивановичу спать не дали... — она виновато улыбнулась Роману, посмотрела ещё раз на Фишера и попрощалась с обоими, — До свидания.

— Да, как я и думал, они звук выключили на телефонах, чтобы Валерку не разбудить, — уводя Наташу, Дима едва бросил взгляд на её собеседников, — а потом папа проснулся и увидел пропущенный от меня... а я сейчас увидел пропущенный от него... В общем, как-то мы всё же созвонились...

— А мне не хочется тебя оставлять, — она прижалась к его руке, — Я бы до утра рядом сидела...

— Ты устала, тебе нужно спать.

— Без тебя? — она улыбнулась, — Без тебя я замёрзну...

— А кто меня будет греть, когда я утром приеду? — улыбнувшись в ответ, он обнял её за плечи, потом, вдруг нахмурившись, спросил, — А что он от тебя хотел?

— Кто?

— Этот... Игорь Николаевич...

— Он просил прощения за своего сына, — Наташа тоже нахмурилась, ей было неприятно любое воспоминание о Фишере.

— Странно... — Дима усмехнулся, — столько времени прошло, а прощения только сейчас решил попросить...

— Да ну его... — она обняла мужа за пояс, — Дим... может, я с тобой останусь?..

— Отец уже выехал. Наташка, мне будет спокойнее, если я буду знать, что ты дома, с Валеркой и родителями, а не бродишь среди этой пьяной толпы.

— Ну, я же с Юлькой брожу, — засмеялась Наташа, — хотя, конечно, сегодня мне здесь не очень комфортно. Ладно, пойдём со мной.

— Куда?! — Дима удивлённо посмотрел на неё.

— Как куда? В мужскую раздевалку, конечно, — она кокетливо закусилла нижнюю губу, — или ты забыл, что мои вещи остались там?

— Точно. Идём, только в темпе. Перерыв заканчивается.

Собраться «в темпе», как того хотел Дима, не получилось. Когда они выходили из танцзала, к ним подбежали сразу несколько человек.

— Ой, подождите, пожалуйста! — женщина лет тридцати пяти, в обтягивающем далеко не худые «прелести» коротком красном платье нетрезво обняла Наташу, — Я вам так благодарна, так благодарна! Спасибо! Вы просто обалденно поёте...

— Да, и от меня примите восхищение, — вторая, видимо, её подруга, бросилась к Диме, — ребята, вы все такие молодцы! Я просто в восторге!

— Девчонки... девчонки... — обращаясь, почему-то к Морозову, высокий, лысоватый мужчина в рубашке с закатанными рукавами, смахнул с лица пьяную слезу, — Я просто

офигел... просто офигел... Это... это... — он прижал руку к груди, — Это такой кайф... потрясающе... Голос!.. Спасибо... — поцеловав оторопевшего Димку в плечо, он повернулся к Наташе, — Девчонки... вы молодцы... — она тихонько запищала, не в силах вырваться из дружеских объятий неожиданно свалившегося на голову поклонника, — Уважаю!..

Кое-как вырвав Наташку из рук нетрезвого меломана, Дима сделал прощальный жест всей восторженной компании:

— Спасибо, спасибо вам большое! Приходите на наши концерты, будем очень рады!

— Мы придём, — мужчина, прикладывая руку к груди, поклонился, едва не упав лицом в дверной проём, — Мы обязательно...

— Дима, мы придём! — нестройный женский хор проводил удаляющихся артистов, — Мы тебя любим!..

Они уже подходили к гримёрной, когда их догнал охранник ночного клуба.

— Леонид Борисович сказал, что за Вами приехали, — тяжело дыша, он обратился к Наташе, — пойдёте, я провожу.

— Кто приехал? — Дима недоверчиво нахмурил брови.

— Он сказал — отец... — пожал плечами охранник.

— Секунду... — Дима набрал на телефоне номер Морозова-старшего, — Па, ты сейчас где? А, всё хорошо... Мне можно было звонить, у меня сейчас перерыв. Она уже выходит. Спасибо, пап.

— Что? — пряча улыбку, Наташа кивнула на телефон, — проверил? Меня не похитят?

— Зря смеёшься, — Дима казался серьёзным, — лучше переспросить. Да, папа приехал, но он думал, что мы на сцене, и позвонил самому Лапину, они давно не виделись... Я сейчас тебе вынесу шубу, а сумку и всё остальное утром привезу, — с этими словами Дима скрылся в дверях гримёрной и почти сразу вышел, неся в руках Наташину шубку, — как приедете, пришли мне смс-ку, хорошо? Я услышу, на следующем перерыве прочту...

— Хорошо, — она согласно кивнула, поворачиваясь, пока он помогал ей одеться, — Всё, я побежала...

— Беги, — улыбнувшись, он поцеловал её на прощанье, — сразу спать ложись!

— А поужинать-то хоть можно? — уходя вслед за охранником, она с улыбкой обернулась, — Пока!..

— Нужно... — улыбаясь, он глядел ей вслед, пока она не скрылась на выходе, — Пока, Наташка...

Покинув клуб через служебный вход, Наташа прошла быстрым шагом за охранником до стоянки, на которой её ожидал Александр Иванович. Приехав за ней, свёкор не стал звонить Диме, а, решив, что раз уж так «срослось», позвонил Лапину — старые друзья давно уже не виделись: сначала окончательный разрыв между Димой и Кристиной послужил образовавшейся паузе в их отношениях, а потом дела и заботы накрыли с головой, встретиться и пообщаться, как раньше, всё был недосуг. И вот теперь Александр, имея доброжелательный характер, не смог не позвонить другу, приехав в его заведение. Подойдя к автомобилю свёкра, Наташа обнаружила его в компании с Лапиным и Фишером, который к

тому времени вернулся в вип-комнату, а теперь вышел вместе с Леонидом подышать свежим воздухом.

— Жаль, жаль, — Леонид, разведя руками, смотрел на Морозова-старшего, — в какие-то веки приехал сам, и не хочешь составить нам компанию.

— Да я бы с удовольствием, — извиняющимся тоном отвечал Александр, — но не рассчитывал на долгое отсутствие, Аня потеряет.

— Нужно было вместе с Аней приехать, — Лапин, прищурившись, затянулся сигаретой, — сколько лет дружим, а вы в моих клубах ни разу не были.

— Аня с внуком, — Александр улыбнулся, — а в клубах Димка за нас за всех оттягивается, правда, на сцене. Да вот теперь ещё и Наташа, — увидев спешащую к ним невестку, кивнул он в её сторону.

— Жаль... — Леонид покачал головой, — завтра Новый Год, вернее, уже сегодня... Посидели бы, проводили старый.

— Не судьба, — Морозов с сожалением вздохнул, — ну, Лёнька, рад был тебя снова увидеть, рад, что мы с тобой так и остались друзьями, — он многозначительно посмотрел на Лапина, — ты меня понял...

— Понял, Сашка, — едва заметно усмехнувшись, тот протянул руку, — что ни делается, всё к лучшему. Дети сами разберутся, — он повернул голову к подошедшей Наташе, — спасибо за выступление, публика очень довольна.

— Спасибо за приглашение, — в свою очередь, несколько сдержанно поблагодарила его Наташа, — и всего вам доброго.

— С наступающим, — Игорь пристально посмотрел на девушку, потом, как бы спохватившись, перевёл взгляд на Александра, — рад был познакомиться!

— Взаимно, — шутливо взяв под козырёк, Морозов-старший открыл дверь перед невесткой, — ну, всех благ! А мы поехали.

Глядя вслед отъезжающему автомобилю, Игорь не переставал странно улыбаться. Посмотрев на него, Лапин многозначительно кашлянул.

— Зря ты всё затеял, Игорёк. Видишь, оборона по всем фронтам.

— Ерунда, — Фишер перевёл взгляд на друга, — насколько я понял, это же муж Анны?

— Ну, да... — шумно выдохнув, Леонид не спеша направился к служебному входу, — Саша Морозов. Мой школьный товарищ... по совместительству — муж некогда любимой мной женщины... Правда, у нас всё очень быстро закончилось, но воспоминания самые прекрасные, — он говорил, хмуро сдвинув брови; казалось, что думает он совершенно о другом.

— Да-а-а... Фишер ещё раз оглянулся, — Согласись, как тесен мир? Да, Лёнчик?

— Тесен, тесен... — Лапин открыл дверь, пропуская вперёд Игоря, — не то слово.

Вернувшись в подвальный этаж, мужчины молча уселись друг напротив друга. Взяв со столика налитый стакан виски, Игорь какое-то время смотрел куда-то вперёд, не мигая и улыбаясь уголком рта. Наконец, сделав глоток, поставил стакан обратно и откинулся на спинку мягкого дивана.

— Мир тесен... — задумчиво повторил он, — Настолько тесен, что некоторые в нём — явно лишние...

— Ты о чём? — Лапин внимательно посмотрел на него, — Вернее, о ком?

— Да так, мысли вслух... — тот снова подался вперёд и, взяв в руки стакан, залпом выпил содержимое, — Кстати, ты в курсе, что Кристина в зале? Она почему-то просила тебе об этом не говорить.

— Как — в зале? — Леонид побледнел, — Ты уверен?

— Не то слово, — усмехнулся Фишер, — мы с ней вместе за стойкой сидели... А ты разве зал не просматриваешь?

— Не всегда и очень поверхностно... За залом следит охрана, — Лапин резко вскочил с места, — этого только не хватало... Она пьяная?

— Да, порядочно навеселе, — Игорь удивлённо приподнял брови, — а что ты так испугался? Девушка взрослая, к тому же не одна...

— Есть причины, — сквозь зубы процедил Лапин, — посиди здесь, я пойду её приведу.

— Если хочешь, я пойду с тобой, — Фишер тоже с готовностью поднялся, — а что случилось-то?

— Потом... — махнув рукой, Леонид открыл дверь, — Сейчас надо её срочно сюда.

* * *

Перерыв закончился, и, оставив Мазура, Юля вернулась в компанию Кати и Кристины.

— А где наш муж-чина? — игриво подбоченившись, она огляделась по сторонам, — Что вы с ним сделали, девки, признавайтесь!

— Ой... — Кристина презрительно поджала губы, — Что с ним можно сделать? Он чуть младше моего отца...

— А кто у тебя отец? — Катя присела к барной стойке и затянулась длинной тонкой сигаретой, — Расскажи о себе...

— Так... Катерина батьковна... — Юля с подозрением посмотрела на подругу, — Ты без меня сколько ещё выпила? Ну-ка, расскажи о себе...

— А, — та небрежно махнула рукой, — мы с Кристиной ещё выпили по мохито, и всё... А что, заметно?

— Более чем, — Юля нетрезво нахмурилась, — Теперь води себя прилично...

— Да иди ты, — Катя расхохоталась, — лучше расскажи, что там у «патрулей»?

— У «патрулей» лопнула струна, — Юля изобразила губами звук, похожий, по её понятию, на звук лопнувшей струны, — Мазурик перестарался... Но он уже всё сделал. Он ваще — талант... Хоть и гад. И я его люблю.

— Да все они гады, — Кристина потянулась к пачке сигарет, — а, можно, я закурю?..

— А ты куришь?! — Юля удивлённо вытаращила глаза, — Можно...

— Не курю, — Кристина достала длинную сигарету, чиркнула зажигалкой, — а сейчас хочу закурить...

— Тебе плохо станет, — Катя попыталась отобрать у неё сигарету, — ща всё поплывёт... И сама уплывёшь нафик...

— Ну, и пусть, — та упрямо отдёрнула руку, — уплыву, так уплыву.

— А, кстати, почему ты одна? — Юля щёлкнула пальцами бармену, — Нам ещё мохито... А где твой Макс?

— Мой... — девушка усмехнулась, — Мой... нет у меня никакого Макса. Гадёныш...

— А куда ты его дела? — Юля взяла стакан с коктейлем, — Давай, выпей, и рассказывай. Мы внимательно слушаем.

— Да... Рс-с-кажи о себе... — Катя облокотилась о стойку и изобразила на лице неподдельный, профессиональный интерес к судьбе Кристины.

— А что рассказывать... — Кристина сделала попытку затянуться сигаретой, но закашлялась, — Ой... фу... гадость...

— Да ты не взятяг... — Юля взяла у неё сигарету из рук и несильно затянулась, — Вот так... Поняла?

— Угу... — Кристина нахмурилась, — давай сюда...

— Ну, и что там с Максом? — отдавая ей сигарету, Юля напомнила тему разговора.

— Ушёл, — закашлявшись в очередной раз, выдавила Кристина, — Гад-дёнш... все от меня ушли... и этот... и тот... — она махнула рукой в сторону сцены, — Или они все козлы... Или со мной что-то не так...

— Да перестань! — Юля похлопала её по спине, — Что с тобой может быть не так? Молодая, красивая, богатая...

— Кто — богатая? — Катя остекленевшим взглядом посмотрела на подруг, — Сделаем репортаж?..

— Сиди! — Юлька махнула на неё рукой, потом обернулась к Кристине, — Видала? Лыка не вяжет, а репортаж — без проблем. Профессионал! Да, так что там у нас с козлами?..

— Все козлы! — Кристина вынесла вердикт, — А Морозов — тот вдвойне... Всё из-за него...

— Ты его любишь, да? — участливо кивнув, спросила Юля, — Выпьём?

— Пока не буду... — Кристина отрицательно замотала головой, — Я его ненавижу...

— Кого? — Катя открыла слипающиеся глаза, — Расскажи об этом...

— Ненавидишь?! — Юлька поджала губы, — Обалдеть... Значит, любишь...

— Сволочь... всю жизнь мне изуродовал...

— Дима?! — Юля изумлённо повернула голову туда, где выступали ребята, — Дима не может, насколько я его знаю.

— Ты его не знаешь... — Кристина ухмыльнулась, — Вы его никто не знаете... А я знаю. Он сволочь, каких мало...

— Не, ну, тебе, конечно, лучше знать, — несмотря на выпитое наравне с девушками, Юля выглядела трезвее всех, — но у меня другое мнение насчёт Морозова.

— Ты его сколько знаешь? — Кристина улыбнулась уголком губ, — Полгода?

— Ну, где-то так, — Юля пожала плечами, — примерно...

— А я много лет, — не обращая ни на кого внимания, Кристина пьяно откровенничала, — он гад... козёл... ненавижу... — она положила голову на сложенные руки, но, вдруг, резко распрямившись, вскочила со стула, — Сейчас пойду и скажу в микрофон, какой он козёл, пусть все знают... Притащил сюда свою матрёшку...

— Стой, куда?! — Юля схватила её за плечи и насильно вернула к барной стойке, — А ну-ка, сядь!.. Ещё чего не хватало... Ты такая красивая, Кристинка, ты себе другого найдёшь и про Димку забудешь... Ну, не получилось и не получилось... Всё ещё впереди!

— Ничего не впереди... — Кристина упрямо мотала головой, — У всех свои

матрёшки...

— Если ты про Наташу, то тоже зря, — Юля гладила её по голове, как ребёнка, — Наташа очень добрая и хорошая... И она не виновата, что Дима её любит...

— Добрая и хорошая... А я — злая и плохая... и поэтому я сейчас пойду и всем в микрофон расскажу, что Морозов — козёл... — новая попытка уйти закончилась неудачей: кто-то схватил девушку за руку.

— Кристина, немедленно иди за мной, — Леонид сердито смотрел на дочь, — слышишь?!

— Папа! — она радостно раскинула руки, — Это — мой папа... И я его очень люблю...

— Кристина, идём... — смягчив тон, Лапин потянул её за руку, — Скажи девочкам до свиданья.

— Девчонки, до свиданья! — Кристина с размаху обнялась сначала с Юлей, потом с Катей, но объятия с последней получились односторонними: девушка дремала у стойки, подперев рукой щеку, — За мной папа пришёл...

— А кто у нас папа? — Катя приоткрыла глаза.

— Хозяин этого заведения, — Юля широким жестом обвела вокруг, — А ты что, не знала?..

* * *

Наташа тихонько лежала в постели и никак не могла уснуть. Радость от у дачного выступления не могло омрачить даже появление Игоря Николаевича. Она была на седьмом небе от счастья, и единственное, что сейчас её огорчало — это пустая кровать Валерика, который спал в комнате Диминых родителей, и отсутствие самого Димы. Думая о них, она тепло улыбнулась... Скоро наступит утро, и проснётся Валерик... Вернётся Дима... И сегодня — сегодня Новый Год, любимый праздник... Она впервые будет встречать его с Димой... А вчера был её концерт... И Дима был рядом... И, вообще — она такая счастливая... Правда, её отец тяжело болен, но они с Димой посчитали — за новогодние праздники они без труда соберут нужную для операции сумму... Они не успели собрать её до Нового Года, но это не страшно, в клинике им ответили, что оплату нужно сделать до 8 января, и у них есть ещё достаточно времени... Операция пройдёт вовремя, и отец поправится... Поэтому, несмотря ни на что, она очень счастливая... У неё есть всё, что нужно для счастья...

Нервно поджав губы, Лапин смотрел, как Кристина, высыпав содержимое небольшой стильной сумочки прямо на диван, ищет жетон, выданный в гардеробе. Вернувшись вместе с ней в вип-комнату, где его остался дожидаться Игорь, он закрыл дверь на ключ и вызвал сотрудника клуба.

— Сейчас принесут твою одежду, и мы поедem домой, — сердито сказал он дочери и повернулся к Фишеру, — почему ты мне раньше не сказал, что она здесь? Впрочем, я сам виноват... Обычно зал не просматриваю, а надо бы.

— А я знала, что ты зал не просматриваешь, — Кристина захихикала, — папа... я все твои привычки зна-а-аю...

— Ты нашла жетон или нет? — он не дал ей договорить, — Сейчас человек уже придёт.

— На-шла! — она победно покрутила в руке пластиковый прямоугольник, — За-би-рай!

— Посмотрю, как ты завтра будешь радоваться, — он снова поджал губы, — что произошло на этот раз?!

— Может, не будем при посторонних решать наши семейные проблемы? Кстати, в дверь звонят, — кивнув на дверь, она скривила губы, — папа...

— Игорь не посторонний. И, если уж тебя видели посторонние, то стоит ли стесняться своих? — открыв дверь, Лапин отдал сотруднику жетон, — Одежду принесёшь сюда.

— А он что — свой? — Кристина игриво посмотрела на Игоря, — Игорёк, а ты оказывается, свой...

— Ну, я думаю, мне пора откланяться, — Игорь едва улыбнулся, — действительно, у вас семейные дела...

— Да ладно тебе, — Лапин махнул рукой, — побудь хоть ты со мной. Видишь, навалилось всё.

— А что, действительно, проблемы? — Фишер кивнул на Кристину, — Замечательная у тебя дочь: красавица, умница, не то, что мой балбес Артём.

— Действительно, — Лапин говорил зло, раздражённо, — при чём, проблемы большей частью надуманные. Вбила себе в голову всякую ерунду...

Леонид Борисович вдруг почувствовал дикое желание выговориться перед кем-то, ощутить чью-то пусть малую, но поддержку... Немного притупленная отвлечённой обстановкой боль из-за ухода жены возобновилась при виде Кристины, какое-то, неведомое ему до сих пор, чувство сиротства накатило, заныло, как больной зуб... захотелось с кем-то разделить свои горести, и ему показалось, что Фишер — именно тот человек, который мог бы поддержать его в данной ситуации, ведь он сам доверил ему свою сердечную тайну.

— А что такое? — участие Игоря казалось искренним, — Может, я смогу чем-нибудь помочь?

— Да не слушай ты папу, Игорёк, — Кристина уселась на диван и, роняя предметы, нетвёрдой рукой укладывала их назад в сумочку, — он, как всегда, урт... урти...ут-ри-ру-ет...

— Ей пить совсем нельзя, — с горечью в голосе обратился к Игорю Лапин, — а она

выпила... Ещё и за руль уселась! — он возмущённо посмотрел на дочь, — Как только гаишники тебя пропустили?!

— Да, за руль под алкоголем не стоит садиться, — Игорь озабоченно покачал головой, — ну, наверное, была причина так поступить, да, Кристина?

— Что случилось-то опять? — снова открыв дверь на звонок и приняв из рук мужчины дорогую шубу дочери, как-то обречённо спросил Лапин, — Рассказывай.

— Значит, так, — сопровождая свои слова движениями указательного пальца одной руки, Кристина другой рукой ловила по дивану коробочку с леденцами «Орбит»: коробочка почему-то постоянно выскальзывала из её ладони и буквально отпрыгивала на несколько сантиметров в сторону, — От меня ушёл Макс.

— Ну, и что, — Леонид усмехнулся, — велика беда. По-моему, ты не должна принимать это как трагедию.

— А я и не принимаю, — стараясь говорить членораздельно, Кристина согласно кивнула головой, — он ушёл, а я послала его к чёрту. Гадёныш...

— Ну? Так в чём же дело? — развёл руками Лапин, — Я даже рад. Слишком он был молод для тебя, да и глуп, как мне показалось.

— Угу, — она ещё раз кивнула, — а ещё в моём продюсерском центре кто-то разгромил студию звукозаписи.

— Как? — Леонид застыл на месте, — В каком смысле разгромил? Когда?

— Вчера ночью, — девушка пьяно пожалала плечами, — в смысле — разбили всё, что бьётся, разнесли, всё что разносится, — она вдруг засмеялась, — там та-а-а-кая куча-мала-а-а-а!..

— Почему ты мне сразу не сказала об этом? — отец сердито поджал губы, — И что, полицию не вызывали? А кто обнаружил? Что вообще там у вас происходит?!

— Значит, так... — Кристина упрямо дирижировала себе указательным пальцем, — Обнаружил Морозов. Утром. Полицию никто не вызывал.

— Почему не вызвали полицию? А что, все замки были целы? Кто и как мог проникнуть в студию, — Леонид непонимающе смотрел на дочь, — объясняй толком!

— Замки были целы, — с расстановкой произнесла Кристина таким тоном, будто она рассказывала о каком-то приятном событии, — сигнализация включена...

— Так почему не вызвали полицию-то? — Фишер включился в разговор, — Кристина, а кто последним покинул студию накануне?

— А последним уходил Мо-ро-зов, — улыбнулась Кристина, — сначала мы с ним там были вдвоём... А потом я ушла.

— Подожди-подожди... — вытянув вперёд ладонь, Лапин нахмурился, — Морозов был в студии ночью... И ты была... А что вы там делали?

— Ни-че-го... — она, улыбаясь, развела руками, — К сожалению, ни-че-го... Я забыла выключить аппаратуру, позвонила ему, чтобы он поехал и проверил... Но потом решила поехать сама, на всякий случай... И я приехала... и он приехал... Мы там встретились...

— Ну, и? — Леонид нетерпеливо посмотрел на дочь, — Встретились, выключили... Дальше что было?

— Дальше?... — опустив голову, она усмехнулась, — А дальше... дальше я задала ему один вопрос...

— Дальше... дальше... — Лапин нервно рубанул ладонью воздух, — Кристина, давай без этих лирических отступлений.

— Ну, если без лирических... — она подняла на отца замутнённый алкоголем взгляд, — Он попытался меня изнасиловать. Это ведь не лирическое отступление?

— Кто?! — Леонид сморщился, — Дима?! Никогда бы не подумал... Ты уверена, что всё было именно так?! Кристина?!

— Папа, я что, идиотка? — она исподлобья посмотрела на Лапина, — Ты что, мне не веришь?

— Верю... — сдвинув брови, он задумчиво постукивал носком туфли по полу, — Ну, и... что было дальше?

— А дальше... у него ничего не вышло, — она презрительно скривила губы, — и я ушла. А он остался. А утром он позвонил мне и сказал, что студия разгромлена.

— Я не понимаю одного — почему ты не вызвала полицию?!

— А меня гайцы задержали, — она пожала плечом, — а Морозов не вызвал... наверное, потому, он и виноват.

— Ну, а потом-то можно было вызвать?!

— А потом... я его пожалела... — Кристина развела руками, — Папа, я его просто пожалела.

— Так. Я сейчас его вызываю сюда, пусть объяснит всё, — Лапин взялся за телефон, — Сергей, как только у музыкантов будет перерыв, приведи ко мне Морозова... Скажи, это срочно.

...Пройдя через изрядно развеселившуюся толпу и попутно обнимаясь с поклонницами, Дима спустился в подвальный этаж.

— Добрый вечер, — окинув взглядом всех присутствующих, он вежливо поздоровался.

— Добрый вечер, — сквозь зубы ответил Лапин, — Дима, у меня к тебе возникли несколько вопросов. Во-первых, что произошло в твоей студии?

— В моей, папа, — Кристина подала голос.

— Подожди, — он нетерпеливо махнул рукой, потом снова обратился к Морозову, — Кристина сказала, что кто-то разгромил аппаратуру.

— И не только, — Дима пожал плечами, — и стёкла разбили, и гитару, и компьютер, и ноутбук... всё свалили на пол...

— Кто обнаружил? — Лапин нервно сжал губы.

— Я...

— И?

— И всё...

— Что — всё?! Полицию вызывал?

— Нет...

— Почему?

— Так вышло.

— То есть, ты так решил, да? — нервно постукивая пальцами по столу, Лапин смотрел куда-то вниз.

— Я просто растерялся, — Дима нахмурился, — Потом приехали Кристина, Говоров... Мы решили, что нужно спасти вечернее выступление, потому что все минусы находились в разбитом ноутбуке и занялись подготовкой к концерту. Мы решили, что завтра всё разберём, посмотрим, что уцелело...

— То есть, ты решил сам распорядиться моим имуществом, так?

— Я не думал, чьё это имущество, — Дима посмотрел Лапину в глаза, — в тот момент мне это не пришло в голову.

— Замечательно... Лапин усмехнулся, — Я вложил кучу денег в вашу раскрутку, отдал тебе в пользование студию, а ты вот так относишься к моему имуществу.

— Я завтра всё выясню, — Дима развёл руками, — Леонид Борисович, сегодня, действительно, нужно было спасать положение... Наташа поёт под минусовки, а их больше нет. Что мне оставалось делать? Мы отправили остатки ноутбука в мастерскую, а сами, на всякий случай, ещё несколько часов репетировали под живую музыку. Мы сегодня даже ребёнка своего почти не видели, не обедали, не ужинали, честное слово...

— Так почему ты, всё-таки, не вызвал полицию? — прищурившись, Леонид закурил; он как будто не слышал, о чём говорил ему Дима, — Ты можешь внятно объяснить?

— Не знаю, — Дима бросил едва заметный взгляд на Кристину, — Так получилось.

— А вот у меня есть мнение, что ты не просто так не стал вызывать оперов...

— Что вы имеете в виду?

— Это именно ты разгромил студию.

— Я?! — Дима изумлённо приподнял брови.

— Ты. Кристина тоже так считает.

— Кристина не может так считать, — Дима ещё раз посмотрел на девушку, — она знает, что я не мог этого сделать.

— Почему это я не могу так считать? — усевшись в мягкое кресло, Кристина откинулась на спинку и закинула ногу на ногу, — Морозов... Почему я не могу так считать?! Я тебя попросила вечером съездить в студию, так? Ты приехал... И я приехала... Потом я уехала, а ты остался.

— Ты уверена, что всё было именно так? — усмехнувшись, он посмотрел на неё исподлобья.

— Уверена, — несмотря на сильное опьянение, она постаралась придать своему голосу довольно твёрдый тон, — в отличие от тебя, я — адекватный человек. Я детей не теряю.

— То есть? — Фишер заинтересованно посмотрел на девушку, — Кристинка, подробнее можно?

— Да он вчера у меня сына забыл, — она захихикала, — пришёл о чём-то спросить, был с коляской... Спросил, потом выскочил в коридор и убежал... А я с ребёнком возилась, пока его Наташа не пришла... Кстати, — она посмотрела на Диму, — она тебя дома не убила, как обещала?

— Да я просто замотался, — Дима растерянно развёл руками, — я же объяснял. Ну, голова кругом реально шла... Генеральный прогон Наташкиной программы, репертуар «Ночного патруля» с ребятами оговаривали на новогодние выступления, по проектам последние репетиции... Валерку оставить не с кем, мы его взяли в студию. Он у нас спокойный, — обращаясь к Лапину, Дима терпеливо объяснял ситуацию, — с ним можно куда угодно идти, мы его последние два дня и брали с собой... Спать положим у Светы, а сами — на сцену. Как оказалось — все усилия не напрасны, выступление удачно прошло, а что ещё нужно?

— Это всё прекрасно, — Леонид ухмыльнулся, — но, Дима, согласишься, все улики против тебя. Я так понял, что, раз сигнализация не сработала, то чужих в студии не было.

— Да мне-то зачем громить студию?! — в недоумении Дима приложил руку к груди, —

У меня-то какая мотивация?!

— Мотивация? — Кристина многозначительно улыбнулась уголком губ, — Вспомни, что ты пытался со мной сделать... и, вдруг, неудача... Это — не мотивация? А, Морозов?

— Что я пытался сделать?! — тот непонимающе обернулся, — Ты о чём?

— Ты пытался склонить меня к близости... ну, это я так смягчила... — улыбаясь, с издёвкой в голосе произнесла Кристина, — А, вообще-то, это называется попытка изнасилования.

— Тебе не надоело? — нахмурившись, Дима устало покачал головой, — Кристина, к чему всё это?

— Ты ещё скажи, что это я сама к тебе приставала... — её глаза сверкнули злобой, — Ну, скажи... Что, молчишь? Скажи, что это я лезла к тебе... Скажи, что это я умоляла тебя с любви?.. Что, язык не поворачивается?! — она распалялась в гневе всё больше и больше, — Скажи, что это я сама разделась, а не ты стащил с меня платье... ну, что же ты, Дима?! Скажи, что я вру, ну?! Ну, скажи — Кристина, ты врёшь... Молчишь?!

Дима молча смотрел на неё, сжимая губы. Воспитанный строгой, но справедливой Анной Сергеевной и добрым, вежливым Александром Ивановичем, он выбрал от своих родителей все лучшие качества... Помня о том, что его связывало с Кристиной, он не мог выдать её слабость даже перед её отцом... Он просто молча смотрел на неё, поражаясь той циничности, с которой она вешала на него надуманные обвинения.

— Ну, что скажешь?! — у Лапина ходили ходуном желваки, — Кристина врать не будет. Как ты объяснишь её слова? Это очень серьёзно.

— Я никак не буду их объяснять, — Дима бросил взгляд на Лапина, потом перевёл его снова на Кристину, — Кристина...

— Что — Кристина... — она дерзко смотрела ему в глаза, — Сказать нечего, да?

— Нечего... — он медленно покачал головой, — Нет слов...

— Значит, так, — Лапин хмуро смотрел себе под ноги, — я пересилю себя и не буду влезать в ваши личные отношения... хотя, очень хотелось бы. Но, по поводу студии... В общем, так. Дима, я тебе доверил очень дорогую студию. Я не знаю, как, не знаю, за чей счёт... кроме моего, конечно... но ты обязан всё восстановить. Где ты будешь брать деньги, аппаратуру, меня совершенно не волнует. Но студия должна быть в первозданном виде. И даже лучше. Ты меня понял?

— Понял... — сквозь зубы процедил Дима.

— Гонорар за сегодняшнее выступление и все последующие ты не получишь до тех пор, пока не восстановишь студию.

— Так за какие деньги я её буду восстанавливать? — Морозов возмущённо посмотрел на Лапина, — У меня нет лишних. Я живу на гонорары, вернее, на то, что остаётся от них после того, как я выплачиваю вам долг. Заплатите мне хотя бы за сегодняшнюю ночь, там приличная сумма. Возможно, её хватит на покупку чего-нибудь...

— Это твои проблемы, — отрезал Лапин. Денег ты не получишь, пока студия не будет восстановлена. И не из «чего-нибудь», как ты сейчас сказал, а восстановлена полностью! И учти. Вариантов, типа кинуть меня с новогодними концертами, у тебя нет. Судебные дела я тебе гарантирую. У нас с тобой контракт. И, согласно контракта, я могу тебе приостановить выплату гонораров, если у меня будут к тебе материальные претензии. А они у меня есть.

Если ты не согласен — обращайся в полицию, пусть они разберутся, кто разгромил студию. Только что-то мне подсказывает, что ты так не поступишь... Ты меня хорошо понял?

— Понял, — так же, сквозь зубы, ответил Дима, — я могу идти?

— Можешь, — не глядя на него, Лапин подошёл к бару и налил себе стакан виски.

* * *

Вернувшись домой, Дима тихонько прошёл в свою комнату. Наташа сладко спала, свесив с кровати руку. Присев на корточки, он поцеловал её, потом потёрся кончиком носа об её нос...

— Всё хорошо? — она улыбнулась сквозь сон.

— Всё хорошо, — он пригладил её волосы, — всё хорошо, Наташка... Я так по тебе соскучился...

Несмотря на усталость после многочасового выступления, он долго не мог уснуть. События последних двух суток перемешались в голове, и Дима ловил себя на мысли, что ему кажется, что всё происходило совсем не с ним, а с другим человеком. Вот уже в который раз он обводил взглядом комнату: уютная, светлая мебель... детская кроватка в окружении больших мягких игрушек... Его любимая Наташа — рядом... ласково прильнув к ремю, она тихонько дышит во сне... Мир и покой в каждом уголке их семейного «гнездышка»... А совсем недалеко, в этой же квартире — родители, которых он очень любит, и, самое главное — его сын, Валерик...

Откуда же взялась эта тревога, змеей заползающая в душу?.. Неужели всё, о чём он сейчас думал, происходило с ним на самом деле?! Неужели всё это было — и звонок Кристины, и его вечерняя поездка в студию, и его неожиданная встреча с ней, оставившая тяжёлый след в душе... И погром, кем-то устроенный в аппаратной и тон-зале, и ультиматум Лапина...

А ещё — этот Фишер. Конечно, его близкое знакомство с Леонидом Лапиным вполне оправдывало его появление в ночном клубе... Но что-то подсказывало Диме, что не всё так просто...

Тревога усугублялась ещё и тем фактом, что он так и не докопался до истины — кто же, на самом деле, подсыпал битые игрушки в Наташкины туфли. С того вечера прошло уже более двух недель, а выяснить ничего не удалось. Попытки Кристины побеседовать «с пристрастием» со всеми участницами новогоднего представления окончились тем, что окончательно завели «следствие» в тупик: из показаний девушек выходило, что незаметно подсыпать стекло и вымазать волосы зелёнкой было совершенно невозможно, и что единственный человек, которому бы это удалось, была сама Наташа... Соня, вначале активно помогавшая найти виновного, вдруг, совершенно неожиданно, заявила, что не хочет больше участвовать в расследовании и не держит ни на кого зла... Уговоры не привели ни к чему, и Диме ничего не оставалось, как с нетерпением ожидать окончания праздников и самому следить, чтобы с Наташкой ничего не случилось...

...Проснулся он около полудня. Низкое декабрьское солнце решило порадовать землю в последний день уходящего года и пронизывало насквозь своими острыми лучами плотные портьеры, которые Наташа заботливо задёрнула, чтобы свет не мешал отдыхать любимому мужу. Самой её в комнате не было, и Дима, борясь с желанием поваляться в постели, нехотя поднялся и направился в ванную. Проходя через гостиную, он застал там своих родителей, роющихся в большой старой коробке, в которой в их семье всегда хранились новогодние игрушки, гирлянды и прочая праздничная мишура.

— Привет! — Димка на ходу помахал им рукой, — О чём спор? Вы чего, игрушки ищете? Мы с Наташкой все на ёлку повесили.

— Нет, — Анна сердито посмотрела на Александра, — У папы новогодний бзик.

— Да не бзик, — тот поднял голову и посмотрел на сына, — Где-то шапка Деда Мороза была и борода, не можем найти.

— Саша, ну, тебе делать нечего, — Анна сердилась не на шутку, — ты его в этой шапке

только напугаешь, он не поймёт ничего!

— Поймёт! — Александр упрямо рылся в цветных лоскутках, — Вот тут где-то была, в Димкиных старых костюмах...

— Папе очень хочется изобразить Деда Мороза перед Валерой, — глядя на Диму, Анна кивнула в сторону мужа, — торопит события, ребёнка напугает ведь, как пить дать.

— Да ладно, — Дима засмеялся, — пусть изобразит.

— Вы всегда заодно, — ворчливым тоном отрезала Анна, — и твоя Наташа такая же, кстати.

— А где они? — заглянув в кухню, Дима не обнаружил там ни Наташки, ни Валерика, — Где мои-то?

— Они гуляют, — Анна махнула рукой в сторону входной двери, — Валера что-то не хотел спать, и Наташа ушла с ним на улицу. Да, как вчера выступили, сынок?

— Нормально, — вспомнив ночной разговор с Лапиным, Дима нахмурился, — сейчас в студию поеду.

— Дима, — Анна всплеснула руками, — какая студия? Побудь хоть с нами сегодня, мы ведь тебя совсем не видим! Это же просто какое-то безобразие...

— Надо, мам, — он задержался у двери гостиной, — У нас неприятности.

Он не стал говорить родителям о том, в какую кабалу загнал его Лапин... Рассказав вкратце о событиях в продюсерском центре, о которых он умолчал вчера, Дима скрылся в ванной. Когда он вышел оттуда, Наташа и Валерик уже были дома — раздевшись сама, Наташа снимала с малыша тёплый комбинезон. Увидев папу, ребёнок заулыбался, заагукал, размахивая ручками, и Дима, дождавшись, пока он останется в одних ползунках, взял сына и поднял его высоко над головой. Обрадованный Валерка залился весёлым смехом.

— Дим, осторожней, — скорее по привычке сказала Наташа, улыбаясь им обоим, — не урони...

— Кого, Валерку? — Дима опустил, потом снова подкинул смеющегося малыша, — Никогда в жизни не уроню.

— Ты ещё не завтракал? — она взялась за ручку двери, — Я иду на кухню.

— Не-а, — поймав сына в очередной раз, Дима прижался губами к румяной с мороза щёчке, — мы с тобой.

— Ну, тогда идёте, — Наташа широко распахнула перед ними дверь, — вообще-то, это будет уже обед.

Усадив Валерика на детский подвесной стульчик, прикреплённый к спинке большого стула, Наташа открыла холодильник, достала оттуда кастрюлю и поставила её на зажжённую плиту.

— Утром папа звонил, передавал тебе огромный привет.

— Спасибо, — Дима кивнул, — и ему от меня...

— Уже, — улыбнувшись, Наташа налила в тарелку разогретый борщ и поставила перед Димой, — передала. Кушай...

— Люди с утра кофе пьют... А я — борщ... — засмеялся Дима.

— Так уже не утро, — Наташка засмеялась в ответ, — утром ты только домой заявился.

— Так в России когда проснулся — тогда и утро, — Дима зачерпнул ложкой наваристый бульон, — слушай, а Валерка что, голодный?

— Почему? — удивилась Наташа, — Он каши налопался перед тем, как мы гулять пошли.

— Он такими глазами смотрит, как я ем, — Дима придвинул к себе стул, на котором сидел ребёнок, — давай-ка нам ещё одну ложку, поменьше...

— Дима, он не сможет борщ с ложки есть, — Наташа с сомнением покачала головой, подавая чайную ложечку, — он только пюре умеет кушать...

— Как это не сможет? Из папиной тарелки обязательно сможет! — Дима осторожно подул на ложку с золотистой ароматной жидкостью, потом поднёс её ко рту сына, — Давай, лопай, расти быстрее... Вот видишь! — кивнул он на малыша, который, старательно распробовав то, что дал ему отец, снова, как птенец, раскрыл ротик, ожидая новой порции понравившегося блюда, — Видишь!

— Давай, я его покормлю, а ты сам ешь, — Наташа протянула руку за ложкой.

— Не-а, мы с ним из одной тарелки будем, да, Валерка? — Дима зачерпнул ещё одну маленькую ложечку борща, — Папа будет свою вину заглаживать.

— Какую вину? — вытирая Валерику подбородок, Наташа удивлённо приподняла брови.

— Ну, как какую... — Дима виновато пожал плечами, — Я ж его забыл позавчера...

— Нет, Дим, ты его не забыл, — Наташа слегка улыбнулась, — Во-первых, ты очень устал. А, во-вторых, ты подсознательно чувствовал, что он в безопасности, ведь на самом деле так и было. Поэтому твоя память и не забила тревогу. Хотя, — она нахмурилась, — сначала я хотела тебя убить...

— Ну, примерно так и я подумал, — он вздохнул, — правда, утешение слабое...

— Тебе нужно отдохнуть, — она с сочувствием посмотрела на него, — Дим, у тебя просто ужасная нагрузка...

— Новый год отработаем, и отдохну, — он согласно кивнул, — неделю точно из дома вылезать не буду. Да, кстати... — он замялся, — Когда твоему отцу нужно ехать на операцию?

— В середине января, сразу после праздников, — Наташа посмотрела на настенный календарь, — у него уже направление есть, дата назначена, осталось только пройти необходимые исследования незадолго до того, как он ляжет в клинику. А что?

— Ну, тогда ещё успеваем... Ничего страшного, просто мне деньги чуть позже заплатят за выступления. Но ты не переживай, к сроку мы ему операцию оплатим.

— Дим... — Наташа посмотрела ему в глаза, — Я тебе так благодарна... Ты даже не можешь себе представить...

— За что?! — удивился Дима.

— За то, что ты оплатишь папе операцию. У него очень плохой прогноз, и, если его сейчас не прооперировать, он долго не проживёт... А таких денег у него, конечно, нет...

— Не говори глупости, это наши родители.

— Дим... А почему тебе гонорар сразу не выплатили? — до Наташи только дошёл смысл сказанного Димой, — Это только тебе или всем так?

— Наташ... — он немного помолчал, как бы взвешивая, стоит ей рассказывать всё или нет, — Наверное, я не должен тебе говорить, потому что это проблема только моя. Но тут очень серьёзное дело, и ты должна быть в курсе... В общем, Лапин поставил мне условие. Он не выплатит мне все гонорары до тех пор, пока я не восстановлю студию. Он считает, что

это я виноват в том, что произошло.

— Дим... Но ты ведь ни при чём, — Наташа растерянно посмотрела на него, — почему он так считает?

— Потому, что я не вызвал сразу полицию. Наташ, — он взял её за руку и успокаивающе улыбнулся, — ты не переживай. Сейчас мы с Сашкой едем в студию, будем смотреть, что уцелело. Всё, что можно, сами восстановим.

— А что нельзя?

— А что нельзя... — он задумчиво вздохнул, — Что нельзя будет восстановить, придётся купить. Но ты не волнуйся. Деньги на операцию будут вовремя, это сейчас самое главное.

— Дим... ты сам не волнуйся... — Наташа сжала его ладонь, — Езжай спокойно, главное, что я знаю, что ты не виноват. А мы тут пока новогодний стол будем готовить... — она попыталась улыбнуться как можно веселее, — Анна Сергеевна попросила ей помочь.

— Ну, значит, всё хорошо. Только родителям пока не говори, не нужно их расстраивать. А деньги будут вовремя, это я тебе обещаю.

* * *

Был уже шестой час вечера, а Дима с Сашей всё ещё находились в студии. Убрав битые стёкла и обломки компьютера, собрав разбросанную аппаратуру и проверив уцелевшее, молодые люди вышли, наконец, на улицу. Сашка курил, а Дима стоял за компанию, дыша морозным воздухом.

— Я думал, будет ещё хуже, — Говоров огоньком сигареты пытался ловить крупные снежинки, хлопьями падающие с предновогоднего неба, — микшер только скинули и вырвали провода, особых внешних повреждений нет, думаю, он вполне рабочий. С усилием — та же картина.

— Я тоже так думаю, — Дима задумчиво посмотрел куда-то вдаль, — но вот с остальным не так всё радужно. Синтезу полный пипец... Про гитару вообще молчу.

— Почём у нас нынче «фендеры»? — Сашка, прищурившись, затыкнул, — Сколько потянет?

— По-разному, — Дима усмехнулся, — эта, например, мой трёхдневный гонорар потянет. Не могла она другую какую-нибудь гитару разбить... Там и подешевле были...

— Ты всё же думаешь, что это Кристина? — вполголоса спросил Сашка, хотя рядом никого не было, — Хотя, кроме неё...

— Думаю, да, — Дима кивнул, — больше некому было.

— Не понимаю я тебя, Дима, — Сашка взялся за ручку двери, потянул её на себя, — почему ты молчишь-то? Тут в благородство играть не стоит, тут такая сумма на кону... Немного добавить и хорошую машину можно купить.

— Машина пока ждёт... Наташкиному отцу операцию на сердце нужно делать. Уже через две недели. Деньги нужны...

— Ну, так чего ты? — Сашка недоумённо посмотрел на Диму, — Тем более.

— Да сам уже жалею, — Дима шёл по коридору продюсерского центра с решительным выражением лица, — действительно, тут уже не до благородства... Но, Саня, теперь уже

поздно. Теперь все мои слова будут расценены как попытка всё свалить на Кристину. Доказательств, что она ушла после меня, нет.

— Вот говорил вам — ставьте видеокамеру на вход, — Сашка вошёл в аппаратную и, что-то заметив, склонился над микшерным пультом, — о, смотри, тут ещё бегунок сломан... как я сразу не увидел?..

— Да, была бы камера, не было бы проблем, — повторил Дима, — теперь что уже...

— Синтез штук сто пятьдесят, «фендер» штук семьдесят... Компьютер, ноут... колонка разбита... Дима, нужно что-то делать, — Говоров серьёзно посмотрел на Морозова, — даже если ты где-то займёшь денег и всё это купишь, то гонорар придётся всё равно отдать... На операцию где деньги возьмёте?

— Не знаю, — Дима покачал головой, — Наташке он выплатил... Но там не такая большая сумма, на операцию точно не хватит, и третьей части не будет. Если бы не долг Лапину, я бы ещё раньше всю сумму собрал без проблем.

— Так, может, поговорить с ним, что он, не подождёт?

— Поздно, Саня, я ему уже отдал то, что у меня было. А то, что заработаю, он мне теперь сам не отдаст.

— Засада...

— Не то слово.

— Дима, ты как хочешь, а я Лапе всё расскажу, — Сашка решительно посмотрел на друга, — ты не можешь — я смогу.

— Нет, Саня, не вздумай, — Дима выглядел очень серьёзным, — это даже не просьба. Я сам разберусь.

— Как ты разберёшься? — Сашка усмехнулся, — Если только Лапе всё расскажешь.

— Нет...

— А как?

— Есть вариант...

* * *

Выключив воду, Кристина осторожно вылезла из ванны и накинула мягкий, пушистый халат на влажное тело. Промокнув волосы махровым полотенцем, тряхнула головой — чёрные пряди рассыпались по плечам... Пересиливая желание пойти и тут же рухнуть в постель, взяла в руки фен.

Приехав ночью вместе с отцом в родительскую квартиру, она улеглась спать, но, проснувшись около полудня, нашла отца за бутылкой коньяка — Леонид Борисович в одиночестве пил рюмку за рюмкой, без закуски, обходясь лишь сигаретами. На вопрос, где мать, ответил не совсем внятно, и Кристина, набрав номер Милы, от неё самой узнала, что та ушла от Лапина... «Я к тебе заеду завтра, и мы поговорим, хорошо?» — вот и всё, что Кристина слышала от матери... Отцу же, судя по его состоянию, было тоже не до неё, и девушка, воспользовавшись его равнодушием, сама вызвала его автомобиль и от его же имени попросила водителя отвезти её домой.

После вчерашнего вечера в ночном клубе отца она чувствовала себя отвратительно. Небольшой бокал мартини почему-то не помог, и она решила принять ванну. И вот теперь, выйдя, наконец-то, в свою шикарную гостиную, взяла всё ту же бутылку мартини и налила

себе ещё немного.

Сегодня — Новый Год... Ей снова вспомнились прошлогодня встреча любимого когда-то праздника... Вот здесь, в этой квартире, они были с Димой вдвоём... Он казался таким весёлым и счастливым... или это ей только казалось? Во всяком случае, сама она точно была счастлива. Кристина огляделась вокруг: вот в этом углу стояла ёлка... Мерцали огоньки, две свечи на накрытом столе делали обстановку романтической, и Дима что-то интересно рассказывал... Он всегда очень интересно рассказывал... Только о чём?.. Вспомнить Кристина так и не смогла. Они тогда никуда не пошли, всю ночь пробыли вдвоём, а на следующий день, выпавшись, поехали к её родителям. Правда, вечером он отправился на концерт, а оттуда к себе домой, объяснив это усталостью. Он упорно не собирался к ней переезжать, говорил, что нужно немного снова привыкнуть друг к другу... Теперь ей это показалось смешным — им не нужно было привыкать, они много лет знали друг друга. Значит, он просто морочил ей голову... Она, кажется, уже в тысячный раз делает такой вывод... Что ж, за это нужно выпить.

Глядя, как прозрачная жидкость, пульсируя, наполняет широкий бокал, Кристина упрямо сжала губы. Только держать себя в руках, чего бы это ей не стоило... Она и так слишком раскрылась позавчера, когда, не удержавшись, кинулась на шею к Морозову... Он стал свидетелем её слабости... первой такой слабости в её жизни... Он просто вытер о неё ноги... Но нет худа без добра — он ответит за это... Он ответит за всю боль, которую причинил ей... Она его никогда не простит.

Выпив залпом напиток, она со стуком поставила бокал на столик. Год назад в это время она хлопала дверкой от холодильника и буквально летала по кухне, весело выкладывая закуски в приготовленную посуду... А сегодня она пьёт в одиночестве martini... и никого не ждёт... Господи, ну, откуда взялась эта матрёшка?!

Кристина снова вспомнила вчерашний вечер.

Наташа. Обыкновенная провинциальная матрёшка... Поёт, конечно, хорошо... Если не сказать больше. Кристина вдруг поймала себя на мысли, что, вспоминая Димину жену, она испытывает поистине физическую боль... Ревность? Да... Лучше не думать, не давать мыслям завладеть воображением... Она, действительно, красивая. Даже этот Игорёк — давний приятель отца, в свои сорок с лишним, кажется, серьёзно заинтересовался этой матрёшкой... Стоп! Она, действительно, вчера слышала кое-что... Алкогольный дурман стёр из памяти разговор отца с Фишером, но не до конца... Да-да!.. Игорь что-то говорил... она ему нравится, и он приехал посмотреть на неё... Интересный поворот!

Налив ещё martini, Кристина залезла с ногами на мягкий диван. Стало немного легче, и она уже без особого напряжения вспоминала всё, что видела и слышала в кабинете отца... Фишер — тёмная лошадка... мама не раз намекала, что он занимается чем-то грязным... то ли вербует молодых женщин для работы за границей, то ли подыскивает богатым «папикам» хорошеньких наложниц — не из тех, что на всё согласны... а нравственно устойчивых... Кристина усмехнулась. Вот будет забавно, если Наташа понравилась какому-нибудь пузатенькому «малышу», как называл своих клиентов Фишер в частных беседах с Леонидом... Ещё будучи девочкой-подростком, она несколько раз становилась свидетельницей таких бесед, забегая без стука в комнату отца или подслушивая под дверью... Вот так номер!..

За это не грех выпить ещё...

Звонок в дверь застал её врасплох.

Едва не расплескав содержимое, она поставила бутылку на столик. Поправив халат, вышла в прихожую, посмотрела в глазок и, усмехнувшись, повернула замок.

— Привет... — ехидно глядя на нежданного гостя, выговорила Кристина.

— Привет, — Дима стоял в дверях, сжав губы, — нам нужно поговорить...

— Ну, проходи... — она широко открыла дверь и пропустила его в квартиру, — Поговорим...

Не раздеваясь, он прошёл в гостиную и присел на диван.

— Выпьешь? — она кивнула на бутылку.

— Нет, — едва покачав головой, ответил Дима.

— А я выпью, — взяв налитый бокал, Кристина присела напротив него, в глубокое, мягкое кресло. Сделав несколько глотков, уставилась на гостя, — слушай, а твоя матрёшка знает, что ты ко мне пришёл? Следом не прибежит?

— Кристина... — игнорируя её колкость, он пристально посмотрел ей в глаза, — Я пришёл с тобой поговорить.

— Ну, так говори, — она сделала нетерпеливый жест, — только скорее, а то ко мне должны прийти.

— Ты должна сказать отцу правду, — Дима говорил твёрдым, уверенным тоном, — ты должна сказать всё сама.

— Сказать?! — сделав вид, что изумлена, девушка поставила бокал на столик, — О чём?!

— О том, что на самом деле произошло в студии, — он не сводил с неё строгого взгляда.

— А что на самом деле произошло в студии? — опьянев, Кристина кокетливо наклонила голову и искоса посмотрела на него, — Ты так загадочно говоришь, Дима... Я что-то тебя не пойму...

— Ты всё понимаешь. Ты сама должна сказать отцу, кто разбил аппарат и инструменты.

— А я что, знаю, кто это сделал? — она снова кокетливо бросила на него взгляд, — Дима... ты меня заинтриговал...

— Кристина, — он вдруг смягчил тон, — послушай меня, хорошо? Я, наверное, должен был сказать всё раньше... Я виноват перед тобой, я согласен с тем, что я — виноват. Я, наверное, поступил с тобой не совсем честно тогда, год назад... Я только думал, что всё вернулось... И ты из-за меня страдала. Кристина, — ей показалось, что он с теплом взглянул на неё, — мы и вправду с тобой не чужие... и поэтому я прошу меня простить. Простить за всё, в чём ты считаешь меня виноватым, я заранее согласен со всем. Прости меня...

— Что, Морозов... — она медленно подняла на него глаза, — Так денег жалко, что ты готов просить у меня прощения?!

— Я не о деньгах сейчас говорю, — Дима покачал головой, — я должен был сказать эти слова давно... ещё прошлой весной, когда окончательно понял, что у нас ничего не получится во второй раз.

— Зато я — о деньгах, — Кристина громко рассмеялась, — Господи-и-и... Морозов... Я

и вправду тебя не знала... Ради денег ты готов встать передо мной на колени! Слу-у-у-ша-а-а-й... — она с интересом посмотрела на него, — А вот если я сейчас скажу тебе, чтобы ты встал на колени... ты встанешь?

— Кристина, я серьёзно...

— А я что, не серьёзно? — она удивлённо приподняла брови, — И я серьёзно. Если ты сейчас встанешь передо мной на колени, я завтра расскажу отцу всё, что ты считаешь нужным... Ну, что, как тебе сделка?

— Кристина, мне не до шуток, — Дима устало покачал головой, — я несколько часов сегодня провозился в студии, убирал с Сашкой стекло и мусор, пытался восстановить аппаратуру. Дело в том, что разбита очень дорогая гитара, и эта гитара не принадлежит продюсерскому центру... Это — гитара Вадима Зимина. Разбит очень дорогой «Роланд», его не восстановить... компьютер, ноутбук... Я не говорю о тех трудах звукооператора Миши, которые пошли насмарку... Кристина, я не имею к этому никакого отношения, но я теперь должен купить все эти инструменты.

— А чем я-то тебе могу помочь? — Кристина высокомерно усмехнулась, — Димочка... Я-то тут при чём?

— Ты знаешь, что я этого не делал, скажи об этом отцу.

— Я не знаю, что ты этого не делал... Напротив, у меня есть мнение, что это сделал именно ты, — она цинично ухмыльнулась, — Димочка, за всё нужно платить... Абсолютно за всё. А тебе денежек жалко, да? — она участливо посмотрела на него, — Жалко?

— Нет, не жалко, — Дима шумно выдохнул, — Эти деньги я обещал дать на операцию Наташиному отцу, Валерию Фёдоровичу. Операция на сердце, это дело жизни и смерти... назначена через две недели, оплату нужно внести уже в ближайшие дни, чтобы они начали подготовку... Кристина, я обращаюсь к тебе... пожалуйста... Скажи отцу, кто это сделал.

— Морозов... — она захихикала, — А не вариант Наташиными гонорами оплатить операцию?

— Их не хватит, — Дима серьёзно посмотрел ей в глаза, — понимаешь, этих денег не хватит. Тем более, что твой отец поставил такие условия, что нам придётся её гонорар потратить на покупку инструментов... хотя бы части инструментов...

— Всё это очень красиво и благородно, — тон Кристины стал железным, — но, Дима, согласишься, что я не могу отвечать за чужие косяки... Хотя... — она вдруг заговорила вкрадчивым тоном, — а вот если... если бы я тебе предложила остаться сегодня здесь... встретить со мной Новый Год... А за это реабилитировала бы тебя перед отцом? Что бы ты мне ответил?.. А, Морозов? Всего одна ночь, и завтра — весь гонорар у тебя в кармане... И тесть — живой и здоровый.

— Это несерьёзно, — он нахмурился, — Кристина, мы не о том говорим...

— Тогда вот тебе о том, — она неуверенно встала и, показав рукой на дверь, резко выкрикнула, — уходи! Ты сделал свой выбор, и я не виновата... Я ничего говорить отцу не буду... И тебе он не поверит — даже не пытайся что-то ему доказывать, понял, Морозов? — она усмехнулась, — Иди... встречай Новый Год в кругу семьи...

Молча встав, Дима вышел в прихожую и переступил порог квартиры...

— Сволочь!.. — недопитая бутылка полетела ему вслед и, встретившись с захлопнувшейся дверью, рассыпалась по прихожей сотней осколков, растеклась бесцветной

лужицей, — Ненавижу!.. — уронив голову на руки, Кристина громко разрыдалась, — Не-на-ви-жу!..

«В лесу родилась ёлочка, в лесу она росла-а-а-а...» — на удивление стройным хором пела толпа, вливаясь в огромный хоровод, кружащийся вокруг огромной новогодней ели, установленной на городской площади неподалёку от дома, где жили Морозовы. Прошло уже целых полтора часа с тех пор, как куранты возвестили о наступлении Нового Года, и, устав сидеть за праздничным столом, многие горожане высыпали на улицу, чтобы покататься с ледяных горок, потанцевать в кругу знакомых и незнакомых, покричать и попеть, а так же выпить шампанского, припрятанного за пазухой, с первым встречным.

— Аня, осторожнее, не упади! — Александр Иванович, стоя внизу, беспокойно запрокинув голову, наблюдал, как развеселившаяся Анна Сергеевна отчаянно забирается на самый верх ледяной горки, — Давай, съезжай, я тебя здесь поймаю...

— Саша, уйди, ты мне только мешаешь! — Анна отчаянно махнула рукой, — Уйди, говорю!

— Давай, я ловлю! — несмотря на её протесты, Морозов-старший раскинул руки, но, поскользнувшись, рухнул на ледяную дорожку, так, что съехавшая сверху Анна врезалась в него, и они уже вдвоём очутились чуть поодаль — в сугробе.

— Ты не ушиблась? — он встревоженно посмотрел на жену.

— Нет, а ты? — весело спросила она.

— И я — нет, — поднявшись, Александр помог ей встать и отряхнуться.

— Что ты на меня так смотришь? — Анна удивлённо осмотрела себя, — Что, плохо снег стряхнула?

— Нет... — он, улыбаясь, не сводил с неё взгляда, — Анютка, ты такая красивая...

— Саша, ну, ты же знаешь, что я не люблю, когда ты меня так называешь, — нахмурившись, она поджала пухлые губы, но потом, не выдержав, рассмеялась, — ты меня ещё Нюрой назови.

— А у нас в деревне когда-то была продавщица Аня... Так вот, её все звали Нюся. Красивая была... А мы с Лёнкой классе в седьмом учились и всё бегали к ней за сигаретами. Она нам втихаря их продавала...

— Интересно-интересно... — Анна подозрительно посмотрела на мужа, — Что это за Нюся такая, ты мне никогда не рассказывал!

— Так и рассказывать не о чем, — он рассмеялся, — она уже взрослая женщина была, а мы — мальчишки ещё. Просто помню, что очень красивая.

— Так-так-так... — она шутливо взяла его за воротник, — Красивая, значит...

— Ну, не такая красивая, как ты, — он обнял её за талию, — ты у меня красивее всех...

— Что ты говоришь, — она кокетливо приподняла брови, — а ничего, что я уже бабушка?

— Ты самая красивая бабушка на свете, — приподняв её, он повернулся вокруг себя, но припорошенный снегом лёд не дал закончить пируэт: они снова вдвоём оказались в сугробе.

— Сашка, ты меня всю в снегу извалял, — не торопясь подниматься, Анна громко хохотала, — теперь я точно — снежная баба.

— Ты — Снегурочка, — он мечтательно улыбался, глядя на неё, — Анька, я тебя так люблю... Всю жизнь только тебя одну люблю...

— Правда? — она почему-то смутилась, услышав его признание, но потом шутливо толкнула его в плечо, — а мне иногда кажется, что у тебя появилась ещё одна дама сердца...

— У меня?! — он изумлённо приложил руку к груди, — Кто?!

— Наташа, — улыбаясь, она пытливо заглянула ему в глаза, — ты так за ней трясёшься, что невольно закрадываются сомнения...

— Аня, да Бог с тобой, — засмеявшись, он махнул рукой, — Наташа — это Димкина дама сердца, а мне она как дочка. Я всю жизнь хотел ещё дочку, но у нас с тобой не получилось, вот теперь хоть Дима привёл.

— Да я шучу, Саша, — поднявшись с его помощью, Анна отряхивала пальто, — шучу... Но ты, действительно, очень много уделяешь ей внимания.

— Аня, да ты, никак, ревнуешь?! — расхохотавшись в свою очередь, Александр обнял жену, — Ну, от тебя никак не ожидал!

— Ну, вот ещё, — она снова смутилась, — не болтай глупости, а то сейчас снова в сугробе окажешься!

— А я не против, — он, снова обняв её, подхватил и сделал шаг к сугробу.

— Ой-ой-ой, Саша! — Анна Сергеевна запищала тоненько, как девочка, — Я пошутила-а-а-а!..

— А я — нет...

— Саша-а-а-а!..

— Смотри, какие звёзды... — он запрокинул голову, — Новогодние...

— Да-а-а... — Анна тоже посмотрела вверх, — Такая красота в этом небе... А когда мы с тобой в последний раз вот так гуляли?

— Я уже и не помню... — он, улыбаясь, пожал плечами, — Давно.

— Вот так жизнь и прошла... — Анна вздохнула и взяла мужа под руку.

— И ничего не прошла. Знаешь, вот удивительная вещь... Появился Валера, и я стал чувствовать себя намного моложе.

— Да?! — Анна с удивлением повернула к нему лицо, — А я думала, что это только у меня такое ощущение. Мне тоже кажется, что я стала моложе, во всяком случае, в душе... Дети переворачивают нашу жизнь. Мне тут на днях наша преподаватель иностранного пожаловалась, что после женитьбы сын очень изменился, стал отдаляться от родителей. Они во всём винят невестку. А я подумала о Диме... Мне кажется, что он, каким был, таким и остался. Знаешь, — она усмехнулась, — я даже стала привыкать к его Наташе. Даже больше... Я к ней привыкла. И иногда ловлю себя на мысли, что не хочу, чтобы Дима поскорее купил квартиру... Вот сейчас, именно сейчас, меня всё устраивает. Сын с нами, внук — тоже... А Наташа... она, действительно, уживчивая, неконфликтная, послушная... с Димой они дружно живут...

— Ну, и чего ещё нужно? — Александр улыбнулся жене, — Аня, у нас с тобой всё просто замечательно!

— Да, замечательно... — Анна задумалась, как будто вспомнила о чём-то, — Просто... понимаешь, просто я привыкла к мысли, что Диминой женой будет Кристина. И я не могу себя перебороть, хотя и стараюсь.

— Ань, — Александр сжал её локоть, — посмотри на Димку — он ведь счастливый. По-моему, это — самое главное. И потом... — он замялся, — Я тоже люблю Кристинку, просто как дочь моего друга... Но... Иногда, в некоторых ситуациях, представляю Кристину на месте Наташи и, знаешь, не в её пользу.

— Что ты имеешь в виду?

— Ну, вот, например, вчера... Они с Димкой в последние дни дома почти не показывались, она с ним наравне работала, а ещё Валерик... Хотя мы с тобой с ним и возимся, но основная нагрузка всё же на ней.

— Ну, и что? — Анна нетерпеливо посмотрела на мужа, — Что вчера произошло, я уже и забыла...

— Ты вчера на пыльном пианино в гостиной сверху что написала?

— «Наташа», — Анна едва улыбнулась, — я ей не стала указывать, а так мягко намекнула, что нужно пыль стереть...

— Ну, и что она сделала?

— Ну, вытерла... — Анна непонимающе смотрела на Александра, — Саша, ты к чему клонишь?

— А я представил: как отреагировала бы Кристина?

— Ну, и как? — закусив губу, Анна смотрела себе под ноги.

— Она бы в лучшем случае проигнорировала эту твою надпись... А вообще — написала бы тебе ответ на том же пианино. Или высказала бы вслух своё мнение о том, кто должен убирать гостиную...

— Не знаю, — Анна пожала плечами, — может, ты и прав...

— Всё же мы с тобой счастливые, Анечка, — Александр обнял жену за плечи, — хотя бы потому, что дожили до того, что нас дети отпустили погулять в новогоднюю ночь, а сами сидят дома с ребёнком, а не наоборот...

— Ой, Сашка! — она расхохоталась в ответ, — Подвёл черту, называется...

— С новым годом, Аня, — он сильнее прижал её к себе, — с новым счастьем!

— С новым годом! Ой, телефон звонит, — Анна достала из кармана мобильный телефон, — начинаются поздравления... Лёня?! — услышав голос Лапина, она бросила мимолётный взгляд на мужа и уже в который раз за сегодняшнюю ночь смутилась, — Лёня, привет! С новым годом тебя!

— Аня... — голос Леонида показался ей странным, — Аня... с новым годом... Аня... мне так плохо... ты даже не представляешь... — Лапин говорил не совсем уверенно, и Анна догадалась, что он пьян, — Аня... мне плохо...

— Лёня, что случилось, — она встревоженно нахмурила брови, — а где Мила?

— Что такое? — Александр тоже встревожился, глядя на жену, — Ань, что-то случилось?

— Да, Лёня, я тебя слушаю... — махнув рукой на мужа, она сосредоточенно прислушивалась к непонятным звукам в телефоне, — Где Мила, Лёня?

— Мила... — он пьяно вздохнул, — Анька... приезжай ко мне... пожалуйста... Приезжай...

— Лёня, тут вот Саша тебе привет передаёт, — сделав ударение на имени супруга, Анна осторожно посмотрела на него самого, — он тебя поздравляет...

— Анька... — пьяно сопел Лапин, — хоть ты меня не бросай...

— Да, Лёня, — она попыталась улыбнуться, но улыбка не получилась и, снова украдкой взглянув на Александра, Анна попыталась перевести разговор в другое русло, — дай, пожалуйста, трубочку Миле, я хочу её поздравить...

— Да какая к чертям Мила?! — взорвался Леонид на том конце, — Нету её.

понимаешь, не-ту!

— Господи... А что с ней?!

— Не что... а кто... Любовник с ней, понимаешь?! Любовника себе завела... Сука... —
Анне показалось, что мужчина плачет, — Анька... Анька... приезжай ко мне...

— Лёня, мы с Сашей завтра к тебе заедем... Днём... — не совсем уверенно проговорила
Анна.

— К чёрту твоего Сашу... — со злостью ответил Лапин, — к чёрту всех... Анька... я
хочу видеть только тебя...

— Хорошо, Лёня, я ему передам твои поздравления, — деланно улыбаясь, она отвела
руку мужа от телефона, который Александр всё время пытался забрать из её рук, — ещё раз с
новым годом тебя... Всего хорошего!

— Что там случилось? — Морозов-старший нетерпеливо смотрел на жену, которая
поспешно нажала на «отбой» и спрятала телефон в карман, — Аня, что такое?

— Да выпил лишнего твой друг, — она рассмеялась через силу, — с Милой
поссорились, насколько я поняла, вот и не в настроении.

— Ну, это дело молодое, — Александр с облегчением вздохнул, — помирятся, куда им
друг от друга деваться.

— Ну, да, конечно, — Анна задумчиво смотрела себе под ноги, — Саша, что-то я
замёрзла, может, домой пойдём?

— Ну, пойдём, только теперь я с горки прокачусь, хорошо?

...Вытянув ноги, Дима полулежал на мягком угловом диване в гостиной, закрыв глаза и
блаженно улыбаясь. Встретив новый год и немного посидев за накрытым столом, родители
ушли гулять, а они с Наташей остались дома. Ёлка мерцала разноцветными огоньками,
зажжённые свечи делали праздничную ночь поистине романтической, и Наташка, усевшись
на колени к мужу, перекладывала пряди его длинных волос то вбок, то назад, то и дело
нежно прикасаясь губами к его лицу, так, что Дима, сидевший вначале неподвижно, теперь
всё крепче сжимал руки у неё за спиной.

— Димка... я такая счастливая... — прошептала она, целуя его в очередной раз, — Я
впервые встречаю новый год с тобой...

— Да? — хитро улыбаясь, он приоткрыл один глаз, — И я впервые встречаю новый год
с тобой... какое совпадение...

— Я так тебя люблю... Димка...

— Надо же... ещё одно совпадение...

— Смеёшься, да? — она грустно вздохнула, — ну и ладно... а я всё равно тебя люблю...

— Интересно, — пряча улыбку, Дима посмотрел ей в глаза, — если бы не шампанское,
ты бы меня так же любила?

— Я бы тебя вот так любила... вот так... и вот так... — приговаривая, она осыпала
поцелуями его лицо, — и не только так...

— И я бы тоже не только... — многозначительно прошептал он в ответ, прижимая её к
себе, — по-моему, нужно пойти посмотреть, как там Валерик... Идём?..

— Идём...

— Наташка... как же ты встречала прошлый новый год? — чуть позже, лёжа в их

комнате на кровати, он, не отрываясь, смотрел, как вздрагивают её длиннющие ресницы, — ты ведь мне не рассказывала.

— Ты не спрашивал, — улыбаясь с закрытыми глазами, она смущённо пожала плечом, — а встречала... встречала в ресторане, вместе с персоналом. Мы работали всю ночь, по очереди уходили немного отдохнуть... но потом Женька с Петровичем наладились, — она тихонько рассмеялась, — и мне пришлось петь и играть одной... В семь утра вызвала такси и уехала домой. А вечером первого — опять работала. И второго... и третьего...

— Как же ты выдержала... — Дима посерьёзnel, — Даже к отцу не поехала...

— Я потом поехала, после праздников. Выдержала, — она открыла глаза и посмотрела куда-то вверх, — если честно, самое тяжёлое было — это переносить запахи... я уже ненавидела кухню, меня тошнило от одного этого слова... Петрович меня очень жалел, всегда приносил мне какие-то особые леденцы, они немного помогали. А, вообще, всё нормально было, даже весело... иногда...

— Если бы я только знал...

— Ты, ведь, не мог знать, правда?

— Я должен был тебя найти тогда, осенью. А я только звонить пытался... ты симку сменила, я не знал твоего нового номера... Я и решил, что ты окончательно порвала со мной.

— Знаешь... — как будто что-то вспомнив, она несколько секунд помолчала, — Знаешь, я ведь звонила тебе.

— Когда?! — он приподнялся на локте и вопросительно посмотрел на неё.

— Ровно год назад, — видимо пожалев о том, что сказала, Наташа закусилa губу.

— Но я...

— Ответила женщина...

— Господи... — опустив голову, он прикрыл глаза, — Так это ты звонила...

— Уже под утро мне перезвонили с твоего номера и сказали... сказали, чтобы я больше никогда на него не звонила.

— Странно... Я потом не нашёл входящего звонка... Исходящего тоже не было...

— Видимо, их вовремя удалили, — она грустно улыбнулась.

— Прости меня... — он крепко прижал её к себе, — прости... я виноват во всём...

— Ну что ты... ведь всё уже хорошо... правда?

— Правда. Но я всё равно не могу себе простить, что ушёл тогда...

— Всё-всё... — она закрыла ладошкой ему губы, — я виновата сама. И, вообще, сегодня новый год, — где-то, в глубине души у неё промелькнула мысль о том, как он сам встречал прошлый новый год, и, как будто услышав её, он вдруг тяжело вздохнул:

— А я плохо помню свой прошлый новый год. Я вообще ничего не помню, Наташа, из того, что было без тебя.

— Ну, и ладно... — она провела рукой по его волосам, — Пойдём за стол? Кажется, дверь хлопнула — родители вернулись...

— Наташка... — он задержал её в своих объятиях.

— Что?..

— Ты спрашивала, что подарить мне на новый год?

— Спрашивала...

— А я что сказал?

— Сказал — себя... — она рассмеялась.

- Я передумал...
- Что?!
- Нет, не в том смысле...
- А в каком?..
- Себя... с маленькой девочкой внутри...
- Дима!..
- Всё... новогодние желания должны исполняться...

* * *

После возвращения Димкиных родителей вся семья снова собралась за новогодним столом.

— Ребята, мы сейчас так здорово погуляли, — Александр открыл очередную бутылку шампанского, — так, девочкам шампанское... мальчикам...

— Мальчикам тоже... — Дима подвинул свой бокал, — мешать не хочется. Пусть сегодня будет шампанское...

— А мне совсем чуть-чуть, — Наташа сделала жест ладошкой, — всё, хватит...

— Ну, раз так... — Анна Сергеевна, воодушевлённая ночной прогулкой, подняла на мужа взгляд, — Раз так, то мне, пожалуй, водочки... Саша, наливай...

— О! У меня появился собутыльник, — засмеялся Морозов-старший, наливая ей в рюмку водки, — и это радует... И вообще... Меня очень многое радует, — он стоя поднял свою рюмку, — ребята, так хорошо, как сейчас, мне ещё никогда не было. Честно. Я не знаю, как я раньше жил без внука... Я не знаю, как мы раньше жили без тебя, Наташа, — несмотря на брошенный Анной насмешливый взгляд, Александр повернулся к невестке, — да-да, не удивляйся... Я всегда хотел дочку, но, кроме Димки, детей у нас так и не было... Зато теперь у меня есть и сын, и дочь, и внук. Ну, и, конечно, моя любимая Анечка, — он приобнял жену, — ребята, я счастлив. И предлагаю выпить за то, чтобы у нас всё было хо-ро-шо!

— Согласен полностью, — Дима тоже обнял порозовевшую от смущения Наташу и протянул свой бокал, чтобы чокнуться со всеми, — и, чтобы ты, па, был ещё счастливее, мы обещаем в этом году подарить тебе внучку.

— Что?! — Анна Сергеевна вытаращила на сына глаза, — Дима, какая внучка, вы ещё Валерика на ноги не подняли!

— Не слушайте его, Анна Сергеевна, — Наташа успокаивающе улыбнулась свекрови, — он пошутил.

— Шутник... — Анна укоризненно покачала головой, — Ребёнку полгода едва исполнилось, а ему ещё захотелось...

— А я не против... — Александр одобрительно кивнул, — Димка правильно рассуждает. Пока молодые, надо детей рожать, а то потом уже и не захочется.

— Саша, и ты туда же! — Анна возмущённо посмотрела на мужа, — Они этого-то теперь не видят, куда им ещё одного?!

— Будем с собой брать на гастроли, — Дима махнул рукой, — цыгане, вон, вообще в кибитках рожают.

— Ой, ну вас, — Анна махнула рукой на смеющихся сына и мужа, — болтаете, Бог

знает, что... Лучше дверь откройте, звонят.

Услышав звонок, Наташа выбежала в прихожую. Витька с Юлей и Вадимом Зиминим, все в снегу и конфетти, буквально ввалились в квартиру.

— С но-вым-го-дом! — хором проскандировали Юлька и Витька. Вадим, скромно промолчав, только кивнул.

— Ой, ребята-а-а-а! — Наташа кинулась на шею Юле, потом Мазуру, потом, немного подумав, обняла Зимина, — Какие вы молодцы, что пришли... Раздевайтесь!

— Да мы на минутку, — Юля сняла пальто и осталась в шикарном платье золотистого цвета, — решили навестить всех семейных «патрулей».

— Ага... — Витька повесил куртку на вешалку, — У Говорова были, теперь к Димону пришли. А где он, кстати?

— Там, — Наташа махнула рукой в сторону гостиной, — проходите! Вадик, не стесняйся, — заметив, что Зимин замешкался, она взяла его за руку и провела к дверям, — проходи!

Поздоровавшись, познакомившись и поздравив друг друга с новым годом, вся компания уселась за стол. Выпив, закусив, посмеявшись от души с молодёжью, Анна Сергеевна и Александр Иванович под утро ушли к себе отдыхать. Воспользовавшись тем, что ребята увлеклись разговором о предстоящих в феврале гастролях, Юля тронула Наташу за руку:

— А где ваш наследник престола?

— Спит, — улыбнулась Наташа, — хочешь посмотреть?

— Хочу, я его давно не видела, — Юля с готовностью кивнула.

Проведя её в их с Димой комнату, Наташа наклонилась над детской кроваткой и ласково погладила сына по голове.

— Ой, как у вас тут здорово-о-о-о... — Юля восхищённо оглядела комнату, уютно обставленную красивой спальней мебелью, которую удачно дополнял детский уголок — кроватка, манеж, расставленные везде большие мягкие игрушки и огромная корзина с мячиками, — Слушай, Наташ, комната — супер! И большая, и уютная. Значит, вы тут с Димой и живёте?

— Да, это Димины комнаты, — Наташа кивнула, — а теперь и наша с Валерой.

— Слушай, он так вырос, — глядя на спящего малыша, Юля улыбнулась, — настоящий мужичок.

— Да, растёт, — Наташа встала рядом, облокотившись о спинку кроватки, — уже полгодика.

— Скоро братика у вас себе запросит, — Юля засмеялась, — или сестричку.

— Ну, ты ещё начинаешь, — Наташа махнула на неё рукой, — тут Димка как с цепи сорвался, дочку требует...

— Серьёзно? — Юля приподняла брови.

— Ещё как, — Наташа нахмурилась, — при чём, начал требовать ещё когда Валерику только два месяца было.

— Так радуйся, — Юля загадочно улыбнулась, — мужчины хотят детей только от очень любимых женщин. А, если Дима хочет сразу несколько детей, то он видит рядом с собой только тебя на всю оставшуюся жизнь.

— Но не так же быстро, — Наташа с сомнением покачала головой, — Валерик такой маленький...

— Просто ему хочется полную семью — чтобы и сын, и дочь, и любимая женщина, и всё это как можно скорее, — Юля вздохнула, — вот меня Мазурик о детях не умоляет...

— Дима хотел ребёнка сразу, как только мы стали жить вместе, — Наташа говорила тихо, чтобы не разбудить сына, — мы тогда ещё не были женаты... Он о свадьбе молчал, но всё время ждал, что я забеременею... Главное, не говорил ничего... а только спрашивал, как я себя чувствую по утрам... — она тепло улыбнулась, — А уж потом, когда сделал мне предложение, вообще глаз не спускал, всё следил, не кружится ли у меня голова, не тошнит ли...

— Ну, так в чём же дело? — Юля улыбнулась ей в ответ, — Роди ему ещё и дочку... Родители вам помогают, а сольную карьеру ты всё равно сделаешь. Ты очень талантливая.

— Понимаешь, — Наташа вдруг погрузилась, — есть одно обстоятельство...

— Какое? Секрет?

— И да, и нет... — Наташа вздохнула, — я Диме не хочу говорить... потому что маленькая надежда всё же есть... Но, на девяносто процентов — у меня бесплодие. После того, как я Валерика родила, у меня было осложнение.

— Да, я помню, — Юля участливо посмотрела на неё, — и что, из-за него, да?

— Да... Меня спасли, но... неудачно... в общем, мне врач сказал, что вряд ли я смогу ещё когда-нибудь иметь детей. А Дима — как назло, только и говорит о детях.

— Почему ты ему не скажешь?

— Я боюсь...

— А лечение?

— Это очень дорого. Дима выплачивает долг Лапину, а я сама ещё не столько зарабатываю, чтобы думать о лечении. Да и папе нужны деньги на операцию, а тут неприятности со студией... В общем... навалилось...

— Слушай, Наташа... — Юля замаялась, как бы взвешивая, говорить или нет, — Я не знаю, нужно ли говорить тебе, и должен ли об этом знать Дима, но... Именно для этого разговора я сегодня и притащила Мазурика к вам. По телефону такие вещи не обсуждаются, мне нужно было увидеть тебя...

— Что случилось? — испуганно спросила Наташа.

— У меня есть информация, что некто наводил справки у знакомых мне людей о том, как можно заказать фильм: сколько это будет стоить, к кому обратиться по поводу сценария, как потом выйти с этим фильмом на центральные каналы... Я не могу назвать тебе источник этой информации, но за одно могу ручаться: это за достоверность.

— И — что в этом плохого? — Наташа пожала плечами.

— На первый взгляд — ничего плохого. Но, скажу тебе, как человек причастный, просто так такие вещи не делаются... Тут может быть только очень серьёзный коммерческий интерес... Или ещё хуже — личный.

— И — что? — Наташа непонимающе посмотрела на Юлю, — Какое отношение это имеет ко мне?

— Прямое, — Юля выдержала паузу, — этот фильм должен быть о тебе. И мне это не

нравится.

Игорь Николаевич сидел в своей комнате и с интересом смотрел видео. Виски в бутылке закончился, сигарета потухла, но он всё не сводил взгляда с экрана огромного телевизора. Друзья, с которыми он встречал новый год, ещё спали в гостевых комнатах, но он совершенно не тяготился одиночеством, вот уже второй раз подряд просматривая видеозапись позавчерашнего выступления белокурой девушки в клубе «Кристалл», девушки с удивительно красивым голосом и удивительно печальными глазами цвета крепкого чая... Наташа... Глядя на неё, он снова и снова ловил себя на мысли, что, несмотря на свои сорок один год, он ещё ни разу в жизни не испытывал такого чувства. Девушка ему не просто нравилась, она заполнила всё его существо, не оставив места другим чувствам и эмоциям... Старавшийся всю жизнь оставаться в тени, он в последние дни, как мальчишка, летел в ночные клубы своего давнего знакомого Лапина, лишь бы увидеть её, пусть издалека, пусть с монитора, но — увидеть... Услышать её голос...

Он и сам не понимал, когда и как это произошло... Тогда, полтора года назад, когда он заказал себе «поющих девочек», Наташа попала в его дом. Девочка ему сразу понравилась, она производила впечатление невинного ребёнка и была несколько напугана обстановкой... Кое-кто из гостей тогда захотел поближе познакомиться с юной белокурой певицей, и Игорь долго не выпускал её, пока этот «кое-кто» дожидался свою машину. Он и сам был не против познакомиться с ней поближе и уже подумывал, как переиграть ситуацию.

Всё испортил Артём... Избитую им Наташу пришлось отпустить домой.

Встретив её теперь, через полтора года, на премьере новогоднего шоу, Игорь не мог отвести от неё глаз... Вернувшись домой, он ловил себя на мысли, что снова и снова думает о ней. Она не была похожа на женщин, которые его окружали. Она не была на них похожа своей естественностью, непосредственностью и какой-то удивительной внутренней теплотой, исходившей от неё. Ему казалось, что он чувствует это тепло физически. Он не узнавал себя... Впервые в жизни женщина заняла в его душе приоритетное место... Все его предыдущие женщины, начиная с бывшей жены, матери Артёма, всегда обвиняли его в крайней эгоистичности. Но теперь он сам чувствовал потребность услужить, угодить, одарить. Эта девушка пока была недостижима — за эти полтора года она вышла замуж и родила ребёнка.

Несмотря ни на что, Игоря совершенно не смущали эти факты. Привыкший по роду своей чёрной деятельности ломать и калечить чужие судьбы, он никогда не задумывался о препятствиях, считая, что для достижения цели можно использовать любые методы, ведь главное — добиться своего...

— Привет... — Артём удивлённо заглянул в дверь, — ты дома?

— Как видишь, — поставив видео на паузу, в свою очередь удивился Фишер, — а ты что, уже вернулся?

— Не вернулся, — сын хмыкнул, — у меня деньги кончились. Пап, дай денег? Ну, чтобы я в твой сейф сам не лазал...

— Какой воспитанный сын, — Игорь усмехнулся, — а если бы меня дома не было, что не полез бы?

— Ну... полез бы... — Артём пожал плечами, — Но ты же дома. Дай денег?

- У тебя на карте была приличная сумма.
- Ну, так была же... Сейчас-то уже нет.
- Как можно было за одну ночь прокутить столько денег?!
- Можно и больше, — Артём невозмутимо смотрел на отца, — пап, дай денег...
- Зайди, — Игорь кивнул головой, — мне нужно с тобой поговорить.
- А денег дашь? — Артём нехотя вошёл в комнату.
- Сядь...
- Ну, сел... — сын лениво присел напротив отца.
- Ты не хочешь восстановиться в колледже? — Игорь достал сигарету и, прикурив, пристально посмотрел на Артёма.
- Я что, дурак?
- А что, только дураки учатся?
- Ну, так потому и учатся, что дураки, — парень отвлечённо смотрел в окно, — а я не дурак, мне-то зачем учиться?
- Как ты представляешь себе свою дальнейшую жизнь?
- Па, меня там ждут... Дай денег, и я пойду?
- Ну, в общем, я тебя понял, — Игорь закинул ногу на ногу, — и другого не ожидал.
- Ну, тогда зачем воздух зря сотрясать? — сын пожал плечами, — Пап, мне некогда... Ну, что мне, самому в сейф лезть?
- Туда ты уже не залезешь, я поменял код.
- П-ф-ф-ф... — подняв глаза к потолку, Артём едко усмехнулся, — Пап, ну, ты же знаешь, что мне все эти коды до фонаря...
- В общем так, — пристально глядя сыну в глаза, Игорь говорил, чеканя слова, — я решил отправить тебя в Англию, к матери.
- Что я там не видел?! — парень возмущённо посмотрел на отца, — Никуда я не поеду.
- Поедешь. Или я собственноручноведу тебя в военкомат, или ты едешь в Англию. Выбирай.
- Я не хочу к матери, — Артём со злостью сжал губы, — Что я там забыл?
- Ты забыл там учёбу.
- Я не хочу туда. Я не хочу жить с этим придурком, её муженьком.
- Ты с ним и не будешь жить. Ты будешь жить при колледже, в котором будешь учиться, он закрытого типа. Договорённость уже есть, мать оформляет документы. Как только она их оформит — делаем тебе учебную визу, и ты улетаешь.
- Ещё лучше... — парень расстроено посмотрел на отца, — пап, я не хочу туда...
- Артём, тебе уже двадцать лет, а ты как бурьян, — Игорь говорил сквозь зубы, — здесь ты учиться не хочешь, пьёшь, шляешься по кабакам, я с тобой не справляюсь... Короче, выбирай. Или тут — армия, или в Англии — колледж.
- Чёрт с вами, — парень злобно сжал губы, потом, взглянув на отца, крикнул, — Денег дай?
- Сейчас принесу, — Игорь поднялся с кресла, — значит, я звоню матери, что ты едешь.
- Звони... — процедил Артём, — папочка...

Дождавшись, пока за отцом закроется дверь, парень молча встал и, засунув руки в карманы брюк, подошёл к окну. Некоторое время, кусая губы, смотрел на заоконный пейзаж,

потом, резко повернувшись, прошёл к дивану, взял в руки пульт и, щёлкнув, устоялся на экран.

— Что, новая жертва? — ухмыльнувшись, он посмотрел на вернувшегося в комнату отца.

— Языком не болтай, — Игорь отсчитывал купюры, — я просто смотрю концерт.

— Ты просто так ничего не смотришь, — снова ухмыльнулся сын, — мне-то можешь не свистеть.

— Ты как со мной разговариваешь?! — отец, не выдержав, стукнул кулаком по столу, — Пришёл за деньгами, так хоть для приличия разговаривай вежливо, как с отцом.

— Хорошо... Вежливо интересуюсь, что за тёлка? — Артём кивнул на Наташу, — Где-то я её уже, кажется, видел...

— Может, и видел, — нехотя ответил Игорь.

— Ничего тёлка... — Артём исподлобья смотрел на экран, — Я бы не отказался...

— Какая это тебе тёлка?! — отец неожиданно сорвался на крик, — Что за слово выдумал?! Чтобы я больше таких слов от тебя не слышал!..

— Папик... — изумлённо сдвинув брови, Артём медленно повернулся лицом к Игорю, — Ты не для себя ли присмотрел?.. А?!

— Не твоё дело, — Игорь со злостью швырнул деньги на стол, — вот, бери и убирайся отсюда...

— Ты что... меня гонишь?.. — парень говорил медленно, членораздельно, не сводя с отца недоумённого взгляда, — Папик... Уж не ради ли этой тёлки ты меня готов к матери упечь?!

— Ничего себе — упечь! — возмущению Игоря не было предела, — Да другой бы за счастье посчитал поехать учиться в Англию!

— Папа... — Артём смотрел отцу в глаза, как будто пытался в них найти ответы на свои вопросы, — Ты мне только скажи... это — что? — он кивнул головой на экран, — Это — то, о чём я подумал?..

— Я не знаю, о чём ты подумал Артём, — Игорь отмахнулся от него, как от назойливой мухи, — всё, забирай деньги и иди к своим друзьям. Не мешай...

— Не ме-шай?! — сын переспросил по слогам, как будто не понимая смысла сказанного, — ты это — серьёзно?! Я мешаю смотреть тебе вот эту отстойную запись?! Да-а-а... — он с какой-то горечью покачал головой, — конкретно тебя торкнуло, папик... Я от тебя не ожидал...

— Прекрати, Артём, — строго ответил Игорь, — ты неправильно меня понял.

— Ты думаешь?! — сын усмехнулся, — Ну, ладно... не буду тебе мешать... — он уже хлопнул дверью, но потом вдруг снова открыл и, заглянув в комнату, с ухмылкой добавил, — Это же клуб дяденьки Лапина, кажется?.. Я постараюсь сегодня найти с ней общий язык...

— Только попробуй подойти!.. — кинувшись вслед за ним, Игорь встретился с захлопнувшейся дверью, — Щенок...

* * *

Наташа сидела перед зеркалом в гримёрной ночного клуба. Накладывая макияж, она не

сводила глаз с отражения входной двери. Наконец, увидев, что дверь открылась, резко обернулась к вошедшему Диме.

— Ну, что? — она тревожно посмотрела на него, — не приехал ещё?

— Не-а, — он растерянно пожал плечами, — осталось пятнадцать минут до начала, а его нет...

— Может, что-то случилось?

— Не знаю... У него телефон отключен.

— А если он не придёт? — она закусила губу, — Что будем делать?

— Понятия не имею...

— Дима, приехал! Макс приехал! — Илья заглянул в дверь, — Только что...

— Ну, слава Богу, — Наташа с облегчением вздохнула, — у меня было такое чувство, что ко мне жених на свадьбу не пришёл...

— Да? — Дима с подозрением покосился на неё, — Интересные у тебя ассоциации...

— Да ладно тебе, — она рассмеялась, — просто я очень переживала.

— Дима, — не прошло и минуты, как Илья снова заглянул в дверь, — там это... ну, короче, радоваться нечему...

— В смысле? — Дима удивлённо посмотрел на юношу, — Почему?

— Да он пьяный в хлам... — Илья для убедительности сжал губы и покачал головой, — «Мама» не выговаривает...

— Вот так номер... напился твой жених, — глядя на Наташу Дима усмехнулся, — придётся тебе со мной век доживать...

— А что теперь делать? — она испуганно округлила глаза, — Дим... ты сходи сам посмотри, может, он ещё успеет отрезветь?

— За десять-то минут? — Дима усмехнулся и открыл дверь, — Схожу, конечно... Сиди пока здесь.

Оставшись одна, Наташа ещё раз оглядела себя в зеркало. Всю предстоящую неделю ей придётся выступать в новогоднем шоу вместо Ули — вплоть до Рождества. В отличие от Димы, она была рада этому обстоятельству: пусть небольшой, но гонорар ей обеспечен. Если бы не происшествие в студии, она бы не волновалась — они вдвоём с Димой заработали бы за праздник достаточно, чтобы оплатить операцию её отцу. Но теперь, когда Лапин приостановил выплаты, ситуация изменилась. Денег на то, чтобы купить все инструменты, не хватало, вернее, их не было вообще. Свои предыдущие гонорары Дима уже отдал Лапину, а Наташины они решили отдать Вадиму — его разбитая гитара стоила огромных денег, и нужно было купить равноценную.

Теперь вся надежда была на деньги за участие в новогоднем шоу и на честность Лапина, который обещал вернуть Диме его гонорары, как только он восстановит студию. И сделать всё это нужно было в крайний срок — дата операции приближалась с каждым днём...

— Ну, как он, Дим? — увидев, как открывается дверь, Наташа решила, что это Дима, и стремительно бросилась к входящему человеку.

— Оп-паньки... — вошедший парень ухмыльнулся, глядя на неё, — Какая встреча...

— Что тебе нужно?.. — узнав в нём Артёма, она вдруг побледнела от неожиданности.

— Да ничего, — тот, окинув её взглядом с ног до головы, отступил назад, — дверью ошибся...

Глядя на то место, где только что стоял сын Игоря Николаевича, Наташа не могла сдвинуться с места — ноги, как и при встрече с его отцом, стали ватными, сердце учащённо забилося, отдаваясь пульсом где-то в висках...

— Что с тобой? — Дима испуганно схватил её за плечи, — Наташка, что случилось?

— Всё нормально, — придя в себя, она подумала, что даже не заметила, как Дима вошёл в гримёрную — такими сильными были оцепенение и страх от встречи с Артёмом.

— Сюда кто-то заходил? — Дима тревожно смотрел ей в глаза, — Почему ты дрожишь?

— Да... — шёпотом ответила Наташа, — Сын Игоря Николаевича... Я его узнала.

— Он тебе сделал что-то плохое? Наташа, не молчи...

— Нет. Он только заглянул и вышел.

— Тогда почему ты так выглядишь?

— Я испугалась...

— Ну, нельзя же так... ну, что ты... — обняв её, как ребёнка, Дима глубоко вздохнул, — Так же нельзя...

— Я всегда так реагирую, когда мне страшно...

— Ну, всё... всё... успокойся... Мне сейчас нужно уйти, если хочешь, иди в мужскую гримёрку, все ребята девчонки там...

— А ты куда? — она вцепилась в его руку, — Я с тобой...

— Нет, иди лучше к девчонкам... А я быстро — к артдиректору. Нужно что-то решать. Макс — никакой... Времени уже не осталось, я не знаю, что делать.

Войдя в мужскую гримёрную, Наташа заметила, как все притихли — видимо, разговор шёл о ней или о Диме. Почти вся женская часть коллектива сидела с недовольными лицами, в отличие от хихикающих между собой парней. Увидев Макса, который спал за туалетным столиком, положив голову на руки, Наташа подошла к нему и легонько тронула за плечо.

— Макс, ты как? — осторожно спросила она, но он даже не пошевелился.

— Да бесполезно! — махнула рукой Наргиза, — Ты что, думаешь, мы его без тебя не пытались оживить?

— А Кристины тут не было? — Наташа обвела комнату взглядом, — Его лучше домой отвезти...

— По-моему, они поругались, — подала голос Алёна, — Кристина здесь, но к нему не подходит.

— Что же теперь делать, — покачала головой Наташа, — даже если он проснётся, сам не сможет добраться до дома.

— Ты так за него переживаешь?.. — недвусмысленно, с ехидной улыбкой спросила Наргиза, — Как за родного...

— Конечно, переживаю, — Наташа серьёзно посмотрела на девушку, — а ты, разве, нет?

— Да мне как-то... фиолетово... — Наргиза пожала плечами, — Я его не поила.

Беседа с артдиректором не принесла никаких результатов — он тоже не знал, что делать. Анонс новогоднего шоу был слишком громким, многие посетители заведения пришли именно на него, но отсутствие главного действующего героя делало сегодняшнее представление невозможным.

— У вас есть, что предложить взамен программы? — артдиректор недовольно смотрел на Диму.

— Нет, — тот покачал головой, — «Ночной патруль» сегодня выступает в другом клубе, я уже скоро должен ехать туда. А Наташа, моя жена, поёт под минусовки, но их у нас с собой нет. Съездить за ними — не менее часа... Если подождёте...

— Дима, я бы подождал... — мужчина усмехнулся, — но у нас время расписано. После вашего шоу сразу стриптиз. Я же не скажу — идите сегодня домой, ребята, потому что предыдущий коллектив облажался... Правда?

— Да, ситуация...

— А вам, что, заменить артиста нечем? Как вы так выступаете — без подстраховки?

— Нечем, — Дима развёл руками, — изначально это была брендовая роль... вернее, две брендовых роли — мы раскручивали дуэт «Ульяна и Макс», вот они и исполняли ведущие роли... Но потом Ульяна покинула проект, и просто по счастливой случайности Наташа знала все её песни и поэтому выступала пока с Максом... А Макс у нас подмену и не искали, оставалось-то всего ничего... две недели отыграть...

— Ну, вот, и влипли... — артдиректор укоризненно покачал головой, — Не знаю, как теперь будете с Леонидом объясняться.

Вернувшись в гримёрную, где его ждали все молодые артисты, Дима с сожалением объявил, что представление не состоится...

— Слушай, Дим, а ты ведь знаешь все песни Макса, почему бы тебе не выступить вместо него, — подала идею Алёна.

— Как ты себе это представляешь? — обернулся к ней Морозов, — У меня не было ни одной репетиции. Даже если с вокалом всё будет удачно, а я в этом очень сомневаюсь, то с текстами точно будет засада.

— А что тебе тексты, а, Морозов? — услышав лишь последнюю фразу, произнесённую Димой, слегка нетрезвая Кристина возникла на пороге, — Тебя тексты не устраивают, так ищи другого текстовика, вместе с другой студией...

Девушка была настроена довольно агрессивно, желание устроить скандал было написано у неё на лице.

— Я имел в виду, что я не помню тексты, — Дима развёл руками, — я же не буду с пюпитром по сцене бегать.

— После того, что ты натворил, тебе не то, что с пюпитром, тебе вообще надо шуршать,

как электровенику, — Кристина зло выкрикивала слова и размахивала руками, — слушай, Морозов, у тебя косяк за косяком, а ты ещё рот открываешь? Тексты тебе не нравятся?! — она распахнула входную дверь, — Так что же ты?! Вали отсюда, ищи других авторов! Давай-давай, вали! Кретин...

Теперь в гримёрной установилась абсолютная тишина: даже парни перестали хихикать. Все молодые артисты молча обернулись на Морозова, в ожидании его реакции на явное оскорбление.

Наташа буквально физически ощутила, как возмущение перехлестнуло всё внутри.

— Кристина, — не выдержав, она повысила голос, — подбирай выражения! Дима один работает за троих, да вы на него молиться должны!

— Подожди... — оттаскивая Наташку за руку, Дима из последних сил сохранял спокойствие, — Я сам разберусь, хорошо?

— Убери отсюда свою матрёшку! — схватив попавшийся под руку стул, Кристина со злостью отшвырнула его от себя: чуть проехав по полу, тот со стуком завалился на бок, — Чтобы я её больше вообще не видела!..

Изменившись в лице, Морозов нервно сжал кисти в кулаки. Помолчав несколько секунд, он уже собирался ответить, но в это время открылась дверь, и заглянувший в неё артдиректор жестом подозвал его к себе:

— Дима, выйди, пожалуйста, есть разговор...

— Я сейчас, — кивнув всем присутствующим, Дима вышел из гримёрной.

— Крет-тин... — сквозь зубы бросила ему вслед Кристина, — Тупой, безмозглый крет-тин...

Медленно повернувшись, Наташа смирла её строгим взглядом. Выражение лица не предвещало ничего хорошего, и все, кто находился в помещении, внутренне напряглись...

— Если ты ещё хоть раз в жизни обзовёшь моего мужа, или просто повысишь на него голос... — Наташка говорила не торопясь, с расстановкой, — То я...

— Что — ты? — Кристина неожиданно громко расхохоталась, — Что — ты? Ну, что ты можешь мне сделать?!

— Я тебя... я тебя... стукну!.. — в голосе Наташки было одновременно столько решимости и отчаяния, что все окружающие сразу поверили: стукнет!

— Ты?! — Кристина от неожиданности застыла на месте, потом, усмехнувшись, как-то жалостливо посмотрела на свою соперницу, — Ты — меня стукнешь?.. Господи-и-и... И где тебя Морозов откопал? Провинцию глухую?..

— Повторяю, — сделав вид, что не слышит колкостей в свой адрес, Наташа посмотрела Кристине в глаза, — если ты ещё раз оскорбишь Диму, я тебя стукну.

— Чем хоть стукнешь-то? — Кристина вдруг развеселилась.

— Что под руку подвернётся, тем и стукну... — от обиды за мужа у Наташки на глаза навернулись слёзы и, отчаянно борясь с ними, она смотрела, не моргая.

— Ой, девочки, не ссорьтесь... — Таня примирительно посмотрела на них обеих, — И

так настроения нет...

— А у меня даже поднялось настроение... — Кристина старалась быть бодрой, — Морозов и сам клоун, и жену себе нашёл под статью... Ну, что же ты? — она насмешливо посмотрела на Наташу, — Стукни меня...

Не зная, что делать, та в отчаянии закусила губу...

— Подтанцовка и бэк-вокал, готовимся работать! — неожиданно дверь распахнулась, и Дима заглянул в гримёрку, — Прогоняем программу от тридцатого декабря.

— Дима, мы что, вживую будем петь или у тебя минусы с собой? — Алёна сделала удивлённое лицо.

— Вживую, — кивнул он ей и обернулся к Наташе, — Наташ, тебе три минуты, чтобы привести себя в порядок. Остальным — тоже.

— Дим, а как ты? У вас же концерт в другом клубе, тебя там ждут, — уже выходя из помещения, вспомнила Наташа.

— Всё нормально. Я разговаривал с артпродюсером, наше выступление передвинули на час позже, так что, у нас ровно час, чтобы спасти своё положение.

— Мы не своё положение будем спасать, — усмехнулась она, бросив взгляд на Кристину.

— Так мы хоть что-то заработаем. У тебя есть другие варианты?

— Нет...

— Тогда беги, готовься.

Кивнув ему, Наташа быстро вышла из помещения.

— Дима, я сегодня петь вживую не рассчитывала, — Алёна сердито развела руками, — наша партия на минусе, что в шоу, что в сольнике... Предупреждать надо было!

— Выбора нет, — отрезал Дима, — я тоже на синтезе всю аранжировку не воспроизведу, а что делать?

— Дима, а костюмы? Мы же к другой программе готовились... — загалдели девчонки из подтанцовки.

— Вот в них и выступайте — он пожал плечами, — Наташа тоже в костюме Снегурки. Новый год, так что всё уместно...

* * *

Бросив взгляд на закрывшуюся за танцорами дверь, Кристина повернулась к Максиму:

— Ну, что, гадёныш... Сорвал выступление?

— Кристина, он вообще невменяемый, — Наргиза укоризненно покачала головой, — мы его пытались растормошить, но бесполезно.

— Сейчас я его сама растормошу, — схватив юношу за плечи, Кристина несколько раз изо всех сил его встряхнула, но, судя по всему, он этого даже не почувствовал, — а ну, убирайся отсюда! — удары кулаком по спине тоже не привели ни к чему, и девушка, со

злостью толкнув Макса в плечо, прошла в угол и села на стул.

— Вот новый год начался, — Таня с возмущением покачала головой, — и не выступили, и праздничный вечер насмарку.

— Может, ещё попробовать? — Илья, в свою очередь, подошёл к Макс, — Макс, слышишь меня?

— Это бесполезно, — Дима Кравец махнул рукой, — я вообще удивляюсь, как он сюда добрался?

— Скорее всего, его кто-то подвёз, — махнув на Макса рукой, Илья надел тёплую куртку, взял в руки сумку, — вы как хотите, а я домой. Меня девушка ждёт.

— А что ты её с собой не взял? — Кравец удивлённо посмотрел на парня, — сейчас бы пошли в зал, потусовались вместе.

— У неё родители очень строгие, не отпускают в клубы.

— А как же тогда ты с ней будешь дальше? — захихикала Таня, — Илья, это очень рискованно с её стороны... Она — дома, а ты — по клубам...

— Не, Илья, ты реально встрянешь когда-нибудь, — подхватила Наргиза, — потом только и будешь оправдываться.

— У Морозова, вон, жена даже ребёнка бросает, бежит за ним следом, не дай Бог уведут, — ехидно усмехнулась Таня, — вот и твоей девушке надо как-то эту проблему решать.

— Ну, вот, добежалась, сейчас он ей лишний сольник устроил, благодаря Макс, — с нотками ревности в голосе произнесла Наргиза, кивнув на спящего Макса, — конечно, кто бы сомневался, что он её на сцену вытащит. Типа спасти положение.

— А тебе что, жалко? — Таня снова усмехнулась, — Пусть поёт.

— Да пусть, конечно, — Наргиза демонстративно пожала плечами, — им же деньги нужны... А нам не нужны...

— Ну, была бы ты его женой, сейчас бы и ты пела, всё очень просто!

— Конечно, просто... Я — участница коллектива, а она — нет.

— Она участница другого коллектива, — многозначительно хихикнула Таня, — но есть варианты — стать любовницей, например, и тогда точно главные роли тебе будут обеспечены.

— Любовницей?! — молча слушавшая разговор девчонок Кристина едко усмехнулась, — А что, неплохая идея... Попробуй...

— Илья, ты что, потерял что-то? — заметив, как юноша что-то ищет в карманах куртки, Наргиза лениво окликнула его.

— Да ключи от дома... Я их обычно в кармане ношу, а сейчас руку сунул, а их — нет...

— Потерял? — сочувственно спросил Кравец.

— Не знаю... может, в сумку переложил...

— Так посмотри в сумке.

— Сейчас... — сняв с плеча небольшую сумку, в которой он обычно возил концертную одежду, Илья, не глядя, открыл боковой карман, — Нету... а здесь?.. — рука скользнула в соседнее отделение, — И тут... Так, стоп... А это что такое?..

Обернувшись к нему, все присутствующие удивлённо уставились на небольшой флакон

тёмного цвета в руке юноши.

— Ты чё, Илюха, духами стал пользоваться? — Кравец изумлённо вытаращился на товарища, — И давно это с тобой?..

— Да какие духи?! — тот сам непонимающе разглядывал флакон, — Странно... Подожди... — Наконец, внимательно посмотрев на сумку, он тут же поставил её на пол, — Вот чёрт, сумка-то не моя! Похожа на мою, я перепутал... Моя — вот, — облегчённо вздохнув, он достал из кучи сумок другую и, открыв боковой карман, достал оттуда связку ключей, — Ну, слава Богу, и ключи нашлись!

— А что за духи, — увидев, как он хочет положить флакон назад, Наргиза протянула руку, — дай-ка, понюхаю...

— На, — Илья вложил флакон в её ладонь, — только положи потом назад.

— Ой!.. Что это?! — девушка брезгливо смотрела на свою ладонь, на которую только что брызнула из флакона: на ней красовалось зелёное пятно, — Это не духи!

— А что это? — Таня понюхала ладонь Наргизы, — Что это такое?!

— Судя по всему, это зелёнка, — взглянув на пятно, Кристина усмехнулась, — та самая, которой вымазали волосы этой матрёшке... А мы всё голову ломали с Морозовым, как это никто не заметил... А тут всё элементарно... Обратили бы внимание и на шприц, и на пузырёк, а вот на флакон духов в руках никто внимания не обратил. Открыла крышечку... брызнула... закрыла крышечку... И руки чистые, и совесть...

— Точно-о-о-о... — Таня ещё больше округлила глаза, — Только кто? Чья это сумка?

— Ну, вот, смотрите... Вы свои сумки знаете, — кивнула Кристина парням, — Девочки раздевались у себя, тут — только ваши вещи...

— Это — моя, это — Влада, это — Кира, Илюха свою забрал... — Кравец пальцем показывал на сумки, вспоминая, кому какая из них принадлежит, — получается, что эта сумка — ничья?

— Как — ничья, а Макс? Он что, с пустыми руками приехал? — Таня открыла загадочную сумку, — Сейчас посмотрим, что внутри, и узнаем наверняка... — достав сценический костюм, она посмотрела на окружающих, — Это вообще непонятно, чей костюм... Похож на костюм Макса, но не его, это точно!

— Ну, это и неудивительно, — Кристина снова усмехнулась, — все его вещи у меня дома, и сумка тоже. И, если это не он измазал волосы этой матрёшке, а я в этом уверена, то тот, кто это сделал, дал ему и сумку, и костюм. И, судя по всему, этот кто-то — из вашего коллектива.

— Так что, получается, что тот, кто дал сумку Макс, забыл вытащить из неё флакон с зелёнкой? — предположила Наргиза.

— Получается, так, — кивнула Таня, — и, видимо, это кто-то из девочек.

— Интересно... — Кристина задумчиво смотрела на сумку, — У кого это из ваших девочек пропадал этот гадёныш?.. Так, — она посмотрела на парней, — выйдите отсюда. Нам нужно поговорить.

— Да я, вообще-то уже уйду, — Илья повесил на плечо свою сумку и взялся за ручку двери, — всем пока!

— А я тогда пойду в зал, потусуюсь, — Кравец сделал прощальный жест и выскочил вслед за Ильёй.

— А вот теперь — поговорим, — дождавшись, пока за парнями закроется дверь,

Кристина поставила возле неё стул и решительно уселась на него, — вы — обе, думайте, чья это может быть сумка.

— Не знаю, — Натргиза пожала плечами, — если это не Макса, то, как она попала к нему?

— Послушайте, если этот человек дал свою сумку Макс, то, значит, он сам приехал сюда с другой сумкой? — Таня обвела взглядом девушек, — Я, вот, например, знаю сумку Наргизы, и всё, на остальные как-то не обращала внимания.

— Ну, я знаю, у кого из девочек какая сумка, кроме шоу-балета, у этих не помню... — Наргиза покачала головой.

— Ну, и?.. — Кристина нетерпеливо посмотрела на неё, — Что можешь сказать?

— Не знаю — девушка растерянно пожала плечами, — но, точно, не Алёны и, кажется, не Светы.

— Круг подозреваемых сужается, — усмехнулась Кристина, — остаются три... нет, две. Соня ещё болеет...

— Значит, остаются Оля и Анжела? — Таня вопросительно уставилась на неё.

— Значит так... — Кристина, заметно отрезвев, задумчиво смотрела на кучу сумок в углу гримёрной, — Идёмте в вашу раздевалку...

Вернувшись в женскую гримёрную, девушки продолжили своё расследование. Перебрав все сумки артисток, Наргиза непонимающе развела руками:

— Ничего не понимаю... Вот — моя, вот — Танькина, вот — Алёны... У Морозовых — одна на двоих, и она в мужской гримёрной. Остальные — не знаю, чьи.

— А Светкина где? — Таня удивлённо смотрела на оставшиеся три сумки.

— Светкиной тут точно нет.

— Странно...

— Так, — Кристина решительно подбоченилась и кивнула на одну из сумок, — открывай.

— Как — открывай? — недоумённо посмотрела на неё девушка.

— Очень просто. За собачку.

— Я не буду, — Таня торопливо отошла в сторону, — я в чужих сумках не роюсь...

— Тогда — ты, — приказным тоном сказала Кристина Наргизе, — открывай.

— Я тоже не буду, — та упрямо покачала головой.

— Учтите, что ваше участие в программах зависит, в первую очередь, от меня, — голос Кристины зазвучал как-то зловеще, — а скоро — новое шоу будем готовить... Советую поторопиться, пока концерт не закончился.

— Ну, ладно... — вздохнув, Таня нехотя взяла одну из сумок и осторожно расстегнула замок, — здесь — запасные тучли и платье...

— Значит, это либо Анжелки, либо Ольки сумка... — кивнула Наргиза, открывая вторую, — Здесь — то же самое. Обувь и платье для танцев.

— Ну, открывайте третью, — насмешливо произнесла Кристина, — посмотрим, какой там сюрприз...

— Ой... — Наргиза заглянула внутрь третьей сумки, — Тут косметика... таблетки...

— Какие? — Таня взяла из её рук упаковку с лекарством, — «Гомеовокс»...

— Ну, всё понятно, — Кристина ещё раз усмехнулась, — средство для голоса... Вот вам

и ответ на все вопросы...

— Да-а-а... — Наргиза кивнула и, достав из бокового кармана какой-то небольшой листок, поднесла его к глазам, — А вот и чек... Сумка новая, куплена две с половиной недели назад.

— А где куплена? — уточнила Кристина.

— Торговый центр «Точка»...

— А, ну-ка, дай сюда... — забрав чек, Кристина несколько секунд внимательно вглядывалась в цифры, — Ну, всё... Теперь всё ясно.

— Что ясно? — Наргиза заглянула через её плечо.

— Сумка куплена за день до того, как этой матрёшке вымазали волосы зелёной и пытались подсыпать битое стекло.

— Ну, и что? — Таня непонимающе хлопала длинными ресницами, — О чём это говорит?

— Это говорит о том, что торговый центр «Точка» находится рядом с домом, где живёт Морозов. Наташа, скорее всего, туфли покупала именно там, в отделе обуви... А рядом — отдел сумок... Я этот центр очень хорошо знаю, — она многозначительно усмехнулась, — И по времени совпадает — покупка сделана вечером, уже после репетиции...

— Всё, поняла! — вытаращила глаза Таня, — Морозова покупала туфли, а тот, кто покупал эту сумку, просто видел её там, и видел, какие туфли она купила... Поэтому, на следующий день точно знал, куда сыпать битое стекло! А флакон с зелёной принёс в старой сумке, видимо, новую побоялся испачкать, если что...

— Кто-то... — ехидно повторила Кристина, — этот «кто-то» — ваша Света, из подпевки... Все улики сходятся... кроме одной...

— Какой? — переспросила Наргиза.

— Как её старая сумка попала к Макс? — во взгляде девушки сверкнул недобрый огонёк, — Впрочем, это уже другая история. И я с ней разберусь сама, — она обернулась к девочкам, — а вы — рты на замок, поняли?

— Поняли, поняли, — заискивающе закивала Таня, — мы — могила.

— Кристина, ты даже не переживай, — поддакнула Наргиза, — от нас не уйдёт!

— Если уйдёт, то вместе с вами, из всех проектов, — Кристина посмотрела на них пристальным взглядом.

— Мы никому не скажем, — хором ответили девушки.

— Надеюсь, — буркнула Кристина, — чек я оставляю у себя, а вы закройте сумки, и поставьте их, как они стояли... Сейчас уже все вернутся.

— Ой, смотри, что у неё тут ещё... — заметив что-то внутри сумки, Таня сунула туда руку, — Ого! Петарда...

— Петарда?! — удивлённо переспросила Кристина, — Покажи!

— Вот, — девушка вытащила новогоднее пиротехническое изделие и подала Кристине.

— Ха! — уже в который раз за вечер усмехнулась та, — А Морозов был недалёк от истины...

— В смысле? — Таня старательно застёгивала молнию.

— Да неважно, — Кристина, довольно улыбаясь, протянула петарду назад, — положи её туда, где она лежала... Посмотрим, где стрельнёт...

— Кстати, — как будто вспомнив о чём-то, Наргиза снова посмотрела на Кристину, — где сейчас живёт Макс?

— В общаге, жил и будет жить, — та презрительно скривила красивые губы, — гадёныш...

— Ну, тогда всё понятно. Светка тоже живёт в общаге. Видимо, он попросил у неё сумку, вот и всё. А костюм мог взять у кого угодно...

— Это мы ещё выясним, — кивнула Кристина, — как и то, почему она покупала сумку недалеко от морозовского дома.

— А это просто, — махнула рукой Наргиза, — они с Алёной дружат. Скорее всего, они после репетиции поехала к Алёнке домой, а по пути Светка и купила сумку...

— Понятно, — настроение у Кристины заметно улучшилось, — кстати, а почему вы весь вечер торчали в мужской гримёрной?

— А мы нарочно, а то опять Морозов скажет, что на его Наташу покушение готовим... — Наргиза состроила гримасу, — Мы и решили, пусть она одна теперь и переодевается.

— Ну, вот пусть он сам и расследует, кто на неё покушается, а вы — молчите.

— А Дима с Ильёй?

— С ними я тоже поговорю...

* * *

— И что, вы с ним сильно поссорились? — Фишер, отпивая кофе из маленькой чашки в вип-зале ночного клуба, внимательно смотрел на Кристину.

— Ну, как сильно... не очень, конечно... Но крику было... Моего крику, — усмехнулась девушка, — Потом даже его Наташа пообещала меня стукнуть...

— Да?! — Игорь удивлённо посмотрел на собеседницу, — А за что?

— За муженька своего, — она тоже взяла со стола чашку с ароматным кофе, — если я его ещё раз кретином назову...

— А ты назвала его кретином? — Фишер вдруг расхохотался, так, что сидевший напротив него с угрюмым выражением лица Леонид Борисович вдруг приподнял мутный от выпитого виски взгляд, — Ну, молодца, Кристинка... Ну, и она, конечно, тоже... Смелая девушка...

— А что это ты к папе в клуб зачастил? — Кристина подозрительно прищурила глаз, — Уж не за Наташей ли поухлёстывать? А, Игорёк?..

— Ну, от тебя ничего не скроешь, — он попытался перевести всё в шутку, — ох, Кристинка...

— От меня? Ничего. Я много чего знаю... — она многозначительно кивнула, — Смотри, Игорёк... будешь себя плохо вести, всем расскажу, чем ты себе на хлеб зарабатываешь...

— Всё-всё, сдаюсь, — подняв вверх руки, он деланно засмеялся, в то же время, бросив на неё недобрый взгляд, — сдаюсь, Кристинка...

— А захочу, и Морозову расскажу, что у тебя на его Наташу планы есть... — кокетливо закусив губу, она искоса смотрела на Фишера, — Если не откупишься...

— Да ты опасная женщина, — усмехнулся он, — боюсь...

— Ну, не опасней тебя... — она пьяно хлопнула его по плечу, — Хотя...

— Не опасней, говоришь?.. — он ещё отпил кофе, — ну-ну...

Ответив согласием на предложение артдиректора заменить представление сольным выступлением Наташи, Дима очень переживал: без забытых аранжировок музыкальное сопровождение могло быть не таким, каким хотелось бы, и он возложил все надежды на Наташкин талант вокальной импровизации. Расстроенная отменой шоу и встречей с Артёмом, она была немного растеряна, но быстро взяла себя в руки и уверенно исполняла свой репертуар, глядя на танцующую наряженную толпу. Первый новогодний вечер проходил громко и весело, прикреплённая к потолку ёлка мерцанием огней соперничала с цветомузыкой, и Наташа, к концу третьей песни окончательно успокоившись, весело танцевала в проигрышах вместе с шоу-балетом.

...Пьяную компанию молодых людей она заметила сразу — они подошли очень близко к сцене и вели себя вызывающе даже для такого шумного и сумасшедшего вечера. Невольно бросая взгляды на кривляющихся парней, Наташа с ужасом для себя узнала в одном из них Артёма. Догадавшись, что он не просто так заглядывал сегодня в гримёрку, а, видимо, хотел убедиться, что она действительно сегодня будет выступать, она почувствовала, как тревога заполняет душу. Ничего хорошего ждать не приходилось: компания явно провоцировала на скандал. Делая неприличные жесты в её сторону, парни выкрикивали оскорбительные слова, при чём, так громко, что было слышно даже сквозь музыку. Один из них даже попытался схватить её за ногу, когда она близко подошла к краю сцены, и Наташа, едва не упав, отступила назад. Громко хохоча и кивая на неё, парень сделал неприличный жест.

— Администратор зала, подойдите, пожалуйста, к сцене, — едва доиграв песню, позвал Дима в микрофон.

— Дим, может, охрану позвать? — оглядываясь на хулиганов, предложила Наташа, — По-моему, они нарочно нас провоцируют.

— Вот пусть администратор и вызывает, заодно и посмотрит, что тут происходит, хотя они сами должны зал просматривать, — Дима нахмурился и, снова заняв место за синтезатором, — я вижу, что нарочно.

— Что случилось? — администратор, женщина лет тридцати, вопросительно посмотрела на Наташу.

— Кира, у вас зал просматривается охраной? — с женщиной Дима был знаком давно, поэтому обратился к ней по имени.

— Да, просматривается, — она кивнула, — а что такое?

— Ну что, не видишь, — он показал на парней, которые и не собирались уходить от сцены и всё время, пока молчала музыка, перебрасывались сальными шуточками, — Наташку сейчас чуть со сцены не стащили, орут, цепляются, в общем, выступать мешают.

— Странно, что ребята этого не видели, — Кира пожала плечами, — они должны были сразу подойти. Сейчас, Дима, я скажу охране...

Наблюдая за сценой из вип-зала, Игорь нервно сжимал губы. В нём боролись два желания: с одной стороны, ему не хотелось, чтобы Артём снова влип в какую-нибудь

неприятную историю, к тому же, он мешал выступать Наташе и мог что-нибудь ляпнуть об отце; с другой стороны, ему в глубине души хотелось, чтобы сын спровоцировал Морозова на какую-нибудь глупость, чтобы можно было этой глупостью воспользоваться... Как будто угадав его мысли, охрана не торопилась наводить порядок.

— Что, Игорёк, интересное кино, да? — Кристина, с бокалом мартини, которое она пила, пользуясь тем, что Лапин был сам довольно пьян, фамильярно положила руку на плечо Игоря, — Ты ждёшь, что Морозов набьёт твоему Артёму морду?..

— Что-то ты не о том говоришь, Кристинка, — Фишер бросил на девушку мимолётный колючий взгляд, — Зачем мне это?

— А за-тем... — она засмеялась, — Сам знаешь, зачем... Только... только лучше сам уйми Артёма, — она пальцем показала на монитор, — а Морозова не смей трогать... Трогай лучше его жену, — она снова захихикала, — она — твоя добыча... А он — моя добыча... Понял?..

— Так, пора идти на разборки, — увидев, что два охранника появились у сцены, Фишер убрал её руку со своего плеча и вышел из помещения.

Пьяные молодые люди ещё пререкались с охранниками, когда к ним подошёл Игорь. Взяв сына за локоть, он потащил его к выходу. Парень не сопротивлялся, лишь ехидно ухмылялся, глядя на отца. Дружно двинувшись за ним, его товарищи пританцовывали на ходу и паясничали, всем своим видом показывая, что нисколько не огорчены таким поворотом дела.

— Ты чего припёрся туда? — выйдя на улицу, Игорь со всей силы тряхнул Артёма за плечо, — Я тебя, кажется, предупреждал.

— А что, там запретная зона? — парень дерзко смотрел на отца.

— Для тебя — да, — сквозь зубы процедил тот.

— А ничё она, пацанам понравилась, — Артём резко повёл плечом, пытаясь стряхнуть с него руку Игоря, — одобрили твой вкус.

— Ты что им наболтал?! — Фишер перешёл на злобный шёпот, — Ты, щенок, я тебя в последний раз предупреждаю, подойдёшь близко — не посмотрю, что ты мой сын...

— Ладно-ладно... — Артём сделал примирительный жест, — Не кипятись, папик. Если дашь мне денег, я больше сегодня тут не покажусь.

— Сколько я тебе ещё могу давать денег?! — Игорь возмущённо посмотрел на сына, — Ты куда их деваешь? У меня не печатный двор, в конце концов...

— Па, всего тысячу... и ты меня не увидишь.

— Чёрт с тобой... — Фишер полез в карман и достал оттуда тысячу рублей, — Возьми и убирайся!

— Тысячу долларов!.. — Артём поднял на него глаза, — па... я просил тысячу долларов... Всё-всё... я пошутил... больше ты меня сегодня не увидишь, — взяв деньги из рук отца, он сделал ему прощальный жест и скрылся вместе с друзьями в дверях клуба.

* * *

После того, как молодые хулиганы покинули зал, отработать программу удалось

спокойно. Танцоры и бэк-вокалистки первыми покинули сцену, и Наташа, не дожидаясь Диму, следом за ними побежала в гримёрку, чтобы поскорее переодеться. Отключив свою аппаратуру, он уже сходил с последней ступеньки, как кто-то тронул его за левую руку. Повернув голову влево, он никого не увидел и уже собирался посмотреть направо, как тот же человек ладонями закрыл ему глаза сзади. Слегка улыбаясь уголками губ, он остановился.

— Не узнал... — сказал он, но сзади послышалось только хихиканье, — Сдаюсь! — Дима поднял согнутые в локтях руки.

— Конечно, зазвездился, теперь одноклассницу не узнаёшь! — высокая, зеленоглазая девушка лет двадцати трёх — двадцати четырёх, со светло-русыми волосами, уложенными в причёску, убрала руки с его глаз и, повернула к себе за плечи и бросилась к нему на шею, — Димка-а-а-а!..

— Элка! — обняв её в ответ, он радостно улыбнулся, — Вот так встреча!

— Да уж, встреча! С новым годом! — поцеловав, она тут же попыталась вытереть помаду с его щеки, — А мы тут с девчонками нашими зависаем, на тебя любимемся уже битый час!

— Ну, и как? — Дима с любопытством огляделся вокруг, — Налюбовались?

— Вообще-то мы хотели посмотреть новогоднее шоу, уж больно наслышаны...

— Не получилось сегодня, главный герой заболел, — Дима развёл руками, — так что...

— Да ладно, мы уже по три коктейля выпили, нам всё равно, подо что танцевать, тем более, нам понравилось! Кстати, — она перешла на заговорщический тон, — Маринка тоже здесь...

— Да? — Дима немного смутился, — Ну, передавай всем привет...

— Как это передавай, а пообщаться?! — Элла решительно потащила его за руку в зал, — А ну-ка, пойдём, меня за тобой и послали...

— Эллочка, не могу, — Дима приложил руку к груди, — нам срочно нужно ехать в другой клуб, там сегодня концерт «Ночного патруля»...

— Ну, десять минут туда-сюда... не убьют же тебя, — девушка упрямо тянула Диму за руку, — идём!.. мне девчонки не простят, если я тебя не приведу... — она толкнула его локтем и добавила многозначительным шёпотом, — Говорю же, Маринка здесь...

— Димка! — хором крикнули две девушки, в которых Дима узнал своих бывших одноклассниц Веру и Машу, — Приве-е-е-т!

— Привет, девчонки, — он радостно обнимался с ними, — привет, Марин... — смутившись, он лишь кивнул Марине, своей первой школьной любви, которая стояла чуть поодаль от остальных подруг, — С новым годом!

— С новым годом, — чуть прищурившись, Марина посмотрела на него, — привет...

— Димка, ты такой талантище... — тараторила Элла, — мы о тебе наслышаны... Скоро в Москву переберёшься, наверное, да?

— Да пока нет, — он засмеялся, оглядываясь на выход из зала, куда чуть раньше ушла Наташа.

— Да ладно тебе скромничать, — Вера хлопнула его ладошкой по плечу, — ты уже такая знаменитость, мы тобой гордимся!

— Девчонки, я сегодня, правда, тороплюсь, — он снова оглянулся на выход, — меня сейчас жена потеряет.

— Ой, а ты с женой? — Элла с интересом посмотрела в ту же сторону, — Хотя бы показал, что ли...

— Так вы её видели, — Дима усмехнулся, — и даже слышали. Она только что пела.

— Ой, надо же... — Маша удивлённо вытаращила глаза, — Это вот и есть твоя жена? Обалдеть... Ну, классно поёт... А дети у вас есть?

— Есть, — Дима кивнул, — Сыну полгода... девчонки, я побежал, мне опаздывать никак нельзя... Увидимся, хорошо?

— Ой, Дима!.. — Элла как будто что-то вспомнила, — мы же собираемся нашим классом, шестого числа, ты придёшь?

— А где и во сколько? — уже на ходу спросил Дима.

— Мы ещё не решили, но в каком-нибудь ресторанчике, часа в три дня... Мы потом на «одноклассниках» споемся, да?

— Хорошо, я постараюсь! — он махнул им рукой на прощание.

— И Говорову скажи, — вспомнила про Сашку Вера, — Давайте встретимся!

— Ой, даже не спросила, как его жену зовут, — Маша встала на цыпочки и посмотрела вслед Диме, — тут даже не объявляли, кто поёт...

— Её зовут Наташа... — Марина впервые подала голос, — Наталья Морозова.

...Стремительно пройдя коридором ночного клуба, Наташа вошла в гримёрку. Девчонки, весело болтая, кинулись к своим вещам, и она, тоже переодевшись, накинула шубку и присела в ожидании Димы. Он всё не шёл, и Наташа, решив, что он с кем-нибудь разговаривает в мужской гримёрной, поднялась и вышла в коридор.

— Наташа... — от неожиданности она вздрогнула: Игорь Фишер с букетом роз стоял перед ней, — Что ты так меня испугалась? — он удивлённо смотрел на неё, — Почему ты меня так боишься?..

— Я вас не боюсь, — она попыталась его обойти, но он задержал её руку в своей руке.

— Значит, мне показалось. Ну, тем лучше...

— Извините, я тороплюсь.

— Я не задержу. Я лишь хочу в очередной раз высказать восхищение... — он протянул ей цветы, — Это от всего сердца...

— Спасибо, но... — она сделала отрицательный жест ладонью.

— Нет-нет... возьми, — он говорил вежливо, даже мягко, — это, действительно, от души... И прости моего дурака, что он чуть не сорвал ваше выступление.

— Ничего страшного... — она смутилась и опустила ресницы, — извините, я пойду.

— Наташа... — он взял её за руку, — возьми цветы... Ты заслужила большего... поверь...

— Спасибо, — она нерешительно протянула руку, — и до свиданья...

— Жаль, что ты так быстро уходишь... — он не отпускал её руку, и она с трудом вытянула свою ладонь, — Мы могли бы потанцевать, пообщаться...

— Простите, но я не одна. И даже не знаю, о чём я могла бы с вами говорить...

— Жаль, — он развёл руками, — жаль, что не одна.

— Я пойду, — она сделала шаг в сторону.

— Наташа! — Дима появился в конце коридора и быстрыми шагами приближался к

ней, — Я там задержался... — разглядев, кто стоит рядом с его женой, нахмурился и довольно сухо поздоровался, — Добрый вечер.

— Добрый вечер, — кивнул Игорь, — и до свидания. До свидания, Наташа, — обращаясь только к ней, он слегка поклонился, — и спасибо за твой талант...

— Что ему было нужно? — глядя вслед Фишеру, Дима о чём-то сосредоточенно думал, — А цветы откуда?

— Он подарил, — Наташа подняла на Диму глаза, — а где ты был так долго?

— С одноклассниками встретился, — он не стал говорить, что это были только одноклассницы, — Поболтали немного, зовут на встречу шестого числа.

— Ну, так сходи, — Наташа улыбнулась, — вы же давно не виделись?

— Почти семь лет... с некоторыми поменьше.

— Дим... А у вас девчонки в классе красивые были?

— Ну, в общем, да... — он хитро посмотрел на неё, — Практически все — модели...

— Да?.. — она грустно улыбнулась, — Ну, и хорошо...

— Конечно, хорошо, — не выдержав, он рассмеялся и, обняв её за талию, приподнял над полом, — Наташка...

— Что? — она обвила руками его шею и прижалась к нему.

— Ничего... только, если мы через пять минут не будем сидеть в машине, то и концерт «Ночного патруля» придётся отменить. Так что...

— Так что — побежали!

* * *

— Лёня, — вернувшись в вип-комнату, Фишер застал там одного Лапина, — У меня к тебе есть одна просьба. Выполнишь?..

— Выполню...

— Спасибо, Лёня, ты настоящий друг!

— Я не друг, Игорёк...

— А кто?!

— Сволочь я... — Лапин потянулся за новой порцией виски, — Сволочь я распоследняя...

Всю праздничную неделю, вплоть до шестого января, концерты были расписаны ежедневно, иногда «Ночной патруль» должен был давать по два концерта в день. Выступать приходилось на разных площадках, и Наташа с Димой почти не виделись по вечерам — он уезжал в один клуб, она — в другой, так как по времени их выступления совпадали. Туда её возил Дима, а обратно забирал Александр Иванович, если Дима не успевал к тому времени освободиться. Без него Наташа чувствовала себя неудобно — женская часть коллектива относилась к ней неоднозначно: с завистью, обидой и некоторой долей ревности. Колкости исподтишка и внешнее превосходство, иногда маскируемые под неискреннее дружелюбие, были уже привычными, и Наташка, безответная по природе, мужественно терпела, сохраняя ровные отношения со всеми девушками. Имея мощную поддержку в виде Димы, она, однако, ни разу не пожаловалась ему и не передала ни одной закулисной сплетни. В отличие от остальных, только Алёна проявляла к ней искренние дружеские чувства, и Наташа старалась делиться какими-то рабочими проблемами только с ней.

Сорванное первого января представление, которое пришлось заменить её сольным концертом, оказалось единственным огорчением для всей труппы, и последующие выступления прошли благополучно, вызывая восторг и благодарность зрителей. Макс больше не пил, окончательно поссорившись с Кристиной, в один из вечеров он забрал от неё свои вещи и теперь жил в студенческом общежитии.

Каждый вечер Наташа неизменно видела в толпе зрителей Игоря Фишера. После выступлений он дарил ей по букету цветов, вызывая очередной всплеск разговоров за её спиной. Диме она ничего не рассказывала, каждый раз оставляя цветы в гримёрной клуба или отдавая их кому-нибудь из девушек.

Она очень переживала в последние дни. Денег, которые она заработала, участвуя в новогодних представлениях, не хватило на покупку всех разбитых инструментов и аппаратуры, и Лапин так и не отдал Диме его заработанные гонорары. Через несколько дней её отцу нужно было уже ложиться в клинику, а денег на операцию так и не было. Она видела, что Дима очень переживает по этому поводу, и ничего ему не говорила, со страхом считая оставшиеся дни...

— Димыч, тут меня наши девчонки ночью на «одноклассниках» выцепили, — Сашкин звонок пятого января разбудил Димку с Наташей, — Говорят, ты в курсе, что завтра наш класс встречается. Ты в курсе?

— Угу... — пытаясь проснуться, Дима сел в кровати, — В курсе. Я забыл тебе сказать, как они просили.

— Ну, считай, что сказал. И что? Ты идёшь?

— Куда? — снова рухнув в постель, Дима закрыл глаза.

— Как куда, на встречу... Я их уговорил в «Дворянское гнездо» поехать, в три часа.

— Саня... — приоткрыв один глаз, Дима посмотрел на часы, — Тебе чего не спится? Семь утра... В два только домой приехали...

— А Каринка орёт, всё равно не уснуть...

— И ты, как лучший друг, решил нас тоже разбудить?

— А вы что, спите? — Сашкино удивление было искренним, — Серьёзно?..

— Ещё как серьёзно.

— И Валерка спит?!

— И Валерка спит.

— И Наташка?

— Наташка уже не спит, — Дима посмотрел на жену, которая, сладко потянувшись, снова повернулась к нему и, обняв, затихла под боком, — Наташка сказала, что увидит тебя — убьёт...

— И ей с добрым утром, — гоготнул Говоров, — ну, так что, идём на встречу? Пойдём, Димыч, мне скучно одному, а охота...

— Вот тебе не сидится. Если честно, не хочется никуда, и так никакого отдыха, да и настроения нет.

— Да что там, съездим на часик, хоть наших увидим, всё равно концерт поздно вечером, успеем ещё домой заехать...

— Ладно, Саня, я подумаю, потом отзвонюсь.

Позже, за завтраком, Наташа сама завела разговор.

— Дим, я думаю, тебе стоит поехать на встречу, — ему показалось, что её глаза смотрят с какой-то непонятной мольбой.

— Тебе так хочется, чтобы я встретился со своими красивыми одноклассницами? — пошутил Дима.

— Мне хочется, чтобы ты отвлёкся от грустных мыслей, — подперев ладонями лицо, она не сводила с него глаз.

— А с чего ты взяла, что они у меня грустные? — улыбнулся Дима, — Всё нормально. Да, кстати... Насчёт денег ты не беспокойся. Есть ещё вариант...

— Я не беспокоюсь, — она вздохнула, — Правда, Дим, поезжай...

— Ты так меня выпроваживаешь, что закрадываются сомнения, — он шутливо покосился на неё, — уж не собралась ли сама на свидание? М-м?

— Ну, какое свидание? — она почему-то смутилась и слегка покраснела, но Дима не придавал этому значения, — Я серьёзно, Дим...

— Ну, считай, что уговорила, — он снова улыбнулся ей, — только, чур, потом не спрашивать, с кем я танцевал и сколько выпил.

— Ладно, не буду, — засмеялась Наташа, — я у Говорова спрошу.

* * *

На следующий день, с улыбкой на лице и тяжёлым сердцем проводив Димку на встречу с одноклассниками, Наташа вернулась в свою комнату. Она не привыкла хитрить и изворачиваться, и мысль о том, что она буквально заставила его отлучиться из дома, угнетала её, тем более, что ей и самой не хотелось, чтобы он куда-то уходил. Но другого выхода она сейчас не видела: ей самой нужно было покинуть квартиру, и, зная Димку, она смело могла предполагать, что одну он её никуда не отпустит, и что ей придётся врать ему в глаза, что было ещё невыносимее... Сказать же правду она тоже не могла, заранее зная, что он будет против её поступка. И вот теперь, с огромными сомнениями закрыв за ним дверь,

она сидела в их комнате и набиралась решимости...

— Анна Сергеевна, — заглянув к свекрови, Наташа смущённо теребила косу, — я Валеру накормила, он сейчас спит... Вы не против, если я его оставлю на вас? Мне нужно съездить к себе на квартиру, там Алина приехала от родителей, папа кое-что передал...

— Ну, конечно, поезжай... — Анна подушечками пальцев тихонько постукивала по коже лица, влажной от нанесённого крема, — А почему ты именно сегодня решила поехать? Завтра с Димой бы и съездили, а так тебе сейчас на маршрутке придётся добираться.

— Я не хочу его нагружать, к тому же, хочется поболтать с Алинкой, а ему будет скучно слушать наши разговоры, — Наташа улыбнулась — она не обманывала свекровь, её сводная сестра, действительно, вернулась от родителей, у которых встречала новый год и привезла подарки для Наташи и её семьи.

— Ну, в принципе, ты права, — свекровь кивнула головой, — поезжай, не беспокойся. Главное, не задерживайся, тебя сегодня Саша отвезёт в клуб чуть пораньше, у нас вечером его родственники на связи по скайпу.

— Да я недолго, — Наташа улыбнулась, — часика полтора-два... А в клуб мне к девяти вечера.

Собравшись, она ещё раз посмотрела на себя в зеркало. Природные данные и минимум макияжа... Сегодня ей хотелось выглядеть особенно хорошо...

Достав из сумочки небольшой листок бумаги, ещё раз перечитала адрес... Наклонилась над детской кроваткой, погладила сына по голове и решительно ступила за порог.

...Выйдя из маршрутки и пройдя дворами, она остановилась перед одним из подъездов элитного дома. Не зная кода домофона, просто набрала номер нужной ей квартиры и облегчённо вздохнула — женский голос, отозвавшийся на сигнал, принадлежал именно той, с кем она хотела встретиться.

— Да... Кто это?

— Это Наташа Морозова. Мне нужно с тобой поговорить.

Услышав вместо ответа щелчок, потянула на себя тяжёлую металлическую дверь и вошла в подъезд. Поднявшись на пятый этаж, с замиранием сердца подошла к дверям квартиры...

— Здравствуй, Кристина, — как можно приветливее произнесла Наташа открывшей ей девушке, — Можно мне войти?

— Привет, — та смирив её колючим взглядом и шире отворила дверь — Ну, входи.

— Мне нужно с тобой поговорить, — переступив порог квартиры, она робко остановилась.

— Говори, — закрыв за ней дверь, Кристина лениво прошла в гостиную и уселась на большой мягкий диван.

Проследовав за ней, Наташка невольно окинула взглядом обстановку. Почему-то зануло

в груди. Сюда приходил Дима... Здесь он был с Кристиной... ел, спал... сидел с ней на этом диване... Не давая ревности завладеть мыслями, перевела взгляд на хозяйку квартиры, которая с равнодушным видом смотрела в экран большого телевизора.

— Кристина... — несмело начала Наташа, — у меня к тебе огромная просьба.

— Ну, говори, говори, — та несколько надменно посмотрела на гостью, — Кстати... Откуда ты узнала мой адрес?

— Не от Димы... — оправдываясь, та отрицательно замотала головой, — ты не подумай, я бы у него сама не спросила... Мне его дал другой человек.

— Значит, Говоров, — Кристина усмехнулась, — понятно.

— Кристина... Пожалуйста... Скажи своему отцу, что это не Дима разгромил студию.

— Да? — Кристина насмешливо прищурила красивые серые глаза, — А кто?

— Я не знаю... Но я уверена, что это не он.

— Ну, раз ты так уверена, то и скажи сама об этом моему отцу.

— Он мне не поверит, а тебе — поверит... Тем более, ты знаешь об этом наверняка.

— Откуда я могу это знать? — Кристина равнодушно пожала плечами, — Напротив, я уверена, что это Морозов разбил аппаратуру.

— Ты знаешь правду, — более твёрдым тоном сказала Наташа, — я тебя очень прошу, скажи... И тогда твой отец отдаст Диме его деньги. Тем более, что мы кое-что уже купили. Нам сейчас не хватает денег на все инструменты, но мы всё купим. Кристина... — слёзы блеснули в её глазах, — Пожалуйста... Деньги нужны на операцию моему отцу. Просто я знаю, что Дима не найдёт такую сумму, хоть он меня и успокаивает. Но, он не найдёт, я знаю... — не выдержав, Наташа всё же расплакалась, — Уже к восьмому января деньги должны поступить на счёт клиники... Их нужно было перевести ещё до праздников, потому что банки сейчас не работают, но у нас не было сразу такой суммы, и мы надеялись на новогодние гонорары. Если мы оплатим хотя бы восьмого числа и предоставим чек, то всё будет в порядке.

— Наташа, — Кристина говорила ледяным тоном, — я ещё раз повторяю. Я ничего говорить отцу не буду. Мне очень жаль твоего папу, но, согласись, что я тут ни при чём. И мой отец ни при чём. Морозову были поставлены условия: он восстанавливает студию и получает всё, что заработал. Никто на его деньги не покушается. Он получит всё до последней копейки, но после того, как возместит весь ущерб.

— Кристина, — несмотря на все попытки сдержать слёзы, Наташке это никак не удавалось: они текли ручьём по щекам, она не успевала вытирать их ладошкой, — Дима всё восстановит... мы всё сделаем... Он никогда никого не обманывает, ты же его знаешь.

— Я не сомневаюсь в этом, — Кристина снова бросила насмешливый взгляд, — поэтому терпеливо жду, когда он это сделает.

— У нас сейчас нет денег... Всё, что я заработала, мы отдали Вадиму — он сам купит гитару взамен той, что разбита. Мы ещё купили новую колонку и новый компьютер. Если твой отец выплатит Диме то, что положено, мы купим всё остальное. Я даже не знаю, хватит ли оставшихся денег на операцию... Но пусть твой отец хотя бы их выплатит, а мы уже что-нибудь решим... В запасе у нас тоже денег нет, Дима всё, что можно, отдаёт твоему отцу.

— А ты знаешь, за что он отдаёт деньги моему отцу?! — подавшись вперёд, Кристина пронзительным взглядом сверлила Наташу насквозь, — Ты думаешь, что мой отец такой жадный, что готов всё забирать за то, что помог им в раскрутке?!

— Дима и рассчитывается за раскрутку... Он хочет быстрее выплатить вложенные деньги.

— Не всё ты, Наташенька, знаешь, — взгляд стал победным, — а ты в курсе, что Дима выплачивает деньги за свою свободу?

— Какую свободу? — недоумённо спросила Наташа.

— Таковую. Он на открытии продюсерского центра избил одного парня... Звали парня Артём, — Кристина прищурила глаза, — тебе это имя ни о чём не говорит?

— И... что?.. — побледнев, Наташа испуганно расстегнула верхний крючок шубки.

— А то, что мой отец тогда его спас. Откупился за Диму. Иначе Диме грозил бы срок, потому что отец парня крутой, и его бы не простил. Сумма была настолько приличная, что я тебе её даже называть не буду... И теперь Дима выплачивает её моему отцу. А ты не знала? — она ехидно усмехнулась.

— Нет... — опустив глаза, шёпотом ответила Наташа. Её вдруг бросило в жар, и она, машинально расстегнув ещё пару крючков, слегка распахнула шубу на груди.

— Зато ты должна знать, за что он дал в морду этому Артёму... Знаешь ведь? За то, что одна девица поехала в загородный коттедж... якобы песенки попеть. И нарвалась там... А, может, эта девица и сама знала, что нарвётся? — Кристина приподняла брови, — Может, эта девица так заработать хотела? Да не вышло...

— Это неправда...

— Ну, это не моё дело... А вот теперь подумай и скажи — кто виноват, что у Димы нет денег? Мой отец или ты? Ведь всё произошло из-за тебя!

— Я не знала. Но всё равно... Дима много заработал за праздники и ещё заработает. Пусть ему отдадут его деньги. Кристина... Пожалуйста... Мой отец умрёт, если его сейчас не прооперируют.

— Мне очень жаль, но я ничем тебе помочь не смогу, — сухо ответила Кристина, — каждый должен отвечать за свои поступки.

— Но ты ведь знаешь, кто разбил инструменты! — с отчаянием выкрикнула Наташа, — Ты одна знаешь об этом!

— То есть, ты хочешь сказать, что это я их разбила?.. — как-то зловеще спросила Кристина, медленно повернув голову, — Это тебе Морозов сказал?

— Нет-нет... — испугавшись, что привела хозяйку квартиры в гнев, Наташка замотала головой, — Дима как раз ничего не говорил... Это я так подумала...

— Ты можешь думать?.. — тон Кристины не предвещал ничего хорошего, и Наташка внутренне сжалась, ожидая окончательного отказа в просьбе, — Ты — и можешь думать?! А ты подумала, когда шла сюда, к кому ты идёшь? Ты хорошо подумала?!

— Я шла просить не за себя, а за Диму... ты его знаешь...

— Я? Да, я его знаю! Я его знаю так, как не можешь знать ты! Я его знаю много лет, я знаю о нём всё... — Кристина вскочила с дивана и, встав прямо перед Наташей, чеканила слова, глядя ей в глаза колючим взглядом, — Я знаю такие мелочи, о которых ты даже не догадываешься... Я знаю его до последней родинки... я знаю все его привычки, самые сокровенные... Я всё знаю о нём... И ты приходишь ко мне за него просить?! — она истерически расхохоталась, — да тебе даже не снилось то, что между нами было... Ты думаешь, что он только из-за контрактов работает в моём продюсерском центре? Если бы он хотел, он нашёл бы способ уйти, но он не хочет! Понимаешь?! Не-хо-чет!.. Потому, что мы с ним много лет... И нам друг от друга никуда не деться! Поняла?! Это от тебя он может уйти

в любой момент, а от меня — нет! Ты думаешь, что он сторонится меня?! Ты заблуждаешься... Ты в курсе, что тридцать первого числа он был здесь? — показывая рукой на диван, она насмешливо приподняла брови, — Знаешь?!

— Нет... — Наташа растерянно посмотрела ей в глаза.

— Вот видишь... Он тебе не всё рассказывает. А если мне не веришь, спроси его об этом... Он честный, врать не умеет... Спроси-спроси!

— Если Дима не сказал мне, значит, и я спрашивать не буду, — изменившись в лице, Наташа опустила глаза, — значит, так нужно.

— Ой... какое благородство... Ты ещё крикни, что ты мне его не отдашь! — Кристина вдруг развеселилась, — как там у вас, в провинциях, делается?

— Дима не вещь, чтобы его отдавать или не отдавать. Он сам принимает решения и делает выбор.

— Да что ты говоришь?! Ты так его хорошо знаешь?.. Ха-ха... Ничего ты не знаешь. А я знаю о нём всё. Я знаю, где он и с кем, и даже лучше, чем ты... Вот сейчас, например, он в ресторане, со своими одноклассниками... Я и это знаю! А вот ты знаешь, что его первая любовь — тоже его одноклассница? Её зовут Марина. Знаешь? А то, что они сегодня встретились, знаешь?.. Он с ней танцует, делает комплименты, вспоминает прошлое... — говоря так, Кристина рукой показывала куда-то на дверь, — А первая любовь не забывается, Наташенька... Ты об этом знаешь?

— Знаю, — Наташка еле стояла на ногах, ей было тяжело выслушивать истеричную, напористую речь Кристины, но уйти она не могла, до последнего надеясь на её снисхождение.

— Знаешь, — та кивнула, — вспомни свою первую любовь... Наверное, сердечко ёкает? Да?..

— Ёкает... — почти шёпотом произнесла Наташа, — Дима и есть моя первая любовь.

— Что?! — Кристина рассмеялась, — Ты хочешь сказать, что только в восемнадцать лет влюбилась, и у тебя никого до него не было?!

— Не было. Но это к нашему разговору не относится...

— Кстати, — глядя на Наташину шею, Кристина кивнула головой, — знакомый медальончик... Подарок Морозова?

— Да. А что?

— А ты в курсе, для кого он был куплен? Думаешь, для тебя?

— Это подарок Димы и его родителей...

— Ха-ха-ха!.. — вложив в смех весь свой сарказм, Кристина плюхнулась на диван, — А ты знаешь, что я уже надевала этот медальон?! Анна Сергеевна предложила Морозову, чтобы он заказал надпись и подарил мне! И он его мне подарил, просто я не стала брать его раньше времени... Что?.. — она с деланным участием посмотрела на свою гостью, — А ты думала, это всё ради тебя, да?.. А это, оказывается, валялось без дела, вот тебе и подарили... чтобы не тратиться на новое...

— Это неважно, — еле слышно, дрожащим голосом произнесла Наташа, — это тоже к нашему разговору не относится.

— Вот именно, — смерив её презрительным взглядом, Кристина закинула ногу на ногу, — и, вообще. Наш разговор окончен. До свидания.

— До свидания, — поняв, наконец, что разговаривать дальше бесполезно, на

негнувшихся ногах Наташа вышла из квартиры.

— Иди... овца... — кинув взгляд на закрывшуюся дверь, Кристина взяла в руки мобильный телефон, — Алло, папа... Скинь мне номер Фишера... Нет, ничего не случилось. Просто у меня для него есть информация...

* * *

Она почувствовала себя совершенно раздавленной, но изо всех сил держалась всю обратную дорогу. Выйдя от Кристины, Наташа отправилась сначала в свою прежнюю квартиру, где, повидавшись с Алиной буквально несколько минут, забрала пакет, переданный отцом. Пообещав заехать к ней ещё на днях, попрощалась и отправилась домой. Недолгая встреча с сестрой чуть облегчила состояние, она даже решила, что ей удалось прийти в себя, но, выйдя из маршрутки и подойдя к своему двору, Наташка не сдержалась. Уже почти стемнело, дом горел десятками окон, и она, зайдя за дерево, буквально разрыдалась. Надежда, которая у неё всё же теплилась, окончательно угасла после сегодняшнего визита. Слова Кристины свинцом засели в голове, её откровения о Диме и отказ в помощи отозвались в душе сильным ударом, в сознании всё перепуталось, ей всё больше казалось, что выхода из создавшейся ситуации нет...

Она думала, что и Дима не в силах найти решение. Он что-то говорил о кредите, но банки не работали в эти праздничные посленовогодние дни, да и не было стопроцентной уверенности, что они получат нужную сумму. Обречённо вытерев слёзы, она уже приготовилась войти в свой подъезд, как вдруг услышала звук шагов — кто-то шёл по снежной дорожке.

— Наташа, — Игорь Николаевич Фишер торопливо приближался к ней, — добрый вечер.

— Господи... — она испуганно отступила назад, — вы что, следите за мной?!

— Нет-нет... — он сделал упреждающий жест, — Я специально не следил. Я случайно тебя увидел, но не решился сразу подойти... А ты что, плачешь? — он спросил участливо, ей показалось, что искренне.

— Что вам от меня нужно? — слёзы снова покатались из глаз, — У меня и так... — она не договорила, только вытерла глаза перчаткой.

— Ничего абсолютно... Просто мне показалось, что у тебя что-то случилось.

— Это мои проблемы.

— Конечно-конечно, но я подумал, вдруг чем-то смогу помочь?

— Спасибо, я как-нибудь справлюсь сама. До свидания.

— Наташа... — он окликнул её, когда она уже подходила к двери, — Подожди...

— Что? — она обернулась.

— Подожди... — он подошёл к ней, — Хорошо. Я не буду ходить вокруг да около, я не в том возрасте... Я совершенно случайно узнал о том, что у тебя проблема с деньгами на операцию отцу.

— Откуда?! — она нахмурилась, — Кто вам сказал?

— Это неважно. Важно то, что я готов тебе помочь.

— Вы — мне?! — она удивлённо посмотрела на него, — Чем?!

— Деньгами.

— С какой стати?

— Просто потому, что тебе нужна помощь.

— Спасибо, — она сдержанно посмотрела на него, — но я не могу воспользоваться вашей помощью.

— Почему?! — его удивление казалось искренним.

— Потому, что мы с вами чужие люди. И, думаю, мой муж будет против.

— Разве мнение мужа тебе важнее, чем жизнь твоего отца?

— Мы с вами не родственники и не друзья... С какой стати вы хотите нам помочь?

— Тебе. Я хочу помочь тебе, — он поправил её, — просто потому, что я поклонник твоего таланта.

— Извините... — она взялась за ручку двери, — Я пойду домой. Меня могут неправильно понять соседи, если увидят, что я стою тут с вами уже полчаса.

— Тебе важнее мнение соседей, чем жизнь отца? — в его голосе послышался металл, — Хотя, я могу понять твои опасения. И поэтому... — он полез во внутренний карман, — Поэтому вот тебе моя визитка. Там есть номер телефона. Возьми-возьми, — заметив, что она делает отрицательный жест, положил ей визитку в карман шубы, — я не настаиваю, но предложение остаётся в силе. Один твой звонок, и мы решим проблему.

— Спасибо, но вряд ли я вам позвоню, — она взялась за ручку двери, — и до свидания.

* * *

...Тревога накатила, заполнила всё её существо, перемешиваясь с болью и обидой... Дима был у Кристины перед новым годом... Возможно, он так же, как и она, пытался пробудить её совесть, но почему он ей об этом не сказал? Она бы его поняла, и он знал об этом... И медальон... на фоне остальных неприятностей, это сущий пустяк, но слова Кристины о том, что она надевала его, снова и снова упрямо всплывал в памяти... Дима и об этом ей не сказал... Оказывается, у него от неё есть тайны...

Марина... Уехав к трём часам в ресторан, Дима так и не вернулся домой — вопреки обещанию пробыть там недолго, он скомканно отзвонился, что сразу поедет в ночной клуб — выступать. Ничего не уточняя, Наташа положила трубку в сомнительных чувствах — разговаривая с Димой, она слышала громкую музыку и весёлый женский смех. Вспоминая слова Кристины о первой Димкиной любви, она боролась с желанием позвонить Ире и узнать, вернулся ли домой Говоров, но потом передумала...

Дима больше не позвонил, и на вечернее представление её отвёз Александр Иванович. Когда шоу закончилось, она позвонила Морозову-старшему и сказала, что задержится и, чтобы они с Анной не беспокоились, возьмёт такси и заедет за Димой, чтобы вместе вернуться домой. Ей стоило больших трудов затеряться в весёлой толпе и выбраться на улицу незамеченной Фишером, который всё время крутился у неё перед глазами. Она устала, ей хотелось домой, но желание увидеть Димку перевесило, и она, действительно, взяв такси, приехала в клуб, где «Ночной патруль» давал концерт. Ребята уже заканчивали программу, и Наташа, раздевшись в гардеробе, прошла к бару и, заказав себе сок, устроилась на стульчике у стойки.

— Нам один фрэш, один мохито, — две девушки присели рядом, — и зажигалку.

— Ты что, сок будешь пить? — одна из них, невысокая, с рыжими пышными волосами, удивлённо посмотрела на вторую — красивую, русоволосую, с модной стрижкой, — Давай со мной мохито?

— Нет, мешать не хочу, у меня завтра деловая встреча, нужно быть в форме, а я и так сегодня разгулялась, и ресторан, и клуб...

— Нормально всё, — рыженькая взяла свой напиток, — хоть оторвались, с нашими увиделись... Кстати, чего там тебе Морозов сегодня так долго рассказывал?

— Да так... — девушка сделала несколько глотков, — прощения просил.

— Да ты что?! — подруга с интересом повернулась на стульчике, — Через столько лет?..

— Угу. Лучше поздно, чем никогда — называется.

— Свидание не назначил?

— Ты будешь смеяться, но... я сама назначила...

— Ну, ты даёшь, Маринка... Не страшно второй раз в одну и ту же воду?

— Да нет, — Марина махнула рукой, — свидание деловое. Проблемы у него.

— Ой, да ладно тебе... — подруга понимающе толкнула её локтем, — С деловых свиданий всё и начинается...

Слушая их, Наташа сидела ни жива, ни мертва... Её как будто окатили холодной водой — в русоволосой она узнала ту Марину, которую видела в ноябре возле продюсерского центра. Именно на неё сегодня и намекала Кристина — первая Димкина любовь. Они встретились в ресторане, а потом все поехали в клуб, на концерт «патрулей»... Деловое свидание... Но кто может поручиться, что она говорит правду? Любое деловое свидание запросто может превратиться в любовное. Вот почему Дима не приехал вовремя домой, а отправился сразу в ночной клуб... Он встретил свою первую любовь... Господи... она же сама его сегодня толкнула к этой встрече! В который раз за день слёзы навернулись на глаза. Интересно, эта Марина сама приехала сюда или он позвал? Нет... Дима не может так поступить... Ей нужно его увидеть. Молча допив сок, Наташа пробралась ближе к сцене, как раз в тот момент, когда музыканты давали последние аккорды.

— Спасибо всем, до новых встреч! — Дима отошёл от синтезатора и, спустившись со сцены, первым направился в коридор, ведущий в гримёрную. Остальные парни, сложив инструменты, не торопясь, уходили следом.

— Дим! — не решаясь пойти за ними, Наташа отчаянно окликнула мужа.

— О, Наташа... — Говоров, идущий последним, услышал её и обернулся, — Ты откуда?

— Оттуда... — она посмотрела на него глазами, полными слёз, — Саш... иди сюда...

— Так давай Димона позову, — вернувшись, он оглянулся на парней, удаляющихся по коридору — кроме него, её никто не заметил.

— Подожди... — она за руку отвела его к стене, где их не было видно из зала, — Сашка... Только не ври... Что, Димка с Мариной встретился, да? Только не ври мне... Да? Я её видела здесь, это Дима её позвал, да?.. — тараторя это, она опять расплакалась, кажется, в сотый за день раз, — Саш... ну только не ври... Мне и так сегодня плохо... Дима её привёз сюда? Да?

— Кого?! — Сашкино удивление казалось искренним, — Кого привёз?! Кто?!

— Дима... Марину...

— Никого он не привозил, — Говоров пожал плечами, — он меня сюда привёз, потому что я бухал, а он — нет... Мы в ресторане посидели, ну да... — он как будто что-то вспоминал — да... я с Маринкой разговаривал... рассказывал про нас про всех... Про Диму что-то... Натаха, — он прижал руку к груди, — если честно, я пьяный был, сейчас только немного оклемался... И не помню, что я Маринке втирал... Потом они с Димоном о чём-то говорили, довольно долго, но... Сюда он никого не привозил, это точно. Сюда он привёз меня одного. А если Маринка здесь, то она по своей инициативе прикатила... Да честно, не вру!

— Ой, Сашка... — нервы сдали окончательно, и она, закрыв лицо руками, уткнулась Говорову в плечо, — на меня столько навалилось... Если ещё и Димка мне изменит, я не выдержу...

— Наташ... — он нерешительно обнял её за вздрагивающие плечи, — не реви... ну, не реви, ладно? Не надо... ты же знаешь... мне тебя так утешать нельзя... — он крепче сжал руки у неё за спиной, прислонившись лицом к волосам, — Ты же всё знаешь...

— Господи... И ты туда же... — она отстранилась от него, вытирая слёзы, — Вы что, сговорились?..

— Ты о чём? — он вдруг стал серьёзным, — О ком?

— Неважно... — она махнула рукой, и, немного успокоившись, вздохнула, — Просто нервы не выдержали. Я была сегодня у Кристины.

— Так ты для этого её адрес у меня спрашивала?

— Да... я просила её сказать правду Лапину...

— Ну, и?

— Она отказалась.

— Я бы не сомневался...

— Я не знаю, что делать... До срока оплаты остаётся один день. А тут ещё Димка из ресторана домой не приехал... Вот где он был?!

— Так мы в ресторане и сидели до вечера...

— Он трезвый?

— Абсолютно.

— Так что он там делал?!

— Сидел... разговаривал... а, ещё это... Короче, пел он... Они с Жекой по очереди пели.

— Для Марины?

— Да сдалась тебе Марина... Ты чего такая ревнивая стала?! — Сашка внимательно посмотрел на Наташу, — меня даже Ирка так не ревнует...

— Я не ревную... я боюсь...

Договорить она не успела — в конце коридора показались уже одетые Дима, Витька и Вадик. Увидев Наташку, Дима замедлил шаг, потом, снова прибавив, с удивлением подошёл к ней.

— Наташка... Ты откуда?! Почему ты плачешь, случилось что?!

— В общем, вы тут разбирайтесь, я в машине подожду, — Сашка протянул руку, —

Димыч, дай ключи, чтобы я на улице маленького лебедя не изображал...

— Возьми, — отдав Говорову ключи от машины, Дима снова обернулся к жене, — Наташ, что случилось?

— Ничего, — отводя взгляд, почти прошептала она, — просто я соскучилась.

— Ну, поехали домой, — обняв её, он направился к выходу, — ты раздевалась в гардеробе?

— Да, — она вытерла остатки слёз с лица.

— Почему ты плачешь? — Дима тревожно смотрел на неё, — И как ты оказалась тут?

— Приехала на такси.

— Ладно, дома разберёмся, — он крепче прижал её за плечи, — поехали...

— А что, больше никого брать не будешь? — с обидой спросила Наташа.

— Кого? — он удивлённо посмотрел на неё, — Сашку только, но он уже в машине сидит.

— А мне показалось, что тут девочки из твоего класса...

— Какие девочки?

— Одну зовут Марина...

— Девочки из моего класса остались в ресторане... Давай жетон, — подойдя к гардеробной, он протянул Наташе руку. Порывшись в сумочке, она подала ему жетон.

— Димка! — рыженькая девушка весело окликнула его, когда он, получив Наташкину шубку, помогал ей одеться, — Мы тебя и здесь нашли!..

— От вас не скрыться, — рассмеявшись, он обернулся к ней. — Что, весь одиннадцатый «а» здесь?

— Не-е-ет... — она многозначительно посмотрела на него, но потом, обратив внимание на Наташу, сменила тон на отвлечённый, — Только двое, с тобой — трое...

— А кто третий? — он повернул голову влево, потом вправо и, увидев Марину, молча стоявшую неподалёку, кивнул, — Всё, понял... Кстати, — он снова посмотрел на рыженькую, — ты спрашивала, кто поёт женскую версию «Ты заплетал мои косы»... Вот, познакомься — Наташа, моя жена и твоя тёзка.

— Очень приятно, Наташа... — девушка кивнула Наташе.

— И мне тоже, — застёгивая крючки на шубке, та кивнула в ответ.

— А это — Марина...

Вернувшись домой, Наташа молча разделась и, разогрев ужин, поставила перед Димкой тарелку.

— А ты? — он удивлённо посмотрел на неё.

— Я не хочу, — положив перед ним вилку, она ушла в ванную, приняла душ и отправилась спать.

Она лежала, отвернувшись к стене и перебирая в памяти события сегодняшнего вечера.

Дверь тихонько открылась и Дима, пройдя на цыпочках, осторожно лёг с краю. Притворяясь спящей, Наташка всё же ждала, что он, как всегда, обнимет её... Она ждала его ласки, но он тоже притворился спящим... Борясь с желанием повернуться к нему, обнять, прижаться всем телом, уткнувшись в тёплую ямку между плечом и подбородком, она

неожиданно вздохнула... Она уже была готова это сделать...

— Наташ... — его горячая рука скользнула по телу... обхватив, он прижал её к себе, целуя в шею...

Молча скинув его руку, она демонстративно прижалась к стене, но он снова обнял её... резко повернувшись, попыталась отодвинуть его от себя обеими руками, но, не рассчитав, столкнула с кровати...

— Ты что... я сейчас упаду... — попытка удержаться оказалась неудачной, и Димка буквально съехал на пол, успев ухватить её за запястье, — Ах, так!.. Ну, тогда вот... — потянув её за руку, стащил вниз, прямо на себя...

— Ой!.. — падая, она тихонько запищала, но, оказавшись в его ласковых руках, сразу же притихла...

Уже просыпаясь, на следующее утро она почувствовала, как утихшая, было, ночью тревога неумолимо заполняет всё её существо. Тревога эта росла с каждой минутой и, окончательно проснувшись, Наташа ощутила настоящий страх. Сегодня — седьмое число, последний день, когда нужно найти деньги. Дима молчит... Она понимает, что ему просто нечего сказать ей. Она понимает, что он не виноват. Зато она виновата. Снова вспомнив вчерашний разговор с Кристиной, во время которого она узнала много из того, что было ей до сих пор неизвестно, она, уже в который раз, испытала чувство вины... Она виновата в том, что Дима оказался в двойном долгу у Лапина. Он отомстил за неё даже тогда, когда они расстались... Он не рассказал ей об этом.

Утром она должна будет позвонить отцу и подтвердить оплату его лечения. Она не сможет сказать ему, что денег на его операцию до сих пор нет... Они с Димой не сообщили родителям о своих финансовых проблемах, ограничившись короткой информацией о том, что кто-то разгромил студию... Наташа испытала чувство вины перед Анной и Александром... Считая себя виноватой перед всеми, она была очень растеряна, и это чувство усугублялось тем, что жизнь её отца сейчас висела на волоске. Она с трудом вспомнила, что сегодня в шесть часов вечера должно состояться её сольное выступление в лапинской «Зебре»...

Стараясь не разбудить Диму, она встала и, взяв на руки проснувшегося Валерика, вышла из комнаты.

— Наташа, что с тобой? — Анна внимательно посмотрела на невестку, — Ты сегодня очень бледная.

— Всё хорошо, — она по обыкновению улыбнулась, — наверное, просто не выспалась.

— И когда ваши праздничные выступления уже закончатся? — Анна покачала головой, — И Дима совсем замотался. У него сегодня концерта нет, так зато в продюсерский центр собрался ехать.

— Дима? — удивлённо переспросила Наташа, — Мне он не говорил ничего.

— Наверное, забыл, — Анна пожалала плечами.

— Ну, да, наверное, — Наташа задумчиво опустила глаза. Слишком много тайн всплывает в последнее время...

Она вдруг вспомнила вчерашний, случайно подслушанный, разговор его одноклассниц... Марина сказала, что назначила ему деловое свидание. Он и об этом не сказал, а она не посмела спросить... Обрушившийся на неё в последние несколько дней поток событий и информации перепутали всё в голове, и, не делясь ни с кем своими мыслями, она совершенно потерялась... Не справляясь с нагрузкой, мозг выносил на поверхность лишь одну — самую важную — проблему.

Отец. Его жизнь и здоровье. Наташка вдруг почувствовала, как её охватывает озноб. С трудом усадив сына в подвесной стульчик на кухне, она подошла к холодильнику. Открыв дверцу, непонимающим взглядом посмотрела внутрь... Постояв так с минуту, наконец,

вспомнила, что хотела достать детские питание. Руки почему-то казались деревянными — взяв баночку, не удержала её в ладони — покотившись по полу, та вызвала у Валерки весёлый смех...

— Привет, — Дима заглянул в кухню, — чего меня не разбудили? А чайник горячий? Я сейчас... — не дождавшись ответа, он скрылся в ванной.

Подумав, что нужно подогреть чайник, Наташа повернула ручку газовой плиты. Оцепенение и озноб, охватившие её, никак не проходили, она так и стояла возле плиты, не в силах сдвинуться с места. То же самое она испытывала, когда погибла мама... Тогда она долго не могла прийти в себя, даже не разговаривала ни с кем какое-то время.

«Нужно что-то делать». Она не должна снова доводить себя до ступора... У неё — сын... Спросить Диму о деньгах? Он и сам о них думает — в этом она не сомневается. Она его знает очень хорошо. Если он молчит — ему просто нечего сказать ей.

Или спросить? Он подумает, что она на него давит. Ему будет перед ней неловко объясняться за то, что он ничего не может сделать. Господи... Это всё — по её вине. Если бы не она, он не бил бы Артёма и не выплачивал бы долг за свою свободу. Так сказала Кристина. А теперь он переживает из-за неё и её отца...

А отец? Он ведь тоже из-за неё много переживал... Наташка вспомнила, как призналась ему, что у неё будет ребёнок. После инфаркта его здоровье сильно пошатнулось, и любая неприятность могла спровоцировать сердечный приступ... Валерий тогда хотел найти Диму, но она запретила ему это делать. Они тогда даже поссорились — Наташа сказала, что если он будет искать Диму, то она больше никогда не приедет в родной дом, и что сама не хочет с Димой мириться. Поверил отец или нет, но он отступился от этой мысли... Когда же она с радостью сообщила, что они с Димой снова вместе, отец, отнюдь, не обрадовался, он тогда даже слёг на неделю — об этом сказала Светлана Петровна... Он боялся, что у них снова ничего не получится, и Наташа сломается. Отец переживал за неё — Наташка как будто только сейчас осознала, сколько хлопот принесла ему... Ей казалось, что она и есть виновница его болезни...

— Наташ... — она даже не заметила, как Дима вернулся из ванной, — Что с тобой?

— Ничего, всё хорошо, — она вымученно улыбнулась.

— В общем так, — потормошив и расцеловав сына, он сам достал чашки — себе и ей, насыпал в них кофе, — ты, главное, не переживай. Сегодня всё будет нормально, поняла? Наташ, ты меня поняла? — повернув её к себе, Дима тревожно смотрел ей в глаза.

— Да, поняла, — она снова улыбнулась, — сегодня всё будет нормально.

— Мне в три часа нужно будет уехать в студию. У меня встреча с юристом, я должен взять документы. А к шести поедem в клуб.

— Да.

— Наташ... — он легонько потормошил её за плечо, — Ты слышишь, о чём я говорю?

— Да, слышу. Ты поедешь в студию.

— Да что с тобой такое? — он тревожно нахмурился, — На тебе лица нет.

— Я... я ещё не проснулась... — сделав над собой усилие, она налила кипятка, — Сейчас кофе выпью и всё будет в порядке.

— Ты меня больше так не пугай, — Дима присел за стол, — сегодня выступишь, потом

до старого нового года будем новые песни готовить. На старый новый год — последнее представление, и всё... Потом будем делать новое шоу и работать над твоей новой программой. Соня поправилась, балет в полном составе, будем репетировать всё вместе — и вокал, и подтанцовку. Насколько я понимаю в постановках, будет шикарно. Костюмы для танцоров уже пошиты, а тебе мы готовое купим.

— Спасибо, Дим... — ей показалось, что она говорит чужим голосом, — Ты столько для меня делаешь...

— Наташка, — он снова тревожно посмотрел на неё, — ты о чём вообще?! Что значит — я для тебя делаю?! Мы с тобой — одно целое...

— Да... одно целое...

— Так, а ну-ка, пей, — он подвинул к ней чашку, — и просыпайся. А то сегодня я тебя на пол скину...

* * *

Дима сидел за синтезатором, когда позвонил Говоров. Поговорив недолго с другом, отключил телефон и обернулся к Наташе — та стояла у окна с Валериком на руках и что-то ему показывала.

— Сашка звонил, просит срочно приехать к нему, — пожимая плечами, сказал Дима, — придётся ехать.

— Хорошо, поезжай, — ему показалось, что она говорит как-то отстранённо, с печалью в голосе.

— Я недолго, он сказал, что сам не может приехать, но дело срочное.

— Да, конечно...

— Наташка, — обняв их вместе с Валериком, Дима улыбнулся, — сегодня всё будет хорошо. Я обещаю.

— Ладно, — она кивнула и слабо улыбнулась ему в ответ.

Проводив мужа и накормив сына, она ещё некоторое время простояла, глядя в окно. Анна и Александр уехали ненадолго в гости, и тишина в доме показалась ей угнетающей... Щемящая тоска змеей заползала в сердце и, не выдержав, Наташа одела Валерика и вышла с ним на улицу.

— О, привет! — Алёна, весёлая, румяная с мороза, шла ей навстречу, — Ты почему такая бледная?!

— Я?! — Наташа удивлённо посмотрела на девушку, — Не знаю... Анна Сергеевна тоже сказала...

— И настроения нет, — Алёна внимательно посмотрела на неё, — что, даже Димка настроение не поднял?

— Дима?.. — Наташа недоумённо взглянула на собеседницу, — В смысле?

— Ну, цветами, — Алёна говорила так, будто напоминала о чём-то, — я его недавно видела — он в киоске розы покупал, такой букет шикарный... Я подумала, что тебе...

— Цветы?! — Наташа нахмурилась, но потом сделала вид, что вспомнила, — Ну, да...

цветы... Поднял, конечно... У меня просто голова сильно болит, может, поэтому...

— Ну, тогда иди, лечи голову свежим воздухом, — Алёна махнула ей рукой, — а я побежала, мы со Светкой в салон договорились сходить, надо к вечернему выступлению подготовиться...

Покатав коляску по двору, Наташа свернула на дорожку, ведущую к небольшому скверу. «Странно... Дима купил цветы, сразу выйдя из дома... Он сказал, что едет к Сашке...» — она не знала, что подумать по этому поводу и ещё больше окунулась в тревогу.

Он купил для кого-то цветы... Конечно, для женщины. Он сказал, что всё будет в порядке... Но, если бы он знал наверняка, он сказал бы ей, где возьмёт деньги. Он просто успокоил её... Он тоже не знает, как сказать, что денег нет... Ему негде взять такую сумму, и она знает об этом...

А ещё он для кого-то купил цветы...

Седьмое января — Рождество... Она не была верующей, но помнила, как бабушка чтит этот праздник. Наташа смотрела на людей, гуляющих по улице — радостных, как ей показалось, беззаботных... Страх накатил беспощадной волной... Отец... Неужели это последнее Рождество в его жизни? И как сказать ему об этом? Утром, разговаривая с ним, она, отчаянно соврала ему, что всё в порядке, и что в назначенный день он может приезжать — лечиться в клинику. До этого дня оставалась почти неделя... Но по договору деньги должны поступить до завтрашнего числа — чтобы операция была окончательно назначена именно ему. Неделью оставляли «на всякий случай» — если больной не мог оплатить лечение, то его очередь отдавали другому пациенту, имея в запасе время на его подготовку.

Наташа зашла уже довольно далеко в сквер. Она даже не заметила, как прошла этот путь... Проблема вновь всплыла в её голове, она била стальным колоколом... Ей показалось, что она ничего не слышит вокруг... Мысль об отце и деньгах на его операцию завладела всем её сознанием, вытеснив все остальные проблемы.

Она сама не поняла, что с ней произошло в этот момент... Рука произвольно достала из кармана визитку, которую ей дал Фишер... Вот — спасение. Он сказал, что от неё понадобится лишь один звонок. И — всё... Деньги на лечение отца будут. А что дальше?.. Она не маленькая, и понимает, что ничего не делается просто так... Что он потребует от неё взамен? На каких условиях придётся возвращать ему деньги?..

Но разве это сейчас важно? Что важнее — жизнь родного человека или какие-то условности? Главное — спасти папу... Если не сейчас, то следующую дату ему назначат не ранее, чем через три месяца... Доживёт ли он?.. И как он переживёт известие о том, что операцию придётся отложить?! Это может спровоцировать обострение болезни.

Нет. Нет. Нет.

Выход — есть. Он — единственный. Дима... ему она потом как-нибудь всё объяснит. Он поймёт, что другого выхода не было... Он и сам сейчас куда-то уехал с букетом роз... Она пыталась ему позвонить — его телефон вне зоны... Но это неважно. Важно только оплатить отцу операцию.

Она достала свой телефон. Набрала номер, указанный на визитке.

— Игорь Николаевич? — ей показалось, что сердце сейчас пробыёт грудную клетку, — Это Наташа.

— Да, Наташенька, я слушаю.

— Вы говорили, что можете помочь...

— Да, верно...

— А... как я смогу потом с вами рассчитаться? — голос прерывался, дрожал... она с трудом произносила слова, — Мне это важно...

— Наташа, это разговор не телефонный, — Фишер говорил мягко, располагаяюще, — Ты сейчас где находишься?

— Я? — она как будто не ожидала этого вопроса, — На улице...

— На какой? — он казался терпеливым.

— Недалеко от своего дома, в сквере.

— Ты сможешь побыть там ещё несколько минут? Я как раз в городе, и сейчас подъеду...

— Да... — почти шёпотом произнесла Наташа, с трудом осознавая, что ей придётся с ним сейчас встретиться.

...Он подъехал, действительно, быстро — она издалека увидела его фигуру, спешащую к ней по снежной дорожке.

— Так ты гуляешь с ребёнком? — он с ходу заглянул в коляску, — Он не замёрзнет, пока мы будем разговаривать? — ей показалось, что он спрашивает участливо, даже с какой-то заботой.

— Нет, он тепло одет, — нервный озноб пробежал по спине, она слегка поёжилась.

— Да ты сама замёрзла, мне кажется, — он озабоченно взял её за локоть.

— Нет, мне тепло, — едва не стуча зубами, она выдавила из себя эти слова.

— Наташа, — он не стал дожидаться её вопроса, — Я готов тебе помочь, моё предложение остаётся в силе.

— На каких условиях я должна буду вернуть вам деньги? — она впервые осмелилась взглянуть ему в глаза — серые, они показались ей мутными, но она не стала заострять на этом внимания.

— Ни о каких условиях нет и речи, — он сделал решительный жест рукой, — и о возврате, собственно, я тоже не говорил...

— Так не бывает... — её уже всю трясло, Наташа едва держалась на ногах от охватившего нервного волнения.

— Бывает. Когда нужны деньги?

— Сегодня.

— Хорошо, — он кивнул, — тогда поступим так. Ты должна будешь поехать со мной.

— Куда? — она почему-то не удивилась.

— Ко мне домой, — он выставил вперёд ладонь, — нет-нет... не беспокойся. Это нужно лишь для того, чтобы я при тебе отправил перевод со своего счёта на счёт клиники, онлайн. Я дома не храню наличность, поэтому вариант только такой. Я отправляю перевод, мы распечатываем чек и... Всё! — он бодро развёл руками, — Даже если деньги до завтра не поступят, ты сможешь предъявить документ о том, что они переведены.

— А... потом? — она подняла на него глаза, — Что будет потом?..

— Потом?.. Потом мой водитель отвезёт тебя домой, к твоей семье, — он снова заглянул в коляску, — как зовут твоего малыша?

— Валера... — почти шёпотом произнесла Наташа, — Так же, как и моего отца.

— Ну, это судьба, — он довольно рассмеялся, — я имел в виду, что судьба одного

Валерия решается в присутствии другого Валерия. Значит, быть добру.

— Хорошо бы... — снова прошептала она, опустив глаза.

— Ну, что, мы решили? — он внимательно посмотрел на неё, — В котором часу тебе удобно будет отлучиться из дома?

— Мне всё равно... Просто у меня вечером выступление, в шесть часов.

— Ну, тогда сделаем так. Ты мне звонишь, как будешь готова, и я приезжаю за тобой. Договорились?

— Да.

— Но у меня одна просьба... — он положил свою руку поверх её руки, которой она держала ручку коляски, — Пока мы не переведём деньги, не говори об этом никому... Хорошо? Вот приедешь домой — если захочешь, скажешь...

— Хорошо, — она вытащила руку из-под его руки, — Я не скажу.

Вернувшись домой, она застала Анну и Александра, полных впечатлений от визита к старому другу Морозова.

— А где Дима? — Анна Сергеевна посмотрела на часы, — Уже два, а ему к трём надо было ехать... Он сам просил напомнить ему об этом.

— Он уехал к Говорову, — Наташа аккуратно раздевала Валерика, крепко уснувшего на прогулке, — должен был уже вернуться...

— Ну, тогда перезвоню ему, если что, — Анна махнула рукой.

— Я пробовала, но он отключил телефон, — Наташка поймала себя на мысли, что говорит каким-то чужим голосом.

— Странно, — Анна пожалала плечами, — может, позвонить Саше?

— Да, сейчас... — нажимая на Сашкин номер, Наташа подумала, что даже не догадалась сделать так, как посоветовала свекровь, — Саш, привет. Дима у тебя? Давно ушёл... Он почему-то недоступен... Спасибо...

— Ну, что? — Анна вопросительно смотрела на неё.

— Он был у него, но давно ушёл, говорит, поехал в студию. Сашка не знает, почему он вне зоны...

— Ну, что ж, будем надеяться, что он и сам не забыл о встрече, — развела руками Анна.

Уложив ребёнка в кроватку, Наташа задумчиво смотрела в окно... Она поймала себя на мысли, что немного успокоилась. Совсем чуть-чуть, но успокоилась... Ещё раз посмотрела на часы — половина третьего... Димы нет. Как будто угадав её мысли, телефон завибрировал в кармане.

— Наташа, я сейчас не смогу вернуться, — ей показалось, что он говорит приподнято, даже радостно, — Скажи родителям, а то они тоже будут беспокоиться. Я сейчас в студии, отсюда поеду на встречу с юристом.

— Я звонила, ты был вне зоны...

— Аккумулятор сел, я ставил на подзарядку, включил только что.

— Мама хотела тебе позвонить... — Наташе хотелось спросить его о деньгах, но она, как и утром, не решилась, а сам он тоже промолчал.

— Передай ей, что я не забыл, — он рассмеялся, — ну, всё, я поехал.

— Хорошо, — в другой раз она бы загрустила. Но сейчас почти обрадовалась, что не придётся ему врать.

Перед тем, как позвонить Фишеру, она посмотрела в окно... Дима опять вовремя не вернулся домой. Встреча... Какая может быть встреча с юристом седьмого января? Сегодня же праздник. А цветы?.. А отключенный телефон?.. А голос... И он даже не напомнил ей, что должен отвезти её в клуб... К тревоге и страху добавилось ещё и сомнение...

Нет. Только не сегодня. Сегодня — только отец. Остальное потом.

Снова взглянув на телефон, отыскивала нужный номер... Нажала на вызов.

— Анна Сергеевна, — мучаясь от того, что сейчас ей придётся соврать, Наташа не посмела посмотреть свекрови в глаза, — я сегодня записана к стилисту, на причёску... Вы простите, что я забыла вам сказать с утра. Я думала, меня Дима отвезёт, но он задержался, я возьму такси.

— Ой, Наташа, — свекровь озабоченно посмотрела на неё, — а ты успеешь к началу? Уже третий час, а тебе к шести...

— Успею, — кивнула Наташа, — не беспокойтесь. Мне только волосы уложить.

— Хорошо, езжай, только в такси к кому попало не садись, — Анна назидательно оттопырила указательный палец, — Саша в гостях выпил, а то отвёз бы тебя.

— Кого тут отвезти? — довольно весёлый, Александр Иванович появился в дверях, — Запросто!

— Ой, иди уже спать, Саша, — Анна махнула на него рукой, — ну вот нельзя с ним в гости пойти, обязательно лишнего выпьет.

— Анютка! — Морозов-старший распростёр объятия и с ними двинулся в её сторону, — Коньяк лишним не бывает!

* * *

Выйдя из продюсерского центра, Дима сел в машину и впервые за много дней улыбнулся с облегчением... Он снова вспомнил сегодняшний визит к Говорову.

..Закрыв за ним дверь, Сашка жестом пригласил на кухню. Ира с дочерью спали в спальне, но, зная чуткий сон своей Каринки, он предпочитал находиться в эти редкие часы затишья подальше, чтобы снова не погрузиться в потоки детского рёва, которым щедро награждала родителей девочка.

— Это ты удачно пришёл, — Сашка и на кухне разговаривал вполголоса, — орёт целыми днями, Ирка уже похудела с ней килограмм на десять.

— Да, кстати, — Дима протянул ему цветы, которые держал в руке, — это ей, передай от нас с Наташкой.

— За что это? — Говоров подозрительно покосился на букет, — Это точно от вас или от тебя одного?

— От нас, — Дима удивлённо посмотрел на друга, — тебе цветы не подаришь, поэтому Ирке...

— Да ладно тебе, — тот махнул рукой и, выйдя ненадолго из кухни, вновь появился, держа в руках небольшой свёрток, — на, Димыч, извини, что не смогли раньше...

— Саш, ты о чём вообще?! — Дима с благодарностью посмотрел на Говорова, — Знаешь, я уже ни на что не надеялся, даже когда ты сказал про деньги, не стал Наташке ничего говорить, чтобы, если что, не было нового потрясения. Она и так в последние дни вообще не в себе. Мне не говорит ничего, но я же вижу...

— Всё нормально, Дима. Просто так всё произошло у вас спонтанно... Мы как раз с Ирккой первоначальный взнос заплатили за ипотеку — за день до того, как студию разгромили. Вот, пришлось гонорары собирать за последние дни. А у Витьки уже есть ипотека, он тоже всё туда бухает, чтобы скорее расплатиться, вот он тоже перед самым новым годом деньги туда перевёл, как и я набирал гонорары... Ну, а Вадик — он просто отдал то, что вы на гитару ему давали. Сам понимаешь, парень только пришёл в коллектив, как у него спрашивать, но он сам молодец — деньги принёс. Тут должно хватить на операцию.

— Спасибо, Саш, — Дима протянул руку, — как только свои получу, всё отдам, мне осталось только синтез купить...

— Разберёмся, — Сашка кивнул головой, — главное — Наташкин отец. Кофе будешь?

— Давай, и я поеду в студию.

— Да, кстати, что там с Маринкой у вас?..

— В смысле? — Дима удивлённо приподнял брови, — Что — у нас?

— Ну, ты так с ней в ресторане долго беседовал, а сегодня у вас свидание... — Сашка с каким-то подозрением покосился на Диму.

— Да какое свидание? Ты же сам ей наговорил о моих проблемах, — Дима усмехнулся, — она и предложила помощь. Вернее, не то, что бы предложила, но сказала, что готова посмотреть наш с Лапиным контракт на предмет косяков.

— Да?.. Это после того, как у вас тогда роман закончился, она сама тебе предложила?.. — Говоров с недоверием покачал головой, — Зная её, не верится. Или я — негр...

— Ну... мы сначала поговорили, — Дима пожал плечами, — я прощения попросил, тем более, сам до сих пор не знаю, как я тогда с Кристиной оказался... — он вздохнул, — ну, ты понял.

— Да чё уж тут понимать, — Сашка тихонько заржал, — спали вы там в мансарде, как голубки...

— Не помню ничего, — Дима нахмурился, — да и поздно, ни к чему вспоминать, у каждого своя жизнь давно.

— Угу. Только мне кажется, Димыч, что в последнее время все твои женщины почему-то сгребаются в тесные кучки... Осталось ещё психологу подгрести, и всё. Юльке можно снимать фильм... «Дима Морозов и его женщины».

— Кто бы говорил, — Дима невольно засмеялся, — мне с вами не тягаться.

— О, если бы все мои вот так собрались... — Сашка закатил глаза, — Меня бы Ирка убила. А ты ещё живой.

— Так меня и убивать не за что, я жене не изменяю, — снова улыбнулся Дима, — всё прошлое осталось в прошлом. А хорошие отношения лучше войны.

— Не знаю, Дима, — Сашка хмыкнул, — это только ты так думаешь... А в жизни от своих бывших лучше держаться подальше. Ты представь, что твоя жена переживает, когда

каждый день думает о том, что ты с ними видишься?

— Наташа не переживает.

— Ну, это ты так думаешь, — Сашка нахмурился, — а я — знаю...

Посидев ещё немного у Говорова, Дима отправился в продюсерский центр. Папка с его контрактом хранилась у Светы в бухгалтерии и он, открыв своим ключом её дверь, быстро нашёл нужные документы. Ещё раз перелистав для убедительности, снял копии, сложил всё в прозрачный файл. Поставив разряженный телефон на подзарядку, перезвонил Наташе и, дождавшись, пока на индикаторе появится хотя бы два деления, отключил зарядное устройство и покинул помещение.

* * *

— Вот здесь — всё, — передавая Марине файл с контрактом, Дима серьёзно взглянул на девушку, — если честно, никогда не приходило в голову, что там могут быть заморочки...

— А зря, — она стрельнула на него своими красивыми глазами, — знаешь, сколько таких вот заморочек можно найти в любом договоре?

Они сидели в небольшом уютном кафе, и Дима ловил себя на мысли, что за эти годы, что они не виделись, Марина превратилась из красивой девушки в красивую, знающую себе цену, молодую женщину. Чувствуя перед ней вину за свою измену, он через столько лет всё же попросил у неё прощения на встрече одноклассников. Несмотря на его сомнения, Марина ответила, что не держит зла. Разговорившись по-дружески, он спросил её о семье, но она не стала вдаваться в подробности, сказав лишь, что, выйдя замуж, вскоре развелась. «Ну, а о тебе я всё увидела... Ты, кажется, счастлив?» — усмехнулась она, намекая на ту встречу в ноябре, когда Анна привезла Наташу с Валериком к нему в студию. «В этом плане — да», — ответил ей Дима. Марина передала ему её разговор с Говоровым, в котором тот посетовал, что Дима попал в кабалу к Лапину и не может освободиться...

Она сама предложила посмотреть на его контракт...

Недолго поговорив, они распрощались: за Мариной заехал её приятель, а Дима поспешил домой, заранее предвкушая, как он скажет Наташке о том, что деньги для её отца нашлись. Купив в том же киоске ещё один букет, он переступил порог дома.

— Ма, а где Наташка? — раздеваясь в прихожей, спросил Дима у матери, которая вышла к нему навстречу, — Наташ! — не дожидаясь её ответа, он стремительно прошёл к своей комнате. Валерик, сидя в манеже, увидел отца и радостно что-то залепетал, замахал ручками.

— Дима, а разве вы не созвонились? — Анна удивлённо посмотрела на сына.

— С кем? — он тоже удивлённо поднял брови.

— С Наташей... Она же в салоне, ты что, забыл?

— В каком салоне?..

— Ну, как... — Анна вдруг замолчала, потом медленно подняла на него глаза, — Она сказала, что идёт в салон причёсываться, сразу после твоего звонка... Её до сих пор нет... Я

думала, вы созвонились, и приедете вместе...

— Она ни в какой салон не собиралась... — Дима растерянно посмотрел на мать, — Сейчас... — он набрал Наташин номер, но робот сообщил, что абонент не в сети.

— Сколько сейчас времени? — он тревожно посмотрел на часы, — Пять часов... Если она ушла после двух... где она может быть?!

— Не знаю... — Анна растерянно развела руками и присела на диван, — Поезжай в салон...

Поездка в салон, где обычно причёсывалась Наташа, оказалась пустой — её мастер только развёл руками, сказав, что о встрече они не договаривались. В смятении Дима вернулся домой...

— Нужно позвонить её сестре, — предложила Анна Сергеевна.

Ни звонок Алине, ни звонки Юле и Говорову и ещё нескольким общим знакомым ничего не дали — никто Наташу после того, как она ушла из дома, не видел и с ней не разговаривал...

— Может, она сразу в клуб поехала? — Анна посмотрела на сына.

— Не может... — Дима покачал головой, — её платье и обувь в комнате... да она бы предупредила!

— Уже шесть часов, — Анна Сергеевна посмотрела на часы, — Дима, что делать?!

— Я поеду в клуб, — он решительно направился к двери, но, услышав сигнал, торопливо достал телефон, — да, Саня... Что?! По какому каналу? По городскому?! Да, понял... Я туда еду...

— Что случилось?! — Анна Сергеевна испуганно слушала разговор.

— «Зебра» горит, — наспех одевшись, Дима обернулся уже в дверях, — клуб, в котором должна была выступать, Наташка, горит...

Леонид Борисович со злостью захлопнул дверь вип-бильярдной и обернулся к Кристине, которую он только что впустил. Пройдя не совсем твёрдым шагом к широкому, мягкому кожаному дивану, она забралась на него с ногами и уставилась на отца.

— Ты почему опять здесь?! — его возмущению не было предела, — Кристина, ты же собиралась сегодня навестить мать... — при этих словах он сдвинул брови, было видно, что эта тема вызывает у него негативные эмоции.

— А я передумала, — улыбаясь, девушка пьяно развела руками, — мне у тебя тут больше нравится.

— И что мне теперь с тобой делать? Клуб ещё закрыт, я просто случайно оказался здесь, и должен сейчас уехать снова.

— А можно я с тобой? — она капризно надула губы.

— Куда?! — выкрикнул он, — Я еду по делам.

— Какие дела? — она изобразила удивление, — Сегодня же праздник... Рож-де-ство!

— У тех, кто хочет чего-то добиться в жизни, праздников не бывает. Тебе тоже не мешало бы запомнить эту истину.

— Всё, за-пом-ни-ла, — кивая на каждом слогe, весело произнесла Кристина.

— Ты, вообще, как здесь оказалась? — он снова вернулся к вопросу.

— А, хотела Морозова увидеть, — она махнула рукой, — он сейчас должен свою матрёшку сюда подвезти. Она же поёт у тебя сегодня.

— Понятно, — он недовольно нахмурился, — ладно. Мне сейчас не до матрёшек и вообще ни до кого.

— А что случилось? — она старалась сфокусировать зрение на отце.

— Потом... — он озабоченно похлопал себя по карманам, — Чёрт, где мои сигареты... В общем, так. Я сейчас тебя здесь закрою, а на обратном пути заберу и отвезу домой. Поняла? Меня не будет буквально час-полтора... Ложись на диван и спи.

— Папа, я не хочу тут сидеть... — она снова капризно поджала губы, — Отвези меня сейчас домой...

— Не могу, я и так опаздываю, — найдя, наконец, сигареты, он оделся и подошёл к дверям, — я скоро.

— Ну и чёрт с тобой, — устроившись на диване, Кристина положила голову на мягкий подлокотник и прикрыла глаза, — мне и тут хорошо...

* * *

Дима ехал по освещённым улицам, в душе успокаивая себя тем, что с момента, когда Наташа ушла из дома, прошло не очень много времени. Да, в салоне её не было, но, вдруг, именно сегодня она поехала к другому мастеру... Вдруг, ей так захотелось... Правда, на неё не похоже, чтобы она не сказала ему об этом. Но вариант вполне допустимый. Телефон мог разрядиться, а в другом салоне могла быть очередь... Хотя, какая очередь, сейчас клиентов везде принимают по записи... Тогда не получается...

Она не собиралась в салон, иначе бы он знал. Она всегда ему всё рассказывает. В клуб она поехать тоже не могла — платье дома... Сейчас уже начало седьмого вечера — её концерт должен был уже начаться. Но клуб горит — об этом сообщили по местному каналу. Неужели она — там?!

Тревога всё усиливалась. Остановившись на перекрёстке, он не сводил глаз со светофора: ему казалось, что красный свет никогда не потухнет. Едва дождавшись зелёного, он судорожно нажал на газ...

Все подъезды к «Зебре» были перекрыты пожарными машинами. Оставив свой «фольксваген» в соседнем дворе, Дима бежал по дорожке, ведущей к центральному входу ночного клуба, ещё издали почувствовав запах гари: он разносился далеко, достигая соседних улиц, дворов и скверов...

Подходя ближе, он невольно замедлил шаг: было непривычно видеть знакомое тёмно-серое здание, не освещённое, по обыкновению, яркой иллюминацией. Судя по всему, очаг пожара находился внизу, но дым просачивался даже из закрытых окон второго этажа, где находились игровой зал и казино. Несколько пожарных машин стояли в ряд, и Дима, едва не спотыкаясь о шланги, стремительно пересёк двор. Сотрудники, стоявшие неподалёку, сбивчиво рассказывали, что пожар возник в гримёрной и быстро распространился по соседним помещениям, обитым пластиком.

— Хорошо, что ещё людей практически не было, — молодая девушка, схватившись за щеки, качала головой, — только персонал, да несколько артистов.

— А кто из артистов был? — Дима побледнел, услышав её слова, — И где они?..

— Точно не знаю, но были девочки, которые поют.

— Сколько их было? — тревожно спросил Дима.

— Кажется, две... или три...

— А кто именно?

— Я не знаю... я на втором этаже работаю.

— Где они сейчас?

— Всех людей вывели сразу, вроде бы никто не пострадал, — девушка произнесла эти слова с облегчением, — дыму наглотались, а так — нормально... Сейчас там только пожарные работают.

— Спасибо... — кивнув ей, Дима подбежал к центральному входу, но его туда не пропустили, то же самое ожидало его у служебного входа для артистов и персонала. Обогнув здание, он оказался у второго служебного крыльца, через которое в клуб попадали только хозяин и его VIP-гости, но дверь была закрыта...

Он растерянно оглядывался вокруг, когда услышал за спиной тяжёлые шаги. Оглянувшись, увидел, как Леонид Лапин бежит в его сторону от автомобильной стоянки, держась за сердце...

— Кристина... — Лапину было тяжело дышать и разговаривать на бегу, и поэтому голос звучал хрипло, — Господи... Её-то хоть нашли?!

— Кого?! — Дима двинулся ему навстречу, — Кого нашли?

— Крестину, — окончательно задохнувшись, Лапин остановился и, наклонившись

вперёд, старался отдышаться, — Она там... в бильярдной была... — он медленно распрямился, держась за сердце, — Я ехал уже назад, когда мне позвонили... Ключ только у меня... Где все?!

— Я не знаю, — Дима напряжённо оглядывался по сторонам, как будто стараясь увидеть кого-то, — пожарные работают с центрального входа; внутри огонь погасили, но они всё ещё там...

— А в подвале?!

— Я не знаю, — покачал головой Морозов, — этот вход закрыт, а со второго служебного и центрального не пускают, я сам хотел туда попасть, у меня жена пропала...

— Господи... Там, в бильярдной, Кристина, — думая о своём, Леонид вдруг покачнулся и, потеряв равновесие, упал на снег. Держась за сердце одной рукой, другой он вытащил из кармана ключи.

— Где бильярдная? — Дима протянул руку — Давайте ключи...

— Там... в подвальном этаже... — едва переводя дыхание, Лапин выглядел бледным и больным, — Они что, её не открыли?!

— Я сейчас... — махнув ему рукой, Дима вскочил на крыльцо и открыл служебную дверь. Все силы пожарников были сосредоточены на противоположном конце здания, там, где были гримёрные и служебные помещения. Со стороны вип-входа возгораний не было, но сильная задымлённость мешала нормальному дыханию.

Закрыв лицо полой куртки, Дима спустился вниз по лестнице и отыскал тяжёлую металлическую дверь. Дым просочился уже и сюда, было плохо видно и он, почти наощупь, попытался вставить ключ в замочную скважину. Ничего не получалось; перевернув ключ, он сделал ещё одну попытку... Чувствуя, как начинает кружиться голова, с огромным трудом, наконец-то, открыл дверь...

...Кристина лежала на диване, лицом вниз...

— Кристина! — потормошив её за плечо, Дима не стал дожидаться ответа. Подхватив её на руки, выбрался из задымлённой комнаты в не менее задымлённый коридор...

Руки были заняты, прикрыть лицо не было никакой возможности... Уже подходя к лестнице, почувствовал, что задыхается... попробовал задержать дыхание... поднявшись из последних сил, как во сне сделал несколько шагов по направлению к входным дверям...

Последнее, что он запомнил — резкий поток морозного воздуха...

— Открываем глазки... открываем... — кто-то слегка шлёпал его по обеим щекам, — Во-о-о-т... Молодец... Дыши глубже.

— Всё нормально... — он с трудом открыл глаза и попытался сесть. Голова всё ещё кружилась, слегка подташнивало от привкуса дыма во рту, в горле першило и хотелось только одного — вдохнуть полной грудью абсолютно чистого воздуха.

— Точно нормально или тебя в больницу отправить?

— Нет, не нужно... Сейчас отдышусь...

— А ты молодец, — девушка в медицинском костюме, поверх которого была надета тёплая форменная куртка, одобрительно смотрела на Диму, — герой.

— Что с Кристиной? — опираясь руками о землю, он с трудом оглянулся, — Она

живая?

— Это та девушка, которую ты вынес? — медсестра протянула ему какую-то таблетку и бутылочку с водой. — На, выпей...

— Спасибо, — он взял лекарство, — где Кристина?

— Вон, в скорую загрузили, сейчас увезут в больницу, — девушка кивнула головой куда-то в сторону.

— Она жива?

— Да, только дыму наглоталась, мама не горюй... Если бы не ты, задохнулась бы насмерть, ведь никто не знал, что она там... Там же не горело, туда пожарные и не полезли... Двери закрыты, никто не подумал, что там кто-то есть. А дым-то весь туда пошёл.

— А так — всех нашли?.. — он посмотрел на девушку, — У меня жена должна была тут выступать сегодня... Я даже не знаю, тут она была или нет...

— Да вроде бы всех, — девушка пожала плечами, — Обгоревших нет, мёртвых тоже... есть угоревшие, два человека, из персонала. Но их состояние удовлетворительное. Повезло в том плане, что посетителей ещё не было.

— Господи, где же Наташка?.. — сидя на снегу, он закрыл лицо руками, — Где же она...

* * *

Наташа сидела в небольшой уютной комнате, обставленной дорогой мягкой мебелью. Попад второй раз в жизни в дом Игоря Николаевича, она в первые минуты гнала от себя все воспоминания, связанные с этим домом, стараясь переключиться только на одну мысль — что сегодня деньги на операцию отцу будут переведены на нужный счёт... Фишер ненадолго отлучился и она, сидя в одиночестве, боялась даже пошевелиться... На неё вновь нашло уже знакомое оцепенение, и она с какой-то обречённостью ждала возвращения хозяина дома.

— А вот и я! — он бодро вошёл в комнату, — Как ты себя чувствуешь?

— Хорошо, — едва слышно ответила она, опустив глаза.

— А мне кажется, ты чего-то боишься, — он присел напротив неё и участливо склонил голову, — скажи мне, чего ты боишься?

— Ничего, — она быстро подняла взгляд, потом снова опустила.

— Если ты переживаешь, что встретишься с Артёмом, то совершенно напрасно. Его сегодня нет, и не будет.

— Я не переживаю, — она отвечала тихо, стараясь не смотреть на него.

— Ну, и замечательно. Сейчас... — он взял со стола ноутбук и присел рядом с Наташей, так, чтобы ей был виден монитор, — вот... сейчас... Войдём в банк... Ты реквизиты не забыла?

— Нет, вот они. — она достала из сумочки листок с реквизитами для перевода.

— Хо-ро-шо! — взяв листок, он внимательно прочёл текст, потом снова обратил внимание на монитор, — Та-а-ак... Странно. Почему-то не открывается банк онлайн... Секунду, хорошо?

— Да, — она кивнула.

Страничка не открылась ни со второй, ни с десятой попытки. Прошло уже около часа, а войти в аккаунт он так и не смог.

— Странно, — Фишер казался удивлённым, — почему не открывается?

— Может, пароль неверный? — Наташа не сводила глаз с монитора.

— Нет, верный... — Игорь в недоумении развёл руками, — Но ничего, может, просто зависла... Немного подождём, хорошо? Совсем немного...

— Хорошо, — шёпотом произнесла Наташа.

— В таком случае, я предлагаю немного перекусить, — он казался радушным хозяином, — тем более, сегодня праздник.

— Нет-нет... — она замотала головой, — Мне уже скоро нужно ехать домой. Если не получается открыть страничку, я поеду домой прямо сейчас...

— Ну, что ты, Наташенька, — он растерянно развёл руками, — ты так далеко ехала, чтобы не сделать важное дело? Это неправильно. Я благодарен тебе за то, что ты принимаешь мою помощь... И теперь уже нужно идти до конца...

— Но у меня концерт, — она подняла на него огромные от страха глаза.

— Но ведь деньги должны поступить до завтра? — он сказал это негромко, но так твёрдо, что она, было поднявшись с места, снова присела, — Поэтому давай уже решим проблему. А за концерт я с Лёней договорюсь.

— Но меня будут искать дома... — она посмотрела на часы, — Наверное, уже ищут... Я позвоню... — с этими словами достала телефон, но, взглянув на экран, изменилась в лице, — Связи нет...

— Да, я забыл совершенно, здесь не все операторы ловят, — он пристально посмотрел на неё, — поэтому... нет другого выхода, как пойти и подкрепиться.

— Можно мне позвонить с вашего телефона?

— Наташа... при всём моём уважении... — он отрицательно покачал головой, — Я не могу дать тебе свой телефон. Этот номер — только для самых близких и преданных мне людей, для остальных он просто не должен существовать. А телефон с другой симкой, на который звонила ты, я случайно забыл в городе, когда ехал за тобой. Ну, так вышло... — он развёл руками.

— Что же мне делать? — она в отчаянии посмотрела сначала на часы, потом на него.

— Как — что? — Фишер удивлённо приподнял брови, — Немного подождать, заодно разделить со мной скромный ужин... — Прошу! — он сделал широкий жест рукой в сторону двери.

Не зная, что делать, Наташа неохотно поднялась и, взяв сумочку, робко сделала шаг.

— Сумочку оставляй, — он махнул рукой, — пусть всё лежит здесь, не бойся, никто у тебя тут ничего не украдёт.

— Я не боюсь, — её снова охватил озноб, теперь уже от страха — что будет дальше? Подозрение, что она просто попала в ловушку, крепло с каждой минутой.

В большой гостиной, куда он её провёл, горел камин, стол был накрыт на двоих, и Наташа поняла, что он готовился к встрече с ней... Она должна была это предвидеть. Оплата операции — только повод, чтобы привезти её сюда... как она могла поверить на слово?! Она

как будто вышла из ступора... Новая порция страха заполнила душу... Она снова посмотрела на настенные часы — шестой час вечера. Даже если выехать прямо сейчас, она попадёт в клуб не раньше шести...

— Отпустите меня... — неожиданно произнесла Наташа с мольбой в голосе, — пожалуйста...

— Наташенька, — он удивлённо смотрел на неё, — да разве я тебя удерживаю?! Ты приехала по доброй воле, и я не собираюсь брать тебя в плен...

— Тогда отвезите меня домой, — глаза наполнились слезами, она боялась моргнуть, чтобы они не хлынули горячим потоком, — Пожалуйста...

— Отвезу, конечно! — он сделал успокаивающий жест, — Только сделаем дело, ради которого тебе пришлось идти на явную жертву... Ты ведь пошла на жертву, верно? — отодвинув стул, он жестом пригласил её присесть. Она не сдвинулась с места, тогда он взял её за плечи и, подведя к стулу, усадил за стол.

— Я не буду есть, — она покачала головой, — спасибо, я не хочу.

— Не принимается, — ему явно не хотелось отпускать её из своих рук и, взяв её ладонь, он присел напротив, — не принимается потому, что теперь нет смысла отказываться ни от еды, ни от моего гостеприимства.

— Отпустите меня... — она повторила свою просьбу, — У меня ребёнок, мне нужно домой...

— Ты поедешь домой. Но после того, как мы оплатим лечение твоему отцу. Я уверен, что твой сын в безопасности, с любящими его людьми.

— Что я теперь скажу дома... — она опустила голову, — Мне пришлось обмануть Анну Сергеевну. Но я думала, что успею вернуться до пяти часов...

— Наташа, — он слегка сжал её руку, — послушай меня. Вот именно сейчас уже не стоит думать ни о чём, кроме того, что нужно перевести деньги. Раз уже опоздала, раз уже обманула... Теперь нужно иметь для этого очень веское оправдание. А оно есть, вернее, будет, когда мы переведём деньги. Тогда уже будет не так страшно... Согласна? — подавая ей бокал с вином, он как-то по-особому посмотрел на неё.

— Не знаю... — взяв из его рук бокал, она тут же поставила его на стол.

— Почему ты такая скованная? — он выпил вина, налил ещё, — Выпей, скованность пройдёт.

— Я не пью...

— Так не бывает, — он усмехнулся, — другое дело, что ты мало пьёшь... Это хорошо. Но я много и не предлагаю. Всего один бокал.

— Нет, спасибо.

— Я сейчас принесу сюда ноутбук, чтобы ты не сомневалась, что я не обманываю, — с этими словами он вышел из комнаты и почти тут же вернулся с ноутбуком, — сейчас ещё раз попробую. Н-н-ет... Так и нет связи.

— Игорь Николаевич, — Наташа подняла на него глаза, — скажите правду... Что вы от меня хотите?

— Абсолютно ничего, — он развёл руками, — кроме помощи твоему отцу, у меня никаких целей нет.

— Я не маленькая, — она снова опустила взгляд, — и прекрасно понимаю, что просто так вы не стали бы помогать. Меня толкнуло на этот шаг отчаяние... А вас?

— Наташа... — он выпил ещё вина, — Тогда скажи мне... На что конкретно ты была готова пойти, когда соглашалась принять мою помощь? Я это спрашиваю лишь потому, что ты мне не веришь.

— Я не знаю... — еле слышно ответила она, — не знаю.

— Ты, наверное, думала, что я потащу тебя в постель? — он усмехнулся, — Раз так, то ты была готова уступить?

— Нет! — она воскликнула раньше, чем он договорил, — Нет!

— Тогда что?! — он недоумённо посмотрел на неё, — Чего ещё я мог бы требовать от тебя, по твоему мнению?

— Я не знаю... Отвезите меня домой...

— К сожалению, пока это не получится, — он снова налил себе вина, — ты видишь, я выпил, и за руль мне нельзя. А водителя я на сегодня отпустил.

— Послушайте... — она хотела что-то сказать, но он не дал ей договорить.

— Нет, это ты послушай, — положив локти на стол, он уставился на неё пронзительным взглядом, — ведь ты предполагала, что тебе придётся выполнить некие условия, принимая мою помощь?

— Я об этом не думала...

— Но ты была готова помочь отцу, во что бы то ни стало? Ты не собиралась со мной в постель, но в душе ты не могла не предполагать такой вариант, признайся.

— Я хотела спасти папу... Но я не думала о том, чего мне будет стоить его жизнь...

— Ты ошиблась, Наташа... — он вдруг смягчил тон, — Ты ошиблась в одном. На самом деле ты была готова выполнить мои условия не за помощь отцу, а за определённую сумму денег, которую ты потратила бы на его лечение. То есть, улови разницу... Всё в конце концов возвращается именно к деньгам, потому, что именно деньги делают нашу жизнь жизнью, а не существованием... Именно они могут дать эту жизнь или спасти.

— Я не понимаю вас.

— Тут всё понятно. За ту сумму, которую нужно перевести в клинику, ты готова была изменить мужу, поступиться своими принципами, которые у тебя есть, наконец, своей семьёй.

— Это неправда, — она с тоской подумала о Валерике, о Диме...

— Правда, — он исподлобья посмотрел на неё, — но ты ошиблась... Да, я хочу тебе предложить некие условия. Условия жизни. Условия творческого успеха, ведь ты очень талантлива. Но ты не можешь прыгнуть выше той планки, которую тебе может предложить твой муж. Наташа... — он снова взял её за руку, которую она тщетно попыталась у него забрать, — Я, возможно, сейчас груб... Но это только от того, что я не умею обращаться с такими женщинами, как ты... Поверь, но я искренне хочу сделать тебя счастливой... Я могу предложить тебе очень многое. Я могу вложить столько денег в твой талант, сколько понадобится... Ты будешь выступать на центральных каналах. Я закажу о тебе фильм... Я уже всё пробил — сценарий, стоимость, условия... Я приму тебя с твоим сыном, и я скажу больше: ради этого я отсылаю за границу своего родного сына — ты можешь оценить моё отношение к тебе только по одному этому поступку. Ты ни в чём не будешь нуждаться, поверь.

— Я вообще не понимаю, о чём вы говорите.

— Всё ты понимаешь. Уже скоро месяц, как я бегаю по Лёнькиным клубам, чтобы увидеть тебя... Неужели ты до сих пор не поняла этого?

— Как же так? — она судорожно вздохнула, — Неужели вы думаете, что можно уйти от любимых людей ради денег или славы?

— Наташенька... — он усмехнулся, — Ради денег и крутится планета... всё на ней происходит именно ради денег. Ты и сама об этом знаешь.

— Отпустите меня... — глядя куда-то в сторону, глухо произнесла Наташа, — Я ошиблась... я поверила...

— Ты не поверила, ты знала. Но я слово сдержу... — он снова взял в руки ноутбук, — Нет... так и не открывается... Но мы будем ждать до последнего.

— Как мне попасть в город? — сквозь слёзы спросила Наташа, — Отпустите меня.

— Я отпущу... да я, собственно, и не держу тебя. Но транспорта пока нет. Ты вернёшься домой, обязательно. Только завтра утром.

— Как?.. Что я скажу?..

— Скажешь правду, — он пожал плечами.

— Дима не поверит, что я... — она снова с мольбой посмотрела на него, — Вызовите такси, пожалуйста...

— К сожалению, такси сюда не ездит.

— Но он подумает, что...

— Что ты провела со мной ночь ради денег на операцию? — он поднял брови, — Вот и увидишь, любит он тебя или нет. Если любит — он тебе поверит, а, если не поверит, то простит.

— Он не поверит... — она произнесла это шёпотом, закрыв лицо руками, — Тем более, что именно здесь, в вашем доме... Он не простит мне.

— Но ты ведь знала об этом, — он как-то участливо посмотрел на неё, — сам-то он не смог тебе помочь... Неужели осудит за то, что ты сама спасла своего отца?

— Меня ждёт сын...

— Завтра он тебя увидит. Завтра всё будет хорошо. И, чтобы ты мне окончательно поверила... Я решил вернуть твоему Диме те деньги, которые он выплатил Лёньке за то, что дал по зубам моему Артёму. Я согласен, что Артём это заслужил. Завтра же я их переведу.

— А что тогда подумает Дима?! — она с отчаянием смотрела на Фишера, — Я проведу здесь ночь, а наутро вы ему переведёте деньги?! Как он это расценит?!

— Он поймёт, какая дорогая женщина ему досталась, — улыбнулся Фишер.

Внезапно зазвонивший телефон отвлёк его от беседы и, нажав на клавишу, мужчина вышел из комнаты. Какое-то время Наташа сидела, глядя в одну точку, но потом, услышав, как хлопнула входная дверь, осторожно выглянула в окно. В открывшиеся металлические ворота медленно въехал внедорожник, фарами рассеивая вечернюю темноту. Она ещё раз посмотрела на часы — около восьми часов вечера...

Снова выглянула в окно: Фишер о чём-то разговаривал с водителем внедорожника. Сосредоточенно думая о чём-то, перевела взгляд на ноутбук...

...Первое, что пришло ей в голову — найти по поиску сеть «ВКонтакте». Каково же было её удивление, когда, открыв страничку, Наташа поняла, что попала на профиль самого Фишера — судя по всему, он оставил в памяти и логин, и пароль... Сама не зная, зачем ей это нужно, она лихорадочно открыла новое поступившее сообщение: это была переписка Игоря Николаевича с какой-то молоденькой девушкой. Читать было некогда, и Наташа

просто окинула взглядом текст — буквально из нескольких фраз было понятно, что Фишер предлагает девушке работу, и она соглашается...

...То, что она прочитала, не сразу дошло до её сознания, но Наташа запомнила имя — Виктория Говорова. Она запомнила его лишь потому, что девушка была однофамилицей Сашки.

...Она торопливо вводила свои пароль и логин, когда автомобиль, заурчав, стал выезжать из ворот... «Юля, я у Фишера, позвони Диме» — отправив сообщение, быстро вышла с сайта...

Метнувшись к окну, Наташа осторожно, как и в прошлый раз выглянула из-за края портьеры: Игорь Николаевич вручную закрывал тяжёлые ворота, освещённые фонарями. Решение созрело спонтанно... Пробежав в комнату, где лежали её одежда и сумочка, быстро надела шубку... Выйти через дверь не представлялось возможным — Фишер вот-вот должен был вернуться в дом. Окна этой комнаты тоже выходили во двор, и выбраться из них, незамеченной хозяином, всё ещё находившимся на улице, она тоже не могла.

Бросившись по коридору, забежала в первую попавшуюся на пути комнату, расположенную на другой стороне.

Судя по обстановке, это был кабинет... Повернув ручку пластиковой рамы, она осторожно потянула её на себя...

Наташа понимала, что Фишер сейчас бросится искать её по дому, поэтому, оказавшись на снегу под окном, тут же лихорадочно огляделась... Огромный двор был огорожен резным металлическим забором, увенчанным острыми наконечниками, перебраться через которые ей было явно не под силу. Но и до забора нужно было ещё добежать...

«Господи, помоги мне!» — эти слова вырвались у неё произвольно, как будто кто-то надоумил их произнести.

Единственным местом, где забор был не таким высоким и без острых наконечников, был небольшой домик, одной стороной сливающийся с этим самым забором — видимо, там должна была находиться охрана, но, судя по тому, что Фишер сам открывал дверь, Наташа поняла, что домик сейчас пуст... Навалившие за декабрь сугробы не давали возможности спрятаться, прижавшись к стене, и она, осторожно обойдя дом, в отчаянии присела в небольшую нишу сбоку высокого, массивного крыльца. Судя по всему, Игорь уже вернулся в дом и обнаружил её отсутствие... Подумав об этом, она невольно сжалась...

— Наташа! — внезапно открывшаяся входная дверь заставила её вздрогнуть. Спустившись по широким ступенькам, он внимательно оглядел двор, — Наташа, я знаю, что ты где-то здесь, — вкрадчивым тоном произнёс он в ночную тишь, — Ты отсюда не выберешься, до города тридцать километров... Завтра я тебя отвезу, я тебе обещаю... А сейчас иди в дом. Тебя никто не обидит...

Сидя буквально в двух шагах от него, Наташа в страхе вжалась в стенку своего

неожиданного укрытия, слившись со спасительной тенью. Сделав несколько шагов по двору, Игорь снова оглянулся, скользнув взглядом по тому месту, где спряталась Наташка, но, так и не увидев её, снова вернулся к крыльцу. Одет он был только в рубашку и брюки, и Наташа подумала, что, замёрзнув, он быстро вернётся в дом. Но он неожиданно вновь прошёл к воротам, открыл вмонтированную в них дверь и выглянул наружу. Замершая от страха, Наташа вдруг услышала громкий щелчок — судя по всему, от ветра захлопнулась входная дверь в дом, которую Фишер оставил открытой...

Обернувшись на звук, он стремительно бросился к дому и взбежал на крыльцо...

...Она сначала даже не поверила, что так может быть: в спешке он оставил открытыми ворота... но, спустя несколько секунд, Наташа уже бежала по улице незнакомого ей посёлка...

Она не знала, куда бежать, но возвращаться было ещё хуже. Наташка вдруг чётко осознала, что, идя на такую жертву ради одного дорогого ей человека, она теряет другого, не менее дорогого, самого дорогого... А Валерик?.. Что будет с ним?! «Господи, помоги!» — на этот раз она произнесла про себя эти слова.

Она со всех ног мчалась по дороге прочь от дома Игоря, когда он снова выглянул на улицу.

— Наташа! — он было кинулся её догонять, но потом, резко развернувшись, вернулся во двор.

Она всё ещё бежала, когда сзади услышала скрежет открывающихся ворот. Оглянувшись через несколько секунд, увидела, как фары выезжающего из двора автомобиля разрезают темноту... Понимая, что другого выхода нет, свернула с дороги и, споткнувшись в сугробе, упала — автомобиль Фишера промчался мимо. Лёжа в снегу, Наташа подумала, что далеко он не поедет, и не ошиблась — оказавшись в конце улицы, «лексус» развернулся и, уже медленнее, поехал назад...

...Она не чувствовала холода, мысленно молясь только об одном: чтобы он её не заметил... Видимо, выпитое рассеяло внимание, и Игорь Николаевич не разглядел её в темноте. Дождавшись, пока он отъедет подальше, Наташа осторожно встала и пошла вперёд по обочине... Она даже не отряхнулась, только шла, оглядываясь назад...

* * *

Коттеджный посёлок заканчивался, а она не знала, куда идти дальше... В отчаянии подошла к последнему дому и нажала на кнопку звонка на воротах. Высунувшийся спустя пару минут высокий, спортивного телосложения парень, вопросительно уставился на позднюю гостью.

— Пожалуйста... — дрожащим голосом сказала Наташа, — помогите мне...

— Что случилось? — парень вышел за ворота.

— Мне нужно добраться до города. Я не знаю, в какую сторону идти...

— Идти?! — он усмехнулся, — А ты хоть знаешь, сколько тебе идти придётся?

— Нет... — она покачала головой, — Я только знаю, что далеко...

— Что, загуляла, подруга? — он с интересом посмотрел на Наташу, — С нового года-то хоть дома была?

— Вы мне скажите только, в какую сторону идти... — она стояла, держась за дверцу, — может, попутка будет...

— Ну, тебе точно попутка будет, — он с улыбкой разглядывал её в свете фонаря, — Такую подвезут... Давно бухаешь-то?

— Что?.. — она не поняла вопроса. Озноб, уже в который раз охвативший тело, становился всё сильнее.

— Сколько дней бухаешь? — он засмеялся, — ворота только мне не помни...

— Я не пью... — она с мольбой подняла на него глаза, — Мне нужно позвонить... Вы не разрешите позвонить с вашего телефона? Мой оператор здесь не берёт...

Внезапно она заметила, как по дороге, со стороны посёлка, в их сторону движется автомобиль, и от страха, что это машина Фишера, буквально вжалась в ворота...

— Э, ты чего? — парень удивлённо посмотрел на неё, — За тобой что, погоня?..

— Да... — дрожа всем телом, ответила Наташа.

— А за тобой есть, кому приехать? — тон парня стал вдруг участливым, — Если в город позвонить?

— Да... Надеюсь...

— Ну, тогда входи, — пропуская её вперёд, парень окинул взглядом улицу, — всё равно скучно, а так хоть поболтаем...

Пройдя во двор, они поднялись по высокому крыльцу в дом. Попад в помещение, Наташа не ощутила тепла, ей казалось, что мороз так и пробирает её насквозь.

— Тебя как зовут? — парень с любопытством наблюдал, как ночная гостья снимает шубку, превращаясь в красивую, стройную блондинку с карими глазами...

— Наташа.

— А меня Серёга.

— Очень приятно, — она впервые подняла на него глаза — короткий ёжик на голове, накачанные мускулы, весёлый серый взгляд, — Можно мне позвонить?..

— Звони, — он протянул ей телефон, — Чаю хочешь?

— Да... — она кивнула, — Холодно.

Уже набрав заветные цифры, она на мгновение замерла... Что она скажет Диме?.. Ей так захотелось услышать его голос...

— Дима... — не сдержавшись, она заплакала, — Димочка... прости меня...

— Наташа! — он буквально кричал на том конце, — Наташка, ты где?! Чей это номер?!

— Дима... — она окончательно разревелась, — Забери меня... — она посмотрела на

Сергея, — Адрес?.. Сейчас...

— Бойфренд? — понимающе кивнул на телефон Серёга, — или брат?

— Муж... — она вдруг почувствовала, как озноб сменяется жаром.

— А тут как оказалась?

— Я к Фишеру приезжала... — она взяла предложенную им чашку чая, — Он меня обманул... Обещал только перевод при мне сделать и в город отвезти. А сам хотел, чтобы я до утра у него осталась...

— И что? — с интересом спросил Сергей.

— Я сбежала.

— Фишер — тёмная личность. Тут его не любят.

— Я даже не знаю, кто он... — Наташа с трудом разговаривала, но ей казалось, что она уже давно знакома с этим весёлым парнем.

— Да его никто толком не знает. Только слухи ходят, что он тёлками торгует... Ну, в смысле, девчонок вербует за границу, и потом продаёт.

— Да?! — Наташа испуганно посмотрела на Сергея, — Это же преступление... Почему его не посадят?

— Так менты, видать, в доле, — тот пожал плечами, — ты пей, я ещё налью...

Прозвучавший примерно через час звонок вызвал у неё одновременно и страх, и радость...

— Входите, тут ваша девушка, — Сергей открыл ворота и жестом пригласил войти звонившего.

— Дима! — кинувшись к нему из последних сил, она буквально рухнула в его объятия... — Простите меня... я не смогла... не смогла...

— Наташка... — прижимая её к себе, он целовал её волосы, — Наташенька...

— Я не смогла... Дима... я не смогла... — уткнувшись ему в грудь, она повторяла снова и снова, — не смогла...

— Спасибо вам, — Морозов-старший, выслушав Сергея, пожал ему руку, — спасибо! Завтра Дима вам перезвонит, мы отблагодарим...

— Да, ладно, — тот добродушно улыбался, — я ни при чём... Девушка красивая, почему бы не помочь...

Видя, в каком она состоянии, Дима не стал ни о чём расспрашивать, счастливый уже тем, что Наташка жива и невредима, поэтому всю обратную дорогу они молчали — она, затаившись в его руках, он — прижавшись щекой к её голове, так, что сидевший за рулём Александр Иванович, бросая короткие взгляды в зеркало, мог видеть только Димкину макушку.

Дома, при виде свекрови, Наташа опустила глаза, не смея больше их поднять.

— Простите меня, — почти шёпотом произнесла она Анне прямо с порога, — я вас обманула...

— Наташа, — неожиданно для всех, та обняла невестку, — это всё потом, главное, что с тобой всё в порядке! Дима чуть с ума не сошёл... и мы тоже....

— Ну, всё, пойдём, — Дима взял её за плечи и увёл в их комнату, — ты на ногах еле стоишь.

В комнате царил уютный полумрак... горели только ночник у кровати Валерика и настенное бра у их с Димой кровати. Наташе показалось на мгновение, что она — маленькая девочка, которая сначала заблудилась, а потом попала домой... Ребёнок спал, раскинув ручки, и, наклонившись над детской кроваткой она, уже в который раз за этот день, расплакалась. Бережно взяв на руки, прижала его к себе тёплое, родное тельце. Почувствовав материнское тепло, малыш сладко вздохнул во сне...

— Наташа... — сидя на кровати, Дима тревожно-вопросительно смотрел на неё, — Не молчи...

Понимая, что исповедь неизбежна, она положила ребёнка назад в кроватку...

— Дима... — присев рядом с ним, она ещё с минуту собиралась с духом, — Я не смогла помочь отцу... Хотела... но не смогла... Я не знаю, что теперь делать...

Она рассказала ему всё — начиная с первой встречи с Фишером в ночном клубе и заканчивая сегодняшней поездкой к нему домой. Слушая её рассказ, Дима становился всё мрачнее...

— Как ты могла?.. — глядя куда-то себе под ноги, тихо спросил он, — Наташа...

— Я не знала, что мне делать... — испугавшись его тона, она робко посмотрела на него — выражение лица его было отрешённым, и она совсем растерялась.

— Как ты могла?.. Почему ты мне ничего не рассказала?

— Я знала, что ты будешь против... Я боялась, что ты пойдёшь с ним на конфликт, и у тебя будут неприятности.

— Я всё равно не могу понять, — он так и сидел, глядя вниз, — как?! Как ты могла?!

— Я поняла, что ты не можешь помочь. Я думала только об одном — что отцу нужна срочная операция. Больше я не думала ни о чём.

— Я же тебе несколько раз говорил — всё будет хорошо...

— Я поняла, что ты меня просто успокаиваешь.

— Значит, мне ты не поверила... А этому... — он запнулся на слове, — Этому поверила. Ну, и что? — он посмотрел на неё так строго, что она внутренне сжалась, — Он тебя не обманул?

— Я не знаю, — шёпотом произнесла она, — я убежала... Просто у меня была надежда... А теперь... теперь её нет, — подбородок задрожал, она закусила губу, не в силах справиться с накатившими вновь слезами, — всё...

— Что — всё?

— Всё. Утром я должна буду сказать папе, что ничего не получится.

— Как раз всё получится, — он встал и, подойдя к компьютерному столу, вынул из ящика свёрток, — вот деньги. Здесь вся сумма. Завтра утром позвонишь в клинику, скажешь, что деньги будут переведены. Думаю, их устроит такой вариант.

— Откуда?! — она смотрела на него широко раскрытыми глазами, — Дима... откуда деньги?

— Ребята собрали. Немного не хватало, я у родителей взял, пришлось им всё рассказать в подробностях — он говорил с ней сухо, она подумала, что он так никогда с ней не говорил.

— Дима, — Наташка подошла к нему, заглянула в глаза, — спасибо...

— Не за что, — он отвёл взгляд, — я ведь обещал, что всё будет хорошо.

— Прости меня...

— Наташа, — как будто не слыша её, он немного помолчал, — Наташа, скажи... Ведь ты знала, что за эту помощь тебе придётся чем-то расплачиваться... Ты поехала к нему, значит, ты была готова?..

— Нет, — она покачала головой, — я не думала об этом... я совсем об этом не думала...

— Ты не маленькая. Ты знала, что просто так такие деньги не дают, даже займы.

— Я не думала...

— Так не бывает.

— Но я ведь убежала.

— Но ведь ты поехала.

— Дима...

— Ладно, — он встал с кровати и, подойдя к дверям, обернулся, — я тебя понимаю. Наверное, я и сам бы так поступил, если бы дело касалось моих родителей. Но... Я не буду тебе врать... я не знаю, как мы будем жить дальше...

Анна Сергеевна стояла в дверях гостиной и с недоумением смотрела на сына. Попросив у неё постельное бельё, подушку и одеяло, Дима решительно устраивался на большом угловом диване.

— Дима... — она осторожно подошла к нему, — Мы не лезем в вашу жизнь, но... Может, вы нам всё-таки расскажете, что у вас произошло? Где была Наташа, что случилось, в конце концов?!

— Мам... — он сидел, опустив голову, на краю дивана, — Я сейчас ничего не хочу говорить... И не знаю, что говорить. Спроси у самой Наташи. Если захочет — расскажет...

— Дима, не слишком ли много тайн?! — Анна чуть повысила голос, — Даже того, что мы сегодня узнали о твоих финансовых проблемах, было достаточно для инфаркта и мне, и отцу. Почему вы нам ничего не рассказали?! Почему ты ничего не рассказал?!

— Я рассказывал.

— Ты только сказал, что кто-то разбил инструменты в студии, и всё! Ты не сказал, что тебя заставили покупать новые... Я могу понять Наташу, она, скорее всего, не сказала по твоей просьбе, она тебя слушается, — Анна не обратила внимания, как на этих словах Дима усмехнулся, — но ты?! Почему ты от нас скрывал такое?! Ведь это не ты... Дима! Это же не ты?!

— Не я, — он вздохнул, — но Лапин решил, что — я.

— Почему ты с ним не спорил? И, действительно, почему ты не вызвал тогда полицию?! Дима, я не понимаю тебя — это такая огромная сумма, а ты так спокойно принял на себя обязательства... Я ещё поговорю с Леонидом, — она решительно направилась в свою комнату, но в дверях обернулась, — Дима, я не знаю, что у вас произошло... Но не забывайте о том, что у вас ребёнок...

— Я о нём никогда не забуду, — он лёг и, подложив руки под голову, закрыл глаза...

— Дим... — тихонько присев рядом, Наташа тронула его за плечо — её рука показалась ему очень горячей, — Прости меня...

— Наташа, иди спать, — не открывая глаз, ответил он ей, — Ты устала, тебе нужно отдыхать.

— Дима... — она посидела рядом ещё несколько минут, но он больше не сказал ни слова. Молча поднявшись, она ушла в свою комнату.

Как только она ушла, он открыл глаза. Уставившись в одну точку, вспоминал в подробностях её рассказ... Музыка, проекты, предстоящие концерты и гастроли — всё улетучилось в один момент. В голове гвоздём сидела одна мысль — она собиралась ему изменить. Выслушав её, он верил, что она искренне надеялась на помощь Фишера, и что его собственная недосказанность по поводу денег и толкнула её на такой опрометчивый шаг... Он думал, что ради своих родителей пошёл бы и не на такое... Но... разум понимал, а душа отказывалась принимать какие бы то ни было оправдания... «Она знала, что расплата неизбежна, и сознательно была готова к ней...» — эта мысль не давала покоя, она вытеснила все остальные мысли и чувства... Она волнами накатывала в сознание, она колоколом гудела в голове... Он не мог справиться с ней — она крепла с каждой минутой, превращаясь в неприступную стену между ним и Наташей...

* * *

Свернувшись в постели калачиком, Наташа никак не могла прийти в себя. События прошедшего дня казались ей жутким кошмаром, она старалась не думать, чем они могут обернуться для неё.

Дима рассердился... он ушёл спать в другую комнату... но она его понимает, ведь она, действительно, виновата перед ним. Успокаивая себя тем, что, в конце концов, ничего страшного с ней не произошло, и что деньги на операцию есть, а Дима завтра её простит,

она всё-таки провалилась в глубокий сон...

Проснувшись на следующее утро, Наташа сразу позвонила в клинику и подтвердила возможность оплаты операции, после чего отправилась в ближайшее отделение Сбербанка. Почувствовав душевное облегчение от того, что деньги нашлись, и что они уже отправлены на счёт клиники, она, тем не менее, ощутила огромную физическую усталость и, возвращаясь, с трудом поднялась на четвёртый этаж. Дима уже встал и, встретившись с ней в прихожей, снова сухо поздоровался.

— Привет, — на ходу бросил он.

— Привет, — она с грустью проводила его взглядом. По его тону Наташа чувствовала, что это не просто обида с его стороны, а гораздо большее... Успокаивая себя тем, что он, в конце концов, отойдёт, она прошла в свою комнату. «К тому же, он говорил о новых песнях и подготовке сольной программы, — подумала она, беря на руки проснувшегося Валерика, — всё равно мы будем рядом».

— Дима, я отправила деньги, — она робко посмотрела на него, когда он вошёл в их комнату, — и в клинику позвонила... Всё в порядке. Спасибо тебе...

— Не за что, — он что-то искал в ящиках компьютерного стола и даже не посмотрел в её сторону, — я рад, что всё в порядке.

— Ты что-то ищешь?

— Уже нашёл, — достав телефон, он нажал на клавишу, — Саня, привет. Диск с программой у меня, сегодня завезу в студию. Да, позанимайся сам, а то я сейчас с новым проектом завяжусь, времени совсем не будет. Нет, пока больше никаких планов, только это... Отборочный тур в конце января. А как раньше? Мы же пятнадцатого на гастроли едем, забыл? Ну, вот, неделя... Потом пару дней на подготовку, и всё... Нет, новых песен пока нет. Вернее, есть, но... Пока не знаю, что с ними делать... Ну, ладно, до встречи в студии.

Выйдя из их комнаты, Дима разговаривал в гостиной, но Наташке было хорошо слышно всё, что он сказал Говорову. Он говорил о своих планах, но не упомянул о ней... А, может, она плохо расслышала?.. И в доме почему-то очень жарко...

— Да! — ему кто-то снова позвонил, — Здравствуйте, Людмила Николаевна. Да не за что... Ничего не нужно, я рад, что всё обошлось, хотя бы так... Хорошо, что так получилось, что Леонид Борисович и я оказались там в одно время... Нет, там не горело, но, я так понял, что дым туда по вентиляционным трубам просочился... Ну, вот такая загадка. Всё наоборот получилось... Возможно... Следствие установит, во всяком случае, надеюсь... Да, как Кристина? Ну, передавайте ей привет, пусть выздоравливает...

— Дима, что-то случилось? — Наташа тихонько вышла из комнаты, — Я случайно услышала...

— Случилось, — он наконец-то посмотрел ей в глаза, но выражение его лица её отнюдь не обрадовало, — в клубе, где ты вчера должна была выступать, случился пожар, я тебе вечером говорил. Так что не беспокойся, твой концерт был сорван не по твоей вине.

— И... что? — она снова робко смотрела на него, — Что-то с Кристиной?

— Уже всё в порядке.

— Ты... там тоже был?..

— Да, — его прервал новый телефонный звонок, — да... привет, Марин, — ответив, он сразу вышел из гостиной, и Наташе показалось, что его голос изменился — он стал радостнее, — серьёзно?! Ну, а как это всё можно будет обсудить? Хорошо, на том же месте, — он засмеялся, — с меня корзина цветов... И не только!

Вернувшись в комнату, она слышала всё, о чём он говорил, всё больше и больше погружаясь в печаль... Даже Валерик своим лепетом не смог поднять ей настроение, к тому же, недомогание становилось всё сильнее. Позвонив отцу, Наташа накормила и уложила сына и прилегла сама. Навалившиеся переживания вылились в жар и высокую температуру, как уже не раз бывало в её жизни... Последнее, что она услышала, погружаясь в тяжкую дремоту, был звук закрывающейся двери. «Ушёл...» — подумала она и отключилась.

* * *

— Лёня, как же так?.. — воспользовавшись отсутствием Александра, который уехал по делам, Анна закрылась в своей комнате и сделала звонок, — Лёня... Я даже не знаю, как это можно назвать...

— Аня... — его голос показался ей хриплым, — Можешь не продолжать. Я знаю, о чём ты...

— Лёня... — она говорила с какой-то скорбью, как будто не могла поверить в то, о чём говорила с ним сейчас, — Ведь мы столько лет знакомы... Вы с Сашей вместе выросли... Наши дети... наши дети были очень близки... я уже не говорю о наших отношениях... Как ты мог поступить так с Димой?!

— Аня, давай сейчас не будем ничего обсуждать, хорошо? — он говорил устало, как будто не в первый раз повторяя эти слова, — Сашка только что ушёл от меня. Я с ним долго разговаривал... Не хочется повторять.

— Саша? — она как будто не удивилась тому, что муж нанёс визит Лапину, — Я так и подумала, что он поедет к тебе. Мы узнали только вчера, что Дима у тебя буквально в финансовом рабстве.

— Ну, это ещё не рабство, — мрачно ответил Леонид, но она не дала ему договорить.

— Это настоящее рабство. Лёня... Я могу понять всё — и твои отцовские чувства... и, возможно, неприязнь к моему сыну за то, что у них с Кристиной не получилось ничего... Но, всё-таки, ты отомстил ему... Я не могу найти другого определения твоему поступку. И месть эта была изощрённой. И... — она замаялась, — и ты, зная, что поступаешь подло по отношению к Диме, спокойно общался со мной, с Сашей... Лёня... — тон её стал металлическим, — Оказывается, я тебя совершенно не знала...

— Когда я спокойно общался с Сашей после наших с тобой свиданий, тебя это не возмущало... — с иронией произнёс он.

— Это разные вещи, — она немного смутилась.

— Аня... Если Бог есть, то он меня уже наказал.

— Тебя? — она усмехнулась, — Мне кажется, ты даже не знаешь, каким бывает наказание...

— Наказал, Анька... — ей показалось, что он плачет, — Наказал... Милка ушла... Кристина пьёт... Пожар вот вчера...

— Эх, Лёня... Ничего ты не понял... — с горечью в голосе произнесла Анна и положила трубку.

Посмотрев на своё отражение в зеркале, она ещё раз горько усмехнулась и вышла из спальни...

...Дверь в Димину комнату была открыта и, заглянув туда, Анна увидела, что Наташа лежит на кровати. Лицо невестки показалось ей болезненным, и она, войдя, наклонилась над ней.

— Наташа... — осторожно тронув её за плечо, Анна тревожно вглядывалась в бледное, с ярко-пунцовым румянцем лицо, — Ты не заболела? Ты такая горячая, — положив руку ей на лоб, свекровь нахмурилась, — как огонь...

Градусник показал тридцать девять и пять, и Анна, намочив полотенце холодной водой, приложила его концы к Наташиным вискам. Через некоторое время та открыла глаза.

— Я сейчас встану, — с трудом пытаюсь подняться, Наташка подняла на свекровь блестящие от температуры глаза, — сейчас...

— Куда тебе вставать, — Анна снова уложила её на подушку, — Сейчас принесу таблетки.

— У меня быстро проходит, — запивая лекарство, Наташа чуть не выронила чашку с водой, — у меня такое бывает...

— От чего бывает? — Анна внимательно посмотрела на неё.

— Если перенервничаю... Вы только Диме не говорите, — она почему-то говорила шёпотом, — а то он подумает, что я нарочно...

— Господи... — Анна укоризненно покачала головой, — Наташа, знаешь, от чего в семейной жизни больше всего неприятностей?

— Нет, — прошептала Наташа, — от чего?

— От недосказанности... Ты — не сказала, он — промолчал... А в результате — ребёнок-безотцовщина...

— Что я наделала... — Наташка снова закрыла глаза и откинулась на подушку, — Дима меня не простит...

— Что он тебе не простит? — осторожно спросила Анна.

— То, что я сделала... — как в бреду, она повторила свой вчерашний рассказ. В отличие от Димы, Анна Сергеевна смотрела на неё с состраданием, чутко прислушиваясь к тихой исповеди.

— Почему ты говоришь шёпотом? — в самом конце рассказа она вдруг перебила невестку, — Тебя никто не услышит, не бойся.

— Я не боюсь, — Наташа вздохнула, — Я почему-то не могу говорить громче...

— У тебя горло болит?

— Нет, не болит, — пытаюсь тихо откашляться, Наташа слегка приподнялась, — просто голос куда-то делся... Не получается, — новые попытки откашляться не привели к успеху —

кроме шёпота, она не могла издать ни звука.

— Наверное, у тебя фарингит, — Анна кивнула сама себе, — я пойду, посмотрю, что у меня есть в аптечке.

Вернувшийся вскоре домой Александр был мрачнее тучи. Он молча прошёл в свою комнату и, включив там телевизор, уселся в кресло. Несмотря на то, что шла его любимая передача, он совершенно не смотрел на экран, поглощённый своими мыслями.

— Саша, сделай тише, Валера спит, — Анна заглянула в спальню, — что случилось?

— Ань... — он поднял глаза на жену, — Знаешь, я, наверное, идиот.

— Почему? — она рассмеялась, стараясь разрядить обстановку.

— Я столько лет считал другом человека, который... — жестикулируя рукой, он запнулся, пытаясь найти определение, — который... оказался совершенно другим...

— Ты о Леониде? — она присела рядом.

— Да. О нём.

— Саша... — Анна положила ему руку на колено, — В жизни бывает всё. И плохое, и хорошее... Леонид, наверное, действительно, не такой, каким нам хотелось бы его видеть. Но, всё-таки... В своё время он, всё же, помог Диме. Просто он очень хотел, чтобы у них с Кристиной всё получилось...

— Аня, — он не дал ей сказать, — ты ведь сама знаешь, что не о том говоришь. Аня... Он мне такие вещи рассказал, что у меня волосы дыбом встали...

— Какие вещи? — Анна настороженно посмотрела на него, — Говори...

— Оказывается, вся эта затея с продюсерским центром имела одну цель — привязать Димку к Кристине. Намертво. И ему это в некотором смысле удалось... Все неприятности, которые происходили у Димки в последнее время — как раз из-за того, что он жил по велению своего сердца, а не по желанию Леонида... Аня, — он встал и подошёл к окну, — всего, что он мне рассказал в пылу искреннего покаяния, не передать. Как-нибудь я всё тебе расскажу... Но он, оказывается, решал судьбу нашего сына без его и нашего на то согласия...

— Саша, успокойся, — Анна смутилась, вспомнив, что сама принимала активное участие в кампании по примирению Димы и Кристины, — ты немного утрируешь...

— Нет, Аня, не утрирую. Кстати, где Дима? Он должен позвонить Сергею, парню, который вчера помог Наташе... Вчера по горячке не получилось...

— Он уехал в студию, кажется, — Анна пожала плечами, — не знаю, когда вернётся.

— Чёрт знает что творится, — Александра не покидало возбуждение, — А Дима тоже... благородный рыцарь... Придёт, я с ним поговорю. Кстати, а где Наташа?

— Она у себя в комнате. Заболела.

— Что такое? — Александр встревоженно посмотрел на жену.

— Температура высокая и голоса нет.

— Может, скорую вызвать?

— Не нужно, я уже дала ей лекарство, сейчас травяной чай заварю, — Анна направилась к выходу, — пойдём, я и тебе успокоительного дам.

— Не нужно, — он махнул рукой, — я боюсь, что это я ещё не всё узнал...

«И, слава Богу!» — подумала Анна Сергеевна, поспешно удаляясь на кухню.

Леонид Борисович сидел в своём кресле, уронив голову на сцепленные кисти рук. Вчерашняя встреча с женой в коридоре больницы, куда привезли Кристину, не шла у него из головы. «Это ты во всём виноват! — крикнув ему в лицо, Мила заплакала, — Это ты виноват во всём! Это ты внушил ей с детства, что можно брать всё, что понравится, это ты внушил ей, что она должна быть везде первой, но не научил — как... Это ты внушил ей, что чужая судьба — ничто по сравнению с собственными прихотями... Это всё из-за тебя!»

Вернувшись домой лишь под утро, он не смог уснуть без бутылки коньяка, а, проснувшись, поправил головную боль стаканом виски. Визит Александра Морозова его почти не удивил... «Что ж ты так, Лёнька?» — школьный товарищ с болью смотрел ему в глаза, и Лапин поначалу подумал, что тот что-то узнал о его прошлых отношениях с Анной. Узнав истинную причину визита, облегчения тоже не испытал...

Выпив ещё виски, он, в порыве откровения, всё рассказал Морозову-старшему о своих не сбывшихся планах относительно Кристины... «Лёня, тебе-то зачем это нужно было?!» — Александр непонимающе смотрел на него, и Лапин не удержался... «Я только хотел, чтобы Кристинка была счастлива... чтобы она перестала пить...»

Он и сам, говоря по совести, мучился в последнее время... Появившийся на горизонте Фишер со своей любовью к Димкиной жене сначала забавлял Леонида, но потом, поняв, что у того очень серьёзные намерения, и зная его изощрённый характер, Лапин пошёл на поводу. Уход же Милы спровоцировал его одиночество, и в этот момент Игорь показался ему человеком, посланным судьбой, чтобы он сам не сошёл с ума от навалившихся неприятностей... Вчерашний пожар окончательно выбил его из колеи, и даже чудесное спасение дочери не вернуло его в нормальное состояние...

Он вдруг поймал себя на мысли, что даже не поблагодарил Диму... Вчера, запрыгнув в скорую, он уехал вместе с Кристиной, а сегодня даже и не вспомнил, кому обязан спасением дочери.

К вечеру, немного придя в себя, он принял душ, побрился и выпил несколько чашек кофе. Раздавшийся откуда-то сигнал телефона застал его в кухне, и, выйдя в огромный холл, он ещё с минуту искал по карманам снятой ночью одежды источник звука.

— Добрый вечер, — голос Фишера казался очень бодрым, — Лёнчик, ты сейчас где?

— Добрый... — угрюмо ответил Лапин, — Я — дома.

— Ну, и замечательно, — сделал вывод собеседник, — значит, можешь разговаривать.

— У тебя что, проблемы? — Лапин устало помассировал глаза.

— С чего ты взял? — весёлый тон Игоря казался неестественным.

— По голосу слышно, — усмехнулся Леонид.

— Вообще-то, да... — тон из весёлого превратился в озабоченный, — Вернее, могут быть проблемы.

— Что случилось?

— Скажи... — вместо ответа, Фишер задал свой вопрос, — Концерт вчера состоялся?

— Какой? И где? — Лапин присел в своё любимое кресло, потянулся за сигаретами.

— В «Зебре», — лаконично ответил Игорь.

— Игорёк, — чиркнув зажигалкой, Леонид нервно закурил, — у меня за вечер не по одному концерту проходит... ты о каком именно?

— Ну, как... — тот слегка замялся, — Концерт Натальи Морозовой...

— А... — как будто вспомнив, Лапин устало почесал бровь большим пальцем руки, — Ты об этой... Нет, вчера её концерта не было. Впрочем, как и остальных...

— Понятно.

— А ты что, не в курсе? — глубоко затянувшись, Леонид Борисович нахмурил брови.

— В курсе чего?

— Того, что в «Зебре» был пожар. Со вчерашнего дня по всем каналам только об этом и говорят.

— Нет... — растерянно ответил Фишер, — Не в курсе. Я вчера выпил... гм... лишнего... спать лёг рано. А сегодня не включал ещё телевизор.

— Ну, вот, включи, — усмехнулся Лапин.

— И, что, много сгорело? — осторожно поинтересовался Игорь, — Жертвы?..

— Половина первого этажа выгорела. Жертв, слава Богу, нет, если не считать, что Кристина чуть не задохнулась.

— Серьёзно?

— Вполне.

— А от чего загорелось?

— Загорелось в гримёрной, там всю ночь следователи работали... Проводка в порядке, говорят, пиротехника взорвалась.

— Вот так дела... — задумчиво произнёс Фишер, — Кто-то нарочно взорвал?

— Пока не знаю, — Лапин встал и прошёл на кухню, — если честно, у меня сейчас одно в голове — чтобы дочь поправилась. На остальное плевать.

— А что с ней? — решил уточнить Игорь.

— Она угорела, — нехотя ответил Леонид, судя по его тону, разговор давался ему тяжело, — её спасли... К счастью, спасли...

— Мне очень жаль... — начал было Фишер, но Лапин его перебил:

— Да, кстати... Почему ты интересовался концертом Морозовой?

— Ну-у-у... потому... потому, что в то время, когда должен был начаться концерт, она была у меня...

— Что?! — казалось, что Лапин искренне изумился, — У тебя — где?!

— Дома. За городом.

— И... что?.. Если она была у тебя, почему ты спрашиваешь, состоялся ли её концерт? — усмехнувшись, Леонид, взял с плиты турку и налил в чашку кофе, — Как он мог состояться, если исполнительницы не было?

— Ну, она сначала была... а потом... потом ушла...

— Ушла?! — снова усмехнулся Лапин, — Пешком?.. Ты что-то не договариваешь, Игорёк...

— Ну, не ушла, — тот снова замялся, — сбежала...

— Да... большая потеря.

— Зря смеёшься...

— Игорь, поверь, мне сейчас вообще не до смеха.

— Мне тоже.

— Не уговорил, значит?

— Это полбеды, Лёнчик...

— Почему?

— Это не телефонный разговор. Мне нужно с тобой встретиться.

— Я сейчас должен ехать в больницу, к дочери, потом у меня деловая встреча в «Кристалле»...

— Ну, хорошо, — нетерпеливо перебил его Фишер, — а завтра? Для меня это очень важно, дело жизни и смерти...

— Хорошо, тогда — завтра.

Закончив разговор с Фишером, Леонид Борисович ещё некоторое время сидел за кухонным столом с чашкой остывшего кофе. Наконец, тяжело поднявшись, прошёл в свою спальню, оделся, вызвал машину и покинул дом.

* * *

Кристина с трудом поставила чашку с соком на прикроватную тумбочку и, откинувшись на подушку, прикрыла глаза. Одноместная палата отделения токсикологии областной больницы, куда её доставили вчера вечером, была больше похожа на пятизвёздочный номер, и, если бы не специфический больничный запах и стоящая недалеко от кровати капельница, очнувшись, она бы подумала, что находится в каком-нибудь отеле на южном морском побережье.

Специально приставленная к ней медицинская сестра куда-то ненадолго отлучилась, и девушка в одиночестве пыталась вспомнить события вчерашнего вечера.

Несмотря на все бесконечные процедуры, её состояние едва улучшилось: к отравлению угарным газом добавилась алкогольная интоксикация, и она мучилась от тошноты, головокружения и холодного пота. Очень хотелось принять душ, но сил на это пока не было.

Мать, которая провела рядом с ней почти сутки, немного успокоившись, уехала домой, и Кристина вдруг ощутила ранее незнакомое ей чувство сиротства...

— Проходите, пожалуйста, — медсестра, широко распахнув дверь, жестом пригласила кого-то войти.

— Здравствуй, Кристиночка, — Лапин торопливо прошёл к кровати и, наклонившись, поцеловал дочь, — как ты?

— Папа... — при виде отца она вдруг заплакала, — папочка... мне так плохо... Скажи им, чтобы они что-нибудь сделали... Укол или таблетку... что угодно... Только чтобы прошло...

— Потерпи, — он гладил её по голове, — завтра уже всё пройдёт. Вечером ещё капельницу поставят, я с врачом разговаривал.

— Папа... прости меня...

— Ну, что ты, — он сам едва сдерживал слёзы, — что ты... Всё хорошо... Главное — ты жива, а остальное всё неважно.

— Мама только что ушла, — Кристина казалась маленькой девочкой, и Леонид

невольно подумал, что был бы рад, если бы дочь и впредь была такой — послушной и ласковой.

— Ничего... она ещё придёт, — он и сам разговаривал с ней, как с ребёнком, — и я буду приходить... И, вообще, тебя здесь долго не продержат. Как только станет лучше, я заберу тебя домой.

— Папа, клуб сильно пострадал?

— Это неважно, — он энергично замотал головой, — это такие пустяки по сравнению с тем, что ты жива...

— А, всё-таки?

— Первый этаж выгорел наполовину.

— А что говорят пожарные? От чего загорелось?

— Они считают, что в гримёрной кто-то запустил петарду. Случайно или нарочно, разберутся... Завели дело.

— А... кто-нибудь пострадал?.. — закусив губу, она осторожно посмотрела на отца, — из персонала или из артистов?

— Относительно — никто. Уборщице стало плохо и охраннику, который и бросился первым тушить. А артисты... Две девушки из подпевки, которые были там в момент возгорания, сразу успели выскочить.

— А... кто именно?.. Это же из моего центра девочки? — несмотря на плохое самочувствие, Кристина старалась выглядеть участливо.

— Сейчас... — он нахмурился, вспоминая имена, — В протоколе было написано... Э-э-э... Светлана Нечаева и... Елена... Елена...

— Тищенко? — Кристина подсказала отцу фамилию Алёны.

— Да, точно. Тищенко.

— И всё? Больше никого не было?

— Нет...

— Значит, Морозову повезло, — она усмехнулась, — его Наташа не пострадала...

— Её не было. И это спасло тебя... — он серьёзно посмотрел на дочь.

— Как? — удивлённо спросила Кристина.

— Насколько я понял, он её искал, и лишь поэтому приехал в клуб. Если бы она была там, он просто забрал бы её домой и уехал... Но он её не нашёл, и поэтому всё ещё оставался там, когда я вернулся.

— А почему он её искал, не знаешь? — заинтересованно спросила девушка.

— Не знаю, — он пожал плечами, — хотя... Игорь сказал, что она была в это время у него...

— Что?! — Кристина недоверчиво усмехнулась, — Наташа была у Фишера?! Он, всё-таки, добился своего...

— Ничего не знаю, — Леонид отстранённо поднял правую ладонь, — завтра мы с Игорем договорились встретиться, думаю, он всё расскажет. А на сегодняшний день — я благодарен Диме...

— Я ведь ничего не помню, — едва улыбаясь уголком губ, Кристина задумчиво покачала головой, — значит, Дима — мой спаситель...

— Да, — Лапин уверенно кивнул головой, — спаситель, и по-другому не скажешь.

— Когда мне мама сказала об этом, я подумала, что так не бывает.

— Бывает.

— Знаешь... я сегодня весь день думала только об одном...

— О чём же? — он слегка улыбнулся.

— Папа, мне нужно тебе кое-что сказать, — недолго помолчав, как будто собираясь с мыслями, Кристина глубоко вздохнула.

— Говори, — он тоже вздохнул, но с облегчением.

— Папа... это не Морозов разгромил студию.

— А кто?

— Это я...

— Кристина, если ты берёшь на себя вину Морозова только потому, что он тебя спас, то...

— Это правда. Отдай ему все деньги, — в её голосе слышался некий протест, видимо, боровшиеся в ней чувства побеждали на равных... Но, сделав над собой усилие, она всё же решилась сказать правду.

— Хорошо, — глухо ответил Лапин, — я сделаю так, как ты хочешь.

— Отдай ему деньги... сегодня же. И... скажи, что я хочу с ним поговорить... Хотя... — она наморщила лоб, как будто что-то прикидывая, — нет, не говори. Я позвоню ему сама, как только мне станет чуть лучше.

* * *

Уютное кафе, куда Дима приехал на встречу со своей бывшей одноклассницей и первой своей любовью Мариной, горело новогодними огнями: развешанные по стенам и потолку гирлянды стекались к высокой, украшенной игрушками ёлке. Присев за угловой столик и сделав заказ, Дима внимательно смотрел на свою спутницу. По всему было видно, что девушка очень тщательно готовилась к сегодняшней встрече — причёска, макияж, платье говорили о том, что Марина не один час провела у зеркала. Она уже не так серьёзно, как при первой встрече, смотрела на Диму, и он замечал в её глазах какой-то интерес — они буквально лучились, когда он встречался с ней взглядом.

— Ну, что у нас тут получается? — он кивнул на папку с документами, которую она выложила на стол.

— Ну, кое-что получается, — она обожгла его взглядом, — я там, в условиях контракта, сделала пометки... Несколько пунктов явно притянуты за уши и могут быть оспорены в суде, если ты захочешь подать в суд. Для верности я проконсультировалась с нашим старшим юристом, у него такое же мнение.

— Слушай, — он взял папку в руки, — я даже не знаю, как тебя благодарить...

— Вообще, если ты захочешь оспорить контракт, то звони сразу мне, — она легонько хлопнула ладонью по поверхности папки и засмеялась, — мы их сделаем!

— Серьёзно? — он радостно посмотрел на неё, — Марин, не ожидал... Правда, не ожидал...

— Ну, такая у нас работа, — она победно улыбнулась, — что называется — обращайтесь!

— Всем буду советовать, — он улыбнулся в ответ, — а насчёт «подать в суд» я обязательно подумаю. Конечно, сначала поговорю с Лапиным, и, если он не пойдёт

навстречу, тогда... тогда — позвоню тебе. А пока — огромное спасибо!

— Звони... — кажется, она ожидала от него несколько других слов и была слегка разочарована, — Ты вообще что хочешь? Разорвать контракт или изменить условия?

— Вообще я хочу уйти оттуда... — он стал серьезнее, — Там очень сложно стало, сама понимаешь... Мы с Кристиной давно порвали отношения, но столкновения происходят постоянно. Она сложный человек...

— Ну, это же классика, — Марина усмехнулась, — если она тебя ревнует до сих пор, то она тебе покоя не даст, насколько я её помню...

— Ну, как-то так, — было видно, что разговор не приносит Диме удовольствия.

— Тебе вообще, наверное, трудно... — она бросила на него мимолётный взгляд, потом опустила глаза, — Дома, наверное, жена пилит...

— Меня? — он удивлённо приподнял брови, — Нет, не пилит.

— И что — даже не ревнует? — чуть насмешливо спросила девушка.

— Ну... может, и ревнует... Но я об этом не догадываюсь, — Дима обаятельно улыбнулся, — она же сама теперь там, со мной.

— Понятно...

— Прости, — он достал сигналивший телефон, — Да! Здравствуйте, Леонид Борисович, — услышав голос Лапина, Дима слегка нахмурился, — слушаю вас... К вам?. Когда? Ну, хорошо, скоро подъеду... — отключившись, он снова посмотрел на свою спутницу, — Лёгко на помине. Это Кристинин отец, просит срочно к нему приехать.

— Ну, что ж... — было видно, что Марина слегка расстроена таким поворотом дела, — Дела превыше всего.

— Ну, да. Заодно и насчёт контракта поговорю, — Дима кивнул на папку, потом взял с соседнего кресла приготовленный заранее букет цветов, — а это тебе... Я очень благодарен. И... неловко спрашивать, но я так не привык. Сколько я должен?

— Ну, ты меня огорчил... — она с усмешкой снова опустила глаза, — Разве я говорила о деньгах?

— Марин, прости, если что не так... Просто я по-другому не могу.

— Дима... тогда... сколько я должна тебе за букет?

— Марин... — он весело рассмеялся и, пожав её руку, вдруг резко посерьёзnel, как будто о чём-то вспомнив, — Да... Раз уж так можно, у меня к тебе есть ещё один вопрос...

— Спрашивай, — она снова слегка улыбнулась.

— Ты не могла бы узнать в своих профессиональных кругах об одном человеке? Есть информация, что он совершает очень тяжкие преступления... Просто узнать — известен ли он правоохранительным органам?

— Ну... Если получится, узнать можно, — Марина пожала плечами, — как его зовут?

— Его зовут Игорь Николаевич Фишер.

* * *

Вернувшись домой поздно вечером, Дима застал в гостиной родителей — те, судя по всему, о чём-то беседовали. Заглянув в свою комнату, он скользнул взглядом по детской кровати — она была пуста.

— А где Валерка? — он посмотрел на мать.

— Он у нас, спит уже.

— Почему у вас? — он ещё раз заглянул к себе, посмотрев уже на кровать, где спала Наташа.

— Наташа заболела, — Анна кивнула на дверь, — я дала ей кучу таблеток и травяной настой, она спит.

— Что случилось? — он спросил это строго, как учитель на уроке.

— Температура высокая и голос пропал.

— В смысле — как пропал?

— Ну, в смысле — совсем пропал, — Анна развела руками, — причём, резко, без каких-то других симптомов.

— Ладно, наверное, пройдёт, — он посмотрел на родителей, — раз вы тут все в сборе, кроме Валерки, то я хочу сообщить вам приятную новость...

— Какую, сынок? — Анна с интересом посмотрела на него.

— Даже не одну... В общем, юрист нашла в моём контракте несколько приятных мелочей, которые позволяют изменить условия. Это — раз. Нашёлся виновник погрома в студии, и Лапин решил вернуть мне все деньги — и те, что я потратил на аппарат, и те, что он мне остался должен. Это — два.

— Ой, как хорошо! — Анна искренне обрадовалась, — Дима, это, действительно, замечательные новости! Жаль, что Наташа спит, она бы обрадовалась...

— А он почему-то Наташу даже не посчитал, — Александр пытливо посмотрел на сына, — вы что, настолько серьёзно поссорились?

— Па, давай, я не буду свои семейные проблемы выносить на всеобщее обсуждение? — Дима встал с дивана, — Я пошёл ужинать, потом спать.

— Ну, если тебе не будет мешать телевизор, — намекая на гостиную, Александр кивнул головой, — а, вообще, иди-ка в свою комнату.

— Папа, у тебя в твоей спальне не менее замечательный телевизор, и там идут те же самые программы. А я сам буду решать, где мне спать, договорились? — с этими словами он вышел из гостиной.

* * *

Услышав, как хлопнула входная дверь, Наташа выглянула из кухни. Анна Сергеевна, румяная с мороза, весело вошла в квартиру с Валериком на руках. Сзади появился Александр Иванович — затащив коляску в дверной проём, он разделся и напрямик направился в кухню.

— Пахнет вкусно, что тут у нас сегодня?.. — увидев гору блинчиков, которые Наташа успела напечь, пока он и Анна гуляли с внуком, радостно потёр руки, — Ага, вижу-вижу...

— Вам со сметаной или с вареньем? — открыв холодильник, шёпотом спросила Наташа, боясь посмотреть на свёкра — она никак не могла справиться с чувством вины и стыда перед Димкиными родителями за свой поступок, и поэтому, проснувшись, решила чем-то помочь свекрови, несмотря на своё, всё ещё тяжёлое, состояние.

— А давай-ка мне... — Александр размышлял несколько секунд, — Давай-ка мне с вареньем!

— Сейчас, — она с готовностью кивнула и достала банку клубничного варенья. Поймав её взгляд, свёкор ободряюще улыбнулся. По его виду Наташка поняла, что Анна передала ему её рассказ. Несмотря на его искреннее дружелюбие, она была готова провалиться сквозь землю за то волнение, которое ему пришлось испытать позавчера по её глупости.

— Господи, Наташа... Зачем ты встала?! — Анна Сергеевна появилась на пороге кухни, — И ещё с блинами возишься...

— Всё хорошо, — обернувшись, Наташка виновато улыбнулась, — мне уже лучше. Вам что достать, сметану или варенье?

— Ой, я даже и не знаю... — запах свежее испечённых блинов привёл нагулявшуюся на утреннем морозце женщину в полную растерянность, — Я бы и с тем поела... и с этим...

— А ты доставай всё, — по-купчески махнул рукой Александр, — мы тут разберёмся! А сама почему не садишься? — увидев, что Наташа, накрыв на стол, собирается уйти, он удивлённо посмотрел на неё.

— Мне пока не хочется, — она изо всех сил улыбнулась, стоя в дверях, — может, позже...

Проходя через гостиную, Наташа бросила взгляд на Димку — проснувшись, он отвёл назад сцепленные в кистях руки и сладко потянулся. Ей ужасно захотелось подбежать к нему, нырнуть под одеяло, прижаться крепко-крепко... но, вместо этого, она опустила голову и прошла мимо.

— Здравствуй, — услышав её шаги, он повернулся и сел.

— Здравствуй, — грустно прошептала она в ответ и скрылась в их комнате. Валерик спал в своей кровати и, наклонившись над ним, Наташа ещё с минуту посмотрела на малыша, потом снова вышла в гостиную. Димы там не было, судя по всему, он отправился в ванную, и она решила убрать его постель.

— Дай сюда, — она уже собиралась сложить всё в антресоль, когда он забрал у неё из рук сложенные горкой постельные принадлежности.

— Я хотела тебе помочь, — она растерянно посмотрела на него снизу вверх.

— Не нужно. Я сам, — он говорил отрывисто, нервно сжимая губы между фразами.

Закрыв дверцу антресоли, Дима направился на кухню — Наташка покорно просеменила следом.

— Давай, я налью, — увидев, что он собирается налить себе кофе, она первая схватила его чашку.

— Я сам, — забрав чашку из её рук, он потянулся за сахарницей.

Сделав вид, что не замечает его отчуждённости, она отчаянно накладывала на тарелочку сложенные треугольниками блинчики...

— Дим, тебе что положить, сметаны или варенья? — поставив перед ним блины, Наташа робко посмотрела на мужа.

— Я сам возьму, — так же отрывисто ответил он.

— Ты уже рассказал Наташе? — Анна обратилась к сыну.

— О чём? — не поднимая глаз, тот старательно макал блин в розетку с вареньем.

— Ну, как о чём? О том, что всё уладилось с деньгами.

— Нет пока.

— Ну, так расскажи, — мать перевела взгляд с него на Наташу, — такая новость, а ты молчишь...

— Лапин обещал вернуть все деньги, — подняв, наконец, взгляд на жену, лаконично произнёс Дима.

— Правда?! — радостно прошептала Наташа.

— Правда, — он снова опустил глаза и замолчал.

— Как хорошо! — она вздохнула с облегчением.

— Хватит вернуть и ребятам, и тебе, — как будто вспомнив о чём-то, снова сказал Дима.

— Мне? — она удивлённо посмотрела на него, — Зачем — мне?

— Это твои деньги. Те, что отдали Вадиму.

— Ну, и что?.. — она пожала плечами, — Мне одной они не нужны, лучше отдадим их родителям.

— С родителями я сам рассчитаюсь.

Услышав его последнюю фразу, Наташа медленно опустила голову. До неё вдруг дошло, что Дима говорит так нарочно, давая ей понять, что они больше не одно целое...

— С нами рассчитывать не нужно, не велика сумма, — Александр махнул рукой, — вам сейчас деньги нужнее. Вот разбогатеете, будет у меня нужда, тогда и я у вас попрошу, а пока ничего отдавать не надо.

— Разберёмся, — Дима окончательно нахмурился и взял с тарелки очередной блин.

— А жена у тебя — умница, — кивнув сыну, Морозов старший решил разрядить обстановку, — всех с утра накормила, а блины-то какие вкусные!

— Да, Наташа, очень вкусно, — поддакнула супругу Анна, — я, пожалуй, лишнего даже съела. Спасибо.

— На здоровье, — едва сдерживая слёзы, прошептала Наташа, — кушайте...

— Ты сама-то почему не ешь? — Александр повторил вопрос, — Всех накормила, а сама голодная.

— Я не голодная, — налив себе в чашку кофе, она тоже присела за стол. Ей не хотелось ни пить, ни есть, но из благодарности к Анне и Александру, она не стала демонстрировать своё истинное душевное состояние.

Помыв после завтрака посуду, Наташа ушла к себе в комнату. Валерик ещё спал, и она в изнеможении прилегла на кровать. Слабость дала о себе знать в полной мере, и, закрыв глаза, она быстро уснула.

Разбудил её телефонный звонок.

— Наташа, что случилось? — голос Юлии был тревожным, и Наташка, забыв спросонья, что не может говорить, попыталась ответить, но на том конце её было плохо слышно.

— Юля, я тебе сейчас сообщение отправлю, — она пыталась шептать как можно громче, но это у неё плохо получалось. В отчаянии отключившись, догадалась отправить смс-ку, и, дождавшись ответа, открыла ноутбук.

«Я только сегодня вышла в интернет, прочитала твою сообщалку, — писала Юля, — с тобой всё в порядке? Димке звонить?»

«Нет, не звони, — поспешила ответить Наташа, — уже всё хорошо».

«Что случилось?»

«Сейчас расскажу».

Она вкратце рассказала Юльке о том, что произошло позавчера, и как она убежала от Фишера.

«Ты, конечно, дурочка. Но я тебя люблю, — Юлька украсила свой пост кучей кривляющихся смайликов, — на днях заеду, обязательно! Держись, не падай духом!»

«Хорошо...»

Валерик в кроватке заворочался и Наташа, закрыв ноутбук, взяла сына на руки. Жалость к этому маленькому человечку, чью судьбу она по собственной глупости поставила под угрозу, перехлестнула её сознание. Она во всём и перед всеми виновата... Перед Димой, перед Валериком, перед Анной и Александром... перед собственным отцом... Она совершенно не представляла, как дальше жить с этим поистине огромным чувством вины...

Подойдя к окну, Наташка поймала себя на мысли, что не видит света... Солнечные лучи почему-то казались ей совершенно не яркими, а снег — не белым и искристым, а каким-то серым... тусклым... Так же серо и тускло было на душе... Она — плохая жена... и Дима прав, что не хочет с ней больше жить... Она — плохая мать... она не подумала о сыне, когда решилась прибегнуть к помощи Фишера... Она — плохая дочь... она, в конце концов, не смогла пойти до конца, чтобы помочь отцу...

Ничего не добившись, она своим поступком безжалостно разрушила то, что с таким трудом обрела...

И только по счастливой случайности всё окончилось хорошо...

Отца прооперируют. С ней самой ничего не случилось. Лапин вернёт все деньги.

Всё закончилось хорошо.

Но она потеряла Диму.

Да, она его потеряла... она чувствует это... Это не просто обида с его стороны... Это гораздо серьезнее...

«Он не простит, — уже в который раз подумала Наташа, услышав, как за ним захлопывается входная дверь, — не простит...»

Лесополоса закончилась, и редко посаженные деревья сменились одноэтажными пригородными домами. Сидя за рулём своего «лексуса», Игорь Фишер сосредоточенно смотрел на дорогу, притормаживая на «лежачих полицейских» и останавливаясь на красный свет, но делал это он исключительно на «автомате». Все его мысли были заняты только одним: событиями позавчерашнего вечера. Привезя в свой дом Наташу, он, как мальчишка, совершенно потерял контроль над ситуацией...

Он до последнего слабо верил, что она согласится на его помощь, и поэтому, когда она позвонила, в первый момент даже растерялся. Когда же, в конце концов, за ними захлопнулась дверь его загородного дома, и Наташа оказалась в его гостиной, он успокоился... Вводя и вводя неверный пароль в свой банковский аккаунт, он умело сыграл недоумение, и сначала она ему, действительно, поверила... От радости он вдруг расслабился и, пригласив её за накрытый стол, не рассчитав со спиртным: несколько бокалов креплёного вина оказались явно лишними, и, ответив на звонок неожиданно приехавшего друга, он вышел к тому на улицу, неосторожно оставив компьютер включенным.

Вернувшись в дом и не обнаружив там Наташу, он кинулся на её поиски, и, лишь спустя час, окончательно уверившись в том, что ему её не найти, вернулся в дом. Выпив ещё, теперь уже от злости, лёг спать, и лишь вчера утром, взглянув на включенный ноутбук, заподозрил неладное...

Подозрения подтвердились: судя по журналу, кто-то посещал его профиль «ВКонтакте» и, введя свои логин и пароль, входил в свой аккаунт.

Этом «кто-то» могла быть только Наташа...

Позвонив Лапину, Игорь договорился с ним о встрече и, едва дождавшись сегодняшнего утра, отправился в город...

— А что, собственно, тебя напугало в этой ситуации? — выслушав друга, Леонид нахмурился и, закинув ногу на ногу, забарабанил пальцами по подлокотнику кресла, — Если она и зашла случайно на твой профиль, что такого она могла на нём увидеть?

— Дело в том, что на этом профиле я веду переписку.

— Ну, и что?

— Как что? Переписка с девочками, вполне откровенная.

— Думаешь, у неё было время, чтобы что-то прочесть?

— Понимаешь, Лёничик, переписка — это ещё не всё.

— Что ещё? — потянувшись, Лапин взял со стола бутылку виски и плеснул в два стоящих рядом стакана, один предложил Игорю, второй взял сам.

— Сегодня я пас... — отказался от предложенного тот, — Дело в том, что в этом ноутбуке у меня хранятся файлы, которые никто не должен видеть. Где гарантия, что она не рылась в документах и не скачала что-нибудь себе на флэшку?

— Ты думаешь, она ехала к тебе с флэшкой, зажатой в кулачке? — усмехнулся Леонид, — Бог с тобой, Игорёк, по-моему, ты себя просто накручиваешь.

— Да кто его знает... — Фишер нервно сжал губы, — Это современная молодёжь, у них все эти гаджеты в полном ходу, не факт, что она и наш разговор не записала на диктофон...

— Что ж ты так? — снова усмехнулся Лапин, — Нужно было сразу обыскать...

— Лёнь, мне и правда не до шуток, — собеседник покачал головой, — если честно, у меня сегодня такая шугань поутру, аж трясёт... Как я лоханулся...

— Успокойся, — махнул рукой Леонид, — думаю, ей не до того было. Кстати, — он прищурился, глядя Игорю в глаза, — что ж ты, так и не уговорил её?

— Я в первый вечер никого не уговариваю, — думая о чём-то своём, сквозь зубы процедил Фишер, — если бы Павлик не позвонил, всё было бы по-другому. Из дома она бы не вышла до самого утра.

— Ну, хорошо... Вышла бы она утром, увёз бы ты её домой... А дальше — что?

— А дальше... — Фишер ухмыльнулся и ещё глубже устроился в кресле, — Есть такая наука, Лёня... называется психология. Возвращение молодой жены наутро, сопровождаемое денежным переводом... дальше сам подумай.

— По-моему, это ерунда, — Лапин пожал плечами, — подумаешь... Даже если он ей и не поверит, не факт, что сразу подаст на развод. А то и к тебе на разборки отправится, тогда — как?

— Ну, тогда вообще — ништяк, — рассмеялся Игорь, — наезд на меня, добровольного спасителя его собственного тестя, да ещё в моём же доме... Это даже покруче, чем та история с избиением Артёма. Один звонок в полицию, и всё, дальше дело будет вести мой хороший товарищ Эдик Лобанский...

— Ну, в таком случае, чего тебе бояться? — развёл руками Леонид, — Свои люди — они и в Африке свои.

— К сожалению, это совершенно другой случай, — нервно постукивая носком туфли по полу, Фишер шумно вздохнул, — а насчёт того, что на развод не подаст... Конечно, эта схема дорогая, нечасто приходилось пользоваться, но, поверь моему опыту — подадут, и ещё как. Даже детей отбирают за аморальное поведение матери. Это тебя не касалось, ты себя не можешь в такой роли представить...

— Почему же не могу? — нахмурился Леонид, — Очень даже могу.

— Нет, Лёня, не можешь... Я понимаю, о чём ты сейчас. Но парадокс в том, что любящий муж скорее простит жене связь с любовником, чем с благодетелем — из благодарности, так сказать...

— Какая разница-то? — снова пожал плечами Лапин, — Измена — она и есть измена.

— Есть разница, есть... — Фишер говорил, опустив голову, устало потирая глаза ладонью, — Я сам через это прошёл в своё время, знаю, о чём говорю.

— Да, помню... — Лапин налил себе ещё виски, — Ну, и что ты теперь собираешься делать?

— Не знаю, я хотел посоветоваться с тобой.

— Игорь, я не знаю, насколько важны для тебя те документы, насчёт которых ты говорил.

— Важны... — усмехнулся Фишер, — Важны — это мало сказано. Но и не это главное на данный момент. Главное — если она даже что-то увидела, распорядилась ли она той информацией, которую получила? И как собирается распорядиться, если что?

— Ну, а как это узнать? Прости, Игорь, просто я никогда не сталкивался с такими проблемами...

— Ну, ты же у нас честный предприниматель, — процедил Фишер как бы про себя, — а мне, Лёнчик, есть, что скрывать... и ты об этом знаешь.

— Что ты собираешься делать? — во взгляде Лапина мелькнула тревожная тень.

— Пока не знаю... — эти слова Игорь произнёс как-то зловеще, глядя куда-то в пол.

— У меня такое чувство, что ты уже знаешь, — стараясь быть равнодушным, Лапин опрокинул стакан с остатками спиртного напитка.

— Возможно... — Фишер сидел, не двигаясь, сжав губы и сосредоточенно о чём-то думая.

— Послушай, Игорёк, — Леонид настороженно посмотрел на своего гостя, — я, конечно, не представляю всю серьёзность твоего положения, но... надеюсь, никакого криминала не будет?

— Ты за кого переживаешь? — тот медленно поднял какой-то отрешённый взгляд.

— Послушай... Дима спас мою дочь.

— А при чём тут Дима?

— Эта девушка — его жена...

— Прости, Лёня... Мне нужно ехать... — как будто не услышав последней фразы, Фишер поднялся и торопливо прошёл в прихожую.

— Игорь, мы не договорили, — Лапин вышел следом, — что ты собираешься делать?

— Я позвоню, — одевшись, тот взялся за ручку двери, но тут же обернулся, — спасибо, Лёнчик, ты подкинул мне одну дельную идейку...

* * *

На следующий день, встав пораньше, Наташа постаралась переделать как можно больше дел: загрузив в стиральную машину Валеркины ползунки и распашонки, буквально вылизала всю кухню, приготовила завтрак, накормила Валерика и, достав из машинки его выстиранное бельё, вновь заложила туда уже Димины вещи.

Слабость никак не проходила, она стала быстро уставать, поэтому, когда проснувшаяся Анна Сергеевна вышла из своей спальни, Наташка выглядела так, будто разгрузила целый самосвал кирпичей.

— Ты такая бледная, — свекровь тревожно вглядывалась в её лицо, — ты спала ночью?

— Да, я спала, — кивнула Наташа, — всё хорошо.

— Ты сегодня горы свернула, — Анна одобрительно покачала головой, — спасибо за помощь.

— Что вы, это вам спасибо, — грустно улыбнулась Наташа, — вы мне столько добра сделали...

— Ну, вот ещё, — свекровь шутливо нахмурилась, — давай, начнём считаться...

— Анна Сергеевна... — Наташа замялась, не зная, как озвучить свою просьбу, — Мне сегодня в обед нужно в поликлинику... правда! — она умоляюще посмотрела на Анну, боясь, что та ей не поверит, — Я не обманываю...

— А почему ты должна обманывать? — та непонимающе уставилась на невестку.

— Я подумала, вдруг, вы посчитаете, что я снова вас обману... но мне, действительно, нужно к ЛОРу. Голос никак не восстанавливается...

— Конечно, иди, — Анна кивнула, — я могла бы тебя отвезти, но Валеру не с кем будет оставить. Саша сейчас уедет к себе в офис, и Дима, как проснётся, тоже отправится в студию... Впрочем, вот он как раз тебя и завезёт!

— Нет! — Наташка почти испуганно замотала головой, — Не нужно, я сама доберусь.
— Почему — не нужно? — удивилась Анна, — Тебе когда?
— Мне к двенадцати часам.
— Ну, вот и хорошо! Дима, как раз, в это время и уходит.
— Нет, — уже медленнее покачала головой Наташка, — я сама.

Анна Сергеевна не стала спорить, но, когда сын проснулся, она снова завела разговор:

— Димочка, когда поедешь в студию, завези Наташу в поликлинику.
— Хорошо, завезу, — довольно сдержанно ответил тот.

Не проронив за всю дорогу ни слова, он так же молча притормозил у восьмиэтажного здания районной поликлиники.

— Спасибо, — взглянув на него, прошептала Наташа.

— Не за что, — всё так сдержанно ответил Дима.

— Ты сегодня долго будешь работать? — ей очень хотелось поговорить с ним, но она не знала, что сказать, и дежурный вопрос прозвучал как-то робко.

— Не знаю. Как получится, — в его голосе не было раздражения или нетерпения, но он говорил отрывисто, и Наташка побоялась спросить ещё о чём-нибудь.

— Ну, ладно... пока... — она ещё раз взглянула на него и взялась за дверную ручку.

— Пока, — на секунду повернувшись в её сторону, ответил он.

Визит к врачу абсолютно ничего не дал.

— У вас абсолютно чистое горло и здоровые связки, — миловидная женщина лет сорока торопливым почерком заполняла страничку медицинской карточки, — лечения я вам никакого не назначаю, это не по моей части. Единственное, что я могу сделать, это выписать направление на всестороннее обследование.

— Почему же у меня голос пропал, если связки здоровые? — следя за авторучкой, Наташа тщетно пыталась разобрать написанное.

— Стрессовые ситуации были? — женщина на секунду оторвалась от своего занятия и посмотрела на пациентку.

— Да, — та печально кивнула головой.

— Ну, вот и ответ. Организм так отреагировал на стресс.

— И... что теперь? — Наташа испуганно подняла на докторшу глаза.

— Ничего, — та пожала плечами, — психосоматическая реакция, как правило, проходит сама по себе, либо в результате другого, более сильного, стресса.

— А... когда это может пройти?

— Когда угодно, может, через месяц, может, через два... а, может, через пять лет.

— Пять лет?! — в широко распахнутых глазах застыл неподдельный испуг, — И что, ничего нельзя сделать?!

— Вот, — врач протянула Наташе несколько заполненных бланков, — пройдёте все анализы, потом с ними снова — ко мне, будем решать, что с вами делать. Но, повторюсь, скорее всего, это психосоматика, так что, визит к психотерапевту тоже не помешает.

...Она уже выходила из поликлиники, когда в кармане зазвонил телефон.

— Здравствуй, Наташа, — голос Фишера звучал как-то странно. В нём слышалась и насмешливость, и угроза, и настороженность.

— Здравствуйте, — она совершенно не ожидала его услышать, и в первый момент испугалась, как будто снова увидела его возле себя.

— Ты не могла бы говорить громче, — теперь он говорил с явным раздражением, — я тебя совершенно не слышу.

— Нет, — лаконично ответила она ему сквозь шум проезжающих мимо машин.

— Ты что, на улице?

— Да.

— Я не слышу!

Не став ему отвечать, она нажала на «отбой» и спрятала телефон. Он звонил ещё несколько раз, но она не брала трубку. Подъехав к своей остановке, Наташка вышла из маршрутки и направилась в сторону дома. Она уже прошла половину пути, как чьи-то торопливые шаги сзади заставили её насторожиться, как будто напомнив о чём-то...

— Наташа, стой! — догнав, Игорь схватил её за руку. В отчаянии оглянувшись, она испугалась окончательно — аллея, по которой она шла, была практически пустой, до спасительного двора оставалось метров сто, а вырваться и убежать у неё просто не было сил.

— Что вам нужно?! — пытаясь вырвать у него свою руку, она отступила назад.

— Догадайся с трёх раз, — он так крепко сжал её предплечье, что даже через рукав шубки она почувствовала боль.

— Отпустите меня, — силы были явно неравны, а отсутствие голоса только усугубляло её положение.

— Что ж ты так, Наташенька, — с усмешкой начал Фишер, — убежала и даже не попрощалась...

— Вы меня обманули.

— В чём же я тебя обманул? — он изобразил искреннее удивление, — Я хотел тебе помочь, а вот ты поступила очень некрасиво.

— Что вы от меня хотите?

— Я хочу, чтобы ты вернула то, что взяла.

— Я ничего у вас не брала...

— Брала, — он уверенно кивнул, — в ящике стола лежали деньги, после твоего побега они исчезли.

— Что?! — она возмущённо отпрянула, но он крепко держал её руку, — Я ничего у вас не брала!..

— А если я докажу? — он сверлил её пронзительным взглядом, — Мне это ничего не будет стоить, вот увидишь.

— Я ничего у вас не брала, — лихорадочно повторяла Наташа, отрицательно качая головой.

— Говори, пожалуйста, громче, — он усмехнулся и ещё крепче сомкнул пальцы.

— Мне больно, — она снова безуспешно попыталась выдернуть руку.

— Я не слышу, что ты говоришь, — теперь в его тоне послышались издевательские нотки, — говори громче!

— Я не могу говорить, у меня нет голоса...

— Ну, так что мы будем делать, а? — он как будто не расслышал того, что она ему только что сказала, — Будем возвращать украденное добровольно или прибегнем к помощи полиции?

— Пустите меня!.. — она в отчаянии снова оглянулась — по аллее кто-то шёл в их сторону, — Я сейчас позову кого-нибудь!

— Как же ты позовёшь? — ухмыльнулся Фишер, — Шёпотом? Ты серьёзно считаешь, что тебя кто-то услышит?

— Что вы хотите?

— Что я хочу?.. — взглянув за её спину, он вдруг ослабил хватку и сменил тон на дружелюбно-насмешливый, — Я хочу только одного... чтобы ты поняла, что нельзя вот так внезапно убегать. Ни от меня, ни от кого-то другого... Люди разные, Наташенька. Вот так обвинят, и ничего не поделаешь... придётся отвечать за то, чего не совершала.

— Вы меня хотели обмануть... — она с тоской проводила взглядом прохожего, судя по всему, напугавшего Фишера.

— Я хотел помочь, — не дав ей договорить, вставил он, — и ты не можешь этого отрицать. Сбой в работе сети — не причина, чтобы обвинять меня в обмане. А ты, вместо благодарности, пытаешься меня в чём-то обвинить. Нехорошо, Наташа. Точно так же нехорошо подглядывать за чужими профилями.

— Я не подглядывала за вашим профилем, — она старалась говорить как можно твёрже.

— Но ты же заходила на него? — он снова усмехнулся.

— Я не знала, что он у вас открыт. Я только хотела отправить своё сообщение, потому что меня уже искали дома, а позвонить я не могла.

— Ну, и как? — он не оставлял насмешливый тон, и Наташе показалось, что за этим тоном он скрывает своё истинное настроение, — Ты удовлетворила своё любопытство?

— Я не просматривала ваш профиль, — упрямо твердила она, но врать получалось плохо, — я только хотела отправить сообщение.

— Отправила? — участливо спросил Игорь, чуть склонив голову набок.

— Нет, — она снова отчаянно соврала, понимая на уровне интуиции, что признаваться нельзя ни в коем случае, — я ошиблась с паролем, мне не хватило времени...

— Ну, хорошо, хорошо, — прикрыв глаза, он вдруг улыбнулся как-то приторно и несколько раз кивнул, — не буду больше тебя мучить... Ты уж прости... Но я позавчера, действительно, напугался, когда увидел, что тебя нет. Мне просто захотелось тебя увидеть и немного пожуришь... Ведь так, и вправду, нельзя было делать. Хорошо, что это был я, а если бы кто-то другой? Написал бы на тебя заявление, обвинил в краже...

— Мне нужно домой, — она всё же высвободила руку, но боль была такой сильной, что она не почувствовала облегчения: ей всё казалось, что его пальцы, как клешни, до сих пор сжимают её предплечье.

— Конечно, я понимаю, — он согласно кивнул, — но я не договорил... Понимаешь, Наташенька, есть много способов заставить человека совершать те или иные поступки — начиная от простых уговоров до откровенного шантажа и угроз. А, уж если есть свои люди в правоохранительных органах, то и за решётку упечь нет проблем. В такое время мы живём, — он снова улыбнулся, глядя ей прямо в глаза, — поэтому, будь впредь осторожней,

не заходи на чужие профили, не читай того, что там написано... а, если уж прочла, то забудь раз и навсегда... Впрочем... — увидев, что она хочет что-то возразить, Фишер предупредительно выставил вперёд правую ладонь, — впрочем, я верю, что ты, действительно, только лишь хотела отправить своё сообщение... Ведь ты не хочешь ставить под угрозу ни свою судьбу, ни судьбу своего ребёнка, ни мужа... Правда ведь?..

— Да, — она ответила нехотя, понимая, что сейчас что-то нужно ответить этому страшному человеку, чтобы он, наконец, оставил её в покое.

— Я знал, что ты умная девочка. Знаешь, Наташа... — он снова взял в свою руку — теперь уже её ладошку и поднёс к груди, — может, я покажусь тебе неискренним, но... поверь мне. Больше всего на свете мне не хотелось бы причинить тебе какое-либо зло... И вот ещё что. Я всё же надеюсь на нашу с тобой встречу...

Выслушивая его признания, Наташа терпеливо стояла, ожидая их конца, но, когда он на прощание поднёс её руку к своим губам, резко её отдернула и, развернувшись, бегом кинулась к своему дому...

* * *

Вернувшись домой, Наташа впала в ещё более глубокое уныние. Визит к доктору, а потом и встреча с Фишером привели её в полное замешательство. Ей хотелось с кем-то поделиться своими невесёлыми мыслями, но обсуждать что-то по телефону она не могла, а писать сообщения не было сил — она чувствовала себя буквально опустошённой. Ей очень хотелось поговорить с Димкой, но она не знала, как он воспримет её рассказ, да и дома его всё равно не было.

— Ну, что? — Анна Сергеевна встретила её в коридоре, — Что сказали в больнице?

— Сказали, что я здорова, — Наташка выдавила из себя подобие весёлой улыбки, — а голос когда-нибудь восстановится.

— Что значит — когда-нибудь? — свекровь нахмурилась, — Что за доктор тебя принимал?

— Доктор хороший, — поспешила успокоить её Наташа, — просто у меня это на нервной почве. Должно пройти само собой.

— Серьёзно? — Анна качнула головой, — А когда это может пройти?

— Через месяц, — весело пожала плечами Наташа, — или через два, или через пять лет. Никто не знает.

— А что же делать? — женщина растерянно смотрела на неё, — Неужели нет никакого выхода?

— Есть, — кивнула Наташа.

— И какой?

— Ждать...

Сняв шубу, Наташа в прихожей расстёгивала сапоги, когда в замке снаружи повернулся ключ.

— Ой, Димочка! — Анна радостно-удивлённо посмотрела на сына, — Ты так рано сегодня?

— Я не насовсем, — войдя в квартиру, тот торопливо прошёл в свою комнату.

Проводив его грустным взглядом, Наташа незаметно вздохнула. Ещё недавно, входя в квартиру, он обязательно целовал её в щёчку, а теперь молча проходит мимо... Поставив обувь на специальную полочку, она отправилась вслед за ним и невольно остановилась в дверях: достав Валерку из манежа и подняв его над головой, Дима слегка тормозил малыша, чем приводил его в полный восторг. Наигравшись, он посадил сына назад в манеж и, достав что-то из компьютерного стола, молча вышел из комнаты.

Наташке было слышно, как он о чём-то разговаривает с Анной Сергеевной, ей хотелось снова выйти из комнаты, чтобы увидеть его, но она так и не решилась; глядя на падающие за окном снежинки, она стояла, прислонившись к оконной раме, пока не услышала звук захлопнувшейся двери.

Он даже не спросил, о том, что сказал ей врач... А она ещё собиралась вечером с ним поговорить... Видимо, придётся самой решать свои проблемы...

Впрочем, так и должно было быть.

Всё правильно.

Кристина посмотрела на себя в настенное зеркало и, поправив волосы, слегка подкрасила пухлые губы — так, чтобы было похоже на естественный цвет. Она осталась вполне довольна собой и, посмотрев на часы, снова прилегла на больничную кровать. Несколько дней, проведённых в стационаре, дали свои результаты — она чувствовала себя намного лучше и выглядела вполне привлекательно, чем сегодня и решила воспользоваться. В ожидании назначенной встречи, она то и дело разглядывала в дорогом планшете фотографии и видеоролики.

— К вам посетитель, — многозначительно улыбаясь, медсестра заглянула в палату, — такой мужчина...

— Пусть заходит, — небрежно ответила Кристина и, подогнув под себя колени, чуть выше поддёрнула полы дорогого халатика.

— Входите, — медсестра посторонилась, пропуская гостя.

— Привет, — здороваясь на ходу, Дима вошёл в палату.

— Привет, — за несколько секунд Кристине вполне удалось принять кроткий вид, — спасибо, что согласился прийти...

— Да не за что, — он пожал плечами, — я в любом случае бы пришёл, просто раньше было никак.

— Присаживайся, — она кивнула на мягкий стул возле кровати.

— Вот, это — тебе, — он протянул ей букет цветов и, поставив на тумбочку небольшой пакет, присел рядом, — извини, я не знал, что тебе можно, принёс только фрукты.

— Ой, ну, что ты, — она скромно накинула на ноги тонкое покрывало, — ничего не нужно было приносить. У меня всё есть...

— Ну, как ты? — Дима говорил вежливо, но довольно сдержанно, — как себя чувствуешь?

— Уже хорошо, — Кристина говорила тихо, с нескрываемым оттенком грусти в голосе, опустив глаза и слегка поджимая губы, — спасибо...

— Скоро выпишут? — он спросил скорее дежурно, чем заинтересованно, и она, демонстративно вздохнув, подняла на него глаза.

— Дима... — не ответив на его вопрос, она придала лицу скорбное выражение, — Во-первых, я не знаю, как и когда я смогу тебя отблагодарить... — ему показалось, что её голос дрогнул, — То, что ты сделал, не вписывается ни в одни рамки простой благодарности...

— Да ладно, — голос его смягчился, — всё нормально. Главное, что всё закончилось хорошо.

— Я вполне серьёзно, — она теребила полу халатика, — Дима, я даже не знаю, какие слова нужно говорить в таких случаях, правда... Все слова у меня в душе...

— Кристин, да ладно, — он окончательно смягчил тон, — ты, главное, поправляйся.

— Дима... — казалось, что она хочет сказать ему ещё что-то, но никак не может решиться, — Димочка... ты прости меня... прости, хорошо? — она вдруг уронила голову на руки и всхлипнула, — Прости...

— Ладно, Кристина, всё прошло, успокойся, — было заметно, что он не ожидал её слёз и совершенно растерялся, — всё уже хорошо.

— Нет, — она энергично замотала головой, — не хорошо... Дима... Я так виновата перед тобой... так виновата...

— Всё прошло, — снова повторил он, — всё позади. Забудь...

— Не могу! — воскликнула Кристина, в этот момент она показалась Димке искренней, как никогда, — Понимаешь, не могу себе простить... Дима... я такая гадина... — на этих словах она совершенно разрыдалась, — Дима... я — гадина...

— Ну, что ты, — он взял в руки её ладонь, — Кристин, перестань, пожалуйста, ну, не плачь, хорошо?

— Прости меня... — она буквально зашла в рыдания, — прости...

— Кристина, — не зная, как её успокоить, Дима погладил её по голове, — всё — ерунда... Главное, что ты живая, понимаешь?

— Дима... — он не заметил, как она бросила мимолётный взгляд на настенные часы, — Димочка... Я не о том... Прости меня... Это я, понимаешь?! Я — разбила инструменты... я... Это простить нельзя...

— Всё можно, — он гладил её по голове, — я тоже был перед тобой виноват, просто ты не смогла справиться с собой... Я понимаю тебя, правда. Тем более, всё закончилось хорошо.

— Господи, — она не прекращала рыдания, — у тебя было столько проблем из-за меня... ты приходил ко мне, а я... Никогда себе этого не прощу...

— Ну, всё, всё... — успокаивал он её, — Забудь всё, забудь... Ты же всё рассказала отцу. Это очень смелый поступок.

— Нет... Дима, теперь я понимаю, почему ты меня разлюбил, — опустив голову, она медленно покачала головой, — я, действительно, это заслужила... И твоя жена в тысячу раз лучше меня, поэтому ты с ней счастлив...

— Давай не будем сейчас об этом, — он слегка сжал её ладонь, — у всех свои недостатки, и, если у нас так вышло, то это ничего не значит... Просто не судьба. Других причин нет...

— Ты меня простишь? — ему показалось, что она смотрит на него с мольбой, — Мне больше не нужно ничего... Только знать, что ты меня простил... Иначе я не смогу жить с таким грузом...

— Конечно, — он улыбнулся, — всё позади, я же сказал тебе, всё уже позади...

— Ой, Дима!.. — закрыв лицо ладонями, Кристина неожиданно прислонилась к его груди и снова разрыдалась, — Спасибо тебе... Димочка...

— Ну, всё, Кристин, всё... — он невольно обнял её за плечи, — всё...

Он всё ещё держал её в своих объятиях, когда дверь снова отворилась.

— Тут к вам ещё пришли, — молоденькая медсестра с нескрываемым любопытством уставилась на обнимающихся Кристину и Морозова, — ой!.. Извините...

— Там к тебе пришли, — распрямившись, Дима разжал руки, — слышишь, Кристин?

— Что? — она сделала вид, что не расслышала и, взглянув на медсестру, отрицательно качнула головой, — Подождите, вы что, не видите, мы разговариваем?

— Извините, — та изобразила испуг, — но к вам пришли...

— Пусть подождут, — Кристина царственно махнула рукой, — войдут через пять минут!

— Угу, — с готовностью кивнула девушка и скрылась за дверью.

— Мне уже пора, — Дима встал со стула, но она снова потянула его за руку.

— Подожди, — Кристина свесила с кровати ноги и, найдя ступнями пушистые тапки, поднялась во весь рост, — подожди... Я хочу спросить.

— О чём? — он терпеливо смотрел на неё: опустив голову, сейчас она казалась полной истинного раскаяния.

— У тебя всё хорошо? — медленно подняв глаза, она посмотрела на него как-то странно, но он списал всё на то, что она перед этим плакала, — Ты, действительно, счастлив?

— У меня всё хорошо, дружески кивнул он ей и улыбнулся, — и у тебя всё хорошо, а будет ещё лучше, вот увидишь.

— Хотелось бы... — она всё так же странно смотрела на него, в какой-то момент Димке показалось, что в глазах Кристины блеснул недобрый огонёк, но он тут же отмёл от себя эту мысль — сегодня она, действительно, была не такая, как всегда... Видимо, произошедшее наложило свой отпечаток и на неё, ведь не зря говорят, что нет худа без добра... В каждом человеке живёт это самое добро, просто в некоторых оно спит до поры, до времени...

— Так и будет, — он снова ободряюще улыбнулся, — а сейчас мне пора...

— Дима, — она снова задержала его руку, — у меня к тебе ещё один вопрос...

— Какой?

— Отец сказал, что ты хочешь уйти из продюсерского центра.

— Да, — коротко ответил Дима.

— Я знаю, почему ты хочешь уйти, — Кристина снова теребила полы халата — теперь уже на груди, — и я тебя понимаю. Ты абсолютно прав... Но у меня к тебе просьба.

— Я слушаю.

— Не делай этого пока...

— Почему?

— Ты, действительно, поднял всю работу, всё держится только на тебе и только благодаря тебе...

— Незаменимых не бывает, — он улыбнулся и пожал плечами.

— Бывает. Если это — ты... — она вздохнула, — Пожалуйста, останься, хотя бы до весны, пока я не найду тебе замену... За меня можешь не беспокоиться, я в середине января улетаю в Испанию. Возможно, меня не будет долго, так что ты будешь чувствовать себя свободно. Тем более, что я знаю, у тебя новый проект — твоя жена... Вам трудно будет сейчас найти себе подходящую студию, а здесь ты сможешь всё воплотить в жизнь... Она, действительно, очень талантлива, и... и я искренне рада за тебя...

— Спасибо, — он в раздумье слегка сжал губы, — к сожалению, с этим проектом всё очень непонятно...

— Почему? — она спросила участливо, слегка нахмурившись, — У тебя же всё готово — тексты, музыка, аранжировки...

— Да, всё готово, — кивнул Дима, — но у нас проблема. Наташа пока не может петь.

— В смысле?

— У неё пропал голос, она разговаривает только шёпотом.

— Какой ужас... — Кристина демонстративно покачала головой, — И как теперь?

— Пока ничего не знаю, — Дима нахмурился, — я вообще пока ничего не знаю...

— Что-то ещё? — в её глазах был нескрываемый интерес, — Она заболела?

— Видимо, да, — кивнул он головой, — я отвёз её днём в поликлинику, но пока не знаю, что с ней...

— Жаль, очень жаль, — удручённый тон давался ей особенно хорошо, и Димка уже в который раз поразился произошедшим с ней переменам.

— Ну, теперь мне, действительно, пора, — он развёл руками, — поправляйся и ни о чём плохом не думай.

— Спасибо... — она неожиданно положила ему руки на плечи, — Я хочу тебя поцеловать, ты разрешишь? Это будет благодарственный поцелуй, и ничего более. Мне, действительно, хочется это сделать.

— Ну, хорошо, — он рассмеялся и, наклонившись, тронул губами её щёку. В ответ она обвила руками его шею и на какое-то мгновение замерла, как бы в ожидании чего-то... Потом, слегка прикоснувшись к его щеке, вдруг поцеловала в губы, как раз в тот момент, когда в открывшуюся дверь ввалилась целая ватага молодых артистов — шоу-балет, солисты и бэк-вокалистки продюсерского центра, явившиеся проводить Кристину, удивлённо застыли на пороге, наблюдая недвусмысленную картину прощания её с Морозовым...

Наскоро поздоровавшись и тут же попрощавшись со своими подопечными, Дима покинул больничную палату, сопровождаемый любопытными взглядами молодых людей.

Всю дорогу, пока он ехал домой, его не покидала мысль, что последняя сцена прощания в больнице была буквально срежиссирована, при чём, очень тщательно... Но, поразмыслив, он убедил себя в том, что это — лишь плод его воображения, ведь Кристина была такой искренней в своём раскаянии... Нет, ему, конечно, показалось.

Приехав домой, он отправился ужинать: не зная, как угодить, Наташа буквально заставила обеденный стол всякими закусками, то и дело поглядывая на него и радуясь уже тому, что он не твердит, как в прошлые дни, «я сам», отбирая у неё кухонные принадлежности.

— Дим, — дождавшись, пока он поест, она присела напротив, — мне нужно с тобой поговорить...

— Давай, не сегодня, хорошо? — он строго посмотрел на неё своими синими-пресиними глазами, — На сегодня с меня разговоров хватит.

— Но ведь завтра ты снова уйдёшь на целый день...

— Значит, поговорим послезавтра, — он встал из-за стола и, как будто вспомнив о чём-то, спросил, — Кстати, что тебе сказали в больнице?

— А разве это тебя интересует? — неожиданно для самой себя, она горько усмехнулась.

— Если спрашиваю, значит, интересует.

— Сказали, что это не фарингит и не ангина, а, скорее всего, результат стресса. Голос должен восстановиться, но когда — никто не знает.

— То есть? — он нахмурился, — Разве так бывает?

— Видимо, бывает, — развернувшись, прошла из кухни в ванную и, приготовив в детской ванночке воду, вернулась в их комнату. Валерка всю наползавшись по манежу, пытался встать на ножки, но то и дело падал. По обыкновению, он совсем не плакал, только кряхтел и улыбался Диме, который, присев на корточки, пытался помочь сыну, держа его за одну ручку.

— Пойдём купаться, — взяв ребёнка на руки, Наташа уже собралась выходить из комнаты, когда Дима её окликнул.

— Подожди, — он жестом попросил её задержаться и, достав из ящика стола какой-то свёрток, протянул ей, — вот. Возьми, это твои деньги.

— Какие деньги? — она устало посмотрела на него, и Дима про себя отметил, что она очень осунулась за последние несколько дней.

— Твои новогодние гонорары. Лапин сегодня передал. А вот это, — он достал второй свёрток, поменьше, — это Валерке, на новый манеж, о котором ты говорила. Я уеду на днях, так что, если увидишь, купи сама. Там и на доставку хватит.

— Хорошо, — она взяла оба свёртка, — спасибо.

— И что это значит? — глядя, как она кладёт большой свёрток назад, в тот же ящик, Дима снова строго посмотрел на жену.

— Мне не нужны деньги.

— Наташа, что за детский сад?

— Это не детский сад. Ты оплатил папе операцию. Вот, это часть твоих потраченных денег. Когда я смогу вернуть остальные — не знаю... Но, хотя бы часть...

— Что ты делаешь?..

— Я?! — она посмотрела на него глазами, полными слёз, — Я иду купать Валерика...

...Пройдя в ванную, она закрыла за собой дверь и, посадив Валерку в воду, дала волю слезам. Ей было ужасно обидно, что он вот так, демонстративно, подчёркивает их разрыв...

... Держа ребёнка на весу, Наташа поливала его тёплой водичкой и старательно, сквозь слёзы, улыбалась в ответ — купаться Валерка любил, и ежевечерние водные процедуры у них всегда проходили весело... Она вспоминала, как ещё совсем недавно они с Димкой в четыре руки наперебой мыли своего любимого Валерика, который, суча полненькими, в перевязочках, ножками, с весёлым хохотом обрызгивал их с ног до головы...

Она поймала себя на мысли, что снова, как когда-то, счастливые минуты — лишь в воспоминаниях... Вот уже несколько дней, как Дима не купает вместе с ней сына... Нет, он не переставал его любить... Он любит Валерку, иногда ей кажется, что он любит ребёнка с каждым днём всё больше: теперь он возится с ним целыми вечерами, когда приезжает домой... Но вот купать его приходится ей одной... Дима больше не хочет быть рядом с ней... Она надеялась, что он отойдёт, и ни помирятся... Но прошло уже несколько дней, а в его отношении к ней ничего не изменилось...

...Надев наушники, Дима сидел за синтезатором в углу их комнаты, и Наташа, почти с головой укрывшись тёплым одеялом, закусив губу, смотрела в небольшую щёлку на его спину... Она уже лежала в постели, когда он неожиданно вошёл и сел за своё рабочее

место... Слабый свет ночника едва рассеивал ночную темноту, и он играл по памяти, отключив внешний звук... Наташка смотрела на него, и слабая надежда, что вот сейчас он встанет и придёт к ней, всё же теплилась в её душе... Но Дима всё играл и играл... Наконец, не выдержав, она набралась решимости и, подойдя сзади, положила ладони ему на плечи...

Прекратив играть, он, тем не менее, остался сидеть неподвижно, и ей в какой-то момент показалось, что он просто ждёт её дальнейших действий...

Обойдя стул, она опустилась на корточки и положила голову ему на колени.

— Димочка... прости меня... — он почувствовал, как что-то горячее растекается по колену.

Она ждала, что он обнимет её, но вместо этого он встал и, приподняв её саму, молча подвёл к кровати, уложил и укрыл одеялом. После чего так же молча выключил инструмент и вышел из комнаты, закрыв за собой дверь...

* * *

— Спасибо, ребята, — изображая смущение, Кристина прощалась с навестившими её молодыми людьми, — так приятно, что не забыли... Спасибо!

— Не за что, поправляйтесь, — весело галдели на прощание парни и девчонки, — до свидания!

— До свидания, — она взмахнула рукой, но, остановив взгляд на одной из девушек, вдруг сделала жест рукой, — Света, а тебя я попросила бы остаться...

— Меня?! — удивлённо переспросила Света, бэк-вокалистка продюсерского центра и напарница Алёны.

— Да-да, тебя, — кивнула Кристина, — пусть девочки идут, а ты останься. Мне нужно с тобой поговорить.

— Хорошо, — настороженно посмотрев на неё, девушка вернулась в палату.

— Присаживайся, — дождавшись, пока за последним из гостей закроется дверь, Кристина кивнула на стул, — у нас с тобой будет долгий разговор.

— А что случилось? — побледнев, спросила Света пересохшими от нахлынувшего волнения губами.

— Я думаю, ты догадываешься, — глядя исподлобья, Кристина слегка улыбалась уголками губ.

— О чём?

— Скажи, это ведь ты вымазала зелёной краской волосы Морозовой? — Кристина начала без предисловий.

— Я?! — скорее по инерции переспросила Света.

— Ты, ты, — кивнула Кристина, — и я знаю об этом наверняка. Можешь даже не отпираться.

— С чего вы взяли? — девушка казалась перепуганной и говорила не совсем твёрдо.

— Света, — Кристина подалась вперёд, — не держи меня за дурачку. Если я задала тебе вопрос, значит, у меня есть очень веские доказательства твоей вины. Просто я хочу, чтобы ты сама всё рассказала мне об этом случае.

— Я... я не знаю, о чём рассказывать... — Света упорно не хотела верить в то, что её

разоблачили.

— Расскажи о том, как ты заправила зелёнку в флакон из-под духов, потом положила его в боковой карман своей старой сумки, чтобы не испачкать новую... Ты ведь купила себе новую, не так ли? — Кристина победно смотрела на девушку.

— Откуда вы знаете?! — прошептала Света, глядя на неё широко открытыми от страха глазами.

— Знаю. Я скажу тебе более того. Я знаю, где ты покупала новую сумку. Торговый центр «Точка». Верно? Впрочем, можешь не отвечать. Чек на покупку у меня дома.

— Д-да... я купила себе новую сумку, но...

— Но ты не думала, что встретишь в соседнем отделе Наташу Морозову, так? — Кристина буквально буравила девушку колючим взглядом.

— Господи... Откуда вы и это знаете?! — на лице Светланы застыл неподдельный ужас.

— Знаю, — повторила Кристина, — как и то, что сама Морозова тебя не заметила. А вот ты разглядела её очень хорошо... Вернее, не её, а туфли, которые она купила в соседнем отделе. Так?

— Да... — опустив голову, еле слышно прошептала Света.

— И на следующий день ты, оставив новую сумку дома, пришла со старой...

— Но откуда вы всё это узнали?! — девушка едва подняла глаза, — Я никому не говорила, даже Алёне...

— Я знаю всё, — Кристина чеканила слова, — я даже знаю, как ты брызнула из флакона на волосы этой матрёшке...

— Я не хотела... правда...

— Ну, да... — насмешливо произнесла Кристина, — Не хотела. Только брызнула.

— Я не хотела... — как-то жалобно повторила Света, — Честное слово...

— Точно так же ты не хотела подсыпать ей битое стекло, ведь правда?

— Я не хотела...

— Знаешь, на сколько потянет статья «умышленное членовредительство»?

— Я, правда не хотела-а-а... — сквозь рёв проговорила Света, — Я игрушку разбила-а-а... А потом решила сделать из неё порошок, чтобы на корону насыпать... А порошок не получился... я и взяла осколки с собой...

— Ну, и как ты их подсыпала? — с любопытством спросила Кристина.

— Она... Наташка... возле меня раздевалась, и туфли рядом выложила... А у меня осколки были в стеклянной баночке из-под крема. Я из своей сумки её вытащила, крышку открыла, и... Никто даже не заметил.

— Да, действительно, голь на выдумки хитра... — усмехнулась Кристина.

— Кристина Леонидовна, — в голосе девушки послышалась мольба, — не выдавайте меня, ну, пожалуйста! Ну, пожалуйста, не выдавайте... Я больше не буду. Я клянусь...

— Ну, хорошо... — немного помолчав, Кристина подняла на девушку колючий взгляд, — я тебя не сдам... Но при одном условии.

— Я всё сделаю, — согласно закивала Света, — всё, что скажете...

— Ответь мне на один вопрос. Зачем ты это сделала? Только отвечай предельно искренне. Ты меня поняла? — в голосе Кристины послышалась неприкрытая угроза, — Ещё раз спрашиваю: ты меня поняла?

— Да, — поспешно ответила девушка.

— Тогда рассказывай. Зачем ты вымазала волосы Морозовой и подсыпала битое стекло

в её иуфли?

— Я... я не знаю... как-то само собой получилось...

— Не ври. Я тебя предупреждала — твоя свобода в обмен на твою искренность...

Впрочем, я тебе помогу. Ты хотела ей за что-то отомстить, так?

— Так, — почти шёпотом ответила Света.

— А за что? Впрочем, я тебе и здесь помогу, — Кристина кивнула сама себе, — тебе нравится Морозов? Ну? Говори!

— Да... — от страха Свету было еле слышно.

— Понятно, — ехидно усмехнулась Кристина, — тогда скажи мне... Чего конкретно ты хотела добиться, устранив эту матрёшку?

— Я хотела... я хотела, чтобы он обратил на меня внимание...

— И всё?

— Нет, не всё... Я хотела, чтобы он взял меня в проект на главную роль...

— Интересно, почему он должен был взять именно тебя? — пожала плечами Кристина, — Он мог взять любую вокалистку.

— Я подумала, что я ему нравлюсь...

— Ты?! — Кристина искренне расхохоталась, — Вот так новости... А это ты с чего взяла?

— Он так со мной всегда вежливо разговаривал... — девушка неожиданно расплакалась, — И однажды сказал, что у меня очень хороший вокал, и, что, если бы он делал сольный проект не для своей Наташки, то сделал бы сольный проект со мной...

— Он так и сказал? — Кристина задумчиво смотрела в окно.

— Да, — кивнула девушка, — так и сказал, это слышала и Алёна, и другие девочки...

— Ну, что ж... — Кристина перевела взгляд на Свету, — Это судьба. Будет тебе сольный проект.

— Правда?! — Света радостно захлопала ресницами, — А что я должна буду сделать?

— Ну, вот об этом мы сейчас с тобой и поговорим...

Дима сидел в аппаратной, у нового, купленного только вчера синтезатора. Навороченный «Роланд» призывно смотрел на него своими чёрно-белыми клавишами, но Димка не спешил их трогать. Опершись подбородком на сцепленные кисти рук, он задумчиво смотрел куда-то перед собой. Большинство его планов оказались под угрозой, и даже те, которые были воплощены в жизнь, увенчались успехом лишь отчасти.

Почти все его труды в одночасье пошли насмарку: и проект «Ульяна и Макс», придуманный им, но так бездарно загубленный Кристиной... и новогоднее шоу, едва не потерпевшее такое же фиаско, и спасённое лишь благодаря Наташке... Да, тогда она спасла всех...

А вот теперь срывается и её собственный сольный проект. Странно, но вот именно её неожиданная потеря голоса вызвала у Димки непонятное чувство облегчения.

После того случая, когда она оказалась в доме у Фишера, Дима до сих пор не мог переступить через себя, и все её попытки помириться натыкались на глухую стену его отчуждения. Несмотря на то, что острая душевная боль, нанесённая её поступком, за несколько дней немного улеглась, он всё равно не мог сделать шаг ей навстречу, хоть и видел, как она от этого страдает. Отмена последнего новогоднего шоу, как и невозможность работы над Наташкиной программой, не вызвали у него сожаления, напротив, он воспринял её новое состояние как собственное спасение в данной ситуации.

Придя в себя после пережитого в последние дни, Димка ощущал жуткую психологическую и физическую усталость, и даже согласие Лапина не только изменить, а даже разорвать контракт, не принесло ожидаемого удовлетворения, и единственной радостью для него оставался маленький Валерка.

В то же время, просьба Кристины подождать с уходом из продюсерского центра тоже показалась ему кстати — получив «свободу» и немного успокоившись, он понял, что не знает, что с этой свободой делать... Поиски «упакованной» студии, которую можно было бы арендовать, не принесли результатов — ни один из предлагаемых вариантов не соответствовал его высокопрофессиональным требованиям, к тому же, Димка понимал, что, уходя от Лапина, обрекает «Ночной патруль» на бездомность...

— Здравсьте! — Света Нечаева, бэк-вокалистка, заглянула в студию, — А что, Алёны ещё нет?

— Привет, — глядя в ту же точку, кивнул Морозов, — нет, а что, она должна здесь быть?

— Ну, как же, — замялась Света, — мы же записываемся сегодня.

— Ты что-то перепутала, — он повернулся в её сторону, — сегодня мы ничего не записываем.

— Ну, как же, Дима, — она вошла в помещение и встала перед ним, — ты сам сказал, что сегодня мы записываем бэк-вокал для минуса... Ну, для Наташиной песни.

— Ну, во-первых, я говорил не сегодня, завтра. А, во-вторых, всё отменилось. Разве тебе не передали?

— Нет... — она казалась растерянной, — не передали... А что случилось?

— Должны были передать ещё неделю назад, наверное, ты просто забыла, — он устало помассировал закрытые глаза, — разве ты не в курсе, что Наташа пока не может петь?

— Не-е-е-т... — она широко раскрыла светло-карие глаза, — мне только сказали, что шоу отменяется, и всё... А почему — я не знала... А что случилось? Она заболела?

— Да, заболела.

— Так поправится же, — Света пожала плечами, — мы бы к тому времени как раз минусовки все и записали.

— Дело в том, что никто не знает, когда она поправится. У неё голос пропал, — Дима говорил нехотя, разговор явно не приносил ему удовольствия.

— И что теперь?

— Пока не знаю. Пока ничего не знаю, Света.

— Ну, она же всё равно поправится? — девушка явно была расположена узнать подробности, — Или она больше никогда не будет петь?

— Не знаю, — повторил Дима, — пока этот проект приостановлен.

— Ой, как жа-а-а-лко-о-о... — девушка выглядела удручённой от полученной новости, — Особенно жалко, что твои песни никто пока не услышит.

— Ну, что поделаешь...

— А что, если ты сделаешь проект с другой певицей? — Света выглядела настолько наивно, что, взглянув на неё, Дима невольно усмехнулся.

— Свет, ну, как ты себе это представляешь? Все эти песни были написаны специально для неё, как я могу отдать их другой певице?

— Да?.. — она изобразила детское неведение, — Я думала, что ты просто написал песни... неважно, кто их будет исполнять.

— Ну, как неважно... это всегда важно.

— Не знаю... Уля тоже не смогла больше выступать, но её песни отдали Наташе...

— Отдали, потому, что выхода не было. Улины песни были частью нашего представления, — терпеливо объяснял Дима, в душе поражаясь своеобразной логике этой девушки.

— Понятно... — закусив губу, Света часто закивала, — А как теперь нам быть? Мы вообще больше не будем ничего записывать?

— Я пока ничего не знаю, Света, — Дима покачал головой, — у нас тут проблемы появились, поэтому, пока мы их не решим, я ничего не смогу тебе сказать.

— Жаль... — снова посетовала девушка, — А мне бы очень хотелось исполнить какую-нибудь твою песню.

— Ну, в принципе... — Дима пожал плечами и, встав из-за синтезатора, повернулся к своей собеседнице, — если ничего не изменится кардинально, в марте мы планировали отчётный концерт, без регламента, у каждого участника будет свой, сольный номер... Ради Бога, подбирай песню...

— Правда?! — подпрыгнув, Света радостно хлопнула в ладоши, — Ура!..

— Ура будет лишь в том случае, если ничего не изменится, — терпеливо повторил Морозов, — это пятьдесят на пятьдесят... подожди... — сделав упреждающий знак рукой, он достал сигнальный телефон; посмотрев на номер абонента, слегка нахмурился и нажал на клавишу, — Да... здравствуй... Да, готовимся... послезавтра... Прилетим двадцать пятого. Да, десять дней... Да, помню... да, сохранились... Н-ну, хорошо... Только это будет после возвращения, я сейчас загружен полностью, на новый синтез аранжировки по памяти

забиваю. Нужно до отъезда успеть как можно больше, так что сегодня придётся здесь ночевать...

Поговорив по телефону, Дима отошёл к окну и несколько минут стоял молча, заложив руки в карманы брюк, как будто о чём-то раздумывая. Наконец, обернувшись, он посмотрел на девушку, которая с интересом прослушав разговор, сидела с сосредоточенным видом.

— Ну, вот... — с едва уловимой усмешкой произнёс он, — Интересное совпадение... Кристина хочет, чтобы я сделал аранжировки на две песни. Песни эти мы написали с ней давно, они для женского исполнения, но их никто так и не спел.

— Да? А в чём совпадение? — от Димы не укрылось, как у Светы слегка дрогнул голос.

— В том, что она в качестве исполнительницы хочет видеть именно тебя...

— Она так и сказала?! — она вытаращилась радостно-изумлённо, — Дима, это — правда?!

— Правда, — он снова пожал плечами, — но я пока очень занят. Если только после гастролей.

— Ой... — она прижала ладони к щекам, — Мне даже не верится...

— Ну, вот, привыкай к этой мысли, — он снова усмехнулся, — тексты возьми у Кристины, а музыка... аранжировкой я смогу заняться только после того, как вернусь с гастролей, в конце января.

— А, может, ты мне наиграешь темы? — она с готовностью достала из сумочки мобильный телефон, — Прямо сейчас, а я запишу... Пока ты будешь ездить, я разучу...

— Знаешь, песни были написаны давно, года три назад, я сейчас сразу и не вспомню... Впрочем... — он открыл папку с документами на рабочем столе компьютера, — память разбитого компа удалось спасти, я сейчас посмотрю в базе... тут чего только нет...

— Димочка, ну, посмотри... — она снова нетерпеливо несколько раз хлопнула в ладоши, потом подошла поближе и, положив ему руку на плечо, внимательно следила за тем, как он ищет нужный файл, — Только найди, ладно?..

— Ну, вот... — он открыл одну из папок, — Есть. Обе... Включай блютуз, сейчас скину наброски...

— Класс! — воскликнула девушка, когда мелодии двух песен оказались в памяти её телефона, — Интересно, а почему Кристина захотела, чтобы именно я спела эти песни? И, главное, где я буду их исполнять?

— Почему ты — не знаю. Насколько я понял, она хочет записать небольшой диск с песнями на свои стихи. Несколько песен есть в репертуаре «патруля», и вот — две, о которых она вспомнила.

— Я бы и больше спела, — махнув рукой, рассмеялась девушка.

— Есть ещё несколько, но она упомянула только об этих. Может, потом и об остальных вспомнит.

— А я ей сама скажу... Дима, можно я ей скажу?.. — Света умоляюще посмотрела на глаза Морозову, — Можно?..

— Да мне какая разница, — он выключил компьютер и, подойдя к вешалке, снял свою куртку, — говори. Только я не знаю, когда я смогу написать все аранжировки.

— Ура!.. — снова воскликнула девушка, — А ты уже уходишь?

— Да, ухожу, — одевшись, он взялся за ручку двери.

— А ты на машине?

— Да, — занятый какими-то своими мыслями, он отвечал довольно сдержанно, но она этого как будто не замечала.

— А ты меня не подвезёшь? — сооротив умильно-просящее лицо, она захлопала ресницами.

— Хорошо, подвезу.

— Подожди меня, я сейчас... только оденусь... — всплеснув руками, она выпорхнула из аппаратной.

Дима уже выходил из продюсерского центра, когда Света догнала его и, демонстративно заглядывая в глаза, радостно просеменила рядом с ним к его машине.

— Чего это Димон вразнос пошёл? — ехидно хихикнул Илья, в компании других молодых артистов курящий на крыльце центра, — На днях с Кристей в больнице взасос целовался, сегодня Светку куда-то повёз...

— Совсем без жены от рук отбился, — в тон ему поддакнул Кравец.

— А где она, кстати? — Анжела, затягиваясь длинной тонкой сигаретой, с нескрываемым интересом смотрела вслед отъезжающему «фольксвагену», — Говорили, что её сольник будем готовить, а вместо этого вообще всё отменили. Репетируем, а зачем, для чего... непонятно.

— А ты что, не слышала? — Кравец удивлённо уставился на девушку.

— Нет, а что?

— Так она голос потеряла. Говорит только шёпотом...

— Серьёзно?..

— Говорят, серьёзно...

* * *

Мила сидела на больничной кровати, обнимая дочь.

— Мама, — положив ей на плечо голову, Кристина кротко смотрела перед собой, — на днях приходил Дима... Вернее, это я попросила, чтобы он пришёл...

— Да? — Мила поцеловала её в висок, — И что?

— Я... я попросила у него прощения...

— Ты?! — казалось, мать не поверила её словам.

— Да, я... ты удивлена?

— Нет... — женщина как будто нехотя произнесла это слово, — Нет, совсем не удивлена, просто я не знаю, за что.

— Мама... Я сказала отцу, кто разбил студию...

— Студию?! — Мила удивлённо посмотрела на дочь, — Какую студию?

— Я тебе не говорила... В студии, где работал Дима, были разбиты все инструменты и аппаратура... Отец заставил его купить всё новое... Он купил, но не всё, денег не хватило... Он отдал деньги, которые нужны были его тестю на операцию.

— А при чём тут ты?

— Это я всё разбила... Он приходил перед новым годом, просил меня признаться отцу... Я отказалась... А он меня не выдал.

— Видишь, как бывает... — как маленькому ребёнку, сказала Мила дочери, — Но теперь ведь всё хорошо?

— Да, всё хорошо. Я призналась, и папа выплатил ему все деньги.

— Это сильный поступок. Сделать глупость — легко. А вот признать свою вину намного тяжелее. Ты — умница... — не вдаваясь в подробности, Лапина, как могла, поддержала Кристину.

— Он меня простил...

— Всё правильно. Дима хороший, добрый парень, — на этих словах женщина с сожалением вздохнула, — а ты — добрая девочка...

— Я совсем не добрая, — с деланным сожалением произнесла девушка, — наверное, поэтому он и разлюбил меня.

— Ты добрая, — ласково повторила мать, — иначе бы ты не призналась в том, что совершила. Это — добрый поступок.

— Нет... — Кристина энергично замотала головой, — ты меня любишь, поэтому так говоришь...

— Ну, конечно, я тебя люблю, — Мила как ребёнка баюкала свою взрослую дочь, — ты же моя дорогая девочка... красивая... умная... немного наделавшая ошибок, но кто их не делает?..

— Мама... — Кристине очень хорошо удавался кроткий тон, — Ты больше не вернёшься к отцу?

— Нет, Кристиночка, — Мила покачала головой, — Не вернусь...

— Ты счастлива?

— Да, я счастлива.

— Мама... А ты думала, что будешь счастлива?

— Нет... Я даже не мечтала об этом...

— Значит, это возможно?

— Конечно... — улыбнувшись, Мила повернула к себе лицо дочери, — Это всегда возможно. Особенно тогда, когда ты этого не ждёшь...

* * *

Наташа лежала в кровати, чутко прислушиваясь — не хлопнула ли входная дверь. Дима обещал сегодня с ней поговорить, но часы уже показывали полночь, а его всё ещё не было дома... Подождав ещё с полчаса, она встала и, надев халатик, вышла в гостиную. Диван, на котором он теперь спал, был пуст, и она в тревоге опустилась на край.

В последние дни она чувствовала себя всё хуже и хуже. Слабость не покидала, любое физическое усилие, даже небольшое, вызывало одышку и учащённое сердцебиение. Она не могла, как раньше, быстро ходить, а восемь лестничных пролётов до своего, четвёртого, этажа она преодолевала с частыми остановками. Все перемены в её здоровье произошли очень быстро, за несколько дней, и она пока не спешила никому о них рассказывать, в надежде, что всё пройдёт само собой.

Наташа ещё раз посмотрела на часы: половина второго. В отчаянии набрала Димкин

номер...

Гудки шли, но трубку он не брал. Чтобы как-то унять дрожь, охватившую тело, она встала и, сложив руки на груди, начала ходить по комнате из угла в угол.

— Наташа, что случилось, почему ты не спишь? — Анна Сергеевна, щурясь на свет, неожиданно вышла из своей спальни.

— Димы нет до сих пор, — дрожащим от волнения голосом выговорила Наташа, — скоро два часа, а его всё нет... Я пробовала звонить, но он не берёт трубку.

— Наташенька, иди спать, — свекровь как-то сочувственно посмотрела на неё, — с Димой всё в порядке. Он мне звонил с вечера, но я думала, ты спишь, и не стала заходить.

— А... где он?.. — растерянно спросила Наташа.

— Он в студии, что-то там забывает... я толком не поняла. Но он сказал, что не знает, когда придёт.

— Почему же он не ответил, когда я звонила? — упавшим голосом спросила Наташа, — Не хотел со мной разговаривать?..

— Может, ему не слышно было, — предположила Анна, — утром спросишь, а сейчас иди, отдыхай...

Несмотря на то, что она чувствовала себя совершенно разбитой, Наташка так и не уснула до самого утра. Утром, около восьми часов, взяв проснувшегося Валерика, вышла в гостиную и, бросив взгляд на пустой диван, скрылась в ванной.

— Привет, — Дима закрывал за собой входную дверь, когда она с умытым малышом проходила назад через прихожую.

— Привет, — прошептала в ответ Наташка и невольно задержалась: увидев отца, Валерка заулыбался и что-то радостно залопотал. Подойдя к ним, Дима наклонился к сыну и шутливо «боднул» его лбом. Вспомнив их любимую игру, Валерка зашёлся весёлым смехом.

— Пливет-пливет, — наклонившись ещё раз, Дима ласково поцеловал ребёнка.

Сердце у Наташки забилося часто-часто... Вот так, близко, он не подходил к ней уже больше недели... Целуя Валерика, он почти коснулся её лица своей щекой... Ей ужасно захотелось прижаться губами к его губам, вдыхая морозный запах его волос... Закрыв глаза, она невольно потянулась к нему... ей даже показалось, что в какой-то момент он тоже подался к ней навстречу... но он тут же отстранился, и, тронув пальцем Валеркин носик, подошёл к встроенному шкафу и начал раздеваться. Обречённо вздохнув, Наташа прошла на кухню...

...Он совсем не соскучился по ней... Ещё совсем недавно, уезжая даже на один день, вернувшись, он мчался к ней и хватал в охапку... Ей казалось, что его поцелуи не успевают остывать на её теле... А сейчас он спокойно проходит мимо, даже не догадываясь, как она тоскует по его рукам и губам...

Неужели обида так сильна?.. Он никогда так долго не сердился на неё... А сегодняшняя ночь... Он не ночевал дома. У неё не хватит смелости спросить, где он был до утра... Анне Сергеевне он сказал, что был в студии. А если — нет?.. Он — молодой мужчина... и он равнодушно проходит мимо неё вот уже который день... Он не собирается мириться с ней.

Может, у него уже кто-то есть?.. Нет, на Диму это не похоже... И, всё-таки... Он не ночевал дома.

— В котором часу приедет Валерий Фёдорович? — прервав её грустные мысли, Дима показался в дверном проёме кухни.

— В четырнадцать тридцать.

— Хорошо, я встречу.

— Ты ведь не спал... Я могу взять такси и встретить сама.

— Я встречу, — включив плиту, он поставил на неё чайник и подошёл к холодильнику.

— Сейчас я тебе приготовлю завтрак, только докормлю Валеру, — глядя, как она зачерпывает ложечкой мясное пюре, мальчишка сидел с раскрытым ртом, как птенец.

— Я сам, — снова, как и в предыдущие дни, лаконично ответил Дима, и Наташка почувствовала, как тоска снова заползает в сердце...

Позже, проходя в свою комнату, она невольно прислушалась к разговору Димы с матерью, доносившемуся из-за двери родительской спальни. Анна что-то говорила ему укоризненным тоном, но он отвечал ей очень тихо, так, что Наташа не смогла расслышать его интонацию... «Анна Сергеевна знает, где он ночевал», — подумала она, входя к себе.

Единственным обстоятельством, которое могло её сегодня радовать, был приезд Валерия... В клинику отец должен был лечь только завтра, поэтому остаток сегодняшнего дня он собирался провести в семье Морозовых.

Но радовалась Наташка не только его приезду... Она знала, что положить гостя можно было только в гостиную, а это значило, что Димке пришлось бы вернуться к ней, хотя бы на одну ночь...

К сожалению, радость была недолгой... буквально до тех пор, пока она вдруг не вспомнила, что именно в это вечер Дима улетит на гастроли...

«Я поеду с тобой, можно?» — Дима уже собирался ехать встречать Валерия, когда Наташа вышла в прихожую. «Поехали», — пожал он плечами и она, наскоро одевшись, уже через пару минут выходила вместе с ним из квартиры, оставив Валерика на попечение дедушки, который, по случаю приезда свата, устроил себе выходной.

Спускаясь по лестнице, она старалась не отставать от Димы, но даже ходьба вниз теперь давалась ей с трудом. В последнее время Наташа стала пользоваться лифтом, но Димка об этом не знал, и пошёл, по обыкновению, пешком. Ей ничего не оставалось, как пойти следом.

Всю дорогу до автовокзала они проехали молча, но, когда он заглушил двигатель на стоянке, Наташа вдруг повернулась к нему:

— Дима, ты только папе ничего не говори, что у нас с тобой произошло... Ладно? Пусть он пока ничего не знает.

— Я и не собирался ему ничего говорить, — поставив машину на ручной тормоз, он собрался выходить.

— Я потом ему всё расскажу... после операции, — Наташка опустила взгляд и тяжело вздохнула.

— Как хочешь...

Встретив Валерия, они вернулись назад, в квартиру Морозовых. Из-за болезни отца подниматься пришлось на лифте, чему Наташа была рада не столько из-за своего состояния, сколько из страха расстроить этим состоянием своего родителя. Она из последних сил, как могла, скрывала ото всех своё плохое самочувствие, решив, что после отъезда Димы обязательно обратится к врачу.

Александр Иванович уже с нетерпением ждал дорогого гостя, прикупив по этому случаю бутылку хорошей водки, так что, когда Анна Сергеевна вернулась с работы, супруг был уже немного навеселе. Валерий, который и раньше не часто употреблял алкоголь, а теперь и вовсе отказался от него, был абсолютно трезвым. Впервые попав к Морозовым, он сначала немного смущался, но потом, освоившись, весело разговорился с Анной. Наташа тоже старалась быть весёлой, и ей это удавалось — приезд отца поднял настроение. Глядя, как он радостно возится с внуком, она чувствовала душевное облегчение.

Посидев немного за столом, Дима уехал в студию: вечером «Ночной патруль» улетал на десятидневные гастроли, и нужно было кое-что подготовить. Наташка подумала, что это к лучшему — без него она могла вести себя намного естественнее, не нужно было изображать перед отцом счастливую жену. Через пару часов Дима вернулся, но уже ненадолго. Взяв приготовленные вещи, он попрощался с родителями, пожелал тестю удачной операции, расцеловал Валерку и вышел из дома. Стоя в прихожей с сыном на руках, Наташа осторожно покосилась на отца — ей показалось, что он с недоумением посмотрел на Димку, когда тот, тепло попрощавшись со всеми, кинул ей лишь короткое «пока»...

— Наташа, а твой папа всегда был дальнобойщиком? — поздно вечером, когда все мужчины, включая Валерку, уснули, Анна вошла в кухню, где невестка мыла посуду.

— Да, всегда, — улыбнулась ей Наташа, — пока не заболел.

— Надо же, — Анна Сергеевна уважительно покачала головой, — никогда бы не подумала. Очень интересный, культурный мужчина. Если бы я не знала, то подумала бы, что у него несколько высших образований.

— Он очень много всегда читал, у нас дома большая библиотека.

— Серьёзно?

— Да, — кивнула Наташа, — и мама много читала...

— А кем была твоя мама?

— Она преподавала музыку.

— Надо же... — уже в который раз удивилась свекровь, — Значит, она тоже — педагог?

— Да, была... — Наташка, как можно ниже, опустила голову, чтобы скрыть наворачнувшиеся слёзы.

— Ты меня прости... — заметив это, Анна положила ей руку на плечо, — Я совсем не хотела тебя расстраивать...

— Всё хорошо, — слегка улыбнувшись, Наташа закрыла кран и, вытерев руки полотенцем, неожиданно повернулась к свекрови. Она не поняла, что с ней произошло... Закрыв ладонями лицо, она вдруг уткнулась в плечо Анне и окончательно расплакалась...

— Ну, что ты... — та растерянно гладила невестку по голове, — Наташенька, не плачь... всё будет хорошо... И голос вернётся, и с Димой вы помиритесь...

— Спасибо вам за всё... спасибо... — повторяла та сквозь слёзы.

— Ну, что ты... что ты... — в свою очередь, повторяла Анна, — И тебе спасибо...

— А мне-то за что?.. — отстранившись, Наташка удивлённо смотрела на неё заплаканными глазами.

— За Валеру... За Диму... за то, как ты его любишь, — Анна говорила обычным строгим тоном, но в её голосе сквозила настоящая материнская ласка, и Наташа, отвыкшая от неё за столько лет, разревелась снова.

— Дима меня не простит... Не простит...

— Простит, вот увидишь...

— Нет... он уже никогда не простит... ни-ко-гда...

* * *

Самолёт летел почти бесшумно, и казалось, что он и не летит вовсе, а всё ещё стоит на взлётной полосе аэродрома. Сидя возле задёрнутого плотной шторкой иллюминатора, Дима пытался уснуть, но, несмотря на поздний час и проведённый в заботах день, сон никак не шёл. Решение остаться ещё на некоторое время в продюсерском центре, принятое им на удивление легко, теперь почему-то не давало покоя. Напрасно он уговаривал себя, что оно — единственно правильное, и что других вариантов пока нет. Какое-то десятое чувство подсказывало ему, что сделал он это зря, и что в просьбе Кристины кроется ей одной известный подвох. Списывая сомнения на усталость, он уже в который раз, закрыв глаза, пробовал думать о новых проектах, но получалось это плохо. Что бы он себе не представлял, перед глазами снова и снова всплывала Наташа... Все эти дни после их серьёзной размолвки он старался не думать о ней, хоть и видел постоянно, и вот теперь, когда она была далеко, подсознание как будто мстило, возвращая память в те дни, когда они были счастливы. Вспоминая о Наташке, он уже не в первый раз подумал о том, как болезненно она теперь

выглядит. Выходя сегодня вместе с ней из дома, он заметил, как она с трудом спускалась с четвёртого этажа. Как всегда, она ни на что не жаловалась... не устраивала ему разборок и сцен...

Он привык к тому, что она никогда ничего не требовала, не ставила условий. Его интересы для неё были превыше собственных...

Она всегда была рядом, всегда ждала его звонков, всегда радостно встречала, в котором бы часу он не вернулся домой.

И даже теперь, когда он так отдалился от неё, Наташка не оправдывалась и не припоминала ему его собственные ошибки.

Да, он просто привык. Он даже не поговорил с ней, когда она об этом попросила.

Завтра он ей обязательно позвонит. Правда, поговорить не получится, вряд ли он сможет услышать её шёпот. Но он обязательно позвонит... он сам ей что-нибудь скажет...

— Ну, что, как тесть, всё нормально? — сидевшему рядом Говорову тоже не спалось.

— Да, нормально, — кивнул Дима, — сегодня встретил. Завтра уже ложится в клинику.

— А Наташка? Что с голосом?

— Всё по-старому. Говорит шёпотом.

— Это у неё на нервяке.

— Может быть...

— И что теперь будете делать?

— Не знаю... Пока никаких планов, — Дима говорил задумчиво, глядя куда-то перед собой.

— А что решил с Лапой?

— Тоже пока не знаю, Саня. Получил вольную, а что с ней делать, пока не придумал.

— Да уж... — Сашка покачал головой, — Неожиданно ты эту вольную заработал.

— Если честно, я совсем потерялся... Раньше только и думал, как поскорее из этой кабалы выскочить. А теперь получается, что выскакивать-то и некуда. Другой подходящей студии нет, денег, чтобы купить всё самому, тоже нет. Уходить в никуда не хочется... Работать «от квартиры»?.. На дешёвом аппарате?..

— Да, Дима, ситуёвина. Если бы мы под Лапу не ушли, то такой популярности бы не добились, однозначно, и такой базы бы не имели. Теперь вот гастроли за гастролями...

— Вот в том-то и дело, Саня...

— Но, с другой стороны... — Сашка нажал на кнопку лифта и откинулся на сиденье, — с другой стороны, Дима, у тебя с Наташкой сейчас бы не было таких проблем.

— Да это разрулится... — Дима прикрыл веки, — Разберёмся...

— Да ты-то разберёшься, — усмешка у Говорова получилась с оттенком горечи, как будто он говорил о чём-то личном, — только эта песня будет без конца.

— В смысле?

— В том смысле, что ты постоянно в одном котле варишься.

— А ты что, не в одном?.. — усмехнувшись в свою очередь, Дима искоса посмотрел на друга, — Мы там все в одном котле варимся.

— Я — другое дело, как и остальные.

— Ну, а я, что, особенный?

— Дима, ты только не обижайся, ладно? — Сашка бросил короткий взгляд на

Морозова, — Если бы я тебя не знал, я бы подумал, что у тебя в твоей ситуации присутствуют собственные шкурные интересы. Или ты — придурок... — Сашка снова осторожно посмотрел на Диму, в ожидании его реакции на свои слова, — Только не обижайся...

— Да иди ты, Саня... — тот вдруг рассмеялся, — Какие у меня шкурные интересы?! У меня такая дикая усталость в последнее время, что вообще ничего не хочется делать, а чего я добился? Ни квартиры, ни собственной студии... Я всё мечтал свою студию оборудовать на даче у родителей. Чтобы можно было туда уезжать и спокойно работать... А, вместо этого, то долги выплачиваю, то чужие ошибки покрываю...

— Ошибки — это ты про Кристинку, что ли? — Саша подался вперёд и уставился на Морозова, — Ничего себе, ошибки... Разнесла студию вдребезги, даже я бы так не смог, наверное...

— Знаешь, я тоже так думал. Но, вот странное дело... На днях она попросила, чтобы я приехал к ней в больницу. Я приехал.

— И что? — Говоров снова усмехнулся, — Она кинулась к тебе на шею и умоляла её простить?

— А ты откуда знаешь? — Дима удивлённо посмотрел на друга.

— А что, угадал? — в свою очередь удивился тот.

— Ну, почти... — Дима посерьёзnel и опустил глаза, — Да, она попросила прощения. Я сам был удивлён, если честно. Но, она, действительно, изменилась...

— Дима... — Сашка покрутил головой, — Ты спас ей жизнь, и тебя умиляет то, что она сказала тебе спасибо и попросила прощения?! Да она просто обязана была сделать это, и не только... А ты воспринимаешь нормальные вещи с какой-то странной благодарностью.

— Почему? Она была искренней, во всяком случае, мне так показалось.

— Вот-вот, — хмыкнул Говоров, — именно показалось. На твоём месте я бы ей не верил, Димыч.

— Не знаю... В кризисных ситуациях люди часто меняются.

— Люди... Но только не Кристина.

— Почему? — Дима снова посмотрел на Сашку, теперь уже серьёзно, — Почему ты так сказал?

— Да тебе любой так скажет. Димыч, знаешь, как твоя болезнь называется?

— Ну, началось... — улыбнулся Дима, — Диагнозы ставим... Ну, и как?

— Граблефилия.

— Как-как?! — Морозов вдруг расхохотался, — Повтори, а то я не врубился...

— Э, вы чё там ржёте, и без нас? — голова Мазура показалась из-за переднего кресла, следом за ним выглянул Зимин.

— Ку-у-да без стука? — Сашка шутливо нажал на Витькину макушку, — Сиди на месте, тебя не вызывали...

— Понял... — тот снова исчез за спинкой кресла, но через секунду появился вновь, — Только, если тебе снова кто-нибудь под педаль камешек подложит, не удивляйся...

— Если у меня под педалью окажется камешек, то у кого-то струна очень быстро лопнет, — хихикнул Сашка вслед скрывшейся голове Мазура, потом, как ни в чём не бывало, снова повернулся к Диме, — я сказал — граблефилия. Ты очень любишь свои грабли, Димыч. В том плане, что наступаешь на них с отчаянным упорством.

— Обоснуй, — пожал плечами тот.

— А ты что, сам не понимаешь? Помнишь, я тебе говорил, что от бывших женщин нужно держаться подальше? А ты никак от Кристины не оторвёшься, как истинный мазохист.

— Хорошо, а что мне делать? Я не психолог, Саня, я музыкант.

— Да?! — Сашка соорудил изумлённое лицо, — Какое совпадение, я тоже...

— Мне всё равно, с кем работать, для меня главное — работать. Мало ли, что у нас было когда-то. Сейчас мы просто занимаемся творчеством. Меня это не напрягает абсолютно.

— Угу... — кивнул Сашка, — Раньше они занимались любовью, а теперь занимаются творчеством. Тема для передачи. Надо Юльке подсказать.

— Да иди ты... — Дима откинулся в кресле и снова прикрыл глаза.

— Да мне-то что, я пойду, — Говоров тоже откинулся в кресле и закинул ногу на ногу, — только, Дима, не все могут так, как ты. Ты вот можешь просто заниматься творчеством рядом со своей бывшей женщиной, а она вряд ли. Мало она тебе истерик закатывала? А сколько твоих усилий пропало благодаря ей? Она — гвоздь в твоём колесе, а ты как будто не замечаешь... Отсюда и твоя усталость, а про Наташку я вообще молчу.

— Хорошо, что ты предлагаешь? Бросить всё, уйти на улицу?

— Лапа же тебя отпустил?

— Отпустил. Но вас-то не отпустил. Я не могу группу бросить.

— А зачем её бросать? Все уйдём. Найдём себе замену и уйдём.

— В качестве кого мы уйдём? В качестве экс-участников группы?

— Дима, я не знаю, если честно... Но, как ни крути, ситуация кризисная. Во всяком случае, для тебя.

— Всё нормально, Саш. Я решил пока остаться в центре. Несмотря ни на что, я не могу бросить свои проекты, воплощать мне их, кроме «Кри-Стара», нигде. Тем более, Кристина сказала, что улетает надолго. И, вообще... — он с подозрением взглянул на Сашку, — странный у нас с тобой разговор получается... Ты, вроде, не заинтересован в том, чтобы я уходил, а сам меня уговариваешь...

— Да я не уговариваю, — Сашка закрыл глаза и шумно вздохнул, — чего тебя уговаривать, сам не маленький... Мне твою жену жалко. Как она теперь?

— Вернусь, поедem по врачам...

— Ты с ней помирись сначала.

— Разберёмся...

* * *

На следующий день, проводив отца в клинику и дождавшись от него звонка, Наташа облегчённо вздохнула. Все подготовительные процедуры и волнения — позади. Осталось пережить самую операцию, которая была назначена буквально на следующий день.

«Только бы всё прошло удачно», — думала она, одевая Валерика на прогулку. Она старалась пока не думать о себе, она пока не могла думать о себе: и потеря голоса, и слабость казались ей сейчас сущими пустяками по сравнению со здоровьем отца. Она так и не избавилась от чувства вины перед ним за то, что в последний момент сбежала от Фишера. Где-то, на подсознательном уровне, она чувствовала, что предала его в той ситуации, ведь помощь предлагалась реальная, нужно было лишь пожертвовать собой... И, в то же время,

она была уверена, что повторись всё, она поступила бы точно так же... Даже ради жизни отца она бы не смогла лечь в чужую постель, а ведь именно этого и добивался Фишер... В ней боролись двойственные чувства: с одной стороны, она презирала себя за слабость... С другой — она даже не могла представить, что он будет трогать её своими руками, целовать, дышать в лицо... и, самое главное, как она сможет жить после этого, ведь с души, как с тела, грязь не смоешь... А Дима? Он был бы потерян для неё навсегда.

Она совсем запуталась в этих мыслях, они не покидали её, даже несмотря на то, что всё закончилось благополучно. Ей очень хотелось с кем-то поделиться, рассказать обо всём... услышать слова утешения... Единственным человеком, кому она доверила бы свои сомнения, была Юлия, но она уехала в командировку.

Спустившись с коляской на лифте, Наташа вышла во двор и направилась в сторону пешеходной части улицы. Ей захотелось побыть среди будничной толпы, и она, не торопясь, катила коляску мимо очереди магазинов и салонов, которыми кишел центральный проспект.

Она на ходу разглядывала витрины, когда неподалёку раздался женский крик. Обернувшись на него, Наташа увидела, как двое здоровых мужчин заталкивают в машину молоденькую девушку. Судя по всему, она бежала от них по улице, но преследователи оказались быстрее...

— Помогите!.. — кричала девушка, и Наташа растерянно оглянулась вокруг: прохожие наблюдали за происходящим кто со страхом, кто с любопытством, но никто не кинулся на помощь.

Полностью затонированный автомобиль рванул с места, и, проводив его испуганным взглядом, Наташа тут же повернула обратно. Действуя чисто интуитивно, она вынула из коляски Валерика и крепко прижала его к себе. Она так и прошла всю обратную дорогу — одной рукой держа ребёнка, а другой везя за собой коляску. Ей было тяжело, но сейчас она ни за что на свете не выпустила бы сына из рук...

Успокоилась она лишь тогда, когда за ней закрылась дверь квартиры. Раздевшись сама и раздев малыша, она в раздумьях присела у компьютера...

Увиденное никак не шло у неё из головы, она понимала, что в числе остальных прохожих стала невольной свидетельницей какого-то преступления... Но вот какого?.. Судя по истошному крику девчонки и агрессивному поведению её мучителей, ей угрожала опасность. Наташка подумала, что даже не сообразила запомнить номер машины — зная его, можно было бы сообщить в полицию... Хорошо, если кто-то это уже сделал...

Думая так, Наташа вдруг вспомнила о девушке, чью переписку с Фишером она увидела на его страничке. Виктория Говорова... Она запомнила это имя. Он предлагал ей работу — Наташа и это запомнила. Парень, который тогда помог ей позвонить Диме, что-то говорил о том, что Игорь Николаевич вербует девочек на работу за границей, а потом продаёт их... А вдруг это — правда?.. О какой работе тогда шла речь в его переписке с Викторией?

Она торопливо ввела данные в поиск... Имя, фамилия... город? — она не знала, это мог быть любой город...

Несколько десятков девушек с таким именем и фамилией высветились на страничке поиска. Наташка внимательно вглядывалась в аватарки в поисках нужной — она запомнила главное фото Виктории...

Перелистнув третью страничку, она обрадованно уставилась на монитор: среди других однофамилиц, она узнала ту, которую искала!.. Зайдя на нужную страничку, просмотрела

фото, потом внимательно прочла данные. Судя по ним, 16-летняя девушка была студенткой колледжа и жила здесь же, в городе. Немного подумав, Наташа сделала закладку её странички и выключила компьютер.

Весь день и потом, вечером, она постоянно возвращалась и возвращалась в мыслях к сегодняшнему происшествию. Она слышала о подпольных борделях, о том, что, попав туда, молоденькие девочки оказываются в настоящем рабстве, сбежать из которого удаётся лишь единицам... А что, если это — то самое, о чём она подумала?..

Посоветоваться было не с кем. Юля — в командировке. Дима... ему бы она рассказала о своих сомнениях, но он на гастролях... и он с ней почти не разговаривает...

Перед тем, как лечь спать, она ещё раз позвонила отцу — зная, что дочь не может говорить, он просто отчитался о прошедшем дне и пожелал ей спокойной ночи. Отключившись, она решительно присела у компьютерного стола и открыла нужную страничку...

«Здравствуй, Виктория, — написала Наташа в окошке сообщений, — я — Наташа Морозова, и, если ты слушаешь «Музыкальную дорожку», ты должна была слышать песню в моём исполнении, она называется «Ты заплетал мои косы». А, если ты увлекаешься роком, то ты должна знать моего мужа — Диму Морозова, он — лидер группы «Ночной патруль». Я пишу тебе об этом для того, чтобы ты мне поверила. Мне нужно с тобой встретиться, это очень важно для тебя. Напиши мне, пожалуйста, я буду ждать. Это очень важно!»

Ещё раз перечитав написанное, Наташа решительно нажала на «отправить сообщение», потом заглянула в детскую кроватку — Валерик сладко спал, раскинув ручонки... Поправив на нём одеяльце, она убавила свет ночника и вышла из комнаты.

Мобильный телефон, оставленный на столе, завибрировал — Наташа на ночь отключала звук, чтобы случайный звонок не разбудил сына. Недолго поморгав, экран потух — вызывающий абонент положил трубку. Вернувшись через несколько минут, Наташка, не глядя, сунула телефон под подушку и, раздевшись, юркнула под одеяло.

* * *

Дима лежал в своём гостиничном номере и ветел в руках телефон. Он ещё днём хотел позвонить Наташке, но бессонная ночь, а потом обычные гостиничные хлопоты сделали своё дело — уснув рано утром, он проспал довольно долго, а, когда проснулся, их с ребятами уже ждали в концертном зале: нужно было установить аппаратуру и уточнить с дирекцией все финансовые вопросы. Все организационные проблемы ему приходилось решать самому, и он всё чаще и чаще задумывался о собственном концертном директоре группы.

Теперь же, вернувшись после выступления в номер, он решил позвонить Наташке. Он уже прокручивал телефонную книгу, когда раздался входящий сигнал.

— Да, Марина, — он не ожидал её звонка, поэтому слегка растерялся.

— Дима, помнишь, ты просил меня узнать об одном человеке?

— О Фишере? Да, конечно, помню.

— Так вот, слушай. Фишер Игорь Николаевич, сорок один год, давно известен правоохранительным органам, как владелец подпольных игровых залов, а так же секс-притонов. Сам на своих объектах никогда не появляется, только контролирует, а ещё лично вербует молодых женщин и девушек якобы на работу за границей. На самом деле, просто-напросто продаёт их в бордели. По сути, является организатором преступной группы, выглядит довольно интеллигентно. Судя по тому, что о нём все знают, но никто его не трогает, имеет высоких покровителей в полиции и прокуратуре, возможно, и ещё где-то. Занимается своим бизнесом уже несколько лет, совершенно безнаказанно. С женой давно в разводе, один воспитал сына. Сын тоже известен органам, у него множество приводов за мелкое хулиганство, дерзкое поведение и так далее. Источник информации неофициальный, но за достоверность ручается.

— Ни-че-го себе!.. — Дима застыл с телефоном в руках, — Все знают, и он на свободе?!

— Это сейчас не редкость, — усмехнулась Марина, — вы, творческие люди, живёте в своём мире, а поработал бы со мной, такого бы наслушался и насмотрелся!..

— Да... Ну, спасибо тебе, Марин, — поблагодарив девушку, Дима отключил вызов и некоторое время ещё переваривал услышанное. Наконец, вспомнив, что собирался позвонить Наташе, нашёл её номер.

— Странно... — он с минуту удивлённо слушал в трубке длинные гудки, потом, так и не дождавшись ответа, положил телефон на тумбочку и закрыл глаза...

Субботнее утро выдалось на удивление солнечным. Глядя в окно, Наташа подумала, что, несмотря на то, что на календаре была всего лишь вторая половина января, в воздухе появились неуловимо-весенние запахи. Выйдя из подъезда на улицу, она, зажмурившись, подняла вверх лицо и глубоко вдохнула свежий, морозный воздух. Облепившие заснеженные ветви деревьев воробьи дружно зачирикали, радуясь и утру, и солнцу, и жизни — вообще. Осторожно ступая под их гомон по скользкой дорожке, Наташа отчаянно справлялась с лёгким головокружением и слабостью, никак не проходившими, вопреки её надеждам и ожиданиям.

Она уже не знала, на что списывать своё состояние. Сначала она думала, что просто переутомилась в последние предновогодние дни, но прошло уже около двух недель с тех пор, как она не выступала, а ей становилось всё хуже и хуже. Переживания за отца тоже наложили отпечаток, но позавчера его, наконец-то, прооперировали. Узнав о том, что всё прошло благополучно, и динамика положительная, Наташа долго плакала, теперь уже от радости. Она вообще в последнее время очень много плакала, слёзы наворачивались по любому поводу — и от грусти, и от радости. Правда, радости было намного меньше, или она просто её не замечала?.. Часто она ловила себя на мысли, что даже Валерик не поднимает её настроения. К безграничной материнской любви теперь добавились какое-то щемящие чувства жалости и вины перед малышом... Она буквально истязала себя, думая о том, что может лишиться ребёнка отца, ведь Дима так и не помирился с ней. Даже его неожиданный звонок на третий день после отъезда на гастроли не внёс ясности в их отношения — он говорил с ней просто вежливо, попросил не волноваться и пообещал отвезти её к платному ЛОРу, когда вернётся с гастролей. Её «спасибо» он не расслышал и, наверное, поэтому больше не звонил, передавая приветы через Анну Сергеевну. Наташка и не обижалась. Она понимала, что разговор в виде дежурного монолога утомляет, но ей так хотелось услышать совсем другие слова...

Она не раз думала, что они могли бы общаться и с помощью сообщений, но, всё же, молчала из страха получить такой же сдержанно-вежливый ответ, а сам Дима инициативы не проявлял. Возможно, ему просто было некогда...

Решив не дожидаться его приезда, она сама записалась на приём к платным специалистам, и вот теперь направлялась в районную поликлинику.

— Привет! — догнав у самой автобусной остановки, Алёна взяла её под руку.

— Привет! — Наташка искренне обрадовалась встрече.

— Куда направилась?

— В больницу, — Наташа грустно улыбнулась.

— Что, так и не проходит? — имея в виду голос, участливо спросила девушка.

— Не-а...

— Мне кажется, это у тебя на нервной почве, — остановившись вместе с Наташей у остановки маршрутного такси, Алёна поправила меховой капюшон и ту же стянула пушистый шарфик, — стопудово.

— Возможно, — Наташа пожала плечами. Разговаривать на улице было сложнее — шум машин заглушал её шёпот, и она отвечала односложно.

— А почему ты на маршрутке, взяла бы такси, — вытянув шею, Алёна выглянула на проезжую часть, — а, вообще, пора уже самой научиться машину водить.

— Да ладно, — махнув рукой, улыбнулась в ответ Наташа.

— Ничего не ладно, тебе вообще уже стыдно должно быть общественным передвигаться, — пошутила собеседница, — Димка скоро кучу денег заработает, купит тебе машинку.

— Я сама не хочу, — Наташа снова махнула рукой.

— Ну, и зря! Был бы у меня такой муж, я бы давно у него машину выпросила.

— Я не смогу водить... — Наташа отрицательно замотала головой.

— Чего это не сможешь?! Все могут, а ты не сможешь? — Алёна подбадривающе кивнула, — У нас уже половина девчонок на своих машинках на репетиции приезжают, не считая Кристины... Ой! — как будто что-то вспомнив, она схватила Наташу за локоть, — Я же совсем забыла! Кристина просила тебе передать, чтобы ты зашла в центр, желательно поскорее.

— Зачем? — Наташа удивлённо посмотрела на девушку.

— Там тебе какие-то деньги ещё полагаются, вроде бы за какое-то выступление не доплатили... Она сказала, что сумма небольшая, но получить нужно срочно, потому, что бухгалтер болеет, а Кристине нужно ведомость закрыть, она вот-вот улетит за границу. Только предварительно созвонись.

— Ну, хорошо, — растерянно сказала Наташа, — а как я созвонюсь, она меня не услышит...

— Давай, я сейчас ей перезвоню, — Алёна с готовностью вынула телефон и, найдя номер, нажала на вызов, — Кристина? Это Алёна... Ты просила Морозовой передать, чтобы она приехала в центр... Да, я передала... Она спрашивает, когда... Завтра сможешь? — эти слова относились к Наташе, — Да, говорит, сможет. В шесть вечера? — Наташка в очередной раз кивнула, — Сможет... Ну, всё, пока... Ну, вот, — пряча телефон в карман, Алёна снова выглянула на дорогу, — как раз и твоя маршрутка...

— Спасибо, — благодарно кивнула Наташа.

— Да не за что, — дождавшись, пока она войдёт в микроавтобус, Алёна крикнула в закрывающуюся дверь, — не забудь, завтра в шесть!

* * *

Визит к платному ЛОРу тоже не принёс ожидаемого результата. Он слово в слово повторил то, что Наташа уже слышала от предыдущего врача. «Результат стресса» — уже в который раз прозвучал неутешительный вердикт.

В кабинет терапевта она входила, уже не питая особых надежд...

— Раздевайтесь, — выслушав её жалобы, молодой, лет двадцати семи-двадцати восьми, доктор вддел в уши стетоскоп, — по пояс всё снимайте, — уточнил он, заметив, что, сняв свитер, Наташа осталась в бюстгальтере.

Вынужденная подчиниться, она стояла, не смея поднять глаз, пока врач слушал сердце и лёгкие.

— Подождите, — она уже собиралась торопливо одеться, когда он, кивнув ей на стул, взял со стола аппарат для измерения артериального давления, — давление смерим.

Незаметно вздохнув, она покорно протянула руку, стараясь не смотреть в его сторону.

Несмотря на то, что это был врач, Наташка ужасно стеснялась, а молодость мужчины приводила её в ещё большее смущение — в какой-то момент ей показалось, что в его взгляде мелькнул совершенно не профессиональный интерес. Одеваясь, она никак не могла застегнуть дрожащими руками крючки на бюстгальтере, а, наконец, застегнув, чуть не надела свитер задом наперёд.

— Вы ко мне уже обращались? — выписав направления на анализы и другие обследования, доктор ещё раз посмотрел в амбулаторную карту, потом на саму Наташу и слегка прищурился, — Мне ваше лицо знакомо...

— Нет, не обращалась, — прошептала Наташа, отводя взгляд от пронзительных глаз мужчины.

— Странно, — тот покачал головой, — но я вас уже где-то видел...

— Может, на концерте, — пожав плечами, предположила девушка.

— На концерте?! — он удивлённо округлил тёмно-серые глаза.

— Да, в последнее время я выступала в ночных клубах.

— Ну, да... — сложив руки на груди, с удовлетворением вспомнил доктор, тут же решив, что теперь будет уместным перейти на ты, — Так и есть! Я видел тебя в ночном клубе... кажется, в «Кристалле». Ты стриптизёрша... да?..

— Нет, я не стриптизёрша. Я там пела... — обречённо приняв его фамильярность, Наташа печально усмехнулась, — Теперь уже не пою.

— Теперь вспомнил. Ничего, всё поправимо, — он ещё раз внимательно посмотрел на неё и протянул бланки направлений, — с результатами всех исследований снова придёшь ко мне, будем думать, что с тобой делать, — как будто вспомнив о чём-то, он слегка усмехнулся, — а мне понравилось, как ты пела. С удовольствием бы послушал ещё.

— Спасибо, — Наташа кивнула головой и приподнялась со стула, — я могу идти?

— А автограф? — он недоумённо посмотрел на неё, потом рассмеялся, — Я пошутил. Да, можешь идти. Хотя... — он бросил лукавый взгляд, — Автограф всё же я у тебя попрошу.

— Шутите? — не сочтя для себя возможным тоже перейти на ты, она грустно улыbnулась.

— Нисколько, — он посмотрел уже серьёзнее и, достав из стола пустой бланк, протянул его Наташе, — вот здесь напиши что-нибудь на память.

— А что написать? — она нехотя взяла протянутую им авторучку.

— А что в голову взбредёт, ко мне не каждый день знаменитости на приём приходят.

— Я не знаменитость.

— Ну, будешь, наверное.

— Вряд ли.

— У вас это легко, — от неё не укрылись ехидные нотки, — богатый покровитель, и слава обеспечена.

— А хотите, я вам на фото распишусь? — в свою очередь улыbnулась Наташа, правда, улыбка получилась скорее вымученной.

— На фото? На каком?

— А вот на этом, — она достала из сумочки планшет и, вынув из-под обложки фотографию «Ночного патруля» вместе с ней, показала врачу.

— Ого! — удивился молодой врач, — Так ты знаменитость вдвойне... Это же моя любимая группа! Ты что, с ними поёшь?

— Нет, с ними я не пою, но знаю их очень хорошо, — она перевернула снимок и начала на нём что-то писать.

— Интересно, — следя за тем, как она водит ручкой, доктор говорил как-то задумчиво, — много же ты успела за двадцать лет, Наталья Валерьевна... И петь научилась, и знаменитостью стала... и нервное истощение себе нажила...

— Нервное истощение?.. — услышав его слова, Наташа медленно подняла голову.

— Ну, да, — кивнул он, — всё, что с тобой происходит — и усталость, и слабость, и одышка, и потеря голоса — очень похоже на нервное истощение или депрессивное состояние. А депрессия — результат стресса...

— И что мне делать? — в её взгляде проскользнула настоящая мольба, — Я смогу когда-нибудь петь? Это лечится?..

— Лечится, но долго. Нужно знать причину стресса, чтобы устранить её в первую очередь, иначе лечение бессмысленно.

— А... если причина неустранима?..

— Так не бывает, — он улыбнулся, — любая причина устранима.

— А... чем обычно лечат депрессию? — она смотрела на него широко распахнутыми глазами, по-детски наивно.

— В основном антидепрессантами. А, так же, положительными эмоциями.

— А, если их нет?

— Так не бывает, — повторил он и снова улыбнулся, — положительные эмоции можно найти во всём. Например, в обыкновенной прогулке по вечернему городу, или посещении кафе, или того же ночного клуба... но уже не в качестве певицы, а в качестве чьей-нибудь спутницы, например...

— Вот, возьмите, — поймав его многозначительный взгляд, Наташа подала подписанную фотографию, — если так, то самая положительная эмоция у меня уже есть.

— И что же это такое? — с нескрываемым интересом спросил молодой доктор.

— Не что, а кто. Это мой сын.

— Вот как, — мужчина слегка смутился, — ну, значит, всё пройдёт. А за фото спасибо, — перевернув снимок, он вслух прочитал то, что она написала на обороте, — Александр Говоров, Виктор Мазур, Вадим Зимин, Дмитрий и Наталья... — сделал небольшую паузу он быстро взглянул на неё, потом снова опустил глаза, — Дмитрий и Наталья Морозовы... группа «Ночной патруль»... Ну, что ж, спасибо, — он развёл руками, — буду всем показывать.

— Спасибо вам, — Наташа поднялась со стула и, взяв сумочку, направилась к двери.

— А, вообще... — она уже взялась за ручку двери, когда он её окликнул, — вообще тебе лучше обратиться к психологу. Твои симптомы — это психосоматическая реакция на что-то... Вот с этим «что-то» и нужно разобраться в первую очередь... И, вот ещё что... — порывшись в столе, он поднялся и подошёл к ней, протягивая визитку, — Возьми на всякий случай.

— Спасибо, — поблагодарила Наташа и, попрощавшись, вышла из кабинета.

Уже в коридоре, перед тем, как положить визитную карточку в сумку, она разглядела её со всех сторон: «Геннадий Андреевич Воронов, практикующий терапевт. Телефоны...»

Даже несмотря на болезненное состояние, Наташка нравилась мужчинам. Правда, никто из них не мог рассчитывать даже на мимолётную взаимность — её сердце раз и навсегда принадлежало одному единственному... других в её жизни быть просто не могло.

«...Стриптизёрша... — вдруг вспомнив слова доктора, она горько усмехнулась про себя, — Без голоса — в самый раз...»

* * *

Из поликлиники она сразу же поехала к отцу — он быстро шёл на поправку, и его уже перевели в общую палату. Навестив родителя, заехала в «Детский мир», купила кое-что для ребёнка и, совершенно уставшая, отправилась домой. Она уже прошла до конца пешеходного перехода на свое улице, когда её кто-то окликнул по имени. Обернувшись на голос, Наташа искренне улыбнулась: инспектор ДПС, которого она видела в продюсерском центре, а потом и в ночном клубе, радостно шёл ей навстречу.

— Здрасьте! — Роман улыбался во все тридцать два зуба, — А вы меня не узнали?

— Узнала, — Наташа подошла как можно ближе к парню, чтобы он смог её расслышать, — здравствуй, Рома!

— А я — вот... — он развёл руками, — работаю на этом участке.

— Да? — она приветливо смотрела на парня — он вызывал искреннюю симпатию, — А я тут живу недалеко.

— А когда вы будете ещё выступать, и где? — он смущённо поправил на голове шапку, — Я бы снова послушал...

— Пока нигде... Ты же слышишь... — Наташа грустно улыбнулась.

— А я подумал, вы это нарочно, чтобы голос не застудить... — он с сожалением посмотрел на неё.

— Во-первых, голос застудить нельзя, — она говорила как можно громче, но получалось это плохо, — застудить можно горло... А, во-вторых, давай уже на ты, ладно?

— Давай, — он ещё шире расплылся в улыбке, но потом, спохватившись, посмотрел на неё серьёзным взглядом, — а что случилось?

— Да ничего страшного, — Наташка махнула рукой, — ерунда. Голос пропал.

— А когда он это... снова появится?..

— Не знаю, — она как можно веселее пожала плечами, — когда-нибудь...

— Хорошо бы поскорее... Вы... ты... поправляйся, ладно?

— Ладно, — она рассмеялась, но вдруг, вспомнив что-то, тревожно посмотрела на парня, — слушай, Ром... как хорошо, что я тебя встретила... Мне нужно кое-что сказать, а я не знаю, кому... — она старалась говорить отчётливо, чтобы он мог разобрать её слова.

— Я слушаю.

Стараясь ничего не пропустить, она рассказала ему о событиях трёхдневной давности, свидетельницей которых стала совершенно случайно. Слегка наклонись к ней, чтобы лучше было слышно, он время от времени кивал головой, как будто уже знал, о чём идёт речь.

— Ты что-нибудь знаешь об этом? — окончив свой рассказ, спросила Наташа.

— Да, я в курсе, — ответил Роман, — я как раз дежурил в этот день и даже участвовал в погоне. Кто-то из прохожих позвонил в полицию.

— Как хорошо... — она с облегчением вздохнула, — Я тогда ничего бы не смогла сделать, потому, что была с ребёнком. А потом, когда вернулась, позвонить тоже не могла, из-за голоса.

— Всё нормально, — успокоил её парень, — машину догнали, девушку освободили. Правда, подробностей я не знаю, этим полиция занимается.

— Спасибо тебе, — она благодарно посмотрела на него.

— За что?!

— За то, что догнал преступников.

Попрощавшись с Романом, Наташа всю оставшуюся до дома дорогу искренне удивлялась тому, что, слушая её шёпот, он понимал всё с полуслова и ни разу ни о чём не переспросил...

— Ну, что сказал врач? — Анна Сергеевна вышла в прихожую, когда Наташа закрывала за собой дверь.

— Сказал, что когда-нибудь пройдёт, — грустно улыбнулась та.

Раздевшись, она прошла в свою комнату и сразу открыла компьютер. Зашла на свой профиль «ВКонтакте», проверила папку с сообщениями...

Ответа от Виктории Говоровой так и не было.

Ругая себя за то, что написала не сразу, а лишь спустя несколько дней, весь оставшийся вечер Наташка то и дело заглядывала на страничку. Она всё ещё надеялась получить ответ, но девушка молчала. «Неужели опоздала?!» — с тревогой думала она, ложась спать. Решив, что, если и завтра не получит ответа, то будет искать Викторию через её друзей, она немного успокоилась и быстро провалилась в сон.

* * *

Уже подъезжая на такси к продюсерскому центру, Наташка ощутила мелкую волнительную дрожь. Когда же она переступила знакомый порог, что-то и вовсе защемило в груди...

Всего месяц назад она весело приезжала сюда с Димой... Они готовили её программу, репетировали новогоднее шоу... Вот здесь, в студии, она дурачилась вместе с «патрулями»...

Стараясь взять себя в руки, она прошла по длинному коридору и остановилась у последней двери. Постояв несколько секунд, решительно взялась за ручку...

— Здравствуй, — увидев её, Кристина поздоровалась первая, — проходи.

— Здравствуй, — Наташа осторожно вошла в кабинет.

— Ну, как ты? — на удивление участливо спросила Кристина, — Дима сказал, что у тебя проблемы с голосом?

— Ничего, нормально, — довольно сдержанно ответила Наташа, — Алёна передала, что я должна подойти к шести вечера.

— А что говорят врачи? — как будто не слыша, спросила Кристина, и Наташе показалось, что говорит она вполне искренне.

— Пока ничего, — ответила она, пожав плечами.

— Ну, хоть прогнозы дают?

— Нет...

— Господи... — Кристина покачала головой, — Наташ... я не знаю, как тебе сказать... Но я скажу, как смогу... Ты прости меня...

— За что? — Наташка подняла глаза на собеседницу.

— За всё. Ты знаешь, за что, — Кристина казалась взволнованной, — я во многом виновата перед тобой. Ты приходила ко мне, а я...

— Да ладно... Всё хорошо... — услышав такие слова от бывшей соперницы, Наташа вдруг растерялась.

— Если честно, я не знала, как скажу тебе всё это...

— Да ладно, — снова повторила Наташа, — в жизни всё бывает.

— Как твой папа?

— Спасибо, уже всё хорошо. Операцию сделали, скоро выпишут домой.

— Слава Богу! — воскликнула Кристина, схватившись ладонями за щёки, — Наташа, ты можешь мне не поверить, я не обижусь... правда... Но, если бы ты знала, как я рада!..

— Спасибо... — сердце у Наташки окончательно растаяло.

— Пусть он поправляется... и ты тоже поправляйся, и поскорее...

— Я вряд ли скоро поправлюсь, — печально улыбнулась Наташка, — но, всё равно, спасибо...

— Поправишься! — утвердительно кивнула Кристина, — Вот увидишь...

— Может быть...

— Да, кстати, а от чего такие проблемы? — Кристина не оставляла участливый тон, — Может, нужны лекарства какие, ты скажи... Мама сможет достать, у неё есть знакомые фармацевты.

— Спасибо, — уже в который раз поблагодарила Наташа, — я и сама пока не знаю, обследование только назначили. Но говорят, что это от стресса... Советуют сходить к психологу.

— К психологу?.. — задумчиво покачала головой Кристина, — Хорошего психолога найти сложно.

— Я никогда не обращалась к психологам, — доверчиво посмотрела на неё Наташа, — и даже не знаю, где искать хорошего.

— Знаешь что... — как будто раздумывая о чём-то, Кристина кусала губу, — Я тебе помогу. Запиши номер телефона... Это — очень хороший психолог, мне её рекомендовала моя знакомая... Правда, я пока не обращалась, поэтому не говори, что от меня, хорошо? Она принимает только по записи, у неё большая очередь, но ты позвони по этому телефону и скажи, что тебе нужно срочно, она не откажет.

— Спасибо огромное! — записав номер, Наташа с благодарностью посмотрела на Кристину, — если честно, я сама бы не стала искать... Я так устала от своего состояния, что нет сил даже обратиться за помощью...

— Ой, ну, что ты, — Кристина дружелюбно махнула рукой, — какие благодарности, лишь бы польза была. Ты обязательно к ней обратись! Да, пока не забыла, — она достала из стола ведомость, — тут тебе ещё деньги причитаются, правда, немного, но их нужно

получить. Вот, распишись, пожалуйста...

— Хорошо, спасибо... — Наташа взяла ручку.

Она расписывалась в документе, когда из репетиционной вдруг послышалась музыка.

— Это девочки репетируют, — кивнула Кристина в сторону двери, — новый проект.

— Чей? — Наташа прислушалась — вступление показалось ей до боли знакомым...

— Ну, чей ещё может быть, конечно, Морозова, — Кристина придала этим словам уважительный тон, — Все проекты — это его труд. На нём и держимся... Вот, — она протянула Наташе несколько купюр, — деньги... Спасибо, что смогла прийти, ты уж прости, что пришлось тебя напрягать...

— Ничего страшного... — бледнея на глазах, Наташа застыла посреди кабинета, — А кто это поёт?

— Это?.. — Кристина слегка замялась, — Это Света Нечаева. Та, что на бэк-вокале у тебя работала.

— Она что... будет петь эту песню?..

— Вообще она будет петь несколько песен, Дима перед отъездом скинул ей минусы, вот, теперь она разучивает, пока его нет, — уклончиво объясняла Кристина, — хороший вокал, скажи?

— Да... хороший... — глядя перед собой невидящим взглядом, произнесла Наташа, — Спасибо, Кристина... Я пойду.

— Ну, что ты, — приложив руку к груди, Кристина, покачала головой, — Это тебе спасибо, Наташ... И... прости меня, ладно?..

Мгновенно осунувшись, Наташка вышла из кабинета. Несколько метров до двери в репетиционную студию показались ей долгими и мучительными...

...Ни к чему все вопросы,
Прочь из сердца тоску.
Ты заплетал мои косы —
Волосок к волоску...

Она слушала и не могла поверить — Дима отдал песню, которую написал только для неё и с которой связано столько воспоминаний?! Нет... он не мог... он не мог так поступить... Это ошибка... Ей показалось, это не та песня... не та...

Но знакомые до боли слова били беспощадно в самое сердце:

...Буду грешной пред тобой —
Меня прости,
А появится другой —
Не отпусти...

Войдя в репетиционную, она в изнеможении прислонилась к двери — не замечая её,

Света пела в микрофон, и, судя по тому, что пела она без ошибок, это была не первая репетиция.

— Ой, Наташа! — выключив минусовку, девушка обрадованно кинулась к вошедшей, — Привет! Слушай, ты так кстати!

— Привет, — едва выдавила Наташка.

— Как тебе моё исполнение? — с искренним интересом спросила Света; глядя на неё, Наташа не могла проронить ни слова, — Ну, что скажешь, — нетерпеливо повторила вопрос девушка, — ты же пела эту песню, тебе виднее всех!

— Виднее всех Диме, — она еле выговорила эти слова. В этот момент Наташке показалось, что силы окончательно покинули её.

— Ну, его же нет, — развела руками Света, — он мне только минусы оставил, и то не все.

— А чего же не все? — и эти слова дались ей с трудом.

— А у него ещё не все аранжировки готовы, он сказал, что только после гастролей займётся моим проектом вплотную.

— Твоим проектом?

— Ну, да, моим... мы будем записывать диск, там будут песни на его музыку — в исполнении «Ночного патруля» и меня, как вокалистки. А ещё он сказал, чтобы я готовилась выступать сольно.

— Успехов вам, — Наташа повернулась, чтобы выйти, но Светка снова окликнула её.

— Ой, слушай, а как у тебя-то дела? — вспомнив, что нужно хотя бы поинтересоваться здоровьем, она сочувственно посмотрела на Наташу, — ты петь теперь долго не сможешь?

— Долго.

— Ой, как жалко... Слушай... А, что, если тебе пока на подтанцовке поработать? — в её глазах было столько наивности, что Наташа не сразу нашлась, что ответить.

— Я подумаю, — резко развернувшись, чтобы Светка не успела спросить ещё о чём-нибудь, Наташа вышла из репетиционной.

Она даже не плакала. Она удивилась сама, но в этот раз слёз не было вообще. И боли тоже не было.

Ничего не было.

Была лишь жуткая, чёрная пустота, заполнившая всю душу.

Сначала она хотела ему позвонить. Она уже достала телефон, но, заметив, как дрожит рука, бросила его назад, в сумочку. Вторая попытка тоже не увенчалась успехом: пальцы вдруг стали деревянными и постоянно попадали не туда, с трудом скользя по монитору айфона. Уже закрывая молнию, она вспомнила, что всё равно не смогла бы с ним поговорить.

Да и что она скажет ему? Наташа с трудом перебирала дежурные вопросы:

«Как ты мог?!» «Это — правда?!» «За что?!»

Всё это было не то... Ни один из них не мог бы передать состояние её души на тот момент.

А что ответит он? Он, конечно, найдёт оправдание, он всё ей объяснит... У него будут веские аргументы...

Но она не сможет принять ни один из них.

Она даже не сможет их выслушать.

И. даже выслушав, что она сможет сказать в ответ? Упрекнуть? В чём? В том, что он заменил её проект другим — с другой вокалисткой?

А он ответит, что это — работа...

Он и так отменил её последние выступления.

Наташа подумала, что вместе с выступлениями кто-то отменил её жизнь.

Но она перед ним так виновата...

Она даже не помнила, как доехала до дома. Удар был настолько сильным, что Наташа уже не могла скрывать своего состояния и, покормив и переодев Валерика, взяла его к себе на кровать. Как будто что-то понимая, ребёнок затих рядом, внимательно разглядывая яркую погремушку.

— Вы что, уже спать собрались? — Анна Сергеевна заглянула к ним в комнату.

— Нет, — покачала головой Наташа, даже не оглянувшись на свекровь.

— Что с тобой, ты снова заболела?

— Нет.

— Что-то случилось? Я же вижу, Наташа... — подойдя к кровати, Анна тревожно нахмурила брови, — Говори, что случилось?

— Ничего. Всё хорошо.

— Господи... Как же я с вами устала! — всплеснув руками, воскликнула Анна Сергеевна, — Ни из кого слова не вытянешь, — резко развернувшись, она сердито вышла из комнаты, — вот правду говорят — с детьми нужно жить отдельно!

Наташке было неловко перед свекровью — в последнее время та стала относиться к ней совершенно по-другому, где-то даже по-матерински, но на объяснения сейчас не было сил, ни моральных, ни физических.

Проснувшись на следующее утро абсолютно разбитой, она не поехала на назначенные обследования. «Зачем это теперь? — думала Наташа, свернувшись клубочком в постели, — Теперь это никому не нужно...»

Она снова вспомнила вчерашний день.

«А, может, спросить у Алёны? Она должна быть в курсе всего происходящего в продюсерском центре», — подумала Наташа, но тут же отмела эту мысль. Она представила, как коллектив будет смаковать Димкин поступок и её жалкие попытки выяснить обстоятельства. Тогда все сразу поймут, что она для него больше ничего не значит... Ведь он даже не поставил её в известность, что нашёл ей замену.

За тот недолгий срок, что она отработала с ребятами из «Кри-Стара», Наташа никогда не подчёркивала своё особое положение по отношению к Димке, никогда не жаловалась ему и не передавала закулисных сплетен. Она всегда была на равных со всеми, она была даже излишне скромной, стараясь не выделяться из коллектива, но даже эти обстоятельства не помогли ей вызвать симпатию у тайных завистниц.

Она никак не могла поверить, что Дима мог так поступить. Он не мог...

Но тогда как же тогда история с медальоном, о которой ей поведала Кристина?.. Вряд ли она соврала бы вот так — дерзко, ведь Наташе ничего не стоило спросить об этом у самого Димы. Она бы сразу поняла — правда это или нет. Наташка вдруг вспомнила, как, приехав с ним с гастролей после своего дня рождения, она от чистого сердца поблагодарила Анну за подарок. «Господи, Наташа, ты ведь уже сказала спасибо, — Анна довольно улыбнулась, — перестань...» — «Я не про деньги, я про медальон, — Наташка вытащила из-за ворота золотую цепочку, — за него вам огромное спасибо!» — «А... ну, да...» — неожиданно смутилась Анна, но Наташа тогда не придавала этому значения — она была так счастлива тем, что Димкины родители окончательно утвердили её в роли продолжательницы их рода. Теперь же, вспоминая всё в подробностях, она поняла, что смущение свекрови было не случайным — она была не в курсе того, что Дима подарил медальон Наташе. Он, действительно, был куплен не для неё, а для другой, и этой другой могла быть только Кристина.

Дима подарил ей медальон, который уже надевала Кристина...

Мысли путались в голове.

Да, всё так. Слишком много всего тайного открылось для неё в последние дни.

Но ведь он, действительно, её любил. Она это знает наверняка. Он всё ей прощал, и, даже когда они расстались, он отомстил её обидчику. Он не отказался от Валерика, безоговорочно приняв известие о том, что это — его ребёнок. Он не отдал его в больницу, когда она заболела сама. Он никогда и ничего не жалел для неё, он никогда не обидел её ни одним словом...

И, всё же, теперь он смог поступит с ней вот так, жестоко...

Потому, что она перед ним виновата.

Потому, что в этот раз он её не простил.

Встала Наташа лишь тогда, когда проснулся Валерик. После обычных утренних водных процедур и завтрака малыш отправился в свой любимый манеж, а она присела к компьютеру. Ответа от Виктории так и не было. Набрав короткий текст с просьбой сообщить любые сведения о пропавшей девушке, Наташа разослала его нескольким пользователям, которые числились у Вики в друзьях, в надежде получить хоть какую-нибудь информацию. Она вдруг поймала себя на мысли, что ей страшно действовать в одиночку, но посоветоваться было не с кем, да и отступать было поздно.

Через какое-то время, уложив ребёнка спать, она тоже прилегла. Ещё три дня, и отца выпишут из клиники — он сразу же отправится домой вместе со Светланой Петровной, которая приедет за ним накануне.

В тот же день с гастролей вернётся Дима... Сейчас Наташа совершенно не представляла себя рядом с ним... Ещё вчера утром она жила надеждой, что они всё же помирятся, но теперь всё изменилось. Жить и дальше в разных с ним комнатах? Но в качестве кого?

Он ясно дал понять, что отныне его поступки не будут укладываться в их семейные рамки. Он может не возвращаться вечером и не объяснять ей причин своего отсутствия, ведь однажды он уже не пришёл ночевать. Он может отдавать её песни кому угодно, если этого требуют его творческие интересы. Он может вообще не считаться с ней.

Но ведь она его любит.

Наташа подумала, что, чем больше отдаляется от неё Дима, тем больше она любит его...

Она вдруг осознала, что самое страшное — не разлука, не ссора, и даже не измена.

Самое страшное — перестать быть любимой женщиной...

Да, она наконец-то поняла, что гнетёт её больше всего. Она не чувствует себя л ю б и м о й ж е н щ и н о й.

Наконец-то она это поняла.

* * *

— Улечка!.. — открыв дверь, Наташа с ходу обняла вошедшую девушку, — Как же я рада тебя видеть!..

С Улей они не виделись и не перезванивались вот уже больше месяца, ровно с того дня, когда Никита разорвал все контракты и увёз её прямо с гастролей в свой родной город. Поэтому, когда сегодня Наташа увидела имя входящего абонента, от радости даже забыла, что не может говорить, но, когда поняла, что Ульяна не слышит её шёпота, отправила смс с приглашением в гости. Буквально через час Уля звонила в дверь Морозовых.

— А где Никита, почему не пришёл? — помогая гостье снять пуховик, Наташка не скрывала радости.

— Он поехал в продюсерский центр, там какие-то вопросы нужно уладить. А я — к тебе.

— Ты молодец, что пришла, — Наташа провела Ульяну в свою комнату, — я по тебе соскучилась.

— И я тоже, — та задержалась у детской кровати, где спал Валерик, — ой, какой он

уже большой!

— Да, растём, — тепло улыбнулась Наташа.

— А что у тебя с голосом? Я сначала испугалась, когда услышала в трубке шёпот.

— Ну, вот, теперь так людей пугаю, — рассмеялась Наташа, — да ничего страшного, пройдёт. Лучше рассказывай, как ты? Как Никита? Что у вас вообще происходит?

— У нас всё хорошо. Мы были у родителей Никиты, потом ездили к моим. А теперь вот сюда вернулись, — Уля и вправду выглядела счастливой, и Наташка мысленно порадовалась за неё.

— Есть планы?

— Да, есть, — кивнула девушка, — знаешь, я даже не думала, что Никита такой талантливый.

— Да, ребята говорили, что он музыку пишет, ну, а про то, что гитарист классный, всем давно известно, — Наташа подпёрла подбородок ладошкой.

— Он не просто музыку пишет, он очень талантливый аранжировщик, — рассказывая про Никиту, Уля не могла скрыть гордости, — просто он в этом отношении очень скромный, вот и был в тени.

— А сейчас? — спросила Наташа.

— А сейчас он хочет реализовать свои способности. Мы ведь почему вернулись — его пригласили в Дом Творчества штатным музыкантом, и он согласился. Платят там немного, но у них есть своя очень хорошая студия, и Никита будет писать там музыку.

— А он что, будет выступать сольно?

— Нет, — загадочная улыбка осветила Улино лицо, — ты не поверишь, но всё это он затеял только ради меня! Он пишет песни под мой вокал, и у нас уже есть небольшой репертуар. И, я боюсь взглянуть, но всё равно скажу — только тебе одной... — Уля понизила голос почти до шёпота, — Недавно мы были в арткафе, на свободном микрофоне. Никита решил выступить... Мы показали одну из его композиций, и к нам тут же подошёл артдиректор одного из клубов, где собираются любители гитарной музыки. Он предложил нам выступить у них со своим блоком — пока на полчаса, но это было так неожиданно!.. В общем, теперь мы с ним — творческий дуэт. Я пою под его аккомпанемент его же песни, но Никита говорит, что на этом не остановимся, он хочет записать диск с инструментальной музыкой и моим голосом на её фоне.

— Надо же, а ведь прошёл всего лишь месяц! — Наташка восхищённо слушала подругу, — У вас такие успехи и за такой короткий срок!

— Ты даже не представляешь, какой Никита работоспособный. Знаешь, в творчестве он — индивидуалист, поэтому в коллективе никогда бы не раскрылся полностью, а теперь у него столько планов!..

— Ну, а со свадьбой как? Уже решили?

— Наташа... — закрыв глаза, Уля радостно вздохнула, — Свадьба будет летом... Никита такое представление хочет затеять... в общем, рассказывать пока не буду, потом сама всё увидишь!

— Ой, как здорово! Уль, это так здорово! Я так рада за вас!

— Спасибо, — рассказывая о себе, Уля светила от счастья, и Наташа подумала, что она очень изменилась за этот небольшой промежуток времени...

Слушая подругу и искренне радуясь за неё, Наташка не могла избавиться от щемящего чувства одиночества, накатывающего так безжалостно и неумолимо. Она подумала, что

совсем недавно было всё наоборот — Уля казалась убитой горем после разрыва с Максом, а она утешала её, как могла, сама буквально купаясь в счастье.

— Ты очень изменилась, — улыбнулась Наташа, но улыбка получилась грустной, — Ты счастлива?

— Знаешь, Наташ, — Уля задумчиво смотрела перед собой, — я даже не представляла, что можно быть такой счастливой... Сначала я боялась, что не привыкну к Никите. Но к нему невозможно не привыкнуть... Понимаешь, теперь я каждое утро встаю с чувством, что он живёт только ради меня... Он всё делает ради меня... Он сам всё уладил с моим контрактом, он ушёл из группы... И всё это — только ради меня. Жить с таким чувством — это и есть счастье...

— А как у тебя с учёбой?

— Сначала я хотела уйти. Но Никита сказал, что не стоит, и посоветовал взять академку.

— И ты...

— И я взяла, — рассмеялась Уля. В сентябре я вернусь в универ, просто в другую группу. А сейчас хожу на занятия по вокалу, чтобы год не пропал даром.

— Я так за тебя рада... — совсем грустно произнесла Наташа, — И за Никиту тоже.

— Ну, а вы?.. — как будто вспомнив о чём-то, спросила Ульяна, — Как Дима? Наверное, скоро будете в Москву на гастроли ездить?

— Я теперь вряд ли куда поеду...

— Ты не переживай, всё пройдёт, — Уля участливо посмотрела на Наташку, — а за это время Дима тебе столько песен новых напишет!..

— Да, напишет... Я пойду, чайник поставлю, будем чай пить, — чтобы скрыть наворачнувшиеся слёзы, Наташка буквально выскочила из комнаты.

Угощая подругу на кухне, она мужественно держалась и только через час, проводив Ульяну, наревелась вволю.

* * *

— Анна Сергеевна... — вечером, после ужина, Наташа присела напротив свекрови за кухонным столом, — через три дня выпишут папу.

— А я знаю, — кивнула Анна, — Саша ему звонил сегодня.

— Я уеду с ним.

— Куда?.. — удивлённо спросила Анна Сергеевна.

— Домой, — Наташа грустно опустила глаза.

— Как — домой?.. А тут что — не дом?

— Дом, конечно. Димин дом. Валерин дом...

— И твой тоже! — свекровь растерянно приложила руку к груди.

— Я не знаю... — Наташка покачала головой.

— Подожди... А Валера?

— Он, конечно, поедет со мной. Но вы не беспокойтесь, вы его сможете видеть, когда захотите, в любое время.

— Господи... — казалось, что до Анны только начал доходить смысл сказанного

Наташей, — Но что ты там будешь делать?!

— Жить... — просто ответила Наташа.

— Как?! Как вы будете там жить?.. Господи... подожди... нет, это невозможно...

— Дима из-за меня не живёт в своей комнате, он нормально не отдыхает, а мне очень тяжело в такой обстановке. Вы и сами всё видите.

— Нет-нет, вы помиритесь, — Анна махнула рукой, — вы обязательно помиритесь, вот он только вернётся, я с ним поговорю.

— Нет, — грустно покачала головой Наташа, — не нужно мирить нас по принуждению. Я совершила глупость. Он не простил...

— Он тебя любит.

— Это я его очень люблю. А он просто порядочный человек. Он никогда не скажет мне «уходи». Зачем превращать жизнь в пытку?

— Господи, да сколько времени прошло, как вы поссорились? Неделя?.. Две?..

— Почти три...

— И что?! Да люди месяцами не разговаривают, и ничего, а ты сразу такие выводы делаешь!

— Анна Сергеевна... — Наташка подняла полные мольбы глаза, — правда... я больше так не могу...

— Ну, хорошо... — свекровь взяла её за руку, слегка сжала ладонь, — Хорошо... Может, вам и нужно какое-то время пожить отдельно...

— Я бы вернулась в свою квартиру, но там Алина с парнем живут. А больше мне ехать некуда...

— Ты съезди в гости, хорошо? А потом возвращайся... Да?.. — теперь умоляюще смотрела Анна Сергеевна, — Только недолго, да?..

— Да... — опустив глаза, Наташа едва кивнула.

— Только не насовсем... Да?..

— Да...

...Где-то, в глубине души, она ждала, что он позвонит, но, всё же, увидев высветившийся номер, вздрогнула и лихорадочно нажала на клавишу.

— Наташа, сейчас позвонила мама и сказала, что ты хочешь уехать, — он даже не пытался скрыть взволнованного тона, — Наташ... у меня к тебе одна единственная просьба... Пожалуйста, не уезжайте до моего возвращения. В любом случае, я хочу увидеться с Валерием Фёдоровичем... и с Валеркой.

Положив телефон, она долго сидела, глядя куда-то вниз, не зная, радоваться его звонку или нет. Да, он позвонил... Анна Сергеевна передала ему их разговор. Но это ни о чём не говорит... Он сказал, что хочет увидеть её отца и своего сына...

Он хочет видеть всех. Всех... кроме неё...

И как быть с остальным?.. Что значит этот вынужденный звонок по сравнению с тем, что она узнала?..

Она мысленно, слово за словом, вспоминала всё, что он сказал ей только что...

Да, этот звонок ничего не значит...

Но она слышала его голос...

Последние гастрольные дни давались Диме очень тяжело. Наташка не шла из головы, и, если на концертах он волей-неволей отвлекался, то в часы отдыха мысли о ней становились настоящим наваждением. Невозможность поговорить угнетала, а писать сообщения он не любил — ему хотелось услышать её голос, а ещё больше — увидеть её саму... Иногда он брал в руки телефон с намерением позвонить и сказать ей об этом, но почему-то каждый раз снова откладывал его в сторону — ему казалось, что он будет говорить в пустоту, заведомо зная, что не услышит ответа.

Они с ребятами только что вернулись в гостиницу после очередного концерта, когда ему позвонила мать. Услышав новость, Дима поспешно отыскал Наташкин номер...

Уже отключившись, он вдруг понял, что снова не сказал ей того, что было на душе, но перезванивать не стал, успокоив себя тем, что через три дня вернётся домой и они смогут нормально поговорить.

Несмотря на поздний час и усталость, он никак не мог уснуть: сначала мешали разгулявшиеся Говоров и Мазур, то и дело заходившие друг к другу в гости — Сашка жил с Димой, а Витька с Вадимом и звукорежиссёром Мишей. Прихватив прямо с концерта трёх девчонок, Говоров и Мазур никак не могли создать себе интимную обстановку: в одном номере им мешал Морозов, в другом Зимин и Миша, к тому же, одна из фанаток явно скучала, не удостоенная вниманием своих кумиров.

Оставшись на какое-то время один, Дима закрыл глаза, для верности укрывшись одеялом с головой, но уснуть не получилось: ему всё время представлялась Наташа. Желание обнять её, почувствовать ответные ласки было таким сильным, что он невольно сжал руками подушку и, отвернувшись к стене, шумно вздохнул. Ещё две ночи, не считая сегодняшней, и он сожмёт в объятиях её такое волнующее тело... Без конца ворочаясь, он уже представлял их встречу, когда он, наконец, вернётся домой...

Он никуда её не отпустит. Чуть позже они вместе поедут к её отцу, но сейчас она останется дома... Он так соскучился по ней...

— Слышь, Димыч... ты спишь?.. — Мазур на цыпочках вошёл в номер, — Ди-мыч... Спи-и-и-т... — громко прошептал он куда-то в сторону, и Дима услышал звук закрывающейся двери и чьи-то тихие шаги. Не поворачиваясь, он сильнее натянул одеяло на голову.

— А кто это? — раздался тихий женский голос.

— А это Димыч, — так же, громким шёпотом, ответил Витька, — он сейчас спит... так что давай в темпе, пока не проснулся...

— Я при свидетелях не буду, — нетрезво прошептала девчонка.

— Да он спи-и-и-и-т... — судя по скрипу, Мазур пытался уложить спутницу на Сашкину кровать, — Чё ты, давай, больше пререкаемся...

— А вдруг он проснётся? — не успокаивалась девушка, — пошли лучше в туалет...

— Я те чё, эквилибрист в таком состоянии?.. Давай, ложись, пока Димон не встал...

— Слушай, Мазурик... — Димка резко сел на кровати, — Ты чё, вообще офонарел?!

— Димыч... ты спи-и-и-шь!.. — совсем пьяный Мазур делал какие-то знаки руками, — И ни-че-го не ви-дишь!..

— Так, всё, — Морозов свесил ноги с кровати, — я не сплю, поэтому дружно валим отсюда.

— Всё... понял... — Витька потянул подружку за руку, — валим отсюда... Димон сказал.

— Говорила — пошли в туалет, — девица сердито протопала за ним, — ща вообще домой уйду.

— Чё домой, пошли ко мне в номер, — Витька не оставлял попыток продолжить любовное свидание, — ща, Мишу сюда отправим, а Вадик и так бухой, спит уже...

Со злости кинув подушкой в закрывающуюся дверь, Дима ещё какое-то время сидел, опустив голову и растирая ладонями лоб, потом нехотя встал и, подобрав подушку, плюхнулся с ней плашмя на узкую гостиничную кровать.

Вернувшийся через некоторое время Сашка, нетвёрдо ступая, дошёл до своего места и, не раздеваясь, улёгся на спину.

— Дима... ты спишь? — повернув голову, негромко спросил он.

— Сплю, — ответил Дима.

— Димыч... — глядя куда-то в потолок, Сашка явно был чем-то озабочен, — Прикинь... я сегодня не смог изменить Ирке...

— Саня, спи уже. Изменишь завтра.

— Димыч... ты не понял! Я не смог изменить Ирке — в о о б щ е!.. Прикинь... Я не изменял ей уже месяца четыре... А сегодня понял, что больше не смогу изменить... в о о б щ е н и к о г д а!

— Ну, и?.. — Дима подложил руки под голову, — Что теперь, жизнь кончилась?

— Ты не понял, Дима... — Сашка пьяно вздохнул, — Жизнь — не кончилась... она, по ходу, только начинается...

— Так нормально же, — Дима тоже вздохнул, — если только завтра к вечеру не пройдёт...

— Наверное, не пройдёт...

— Слышь, Димыч... — голова Мазура показалась в проёме открывшейся двери, — там тобой интересуются... Может, заберёшь одну девочку?..

— Мазурик, вали спать, — негромко, но твёрдо произнёс Морозов.

— Да чё ты, — не унимался тот, — давай, напряжение снимешь... девчонка нормальная... говорит, хочу Мороза...

— Вали спать! — подушка, теперь уже Сашкина, просвистела через весь номер.

— Саня, а ты чё, уже здесь?! — Витька только сейчас увидел Говорова, — Я чё, один с тремя остался?!

— Чё один? — Сашка перевернулся на бок, — Теперь вас там три на три. Развлекайтесь...

— А, ну, я пошёл... — белёсая шевелюра медленно исчезла в проёме.

— Слышь, Мазурик... — лениво окликнул его Сашка.

— Чё?.. — снова нарисовалась Витькина голова.

— Назад подушку кинь... А то спать неудобно...

— Димыч, ты с нами вчера, вроде, не бухал, а видуха у тебя не лучше, чем у Мазурика, — Сашка откупорил полуторалитровую бутылку с минеральной водой и, отпив из горлышка, подал её Морозову, — будешь?

— А чё сразу Мазурик?! — Витька, сидевший на переднем сиденье микроавтобуса, на котором группа направлялась в очередной город, подал хриплый после «вчерашнего» голос, — Ты лучше на себя посмотри.

— У меня зеркала нет, — вяло парировал Говоров, потом, повернувшись к сидевшему рядом Диме, повторил вопрос, — ты чего такой? Случилось чего?

— Вчера матушка звонила. Наташка хочет уехать.

— Куда?

— К отцу.

— Доигрался, Дима?

— Доигрался, — сжав губы, Дима задумчиво смотрел куда-то перед собой.

— Ну, и что думаешь? Ты ей хоть позвонил или опять ждёшь, что само собой рассосётся?

— Конечно, позвонил.

— Ну, и что она?

— Откуда я знаю. Я же её не слышу.

— А если громкую связь включить? — Сашка нахмурился и, отпив ещё из бутылки, полез за сигаретами, — Неужели не будет слышно?

— Не знаю, не пробовали. Она сама ничего не говорит. Слушает, а потом отключается.

— А сообщение написать?

— Саш, пойми, это всё не то. Не для серьёзного разговора.

— А, ну, жди тогда. Приедешь, а она уже того... ушла.

— Я попросил пока не уезжать...

— Ну, и что она ответила? — усмехнулся Говоров.

— Ничего...

— И?..

Дождавшись остановки в дороге, Дима вышел на улицу и, пока парни курили, удалился метров на тридцать от автобуса. Достал телефон, набрал номер...

— Наташа... — сердце забилося часто-часто, дыхание стало глубоким, — Наташка... не уезжай... слышишь? Слышишь меня, Наташа?.. Не уезжай... Я приеду, мы обо всём поговорим... поедem по врачам... Слышишь? Только не уезжай...

* * *

Она смотрела на телефон и снова мысли и чувства сплетались в один огромный клубок. Желание остаться было таким сильным, что она едва не сказала об этом свекрови. Но, немного успокоившись, решила пока промолчать.

Да, он позвонил... Возможно, он, и вправду, соскучился... А что — дальше? Он снова будет пропадать в студии, а что будет с ней? На сольной карьере, видимо, придётся поставить крест. Наташа впервые за столько дней задумалась о своей судьбе. Вдруг, голос никогда не вернётся? Если это — результат стресса, то вряд ли наступит улучшение. Замкнутый круг. Она не может говорить, и от этого страдает. Она страдает, и от этого не может говорить. От пережитого она заболела... А Валерик? Она должна думать о нём, и первую очередь, она сама знает, что такое остаться без матери...

Но как она будет жить без Димы?..

Возможно, нужно что-то изменить в себе... Но что и как?..

Если бы можно было с кем-нибудь поговорить. С кем-нибудь, кто мог бы со стороны оценить её ситуацию и помочь добрым советом... Ещё вчера она твёрдо собиралась уехать, а сегодня, после его звонка, растерялась...

Она не знает, что ей делать...

* * *

— Привет... — открыв на звонок дверь, Ира пропустила в прихожую неожиданную гостью, — Проходи.

— Привет, — Наташа приветливо улыбнулась, — извини, что без звонка. Я писала тебе смс, но ты так и не ответила.

— Наверное, я спала, поэтому не услышала, — Ира прошла в кухню, включила чайник, — сейчас кофе будем пить.

— Спасибо, Ириш, но я на минутку, — Наташа присела на край кухонной табуретки, — я там Валерика оставила на Анну Сергеевну, а у неё свои дела.

— Ну, за полчаса ничего не случится, — сегодня Ира почему-то показалась Наташке сердитой, но она списала это на усталость и постоянный недосып.

— Мне нужна твоя помощь...

— Помощь? — Ира удивлённо обернулась на гостью, — Интересно, какая?

— Мне нужно позвонить по телефону и записаться на приём к врачу. А сама я не могу...

— А почему ты не попросила Анну Сергеевну? — Ира налила в чашки кипятка и с грохотом поставила чайник на конфорку.

— Понимаешь... — слегка замялась Наташа, — Я не хочу, чтобы кто-нибудь об этом знал. Ни Анна Сергеевна, ни Алина, ни кто-то из знакомых. Я могу обратиться только к тебе.

— А почему?

— Ну... просто не хочу...

— А что за врач, — Ира нахмурилась, — ты что, собралась на аборт?

— Да что ты, — Наташа замотала головой, — нет, конечно. Мне нужно записаться к психологу.

— К психологу?! — Ира не скрывала своего изумления, — Зачем?!

— Понимаешь... я не знаю, что мне делать... я хочу уехать... и не могу...

— А зачем тебе уезжать? — в Иркином взгляде сквозило искреннее непонимание, — Наташ, я не ослышалась?..

— Не ослышалась... У нас с Димой проблемы... — едва сдерживаясь, чтобы не расплакаться, Наташа вкратце рассказала подруге о событиях последних четырёх недель. Сосредоточенно слушая, Ира время от времени шумно вздыхала и кусала губы.

— Знаешь, что я тебе скажу... — дождавшись окончания рассказа, она положила локти на стол и пристально посмотрела на Наташку, — Только не обижайся, хорошо?

— Хорошо, — пожала плечами Наташа, — не обижусь.

— Ну, тогда слушай... — ещё раз вздохнув, Ира собралась с духом, — Ты, Наташа, просто заелась.

— Я?! — та вытаращила и без того огромные глаза, — В каком смысле?..

— В прямом. Тебе чего не живётся? Ты живёшь на всём готовом, как принцесса, Дима тебя на руках носит... родители помогают... У тебя даже ребёнок спокойный, не то, что моя Карина... — Ира кивнула головой в сторону спальни, — Тебе бы такого ребёнка, который все двадцать четыре часа в сутки не переставая орал... Тебе бы такого мужа, как Говоров, чтобы с каждого концерта пьяным приходил, а с гастролей приезжал с презервативами в кармане... Тебе бы материальные проблемы, как у большинства...

— Ир, ты чего? — Наташа растерянно смотрела на девушку, — Я ведь не жаловаться пришла...

— Да тебе жаловаться вообще — грех! Ты заелась, Наташа, отсюда и твои проблемы надуманные, — поджав губы, Ирина опустила взгляд, — у тебя проблемы — надуманные, понимаешь?! Голос пропал?! От этого не умирают!.. Дима песни кому-то отдал?! У тебя что, кусок хлеба отняли?! Или ребёнок заболел?! А ты знаешь, как другие живут?! У кого настоящие проблемы, те по психологам не ходят, им не до психологов...

— Я пойду... — Наташа встала из-за стола, — Ты меня прости, что побеспокоила.

— Подожди... — окликнула Ира, когда Наташка уже надевала шубку, — Не обижайся на меня, ладно?

— Всё хорошо, Ир, — она виновато улыбнулась, — Я не обижаюсь, правда...

— Извини... я сегодня всю ночь не спала. Только усну — она кричит... Молчит только тогда, когда на руках ношу. Вот, недавно уснула только. Я уже с ума начинаю сходить...

— Знаешь, моя бабушка когда-то одной женщине советовала умыть ребёнка святой водичкой. Та потом приходила благодарить, — Наташа задержалась в дверях, — ты попробуй, вреда не будет.

— Спасибо... — немного успокоившись, Ира почувствовала себя неловко, — Завтра же схожу в церковь.

— Ну, всё, я побежала, — грустно улыбнувшись, Наташка взялась за ручку двери, — пока...

— Так мы же не позвонили... — Ира протянула руку, — давай телефон, я позвоню...

— На... — немного поколебавшись, Наташа протянула телефон и открыла сумочку, — А номер я сейчас найду...

* * *

— Здравствуйте, — робко войдя в небольшой светлый кабинет, поздоровалась Наташа, — я вчера звонила...

— Здравствуйте, — красивая, светловолосая, голубоглазая женщина лет тридцати

приветливо кивнула и жестом пригласила её войти, — проходите, присаживайтесь.

— Спасибо, — Наташа осторожно опустилась в мягкое кресло напротив.

— У вас что-то с голосом? — поинтересовалась женщина, — вчера по телефону вы разговаривали нормально...

— Это не я разговаривала, а моя знакомая. А я не могу разговаривать...

— А кто вам дал мой телефон?

— Мне его дала знакомая... не та, что звонила, а другая... Я никогда не обращалась к психологу, вот она порекомендовала вас... дала телефон... — Наташа заметно волновалась, и, заметив это, женщина кивнула.

— Хорошо. Как к вам обращаться?

— Что? — Наташка не сразу поняла вопроса.

— Как вас зовут?

— Наташа... Морозова Наталья Валерьевна, — назвав только имя, она тут же поправилась.

— Достаточно только имени, — как-то странно взглянув на свою пациентку, произнесла женщина.

— Наташа, — повторила та.

— Меня зовут Инна Владимировна, — представилась хозяйка кабинета, — и я вас внимательно слушаю.

— Я могу говорить только шёпотом, — виновато посмотрела Наташа.

— Я это уже поняла. Ничего страшного. Что привело вас ко мне?

— Я... я даже не знаю... — Наташка растерянно опустила глаза, — на меня столько всего навалилось... я не знаю, с чего начинать... — у неё вдруг задрожал подбородок и глаза наполнились слезами, — Мне всё время хочется плакать... и... у меня пропал голос, а я пою... а ещё... ещё я хочу уехать от мужа... и не могу...

Она говорила сбивчиво, часто сглатывая и вытирая слёзы, которые без видимой причины то и дело катились из глаз. Слушая её, Инна Владимировна не сводила с девушки какого-то странного взгляда: в нём были и заинтересованность, и какое-то едва уловимое напряжение, и лёгкая, чуть заметная усмешка. Сосредоточенная на своих эмоциях, Наташа всего этого не замечала и доверчиво рассказывала о своих бедах и сомнениях.

— Скажите, что в вашей ситуации страшит вас больше всего? — выслушав Наташу, женщина положила на стол локти и слегка склонила белокурую голову.

— Я не знаю... — прошептала та, робко пожав плечами.

— Тогда поменяем вопрос. Что для вас важнее — остаться с мужем, вновь приобрести голос и сделать сольную карьеру или вырастить здорового ребёнка? Вот три перспективы, — Инна Владимировна взяла листок бумаги и нарисовала на нём три стрелки, выходящие из одной точки, подписав каждую из них, — видите? Это три варианта. Выбирая один из них, как наиболее важный для вас, вы не знаете, какие обстоятельства будут сопровождать вас на пути к выбранной цели. Возможно, выбрав счастье с мужем, вы и голос приобретёте, и ребёнка вырастите... А, возможно, и нет... То есть, я предлагаю вам сделать выбор только одной цели.

— Ребёнка, конечно... — подняв на неё заплаканные глаза, ответила Наташа.

— Все женщины, как правило, выбирают именно этот вариант, — удовлетворённо

кивнула Инна, — из этого следует, то материнский инстинкт — практически единственный стимул для наших решений. Вот от него и будем отталкиваться. Вы хотите уйти от мужа потому, что боитесь вновь оказаться в той ситуации, которая и спровоцировала ваше нынешнее состояние. Так?

— Так...

— И, в то же время, вы не в силах уйти от него, потому что вы его любите. Правильно?

— Правильно...

— Ваш муж талантлив, успешен, красив. Он вам верен, во всяком случае, вы так думаете. Но он, в силу своего образа жизни и творческой деятельности, постоянно находится в провокационной ситуации. Его окружают красивые, молодые женщины, более того, он тесно общается со своей бывшей подругой. Вы не знаете, чем он занят на гастролях, но зато прекрасно знаете, как проходит досуг артиста... Несмотря на то, что он вас любит, на подсознательном уровне вы испытываете постоянный страх — страх потерять его навсегда. Этот страх ничем не проявляется на протяжении какого-то времени, он блокируется видимым благополучием, но вот возникает какая-то ситуация, даже не связанная с этим страхом, и мозг снимает блокировку. Вы испытываете сильнейший стресс, который выливается в длительную депрессию. Вы совершаете какие-то поступки, теряете голос, наживаете нервное истощение. Всё это можно вылечить. Но ситуация неизменна. Всё будет повторяться, пока вы не измените свою жизнь.

— И... что?! — со страхом спросила Наташа.

— А это решать только вам, — Инна Владимировна слегка улыbnулась уголком губ, — либо в то же болото, либо выбрать новую жизнь, новые радости, счастье, наконец.

— А при чём тут материнский инстинкт? — Наташа кивнула на листок бумаги с нарисованными стрелками, — Вы говорили...

— Ну, как при чём? Если мать будет здорова и счастлива, то и ребёнок — соответственно. А, если мать будет находиться в состоянии постоянной депрессии, сможет ли она вырастить здорового ребёнка?

— Значит, мне лучше уйти от Димы... — глядя куда-то вниз, прошептала Наташа.

— А вы хотели от меня услышать что-то другое? — в голосе женщины послышалась неприкрытая насмешка.

— Я... я не знаю... — Наташка окончательно сникла, — не знаю...

— Наташа, — пристально глядя на неё, Инна подалась вперёд, — скажите, только честно... Зачем вы пришли?

— Я?! — Наташа подняла на неё удивлённые глаза, — Мне терапевт порекомендовал обратиться к психологу... а потом я и сама захотела...

— Это я поняла. Я хочу знать, зачем вы пришли именно ко мне?

— Ну, как... Мне дали ваш телефон, сказали, что вы очень хороший психолог...

— И кто же вам дал мой телефон? — насмешливо спросила Инна.

— А... что?.. Я что-то не так сделала? — растерялась Наташа, — Ваш телефон мне дала знакомая, она сказала, что ей тоже кто-то его дал...

— Ну, понятно, что концов не найти, — Инна смотрела улыбаясь, исподлбья, так, что Наташка окончательно сбилась с мысли.

— Это правда, я не обманываю...

— Послушайте, — перебила её женщина, — к чему весь этот театр?

— Почему — театр?..

— Потому, что этот номер знают лишь мои самые близкие люди, и я его никому постороннему никогда не давала. Для записи на приём у меня есть другие телефоны.

— Я не знала, — Наташа растерянно пожала плечами, — правда, не знала... Но, может, тот человек, который дал его моей знакомой, тоже — ваш близкий?

— Единственный близкий, который знал этот номер и мог дать его вам, это Дима, — Инна говорила чётко, с ноткой иронии в словах, но, услышав имя мужа, Наташа в первый момент не смогла понять услышанного.

— Дима?! — она смотрела непонимающе, широко распахнутыми глазами.

— Да, Дима, — Инна не оставляла ироничный тон, — разве вас это удивляет?

— Какой Дима?!

— Дима, ваш муж.

— Откуда вы его знаете?!

— Наташа, к чему эти разговоры? Никто из моих близких не мог никаким образом пересечься с вами, а уж дать телефон и подавно. Никто, кроме вашего мужа. Или вы сами его обнаружили в его мобильнике.

— Дима — ваш близкий?!

— Дима — мой бывший любовник. Если слово «бывший» вас как-то успокоит. Но, я думаю, вы в курсе.

— Любовник?! — Наташка подумала, что не понимает смысла сказанного, ведь это слово никак не могло быть связано с Димой... Этого просто не может быть...

— Да, вас и это удивляет? Но молодые мужчины часто любят женщин старше себя.

— Это неправда...

— Почему же? — теперь плечами пожала Инна, — И вы пришли ко мне не просто так. Но я вас успокою. Между нами уже давно нет никаких отношений, мы расстались в апреле прошлого года, и, если у вас есть какие-то сомнения на счёт его верности, то вы не там ищите.

— Это неправда... — у Наташки никак не укладывалось в голове, что Дима мог быть чьим-то любовником... Само слово «любовник» было абсолютно неприменимо к нему и вызывало у неё горькие чувства.

— Это правда, — Теперь Инна смотрела исподлобья, пристально, как будто пытаюсь внушить что-то, — я могу наизусть продиктовать номер его телефона, который, кстати, он дал мне сам, в июле позапрошлого года.

— Он не мог... — с отчаянием в голосе прошептала Наташа, — не мог... Мы тогда жили вместе... он не мог, это неправда...

— Ну, всё, хватит представлений, — женщина решительно взяла в руки телефон, — сейчас я позвоню ему и при вас узнаю, зачем он дал мой телефон...

— Это не Дима, — Наташа медленно покачала головой, — мне дала его Кристина Лапина...

— Кристина?! — Инна неожиданно рассмеялась, — Боже... какая изощрённая месть... Кристина, это же бывшая подруга Димы? Значит, он дал телефон ей, а она — вам? Какая прелесть... — теперь женщина выглядела слегка растерянной, было видно, что ситуация для неё не приятна.

— Я не знаю... — встав с кресла, Наташа направилась к двери.

— Послушайте, — окликнула её Инна, — если всё, действительно, так, то вот вам мой совет. Уезжайте. Дима — не ваш человек.

Несмотря на то, что Инна назвала Димку бывшим, услышанное стало для Наташи очередным ударом. Вернувшись домой, она сазу прошла в свою комнату. Валерик спал, и она, достав из антресоли большую дорожную сумку, открыла плательный шкаф.

— Ты сегодня опять была у терапевта? — Анна Сергеевна заглянула в дверь.

— Нет, — обернувшись к свекрови, Наташа решила её не обманывать, а сказать правду, — я была у психолога.

— Ну, и что сказал психолог? — поинтересовалась та, — Что-нибудь посоветовал?

— Да, сказал, что нужно сменить обстановку.

— И всё? — Анна удивлённо приподняла брови.

— Всё, — вымученно улыбнулась Наташа.

— Какой-то странный психолог, — женщина пожала плечами, — может, нужно обратиться к другому специалисту?

— Нет, психолог хороший, — Наташа улыбнулась снова, но на этот раз улыбка вышла горькой, — вернее, хорошая... и очень красивая...

— Ты уже собираешься? — не обратив внимания на её слова, Анна кивнула на сумку.

— Да, завтра не до этого будет.

— А зачем тебе такая большая сумка? — снова удивилась свекровь, — ты ведь едешь ненадолго? Наташа... — заметив, как невестка вместо ответа опустила голову, женщина подошла ближе, — Ненадолго же...

— Та сумка, что поменьше, у Димы, — она не сразу нашлась, что ответить, — когда он приедет, я просто не успею собраться.

— Ну, тогда ладно, — вздохнула с облегчением Анна и, подойдя к кроватке, склонилась над внуком, — зайчик мой сладкий... как же мы без тебя теперь будем?.. Но ведь вы ненадолго? — она снова посмотрела на Наташу, — На неделю, не больше, да?

Чувствуя, что не сможет соврать, Наташка в изнеможении присела на кровать и закрыла лицо руками. Ей стало искренне жалко и Анну Сергеевну, и Александра Ивановича, которые так много сделали для них с Димой и так безгранично любили Валерика... Ей было неловко перед ними за то, что она вынуждена была увезти от них обожаемого внука, и, возможно, навсегда... Но после сегодняшнего визита к психологу, она чувствовала, что по-другому поступить уже не сможет.

— Саша, не вздумай покупать водку, её сегодня пить некому, — отправляя супруга в магазин, Анна Сергеевна строго посмотрела на него, — тебе ещё Диму ехать встречать, потом Валерия провожать.

— Так я же не себе, — весело развёл руками Морозов-старший, — кроме меня полна горница гостей.

— Гости водку не пьют, Наташа тоже, нам достаточно будет бутылки хорошего вина.

— Есть! — взял под козырёк Александр и, махнув рукой, вышел из квартиры.

Грустно наблюдая за ставшей уже привычной сценой, Наташа грустно улыбалась. Этот дом стал ей уже родным... Здесь они были счастливы с Димой, здесь рос Валерик... Она так привыкла и к добрым шуткам свёкра, и к строгим, но не злым наставлениям свекрови... Теперь всё останется в прошлом.

Ни отцу, ни приехавшей сегодня утром Светлане Петровне она не сказала о своём решении — они, как и Димины родители, считали, что она едет лишь ненадолго, погостить... Сначала все решили, что Валерий и Светлана задержатся у Морозовых и уедут на следующий день. Но Наташа нарочно купила билеты на вечерний автобус...

Дима звонил и просил её остаться, но она знала, что, если проведёт с ним хотя бы одну ночь, то уехать уже не сможет никогда...

* * *

Она что-то набирала в вордовском файле, когда хлопнула входная дверь.

— Димочка! — радостно воскликнула Анна, и Наташа внутренне сжалась... Ей ужасно захотелось побежать туда, в прихожую, броситься к нему на шею, но, вместо этого, она только быстрее забегала пальцами по клавиатуре.

— Наташа, Дима приехал! — Светлана Петровна заглянула в комнату, — Беги, встречай...

— Сейчас, — кивнула та и, дописав пару предложений, закрыла документ.

Взяв на руки сына, она вышла в прихожую, где Валерий и Светлана всё ещё здоровались с зятем. Прислонившись к косяку, она молча застыла, не в силах сделать больше ни шага. Какая-то болезненная волна прокатилась по всему телу, глаза смотрели на него, не отрываясь, а сердце, казалось, готово было выскочить из груди.

— Привет, — выдохнул Дима, подойдя к ним с Валериком; обняв их обоих, он целовал в макушку то её, то сына, всё крепче сжимая руки у неё за спиной, потом, кивнув остальным, прошёл в свою комнату, одной рукой держа ребёнка, а другой взяв Наташку за плечи; не проронив ни слова, она покорно скрылась вместе с ним за дверью.

Глядя, как Валерка радостно заливается смехом в отцовских руках, Наташа молча кусала губы. Она готова была убежать прямо сейчас, лишь бы прекратить эту пытку...

— Наташка... — усадив, наконец, сына в манеж, Дима подошёл к ней, — Наташка моя... — обхватив её руками, прижался щекой к голове, потом, не выдержав, стал лихорадочно целовать лицо, шею, плечи... Чувствуя, как он дрожит, она не отвечала ему, но стояла, не в силах вырваться из его объятий...

— Дима... — наконец, с трудом отстранившись, она подняла на него глаза, — Я уезжаю.

— Ты не уезжаешь, — он снова попытался её обнять, но Наташа увернулась и отошла к

окну.

— Мы уезжаем, — повторила она.

— Подожди, — он подошёл к ней сзади, взял за плечи, — вы ни куда не поедете...

Наташка... — он повернул её к себе и, снова обняв, прижался губами к макушке.

— Не мучай меня, Дима, — прошептала она, низко опустив голову, — пожалуйста, не мучай...

— Я тебя люблю... очень люблю... — он пытался взять в ладони её лицо, но она отчаянно уворачивалась от его рук, — Наташа... прости меня... прости... Я был не прав...

— Ты был прав, Дима, — она снова подняла взгляд, — ты прав... но дело не в этом.

— А в чём?

— Во многом...

— Ну, хорошо... — обхватив одной рукой за плечи, другой он гладил её по голове, — хорошо... давай, вечером обо всём поговорим... Хорошо?.. Сейчас успокоимся, а вечером поговорим... Да?..

— Нет.

— Почему?

— Потому, что мы уезжаем сегодня.

— Как — сегодня?! — он растерянно смотрел на неё, — Наташ, как — сегодня?! Вы должны уехать завтра!

— Я купила билеты на сегодня. Мы уезжаем через два часа, — она высвободилась из его рук и, взяв Валерика, обернулась, — идём за стол, нас там ждут.

— Наташа... — глядя ей вслед, Димка растерянно застыл посреди комнаты.

Все эти два часа она мысленно подгоняла время, испытывая настоящее мучение от предстоящего прощания. Если бы было можно, она согласилась бы просто исчезнуть здесь и появиться там — в своём родном небольшом городке, в родительском доме. Сидя вместе со всеми за накрытым столом, Наташа старалась не смотреть на Димку, который не сводил с неё глаз, и неумело молилась про себя, чтобы ей хватило сил не изменить своего решения.

...Одевалась она как во сне...

— Почему ты не надеваешь шубу? — стоя в прихожей с Валеркой на руках, Дима смотрел, как она застёгивает свою старую курточку.

— Мне так удобнее...

— Почему ты сняла серёжки?

— Я боюсь их потерять...

— Ну, что, машина прогрелась, можно выходить, — Александр Иванович заглянул в квартиру, — Димка, ты тоже едешь провожать?

— Да, — подхватив сумку, тот нахмурился, — еду...

— Через неделю — назад? — расцеловав на прощание внука, Анна Сергеевна с надеждой посмотрела на Наташу. Не в силах ответить, та лишь слабо кивнула головой.

Смольниковы-старшие уже сидели в машине.

— Ну, что, Валерка, поедem к деду фамильный дом смотреть? — пошутил Валерий Фёдорович, радостно глядя на внука.

— Пусть посмотрит, — засмеялся Александр, — а потом — быстренько назад, в фамильную квартиру...

— Почему ты молчишь? — сидя рядом с Наташкой на заднем сиденье, тихо спросил Дима, — Когда ты собираешься вернуться?

— Пока не знаю...

Когда они приехали на автовокзал, до отправления автобуса оставалось пятнадцать минут. Усадив Светлану Петровну в салон, Валерий и Александр укладывали сумки в багажное отделение.

Со страхом думая о том, что через пятнадцать минут она уедет от Димы, Наташа не выдержала и, подняв голову, заглянула ему в глаза.

— Ты так и не сказала, когда вернёшься, — он смотрел на неё в ответ, и Наташка подумала, что за эти два часа он изменился — сник и, как ей показалось, постарел...

— Дима... — она собралась с духом, — Я не хочу тебя обманывать. Я не знаю, вернусь ли я вообще...

— Что значит — вернёшься ли ты? — он непонимающе смотрел на неё.

— Это значит, что я не просто уезжаю. Я ухожу от тебя.

— Как уходишь?! Ты же просто едешь в гости к отцу... Наташа... Ты же просто едешь в гости!

— Нет, Дима...

— Подожди... — он судорожно обнял её рукой за плечи, прижал к себе, — подожди... Ты можешь уехать хоть на неделю, хоть на две... даже на месяц... Но ты вернёшься?! Наташка... ты же вернёшься... Я не смогу без тебя, Наташа...

— Помнишь, однажды я сказала тебе, что, если почувствую, что я тебе нужна, то ты услышишь мой голос... — она не вырывалась из его объятий, а стояла, прижавшись к его груди, — помнишь?..

— Помню...

— А получилось наоборот. Я голос потеряла...

— Ну, и что...

— Знаешь, почему?

— Почему?

— Потому, что я стала тебе не нужна.

— Что за глупости, Наташка... Ты мне очень нужна. Ты и Валерка... Я не смогу без вас...

— Пора... — она резко отстранилась и, взяв из его рук Валерика, судорожно вздохнула, — Отправление объявили...

— Наташка, я завтра же за тобой приеду...

— Нет, — она отступила от него, — не приезжай, пожалуйста, не приезжай...

— Почему?!

— Я тебе всё написала... Там, на рабочем столе, увидишь... Пока, Дима... — как будто боясь, что он её догонит, она торопливо шагнула к двери автобуса.

— Ну, Дима, до свидания! — Валерий протянул руку, — И спасибо тебе за всё!

Наскоро попрощавшись с тестем, Дима кинулся к окну автобуса, за которым устроились Наташа с Валеркой. Торопливо достав телефон, он нажал на клавишу вызова...

— Наташка... Я тебя очень люблю... слышишь?! Наташа... — говоря это, он не отрываясь смотрел на неё, но, услышав его голос в трубке, она лишь отрицательно покачала головой...

* * *

— Ну, что, проводили? — Анна грустно встретила мужа и сына.

— Проводили, — вздохнул Александр.

Не сказав ни слова, Дима разделся и прошёл в свою комнату... Чисто убранная, сейчас она казалась ему нежилой... Пустая кроватка... пустой манеж... Он буквально ощутил, как всё нарастающее, какое-то тупое, бессилие заполняет душу, вытесняя все остальные мысли и чувства....

Вспомнив Наташкины слова, присел к столу. Пока загружался компьютер, открыл ящик... Опустив взгляд, на какое-то время застыл: в углу лежала перламутровая шкатулочка — та, что он, в числе прочего, подарил Наташе на день рождения. Уже догадываясь, что там может быть, взял в руки...

Золотой медальон в виде сердечка, на тонкой цепочке, сиротливо лежал на перламутровом дне...

Задвинув ящик, взглянул на рабочий стол компьютера... Слегка пошевелив мышкой, открыл один из файлов.

Внимательно прочитав всё, что написала ему Наташа, ещё какое-то время сидел, уронив голову на сцепленные кисти рук. Потом встал и, не раздеваясь, лёг на кровать, зарывшись лицом в Наташкину подушку.

«Я всегда очень боялась потерять тебя. Когда мы снова встретились, мне казалось, что теперь мне всё равно, как мы будем жить, и что я приму любые обстоятельства. И я их принимала — ты знаешь, о чём я... Но у меня не хватило терпения. Я не справилась с ролью твоей жены. Наверное, я просто слабая, и у меня совсем нет женской мудрости.

Мне очень тяжело сейчас. Тяжело от того, что я не могу больше быть рядом с тобой. Тяжело от того, что я не знаю, как я смогу жить без тебя.

Я виновата перед тобой. И, наверное, не имею права указывать тебе на твои ошибки. Ведь ты меня не простил.

Я не смогла тебя спросить, где ты провёл ночь.

Я не смогла тебя спросить, почему ты решил делать программу с другой вокалисткой — только потому, что теперь я не могу петь, или ты окончательно вычеркнул меня из своей жизни?

Ты даже не сказал мне об этом. Наверное, я должна была тебя понять. Но я не смогла... Это минус мне.

А ещё ты отдал ей песню, которую написал когда-то только для меня. Ты решил, что я больше никогда не смогу петь? Может быть.

Но это очень жестоко. Я никогда бы не поверила, что ты смог так поступить, если бы сама не слышала, как она поёт «Косы».

Я не обиделась. Просто я поняла, что ничего для тебя теперь не значу.

И за медальон я тоже не обиделась. Я не знала, что он был куплен не для меня. Я не люблю чужие вещи, особенно, если их кто-то уже надевал. Я его вернула — он в шкатулке, в ящике стола.

Я ухожу потому, что не могу принять твоё сегодняшнее отношение ко мне. Ты не сможешь его изменить, а мне очень тяжело жить так. Я не буду тебе врать, что я сильная, и что я всё переживу. Я не знаю, как я всё переживу. Но я должна хотя бы попытаться. Ради Валеры я должна жить. Я должна изменить свою жизнь.

Вот и психолог сказала об этом.

Вчера я была на приёме у психолога. Наверное, это очень хороший психолог. Её зовут Инна Владимировна, и она очень красивая. Она сказала, что, если я останусь с тобой, то всё повторится — и мои страхи, и депрессия, и болезни. Потому, что ты — не мой человек.

А ещё она сказала, что ты — её бывший любовник. Но я этому не поверила, ведь это неправда?

Она сказала, что вы познакомились позапрошлым летом, и ты сразу дал ей номер своего телефона...

Но я ей не верю. Ты же не мог? Ведь мы с тобой в то время уже жили вместе. Наверное, она меня обманула, а твой телефон ей дал кто-то другой.

Впрочем, это неважно.

Я ухожу только потому, что не вижу больше себя рядом с тобой.

Прости меня, Дима.

Говорить «прощай» — глупо. Когда-нибудь мы всё равно увидимся, я знаю, как ты любишь Валеру.

Поэтому — пока.

Да, чуть не забыла. На днях ко мне заходила Ульяна. Они с Никитой вернулись, и у них всё хорошо. Они передавали тебе привет».

* * *

Первые эмоции схлынули, и, встав с постели, он снова и снова перечитывал Наташкино письмо. Еле дождавшись, когда по времени она должна будет добраться до отчего дома, нажал на вызов. Зная, что не сможет услышать от неё рассказа о том, как они доехали, и как Валерка перенёс дорогу, он сначала позвонил тестю и от него узнал все подробности, после чего набрал её номер...

— Наташа, выслушай меня внимательно и не отключайся, — дождавшись, пока в трубке стихнут гудки, торопливо произнёс Дима, — я прочитал то, что ты мне написала. Наташа, я ничего не понял. Какой проект, какие песни? Я никому ничего не отдавал. Ты можешь написать мне подробно, что ты имела в виду? Пожалуйста, напиши... Я буду ждать на своей страничке. Хотя... Завтра я за тобой приеду. Наташка, слышишь? Завтра я приеду!.. Подожди... — замаявшись, он обхватил лоб ладонью, слегка помассировал, — чёрт... завтра мы выступаем в ночном клубе. Значит, послезавтра. Нет... и послезавтра не получится... У меня прослушивание в продюсерском центре и аранжировка... Наташа!.. Наташка!.. — услышав короткие сигналы, он понял, что она нажала на «отбой» и в сердцах ударил кулаком по колену, потом уронил голову на сцепленные кисти рук, — Ну, зачем... зачем...

— Дима, что случилось?! — Анна встревоженно заглянула в комнату, — Что?!

— Я не знаю... — он покачал опущенной головой, потом, ещё раз набрав номер, прислонил телефон к уху, — совсем отключила...

— Дима, что произошло? Они доехали? — испуганно спросила мать.

— Да, доехали... — буквально выдавил он из себя, — Уже дома.

— Почему ты так нервничаешь? — присев рядом с сыном, Анна Сергеевна положила руку ему на плечо, — Они скоро вернутся, не переживай... Им нужно было туда съездить, обязательно. Погостят и вернутся.

— Она не хочет возвращаться.

— Вернётся, куда же она от тебя?.. — веселье давалось ей плохо, но Анна старательно утешала Димку.

— Чёрт... — он снова потёр лоб, — Ничего не понимаю.

— Дима, ну, что случилось? Ну, уехали ненадолго, ничего страшного...

— Надолго, мам. Она сказала, что навсегда.

— Почему?..

— Я сам не могу понять. Она письмо оставила. Сейчас... — он снова лихорадочно набрал номер, — Нет... отключила телефон...

— А что в том письме? — Анна осторожно попыталась заглянуть ему в глаза.

— Там какой-то бред. Будто я решил сделать проект с другой певицей и отдал ей Наташкины песни... Она пишет, что даже слышала, как та поёт «Кось»... А ещё про медальон... — как будто вспомнив что-то, он повернулся к матери, — Мама, с чего Наташка могла взять, что медальон, который я ей подарил, уже надевала Кристина?

— Понимаешь... — подбирая слова, Анна заметно смутилась, — Понимаешь, Дима... я не думала, что всё может так обернуться. Тогда, когда вы ещё встречались с Кристиной, я, действительно, показывала ей этот медальон... Я ведь думала, что вы поженитесь... Мне захотелось её чем-то порадовать, вот я и не удержалась. Взяла, и показала медальон... Мне просто хотелось заранее её обрадовать... — Анна виновато развела руками, — Ну, а она его и примерила... Никто не знал, что у вас ничего не получится... Мы тогда с ней решили тебе не говорить, что она знает о подарке... Вот и не сказали... — последние слова она произнесла совсем растерянно.

— Понятно, — выдохнул Дима, — зато теперь она выбрала подходящий момент, чтобы сказать об этом Наташке.

— Неужели она могла так поступить? — Анна Сергеевна удивлённо приподняла красивые брови, — Кристина же очень тактичная девочка...

— Ну, да... — задумчиво произнёс Дима, потом, снова достав телефон, нажал на вызов, — Валерий Фёдорович, добрый вечер. Вы не могли бы Наташу пригласить к вашему телефону? Она свой отключила... а, может, зарядка кончилась... Что?.. Ну, тогда ладно... Извините. Спокойной ночи.

— Ну, что там? — Анна снова тревожно взглянула на сына.

— Отец говорит, что они с Валеркой легли спать. Говорит, Наташка очень устала.

— Да, она в последнее время какая-то болезненная, — кивнула Анна, — ничего не говорит, что ни спросишь — всё хорошо...

— Я же ей говорил — вернусь, поедem по врачам.

— А она без тебя уже ходила, только просила тебе не говорить.

— Куда ходила?

— Ой, и к ЛОРУ дважды... — перечисляя, Анна загибала пальцы на правой руке, — и к терапевту... вчера даже у психолога была.

— У психолога? — услышав это слово, Дима бросил на мать настороженный взгляд, — А как она к нему попала, не знаешь?

— Не знаю, — мать пожала плечами, — она пришла из больницы, я спросила, у какого специалиста была, она и сказала — у психолога. Ещё похвалила — говорит, хорошая и красивая...

— Понятно, — кивнул Дима, — непонятно только, как она к ней попала...

— Ну, может, в поликлинике и записалась, а, может, порекомендовал кто-то. Я что-то и не спросила. А что?

— Да так, ничего... — он вдруг вскочил и, резко открыв шкаф, посмотрел на висевшую в нём одежду. Потом, открыв ящик туалетного столика, вытащил оттуда небольшую коробочку из-под серёжек, которые он дарил Наташке на их свадьбе — видимо, сняв перед отъездом, она аккуратно уложила их назад... Так же, резко развернувшись, присел к компьютерному столу, открыл свой профиль, проверил почту — сообщения от неё так и не поступало...

Молча встав, снова открыл шкаф, достал кое-какие свои вещи, схватил дорожную

сумку...

— Дима, может, ты мне всё-таки что-нибудь объяснишь?! — Анна Сергеевна с тревогой следила за его действиями, — Что ты собираешься делать?

— Мам, я еду за ними.

— Дима... — она поймала его за руку, — Куда ты поедешь? Уже почти ночь...

— Мама, я поеду за ними, — он упрямо выдернул руку, — ничего страшного, к утру буду там.

— Ты никуда не поедешь! — Анна встала перед ним, — Дима, сегодня ты никуда не поедешь! Ты не отдыхал, не ел, ты на нервах, в конце концов!

— Мама, она ушла от меня, понимаешь?! — воскликнул он, глядя ей прямо в глаза, — Ушла!

— Да с чего ты взял?! — мать схватила его за плечи, — Она просто поехала в гости, а то, что написала тебе — это лишь от обиды, это импульсивно, так бывает, Наташа успокоится, и вернётся! Она не может от тебя уйти... Она слишком тебя для этого любит...

— Она уже ушла, — с отчаянием произнёс Дима, — Она не взяла ничего, понимаешь?! Ничего — из того, что я ей купил... Она всё оставила — и шубу, и пуховик... и айфон, и планшет — всё оставила... Даже серьги, что я дарил ей за Валерку, и те оставила.

— Она просто уехала налегке, — не совсем уверенно уговаривала Анна Сергеевна, — наоборот, это значит, что она вернётся.

— Нет, — он покачал головой, — я её знаю. Если она надела свою прежнюю одежду, то лишь потому, что решила уйти совсем. Так, всё, — решительно отодвинув мать, он взял сумку и шагнул из комнаты, — я еду за ними.

— Саша! — выскочив за ним, Анна Сергеевна громко позвала мужа, — Саша!

— Что такое? — Морозов-старший выглянул из спальни, — Что случилось?

— Дима собрался ехать на ночь глядя, — всплеснув руками, Анна с мольбой посмотрела на мужа, — скажи хоть ты ему!

— Куда ехать? — Александр сдвинул на лоб очки, в которых до этого смотрел телевизор.

— Па, я еду за женой и сыном, и не нужно меня отговаривать, — уже из прихожей ответил Димка.

— Саша, он хочет ехать за тридевять земель на ночь глядя, не отдохнув совершенно. Он уснёт за рулём! — Анна Сергеевна с силой подтолкнула супруга к прихожей, — Нам ещё этого горя не хватало! Скажи ему!

— Так, стоп, — выйдя в прихожую, Морозов-старший первым делом взял со столика ключи от Диминой машины и положил их к себе в карман, — мама права. Куда ты собрался, и вообще — зачем?! Они только что уехали, какая муха тебя укусила?

— Па, отдай ключи, — кусая губы, Дима выглядел возбуждённым, — я всё равно поеду.

— Ключи я тебе не дам, — отец взял из рук сына куртку, которую тот уже собрался надевать, — и, вообще, я хотел сегодня с тобой поговорить.

— Саша, он боится, что Наташа уехала от него навсегда, — уже более спокойным тоном пояснила Анна, — и поэтому решил её вернуть прямо сегодня.

— Что за ерунда? — нахмурился Александр, повернувшись к сыну, — С чего ты взял?

— Она письмо оставила. И на вокзале сказала, что уходит... — нехотя ответил Дима.

— Правильно сделала, — отец развёл руками, — а ты как хотел? Ушёл от неё в другую комнату, не разговариваешь, а, ведь, это не она, а ты — в родном доме. Как, по-твоему, она

должна была поступить? Доигрался?

— Ну, вот ты ещё не начинай?.. — вернувшись в гостиную, Дима уселся на диван, сцепив пальцы рук.

— Да мне-то что? — пожал плечами Александр, — Я могу и не начинать...

— Ладно, пап, извини... — опустив голову, сын тяжело вздохнул, — Я не знаю, что мне сейчас делать.

— Сейчас ничего не надо делать, — усевшись напротив, в мягкое кресло, ответил Морозов-старший, — сейчас нужно успокоиться и лечь спать. Утро вечера мудренее. Доехали они нормально, оттуда уже никуда не денутся, во всяком случае, за ночь. Да и погостить Наташе нужно, это ведь её родной дом, а Валерке с дедом пообщаться.

— Много непонятного, па, в её письме. А по телефону поговорить нам никак, я же её не услышу.

— Дима... Ты с ней поступил не совсем правильно. Давай хоть сейчас без ошибок?.. — Александр совсем уже смягчил тон, — Я тебя понимаю, ты ехал с намерением помириться, а, вместо этого, остался один. Но, всему своё время. Хотя бы сегодня успокойся. Всё равно они уже спят...

— Димочка, — Анна присела рядом с сыном, — вам нужно обоим успокоиться. Я сама уже соскучилась по Валерику... ты даже представить не можешь, как я уже соскучилась, — на этих словах голос у женщины дрогнул, — но, видимо, так будет лучше. Вы оба наделали ошибок. Но вы друг друга любите... И, поэтому, обязательно помиритесь.

— У меня завтра концерт, послезавтра прослушка... Когда я ещё смогу поехать?!

— Дима, не переживай, — Анна пригладила его волосы, — если что, мы с Сашей сами поедem и привезём Наташу с Валериком...

— Я поеду за ними сам, — упрямо повторил Дима, — пусть не сегодня, не завтра. Но только сам.

— Ну, и правильно, — удовлетворённо кивнул Морозов-старший, — в любом случае, они вернутся.

* * *

Кое-как успокоившись, он вернулся в свою комнату, лёг, но уснул только под утро.

— Дима, привет, — звонок Говорова в восемь утра пришёлся как нельзя кстати — Дима вдруг вспомнил, что обещал Кристине заняться аранжировками своих старых песен, как только вернётся с гастролей.

— Привет, — ответил он Сашке, — ты откуда звонишь?

— Из дома, — ответил тот, — не разбудил?

— Разбудил, но на этот раз вовремя, так что всё нормально, — ему совсем не хотелось шутить, поэтому ответ получился серьёзным.

— Ну, мало ли... может, у вас бурная ночь была, — Сашка осторожно хихикнул, — или так обошлись, дружеским поцелуем?

— Не смешно, Саня.

— Что-то случилось? — весёлый тон превратился в настороженный, — Я вообще-то не просто так звоню.

— А что такое? — как-то обречённо вздохнул Дима.

— Как у тебя дела-то? С Наташкой?..

— А что?

— А где она? Дома?

— Нет. Уехала.

— Понятно, — Сашка сказал это так, как будто был уверен в Димкином ответе, — значит, всё-таки уехала.

— Да, вчера.

— Не уговорил остаться?

— Не получилось, — Дима отвечал односложно, и Говоров понял, что разговор ему даётся с трудом.

— Я почему позвонил так рано... Мне Ирка только что сказала.

— Что сказала?

— Наташка к ней приходила пару дней назад, просила позвонить и записать её на приём к психологу. Сказала, что хочет уехать, но не знает как...

— Вот оно что... — Дима нервно сжал губы, — Саня, ты можешь сейчас Ирку дать?

Узнав от Ирины подробности о Наташином визите, он ещё какое-то время сидел неподвижно, потом снова достал телефон.

— Доброе утро, Валерий Фёдорович, — Наташин телефон так и не отвечал, и Димке снова позвонил тестю, — у Наташи почему-то телефон отключен, а мне ей нужно кое-что сказать.

— Доброе утро, Дима, — ответил Валерий, — она его почему-то совсем отключила, сказала, что пока не будет включать, всё равно говорить не может.

— А со мной как же?.. — растерянно спросил Дима, — Родители тоже беспокоятся.

— А родителям она мне поручила отчитываться, — рассмеялся Смольников, — я как раз собирался позвонить, но, раз ты сам на связи, то тебе передаю — всё хорошо, Валерик спал всю ночь, мы и не слышали его совсем.

— Да, он такой и есть, — услышав о сыне, Дима незаметно вздохнул, — мы его почти не слышим.

— А Наташа такая же была.

— Как она?

— Всё нормально, — успокоил тесть, — она сейчас в ванной.

— Ну, хорошо... Выйдет, скажите, что я позже перезвоню, пусть телефон всё же включит или напишет мне на электронку.

— Так это... — Валерий слегка замялся, — У нас сейчас нет компьютера...

— Совсем? — удивился Дима.

— Совсем, — как-то виновато ответил тесть, — Наташин старый давно сломался, а Алина свой увезла.

— И с собой она ничего не взяла, — задумчиво произнёс Дима.

— Да, она говорила, что ты ей всяких там этих... как их... вот забыл, — тесть усмехнулся, но, потом, вспомнив, радостно сообщил, — каких-то гаджетов, что ли... ну, в общем, накупил... Но она всё забыла.

— Ну, да, забыла... тогда, тем более, скажите, чтобы включила телефон.

— Хорошо, — ответил Валерий, — обязательно скажу!

* * *

Приехав в продюсерский центр, Дима сразу прошёл в аппаратную. Порывшись в папках рабочего компьютера, достал из стола свой ноутбук, включил и, пока загружалась операционная система, снова попытался позвонить Наташе.

Она так и не включила телефон. Очередной звонок тестю тоже ничего не дал — теперь он сказал, что Наташка ушла гулять с Валериком...

Попытавшись заняться аранжировкой песни, Дима вскоре понял, что сегодня у него ничего не получится — все мысли его были там, за триста километров, в небольшом районном городке...

Услышав звук шагов и звонкие девичьи голоса в коридоре, он внутренне напрягся... То, что он собирался сделать, было не в его характере, но по-другому поступить он не мог...

Дождавшись, когда в репетиционной зазвучит музыка, Дима решительно вышел из аппаратной.

— Света, у меня к тебе есть несколько вопросов, — выключив минусовку, под которую девушка собралась петь, он строго взглянул ей в глаза.

— Ой, Дима, привет... — она не ожидала его увидеть здесь сегодня, и поэтому испуганно оглянулась на остальных девчонок, как бы ища у них защиты.

— Привет, — кивнув сразу всем присутствующим, он обратился к ним, — девочки, вы не могли бы погулять где-нибудь? Нам со Светой нужно поговорить.

— Ого, — выходя из помещения, Алёна многозначительно приподняла брови, — Дима, ты нас заинтриговал...

— Светик, долго не ломайся... — хихикнула Наргиза, — мужчины этого не любят.

Проводив растерянным взглядом подруг, девушка молча посмотрела на Морозова, который, присев напротив неё и положив локти на колени, сцепил, по обыкновению, пальцы рук.

— Мне почему-то кажется, что ты сама догадываешься, о чём я хочу тебя спросить, — строго произнёс Дима.

— Н-нет... — она едва покачала головой.

— Ну, хорошо, тогда я спрошу сам. Скажи, пожалуйста, где и когда я говорил тебе о том, что собираюсь делать совместный с тобой проект?

— Т-ты не говорил... — щёки у Светы слегка порозовели, — ты только сказал, что... что сделаешь аранжировки на две старых песни, и всё...

— Тогда откуда такие разговоры?

— Я... я не знаю... — она говорила не совсем уверенно, — а в чём дело?

— Тогда второй вопрос, — как будто не слыша её, он подался вперёд, — для чего ты репетировала песню, которую ты не будешь петь?

— Какую? — опустив голову, Света упрямо смотрела куда-то вниз.

— «Ты заплетал мои косы», — терпеливо пояснил Дима, — эту песню исполняет только одна певица. И больше — никто.

— Дима... — она замялась, но потом взяла себя в руки, — Понимаешь, я просто распевалась... мне очень нравится эта песня, честно... Я не знала, что её вообще нельзя исполнять, даже просто так...

— Света, ты её пела не просто так. Ты её спела нарочно, именно в тот момент, когда моя жена находилась здесь, в студии.

— Дима, это простое совпадение! — густо покраснев, она сбивчиво оправдывалась, — Это просто совпадение!

— Хорошо, допустим, но зачем ты сказала ей, что ты будешь петь эту песню, и что я сам тебе её отдал?

— Дима, она меня неправильно поняла! — приложив руку к груди, девушка во все глаза смотрела на Морозова, — Честно, Дима, я не говорила именно так, я просто сказала, что буду исполнять твои песни, просто не уточнила, что их будет две, и что они написаны давно... Она меня просто не поняла!

— Ну, да, как хорошо задумано, — он усмехнулся, — она слышит свою песню в твоём исполнении, а потом слышит лишь фразу о том, что ты готовишься петь мои песни... Наташа никогда не будет выяснять отношения, на это и был расчёт, правда?

— Дима, нет, клянусь тебе! Она и правда не поняла! Всё вышло совершенно случайно... Она была у Кристины, получала деньги...

— Стоп... — Дима внимательно посмотрел на девушку, — Какие деньги?

— Ну, она должна была подойти к шести часам, получить какие-то деньги у Кристины...

— Ещё раз стоп... Что значит — должна была? — усмехнулся Дима, — Выходит, ты знала, что она должна прийти именно к шести часам?

— Я не знала... я... Мне сказала Кристина...

— А Кристина тебе зачем говорила, что Наташа должна подойти к шести?

— Н-ну-у-у... я не знаю... — окончательно смутившись, она готова была вот-вот расплакаться.

— Зато я знаю, — он утвердительно кивнул, — Для того, чтобы она услышала, как ты поёшь её песню. Так?

— Нет, Дима, нет... — она отчаянно замотала головой, — ты неправильно всё понял... И Наташа неправильно поняла...

— Хорошо, — он снова пристально посмотрел на неё, — тогда ещё вопрос. Где ты взяла минусовку?

— Я... я не знаю... она на флэшке была...

— На какой?

— Ну, там, у нас в репетиционной флэшки с минусами, вот на одной из них...

— Проконь, Света, — Дима снова усмехнулся, — минуса на «Косы» не было ни на одной флэшке. Он был только на компе в аппаратной и на нашем с Наташей рабочем ноутбуке. Всё! А в репетиционной его просто не могло быть, потому, что Наташа всегда пела у меня в студии. Отсюда вывод — кто-то просто скачал минус, для определённой цели. Дальше рассказывать?

— Дима, я правда...

— Свет... — он перебил её на полуслове, — скажи, только честно. Зачем тебе это было

нужно? Ну, ты, ведь, всё равно бы не пела «Косы», и ты прекрасно знала, что я всё узнаю. Рано или поздно всё выяснилось бы, неужели ты этого не понимала? Ты ведь знала, на что идёшь? И дело не в том, что ты репетировала... Ведь ты репетировала? Наташа сказала, что пела ты довольно хорошо, у неё создалось впечатление, что пела ты не в первый раз...

— Просто мне нравится эта песня... — она совсем сникла, казалось, что до неё только сейчас стало доходить, что её просто использовали.

— Да, но спела ты её лишь с одной целью — чтобы услышала Наташа. И ты предполагала, что она зайдёт к тебе, и ты употребишь слово «проект», не вдаваясь в подробности. Зачем?

— Дима, я не хотела...

— Света, ты не ответила на мой вопрос. Зачем?

— Мне приказала Кристина...

— Приказала?! — он удивлённо уставился на девушку, — Что значит — приказала?

— У меня не было выхода...

— Почему?

— Я не скажу.

* * *

Поговорив со Светой, Дима вышел на крыльцо. Он уже приготовился сбежать с невысоких ступеней, когда заметил на стоянке автомобиль Кристины. Резко развернувшись, снова потянул на себя входную дверь.

...Она тоже не ожидала его визита. Собираясь улететь на отдых, Кристина ненадолго заехала в продюсерский центр и, придя в свой кабинет, что-то торопливо складывала из ящика стола в сумочку.

— Привет, — Дима неожиданно возник на пороге.

— Ой, привет! — она и действительно попыталась сделать приветливое лицо, но, приглядевшись к нему, слегка растерялась, — Не ожидала...

— Да меня сегодня вообще никто не ожидал, — присев напротив, он не сводил с неё пристального взгляда.

— Да я, собственно, на минутку... — она попыталась улыбнуться, но улыбка получилась неестественной.

— Зачем ты это сделала? — он решил задать вопрос без предисловий.

— Что?! — она деланно удивилась.

— Зачем?.. — он говорил негромко, но в его тоне было что-то такое, что едва не заставило её смутиться, но, быстро справившись с собой, она подняла на него откровенно насмешливые глаза.

— Что — зачем? — повторила она вопрос, — Я тебя не понимаю.

— Ты понимаешь. Зачем ты заставила Нечаеву петь Наташкину песню, когда она приехала сюда по твоей же просьбе? Зачем ты устроила этот спектакль? Зачем ты заставила её сказать, будто я хочу сделать с ней сольный проект?

— Значит, твоя Наташа всё-таки начала тебе жаловаться... — улыбаясь уголком губ,

Кристина откинулась на стуле, на котором сидела.

— Нет, не начала. Я узнал от совершенно других людей.

— Ну, значит, она нажаловалась другим людям...

— Я подумал, что ты изменилась.

— А что ты хотел, Морозов? — она посмотрела на него исподлобья, — Чтобы я в ноги тебе кидалась до конца дней за то, что ты меня спас?

— Ты прекрасно знаешь, что это мне совершенно не нужно.

— Тем более, — резко ответила она, — я призналась отцу, что это именно я разбила студию. Он выплатил тебе деньги, разве мы с тобой не в расчёте?!

— Лучше бы он мне вообще ничего не выплачивал, но Наташка была бы сейчас со мной.

— Ах, так она от тебя сбежала?! — Кристина громко расхохоталась, — Боже мой... Морозов... какой же ты наивный...

— А ты — чудовище. Я даже не мог себе представить, что ты такое чудовище...

— Ой, насмешил!..

— Зачем ты Нечаеву подставила? Возможно, она глуповатая, но зачем же пользоваться этим?

— Она совсем не глуповатая, Дима... А подставила она себя сама.

— То есть?

— Да это она твоей драгоценной жене волосы зелёной вымазала, — Кристина едко усмехнулась, — и битое стекло в туфли подсыпала тоже она. Так что знала, за что подставилась...

— И ты была в курсе и молчала?.. — он изумлённо смотрел, как она улыбается ему в лицо, — Ты знала, и ждала, что она ещё что-нибудь сделает?!

— Знаешь, как это интересно, когда кто-то сидит у тебя на крючке? Кстати... Твоей Наташе повезло в тот день...

— В какой день?

— В тот самый... Когда она была в гостях у Игорька... Кстати, знаешь, откуда он узнал, что ей срочно нужны деньги?

— От тебя? — он еле сдерживался, чтобы не высказать всё, что накопилось за последнее время.

— Естественно.

— Ну, и чем повезло Наташке? — «не заметив» её последнего слова, переспросил Дима.

— А тем, что её в тот момент в гримёрной не было. Фейерверк для неё предназначался...

— А ты что, и это знала?

— Знала, — она кивнула, — я эту пиротехнику в её сумке ещё за несколько дней до этого заметила...

— Ты не просто чудовище... — он покачал головой, — Могло покалечить кого угодно, не только Наташу... и ты молчала... А ведь сгорел клуб твоего отца...

— Да... — она притворно вздохнула, — Жалко папочку...

— А про медальон — зачем ты ей сказала? Я не знал, что мать тебе его показывала... иначе бы не подарил...

— А нечего было ко мне домой приходить, — она злобно сверкнула серыми глазами, — не пришла бы, и не знала бы ничего.

— Когда она к тебе приходила? — недоверчиво посмотрел на неё Дима.

— За день до пожара. Умоляла, чтобы я её папочку пожалела... и денежки тебе вернула.

— Да тебе и своего-то не жалко... — он встал и молча подошёл к двери.

— Дима, — она с нескрываемым ехидством окликнула его, когда он уже взялся за ручку, — напоследок хочу сделать тебе ещё одно признание... — выдерживая многозначительную паузу, она насмешливо смотрела ему в глаза, — Тогда, в мансарде на вашей даче, у нас с тобой ничего не было... Маринка зря тебе не поверила... — она выдержала ещё одну паузу, — Но я знала, что она тебе не поверит...

Его состояние заметили все. Вечером, работая на концерте, Дима выкладывался так, как не выкладывался ещё никогда, стараясь в музыке излить до капли всё, что творилось у него на душе. Глядя на его в буквальном смысле вокальное и инструментальное неистовство, Мазур и Зимин удивлённо переглядывались, и лишь Говоров, который был в курсе всех событий, невозмутимо отстукивал ритмы, слегка нахмутив тёмные брови.

Отработав первое отделение, все ушли на двадцатиминутный перерыв. Закрыв за собой дверь гримёрки, Дима буквально рухнул на стул, когда чуть запоздавший Сашка возник на пороге.

— Дима, — как бы нехотя произнёс он, — там тебя спрашивают.

— Кто? — тот устало поднял голову.

— Пойдёшь — увидишь, — Сашка присел рядом.

— Где увижу? — судя по тону, выходить Морозову никуда не хотелось.

— В баре.

— Саня, хватит загадок. Кто там?

— Насколько я понимаю, это тот самый психолог, — усмехнулся Сашка, внимательно изучая подпалину от нечаянно осыпавшегося пепла сигареты на рукаве модной рубашки, — во всяком случае, мне почему-то так показалось.

— Что за день такой... — наверное, впервые в жизни Дима выругался громко и, встав со стула, направился в коридор.

Народу в баре было немного. Присев рядом с Инной, он положил локти на стойку.

— Виски сто, — сделав заказ, он перевёл взгляд с бармена на женщину, ожидая вопросов.

— Добрый вечер, — она медленно повернула к нему голову.

— Добрый вечер, — довольно сдержанно ответил Дима, отметив про себя её обычную чуть насмешливую полуулыбку и манеру говорить, слегка растягивая слова.

— Вообще-то, я ждала, что ты позвонишь первым. Но потом попыталась сама. И позавчера, и вчера ты был вне зоны доступа.

— Наверное, я был в дороге. Мы только вчера вернулись с гастролей.

— Ах, вот как. А я подумала, что это такой оригинальный способ напомнить о себе.

— Что ты имеешь в виду? — глядя перед собой, он крутил стакан на гладкой поверхности стойки.

— Я имею в виду визит твоей жены.

— Как она к тебе попала?

— Ты у меня спрашиваешь? — красивые брови удивлённо поползли вверх.

— Естественно.

— В таком случае, почему ты не спросил это у неё самой?

— Её нет.

— А где же она? — лёгкая полуулыбка превратилась в ироничную усмешку.

— Уехала, — он говорил сдержанно, отрывисто, без особой охоты.

— Значит, она всё же уехала.

— Как она к тебе попала?

— Позвонила по телефону. Разве не ты дал его ей?

— Нет. Я не мог этого сделать хотя бы потому, что у меня уже давно нет твоего телефона.

— А разве ты его не помнишь наизусть?

— Нет.

— Тогда где она его взяла? Дима, — она снова повернула к нему голову, — я не маленькая девочка, и играть со мной не нужно. Я прекрасно помню, кому я давала этот номер. Ни одного случайного человека! И, кроме тебя — никто не мог пересечься с твоей женой.

— Так... стоп, — он сцепил пальцы рук, — этот номер могла знать Кристина. Она как-то нашла его в моём телефоне. Возможно, скопировала себе.

— Ты хочешь сказать, что твоя жена общается с твоей бывшей подругой?

— Они знают друг друга и на днях виделись.

— Забавно, — затянувшись длинной, тонкой сигаретой, Инна чуть прищурила голубые глаза, — если бы она сама не сказала, что номер дала ей Кристина, я подумала бы, что ты врёшь.

— Она тебе сама сказала?

— Ну, да, — женщина красиво выпустила дым, — сама. Но я не склонна верить незнакомым людям.

— Ты, психолог, и не веришь людям? — он усмехнулся как-то задумчиво.

— Потому и не верю, что знаю психологию.

— Как хорошо, что я её не знаю.

— Тебе неинтересно, о чём она меня спрашивала?

— Я уже знаю, о чём она собиралась спрашивать.

— Она оставляет впечатление слишком доверчивой особы. Но часто это бывает просто мастерской игрой.

— Зачем ты ей сказала, что я твой бывший любовник?

— А какое из этих слов тебя смутило? Слово «бывший» или слово «любовник»? — снова затягиваясь, она незаметно бросила на него взгляд.

— Мне кажется, слово «любовник» не совсем подходит к нашим прошлым отношениям.

— Оно вполне отвечает моим представлениям об отношениях между мужчиной и женщиной.

— Она приходила к тебе за помощью.

— Если бы она не представилась в самом начале беседы, возможно, я не догадалась бы, кто передо мной, — затушив сигарету, женщина кивнула бармену, — ещё один «Пина колада».

— Даже если и так. Это — твой пациент.

— Это был не простой пациент. Это была твоя жена.

— В первую очередь, ты — врач.

— В первую очередь, я — женщина.

Первым войдя в гримёрную после окончания выступления, Дима терпеливо дожидался, пока подойдут остальные ребята.

— Ну, что тебе сказал психолог? — Сашка состроил ехидную рожу, — Это же был психолог?

— Ну, да. Психолог, — явно думая о чём-то другом, ответил Дима, — Подожди, Саш... Всё это ерунда...

— А что не ерунда? — Говоров удивлённо посмотрел на друга, — Дима, ты себя сегодня в зеркале видел?

— Видел. Сейчас... подожди... — глядя на вошедших в помещение звукорежиссёра, Мазура и Зимина, Дима, казалось, собирался с какими-то, одному ему известными мыслями, — Вадик, Витя, садьте, пожалуйста...

— Чё, Димыч? — Мазур обернул свою румяную физиономию, — К нам едет ревизор?

— А садиться обязательно? — взяв со стула лежащий на нём чехол, Вадик уже собирался надевать его на гитару.

— Обязательно, — кивнул Морозов.

— Димыч, не пугай, — шмыгнув носом, Витька придвинул стул, — мы тебя уже с первого отделения бояться начали...

— Ребята... — оглядев каждого из четверых, Дима почему-то остановил взгляд на ноге Мазура, — Я хочу, чтобы вы поняли меня правильно, потому, что то, что я сейчас вам скажу, пока ещё не совсем укладывается даже в моей голове. Но, тем не менее, это твёрдо принятое мной решение.

— Чё, Дима?.. — кажется, уже догадываясь, о чём хочет сообщить Морозов, Витька замер в ожидании новости.

— Я ухожу из продюсерского центра.

— И как оно теперь у нас всё будет? — Вадик, по обыкновению, смотрел исподлобья, слегка сжимая губы.

— Варианта два. Один — совершенно неприемлемый для вас, но я его всё равно озвучу. Мы уходим все.

— Куда? — подавшись вперёд, Вадик положил на колени локти.

— В никуда, — посмотрел на него Дима. На сегодняшний день — в никуда. Решение принято мной только сегодня, поэтому запасных аэродромов нет. И поэтому я только озвучиваю этот вариант, даже не предлагая его вам. Потому, что сам не знаю, найду ли что-нибудь подходящее и соответствующее тому уровню, который на сегодняшний день обеспечивает наша студия. К тому же, в этом случае мы должны будем найти себе замену и оставить её под нашим именем. То есть, уйти в никуда практически никем.

— А второй вариант? — подал голос Говоров.

— Второй вариант для вас вполне приемлем, как и для меня. Я оставляю замену и ухожу один.

— Ты — замену? — Сашка недоверчиво усмехнулся, — Дима, по сути, это полный пипец группе. Ещё хуже, чем уйти в никуда.

— Не пипец. Замену я уже нашёл. Это Журавлёв. Ты сам его хорошо знаешь, и клавишник от Бога, и гитарист.

— А вокалиста где возьмём?

— А вокалиста брать не надо. Он уже есть, — Дима кивнул на Зимина, — Вадим. Вь

его слышали, так что сомнений никаких быть не может.

— Погоди, а твои песни? Ты же их для «патруля» писал...

— Ну, и пойте дальше, — Дима пожал плечами, — для себя я ещё напишу.

— Ну, хорошо, а сам, в таком случае, чем займёшься? Новую группу соберёшь? «Патруль два»? — вытаращился Витька.

— Пока не знаю. Я ухожу не из творческих интересов.

— А из каких? — Зимин нервно разминал пальцы рук.

— Из личных.

— Всё правильно, пацаны, — Сашка опустил голову, — Диме давно уже нужно было уйти, а он не уходил, чтобы группа не развалилась. Зато развалилась семья.

— А при чём тут группа? — Вадик непонимающе уставился на Говорова...

— Вадик, ты не понял, — тот поднял на него глаза, — Дима уходит не из группы. Дима уходит от Лапы.

— Правильно, Дима, — звукорежиссёр Миша впервые за весь разговор подал голос, — я с вами только год, и мне, как свежему человеку, лучше вашего видно. Тебе уже давно нужно было уйти оттуда. Думаю, ты с твоим талантом не пропадёшь.

— Ну, вот, — Дима снова оглядел всех ребят, — ухожу. Сегодняшний концерт — последний. Следующие гастроли только через две недели. Женька уникал, думаю, ему хватит времени, чтобы въехать в темы. Да он и так в теме...

— Димыч, но на гастроли ты можешь ещё поехать, репетировать не нужно, — Витька вдруг резко посерьёзней, — зачем тебе от гастролей отказываться, так и выступай в составе...

— Викун, — Дима тяжело вздохнул, — рано или поздно это должно произойти. Гастроли гастролями, но группа не должна заикливаться на старом репертуаре. Вы должны его обновлять. Моё присутствие в студии больше невозможно. Поэтому, пусть всё произойдёт именно сейчас, как можно раньше. А у меня теперь другие проблемы.

— А как твои проекты? Что с ними будет? Там же целый штат артистов...

— Наймут другого руководителя. Проекты всё равно не мои личные. Они принадлежат центру.

— Да, но ты столько над ними работал...

— Ну, всё, я вам сказал, — тяжело поднявшись, Дима снова обвёл всех взглядом, — ещё увидимся.

* * *

На следующее утро, забрав из продюсерского центра свои личные вещи и попрощавшись с ошарашенными такой новостью молодыми артистами, он приехал домой и сразу позвонил Лапину.

— Это твоё окончательное решение? — выслушав Диму, довольно сдержанно спросил Леонид Борисович.

— Да, окончательное. Замену в группе я себе нашёл, так что всё в порядке. А проекты все готовы, только воплощать в жизнь. Думаю, новый руководитель быстро разберётся.

— Где его ещё взять, — буркнул Лапин, — ты уходишь так неожиданно, что времени на

поиски практически нет.

— Леонид Борисович... — Дима выдержал небольшую паузу, — Я никогда не выносил сор из избы. И сейчас мне больше всего не хотелось бы этим заниматься. Я скажу только одно... Интриги — это не моё. Я пришёл сюда работать, заниматься творчеством. Если Кристине было тяжело находиться рядом со мной, зачем тогда вообще нужно было меня приглашать?

— Ты хочешь сказать, что это Кристина виновата в том, что ты уходишь? — усмехнулся Леонид.

— Я хочу сказать, что я ухожу.

— Может, подождёшь, пока она вернётся? Месяца два её не будет, так что спокойно сможешь закончить со своими проектами, а я пока подберу человека.

— Не могу, — твёрдо ответил Дима, — а Кристине в таком случае лучше не лететь на отдых, а заниматься делами.

— Ну, я понял тебя, — не совсем довольным тоном произнёс Лапин, — тогда у меня к тебе одна последняя просьба.

— Слушаю.

— Из-за пожара так и не состоялся концерт твоей жены, если помнишь.

— Да, помню.

— Я хотел бы, чтобы она выступила в другом клубе, скажем, на следующей неделе. Публика будет.

— К сожалению, это невозможно.

— Почему? Гонорар не помешает.

— Наташа больше не поёт, у её проблемы с голосом.

— И когда эти проблемы могут решиться?

— Этого не знает никто...

После разговора с Лапиным он ещё какое-то время сидел, откинувшись на спинку дивана в гостиной. Родители были на работе, и, находясь один в квартире, Дима старался не заходить в свою комнату. Пустая детская кровать, манеж с игрушками, даже компьютерный стул без накинутого на спинку Наташкиного халатика вызывали в его душе буквально физическую, щемящую боль. Связаться с ней так и не удавалось — телефон она не включила, а звонки тестю ничего не давали — каждый раз он виноватым тоном объяснял, что Наташка либо спит, либо гуляет с Валериком, из чего Дима сделал вывод, что она просто не хочет его слышать. Окончательно решив, что завтра рано утром отправится за ней и сыном, он снова взял в руки телефон.

— Привет, Дима, — видимо, только проснувшись, Журавлёв на том конце зевнул.

— Привет, Жень. Разбудил?

— Да нормалёк. Пора уже...

— Да я решил кое-какие моменты сразу уточнить, а то завтра хочу уехать.

— Если честно, Дима, я вчера-то тебе согласие дал, а вот думаю над твоим предложением только сегодня, — усмехнулся Женька.

— А чего думать? — пожал плечами Морозов, — Я тебя слышал, других кандидатов не вижу.

— Ну, это понятно, я ж чертовски гениален, — отпустил Журавлёв свою любимую

шуточку, — просто неожиданно как-то...

— Да нормально всё будет. Сам понимаешь, это для меня не просто группа. В общем, это моя жизнь. И поэтому оставить её я могу только тому, кого душа примет. В данном случае, тебе.

— В общем-то я, конечно, согласен... Но, как истинная звезда, должен немного повыёживаться, — опять пошутил Женька, но потом, поняв, что Димке не до шуток, добавил уже серьёзным тоном, — в общем, не переживай, Дима. И спасибо.

— Да мне-то за что, — усмехнулся тот, — это тебе спасибо, что не отказался.

— О причинах не спрашиваю, но догадываюсь, что они очень веские.

— Веские, Жека. Настолько веские, что, можно сказать, душу отдаю.

— Душа тебе ещё самому пригодится. Да, кстати, — вспомнив о чём-то, произнёс Журавлёв, — насчёт студии... Пока ничего обещать не буду, но, возможно, я тебе помогу найти подходящую, хотя бы на какое-то время. Где-то через недельку позвоню...

Уладив с Женькой кое-какие вопросы, Дима прошёл на кухню, поставил на плиту чайник. Было как-то необычно никуда не торопиться. Ему вдруг ужасно захотелось услышать Валеркино лопотанье и, взяв его на руки, расцеловать пушистую беленькую макушку... А ещё лучше было бы схватить в охапку и его, и Наташку, прижать к себе обоих и затихнуть где-нибудь под тёплым одеялом, уснуть с ощущением покоя от того, что они — рядом...

Несмотря на выпитый горячий кофе, он вдруг ощутил странный озноб и резкую головную боль. «Этого ещё не хватало», — подумал Дима, присаживаясь к компьютеру. Он всё ещё надеялся, что Наташа напишет ему на почту через мобильный телефон. Но писем от неё так и не было.

«Ничего, завтра всё уладится...»

— Дима, ты какой-то бледный. Ты, случайно, не заболел? — Вернувшись с работы, Анна сразу заметила состояние сына.

— Да, знобит чего-то, и всё тело ломит, — лежа в гостиной на диване, Димка смотрел телевизор.

— В городе опять эпидемия гриппа, наверное, ты где-то подхватил, — всплеснув руками, Анна Сергеевна прошла на кухню и, достав из аптечки градусник, принесла его сыну.

— Похоже на то, — ответил тот, — и что теперь делать? Я же утром хотел ехать...

— О, Господи, Дима, тридцать девять и пять, — мать испуганно смотрела на термометр, — куда теперь ехать, теперь скорую вызывать нужно.

— Да не нужно никого вызывать, — он устало закрыл глаза, — пройдёт...

Но вызывать скорую всё же пришлось, при чём, не только Димке — вернувшись с работы, Александр Иванович тоже пожаловался на плохое самочувствие, и, смерив ему температуру, Анна Сергеевна решительно набрала ноль три.

— Грипп гуляет, что вы хотите? — фельдшер скорой помощи ловко орудовала шприцем, — мы на вызовы не успеваем выезжать.

— А сколько примерно придётся болеть? — Дима говорил непривычно охрипшим голосом.

— Недельку точно придётся поваляться, а то и две. Как повезёт, — развела руками медработник.

— А побыстрее?

— Ну, это вы с вирусом сами договаривайтесь, — пошутила женщина и, выписав необходимые лекарства, распрощалась.

— Ну, и как теперь? — Дима окончательно расстроился, — Как я теперь поеду?

— Никак, — Анна укрыла его одеялом, — во-первых, ты плохо себя чувствуешь, во-вторых, ты заразишь и Наташу, и Валеру, а, в третьих, ты их назад пока не сможешь привезти — дома папа болеет. Теперь, пока не переболеете, ни о какой поездке и речи на может быть. Так что звони в студию, отменяй все свои выступления...

— Мам, — Димка посмотрел на мать блестящими от температуры глазами, — у меня пока не будет никаких выступлений. Я ушёл из продюсерского центра...

— Почему? — присев рядом с ним, спросила Анна, и ему показалось, что она не удивилась известию.

— Я должен был уйти.

То ли от высокой температуры, то ли ещё от чего, ему вдруг захотелось выговориться. Слушая его, Анна время от времени понимающе кивала, но с каждым кивком голова почему-то опускалась всё ниже...

— Прости меня, сынок... — негромко произнесла она, когда Дима закончил свой рассказ.

— Мам, ты чего? — взяв её за руку, он удивлённо смотрел на мать.

— Какая у тебя рука горячая, — она положила сверху свою ладонь, — видимо, температура так и не упала.

— Ма-а-м... — он слегка потормошил её руку, — за что я должен тебя простить?

— Я ничего не буду говорить, ладно? — она улыбнулась как-то печально, — Может, я когда-то тебя обидела...

— Ну, что ты, мам, — он погладил её руку, — чем ты меня могла обидеть? Ты же моя мама...

— Я никогда не думала, что Кристина такая жестокая. Но, возможно, это от того, что она тебя так любит.

— Никого она не любит, кроме себя. Ладно, ма, — он улыбнулся, — спасибо, что посидела со мной.

— Ну, что ты, сынок, — она пригладила его рассыпавшиеся волосы, — это тебе спасибо, что ты мне наконец-то хоть что-то рассказал. Вы же никогда не делитесь, мы только можем догадываться, что у вас происходит.

— Уже ничего не происходит.

— Ничего, вы помиритесь.

— Не знаю... Она совсем не хочет со мной общаться.

— Так и бывает, — улыбнулась Анна, — пока ты сердился на неё, она все глаза по тебе проглядела. А как поняла, что у тебя сердце отошло, тут уже её обиды дали о себе знать...

— Не знаю, — повторил Дима, — тут, действительно, за несколько дней на неё такой

поток информации обрушился... как нарочно... Впрочем, нарочно и есть.

— А, знаешь, в жизни ничего просто так не бывает, — Анна встала и поправила одеяло, — я думаю, то, что ты сейчас заболел, тоже неспроста.

— Почему?

— А потому, что рано тебе туда ехать. Обиду нужно пережить, тогда она легко уходит. А сразу не всегда получается... Пока ты будешь поправляться, она сама по тебе соскучится... Вот увидишь.

— Хорошо бы, — кусая губы, Дима смотрел куда-то в потолок воспалёнными глазами, — я уже не верю, что она когда-нибудь мне ответит.

* * *

Оказавшись в родном доме, Наташа вдруг ощутила утраченное чувство покоя. Она давно здесь не была, не видела отца вот так — близко, не разговаривала с ним... Отключив после Димкиного звонка телефон, она на какое-то время даже испытала неожиданное блаженство... Она подумала, что теперь не нужно ждать его звонков, переживать, что он позвонит и нарушит её с таким трудом обретенное душевное равновесие... Ненадолго ей показалось, что она приобрела это самое равновесие... Ей показалось, что она вдруг успокоилась... Всё, что её тревожило, осталось за стенами её родного дома. Теперь она — здесь, под защитой этих самых стен... Она и Валерик... теперь не нужно ни о чём тревожиться... думать о том, где и с кем Дима... Да, он позвонил и сказал, что он никому не отдавал её песни, и что у него нет никаких новых проектов... Может быть... Но он ничего не сказал об Инне... А, вообще, лучше совсем о нём не думать! Да, нужно учиться не думать о нём... И у неё это получается...

...Уже к концу второго дня пребывания в родительском доме она отчаянно ловила себя на мысли, что думает только о нём... Эйфория от разлуки закончилась внезапно, сменившись откровенной тоской... Упрямо заставляя себя не вспоминать о Диме, Наташа пыталась отвлечься заботой о Валерике... Но все попытки забыть об отце разбивались о синий-пресиний взгляд его сына...

— У вас с Димой что-то произошло? — улучив момент, Валерий тревожно посмотрел на дочь.

— С чего ты взял? — старательно отводя взгляд, Наташа гладила Валеркины распашонки.

— Я не слепой. Я заметил, ещё когда Дима уезжал на гастроли. Вы очень странно с ним попрощались. А позавчера странно встретились...

— Всё нормально пап, — пересохшими от волнения губами ответила Наташа.

— Ну, если нормально, почему ты отключила телефон, ведь он тебе звонит без конца.

— Ну, он звонит... а я-то не могу с ним говорить... — она говорила не совсем уверенно, судорожно вздыхая.

— Ты можешь не говорить, можешь просто слушать. А ты вообще отказываешься подходить к телефону, мне приходится Диму обманывать... Это же не может длиться до бесконечности, Наташ...

— Пап... — она виновато опустила взгляд, — Я не хотела тебе сразу говорить... Я не вернусь больше к Диме.

— Что?! — он как будто не расслышал, — Что ты сказала?

— Я не вернусь к Диме... — уже менее уверенно повторила Наташа.

— Почему? — нахмурившись, отец присел напротив.

— Можно, я не буду ничего рассказывать?

— То есть? — он посмотрел на неё недоумённо, — А что я должен думать?

— Пап... ты ничего плохого не думай... Дима меня не обидел. Просто... просто у нас ничего не получилось.

— Что значит — не получилось? У вас вон, что получилось, — Валерий кивнул головой на внука, ползающего по разложенному дивану, — ему-то как будете объяснять?

— Пап... — опустившись на край дивана, Наташка подняла на него полные слёз глаза, — пожалуйста... не гони меня... ладно?

— Да кто же тебя гонит?! — он присел рядом, обнял дочь; прижавшись к отцовскому плечу, она окончательно расплакалась, — Ну, ты хоть объясни, что случилось? Я так понимаю, родители Димы тоже не в курсе?

— Нет, — она покачала головой, — я сказала только ему.

— А он — что?

— Он хочет, чтобы я вернулась...

— Что у вас произошло? — чуть отстранившись, Валерий заглянул в глаза дочери, — ты из-за этого голос потеряла?

— Да... наверное... — вытерев слёзы, она вздохнула, — много чего произошло. Просто у меня нет характера... я очень боялась его потерять... я устала бояться...

— Он что, изменяет тебе?

— Нет...

— Тогда чего ты боялась?

— Не знаю... просто я его очень сильно люблю...

— В общем, понятно одно, что ничего не понятно, — в свою очередь вздохнул Валерий, — а что у тебя со здоровьем?

— Всё хорошо, — она встала и снова взяла в руки утюг.

— Где же хорошо? Ты еле ходишь. Я не стал вчера ничего спрашивать... Наташ... тебе двадцать лет, а ты вчера еле Валерку донесла от ворот до дверей... Я ведь всё вижу.

— Это у меня от стресса. Врачи так говорят.

— А как ты здесь будешь лечиться? Тебе же, наверное, нужно там к специалистам обращаться?

— Это само собой проходит... Только волноваться нельзя, — она успокаивающе посмотрела на отца, — ты не переживай, всё пройдёт.

— Как же я могу не переживать? — Валерий покачал головой, — Ты же у меня единственная дочка...

* * *

Вечером, вернувшись с прогулки с Валериком, Наташа застала отца и Светлану Петровну за нелёгким разговором.

— Ну, и что она тут будет делать? — отчаянно жестикулируя, спрашивала мачеха.

— Как что? Жить! — Валерий пожал плечами, — Это её родной дом.

— Я это прекрасно понимаю, — сделав упреждающий жест ладонью, Светлана Петровна, обернувшись на стук закрывшейся за Наташей двери, — ну, проживёт месяц, ну, два... А потом? Профессии нет, ничего нет, голос неизвестно, восстановится или нет...

— Что ты несёшь, Света? — растерянно посмотрев на дочь, произнёс Валерий, — Всё, давай прекратим этот разговор.

— Ну, давай, прекратим, — не обращая внимания на Наташу, женщина в сердцах вышла из комнаты.

— Пап, не ссорьтесь, — Наташа виновато посмотрела на отца, — я что-нибудь придумаю...

— Что ты придумаешь?! — мачеха снова показалась в дверях, — Наташа, ну, что ты можешь придумать?

— Ну, не знаю, — та пожала плечами, — работать пойду...

— Кем?! Да у нас тут восемьдесят процентов женского населения без работы сидят! — махнув рукой куда-то в сторону окна, Светлана Петровна уставилась на девушку, — А у тебя ни образования, ни профессии, ничего! А Валерика куда? В ясли очередь на три года вперёд.

— Вы не переживайте, — раздевшись сама, Наташа стягивала с сына тёплый комбинезон, — я потом назад уеду.

— Назад?! А жить там ты где будешь? Алинку выгонишь? Конечно, куда же ей, бедной, будет деваться-то? У неё выбора нет... — мачеха обиженно отвернулась, — Пойдёт ребёнок по общагам мыкаться.

— Не беспокойтесь, — Наташа усмехнулась, — Я не собираюсь её выгонять.

— А сама куда пойдёшь? Квартиру снимать? А за какой шиш? Пенсии у тебя теперь нет, стипендии нет... Петь ты тоже не можешь, чем зарабатывать собираешься?!

— Света, прекрати! — покрывшись пунцовыми пятнами, Валерий неожиданно стукнул кулаком по столу.

— Что вы делаете?! — бросив на мачеху возмущённый взгляд, Наташа подошла к отцу и, присев перед ним на корточки, заглянула ему в глаза, — Пап... ты только не волнуйся, ладно? Папочка... пожалуйста, не волнуйся... Я уеду, правда... только волнуйся...

— Никуда ты не уедешь, — он положил руку ей на голову, — не обращай на нас внимания, всё хорошо.

Посидев немного с отцом, Наташа взяла ребёнка и вышла с ним на кухню. Стоя у плиты, Светлана что-то помешивала в большой цветной кастрюле.

— Светлана Петровна, зачем вы так с папой? Ему совсем нельзя волноваться, — подойдя как можно ближе, прошептала Наташа, — вы лучше мне говорите, если что.

— Наташа, — окончательно успокоившись, женщина заговорила совершенно другим тоном, — ты только на меня не обижайся. Мне ведь для вас куска не жалко. Но, на самом деле, что ты будешь здесь делать?! Ты уже привыкла к другой жизни, даже Алинка теперь говорит, что ни за что не вернётся сюда... А уж ты — тем более... И выступала, и песни твои крутят, и муж такой достался... Ты сама тут волком взвоешь!

— Вы не переживайте, — Наташа едва улыбнулась, — я скоро уеду.

— Да не нужно вот так сразу на дыбы! — мачеха всплеснула руками, — Я что, не видела, как ты сейчас живёшь?! Квартира огромная, Дима — единственный сын... В ребёнке они все души не чают... Тебя одевает-обувает, Алинка рассказывала, какую шубу купил, какие серёжки...

— Вы думаете, счастье в шубе и серёжках? — усмехнувшись, Наташа посмотрела на женщину, — Мне ничего этого не нужно. Я даже ничего не взяла и сроду не возьму.

— Ну, и дура, — сделала мачеха заключение, — ещё скажи, что на алименты не подашь.

— Не подам, — открыв холодильник, Наташа достала баночку с детским питанием. Увидев любимое лакомство, Валерик не сводил с него глаз.

— Как это — не подашь? — Светлана Петровна даже не ожидала такого ответа.

— Очень просто, — Наташа включила подогреватель, — не подам, и всё.

— А как ты жить собираешься?!

— Не знаю. Но вы не беспокойтесь. Я скоро уеду. Вы только на папу больше не кричите.

* * *

...Весь остаток вечера Наташа поглядывала на отцовский телефон, лежащий на тумбочке, но звонков ни от кого не поступало. Решив, что в виду позднего часа уже никто не позвонит, она ушла спать. Но и на следующее утро телефон молчал. Молчал он и днём, и лишь только ближе к вечеру раздался долгожданный звонок...

— Да, Анна Сергеевна, — Валерий приветливо поздоровался со свахой, — а я только-только хотел сам позвонить. У нас всё хорошо, Валера уже привык... Первый день как-то настороженно вёл себя, но Наташа ему полную экскурсию по дому устроила, — он рассмеялся, — всё показывала, рассказывала, а он сидит на руках, глазёнками хлопает, как будто понимает что-то... Да, она тоже нормально, только слабость не проходит. Как вы, как сват? Привет ему от меня... Ну, спасибо... А Дима? Заболел?.. А что такое? Да-да... и у нас тут тоже повальный грипп... Ну, передавайте, пусть поправляется...

Сидя в своей комнате, Наташа, затаив дыхание, слушала разговор отца со свекровью, но после слов о Димкиной болезни, ту же вышла в гостиную.

— Пап, что, Дима заболел? — она смотрела так испуганно, что Валерий невольно улыбнулся, — Пап, что с ним?!

— Не вернёшься, говоришь? — он внимательно смотрел на дочь, — А чего тогда так испугалась?

— Не вернусь... — она опустила глаза, но тут же снова подняла взгляд на отца, — Что с ним?..

— Вроде, грипп. Мать сказала, температура высокая, кашель, охрип... он лежит, плохо ему, поэтому и не позвонил.

— А какая температура?..

— Не знаю, — развёл руками отец, — не спросил. Давай, наберу его номер — сам тебе расскажет.

— Не нужно... Если он охрип, ему разговаривать нельзя... он связки порвёт...

— Ну, вернёшься, тогда расскажет, — Валерий снова улыбнулся.

— Не вернусь... — не совсем уверенно сказала Наташа и скрылась в своей комнате.

Наташа уже целый час возилась с мобильным интернетом, пытаясь через телефон зайти в свой аккаунт «ВКонтакте», но сайт почему-то выдавал «неверный пароль». Ей хотелось проверить почту — вдруг, кто-то из друзей Виктории отозвался на её письмо? Она уже в который раз пожалела, что не взяла с собой ноутбук или планшет. Она вообще уже о многом пожалела... Подходила к концу первая неделя со дня её приезда, и она всё больше и больше терялась в своих мыслях. Анна Сергеевна и Валерий перезванивались каждый день: Анна рассказывала о здоровье супруга и сына, Валерий — о Наташе и внуке; передав друг другу дежурные приветы, они прощались «до завтра».

Сам Дима пока не звонил: Анна говорила, что у него всё ещё держится температура, и состояние никак не улучшается. Включив свой телефон, чтобы выйти в интернет, Наташа в глубине души надеялась, что Димка получит сигнал о том, что она в сети и позвонит. Но он молчал. Предполагая о возможных проблемах со связками, она решила терпеливо ждать, когда он пойдёт на поправку, но ей всё больше и больше хотелось самой набрать его номер...

«Мне нужна твоя помощь», — отчаявшись зайти в соцсеть с мобильного, она решила прибегнуть к помощи своего школьного товарища и послала ему смс-сообщение. Наташа не сомневалась, что Сергей знает о её приезде и очень удивлялась тому, что за эти дни он так и не зашёл в гости к Смольниковым.

«Приду вечером», — получив ответ, она облегчённо вздохнула. Уехав из города, она не представляла, как сможет помочь Виктории Говоровой, если та, действительно, попала в беду, но других вариантов хоть как-то узнать о судьбе девушки не было.

— Дима тебе больше не звонил? — придя с работы, поинтересовалась Светлана Петровна.

— Пока нет, — ответила Наташа.

— Вот допрыгаешься...

— В смысле?

— В том самом смысле. Разве можно мужиков одних оставлять?

— Он не звонит, потому что болеет, ему разговаривать нельзя.

— Только это и утешает, что болеет, — покачала головой мачеха, — значит, пока дома сидит. А начнёт поправляться, силы появятся, куда он их захочет деть?

— При чём тут силы, — Наташа покраснела, понимая, на что намекает Светлана, — поправится, позвонит.

— Ну, и что, что позвонит? Позвонит и пойдёт куда-нибудь...

— Ну, пойдёт и пойдёт, — Наташке был неприятен разговор, и она, встав с дивана, решила пойти посмотреть на спящего Валерика.

— И найдёт! — громко воскликнула женщина, — Думаешь, он тебя будет ждать?

— Дима никогда и никого не ищет, — обернувшись в дверях, расстроено прошептала Наташа.

— А они все никогда и никого не ищут. Сколько вы уже не спите вместе? — подойдя как можно ближе, негромко спросила Светлана.

— Какая разница?

— Большая. Парень молодой, приехал — сразу к тебе, а ты хвостом крутанула...

— Ну, что я теперь могу сделать? — глядя в глаза мачехе, отчаянно прошептала Наташа, потом, опустив взгляд, грустно вздохнула, — Я и сама бы уже назад поехала, но они там все болеют, даже Анна Сергеевна. Валера заразится...

— Эх, ты, — уже более мирным тоном произнесла женщина, — разве так можно рисковать? Это только Серёжка тебя столько лет ждал... да и то надоело.

— В смысле? — Наташа удивлённо посмотрела на Светлану Петровну.

— Наконец-то девушку себе нашёл.

— Я не знала, — улыбнулась Наташа, — это же хорошо.

— Я сама узнала только что, когда шла домой.

— И поэтому вы испугались, что и Дима меня не будет ждать? — усмехнувшись, Наташка опустила голову, потом снова подняла и посмотрела Светлане в глаза, — Даже если и так... не переживайте. Я же сказала, что уеду.

Вечером, улучив момент, когда Светлана Петровна ушла в магазин, Наташа под села к отцу, который смотрел телевизор.

— Пап... — уютно забравшись с ногами на диван, она положила голову ему на плечо, — Зачем люди женятся без любви?

— Ну, у каждого свои обстоятельства... А что? — он повернулся к ней.

— А вот если человек женился по любви, а потом встретил свою бывшую любовь... какая из них победит — бывшая или настоящая?

— Думаю, что победит та, что сильнее, неважно, бывшая она или настоящая.

— А может такое быть, что человек тебя любит, а потом вдруг раз — и уже не любит?

— Что на тебя сегодня нашло? — Валерий улыбнулся, — За Диму переживаешь?

— Пап... — не ответив на его вопрос, она грустно смотрела куда-то перед собой, — а, вот, если бы мама была жива, и ты вдруг встретился бы со Светланой Петровной... ты бы ведь от неё не ушёл? Ну, если бы она была жива...

— Давай лучше о чём-нибудь другом поговорим?.. — он обнял дочь за плечи и прислонился щекой к её голове.

— Пап... — Наташа немного помолчала, как бы собираясь с мыслями, — А ты маму очень любил?

— Я её и сейчас очень люблю...

* * *

Появившемуся вечером Сергею она обрадовалась как никогда. Слишком тягостными были последние дни, и его визит сразу же поднял ей настроение. Раздевшись, он прошёл в гостиную и с удивлением уставился на Валерку, который, держась за край дивана, уже довольно крепко стоял ножками на расстеленном на полу одеяле.

— Ты не обращай внимания на беспорядок, — тихо рассмеялась Наташа, — здесь ни манежа, ни кровати нет, вот, выпускаем на волю, где придётся, а потом ловим по всей

комнате.

— Да нормально всё, — впервые увидев Наташиного сына, Сергей почему-то слегка смутился, но когда малыш, шлёпнувшись, посмотрел на него своими синими глазёнками и неожиданно заулыбался, тоже улыбнулся ему в ответ, — а он на тебя не похож... только волосы...

— Да, он на меня не похож, — ласково глядя на ребёнка, она чуть загрустила, — он похож на Диму.

— Ты приехала одна? — он перевёл взгляд на Наташу.

— С Валеркой вдвоём.

— Надолго?

— Скоро уедем... наверное...

— Ты что, заболела?

— Да, немножко...

— И как теперь?

— Пока не знаю...

— Ты написала, что тебе нужна моя помощь.

— Да. Я не взяла с собой ни ноута, ни планшета, а мне нужно срочно войти в свой аккаунт...

— Хочешь, я принесу тебе свой ноутбук? Пока будешь здесь, пользуйся, у меня ещё стационарный компьютер есть. А ноут заберу потом, когда уедешь...

— Хочу, — она охотно кивнула белокурой головой.

...В почте, действительно, было несколько сообщений от друзей девушки, которую разыскивала Наташа. Большинство из них оказались лишь виртуальными друзьями, и не знали, куда могла деться Вика. Двое же пользователей написали, что они хорошо знают девушку в реале, при чём, один из них утверждал, что видел её буквально вчера, и с ней было всё в порядке, а второй писал, что она уехала из города ещё три недели назад, и до сих пор не вернулась. Наташе показалось странным, что сведения не совпадают, и она по очереди зашла на профили этих двух друзей Виктории. Тот, который писал о том, что она уехала, был с полными данными, множеством фотографий и групп — видимо, это был её ровесник, возможно, одноклассник. Второй же «товарищ» тоже «выглядел» вполне прилично, но имел лишь одну фотографию и минимум данных о себе. Чуть позже он прислал Наташе сообщение, в котором интересовался, кто она такая и сколько ей лет, объясняя свой интерес тем, что девушка ему понравилась. Несмотря на вполне дружелюбный тон, что-то настораживало в его сообщениях, только Наташа сразу не могла понять — что?

Она всё ещё думала над загадочным пользователем, когда сигнал телефона, который она сегодня наконец-то включила, заставил её вздрогнуть... Посмотрев на входящего абонента, лихорадочно нажала на клавишу, потом подхватила на руки Валерика...

— Наташа... — голос у Димки был ещё не совсем здоровым, но довольно бодрым, — Слышишь меня?.. Наташа... я так по тебе соскучился... я так по Валерке соскучился... Ты только не отключайся, ладно? Наташка... я вас очень люблю...

Слушая его голос, она даже не вытирала слёзы, которые текли по щекам. Включив

громкую связь, она держала телефон недалеко от Валеркиного уха, и, услышав голос отца, тот сосредоточенно нахмурил бровки... Как будто что-то понимая, ребёнок старательно прислушивался к доносящемуся из трубки голосу... Когда Дима замолчал, он неожиданно взмахнул ручонками и, расплывшись в улыбке, что-то залопотал на одном ему известном языке.

— Что-что?! — услышав сына, Дима радостно рассмеялся, — Наташ, что он говорит? Валерка, скажи ещё что-нибудь...

Приняв разговор за игру, малыш снова выдал тираду слогов и звуков, сопровождаемую счастливым повизгиванием, потом, схватив ручками телефон, который Наташа поднесла совсем близко, потянул его в рот.

— Нельзя, там папа... — прошептала Наташа Валерику, отбирая у него мобильник, — па-па, понимаешь?

— П-па!.. — громко выдохнул ребёнок, глядя на затейливую «игрушку».

— А, ну, скажи ещё!.. — взволнованно произнёс на том конце Дима, — Слышишь, Валера? Скажи ещё раз!

— Ну, скажи... Па-па... — как можно громче прошептала Наташа сыну, — Па-па...

— П-па! — радостно повторил Валерка и залился звонким смехом.

— Наташа... — позвал её Дима, когда Валерик, «наговорившись», затих, — Там у тебя профиль в «Одноклассниках» светится. Ты что, с компьютера? Может, напишешь мне что-нибудь?

Снова присев к столу, она открыла страницу. На душе было столько чувств, что она совершенно растерялась, не зная, что ему написать...

«Здравствуй», — она смотрела не на клавиатуру, а на его фото...

«Наташка... если бы ты знала, как я хочу сейчас тебя увидеть! Тебя и Валеру...»

«Я тоже хочу тебя увидеть», — она почувствовала, как глаза снова наполняются слезами.

«Как ты себя чувствуешь?»

«Хорошо. А ты?»

«И я хорошо. Я за тобой приеду».

«Тебе пока нельзя, ты болеешь».

«Я больше не могу без тебя. Я только и думаю о тебе».

«Я тоже думаю только о тебе».

«Я тебя очень-очень-очень-очень... люблю!»

«И я тебя очень-очень-очень-очень... люблю!..»

Прошёл уже почти час, а они всё писали и писали друг другу короткие фразы... напроць забыв о том, о чём хотелось «поговорить», о том, что хотелось «выяснить»... их единственным желанием было желание оказаться сейчас рядом...

Укрыв потеплее уснувшего за её спиной Валерика, Наташа снова и снова перечитывала

их сегодняшнюю переписку, с огромнейшим трудом пересиливая желание одеть сына и, взяв такси, помчаться на автовокзал...

— Вы чего тут так притихли? — Валерий удивлённо заглянул в комнату дочери.

— А... а Валера уже уснул... А я переписываюсь... — Наташка подняла на отца счастливые глаза.

— Понятно, — улыбнулся Смольников-старший.

— Пап, — он собирался уже выйти из комнаты, когда Наташа его окликнула, — а Валера сегодня сказал первый слог...

— Да ты что?! — отец радостно обернулся, — Что ж ты сразу не сказала?!

— А я не могла... — она пожала плечами, — Я телефон ему держала...

— С кем же он разговаривал?! — рассмеялся Валерий?

— С Димой...

— Да?.. И что же он сказал?..

— Он два раза сказал «па»...

* * *

— Наташка, почему ты не позвонила?! Мы даже не знали, что ты приехала! — несколько девушек весёлой толпой буквально ввалились в дом Смольниковых, — Так нечестно! Ты же вторую неделю здесь, а мы не знали!

— Девчонки!.. — она радостно обнималась со своими бывшими одноклассницами.

— А почему ты шепчешь? — одна из гостей удивлённо смотрела на Наташу.

— А я теперь так разговариваю, — она попыталась пошутить, — поэтому и позвонить никому не могла.

— Ой, ну, надо же, — сожалели подруги, — а что случилось?

Вдаваться в подробности Наташке совершенно не хотелось, и она утащила всю компанию к себе в комнату — увидев Валерика, мирно сидящего с погремушками в детской кроватке, временно одолженной у соседей, девчонки сразу переключили внимание на малыша, так и норовя взять его на руки и потискать. Глядя на них, он только радостно улыбался и грыз резиновое кольцо.

— Надо же, совсем не боится, — рыженькая симпатичная девушка оглянулась на остальных, — такой прикольный.

— Блондин, — другая, веснушчатая, с каштановыми волосами, пригласила Валеркину пушистую макушку, — волосы твои, Наташ, а глаза... не твои!

— Он на Диму похож, — улыбалась Наташа, — особенно глазами.

— Смотрите, и на руки идёт!.. — рыженькая протянула к ребёнку руки — Валерка не сопротивлялся, — Такой общительный!

— Да, он у нас очень общительный, — кивнула Наташа, — мы его даже на репетиции с собой брали.

— Надо же!.. — покачала головой девушка, потом повернулась к Наташе, — Слушай, мы же пришли тебя звать на вечер встречи выпускников. Завтра, в девятнадцать,

общешкольный...

— Ой, я не знаю, — Наташа растерянно пожала плечами, — как-то так неожиданно...

— Мы ещё хотели, чтобы ты попела... Хоть ты теперь и знаменитость, но неужели отказала бы? — шутили девчонки.

— Не отказала бы, — Наташа грустно улыбнулась, — тем более, что я не знаменитость...

— Ничего себе не знаменитость, говорят, концерты даёшь!

— Да всего-то пару концертов... А теперь и вовсе не знаю, как будет...

— Раз такие проблемы с голосом, то, может, хоть поиграешь на синтезаторе, а мы сами попоём? — девчонки смотрели на неё так умоляюще, что Наташа, обречённо вздохнув, кивнула.

— Ну, хорошо, если папа согласится с Валерой посидеть... Только... — она закусила губу, — только мне и надеть-то нечего... Концертные платья вряд ли подойдут... А из выходной одежды ничего особого нет... всё осталось дома... — она поймала себя на мысли, что, имея в виду квартиру Диминых родителей, произнесла слово «дома» очень искренне, от всего сердца — так как чувствовала сама...

— Да ладно тебе, — загалдели девчонки, — ты и так как куколка, что ни наденешь.

— Ну, тогда, ладно, — Наташа махнула рукой.

— А ты что, одна, без мужа приехала? — любопытничала веснушчатая девушка.

— Да, я просто в гости к папе. А Дима заболел...

— Жа-а-а-лко... Он же, говорят, певец?

— Ну, да, он музыкант, — она не стала вдаваться в подробности Димкиной творческой профессии, ловя себя на мысли, что снова чувствует себя счастливой лишь от того, что может с гордостью рассказывать о нём не в прошедшем, а в настоящем времени.

— Ну, всё, полседьмого собираемся у меня, берём такси, и... — многозначительно уточнила рыженькая, — не забудь!..

* * *

Переступив порог родной школы, Наташа подумала, что за прошедшие два с половиной года здесь абсолютно ничего не изменилось, да и самих этих двух с половиной лет как будто не было — ей показалось, что она лишь вчера в последний раз шла вот по этому коридору, раздевалась в этом гардеробе, поднималась вот по этой самой лестнице...

...Несмотря на то, что актовй зал был полон гостей, выпускников было относительно мало — учитывая то, что школа недавно отметила свой пятидесятый выпуск. Бывшие ученики были разного возраста, от восемнадцати и старше, некоторые выпуски представляли не более двух-трёх человек, но молодёжь отличилась абсолютной активностью: Наташкин класс пришёл почти в полном составе — и те, кто по воле обстоятельств остались в родном городе, и те, кто приехали на каникулы или просто на выходные. Собравшись одной большой компанией, бывшие одноклассники весело общались, пока директор школы вела торжественную часть. Радостно улыбаясь друзьям, Наташа, тем не менее, не могла избавиться от чувства тревоги. Позвонив утром, Дима больше не выходил на связь — его телефон был отключен. По стечению обстоятельств, Светлана Петровна задержалась на работе, а Валерий целый день провёл в дневном стационаре — после операции ему нужно

было какое-то время выполнять обязательные процедуры и находиться под строгим врачебным контролем. Вернувшись лишь около шести вечера, он сразу занялся внуком, и Наташе было неловко просить его перезвонить Анне Сергеевне, так как он уже разговаривал с ней рано утром. Сама же она позвонить ни ей, ни Александру Ивановичу не могла...

О том, что она идёт на вечер встречи выпускников, Наташа написала Диме на почту ещё днём, но до сих пор не знала — прочёл он её сообщение или нет, да и где он сам и почему отключил телефон, она тоже не знала.

Успокаивая себя тем, что, если бы что-то случилось, то свекровь позвонила бы обязательно, она надела светлые джинсы, светлый трикотажный джемпер, распустила волосы, расцеловала, по обыкновению, Валерика и, оглядев себя напоследок в зеркало, выпорхнула из дома.

...Вечер был в самом разгаре. Впервые за последний месяц развеселившись по-настоящему, Наташа танцевала в кругу школьных друзей.

— Добрый вечер, Наташенька! — завуч, миловидная женщина лет пятидесяти, дружески приобняла её, — У нас к тебе огромная просьба. Ты не спела бы что-нибудь из своего репертуара под гитару?

— Нет, — она отрицательно покачала головой и, показав на горло, виновато развела руками.

— У тебя горло болит? — участливо спросила женщина.

— Нет, — снова замотав головой, Наташка сжала губы.

— Ты говорить не можешь? — догадалась завуч.

— Да, — теперь она кивнула.

— Боже, какая жалость... Мы так хотели тебя послушать, — она искренне расстроилась, — мы слышали о твоих успехах, тебя ведь даже по радио крутят?

Грустно улыбнувшись, Наташа развела руками. Она вдруг только сейчас, впервые за всё время своего вынужденного молчания, вдруг осознала истинный трагизм своего положения... Возможно, она н и к о г д а больше не сможет петь... Возможно, она н и к о г д а больше не выйдет на сцену...

Стараясь отмести от себя эти мысли, она вернулась к дпузьям.

— Серёга себе девчонку нашёл, знаешь? — кивнув на Шустова, рыженькая одноклассница толкнула Наташу локтем в бок.

— Ага, — зная заранее, что сквозь грохот музыки её шёпот не услышит никто, Наташа только кивнула.

— Наконец-то, а то все думали, что так девственником и останется, — прыснула девушка, — тебя-то проглядел.

— Потанцуем? — как будто услышав, что разговор идёт именно о нём, Шустов подошёл к Наташе и протянул руку. Улыбаясь, она кивнула и положила руки ему на плечи.

— Ты ещё долго будешь у родителей? — наклонившись, спросил Сергей.

— Не знаю, — она пожала плечами.

— А я решил жениться... — без перехода сообщил парень и Наташа, кивнув ему вместо ответа, подняла большой палец, — Но я хочу, чтобы ты знала... — он выдержал паузу и,

поймав её удивлённый взгляд, снова наклонился к ней, — Я хочу, чтобы ты знала, что любить я буду только тебя...

Отрицательно качая головой, она испуганно смотрела ему в глаза, но он упрямо кивнул ей в ответ...

Вернувшись к девчонкам, Наташа достала из кармана телефон и, посмотрев на время, подумала, что пора идти домой.

— Ты, что, уже собралась? — заметив это, рыженькая девушка огорчённо взглянула на подругу.

— Да, — кивнула ей Наташа.

— Ну, давай, ещё немного позажигаем, хотя бы один танец, — девушка потянула её за руку, — Наташка, мы тебя столько не видели...

— Ну, ладно, — ответив одними губами, та кивнула.

— Ну, что там за тормоза? — нетерпеливо поглядывая на диджея, который излишне долго возился с ноутбуком, заворчали девчонки, — Танцевать охота...

— Что, музон закончился? — две девушки, вернувшиеся с перекура, с интересом оглядывались по сторонам, — Да, кстати, девчонки, у нас в параллельных была Морозова? — вспомнив о чём-то, одна из них обвела всех взглядом.

— Не помню... — веснушчатая пожала плечами, — Вроде, нет... А что?

— Да там, на улице, какой-то парень спрашивал какую-то Наташу Морозову, назвал наш год выпуска и наш класс...

— Какой парень?! — встрепенувшись, Наташка вцепилась девушке в локоть, — Где он?!

— Ну, такой... высокий, красивый... классный, в общем... — та недоумённо посмотрела на Наташу, — А ты, что, знаешь Морозову?

— Куда он пошёл?! — в её шёпоте было столько неподдельного отчаяния, что его расслышали все, кто находился рядом...

— Не знаю... Он, вроде, в школу заходил, потом к нам подошёл...

— И что ты ему сказала?! — Наташка испуганно смотрела своими огромными глазами, так, что девушка сама перепугалась не на шутку.

— Сказала, что в нашем классе такой точно не было...

— Ой, мама... — зажав рот ладошкой, она бросила взгляд на входную дверь, потом на девчонок и, рванув с места, тут же выбежала из зала.

— Так Наташка же и есть — Морозова! — догадавшись, веснушчатая девушка всплеснула руками, — точно, к ней муж приехал... тот, музыкант который...

— Ой, побежали, посмотрим?..

...Выскочив на школьное крыльцо, она лихорадочно огляделась, потом сбежала со ступеней и кинулась к воротам — на автомобильной стоянке Диминой машины не было... Пробежав около тридцати метров по пешеходной дорожке, она вдруг заметила выезжающий из-за угла автомобиль. Приглядевшись, в свете фонарей узнала их «фольксваген» и бросилась к нему, но автомобиль повернул в другую сторону...

— Дима... — по инерции пробежав за ним ещё несколько десятков метров, она поняла, что на большее сил уже не хватит... Набирая скорость, машина уезжала прочь, и Наташка, тяжело дыша, остановилась в полном изнеможении. Жуткие картины калейдоскопом замелькали перед её глазами: Дима приезжал за ней, но дома её нет... он заходил в школу, но ему сказали, что на вечере её тоже нет... А, вдруг, он подумал, что она обманула родителей и пошла совсем не на вечер... А что, если он видел, как она танцевала с Серёжкой?! Вдруг, он подумал что-то плохое... Он уехал и не приедет за ней больше никогда...

Все эти мысли пронеслись в её голове с невероятной скоростью...

Он был тут... он был совсем рядом... был... но он уехал... он снова уехал от неё...

— Ди-и-и-ма-а-а-а!.. — в крайнем отчаянии выкрикнув его имя из последних сил, она даже не поняла в первый момент, что это был не ставший уже привычным шёпот... это был н а с т о я щ и й крик — в полный голос!..

Глядя на опустевшую дорогу, она ревела от нахлынувшего на неё горя... Она даже не сразу слышала, что в кармане звонит телефон...

— Наташка... ты сейчас где? — Дима говорил почему-то испуганно, — Я был в твоей школе, но мне сказали, что тебя там никогда не было... Может, я школу перепутал?.. Напиши мне смс...

— Димочка... я здесь... пожалуйста, вернись... — чуть хриловатым, но настоящим голосом произнесла она, и веря, и не веря, что он позвонил сам...

...Она так и стояла, как вкопанная, на тротуаре, пока вдалеке не засветились фары приближающегося автомобиля...

— Ты с ума сошла?! — выскочив из машины, он сорвал с себя пальто и, закутав её, буквально втолкнул в прогретый салон.

— Дима... Димочка... — дрожа всем телом, она совсем не чувствовала холода, только сильнее прижималась к его груди.

— Я подумал, что я школу перепутал... — обняв её одной рукой, другой он держал холодные ладошки, согревая их своим дыханием, но, вдруг, замерев, удивлённо повернул голову, — Подожди... мне показалось, или ты, действительно, говоришь полным голосом?!

— Да... кажется... — до неё только сейчас окончательно дошло, что она больше не шепчет.

— Когда это произошло?!

— Только что... Я испугалась, что ты уехал... насовсем уехал...

— Наташка... — не находя слов, он облегчённо вздохнул, — Больше я от тебя никуда не уеду...

* * *

— Вот это номер... — глядя на вошедших дочь и зятя, рассмеялся Валерий, — Пошла

дочка на танцы, а вернулась с кавалером... Дима, ты откуда?!

— Из школы, — рассмеялся в ответ Дима, — но это неважно... Думаю, Наташка вас удивит ещё больше...

— Что такое? — Смольников переводил взгляд с дочери на зятя.

— Папа... — она радостно бросилась отцу на шею, — ты слышишь, как я говорю?! Я говорю...

— Вот это новость так новость!.. — Валерий обнял дочь, потом, отстранившись, махнул рукой, — Тогда я пошёл ставить чайник и греть ужин!

— А ты что, даже домой не заезжал? — проводив взглядом отца, Наташа удивлённо обернулась на мужа.

— Не-а, — лукаво улыбнулся Дима, — я прочитал днём твоё сообщение, решил ничего не говорить... Приехал, спросил, где находится пятнадцатая школа... Потом нашёл... увидел девчонок на улице, решил узнать... Только не сообразил, что нужно спрашивать Наташу Смольникову, а не Морозову...

— А, если бы я не услышала случайно их разговор... Что бы ты делал?

— Сюда бы приехал, — Димка весело пожал плечами, — уж, наверное бы, не потерялся...

— А, вдруг, потерялся бы? — она обвила руками его шею, заглянула в глаза, — Дим... я поняла, что я не смогу без тебя жить...

— Я тоже понял... Я без тебя не смогу жить, Наташ...

...Они проговорили почти всю ночь... Наташе казалось, что она не видела его целую вечность. Лёжа в его объятиях, она слушала всё, что он ей рассказывал, и последние сомнения и страхи уходили прочь. Он её любит... а это — самое главное.

— Как же ты теперь?.. — запрокинув голову, она заглянула ему в глаза, — Ты не сможешь без группы...

— Я без тебя не смогу, Наташ... без Валерки не смогу... а с остальным как-нибудь разберусь.

— Дим, ты спи... Ты ведь ещё после болезни не оправился, и целый день в дороге... Спи... — она прижалась к нему так тесно, что он кожей почувствовал, как дрожат её ресницы.

— Подожди... — ласково отодвинув её, он вдруг встал и, подойдя к детской кроватке, осторожно взял на руки спящего сына, потом аккуратно переложил его в середину их постели и снова лёг.

— Он даже не проснулся в твоих руках, — глядя на малыша, ласково улыбнулась Наташа.

— Знаешь, как я мечтал... вот так... обнять вас обоих... и спокойно уснуть, зная, что вы рядом...

— А мы тоже мечтали...

— О чём?..

— Чтобы ты нас обнял...

На следующий день, выслушав Наташины сомнения по поводу Виктории Говоровой, Дима сам перечитал все сообщения на её профиле.

— Да, действительно, какой-то странный товарищ... — изучая аватарку её виртуального собеседника, задумчиво произнёс он, — Слушай, а ты не помнишь, под каким ником был профиль Фишера, когда ты на него случайно попала?

— Нет, точно не помню, — она покачала головой, — но, конечно, не настоящие имя и фамилия. Там было что-то такое, что вызывает доверие, мне так показалось, хотя я только мимолётно обратила внимание.

— В принципе, это и неважно, — Дима ещё раз перечитал сообщения, — имя можно менять по пять раз на дню... Знаешь, что... У меня есть идея на этот счёт... Сейчас я тебе всё расскажу, но ты должна понять, что мы просто будем делать общее дело. И ничего личного. Хорошо?

— Хорошо... — согласно кивнула Наташа.

— Я узнавал у Марины насчёт инфы о Фишере... Так вот она сказала, что о нём давно знают, но по каким-то причинам он долгое время остаётся на свободе. Я перезвоню ей и всё расскажу. В любом случае, в одиночку ты ничего бы не смогла сделать. Ты вообще ничего не смогла бы сделать...

— Хорошо, — кивнула Наташа.

— Кстати, а чей это ноутбук?

— Это Серёжкин ноутбук. Но ты должен понять меня... Это — наше общее дело и ничего личного... — серьёзным тоном произнесла она, но потом, не выдержав, рассмеялась, — Дим, я попросила его у Сергея, потому, что мне нужно было войти в свой аккаунт... А потом я с него писала тебе сообщения...

— Те самые?

— Те самые...

* * *

Когда через пару дней в квартире Морозовых раздался долгожданный звонок, Анна и Александр одновременно кинулись открывать входные двери.

— Я ключи куда-то засунул, поэтому пришлось позвонить, — Дима, с Валериком в одной руке, с дорожной сумкой — в другой, переступил порог квартиры, — принимайте внука.

— Зайчик мой сладкий! — Анна протянула руки к ребёнку, — Господи, как я по нему соскучилась!

— А я?! — радостно поздоровавшись с сыном и невесткой, Александр нетерпеливо стоял рядом, — Ну, всё, подержала, давай и мне подержать...

— Мне кажется, он подрос, — Анна Сергеевна с умилением смотрела на Валерку, — да-да, он подрос!

— Мужик! — дед расцеловал внука в обе щёки, — Ну, идём раздеваться!

— Наташа... — вспомнив вдруг о вернувшейся невестке, Анна виновато обняла её, — ты уж прости... Все эмоции на Валерика... Но я так рада тебе... правда...

— Здравствуйте, Анна Сергеевна, — обняв ту в ответ, улыбнулась Наташа, — и я очень рада.

— Давайте, раздевайтесь, у меня всё готово, так что можно сразу за стол... — Анна махнула рукой в сторону кухни, — Только руки помойте!

— Сейчас... — повесив Наташкину курточку в шкаф, Дима заключил её саму в объятия, — С приездом... Наташка... я так по тебе соскучился...

— Я тоже... — закрыв глаза, она прижалась к его груди, — Дим... я так рада, что вернулась...

— Ну, где вы?! — Анна нетерпеливо выглянула из кухни, — Остывает же!.. Саша, ты раздел Валеру? — эти слова относились уже к супругу.

— А как же! — тот радостно вышел из гостиной с внуком на руках, — Мы уже раздетые, и хотим кушать!

— Ты иди, а я сейчас, — кивнув Наташке, Дима вытащил сигналивший мобильник и прошёл в свою комнату, — Да, Марин. Привет. Да, слушаю... Значит, всё-таки угадали... Да не за что. Это — чистая случайность, и, если уж говорить спасибо, то Наташе. Ну, тогда всё хорошо... Информацию мы им скинули, остальное — дело органов.

— Ну, что? — Наташа смотрела на Димку во все глаза, когда они после обеда вернулись в свою комнату.

— Всё нормально. Твою информацию приняли к сведению, девочку разыскивают.

— Значит, я всё-таки, опоздала?! — испуганно спросила Наташа, — Это я виновата, что не сразу написала...

— Нет, ты вообще ни при чём. Они там считают, что к тому моменту, когда ты прочитала переписку этой девочки с Фишером, она уже пропала. Поэтому она и не отвечала тебе.

— А что теперь?..

— Теперь, я думаю, органы докопаются до истины.

— А как?

— Ну, не знаю... Как вариант, взломают её профиль и прочтут всё сами, а потом и до профиля Фишера доберутся.

— А если он его удалит?

— Любой профиль восстанавливается, так же, как и любая удалённая инфа. Потом найдут айпи-адрес, ну, в общем, у всех есть свои секреты... Да, кстати, — он как будто что-то вспомнил, — завтра с утра мы с тобой едем к фониатру.

— Дим... А, вдруг, фониатр скажет, что я уже никогда не смогу петь?

— Почему не сможешь? Теперь уже точно сможешь, просто, скорее всего, нужно будет пройти ещё курс лечения.

— Знаешь, всё это время я старалась не думать о том, что у меня больше нет голоса... А вот сейчас мне по-настоящему стало страшно... Что было бы, если бы я снова не заговорила?

— Всё уже хорошо... Не думай об этом. У нас с тобой будут дела поважнее.

— Что ты имеешь в виду?

— Твой сольный проект. У меня уже есть новые идеи... При чём, грандиозные идеи.

— Но как ты их будешь воплощать? — улыбнулась Наташа, — У нас нет денег...

— Зато у нас есть песни, есть уже поставленные номера, есть даже штат артистов, которые, думаю, не откажутся выступить на твоём сольнике... Есть ты, наконец... А

деньги... Ну, будем работать по варианту «билетная касса»... Думаю, что на твои концерты публика обязательно пойдёт.

— Но мы с тобой теперь бездомные...

— Мир не без добрых людей, — Дима загадочно улыбнулся, — я бы сказал, что добрых людей гораздо больше...

— Дим, ну, расскажи...

— Ну, что рассказывать... — он развёл руками, — собирайся, поедem, сама всё увидишь.

— Собираться?! Прямо сейчас?! — она изумлённо смотрела на него, — Ты же устал с дороги, тебе нужно отдохнуть.

— Не хочу, — он подошёл к ней близко, обнял, прижавшись губами к макушке, — Наташ... я и так почти десять дней отдыхал. А мне хочется работать... Тем более, теперь я буду работать только на себя. И учти... — он шутливо заглянул ей в лицо, — Тебе со мной покоя тоже не будет!

— А я согласна... — она счастливо затихла в его руках, — Я на всё согласна, лишь бы с тобой... И чтобы не расставаться...

* * *

— Ну, что, догадалась, куда я тебя привёз? — остановив машину, он хитро посмотрел на Наташу.

— Да... — она радостно-удивлённо смотрела в боковое стекло, — Дим, ты можешь мне не поверить, но я почему-то именно об этом и подумала, когда мы только отъезжали от дома.

— Ну, так и должно быть. Муж и жена — один сатана, должны думать в унисон. Ну, что, идём? — он взялся за ручку двери.

— Идём, — несмотря на улыбку, Наташка заметно волновалась...

Открыв уже знакомую ей дверь, она первой вошла в небольшое студийное помещение.

— Здравствуйте! — она буквально засветилась от радости, увидев сидящего за компьютером мужчину с небольшой оладистой бородкой и длинными, волнистыми, стянутыми на затылке волосами.

— Наташа, вот так встреча!.. — в первое мгновение застыв от неожиданности, Костя стремительно встал со стула и, подойдя к девушке, дружески её обнял, — Рад безумно!..

— И я рада, — взглянув на Романова, она обернулась на дверь, — войдя вслед за ней, Дима скромно стоял в ожидании своей очереди поздороваться.

— Добрый день, — приветливо кивнув, Костя поздоровался первым.

— Добрый день, — кивнул в ответ Морозов, — Я — Дима.

— Я уже понял. А я — Константин, можно Костя, — хозяин протянул Димке руку, — Женька придёт чуть позже, да он, собственно, нам и не нужен.

— Я бы хотел сначала оговорить условия, — Дима серьёзно посмотрел на Романова, — аренда помещения, аренда аппарата, может, ещё что-то дополнительно...

— Сразу видно — деловой человек, — Костя шутливо глазами показал Наташке на

Диму, потом взглянул на него уже серьёзнее, — Аренды помещения как таковой у меня нет, оплачивать нужно только коммуналку. А аренда аппарата... Ну, скажем так, её тоже не будет, а будет стоимость аппарата, с учётом его износа. Но аппарат у меня не старый, и, как видишь, не дешёвый, так что я предлагаю его просто выкупить за часть стоимости, выплачивая в течение, скажем, года... Если вас такой вариант устроит, то...

— Устроит, — Дима охотно кивнул, — я уже вижу, какой аппарат. Меня вполне устраивает.

— Ну, тогда — по рукам? — Костя охотно протянул свою руку.

— По рукам, — Дима крепко пожал его ладонь.

— Костя, а вы — куда? — Наташа растерянно смотрела на Романова.

— А я уезжаю к жене, в Германию. Пока на год, а там видно будет...

— Жаль, — она грустно улыбнулась, — я думала, мы будем общаться, как раньше.

— Обязательно будем, — развёл руками Костя, — я же не бабочек ловить еду, а заниматься творчеством, не отрываясь от семьи...

— Понятно, — кивнула Наташа, — тогда успехов вам.

— Думаю, мы ещё увидимся, — Костя внимательно посмотрел на Диму, — я там оставил адрес своего скайпа. Как только будет что-то готово, свяжемся, я посмотрю, послушаю... Если всё будет на уровне, то зарубежные гастроли постараюсь вам обеспечить...

— У Димы всё будет на уровне, — Наташа взяла мужа за руку, — даже не сомневайтесь.

— Я тебе верю, — улыбнулся Костя, — а про твой уровень знаю лично... Так что, работайте, ребята.

Грохот за дверью заставил оглянуться всех присутствующих.

— Чё, нормалёк, — оглядывая стены и потолок, Говоров и Мазур одновременно ввалились в помещение.

— Во... — Сашка бесцеремонно прошёл в тон-зал, — значит, барабаны — сюда... синтез — сюда... Мазура в дальний угол...

— А чё это меня — в дальний угол? — Витька возмущённо смотрел на друга.

— А чтобы не высовывался...

— А вы чего? — увидев ребят, Дима улыбался как-то радостно-удивлённо, — Вы откуда?

— Мы — оттуда, — кивнув головой куда-то себе за спину, Сашка по-хозяйски прошёлся по аппаратной.

— Может, объясните?! — Дима внимательно следил за его передвижениями.

— Ща Жека придёт и объяснит...

— Костя?.. — Морозов перевёл взгляд на хозяина студии, — Я что-то не понял...

— Я так думаю, что это — тебе сюрприз, — Романов пожал плечами, — сейчас, наверное, расскажут...

— А чё рассказывать?.. — Сашка заложил руки в карманы брюк, — Димыч, мы так подумали, что нам без тебя у Лапы делать нечего...

— Подожди... — Дима нахмурил брови, — но вы понимаете, что нам придётся теперь самим бороться за своё творчество? Мы ведь даже название группы оставили там, в центре...

— Ни фиги! — Сашка замотал головой, — Мы как были «Ночной патруль», так и будем.

— Обоснуй, — Дима уставился на него любопытным взглядом.

— А чё обоснуй... У него прав на название нет? Нет. Мы название менять не будем. А, если он и наберёт состав, то пусть они сначала докажут, что они и есть — настоящий «Ночной патруль». А мы будем по старой схеме работать...

— Ну, в принципе, ничего противоправного нет, — Дима согласно кивнул головой, — к тому же, у нас уже есть заявленные гастролы... Да, а как Женька? Мы же с ним уже договорились...

— Женька, в принципе, согласен встать за клавиши, если ты захочешь быть чисто вокалистом...

— Я думаю, всё разрулим, тем более, у меня теперь личный проект, — обхватив сзади руками Наташку, Дима улыбнулся.

— А что, у твоего проекта голос появился? — Сашка удивлённо посмотрел на них обоих.

— Появился, — рассмеялась Наташа, — а ты как думал?!

— Ну, тогда вообще — нормалёк!

* * *

— Дим, а разве так бывает? — уже сидя в машине, Наташа посмотрела на мужа.

— Как? — обернулся он к ней.

— А вот так, чтобы в один день столько проблем решилось... Я до сих пор не могу поверить, что всё так закончилось...

— Пока не закончилось, Наташ, — он вздохнул, — нам с тобой столько работы предстоит... Но это уже другая история.

— Всё равно... так удивительно...

— Знаешь, недавно мне мама сказала, что в жизни не бывает случайностей... Любая мелочь — она не случайность, а звено в цепи событий, влияющих на нашу жизнь. Что-то нашёл — не просто так... Что-то потерял — значит, так нужно...

— Знаешь, впервые за много дней, мне вдруг захотелось есть... — неожиданно засмеялась Наташа.

— Открой бардачок, там где-то шоколадка должна быть.

— Ага, сейчас... — открыв отделение для перчаток, она просунула руку в поисках шоколада, — А это что такое? — нащупав рукой какой-то свёрток, Наташа сразу поднесла его к лицу, — Ух ты, какой запах... травяной...

— Надо же... а я совсем про него забыл, — Дима качнул головой, — он тут уже полгода лежит...

— А что это? — она внимательно разглядывала свою находку.

— Это трава... Когда ты лежала в больнице, твой друг, Сергей, приходил ко мне и просил тебе её передать. Он сказал, что это его мать собирала.

— А, понятно, — кивнула Наташа, — она у него по травам специалист... А для чего эта трава, он не сказал?

— Он сказал, что тебе сейчас её просто необходимо пить... а я, честно говоря, не очень доверяю таким методам лечения... положил её сюда, а потом совершенно забыл. Если бы не

шоколадка...

— При чём тут шоколадка? — рассмеялась Наташа, — Просто мне захотелось есть...
Вот к чему такой поворот, а? — она шутливо нахмурила брови.

— Не знаю... — Дима весело развёл руками, — может, тебе нужно травки пожевать?

— Ну, можно и пожевать... — она согласно кивнула, — Только от чего эта трава?
Серёжкина мать просто так бы не передала...

— Вообще-то он сказал... — как будто вспомнив о чём-то, Дима внимательно посмотрела на жену.

— Ну, от чего? — она вопросительно посмотрела на него.

— Не от чего, а для чего, — пряча улыбку, поправил её Димка.

— Ну, для чего?! — она нетерпеливо потормошила его за колено, — Ди-и-им...

— Он сказал... он сказал, для того, чтобы дети рождались...

— Подожди, Валер, — Дима взял в руку ладошку сидящего у него на коленях трёхлетнего малыша, которой тот с очень серьёзным видом наигрывал мелодию собственного сочинения на клавишах синтезатора, — Мне звонят.

— Кто звонит, мама? — ребёнок запрокинул голову, заглядывая отцу в глаза.

— Нет, пока не мама, — ответил тот, поднося трубку к уху, — Саня звонит. Да, Саш!

— Димыч, я сейчас мимо «Кри-Стара» проезжал, у них на дверях огромный плакат — «Сдаётся в аренду»...

— Да, я в курсе. Этот плакат у них уже недели три висит, а сам продюсерский центр они закрыли ещё прошлой осенью. Помещение просто пустовало.

— А что случилось, не в курсе?

— Нет, Саш, не в курсе. С тех пор, как мы в свою студию перебрались, я ни Лапина, ни Кристину больше не видел. Хотя, нет... Видел, но мельком, год назад, когда следствие по делу Фишера шло. Тогда Наташу вызывали как свидетеля, вот мы и столкнулись с Лапиным у кабинета следователя. А больше не виделись.

— Недолго они без тебя протянули, — Сашка хмыкнул, — всё же правильно ты сделал, что ушёл от них.

— Да, нет худа без добра, — Дима улыбнулся, — Зато теперь ни от кого не зависим. Кстати, завтра сможешь со мной съездить часика на полтора?

— Не вопрос, а куда?

— Продаётся большая площадь, недалеко от центра, как раз то, что я хотел под новую студию. Судя по описанию, там хватит места и под видеостудию, и под репетиционный зал, и под другие помещения.

— Договорились. Давно пора тебе свой центр открыть. Связи налажены, проекты новые у тебя давно на свет просятся, а помещение небольшое. Шоу-балет чуть не на улице репетирует...

— Саня, ты же знаешь, что у меня сейчас только два проекта — «Ночной патруль» и Наташка. Это сейчас у неё передышка, если так можно сказать, а вообще — как назло, в последние недели столько звонков — и по концертам, и по корпоративным выступлениям... — Он засмеялся, — Ну, где они раньше были?

— Да ничего, никуда заказчики не денутся. Пару месяцев — и снова начнёте работать...

— Я не загадываю, Сань... Главное, чтобы всё благополучно...

— Всё нормально будет, — с едва уловимой ноткой грусти ответил Говоров, — Ты что, музыку пишешь?

— Не я, — улыбнулся Дима, — Валерка.

— Ну, тогда до вечера, на репетиции увидимся, — попрощавшись, Говоров отключился.

— Папа, а когда мама приедет? — старательно нажимая на клавиши, Валерик грустно вздохнул, — Я соскучился.

— И я соскучился, — в ответ ему вздохнул Дима, — надеюсь, скоро...

— А поставь кино пло маму?

— Мы сегодня уже два раза смотрели кино про маму, — Дима прижался губами к пушистой белой макушке сына, — сейчас я отведу тебя к бабушке с дедушкой, вот, если хочешь, они тебе кино про маму включат.

— А ты?

— А я — на репетицию.

— И я хочу на лепетицию!

— Ты хочешь к бабушке.

— На лепетицию, — серьёзным тоном ответил Валерик, — меня Саня будет учить стучать на удалнике.

— Не Саня, а дядя Саша.

— Он сказал, сто он — Саня, — назидательно ответил малыш.

— Годика через два пойдёшь в музыкальную школу, — Дима улыбнулся, — только не на ударник, конечно.

— На фолтепьяно, — Валерик серьёзно кивнул отцу, — так бабуска сказала. А дедуска сказал, сто на бубен...

— Ну, дедушка скажет, — Дима рассмеялся, — ты бабушку слушай, она правильно сказала.

— Да, — опять кивнул Валерик, — только... только я хочу не на фолтепьяно...

— А на чём ты хочешь играть? — Дима удивлённо посмотрел на сына.

— На басухе, — с важным видом малыш повернулся к отцу, — как Мазулик.

— Не Мазурик, а дядя Витя.

— Мазулик. Его так мама зовёт. И тётя Юля.

— Понятно, — Дима обречённо махнул рукой.

— И мне не надо в сколу. Чего я там не видел? — хмыкнув как взрослый, Валерик развёл руками и пожал плечами, — у меня сто, лодители — не музыканты, сто ли?

— А это тебе кто сказал? — Дима подозрительно прищурился, — Саня или Мазурик?

— Саня. И Мазулик.

— Ну, я сегодня с ними сам поговорю, — в шутку нахмурившись, Дима кивнул головой, — вот только увижу.

— Папа, я с тобой, — перевернувшись у него на коленях, Валерка трогательно обнял Диму за шею, — На лепетицию.

— Нет, — обнимая его в ответ, Дима ещё раз поцеловал макушку сына, — Сегодня ты идёшь к бабушке с дедушкой. Потому что я с репетиции поеду сразу к маме.

— Папа, а у неё уже есть Анечка?

— Не знаю... — Дима растерянно поднёс к уху телефон, — мама не отвечает...

Но скоро будет. Я очень надеюсь.

— Да, — малыш согласно кивнул и заученно повторил, — и будет у нас два мальчика и две девочки.

— Да, два мальчика и две девочки, — Дима озабоченно нахмурился, — надевай тапочки и пойдём к бабушке с дедушкой.

— Я сам, — слезая с колен отца, Валерик кинулся в прихожую их квартиры, — папа, можно — я сам?

— Нет, — Дима открыл дверь, — пока нельзя. Подрастёшь — тогда можно будет.

— А отклыть?

— Открыть — можно, — достав из кармана ключ от квартиры родителей, Дима отдал его сыну и поднял его на руки — так, чтобы малыш мог попасть в замочную скважину соседней двери, — открывай.

— Мой зайчик пришёл, — Анна радостно подхватила внука на руки, — ну, что, пойдём ужинать? Уже пора.

— Пойдём, — с серьёзным видом кивнул Валерик, — Узе пола.

— Да, Наташа! — Дима судорожно нажал на клавишу, — почему ты трубку не брала?! Что?! — он радостно вытаращил глаза, — Наташка... ну, почему ты утром ничего не сказала?! Я ведь чувствовал... Наташа... — он заговорил тише, — Я тебя очень люблю... Очень...

— Дима, что?! — Анна выглянула из кухни, — Что?!

— Всё нормально... — он счастливо улыбался, — у вас родилась внучка... Анечка...

— Бабушка! — Валерка выбежал из кухни и дёрнул Анну за полу халата, — тепель у нас два мальчика и две девочки!

— Господи, — Анна радостно всплеснула руками, — Надо Саше позвонить... Дима, — она ещё раз посмотрела на сына, — спасибо тебе, что ты решил её так назвать...

— Это не я, — улыбаясь, он покачал головой, — Так решила Наташа.

— Правда?.. — Анна удивлённо качнула головой, — Спасибо... Дима... — она слегка замялась, но потом подняла на сына счастливые глаза, — мы с папой думаем, что вам сейчас не стоит жить отдельно...

— Мам, — он засмеялся, — мы и так через стенку живём, — куда уже не отдельно?

— Дима, — она говорила мягко, но довольно настойчиво, — мы уже всё продумали. Кровать Валерику мы купили, она стоит в нашей спальне. А ваша с Наташей комната — она как была, так и есть, вот и поживёте в ней... пока... Я же знаю вас... Через месяц у неё какой-нибудь концерт наметится...

— Мам, какие концерты... — Дима махнул рукой, — пусть сначала их выпишут, лишь бы всё хорошо было...

— Да знаю я вас.

— Не выдумывай, ма... Сейчас... — он достал сигналящий телефон, — Да... Да, это я... Наталья? — замявшись, он бросил мимолётный взгляд на мать, — Наталья пока не выступает... Нет-нет, вы правильно позвонили... Ну, если на будущее... Сегодня у нас седьмое сентября... Перезвоните где-то через месяц, я вам более подробно сообщу о наших новогодних планах...

— Ну, я же говорила!.. — Анна победно посмотрела на Диму, — Знаю я вас...

* * *

— Дедуска, — забравшись на колени к Александру Ивановичу, Валерик кивнул на стоящий в углу гостиной инструмент, — Я Анечке фолтепьяно подаю.

— А сам на чём будешь играть? — Морозов-старший улыбнулся.

— Да на басухе зэ! — развёл руками внук, — ты сто, не знал?

— Нет, ты вчера вроде на ударнике собирался стучать...

— Бабушка сказала, сто удалник она купить не лазлесьт, — малыш огорчённо вздохнул, — а Мазулик сказал, сто басуху легче сплятать от бабушки, чем удалник...

— А почему ты не хочешь, как папа — на синтезаторе? — рассмеялся Александр.

— Я хочу... но он — папин... Гитала — мамина... А фолтепьяно я Анечке

подалил... — рассудительно произнёс Валерик.

— А басуху-то где возьмёшь? — веселился дедушка.

— Так у Мазулика зэ!

— О чём вы тут? — Анна вошла в гостиную, — Так веселитесь...

— Да вот, решаем, на чём Валера будет играть...

— Где играть? — нахмурилась Анна.

— Как?! — ребёнок вытаращил на неё свои синие-пресиние глазёнки, — Дима и Валера Молозовы, глупа «Ночной патруль»... — он ещё посмотрел на неё несколько секунд, потом спросил с искренним участием, — Ты сто, не знала?..

— Я догадывалась, — Анна обречённо махнула рукой, — Надеюсь, Анечка будет более серьёзной в отношении музыки.

— Да! — Валерик с готовностью кивнул и сделал широкий жест рукой, — Тем более, сто инструмент я ей узэ подалил...

Больше книг на сайте — Knigolub.net